

Антология мысли

ДАО

гармония
мира

ДАО

*гармония
мира*

«ЭКСМО-ПРЕСС»

Москва
«ФОЛНО»
Харьков
1999

УДК 89
ББК 84(5 Кит)
Д 12

Разработка серийного оформления
художника *Е. Клодта*

Серия основана в 1997 году

Текст печатается по изданиям:

Атеисты, материалисты, диалектики Древнего Китая. — М.: 1967;

Даосская йога. — Бишкек: МП «Одиссей»;

Гл. ред. Киргизской энциклопедии, 1993;

Вопросы философии и психологии. — М. — Кн. 18(3). — 1894,
Кн. 23(3). — 1894;

Заклятие даоса: Китайские повести XVII в. — 2-е изд. — М.:
Наука, 1987;

Возвращенная драгоценность:

Китайские повести XVII в. — 2-е изд. — М.: Наука, 1986;

Древнекитайская философия:

Собрание текстов. В 2 тт. — М.: Мысль, 1972. — Т. 1.

Перевод с древнекитайского

Д 12 Дао: гармония мира. — М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс;
Харьков: Изд-во Фолио, 1999. — 864 с. (Серия «Антология
мысли»).

ISBN 5-04-003876-3 (ЭКСМО-Пресс)

ISBN 966-03-0527-3 (Фолио)

УДК 89
ББК 84(5 Кит)

© Издательство «Фолио». Текст
на русском языке, 1999 г.

© ЗАО «Издательство
«ЭКСМО-Пресс».
Оформление, 1999 г.

ISBN 5-04-003876-3 (ЭКСМО-Пресс)
ISBN 966-03-0527-3 (Фолио)

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Основоположником даосизма по традиции считается Лао-цзы, живший в Китае в VI—V вв. до н. э. Достоверных сведений о его жизни история не сохранила, но первый китайский историк Сыма Цянь в своем труде «Ши цзи» («Исторические записки») поместил короткую биографию Лао-цзы. Он называет мудреца уроженцем царства Чу, сообщает, что звали его Ли Эр (Лао-цзы — это, собственно, прозвище и означает оно «Старый мудрец»), что служил он историком-хранителем государственных архивов в царстве Чжоу и именно там встретился с другим выдающимся философом — Конфуцием. Однако жизнь при чжоуском дворе тяготила Лао-цзы, поэтому он решил выйти в отставку и отправиться путешествовать. На черном быке двинулся он на запад через горный проход Ханьгу. Смотритель одной из пограничных застав остановил философа и сказал, что тот не может покинуть царство, не оставив изложения своего учения. Лао-цзы выполнил его просьбу, составив трактат в пять тысяч иероглифов. Куда дальше пошел «Старый мудрец», никто не знает. Сыма Цянь так завершает жизнеописание Лао-цзы: «Никто не знает, чем он закончил».

Такова легенда, повествующая о появлении главной книги даосского канона — трактата «Дао дэ цзин».

«Дао дэ цзин» — небольшой трактат в двух частях — содержит в себе суть учения Лао-цзы. Главная категория этого учения — понятие *дао* (Путь). Все, что существует, говорится в трактате, произошло от *дао*, чтобы затем, совершив круговорот, снова в него вернуться. *Дао* не только первопричина, но и конечная цель и завершение бытия. *Дао* недоступно чувственному восприятию, его нельзя выразить, или, по словам Лао-цзы, «знающий не говорит, говорящий не знает...» Однако задача человека — познать *дао*, живя в единстве с природой, не нарушая «гармонии мира». Это возможно, если придерживаться принципа недеяния и сохранять в себе чистоту ребенка, говорит Лао-цзы, имя которого можно перевести не только как «Старый мудрец», но и как «Старый ребенок»!

У Чжуан-цзы, самого яркого представителя даосизма, мы находим такое высказывание: «Тот, кто познал *дао*, непременно постигнет закон природы; постигший закон природы непременно овладеет умением соответствовать положению [вещей]; овладевший умением соответствовать положению [вещей] не станет вредить себе из-за вещей, человека совершенных моральных качеств огонь не может обжечь, вода — утопить; ни холод, ни жара не могут причинить ему вреда; ни птицы, ни звери не могут его погубить».

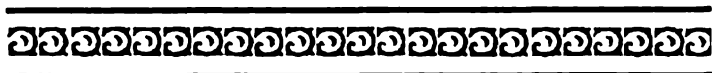
На этом мы остановимся и отошлем читателя к тексту «Дао дэ цзин» и работам последователей Лао-цзы — трактатам «Ле-цзы» и «Чжуан-цзы», помещенным в этом издании¹, хотя их понимание требует определенных знаний и, конечно же, той самой незамутненности ума и непредвзятости, о которых говорят даосские мудрецы.

Следует также сказать о структуре нашей книги. Кроме полного текста «Дао дэ цзин» (в переводе Ян Хин-Шуна), «Лецзы» и «Чжуанцзы» (оба в переводе Л. Позднесвой), в Приложении помещены другие переводы этих же текстов. Например, мы даем первый перевод трактата Лао-цзы, сделанный еще в конце прошлого века (в 1894 г.) японским ученым, выпускником семинарии при Российской духовной академии в Токио Конисси Масутаро (в переводе Конисси название трактата «Тао-те-кин»). В Приложении читатель найдет переводы отдельных глав из «Ле-цзы» и «Чжуан-цзы», выполненные С. Кучерой (в нашем издании в написании собственных имен и названий, а также некоторых специфических понятий сохранены особенности разных переводов).

Особо стоит оговорить появление в нашем издании работы Лю Гуань Юя «Даосская йога. Алхимия и бессмертие». Необходимо отметить, что в даосизме существует и оккультно-мистическое направление, где большое внимание уделяется вопросам психорегуляции и оздоровления, которые достигаются посредством занятий специальными психомедитативными упражнениями, связанными с дыхательными и гимнастическими методиками. Таким образом некоторые даосы старались пробудить в себе высшее духовное начало и зачать внутри себя «бессмертный зародыш» или изготовить «эликсир бессмертия». Для того чтобы читатель познакомился с литературой подобного рода, мы и включили вышеназванную работу Лю Гуань Юя.

В книге читатель найдет и китайские городские повести XVII века, имеющие, по сути, фольклорное происхождение. Нам они показались интересными, поскольку демонстрируют огромное влияние даосской философии и мистики на жизнь китайского общества, отражением которой и явились эти повести, а ведь с момента появления знаменитых даосских трактатов прошло почти к тому времени две тысячи лет.

¹ Сведения об авторах этих произведений содержатся в небольших биографических справках, приведенных в Приложении (стр. 451—452, 465—466).

Дао дэ цзин

КНИГА ПЕРВАЯ

§ 1

Дао, которое может быть выражено словами, не есть постоянное *дао*. Имя, которое может быть названо, не есть постоянное имя. Безымянное есть начало неба и земли, обладающее именем — мать всех вещей.

Поэтому тот, кто свободен от страстей, видит чудесную тайну [*дао*], а кто имеет страсти, видит его только в конечной форме. Оба они¹ одного и того же происхождения, но с разными названиями. Вместе они называются глубочайшими. [Переход] от одного глубочайшего к другому — дверь ко всему чудесному.

§ 2

Когда все в Поднебесной узнают, что прекрасное является прекрасным, появляется и безобразное. Когда все узнают, что доброе является добром, возникает и зло. Поэтому бытие и небытие порождают друг друга, трудное и легкое создают друг друга, длинное и короткое взаимно соотносятся, высокое и низкое взаимно определяют, звуки, сливаясь, приходят в гармонию, предыдущее и последующее следуют друг за другом. Поэтому совершенномудрый, совершая дела, предпочитает надеяние; осуществляя учение, не прибегает к словам; вызывая изменения вещей, [он] не осуществляет их сам; создавая, не обладает [тем, что создано]; приводя в движение, не прилагает к этому усилий; успешно завершая [что-либо], не гордится. Поскольку он не гордится, его заслуги не могут быть отброшены.

¹ Безымянное и обладающее именем.

§ 3

Если не почитать мудрецов, то в народе не будет ссор. Если не ценить редких предметов, то не будет воров среди народа. Если не показывать того, что может вызвать зависть, то не будут волноваться сердца народа. Поэтому, управляя [страной], совершенномудрый делает сердца [подданных] пустыми, а желудки — полными. [Его управление] ослабляет их волю и укрепляет их кости. Оно постоянно стремится к тому, чтобы у народа не было знаний и страстей, а имеющие знания не смели бы действовать. Осуществление недеяния всегда приносит спокойствие.

§ 4

Дао пусто, но в применении неисчерпаемо. О глубочайшее! Оно кажется праотцем всех вещей.

Если притупить его пронизательность, освободить его от хаотичности, умерить его блеск, уподобить его пылинке, то оно будет казаться ясно существующим. Я не знаю, чье оно порождение, [я лишь знаю, что] оно предшествует небесному владыке.

§ 5

Небо и земля не обладают человеколюбием и предоставляют всем существам возможность жить собственной жизнью. Совершенномудрый не обладает человеколюбием и предоставляет народу возможность жить собственной жизнью.

Разве пространство между небом и землей не похоже на кузнечный мех? Чем больше [в нем] пустоты, тем дальше [он] действует, чем сильнее [в нем] движение, тем больше [из него] выходит [ветер].

Тот, кто много говорит, часто терпит неудачу, поэтому лучше соблюдать меру.

§ 6

Превращения невидимого [*дао*] бесконечны. [*Дао*] — глубочайшие врата рождения. Глубочайшие врата рождения — корень неба и земли. [Оно] существует [вечно] подобно нескончаемой нити, и его действие неисчерпаемо.

§ 7

Небо и земля — долговечны. Небо и земля долговечны потому, что они существуют не для себя. Вот почему они могут быть долговечными.

Поэтому совершенномудрый ставит себя позади других, благодаря чему он оказывается впереди. Он пренебрегает своей жизнью, и тем самым его жизнь сохраняется. Не происходит ли это от того, что он пренебрегает личными [интересами]? Напротив, [он действует] согласно своим личным [интересам].

§ 8

Высшая добродетель подобна воде. Вода приносит пользу всем существам и не борется [с ними]. Она находится там, где люди не желали бы быть. Поэтому она похожа на *дао*.

[Человек, обладающий высшей добродетелью, так же как и вода], должен селиться ближе к земле; его сердце должно следовать внутренним побуждениям; в отношениях с людьми он должен быть дружелюбным; в словах должен быть искренним; в управлении [страной] должен быть последовательным; в делах должен исходить из возможностей; в действиях должен учитывать время. Поскольку [он], так же как и вода, не борется с вещами, [он] не совершает ошибок.

§ 9

Лучше ничего не делать, чем стремиться к тому, чтобы что-либо наполнить. Если [чем-либо] острым [все время] пользоваться, оно не сможет долго сохранить свою [остроту]. Если зал наполнен золотом и яшмой, то никто не в силах их уберечь. Если богатые и знатные проявляют кичливость, они сами навлекают на себя беду.

Когда дело завершено, человек [должен] устраниваться. В этом закон небесного *дао*.

§ 10

Если душа и тело будут в единстве, можно ли сохранить его? Если сделать дух мягким, можно ли стать [бесстрастным] подобно новорожденному? Если созерцание

станет чистым, возможны ли тогда заблуждения? Можно ли любить народ и управлять страной, не прибегая к мудрости? Возможны ли превращения в природе, если следовать мягкости? Возможно ли осуществление надеяния, если познать все взаимоотношения в природе?

Создавать и воспитывать [сущее]; создавая, не обладать [тем, что создано]; приводя в движение, не прилагать к этому усилий; руководя, не считать себя властелином — вот что называется глубочайшим дэ.

§ 11

Тридцать спиц соединяются в одной ступице. [образуя колесо], но употребление колеса зависит от пустоты между [спицами]. Из глины делают сосуды, но употребление сосудов зависит от пустоты в них. Пробивают двери и окна, чтобы сделать дом, но пользование домом зависит от пустоты в нем. Вот почему полезность [чего-либо] имеющегося зависит от пустоты.

§ 12

Пять цветов притупляют зрение. Пять звуков притупляют слух. Пять вкусовых ощущений притупляют вкус. Быстрая езда и охота волнуют сердце. Драгоценные вещи заставляют человека совершать преступления. Поэтому совершенномудрый стремится к тому, чтобы сделать жизнь сытой, а не к тому, чтобы иметь красивые вещи. Он отказывается от последнего и ограничивается первым.

§ 13

Слава и позор подобны страху. Знатность подобна великому несчастью в жизни. Что значит, слава и позор подобны страху? Это значит, что нижестоящие люди приобретают славу со страхом и теряют ее также со страхом. Это и называется — слава и позор подобны страху.

Что значит, знатность подобна великому несчастью в жизни? Это значит, что я имею великое несчастье, потому что я [дорожу] самим собой. Когда я не буду дорожить самим собой, тогда у меня не будет и несчастья. Поэтому знатный, самоотверженно служа людям, может жить среди них. Гуманный, самоотверженно служа людям, может находиться среди них.

§ 14

Смотрю на него и не вижу, а поэтому называю его невидимым. Слушаю его и не слышу, поэтому называю его неслышимым. Пытаюсь схватить его и не достигаю, поэтому называю его мельчайшим. Не надо стремиться узнать об источнике этого, потому что это едино. Его верх не освещен, его низ не затемнен. Оно бесконечно и не может быть названо. Оно снова возвращается к небытию. И вот называют его формой без форм, образом без существа. Поэтому называют его неясным и туманным. Встречаюсь с ним и не вижу лица его, следую за ним и не вижу спины его.

Придерживаясь древнего *дао*, чтобы овладеть существующими вещами, можно познать древнее начало. Это называется принципом *дао*.

§ 15

В древности те, кто были способны к учености, знали мельчайшие и тончайшие [вещи]. Но другим их глубина неведома. Поскольку она неведома, [я] произвольно даю [им] описание: они были робкими, как будто переходили зимой поток; они были нерешительными, как будто боялись своих соседей; они были важными, как гости; они были осторожными, как будто переходили по тающему льду; они были простыми подобно неотделанному дереву; они были необъятными подобно долине; они были непроницаемыми подобно мутной воде. Это были те, которые, соблюдая спокойствие, умели грязное сделать чистым. Это были те, которые своим умением сделать долговечное движение спокойным, содействовали жизни. Они соблюдали *дао* и не желали многого. Не желая многого, они ограничивались тем, что существует, и не создавали нового.

§ 16

Нужно сделать [свое сердце] предельно беспристрастным, твердо сохранять покой, и тогда все вещи будут изменяться сами собой, а нам останется лишь созерцать их возвращение. [В мире] — большое разнообразие вещей, но [все они] возвращаются к своему началу. Возвращение к началу называется покоем, а покой называется возвра-

щением к сущности. Возвращение к сущности называется постоянством. Знание постоянства называется [достижением] ясности, а незнание постоянства приводит к беспорядку и [в результате] к злу. Знающий постоянство становится совершенным; тот, кто достиг совершенства, становится справедливым; тот, кто обрел справедливость, становится государем. Тот, кто становится государем, следует небу. Тот, кто следует небу, следует *дао*. Тот, кто следует *дао*, вечен, и до конца жизни [такой государь] не будет подвергаться опасности.

§ 17

Лучший правитель тот, о котором народ знает лишь то, что он существует. Несколько хуже те правители, которые требуют от народа его любить и возвышать. Еще хуже те правители, которых народ боится, и хуже всех те правители, которых народ презирает. Поэтому, кто не заслуживает доверия, не пользуется доверием [у людей]. Кто вдумчив и сдержан в словах, успешно совершает дела, и народ говорит, что он следует естественности.

§ 18

Когда устранили великое *дао*, появились «человеколюбие» и «справедливость». Когда появилось мудрствование, возникло и великое лицемерие. Когда шесть родственников в раздоре, тогда появляются «сыновняя почтительность» и «отцовская любовь». Когда в государстве царит беспорядок, тогда появляются «верные слуги».

§ 19

Когда будут устранены мудрствование и ученость, народ будет счастливее во сто крат; когда будут устранены человеколюбие и «справедливость», народ возвратится к сыновней почтительности и отцовской любви; когда будут уничтожены хитрость и нажива, исчезнут воровы и разбойники. Все эти три вещи [происходят] от недостатка знаний. Поэтому нужно указывать людям, что они должны быть простыми и скромными, уменьшать личные [желания] и освобождаться от страстей.

§ 20

Когда будет уничтожена ученость, тогда не будет и печали. Как ничтожна разница между обещанием и лестью и как велика разница между добром и злом! Надо избегать того, чего люди боятся.

О! Как хаотичен [мир], где все еще не установлен порядок. Все люди радостны, как будто присутствуют на торжественном угощении или празднуют наступление весны. Только я один спокоен и не выставляю себя на свет. Я подобен ребенку, который не явился в мир. О! Я несусь! Кажется, нет места, где мог бы остановиться. Все люди полны желаний, только я один подобен тому, кто отказался от всего. Я сердце глупого человека. О, как оно пусто! Все люди полны света. Только я один подобен тому, кто погружен во мрак. Все люди пытливы, только я один равнодушен. Я подобен тому, кто несется в мирском просторе и не знает, где ему остановиться. Все люди проявляют свою способность, и только я один похож на глупого и низкого. Только я один отличаюсь от других тем, что вижу основу в еде.

§ 21

Содержание великого *дэ* подчиняется только *дао*. *Дао* бестелесно. *Дао* туманно и неопределенно. Однако в его туманности и неопределенности содержатся образы. Оно туманно и неопределенно. Однако в его туманности и неопределенности скрыты вещи. Оно глубоко и темно. Однако в его глубине и темноте скрыты тончайшие частицы. Эти тончайшие частицы обладают высшей действительностью и достоверностью.

С древних времен до наших дней его имя не исчезает. Только следуя ему, можно познать начало всех вещей. Каким образом мы познаем начало всех вещей? Только благодаря ему.

§ 22

В древности говорили: «Ущербное становится совершенным, кривое — прямым, пустое — наполненным, ветхое сменяется новым; стремясь к малому, достигая многого; стремление получить многое ведет к заблуждениям». Поэтому совершенномудрый внемлет этому поучению, коему необходимо следовать в Поднебесной.

Совершенноумрый исходит не только из того, что сам видит. поэтому может видеть ясно; он не считает правым только себя, поэтому может обладать истиной: он не прославляет себя, поэтому имеет заслуженную славу; он не возвышает себя, поэтому он старший среди других. Он ничему не противоборствует, поэтому он непобедим в Поднебесной.

Слова древних: «Ущербное становится совершенным...» — разве это пустые слова? Они действительно указывают человеку путь к [истинному] совершенству.

§ 23

Нужно меньше говорить, следовать естественности. Быстрый ветер не продолжается все утро, сильный дождь не продержится весь день. Кто делает все это? Небо и земля. Даже небо и земля не могут сделать что-либо долговечным, тем более человек. Поэтому он служит *дао*. Кто [служит] *дао*, тот тождествен *дао*. Кто [служит] *дэ*, тот тождествен *дэ*. Тот, кто теряет, тождествен потере. Тот, кто тождествен *дао*, приобретает *дао*. Тот, кто тождествен *дэ*, приобретает *дэ*. Тот, кто тождествен потере, приобретает потеряннос. Только сомнения порождают неверие.

§ 24

Кто поднялся на цыпочки, не может [долго] стоять. Кто делает большие шаги, не может [долго] идти. Кто сам себя выставляет на свет, тот не блестит. Кто сам себя восхваляет, тот не добудет славы. Кто нападает, не достигает успеха. Кто сам себя возвышает, не может стать старшим среди других. Если исходить из *дао*, все это называется лишним желанием и бесполезным поведением. Таких ненавидят все существа. Поэтому человек, обладающий *дао*, не делает этого.

§ 25

Вот вещь, в хаосе возникающая, прежде неба и земли родившаяся! О беззвучная! О лишённая формы! Одиноко стоит она и не изменяется. Повсюду действует и не имеет преград. Ее можно считать матерью Поднебесной. Я не знаю ее имени. Обозначая иероглифом, назову ее *дао*; произвольно давая ей имя, назову ее *великое*. *Великое* — оно в бесконечном движении. Находящееся в бесконеч-

ном движении не достигает предела. Не достигая предела, оно возвращается [к своему истоку]. Вот почему велико *дао*, велико небо, велика земля, велик также и государь. Во Вселенной имеются четыре великих, и среди них — государь.

Человек следует [законам] земли. Земля следует [законам] неба. Небо следует [законам] *дао*, а *дао* следует самому себе.

§ 26

Тяжелое является основой легкого. Покой есть главное в движении. Поэтому совершенномудрый, шагая весь день, не отходит от [телеги] с тяжелым грузом. Хотя он живет прекрасной жизнью, но он в нее не погружается. Почему властитель десяти тысяч колесниц, занятый собой, так пренебрежительно смотрит на мир? Пренебрежение разрушает его основу, а его торопливость приводит к потере власти.

§ 27

Умеющий шагать не оставляет следов. Умеющий говорить не допускает ошибок. Кто умеет считать, тот не пользуется инструментом для счета. Кто умеет закрывать двери, не употребляет затвор и закрывает их так крепко, что открыть их невозможно. Кто умеет завязывать узлы, не употребляет веревку, [но завязывает так прочно], что развязать невозможно. Поэтому совершенномудрый постоянно умело спасает людей и не покидает их. Он всегда умеет спасать существа, поэтому он не покидает их. Это называется глубокой мудростью. Таким образом, добродетель является учителем недобрых, а недобрые — ее опорой. Если [недобрые] не ценят своего учителя и добродетель не любит свою опору, то они, хотя и [считают себя] разумными, погружены в слепоту. Вот что наиболее важно и глубоко.

§ 28

Кто, зная свою храбрость, сохраняет скромность, тот, [подобно] горному ручью, становится [главным] в стране. Кто стал главным в стране, тот не покидает постоянное *дэ* и возвращается к состоянию младенца. Кто, зная праздничное, сохраняет для себя будничное, тот становится

примером для всех. Кто стал примером для всех, тот не отрывается от постоянного *дэ* и возвращается к изначальному. Кто, зная свою славу, сохраняет для себя неизвестность, тот становится главным в стране. Кто стал главным в стране, тот достигает совершенства в постоянном *дэ* и возвращается к естественности. Когда естественность распадается, она превращается в средство, при помощи которого совершенномудрый становится вождем и великий порядок не разрушается.

§ 29

Если кто-нибудь силой пытается овладеть страной, то, вижу я, он не достигает своей цели. Страна подобна таинственному сосуду, к которому нельзя прикоснуться. Если кто-нибудь тронет [его], то потерпит неудачу. Если кто-нибудь схватит [его], то его потеряет.

Поэтому одни существа идут, другие — следуют за ними; одни расцветают, другие высыхают; одни укрепляются, другие слабеют; одни создаются, другие разрушаются. Поэтому совершенномудрый отказывается от излишеств, устраняет роскошь и расточительность.

§ 30

Кто служит главе народа посредством *дао*, не покоряет другие страны при помощи войск, ибо это может обратиться против него. Где побывали войска, там растут терновник и колючки. После больших войн наступают голодные годы.

Искусный [полководец] побеждает и на этом останавливается, и он не осмеливается осуществлять насилие. Он побеждает и себя не прославляет. Он побеждает и не нападает. Он побеждает и не гордится. Он побеждает потому, что к этому его вынуждают. Он побеждает, но он не воинствен.

Когда существо, полное сил, становится старым, то это называется [отсутствием] *дао*. Кто не соблюдает *дао*, погибнет раньше времени.

§ 31

Хорошее войско — средство, [порождающее] несчастье, его ненавидят все существа. Поэтому человек, следующий *дао*, его не употребляет.

Благородный [правитель] во время мира предпочитает быть уступчивым [в отношении соседних стран] и лишь на войне применяет насилие. Войско — орудие несчастья, поэтому благородный [правитель] не стремится использовать его, он применяет его, только когда его к этому вынуждают. Главное состоит в том, чтобы соблюдать спокойствие, а в случае победы себя не прославлять. Прославлять себя победой — это значит радоваться убийству людей. Тот, кто радуется убийству людей, не может завоевать сочувствия в стране. Благополучие создастся уважением, а несчастье происходит от насилия.

Слева строятся военачальники флангов, справа стоит полководец. Говорят, что их нужно встретить похоронной процессией. Если убивают многих людей, то об этом нужно горько плакать. Победу следует отмечать похоронной процессией.

§ 32

Дао вечно и безымянно. Хотя оно ничтожно, но никто в мире не может его подчинить себе. Если знать и государи могут его соблюдать, то все существа сами становятся спокойными. Тогда небо и земля сольются в гармонии, наступят счастье и благополучие, а народ без приказания успокоится.

При установлении порядка появились имена. Поскольку возникли имена, нужно знать предел [их употребления]. Знание предела позволяет избавиться от опасности.

Когда *дао* находится в мире, [все сущее вливается в него], подобно тому, как горные ручьи текут к рекам и морям.

§ 33

Знающий людей благоразумен. Знающий себя просвещен. Побеждающий людей силен. Побеждающий самого себя могуществен. Знающий достаток богат. Кто действует с упорством, обладает волей. Кто не теряет свою природу, долговечен. Кто умер, но не забыт, тот бессмертен.

§ 34

Великое *дао* растекается повсюду. Оно может находиться и справа и слева. Благодаря ему все сущее рожда-

ется и не прекращает [своего роста]. Оно совершает подвиги, но славы себе не желает. С любовью воспитывая все существа, оно не считает себя их властелином. Оно никогда не имеет собственных желаний, поэтому его можно назвать ничтожным. Все сущее возвращается к нему, но оно не рассматривает себя их властелином. Его можно назвать *великим*. Оно становится *великим*, потому что никогда не считает себя таковым.

§ 35

К тому, кто представляет собой великий образ [*дао*], приходит весь народ. Люди приходят, и он им не причиняет вреда. Он приносит им мир, спокойствие, музыку и пищу. Даже путешественник у него останавливается.

Когда *дао* выходит изо рта, оно пресное, безвкусное. Оно незримо, и его нельзя услышать. В действии оно неисчерпаемо.

§ 36

Чтобы нечто сжать, необходимо прежде расширить его. Чтобы нечто ослабить, нужно прежде укрепить его. Чтобы нечто уничтожить, необходимо прежде дать ему расцвести. Чтобы нечто у кого-то отнять, нужно прежде дать ему. Это называется глубокой истиной. Мягкое и слабое побеждает твердое и сильное. Как рыба не может покинуть глубину, так и государство не должно выставлять напоказ людям свои совершенные методы [управления].

§ 37

Дао постоянно осуществляет недеяние, однако нет ничего такого, что бы оно не делало. Если знать и государи будут его соблюдать, то все существа будут изменяться сами собой. Если те, которые изменяются, захотят действовать, то я буду подавлять их при помощи простого бытия, не обладающего именем. Не обладающее именем — простое бытие — для себя ничего не желает. Отсутствие желания приносит покой, и тогда порядок в стране сам собой установится.

КНИГА ВТОРАЯ

§ 38

Человек с высшим *дэ* не стремится делать добрые дела, поэтому он добродетелен; человек с низшим *дэ* не оставляет [намерения] совершать добрые дела, поэтому он не добродетелен; человек с высшим *дэ* бездеятелен и осуществляет недеяние; человек с низшим *дэ* деятелен, и его действия нарочиты; обладающий высшим человеколюбием действует, осуществляя недеяние; человек высшей справедливости деятелен, и его действия нарочиты; человек, во всем соблюдающий ритуал, действует, [надеясь на взаимность]. Если он не встречает взаимности, то он прибегает к наказаниям. Вот почему *дэ* появляется только после утраты *дао*; человеколюбие — после утраты *дэ*; справедливость — после утраты человеколюбия; ритуал — после утраты справедливости. Ритуал — это признак отсутствия доверия и преданности. [В ритуале] — начало смуты.

Внешний вид — это цветок *дао*, начало невежества. Поэтому [великий человек] берет существенное и оставляет ничтожное. Он берет плод и отбрасывает его цветок. Он предпочитает первое и отказывается от второго.

§ 39

Вот те, которые с древних времен находятся в единстве. Благодаря единству небо стало чистым, земля — забыемой, дух — чутким, долина — цветущей и начали рождаться все существа. Благодаря единству знать и государи становятся образцом в мире. Вот что создает единство.

Если небо не чисто, оно разрушается; если земля зыбка, она раскалывается; если дух не чуток, он исчезает; если долины не цветут, они превращаются в пустыню; если

вещи не рождаются, они исчезают; если знать и государи не являются примером благородства, они будут свергнуты.

Незнатные являются основой для знатных, а низкое — основанием для высокого. Поэтому знать и государи сами называют себя «одинокими», «сырыми», «несчастливыми». Это происходит оттого, что они не рассматривают незнатных как свою основу. Это ложный путь. Если разобрать колесницу, от нее ничего не останется. Нельзя считать себя «драгоценным», как яшма, а нужно быть простым, как камень.

§ 40

Превращение в противоположное есть действие *дао*, слабость есть свойство *дао*. В мире все вещи рождаются в бытии, а бытие рождается в небытии.

§ 41

Человек высшей учености, узнав о *дао*, стремится к его осуществлению. Человек средней учености, узнав о *дао*, то соблюдает его, то его нарушает. Человек низшей учености, узнав о *дао*, подвергает его насмешке. Если оно не подвергалось бы насмешке, не являлось бы *дао*. Поэтому существует поговорка: кто узнает *дао*, похож на темного; кто проникает в *дао*, похож на отступающего; кто на высоте *дао*, похож на заблуждающегося; человек высшей добродетели похож на простого; великий просвещенный похож на презираемого; безграничная добродетельность похожа на ее недостаток; распространение добродетельности похоже на ее расхищение; истинная правда похожа на ее отсутствие.

Великий квадрат не имеет углов; большой сосуд долго готовится; сильный звук нельзя услышать; великий образ не имеет формы.

Дао скрыто [от нас] и не имеет имени. Но только оно способно помочь [всем существам] и привести их к совершенству.

§ 42

Дао рождает одно, одно рождает два, два рожают три, а три рожают все существа. Все существа носят в себе *инь* и *ян*, наполнены *ци* и образуют гармонию.

Люди не любят [имена] «одинокий», «сирый», «несчастливый». Между тем гуны и ваны этими [именами] называют себя. Поэтому вещи возвышаются, когда их принижают, и принижаются, когда их возвышают.

Чему учат люди, тому обучаю и я: сильные и жестокие не умирают своей смертью. Этим я руководствуюсь в своем обучении.

§ 43

В Поднебесной самые слабые побеждают самых сильных. Небытие проникает везде и всюду. Вот почему я знаю пользу от недеяния. В Поднебесной нет ничего, что можно было бы сравнивать с учением, не прибегающим к словам, и пользой от недеяния.

§ 44

Что ближе — слава или жизнь? Что дороже — жизнь или богатства? Что тяжелее пережить — приобретение или потерю? Кто многое сберегает, тот понесет большие потери. Кто много накапливает, тот потерпит большие убытки. Кто знает меру, у того не будет неудачи. Кто знает предел, тот не будет подвергаться опасности. Он может стать долговечным.

§ 45

Великое совершенство похоже на несовершенное, но его действие [не может быть] нарушено; великая полнота похожа на пустоту, но ее действие неисчерпаемо. Великая прямота похожа на кривизну; великое остроумие похоже на глупость; великий оратор похож на заику.

Ходьба побеждает холод, покой побеждает жару. Спокойствие создает порядок в мире.

§ 46

Когда в стране существует *дао*, лошади унавоживают землю; когда в стране отсутствует *дао*, боевые кони пасутся в окрестностях. Нет больше несчастья, чем незнание границы своей страсти, и нет большей опасности, чем

стремление к приобретению [богатств]. Поэтому, кто умеет удовлетворяться, всегда доволен [своей жизнью].

§ 47

Не выходя со двора, можно познать мир. Не выглядывая из окна, можно видеть естественное *дао*. Чем дальше идешь, тем меньше познаешь. Поэтому совершенномуудрый не ходит, но познает [все]. Ис видя [всшсй], он проникает в их [сущность]. Не действуя, он добивается успеха.

§ 48

Кто учится, с каждым днем увеличивает [свои знания]. Кто служит *дао*, изо дня в день уменьшает [свои желания]. В непрерывном уменьшении [человек] доходит до недеяния. Нет ничего такого, что бы не делало недеяние. Поэтому овладение Поднебесной всегда осуществляется посредством недеяния. Кто действует, не в состоянии овладеть Поднебесной.

§ 49

Совершенномуудрый не имеет постоянного сердца. Его сердце состоит из сердец народа. Добрым я делаю добро и недобрым также делаю добро. Таким образом и воспитывается добродетель. Искренним я верен и неискренним также верен. Таким образом и воспитывается искренность.

Совершенномуудрый живет в мире спокойно и в своем сердце собирает мнения народа. Он смотрит на народ, как на своих детей.

§ 50

[Существа] рождаются и умирают. Из десяти человек три [идут] к жизни, три — к смерти. Из каждых десяти еще имеются три человека, которые умирают от своих деяний. Почему это так? Это происходит оттого, что у них слишком сильно стремление к жизни.

Я слышал, что, кто умеет овладевать жизнью, идя по земле, не боится носорога и тигра, вступая в битву, не боится вооруженных солдат. Носорогу некуда вонзить в него

свой рог, тигру негде наложить на него свои когти, а солдатам некуда поразить его мечом. В чем причина? Это происходит оттого, что для него не существует смерти.

§ 51

Дао рождает [вещи], *дэ* вскармливает [их]. Вещи оформляются, формы завершаются. Поэтому нет вещи, которая не почитала бы *дао* и не ценила бы *дэ*. *Дао* почитаемо, *дэ* ценимо, потому что они не отдают приказаний, а следуют естественности.

Дао рождает [вещи], *дэ* вскармливает [их], возвращает их, воспитывает их, совершенствует их, делает их зрелыми, ухаживает за ними, поддерживает их. Создавать и не присваивать, творить и не хвалиться, являясь старшим, не повелевать — вот что называется глубочайшим *дэ*.

§ 52

В Поднебесной имеется начало, и оно — мать Поднебесной. Когда будет постигнута мать, то можно узнать и ее детей. Когда уже известны ее дети, то снова нужно помнить о их матери. В таком случае до конца жизни [у человека] не будет опасности. Если [человек] оставляет свои желания и освобождается от страстей, то до конца жизни не будет у него усталости. Если же он распускает свои страсти и поглощен своими делами, то не будет спасения [от бед].

Видение мельчайшего называется зоркостью. Сохранение слабости называется могуществом. Следовать сиянию [*дао*], постигать его глубочайший смысл, не навлекать [на людей] несчастья — это и есть соблюдение постоянства.

§ 53

Если бы я владел знанием, то шел бы по большой дороге. Единственная вещь, которой я боюсь, — это узкие тропинки. Большая дорога совершенно ровна, но народ любит тропинки.

Если дворец роскошен, то поля покрыты сорняками и хлебохранилища совершенно пусты. [Знать] одевается

в роскошные ткани, носит острые мечи, не удовлетворяется [обычной] пищей и накапливает излишние богатства. Все это называется разбоем и бахвальством. Оно является нарушением *дао*.

§ 54

Кто умеет крепко стоять, того нельзя опрокинуть. Кто умеет опереться, того нельзя свалить. Сыновья и внуки вечно сохраняют память о нем.

Кто совершенствует [*дао*] внутри себя, у того добродетель становится искренней. Кто совершенствует [*дао*] в семье, у того добродетель становится обильной. Кто совершенствует [*дао*] в деревне, у того добродетель становится обширной. Кто совершенствует [*дао*] в царстве, у того добродетель становится богатой. Кто совершенствует [*дао*] в Поднебесной, у того добродетель становится всеобщей.

По себе можно познать других; по одной семье можно познать остальные; по одной деревне можно познать остальные; по одному царству можно познать другие; по одной стране можно познать всю Поднебесную. Каким образом я узнаю, что Поднебесная такова? Поступая так.

§ 55

Кто содержит в себе совершенное *дэ*, тот похож на новорожденного. Ядовитые насекомые и змеи его не ужалят, свирепые звери его не схватят, хищные птицы его не заклюют. Кости у него мягкие, мышцы слабые, но он держит [*дао*] крепко. Не зная союза двух полов, он обладает животворящей способностью. Он очень чуток. Он кричит весь день, и его голос не изменяется. Он совершенно гармоничен.

Знание гармонии называется постоянством. Знание постоянства называется мудростью. Обогащение жизни называется счастьем. Стремление управлять чувствами называется упорством. Существо, полное сил, стареет — это называется нарушением *дао*. Кто *дао* не соблюдает, тот погибает раньше времени.

Тот, кто знает, не говорит. Тот, кто говорит, не знает. То, что оставляет свои желания, отказывается от страстей, притупляет свою пронизательность, освобождает себя от хаотичности, умеряет свой блеск, уподобляет себя пылинке, представляет собой глубочайшее. Его нельзя приблизить для того, чтобы с ним сродниться; его нельзя приблизить для того, чтобы им пренебрегать; его нельзя приблизить для того, чтобы им воспользоваться; его нельзя приблизить для того, чтобы его возвысить; его нельзя приблизить для того, чтобы его унижить. Вот почему оно уважаемо в Поднебесной.

Страна управляется справедливостью, война ведется хитростью. Поднебесную получают во владение посредством недеяния. Откуда я знаю все это? Вот откуда: когда в стране много запретительных законов, народ становится бедным. Когда у народа много острого оружия, в стране увеличиваются смуты. Когда много искусных мастеров, умножаются редкие предметы. Когда растут законы и приказы, увеличивается число воров и разбойников.

Поэтому совершенномудрый говорит: «Если я не действую, народ будет находиться в самоизменении; если я спокоен, народ сам будет исправляться. Если я пассивен, народ сам становится богатым; если я не имею страстей, народ становится простодушным».

Когда правительство спокойно, народ становится простодушным. Когда правительство деятельно, народ становится несчастным. О несчастье! Оно является опорой счастья. О счастье! В нем заключено несчастье. Кто знает их границы? Они не имеют постоянства. Справедливость снова превращается в хитрость, добро — в зло. Человек уже давно находится в заблуждении. Поэтому совершенномудрый справедлив и не отнимает ничего у другого. Он бескорыстен и не вредит другим. Он правдив и не делает ничего плохого. Он светел, но не желает блеснуть.

§ 59

Управляя людьми и служа небу, лучше всего соблюдать воздержание. Воздержание должно стать главной заботой. Оно называется совершенствованием *дэ*. Совершенствование *дэ* — всепобеждающее. Всепобеждающее обладает неисчерпаемой силой. Неисчерпаемая сила дает возможность овладеть страной.

Начало, при помощи которого управляется страна, долговечно и называется глубоким и прочным, вечно существующим *дао*.

§ 60

Управление большим царством напоминает приготовление блюда из мелких рыб. Если Поднебесной управлять, следуя *дао*, то злые духи [умерших] не будут действовать. Но злые духи не только не будут действовать, они также не смогут вредить людям. Не только они не смогут вредить людям, но и совершенномудрые не смогут вредить людям. Поскольку и те и другие не смогут вредить людям, их *дэ* соединятся друг с другом.

§ 61

Великое царство — это низовье реки, узел Поднебесной, самка Поднебесной. Самка всегда невозмутимостью одолевает самца, а по своей невозмутимости [она] стоит ниже [самца]. Поэтому великое царство располагает к себе маленькое тем, что ставит себя ниже последнего, а маленькое царство завоевывает симпатию великого царства тем, что стоит ниже последнего. Поэтому располагают к себе либо тем, что ставят себя ниже, либо тем, что сами по себе ниже. Пусть великое царство будет желать не больше того, чтобы все одинаково были накормлены, а малое царство пусть будет желать не больше того, чтобы служить людям. Тогда оба получают то, чего они желают. Великому полагается быть внизу.

§ 62

Дао — глубокая [основа] всех вещей. Оно сокровище добрых и защита недобрых людей. Красивые слова можно

произносить публично, доброе поведение можно распространять на людей. Но зачем же покидать недобрых людей? В таком случае для чего же выдвигают государя и назначают ему трех советников?

Государь и советники хотя и имеют драгоценные камни и могут ездить на колесницах, но лучше будет им спокойно следовать *дао*.

Почему в древности ценили *дао*? В то время люди не стремились к приобретению богатств и преступления прощались. Поэтому [*дао*] в Поднебесной ценилось дорого.

§ 63

Нужно осуществлять недеяние, соблюдать спокойствие и вкушать безвкусное. Великое состоит из малого, а многое — из немногого. На ненависть нужно отвечать добром.

Преодоление трудного начинается с легкого, осуществление великого начинается с малого, ибо в мире трудное образуется из легкого, а великое — из малого. Поэтому совершенномудрый начинает не с великого, тем самым он совершает великое. Кто много обещает, тот не заслуживает доверия. Где много легких дел, там много и трудных. Поэтому совершенномудрый относится к делу, как к трудному, поэтому он не испытывает трудности.

§ 64

То, что спокойно, легко сохранить. То, что еще не показало признаков, легко направить. То, что слабо, легко разделить. То, что мелко, легко рассеять. Действие надо начать с того, чего еще нет. Наведение порядка надо начать тогда, когда еще нет смуты. Ибо большое дерево вырастает из маленького, девятиэтажная башня начинает строиться из горстки земли, путешествие в тысячу ли начинается с одного шага.

Кто действует — потерпит неудачу. Кто чем-либо владеет — потеряет. Вот почему совершенномудрый бездеятелен, и он не терпит неудачи. Он ничего не имеет и поэтому ничего не теряет. Те, кто, совершая дела, спешат достигнуть успеха, потерпят неудачу. Кто осторожно заканчивает свое дело, подобно тому как он его начал, у того всегда будет благополучие. Поэтому совершенномуд-

рый не имеет страсти, не ценит труднодобываемые предметы, учится у тех, кто не имеет знаний, и идет по тому пути, по которому прошли другие. Он следует естественности вещей и не осмеливается [самовольно] действовать.

§ 65

В древности те, кто следовал *дао*, не просвещали народ, а делали его невежественным. Трудно управлять народом, когда у него много знаний. Поэтому управление страной при помощи знаний приносит стране несчастье, а без их помощи приводит страну к счастью. Кто знает эти две вещи, тот становится примером для других. Знание этого примера есть знание глубочайшего *дэ*. Глубочайшее *дэ*, оно и глубоко и далеко. Оно противоположно всем существам, но приводит их к полному соответствию [с ним].

§ 66

Реки и моря потому могут властвовать над равнинами, что они способны стекать вниз. Поэтому они властвуют над равнинами.

Когда [совершенномудрый] желает возвыситься над народом, он должен ставить себя ниже других. Когда он желает быть впереди людей, он должен ставить себя позади других. Поэтому хотя он и стоит над народом, но народу он не в тягость; хотя он находится впереди, народ ему не вредит. Поэтому люди с радостью его выдвигают и от него не отворачиваются. Он не борется, благодаря чему он в мире непобедим.

§ 67

Все говорят о том, что мое *дао* велико и не уменьшается. Если бы оно уменьшилось, то после долгого времени оно стало бы маленьким. Не уменьшается потому, что оно является великим.

Я имею три сокровища, которыми дорожу: первое — это человеколюбие, второе — бережливость, а третье состоит в том, что я не смею быть впереди других. Я человеколюбив, поэтому могу стать храбрым. Я бережлив,

поэтому могу быть щедрым. Я не смею быть впереди других, поэтому могу стать умным вождем.

Кто храбр без человеколюбия, щедр без бережливости, находясь впереди, отталкивает тех, кто находится позади, — тот погибает. Кто ведет войну человеколюбиво, побеждает, и возведенная им оборона неприступна. Небо его спасает, человеколюбие его охраняет.

§ 68

Умный полководец не бывает воинствен. Умелый воин не бывает гневен. Умеющий побеждать врага не нападает. Умеющий управлять людьми, не ставит себя в низкое положение. Это я называю *дэ*, избегающее борьбы. Это сила в управлении людьми. Это значит следовать природе и древнему началу [*дао*].

§ 69

Военное искусство гласит: я не смею первым начинать, я должен ожидать. Я не смею наступать хотя бы на вершок вперед, а отступаю на аршин назад. Это называется действием посредством надеяния, ударом без усилия. В этом случае не будет врага и я могу обходиться без солдат. Нет беды тяжелее, чем недооценивать противника. Недооценка противника повредит моему сокровенному средству [*дао*]. В результате сражений те, кто скорбит, одерживают победу.

§ 70

Мои слова легко понять и легко осуществить. Но люди не могут понять и не могут осуществлять. В словах имеется начало, в делах имеется главное. Поскольку люди их не знают, то они не знают и меня. Когда меня мало знают, тогда я дорог. Поэтому совершенномудрый подобен тому, кто одевается в грубые ткани, а при себе держит яшму.

§ 71

Кто, имея знания, делает вид, что не знает, тот выше всех. Кто, не имея знаний, делает вид, что знает, тот болен. Кто, будучи больным, считает себя больным, тот

не является больным. Совершенномудрый не болен. Будучи больным, он считает себя больным, поэтому он не болен.

§ 72

Когда народ не боится могущественных, тогда приходит могущество. Не тесните его жилища, не презирайте его жизни. Кто не презирает [народа], тот не будет презрен [народом]. Поэтому совершенномудрый, зная себя, себя не выставляет. Он любит себя и себя не возвышает. Он отказывается от самолюбия и предпочитает невозвышение.

§ 73

Кто храбр и воинствен — погибает, кто храбр и не воинствен — будет жить. Эти две вещи означают: одна пользу, а другая — вред. Кто знает причины того, что небо ненавидит [воинственных]? Объяснить это трудно и совершенномудрому.

Небесное *дао* не борется, но умеет побеждать. Оно не говорит, но умеет отвечать. Оно само приходит. Оно спокойно и умеет управлять [вещами]. Сеть природы редка, но ничего не пропускает.

§ 74

Если народ не боится смерти, то зачем же угрожать ему смертью? Кто заставляет людей бояться смерти и считает это занятие увлекательным, того я захвачу и уничтожу. Кто осмеливается так действовать?

Всегда существует носитель смерти, который убивает. А если кто его заменит — это значит заменит великого мастера. Кто, замсняя великого мастера, рубит [топором], повредит свою руку.

§ 75

Народ голодает оттого, что власти берут слишком много налогов. Вот почему [народ] голодает. Трудно управлять народом оттого, что власти слишком деятель-

ны. Вот почему трудно управлять. Народ презирает смерть оттого, что у него слишком сильно стремление к жизни. Вот почему презирают смерть. Тот, кто пренебрегает своей жизнью, тем самым ценит свою жизнь.

§ 76

Человек при своем рождении нежен и слаб, а при наступлении смерти тверд и крепок. Все существа и растения при своем рождении нежные и слабые, а при гибели сухие и гнилые. Твердое и крепкое — это то, что погибает, а нежное и слабое — это то, что начинает жить. Поэтому могущественное войско не побеждает и крепкое дерево гибнет. Сильное и могущественное не имеют того преимущества, какое имеют нежное и слабое.

§ 77

Небесное *дао* напоминает натягивание лука. Когда понижается его верхняя часть, поднимается нижняя. Оно отнимает лишнее и отдает отнятое тому, кто в нем нуждается. Небесное *дао* отнимает у богатых и отдает бедным то, что у них отнято. Человеческое же *дао* — наоборот. Оно отнимает у бедных и отдает богатым то, что отнято. Кто может отдать другим все лишнее? Это могут сделать только те, которые следуют *дао*. Поэтому совершенномудрый делает и не пользуется тем, что сделано, совершает подвиги и себя не прославляет. Он благороден потому, что у него нет страстей.

§ 78

Вода — это самое мягкое и самое слабое существо в мире, но в преодолении твердого и крепкого она непобедима, и на свете нет ей равного.

Слабые побеждают сильных, мягкое преодолевает твердое. Это знают все, но люди не могут это осуществлять. Поэтому совершенномудрый говорит: «Кто принял на себя унижение страны — становится государем, и кто принял на себя несчастье страны — становится властителем».

Правдивые слова похожи на свою противоположность.

§ 79

После успокоения большого возмущения непременно останутся его последствия. Как можно назвать это добром? Поэтому совершенномудрый дает клятву, что он не будет никого порицать. Добрые стремятся к соглашению, а недобрые — к вымогательству. Небесное *дао* относится ко всем одинаково, оно всегда на стороне добрых.

§ 80

Пусть государство будет маленьким, а население редким. Если [в государстве] имеются различные орудия, не надо их использовать. Пусть люди до конца своей жизни не уходят далеко [от своих мест]. Если [в государстве] имеются лодки и колесницы, не надо их употреблять. Даже если имеются воины, не надо их выставлять. Пусть народ снова начинает плести узелки и употреблять их вместо письма. Пусть его пища будет вкусной, одеяние красивым, жилище удобным, а жизнь радостной. Пусть соседние государства смотрят друг на друга, слушают друг у друга пение петухов и лай собак, а люди до самой старости и смерти не посещают друг друга.

§ 81

Верные слова не изящны. Красивые слова не заслуживают доверия. Добрый не красноречив. Красноречивый не может быть добрым. Знающий не доказывает, доказывающий не знает.

Совершенномудрый ничего не накапливает. Он все делает для людей и все отдает другим. Небесное *дао* приносит всем существам пользу и им не вредит. *Дао* совершенномудрого — это деяние без борьбы.

Леңзы

Глава I

ВЛАСТЬ ПРИРОДЫ

Учитель Лецзы прожил на болотах [царства] Чжэн сорок лет, пребывая в неизвестности. Царь, сановники, благородные мужи не выделяли его [из] толпы. В голодный год [он] собрался уйти в зятя <переселиться> в [царство] Вэй.

Ученик его спросил:

— Преждерожденный уходит, не назначив срока возвращения? Что преподаст [мне] Преждерожденный? Дозвольте [мне], ученику, задать вопрос: не слышал ли Преждерожденный речей учителя Лесного с Чаши-горы?

Учитель Лецзы улыбнулся и ответил:

— Какие же из речей учителя с Чаши-горы? Хотя попробую тебе поведать, что я слышал, когда учитель [Лесной] говорил Дяде Темнеющее Око. Вот его слова:

«Существуют рожденный и нерожденный, изменяющийся и неизменяющийся. Нерожденный способен породить рожденного, неизменяющийся способен изменить изменяющегося. Рожденный не может не родиться, изменяющийся не может не изменяться. Поэтому всегда рождаются и всегда изменяются. Всегда рождающиеся, всегда изменяющиеся все время рождаются, все время изменяются. Таковы жар и холод, четыре времени года.

Нерожденный как будто единственный, неизменяющийся [движется] то туда, то обратно. Время его бесконечно, путь единственного как будто беспредельн».

В преданиях о Желтом Предке говорится:

«Пустота — бессмертна, назову ее глубочайшим началом.

Вход в глубочайшее начало назову корнем неба и земли.

[Глубочайшее начало] бесконечно, как существование, и действует без усилий».

Поэтому-то порождающий вещи не рождается, изменяющий вещи не изменяется. [Вещи] сами рождаются, сами развиваются, сами формируются, сами окрашиваются, сами познают, сами усиливаются, сами истощаются, сами исчезают. Неверно говорить, будто кто-то <намеренно> порождает, развивает, формирует, окрашивает, [дает] познание, силу, [вызывает] истощение и исчезновение.

Учитель Лецзы сказал:

— В старину мудрые люди считали жар и холод общей основой вселенной. Откуда же появилась вселенная, если обладающий формой возникает из бесформенного?

Оттого и говорили:

— Существует первонепостоянство, существует первоначало, существует первообразование, существует первоэлемент. При первонепостоянстве еще нет воздуха, первоначало — начало воздуха, первообразование — начало формы, первоэлемент — начало свойств [вещей]. Все вместе — воздух, форма, свойства — еще не отделились друг от друга, поэтому и называются хаосом. Хаос — смешение тьмы вещей, еще не отделившихся друг от друга. «Смотрю на него, но не вижу, слушаю его, но не слышу», следую за ним, «но его не обретаю». Поэтому и называется [перво]непостоянство, что [перво]непостоянство не имеет наружных очертаний. [Перво]непостоянство развивается и превращается в одно, одно развивается и превращается в семь, семь развивается и превращается в девять, девять — предел развития, снова изменяется и становится одним. Одно — начало развития формы. Чистое и легкое поднимается и образует небо, мутное и тяжелое опускается и образует землю. Столкновение и соединение [легкого и тяжелого] воздуха образует человека. Оттого что во вселенной содержатся семена, порождается и развивается [вся] тьма вещей.

Учитель Лецзы сказал:

— Небо и земля не всетворящи, мудрецы не всемогущи, тьма вещей не удовлетворяет все нужды. Дело неба

порождать и покрывать сверху, дело земли — формировать и поддерживать снизу, дело мудрых — обучать и просвещать, [каждой из] вещей присуще [ее] дело. Однако и у неба есть недостатки там, где у земли — преимущества; и вещи постигают то, в чем мудрецы терпят неудачу. Отчего? Оттого что порождающее и покрывающее [небо] неспособно формировать и поддерживать, формирующая и поддерживающая [земля] не способна обучать и просвещать, обучающий и просвещающий [мудрецы] не способны действовать вопреки тому, что присуще [вещам, а неци] — не способны выйти за пределы того определенного, что им присуще. Поэтому путь природы — либо жар, либо холод, учение мудрых — либо милосердие, либо справедливость, у тьмы вещей — либо мягкость, либо твердость. Все они следуют за присущим [им] и не способны выйти за его пределы.

Поэтому есть обладающий жизнью, есть и то, что порождает обладающего жизнью; есть обладающий формой, есть и то, что создает обладающего формой; есть обладающий звуком, есть и то, что дает звук обладающему звуком; есть обладающий цветом, есть и то, что дает цвет обладающему цветом; есть обладающий вкусом, есть и то, что дает вкус обладающему вкусу. То, что порождается рожденным, — смерть; но то, что порождает рожденного, никогда не кончается; то, что формируется в форму, — это сущность, а то, что формирует форму, никогда [формой] не обладает; произведенный звучащим звук слышен, а то, что порождает звучащее, никогда не звучит; порожденная цветом окраска ясно видна, а то, что порождает цвет, никогда не заметно; рожденный вкусом вкус ощущается, а то, что порождает вкусовое ощущение, никогда не обнаруживается: все это дело надеяния. [Недеяние] способно быть жаром и холодом, способно быть мягким и твердым, коротким и длинным, круглым и квадратным, живым и мертвым, горячим и холодным, способно плавать и тонуть, способно быть первым и вторым тоном гаммы, способно появляться и исчезать, быть пурпурным и желтым, сладким и горьким, вонючим и ароматным. [Недеяние] не имеет знаний, не имеет способностей, но нет того, чего бы оно не знало, нет того, чего бы оно не могло.

Учитель Лецзы, направляясь в Вэй, решил закусить у дороги. Его спутники заметили столетний череп и, отогнув полынью, показали учителю.

Посмотрев [на череп, Лецзы] сказал своему ученику Бо Фыну:

— Только мы с ним понимаем, что нет ни рождения, ни смерти. Как неверно печалиться [о смерти]! Как неверно радоваться [жизни]!

Есть мельчайшие семена, подобные [икре] лягушки, [яйцу] перепелки. Попадая в воду, [они] соединяются в перепончатую ткань; на грани с сушей приобретают покров лягушки, раковину [моллюска]; на горах и холмах становятся подорожником. Подорожник, обретя удобрение от гнилого, становится [растением] воронья нога. Корни вороньей ноги превращаются в земляных и древесных червей, а листья — в бабочек; бабочки также изменяются и становятся насекомыми. [Когда насекомые] родятся у соляного поля <очага>, то будто сбрасывают кожу и называются [насекомыми] цюйдо. Цюйдо через тысячу дней превращается в птицу, ее имя — ганьюйгу. Слюна ганьюйгу становится сыми, сыми превращается в [насекомое] илу в пищевом уксусе. Илу пищевого уксуса порождает [насекомое] хуанхуан пищевого уксуса. От хуанхуан пищевого уксуса рождается [насекомое] цзюю, от цзюю [насекомое] моужуй, от моужуй вошь на тыквах.

Баранья печень превращается в дигао, кровь коня превращается в блуждающие огоньки, и кровь человека превращается в блуждающие огоньки. Сокол становится ястребом, ястреб — кукушкой, кукушка много времени спустя снова становится соколом. Ласточка превращается в устрицу, крот — в перепела, сгнившая тыква — в рыбу, переросший порей — в петушиный гребешок, старая овца — в обезьяну, рыба икра — в червяка.

[Животное] Даныюань само себя оплодотворяет и рождает, это называется лэй. Водоплавающая птица родит от взгляда, называется птица — рыболов. [Есть породы] только самок — называются гигантские черепахи; [есть породы] только самцов — называются осы. В [стране] Дум мужчина не [соединяется], а чувствует, женщина без мужа, а зачинает. Царь Просо родился от огромного следа. Найденный на Реке Инь родился в дупле шелковицы.

Из согретой сырости рождается папоротник, из вина [насекомое] сици. [Растение] янси, соединяясь со старым бимбуком, не дававшим ростков, порождает темную собаку, темная собака — барса, барс — лошадь, лошадь — человека. Человек состарившись уходит в мельчайшие семена. [Вся] тьма вещей выходит из мельчайших семян и в них возвращается.

В преданиях о Желтом Предке говорится:

— Движение формы [тела] порождает не форму, а тень; движение звука — не звук, а эхо; движение [действие] небытия порождает не небытие, а бытие. Форма [тело] — то то, чему непременно придет конец. Придет ли конец небу и земле [вселенной]? Всему [ли] настанет конец вместе с нами? Не знаем, наступит ли полный конец. Наступит ли конец пути, который, собственно, не имеет начала? Истошится ли [путь], который, собственно, не имеет бытия <во времени>? Обладавший жизнью становится снова неживым; обладавший формой становится снова бесформенным; неживое, собственно, не то, что не жило; бесформенное, собственно, не то, что не обладало формой. Живому, по закону природы, непременно придет конец; как конечное не может не прийти к концу, так и живое не может не жить. Те, кто хочет жить постоянно, без конца, не знают границ естественных законов. Жизненная сила — это часть, [полученная] от неба; скелет [тело] — это часть от земли; чистое относится к небу и рассеивается, мутное относится к земле и соединяется [с ней]. Жизненная сила покидает форму, и каждая из них возвращается к своему подлинному [состоянию]. Вот почему [душа умершего] называется гуй. Гуй означает возвращение, возвращение в свой подлинный дом.

Желтый Предок сказал:

— Как [могу] я еще существовать, [когда] душа проходит в свою дверь, а тело возвращается к своему корню? Человек от начала и до конца четырежды переживает великие изменения: младенчество в детстве, возмужание в юности, одряхление в старости, исчезновение в смерти. В младенчестве только воздух [энергия] приводит желания к единству и достигается высшая гармония. Вещи не наносят вреда [человеку, к полноте его] свойств нечего

добавить. Во время возмужания в юности воздух [энергия] в крови переливается через край, [человека] переполняют страсти и заботы, [он] подвергается нападению вещей, и поэтому свойства [его] ослабевают. Во время одряхления в старости страсти и заботы смягчаются, тело готовится к отдыху, вещи [с ним] не соперничают. Хотя [свойства его] и не обладают той полнотой, что во младенчестве, но [они] более спокойны, чем в юности. Исчезая в смерти, [человек] идет к покою, возвращается к своему началу.

Странствуя по Горе Великой, Конфуций заметил Юна Открывшего Сроки, который бродил по пустынным окрестностям Чэн. Одетый в оленью шкуру, подпоясанный веревкой, [он] играл на цине и пел.

— Чему радуетесь [вы], Преждерожденный? — спросил Конфуций.

— Я радуюсь многому, — ответил тот. — Природа рождает тьму существ, самое же ценное из них — человек. И мне удалось стать человеком. Такова первая радость. Мужчины и женщины отличаются друг от друга, мужчин уважают, женщин презирают, поэтому мужчина ценится выше. И мне удалось родиться мужчиной. Такова вторая радость. Человеку случается не прожить дня или месяца, [он умирает] не освободясь даже от пеленок. А я дожил уже до девяноста лет. Такова третья радость. Быть бедным — правило мужа; смерть — конец человека. Зачем же горевать, если я обрету конец, оставаясь верным правилу?

— Прекрасно! — сказал Конфуций. — Как умеете [вы] утешать самого себя!

Подобный Лесу достиг почти ста лет. В конце весны. [еще] одетый в шубу, он шел и пел, подбирая колоски, оставшиеся на заброшенной полосе. Его заметил на равнине Конфуций, который направлялся в Вэй, и, обернувшись к ученикам, сказал:

— С тем старцем следует поговорить. Попробуйте подойти и его расспросить.

Попросив разрешения, Цыгун отправился навстречу. [Встав] в конце межи лицом к старцу, [Цыгун] со вздохом спросил:

— [Вы] распеваете, подбирая колоски. Неужели Пржедроденного не мучает раскаяние?

Подобный Лесу не остановился и не перестал петь. Но Цыгун [продолжал] спрашивать без конца, пока тот не поднял голову и не сказал:

— В чем же мне раскаиваться?

— С какой радости Пржедроденный поет, подбирая колоски? [Быть может],

«В юности не трудился,

В зрелости не боролся,

В старости [остался] без жены и сыновей,

А смертный час уж близится!».

— То, что меня радует, у всех людей, напротив, вызывает печаль, — с улыбкой ответил Подобный Лесу. — «В юности не трудился, в зрелости не боролся» — поэтому-то и сумел прожить столько лет. «В старости [остался] без жены и сыновей, а смертный час уж близится!» — этому и и радуюсь.

— Как можете вы радоваться смерти? — спросил Цыгун. — [Ведь] смерти люди боятся, а долголетию радуются.

— Смерть и жизнь подобны возвращению и отправлению. Откуда мне знать, что, умерев в этом [случае], не родишься в другом [случае]? Ведь я знаю [только], что они [жизнь и смерть] не ходят друг на друга. Откуда мне знать, не заблуждается ли тот, кто добивается жизни? Откуда мне также знать, не будет ли моя нынешняя смерть лучше, чем прошедшая жизнь? — Таков был ответ Подобного Лесу.

Цыгун выслушал его, но не понял. Вернулся и сообщил [обо всем] учителю.

— Я знал, что с ним следует поговорить, — сказал учитель. — Так и оказалось. Он обрел [мудрость], но не до конца.

Цыгун устал учиться и сказал Конфуцию:

— Хочу отдохнуть.

— В жизни нет отдыха, — ответил Конфуций.

— Значит [мне], Сы, негде отдохнуть?

— Есть где. Взгляни вот туда и узнай, где найдешь отдых. И простор и высота! И могильный курган! И заклание скота! И жертвенный треножник!

— Как величественна смерть! — воскликнул Цыгун. — Для благородного мужа — отдых, для ничтожного человека — падение ниц.

— Ты познал ее, Сы! Всем людям понятна радость жизни, но не всем — горечь жизни; всем понятна усталость старости, но не всем — отдых в старости; всем понятен страх перед смертью, но не всем — покой смерти.

Яньцзы сказал:

— Как прекрасна была смерть для древних! Для достойных она — отдых, для недостойных — падение ниц. Смерть — конец свойств. Древние называли мертвого вернувшимся. Если мертвого называть вернувшимся, то живого — странствующим. Если странствующий забывает о возвращении, [он] становится бездомным. Когда один становится бездомным, его порицают все. Когда же [все] в Поднебесной становятся бездомными, разве найдется мудрый, чтобы их порицать!

Что за человек тот, кто уйдет из родных мест, покинет всю свою родню, бросит свой дом, свое достояние, уйдет бродить на все четыре стороны и не вернется? Все непременно назовут его безрассудным, безумным. А что за человек тот, кто ценит [свое] тело и жизнь, хвастается своими способностями и мастерством, создает себе имя и славу, кичится перед живущими и забывает о [своем] конце? Все непременно назовут его умным, дальновидным мужем. Оба они ошибаются, однако все похвалят второго и осудят первого. Только мудрый человек ведает, кого одобрить а кого осудить.

Некто спросил учителя Лецзы:

— Почему ты ценишь пустоту?

— В пустоте нет ценного, — ответил Лецзы и продолжал: [Дело] не в названии. Нет ничего лучше покоя, нет ничего лучше пустоты. В покое, в пустоте, обретаешь свое жилище, [в стремлении] взять, отдать теряешь свое жилище. Когда дела пошли плохо, [прежнего] не вернешь игрой в «милосердие» и «справедливость».

Вскармливающий Медведя сказал:

— Движение и вращение не имеют конца. Но кто ощутит тончайшие изменения неба и земли [вселенной]? Ведь

из-за утраты всшей там — изобилие здесь, из-за полноты здесь — недостаток там. Утраты и изобилие, полнота и недостаток следуют то за жизнью, то за смертью. Кто ощутит то неуловимое мгновение, когда смыкаются друг с другом приход и уход? Воздух <эфир> у каждого нарастает не сразу, форма [тело] у каждого утрачивается не сразу. Не ощущаешь, [когда] они созревают, [когда] они утрачиваются. Так же с каждым днем, от рождения и до старости меняются внешний вид человека, цвет, разум, поведение. Кожа [у него] изменяется, ногти, волосы то вырастают, то опадают. Ведь они со времени младенчества не останавливаются [в росте], не остаются неизменными. Но этот миг [перехода] ощутить нельзя, понимают его много позже.

Некий цисец не мог ни есть ни спать: опасался, что небо обрушится, земля развалится и ему негде будет жить. Опасения эти опечалили другого человека, который отправился к нему и стал объяснять:

— Зачем опасаться, что обрушится небо? Ведь небо — скопление воздуха, нет места без воздуха. Ты зеваешь, дышишь и действуешь все дни в этом небе.

— [Если] небо действительно скопление воздуха, то разве не должны упасть солнце, луна, планеты и звезды? — спросил цисец.

— Солнце, луна, планеты и звезды — это [та часть] скопления воздуха, которая блестит. Пускай бы даже упали, никому бы не причинили вреда.

— А если земля развалится?

— Зачем опасаться, что земля развалится? Ведь земля — это скопление твердого [тела], которое заполняет [все] четыре пустоты. Нет места без твердого [тела]. Ты стоишь, ходишь и все дни действуешь на земле.

Успокоенный цисец очень обрадовался, а объяснявший ему, также успокоенный, очень обрадовался.

Услышал об этом учитель Высокий Тростник, усмехнулся и сказал:

— Радуга простая и двойная, облака и туман, ветер и дождь, времена года — эти скопления воздуха образуют небо. Горы и холмы, реки и моря, металлы и камни, огонь и дерево — эти скопления формы [тел] образуют землю. Разве познавший, что [небо] — скопление воздуха, по-

знавший, что [земля] — скопление твердых [тел], скажет, что [они] не разрушатся? Ведь в пространстве небо и земля — вещи очень мелкие, [хотя] самое крупное в них <в небе и земле> бесконечно, неисчерпаемо. Это очевидно. Трудно [их] измерить, трудно изучить. Это очевидно. Опасность их разрушения [относится] действительно к слишком далекому будущему, но слова о том, что они [никогда] не разрушатся, также неверны. Поскольку небо и земля не могут не разрушиться, [они обязательно] разрушатся. Разве не будет опасности, когда придет время их разрушения?

Услышал об этом учитель Лецзы, усмехнулся и сказал:

— Говорящие, что небо и земля разрушатся, ошибаются; говорящие, что небо и земля не разрушатся, также ошибаются. Разрушатся или нет, я не могу знать. Хотя одни [утверждают] первое, а другие — второе, но ведь живые не знают, что такое мертвые, а мертвые не знают, что такое живые; приходящие не знают ушедших, а ушедшие — приходящих. Что нам тревожиться, разрушатся [небо и земля] или нет!

Ограждающий спросил своих помощников:

— Могу ли обрести путь и им владеть?

— Собственным телом не владеешь, как же можешь обрести путь и им владеть! — ответили ему.

— Если я не владею собственным телом, [то] кто им владеет?

— Это скопление формы во вселенной. Жизнью [своей] ты не владеешь, ибо она — соединение [частей] неба и земли. Своими свойствами и жизнью ты не владеешь, ибо это случайное скопление во вселенной; своими сыновьями и внуками ты не владеешь, ибо они — скопление сброшенной [как у змеи] кожи во вселенной. Поэтому [ты] идешь, не зная куда, стоишь, не зная на чем, ешь, не зная почему. Во вселенной сильнее всего воздух и [сила] тепла. Как же можешь [ты] обрести их и ими владеть?

В царстве Ци жил Богач из рода Владеющих, а в царстве Сун — Бедняк из рода Откликающихся. Бедняк пришел из Сун в Ци выпросить секрет [богатства]. Богач сказал:

— Я овладел [искусством] похищения. С тех пор как начал похищать, за первый год сумел прокормиться, за второй год добился достатка, за третий год — полного изобилия. И с тех пор раздаю милости в селениях области.

Бедняк очень обрадовался, [но] понял он лишь слово «похищение», а не способ кражи. И тут [он] принялся перелезать через ограды, взламывать ворота и тащить все, что попадалось под руку, что бросалось в глаза. В скором времени, осудив [его] в рабство за кражу, конфисковали то имущество, что было у него прежде.

Подумав, что Богач его обманул, Бедняк отправился его упрекать.

— Как же ты грабил? — спросил Богач из рода Владеющих.

И Бедняк из рода Откликающихся рассказал, как было дело.

Ох! — воскликнул Богач. — Как ошибся ты в способе воровства! Но теперь я тебе [о нем] поведаю.

Я узнал, что небо дает времена года, а земля — прирост. Я и стал грабить у неба погоду, а у земли — прирост; влагу у туч и дождя, недра у гор и равнин, чтобы посеять для себя семена, вырастить себе зерно, возвести себе ограду и построить себе дом. У суши я отбирал диких зверей и птиц, из воды крал рыб и черепах. Разве это мне принадлежало? Все это было [мною] награблено. Ведь семена и зерна, земля и деревья, звери и птицы, рыбы и черепахи порождены природой. Я грабил природу и остался невредим. Но разве природой дарованы золото и нефрит, жемчуг и драгоценности, хлеб и шелк, имущество и товары? Они собраны человеком! Как же упрекать осудивших [тебя], если ты украл?

Решив в смятении, что Богач снова его обманул, [Бедняк] отправился к Преждерожденному из Восточного Предместья и спросил у него [совета].

Преждерожденный из Восточного Предместья ответил:

— Разве не похищено уже само твое тело? Ведь, чтобы создать тебе жизнь и тело, обокрали соединение [сил] жара и холода. Тем более не обойтись без похищения внешних вещей! Небо, земля и тьма вещей воистину неотделимы друг от друга. Тот, кто думает, что ими владе-

ет, — заблуждается. Грабеж рода Владеющих — это общий путь, поэтому [Богач] и остался невредим; твой грабеж — это личное желание, поэтому [ты] и навлек на себя кару. Захват общего и частного такой же грабеж, как и утрата общего и частного. Общее в общем и частное в частном — таково свойство природы [неба и земли]. Разве познавший свойства природы сочтет кого-то вором, а кого-то не вором?!

Глава 2 ЖЕЛТЫЙ ПРЕДОК

Десять и [еще] пять лет стоял на престоле Желтый Предок и радовался, что Поднебесная его поддерживала. [Он] наслаждался жизнью, [всем, что] радовало слух и зрение, обоняние и вкус [до тех пор, пока] от беспокойства кожа у него не высохла и не потемнела, пять чувств не притупились и не омрачились.

[Проществовал он] еще десять и пять лет и опечалился, что в Поднебесной нет порядка. Истошая слух и зрение, прилагая всю силу ума, распоряжался [он] народом [до тех пор, пока] от беспокойства кожа у него не высохла и не потемнела, пять чувств не притупились и не омрачились.

— Ах! — вздохнул тогда Желтый Предок. — Как погряз я в пороке! Наслаждался сам, и одолела такая напасть. Стал управлять тьмой существ, [и снова] одолела такая напасть!

Тут [он] бросил все дела, оставил дворец, отослал свиту, убрал колокола, ограничил [число] яств на кухне, отошел [от дел] и стал жить в праздности в подворье для приезжающих при дворце. Очищал [свое] сердце, подчинял [себе] тело. [После того как] три луны не вникал в дела правления, заснул днем и увидел сон, будто бродит по стране Всеобщее Процветание. А страна Всеобщее Процветание [лежит] на запад от Яньчжоу, на север от Тайчжоу, а в скольких миллионах ли от Срединных царств — неизвестно. До нее не добраться ни на лодке, ни на колеснице, ни пешком; странствовать [по ней можно] лишь мыслью.

В этой стране нет ни начальников, ни старших, каждый сам по себе; у народа нет ни алчности, ни страстей, все естественно. [Там] не ведают радости, когда [кто-то] родится, не ведают горя, когда [кто-то] умирает, поэтому не гибнут юными, преждевременно; не ведают [что значит] любить себя, чуждаться других, поэтому нет ни любви, ни ненависти; не ведают ни измены, ни покорности, поэтому нет ни выгод, ни убытков. Ни к кому у них нет ни любви, ни ненависти, никто ничего не боится, не опасается; входят в реку — не тонут; входят в огонь — не обжигаются; от ударов [у них] нет ни ран, ни боли; от укусов [они] не [чувствуют] зуда. Ступают по воздуху, точно по тверди, спят в пустоте, точно в постели. Облака и туман не мешают им смотреть, грохот грома не мешает слушать; красота и безобразие не смущают их сердца. Они не споткнутся ни в горах, ни в долинах, передвигаясь лишь мыслью.

Проснулся Желтый Предок, прозревший и довольный, призвал Небесного Старца, Пастыря Силача, Мыслителя с Горы Великой и им сказал:

— Я провел в праздности три луны, очистил сердце, подчинил тело, надеялся обрести учение о том, как заботиться о себе и управлять другими, но ничего не придумал, устал и заснул. И вот увидел такой сон. Ныне я понял, что настоящее учение нельзя найти чувством. Я его познал [разумом], я его обрел, но не могу о нем вам рассказать.

[Прошло] еще двадцать и восемь лет. В Поднебесной воцарился полный порядок, почти такой же, как в стране Всеобщее процветание. А [когда] Желтый Предок поднялся [ввысь] <умер>, народ оплакивал его не переставая, более двухсот лет.

Гора Охотниц-прорицательниц находится на острове на Океанской реке. Там живут чудесные люди. Вдыхают ветер, пьют росу, а зерном не питаются. Сердце [у них] — словно глубокий родник, тело — словно у девственницы. [Не ведомы им] ни ласка, ни любовь, служат им престарелые старцы и мудрые люди. Не ведая ни страха, ни гнева, служат им искренно и верно; нет ни подачек, ни милостей, а у всех всего достаточно; не собирают, не накапливают, а недостатка не терпят. [Там] постоянно сменяют друг

друга жар и холод, светят солнце и луна, следуют друг за другом четыре времени года, равномерно дует ветер и идет дождь, рожают и выкармливают своевременно, урожай зерна всегда в изобилии, а почва не гибнет, не портится. Люди не знают ни зла, ни ранней смерти, у тварей нет ни пороков, ни свирепости, от душ предков нет чудесных откликов.

Учителем Лецзы был Старый Шан, а другом — Дядя Высокий. [Лецзы] усвоил учение обоих и вернулся домой, оседлав ветер.

Об этом услышал ученик Инь, последовал за Лецзы и несколько лун не уходил домой. [Он] просил [учителя рассказать] на досуге о его искусстве, но десять раз [учитель] не говорил, и десять раз [Инь] возвращался [ни с чем]. Ученик Инь возроптал и попросил разрешения попроситься. Лецзы [и тут] ничего не сказал. Инь ушел на несколько лун, но мысль [об учении] его не оставляла, и [он] снова вернулся.

— Почему ты столько раз приходишь и уходишь? — спросил его Лецзы.

— Прежде [я], Чжанцзай, обращался к тебе с просьбой, — ответил Инь. — Ты же мне ничего не сказал, и [я] на тебя обиделся. Ныне забыл [обиду] и поэтому снова пришел.

— Прежде я считал тебя проникательным, ныне же ты оказался столь невежественным. Оставайся! Я поведаю тебе о том, что открыл [мне] учитель, — сказал Лецзы. — С тех пор как стал я служить учителю и другу, прошло три года, и [я] изгнал из сердца думы об истинном и ложном, а устам запретил говорить о полезном и вредном. Лишь тогда удостоился взгляда учителя. Прошло пять лет, и в сердце родились новые думы об истинном и ложном, устами по-новому заговорил о полезном и вредном. Лишь тогда удостоился улыбки учителя. Прошло семь лет и, давая волю своему сердцу, [уже] не думал ни об истинном, ни о ложном; давая волю своим устам, не говорил ни о полезном, ни о вредном. Лишь тогда учитель позвал меня и усадил рядом с собой на циновке. Прошло девять лет, и как бы ни принуждал [я] свое сердце думать, как бы ни принуждал свои уста говорить, уже не ведал, что для меня истинно, а что ложно, что полезно, а что вредно; не

ведал, что для других истинно, что ложно, что полезно и что вредно; уже не ведал, что учитель — мой наставник, а тот человек — мой друг. Перестал [различать] внутреннее от внешнего. И тогда все [мои чувства] как бы слились в одно целое: зрение уподобилось слуху, слух — обонянию, обоняние — вкусу. Мысль сгустилась, а тело освободилось, кости и мускулы сплавились воедино. [Я] перестал ощущать, на что опирается тело, на что ступает нога, и, следуя за ветром, начал передвигаться на восток и на запад. Подобный листу с дерева или сухой шелухе, [я] в конце концов не сознавал, ветер ли оседлал меня или я — ветер. Ты же ныне поселился у ворот учителя. Еще не прошел круглый срок, а ты роптал и обижался дважды и трижды. Ни одной доли твоего тела не может воспринять ветер, ни одного твоего сустава не может подержать земля. Как же смеешь [ты] надеяться ступать по воздуху и оседлать ветер?

Ученик Инь устыдился, присмирел и долго не решался задавать вопросы.

Лецзы спросил Стража Границы:

— Настоящий человек идет под водой и не захлебывается, ступает по огню и не обжигается, идет над тьмой вещей и не трепещет. Дозвольте спросить, как этого добиться?

— Этого добиваются не знаниями и не ловкостью, не смелостью и не решительностью, а сохранением чистоты эфира, — ответил Страж Границы. — Я тебе [об этом] поведаю. Все, что обладает формой и наружным видом, звучанием и цветом, — это вещи. [Различие] только в свойствах. Как же могут одни вещи отдаляться от других? Разве этого достаточно для превосходства [одних над другими]? Обретает истину тот, кто сумел понять и охватить до конца [процесс] создания вещей из бесформенного, [понять, что процесс] прекращается с прекращением изменений. Держась меры бесстрастия, скрываясь в не имеющем начала времени, тот, <кто обрел истину>, будет странствовать там, где начинается и кончается тьма вещей. Он добивается единства своей природы, [чистоты] своего эфира, полноты свойств, чтобы проникать в [процесс] создания вещей. Природа у того, кто так поступает,

хранит свою целостность, в жизненной энергии нет недостатка. Разве проникнут в его [сердце] печали?!

Ведь пьяный при падении с повозки, даже очень резко, не разобьется до смерти. Кости и сочленения [у него] такие же, как и у [других] людей, а повреждения иные, ибо душа у него целостная. Сел в повозку неосознанно и упал неосознанно. [Думы о] жизни и смерти, удивление и страх не нашли места в его груди, поэтому, сталкиваясь с предметом, [он] не сжимался от страха. Если человек обретает [подобную] целостность от вина, то какую же целостность должен он обрести от природы! Мудрый человек сливается с природой, поэтому ничто не может ему повредить.

Ле, Защита Разбойников, стрелял [на глазах] у Темнеющего Ока: натянул тетиву до отказа, поставил на предплечье кубок с водой и принялся целиться. Пустил одну стрелу, за ней другую и третью, пока первая была еще в полете. И все время оставался [неподвижным], подобным статуе.

— Это мастерство при стрельбе, но не мастерство без стрельбы, — сказал Темнеющее Око. — А смог бы ты стрелять, если бы взошел со мной на высокую гору и встал на камень, висящий над пропастью глубиной в сотню жэней?

И тут Темнеющее Око взошел на высокую гору, встал на камень, висящий над пропастью глубиной в сотню жэней, отступил назад [до тех пор, пока его] ступни до половины не оказались в воздухе, и знаком подозвал к себе Защиту Разбойников. Но тот лег лицом на землю, обливаясь потом [с головы] до пят.

— У настоящего человека, — сказал Темнеющее Око, — душевное состояние не меняется, глядит ли [он] вверх в синее небо, проникает ли вниз к Желтым источникам, странствует ли ко [всем] восьми полюсам. Тебе же ныне хочется зажмуриться от страха. Опасность в тебе самом!

У Фаня был сын по имени Процветающий, который умело создал себе славу. Перед ним преклонялось все царство. Войдя в милость цзиньского царя, [Процветающий] не служил, а место занимал направо от трех старших

сановников. Того, кто удостоился благосклонного взгляда [Процветающего], в царстве Цзинь жаловали титулом; того, кто заслужил бранное слово [Процветающего], из царства Цзинь изгоняли. Посещение дома Процветающего приравнялось к приему у царя.

Процветающий приказывал своим удальцам завязывать драки: умные обижали глупых, сильные подавляли слабых. [Он] не беспокоился, даже если оставались раненые и избитые. Дни и ночи проходили в таких забавах, которые чуть ли не вошли в обычай во всем царстве.

[Однажды] первые удальцы Фаня — Хэшэн и Цзыбо — отправились за город и заночевали в хижине старика землеша Кая с Шан-горы. В полночь Хэшэн и Цзыбо заговорили друг с другом о славе и могуществе Процветающего: он-де властен погубить живого и оживить мертвого, богатого сделать бедняком, а бедного — богачом.

Кай с Шан-горы, давно уже страдавший от голода и холода, притаился у северного окна и подслушал их беседу. Затем [он] занял зерна, сложил в корзину, взвалил ее на спину и отправился к воротам Процветающего.

В свите Процветающего состояли роловитые люди. Одетые в белый шелк, они разъезжали в колесницах или не спеша прохаживались, посматривая [на всех] свысока.

Заметив Кая с Шан-горы, старого и слабого, с загорелым дочерна лицом, в платье и шапке отнюдь не изысканных, все они отнеслись к нему презрительно и принялись издеваться над ним, как только могли: насмехались, обманывали его, били, толкали, перебрасывали от одного к другому. Но Кай с Шан-горы не сердился, прилебатели устали, и выдумки их исчерпались.

Тогда вместе с Каем все они взошли на высокую башню, и один из них пошутил:

— Тот, кто решится броситься вниз, получит в награду сотню золотом.

Другие наперебой стали соглашаться, а Кай, приняв все за правду, поспешил броситься первым, точно парящая птица, опустился [он] на землю, не повредив ни костей, ни мускулов.

Свита Фаня приняла это за случайность и не очень-то удивилась. А затем [кто-то], указывая на омут а излучине реки, снова сказал:

— Там — драгоценная жемчужина. Нырни — найдешь ее.

Кай снова послушался и нырнул. Вынырнул же действительно с жемчужиной.

Тут все призадумались, а Процветающий велел впредь кормить [Кая] вместе с другими мясом и одевать его в шелк.

Но вот в сокровищнице Фаня вспыхнул сильный пожар. Процветающий сказал:

— Сумеешь войти в огонь, спасти шелк — весь отдам тебе в награду, сколько ни вытащишь!

Кай, не колеблясь, направился [к сокровищнице], исчезал в пламени и снова появлялся, но огонь его не обжигал и сажа к нему не приставала.

Все в доме Фаня решили, что он владеет секретом, и стали просить у него прощения:

— Мы не ведали, что ты владеешь чудом, и обманывали тебя. Мы не ведали, что ты — святой, и оскорбляли тебя. Считай нас дураками, считай нас глухими, считай нас слепыми! Но дозвожь нам спросить: в чем заключается твой секрет?

— У меня нет секрета, — ответил Кай с Шан-горы. — Откуда это — сердце мое не ведает. И все же об одном я попытаюсь вам рассказать.

Недавно двое из вас ночевали в моей хижине, и я слышал [как они] восхваляли Процветающего: [он]-де властен умертвить живого и оживить мертвого, богатого сделать бедняком, а бедного — богачом. И я отправился [к нему], несмотря на дальний путь, ибо поистине у меня не осталось других желаний. Когда пришел сюда, [я] верил каждому вашему слову. Не думая ни об опасности, ни о том, что станет [с моим телом], боялся лишь быть недостаточно преданным, недостаточно исполнительным. Только об одном были мои помыслы, и ничто не могло меня остановить. Вот и все.

Только сейчас, когда я узнал, что вы меня обманывали, во мне поднялись сомнения и тревоги, [я] стал прислушиваться и приглядываться к [вашей] похвальбе. Вспомнил о прошедшем: посчастливилось не сгореть, не утонуть — и от горя, от страха [меня] бросило в жар, охватила дрожь. Разве смогу еще раз приблизиться к воде и пламени?

С той поры удалцы Фаня не осмеливались обижать нищих и коновалов на дорогах. Встретив их, кланялись, сойдя с колесницы.

Узнав об этом, Цзай Во сообщил Конфуцию. Конфуций же сказал:

— Разве ты не знаешь, что человек, полный веры, способен воздействовать на вещи, растрогать небо и землю, богов и души предков, пересечь [вселенную] с востока на запад, с севера на юг, от зенита до надира. Не только пропасть, омут или пламя — ничто его не остановит. Кай с Шан-горы поверил в ложь, и ничто ему не помешало. Тем паче, когда обе стороны искренни. Запомни сие, юноша!

У чжоуского царя Сюаньвана начальником над пастухами был раб Жердочка Для Птиц. Он умел обращаться с дикими зверями и птицами и, собирая их, кормил во дворе и в саду. Он укрощал и приручал любого хищника, даже тигра и волка, орла или скопу <рыболова>. В его присутствии самцы и самки спаривались и размножались, образуя целые стада. Разнообразные виды [зверей] паслись рядом, не царапая и не кусая друг друга.

Обеспокоенный тем, как бы секрет искусства раба не умер вместе с ним, царь приказал ему обучать Садовода с Мао-горы.

Он же сказал [Садоводу]:

— [Я], Жердочка, — презренный раб. Какое искусство могу тебе передать? Но боюсь, как бы государь не обвинил [меня] в том, что [я] утаил от тебя [секрет], и скажу вкратце, как обращаться с тиграми.

Радоваться, когда потакают, и сердиться, когда перечат, — в природе каждого, в ком течет кровь. Но разве радость и гнев проявляются случайно?! Гнев [зверя] вызывают, когда идут против [его] воли. Во время кормежки не решаюсь давать тигру живого зверя: убивая его, [тигр] придет в ярость; не решаюсь давать целую тушу: разрывая ее, придет в ярость. Своевременно кормлю голодного и постигаю, [что] приводит его в ярость. Тигр и человек [принадлежат] к различным видам. Человек потакает тигру, и тигр к нему ласкается; перечит — и тигр его убивает. Но разве решусь я перечить тигру, чтобы привести его в гнев! Не решусь также и потакать ему, чтобы вызвать у него радость. Ведь от радости вернется непременно

к гнсу, а от гнева вернется снова к радости; ни тем, ни другим способом не достигну цели.

Ныне, [когда] у меня нет мысли ни потакать им, ни перечить, птицы и звери принимают меня за своего. [Действую] по закону природы — предоставлять каждого самому себе, поэтому [они] бродят по моему саду, не вспоминая о высотах [горных] лесов и просторах болот; засыпают на моем дворе, не стремясь в глубину гор и в тишину долин.

Янь Юань рассказал Конфуцию:

— Когда я переправлялся через пучину Глубина кубка, Перевозчик правил лодкой, как бог. Я спросил его: «Можно ли научиться управлять лодкой?» «Да, — ответил он, — можно обучить того, кто умеет плавать; у прекрасного пловца [к этому] особые способности, а если это водолаз, то [он] примется управлять лодкой, даже не выдав ее прежде в глаза». Я спрашивал еще, но [он] более не отвечал. Дозвольте задать вопрос: «Что это означает?».

— Гм! — сказал Конфуций. — Я давно уже забавлялся с тобой тем, что [лежит] на поверхности, но никогда не доходил до сущности. [Теперь] все же скажу.

«Можно обучить того, кто умеет плавать» [означает, что он] легко общается с водой; «У прекрасного пловца [к этому] особые способности» — забывает про воду; «А если это водолаз, то [он] примется управлять лодкой, даже не выдав ее прежде в глаза» — для него пучина подобна суше, а опрокинутая лодка — скользящей назад повозке. Пусть перед ним опрокидывается и скользит тьма вещей, это даже не привлечет его внимания; куда бы ни направился, все станет делать играючи.

Мастер игры [со ставкой] на черепицу станет волноваться при игре на [серебряную] застежку и потеряет рассудок при игре на золото. Искусство одно и то же, но стоит появиться ценному, и внимание перейдет на внешнее. Внимание же к внешнему всегда притупляет [внимание к] внутреннему.

Конфуций любовался в Люйляне [водопадом]: струи спадают с высоты в тридцать жэней, пена бурлит на тридцать ли. Его не могут преодолеть ни кайманы, ни рыбы,

ни черепахи — морские или речные. Заметив там пловца, [Конфуций] подумал, что тот с горя ищет смерти, и отправил своих учеников вниз, чтобы его вытащить. [Но тот] через несколько сот шагов вышел [из воды] с распущенными волосами, запел и стал прогуливаться у дамбы.

Конфуций последовал [за ним] и ему сказал:

— Водопад в Люйляне высотой в тридцать жэней, пена бурлит на тридцать ли. Его не могут преодолеть ни кайманы, ни рыбы, ни черепахи — морские или речные. Заметив, как ты в него вошел, я подумал, что с горя ищешь смерти, и отправил своих учеников вниз, чтобы тебя вытащить. [Когда] ты вышел с распущенными волосами, запел и стал прогуливаться, я принял тебя за душу утопленника, но взгляделся: ты — человек. Дозволь задать вопрос: владеешь ли секретом, [как следует людям] ходить по воде?

— Нет, — ответил пловец. — У меня нет секрета. От рождения — это у меня привычка, при возмужании — характер, в зрелости — это судьба. Вместе с волной погружаюсь, вместе с пеной всплываю, следую за течением воды, не навязывая [ей] ничего от себя. Вот мой секрет.

— Что означает: «от рождения — это привычка, при возмужании — характер, в зрелости — это судьба»? — спросил Конфуций.

— Я родился среди холмов и удовлетворен [жизнью] среди холмов — такова привычка; вырос на воде и удовлетворен [жизнью] на воде — таков характер; это происходит само собой и я не знаю почему — такова судьба.

Направляясь в Чу, Конфуций вышел из леса и заметил Горбуна, который ловил цикад, будто [просто] их подбирал.

— Как ты искусен! — воскликнул Конфуций. — Обладаешь ли секретом?

— Да! У меня есть секрет, — ответил ловец цикад. — В пятую-шестую луну кладу на коконы [цикад] шарики. [Из тех, на которые] положу два [шарика] и [шарики] не упадут, теряю немногих; [из тех, на которые] положу три [шарика] и не упадут, теряю одну из [каждых] десяти; [тех же, на которые] положу пять шариков и не упадут, [ловлю всех просто], будто подбираю. Я стою, словно старый пень, руки держу, точно сухие ветви. Как бы ни велика

была вселенная, какая бы тьма тварей в ней ни существовала, мне ведомы лишь крылатые цикады. Почему бы мне их не ловить, [если] ничто [другое] не заставит меня шевельнуться, ни на что в мире я не сменяю крылышки цикады!

Конфуций обернулся к своим ученикам и воскликнул:

— Вот каковы речи того Горбуна! Воля [у него] не рассеиваемся, а сгущается в душе.

А Горбун в ответ:

— Вы, длиннополые ученики! Откуда вам знать то, о чем спрашиваете? Заботитесь о собственном поведении да потом еще утруждаете [себя] такими речами!

Один приморский житель любил чаек. Каждое утро отправлялся в море и плыл за чайками. Чайки же слетались к нему сотнями.

Его отец сказал:

— Я слышал, что все чайки следуют за тобой. Поймай-ка мне [нескольких] на забаву.

На другое утро, [когда Любитель чаек] отправился в море, чайки кружились [над ним], но не спускались.

Поэтому и говорится: «Высшая речь — без речей, высшее деяние — недеяние». То знание, которое доступно всем, — неглубоко.

Чжао Сянцзы с сотней тысяч человек отправился на огневую охоту в Срединные горы. С помощью высокой травы подожгли лес, и пламя охватило [его] на сотни ли. [И тут] из каменного утеса вышел человек, [который] поднимался и опускался вместе с дымом и пеплом. Все сказали, что это душа покойника. Пройдя через огонь, будто его и не было, тот человек вышел не спеша.

Чжао Сянцзы удивился, удержал его и незаметно осмотрел. Фигурой, цветом, семью отверстиями [в голове] — человек; по дыханию, голосу — человек. И [Чжао Сянцзы] спросил:

— С помощью какого секрета живешь в камне? С помощью какого секрета проходишь через огонь?

— Что называешь камнем? Что называешь огнем? — спросил его тот.

— То, откуда [ты] недавно вышел, — камень; то, через что недавно прошел, — огонь.

— Не ведаю, — ответил тот.

Услышал об этом вэйский царь Прекрасный и спросил Цзыся:

— Что это был за человек?

— [Я], Шан, слышал от учителя, что [человек, который обрел] гармонию, во всем подобен [другим] вещам. Ничто не может его ни поранить, ни остановить. Он же может все — и проходить через металл и камень, и ступать по воде и пламени.

— А почему ты этого не делаешь? — спросил царь Прекрасный.

— [Я], Шан, еще не способен открыть свое сердце и очистить [его] от знаний. Хотя и пытаюсь говорить об этом, когда есть досуг.

— Почему не делает этого учитель?

— Учитель способен на это, — ответил Цзыся, — но способен и не делать этого.

[Ответ] очень понравился царю Прекрасному.

Некий Колдун, по имени Ци Сянь, переселился из Ци в Чжэн. Точно бог, узнавал [он], кто родится, а кто умрет, кто будет жить, а кто погибнет, кого ждет счастье, а кого — беда, кого — долголетие, а кого — ранняя смерть, и назначал [каждому] срок: год, луну, декаду, день. Завидев его, чжэнцы уступали дорогу.

Лецзы встретился с Колдуном и подпал под его чары. Вернувшись же, обо всем рассказал учителю с Чашигоры:

— Ваше учение я считал высшим, а теперь познал более совершенное.

— Я не открывал тебе внешнего, пока ты не постиг сущности, — сказал учитель. — Как же тебе судить об учении? Если рядом с курами не будет петуха, откуда возьмутся цыплята? Думая, что постиг учение и [можешь] состязаться с современниками, [ты] возгордился, поэтому он и прочел все на твоём лице. Приди-ка вместе [с ним] сюда, пусть на меня посмотрит.

Назавтра Лецзы явился к учителю вместе с Колдуном. [Когда они] вышли, [Колдун] сказал Лецзы:

— Увы! Твой учитель [скоро] умрет, не проживет и десяти дней. Я видел странное — пепел, залитый водой.

Лецзы вошел к учителю, зарыдал так, что слезами оросил одежду, и передал ему [слова Колдуна].

— В тот раз я показался ему поверхностью земли, без побегов, без движения. Ему, видимо, почудилась какая-то преграда в источнике моей жизненной энергии. Приди-ка снова [с ним] сюда.

На другой день Лецзы снова явился с Колдуном.

[Когда они] вышли, Колдун сказал Лецзы:

— Счастье, что твой учитель встретился со мной. [Ему] лучше. В пепле появилась жизнь. Я заметил, что энергия проникает через преграду.

Лецзы вошел к учителю и передал ему [все].

— На этот раз я показался ему в виде неба и земли, [куда] нет доступа [таким понятиям, как] «имя» [или] «сущность». Но источник энергии исходил из пяток. Вот [ему] и почудилось, что «энергия проникает через преграду», что мне лучше. Приди-ка снова [с ним] сюда.

На другой день Лецзы снова явился с Колдуном к учителю. [Когда они] вышли, [Колдун] сказал Лецзы:

— Твой учитель в тревоге. Трудно читать на его лице. Успокой [его, и я] снова его навешу.

Лецзы вошел к учителю и передал ему [все]. Учитель же молвил:

— На этот раз он узрел во мне великую пустоту без малейшего предзнаменования [чего-либо] и принял ее за признак равновесия жизненных сил. Существует всего девять глубин: глубина водоворота и стоячей воды, проточной воды и бьющего источника, родника, текущего с горы, и источника, вытекающего из ямы, реки, вернувшейся в русло после прорыва [дамбы], реки, растекающейся по болоту, и нескольких ручьев, вытекающих из одного источника. Приди-ка [с ним] снова сюда.

На другой день Лецзы вместе с Колдуном снова явился к учителю. Не успел [Колдун] занять [свое] место, как в растерянности пошел прочь.

— Догони его, — велел учитель.

Лецзы побежал, не смог его догнать, вернулся и доложил учителю:

— Не догнал. [Он куда-то] исчез! Потерялся!

— Я показался ему зародышем, каким был еще до появления на свет. Я предстал перед ним пустым, слабым,

покорным. [Он] не понял, кто [я], какой [я], видел то увядание, то стремительное течение. Вот и сбежал.

Тут Лецзы решил, что еще и не начинал учиться, вернулся [домой] и три года не показывался. Готовил пищу для своей жены, свиней кормил, будто людей. В резьбе и полировке вернулся к безыскусственности. В [других] делах не принимал участия. Лишь телесно, словно ком земли, возвышался он среди мирской суеты, замкнутый, целостный и поэтому [познал] истину до конца.

Лецзы направился в Ци, [но] с полдороги вернулся и встретил Дядю Темнеющее Око.

— Почему возвратился? — спросил Темнеющее Око.

— Я испугался!

— Чего же испугался?

— Я ел в десяти харчевнях, и в пяти [мне] подавали раньше всех.

Пусть так. Но чего же тебе пугаться?

— Чистота внутри еще не освободилась, а из тела [она] просачивается [в виде] луча. Внешним воздействовать на сердца людей, чтобы они пренебрегали уважаемыми и старыми, [значит] готовить себе беду. Ведь хозяин харчевни не имеет лишних доходов, продаст лишь кашу да похлебку. Если так поступает тот, у кого прибыль скудная, а власть ничтожная, что же сделает властитель тьмы колесниц, который отдает все силы государству и все знания управлению? Поэтому-то я и испугался, что тот [царь] захочет поручить мне дела и [станет] ждать от меня заслуг.

— Прекрасное наблюдение! — воскликнул Темнеющее Око. — [Но если] ты останешься у себя, люди станут [искать] у тебя защиты.

Вскоре Темнеющее Око пришел [к Лецзы] и у дверей увидел множество туфель. Обернувшись лицом к северу <как подчиненный>, Темнеющее Око оперся подбородком о посох, нахмурился и, постояв немного, молча вышел. Принимавший гостей доложил об этом Лецзы. Лецзы босой с туфлями в руках побежал [за Темнеющим Оком] и, догнав у ворот, спросил:

— Поскольку [вы], Пржедрожженный, пришли, не дадите ли мне совет?

— [Все] кончено! Я же предупреждал, что люди станут [искать] у тебя защиты. Это действительно так! Способ-

ный привлечь других, чтобы [стекались] к тебе, ты оказался не способным помешать другим искать у тебя защиты. К чему это?

[Стоит] результату разойтись с предвидением, и непременно получится огорчение. [Оно] бессмысленно и поколеблет [тебя] самого. Никто из твоих последователей [этого] тебе не скажет. Вся их мелкая болтовня — яд для человека. Без пробуждения, без сознания разве [помогут] созреванию друг друга?

Ян Чжу на юге достиг [местности] Пэй, [и когда] Лаоцзы, странствуя на запад, пришел в Цинь, встретил его на подступах — в Лян.

Посредине дороги Лаоцзы подъял взор к небу и вздохнул:

— Прежде думал, что тебя можно научить, ныне же [вижу], что нельзя.

Ян Чжу промолчал. [Когда же] вошли в харчевню, [Ян Чжу] подал [Лаоцзы] воду для умывания и полоскания рта, полотенце и гребень. Оставив туфли за дверями, подполз к нему на коленях и заговорил:

— Недавно учитель подъял взор к небу, вздохнул и сказал: «Прежде думал, что тебя можно научить, ныне же [вижу], что нельзя». [Мне], ученику, хотелось попросить объяснения, но не осмелился, ибо учитель сказал и продолжал путь без отдыха. Ныне же у учителя есть свободное время. Дозвольте [мне] задать вопрос: в чем моя вина?

— У тебя самодовольный взгляд, у тебя хвастливый взгляд. С кем сумеешь жить вместе? [Ведь и] «чистейшая белизна кажется запятнанной, совершенное достоинство кажется недостаточным!» — ответил Лаоцзы.

— Почтительно слушаюсь! — сказал Ян Чжу со всем уважением, изменившись в лице.

Прежде Ян Чжу в харчевне приветствовали жильцы, хозяин приносил [ему] циновку, хозяйка подавала полотенце и гребень, сидевшие уступали [место] на циновке, гревшиеся давали [место] у очага. Когда же он вернулся, постояльцы стали спорить с ним за [место] на циновке.

Проходя через Сун, на востоке Ян Чжу зашел на постоялый двор. У хозяина двора были две наложницы: красивая и безобразная. Безобразную [хозяин] ценил, а кра-

сивой пренебрегал. На вопрос Янцзы, какая тому причина, этот человек ответил:

— Красавица сама [собою] любит, и я не понимаю, в чем ее красота. Безобразная сама себя принижает, и я не понимаю, в чем ее уродство.

— Запомните это, ученики, — сказал Янцзы. — Действуйте достойно, но гоните от себя самодовольство, и [вас] полюбят всюду, куда бы ни пришли.

В Поднебесной есть путь к постоянным победам и путь к постоянным поражениям. Путь к постоянным победам называется слабостью, путь к постоянным поражениям называется силой. Оба этих пути легко познать, однако люди их не знают. Поэтому в древности и говорили: «сильный [стареется] опередить тех, кто слабее его; слабый — тех, кто сильнее его». Идущему впереди тех, кто слабее его, грозит опасность от равного ему; идущему впереди тех, кто сильнее его, не грозит опасность. Так побеждают собственное тело, будто раба, так служат Поднебесной, будто рабы. Это и называется победой без побед, службой без служения.

Вскармливающий Медведя сказал:

— Хочешь быть твердым, сохраняй [твердость] с помощью мягкости; хочешь быть сильным, береги [силу] с помощью слабости. [Кто] собирает мягкое, станет твердым; [кто] собирает слабое, станет сильным; наблюдай за тем, что собирается, чтобы узнать, что придет: счастье или беда. Сильный побеждает тех, кто слабее его, а от [руки] равного себе — гибнет. Слабый побеждает тех, кто сильнее его, его сила — неизмерима. Лаоцзы сказал:

«Войско могущественное погибнет.

Дерево крепкое сломается.

Мягкое и слабое — спутники жизни.

Твердое и сильное — спутники смерти».

Подобные по уму могут быть различны обликом; подобные обликом могут быть различны по уму. Мудрый сближается с подобным [себе] по уму, но отдаляется от подобного [себе] обликом; дюжинный сближается с подобным [себе] обликом, но отдаляется от подобного [себе] по уму. С подобными [себе] обликом [мы] сближа-

емся и их любим; от отличающихся от нас обликом [мы] отдаляемся и их боимся. [Того, кто] обладает ростом в семь чи, руками, отличными от ног, волосами на голове и зубами во рту, бежит, наклоняясь вперед, называем человеком; но человек может обладать сердцем зверя. Однако, несмотря на звериное сердце, видим в нем подобного себе. [Того, кто] обладает крыльями по бокам, рогами на голове, способен обнажать клыки и выпускать когти, летать в воздухе или бегать на четырех ногах, называем птицей или зверем. А у птицы или зверя может быть сердце человека. Однако, несмотря на человеческое сердце, [мы] видим в них чуждых себе обликом.

У Готовящего Жертвенное Мясо и Нюйва, у Священного Земледельца и Великих Вождей были змеиные тела и человеческие лица или бычьи головы и тигриные морды. [Они] обладали не обликом человека, а свойством великих мудрецов. Ся Разрывающий на Части и Инь Бесчеловечный, Луский Хуань и Чуский Му внешне, семью отверстиями [в голове] были подобны человеку, но сердцем обладали звериным. Дюжинный человек, держась лишь облика в поисках истины, ее [истины] не найдет. Желтый Предок, сражаясь с Предком Огня на поле при Баньцюань, повел в авангарде медведей и медведиц, волков и барсов, пантер и тигров, а знаменосцами сделал орлов и фазанов, кречетов и коршунов. Таково подчинение птиц и зверей силой. Высочайший поручил Кую ведать музыкой. Ударяя одной каменной пластинкой о другую, [тот] повел всех зверей танцевать; [сыграл] на свирели девять тактов песни «[Великое] цветение», и пара фениксов явилась совершить обряд. Таково привлечение птиц и зверей музыкой. Разве этим сердца у птиц и зверей отличаются от человеческих? К тем, кто по облику и по голосу отличается от человека, [мы] не знаем, как подойти. Мудрый же все знает, всех понимает, поэтому умеет их привлечь и ими распорядиться. Ведь у птиц и зверей знания естественные, подобные человеческим. Не заимствуя знаний у человека, все они стремятся сохранить свою жизнь. Самец и самка спариваются, мать и детеныш любят друг друга. [Они] избегают [местности] ровной, держатся неприступной, уходят от холода стремятся к теплу, останавливаются, [собираясь] в стадо; передвигаются рядами,

юные помещаются в середине, сильные — по краям. [Когда есть] вода, ведут [к ней] друг друга, [когда есть] пища, призывают друг друга. В древности [они] жили вместе с людьми и передвигались вместе с людьми, а во времена вождей и царей стали пугаться и бросаться врассыпную. В последнее же время [они] таятся, прячутся и спасаются бегством, чтобы избежать беды. Ныне на востоке в стране рода Посредников люди понимают язык шести [видов] животных и [с ними] говорят. Эти знания [они], наверно, приобрели случайно. В древнейшие же времена священные мудрецы различали по виду и по характеру мириады тварей и понимали язык каждого из видов; созывали их и собирались вместе с ними, учили их и понимали, как людей. Поэтому сначала встречались с душами предков и духами, оборотнями, горными и лесными, затем общались с народами всех восьми сторон и, наконец, собирали птиц и зверей, насекомых и пресмыкающихся. [Они] говорили: «У существ, обладающих кровью и жизненной энергией, нет большого различия в сердце и знаниях». Священные мудрецы это знали и поэтому, обучая и наставляя, никого не упустили.

В царстве Сун жил Обезьяний Царь, который любил обезьян и кормил их целую стаю. [Он] умел разгадывать их желания, обезьяны также его понимали. Чтобы ублаго-творить обезьян, [он] меньше кормил свою семью.

Но вдруг [он] обеднел, и пришлось [ему] уменьшить корм обезьянам. Боясь, что вся стая выйдет из повиновения, сначала их обманул:

— Хватит ли, если стану давать вам утром по три каштана, а вечером по четыре?

Тут все обезьяны поднялись в гнев.

— Хватит ли, если стану давать вам утром по четыре каштана, а вечером по три? — сразу же переспросил он.

И все обезьяны, обрадованные, легли на землю.

Так же точно заманивают в клетку тварь более глупую. Мудрец с помощью своих знаний заманивает толпу дураков так же, как перехитрил обезьян с помощью своих знаний Обезьяний Царь. Оставив название и сущность неизменными, [он] сумел вызвать, у обезьян то гнев, то радость.

Цзи Синцзы тренировал бойцового петуха для чжоуского царя Сюаньвана. Через десять дней [царь] спросил:

— Готов ли петух к бою?

— Еще нет. Пока самонадеян, попусту кичится.

Через десять дней [царь] снова задал [тот же] вопрос.

— Пока нет. Еще бросается на [каждую] тень, откликается на [каждый] звук.

Через десять дней [царь] снова задал [тот же] вопрос.

— Пока нет. Взгляд еще полон ненависти, сила бьет через край.

Через десять дней [царь] снова задал [тот же] вопрос.

— Почти [готов]. Не встревожится, пусть даже услышит [другого] петуха. Взгляни на него — будто вырезан из дерева. Полнота его свойств совершенна. На его вызов не посмеет откликнуться ни один петух — повернется и сбежит.

Хой Ан посетил сунского царя Канвана. Канван затопал ногами и, гневно хрипя, закричал:

— Чему гость может меня научить? Я не люблю проповедников милосердия и справедливости. Мне нравятся храбрецы и силачи.

— Не заинтересует ли великого государя учение, которым обладаю [я], ваш слуга? — ответил Ан. — Даже сильного оно может заставить промахнуться в ударе, даже храброго — колоть [кинжалом] и не поранить.

— Прекрасно! Об этом мне нравится слушать.

— Но ведь колоть и не поранить, ударить и промахнуться — это позорно. У вашего же слуги есть такое учение, от которого и храбрый не посмеет колоть, и сильный не посмеет ударить. Но не сметь — не означает не хотеть. У вашего же слуги есть учение, от которого у человека совсем исчезает подобное желание. Исчезнет подобное желание, не появится и мысли о выгоде. У вашего же слуги есть учение, от которого все мужья и жены в Поднебесной полюбят выгоду. Это умнее, чем храбрость и сила, выше [всех] четырех рангов. Не заинтересует ли это великого государя?

— Это то, чего я хотел бы добиться, — ответил сунский царь.

— Таково [учение] Куна и Мо. Конфуций и Мо Ди стали царями, не имея земли, стали начальниками, не

имея подчиненных. Желая им покоя и выгоды, каждый муж и каждая жена в Поднебесной поднимались на цыпочки и вытягивали шею. [И если] ныне великий государь — властелин тьмы колесниц — действительно имеет подобное желание, то все в пределах четырех границ обретут свою выгоду. И он превзойдет умом Конфуция и Моцзы.

Царю нечего было ответить. Хой Ан же поспешил уйти.

Царь сказал [стоявшим] слева и справа:

— [Вот это] красноречие! Гость сумел меня убедить!

Глава 3 ЧЖОУСКИЙ ЦАРЬ МУ

При чжоуском царе Му из страны на крайнем Западе явился человек, владевший [силой] превращений. Входил в огонь и воду, проходил через металл и камень, переворачивал горы, менял течение рек, передвигал обнесенные стенами города. Поднимался в пустоту и не падал, проходил сквозь твердое, не встречая препятствий, тысячам и десяткам тысяч его превращений не было конца. Он изменял и форму вещей и мысли людей.

Царь Му почитал его, словно духа, служил ему, словно царю, уступил ему царские покои, угощал его мясом вскормленных для жертв быков, баранов, свиней; чтобы развлекать его, отбирал лучших девушек-певиц. Однако тот человек не мог жить в царских покоях, находя их низкими и безобразными; не мог есть яств царской кухни, находя их сырыми и зловонными; не мог приблизиться к царским наложницам, находя их некрасивыми и вонючими.

Тогда царь Му стал воздвигать для него строение, [призвав на помощь] все искусство [своих] мастеров по глине и дереву, по окраске красным и белым. [Все] пять сокровищниц опустели, пока башня была закончена. Высотой в тысячу жэней, она возвышалась над вершиной Южной горы и называлась Вздымающейся к Небу башней. Для башни выбрали красивейших из дев в [царствах] Чжэн и Вэй, умастили [их] ароматными маслами, подри-

совали [им] брови — усики бабочки, убрали прическу шпильками, продели [в уши] серьги, одели их в тончайший холст, отороченный блестящим шелком из Ци, набелили им лица, подчернили брови, украсили нефритовыми подвесками, различными душистыми травами. Заполнив башню, [красавицы] сыграли песни «Принимаем облака», «Шесть драгоценных нефритов», девять тактов мелодии [«Великое»] Цветение», «Утреннюю росу», чтобы развесть человека, владевшего [силой] превращений.

Каждую луну [царь] подносил [ему] драгоценные одежды, каждое утро — тонкие яства. Тот же до всего снисходил как бы нехотя.

Прожив недолго [в башне, тот человек] пригласил царя прогуляться. Держась за его рукав, царь взлетел с ним ввысь на самое Срединное небо и очутился в его дворце. Дворец был построен из золота и серебра, усыпан жемчугом и нефритом. Возвышался [он] и над облаками и над дождем, а на чем покоился — неизвестно. Издали он казался пушистым облаком. Все здесь для зрения и слуха, обоняния и вкуса было иным, чем в мире людей. Царь, считая, что оказался поистине в обители предков — Чистой Столице Пурпурной Звезды, [наслаждался] широтой мелодии небесной музыки. Наклонив голову, царь увидел внизу свой дворец и террасы, похожие на комья земли и кучи хвороста. Царю казалось, что прожил [он] здесь десятки лет, не вспоминая о своей стране. [Но вот] человек, владевший [силой] превращений, снова пригласил царя прогуляться, и [они] пришли туда, где наверху не видно было ни солнца, ни луны, а внизу — ни рек, ни морей. Свет и тени ослепили царя, и [он] не мог ничего разглядеть; звуки и эхо оглушили царя, и [он] не мог ничего слышать. Все его кости и внутренние органы затрепетали, [он] не мог сосредоточиться, мысли [у него] омрачились, жизненная сила истощилась, и [он] стал уговаривать того человека вернуться обратно. Тот [его] толкнул, и царь камнем свалился в пустоту.

Очнулся [он] на том же месте, что и прежде; в свите были те же люди, что и прежде; вино перед ним еще не остыло, кушанья еще не высохли.

— Откуда [я] прибыл? — спросил царь.

— Государь [сидел] задумавшись, — ответили слева и справа.

Тут царь Му впал в беспамятство. Пришел в себя [лишь] через три месяца и снова спросил человека, владевшего [силой] превращений. Тот ответил:

— Разве мы с государем двигались? [Нет!] Мы странствовали мысленно. А разве место, где [мы] жили, не иное, чем дворец государя? Разве места, где странствовали, не отличались от заповедника государя? Привыкнув к постоянному, сомневаешься в возможности забыться на время? При высшем же изменении в один миг можно исчерпать все возможные формы.

В большой радости царь перестал заботиться о государственных делах, наслаждаться своими наложницами и всеми мыслями предался далеким странствиям.

[Он] приказал запрячь в две колесницы восемь своих добрых коней. В переднюю колесницу запрягли справа Рыжего Черногривого, слева — Зеленое Ухо, правой пристяжной — Рыжего Быстроногого, слева — Белую Жертву. Колесничим был Отец Цзао, помощником — Тай Бин <иероглифы неразборчивы. — Л. Позднеева>. В упряжку второй колесницы запрягли справа Огромного Буланого, слева — Превосходящего Колесо (?), правой пристяжной — Быстроногого Вороного, левой — Сына Гор. Ведущим был Бо Яо, колесничим — Шэнь Бо, помощником — Бэнь Жун.

Промчались тысячу ли и прибыли в страну Огромных Охотников. Огромные Охотники подвезли царю и [сго] людям на двух колесницах кровь белого лебедя для питья, молоко коровы и кобылицы для мытья ног. Напившись, поехали дальше и заночевали па склоне [горы] Союз Старших Братьев к югу от Красных Вод.

На другой день поднялись на вершину [горы] Союз Старших Братьев, чтобы полюбоваться на дворец Желтого Предка, и насыпали холм, чтобы оставить память грядущим поколениям. Затем отправились погостить к Матери Западных Царей и пировали над Озером Белого Нефрита.

Мать Западных Царей пела царю, а он вторил ей, но слова были печальны. Наблюдая, как закатилось солнце, прошедшее за день десятки тысяч ли, царь со вздохом сказал:

— Увы! Я — человек, который не обладал полнотой основных свойств, но увлекался наслаждениями. Потомки осудят меня.

Разве царь Му священен? [Ведь он] сумел исчерпать наслаждения в своей жизни и все же умер, [прожив] до

ста лет. В мире считали, что [он] поднялся [ввысь] <умер>.

Старый Чэнцзы учился [искусству] превращений у Преждерожденного Инь Вэня, но за три года [тот] ничего не сказал. Старый Чэнцзы просил прощения и разрешения удалиться. Преждерожденный Инь Вэнь приветствовал его, ввел в дом, загородился справа и слева и стал ему говорить:

— Когда-то Лаоцзы, отправляясь на Запад, обернулся и сказал мне: «Все, кто обладает жизненной энергией, все, кто обладает внешней формой <телом>, смертны. То, что создается, развивается [с помощью] жара и холода. называется жизнью, называется смертью. То, что малым числом достигает многих изменений, то, что легко меняется вслед за [своей] формой, называется превращением, называется преходящим. Процесс создания вещей сокровенен, плоды его бесчисленны, поэтому [процесс] неисчерпаем и бесконечен. Искусство же [в каждой отдельной] форме ясно видно, его успехи невелики, поэтому [оно] исчезает, едва возникнув. Изучать превращения может лишь тот, кто познал, что изменения и превращения не отличаются от [процесса] жизни и смерти. Мы с тобой такие же превращения, так следует ли их изучать?».

Возвратившись домой, Старый Чэнцзы размышлял над словами Преждерожденного Инь Вэня три луны, а затем уже сумел, как хотел, распоряжаться бытием и небытием, менять четыре времени года, вызывать гром зимой, а снег — летом, заставляя летающих бегать, а бегущих — летать. Но за всю жизнь [никому] не открыл своего искусства, и люди [его] не передавали друг другу.

Учитель Лецзы сказал:

— Учение того, кто умело владеет превращениями, применяется тайно, успехи [у него] такие же, как и у [других] людей. Вряд ли добродетели Пяти предков и успехи Трех царей были обусловлены силой их ума и мужества, возможно, что [они] проявились благодаря превращению. Но кто это определит?

Есть восемь свидетельств о бодрствовании; есть шесть толкований снов. Что такое восемь свидетельств [бодрствования]? Первое — событие, второе — действие, третье —

приобретение, четвертое — утрата, пятое — печаль, шестое — радость, седьмое — рождение, восьмое — смерть. Эти восемь воспринимаются телом. Что такое шесть толкований [снов]? Первое — обычный сон, второе — страшный сон, третье — сон, вызванный мыслями наяву, четвертое — сказанным наяву, пятое — сон, вызванный радостью наяву, шестое — страхом наяву. Эти шесть воспринимаются душой. Тот, кто не знает причин изменений в ощущениях, приходит в смятение из-за этого явления; тот, кто знает причину изменений в ощущениях, понимает это явление. Знающего причину ничто не может испугать. Тело в своей полноте или пустоте, в уменьшении или в росте связано со всем на небе и земле соответственно своему классу <роду, виду> тварей. Поэтому, когда [в теле] сильна энергия холода, во сне переправляются через водное пространство и пугаются; когда сильна энергия жара, во сне проходят через бушующее пламя и обжигаются. Когда сильны обе энергии — и холода и жара, то снится рождение или убийство. Объемшему снится, что [он] отдает, изголодавшемуся — что получает. По той же причине тому, кто страдает от легкости и пустоты, снится, что [он] взлетает; тому, кто страдает от тяжести и плотности, снится, что [он] тонет. Тому, кто засыпает на поясе, приснится змея; тому, у кого летящая птица заденет волосы, приснится полет. Перед темнотой снится огонь; перед болезнью — еда, после вина — печаль, после песен и плясок — плач.

Учитель Лецзы сказал:

— Воспринятое душой — сон; воспринятое телом — явь. Поэтому то, о чем думаем днем, ночью видим во сне; это то, с чем встречаются и душа и тело. Поэтому у человека с душой сосредоточенной сны сами собой исчезают. Тот, кто верит в явь, молчит; тот, кто верит в сны, не понимает, что это уходят и возвращаются вещи. Разве пустые слова, что настоящий человек древности наяву забывал о себе, а спал, не видя снов?!

На самом юге крайнего Запада есть страна. С какими странами она граничит — неизвестно. Называется она царством Дремучие Дебри. Силы жара и холода там не соединяются, поэтому холод не отличают от жары. Ее не освещают ни лучи солнца, ни свет луны, поэтому день там не отличают от ночи. Люди там не едят, не носят одежды,

много спят, просыпаясь один раз в пятьдесят дней. Они считают действительным то, что делают во сне, и недействительным — то, что видят наяву.

Страна, отстоящая на равные расстояния от четырех морей, называется Срединным царством. Она простирается на юг и на север от [Желтой] реки, на восток и запад от горы Преємства более чем на десять тысяч ли. Силы жара и холода в ней сменяются равномерно, поэтому за холодом приходит жара. Тьма и свет разделяются поровну, поэтому день сменяет ночь. Здесь мириады тварей растут и размножаются. Среди людей есть умные, есть глупые. Многообразны таланты и способности. Чтобы наблюдать за ними, есть правители и слуги, чтобы поддерживать [их] — обычаи и законы. Что они делают, о чем говорят, нельзя и сосчитать. Они то бодрствуют, то спят; считают действительным то, что делают наяву, недействительным то, что видят во сне.

На самом севере крайнего Востока есть царство Горного Племени. Там земля и воздух всегда жаркие, землю освещает слишком много лучей солнца и луны, лучшие [сорта] зерна не рождаются. Там люди едят траву, корни, плоды деревьев, не умеют варить пищу на огне. У них характер твердый, вспыльчивый. Опираясь друг на друга, сильные подавляют слабых, почитают победителей и не уважают справедливости. [Они] много ездят верхом и редко отдыхают, всегда бодрствуют и никогда не спят.

Инь в царстве Чжоу управлял огромным хозяйством. Подчиненные ему рабы спешили, не отдыхали от зари до темноты. Старого раба, у которого уже не осталось сил, Инь заставлял без меры трудиться. Утром [раб] со стоном шел на работу, ночью усталый крепко засыпал. [Когда] жизненная энергия рассеивалась, [он] каждую ночь видел себя во сне царем, стоящим над народом, правящим делами всего царства. Он наслаждался, как хотел, проводя время с наложницами, в прогулках, пирах и зрелищах, испытывая несравненную радость. Пробуждаясь же, снова оказывался рабом.

Люди утешали его в тяжком труде, раб же им говорил:
— Человек живет сто лет. Это [время] делится на день и ночь. Днем я слуга-пленник и страдаю горько, а ночью становлюсь царем и радуюсь несравненно. Что же мне роптать?

У [хозяина же] Иня сердце было занято хлопотами. В заботах о дарованном предками наследии [он] утомлялся и телом и сердцем, вечером усталый засыпал. И каждую ночь во сне он становился рабом, которого подгоняли, поручая любую работу, всячески ругали и били. Во сне он бредил, стонал, но отдых приходил лишь наутро.

Страдая от этого, Инь попросил совета у друга. Друг сказал:

— [Вы] намного превосходите других своим положением, вполне достаточным для славы. Имуущества же и богатства [у вас] излишек. Во сне становиться рабом, возвращаться от покоя к мучению — таково постоянство [судьбы]. Разве можно обладать тем, что желаешь, и во сне и наяву?

Выслушав совет друга, [Инь] уменьшил [бремя] своих рабов, сократил дела, о которых заботился, и [тогда] почувствовал облегчение.

Чжэнец-Дровосек, собирая топливо в отдаленном месте, повстречал испуганного оленя, ударил его и убил. Боясь, что кто-нибудь заметит оленя, дровосек поспешил спрятать его во рву и прикрыть хворостом. Но от радости он вдруг забыл, где спрятал добычу, и решил, что все это случилось во сне.

По дороге [дровосек] пел о том, что с ним случилось. Песню подслушал прохожий и благодаря этому нашел оленя. Придя домой, он сказал своей жене:

— Дровосек во сне добыл оленя, но не знал, где он находится. Теперь же я его нашел. Дровосек воистину видел вещей сон.

Жена возразила:

— Не приснилось ли тебе, что дровосек добыл оленя? Откуда взялся дровосек? Поистине ты добыл оленя, значит твой сон и был вещим.

Муж ответил:

— Зачем разбираться, кому приснилось: ему или мне? Я же добыл оленя!

Дровосек вернулся домой, но не мог примириться с потерей оленя. Той же ночью в вещем сне увидел он место, где спрягал оленя, и человека, который нашел оленя. На следующее утро дровосек отыскал приснившегося ему человека, а затем пошел в суд спорить из-за оленя. Его послали к Наставнику мужей.

Наставник мужей сказал:

— Если [ты] сначала действительно добыл оленя, то напрасно называешь это сном. [Если же] на самом деле добыл оленя во сне, то напрасно называешь это действительным. [Если] прохожий действительно взял твоего оленя, то спорит с тобой из-за оленя. [Если же] его жена [правильно] говорит, что он узнал о чужом олене во сне, тогда никто не добыл оленя. [Однако] вот доказательство — олень. Прошу разделить его на две части и пусть услышит об этом царь Чжэн.

Царь Чжэн сказал:

— Увы! Не видел ли и [сам] судья во сне, что разделил чужого оленя?

[Царь] спросил совета у помощника. Помощник же сказал:

— [Ваш] слуга не может разобраться, сои это был или не сон. Отличить сон от яви [могли] лишь Желтый Предок и Конфуций. Кто же их различит, [если] ныне нет ни Желтого Предка, ни Конфуция. Значит, можно довериться решению Наставника мужей.

Хуацзы из Янли в [царстве] Сун в среднем возрасте потерял память. Взяв [что-то] утром, забывал к вечеру; отдав вечером, забывал к утру; на дороге забывал, что [надо] идти, в доме забывал, что [надо] сидеть; сегодня не помнил о [том, что было] вчера; завтра не помнил о [том, что было] сегодня. Вся семья о нем печалилась. Позвали гадателя, [он] гадал на панцире черепахи, но не дал ответа. Позвали шамана, [он] прочел заклинания, но не прогнал несчастья. Позвали врача, [он] лечил, но [болезнь] не прошла.

Конфуцианец из [царства) Лу сам вызвался излечить [больного]. Жена и сыновья Хуацзы предложили за надобье половину всего имущества. Конфуцианец же сказал:

— Эту [болезнь], конечно, не разгадать по линиям на панцире черепахи, не изгнать заклинаниями, не излечить лекарствами и наколами камня. Я попытаюсь вернуть его к мыслям, к заботам. Может быть, и вылечу.

Тут конфуцианец раздел Хуацзы донага, и [тот] стал искать одежду; оставил его голодным, и [тот] стал искать

пищу; запер его в темноте, и [тот] стал искать света. Конфуцианец обрадовался и сказал сыновьям Хуацзы:

— Болезнь поддается излечению. Но мое искусство передается из поколения в поколение тайно, чужие в него не посвящаются. Попробуйте загородить [нас] справа и слева и оставить нас в комнате наедине на семь дней.

Ему подчинились, и никто не узнал, что он делал. И застарелая болезнь прошла за одно утро.

Хуацзы очнулся и страшно разгневался. Выгнал жену, наказал сыновей и с копьем погнался за конфуцианцем. Сунцы схватили его и спросили, почему он [так поступает]. Хуацзы же ответил:

— Прежде, утратив память, я был безгранично свободен, не ощущая даже, существуют ли небо и земля. А нынче внезапно [все] осознал, и в тысячах спутанных нитей [мне] вспомнились жизни и смерти, приобретения и утраты, радости и печали, любовь и ненависть за прошедшие десятки лет. Я страшусь, что с такой же силой поразят мое сердце грядущие жизни и смерти, приобретения и утраты, радости и печали, любовь и ненависть. Сумею ли снова хоть на миг обрести забвение!

Услышав об этом, Цыгун удивился и рассказал Конфуцию.

— Этого тебе не постичь, — ответил Конфуций, обернулся к Янь Юаню и велел ему это запомнить.

Сын циньца из рода Пан в детстве был очень умным, но, возмужав, потерял рассудок: пение принимал за плач, белое — за черное, аромат — за зловоние, сладкое — за горькое, плохой поступок — за хороший. Он понимал наоборот все, о чем бы ни думал: небо и землю, четыре страны света, воду и огонь, жару и холод.

[Некий] Ян посоветовал его отцу:

— Почему бы тебе не навестить благородных мужей в Лу? Среди них много искусных и талантливых! Возможно, и сумеют его вылечить?

Отец безумного направился в Лу, но, проходя через Чэнь, встретился с Лаоцзы и рассказал ему о признаках болезни [сына].

— Почему ты думаешь, что твой сын безумен? — спросил его Лаоцзы. — Ныне все в Поднебесной заблуждается в том, что истинно, а что ложно, что выгодно, а что убы-

точно. Одной болезнью страдают многие, поэтому никто [ее] не замечает. К тому же, безумия одного человека недостаточно, чтобы перевернуть всю семью; безумия одной семьи недостаточно, чтобы перевернуть всю общину; безумия одной общины недостаточно, чтобы перевернуть все царство; безумия одного царства недостаточно, чтобы перевернуть всю Поднебесную. Даже если весь мир станет безумным, кто сумеет его перевернуть? Вот если бы умы у всех в Поднебесной стали такими же, как у твоего сына, тогда ты, напротив, стал бы безумным. Кто сумел бы тогда управлять радостью и печалью, звуком и цветом, дурным вкусом и тонким, истинным и ложным? Ведь и мои слова могут быть безумны, а уж речи благородных мужей из Лу — самые безумные. Как могут [они] исцелить другого от безумия? Лучше тебе поскорее возвратиться домой, чем расходовать провиант на дорогу.

[Некий] янец родился в Янь, но вырос в Чу, состарившись же, отправился обратно в свою страну.

Проходя [с ним] по царству Цзинь, попугчик захотел его обмануть. Указав на стену, молвил: «Это стена царства Янь», — и янец побледнел от печали. Указав на алтарь Земли, молвил: «Это алтарь твоей общины», — и янец принялся вздыхать и стенать. Указав на хижину, молвил: «Это жилище твоих предков», — и слезы из глаз янца потекли ручьем. Указав на могильные холмы, молвил: «Это могилы твоих предков», — и янец безудержно зарыдал.

[Тут] попугчик расхохотался и сказал:

— Я тебя одурачил. Ведь это — царство Цзинь.

Янец чуть не сгорел от стыда. Когда же пришел в Янь и увидел настоящие яньские стены и алтарь Земли, настоящие хижины и могилы предков, горе уже не охватывало его с такой силой.

Глава 4 КОНФУЦИЙ

Конфуций жил в праздности. [Когда] Цыгун вошел, [чтобы] ему прислуживать, вид [у него] был печальный. Цыгун не посмел спросить [почему], вышел и сообщил

Янь Юаню. Янь Юань запел, сопровождая себя на шине. Услышав, Конфуций все же [его] позвал. Он вошел, и [Конфуций] его спросил:

— Чему радуешься в одиночестве?

— Чему учитель печалится в одиночестве? — спросил Янь Юань в ответ.

— Сначала поведай о своих мыслях, — сказал Конфуций.

— Прежде я слышал от учителя: «[Кто] радуется Небу и знает [его] веление, не печалится». Поэтому [я], Хой, и радуюсь.

Конфуций изменился в лице и через некоторое время заговорил:

— Это [я] сказал? Ты понял неверно. Эту мою прежнюю речь прошу исправить нынешней речью. Ты услышал лишь, что не печалится тот, кто радуется Небу и знает [его] веление; но еще не слышал, сколь велика печаль того, кто радуется Небу и знает [его] веление. Ныне же поведаю тебе все по правде. Совершенствоваться самому, не думая о том, прославишься или останешься в бедности, сознавая, что [хотя] ни прошедшее, ни будущее не зависят от тебя, но ничто не смутит твоих мыслей, — вот что ты называешь «не печалится тот, кто радуется Небу и знает [его] веление». Прежде я улучшал песни и предания, исправлял обряды и музыку, чтобы с их помощью навести порядок в Поднебесной и оставить [его] будущим поколениям. [Стремился] совершенствоваться не только сам, навести порядок не только в царстве Лу. Однако в Лу и государь и слуги с каждым днем все больше нарушали порядок: милосердие и справедливость все ослабевали; чувства и характеры ожесточались. [Если] это учение не годилось для своего времени, для одного царства, как же [пригодится оно] для будущего, для всей Поднебесной?! Я начал понимать, что песни, предания, обряды и музыка не спасут от смуты; но еще не нашел средства, как это исправить. Такова печаль того, кто радуется Небу и знает [его] веление. Хотя я это и обрел, но ведь [подобные] радость и знания не те радость и знания, о которых говорят древние. Не иметь радости, не иметь знаний — вот истинная радость, истинные знания! Поэтому нет ничего, чему бы не радовался, нет ничего, чего бы не знал, нет ничего, чему бы не печалился, нет ничего,

чего бы не совершил. К чему отбрасывать песни и предания, обряды и музыку? К чему их исправлять?

Янь Юань обратился лицом к северу, поклонился и сказал:

— [Я], Хой, также это постиг.

Вышел и поведал обо всем Цзыгуну. Цзыгун же пришел в смятение, [словно] растерялся. Вернулся домой и целых семь дней размышлял с такой страстью, что не мог ни спать, ни есть, остались от него лишь [кожа да] кости. Янь Юань не раз пытался его вразумить, пока наконец [Цзыгун] не вернулся к воротам учителя и до конца дней своих не прекращал петь песни, сопровождая себе на струнах, и рассказывать предания.

Чэньский полководец приехал посланцем в Лу и тайно встретился с Шусунем.

— В нашем царстве есть мудрец, — сказал Шусунь.

— Не Конфуций ли? — спросил [гость].

— Да, он.

— Откуда известно о его мудрости?

— Я слышал от Янь Юаня о том, что Конфуций способен использовать форму [тело], отбросив сердце.

— Знаешь ли, что в нашем царстве также есть мудрец? — спросил полководец из Чэнь.

— Кого называешь мудрецом?

— [Одного] из учеников Лаоцзы — Кан Цанцзы. [Он] обрел учение Лаоцзы и способен видеть ушами, а слышать глазами.

Услышав об этом, луский царь очень удивился [и] послал к Кан Цанцзы вельможу с щедрыми дарами. Кан Цанцзы принял приглашение и приехал. Царь Лу униженно попросил разрешения задать вопрос. Кан Цанцзы же ответил:

— Тот, кто передал обо мне, напутал. Я способен видеть и слышать без глаз и ушей, но не способен заменять зрение слухом, а слух — зрением.

— Это еще более удивительно, — сказал царь Лу. — Каково же это учение? Я хочу наконец о нем услышать!

— Мое тело едино с моей мыслью, мысль едина с эфиром, эфир един с жизненной энергией, жизненная энергия едина с небытием. Меня раздражает даже мельчайшее бытие [существо], даже самый тихий отклик. Пусть [они]

далеки — за пределами восьми стран света, или близки — у [моих] бровей и ресниц, я о них обязательно буду знать. Не знаю, ощущение ли это, [воспринятое] мною через [все] семь отверстий и четыре конечности, или познание, [воспринятое] через сердце, желудок, [все] шесть внутренних органов. Это естественное знание, и только.

Царю Лу это очень понравилось, и на другой день [он] рассказал обо всем Конфуцию. Конфуций улыбнулся, но ничего не ответил.

Жрец из Шан, ведающий заклинанием жертвенного скота, встретился с Конфуцием и воскликнул:

— Ах! Цю — мудрец!

— Как смею [я], Цю, быть мудрецом! — ответил Конфуций. — [Я], Цю, лишь многое изучил и многое узнал.

— Три царя — вот мудрецы! — воскликнул жрец из Шан.

— Три царя прекрасно умели доверять знающим и мужественным. Но [были ли они] мудрецами, [я], Цю, не знаю.

— Пять предков — вот мудрецы!

— Пять предков прекрасно умели доверять милосердным и справедливым. Но [были ли они] мудрецами, [я], Цю, не знаю.

— Трое владык — вот мудрецы!

— Трое владык прекрасно умели доверять тем, кто соответствовал своему времени, но [были ли они] мудрецами, [я], Цю, не знаю.

— Но кто же тогда мудрец? — в ужасе спросил жрец из Шан.

Конфуций изменился в лице и через некоторое время ответил:

— Есть мудрец среди людей Запада. Не управляет, а нет смуты, не говорит, а [все] сами собой [ему] доверяют, не творит, а [все] само собой делается. Необъятен [настолько], что народ даже не может назвать [его] имя. [Я], Цю, сомневаюсь, — мудрец ли он. Воистину ли мудрец? Воистину ли не мудрец? Не ведаю.

Жрец из Шан помолчал, подумал и воскликнул:

— Конфуций меня обманул!

— Каков в сравнении с тобой Янь Юань? — спросил Цзыся у Конфуция.

— Хой превосходит [меня], Цю, в милосердии.
— Каков в сравнении с тобою Цыгун?
— Сы превосходит [меня], Цю, в красноречии.
— Каков в сравнении с тобою Цзылу?
— Ю превосходит [меня], Цю, в мужестве.
— Каков в сравнении с тобою Цзычжан?
— Ши превосходит [меня], Цю, в непреклонности.
— Но почему же эти четверо служат [тебе], учитель? — спросил Цзыся, поднявшись с циновки.

— Сядь! Я поведаю тебе, — сказал Конфуций. — Хой способен быть милосердным, но не способен перечить; Сы способен быть красноречивым, но не способен запинаться; Ю способен быть мужественным, но не способен быть трусливым; Ши способен быть непреклонным, но не способен быть уступчивым. Я не согласился бы обменять свои [достоинства] на те, которыми обладают все четыре ученика вместе. Вот почему они неизменно служат мне.

Учитель Лецзы, после того как обучился у Лесного с Чаши-горы и подружился с Темнеющим Оком, поселился в Южном Предместье. Приверженцы его поселились [тут же. Их] каждый день считать не успевали, и сам Лецзы не знал, сколько [их], хотя каждое утро [он] вел с ними диспуты, и об этом стало повсюду известно. Учитель Лецзы двадцать лет прожил рядом с Учителем Южного Предместья, отделенный от него лишь оградой. Однако друг друга [они] не посещали и не приглашали, встречаясь же на улице, как будто друг друга не замечали. Ученики и слуги у ворот считали, что между учителем Лецзы и Учителем Южного Предместья существует вражда.

[Некий] чусец спросил учителя Лецзы:

— Почему [вы], Преждерожденный, и Учитель Южного Предместья чуждаетесь друг друга?

— Зачем к нему ходить? — ответил учитель Лецзы. — Лицо Учителя Южного Предместья [отличается] полностью, а сердце — пустотой, уши у него не слышат, глаза не видят, уста молчат, сердце не знает, тело не движется. И все же попытаюсь вместе с тобой отправиться [на него] посмотреть.

[С ними] пошли сорок учеников. [Они] увидели, что [лицо] Учителя Южного Предместья действительно похоже на маску чудовища, с ним нельзя общаться. Повернулись к учителю Лецзы и увидели, что жизненная энергия у него отделилась от тела и он вышел из толпы.

Вдруг Учитель Южного Предместья указал на ученика Лецзы в последнем ряду и заговорил с ним радостно, как будто [перед ним] совершеннейший и сильнейший. Ученики Лецзы удивились, и на обратном пути лица всех выражали сомнение.

— Зачем так удивляться? — сказал Лецзы. — Добившийся желаемого молчит, исчерпавший знания также молчит. Речь с помощью молчания — также речь, знание с помощью незнания — также знание. Отсутствие слов и молчание, отсутствие знаний и незнание — это ведь также речь, это ведь также знания. [Значит], нет ничего, о чем бы не говорил, нет ничего, о чем бы не знал; [значит] также, что не о чем говорить, нечего знать. Только и всего.

Учитель Лецзы стал учиться.

Прошло три года, и [я] изгнал из сердца думы об истинном и ложном, а устам запретил говорить о полезном и вредном. Лишь тогда удостоился [я] взгляда Старого Шана. Прошло пять лет, и в сердце родились новые думы об истинном и ложном, устами по-новому заговорил о полезном и вредном. Лишь тогда [я] удостоился улыбки Старого Шана. Прошло семь лет, и, давая волю — своему сердцу, [я уже] не думал ни об истинном, ни о ложном, давая волю своим устам, не говорил ни о полезном, ни о вредном. Лишь тогда учитель позвал меня и усадил рядом с собой на циновке. Прошло девять лет, и как бы ни принуждал [я] свое сердце думать, как бы ни принуждал свои уста говорить, уже не ведал, что для меня истинно, а что ложно, что полезно, а что вредно; не ведал, что для других истинно, а что ложно, что полезно, а что вредно. Перестал [отличать] внутреннее от внешнего. И тогда все [чувства] как бы слились в одно: зрение уподобилось слуху, слух — обонянию, обоняние — вкусу. Мысль сгустилась, а тело освободилось, кости и мускулы сплавились воедино. [Я] перестал ощущать, на что опирается тело, на что ступает нога, о чем думает сердце, что таится в речах.

Только и всего. Тогда-то в законах природы [для меня] не осталось ничего скрытого.

Вначале Лецзы любил странствовать.

— [Ты], Защита Разбойников, любишь странствия. Что же в них хорошего? — спросил Учитель с Чаши-горы.

— Радость странствий в том, — ответил Лецзы, — что наслаждаешься отсутствием старого. Другие в странствиях наблюдают за тем, что видят. Я в странствиях наблюдаю за тем, что изменяется. Есть странствия и странствия! Еще никто не сумел определить различия в этих странствиях!

— [Ты], Защита Разбойников, странствуешь, конечно, как и другие, а говоришь, что иначе, чем другие. Во всем, на что смотришь, всегда видишь изменения, наслаждаешься отсутствием старого в других вещах, а не ведаешь, что в тебе самом также отсутствует старое. Странствуя во внешнем [мире], не ведаешь, как наблюдать за внутренним [миром]. Кто странствует во внешнем, ищет полноты в [других] вещах; кто наблюдает за внутренним, находит удовлетворение в самом себе. Находить удовлетворение в самом себе — вот истинное в странствиях, искать полноты в [других] вещах — вот неистинное в странствиях.

И тогда Лецзы понял, что не постигает [смысла] странствий, и до конца жизни больше не уходил.

— Истинное в странствиях! — сказал Учитель с Чаши-горы. — При истинных странствиях не ведают, куда направляются; при истинном наблюдении не ведают, на что смотрят. Все вещи странствуют, все твари наблюдают — вот то, что я называю странствием, вот то, что я называю наблюдением. Поэтому и говорю: истинное — в странствиях! Истинное — в странствиях!

Дядя Дракона сказал Вэнь Чжи:

— Тебе доступно тонкое искусство. Я болен. Можешь ли меня вылечить?

— Повинуюсь приказу, — ответил Вэнь Чжи. — Но сначала расскажи о признаках твоей болезни.

— Хвалу в своей общине не считаю славой, хулу в царстве не считаю позором; приобретаю, не радуюсь, теряю, не печалюсь. Смотрю на жизнь, как и на смерть; смотрю

на богатство, как и на бедность; смотрю на человека, как и на свинью; смотрю на себя, как и на другого; живу в своем доме, будто на постоялом дворе; наблюдаю за своей общиной, будто за царствами Жун и Мань. [Меня] не прельстить чином и наградой, не испугать наказанием и выкупом, не изменить ни процветанием, ни упадком, ни выгодой, ни убытком, не поколебать ни печалью, ни радостью. Из-за этой тьмы болезней не могу служить государю, общаться с родными, с друзьями, распоряжаться женой и сыновьями, повелевать слугами и рабами. Что это за болезнь? Какое средство может от нее излечить?

Вэнь Чжи велел больному встать спиной к свету и стал его рассматривать.

— Ах! — воскликнул он. — Я вижу твоё сердце. [Его] место, целый цунь, пусто, почти [как у] мудреца! В твоём сердце открыты шесть отверстий, седьмое же закупорено. Возможно, поэтому [ты] и считаешь мудрость болезнью? Но этого моим ничтожным искусством не излечить!

Не имеющее начала, но постоянно рождающее — это путь. Когда рожденный живым не гибнет [преждевременно], хотя и смертен, — это постоянство; когда рожденный живым гибнет [преждевременно] — это несчастье. То, что обладающий началом неизменно умирает, — это закон пути. Когда смертный умирает по своей вине, хотя [срок его жизни] еще не закончился, — это постоянство; когда смертный живет — это счастье. Поэтому жизнь, не обладающая назначением, называется путем, и конец [жизни], обретенный с помощью пути, называется постоянством; смерть, обладающая назначением, также называется путем, и смерть [преждевременная], обретенная с помощью пути, также называется постоянством.

Когда умер Цзи Лян, Ян Чжу пел, глядя на ворота его дома; когда умер Суй У, Ян Чжу рыдал, глядя его тело. Когда же родится раб, толпа поет; когда умирает раб, толпа плачет.

Перед тем как ослепнуть, глаза разглядят даже кончик волоска.

Перед тем как оглохнуть, уши расслышат даже полет москита.

Перед тем как притупится ощущение [вкуса], язык отличит [воду из реки] Цзы от [воды из реки] Минь.

Перед тем как утратить обоняние, нос отличит запах обожженного дерева от [запаха] гниющего.

Перед тем как телу окостенеть, [человек] бежит быстро.

Перед тем как утратить рассудок, сердце легко отличает правду от лжи.

Причина в том, что, не достигнув предела, вещи не переходят в свою противоположность.

В полях и болотах Чжэн много мудрых, в Восточном же квартале много талантливых. Среди рабов на полях и болотах был и Бо Фынцзы. Проходя через Восточный квартал, он встретился с Дэн Си.

Дэн Си посмотрел на своих учеников, усмехнулся и сказал:

— Не высмеять ли тех, кто идет [нам] навстречу?

— Хотелось бы послушать, — ответили ученики.

И Дэн Си сказал Бо Фынцзы:

— Постиг ли ты обязанности кормящего? Те, кого кормит человек, кто не способен прокормиться сам, относятся к роду собак к свиней. Кормить этих тварей и распоряжаться ими — в этом сила человека. А в том, что твои ученики едят и насыщаются, одеваются и отдыхают, заслуга держащих власть. Если же собирать старых и малых, [словно] стадо, возводить загоны, [как для] скота [или] живности, то чем же [эти люди] будут отличаться от собак и свиней?

Бо Фынцзы промолчал, но один из его учеников вышел вперед и ответил:

— Разве старший муж не слышал о том, как много умельцев в Ци и Лу? Есть мастера по глине и дереву, по металлу и коже; есть прекрасные создатели песен и музыкальных инструментов <вариант: певцы и музыканты>, писцы и математики; есть прекрасные военачальники, воины и служители храма предков. Представлены все таланты. Но [они] не могут распоряжаться друг другом, давать друг другу поручения. Тот же, кто распоряжается ими, не обладает знаниями; тот, кто дает им поручения, не имеет талантов. Он-то и выполняет поручения тех, кто

знает и умеет. Нами-то и даются поручения держащим власть. Чем же тебе гордиться?

Дэн Си нечего было отвечать. Он посмотрел на своих учеников и отступил.

Гунъи Бо прославился своей силой среди правителей. Танци Гун рассказал о нем чжоускому царю Сюаньвану. Царь приготовил дары, чтобы его пригласить, и Гунъи Бо явился.

При виде его немощной фигуры в сердце Сюаньвана закралось подозрение.

— Какова твоя сила? — спросил он с сомнением.

— Силы [моей], вашего слуги, хватит [лишь], чтобы сломать ногу весенней саранчи да перебить крыло осенней цикады.

— У моих богатырей хватит силы, чтобы разорвать шкуру носорога да утащить за хвосты девять буйволов! — в гневе воскликнул государь, — а я еще огорчен их слабостью. Как же ты мог прославиться силой на всю Поднебесную, если способен лишь сломать ногу весенней саранчи да перебить крыло осенней цикады?

— Хорошо! — глубоко вздохнув, сказал Гунъи Бо и отошел от циновки. — На вопрос царя [я], ваш слуга, осмелюсь ответить правду. Учил [меня], вашего слугу, Наставник с Шан-горы. Равного ему по силе не найдется во всей Поднебесной. Но никто из [шести] родичей об этом не знал, ибо он никогда к силе не прибегал. [Я], ваш слуга, услужил ему, рискуя жизнью, и тогда он поведал [мне], вашему слуге:

Все хотят узреть невиданное —
Смотри на то, на что другие не глядят;
[Все] хотят овладеть недоступным —
Займись тем, чем никто не занимается.

Поэтому тот, кто учится видеть, начинает с повозки с хворостом; тот, кто учится слышать — с удара в колокол. Ведь то, что легко внутри [тебя], не трудно и вне [тебя]. [Если] не встретятся внешние трудности, то и слава не выйдет за пределы [твоей семьи].

Ныне слава обо [мне], вашем слуге, дошла до правителей, значит, [я], ваш слуга, нарушил завет учителя и проявил свои способности. Правда, слава [моя], вашего

слуги, не в том, чтобы своей силой злоупотреблять, а в том, как пользоваться своей силой. Разве это не лучше, чем злоупотреблять своей силой?

Царевич Моу из Срединных гор был талантливейшим из царских сыновей в Вэй. [Он] не заботился о государственных делах, любил странствовать вместе с талантливыми. [Ему] нравился Гунсунь Лун из Чжао, и за это над ним смеялись такие, как Ведающий музыкой Цзыюй.

— Почему ты смеешься над тем, что [мне], Моу, нравится Гунсунь Лун? — спросил царский сын Моу.

— Да ведь что за человек Гунсунь Лун? — ответил Ведающий музыкой. — В поступках не имеет наставника, в учении не имеет друга. Красноречив, но не остроумен; разбрасывается, но не принадлежит ни к одной школе; любит необычайное, говорит безрассудно, хочет ввести в заблуждение сердца, всех переспорить. Занимается этим вместе с Хань Танем и другими.

— Зачем ты рассуждаешь об ошибках Гунсунь Луна? Хотелось бы услышать доказательства этих ошибок! — изменившись в лице, сказал Моу.

— Я смеюсь над тем, как Лун обманул Кун Чуаня, — продолжал Ведающий музыкой. — [Он] сказал, что у хорошего стрелка острие последующей стрелы попадает в оперение предыдущей, одна стрела другую настигает, одна стрела другую направляет. Первая стрела наметит цель, следующая уже лежит на тетиве, и они летят непрерывно, как одна линия. Кун Чуань удивился, а Лун добавил, что [так бывает] еще не у самого замечательного стрелка. [Вот, например], ученик Нежеды по имени Хун Чао, рассердившись на жену, [стал] ее пугать. Натянул лук, зовущийся Вороньим, взял стрелу из циского бамбука с опереньем из Вэй и выстрелил ей в глаз, прямо в зрачок, а [она] даже не моргнула. Стрела же, упав на землю, не подняла пыли. Разве такова речь умного человека?

— Речи умного глупому не понять, — ответил царевич Моу. — В чем ты сомневаешься? [Если] острие последующей попадает в оперение предшествующей, [значит] стрельба равномерная. [Если] стрела попала прямо в зрачок, а [человек] не моргнул, [значит] сила стрелы была исчерпана.

— Ты — ученик Луна, как же тебе не приукрашивать его недостатки? — возразил Ведающий музыкой, — Скажу еще о самом важном. Обманывая вэйского царя, Лун говорил: «[Если] есть желание, то нет мысли»; «свойства беспредельны»; «вещи неисчерпаемы»; «тьень не движется»; «волос выдерживает [нагрузку] в тысячу цзиней»; «белый конь — не конь»; «у сироты теленка никогда не было матери». Нельзя и перечислить [тех случаев, когда] он извращает категории предметов и человеческих отношений.

— Не поняв истины этих слов, — ответил царевич Моу, — ты нашел их ошибочными. А ошибаешься ты. Ведь [если] «нет желания», то мысль [ему] тождественна; [если] «свойства беспредельны», то «без свойств все предельно»; «тот, кто исчерпал вещи, навсегда [ими] обладает»; «тьень не движется» — значит, [она] изменяется; «волос выдерживает [нагрузку] в тысячу цзиней» — высшее равновесие; «белый конь — не конь» — ибо свойство здесь отделяется от формы [тела]; «у сироты теленка никогда не было матери» — отрицается [возможность существования] теленка-сироты.

— Все это песни Гунсунь Луна, — сказал Ведающий музыкой. Ты последовал бы за ним, даже если бы он исторгал звук через другое отверстие.

Царевич Моу замолчал надолго, а затем объявил о своем уходе и сказал:

— Дозволь через несколько дней снова прийти и с тобой побеседовать.

Высочайший правил Поднебесной пятьдесят лет и не знал, порядок в ней или беспорядок, не ведал, желает ли народ его поддерживать или не желает. Посмотрел направо, налево и спросил [приближенных], но приближенные не знали; спросил за воротами дворца, и за воротами не знали; спросил на полях, и на полях не знали.

Тогда Высочайший пошел переодетый бродить по дорогам и услышал песенку, которую пели мальчики:

Создали нас, массу народа,
Не для того ли, чтобы каждый
исчерпал [свою природу]?
Ничего не знаем, не ведаем,
За обычаем предков следуем.

— Кто научил вас такой песне? — спросил обрадованный Высочайший.

— Мы слышали [ее] от старшего мужа, — сказали мальчики,

[Высочайший] спросил старшего мужа, а тот ответил: «Это древняя песня».

Высочайший вернулся во дворец, призвал Ограждающего и уступил ему Поднебесную. Ограждающий, не отказываясь, ее принял.

Страж Границы сказал:

— Тому, кто не замыкается в себе, вещи и их форма открываются сами. Движение такого [человска] подобно [течению] воды, его покой подобен зеркалу, его ответ подобен эху, поэтому его путь подобен пути [других] вещей. Сами вещи идут против пути, [но] путь не идет против вещей. Умеющий уподобиться пути уже не станет применять ни слуха, ни зрения, ни силы, ни разума. Нельзя уподобиться пути с помощью зрения, слуха, осязания, ума. Ищешь его впереди, а он [путь] вдруг [оказывается] позади. Используешь его, и [он] наполняет все шесть пространств, отбрасываешь его и не ведаешь, где он. Он не удаляется, [когда] кто-то может его обрести сознательно, он и не приближается, [когда] кто-то может его обрести бессознательно. Обретает его лишь тот, кто хранит молчание; лишь тот, чьи свойства совершенны. Знание без страсти, способности без действия — вот истинное знание, вот истинные способности. Развивая незнание, разве будешь подвержен страстям? Развивая неспособность, разве будешь готов к деяниям? Собираение же драгоценных камней или пыли, пусть даже и без деяний, не есть естественный закон.

Глава 5

ВОПРОСЫ ИСПЫТУЮЩЕГО

Инь Испытующий задал вопрос Кожаному Щиту [из рода] Великих:

— Были ли вещи в самом начале древности?

— [Если бы] в самом начале древности не было вещей, откуда бы ныне появились вещи? Не смогут ли и потомки

сказать, что ныне [в наше время] не было вещей? — спросил в ответ Кожаный Щит.

— Тогда у вещей нет прошлого и будущего?

— Конец и начало вещей издревле не имеют границ. Начало может стать концом, а конец может стать началом. Как узнать их круговорот? Однако [было ли что-нибудь] кроме вещей, [было ли что-нибудь] до событий, — я не знаю.

— В таком случае, есть ли конец [всем] восьми сторонам света, зениту и надиру?

— Не ведаю, — ответил Кожаный Щит, но Испытующий спросил настойчивее:

— [Если] нет конца, тогда [они] бесконечны; [если] есть [конец], тогда конечны. Как мне это знать? Ведь кроме бесконечного [существует] и отсутствие бесконечного; внутри неограниченного [существует] и отсутствие неограниченного. В бесконечном снова конечное, в неограниченном снова ограниченное. Так я познаю бесконечное, неограниченное, но не познаю конечного, ограниченного.

— Что находится за пределами четырех морей?

— То же, что и в Срединных царствах.

— Чем это докажешь?

— Я ходил на Восток до Ина, [там] народ такой же. Спросил [и узнал, что] на востоке от Ина [все] похоже на Ин. Ходил на Запад до Бинь, [там] народ такой же. Спросил [и узнал, что] на западе от Бинь [все] похоже на Бинь. Так стало мне ведомо, что ни четыре моря, ни четыре пустыни, ни четыре полюса от них <других земель> не отличаются. В каждом большем содержится меньшее — без конца и предела. Как в небе и земле содержится тьма вещей, так же и небо с землей в чем-то содержатся. То, в чем содержится тьма вещей, несомненно, бесконечно; то, в чем содержатся небо и земля, несомненно, беспредельно. Как мне знать, нет ли за пределами неба и земли еще больших небес и земель? Это мне также неизвестно. Однако небо и земля — те же вещи, у вещей же бывают недостатки. Поэтому в старину [женщина] из рода Нюйва отобрала камни всех пяти цветов, чтобы заделать изъян в небе; отрубила лапы у гигантской черепахи, чтобы подпереть четыре края <полюса>. Впоследствии же [человек] из рода Ведающих Разливами стал бороться с Вечно Не-

довольным за власть предков, в гневе ударился о гору Шербатую и сломал Небесный столп, порвал земную сеть. Поэтому небо наклонилось на северо-запад, за ним последовали и солнце с луной, планеты со звездами; у земли же не хватило [куска на] юго-востоке, поэтому [туда полились] воды сотен рек.

— Есть ли вещи огромные и малые, длинные и короткие, одинаковые и различные? — снова спросил Испытующий.

— К востоку от Бохая, в скольких миллиардах ли — неизвестно, есть огромная пропасть, пучина, поистине бездонная. У нее не было дна, и называлась она Гуйсюй. В нее стекали все воды — со всех восьми сторон света, девяти пустынь и Небесной реки, а она [пучина] все не увеличивалась и не уменьшалась. Там пять Гор. Первая называлась Колесница Преемства, вторая — Круглая Вершина, третья — Квадратная Чаша, четвертая — Обитель Красавиц, Пятая — Приют Презревших Блага. Окружность каждой горы сверху донизу — тридцать тысяч ли, плато на вершине — девять тысяч ли, расстояние между горами — семьдесят тысяч ли, а [горы] считались соседями. Там все башни и террасы — из золота и нефрита, все птицы и звери — из белого шелка, деревья — из жемчуга и белых кораллов растут кущами, у цветов и плодов чудесный аромат и вкус. Кто их отведал — не старился, не умирал. Жили там все бессмертные, мудрые. Сколько их там за день и за ночь друг к другу летало, нельзя и сосчитать. Основание же пяти Гор ничем не укреплялось. [Они] двигались вверх и вниз, туда и сюда по волнам вместе с приливом, не останавливаясь даже на время. От этого бессмертные и мудрые заболели и стали жаловаться богу. Боясь, как бы [острова] не уплыли на крайний запад и не исчезла обитель мудрых, бог приказал Обезьяне-силачу отправить пятнадцать гигантских черепах, чтобы держали на головах горы; [приготовить] три смены, каждая по шестьдесят тысяч лет. Тогда только пять гор встали неколебимо. Но тут великан из царства Драконовых Дядей поднял ногу и полного шага не сделал, как очутился у пяти Гор. На один крючок поймал сразу шесть черепах, взвалил всех вместе на спину и пошел. Унес в свою страну и обжег их панцири для гадания. И тогда две горы — Колесница Преемства и Круглая Вершина — уплыли на се-

верный край [полюс] и погрузились в океан. Тьмы бессмертных и мудрых остались без пристанища. В большом гневе бог уменьшил царство Драконовых Дядей, чтоб страдали от тесноты; уменьшил и народ Драконовых Дядей, сделал людей короче. Во времена же Готовящего Жертвенное Мясо и Священного Земледельца жители этой страны еще были ростом в несколько десятков чжанов.

В четырехстах тысячах *ли* на восток от Срединных царств находится страна Пигмеев. Люди там ростом в один *чи* и пять *цуней*. На северо-восточном крае [полюсе] живут люди, что зовутся Сутягами, ростом в девять *цуней*. На юге области Терновник растет дерево Душ Обителю Мрака. Пятьсот лет [для него] длится весна, пятьсот лет — осень. В далекой древности было дерево Отец. Восемь тысяч лет [для него] длилась весна, восемь тысяч лет — осень. На перегное растет Чудесный гриб, утром рождается, вечером умирает. Весенними и летними лунами появляются москиты и комары, роются от дождя, умирают, завидев солнце. На севере Севера, где нет ни деревьев, ни трав, находится Пучина — океан. Это — Небесный водоем. [В нем] водится рыба в несколько тысяч *ли* ширины, соответственной и длины. Имя ей — Кит. Водится там птица, имя ей Феникс. Распростертые крылья — точно нависшие тучи, соответственное им и туловище. Разве в мире знают об этих существах? Великий Молодой Дракон ходил [туда] и их увидел. Бо И узнал и дал им имя. Ицзянь услышал и их описал.

На речных берегах роются мелкие насекомые, имя им — мошки. Летают стаями, гнездятся на ресницах у комара, друг с другом не сталкиваясь. Прилетают на ночлег и улетают, [а] комар не чувствует. [Видящий] Паутину Издали и Цзыюй, протерев глаза и подняв брови, всматривались в них днем, но формы их не разглядели. Чи Юй и Наставник Куан, прочистив уши и наклонив голову, вслушивались ночью, но голоса их не расслышали. Только [когда] Желтый Предок и Юн Чэнцзы поселились на Пещере-горе и вместе соблюдали пост три луны, [когда] сердце у них застыло, а тело высохло, постепенно [с помощью] жизненной энергии <души, разума> разглядели их — огромные, подобные курганам Сосны-горы, посте-

пенно [с помощью] жизненной энергии расслышали их голоса — грохочущие подобно грому.

В царствах У и Чу растет огромное дерево, имя ему Помелон. Дерево лазоревое, родится зимой, плоды красные, на вкус кислые. Едят кожуру и сок и излечиваются от удушья. В Цичжоу оно понравилось, перевезли [его] на север от [реки] Хуай, но [там оно] превратилось в одичавший мандарин. Черный певчий дрозд не перелетает через [реку] Цзи. Барсук, перебравшись через [реку] Вэнь, умирает. Таково [значение] местности и эфира. Хотя сущность [их] одинакова, форма и эфир у них различны и друг друга [они] не заменяют. Жизнь у всех полная, доля достаточная. Откуда мне знать, велики они или малы? Откуда мне знать, длинны они или коротки? Откуда мне знать, тождественны они или различны?

Две горы — Тайхан и Ванью, окружностью до семисот ли, высотой до десяти тысяч жэнь поднимались к югу от Цичжоу, к северу от Хяна. У подножья этих гор жил девяностолетний Простак с Северной горы. Надоело [ему] обходить гору, преграждавшую [путь, куда бы он ни] направлялся, [откуда бы ни] возвращался. Собрал [он] свою семью на совет:

— Не сумеем ли мы с вами, поднатужившись, сровнять [с землей эту] преграду? Проложить дорогу от юга Юйчжоу до южного берега Хань?

Все согласились, [только] жена усомнилась:

— Тебе не по силам и малый холм скрыть, что уж говорить о Тайхане и Ванью! Да и куда денешь [столько] земли и камней?

— Будем сбрасывать [их] в залив Бохай, севернее мели, — ответили все.

И вот [Простак] повел своих сыновей и внуков, трос понесли [корзины] на коромыслах. [Стали они] дробить камни, рыть землю и относить корзинами в Бохай.

Сын соседки, вдовы из рода Столичных, у которого едва выпали молочные зубы, вприпрыжку прибежал им помогать.

Зима сменилась летом, а отнесли они [землю только] один раз.

Умник с Излучины Реки стал смеяться над [Простак] и его отговаривать:

— Вот глупец! Тебе, дряхлому старику, не уменьшить гору и на волосок. Как же справишься с [такой массой] земли и камней?

Простак с Северной Горы вздохнул и ответил:

— Тебе, твердолобому, ничего не понять! Разума у тебя меньше, чем у малого сынка вдовы. Что за печаль, если не справлюсь? Пусть я умру — останутся сыновья, потом внуки, у внуков — снова сыновья, у их сыновей — свои сыновья и снова внуки. Сыновьям и внукам не будет конца. А горы-то не вырастут!

Умнику с Излучины Реки нечего было ответить.

Услышал [Простака] дух — Хозяин змей, испугался, что [тот] не отступится, и доложил обо всем Владыке. Растрогала Владыку добросовестность [Простака], и приказал [он] двум сыновьям из рода Больших Муравьев перенести на спине обе горы, одну — на восток от Шо, другую — на юг от Юн. И с той поры от юга Цзичжоу до южного берега Хань не стало горных преград.

Отец Цветущего, не соразмерив сил, захотел догнать солнце. Догнал было на краю Угловой долины, захотел пить. Отправился пить из Хуанхэ и Вэйхэ. Хуанхэ и Вэйхэ не утолили его жажду, он кинулся было на север пить из Большого болота, да, не дойдя, бросил свой посох и умер в дороге от жажды. [Всюду], куда бы ни просачивалась его кровь и проникала его плоть, вырастали деревья Дэнской рощи и Дэнская роща разрослась на тысячи ли.

Великий Молодой Дракон сказал:

— [Все] во вселенной, внутри четырех морей, освещается солнцем и луной, управляется планетами и звездами, приводится в порядок четырьмя временами года, а наиболее важное — двенадцатилетним циклом. Вещи, чудесно порожденные духами, различны по форме, одни рано умирают, другие долго живут. Только мудрец способен постичь их закон.

Кожаный Щит [из рода] Великих сказал:

— Но бывает, что и не порождаются чудесно духами, формируются и без [сил] жара и холода, освещаются и без солнца и луны, умирают рано и без убийства или казни, живут долго и без тщательного ухода. Без [всех] пяти зерновых питаются без шелка одеваются, без лодки и повоз-

ки передвигаются. Их закон — естественность, [его] не постичь и мудрецу.

[Когда] Молодой Дракон покорял воду и землю, [он] потерял дорогу, заблудился и по ошибке попал в некое царство на северном берегу Северного моря, а в скольких миллионах *ли* от Срединных царств — неведомо. Называют это царство Крайний Север, а где протянулись его границы — неведомо. Там не бывает ни ветра, ни дождя, ни инея, ни росы, там не рождаются птицы и звери, насекомые и рыбы, травы и деревья. Со всех четырех сторон — равнина, окруженная горами. В середине царства — гора, называют ее Кувшин-гора, формой походит на сосуд для вина. На вершине отверстие, формой походит на кольцо и называют его Избыток влаги. Из отверстия ключом бьет вода и называют ее Священный фонтан. Аромат [воды] прекраснее, чем орхидеи и [душистого] перца, вкус — слаще, чем у вина. Источник, разделяясь на четыре ручья, стекает к подножью горы и орошает всю страну. Там, куда [он] устремляется, земля и воздух смягчаются, прекращаются страшные болезни, люди становятся уступчивыми и согласными, никто не спорит и не борется, сердца [у всех] нежные, кости слабые, [люди] не заносчивые и не завистливые. Взрослые и дети живут вместе, без царей и слуг. Мужчины и женщины гуляют вместе, без сватов и свадебных подарков. Живут у воды, не пашут, не сеют. Земля и воздух [там] теплые и приятные, [люди] не ткут и не одоваются, [живут] до ста лет, у них нет ранних смертей, нет и болезней. У этого народа — большое потомство, не считать. Радуются и веселятся, нет ни дряхлых, ни старых, ни печали, ни горя, Любимый обычай — петь песни. Взявшись за руки, поют по очереди, целый день без перерыва. [Когда] проголодаются и устанут, пьют из Священного фонтана. Сила и воля приходят в равновесие. [Выпьют] слишком много — опьянеют и только через десять дней отрезвеют.купаются в Священном фонтане, и кожа становится блестящей и свежей, аромат не выдыхается целых десять дней.

Странствуя на Севере, чжоуский царь Му побывал в этом царстве и на три года забыл о возвращении. Когда же вернулся в дом Чжоу, все тосковал об этом царстве. Расстроенный, точно потерянный, не пил вина, не ел

мяса, не призывал красавиц, и только через несколько лун пришел в себя.

Гуань Чжун уговаривал циского царя Хуаньгуна во время путешествия в Ляокоу посетить заодно и то царство. [Он] чуть не добился успеха, как подал совет Си Пэн:

— Как можно слушаться Отца Чжуна? Ведь [он] выжил из ума! Оставить обширные пространства Ци, массу народа, красоты гор и рек, пышность растений, красоту обрядов и ритуалов, изящество одежды и головных уборов, сад, полный чаровниц и красавиц, двор, заполненный верными и честными! Крикнет в гневе [царь], и [явятся] миллионы воинов и рабов; поглядит, взмахнет рукой, и приказу повинуются правители всех царств. Чего же искать там? Отправиться в страну варваров, бросив алтарь Земли и Проса в царстве Ци?

Хуаньгун раздумал [ехать], а слова Си Пэна передал Гуань Чжуну.

— Этого, конечно, добился не Пэн. Ведь и [я], ваш слуга, боялся, что того царства не найти. [Иначе] разве стоило бы тосковать о богатствах Ци? Разве стоили бы внимания речи Си Пэна? — сказал Гуань Чжун.

Люди южных стран бреют головы, [ходят] обнаженными. Люди северных стран носят на голове повязки и одеваются в меха. Люди Срединных царств носят шапки и халаты. Все, что производится на [всех] девяти видах почвы, в земледелии или торговле, охоте или рыболовстве, как меха для зимы и холст для лета, лодка для ялды и повозка для суши, добыто без [лишних] слов, создано [в соответствии] со свойствами [каждой вещи].

К востоку от [царства] Юэ лежит страна Дерева Чжэ. <Кан>. Родится там первенец, его съедают маленьким, называя это «жертвоприношением младшему брату». Умрет у них дед, отнесут на спине бабку и бросят, говоря: «С женой покойника нельзя жить вместе». К югу от [царства] Чу лежит страна людей Огня. Почтительным сыном у них считается тот, кто погребает лишь кости своих родных, когда мясо после смерти сгниет и [его] выбросят. К западу от [царства] Цинь лежит страна Ицуй. Почтительным сыном у них считается тот, кто после смерти родных собирает хворост и их сжигает. Дым от костра

поднимается вверх, и это называют «подняться ввысь». Высшие у них считают это управлением, низшие — обычаем, и это не вызывает удивления.

Конфуций, странствуя на Востоке, заметил двух спорящих мальчиков и спросил, о чем они спорят:

— Я считаю, что солнце ближе к людям, когда только восходит, и дальше [от них], когда достигает зенита, — сказал первый мальчик. — А он считает, что солнце дальше, когда только восходит, и ближе, когда достигает зенита. — И добавил:

— Когда солнце восходит, оно велико, словно балдахин над колесницей, а в зените [мало], словно тарелка. Разве предмет не кажется маленьким издали и большим вблизи?!

— Когда солнце восходит, [оно] прохладное, а в зените — жжет, словно кипяток, — сказал второй мальчик. — Разве предмет не кажется горячим вблизи и холодным издали?!

Конфуций не мог решить [вопроса], и оба мальчика посмеялись над ним:

— Кто же считает тебя многознающим?!

Равновесие — высший закон Поднебесной — относится к вещам, обладающим формой. [Когда] к волосу подвешены [вещи], равные по весу, и волос рвется, [значит], равновесия нет. При равновесии и разрывающие [силы] не разорвут. Люди считают это неверным, но, конечно, есть и понимающие, что это верно.

Чжань Хэ, [удивший рыбу] с леской из одной шелковой нити кокона, с крючком из ости колоса, с удочкой из цзинского бамбука, с приманкой из разрезанного зерна, вытащил рыбу [величиной] с целую повозку. [Даже] в пучине сто *жэнь* глубиной, в стремительном потоке леска не рвалась, крючок не выпрямлялся, удочка не сгибалась.

Услышал об этом чуский царь, удивился, призвал [его] к себе и спросил, какая тому причина.

— [Я], ваш слуга, слышал от Преждерожденного старшего мужа рассказ о том, как Пу Цзюйцзы стрелял привязной стрелой. Лук был слабый, привязная стрела — тонкая. [Он] пускал ее при попутном ветре, сразу в пару черных журавлей на краю темной тучи. Предавался

[Этому] всем сердцем, равномерно действовал руками. [Я], ваш слуга, подражая ему, учился удить рыбу. За пять лет постиг его искусство. Когда [я], ваш слуга, с удочкой приближаюсь к реке, в сердце нет никаких забот, [оно] полно только одной мыслью — о рыбе. Закидываю леску, погружаю крючок, в руке же нет веса [ни легкого, ни тяжелого], ничто не способно [меня] отвлечь. Рыба смотрит на приманку, как на затонувшую пылинку, на пену и глотает ее без колебаний. Вот так [я] способен тяжелое одолеть легким, силу — слабостью, Если бы так же мог править царством великий государь, то Поднебесную поистине можно было бы привести в движение одной рукой. Разве это было бы [трудным] делом?

— Прекрасно! — сказал чуский царь.

Гун Ху из Лу и Ци Ин из Чжао заболели и, [придя] вместе к Бянь Цяо, просили их исцелить. Бянь Цяо стал их лечить и, когда оба они выздоровели, сказал:

— Прежняя болезнь вторглась в [ваши] внутренности извне, поэтому от лекарств и уколов камнем, прошла. Ныне же [осталась] болезнь, которая родилась вместе с вами и выросла вместе с [вашим] телом. Как вы думаете, не побороться ли с нею теперь?

— Хотели бы сначала услышать о ее признаках, — сказали больные.

— Воля у тебя сильная, а жизненная энергия слабая, — сказал врач, [обращаясь] к Гун Ху. — Поэтому [ты] силен в замыслах, но слаб в [их] выполнении. У Ци Ина же, — продолжал Бянь Цяо, — воля слабая, а жизненная энергия сильная, поэтому [он] мало размышляет и вредит себе произволом. Если переставить ваши сердца, то — к счастью для обоих — установится равновесие.

Тут Бянь Цяо напоил обоих вином с отравой и одурманил, [будто] до смерти, на три дня. Разрезал [у каждого] грудь, вытащил сердца, переменил их [местами] и приложил чудесного снадобья.

Придя в сознание, оба [почувствовали себя здоровыми], как прежде, попросились и отправились [по домам].

И вот Гун Ху пошел в дом к Ци Ину, жена которого отказалась его признать. Ци Ин же пошел в дом Гун Ху, жена которого также отказалась его признать. Семьи стали друг с другом судиться и попросили Бянь Цяо разо-

брать их тяжбу. Бянь Цяо объяснил как было дело, и тяжба была прекращена.

Ху Ба играл на цине, и птицы танцевали, а рыбы — прыгали. Услышав об этом, чжэнский наставник Вэнь бросил семью и пошел странствовать, следуя за наставником Сяном. Вэнь трогал струны, настраивал инструмент, но за три года не окончил ни одной песни.

— Ты можешь вернуться [домой], — сказал ему наставник Сян.

— [Дайте] еще немного времени и посмотрите, что будет. Дело не в том, что [я], Вэнь, неспособен настраивать инструмент, неспособен сложить песню, — вздыхая, отложив цинь, сказал Вэнь. — То, о чем [я], Вэнь, думаю — не струны, к чему стремлюсь — не звуки. Пока не обрету [желаемого] внутри себя, в сердце, не откликнется вовне, в инструменте. Поэтому не смею шевельнуть рукой и тронуть струны.

Вскоре [он] снова увиделся с наставником Сяном.

— Как у тебя с цинем? — спросил наставник Сян.

— Постиг, — ответил Вэнь, — прошу [меня] испытать.

Была весна, а [он] ударил по [осенней] второй струне, вызвал полутон восьмой луны. И тут повеял прохладный ветерок, созрели злаки, плоды на деревьях. Когда наступила осень, [он] ударил по [весенней] третьей струне, вызвал полутон второй луны. И тут возвратился теплый ветер, расцвели травы и деревья. Когда наступило лето, [он] ударил по [зимней] пятой струне, вызвал полутон одиннадцатой луны. И тут стал падать снег с инеем, замерзли реки и пруды. Когда наступила зима, [он] ударил по летней [четвертой] струне, вызвал полутон пятой луны. И тут запылали луча солнца, растаял снег. Под конец же тронул первую вместе с четырьмя остальными. И тут поднялся счастливый ветер, поплыли радостные облака, выпала сладкая роса, забили источники изобилия.

Поглаживая себя по груди и притопывая ногами, наставник Сян сказал:

— Как тонко ты играешь! Ничего не смогли бы добавить ни наставник Куан своей чистой третьей [весенней] струной, ни Цзоу Янь своей игрой на свирели. Один взял бы свой цинь, другой — свою свирель, и оба последовали бы за тобой.

Се Тань учился петь у Цинь Цина, еще не перенял до конца мастерства Цина, как объявил, что его исчерпал, и распрощался, чтобы направиться домой. Цинь Цин [его] не удерживал, но на дороге в предместье устроил проводы. [Здесь], отбивая такт, [он] запел с такой печалью, что затрепетали деревья, задержались плывущие облака.

Тут Се Тань стал просить прощения и разрешения отстать. Всю жизнь [он] больше не осмеливался заговорить о [своем] уходе.

Обернувшись к своему другу, Цинь Цин сказал:

— Некогда Э из [царства] Хань шла на Восток, и в Ци [у нее] не хватило еды. Проходя через Ворота Согласия, [она] спела за угощение. Когда же ушла, звуки [ее] голоса, не умолкая, кружились три дня в стропилах и балках. [Все] справа и слева думали, что она еще не ушла.

[Когда она] проходила мимо постоянного двора, постояльцы ее оскорбили. Тут Хань Э протяжно и жалобно зарыдала, и [на расстоянии] в ли стар и млад, стоя друг против друга, загрустили, опечалились и горько заплакали. Три дня [они] не принимали пищи, а затем вдруг погнались за Хань Э. Возвращаясь, Э снова запела длинную песню, и на расстоянии ли стар и млад, забыв о прежней печали, принялись без удержу прыгать, хлопать в ладоши и танцевать. Потом же проводили ее, щедро одарив. Вот почему у Ворот Согласия жители и по сей день прекрасно поют и плачут, — [они] подражают песням, оставленным Э.

Боя прекрасно играл на цине, а Чжун Цзыци был замечательным слушателем. Заиграл Боя, думая о восхождении на высокую гору, и Чжун Цзыци воскликнул:

— Как прекрасно! Возвышенно, словно гора Великая! [Заиграл Боя], думая о течении вол, и Чжун Цзыци воскликнул:

— Как прекрасно! Безбрежно, словно речная гладь!

Так улавливал Чжун Цзыци любой замысел Боя.

Блуждая по северному склону горы Великой, они внезапно попали под проливной дождь и укрылись под нависшим утесом. Сердце [Боя] охватила печаль, [он] взялся за цинь и заиграл. Начал с песни о долгом ливне, затем сочинил мелодию горного обвала. Чжун Цзыци с первого же такта постигал его мысль. Отложив цинь, Боя со вздохом сказал:

— Прекрасно! Прекрасно! Ты слышишь мои мысли, словно мое сердце. Разве в моих песнях что-либо от тебя укроется?

Объездив запад во время зимней охоты, чжоуский царь Му перевалил через [гору] Союз Старших Братьев и, не доезжая до горы Янь, повернул обратно. Не успел [он] въехать в Срединное царство, как на дороге [ему] встретился мудрый ремесленник по имени мастер Сутулый.

— К чему ты способен? — приняв его, спросил царь.

— Прикажите только испытать [меня], своего слугу, — ответил мастер. — Но хочу, чтобы государь сначала посмотрел на то, что ваш слуга уже сделал.

— Приноси с собой завтра, мы с тобой вместе посмотрим, — велел Муван.

На другой день мастер Сутулый явился к государю. Приняв его, Муван спросил:

— Кто это пришел вместе с тобой?

— Артист, созданный вашим слугой, — ответил мастер.

С удивлением смотрел Муван на артиста: [он] шагал, поднимал и опускал голову, следуя за мастером. Искусник коснулся его щеки и [артист] запел согласно мотиву; взял за руку — и он стал танцевать согласно ритму; повинаясь любому желанию, превращался и изменялся на тысячу ладов. Государь же принял его за настоящего человека. Рядом с государем стояли и любовались [на представление] Шэнь Цзи и весь гарем.

Под конец артист подмигнул окружавшим царя женщинам и поманил их к себе. В страшном гневе государь пожелал казнить мастера Сутулого на месте. Мастер же в ужасе разрезал, разобрал артиста, показал царю и объяснил, что сделан [он] из кожи, дерева, клея, лака и [раскрашен] белым, черным, красным и синим. Государь тщательно все осмотрел, и все оказалось искусственным: внутри — печень, желчь, сердце, легкие, селезенка, почки, кишки и желудок; снаружи — мускулы, кости, суставы, сочленения, кожа, зубы и волосы, — все было представлено полностью.

[Когда] мастер собрал все снова, как прежде, государь попробовал вынуть [у куклы] сердце — и уста замолкли; вынул печень — и глаза ослепли; вынул почки — и ноги

стали неподвижными. Муван вздохнул, восхищенный, и воскликнул:

— Оказывается, человек своим искусством может добиться тех же успехов, что и природа! — Он приказал поместить [куклу] на вторую колесницу и вместе с нею вернулся.

Ведь Гуншу Бань свою осадную лестницу и Мо Ди своего летающего коршуна называли высшим пределом мастерства. [Когда же] их ученики Дунмын Цзя и Цинь Гули слышали об искусстве мастера Сутулого и сообщили о нем обоим философам, те до конца жизни не посмели больше заговаривать о мастерстве и держались лишь циркуля и отвеса.

Гань Ин в старину был замечательным стрелком. Лишь натянет лук — и звери ложатся, а птицы падают. У Гань Ина обучался Стремительный Вэй и превзошел в мастерстве своего наставника. К Стремительному Вэю и пришел учиться Цзи Чан.

— Сначала научись не моргать, — сказал ему Стремительный Вэй. — а затем поговорим и о стрельбе.

Цзи Чан вернулся домой, лег под ткацкий станок своей жены и стал глядеть, как снует челнок. Через два года он не моргал, даже если [его] кололи в уголок глаза кончиком шила.

[Цзи Чан] доложил об этом Стремительному Вэю, тот сказал:

— [Этого] еще недостаточно. Теперь еще научись смотреть, а потом можно [и стрелять. Научись] видеть малое, точно большое, туманное, точно ясное, а затем доложишь.

Чан подвесил к окну вошь на конском волосе и стал на нее глядеть, обернувшись лицом к югу. Через десять дней [вошь] стала расти [в его глазах], а через три года уподобилась тележному колесу, все же остальные предметы [казались ему] величиной с холм или гору. Взял [он] лук из яньского рога, стрелу из цзиньского бамбука, выстрелил и пронзил сердце вши, не порвав волоса.

Доложил об этом Стремительному Вэю. Стремительный Вэй ударил себя в грудь, затопал ногами и воскликнул:

— Ты овладел [искусством]!

Тогда Цзи Чан понял, что во всей Поднебесной для него остался лишь один соперник, и задумал убить Стремительного Взя.

Они встретились на пустыре и стали друг в друга стрелять. Стрелы их на полдороге сталкивались наконечниками и падали на землю, не поднимая пыли. Но вот у Стремительного Взя иссякли стрелы, а у Цзи Чана осталась еще одна. Он спустил ее, но Стремительный Вэй точно отразил стрелу колючкой кустарника.

И тут оба мастера заплакали, отбросили луки, поклонились друг другу до земли и просили друг друга считаться отцом и сыном. Каждый надкусил себе руку [и кровью] поклялся никому более не передавать своего мастерства.

Учителя Отца Цзао звали Великим Бобом. Когда Отец Цзао пришел к нему учиться управлять колесницей, то по обычаю держался очень скромно. Великий Боб же ничего ему не объяснял целых три года. Отец Цзао относился [к учителю] все почтительнее, и [тот], наконец, с ним заговорил:

— В старинной песне поется:

Сын хорошего лучника
Сначала должен плести корзины.
Сын хорошего литейщика
Сначала должен шить шубы.

Ты сначала смотри, как я бегаю. Станешь бегать, как я, тогда сможешь взяться за шесть пар вожжей, управлять шестеркой коней.

— Буду лишь повиноваться приказу, — ответил Отец Цзао.

Тут Великий Боб сделал дорогу: на расстоянии шага [один от другого] установил столбы, на которых умещалась лишь ступня. По ним он стал ходить, бегать туда и обратно, не скользя и не падая.

Отец Цзао стал этому учиться и за три дня овладел его искусством.

— Как ты понятлив! Как быстро все усвоил! — вздохнув, сказал Великий Боб. — Так поступает Колесничий. Когда ты ходил, то овладел умением ногами, а откликался на него сердцем <умом>. Это и распространи на управле-

ние колесницей. Держи в порядке вожжи там, где [они] соединены с удилами, натягивай их или ослабляй в согласии с углами губ [коней]. Правильно соразмеряй мысль в своей груди, почувствуй ритм руками. Внутренне овладеешь волей, а внешне [научишься] угадывать желание коней. Тогда-то и сумеешь посылать [коней] вперед или отводить назад, словно по натянутому шнуру, делать повороты или кружиться, словно по углумеру и циркулю, и силы коней хватит с избытком на любой, самый дальний путь. Вот это истинное мастерство. Овладев мастерством [управления] удилами, приводи в соответствие поводья; овладев мастерством [управления] поводьями, приводи в соответствие и руки; [когда руки] овладеют мастерством, приводи в соответствие и мысли. И тогда можешь уже не следить глазами и не подхлестывать кнутом. Будешь стоять прямо с легким сердцем, и шесть пар вожжей не перепутаются, и [топот] двадцати четырех копыт будет равномерным, движения же совершенно точными при езде вперед, назад, кругом и при поворотах. А затем уж твоя колесница проедет всюду, где только поместятся колеса, всюду, где только хватит места для конских копыт. И тогда [езда в любой местности] станет [для тебя] одинаковой, не заметишь ни отвесных гор, ни узких ущелий, ни топи, ни равнины. На этом кончается мое искусство, и ты им овладел!

Вэй Черное Яйцо из-за тайной ненависти убил Цю Ясного и сын Ясного — Верный, задумал [ему] отомстить. Духом Верный был очень силен, но телом слишком слаб: ел по зернышку, ходил [лишь] при попутном ветре. Даже в гневе не мог поднять оружис, чтобы отомстить. [Но], стыдясь прибегнуть к чужой помощи, [он] поклялся расправиться с Черным Яйцом своей рукой.

Черное же Яйцо превосходил всех дерзостью и отвагой, силой противостоял сотне мужей, [крепостью] суставов и костей, мускулов и кожи даже не походил на человека: вытянутой шеей отражал [удар] мяча, обнаженной грудью — стрелу. Лезвие и острие гнулись и ломались, а на теле [у него] не оставалось ни царапины, ни шрама. Зная свою силу, [он] смотрел на Верного, как на цыпленка.

— Что ты думаешь делать? — спросил у Верного его друг, Советчик Шэнь. — Ты так оскорблен, а он так пренебрегает тобой.

— Хочу, чтобы ты мне посоветовал, — проливая слезы, ответил Верный.

— Слышал я, что предок Великого Совершенного из царства Вэй добыл драгоценный меч иньского царя. С таким мечом один отрок способен отразить три армии. Не попросить ли у него [этот меч]? — сказал Советчик.

Верный отправился в Вэй и увиделся с Великим Совершенным. Поклонился ему, точно раб-возница, попросил принять в дар жену и детей, а затем обратился со своей просьбой.

— У меня три меча, выбирай любой, — ответил ему Великий Совершенный. — Но ни одним нельзя убить человека. Сначала расскажу тебе о них. Первый называется Таящий свет. Смотришь на него — и [его] не видишь, взмахнешь им — и не знаешь, коснулся он чего-либо или нет; прозрачен и не имеет граней, рассекает [тело], а тело ничего не ощущает. Второй называется Принявший тень. Если всматриваться в него с северной стороны при смене предрассветного мрака утренней зарей или в сумерках — на грани дня и ночи, то что-то увидишь, но формы не разберешь. [Когда] он кого-то коснется, издает будто украдкой тихий звон, но тело не ощущает боли. Третий называется Закаленный ночью. При свете дня видна его тень, блеска не видно; ночью он блестит, но не видна форма. Коснувшись тела, рассекает его с треском, но рана сразу же заживает, остается лишь боль, к лезвию кровь не пристает. Эти три сокровища передавались [в нашем роду] уже тринадцать поколений, но в деле не бывали. Спрятаны в ларце, и даже печати [с них] не снимали.

— И все-таки я должен попросить [у вас] последний, — сказал Верный.

Тут Великий Совершенный вернул ему жену и детей, постился с ним вместе семь дней и на грани вечерней зари и ночной темноты, опустившись на колени, вручил ему меч Закаленный ночью. Верный принял его, дважды поклонился и возвратился домой.

И тогда Верный отправился с мечом к Черному Яйцу. Тот, как раз опьянев, лежал навзничь под окном. [Верный] трижды разрубил его от шеи до поясницы, но Черное Яйцо не проснулся. Думая, что он мертв, Верный поспешил уйти, но у ворот встретил сына Черного Яйца

и трижды его рубанул, рассекая, будто воздух. Сын Черного Яйца расхохотался и спросил:

— Что ты так глупо трижды меня поманил?

Тут Верный понял, что [таким] мечом не убить человека, и, тяжело вздыхая, пошел домой.

Проснувшись, Черное Яйцо рассердился на свою жену:

— Оставила меня, пьяного, непокрытым. Вот у меня и заболело горло, заломило поясницу!

Сын же его сказал:

— Недавно приходил Верный, встретился со мной в воротах, трижды меня поманил, и у меня также заболело все тело, а конечности онемели. Он нас сокрушил!

Му, царь Чжоу, пошел походом на Западных воинов. Западные воины поднесли ему кинжал из железа и холст, отмываемый в огне. Кинжал длиной в один чи и восемь цунь, лезвие красное, закаленной стали, режет нефрит, точно глину. Холст, отмываемый в огне, для стирки бросают в огонь. Холст принимает цвет огня, а грязь [на нем] — цвет холста. Вынув из огня, его встряхивают, [и он] становится белым, как снег.

Хуанцзы считал, что таких предметов нет, а рассказы о них — это вздор. Сяо Шу же сказал:

— Как самонадеян Хуанцзы! Как смел в ложных доводах!

Глава 6

СИЛА И СУДЬБА

— Разве твоим заслугам сравниться с моими! — похвасталась Сила перед Судьбой.

— Какие же у тебя заслуги перед вещами, и в чем могут сравниться с моими? — спросила Судьба.

— Я, Сила, способствую долголетию или недолговечности, успеху или неудаче, знатному или низкому положению, богатству или бедности.

— Пын Цзу по уму не превзошел Высочайшего и Ограждающего, а прожил восемьсот лет; Янь Юань имел талант недюжинный, а прожил сорок восемь лет; Конфуций

в добродетели не уступал правителям, а терпел бедствия в [царствах] Чэнь и Цай; иньский царь Бесчеловечный в своих поступках отнюдь не превзошел трех милосердных, а занимал царский трон; Цзи Чжа остался без титула в [царстве] У; Тянь Хэн захватил [царство] Ци; Старший дядя Ровный и Младший дядя Равный умерли от голода на горе Первого Солнца; Цзиши был богаче, чем Цзи Под Ивой. Если все это зависело от тебя, то почему у одних жизнь долгая, у других — короткая; мудрые терпели неудачи, а мятежники преуспевали, талантливые занимали низкое положение, а глупцы — высокое, добрые беднели, а злые богатели?

— Судя по твоим словам, у меня действительно нет заслуг перед вещами. [Но] не оттого ли таковы вещи, что ты ими управляешь?

— Разве [я] кем-то управляю, хотя и называюсь судьбой? [Разве] я отвергаю прямых <правых>, а покровительствую кривым <неправым>? [Они] долговечны сами по себе или недолговечны сами по себе; неудачливы сами по себе или удачливы сами по себе; знатны сами по себе или незнатны сами по себе; богаты сами по себе или небогаты сами по себе. Разве могу я об этом знать? Разве могу я об этом знать?

Обитатель Северного дома спросил Живущего у Западных ворот:

— Не думаешь ли ты, что превосходишь меня в добродетели? Ведь мы с тобой одного поколения, а люди помогают тебе; одного рода, а люди уважают тебя; одинаковой внешности, а люди любят тебя; говорим те же речи, а люди слушают тебя; поступаем одинаково, а люди доверяют тебе; служим одинаково, а люди возвышают тебя; одинаково занимаемся земледелием, а люди обогащают тебя; вместе торгуем, а выгода достается тебе. Я ношу грубую куртку, ем необрушенное просо, живу в хижине, крытой полынью, хожу пешком. Ты же носишь узорчатую парчу, ешь чистое просо и мясо, живешь [в доме] под многими стропилами, едешь в запряженном четверкой [экипаже]. В [своем] доме на пиру пренебрегаешь мною; при [царском] дворе открыто бросаешь на меня надменный взгляд. Уже много лет, как [мы] друг друга не приглашаем и на прогулки вместе не выезжаем.

— Я и сам не знаю, в чем дело, — ответил Живущий у Западных ворот. — Что бы ты ни предпринял, терпишь неудачу; что бы я ни предпринял, добиваюсь успеха. Не говорит ли это о счастливой и несчастливой судьбе? И [с твоей стороны] равнять себя со мной — это бесстыдство!

Обитателю Северного дома нечего было ответить, и он пошел к себе, как потерянный. По дороге встретился с Преждедородженным из Восточного Предместья, и Преждедородженный его спросил:

— Куда ты ходил и откуда возвращаешься? Почему идешь, согнувшись, и выглядишь таким пристыженным?

Обитатель Северного дома обо всем ему поведал.

— Пойдем со мной к нему снова, и я избавлю тебя от стыда.

— Скажи мне, зачем ты так жестоко оскорбил Обитателя Северного дома? — спросил Преждедородженный Живущего у Западных ворот.

— Обитатель Северного дома сказал, что одинаков со мной поколением и родом, возрастом и внешностью, речами и поступками, но отличается от меня, знатного и богатого, низким положением и бедностью. Я сказал ему, что сам не знаю, в чем дело. Что бы ты ни предпринял, терпишь неудачу, что бы я ни предпринял, добиваюсь успеха. Не говорит ли это о счастливой и несчастливой судьбе? И [с его стороны] равнять себя со мной — это бесстыдство!

— Когда ты толкуешь о различии в судьбе, то думаешь лишь о различии в таланте и добродетели. Я же говорю о различии в другом [отношении]. Ведь Обитатель Северного дома одарен добродетелью, но обделен судьбой; ты же одарен судьбой, но обделен добродетелью. Твои удачи добыты не умом, неудачи Обитателя Северного дома — это не ошибки глупости. Все это [зависит] от природы, а не от человека. Твоя же гордость тем, что [ты] щедро одарен судьбой, как и стыд Обитателя Северного дома оттого, что [он] щедро одарен добродетелью, означает, что оба вы не знаете естественного закона.

— Остановись, Преждедородженный! — воскликнул Живущий у Западных ворот. — Я больше не осмелюсь [так] говорить!

Вернувшись домой, Обитатель Северного дома стал носить свою грубую куртку, словно она такая же теплая, как [мех] лисицы или енота; есть бобы, будто у них вкус

чистого зерна; располагаться в своей хижине, крытой полыню, словно под сенью большого дома; ездить в своей плетеной повозке, точно на украшенной резьбой колеснице. И до конца дней своих оставался удовлетворенным, не ведая, кого прославляют, а кого позорят.

Услышав об этом, Пржедрожденный из Восточного Предместья сказал:

— Обитатель Северного дома долго спал, но при первом же слове сумел очнуться и излечиться от скорби.

Гуань Чжун и Баошу Я были близкими друзьями и жили вместе в Ци. Гуань Чжун служил царевичу Цзю, а Баошу Я служил царевичу Сяобо.

У царя Ци было много жен. Сыновья главной жены и наложниц в его роде считались равными, и люди царства боялись междоусобицы. Гуань Чжун и Шао Ху вместе с царевичем Цзю, которому служили, бежали в Лу; Баошу вместе с царевичем Сяобо, которому служил, бежал в [царство] Цзюй. Когда же царский внук Учжи поднял мятеж и в Ци не стало царя, оба царевича вступили в борьбу [за власть].

Сражаясь с Сяобо на дороге в Цзюй, Гуань Чжун попал ему стрелой в застезку на поясе.

Взойдя на трон, Сяобо стал угрожать Лу, [и там] убили царевича Цзю. Шао Ху из-за этого покончил с собой, а Гуань Чжун был заключен в тюрьму.

Баошу Я сказал Хуаньгуну:

— Гуань Чжун способен управлять царством.

— [Он] мой враг. Хочу его казнить — ответил Хуаньгун.

— Я слышал, что мудрые государи не питают личной вражды. Да притом человек, способный управлять самим собой, конечно, способен властвовать и над другими. Если хотите стать гегемоном, не сможете [этого сделать] без Чжуна. Необходимо его освободить.

Царь призвал Гуань Чжуна, и лусцы вернули его в Ци.

Баошу Я встретил [Гуань Чжуна] в предместье, освободил его от оков. Хуаньгун [принял] его по всем правилам этикета и поставил даже выше, чем [роды] Гао и Го. Баошу Я стал ниже его. Гуань Чжуну поручили управлять царством и даровали титул — Отец Чжун. Вскоре же Хуаньгун стал гегемоном.

Как-то Гуань Чжун со вздохом сказал:

— В молодости я терпел неудачи, бедствовал и торговал вместе с Баошу. При дележе больше брал себе, но Баошу, зная о моей бедности, не считал меня жадным. Я задумал для Баошу одно дело, но потерпел большую неудачу. Однако Баошу не счел меня глупцом, ибо знал, что времена бывают хорошие и плохие. Я трижды служил и трижды был изгнан государем, но Баошу не подумал, что я негоден, зная, что мне еще не встретилась удача. Я трижды сражался и трижды бежал, но Баошу не назвал меня трусом, ибо знал, что у меня мать-старуха. Когда царевич Цзю потерпел поражение, Шао Ху последовал за ним и в смерти, я же, покрытый позором, спрятался в тюрьме. Но Баошу не счел меня бесстыдным, зная, что меня не смущают мелочи, что стыжусь я лишь того, что имя мое не прославилось в Поднебесной. Родили меня отец и мать, а знает меня [лишь] Баошу.

Вот каковы Гуань и Бао[шу], прославленные в мире [своей] прекрасной дружбой! [Вот каков] Сяобо, прославленный умением привлекать к себе способных! Однако в действительности [у них] не было прекрасной дружбы, в действительности [у Сяобо] не было умения привлекать к себе способных. То, что в действительности [у них] не было прекрасной дружбы, не означает, что бывает еще более крепкая дружба; то, что в действительности [у Сяобо] не было умения привлекать к себе способных, не означает, что бывает еще большее умение привлекать к себе способных. Это не значит, что Шао Ху был способен покончить с собой, [он] не мог не покончить с собой; это не значит, что Баошу был способен рекомендовать талантливых, [он] не мог не рекомендовать талантливых: это не значит, что Сяобо был способен привлечь к себе врага, [он] не мог не привлечь к себе [врага].

Когда Гуань Чжун заболел, Сяобо задал ему вопрос:

— Можно ли говорить не таясь? [Ведь] болезнь у [Вас], Отец Чжун, серьезная. Кому доверить царство, если станет хуже?

— Кому бы хотел государь? — спросил Гуань Чжун.

— Можно ли Баошу?

— Нельзя! Он — муж прекрасный, чистый и честный. Но всех остальных он меряет по себе, а не [себя] по другим. Раз услышит о чьей-либо ошибке, всю жизнь не за-

будет. Если доверить ему управление царством, так наверху — запутает правителя, а внизу — станет перечить народу. Пройдет немного времени, и он совершит проступок против государя.

— Кому же можно? — спросил Сяобо.

— Не станет меня, так можно [доверить] Си Пэну. Он такой человек, что высшие [о нем] забудут, а низшие [ему] не изменят. Сам сожалеет, что не похож на Желтого Предка, но печалится о тех, кто хуже его. Тот, кто уделяет людям от [своей] добродетели, называется мудрецом; тот, кто уделяет людям от [своих] богатств, называется умным. Тот, кто снисходит до людей мудростью, никогда не завоевывает людей; тот, кто спускается к людям умом, всегда завоевывает людей. В царстве он не все услышит, в семье он не все увидит. Не станет меня, так можно Си Пэну.

Однако это не значит, что Гуань Чжун унизил Баошу, [Гуань Чжун] не мог [его] не унижить; это не значит, что [Гуань Чжун] благоволил к Си Пэну, [Гуань Чжун] не мог [к нему] не благоволить. В конце, возможно, унижают того, к кому вначале благоволили; того, к кому вначале благоволили, в конце, возможно, станут унижать. Смена благоволения и унижения зависит не от нас.

Применяя учение о двух возможностях, Дэн Си допускал бесчисленные предположения. Когда Цзычань вершил дела, [Дэн Си] создал законы на бамбуковых планках, и в царстве Чжэн их стали применять. [Дэн Си] неоднократно упрекал Цзычаня за [плохое] управление. Цзычань же покорялся ему. [Однако] Цзычань схватил Дэн Си, опозорил его и неожиданно казнил. Но это не значит, что Цзычань был способен применить законы на бамбуковых планках, [он] не мог их не применить; это не значит, что Дэн Си был способен покорить Цзычаня, [Дэн Си] не мог [его] не покорить; это не значит, что Цзычань был способен казнить Дэн Си, [он] не мог не казнить Дэн Си.

Родиться, когда есть возможность жить, это счастье от природы; умереть, когда есть возможность умереть, это счастье от природы. Не родиться, когда есть возможность жить, это наказание от природы; не умереть, когда есть

возможность умереть, это наказание от природы. Бывает, что обретают жизнь, когда есть возможность жить, обретают смерть, когда есть возможность умереть; [но] бывает, что живут, когда нет возможности жить, или умирают, когда нет возможности умереть.

Однако рождение и жизнь, одряхление и смерть [зависят] не от [других] вещей, не от самих себя, а от судьбы, познать их нет возможности. Поэтому и говорится:

— Далекий, беспредельный путь природы сам по себе образуется; бесстрастный неделимый путь природы сам по себе движется. Ни небо, ни земля не способны [его] нарушить; ни мудрый, ни знающий не способны [ему] противиться; ни души предков, ни бесы не способны [его] обмануть. Естественность — это то, что [всех] их уничтожает, их создает, их покоит; ко [всем] к ним естественность] бесстрастна, их ведет, их встречает.

Цзи Лян, друг Ян Чжу, заболел, и на седьмой день [болезнь] усилилась. Сыновья, оплакивая, окружили его. Позвали лекаря.

— Какие неразумные у меня сыновья, — сказал Цзи Лян [своему другу] Ян Чжу. — Не споешь ли ты вместо меня им в поучение?

Ян Чжу запел:

Что и природа не знает,
Откуда узнать человеку?
Небо ничем ис поможет,
Зла не свершит человек.
То, что лишь мы с тобою
Двое на свете знаем,
Разве узнает лекарь,
Разве узнает колдун?!

[Но] сыновья Цзи Ляна ничего не поняли и пригласили в конце концов трех лекарей. Первого звали Обманщик, второго — Поддакивающий Каждому, третьего — Игрок. Осмотрели больного, и сказал Цзи Ляну Обманщик:

— В твоём [теле] неравномерны холод и жар, неуравновешены пустое и полное. Болезнь твою вызвали не Небо и не души предков. [Она] происходит и от голода, и от пресыщения, и от возжелания, и от наслаждения, и от забот душевных, и от беззаботности. Но, несмотря на это, [я] постепенно [ее] одолею.

— Лекарь, каких много, — заключил Цзи Лян и поспешно его прогнал.

Поддакивающий Каждому сказал:

— У тебя с самого начала, еще во чреве [матери], не хватало жизненной энергии, материнского же молока получал в избытке. Причина болезни возникала постепенно, не за одно утро и не за один вечер, и вылечить тебя нельзя.

— Лекарь хороший, — заключил Цзи Лян и [велел] его накормить.

Игрок сказал:

— Болезнь твоя не от Неба, не от человека и не от душ предков. От природы родилась и с телом оформилась. Мы ведаем о ней настолько, насколько ею управляет естественный закон. Чем же помогут тебе лекарства и уколы камнем?

— Лекарь проникательный, — заключил Цзи Лян и, щедро наградив его, отпустил.

А болезнь Цзи Ляна вдруг сама собой прошла.

Жизнь сохраняется не потому, что ее ценят, здоровье улучшается не потому, что его берегут; жизнь безвременно теряют не оттого, что ее презирают, здоровье ухудшают не оттого, что им пренебрегают. Поэтому ценящий жизнь, возможно, не будет жить; презирающий жизнь, возможно, не умрет; берегущий здоровье, возможно, его не улучшит; пренебрегающий здоровьем, возможно, его не ухудшит. Кажется, что все это [происходит] вопреки [желанию]. Нет, не вопреки. Это означает, что живут сами по себе, умирают сами по себе, [здоровье] улучшается само по себе, ухудшается само по себе. Бывает, что ценят жизнь и живут или презирают жизнь и умирают; бывает, что берегут здоровье и улучшают его или пренебрегают здоровьем и ухудшают его. Кажется, что все это соответствует [желанию]. Нет, не соответствует. Это также означает, что живут сами по себе, умирают сами по себе, [здоровье] улучшается само по себе, ухудшается само по себе.

Вскармливающий Медведя сказал царю Прекрасному:

— Высок сам по себе — [это] не значит, что к нему добавили; мал сам по себе — [это] не значит, что [от него] отняли. Разве это зависит от расчетов?

Лаоцзы сказал Стражу Границы:

— В ненависти природы кто найдет причину?

[Здесь] речь о том, что лучше [человеку] не подлаживаться под волю Неба, [лучше] не строить предположений о выгоде и вреде.

Ян Бу сказал:

— Здесь [два] человека, в которых я сомневаюсь. По годам они — старший и младший брат, по речам — старший и младший брат, по таланту — старший и младший брат, по виду — старший и младший брат. А [вот] по долговечности [они] — отец с сыном, по благородству и низости — отец с сыном, по славе — отец с сыном, по любви и ненависти — отец с сыном.

Ян Чжу ответил:

— У древних было слово, которое я запомнил и тебе поведаю. Все, что само по себе таково, но неизвестно, почему таково, — от судьбы. Разве кто-нибудь способен знать причину всего того, что [происходит] сейчас и в темноте, и в тумане, и в беспорядке, и в согласии, и следуя за деянием, и следуя за недеянием, приходя в один день, уходя в другой? Все это — от судьбы. Верящий в судьбу отрицает долговечность и недолговечность; верящий в естественный закон отрицает истину и ложь; верящий в разум отрицает покорность и непокорность; верящий в природу отрицает безопасность и опасность. В таком случае скажем, что все они отрицают то, во что верят, все они отрицают то, во что не верят. Вот истина! Вот правда! К чему уходить? К чему приходиться? К чему печалиться? К чему радоваться? К чему действовать? К чему не действовать?

В предании о Желтом Предке говорится: «Настоящий человек сидит, словно мертвый, движется, словно связанный; не знает, почему сидит, не знает, почему не сидит; не знает, почему движется, не знает, почему не движется. Чувства его и внешность не меняются под взглядами толпы; чувства его и внешность не меняются и при отсутствии взглядов толпы. Один он отправляется и один возвращается, один входит, один выходит, и кто сумеет ему помешать?»

Четыре человека — Плут, Обидчивый, Медлительный и Вспыльчивый — бродили вместе по свету. Каждый из

них следовал своим склонностям, и до конца дней своих [они] не узнали друг друга. Каждый считал свои знания самыми глубокими.

Четыре человека — Говорун, Простак, Неотесанный и Подлиза — бродили вместе по свету. Каждый из них следовал своим склонностям, и до конца дней своих [они] не поведали друг другу своих секретов. Каждый считал свое мастерство самым тонким.

Четыре человека — Коварный, Искренний, Заика и Хулитель — бродили вместе по свету. Каждый из них следовал своим склонностям, и до конца дней своих [они] не поняли друг друга. Каждый считал, что [своим] талантом достигнет успеха.

Четыре человека — Лицемер, Докучный, Отчаянный и Робкий — бродили вместе по свету. Каждый из них следовал своим склонностям, и до конца дней своих [они] не порицали друг друга. Каждый считал свои поступки безупречными.

Четыре человека — Сговорчивый, Самовластный, Завхватчик и Одиночка — бродили вместе по свету. Каждый из них следовал своим склонностям, и до конца дней своих [они] не взглянули друг на друга. Каждый из них считал себя отвечающим своему времени.

Так действует толпа. По внешности различные, все [они] объединяются путем и подчиняются судьбе.

Почти успех — подобен успеху, но [он] и не начало успеха; почти неудача — подобна неудаче, но [это] и не начало неудачи. Заблуждение рождается подобием. Границы подобия — неразличимы, но тот, для кого подобие различимо, не станет страшиться беды извне, не станет радоваться и внутреннему счастью. В [какое] время действовать, в [какое] время бездействовать — и умному не познать.

Верящий в судьбу <фаталист> не делает различия между «я» и «не-я». Тот, кто делает различие между «я» и «не-я», хуже того, кто, закрыв глаза и заткнув уши, становится спиной к откосу горы, лицом к городскому рву и все же не падает. Поэтому и говорится: «смерть и жизнь зависят от судьбы, бедность и неудачи зависят от времени». Тот, кто ропщет на недолговечность, не понимает

судьбы; тот, кто ропщет на бедность и неудачи, не понимает времени; тот, кто не знает страха смерти, не скорбит в бедности, понимает судьбу и довольствуется [своим] временем. Многознающий, оценивая доходы и убытки, отделяет кажущееся от реального, определяя людские настроения, половину обретает, половину теряет; малознающий, не оценивая доходов и убытков, не отделяя кажущееся от реального, не определяя людских настроений, также половину обретает и половину теряет. Разве есть различие между [теми, кто] оценивает, рассчитывает, определяет, и [теми, кто] не оценивает, не рассчитывает, не определяет?! Только тот, кто, ничего не меряя, все измеряет, обретает целостность и не имеет утрат. Но не оттого, что знает целостность, не оттого, что знает утраты. Целостность сама по себе, потери сами по себе, утраты сами по себе.

Циский царь Цзин <Лян> гун прогуливался на горе Быка. Приближаясь с севера к стене столицы, [он] стал проливать слезы и восклицать:

— А! Как прекрасно [мое] царство! [Как] пышны растения! Как хороши капли росы! Неужели [придется] покинуть это царство и умереть? Если бы древние не умирали, и мне [не пришлось бы] куда-то уходить отсюда.

Вторя ему, зарыдали Цзюй с Лян-горы и Хронист Кун:

— Благодаря милостям государя [мы], ваши слуги, можем питаться грубым зерном и плохим мясом; можем ездить на кляче и в плетеной повозке. И если [мы] не хотим умирать, то что же говорить о нашем государе?

Только Яньцзы в стороне рассмеялся.

Царь утер слезы и, обернувшись к Яньцзы, сказал:

— Ныне на прогулке я опечалился. Вторя мне, зарыдали Кун и Цзюй. Почему только ты один засмеялся?

— Глядя на этих двух, [я], ваш слуга, и засмеялся укордкой, — ответил Яньцзы. — Ведь если бы добродетельные навсегда сохраняли трон, его занимали бы Тайгун и Хуаньгун, если бы отважные навсегда сохраняли трон, его занимали бы Достойнейший и Чудотворный. Другие цари занимали бы его, а наш государь в плаще и шапке из соломы стоял бы посередине поля, заботился бы только [об урожае]. Где взял бы [он] досуг раздумывать над смертью? Как смог бы мой государь обрести этот трон? [Лишь] бла-

годаря тому; что [те цари], сменяясь, занимали трон и покидали его, перешел [он] и к [вам], государь. И плакать из-за этого — недостойно. Увидел [я] недостойного государя, увидел его слуг-льстецов.

Цзингун раскаялся и поднял штрафной кубок, а обоим слугам назначил штраф — по два кубка.

Близ Восточных ворот Вэй жил [некий] У. [Когда] у него умер сын, он не горевал. Домоправитель спросил его:

— Почему [вы] не горюете ныне о смерти сына? Ведь [вы], господин, любили сына, как никто другой в Поднебесной!

— Зачем же мне горевать? — ответил У, [что жил] близ Восточных ворот. — Прежде у меня не было сына. Когда не было сына — не горевал. Ныне сын умер, и его нет так же, как не было прежде.

Земледелец поспевает за временем года, торговец думает о прибыли, ремесленник добивается мастерства, воин стремится к власти — к этому вынуждают их обстоятельства. Однако у земледельца бывают разливы и засухи, у торговца — доходы и убытки, у ремесленника — удачи и неудачи, у воина — поражения и победы. Таково проявление судьбы.

Глава 7 ЯН ЧЖУ

Ян Чжу, странствуя в Лу, остановился у Мэна, и Мэн задал [ему] вопрос:

— [Родился] человеком, к чему еще [стремиться]? К чему слава?

— Слава ради богатства, — ответил Ян Чжу.

— [Если] стал богат, к чему же еще [стремиться]?

— К знатности.

— [Если] стал знатным, к чему же еще [стремиться]?

— К смерти.

— Умер, к чему же еще [стремиться]?

— К [благоденствию] сынов и внуков.

— Разве слава приносит благоденствие сынам и внукам?

— Благодаря [посмертной] славе возвышение распространяется отнюдь не только на сынов и внуков, — на весь род, а нажива — на всю общину. [Поэтому] ради славы изнуряют тело, иссушают сердце.

— Каждый, стремящийся к славе, должен быть бескорыстным. А [разве] бескорыстные не бедны? Каждый, стремящийся к славе, должен быть уступчивым. А [разве] уступчивые знатны?

— [Когда] Гуань Чжун помогал управлять в Ци, царь вел распутную жизнь, и Гуань Чжун вел распутную жизнь; царь расточительствовал, и Гуань Чжун расточительствовал. В стремлениях Гуань Чжун был един [с царем], в речах Гуань Чжун следовал [за царем]. Учение [Гуань Чжуна] осуществилось, и [царь] стал гегемоном. После же смерти [осталось] лишь [имя] Гуань. Когда же Тянь помогал управлять в Ци, царь был надменным, а Тянь — скромным, царь обирал [народ], а Тянь раздавал [народу]. Весь народ повернулся к Тяню, и поэтому [он] завладел царством Ци. И поныне [властью в] царстве наслаждаются [его] сыны и внуки.

— [Значит], если слава истинная, то беден? Если слава ложная, то богат?

— [Владеющие] истиной не обладают славой, [владеющие] славой не обладают истиной. Прославленные — ложные <не истинные>, и только. В древности Высочайший и Ограждающий притворно уступали Поднебесную Никого не Стесняющему и Умеющему Свернуться. Не теряя Поднебесной, [они] наслаждались почестями по сто лет. Старший Ровный и Младший Ровный искренне уступили царствование и в конце концов потеряли свое царство Одинокий Бамбук, умерли от голода на горе Первого Солнца. Вот таким-то образом и проявляется различие между истинным и ложным.

Ян Чжу сказал:

— Сто лет жизни — большой срок. Но прожить сто лет не удастся даже одному из тысячи. Предположим, что окажется такой. [Но] младенчество на руках матери и старческая дряхлость отнимут чуть ли не половину [времени]; забвенис ночью во сне и потерянные даже в бодр-

ствовании дни отнимут еще чуть ли не половину [оставшегося времени]; страдания и болезни, горе и мучения, утраты и потери, печаль и страх отнимут еще чуть ли не половину. За оставшиеся десять с небольшим лет найдется ли хоть мгновение, когда бы [человек] был весел, доволен, беззаботен? Зачем же тогда живет человек? Для наслаждений? Для красоты и яств? Для музыки и любви? Но красотой и пиршествами опять-таки нельзя [наслаждаться] постоянно — пресыщаешься. Музыка и любви нельзя жаждать постоянно. А тут опять запрещают наказаниями и убеждают наградами; [зовут] вперед во имя славы и [толкают] назад с помощью закона. Спешим состязаться за миг пустой славы, домогаясь славы с избытком после смерти. Сгибаясь, внимательно слушаем и смотрим, сожалея об истинности или ложности собственных желаний. Напрасно упускаем [возможность] высших наслаждений в эти годы. [Если] неспособны даже на миг беспечности, то чем же отличаемся от пленника в тяжелых оковах?

Люди далекой древности знали, что в жизнь постепенно приходят, знали, что смерть постепенно уносит. Поэтому действовали, следуя [велению своего] сердца и не шли против своих естественных желаний. Не избегали наслаждений при жизни, поэтому их и не манила слава. Развлекались, следуя своей природе, не шли против тьмы желаний, не гнались за посмертной славой, поэтому их не постигали и наказания. Не рассчитывали, сколько проживут лет и будет ли слава сначала или потом.

Ян Чжу сказал:

— В жизни все вещи друг от друга отличаются, а в смерти все одинаковы. При жизни отличаются друг от друга умные и глупые, знатные и низкие; в смерти же одинаковы тем, что [все] смердят и разлагаются, гниют и исчезают. И все же это не значит, что от способностей [человека] зависит быть умным или глупым, знатным или низким; это не значит, что от способностей [человека] зависят смрад и разложение, гниение и исчезновение. Следовательно, это не значит, что жизнь зависит от живых, а смерть — от мертвых; ум — от умных, а глупость — от глупых, знатность — от знатных, а низкое [состояние] — от низких. Но [это значит], что тьма вещей равна в жизни,

равна и в смерти, равна в мудрости, равна и в глупости, равна в знатности, равна и в низком [состоянии]. Умирает и десятилетний, умирает и столетний. Умирает и милосердный и мудрый, умирает и злодей и дурак. При жизни — Высочайший и Ограждающий, после смерти — сгнившие кости. При жизни были Разрывающий на Части и Бесчеловечный, после смерти — сгнившие кости. Кто определит различие между ними, ведь сгнившие кости одинаковы?! Следует наслаждаться при жизни, к чему хлопотать о том, что будет после смерти!

Ян Чжу сказал:

— Старший Ровный не чуждался желаний. Сверх меры гордясь [своей] чистотой, довел себя до голодной смерти. Цзи под Ивой не был бесчувственным, но из-за чрезмерной гордости своим целомудрием не продолжил рода. Вот как повредили добрым чистота и целомудрие.

Ян Чжу сказал:

— Юань Сянь обеднел в Лу, Цзыгун разбогател в Вэй. Юань Сянь от бедности меньше прожил; Цзыгун богатством навлек на себя беду. В таком случае нельзя ни беднеть, ни богатеть? Что же можно? Скажу: можно радоваться жизни, можно не утруждать себя заботами. Ибо тот, кто умеет наслаждаться жизнью, не беднеет; тот, кто умеет не утруждать себя заботами, не богатеет.

Ян Чжу сказал:

— «При жизни друг друга жалеть, по смерти друг друга покидать» — в этой древней пословице — истина. «Друг друга жалеть» — [эти слова] говорят не только о чувстве, но и о готовности дать отдохнуть усталому, накормить голодного, обогреть замерзшего, найти выход для зашедшего в тупик. «Друг друга покидать» — [эти слова] говорят не о том, чтобы не оплакивать покойника, а о том, чтобы не облачать в узорную парчу, не класть [ему] в рот жемчуг и нефрит, не приносить жертв, не ставить блестящих сосудов.

Янь Пинчжун спросил у Гуань Чжуна о том, как заботиться о своей жизни.

Гуань Чжун ответил:

— Не мешать [себе], не останавливать [себя]. Жить свободно, и только.

— А подробнее?

— Позволить ушам слушать то, что хочется; позволить глазам смотреть на то, на что хочется; позволить носу обонять то, что хочется; позволить устам говорить то, что хочется; позволить телу покоиться так, как хочется; позволить сердцу мыслить так, как хочется. Ведь ушам хочется слушать музыку, и мешать им — означает притуплять слух; глазам хочется смотреть на красоту и краски, и мешать им — означает притуплять зрение; носу хочется вдыхать [аромат] перца и орхидеи, и мешать ему — означает притуплять обоняние; устам хочется говорить об истинном и ложном, и мешать им — означает притуплять ум; телу хочется найти покой в прекрасном и приятном, и мешать ему — значит лишать его хорошего самочувствия; мысли хочется свободы, и мешать ей — значит не давать ей идти вперед. Все эти препятствия — жестокие деспоты. Устранишь этих жестоких деспотов — и [проживешь] радостно вплоть до смерти — и день, и луну, и год, и десять лет. Это я и называю заботиться о своей жизни. Свяжешь себя этими жестокими деспотами, станешь неотступно обуздывать себя и [жить] в скорби и заботах во имя долголетия, так [проживи] пусть даже сто лет, тысячу лет, тьму лет, — это не то, что я называю заботиться о своей жизни. Я объяснил тебе, как заботиться о жизни, — заключил Гуань Чжун, — [а ты скажи], как провожать мертвых?

— Что же объяснять? Похоронным обрядом [я] пренебрегаю.

— Я хотел бы тебя выслушать.

— Когда умру, разве [обряд] от меня зависит <меня касается>? Тело можно сжечь, можно утопить, можно зарыть, можно оставить под открытым небом, можно укрыть хворостом и бросить в канаву, можно облачить в расширенные шелковые одежды и поместить в каменный саркофаг. Как случится.

— Мы оба до конца [познали] учение о жизни и смерти, — сказал Гуань Чжун, обернувшись к Баошу и Хуанцзы.

Цзычань стал помогать управлять [царством] Чжэн, и за три года [его] единовластного управления добрые по-

корились его реформам, недобрые устрашились его запретов. Наступил порядок в царстве Чжэн, и все правители стали его опасаться.

У [Цзычаня] был старший брат по имени Гунсунь Зореван и младший брат по имени Гунсунь Полуночник. Зореван любил вино, а Полуночник — женщин.

В доме Зоревана вина готовили до тысячи котлов, закваски — целые горы, дух от барды бил в нос за сотни шагов от ворот. Предаваясь пьянству, он не ведал, [царит ли] мир или [угрожает] беда; [не ведал] ни сожаления о порядках среди людей, ни недовольства ими, [не тревожился] ни о доходах и расходах в собственном доме; ни о сближении или отчуждении между [всеми] девятью коленами своего рода; [не ощущал] ни радости жизни, ни печали смерти; не знал даже, когда рядом с ним случались наводнение, пожар или сражение.

У Полуночника же на женской половине тянулись рядами десятки покоев для избранниц, самых юных прелестниц. Когда он увлекался красавицей, то прятался от родных, порывал с друзьями и скрывался в женских покоях, добавляя к ночам и дни. [Он] был недоволен, даже если покидал [их] раз в три месяца. Когда в общине подрастала миловидная девушка, [он] добивался ее непременно — либо заманивая подарками, либо увозя с помощью свахи.

Печалась за братьев денно и ночью, Цзычань тайно отправился к Дэн Си посоветоваться.

— [Я], Цяо, слышал, что [умение] управлять самим собой влияет на семью, что [уменис] управлять семьей влияет на царство, — сказал Цзычань. — Это изречение начинается с близких и кончается далекими. [Я же], Цяо, царство привел в порядок, а в семье [у меня] беспорядки. Это противоречит учению. Как спасти братьев? Не сможешь ли ты?

— Я давно уже удивлялся тебе, — ответил Дэн Си. — Но не смел заговорить первым. Почему ты не справишься с братьями немедленно? Не расскажешь им притчу о важности жизни, не призовешь [их] к почитанию обрядов и долга?

Как только нашелся досуг, Цзычань навестил своих братьев и, воспользовавшись советом Дэн Си, сказал им:

— Именно благодаря разуму человек ценнее птиц и зверей. Разумом же управляют обряды и долг. Тот, кто безупречен в обрядах и долге, добивается славы и постов. Возбуждать же свои чувства и искать наслаждений в пороке и разврате — опасно для жизни. Внемлите [моим], Цяо, словам, с утра раскайтесь, а уже вечером станете кормиться жалованьем.

— Неужели [мы] ждали, пока ты об этом заговоришь? Мы давно уже поняли и давно сделали свой выбор, — ответили Зореван и Полуночник. — Жизнь — такая редкая удача, а смерть так легко достижима. Кто же это придумал — проводить с таким трудом доставшуюся жизнь в ожидании столь легко приходящей смерти? Стремиться почитать обычаи и долг ради хвастовства? Насиловать свои чувства и природу, чтобы заманить славу? Это для нас хуже смерти! Желая исчерпать до дна все наслаждения своей единственной жизни, испытать все радости этих лет, тревожимся лишь о том, чтобы переполненный желудок не помешал вволю пить; чтобы утрата силы не помешала предаваться вволю плотским удовольствиям. Не печалит [нас] ни дурная слава, ни опасность для жизни.

Но как жалок, как презрен ты, который превзошел всех в умении управлять царством! Вознамерился смутить наши мысли поучительной речью? Завлечь наши сердца славой и жалованьем? Мы также хотим с тобой поспорить!

Ведь тот, кто умеет управлять внешним [миром], вряд ли наведет порядок среди людей, [сам же он] обречен на муки. Вряд ли из-за того, кто умеет управлять [своим] внутренним [миром], наступит смута, жизнь же [его] будет беззаботной. Законы, с помощью которых ты управляешь внешним [миром], отвечая или не отвечая желаниям людей, могут на время распространиться в одном царстве. Если бы наш способ управлять внутренним [миром] распространился на всю Поднебесную, то учению о государе и слугах пришел бы конец. Мы давно хотели объяснить тебе этот способ, а ты, напротив, вдруг стал учить нас своему.

Цзычань встревожился и ничего не сумел им ответить, а на другой день обо всем рассказал Дэн Си.

— Кто назвал тебя умным? — спросил Дэн Си. — Ты даже не знаешь о том, что живешь рядом с настоящими

людьми. Порядок в царстве Чжэн — [дело] случая, а не твоя заслуга.

Вэйский Дуаньму Шу был современником Цыгуна. Благодаря богатству предков в его семье скопилась тьма золота. [Он] не занимался делами, а предавался свободно тому, что ему нравилось. Он делал все, что только хочется делать живому человеку; развлекался всем, чем только развлекается человеческая мысль. Здания и ограды, башни и террасы, сады и заповедники, пруды и водоемы, вина и яства, колесницы и одежды, песни и музыка, красавицы и слуги — все у него походило на государево в царствах Ци и Чу. Все, что только было ему по сердцу, — приятное слуху, приятное взору, приятное устам, даже из далеких стран, чужеземных краев, не произраставшее в Ци, доставалось ему [с такой легкостью], точно из-за [его собственной] ограды. На прогулках он проникал повсюду — по малым тропинкам и далеким дорогам, даже через горы и реки, отвесные скалы и пропасти [с такой легкостью], как другой делает несколько шагов. Гости и удальцы ежедневно сотнями прибывали в его поместье. В кухне под котлами непрерывно горел огонь, в залах и крытых галереях непрерывно слышались песни и музыка. Оставшиеся от пиршества яства раздавали родичам, оставшиеся после них — раздавали всей общине, оставшиеся — раздавали по всему царству.

Прожив так шестьдесят лет, он стал дряхлеть и телом и душой, оставил все дела и принялся раздаривать все, что было в казне и амбарах: драгоценности и сокровища, колесницы и одежды, жен и наложниц. За год все иссякло, не осталось имущества ни сынам, ни внукам. Когда он заболел, не нашлось ни лекарств, ни камня для уколов. Когда он умер, не на что было вырыть ему могилу. Люди со всего царства, получавшие от него дары, сложились, похоронили его и вернули имущество сынам и внукам.

Услышав об этом, Цинь Гули сказал:

— Дуаньму Шу — безумец, опозорил своих предков!

Услышав об этом, ученик Дуаньгань сказал:

— Дуаньму Шу — человек великодушный, добродетелью превзошел своих предков. Хотя его действия, его поступки всех удивляли, но [он] поистине овладел законом природы. Большая же часть благородных в царстве Вэй

соблюдала учение об обрядах, поэтому [они] и не удостоились расположения этого человека.

Мэнсунь Ян спросил Ян Чжу:

— Предположим, здесь человек, который ценит жизнь и бережет тело. Может ли [он] достичь бессмертия?

— По закону природы нет бессмертия.

— Может ли достичь долгой жизни?

— По закону природы нет долгой жизни. Жизнь не сохранишь тем, что ее ценишь, здоровье не сохранишь тем, что его бережешь. Да и к чему долгая жизнь? Наслаждение и отвращение во [всех] пяти чувствах ныне те же, что и встарь; опасность и безопасность четырех конечностей ныне те же, что и встарь; горе и радость в делах ныне те же, что и встарь; смена порядка и беспорядка в управлении ныне та же, что и встарь. Все это видели, все это слышали, все это снова и снова испытали. Так много, что надоест и за сто лет. Насколько же тяжелее будет жить долго!

— В таком случае ранняя смерть лучше долгой жизни? — спросил Мэнсунь Ян. — А чтобы обрести желаемое, следует кинуться на острие, на лезвие, броситься в кипяток или в огонь?

— Нет, — сказал Ян Чжу. — Поскольку живешь, то в ожидании смерти живи легко, исполняя до конца свои желания. Придет смерть — легко перенеси и ее, пусть она исполнит [свое] до конца, предоставь свободу угасанию. Ко всему относись легко, все терпи. К чему спешить или медлить за столь краткий срок!

Ян Чжу сказал:

— Высокосовершенный никому не помогал и волоском. Отказался от царства и в уединении пахал землю. Великий же Молодой Дракон не принес самому себе пользы, и тело его наполовину иссохло. Древний человек не согласился бы утратить волосок, чтобы принести пользу Поднебесной; если же всю Поднебесную подносили ему одному, [он] не брал. [Если бы] никто не жертвовал волоском, [если бы] никто не приносил пользу Поднебесной, в Поднебесной воцарился бы мир.

Циньцзы спросил Ян Чжу:

— Выдернул бы ты у себя один волосок, если бы это могло помочь миру?

— Миру, конечно, не помочь одним волоском.

— А если бы можно было? Выдернул бы?

Ян Чжу промолчал.

Циньцзы вышел и передал обо всем Мэнсунь Яну.

Мэнсунь Ян сказал:

— Ты не проникся мыслью учителя. Разреши тебе [это] объяснить. Согласился бы ты поранить себе кожу, чтобы получить тьму золота?

— Согласился бы.

— Согласился бы ты лишиться сустава, чтобы обрести царство?

Циньцзы промолчал.

— Рассудим. Ведь волосок меньше кожи; кожа меньше сустава. Однако ведь, по волоску собираясь, и образуется кожа, и кожа, собираясь, образует сустав. Разве можно пренебречь даже волоском, если он — одна из тьмы частей тела?

— Мне нечего тебе ответить, — сказал Циньцзы. — Но если спросить о твоей речи Лаоцзы и Стража Границы, [они] признали бы справедливыми твои слова; если спросить о моей речи великого Молодого Дракона и Мо Ди, они признали бы справедливыми мои слова.

Мэнсунь Ян, обратившись к своим ученикам, заговорил о другом.

Ян Чжу сказал:

— Все прекрасное в Поднебесной приписывают Ограждающему и Молодому Дракону, Чжоу [гуну] и Конфуцию. Все порочное в Поднебесной приписывают Разрывающему на Части и Бесчеловечному. Ограждающий же, когда пахал землю на юге от Реки, занимался гончарным делом на Болоте Грома, не давал отдыха своим рукам и ногам даже на время, не насыщал яствами ни [своих] уст, ни желудка. [Он] прожил тридцать лет, не любимый ни отцом, ни матерью, не дружный ни с младшими братьями, ни с сестрами; женился, не объявив [родителям]. Когда принял трон, уступленный Высочайшим, лет [ему] было много, разумом [он] ослабел и, так как Шан Цзюнь был бесталанным, уступил трон Молодому Дракону, скорбя и печалясь до самой смерти. Он — самый несчастный, какой только был на земле!

Кит покорял воду и землю, трудился много, но безуспешно и был изгнан пожизненно на Крыло-гору. Молодой Дракон наследовал [его] дело, служил [своему] врагу. Трудился лишь на заброшенной земле, [когда] родился сын — не дал ему имени; проходил мимо ворот — [домой] не заходил. Половина тела [у него] иссохла, руки и ноги покрылись мозолями. Получив переданный Ограждающим трон, прекрасную корону и передник, скорбел и печалился в своей бедной хижине до самой смерти. Он — самый большой горемыка и труженик, какой только был на земле!

Когда умер Воинственный, [его сын] Чэнван был юным и слабым. Вместо Сына Неба правил Чжоугун. Шаогуну это не понравилось. На все четыре стороны распространилась клевета. [Чжоугун] прожил на востоке три года. Казнил своего старшего брата, изгнал младшего брата и только этим сохранил свою жизнь. Скорбел и печалился до самой смерти. Он — самый опасный и трусливый, какой только был на земле!

Конфуций постигал учение предков и царей, соглашался [принимать] подарки и приглашения современных ему государей. Но [на него] свалили дерево в [царстве] Сун, [он] заметал следы [при бегстве] из Вэй, терпел бедствие в Шан и Чжоу, был осажден между Чэнь и Цай, унижен Цзи, опозорен Яном Тигром, печалился и скорбел до самой смерти. Он — самый бестолковый и суетливый из людей!

В жизни этих четырех мудрецов не было ни одного веселого дня, а после смерти [они] достигли славы на множество поколений! Славы, по существу, [они] не обрели. Пусть их хвалят, [они] о том не ведают; пусть их награждают, [они] о том не ведают. Ведь [теперь] они ничем не отличаются от пня или комка [земли]!

Благодаря собранным поколениями богатствам Разрывающий на Части встал на престол — лицом к югу. Ума [у него] было достаточно, чтобы отстранить всех нижестоящих; власти хватило, чтобы привести в трепет [всех] среди морей. [Он] вволю услаждал свой слух и взор; исполнял все свои желания, радовался и веселился до самой смерти. Он — самый большой гуляка и бездельник, какой только был среди людей!

Бесчеловечный также благодаря собранным поколениями богатствам встал на престол — лицом к югу. Его власть не знала невозможного, перед его волей не оставалось непокорных. Во дворце, занимавшем целый *цин* земли, [он] безудержно предавался своим страстям, проводя ночи напролет в плотских наслаждениях. Не утруждая себя ни обрядами, ни долгом, радовался и веселился, пока не был убит. Он — самый буйный и необузданный, какой только был среди людей!

Эти два злодея при жизни вволю насладились, а после смерти приобрели славу безумцев и деспотов. [Дурная] слава, по существу, их миновала. Пусть их позорят, [сами они] о том не ведают, пусть приписывают им зло, [сами они] о том не ведают. Ведь [теперь] они ничем не отличаются от пня или комка [земли].

Хотя тем четверем мудрецам и приписывают все прекрасное, [они] промучились до конца и [все] одинаково умерли. Хотя тем двум злодеям и приписывают все порочное, они радовались до конца и так же одинаково умерли.

Посетив Лянского царя, Ян Чжу сказал:

— Управлять царством [легко], как повернуть ладонь [кверху]!

— Почему Преждерожденный говорит, что управлять царством [легко], как повернуть ладонь [кверху]? — спросил царь. У [вас], Преждерожденного, жена и наложница, а [вы] не способны с ними справиться; сад в три му, а [вы] не способны его прополоть!

— Видел ли государь, как пасут овец? — спросил Ян Чжу — Если со стадом в сотню голов послать пастушка [ростом] в пять чи с плетью через плечо, то [стадо пойдет] на восток, [когда он] захочет на восток; на запад, [когда он] захочет на запад. Пошлите Высочайшего вести на веревке одного барана, а следом за ним Ограждающего с плетью через плечо, и [баран] не двинется вперед. К тому же [я], ваш слуга, слышал о том, почему рыба глотающая корабли, не заплывает в протоки; [почему] лебедь, взвизгивающийся ввысь, не садится на илистый пруд. Оттого, что возможности их велики. Почему звуки медного колокола и большого колокола не могут сопровождать крикливое действие. Оттого что звуки у них возвышенные. Это говорит о том, что управляющий великим не управляет

малым; одерживающий великие победы не одерживает малых.

Ян Чжу сказал:

— Кто помнит о деяниях далекой древности? [Они] исчезли. Деяния трех владык то ли были, то ли нет; деяния пяти предков [помнятся] то ли наяву, то ли во сне; деяний трех царей, явных ли, тайных ли, из мириада не знаем ни одного. Из происходящих событий — слышал ли о них, видел ли, — из тьмы не узнаешь и об одном; из событий, свершившихся на глазах, — хранятся ли в памяти, забываются ли, — из тысячи не запомнишь и одного. А сколько лет прошло с далекой древности до наших дней, нельзя и сосчитать. Только от времен Готовящего Жертвенное Мясо — триста с лишним тысяч лет. Умные и глупые, красавцы и уроды, победители и побежденные, правдивые и лживые — все исчезли, [различен] лишь срок — медленнее или быстрее. Какова же радость жизни? Горбиться тем, что в какой-то миг тебя славят или поносят? Сжигать свой разум и утруждать свое тело ради посмертной славы на сотни лет? Разве от нее оживут иссохшие кости?

Ян Чжу сказал:

— Человек подобен небу и земле, его природа содержит пять стихий. Человек — самый разумный из всех живых существ. Но у человека когти и зубы недостаточно [крепки] для самозащиты, кожа недостаточно [толста] для обороны, движется [он] недостаточно [быстро], чтобы избежать опасности. Не имеет ни шерсти, ни перьев, чтобы защититься от холода и жары. [Ему] приходится кормиться [другими] вещами. По своей природе полагается на разум, а не надеется на силу. Поэтому ценят ум — то, что сохраняет [человека]; силу же презирают — пренебрегают нападением на вещи. Хотя [своим] телом я не владею, но, поскольку рожден, не могу не хранить [его] в целостности. Вещами я не обладаю, но, поскольку [они] существуют, не могу без них обходиться. Тело поистине — главное в жизни, вещи — также главное для его прокормления. Хотя [я] сохраню в целостности жизнь и тело, но не могу владеть этим телом; хотя не обхожусь без вещей, но не могу владеть этими вещами. Тот, кто завладевает этими веща-

ми, тот, кто завладевает этими телами, тот в личных [целях] захватывает тела в Поднебесной, тот в личных [целях] захватывает вещи в Поднебесной. Только мудрый, только настоящий человек делает общими тела в Поднебесной, делает общими вещи в Поднебесной. Вот такого и назову самым настоящим из настоящих людей.

Ян Чжу сказал:

— Живые люди не знают отдыха по четырем причинам. Первая — долголетие, вторая — слава, третья — ранги, четвертая — богатство. По этим четырем причинам страшатся душ предков, страшатся людей, страшатся властей, страшатся наказаний. Таких назову бегущими от человеческой [природы]. Убьют ли, оставят ли в живых — их судьба решается извне. [Тот же, кто] не идет против судьбы, разве станет жаждать долголетия? [Тот, кто] не кичится знатностью, разве станет жаждать славы? [Тот, кто] не стремится к власти, разве станет жаждать рангов? [Тот, кто] не алчет богатства, разве станет жаждать денег? Такого назову соответствующим человеческой [природе]. В Поднебесной [ему] нет соперников. Его судьба решает-ся изнутри. Поэтому мудрость гласит:

Служить не станут, свях не позовут.
Забудут половину всех страстей.
Кормить не станут, одевать не станут —
Не будет слуг, не будет государей.

Чжоуская пословица гласит: «Землепашца усадить, что убить!». По утрам уходить, к ночи возвращаться — [он] сам считает неизменным в человеческой природе; бобовую похлебку и коренья считает самыми вкусными [яствами]. Кожа и мясо у него толстые, грубые, мускулы и жилы — твердые, крепкие. [Если бы] однажды утром уложить [его] на нежные меха, среди шелковых занавесей, поднести ему лучшего зерна и мяса, орхидей и мандаринов, в сердце бы [ему закралась] досада, а тело [его охватило] бы беспокойство, внутренний жар вызвал бы болезнь. Поработали бы на земле наравне с землепашцем шанский и луский цари, прошло бы не много времени, пока [они] не утомились. Поэтому в Поднебесной выше всего то, в чем находит покой человек полей, то, чем наслаждается человек полей!

Некогда в царстве Сун жил землепашец. Одевался в очесы конопли, только чтобы зиму провести, а весной, принимаясь за работу, грел спину на солнце. Он не ведал, что в Поднебесной существуют просторные палаты, теплые покои, вата и шелка, [мех] лисиц и енота. И [как-то] сказал своей жене:

— Никто не знает, как греет спину солнце. Если доложу об этом нашему государю, получу большую награду.

— Некогда был человек, похожий на тебя, — рассказал ему сосед, [хозяин] большого дома. — [Он] пристрастился к крупным бобам, полюбил стебли конопли, сельдерей, водяную чечевицу и стал расхваливать эти кушанья перед богачами общины. Богачи общины взяли их, попробовали — во рту загорелось, животы заболели. Все стали над тем человеком смеяться, обижать его, и ему стало очень стыдно.

Ян Чжу сказал:

— Чего еще домогаться во внешнем тому человеку, который обладает богатым домом, прекрасными одеждами, лучшими яствами и красивыми женщинами? Если человек, обладая всем этим, еще чего-то во внешнем домогается, то характер у него ненасытный. Ненасытный характер [точит, как] моль, [как силы] жара и холода. Верности [у такого] не хватит, чтобы покоить государя, но хватит, чтобы подвергнуть опасности свое тело; справедливости не хватит, чтобы приносить пользу другим, но хватит, чтобы повредить [собственной] жизни. [Если] служба высшему вызвана не верностью, то утрачивается слава верного; если польза другим вызвана не справедливостью, то исчезает и слава справедливого. Покой для государя и для подданных, польза другим и себе — таково учение древних.

Вскармливающий Медведя сказал:

— Те, кто отказываются от славы, не знают печали.

Лаоцзы сказал:

— Имя <слава> — гость сущности, а множество [людей] пекутся о славе без конца. Славу поистине не захотят отбросить! Славу поистине не захотят назвать гостем! Того, кто ныне приобрел имя, почитают и прославляют; того, кто не составил имени, унижают и презирают.

Почет и славословия приносят беспечность и наслаждения; унижение и презрение приносят страдания и муки. Страдания и муки попирают [человеческую] природу, беспечность и наслаждения соответствуют [человеческой] природе, и это уже связано с сущностью. Как можно отказаться от славы? Как можно ее назвать гостем? Только из ненависти к тем, кто цепляется за славу и запутывает сущность. Те, кто цепляется за славу и запутывает сущность, ужаснутся опасности, гибели, но не найдут спасения. Разве дело лишь в [различии] между праздностью и наслаждениями [одних] и страданиями и муками [других]?! .

Глава 8 О ПРЕДВИДЕНИИ

Учитель Лецзы учился у учителя Лесного с Чашигоры, и учитель Лесной сказал:

— Если постигнешь, как держаться позади, можно будет говорить и о том, как сдерживать себя.

— Хочу услышать о том, как держаться позади, — ответил Лецзы.

— Обернись, взгляни на свою тень и поймешь.

Лецзы обернулся и стал наблюдать за тенью: тело сгибалось, и тень сгибалась; тело выпрямлялось, и тень выпрямлялась. Следовательно, изгибы и стройность исходили от тела, а не от тени. Сгибаться или выпрямляться — зависит от [других] вещей, не от меня. Вот это и называется: держись позади — встанешь впереди.

Страж Границы сказал Лецзы:

— Слова прекрасны, тогда и отклик прекрасен; слова безобразны, тогда и отклик безобразен. Тело длинное — тень длинная; тело короткое — тень короткая. Имя — отклик, [поступки] тела — тень. Поэтому и говорится:

Будь осторожен в словах — с ними согласятся.

Будь осторожен в поступках — за ними последуют.

Поэтому-то мудрые люди наблюдали за выходящим, чтобы узнать входящего; наблюдали за прошлым, чтобы

узнать будущее. В этом и заключается [естественный] закон предвидения. Мера — в себе самом, а подтверждение <опыт> — в других. Другие любят меня, и я их непременно люблю, другие ненавидят меня, и я их непременно ненавижу. Испытующий и Воинственный любили Поднебесную и стали царями, Разрывающий на Части и Бесчеловечный ненавидели Поднебесную и погибли. Вот это и есть подтверждение [на опыте]. Того, кто без учения хочет понять и меру и подтверждение, сравним с тем, кто выходит, но не через двери, идет, но не по дороге. Разве не трудно будет такому добиться полезного? Когда-то [я] познавал добродетель Священного Земледельца, Владеющего огнем, изучал предания об Ограждающем и Молодом Драконе, [царствах] Шан и Чжоу, речи законодателей и мудрых [и понял]: не бывало, чтобы без этого учения [могли] определить [причины] существования и гибели, расцвета и упадка.

Янь Хой спросил:

— Те, кто спрашивает об учении, домогаются богатства. Ныне же [я] обрел жемчужину, значит, разбогател. Какая же выгода от учения?

Учитель Лецзы ответил:

— Удачно [задал вопрос]! Ведь я тебе [об этом] еще не говорил. Разрывающий на Части и Бесчеловечный ценили только выгоду, презирали учение, поэтому и погибли. Человек, [который] не знает долга и только ест, подобен курице или собаке. Те, кто дерется и бодается, вырывая [друг у друга] пищу, и признает победителя вожаком, подобны хищным птицам и зверям. Тот, кто, уподобляясь курице или собаке, хищной птице или зверю, стремится обрести уважение людей, [ничего] не добьется. Если же не обретет уважения, [его] настигнут опасность и позор.

Лецзы учился стрелять. Попав в цель, попросил [указаний] у Стража Границы. Страж Границы задал вопрос:

— Знаешь ли ты, почему попал в цель?

— Не знаю.

— [Значит], еще не овладел [мастерством].

Лецзы ушел, упражнялся три года и снова [явился] с докладом.

Страж Границы спросил:

— Знаешь ли ты, почему попал в цель?

— Знаю, — ответил Лецзы.

— [Теперь] овладел [мастерством]! Храни и не забывай! Поступай так, [изучая] не только стрельбу, но и себя самого и царство. Ибо мудрый человек познает не существование и гибель, а их причины.

Лецзы сказал:

— Полный красоты — горд, полный сил — необуздан, с ними нельзя говорить об учении. Поэтому [пока] не поседуют, [с ними] не стоит и говорить об учении, а еще менее — о его осуществлении. Необузданному люди не могут советовать. [Если же] люди не могут [ему] советовать, то [он] остается одиноким, без помощников. Умный полагается на людей, поэтому и в старости не дряхлеет, знания [у него] исчерпывающие и беспорядков не возникает. Трудность управления царством не в том, чтобы самому быть умным, а в том, чтобы находить умных.

Некий сунец за три года вырезал из нефрита для своего государя лист дерева чу, такой совершенный — в зубчиках и со стебельком, в жилках и волосках, такой сложный и блестящий что его нельзя было отличить от настоящих листьев дерева чу, даже смешав с ними. Этого человека за его мастерство стало кормить царство Сун.

Услышав об этом, учитель Лецзы сказал:

— Если бы небо и земля, порождая вещи, создавали за три года один лист, то растений с листьями было бы очень мало. Поэтому мудрый человек полагается не на знание и мастерство а на естественный процесс развития.

Учитель Лецзы попал в нужду и отошал от голода. [Какой-то] гость поведал об этом чжэнскому царю Цзыяну.

— Разве государь, — спросил он, — не прослышет врагом мужей, если постигший учение муж — Ле Защита Разбойников, бедствует в вашем царстве?

Чжэнский Цзыян тотчас велел служителю одарить Лецзы просом.

Учитель вышел к посланцу, дважды поклонился, но [проса] не принял. Посланец удалился.

Лецзы вошел [в дом]. Жена посмотрела на него, стала бить себя в грудь и сказала:

— Слышала [я], что семья человека, постигшего учение, обретает покой и радость. Мы же отошдали от голода. Царь дарит [вам], Преждерожденному, зерна. Разве это не судьба? А [вы], Преждерожденный, отказываетесь!

Учитель Лецзы улыбнулся и ответил:

— Царь шлет в подарок просо, а сам меня не видел, знает обо мне лишь с чужих слов. Так с чужих слов он обвинит меня и в преступлении. Вот почему я не принял [дара].

А народ и вправду восстал и прикончил Цзыяна.

У [некоего] Ши из Лу было два сына. Один любил науку, другой — военное дело. Любивший науку домогался применить свое искусство у царя Ци. Циский царь взял его в наставники к сыновьям.

Любивший военное дело отправился в Чу и домогался применить свое искусство у чуского царя. Царю он понравился и был назначен военачальником. Жалованье [сыновей] обогатило семью Ши, их ранги принесли знатность всей родне.

У соседа Ши, Мэна, также было двое сыновей. Занимались они тем же, но жили в крайней нужде и завидовали достоянию семьи Ши. [Мэн] пошел к [Ши] узнать, как [сумели они] быстро возвыситься.

Оба сына [Ши] рассказали Мэну все по правде.

Один из сыновей Мэна направился в Цинь, домогаясь применить свою науку у циньского царя.

— Ныне, когда цари всеми силами оспаривают первенство, должно заниматься лишь оружием и провиантом. Если же управлять моим царством с помощью милосердия и справедливости, это приведет его к гибели, — сказал циньский царь, а затем оскопил [пришельца] и прогнал.

Другой сын отправился в Вэй, домогаясь служить вэйскому царю своим военным искусством.

— Мое царство слабое, а должно держаться среди сильных. Стремясь к миру, я служу великим царствам и помогаю малым. Стоит опереться на военную силу, и [нас] встретит лишь гибель. Но если отпустить тебя невредимым, [ты] пойдешь в другое царство и беду мне при-

несешь немалую, — сказал вэйский царь и, отрубив [пришельцу] ногу, отправил [его] обратно в Лу.

Когда [оба сына] вернулись, Мэн с сыновьями стали бить себя в грудь и поносить Ши.

Ши же сказал:

— Каждый, кто удачно выберет время, преуспеет! Каждый, кто упустит случай, пропадет!

Путь твоих [сыновей] был тот же, что и моих, плоды же — иные. Но просчет не в поступке, а в неудачном [выборе] времени. Ведь в мире не бывает законов, всегда правильных; нет дел, всегда неправильных. То, что годилось прежде, ныне, возможно, [следует] отбросить; то, что ныне отбросили, позже, возможно, пригодится. Для того, что пригодно, а что непригодно, нет неизменной истины. Нет [твердой] меры для того, как пользоваться удобным случаем, ловить момент, действовать по обстоятельствам. Это зависит от сообразительности. Если сообразительности недостаточно, так будь благородный муж таким же всезнающим, как Конфуций, таким же стратегом, как Тайгун, он окажется в тупике всюду, куда ни направится.

Гнев Мэна и его сыновей прошел. Они освободились от [чувства] обиды и сказали:

— Не повторяй! Мы все поняли.

Цзиньский царь Прекрасный выступил на соединение [с союзниками], чтобы напасть на Вэй. Царевич Чу поглядел на небо и рассмеялся.

— Отчего смеешься? — спросил царь.

— [Я], ваш слуга, смеюсь над соседом, — ответил царевич. — [Он] проводил жену к ее родителям, а по дороге заметил женщину, собиравшую [листья] шелковицы. [Она] ему понравилась, и он стал с ней заигрывать. Но тут обернулся и поглядел вслед своей жене: и ее кто-то манил. Над ним ваш слуга и смеется.

Царь понял намек, остановил войско и повел его обратно. Не успел он дойти [до дому], как напали на северную окраину [его царства].

Царство Цзинь страдало от [нападений] разбойников. А жил там Ци Юн, который умел распознать разбойника по внешнему виду. [Он] узнавал, что за человек, приглядываясь [к выражению глаз] между бровями и ресницами.

Цзиньский царь послал [его] опознавать разбойников, и [он] не пропустил ни одного из сотни, из тысячи.

В большой радости цзиньский царь сказал Чжао Вэньцзы:

— Зачем [мне] много [людей]? Я отыскал одного [такого] человека, что всем разбойникам в царстве придет конец!

— [Если] мой государь устраивает слежку за разбойниками, то разбойники не переведутся, — ответил Вэньцзы. — А Ци Юн, конечно, умрет не своей смертью.

И тут вдруг разбойники собрались на совет и решили:

— Ци Юн, вот кто довел нас до крайности!

А затем все вместе его убили.

Услышав об этом, цзиньский царь пришел в ужас, тут же призвал Вэньцзы и сказал:

— Верно, [вышло] по-твоему. Ци Юн погиб. Как же захватить разбойников?

— Чжоуская пословица гласит: «Не высматривай рыбу в глубине, — накличешь беду; не считай, сколько людей скрывается, — накличешь гибель!». Ведь [если] государь желает, чтобы не было разбойников, лучше всего приближать умных и на них полагаться. Тогда верхи прозреют, а низы переменятся. Если народ обретет стыд и совесть, кто же пойдет в разбойники?

[Царь] взял в помощники Суй Хоя, и шайки разбойников убежали в Цинь.

Возвращаясь из Вэй в Лу, Конфуций распряг коней и загляделся с моста на реку: струи спадают с высоты в тридцать жэнь, водоворот бурлит на девяносто ли. [Тут] не могут проплыть ни рыбы, ни морские черепахи, не могут жить ни речные черепахи, ни кайманы.

Какой-то человек собрался переходить [водопад] вброд. Конфуций послал учеников вдоль по берегу, чтобы остановить того человека и [ему] сказать:

— Подумай! Не трудна ли будет переправа? [Ведь] струи спадают с высоты в тридцать жэнь, водоворот бурлит на девяносто ли. [Тут] не могут проплыть ни рыбы, ни морские черепахи, не могут жить ни речные черепахи, ни кайманы.

[Но] человек не послушался, отправился вброд и вышел [на берег].

— Прекрасно, — сказал ему Конфуций и спросил: — Обладаешь ли секретом входить и выходить [из водопада]?

— Перед тем как войти, [проникаюсь] преданностью и доверием [к воде], — ответил пловец. — Когда же выхожу, опять-таки следую [за течением] с преданностью и доверием. С преданностью и доверием располагаю свое тело на волнах и не смею внести ничего личного. Вот поэтому [я] способен и вступить в водопад и из него выйти.

— Запомните это, вы, мои ученики! — сказал Конфуций. — Если действовать с преданностью, доверием, со всей искренностью, то можно сблизиться даже с водой, а тем более — с человеком.

— Можно ли говорить с людьми загадками? — спросил Бэйгун Конфуция, но тот промолчал.

— Если [загадку уподобить] камню, брошенному в реку, [то] что получится? — спросил Бэйгун.

— В царстве У прекрасные водолазы, сумеют его выловить, — ответил Конфуций.

— А если [загадку уподобить] воде, налитой в воду?

— Смешали [воду из рек] Цзы и Шэн, но [повар] И Я попробовал и их распознал.

— Значит, нельзя говорить загадками?

— Почему нельзя? Но только понимает ли [смысл] слов [сам] говорящий? Ведь понимающий [смысл] слов не станет говорить словами. У рыбака намокает [одежда], у охотника устают [ноги], но не для удовольствия. Ибо истинные слова — без слов, истинное деяние — недеяние. Ведь то, о чем спорят люди поверхностные, столь незначительно!

Так ничего не добившись, Бэйгун погиб в бане.

Чжао Сянцзы послал Синьчжи Муцзы в поход против племени Фазан. Победив и захватив пленных [из городов] Цзожэнь и Чжунжэнь, [Синьчжи Муцзы] отправил с докладом скорохода.

Сидевший за трапезой Сянцзы опечалился, и [приближенные] слева и справа стали его спрашивать:

— Почему государь опечалился? Ведь за одно утро взяли два города, это так радостно!

— Половодье на реке — только на три дня. «Сильный ветер, проливной дождь — не на все утро». Солнце в зените лишь один миг. В роду Чжао до сих пор еще не бывало столь доблестных деяний. За одно утро взять два города! Уж не погибель ли нам грозит?

Услышав об этом, Конфуций сказал:

— Вот как благоденствует род Чжао! Ведь потому и процветает, что печалится. Погибают же оттого, что радуются. Здесь трудность не в том, чтобы победить, а в том, чтобы победу удержать. Умный правитель удерживает победу, и поэтому его счастье переходит к последующим поколениям. [Царства] Ци и Чу, У и Юэ одерживали победы, но не постигли, как удержать победу, и в конце концов пришли к гибели. Только правитель, овладевший учением, способен удержать победу.

Силы у Конфуция хватило бы поднять засов ворот царства <столицы>, но [он] не захотел прославиться силой. Готовясь к обороне, Моцзы победил Гуншу Баня, но [Моцзы] не захотел прославиться своим военным искусством. Поэтому тот, кто умеет удерживать победу, считает свою силу слабостью.

В одной из сунских семей три поколения подряд совершали милосердные и справедливые дела. И вдруг [у них] в доме без всякой причины черная корова отелилась белым теленком. Спросили об этом Конфуция.

— Это — счастливое предвестие, — ответил Конфуций и велел принести [теленка] в жертву высшему предку.

Прошел год, и отец того семейства беспричинно ослеп. А та корова снова отелилась белым теленком. Отец снова велел сыну спросить [об этом] Конфуция.

— Зачем опять спрашивать? — сказал сын. — Промытый раз спрашивали, а [ты] потерял зрение.

— Бывает, что предсказание мудреца сначала не оправдывается, а позже оправдывается, — ответил отец. — Пока дело еще не кончилось, спроси его снова.

— Это — счастливое предвестие, — сказал Конфуций и опять велел принести [теленка] в жертву.

Сын вернулся, передал совет, и отец ему сказал:

— Выполний приказ Конфуция!

Прошел еще год. Сын также беспричинно ослеп. А затем чусцы напали на сунцев и окружили их город.

Жителям пришлось обмениваться друг с другом сыновьями и [их] есть, раскалывать сухие кости и жечь в очаге. Все молодые и сильные сражались на стенах, и погибло их больше половины. А те — отец с сыном — из-за болезни всего этого избежали. Когда же сняли осаду, прошла [у них] и болезнь.

В Сун жил бродячий фокусник, который домогался удивить своим искусством сунского царя Юаня. Царь Юань призвал его и велел показать свое мастерство.

Привязав к ногам ходули вдвое длиннее своего тела, [фокусник] на них быстро ходил и бегал, жонглировал семью мечами, которые, чередуясь, летали, и пять из них всегда находились в воздухе.

Восхищенный царь Юань сразу же наградил [фокусника] золотом и шелком.

Услышал об этом другой бродячий фокусник — акробат, умевший смешить до упаду, и стал также домогаться [приема] у царя Юаня.

Царь Юань разгневался и сказал:

— Недавно один фокусник домогался [встречи] со мной. Искусство его бесполезное, но он пришел удачно, когда у меня было хорошее настроение, поэтому [я] и наградил [его] золотом и шелком. А этот, верно, услышал и тоже явился ко мне в надежде получить награду.

[Фокусника] схватили и собирались казнить, [но] через месяц отпустили.

Циньский Мугун спросил Радующегося Мастерству:

— Нет ли в твоём роду кого-нибудь другого, чтобы послать на поиски коня? Ведь годы твои уже немалые!

— У сыновей [моих, вашего] слуги, способности небольшие. [Они] сумеют найти хорошего коня, [но] не сумеют найти чудесного коня. Ведь хорошего коня узнают по [его] стати, по костяку и мускулам. У чудесного же коня [все это] то ли угасло, то ли скрыто, то ли утрачено. то ли забылось. Такой конь мчится, не поднимая пыли, не оставляя следов.

Прошу принять того, кто [знает] коней не хуже вашего слуги. С ним вместе скованный, [я], ваш слуга, носил коромысла с хворостом и овощами. Это — Высящийся во Вселенной.

Мугун принял Высящегося во Вселенной и отправил на поиски коней.

Через три месяца [тот] вернулся и доложил:

— Отыскал. В Песчаных холмах.

— Какой конь? — спросил Мугун.

— Кобыла, каурая.

Послали за кобылой, а это оказался вороной жеребец. Опечалился Мугун, призвал Радующегося Мастерству и сказал:

— [Вот] неудача! Тот, кого ты прислал для поисков коня, не способен разобраться даже в масти, не отличает кобылы от жеребца. Какой же это знаток коней!

— Вот чего достиг! Вот почему он в тысячу, в тьму раз превзошел и меня, и других, [которым] несть числа! — глубоко вздохнув, воскликнул Радующийся Мастерству. — То, что видит Высящийся, — мельчайшие семена природы. [Он] овладел сущностью и не замечает поверхностного, весь во внутреннем и предал забвению внешнее. Видит то, что ему [нужно] видеть, не замечает того, чего ему [не нужно] видеть; наблюдает за тем, за чем [следует] наблюдать; опускает то, за чем не [следует] наблюдать. Конь, которого нашел Высящийся, будет действительно ценным конем.

Жеребца привели, и это оказался конь поистине единственный во всей Поднебесной!

Достойнейший, царь Чу спросил Чжань Хэ:

— Как управлять царством?

— Ваш слуга постиг, как управлять собой, но не постиг, как управлять царством, — ответил Чжань Хэ.

— Я обрел [право] приносить жертвы в храме предков, на алтаре Земли и Проса. Хочу научиться, как [его] сохранить.

— [Я], ваш слуга, никогда не слышал о смуте в царстве у того, кто умеет управлять собой; никогда не слышал также о порядке в царстве у того, кто не умеет управлять собой. Поэтому корень в самом себе, а о вершине отвечать не смею.

— Прекрасно! — воскликнул чуский царь.

Старейшина с Лисьего холма задал вопрос Суньшу Гордому:

— Знаешь ли ты о трех людских печалях?

— О каких? — спросил Суньшу Гордый.

— О людской зависти к человеку высокого ранга, о государевой ненависти к человеку на высоком посту, о недовольстве теми, кто получает большое жалованье?

— Могу ли избежать этих трех печалей? — спросил Суньшу Гордый. — Чем выше мой ранг, тем скромнее желания; чем важнее мой пост, тем смиреннее мои думы; чем больше мое жалованье, тем щедрее мои раздачи.

Заболев, Суньшу Гордый перед смертью наказал своему сыну:

— Царь настоятельно хотел пожаловать мне владения, я же не принимал. Когда я умру, царь станет жаловать тебя. Ни в коем случае не бери выгодной земли. Вот есть Холм Усопших между Чу и Юэ. Земля там тощая, и слава о ней ходит недобрая. Чусцы [ее] опасаются из-за душ покойников, а юэсцы из-за предзнаменований. Только ее [и бери]. Ею можно владеть долго.

После смерти Суньшу Гордого царь действительно предлагал его сыну выгодные земли, но сын отказался, не взял и попросил Холм Усопших. Дали [сыну] Холм Усопших, и [его] поныне не утратил [род Суньшу Гордого].

Бык с Изьяном, важный конфуцианец с Верхних земель, спускался в Ханьдань и в Песках встретил разбойников. [Они] отобрали у него все: одежду, поклажу, повозку, буйвола, — [и он] пошел пешком. Посмотрели на него [разбойники]: [он] весел, несколько не печалится о потере. Разбойники догнали [его] и спросили, почему [он] весел?

— Благородный муж не станет причинять вред своему здоровью из-за средств к жизни, — ответил Бык с Изьяном.

— Ох, и умен же! Лучше его убить! — воскликнули разбойники и стали советоваться. — Ведь [если] такой умник увидится с чжаоским государем, скажет о нас, будет нам беда! — Все вместе догнали его и убили.

Услышал об этом один янец, собрал свой род и всех предостерег:

— Встретите разбойников, не поступайте, как Бык с Изьяном с Верхних земель.

И все согласились с его наставлением.

Вскоре его младший брат отправился в Цинь и, приближаясь к заставе, действительно повстречал разбойников. Помня наказ старшего брата, стал драться, но не осилил да еще побежал следом, униженно прося [вернуть] вещи.

— Мы великодушно оставили тебя в живых, а [ты] без конца гонишься за нами, наводишь на [наш] след, — разгневались разбойники. — Какое уж тут милосердие, раз мы разбойники! — И убили его, а также загубили четверых или пятерых близких ему людей.

Юй был лянским богачом. Дом [его] был полон гостей и изобилия: деньги и шелка не меряны, имущество и товары — не считаны. Восходя на высокую башню у дороги, [он] устраивал пиры — играла музыка, стучали кости.

[Под башней] прохаживались удальцы. На башне раздался смех — [какой-то] игрок, попав в красный нефрит, выиграл две рыбы. А тут в удальцов попала дохлая крыса, которую уронил пролетающий коршун, и они стали друг другу говорить:

— Юй давно уже наслаждается богатством и презирает других. Мы его не трогали, а [он нас] оскорбил, [кинув] дохлую крысу. [Если] не отомстим и за это, что же останется от нашей отваги? Позовем на помощь таких же, как мы, оскорбленных, поведем всех и наверняка уничтожим его семью, чтобы уравнять отношения между людьми.

Все согласились. Ночью в назначенный день, раздобыв оружие, вся ватага поднялась, напала на Юя и уничтожила [его] со всей семьей.

На востоке жил человек, которого прозвали Старейшим под Знаменем Осторожных. Стал он умирать от голода на дороге. Заметил [его] разбойник из Лисьих Отцов, по имени Цю, принялся кормить его кашей и поить вином.

Трижды глотнув. Старейший из Осторожных, открыл наконец глаза.

— Кто ты? — спросил он.

— Я — Цю, из Лисьих Отцов.

— Ох! Не разбойник ли ты? Зачем меня кормишь? Мой долг — не принимать от тебя пищи. — Старейший из Ос-

торожных оперся руками о землю и попытался извергнуть пищу, [но] ничего не вышло. Закашлялся, упал и умер.

Человек из Лисьих Отцов был разбойником, но кормил не награбленным. Тот, кто боится есть, думая, что, съев украденное, сам станет вором, не понимает ни названия, ни сущности.

Опора Жестоких служил у цзюйского царя Надменно-го. Считая, что [царь] его не ценит, [он ушел], поселился у моря, летом питался водяными каштанами [и зернами лотоса], зимой кормился желудями <знак неразборчив — Л. Позднеева>. Когда же с царем Надменным случилась беда, Опора Жестоких задумал умереть за него и стал прощаться с друзьями.

— Ты же сам считал, что [царь] тебя не ценил, поэтому и ушел. Ныне же отправляешься, чтобы [за него] умереть. Значит, безразлично, ценят [тебя] или не ценят?

— Нет, — ответил Опора Жестоких. — Сам я считал, что [меня] не ценили, поэтому и ушел. Ныне умру, и это [докажет], что действительно не ценили. Я умру за него, чтобы посрамить тех будущих правителей, которые не [сумеют] ценить своих слуг. И проложу прямой путь: каждый будет умирать за того, кто его ценил, и не станет умирать за того, кто его не ценил.

Опору Жестоких можно назвать упорным до самозабвения.

Ян Чжу сказал:

— Тот, кто исходит из выгоды, достигает плодов; того, кто исходит из недовольства, настигают беды. Проявление внутри [себя] и отклик извне — это лишь чувства. Но именно поэтому умный осторожен в проявлениях.

У соседа Ян Чжу пропал баран. Чтобы его найти, сосед поднял на ноги общину, попросил и у Ян Чжу его мальчиков-рабов.

— Ох! Зачем так много людей для поисков одного барана? — спросил Ян Чжу.

— На дороге много развилок, — ответил сосед.

— Отыскали барана? — спросил Ян Чжу, когда [они] вернулись.

— [Нет]! Пропал!

— Почему же пропал?

— После [каждой] развилки на дорогах еще развилки. Мы не знали, по которой [баран] ушел, поэтому и вернулись.

От огорчения Ян Чжу изменился в лице и умолк надолго. За весь день ни разу не улыбнулся. Удивляясь, ученики попросили дозволить им задать вопрос:

— Почему [вы] перестали говорить и улыбаться? Ведь баран — скотина дешевая, да он и не принадлежал учителю.

Ян Чжу не ответил, и они [ничего] не поняли.

Ученик Мэнсунь Ян вышел и поведал обо всем Судье Столицы. На другой день Судья вместе с Мэнсунь Яном вошел [к учителю] и спросил:

— [Решите], кто из трех братьев прав, а кто неправ. Некогда они странствовали по Ци и Лу, учились у одного наставника. Постигнув учение о милосердии и долге, вернулись домой.

— Каково учение о милосердии и долге? — спросил их отец.

— Милосердие и долг велят мне беречь самого себя а затем свою славу, — ответил старший.

— Милосердие и долг велят мне стремиться к славе даже убивая самого себя, — ответил средний.

— Милосердие и долг велят мне сохранить и жизнь и славу, — ответил младший.

Все трое учились в одной школе, а понимание у каждого свое.

— А как вы решите, на чьей стороне истина [в следующей истории]? — спросил Ян Чжу. — Перевозчик, который живет на берегу реки, привык к воде, смело плавает и управляет лодкой. На переправе зарабатывает столько, что кормит сотню ртов. [И вот] захватив с собой провизию, к нему приходят учиться, но чуть ли не половина учеников тонет. Учились, собственно говоря, плавать, а не тонуть. Вот какой вред причинило многим то, что принесло одному такую огромную пользу!

Судья Столицы молча вышел, а Мэнсунь Ян стал его укорять:

— Зачем ты задал такой далекий [от темы] вопрос? Учитель ответил так же туманно. Я еще больше запутался.

— Увы! Ты вырос вблизи Преждерожденного, упражняясь в его учении, и так плохо его понимаешь! — ответил

Судья. — [Если] баран пропал оттого, что на дороге много развилок, то философы теряют жизнь оттого, что наука многогранна. [Это] не означает, что учение в корне различно, что корень [у него] не один; но [это показывает], как далеко расходятся [его] ветви. Чтобы не погибнуть и обрести утраченное, необходимо возвращение к общему [корню], возвращение к единству.

Младший брат Ян Чжу по имени Бу отправился, надев белое платье. Пошел дождь. [Он] снял белое и сменил его на черное. [Когда же] вернулся домой, собака его не узнала и встретила лаем. Ян Бу рассердился и хотел прибить собаку.

— Не бей! — сказал ему Ян Чжу. — Разве ты сам не удивился бы, если бы собака ушла белой, а вернулась черной? Ты поступил бы так же, [как она].

Ян Чжу сказал:

— Творят добро не ради славы, а за добром следует слава. [Творят ради] славы, не ожидая наживы, а за славой следует нажива. [Творят ради] наживы, не ожидая тяжбы, а за наживой следует тяжба. Вот почему благородный муж должен остерегаться творить добро.

В старину жил проповедник, учивший, как познать путь к бессмертию. Яньский царь послал за ним, [но] посланец не спешил, и тот проповедник умер. Яньский царь сильно разгневался и собрался было казнить посланца, когда любимый слуга подал царю совет:

— Люди более всего боятся смерти, более всего ценят жизнь. [Если] сам проповедник утратил жизнь, как мог бы он сделать бессмертным царя?

[Посланца] пощадили.

Цицзы также хотел научиться бессмертию и, услышав, что проповедник умер, стал бить себя в грудь от досады. Услышал об этом Богач и принялся над ним смеяться:

— Сам не знает, чему собрался учиться. Ведь тот, у кого хотели научиться бессмертию, умер. Чего же он огорчается!

— Богач говорит неправду! — сказал Хуцзы. — Бывает, что человек, обладающий средством, не способен его применить: бывает также, что способный применить

средство им не обладает. Некий вэец прекрасно умел считать. Перед смертью [он] передал сыну свой секрет в виде притчи. Сын слова эти запомнил, а применить их не сумел. [Он] передал слова отца другому человеку, который у него спросил. И тот человек применил секрет не хуже, чем это делал покойный. Вот так [и с бессмертием]! Разве умерший не мог рассказать о том, как познать путь к бессмертию?

Народ Ханьдяня в день Нового года подносил Цзяньцзы горлиц. В большой радости Цзяньцзы щедро всех награждал.

— Зачем? — спросил гость.

— Проявляю милосердие — отпускаю [птиц] на волю в день Нового года.

— Всем известно желание царя отпускать [птиц] на волю, оттого и ловят горлиц, соревнуясь и убивая [при этом] тьму [птиц]. Если царь хочет оставить горлиц в живых, пусть лучше запретит их ловить. [Если же] отпускать на волю пойманных, спасенные из милосердия не восполнят числа убитых.

— Верно! — согласился Цзяньцзы.

Тянь, царь Ци, принес жертву и угощал при дворе тысячу гостей. [Когда] всем сидевшим в центре стали подносить гусей и рыбу, царь посмотрел на пирующих и, вздохнув, сказал:

— Как щедро Небо к народу! Для нас оно размножает злаки, плодит рыб и птиц.

Все гости, соглашаясь с ним, откликнулись, точно эхо. [Но] из второго ряда выступил двенадцатилетний сын Дубильщика. Он вышел вперед и сказал:

— Так ли говоришь, государь? Небо и земля порождают тьму существ так же, как и нас. Среди созданий нет ни благородных, ни презренных. Одни властвуют над другими только потому, что больше, сильнее и умнее их. Одни пожирают других, но не потому, что те рождены быть съеденными. Разве небо создает существа на потребу человеку? Нет, человек сам выбирает их себе в пищу. Комары и москиты, впиваясь в тело человека, сосут его кровь; тигры и волки его пожирают. Так неужели же небо поро-

дило человека для того, чтобы комары и москиты сосали его кровь, а тигры и волки его пожирали?!

В Ци жил нищий, который постоянно просил подаяния на городском базаре и так всем надоел, что никто ему больше не подавал. Тогда бедняга отправился на конюшню рода Тянь, стал подручным у коновала, после которого и доедал.

Жители предместья принялись над ним издеваться:

— Какой позор доедать после коновала!

Побирушка же отвечал:

— Нет на свете большего позора, чем нищенство. Если [я] не стыдился просить, что же [мне] стыдиться коновала.

Некий сунец шел по дороге и подобрал брошенную [кем-то] бирку <с договором>. Вернувшись домой, [сунец] спрятал бирку, таясь пересчитал [на ней] зарубки и похвастался перед соседом:

— Меня ожидает богатство!

У одного человека засох платан, и старик-сосед ему сказал:

— Сухой платан — предвестник беды!

Тот человек поспешно срубил дерево, а старик-сосед попросил себе дерево на дрова.

Опечалился тот человек и сказал:

— Вот какой у меня сосед! Ну и хитер же! Ведь ему только и хотелось дров, потому и научил меня срубить дерево!

Пропал у одного человека топор. Подумал он на сына своего соседа и стал к нему приглядываться: ходит, как укравший топор, глядит, как укравший топор, говорит, как укравший топор, — [словом], каждый жест, каждое движение выдавали в нем вора.

Но вскоре тот человек стал вскапывать [землю] в долине и нашел свой топор. На другой же день снова посмотрел на сына своего соседа: ни жестом, ни движением не походил [он] на вора.

Бэйгун Шэном завладела мысль о мятеже. После приема [у царя] он стоял, опираясь на перевернутый посох. Острие посоха прокололо ему щеку, кровь стекала на землю, а он ничего не заметил.

Услышали об этом чжэнцы и стали говорить:

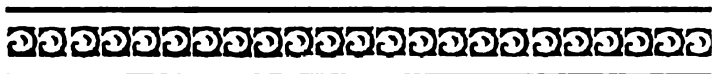
— [Если] забыл о своей щеке, способен забыть обо всем. Пойдет — наткнется на бревно, свалится в яму или ударится головой о дерево. Захвачен одной мыслью и больше ни на что не обращает внимания.

Когда-то одному цисцу очень хотелось золота. Утром пораньше одел он платье и шапку, отправился на базар, подошел прямо к меняле, схватил золото и кинулся прочь.

Поймав его, стражник спросил:

— Как мог ты украсть чужое золото? Ведь кругом были люди!

— Когда я брал, никого не заметил, видел лишь золото, — ответил цисец.

Чжуанцзы

Глава 1

СТРАНСТВИЯ В БЕСПРЕДЕЛЬНОМ

В Северном океане водится рыба, имя ей — Кит. Сколько тысяч ли он величиной — неведомо. [Этот Кит] превращается в птицу, имя ей — Феникс. Сколько тысяч ли длиной его спина — неведомо. В гневе [он] взмывает [к небесам], распростертые крылья его — точно нависшие тучи. Феникс делает круг над водой и перелетает на Южный океан. Южный океан — это Небесный водоем.

Повествуя о чудесах, Шутник из Ци говорил:

— Когда Феникс перелетает на Южный океан, волны вздымаются на три тысячи ли. Обопрется о вихрь и взлетает на девяносто тысяч ли. Улетев, шесть лун отдыхает.

Дикие кони вздымают пыль <испарения>. Живые существа оведают друг друга дыханием. Лазурь неба — подлинный ли его цвет? Оно далеко и нет ему предела. Также и Феникс — глядит вниз и только.

При малой глубине воде не под силу поднять большой корабль. Налей воды в ямку на полу, и горчичное зернышко в ней окажется лодкой. Помести туда чашку, и она встанет на дно — здесь слишком мелко для большого корабля.

Если ветер слаб, ему не под силу поддсржать огромные крылья. Чтобы подняться на девяносто тысяч ли, ветер должен дуть снизу, а тогда уже можно на него опереться. Когда над [Фениксом] только синее небо, его ничто не может остановить, и он устремляется на юг.

Цикада и Горлица, посмеиваясь над ним, щебетали:

— Мы быстро поднимаемся и взлетаем на вяз, на сандаловое дерево, а иногда не долетим и снова опускаемся на землю, вот и все. Для чего же взлетать на девяносто

тысяч *ли* и отправляться на юг? [Другое дело] — летишь на зеленые поля, клюнешь три раза и возвращаешься сытым. Когда отправляешься за сотню *ли*, запасайся зерном на сутки. Когда отправляешься за тысячу *ли*, запасайся кормом на три месяца.

Как понять это Цикаде и Горлице! Малому знанию далеко до большого. За короткую жизнь не узнать того, что за долгую. Как постичь, что это истина? Утреннему Чудесному грибу <однодневке> неизвестно, что после ночи настанет рассвет, пятнистой цикаде неизвестно, что бывают и весна и осень. Таковы [знания] краткой жизни. А на юге области Терновник растет дерево Душ Обители Мрака. Пятьсот лет [для него] длится весна, пятьсот лет — осень. В далекой древности было дерево Отец. Восемь тысяч лет [для него] длилась весна, восемь тысяч лет — осень. А ныне Пэн Цзу прославился своим долголетием. Не печально ли, что все считают его единственным? Именно об этом и спрашивал Испытующий у Кожаного Щита.

На Крайнем Севере, где нет ни деревьев, ни трав, находится Пучина-океан. Это — Небесный водоем. [В нем] водится рыба шириной в несколько тысяч *ли*, а сколько *ли* она длиною — неизвестно. Имя ей — Кит. Водится там птица, имя ей — Феникс. Спина у него точно гора Великая, распростертые крылья — точно нависшие тучи. Оперевшись [о волны] и раскачавшись, он взвизгивает по спирали на [высоту] девяносто тысяч *ли* — туда, где нет ни облаков, ни воздуха, над ним — лишь небесная синь, а затем устремляется на юг, к Южному океану.

— И куда он стремится? — усмехнулась перепелка на болоте. — Я подпрыгну, взлечу, а через несколько жэней опущусь. Порхать между кустиками полыни — вот предел полета. Куда же он стремится?

Вот в этом и заключено различие между малым и великим! [Перепелке] и уподобляется тот, чьих знаний хватает для [какой-то] одной службы, кто связывает свою деятельность с [какой-то] одной областью, а свое достоинство — с [каким-то] одним правителем и способен управлять лишь одним царством.

А сунец — Муж Чести высмеял подобных людей. Всемирная слава его бы не воодушевила, всемирный позор

ему бы не помешал. Он отделил внутреннее от внешнего, [установил] отличие славы от позора, и этим закончил. В мире немного найдется таких, как он, однако и он еще не утвердился.

Лецзы передвигался, управляя ветром, спокойно и искусно десять и еще пять дней, а затем возвратился. Он достиг высшего счастья, таких немного найдется. Хотя [он] мог обойтись без ходьбы, но все же [в передвижении] от чего-то зависел. А разве придется от чего-то зависеть, если оседлать сущность природы, управлять развитием [всех] шести явлений, чтобы странствовать в беспредельном? Поэтому и говорится: «Для настоящего человека нет [собственного] «я», для прозорливого нет заслуг, для мудрого нет славы».

Высочайший, уступая Поднебесную Никого не Стесняющему, сказал:

— Я вижу свои недостатки и прошу [вас] принять Поднебесную. Разве не следует погасить факел, когда восходит солнце или луна? Ведь его свет все равно померкнет! Разве следует орошать поле во время дождей? Ведь труд [этот] будет напрасным! Зачем мне занимать трон, если вы взойдете на него и в Поднебесной воцарится порядок?

— Вы управляете Поднебесной, и в ней царит порядок, — ответил Никого не Стесняющий. — Мне заменить вас только ради имени? Ради того, чтобы стать гостем? Ведь имя относится к сущности, как гость к хозяину! Королек вьет гнездо в лесной чаще, но [занимает] лишь одну ветку. Крот пьет из реки, но лишь столько [воды], сколько вместится в желудке. Оставьте [это] и возвращайтесь, государь! Мне нечего делать с Поднебесной. Если повар не приготовил кушанья, Покойник и жрец не станут его заменять и подносить чаши с жертвенными яствами.

Цзянь У сказал Лянь Шу:

— Я внимал Встречающему Колесницы. [Он] велик и бесконечен, отправился и не вернулся. Я удивился его рассказу: [ему] нет предела, точно Млечному пути. [Он] так далек от мира и человеческих чувств.

— О чем же он рассказывал? — спросил Лянь Шу.

— Далеко-далеко на горе Охотниц-прорицательниц живут бессмертные. Кожа [у них] словно снег, красота подобна девичьей. [Они] вдыхают ветер, пьют росу, а зерном не питаются. Оседлав облака и воздух, управляя летящими драконами, странствуют за пределами четырех морей. Душевные силы у них сосредоточены, поэтому не бывает ни мора, ни болезней, урожай зерна [всегда] обилен. Я принял его за безумца и [ему] не поверил.

— Да, — заметил Лянь Шу. — Слепому не познать красоты орнамента, а глухому — звуков колокола и барабана. Но разве слепыми и глухими бывают лишь телесно? Бывают [глухи и слепы] разумом, как ты, судя по твоим словам. [А] человек с подобными свойствами рассматривает в единстве весь хаос, [всю] тьму вещей. Разве стал бы [он] трудиться над управлением Поднебесной, даже если бы люди [его] просили спасти от смуты? Такому человеку ничто не может повредить, [он] не утонет даже [при потопе], когда вода поднимется до самого неба, не сгорит даже в великую засуху, когда расплавятся металлы и камни, обуглятся земля и горы. Из пыли и сора, оставшихся после него, можно сформовать таких, как Высочайший и Ограждающий. Разве согласится такой человек заниматься делами?!

Сунец приехал в [царство] Юэ торговать шляпами, а юэцам шляпы не нужны, ибо они стригут волосы и татуируют тело. Высочайший правил народом Поднебесной и навел порядок [в стране] среди морей, [а затем] отправился навестить четырех учителей на далекой горе Охотниц-прорицательниц. Но на юге от реки Фыншуй в глубокое уединении [он] забыл про свою Поднебесную.

Творящий Благо сказал Чжуанцзы:

— Вэйский царь подарил мне семена большой тыквы-горлянки. Я посадил их и собрал тыквы, которые вмещают по пять дань. Огромные, а что в них проку? Для воды и сои они оказались слишком хрупкими; разрубленные на ковши, они оказались слишком мелкими. Я решил, что они бесполезны, и их порубил.

Чжуанцзы ответил:

— Вы, конечно, не сумели придумать, что делать с огромными [тыквами], как [тот] сунец, который обладал прекрасным снадобьем для рук, чтобы кожа на них не потрескалась. Пользуясь этим снадобьем, [в его семье] из поколения в поколение занимались промыванием шелковой пряжи. Об этом услышал чужеземец и предложил за рецепт сотню золотом. Собрав весь род на совет, сунец сказал:

— Из поколения в поколение мы промывали шелковую пряжу, но получали совсем немного денег. А сегодня за одно утро можем выручить сотню золотом. Давайте продадим ему [снадобье].

Чужеземец получил рецепт и поведал о нем царю У. Когда же юэсцы оказались в тяжелом положении, царь У сделал владельца рецепта полководцем. Тот вступил с юэсцами зимой в морское сражение, разбил их наголову, отнял у них землю и получил ее в награду.

Снадобье было все то же, а воспользовались им по-разному: один с его помощью лишь промывал пряжу, а другой сумел получить землю.

Ныне у вас были тыквы-горлянки, вмещавшие по пяти даней. Зачем было печалиться, что ковши из тыквы мелкие? Почему бы не связать [тыквы в] большой плот и не плавать по рекам и озерам? Ах, как вы не сообразительны!

Творящий Благо сказал:

— У меня есть большое дерево, которое называется Вонючий ясень. Его ствол распух от наростов и не поддается [работе с] отвесом. Его ветви такие изогнутые и скрюченные, что не поддаются [работе с] циркулем и угольником. Стоит у дороги, а плотники [на него] не смотрят. Так и ваши слова велики, но бесполезны, никто их не принимает.

— Не замечали ли вы, — ответил Чжуанцзы, — как, прижавшись [к земле], лежит в засаде лиса или дикая кошка и подстерегает беззаботную жертву? [Но], прыгая то на восток, то на запад, то вверх, то вниз, [сами они] попадают в ловушки, умирают в сетях. А вот як — велик, словно обложившая небо туча, но при огромной силе ему не схватить и мыши. Вас заботит, что большое дерево не приносит пользы? Но зачем так печалиться? Почему бы не пересадить его в бесплодную местность, в Широкую

степь? Около него будут блуждать в недеянии, под ним будут спать в скитаниях. [Дерево] не погибнет раньше времени ни от топора, ни от секиры. Не принося никому пользы, оно не принесет и вреда.

Глава 2

О РАВЕНСТВЕ ВЕЩЕЙ

Владеющий Своими Чувствами из Южного предместья сидел, облокотясь о стол, отрешась от всего, смотрел вверх и тихо дышал, словно отсутствовал. Странник Красоты Совершенной, стоявший в ожидании перед ним, спросил:

— Как же так? Неужели верно, что телом можно уподобиться сухому дереву, а сердцем — угасшему пеплу? [Ведь] тот, кто сидит, облокотясь о стол, сейчас, уже не тот, кто сидел, облокотясь о стол, ранее!

— Как хорошо [ты] спросил, Странник! — сказал Владеющий Своими Чувствами. — Понял ли ты, что сегодня я отрешился от самого себя? [Когда] ты услышал свирель человека, не знал еще, что такое свирель земли; [когда] услышишь свирель земли, еще не будешь знать, что такое свирель вселенной.

— Дозвольте спросить, как это узнать? — продолжал Странник.

— Вздохнет земля и говорят, что [подул] ветер. Сейчас он стих. А заиграет — яростно завоюет сквозь тьму [земных] отверстий. Разве тебе не [случалось] слышать [подобные] голоса? Ущелья гор, массивы лесов, ямы от вывороченных с корнями деревьев-гигантов в сто обхватов, подобны носу, рту, ушам; подобны перекладинам, оградам, ступкам, подобны то стремительному потоку, то стоячей воде. Одни — бурлят, как поток, другие — свистят, как стрела, у одних — шумный выдох, у других — тихий вдох, [голоса] высокие, низкие, [звуки] протяжные, отрывистые. Одни запевают, другие подхватывают. Прохладный ветерок — малый хор, а вихрь — хор огромный. Утихнет буйный ветер, и все отверстия опустеют. Разве не слышал последних вздохов затихающего ветра?

— Свирель земли создается всеми ее отверстиями, [как] свирель человека — дырочками в бамбуке. Осмелюсь ли спросить, что такое свирель вселенной? — сказал Странник.

— [В ней] звучит тьма ладов и каждый сам по себе, — ответил Владеющий Своими Чувствами. — Все [вещи] звучат сами по себе, разве кто-нибудь на них воздействует?!

[Обладающий] большими познаниями — щедр, [обладающий] малыми познаниями — любопытен. В значительной речи — сила и огонь, в незначительной речи — пустословие. Во сне — воспринятое душой, наяву — воспринятое телом. В отношениях [людей друг с другом] и [в их] союзах ежедневно происходит борьба умов. [Здесь и] нерешительные, скрывающие, умалчивающие, при малых опасностях — осторожные, при больших опасностях — медлительные. Речи одних стремительны, точно полет стрелы, они решают, [что] истинно, [а что] — ложно. Другие молчат, точно принеся клятву в военном союзе, стоят на своем во имя победы. Речи третьих подобны осеннему и зимнему увяданию — с каждым днем [они] слабеют. Речи четвертых обращены к [уже] содеянному, их не отвлечь [от прошлого]. Выражения избитые, точно привязанные к старому руслу, [у таких] не оживить умирающее сердце. [Подобно] мелодиям, которые появляются из пустоты, грибам, образующимся из испарений, сменяют друг друга и днем и ночью радость и гнев, печаль и веселье, заботы и вздохи, изменчивость [чувств] и постоянство, беспечность и расточительность, любовь и распутство. Что их создает — неведомо. Не прекратить ли? Не кончить ли? [Но ведь] обретаем это и утром и вечером. Какая же причина [все] это порождает?

[Если бы] не было других, не было бы и меня; [если бы] не было меня, некому было бы воспринимать — это уже близко [к объяснению причины], хотя и неизвестно, что к этому побуждает. Должен бы поистине быть руководитель, но о нем не найти свидетельств. [Если] способен действовать, то поверишь и не видя формы? Обладать ощущениями, не обладая формой?

Существует единое целое из сотни костей, девяти отверстий и шести внутренних органов. Которые из них

тебе ближе? Все ли они тебе нравятся? Отдаешь ли какой-либо [части тела] предпочтение? Все ли они — [твои] слуги и служанки? Достаточно ли слуг и служанок, чтобы управлять друг другом? Сменяют ли [они] один другого, как государь и слуги? Существует ли среди них поистине государь? Найдем [мы] его или не найдем, это не принесет ему ни пользы, ни ущерба.

Законченную форму [тела] до самой смерти нельзя губить. Ее действия в столкновениях с вещами либо в гармонии с ними истощают ее, точно коня в стремительном беге, которого ничто не может остановить. Как это печально! Как страшно всю жизнь трудиться, но не увидеть плодов своего труда; изнемогая, выполнять поручения и не знать, когда вернешься! Какая польза от того, что люди называют это бессмертием? Как скорбно, что тело, а вместе с ним и сердце превратится в прах!

Действительно ли столь неразумна жизнь человека? Только ли я неразумен? Есть ли среди людей и разумные? Ведь учат, следуя сложившимся взглядам, у кого же нет [такого] наставника? Вряд ли [они] углубляют знания. Есть и такие, которые сами выбирают [себе] взгляды, среди них — и глупцы. Человек с еще не созревшими взглядами, утверждающий, [что] истинно, [а что] ложно, уподобляется тому, кто, отправившись сегодня в Юэ, утверждает, что пришел в Юэ вчера. Это означает выдавать несуществующее за существующее. А как сделать несуществующее существующим, не знал даже священный Молодой Дракон, откуда же [знать] мне?

Речь — не [просто] дыхание. Говорящий произносит слова, но то, о чем он говорит, совершенно неопределенно. Действительно ли существует речь? Или никогда не было речи? Считают ее иной, чем чириканье птенца, но отличается она от чириканья или не отличается? Насколько же скрыт путь, если [могли] появиться истина и ложь, насколько же темны речи, если [могли] появиться правда и неправда! Путь повсюду, где же его нет! Речь существует, чего же она не способна [выразить]? Путь затемняют ничтожные учения. Речь затемняют цветистые [выражения]. Поэтому и пошли споры между конфуцианцами и монетами: одни утверждают то, что другие отрицают, и отрицают то, что другие утверждают. Чтобы это по-

нять, лучше всего утверждать то, что они отрицают, и отрицать то, что они утверждают.

[Каждая] вещь — это «я», [но каждая] это и «не-я». Каждый не видит свое «не-я», но поймет это [лишь] познав себя [как «не-я»]. Поэтому и говорится: «не-я» появляется из «я», а «я» также — следствие «не-я». Учение гласит: «я» и «не-я» выявляются в сравнении друг с другом. И даже жизнь [возникает] тогда, когда [возникает] смерть, когда же [возникает] смерть, [возникает] и жизнь; когда [появляется] возможность, [появляется] и невозможность, когда [появляется] невозможность, [появляется] и возможность; правда [рождает] неправду, неправда [рождает] правду. Поэтому мудрый не следует за ними, исходящими из «я», а соотносится с природой. «Я» — это также «не-я», «не-я» это также «я». У «я» свои правда и неправда, у «не-я» также свои правда и неправда. Действительно ли существует [различие между] «я» и «не-я»? Действительно ли не существует [различия между] «я» и «не-я»? [Пока] «я» и «не-я» не стали парой [противоположностей], их называют осью <сущностью> пути, сущность приобретает центр, который соответствует бесконечности. Поэтому и говорится: чтобы понять, лучше всего утверждать, что у правды — своя бесконечность, у неправды также своя бесконечность.

Сравнивая свойство со свойством, отрицают, [что это] свойство; но лучше отрицать, [что это] свойство, сравнивая свойство не со свойством. Сравнивая коня с конем, отрицают, [что это] конь; но лучше отрицать, [что это] конь, сравнивая коня не с конем. [Как] со свойством, [так и] со вселенной. [Как] с конем, [так и] с тьмой вещей. Возможное — возможно, невозможное — невозможно. Путь действует и создает: вещи называют и таковыми [являются]. Каковы же [они]? Таковы, какими являются. Не каковы [они]? Не таковы, какими не являются. В [каждой] вещи, конечно, есть то, чем она является; у [каждой] вещи, конечно, [свои] возможности. Нет вещи, лишенной того, чем она является; нет вещи, лишенной возможностей. Путь же поэтому объединяет в единстве и балку и столб, и уродину и [красавицу] Си Ши, и великодушие и коварство, и странное и чудовищное. Разделение их создает, а создание разрушает. Каждую вещь, созданную

либо разрушенную, снова объединяет единство. Но лишь постигший [путь] понимает, как объединяются [вещи] в единстве, видит [в них] общее и обычное, не используя [их] для [собственного] «я». В обычном их польза, в пользе — общее, в общем — самоудовлетворение, в самоудовлетворении — близость к концу. Пусть заканчивается [их собственное] «я», приходит к концу, не ведая об этом, и означает [единство] с путем.

Утруждать свою душу и разум ради единства, не понимая этого единства, называется [по притче] «Утром три». Почему же называется «Утром три»? [Вот отчего]. Обезьяний Царь, раздавая каштаны, спросил:

— [Хватит ли] утром по три, а вечером по четыре?

Тут все обезьяны разгневались.

— Тогда утром по четыре, а вечером по три? — спросил он.

И все обезьяны обрадовались.

Так, следуя за «я» обезьян, [кормивший их] сумел вызвать то гнев, то радость, оставив сущность и название неизменными.

Так мудрый объединяет [их] в правде и неправде и отдыхает в равновесии природы. Это и называется двумя рядами <удовлетворением и «я» и «не-я»>.

Некоторые древние в [своих] познаниях достигли предела. Каков же предел? Сперва считали, что вначале не было [отдельных] вещей. — это предел исчерпывающий, к нему нельзя ничего добавить. Затем считали, что [отдельные] вещи существовали, но еще не знали, как они разграничивались. Далее считали, что разграничение было, но еще не знали, [что] существует истина и ложь. С появлением [понятия] об истине и лжи, [пониманию] пути был нанесен ущерб. С ущербом, нанесенным [пониманию] пути, образовалась любовь «пристрастие». Был ли действительно нанесен ущерб [пониманию пути]? Образовалось ли действительно [пристрастие]? Не был действительно нанесен ущерб [пониманию пути]? Не образовалось действительно [пристрастие]? Был нанесен ущерб, образовалось пристрастие, и поэтому Чжао Прекрасный играл на цине. Не был нанесен ущерб, не образовалось [пристрастие], и поэтому Чжао оставил игру на цине.

[Когда] Чжао Прекрасный играл на цине, Наставник Куан отбивал такт, Творящий Благо [держал речь], опираясь о платан. Знания [этих] трех мастеров были близки [к совершенству], особенно прекрасны, поэтому [легенды] о них передавали до последних лет. Но, любя свое искусство, отличались этим от других; любя свое искусство, стремились с его помощью просветить других. Просвещали непросвещенных, а поэтому дошли в конце концов до темного [суждения] о твердом и белом. Их же ученики продолжали [эти] хитросплетения [лишь] внешне и до конца жизни не [добились] совершенства. Если таких можно назвать совершенными, то даже меня [можно считать] совершенным. Если таких нельзя назвать совершенными, то ни меня, ни другого нельзя [считать] совершенным. Чтобы поняли это, скажу: оттого-то мудрый и стремится осветить хаос с помощью не [собственного] «я», а обычного и общего.

Ныне придется здесь кое о чем сказать. Не знаю, будут ли эти слова однородны с [моим] «я» или не будут? [Но] однородное с [«я»], взятое вместе с неоднородным, становится однородным, а поэтому не будет отличаться от «нея». Несмотря на все это, попробую высказаться:

— Существует начальное, существует еще не начавшееся начальное, существует и никогда не начинавшееся безначальное. Существует бытие, существует небытие, существуют еще не начавшиеся бытие и небытие, существуют и никогда не начинавшие безначальные бытие и небытие. Вдруг [появляются] бытие и небытие, а еще не знают про бытие и небытие. Что же такое в действительности бытие? Что же такое небытие? Ныне я уже что-то сказал, но не знаю, сказанное мною в действительности существует [или] в действительности не существует?

Огромнейшее в Поднебесной — кончик осенней пушинки; мельчайшее — гора Великая. Нет жизни долговечнее, чем у того, кто умер младенцем; Пын Цзу же умер преждевременно. Вселенная родилась вместе с нами, тьма вещей с нами едина. Если все едино, то к чему еще слова? Если уже названо единым, к чему молчать? Единство вместе со словом — это два, два и один — это три. Если продолжать, так со счетом не справиться не только обычному человеку, но даже самому искусному математику. От небытия к бытию уже досчитали до трех, а если [считать]

от бытия к бытию? Не станем [считать], остановимся на этом.

У пути никогда не было разграничения, а у слов никогда не было постоянного [смысла], поэтому и появилось разграничение. Дозвольте сказать о подобном разграничении: появилось левое, появилось и правое; появились правило и долг, разделение и различие; соперничество и борьба. Это называется восемь свойств. То, что находится за пределами шести стран света, для мудрого существует, но [об этом он] не говорит; о том, что [находится] в пределах шести стран света, мудрый говорит, но суждения не высказывает. О поколениях [времен] «Весны и осени», о воле ранних государей мудрый высказывает суждение, но не спорит. Ибо в разделении есть и нераздельное, в споре есть и бесспорное. Спросим: «почему [это происходит]?» [Оттого, что] мудрый хранит это [в себе], а дюжинные об этом спорят, чтобы похвастаться друг перед другом. Поэтому и говорится: те, кто спорит, не видят [пути]. Ведь великий путь не [может быть] назван, великий спор не [может быть] высказан в словах, великое милосердие не милосердно, великая скромность не уступчива, великое мужество не [совершает] насилий. Путь, который проявился, не есть путь; слова, высказанные в споре, не убеждают; милосердие постоянное несовершенно; скромность безупречная встречает недоверие; мужество, сопровождаемое насилием, несовершенно. Эти пять круглы, но приближаются к квадрату. Поэтому тот, кто в познании [умеет] остановиться на [еще] непознанном, — совершенен; кто сумел познать спор без слов, путь, который нельзя назвать, называется [хранителем] сокровищ природы; тот, в кого вливают и не переполнится, из кого черпают и не вычерпают, кому истоки знания неведомы, называется хранителем просвещения.

В старину Высочайший обратился к Ограждающему:

— С тех пор как я встал лицом к югу, не могу успокоиться, — хочу пойти походом на Цзун, Гуй и Сюяо. Почему это [происходит]?

— Почему же не можете успокоиться? Ведь эти три правителя живут словно среди бурьяна и полыни. Когда-то сразу появилось десять солнц, [они] осветили [всю] тьму вещей. А [ваша] добродетель светлее солнца!

Беззубый спросил у Наставника Юных:

— Знаете ли вы, в чем одинаковы [все] вещи?

— Как я могу это знать? — ответил Наставник Юных.

— Знаете ли, чего вы не знаете?

— Как я могу это знать?

— Тогда ни у кого нет знаний?

— Как я могу это знать? Хотя попытаюсь кое-что сказать. Как постичь, не является ли незнанием то, что я называю знанием? Как постичь, не является ли знанием то, что я называю незнанием?

Попытаюсь тебя спросить: чьи знания о жилье истинны? Угря или человека, который станет спать в сыром месте и [у него] заболит поясница, отнимется половина тела? Обезьяны или [человека, который] на дереве дрожит от страха? Чьи знания о пище истинны? Человека, который питается мясом травоядных и хлебоядных животных? Оленя, который ест траву? Сороконожки, которая лакомится змеей? Совы и вороны, которые предпочитают мышей? Чьи знания о красоте в Поднебесной истинны? Обезьяны-самца, который ищет себе обезьяну-самку; оленя, спаривающегося с оленихой; рыбы, плавающей с рыбой? [Ведь] Мао Цян и Цзи из Ли красавицами считает [лишь] человек, а рыба, завидя их, уходит в глубину, птица — улетает ввысь, олень — убегает без оглядки. По моим наблюдениям понятия об истинном и неистинном, о справедливости и милосердии слишком перепутались. Как мне узнать различие между ними?

— [Если] вы не знаете, [в чем различие между] полезным и вредным, то знает ли его настоящий человек? — спросил Беззубый [Наставника Юных].

— Настоящий человек прозорлив, — ответил Наставник Юных. — Что для него полезное и вредное? [Ведь ему] не жарко, даже когда горят большие болота; не холодно, даже когда замерзают Река и Хань; не страшно, когда удары грома раскалывают горы, а буря вздымает морские валы. Управляя облаками и воздухом, оседлав солнце и луну, такой человек странствует за пределами четырех морей. Ни жизнь, ни смерть, [он] не [считает] для себя переменной.

Зоркий Взгляд спросил у Высокого Платана:

— Что вы думаете о том, что я слышал от учителя? Я узнал, что мудрый не посвящает себя делам управления, не ищет выгоды, не избегает вреда. [Он] ничего не домогается, не привержен к пути. [Он] молчит, когда говорят, и говорит, когда молчат. [Он] странствует за пределами [мирской] пыли. В этом я увидел проявление сокровенного пути, а учитель [увидел в этом] безрассудные слова.

— Услышав [подобное], усомнился бы даже Желтый Предок, разве мог это понять Конфуций? Да и вы судите слишком быстро, — ответил Высокий Платан. — Завидя яйцо, уже ждете в полночь петушиного крика; завидя самострел, уже ищите жареного голубя. Я вам скажу бездумно, а вы также бездумно воспримете, [будто кто-то] рядом с солнцем и луной держит в руках вселенную. Сомкнув уста, мудрый не обращает внимания на хаос, почитает равно и раба и сановника. Дюжинные хлопочут, суетсяя, а мудрый прост, [как] нежный росток. [Мудрый] соединяет вместе тьму лет, и единство образуется в [своей] чистоте. То же и со всей тьмой вещей, и в таком единстве [они] собираются. Как мне знать, не заблуждение ли любовь к жизни? Как мне знать, не подобен ли страх смерти чувству [человека], утратившего в детстве [отчий дом] и не знающего [радости] возвращения?

Вот Цзи из Ли, дочь стража границы в Ай. Как только ее захватили цзиньцы, она так рыдала, что [от слез] промокло платье. Но она раскаялась в том, что плакала, когда предстала перед царем, разделила с ним ложе, стала питаться [мясом] травоядных и хлебоядных. Как мне знать, не раскаивается ли мертвый в том, что цеплялся за жизнь? Тот, кто видел во сне, что пьет вино, наяву плачет: тот, кто во сне плакал, наяву едет на охоту. Когда спят, не со знают, что это сон; во сне даже отгадывают сны и, только пробудившись, понимают, что то был сон. Но бывает великое пробуждение, после которого сознают, что то был глубокий сон. А глупцы считают, что они бодрствуют и, вникая [во все], познают, кто царь, а кто пастух. Как [они] невежественны! [Вы оба], и Конфуций и ты, видите сны. Я, говорящий, что ты спишь, также сплю. Такие слова называют невероятными, но если пройдет тьма поколений и найдется великий мудрец, который сумеет дать

им объяснение, то покажется, что до встречи с ним прошли сутки.

Предположим, что мы с тобой вступили в спор. [Если] ты переспорил меня, а не я тебя, [значит ли это, что] ты действительно прав, а я неправ? [Если] я переспорил тебя, а не ты меня, [значит ли это, что] я действительно прав, а ты неправ? [Действительно ли] один из нас прав, а другой неправ? Оба мы правы или неправы? [Если] мы с тобой не можем понять друг друга, то и другие останутся во мраке неведения. Кого же мне послать их вразумить? Если пошлю согласного с тобой, то разве согласный с тобой сумеет их вразумить? Если пошлю согласного со мной, то разве согласный со мною сумеет их вразумить? Если пошлю несогласного ни с тобою, ни со мною, то разве несогласный ни с тобою, ни со мною сумеет их вразумить? Если пошлю согласного и с тобой, и со мной, то разве согласный и с тобой, и со мной сумеет их вразумить? Но в таком случае ни ты, ни я, ни другие не сможем понять друг друга. Кого же [еще нам] ждать?

Соответствуют ли изменения названий изменениям [вещей], или не соответствуют, объединим их в пределах природы и, предоставив им развиваться, доживем свой срок. Что означает «объединим их в пределах природы»? Означает [приведем к гармонии] истинное и неистинное, правду и ложь. Если истинное действительно истинно, то нечего спорить [о том, насколько] истинное отличается от неистинного. Если правда действительно правда, то также нечего спорить [о том, насколько] правда отличается от лжи. Забудем о времени, забудем о суждениях, найдем радость в бесконечном и поселимся в бесконечном!

Полутень спросила у Тени:

— Почему [вы] так непостоянны? Раньше вы двигались, а теперь [почему-то] остановились, раньше вы сидели, а теперь [почему-то] встали?

— [Может быть], я так поступаю в зависимости [от чего-то]? — ответила Тень. — [А может быть] я так поступаю в зависимости [от чего-то], зависящего еще [от чего-то]? Завишу ли я от чешуи змеи, от крыла кузнечика? Как знать, почему это так? Как знать, почему это не так?

Однажды Чжуану Чжоу приснилось, что он — бабочка, весело порхающая бабочка. [Он] наслаждался от души и не сознавал, что он — Чжоу. Но вдруг проснулся, удивился, что [он] — Чжоу, и не мог понять: снилось ли Чжоу, [что он] — бабочка, или бабочке снится, [что она] — Чжоу. Это и называют превращением вещей, тогда как между мною, [Чжоу], и бабочкой непременно существует различие.

Глава 3

ГЛАВНОЕ ДЛЯ ДОЛГОЛЕТИЯ

Наша жизнь ограничена, а знания неограниченны. Ограниченному следовать за неограниченным опасно. [Поняв это], совершенствовать знания опасно. Совершая добро, избегай славы, совершая зло, избегай наказания. Если взять за основу главное, можно сохранить [свое] тело, сберечь целостность жизни, можно поддержать родителей, можно дожить до предельного возраста.

Повар царя Прекрасномилостивого принялся разделывать [тушу] быка. Каждый взмах руки и наклон плеча, каждый шаг ноги и сгибание колена сопровождались треском отделяемой от кости кожи, стуком ножа. [Работа шла] в четком ритме, точно танец «В тутовой роще» или «Цзин шоу».

— Ах, как прекрасно! Как совершенно [твое] мастерство! — воскликнул Прекрасномилостивый.

Опустив нож, повар сказал:

— [Я, ваш] слуга, привержен пути более, чем [своему] мастерству! Когда [я, ваш] слуга, стал впервые разделывать быка, то видел лишь тушу, а через три года перестал замечать животное как единое целое. Теперь же я не смотрю [на него], а понимаю [его] разумом, не воспринимаю [его] органами чувств, а действую лишь разумом. Следуя за естественными волокнами, режу сочленения, прохожу в полости, никогда не рублю то, что слишком твердо, — центральные жилы и связки, а тем более — большие кости.

Хороший повар режет, [а поэтому] меняет нож раз в год. Посредственный повар рубит, [а потому] меняет

нож раз в месяц. Ножу [вашего] слуги ныне девятнадцать лет, [я] разделал им много тысяч бычьих туш, а лезвие у него словно только что заострено на точильном камне.

Между сочленениями есть щели, а острие ножа не имеет утолщения. Когда вводишь в щель тонкое лезвие, места, — где погулять ножу, находится с избытком. Поэтому и через девятнадцать лет его лезвие словно только что заострено на точильном камне. Но, несмотря на это, каждый раз, подходя к сложному сплетению, вижу, как трудно с ним справиться, страшусь и остерегаюсь, не отвожу глаз, веду нож медленно, едва шевеля. И вдруг так быстро заканчиваю разделку, точно рассыпаю ком земли. Подняв нож, я постою, оглянусь по сторонам, пройду в нерешительности и, удовлетворенный, оботру нож и спрячу.

— Отлично! — воскликнул Прекрасномилостивый. — Услышав рассказ повара, я понял, как достичь долголетия.

Увидев Правого Наставника, Гунвэнь Высокая Колесница с удивлением спросил:

— Что [ты] за человек? Почему одноногий? От природы или от [руки] человека?

— От природы, не от [руки] человека, — ответил Правый Наставник. — От рождения только одна [нога]. Но по внешнему виду уже можно понять, что это не от [рук] человеческих, а от природы.

Фазан на болоте клонет [лишь] через десяток шагов, напьется [лишь] через сотню шагов, [но] не хочет, чтобы [его] кормили в клетке. И все же не ценит, что [он] — сам себе хозяин.

[Когда] умер Лаоцзы, явился оплакать его Цинь Свободный от Суеты, трижды возопил и вышел.

— Разве [вы] не были другом учителя? — спросил ученик.

— Был, — ответил Цинь Свободный от Суеты.

— И так [мало] плакали?

— Да. Сначала я думал, что там его ученики, а теперь понял, что нет. Когда я вошел попрощаться, там были старые, вопившие над ним, словно над родным сыном;

были молодые, плакавшие над ним, словно над родной матерью. [Все] они собрались для того, чтобы говорить [там, где] не нужно слов, плакать [там, где] не нужно слез. Это означает бегство от природы, насилие над чувствами, забвение доставшегося [от природы]. В старину это называли карой за отступление от природы.

Когда наступило время, учитель родился; пришло время уйти, учитель покорился. К тому, кто спокойно следует за временем и обстоятельствами, нет доступа ни печали, ни радости. В старину это называли независимостью от природы.

Для рук, заготавливающих хворост, [наступает] предел. Но огонь продолжает разгораться, и есть ли ему предел — неведомо.

Глава 4 СРЕДИ ЛЮДЕЙ

Янь Юань явился к Конфуцию и попросил разрешения уйти.

— Куда? — спросил Конфуций.

— В Вэй, — ответил Янь Юань.

— Зачем?

— [Я], Хой, слышал, что вэйский царь, находясь в расцвете сил, вершит дела самовластно, бездумно расходует силу страны и не видит собственных ошибок. Он легко посылает людей на смерть, убитых в царстве — точно хвоста на болоте, народу не к кому обратиться. Ведь [я], Хой, слышал от [вас], учитель: «покинь то царство, где порядок, иди в то царство, где смута». Ведь больные стекаются к воротам лекаря. Мое желание — с помощью услышанного [от вас, учитель], придумать для них [какой-то] выход. Может быть и удастся излечить это царство.

— Ах! — воскликнул Конфуций. — Боюсь, что там тебя казнят. Ведь учение не допускает [объединения] разнородного. Разнородное ведет ко множеству, множество — к беспорядку, беспорядок — к скорби, а от скорби нет спасения. Совершенный человек древности берег [учение] сначала в самом себе, а затем в других. [Пока] сберегаемое еще не утвердилось в [тебе] самом, разве можно

идти действовать к деспоту? А понимаешь ли ты, отчего расточается добродетель, откуда появляются знания? Добродетель расточается [из-за] славы, знания появляются [из-за] соперничества. [Ради] славы друг друга вытесняют; знание же — орудие соперничества. Это — зло, и прибегать к этому нельзя. Даже обладая великой добродетелью и твердой верностью, [ты] еще не умеешь распознать характер человека; даже не споря из-за славы, [ты] еще не умеешь распознать намерения человека. [Если] станешь настойчиво выступать перед деспотом с прямой, точно линия отвеса, речью о милосердии и справедливости, то [твои] достоинства возненавидят и [тебя] назовут недобрым человеком. На недоброго человека люди и обрушивают беду. Боюсь, что тебя загубят.

Если же [царь Вэй] притворится, что любит добродетельных и ненавидит порочных, то как его излечить? Тебе останется лишь молчать, и государь воспользуется [своим] преимуществом, чтобы одержать победу в споре. Слепит [твои] глаза и покорит [твое] лицо. Станешь подделываться к нему в речах, приспособливаться к нему в поведении, утверждаться в его мыслях? Ведь это то же, что спасать огнем от пожара, водой — от наводнения, значит, лишь увеличивать беду. [Стоит лишь] начать с уступок и не будет конца.

Боюсь, что с искренним советом [обратишься к тому, кто] тебе не поверит, и примешь смерть от руки деспота. Так в старину Разрывающий на Части казнил Гуаня Встреченного Драконом, а Бесчеловечный — царевича Щита. Встреченный Драконом и Щит совершенствовались, любили и жалели народ, ради низших противились высшим. За это правители их и погубили, ведь они [пали жертвой] доброго имени. Разве [ты] не слышал о том, как в старину Высочайший ходил походом на [племена] Ветви Терновника и Сюяо, а Молодой Дракон — на Владеющих домами. От селений остались развалины, людей же казнили. Бросая воинов в бой без конца, ненасытно стремясь к грабежу, все они домогались и славы и поживы. [Жажда] славы и поживы погубила и мудрых, где же [справиться] тебе! И все же попытайся рассказать мне, что ты задумал.

— Можно ли [действовать] со всей прямоотой, но скромно; прилагать все усилия, но остаться верным себе?

— Нет, нельзя! — ответил Конфуций. — Ведь [царь] полон энергии и щедро [ее] тратит. Настроение [у него] переменчивое, и обычно [ему] никто не перечит. Подавляя чувства других, он наслаждается собственным произволом. Одним словом, [ему] не овладеть и обычной добродетелью, а тем более — высшей. [Он] не изменится и будет стоять на своем. [Даже если] внешне согласится, то внутренне не раскается. [Нет], так действовать нельзя!

— Тогда внутренне я буду прямым, а внешне — согбенным. Совершеннее стану сравнивать с древним. Во внутренней прямоте явлюсь последователем природы. Тот, кто следует за природой, знает, что и Сын Неба и он сам — сыновья природы. Буду говорить свое, не заботясь, одобряют другие или нет. Про такого люди говорят — ребенок. Вот это и называю стать последователем природы. Быть согбенным внешне, значит стать последователем людей. Стоять на коленях, подняв «дощечку для записи», сгибаться в поклонах — таков обряд слуги. Осмелюсь ли я не поступать так, как поступают все! [Если] делать то, что делают все, не сочтут порочным. Это и называю стать последователем людей. Сравнить совершенное с древним, значит стать последователем древних, хотя в таких словах поучение, по существу же порицание, [но] идущее от древних, не от меня. Таким образом, я не пострадаю, даже будучи прямым. Это и называю стать последователем древних. Можно ли так [действовать]?

— Нет, нельзя! — ответил Конфуций. — Слишком много замыслов. Пусть, обладая [собственным] мерилом, не заискивая, [останешься] твердым и избежешь осуждения. Все же, оставь это [дело]. Разве можно таким [способом] оказать [на царя] влияние, равносильное [его собственному] желанию учиться?

— Больше мне нечего предложить. Осмелюсь ли попросить совета? — спросил Янь Юань.

— Разве легко осуществить то [желание], которым [ты] обладаешь? Того, кто считает это легким, не одобрит Высокое Небо, — сказал Конфуций. — Постись, и я тебе поведаю.

— Семья [у меня], Хоя, бедная, — заметил Янь Юань, — Уже несколько лун [я] не пил вина, не ел мяса и скромных овощей. Можно ли считать, что постился?

— Таково воздержание перед принесением жертв, а не перед размышлением.

— Дозвольте спросить, что такое воздержание перед размышлением?

— Это [значит], — ответил Конфуций, — сосредоточить свою волю на одном, слушать не ушами, а сердцем, не сердцем, а душой. Когда перестанешь слышать ушами и откликаться сердцем, душа [очистится до] пустоты и будет готова [воспринимать] вещи. Только путь будет стекаться в пустоту. [Достижение] пустоты и есть воздержание перед размышлением.

— Пока [я], Хой, не воспринял [этого] наставления, существовал [только] как [я], Хой. Лишь начал его применять, [меня], Хоя, не стало. Можно ли считать, [что я достиг] пустоты? — спросил Янь Юань.

— [Да], полностью — ответил учитель. — [Теперь] я тебе поведаю: ты можешь войти в клетку царя и в ней разгуливать, оставаясь равнодушным к царской славе. Станет слушать — пой, не станет — умолкни. Без покровителей и без ненавистников, как бы вынужденно, поселись в том же доме. Это почти то, [что нужно]. Легко не ходить, [но] невозможно ходить, не оставляя следов. Действуя, как человек, легко лицемерить; [но] действуя, как природа, невозможно лицемерить. Ведь [все] наслышаны, что летает тот, кто обладает крыльями; но слыханное [ли дело], чтобы летал тот, кто не обладает крыльями. Ведь [все] наслышаны, что мудр тот, кто обладает знаниями; но слыханное [ли дело], чтобы был мудр тот, кто не обладает знаниями. Посмотри на то отверстие [в двери]. Через [его] пустоту в доме появляется свет. Остановится доброе знамение, остановись и ты. Если же не остановится, то, можно сказать, будешь мчаться, даже сидя [на месте]. Если слухом и зрением обратишься к внутреннему, а разумом [сердцем] — к внешнему, то придут к тебе не только люди, но даже души предков и боги. Таково [будет] влияние на [всю] тьму вещей. Это служило основой для Молодого Дракона и Ограждающего; того же до конца жизни придерживались Готовящий Жертвенное Мясо и Опирающийся о Стол, тем более это необходимо [человеку], не состоящему на службе!

Царский сын Высокий, готовясь ехать Послом в Ци, спросил Конфуция:

— Не посоветуете ли, как мне быть? Царь посылает [меня], Чжуляна, с весьма важным поручением. В Ци же, вероятно, примут с большим почетом, но [с делом] спешить не станут. Я тревожусь. Ведь и простого человека нельзя торопить, не то что царя. Вы говорили [мне], Чжуляну, что без учения любое дело — и большое и малое — редко удастся благополучно завершить. Если дело не увенчается успехом, [меня] покарает человек; если же увенчается, [меня] настигнут [силы] жара и холода. Избежать беды в том и в другом случае способен лишь добродетельный.

Пищу я ем простую, не изысканную; в жару не ищу прохлады. Но вот сегодня утром я получил приказ, а к вечеру — пил ледяную воду, у меня поднялся жар. Еще не доехал до места, а уже страдаю от лихорадки. Если дела не завершу, покарают и люди. Обе эти [беды мне], слуге, не вынести.

— В Поднебесной существуют две великие заповеди, — ответил Конфуций. — Одну [дает] судьба, другую — долг. Судьбою дана сыну любовь к родителям, от нее не освободить сердца. Долг велит слуге служить государю. Государь всюду, куда бы [ты] ни пришел; нигде в Поднебесной [от него] не укроешься. Таковы эти великие заповеди. Вот почему совершенная сыновняя почтительность в том, чтобы служить родителям и покоить их в любых условиях; а полная преданность государю — в том, чтобы служить ему и покоить его при любых условиях. Служить всеми помыслами, не изменяясь, радость ли перед [тобой] или горе, и даже в безвыходном положении принимать [все] спокойно как судьбу — это высшая добродетель.

Бывает, конечно, что слуга или сын вынуждены, выполняя поручение, забыть о самом себе. У него не найдется досуга для наслаждения жизнью или для страха перед смертью. [Поэтому-то] вы и можете отправляться.

Дозвольте [мне] повторить то, что [я] когда-то слышал. С соседними [царствами] следует поддерживать взаимную дружбу, основанную на верности [в делах]; далеким [царствам] следует [высказывать] преданность в речах. Речи должен кто-то передавать, а самое трудное на свете — передавать слова радости или гнева одной стороны другой

стороне. В радости изливают друг другу слишком много приятных слов, в гневе обрушивают друг на друга слишком много злых слов. [Но] все чрезмерное безрассудно, безрассудное же не внушает доверия. Подозрения и губят того, кто передает речь. Поэтому в «Образцовых речах» и говорится: «передавай неизменной сущность [дела], опускай лишние слова». [Соблюдай это правило] и, возможно, останешься цел.

[Помни], кроме того: искусные борцы начинают мериться силами открыто, а кончают тайным [приемом] — в напряженный [момент] прибегают ко многим хитростям; вино пьют согласно церемониям, соблюдая вначале порядок, кончают же беспорядком — большое возбуждение ведет к чрезмерным наслаждениям. И так во всем. Начинают с извинений, а кончают грубостями. Ничтожное вначале становится огромным к концу. В словах — и ветер и волны <буря>, в делах — победа или поражение. Ветер и волны вызвать нетрудно, но к опасности легко приводят и победа и поражение. Поэтому без [особых] оснований [и высказываются] гневные суждения, [полные] резких, пристрастных слов. Рычат, не выбирая выражений, словно дикие звери с клокочущим дыханием в предсмертной агонии. И злоба растет. [Когда] злоба доходит до высшего предела, [с другой стороны] в ответ почему-то также непременно появляется негодование. [Если никто] не сознает, отчего [все] началось, то кто может знать, чем [все] кончится?! Поэтому в «Образцовых речах» и говорится: «не отклоняйся от порученного, не настаивай на решении, превысишь меру — [доведешь] до крайностей». [Ибо] отклоняться от порученного, настаивать на решении — опасно. Ведь благоприятное решение приходит не скоро, а неблагоприятного уже не исправить. Не следует ли быть осторожным?

[Для тебя же] лучше всего пользоваться каждой возможностью, чтобы отдохнуть сердцем и, вверяясь неизбежному, укреплять свои чувства. Как добиться ответа [от Ци]? Самое лучшее — ввериться судьбе, но это и самое трудное.

Янь Врата Бытия, готовясь [занять пост] наставника наследника вэйского царя Чудотворного, спросил у Цюй Боюя:

— Как мне поступить в данном случае? У здешнего человека [царя] природная склонность к убийствам. [Если] его не удерживать, опасность будет грозить [всему] нашему царству; [если] же его удерживать, опасность будет грозить мне. Знаний у него хватает, чтобы понять чужие ошибки; но не хватает, чтобы понять собственные.

— Какой замечательный вопрос! — воскликнул Цюй Боюй. — Остерегайся его! Будь с ним осторожен! Будь точен в своем [поведении]! Лучше всего внешне [с ним] сближаться, а в сердце хранить гармонию. Однако и в том и в другом — опасность. Сближение не должно стать глубоким, а [внутренняя] гармония не должна стать явной. [Если] сблизишься глубоко, упадешь и погибнешь; [если внутренняя] гармония будет явной, составит доброе имя и славу, то [она же] обернется бедой, злом. Станет он вести себя, как ребенок, [и ты] веди себя с ним, как ребенок; не станет соблюдать ранга, [и ты] с ним не соблюдай ранга; будет переходить все границы, [и ты] с ним переходи все границы. Достигнешь этого, сможешь с ним тесно сблизиться и освободить [его] от ошибок.

Видел ли ты, как [кузнечик] богомол в гневе топорщит крылья, преграждая дорогу повозке? Не сознавая, что ему ее не одолеть, он переоценивает свои силы. Остерегайся! Будь осторожен! [Если], кичась заслугами, станешь их переоценивать, совершишь ту же ошибку.

Знаешь ли ты, как [человек] кормит тигра? Не решится давать тигру живого зверя, [ибо] убивая его, [тигр] придет в ярость; не решится дать целую тушу, [ибо] разрывая ее, [тигр] придет в ярость. Своевременно кормит голодного, постигая, что приводит его в ярость. Тигр и человек принадлежат к различным видам. Человек потакает тигру, и тигр к нему ластится; перечит — и тигр его убивает.

Вот тот, кто холил лошадей, уносил навоз в корзинах, а мочу — в кувшинах. Но вот налетели комары и оводы, он внезапно хлопнул коня — [а тот], порвав удила, проломил [ему] голову и разбил грудь. Разве не нужна осторожность? Чрезмерная забота и любовь могут привести к гибели.

Плотник Кремень направлялся в Ци и на повороте дороги у алтаря Земли увидел Дуб в сотню обхватов, такой огромный, что за ним могли бы укрыться много тысяч

быков <целый бык>, высотой же — с гору. В восьмидесяти локтях над землей возвышалась его крона с десятком таких толстых ветвей, что каждой хватило бы на лодку. Зеваки [толпились], точно на ярмарке. А плотник, не останавливаясь и не оборачиваясь, прошел мимо [дерева].

Ученики, вдоволь насмотревшись на Дуб, догнали [плотника] и спросили:

— Почему [вы], Преждерожденный, прошли мимо, не останавливаясь, и не захотели даже взглянуть? [Нам] еще не приходилось видеть такого прекрасного материала с тех пор, как мы с топором и секирой последовали за [вами], учитель.

— Довольно! Замолчите! — ответил им плотник. — От него нет проку. Лодка, [сделанная] из него, — потонет, гроб или саркофаг — быстро сгниют, посуда — расколется. Сделаешь ворота или двери — [из них] будет сочиться сок, колонну — [ее] источат черви. Это дерево не строевое, ни на что не годное, оттого и живет долго.

[Когда] плотник Кремень вернулся [домой], во сне ему привиделся Дуб у алтаря.

— С какими [деревьями] ты хочешь меня сравнить? — спросил Дуб. — С теми, что идут на украшения? [Или] с плодоносящими? Вот боярышник и груша, апельсиновое дерево и памела. [Как только] плоды созреют, [их] обирают, а обирая, оскорбляют: большие ветви ломают, маленькие — обрывают. Из-за того что полезны, они страдают всю жизнь и гибнут преждевременно, не прожив отведенного природой срока. Это происходит со всеми с тех пор, как появился обычай сбивать плоды. Вот почему я давно уже стремился стать бесполезным, чуть не погиб, но теперь добился своего — и это принесло мне огромную пользу. Разве вырос бы я таким высоким, если бы мог для чего-нибудь пригодиться? К тому же мы оба: и ты и я — вещи. Разве может одна вещь судить о другой? Не тебе, смертному, бесполезному человеку, понять бесполезное дерево!

Очнувшись, плотник Кремень стал толковать свой сон, а ученики спросили:

— [Если Дуб] стремился не приносить пользы, почему же он вырос у алтаря?

— Не болтайте! Замолчите! — ответил плотник. — Он вырос [там] затем, чтобы невежды его не оскорбляли.

Разве не срубили бы его, не будь здесь алтаря Земли? И все же он живет так долго по другой причине, чем все остальные. Не отдалимся ли [мы от истины], меряя его обычной меркой?

Владеющий Своими Чувствами из Южного Предместья, гуляя на Шан-горе, увидел необыкновенно большое дерево: тысяча колесниц, запряженных четверкой коней, нашла бы приют под его тенью.

— Что за дерево! — воскликнул он. — Вот, должно быть, замечательный материал!

Он посмотрел вверх и увидел, что ветви дерева извилисты, корявы и не могут пойти на балки и перекладины; посмотрел вниз и увидел, что корни так разветвляются, что не могут служить ни для гроба, ни для саркофага. Лизнул лист — обжег и поранил себе язык; понюхал лист и на целых три дня обезумел, точно опьянел. И тогда Владеющий Своими Чувствами сказал:

— Поистине это дерево ни на что не годно, поэтому [оно] и выросло таким огромным. Ах! Ведь прозорливый человек не [показывает, чем он] полезен, так же, как и это [дерево]!

[На земле] у рода Терновника в Сун хорошо принимают орех, туя и шелковица. Вырастут они в одну—две пяди толщиной — их срубают, чтобы вытесать кол для [привязи] обезьян; вырастут в три-четыре пяди — их срубают, чтобы сделать балки в доме знатного; вырастут в семь-восемь пядей — их срубают, чтобы сколотить гроб для человека благородного или богатого купца. Вот такие деревья и умирают под топором и секирой прежде времени, не прожив отведенного им природой срока. Они гибнут потому, что полезны. [Будь они бесполезны], их бы освободили так же, как запрещают приносить в жертву Реке быка с белым лбом, поросенка с рылом кверху и человека, страдающего геморроем. В таких [признаках] колдуны и жрецы видят предвестье беды, прозорливые же люди находят в них предзнаменование великого счастья.

Подбородок Урода Шу касался пупка, плечи возвышались над макушкой, пучок волос [на затылке] торчал прямо в небеса. Внутренности теснились в верхней части

тела, бедренные кости походили на ребра. Склонясь над иглой или стиркой, он зарабатывал достаточно, чтобы набить брюхо; провеивая и очищая зерно, мог прокормить десять человек.

[Когда] призывали воинов, среди них [без опаски] толкался [этот] калека. [Когда] объявляли общую повинность, его, всегда больного, не назначали на работу. [Когда же] производилась раздача немощным, он получал три чжуна зерна и десять вязанок хвороста. [Если] способен прокормиться и дожить до предельного срока тот, у кого искалечено тело, то тем более тот, у кого искалечена добродетель!

[Когда] Конфуций направлялся в Чу, чуский безумец Встречающий Колесницы прошел мимо его ворот и пропел:

О Феникс! О Феникс!
Прощай, добродетель!
Грядущес — в даях.
Прошедшее — где ты?
Есть путь в Поднебесной —
Мудрейших творенье.
Пути не обрящем —
Мудрейший в сторонке.
Ужасное время —
Спасайся от казни!
Пушинкою счастье —
Держи — улетает!
Но тяжести горя
Как скинуть — не знаю!
Оставь, о Мудрейший!
К чему добродетель!
Опасно! Опасно!
Остань за чертою!
О страшные тернии!
Сгиньте с дороги!
Мой путь так извилист.
Мне ноги не раньте!

Гора грабит сама себя деревьями. Масло сжигает само себя в светильнике. Корицу срубают оттого, что она съедобна. Лаковое дерево срубают оттого, что оно полезно. Все знают, как полезно быть полезным; но никто не знает, как полезно быть бесполезным.

Глава 5

ЗНАК ПОЛНОТЫ СВОЙСТВ

В Лу жил Ван Кляча, которому отрубили ногу за преступление. За ним следовало столько же учеников, сколько и за Конфуцием.

Чан Цзи спросил [о нем] у Конфуция:

— Что за человек Ван Кляча? [Хотя] у него отрублена нога, за ним следует, как и за [вами], учитель, половина [царства] Лу. [Он] не поучает стоя, не ведет бесед сидя, но приходят [к нему] опустошенными, а возвращаются исполненными [истины]. Не существует ли воистину «учение без слов», совершенствование разума без [внешней] формы?

— Он — мудрый человек, — ответил Конфуций. — [Я], Цю, еще не успел побывать [у него], по пойду учиться, тем более [следует это сделать] тем, кто хуже [меня], Цю. И почему только в Лу? Поднебесную [я], Цю, поведу у него учиться!

— Человеку [за преступление] отрубили ногу, а [величают его] Преждерожденным Ваном! Насколько же превосходит он обычных людей! Но как он этого добился? — спросил Чан Цзи.

— Как могуча жизнь, как могуча смерть, а [они] не в силах его изменить. Пусть обрушится небо, пусть опрокинется земля, и [это] не принесет ему утраты. [В его] знании нет пробелов, [оно] не меняется вместе с [изменением] вещей. Обозначая развитие вещей, [он] твердо придерживается их предка <сущности>.

— Что это значит?

— [Когда] исходят из различий, видят [одну] печень [или] желчь, [одно царство] Чу [или] Юэ; [когда] исходят из уподобления <общего>, видят тьму вещей в единстве. Так и поступает [Ван]. [Уходит] от знаний, которые приносят зрение и слух, странствует разумом в гармонии свойств. Видя общее в вещах, не замечает того, что они теряют; утрата собственной ноги для него то же, что потеря [комка] земли.

— Он занимается самим собой. Благодаря своим познаниям обретает разум, а благодаря своему разуму обретает законы разума. Почему же собираются вокруг него другие?

— Люди смотрят на [свое] отражение не в текучей воде, а в стоячей, [ибо] лишь неподвижное способно остановить [домогательства] всех [других. Из вещей,] получающих жизнь от земли, только кедр и туя зеленеют и зимой и летом: [из людей], получающих жизнь от неба, правильным был только Ограждающий. [Он] сумел, к счастью, вести правильную жизнь и исправлять жизнь всех. Один герой, сохраняя изначальный характер и бесстрашную сущность, [способен] смело проложить путь сквозь [все] девять армий. Если на подобное способен тот, для кого самое важное — стремление к славе, на что же окажется способным тот, кто органами чувств воспринимает небо и землю, объемлет [всю] тьму вещей? Пребывая лишь временно в шести частях [своего] тела, [воспринимая] образы слухом и зрением, [он] объединяет познанное в едином знании, и [законы] разума не умирают. [Когда] такой человек выберет день, чтобы подняться ввысь <умереть>, люди последуют за ним. Разве согласится он заниматься делами?

Наставник Счастливый, которому отрубили ногу в наказание [за преступление], учился вместе с чжэнским Цзычанем у Темнеющего Ока.

[Однажды] Цзычань сказал Счастливому:

— Когда я выхожу первым, ты задерживайся; когда же ты выходишь первым, я буду задерживаться.

На другой день они снова сидели на той же циновке в том же зале, и Цзычань повторил:

— Когда я выхожу первым, ты задерживайся; когда же ты выходишь первым, я буду задерживаться. Сейчас я пойду, задержишься ли ты? Кроме того, не считаешь ли себя равным [мне], облеченному властью? Видишь [меня], облеченного властью, а дороги не уступаешь!

Поистине ли облеченный властью остается им и в доме учителя? — спросил Счастливый. — Ты любишь себя собой, облеченным властью, и [хочешь], чтобы [все] оставались позади. А я слышал, что к чистому зеркалу не пристанет ни пыль, ни грязь; если же пристает, значит зеркало нечистое. Тот, кто долго прожил вместе с человеком достойным, не совершает ошибок. Ты же выбрал великого, Преждерожденного, а сказал такое. Не ошибаешься ли?

— Такой, как ты, а еще споришь о добродетели с Высочайшим? — возразил Цзычань. — Подсчитай-ка свои достоинства! Не хватит ли тебе, чтобы раскаяться?

— Многие рассказывают о себе так, будто лишились [ноги] незаслуженно; редко кто признается, что лишился [ноги] заслуженно. Лишь достойные способны понять неизбежное и спокойно покориться своей судьбе. [А если кто-либо] бродит перед натянутым луком Охотника в центре [мишени] и в него [стрела] не попадет, это также судьба! Многие, сохранившие обе ноги, смеялись надо мной, одноногим, и меня охватывал гнев. Только попав к Пржеджерожденному, [я] освободился от позора и вернулся [к обычному состоянию]. Пржеджерожденный незаметно очистил меня добротой. Уже девятнадцать лет странствую с учителем, не сознавая, что я — подвергшийся наказанию. Ныне мы с тобой изучаем внутреннюю жизнь, а ты выискиваешь [что-то] в моем внешнем. Не ошибаешься ли ты?

Цзычань от волнения изменился в лице и сказал:

— Тебе не придется больше так говорить.

В Лу жил изувеченный в наказание [за преступление] по прозвищу Беспалый с Дяди-горы. Ступая на пятках, он пришел повидаться с Конфуцием, но тот сказал:

— Раньше ты был неосторожен и навлек на себя такую беду. Зачем же теперь [ко мне] пришел?

— Ведь я всего-навсего не разбирался в делах, вот и лишился пальцев на ногах — отнесся легкомысленно к собственному телу, — ответил Беспалый. — Ныне же я принес [вам], учитель, нечто более ценное, чем ноги, что стараюсь сохранить в целости. На [вас], учитель, я смотрел, как на небо и на землю. Ведь небо все покрывает, а земля все поддерживает. Разве ждал от [вас], учитель, такого приема?

— [Я], Цю, был невежлив, — извинился Конфуций. — Дозвольте рассказать [вам], чему [я] научился. Почему же вы не входите?

[Но] Беспалый ушел.

— Старайтесь, ученики, — сказал Конфуций. — Если [даже] Беспалый, изувеченный в наказание, еще стремится к учению, чтобы возместить содеянное в прошлом зло,

тем более [должен стремиться] тот, чья добродетель в целостности.

Беспальный же поведал [обо всем] Лаоцзы:

— Конфуций еще не сумел стать настоящим человеком. Почему он без конца тебе подражает? Он стремится прославиться как [человек] удивительный и чудесный. [Ему] неизвестно, что для настоящего человека это лишь пути, [связывающие] по рукам и по ногам.

— Нельзя ли освободить его от этих пут? — спросил Лаоцзы. — Почему бы не показать ему прямо единство жизни и смерти, возможного и невозможного?

— Как его освободишь? Ведь [это] кара, [наложенная] на него природой.

Луский царь Айгун спросил Конфуция:

— Что за человек безобразный вэец, которого звали Жалкий Горбун То? Мужчины, которым приходилось с ним вместе жить, [так к нему] привязывались, что не могли уйти. Увидя его, девушки просили родителей: «Лучше отдайте ему в наложницы, чем другому в жены». [Их] не пугало, что [наложниц] у него было уже больше десятка. Никто не слышал, чтобы он запевал — всегда лишь вторил. Он не стоял на престоле, не мог спастись от смерти; не получал жалованья, не мог насыщать голодных; своим же безобразием пугал всю Поднебесную. Он лишь вторил, никогда не запевая, [слава] его познаний не выходила за пределы округа, и все же к нему стремились и мужчины и женщины — он был, наверно, выдающимся человеком! [Я], единственный, призвал его и увидел, что безобразием [он] воистину пугает всю Поднебесную. [Но] не прожил он у [меня], единственного, и одной луны, а [я], единственный, [уже] привязался к нему. Не прошло и года, а [я], единственный, стал ему доверять. В царстве не было [тогда] ведающего заклинанием жертвенного скота, и [я], единственный, [хотел] назначить его, а он опечалился. Позже согласился, но с такими колебаниями, будто отказывался. [Мне], единственному, стало досадно, но в конце концов [я] ему вручил должность. Вскоре, однако, [он] покинул [меня], единственного, и ушел. [Я], единственный, горевал, точно об умершем, как будто никто другой не мог разделить со мной радости власти.

— Однажды, — начал Конфуций, — когда [я], Цю, ходил Послом в Чу, [я] заметил поросят, которые сосали свою уже мертвую мать. Но вскоре [они] взглянули на нее, бросили сосать и убежали, [ибо] не увидели [в ней] себя, не нашли [своего] подобия. В своей матери [они] любили не тело, а двигавшую им [жизнь].

— Погребая погибшего в бою, его провожают без опала из перьев, — продолжал Конфуций. — [Ибо для таких знаков отличия] нет оснований, как [нет смысла] заботиться о туфлях тому, кому отрубили ногу в наказание. [Никто] в свите Сына Неба не срезает ногтей, не прокалывает [себе] ушей. Новобрачный не выходит из дома, свободен от службы. Этого достаточно [для них], сохранивших в целостности [свое] тело, тем более же для тех, кто сохранил в целостности добродетель! [Обратимся же] ныне к Жалкому Горбуну То. Ничего не говорил, а снискал доверие; не имел заслуг, а пользовался [общей] любовью; ему вручали власть и боялись лишь его отказа. Он должен был быть человеком целостных способностей, добродетель которого не [проявлялась] во [внешней] форме.

— Что означает «человек целостных способностей»? — спросил Айгун.

— Веление судьбы, развитие событий: рождение и смерть, жизнь и утрату, удачу и неудачу, богатство и бедность, добродетель и порок, хвалу и хулу, голод и жажду, холод и жару — он [воспринимает] как смену дня и ночи. [Ведь] знание не способно управлять их началом. Поэтому [он считает, что] не стоит из-за них нарушать гармонию [внутри себя], нельзя допускать [их] к себе в сердце. Предоставляет им гармонично обращаться, а [сам] не утрачивает радости; предоставляет дню и ночи сменяться без конца, а [сам] подходит к другим [нежно, будто] весна. И тогда в сердце у каждого рождается [это] время года. Вот это и называется «целостными способностями».

— Что означает «добродетель, которая не [проявлялась] во [внешней] форме»?

— Вот пример: самое ровное — это поверхность воды в покое. [Подобно ей, он все] хранит внутри, внешне [ничуть] не взволнуется. Совершенствование добродетели и есть воспитание [в себе] гармонии. [Его] добродетель не

[проявляется] во [внешней] форме, [поэтому] его и не могут покинуть.

Передав об этом через несколько дней Миньцзы, Айгун сказал:

— Раньше я считал высшим пониманием [долга] то, что, стоя лицом к югу, правлю Поднебесной, храню в народе порядок и печалюсь о смерти людей. Ныне же я услышал о настоящем человеке и боюсь, что подобным совершенством не обладаю: легковесно отношусь к самому себе и веду к гибели царство. Мы с Конфуцием не царь и слуга — [мы с ним] друзья по добродетели.

Безгубый калека с кривыми ногами подал [как-то] совет вэйскому царю Чудотворному и [так] понравился Чудотворному, что шеи у нормальных людей стали казаться тому слишком короткими.

Человек с Зобом, похожим на кувшин, [как-то] подал совет цискому царю Хуаньгуну и так царю понравился, что шеи нормальных людей стали казаться тому слишком тонкими.

Так что преимущества в свойствах заставляют забыть о телесном. [Если] человек не забывает о том, что забывается, а забывает о том, что не забывается, то это — истинное забвение.

Поэтому у мудрого есть где странствовать. [Для него] знания — зло, клятвенные союзы — клей, добродетель — [средство] приобретения, [предметы] ремесла — товар. Мудрый не строит планов, зачем ему знания? Не рубит, зачем ему клей? Не утрачивает, зачем ему добродетель? Не торгует, зачем ему товар? [Вместо] всего этого [его] кормит природа. Природа кормит естественной пищей. Поскольку пищу он получает от природы, зачем ему людское? Тело у него человеческое, [но он] не знает человеческих страстей. Телом — человек, поэтому и живет среди людей, не страдая человеческими страстями, не принимая ни хвалы, ни хулы. В незначительном, в малом он — человек. Высокий, величественный, [он] в одиночестве совершенствуется в себе природное.

Творящий Благо спросил Чжуанцзы:

— Бывают ли люди без страстей?

— Бывают, — ответил Чжуанцзы.

— Как можно назвать человеком человека без страстей?

— Почему же не называть его человеком, [если] путь дал такой облик, а природа сформировала такое тело?

— Если называется человеком, как может он быть без страстей?

— Это не то, что я называю страстями. Я называю бесстрастным такого человека, который не губит свое тело внутри любовью и ненавистью; такого, который всегда следует естественному, и не добавляет к жизни [искусственного].

— [Если] не добавлять к жизни [искусственного], — возразил Творящий Благо, — как [поддерживать] существование тела?

— Путь дал [человеку] такой облик, природа сформировала такое тело, — повторил Чжуанцзы. — А ты относишься к своему разуму как к внешнему, напрасно расходуешь свой эфир: поешь, прислонясь к дереву; спишь, опираясь о столик. Природа избрала [для] тебя тело, а ты споришь о том, что такое твердое и белое.

Глава 6 ОСНОВНОЙ УЧИТЕЛЬ

Знание созданного природой и знание созданного человеком — [знание] истинное. Знание созданного природой дается природой. [Тот, кто обладает] знанием созданного человеком, с помощью познания познанного упражняется в познании непознанного. [Такой человек] не умирает преждевременно, доживает до естественного предельного возраста. Это знание наиболее полное. И все же в нем есть и пагубное. Ведь знание точное от [чего-то] зависит, а то, от чего оно зависит, — совершенно неопределенное. Как знать, называемое мною природным — это, быть может, человеческое, а называемое человеческим — это, быть может, природное? Только настоящий человек обладает истинным знанием.

Кого же называют настоящим человеком? Настоящий человек древности не шел против малого, не хвалился подвигами, не [входил в число] мужей, [представляющих]

замыслы. Поэтому ошибаясь, не раскаивался, а поступив правильно, не [впадал] в самодовольство. Такой человек [мог] подняться на вершину и не утрашиться, войти в воду и не промокнуть, вступить в огонь и не обжечься. Своим познанием [он, даже] умирая, мог восходить к пути. Настоящий человек древности спал без сновидений, просыпаясь, не печалился, вкушая пищу, не наслаждался. Дыхание у него было глубоким, исходило из пят, а у обычных людей идет из горла. У человека, побежденного [в споре], слова застревают в глотке, будто [его] тошнит, — чем сильнее страсти в человеке, тем меньше в нем [проявляется] естественное начало.

Настоящий человек древности не ведал любви к жизни, не ведал страха перед смертью. Входя [в жизнь], не радовался, уходя [из жизни], не противился, равнодушно приходил и равнодушно возвращался — и только. Не забывал о том, что было для него началом; не стремился к тому, что служило ему концом. Получая [что-либо], радовался, возвращая, об этом забывал. Это и называется не помогать разумом пути, не помогать природе искусственным. Такого и называют настоящим человеком.

У такого сердце — в покое, [выражение] лица — неизменно, лоб — высок и ясен. Прохлада [исходит от него], точно от осени; тепло, точно от весны. Радость и гнев [его естественны], как четыре времени года. [Он] общается с вещами, [как это] необходимо, но [никто] не знает его пределов. Поэтому мудрый способен поднять войско, покорить царство, не утратив [привязанности] людских сердец; распространить полезное на [всю] тьму вещей, но не из любви к людям. Ибо тот, кто упивается [своим] пониманием вещей, не мудр; обладающий личными привязанностями, не милосерден: [тот, кто ожидает] удобного момента, не добродетелен; кто взвешивает полезное и вредное, тот — неблагородный муж; [кто] теряет себя, домогаясь славы, тот не муж; [тот, кто] жертвует собой, теряя истинное, тот не [способен] повелевать другими. Такие, как Ху Буцзе и Омраченный Свет, Старший Равный и Младший Равный, Сидящий на Корточках, Помнящий о Других и Наставник Олень, были слугами других, исполняли чужие желания, а не собственные. Настоящий человек древности был справедлив и беспристрастен; [ему] как будто [чего-то] не хватало, но не [тре-

бывалось] дополнительного; [он] любил одиночество, но [на нем] не настаивал; соблюдал чистоту, но без прикрас. Улыбался, словно от радости, но двигался лишь по принуждению. Собранное [в нем] вторгалось в нас, вместе с ним в нас укреплялись свойства. Строгостью был подобен времени, возвышенный, не терпел ограничений; отдаляющийся, будто с сомкнутыми устами; бессознательный, будто забывший о словах.

Наказания считали телом [управления], обряды — [его] крыльями, знания — [определением благоприятного] времени, добродетель — согласием [с другими]. Те, кто считал наказания телом [управления], были умеренны в казнях; те, кто считал обряды крыльями, действовали в согласии с миром; те, кто считал знания [определением благоприятного] времени, были вынуждены применять их в делах; те, кто считал добродетель согласием [с другими], говорили, что поднимаются на вершину вместе со [всеми], у кого есть ноги. Люди полагали, что [они] воистину труженики.

То, что они любили, было единым; то, что они не любили, было единым. В своем единстве [они были] едиными; в отсутствии единства [они были] едиными. В своем единстве [они] были последователями природного; в отсутствии единства [они] были последователями человеческого. [Тот, в ком] природное и человеческое не побеждают друг друга, и называется настоящим человеком.

Жизнь и смерть — от судьбы. Она так же постоянна, как природа в смене дня и ночи. То, что человек в этом не может воспринять, [относится] к свойствам [самих] вещей. Одни видят только Небо как [своего] отца и его любят, тем более [должны бы любить то], что выше неба. Другие видят только благородного мужа [царя], их превосходящего, и готовы за него умереть; тем более [должны бы это делать] ради того, что более истинно, [чем царь].

Когда источник высыхает, рыбы, поддерживая одна другую, собираются на мели, и [стараются] дать друг другу влагу дыханием и слюной. [Но] лучше [им] забыть друг о друге [в просторах] рек и озер. Вместо того чтобы восхвалять Высочайшего и порицать Разрывающего на Части, лучше предать забвению их обоих и идти по своему пути.

Огромная масса снабдила меня телом, израсходовала мою жизнь в труде, дала мне отдых в старости, успокоила меня в смерти. То, что сделало хорошей мою жизнь, сделало хорошей и мою смерть.

[Если] спрятать лодку в бухте, а холм — в озере, скажут, что они в сохранности, но в полночь Силач унесет все на спине, а Невежда ничего не будет знать. В [каком бы] подходящем месте ни спрятать большое или малое, [оно] все же исчезнет. Вот если спрятать Поднебесную в Поднебесной, ей некуда будет исчезнуть, — таков общий закон для [всех] вещей.

Только отлили тело в форме человека, и уже ему радуются; но это тело еще испытает тьму изменений бесконечных, такое счастье разве можно измерить? Поэтому мудрый странствует там, где вещи не теряются, где все сохраняется. [Он] видит доброе и в ранней смерти и в старости, и в начале и в конце. [Если] другие ему подражают, то тем более [должны подражать] тому, от чего зависит [вся] тьма вещей, от чего зависит [все] развитие в целом.

Ведь путь обладает реальностью и достоверностью, [но у него] отсутствуют деяние и телесная форма. О нем можно рассказать, но [его] нельзя взять; можно постичь, но нельзя увидеть. В нем самом и его основа и его корень. [Он] существовал вечно, прежде неба и земли, с самой древности: [он] дал святость душам предков, дал святость богам, породил небо и землю. [Он] выше зенита, а не высокий, ниже надира, а не низкий; [существовал] прежде неба и земли, а не древен; старше самой отдаленной древности, а не стар.

[Человек] из рода Кабаньей Шкуры обрел его и привел в порядок небо и землю. Готовящий Жертвенное Мясо обрел его и проник к матери воздуха. Ковш, Связующий Звезды, обрел его и никогда не ошибался. Солнце и луна обрели его и никогда не останавливались. Каньпэй обрел его и взошел на гору Союз Старших Братьев. Фын И обрел его и странствовал по великой Реке. Цзянь У обрел его и поселился на горе Великой. Желтый Предок обрел его и поднялся в облака. Вечно Недовольный обрел его и поселился в [Черном] дворце. Юй Цян обрел его и укрепился на Северном полюсе. Мать Западных Царей

обрела его и уселась на Шаогуан-горе. Никто не знает, что было началом <пути>; никто не знает, что будет ему концом. Пэн Цзу обрел его [и прожил] от [времен] Ограждающего до Пяти царей. Фу Юэ обрел его и стал помощником Удина, [сделав Удина] хозяином Поднебесной. [Фу Юэ] поднялся на восток Млечного пути и, оседлав Стрельца и Скорпиона, стал в ряду звезд.

Подсолнечник из Южного предместья спросил у Женщины Одинокой:

— Почему у тебя в такой старости цвет лица, словно у ребенка?

— Я слушаю о пути, — ответила Одинокая.

— Могу ли изучить путь?

— Нет, не можешь! Ты не такой человек. Вот Бу-Опора Балки. [У него] способности мудрого, но нет пути мудрого; у меня же есть путь мудрого, но нет способностей мудрого. Я хотела бы научить его, он поистине смог бы стать мудрым. Но и помимо него тому, кто обладает путем мудрого, легко передать путь обладающему способностями мудрого. Я бы лишь его удерживала и ему говорила, и через три дня [он] сумел бы [познать] отчужденность от Поднебесной. После того как [он] познал бы отчужденность от Поднебесной, я бы снова его удерживала, и через семь дней [он] сумел бы [познать] отчужденность от вещей. После того как познал бы отчужденность от вещей, я бы снова его удерживала, и через девять дней [он] сумел бы [познать] отчужденность от жизни. [Познав же] отчужденность от жизни, был бы способен стать ясным, как утро. Став ясным, как утро, сумел бы увидеть единое. Увидев же единое, сумел бы забыть о прошлом и настоящем. Забыв о прошлом и настоящем, сумел бы вступить [туда, где] нет ни жизни, ни смерти. [Ведь] то, что убивает жизнь, не умирает; то, что рождает жизнь, не рождается. Это то, что каждую вещь сопровождает, встречает, разрушает, создает. Имя этому — покой в столкновениях. Покой в столкновениях означает, что создание [происходит лишь] после столкновения.

— От кого ты об этом слышала? — спросил Подсолнечник из Южного Предместья.

— Я слышала от сына Гадателя на Черепашьем Панцире, а сын Гадателя слышал от внука Повторяющего, а внук

Повторяющего слышал от Ясного Взора, а Ясный Взор слышал от Шепчущего на Ухо, а Шепчущий на Ухо слышал от Неотложного Труда, а Неотложный Труд слышал от Поющего, а Поющий слышал от Изначального Эфира, а Изначальный Эфир слышал от Пустоты, а Пустота слышала от Безначального.

Приносящий Жертвы, Носильщик, Пахарь и Приходящий, беседа, сказали друг другу:

— Мы подружились бы с тем, кто способен считать небытие — головой, жизнь — позвоночником, а смерть — хвостом; с тем, кто понимает, что рождение и смерть, существование и гибель составляют единое целое.

Все четверо посмотрели друг на друга и рассмеялись. [Ни у кого из них] в сердце не возникло возражений, и [они] стали друзьями.

Но вдруг Носильщик заболел, и Приносящий Жертвы отправился его навестить.

— Как величественно то, что творит вещи, — воскликнул больной, — то, что сделало меня таким согбенным!

На его горбу открылся нарыв. Внутренности [у него] теснились в верхней части тела, подбородок касался пупка, плечи возвышались над макушкой, пучок волос [на затылке] торчал прямо в небеса. Эфир, [силы] жара и холода в нем пришли в смятение, но сердцем он был легок и беззаботен. Дотавившись до колодца и посмотрев на свое отражение, сказал:

— Как жаль! Таким горбуном создало меня то, что творит вещи!

— Тебе это не нравится?

— Нет, как может не нравиться? Допустим, моя левая рука превратилась бы в петуха, и тогда я должен был бы кричать в полночь. Допустим, моя правая рука превратилась бы в самострел, и тогда я должен был бы добывать птицу на жаркое. Допустим, что мой крестец превратился бы в колеса, а моя душа — в коня, и на мне стали бы ездить, разве сменили бы упряжку? Ведь для обретения [жизни] наступает [свое] время, а [ее] утрата следует [за ее ходом]. Если довольствоваться [своим] временем и во всем [за процессом] следовать, [к тебе] не будут иметь доступа ни горе, ни радость. Древние и называли это освобождением от уз. Тех, кто не способен себя развязать,

связывают вещи. Но ведь вещам никогда не одолеть природу. Как же может мне это не понравиться?

Но вдруг заболел Приходящий. [Он] задышался перед смертью, а жена и дети стояли кругом и его оплакивали.

Придя его навестить, Пахарь на них прикрикнул:

— Прочь с дороги! Не тревожьте [того, кто] превращается! — И, прислонившись к дверям, сказал умирающему: — Как величественно создание вещей! Что из тебя теперь получится? Куда тебя отправят? Превратишься ли в печень крысы? В плечо насекомого?

— Куда бы ни велели сыну идти отец и мать — на восток или запад, на юг или север, [он] лишь повинуется приказанию, — ответил Приходящий. — [Силы] жара и холода человеку больше, чем родители. [Если] они приблизят ко мне смерть, а я ослушаюсь, то окажусь строптивым. Разве их в чем-нибудь упрекнешь? Ведь огромная масса снабдила меня телом, израсходовала мою жизнь в труде, дала мне отдых в старости, успокоила меня в смерти. То, что сделало хорошей мою жизнь, сделало хорошей и мою смерть. [Если] ныне великий литейщик станет плавить металлы, а металл забурлит и скажет: «Я должен стать [мечом] Мосе!», [то] великий литейщик, конечно, сочтет его плохим металлом. [Если] ныне тот, кто пребывал в форме человека, станет твердить: «[Хочу снова быть] человеком! [Хочу снова быть] человеком!», то творящее вещи, конечно, сочтет его плохим человеком. [Если] ныне примем небо и землю за огромный плавильный котел, а [процесс] создания за великого литейщика, то куда бы не могли [мы] отправиться? Завершил и засыпаю, [а затем] спокойно проснусь.

Учитель с Тутового Двора, Мэн Цзыфань и Цзы Циньчжан подружились. Они сказали друг другу:

— Кто способен дружить без [мысли] о дружбе? Кто способен действовать совместно, без [мысли] действовать совместно? Кто способен подняться на небо, странствовать среди туманов, кружиться в беспредельном, забыв обо [всем] живом, [как бы] не имея конца?

[Тут] все трое посмотрели друг на друга и рассмеялись. [Ни у кого из них] в сердце не возникло возражений, и [они] стали друзьями.

Но вот Учитель с Тутового Двора умер. Еще до погребения Конфуций услышал об этом и послал Цыгуна им помочь. [Цыгун услышал, как] кто-то складывал песню, кто-то подыгрывал на цине, и вместе запели:

Ах! Придешь ли, Учитель с Тутового Двора.
Ах! Придешь ли, учитель!
Ты уже вернулся к своему истинному,
А мы все еще люди!

Поспешно войдя, Цыгун сказал:

— Дозвольте спросить, по обряду ли [вы] так поете над усопшим?

— Что может такой понимать в обряде? — заметили [оба], переглянулись и усмехнулись.

Цыгун вернулся, доложил Конфуцию и спросил:

— Что там за люди? Приготовлений [к похоронам] не совершали, отчужденные от формы, пели над усопшим и не изменились в лице. [Я] даже не знаю, как их назвать! Что там за люди?

— Они странствуют за пределами человеческого, — ответил Конфуций, — а [я], Цю, странствую в человеческом. Бесконечному и конечному друг с другом не сблизиться, и [я], Цю, поступил неразумно, послав с тобой [свое] соблезнование. К тому же они обращаются с тем, что творит вещи, как с себе подобным, и странствуют в едином эфире неба и земли. Для них жизнь — [какой-то] прида-ток, зоб; смерть — прорвавшийся чирей, освобождение от нароста. Разве такие люди могут понять, что такое смерть и что такое жизнь, что сначала, а что в конце? [Они] допускают, что тело состоит из различных вещей. Забывая о собственных глазах и ушах, о печени и желчи, [они твердят] все снова и снова о конце и начале, не зная границ. [Они] бессознательно блуждают за пределами пыли и праха, [странствуют] в беспредельном, в области надея-ния. Разве станут они себя затруднять исполнением люд-ских обрядов? Представать перед толпой зрителей, [гово-рять] для ушей [толпы слушателей]?

— Почему же тогда [вы], учитель, следуете обрядам? — спросил Цыгун.

— На [мне], Цю, кара Небес! И все же я разделяю ее с тобою, — ответил Конфуций.

— Осмелюсь ли спросить про их учение?

— Рыба создана для воды, а человек — для пути, — ответил Конфуций. — Тот, кто создан для воды, кормится, плавая в пруду. Тот, кто создан для пути, утверждает [свою] жизнь в недеянии. Поэтому и говорят: «Рыбы забывают друг о друге в [просторах] рек и озер, люди забывают друг о друге в учении о пути».

— Осмелюсь ли узнать, [что за человек] тот, кто чуждается людей? — спросил Цыгун.

— Тот, кто чуждается людей, равен природе, — ответил Конфуций. — Поэтому и говорится: «Человек ничтожный для природы — благородный муж [царь] для людей; благородный муж для людей — человек, ничтожный для природы».

Янь Юань сказал Конфуцию:

— Когда у Мэнсуня Талантливого умерла мать, он причитал, не проливая слез, сердцем не скорбел, не горевал при погребении. При таких трех упущениях в царстве Лу считали, что он прекрасно выполнил обряд. [Мне]. Хою, кажется очень странным то, что [он] приобрел такую славу, не имея [на нее права] по существу.

— Этот, из рода Мэнсунь, все исчерпал! — сказал Конфуций. — [Он] продвинулся в познании. Пренебречь обрядом не сумел, но для себя [им] пренебрег. [Тот] из рода Мэнсунь не разбирает, почему [возникает] жизнь, почему [наступает] смерть; не разбирает, где начало, а где конец. Как будто, превращаясь в [другую] вещь, ожидает неведомых ему перемен. Ведь когда готов к изменениям, как узнать, что не изменишься? А когда не готов к изменениям, как узнать, что уже изменился? Только мы с тобой еще не начали просыпаться от этого сна. Ведь тот [Мэнсунь], выражая страх во внешнем, не [отягощал] утратой своего сердца. Он ощущал не смерть, а [быстротечность] пристанища на [одно] утро. Только Мэнсунь и проснулся. Причитал потому, что другие причитали. К тому же, когда общаются с другими, [есть] собственное «я». Но как знать, «я» ли то, что мы называем «я»? Вот тебе приснится, что [ты] птица и взмываешь в небеса; приснится, что [ты] рыба и ныряешь в глубину. А теперь не знаешь, говоришь [об этом] наяву или во сне? Тому, кто встречает [превращение] безропотно, далеко до [того, кто встречает его]

с улыбкой; [тому, кто] изображает [на лице] улыбку, далеко до [того, кто вверяет себя] движению. Тот, кто спокойно [вверяет себя] движению, проходит через изменение [в смерти] и вступает в пустоту, естественность, единое.

Сын Ласточки встретился с Никого не Стесняющим, и тот его спросил:

— Что посоветовал тебе Высочайший?

— Высочайший сказал, что мне следует, склоняясь, подчиниться милосердию и справедливости и [тогда я] стану верно судить об истинном и ложном, — ответил Сын Ласточки.

— И зачем только ты пришел [ко мне]? — задал ему вопрос Никого Не Стесняющий. — Если Высочайший наложил на тебя клеймо своего милосердия и справедливости, отрезал тебе нос [своим суждением] об истинном и ложном, разве сумеешь ты странствовать в области безграничного наслаждения, необузданной свободы и бесконечного развития?

— И несмотря на это, я хочу вступить за ее ограду, — ответил Сын Ласточки.

— Это невозможно! — воскликнул Никого не Стесняющий. — Незрячему незачем [толковать] о красоте глаз, бровей, лица; слепому не познать ни темное и желтое, ни красоты [орнамента] расшитых царских одежд.

— Но, — возразил Сын Ласточки, — ведь Пренебрегшая Украшениями утратила свою красоту, Схвативший Балку утратил свою силу, а Желтый Предок забыл о своих знаниях, — все они попали под молот на наковальне. Как знать, [быть может], то, что творит вещи, снимет с меня клеймо, восстановит мне нос, чтобы я снова, целый, смог последовать за [вами], Прездорожденный?

— Ах! Заранее этого не узнаешь! — воскликнул Никого не Стесняющий. — Я расскажу тебе [лишь] об основном. О, мой учитель! О, мой учитель! Крошишь [всю] тьму вещей, но не вершишь справедливости. Взрачиваешь тьму поколений, а не милосерден. [Ты] старше самой отдаленной древности, а не стар. Покрывая и поддерживая и небо и землю, отливаешь и высекаешь тьму форм, а не [проявляешь] мастерства. Вот в чем [я] и странствую.

Янь Юань сказал:

— [Я], Хой, продвинулся вперед.

— Что это значит? — спросил Конфуций.

— [Я], Хой, забыл о милосердии и справедливости.

— Хорошо, [но это] еще не все.

На другой день Янь Юань снова увиделся с Конфуцием и сказал:

— [Я], Хой, продвинулся вперед.

— Что это значит? — спросил Конфуций.

— [Я], Хой, забыл о церемониях и о музыке.

— Хорошо, [но это] еще не все.

На следующий день Янь Юань снова увиделся с Конфуцием и сказал:

— [Я], Хой, продвинулся вперед.

— Что это значит? — спросил Конфуций.

— [Я], Хой, сижу и забываю [о себе самом].

— Что это значит, «сижу и забываю [о себе самом]»? — изменившись в лице, спросил Конфуций.

— Тело уходит, органы чувств отступают. Покинув тело и знания, [я] уподобляюсь всеохватывающему. Вот что означает «сижу и забываю [о себе самом]».

— Уподобился [всеохватывающему] — значит, освободился от страстей; изменился — значит, освободился от постоянного. Ты воистину стал мудрым! Дозволь [мне], Цю, следовать за тобой.

Носильщик и Учитель с Тутового Двора были друзьями. Однажды, когда дождь лил целых десять дней, Носильщик [сам себе] сказал:

— Как бы с Учителем с Тутового Двора не случилась беда!

[Он] захватил с собой еду и отправился кормить друга. У самых ворот [дома] Учителя [Носильщику послышался] то ли плач, то ли пение. За ударом [по струнам] циня последовали слова:

О отец!

О мать!

О природа!

О люди!..

Слабевший голос спешил допеть строфу.

— Почему пел ты такую песню? — войдя к нему, спросил Носильщик.

— Я искал того, — ответил Учитель, — кто довел меня до такой крайности, но не знаю — кто. Неужели отец и мать желали мне такой бедности? Небо ведь беспристрастно [все] покрывает, а земля беспристрастно [все] поддерживает. Неужели небо и земля были пристрастны ко мне, сделав меня бедным? Я искал, кто это сделал, но не мог [никого] найти. Значит, то, что довело меня до такой крайности, — судьба.

Глава 7

ДОСТОЙНЫЙ БЫТЬ ПРЕДКОМ И ЦАРЕМ

Четырежды обратившись к Наставнику Юных с вопросами и четырежды [услышав] «не знаю», Беззубый подпрыгнул от радости, пошел и сообщил об этом Учителю в Тростниковом Плаще. Тот сказал:

— Теперь-то ты это понял? Ведь роду Владеющих Тигром далеко до рода Великих. [Человек] из рода Владеющих Тигром таил в себе милосердие, чтобы привлекать людей и завоевывать [сердца], но еще не начал делать [различие между] человеческим и нечеловеческим. [Человек] из рода Великих спал спокойно, пробуждался довольный, мнил себя то конем, то буйволом. Знания его были достоверными, чувства — надежными, свойства — настоящими. Он даже не подошел к [различию между] человеческим и нечеловеческим.

Цзянь У встретился с Безумцем, Встречающим Колесницы, и тот его спросил:

— Что сказал тебе Начало Полудня?

— [Он] мне сказал: «Когда сам правитель образцово выполняет правила и обряды, никто не осмелится [его] ослушаться и все преобразуются», — ответил Цзянь У.

— Это свойство ложное, — ответил Безумец. — [Применить] его к управлению Поднебесной все равно, что [пытаться] перейти вброд море, проложить русло для Реки или заставить комаров перенести гору. Разве мудрец своими знаниями [способен] управлять внешним? [Если сам он], став образцом, начал действовать, то добьется воистину лишь того, чтобы выполнялись его дела. Ведь птица,

спасаясь от стрелы, привязанной на бечеве, улетает ввысь; а мышь, [когда ее] выкуривают или выкапывают, роет нору глубоко под Священным холмом. Неужто [у правителя] знаний меньше, чем у этих тварей?

Корень Неба прогуливаясь на солнечном склоне [горы] Темно-красной, дошел до реки Заросшей Осокой. [Тут он] случайно встретился с Безымянным и обратился [к нему] с вопросом:

— Дозвольте спросить, [что нужно] сделать для Поднебесной?

— Иди прочь, невежда! — ответил Безымянный. — Что надоедаешь вопросами! Я готовился к общению с тем, что творит вещи, как с себе подобным, а пресытившись, собиравшись подняться на птице неведомых далей за пределы всех шести стран света, странствовать в царство небытия, пребывать в бескрайних просторах. К чему тревожишь мое сердце [вопросом об] управлении Поднебесной?

[Но Корень Неба] повторил вопрос, и Безымянный ответил:

— Наслаждайся сердцем в бесстрастии, соединишь с эфиром в равнодушии, предоставь каждого естественному [пути], не допускай ничего личного, и в Поднебесной воцарится порядок.

Ян Чжу встретился с Лаоцзы и спросил:

— Можно ли сопоставить с мудрым царем человека сообразительного и решительного, пронизательного и дальновидного, который без усталости изучает путь?

— При сопоставлении с мудрым, — ответил Лаоцзы, — такой [человек выглядел бы] как суетливый мелкий слуга, который трепещет в душе и напрасно утруждает тело. Ведь говорят: «красота тигра и барса — приманка для охотников»; «обезьяну держат на привязи за ее ловкость, а собаку — за умение загнать яка». Разве можно такого сопоставить с мудрым царем?

— Дозвольте спросить, как управлял мудрый царь? — задал вопрос Ян Чжу, изменившись в лице.

— Когда правил мудрый царь, успехи распространялись на всю Поднебесную, а не уподоблялись его личным; преобразования доходили до каждого, а народ не опирался [на царя]; никто не называл его имени, и каждый радо-

вался по-своему. [Сам же царь] стоял в неизмеримом и странствовал в небытии.

В Чжэн был Колдун по имени Цзи Сянь. Точно бог, узнавал [он], кто родится, а кто умрет, кто будет жить, а кто погибнет, кого ждет счастье, а кого беда, кого долголетие, кого ранняя смерть, и назначал [каждому] срок — год, луну, декаду, день. Завидев его, чжэнцы уступали до рогу.

Лецзы встретился с Колдуном и подпал под его чары. Вернувшись же, обо всем рассказал учителю с Чаши-Горы]:

— Ваше учение я считал высшим, а теперь познал более совершенное.

— Я открывал тебе внешнее, еще не дошел до сущности, — ответил учитель. — Как же тебе судить об учении? Если рядом с курами не будет петуха, откуда же возьмутся цыплята? Думая, что постиг учение и [можешь] состязаться с современниками, [ты] возгордился, поэтому он и прочел все на твоём лице. Приди-ка вместе [с ним] сюда, пусть на меня посмотрит.

Назавтра Лецзы явился к учителю вместе с Колдуном. [Когда они] вышли, [Колдун] сказал Лецзы:

— Увы! Твой учитель [скоро] умрет, не проживет и десяти дней. Я видел странное — пепел, залитый водой.

Лецзы вошел к учителю, зарыдал так, что слезами орошил одежду, и перелал ему [слова Колдуна].

— В тот раз я показался ему поверхностью земли, — сказал учитель, — без побегов, без движения. Ему, видимо, почудилась какая-то преграда в источнике моей жизненной энергии. Приди-ка снова [с ним] сюда.

Назавтра Лецзы снова явился с Колдуном. [Когда они] вышли, [Колдун] сказал Лецзы:

— Счастье, что твой учитель встретился со мной. [Ему] лучше, полностью появилась жизнь. Я заметил, что энергия проникает через преграду.

Лецзы вошел к учителю и передал ему [все].

— На этот раз я показался ему в виде неба и земли, [куда] нет доступа [таким понятиям, как] «имя» [или] «сущность». Но источник энергии исходил из пяток. Вот [ему] и почудилось, что мне лучше. Приди-ка снова [с ним] сюда.

На другой день Лецзы снова явился с колдуном к учителю. [Когда они] вышли, [Колдун] сказал Лецзы:

— Твой учитель в тревоге. Трудно читать на его лице. Успокой [его], и [я] снова его навещу.

Лецзы вошел к учителю и передал ему [все]. Учитель молвил:

— На этот раз он узрел во мне великую пустоту без малейшего предзнаменования [чего-либо] и принял ее за признак равновесия жизненных сил. Существует всего девять названий глубин. [Я же] появился в трех: [в виде] глубины водоворота, стоячей воды, проточной воды. Приди-ка снова [с ним] сюда.

На другой день Лецзы вместе с Колдуном снова явился к учителю. Не успел Колдун занять [свое] место, как в растерянности пошел прочь.

— Догони его, — велел учитель.

Лецзы побежал, не смог его догнать, вернулся и сказал:

— Не догнал! [Он куда-то] исчез! Потерялся!

— Я показался ему зародышем, каким был еще до появления на свет, — сказал учитель. — Я предстал перед ним пустым, покорным, свернувшимся в клубок. [Он] не понял, кто [я], какой [я], видел то увядание, то стремительное течение. Вот и сбежал [от меня].

Тут Лецзы решил, что еще и не начинал учиться, вернулся [домой] и три года не показывался. Готовил пищу для своей жены, свиней кормил, будто людей, в резьбе и полировке вернулся к безыскусственности. В [других] делах не принимал участия. Лишь телесно, словно ком земли возвышался он среди мирской суеты, замкнутый, целостный и поэтому [познал] истину до конца.

Не поступай в услужение к славе, не становись сокровищницей замыслов, не давай делам власти над собой, не покоряйся знанию.

Постигая [все] до предела, [будь] бесконечен; странствуя, не оставляй следов; исчерпывая дарованное природой, ничего не приобретаешь; будь пустым и только.

Настоящий человек пользуется своим сердцем <разумом>, словно зеркалом. Не следует [за вещами], не идет [им] навстречу, [им] отвечает, но [их] не удерживает. Поэтому преодолевает вещи, но остается невредимым.

Владыкой Южного океана был Поспешный, владыкой Северного океана — Внезапный, владыкой Центра — Хаос. Поспешный и Внезапный часто встречались на земле Хаоса, который принимал их радушно, и они захотели его отблагодарить.

— Только у Хаоса нет семи отверстий, которые есть у каждого человека, чтобы видеть, слышать, есть и дышать, — сказали [они]. — Попытаемся [их] ему проделать.

Каждый день делали по одному отверстию, и на седьмой день Хаос умер.

Глава 8

ПЕРЕПОНКИ МЕЖДУ ПАЛЬЦАМИ НОГ

Перепонки между пальцами ног и шестой палец на руке даются от природы, но для [человеческих] свойств излишни. Опухоль и зоб вырастают на теле [человека], но для природного [они] излишни. Милосердие и справедливость во многих предписаниях распределяются между [всеми] пятью внутренними органами. Однако они не отвечают истине природных свойств. Как перепонки между пальцами ноги — добавочное бесполезное мясо, а шестой палец руки — добавочный бесполезный палец, так и многое внешнее [подобно] перепонкам и шестым пальцам для свойств [всех] пяти внутренних органов. Излишние милосердие и справедливость [вызывают] многие предписания, как слушать и смотреть.

Поэтому излишне острое зрение [ведет к] смешению [всех] пяти цветов, к изощренности в орнаменте, ослеплению темными и желтыми расшитыми царскими одеждами. Не так ли было с [Видящим] Паутину Издали? Излишне тонкий слух [ведет к] смешению пяти звуков, к изощренности в шести тонах, [пристрастие к музыкальным инструментам из] металла и камня, шелка и бамбука, колоколам и шести полутонам. Не так ли поступал Наставник Куан? Излишнее милосердие [ведет к] отказу от свойств, к скованности [человеческой] природы во имя славы, к тому, чтобы все в Поднебесной дули в свирели и били в барабаны, прославляя недосыгаемый образец. Не так ли поступали Цзэн[цзы] и Хронист [Ю]?

Излишества в спорах [ведут к] нагромождению фраз, [будто] черепицы или узлов на веревке, к наслаждению тождеством и различием, твердостью и белизной, безудержными бесполезными словами ради минутной славы. Не так ли поступали Ян [Чжу] и Мо [Ди]?

Все эти учения с перепонками и шестыми пальцами не составляют подлинной истины в Поднебесной. Подлинная истина в том, чтобы не терять природных свойств. Следовательно, при объединении уничтожаются перепонки, а при разделении — лишние пальцы. [Однако] длинное не должно считаться излишним, а короткое — недостаточным. Хотя лапки утки коротки, [но] попробуй их вытянуть — причинишь боль; хотя ноги у журавля длинные, [но] отруби их — причинишь горе. Если не отрезать то, что от природы длинно, не удлинять то, что от природы коротко, не нужно будет и устранять боль. Ах, сколь противны человеческой природе милосердие и справедливость! Сколько боли причиняет людям милосердие!

Тот, кому разрежут перепонку между пальцами, заплачет; тот, кому откусят лишний палец, закричит. У одного — излишек, у другого — недостаток, а боль у обоих одинаковая. Современные милосердные с засоренными глазами печалются о бедах мира, а немилосердные, насилуя природные свойства, алчут богатства и почестей. Ах, сколь противны человеческой природе милосердие и справедливость! Сколько шуму они вызвали в мире со времен трех династий!

Тот, кто с помощью крюка и отвеса, циркуля и наугольника придает [вещам] надлежащую [форму], калечит их природу; тот, кто с помощью веревок и узлов, клея и лака укрепляет [вещи], вредит [их] свойствам. Тот, кто [заставляет людей] изгибаться в обрядах и танцах, оберегать милосердие и справедливость, чтобы внести успокоение в умы Поднебесной, лишает их постоянных [свойств]. У [всех вещей] Поднебесной есть постоянные [свойства]. К постоянному относится то, что скривилось без крюка, выпрямилось без отвеса, округлилось без циркуля, стало квадратным без наугольника; что соединилось без клея и лака, связалось без веревки и тесьмы. Так [все] в Поднебесной, увлекая один другого, рождаются и не знают, почему рождаются; одинаково обретают и не знают, почему обретают. Такой порядок был и в старину

и в наше время, [он] не может быть нарушен. Как может связанный милосердием и справедливостью, точно клеєм и лаком, веревкой и тесьмой, наслаждаться природными свойствами? [Они] вводят весь мир в заблуждение. Небольшое заблуждение изменяло направление; великое заблуждение изменяло [человеческую] природу. Откуда это известно? С тех пор как [Ограждающий] из рода Владеющих Тигром смутил Поднебесную своим призывом к милосердию и справедливости, каждый по принуждению поспешил следовать за милосердием и справедливостью. Не изменилась ли из-за [появления] милосердия и справедливости и человеческая природа?

Попытаемся [высказать] об этом суждение.

Со времен трех династий каждый [человек] в Поднебесной из-за вешей изменял [свою] природу. Ничтожные люди жертвовали жизнью ради наживы, мужи — ради славы, военачальники — ради рода, мудрецы — ради царства. У этих людей различные занятия, различные прозвания, но, жертвуя собой, они причиняли своей природе одинаковый вред.

Так, Раб и Рабыня вместе пасли стадо и оба потеряли своих овец. Спросили Раба, что [он] делал? Оказалось, что читал дощечку с записью гадания. Спросили Рабыню, что [она] делала? Оказалось, что играла в кости. Занимались они различными делами, но оба одинаково потеряли овец. Так, Старший Ровный, жаждавший славы, умер у подножья горы Первого Солнца; разбойник Чжи, жаждавший поживы, умер на вершине Восточного Кургана. Смерть их вызвана различными причинами, но оба они равно сократили свою жизнь и причинили вред своей природе. Почему же следует восхвалять Старшего Ровного и порицать Чжи?

Из тех, кто в Поднебесной жертвует собой, одни делают это ради милосердия и справедливости, тогда их обычно величают благородными мужами; другие — ради имущества и богатства, тогда их обычно прозывают ничтожными людьми. Жертвуют собой одинаково, почему же становятся благородными или ничтожными? Разбойник Чжи так же сократил свою жизнь и повредил своей природе, как и Старший Ровный, откуда же [появилось] между ними различие, как [различие] между ничтожным и благородным?

[Умение] подчинять свою природу милосердию и справедливости, даже [столь] совершенное, как у Цзэн [цзы] и Хрониста [Ю], я не называю сокровищем; [умение] подчинять свою природу [всем] пяти вкусам, даже [столь] совершенное, как у Юйэра, я не называю сокровищем; тех, кто подчиняет свою природу [всем] пяти звукам даже [столь] совершенно, как Наставник Куан, я не называю чуткими; тех, кто подчиняет свою природу [всем] пяти цветам даже [столь] совершенно, как [Видящий] Паутину Издали, я не называю зоркими. Я называю сокровищем обладание не милосердием и справедливостью, а лишь своими свойствами. Я называю сокровищем не обладание милосердием и справедливостью, а лишь предоставление свободы своим природным чувствам. Я называю чутким не того, кто слышит других, а лишь того, кто слышит самого себя. Я называю зорким не того, кто видит других, а лишь того, кто видит самого себя. Ведь смотрит на других тот, кто не видит самого себя; овладевает другими тот, кто не владеет собой, [такой] завладевает тем, что принадлежит другим, а не тем, что обрел он сам; стремится к тому, что пригодно для другого, а не к тому, что пригодно для него самого. Ведь те, кто стремится к пригодному для другого, не стремятся к пригодному для них самих. Они одинаково порочны, пусть это даже Старший Ровный или разбойник Чжи! Мне стыдно перед природными свойствами, поэтому я не осмеливаюсь упражняться в милосердии и справедливости с первым и не решаюсь предаваться порокам с последним.

Глава 9

У КОНЯ КОПЫТА

У коня копыта, и [он] может ступать по инею и снегу. Шкура защищает [его] от ветра и холода. Он щиплет траву, пьет воду, встает на дыбы и скачет. Такова истинная природа коня. Ему не нужны ни высокие башни, ни огромные залы.

Но вот Радующийся Мастерству сказал:

— Я умею укрощать коней.

[И принялся] подстригать им гриву, подрезать копыта, стал их палить и клеймить, взнуздывать и стреноживать,

япирать в конюшне и загоне. Из [каждого] десятка погибали два-три коня. [Он] стал укрощать их голодом и жажлой, пускал рысью и галопом, заставлял держать строй. Спереди [им] угрожали удила и шлея, сзади — кнут и хлыст. Коней же погибало более половины.

Гончар сказал:

— Я умею лепить из глины.

Круги [у него] соответствовали циркулю: а квадраты — наугольнику.

Плотник сказал:

— Я умею обрабатывать дерево.

Изгибы [у него] соответствовали крюку, а прямые [линии] — отвесу.

Разве [своей] природой глина и дерево стремятся соответствовать циркулю и наугольнику, крюку и отвесу? Но все же [мастеров] славили из поколения в поколение:

— Радующийся Мастерству умел укрощать коней! Гончар и Плотник умели обращаться с глиной и деревом!

Это — ошибка тех, кто правил Поднебесной.

Я думаю, что мастер, управляя Поднебесной, поступил бы иначе. Постоянное в природе людей то, что [они] ткут и одеваются, возделывают землю и питаются, — это и называется [их] общим свойством. [Некогда они] были едины, не делились на группы, [и это я] называю естественной свободой. Поэтому во времена, [когда] свойства были настоящими, ходили медленно и степенно, смотрели твердо и непреклонно. Тогда в горах еще не проложили дорог и тропинок, на озерах не было лодок и мостов; все создания жили вместе, и селения тянулись одно за другим. Птицы держались стаями, звери ходили стадами, травы росли со всей пышностью, а деревья — во всю свою длину. Поэтому можно было гулять, ведя на поводу птицу или зверя, вскарабкаться на дерево и заглянуть в гнездо сороки или вороны. Да, во времена, [когда] свойства были настоящими, [люди] жили рядом с птицами и зверями, [составляли один] род со всеми существами. Разве знали о [делении на] благородных и ничтожных? [Ни у кого] одинаково не было знаний, [никто] не нарушал своих свойств, [все] одинаково были свободны от страстей, и это [я] называю безыскусственностью. В безыскусственности народ обретал свою природу.

Когда же появились мудрецы, то [умение] ходить вокруг да около прихрамывая, стали принимать за милосердие; [умение] ходить на цыпочках — за справедливость, — и [все] в Поднебесной пришло в замешательство. Распущенность и излишества стали принимать за наслаждение; сложенные руки и согнутые колени стали принимать за обряды. И [все] в Поднебесной стали отделяться друг от друга.

Кто сумел бы, не повредив дерева, вырезать жертвенную чашу? Кто сумел бы, не повредив белого нефрита, выточить скипетр и булаву? Как [сумели бы] ввести милосердие и справедливость, не нарушив природных свойств? Как [сумели бы] ввести обряды и музыку, не отбросив естественных чувств? Кто [сумел бы] создать орнамент, не спутав [всех] пяти красок? Кто [заставил бы] пять звуков, не спутав их, отвечать шести трубочкам? В том, что ради сосудов искалечили дерево, вина мастеров; в том, что ради милосердия и справедливости нарушили природные свойства, вина мудрецов.

Пока кони жили на просторе, они щипали траву и пили воду. Радуюсь, сплетались шеями и ласкались, сердясь, поворачивались друг к другу задом и лягались. Только в этом и состояли их знания. Но когда на коней надели ярмо, украсили им морду [изображением] луны, они научились коситься и выгибать шею, упираться и брыкаться, ломать ярмо и рвать поводья. Поэтому в том, что кони приобрели [подобные] знания и научились разбойничьим повадкам, виноват Радующийся Мастерству.

Во времена рода Пламенных Помощников народ жил, не зная, что [ему] делать; ходил, не ведая куда. [Человек] набивал себе рот и радовался, похлопывал себя по животу и отправлялся гулять. В этом состояли все его способности. Но когда появились мудрецы, они [ввели] преклонения и поклоны, обряды и музыку для исправления формы [поведения] в Поднебесной; вывесили для [общей] радости милосердие и справедливость, чтобы внести успокоение в умы Поднебесной. И тут народ принялся ходить вокруг да около прихрамывая, и так пристрастился к знаниям и к соперничеству в погоне за наживой, что его нельзя было остановить. В этом также вина мудрецов.

ВЗЛАМЫВАЮТ СУНДУКИ

Чтобы уберечься от воров, которые взламывают сундуки, шарят по мешкам и вскрывают шкафы, нужно обвязывать [все] веревками, запирают на засовы и замки. Вот это умно, говорят обычно. Но приходит большой Вор, хватается весь сундук под мышку, взваливает на спину шкаф, цепляет на коромысло мешки и убегает, боясь лишь одного, — чтобы веревки и запоры [не оказались] слабыми. Тогда те, которых прежде называли умными, оказывается, лишь собирали добро для большого Вора. Посмотрим, не собирает ли добра для больших воров тот, кого обычно называют умным? Не охраняет ли крупных разбойников тот, кого называют мудрецом? Как доказать, что это истина?

В старину в царстве Ци соседи из [разных] общин видели друг друга, петухи там друг с другом перекликались, собаки отвечали друг другу [лаем. На пространстве] более двух тысяч квадратных ли расставляли сети, обрабатывали землю сохой и мотыгой. В пределах четырех границ во всем брали пример с мудрецов — при постройке храма предков, алтаря Земли и Проса, домов, при разбивке на околотки, селения, округа и области.

Но вот однажды утром Тянь Чэнцзы убил циского царя и украл его царство. Только ли царство украл? [Нет!] Вместе с царством украл и мудрые порядки. И хотя о Тянь Чэнцзы пошла слава как о воре и разбойнике, сам он наслаждался таким же покоем, как Высочайший и Ограждающий. Малые царства не смели его порицать, а большие — покарать. И так двенадцать поколений [его потомков] владели царством Ци.

Если он украл не только царство Ци. но и его порядки, [введенные] умными и мудрецами, то не являются ли эти самые [умные и мудрецы] хранителями воров и разбойников?

Посмотрим, не собирают ли [добро] для больших воров те, кого в мире величают самыми умными? Не охраняют ли разбойников те, кого величают самыми мудрыми? Как доказать, что это истина?

[Вот] в старину обезглавили Встреченного Драконом, вырезали сердце у Царевича Щита, выпотрошили Чан Хуна, сгноили в реке [тело] Цзысюя. Все четверо — достойные люди, а не смогли избежать казни.

Сообщник разбойника Чжи его спросил:

— Есть ли у разбойников свое учение?

— Разве можно выходить [на промысел] без учения? — ответил Чжи. — Угадать по ложным [слухам], что в доме есть сокровища, — мудрость; войти [в него] первым — смелость; выйти последним — справедливость; пронюхать, возможен ли [грабеж], — знание; разделить [добычу] поровну — милосердие. Без этих пяти [добродетелей] никто в Поднебесной не может стать крупным разбойником. Отсюда видно, что если без учения мудрецов нельзя стать добрым человеком, то без учения мудрецов нельзя стать и разбойником. Но добрых людей в Поднебесной мало, а недобрых много. Поэтому польза, которую приносят Поднебесной мудрецы, невелика, а вред — велик. Поэтому и говорится: «Отрежут губы — стынут зубы», «из-за плохого вина в Лу Ханьдань подвергся осаде», «когда рождается мудрец, появляется и великий разбойник».

Если мудрецов прогнать, а разбойников оставить в покое, в Поднебесной воцарится порядок. Ведь [если] высохнет поток, опустеет и долина; [если] сровнять с землей гору, заполнится и пропасть. Когда мудрецы перемрут, исчезнут и большие грабители, в Поднебесной наступит мир и больше не будет беды. Пока мудрецы не перемрут, не переведутся и великие разбойники. Управлять Поднебесной, уважая мудрецов, означает соблюдать выгоду разбойника Чжи.

Если сделают меры и гарнцы, чтобы мерить, украдут [и зерно] вместе с мерами и гарнцами; если сделают гири и безмены, чтобы взвешивать, то украдут [и взвешиваемое] вместе с гирями и безменами; если сделают верительные дщицы и царские печати, чтобы обеспечить доверие, то украдут [и царство] вместе с верительной дщицей и царской печатью; если создадут милосердие и справедливость для исправления [нравов], то украдут и [исправление нравов] вместе с милосердием и справедливостью. Как доказать, что это истина?

[Вот:] укравшего крючок — на плаху, укравшего трон — на царство. У ворот правителей и хранится милосердие со справедливостью. Разве это не кража милосердия и справедливости, мудрости и знаний? Поэтому-то вслед за большими грабителями крадут царства, крадут милосердие и справедливость вместе со всей наживой от мер и гарнцев, гирь и безменов, верительных дщиц и царских печатей. [Этого] не остановить, даже награждая колесницей и шапкой сановника; [этого] не запретить даже страхом перед топором и секирой; этого не обуздать из уважения к поживе разбойника Чжи — такова вина мудрецов. Поэтому и говорится: «Рыбе нельзя покидать глубины, орудие наживы в стране нельзя показывать людям». Мудрецы и есть орудие наживы в стране, [им] и нельзя показываться людям. Поэтому [следует]: уничтожить мудрость и отбросить знания, тогда переведутся и большие разбойники; выбросить нефрит и расколоть жемчуг, тогда исчезнут и малые воры; сжечь верительные дщицы и разбить царские печати, тогда народ станет простым и безыскусственным; поломать меры и перебить безмены, тогда в народе прекратятся тяжбы; истребить все правила мудрецов в Поднебесной, тогда с народом можно будет рассуждать; перемешать [все] шесть трубок, сжечь свирели и гусли, заткнуть уши слепцу Куану, и все в Поднебесной обретут слух; уничтожить орнаменты, раскидать [все] пять красок, склеить веки [Видящему] Паутину Издали, и все в Поднебесной обретут зрение; истребить крюки и отвесы, выбросить циркули и наугольники, переломать пальцы Искусному Молоту, и каждый в Поднебесной обретет мастерство. Поэтому и говорится: «Величайшее искусство похоже на неумение». [Следует] презреть поведение Цзэн [цзы] и Хрониста [Ю], зажать рот Ян [Чжу] и Мо [Ди], изгнать милосердие и справедливость, и свойства всех в Поднебесной сравниваются с изначальными. [Если бы] каждый обрел зрение, в Поднебесной никого бы не ослепляли; [если бы] каждый обрел слух, в Поднебесной никого бы не оглушали; [если бы] каждый обрел знания, в Поднебесной не стало бы заблуждений; [если бы] каждый обрел свои свойства, в Поднебесной не стало бы порока. Такие как Цзэн [цзы] и Хронист [Ю], Ян [Чжу] и Мо [Ди], Наставник Куан, Искусный Молот и [Видящий] Паутину Издали выставляют свои достоинства напоказ,

чтобы ослепить [всех] в Поднебесной. Подражать им нельзя.

Разве ты не знаешь о времени истинных свойств? В древности жили [люди] из родов Юичэи, Огромных Дворов, Дяди Повелителя, Срединных, Равнины Каштанов, Разводящих Вороных Коней, Создателей Колесниц, Пламенных Помощников, Священной Чаши и Жаровни, Вызывающих Пламя, Готовящих Жертвенное Мясо, Священных Землепашцев. В те времена «народ запоминал, завязывая узелки на веревках», наслаждался, жуя свою пищу, любовался своей одеждой, был счастлив своими обычаями, довольствовался своим жилищем. «Жители соседних царств видели друг друга, петухи друг с другом перекликались, собаки отвечали друг другу [лаем]. Люди доживали до глубокой старости, но не общались друг с другом». В те времена царил истинный порядок.

А теперь дошло до того, что люди, вытягивая шею и становясь на цыпочки, [друг другу] сообщают:

— Там-то появился мудрец.

И, захватив с собой провизии, спешат к нему, покидая дома своих родителей, бросая дела государя. Следы [их] ведут через границы царств, колеи, проложенные [их] повозками, тянутся через тысячи ли. В этом — вина высших, пристрастившихся к знаниям. Когда высшие, не обладая учением, воистину пристрастятся к знаниям, [они] отвергают Поднебесную в великую смуту.

Как доказать, что это истина? [А вот, если] растут познания [насчет] луков и самострелов, силков, стрел на шнурке и [другого] оружия, то птицы в небе приходят в смятение; [если] растут знания [в области] крючков и приманок, сетей и бредней, сачков и бамбуковых кубарей, то рыбы в воде приходят в смятение; [если] растут знания [насчет] загонов, ловушек и тенет, то звери на болотах приходят в смятение. [Когда же] растет умение лукавить и изворачиваться, изводить и порочить, [устанавливать] тождество и различие, твердость и белизну, то нравы отвергаются в смятение софистикой. Поэтому в Поднебесной каждый раз возникает великая смута и вина за нее ложится на пристрастных к знаниям.

Поэтому все в Поднебесной умеют стремиться к познанию неизвестного, но не умеют стремиться к познанию известного; все умеют осуждать то, что считается не-

добрым, но не умеют осуждать то, что считается добрым, — это и ведет к большой смуте. Поэтому-то наверху и затмевается свет солнца и луны, а внизу истощается сила гор и рек; уменьшаются дары четырех времен года. [Все вплоть до] слабых червяков и малых насекомых утрачивают свою природу. Как ужасна в Поднебесной смута из-за пристрастия к знаниям! И так повелось со времен трех династий. Забыли простой, скромный народ и обрадовались хитрым, изворотливым красnobаям; оставили тишину и покой надеяния и обрадовались пустопорожнему многословию. Это-то пустопорожнее многословие и ввергло Поднебесную в смятение!

Глава 11

ПРЕДОСТАВИТЬ [КАЖДОГО] САМОМУ СЕБЕ

Слышали о том, что Поднебесную следует предоставить себе самой, но не слышали о том, что в Поднебесной следует наводить порядок. «Предоставить» — из опасения, чтобы не извратилась природа Поднебесной, «каждого самому себе» из опасения, чтобы не изменились [человеческие] свойства. [Если] природа Поднебесной не извратится, а [человеческие] свойства не изменятся, разве нужно будет наводить в ней порядок?

В старину Высочайший стал наводить порядок, чтобы Полнебесная возликовала, люди возрадовались своей природе, а [они] лишились покоя. Разрывающий на Части стал наводить порядок, чтобы Поднебесная опечалилась, люди оплакивали свою природу, и [они] лишились радости. Но ведь [жизнь] без покоя, без радости не свойство человека. Разве без [присущих человеку] свойств можно долго продержаться? [Нет!] Такого в Поднебесной не было.

При чрезмерной радости у человека расходуются с избытком [сила] жара, при чрезмерном гневе расходуются с избытком [сила] холода. При перерасходе и жара и холода перестают [правильно] чередоваться четыре времени года, нарушается гармония прохлады и тепла, а [эти нарушения] причиняют вред телу человека. Он перестает [различать], когда радоваться, когда сердиться, жизнь [сго] ли-

шается постоянства, мысли — удовлетворения, работа останавливается на полпути. Тут-то и возникают в Поднебесной заносчивость и немилость, превосходство и угнетение, а за ними появляются разбойник Чжи, Цзэн [цзы] и Хронист [Ю. Если] по всей Поднебесной награждать за доброе, [с этим] не справиться; [если] по всей Поднебесной наказывать за недоброе, [с этим] не справиться. Ибо Поднебесная велика, [на всех] не хватит наград и наказаний.

Со времен трех династий все шумят о наградах и наказаниях. Откуда же возьмется досуг, чтобы [найти] покой в природных свойствах? А кроме того, наслаждаясь острым зрением, предаются излишеству в цветах; наслаждаясь тонким слухом, предаются излишеству в звуках; наслаждаясь милосердием, нарушают [естественные] свойства; наслаждаясь справедливостью, нарушают законы природы; наслаждаясь обрядами, помогают извращениям; наслаждаясь музыкой, помогают разврату; наслаждаясь мудростью, помогают искусственности; наслаждаясь знаниями, помогают порокам. [Если бы все] в Поднебесной [находили] покой в природных свойствах, эти восемь [наслаждений] могли бы остаться, могли бы и исчезнуть. [Но когда] в Поднебесной не [находят] покоя в природных свойствах, из-за этих восьми [наслаждений] люди начинают [друг друга] резать на куски и скручивать [в клубок], толкать и отнимать и ввергать в смуту Поднебесную. [Если же] в Поднебесной начинают чтить наслаждения, тосковать о них, каким сильным становится [это] заблуждение! Разве [смогут] пройти мимо [наслаждений], от них отказаться? Ведь чтобы говорить о них — постыятся, чтобы им предаться — преклоняют колени, чтобы изобразить их — играют и поют. Что же тут поделывать?

Поэтому для благородного мужа, [если он] вынужден взойти на престол, лучше всего надеяние. Надеяние, а за ним — покой в природных свойствах. Ибо тому, кто ценит свою жизнь больше, чем царство, можно доверить Поднебесную; тому, кто любит свою жизнь больше царства, можно поручить Поднебесную. Если государь способен не рассеивать свое внутреннее, не обнаруживать зрения и слуха, возвышаться, [словно] Покойник, [то] взглянет [он, как] Дракон; погрузится в молчание, а голос [его] загремит, словно гром; движению [его] мысли под-

чинится природа. [Он предастся] безмятежности и недеянию, а [окажется] связанным со [всей] тьмой существ. Разве у такого найдется досуг, чтобы наводить порядок в Поднебесной?

Высоченный Боязливый спросил Лаоцзы:

— [Если] не навести порядок в Поднебесной, как исправить людские сердца?

— Будь осторожен! — ответил ему Лаоцзы. — Не тревожь человеческого сердца! Стоишь его низвергнуть — человек унижится, стоит возвысить — человек возгордится. Так он и превращается то в раба, то в убийцу. Сердце может быть нежным и слабым — и тогда ему не совладать с сильным и крепким; оно может быть твердым, словно резец и гранит драгоценный камень. Оно то вспыхнет, словно пламя, то станет холодным как лед. Оно меняется с удивительной быстротой, успевает дважды побывать за всеми четырьмя морями, пока презрительный взгляд сменился благосклонным.

В покое оно не дрогнет, точно пучина, в движении — устремится к небесам. Оно своевольное, гордое, его не обуздать. Вот каково человеческое сердце!

В старицу Желтый Предок встревожил сердца милосердием и справедливостью. А Высочайший и Ограждающий, чтобы воспитать [всех] в Поднебесной, [так трудились, что у них] стерлись волоски на голених и пушок на бедрах. [Они] надрывали [все] свои пять внутренних органов ради милосердия и справедливости, отдавали кровь и дыхание, чтобы установить законы и порядок, и все же не справились. И тогда Высочайший сослал [людей] с Лошадью на Шишаке на Почитаемую гору, переселил Трех Мяо на [гору] Трехглавую, изгнал Ведающего Разливами в Обитель мрака. [Но и] этим не справился с Поднебесной.

Когда же пришло [время] царей трех [династий], Поднебесную объял ужас. Появились презираемые: Разрывающий на Части и разбойник Чжи; появились почитаемые: Цзэн [цзы] и Хронист [Ю], а еще появились конфуцианцы и моисты. И тогда стали подозревать друг друга и в радости и в гневе, обманывать друг друга и умные и глупые, порицать друг друга и добрые и недобрые, высмеивать друг друга и лживые и правдивые, и Подне-

бесная стала приходиться в упадок. В свойствах появились различия, в [человеческой] природе наступило гниение и разложение. В Поднебесной пристрастились к знаниям, и в поисках [знаний] весь народ дошел до крайности. И тут пустили в ход топоры и пилы, стали казнить по [плотничьим] отвесу и правилу, приговаривать с долотом и шилом, ввергли Поднебесную в страшную смуту, и преступления стали тревожить людские сердца. Поэтому-то достойные и скрылись под утесами великих гор, а государи, владевшие тьмой колесниц, дрожали от страха в храмах предков.

Ныне же обезглавленные лежат друг на друге, закованные в шейные и ножные колодки толкаются друг о друга, приговоренные ожидают своей очереди у плахи. А между закованными в наручники и колодки стали появляться конфуцианцы и моисты, расхаживающие на цыпочках, размахивающие руками. О ужас! О позор! О бесстыдство! А нам и неведомо было, что их мудрость, их знания служат наручникам и колодкам; их милосердие, их справедливость служат долоту и ошейнику. Как знать, не явились ли Цзэн [цзы] и Хронист [Ю] гремучей стрелой для Разрывающего на Части и разбойника Чжи? Поэтому-то и говорится: «Забудьте о мудрости, отбросьте знания, и Поднебесная обретет мир».

[Уже] девятнадцать лет стоял [на престоле] Желтый Предок как Сын Неба; [его] приказы выполнялись [по всей] Поднебесной. [Однажды он] услышал, что на вершине [горы] Единения Пустоты обитает Всеобъемлющий Совершенный, и отправился с ним повидаться.

— Я слышал, — сказал Желтый Предок, — что [вы], мой учитель, постигли истинный путь. Дозвольте задать вопрос, [какова] его сущность? Я стремлюсь воспользоваться сущностью неба и земли, чтобы помочь [созреванию всех] пяти злаков для прокормления народа. А еще я стремлюсь направить [силы] жара и холода на благо всего живого.

— То, о чем ты хочешь спросить, это — сущность вещей; а то, как ты хочешь управлять, это — пагуба для вещей, — ответил Всеобъемлющий Совершенный. — С тех пор как ты правишь Поднебесной, дождь идет прежде, чем пары превратятся в облака; листья и травы опадают,

не успев пожелтеть; лучи солнца и луны все более угасают. В сердце твоём [склонность] к мелочам, [точно] у красная. Разве достоин ты беседы об истинном пути?

Желтый Предок удалился, сложил с себя [управление] Поднебесной, построил себе отдельную хижину с циновкой из белого пырея. [Здесь он] провел в праздности три луны, а затем снова навещил учителя.

Всеобъемлющий Совершенный лежал головой к югу. Полный покорности, Желтый Предок подполз [к нему] на коленях, дважды поклонился до земли и спросил:

— Я слышал, что [вы], мой учитель, постигли истинный путь. Дозвольте задать вопрос, как управлять самим собой, как добиться долголетия?

Всеобъемлющий Совершенный поспешно поднялся и ответил:

— Вопрос [ты] задал прекрасный! Подойди, я поведаю тебе об истинном пути.

Мельчайшее истинного пути глубоко и темно, величайшее истинного пути сумрачно и безмолвно. Не смотри, не слушай, покойся, храня [свой] разум, и тело само собой выправится. Будь покоен, чист, не утруждай свое тело, не тревожь свое семя и проживешь долго. [Если] глазам нечего будет видеть, ушам нечего слышать, сердцу нечего познавать, твоя душа сохранит [твое] тело, и тело проживет долго. Чем больше будет у тебя знаний, тем [скорее] потерпишь поражение. Береги в себе внутреннее, замкнись от внешнего.

А тогда я с тобой поднимусь к великой ясности вплоть до истоков высшей [силы] жара; войду в ворота мрака, и [мы] достигнем истоков высшей [силы] холода. Небо ведает своим, земля — своим; у [каждой из сил] жара и холода — свое вместилище. Береги и храни самого себя, а вещи созреют сами по себе. Я храню [силы жара и холода] в единстве, чтобы удержать их в гармонии, поэтому тысячу двести лет соблюдаю себя, а тело мое [до сих пор] не одряхлело.

Желтый Предок дважды поклонился до земли и попросил:

— Расскажите о природе, Всеобъемлющий Совершенный.

— Подойди, я тебе поведаю, — ответил Всеобъемлющий Совершенный. — Она в своих вещах неисчерпаема,

а все люди думают, что [она] конечна. Она в своих вещах неизмерима, а все люди думают, что [она] предельна. Из тех, кто обрел мой путь, лучшие стали предками, а худшие — царями. Из тех, кто утратил мой путь, лучшие увидели свет, а худшие обратились к земле. Ведь все, что ныне процветает, родилось из земли и вернется в землю. Поэтому я покину тебя и пройду во врата бесконечности, чтобы странствовать в беспредельных просторах. Я сольюсь с лучами солнца и луны, соединюсь в вечности с небом и землей. Когда я уйду, [даже] далекие от меня опечалятся. Все люди умрут, и только я один буду существовать.

Поддерживаемый вихрем, Полководец Облаков странствовал на востоке и встретился с Безначальным Хаосом. Безначальный Хаос прогуливался, подпрыгивая по-птичь и похлопывая себя по бедрам. Завидев его, Полководец Облаков в смущении остановился и почтительно спросил:

— Кто [вы], старец? Что, старец, делаете?

— Прогуливаюсь, ответил ему Безначальный Хаос, продолжая похлопывать себя и прыгать.

— Я хочу задать вопрос, — сказал Полководец Облаков.

— Фу! — посмотрев [на него], воскликнул Безначальный Хаос.

— В эфире неба нет гармонии, — начал Полководец Облаков, — в эфире земли застой, в шести явлениях [природы] нет согласия, в смене времен года нет порядка. Что [мне] делать, [если] я собираюсь ныне привести в гармонию сущность шести явлений, чтобы прокормить все живое?

— Не знаю, не знаю, — ответил Безначальный Хаос, похлопывая себя, прыгая и покачивая головой.

Полководец Облаков не решился [снова] спросить.

Прошло три года. Странствуя на Востоке, Полководец Облаков миновал равнину Владеющих Жилищем. [Он] снова заметил Безначального Хаоса, в большой радости поспешил [к нему] и заговорил:

— [Вы] не забыли меня, [Равный] Небу? [Вы] не забыли меня, [Равный] Небу? — дважды поклонился до земли

и хотел было задать ему вопрос, как Безначальный Хаос произнес:

— Что я могу знать? Парю, не ведая зачем. Несусь, не ведая куда. Странствующий утруждается, чтобы наблюдать, [как все идет] своим путем.

— Я сам также считаю, что несусь, [не ведая куда]. Но народ следует за мной повсюду, и я с ним ничего не могу поделывать. Ныне же, подражая людям, хочу услышать [от вас хоть] одно слово.

И тут Безначальный Хаос заговорил:

— В том, что основа природы расшатывается, характер [всех] вещей извращается, изначальная природа остается незавершенной, стада разбегаются, птицы поют по ночам, засуха сжигает деревья и травы, беда настигает даже пресмыкающихся и насекомых, — вина тех, кто наводит порядки среди людей.

— Но что же мне делать? — спросил Полководец Облаков.

— Ах! [Все это один] вред! — воскликнул Безначальный Хаос, — возвращайся к себе потихонечку.

— С [вами, Равный] Небу, так трудно встретиться. Хотелось бы услышать [хотя бы еще] одно слово, — попросил Полководец Облаков.

— Ах! — ответил Безначальный Хаос. — Укрепляй свое сердце. [Если] только ты предашься надеянию, вещи будут сами собой развиваться. Оставь свое тело, свою форму, откажись от зрения, от слуха, забудь о людских порядках, о вещах, слейся в великом единении с самосущим эфиром. Освободи сердце и разум, стань покойным, будто неодушевленное [тело, и тогда] каждый из тьмы существ [станет] самим собой, каждый вернется к своему корню. Каждый вернется к своему корню неосознанно, смешиваясь в общем хаосе, и не оставит [его] до конца своей жизни. Если же осознают это, то его <корень> покинут. Не выпрашивай его названия, не пытай его свойств, и [все] вещи будут сами собой рождаться.

— Теперь я обрел то, что искал, — сказал Полководец Облаков. — [Вы, Равный] Небу, ниспослали мне свои свойства, просветили меня безмолвием, — он дважды поклонился до земли, попрощался и удалился.

Обычному человеку нравится, когда другие на него походят, и не нравится, когда другие от него отличаются.

Любовь к себе подобным и нелюбовь к тем, кто отличается, происходят от желания выделиться из толпы. Но разве тот, кто стремится выделиться из толпы, [действительно] выдающийся? Для успокоения [он] следует за толпой, [но его] опыту далеко до того мастерства, [которым обладает] толпа. Желая стать правителем, собирает полезное у царей трех династий, но не замечает у них вредного. У такого [судьба] царства будет зависеть от случайности, и редко, лишь по счастливой случайности царство не погибает. Нет и одного [шанса] из десяти тысяч, что [такое] царство будет существовать. О гибели [такого] царства [говорит то, что] ни одно [дело там] не завершится, а десяток тысяч [дел] расстроится. Увы! Владеющие землями [этого] не ведают. Владеющему землями принадлежит огромная вещь. Владеющий огромной вещью не способен предоставить вещи [самим] вещам, а не [владеющий] вещью способен. Тот, кто понимает, как [предоставлять] вещи [самим] вещам, отвергает вещи. Разве [он] только управляет народом? [Нет!] Он вступает во [все] шесть стран света, выходит из них, странствует по [всем] девяти областям [земли]. В одиночестве отправляется, в одиночестве возвращается. Такой и называется единственным. Единственного человека поэтому и считают воистину ценным.

Учение великого человека подобно тени, отбрасываемой телом, эху, откликающемуся на голос. На [каждый] вопрос [он] отвечает, исчерпывая все свое сердце, соединяясь в пару со [всем] в Поднебесной. В покое беззвучен, в движении не ограничен. Ведет каждого, как тому хочется, и возвращает [каждого] к самому себе. Странствует, не оставляя следов, приходит и уходит без отклонений, безначально, как солнце. [Еще] скажем, [что] телом слит с великим единством. В великом единстве лишен собственного «я». Разве может лишенный собственного я владеть существующим <бытием>? Наблюдающие за бытием — [таковы] благородные мужи древности; наблюдающий за небытием — таков друг природы.

Незначительны, а нельзя не сообразоваться с их [природой] — [таковы] вещи. [Занимает] низкое положение, а нельзя [на него] не опираться — [таков] народ. Скрыты, а нельзя их не вершить — [таковы] дела. Грубы, а нельзя их не излагать — [таковы] обычаи. Далека, а нельзя от нее отделиться — [такова] справедливость. Близко, но нельзя

его не расширить — [таково] милосердие. Ограничивают [людей], но нельзя их не множить — [таковы] обряды. [Держится] середины, но [заслуживает] возвышения — [такова] добродетель. Един, но не способен не изменяться — [таков] путь. Священно, но не способно не действовать — [таково] Небо. Поэтому мудрецы созерцали Небо, но [ему] не помогали; совершенствовались в добродетелях, но [их] не отягощали; исходили из пути, но не вносили [в него] своих замыслов; соединялись с милосердием, но [на него] не полагались; следовали за справедливостью, но [ее] не множили; исполняли обряды и не уклонялись; принимали дела и не отказывались; подчинялись обычаям и не [поднимали] смуты; опирались на народ и [им] не пренебрегали; сообразовались с вещами и [их] не покидали. Вещи не достойны [того, чтобы ими] заниматься, но [ими] нельзя не заниматься. У тех, кто не понял Неба, нет чистоты добродетели. Те, кто не постиг пути, ни к чему не способны. Как жалок тот, кто не постиг пути! Что же такое путь? Есть путь Неба и есть путь человека. Бездеятельный и чтимый — таков путь Неба; деятельный и несущий тяготы — таков путь человека. Путь Неба — [путь] хозяина, путь человека — [путь] слуги. Нельзя не понять, как далеки они друг от друга.

Глава 12

НЕБО И ЗЕМЛЯ

Небо и земля велики, но изменяются они равномерно. Вещей тьма, но порядок у них единый. Людей и рабов множество, но хозяин у них — царь. Царь исходит из свойств, а совершенствуется природой. Поэтому и говорится: «В далекой древности управляли Поднебесной недеянием, одними лишь природными свойствами». [Если] исходить из пути, то слова «царь Поднебесной» были правильными; [если], исходя из пути, рассматривать различия, то долг царя и [его] помощников был ясен; [если] исходить из пути, то [каждый] ведал [делом] по способности; [если] исходить из пути, то все вокруг соответствовало [всей] тьме вещей. Ибо общее для неба и земли — это свойства, а то, что действует во тьме вещей, — это

путь <материя>. Высший правит людьми, [провозглашая] установления; способный обучается мастерству. Мастерство соответствует установлениям, установления соответствуют долгу, долг соответствует свойствам, свойства соответствуют пути, путь соответствует природе. Поэтому и говорится: «Те, кто в древности пас [всех] в Поднебесной, не имели страстей, и в Поднебесной [царило] довольство. [Они предавались] недеянию, и [вся] тьма вещей развивалась. [Они хранили] покои пучины, и народ [сам по себе] утверждался. Записи гласят: «[если] пронизаны единством, [вся] тьма установлению сполна выполняется. [Если] отказаться от страсти к приобретению, покорятся [даже] души предков и боги».

Учитель сказал:

— Ведь путь поддерживает и покрывает [всю] тьму вещей. Как он безбрежно велик! С его помощью благородный не может не очистить своего сердца. То, что действует недеянием, называется природой; то, что в речах обозначает недеяние, называется свойством; любовь к людям, полезное для вещей называется милосердием; уподобление различных [вещей] называется величием; поведение, [не знающее] границ и различий, называется великодушием; обладание тьмой различий называется богатством. Поэтому придерживаться свойств называется [держаться] основы; тот, чьи свойства завершены, называется установившимся: тот, кто следует пути, называется [обладающим] полнотой; тот, кто не меняет свою волю из-за вещей, называется совершенным. Как велик благородный, который постиг эти десять [положений] и объемлет все дела и мысли! [Как вода] в низину, к нему стекается [вся] тьма вещей. Такой человек [оставляет] золото скрытым в горах, а жемчуг — в глубинах; не обогащается ни товарами, ни имуществом; чуждается благородства и богатства; не радуется долголетию, не печалится ранней смерти; не прославляет благоденствия, не стыдится злополучия; не присваивает себе благ современников; не ищет для себя славы в управлении Поднебесной. Слава в том, чтобы постичь, что у [всей] тьмы вещей одно хранилище, что жизнь и смерть — одинаковые формы [в развитии].

Учитель сказал:

— О путь! Как он глубок! Как прозрачна его чистота! Без него не запоют ни металл, ни камень. Металл и камень [способны] звучать, но не тронешь их, не запоют. Так кто же способен определить [свойства всей] тьмы вещей?

Человек, обладающий царственными свойствами, ведет себя просто и стыдится заниматься делами; утвердившийся в корнях и истоках, [он] постигает сокровенное. Поэтому его свойства всеобъемлющи, а исходящее из его сердца воспринимается [всей] тьмой вещей. Ибо без пути формы не рождаются, без свойств жизнь не проявляется. Не обладает ли царственными свойствами тот, кто бережет тело, исчерпывает до конца жизнь, утверждает свойства, постигает путь. Тот, кто необъятен, появляется внезапно, движется неудержимо; за кем следует [вся] тьма вещей, тот называется [обладающим] царственными свойствами. Тот, кто смотрит на изначальный мрак, слушает безмолвное, один видит рассвет в изначальном мраке, один различает гармонию в безмолвии. Поэтому, проникая все глубже и глубже, [он] способен [понимать] появление вещи; [размышляя] над сокровеннейшим, [он] способен [постичь] мельчайшие семена. Поэтому общаясь со [всей тьмой] вещей, [он] дает каждому искомое и достигает небытия. Всегда спешит уйти, но возвращается к себе. Великое [для него] — мало, длинное — коротко, далекое — близко.

Прогуливаясь к северу от Красных вод. Желтый Предок поднялся на вершину [горы] Союз Старших Братьев, а возвращаясь, загляделся на юг и потерял свою Черную Жемчужину. [Он] послал Знание отыскать ее, но [оно] не нашло; послал [Видящего] Паутину Издали, и [тот] не нашел; послал Спорщика, и [тот] не нашел; послал Подобного Небытию, и Подобный Небытию ее отыскал.

— Как странно, воскликнул Желтый Предок, — что отыскать ее сумел именно Подобный Небытию!

Учителя Высочайшего звали Никого не Стесняющим, учителя Никого не Стесняющего звали Беззубым, учителя Беззубого звали Наставником Юных, учителя Наставника Юных звали В Тростниковом Плаще.

Высочайший спросил у Никого не Стесняющего:

— Можно ли Беззубого [облечь властью] Равного Небу? Я попрошу его через Наставника Юных.

— Как [это] опасно! Поднебесной [будет грозить] беда! — ответил Никого не Стесняющий. — Ведь Беззубый превосходит всех остальных. [Он] человек прозорливый, с острым зрением и тонким слухом, скорый на ответы. Но при этом [хочет] обрести природное <естественное> с помощью человеческого <искусственного>; размышляет, как искоренить преступления, а не знает, отчего происходят преступления. Как такого [облечь властью] Равного Небу! Ведь он станет применять человеческое, а не природное. Притом [он] основывается на самом себе и отвергает других; притом чтит знания и [применяет их] быстро, как огонь; притом [он] раб мелочей; притом связывает себя вещами; притом, оглядываясь по сторонам, [ожидает] подтверждения от других; притом, соглашается с требованием [каждого из] толпы: притом изменяется вместе с вещами и никогда не бывает постоянным. Разве достоин [он власти] Равного Небу? И все же, [ведь у него] есть предки, есть род, [его] можно сделать отцом всех <рода, племени>, но нельзя сделать отцом отцов всех. [Он] возглавит смуту. [Поставь его] лицом к северу — навлечет беду, лицом к югу — породит разбой.

Высочайший любовался [царством] Цветущим, и Страж Границы Цветущего сказал:

— Ах, мудрый человек! Разреши мне, мудрый человек, пожелать [тебе] долгой жизни!

— Отказываюсь! — ответил Высочайший.

— Пожелаю [тебе], мудрому человеку, богатства!

— Отказываюсь!

— Пожелаю [тебе], мудрому человеку, много сыновей!

— Отказываюсь!

— Долголетия, богатства, многих сыновей жаждет каждый. Почему же только ты один не жаждешь? — спросил Страж.

— Много сыновей — много тревог, — ответил Высочайший. — От богатства много хлопот, а от старости — поношение. С помощью этих трех [благ] не взрастить добродетели, поэтому и отказываюсь.

— Сначала я принял тебя за мудрого человека, — сказал Страж, — а теперь вижу, [ты] благородный муж. Природа породила тьму людей, им необходимо дать занятие. [Если иметь] много сыновей и каждому дать занятие, откуда возьмутся тревоги? [Если имеешь] богатство, пусть люди его поделят, какие же будут хлопоты? Ведь мудрый человек живет, [точно] перепел, питается, [словно] птенец, передвигается [подобно] птице, не оставляя следов <славы>. [Когда] в Поднебесной царит путь, [мудрый] процветает вместе со [всеми] вещами; [когда] в Поднебесной нет пути, [мудрый] в праздности укрепляет добродетель. [Если] за тысячу лет [ему] жить надоест, [он] улетает к бессмертным, оседлав белое облако. [Туда], в обитель предков, нет доступа трем бедам. [Но если] телу ничто не причинит вреда, откуда же возьмется поношение? — [И] Страж пошел прочь.

— Дозвольте спросить... — начал, следуя за ним, Высочайший.

— Изыди! — ответил [ему] Страж.

[Когда] Высочайший правил Поднебесной, [он] поставил Высокосовершенного правителем [одного из царств].

Высочайший передал [власть] Ограждающему, Ограждающий передал Молодому Дракону, [и тогда] Высокосовершенный отказался быть правителем и стал пахать. Молодой Дракон отправился с ним повидаться и застал [его] на поле обрабатывающим землю. Подойдя, Молодой Дракон занял место пониже и спросил:

— Некогда Высочайший правил Поднебесной и поставил [вас], мой учитель, правителем. Дозвольте спросить, по какой причине [вы], мой учитель, отказались быть правителем и стали обрабатывать землю, [когда] Высочайший передал [власть] Ограждающему, а Ограждающий — мне?

— Некогда, правя Поднебесной, Высочайший не награждал, а в народе [друг друга] поощряли; не наказывал, а в народе остерегались. Ныне ты награждаешь и наказываешь, и народ утратил человечность. С той поры пришла в упадок добродетель, с той поры распространились наказания. С той поры пошла смута последующих поколений. Уходи! Не мешай мне работать! — [Высокосовершенный] принялся усиленно пахать и [более] не оглядывался.

В первоначале было небытие, не было бытия, не было и названий. При появлении одного, у одного еще отсутствовала форма. Обретя [одно], вещь рождается, и это называется свойством. [Когда] в еще неоформившемся появляется разделение, но без отделения, это называется жизнью. [Начинается] движение, и рождается вещь; [когда] вещь завершена, рождается и [естественный ее] закон, называется это формой. Форма — [это] тело, хранящее дыхание [разум, душу]. У [каждой вещи] свой внешний вид, [свое] положение, и это называется природой [характером]. Природа, достигнув совершенства, возвращается к свойствам, свойства в высшем пределе [становятся] тождественными первоначалу, тождественные [первоначалу] становятся пустыми, а пустые — великими. [Это как бы] хор, поющий без слов, сомкнув губы. Объединяясь в таком хоре, сливаются с небом и землей. Их единение смутное, то ли глупое, то ли неосознанное, [но] это называется изначальным свойством, тождественным великому согласию [с путем].

Конфуций спросил Лаоцзы:

— Можно ли назвать мудрым человека, который овладевает путем. будто подражая сильному: [делая] невозможное возможным, неистинное истинным; [или] софиста, который говорит, что отделить твердое и белое [сму] так же [легко], как [различить] светила на небе?

— Это суетливый мелкий слуга, который трепещет в душе и напрасно утруждает тело. Ведь уменье собаки загнать яка, ловкость обезьяны исходят из гор и лесов, — ответил Лаоцзы. — Я скажу тебе, Цю, о том, чего нельзя услышать, о чем нельзя рассказать. У многих есть голова и ноги, но нет ни сердца, ни слуха; но нет таких, кто, имея тело, существовал бы вместе с не имеющим ни тела, ни формы. Причины движения и покоя, смерти и рождения, уничтожения и появления не в самих [людях], [но] некоторые [из причин] управляются людьми. Того же, кто забывает обо [всех] вещах, забывает о природе, уподоблю забывшему самого себя. [Только] забывшего о самом себе и назову слившимся с природой.

Цзянлюй Уговаривающий увиделся с Цзи Уразумевшим и сказал:

— Луский правитель просил [меня], Уговаривающего, разрешить ему воспринять [от меня] учение. [Я] отказывался, но безуспешно. Поведал [ему], но не знаю, попал ли в цель. Разрешите попытаться представить вас [царю]. Я же сказал лускому царю: «необходимо покорять почтительных и бережливых, выдвигать [преданных] общему и верных [царю], не льстивых и не корыстных. И тогда никто в народе не посмеет нарушать согласие».

Цзи Уразумевший рассмеялся и ответил:

— Вам, учитель, речами о добродетелях предков и [прежних] царей не справиться с задачей так же, как [кузнечик] богомолу, что в гневе топорщит крылья, преграждая дорогу повозке. Ведь таким образом царь сам только подвергся бы опасности: у него в башне много сокровищ; куда бы [он] ни отравился, по [его] следам бросается толпа.

Цзянлюй Уговаривающий задрожал от страха и сказал:

— [Мне], Уговаривающему, неясны [ваши] слова, учитель. И все же хочу, чтобы [вы], Преждерожденный, рассказали [мне] об этом главное.

Цзи Уразумевший ответил:

— Великий мудрец, правя Поднебесной, воодушевляет сердца людей, чтобы [они] завершали обучение, улучшали обычаи, отказывались от разбойничьих страстей. [Он] ведет всех своей единой волей, [но происходит это] подобно самодвижению природного характера [каждого], и причину этого народ не сознает. Разве такой [человек], беспредельный и необъятный, в обучении народа [может считаться] младшим братом Высочайшего и Ограждающего, а не старшим их братом? [Он] стремится к тождеству с [изначальными] свойствами и к покою сердца.

Странствуя, Цзыгун дошел на юге до [царства] Чу и возвращался в Цзинь. Проходя севернее [реки] Хань, заметил Огородника, который копал канавки для грядок и поливал [их], лазая в колодец с большим глиняным кувшином. Хлопотал, расходуя много сил, а достигал малого. Цзыгун сказал:

— [Ведь] здесь есть машина, [которая] за один день поливает сотню грядок. Сил расходуется мало, а достигается многое. Не пожелает ли учитель [ее испытать]?

— Какая она? — подняв голову, спросил Огородник.

— Выдалбливают ее из деревянных досок, заднюю часть — потяжелее, переднюю — полегче. [Она] несет воду, [точно] накачивая, будто кипящий суп. Называется водочерпалкой.

Огородник от гнева изменился в лице и, усмехнувшись, ответил:

— Я не применяю [ее] не оттого, что не знаю, [я] стыжусь [ее применять]. От своего учителя я слышал: «У того, кто применяет машину, дела идут механически, у того, чьи дела идут механически, сердце становится механическим. Тот, у кого в груди механическое сердце, утрачивает целостность чистой простоты. Кто утратил целостность чистой простоты, тот не утвердится в жизни разума. Того, кто не утвердился в жизни разума, не станет поддерживать путь».

Стыдясь и раскаиваясь, Цыгун опустил голову и промолчал.

Через некоторое время Огородник спросил:

— Кто ты?

— Ученик Конфуция, — ответил Цыгун.

— Не из тех ли многознающих, что подражают мудрым, чтобы в самодовольстве всех превзойти? [Не из тех ли], что бренчат в одиночестве [на струнах] и печально поют, чтобы купить себе славу на всю Поднебесную? [Если бы] ты забыл о своей священной душе и отказался от своей плоти, быть может, приблизился бы [к пути]. Но неспособный управлять собственным телом, как сумеешь [ты] навести порядок в Поднебесной? Уходи! Не мешай мне работать! — сказал Огородник.

Устыдившись, Цыгун побледнел и, точно потерянный, не мог овладеть собой. [Лишь] пройдя тридцать ли, пришел в себя.

— Что это был за человек? — спросили [его] ученики. — Почему при встрече с ним [вы], учитель, изменились в лице, побледнели и целый день не могли прийти в себя?

— Раньше [я] считал, что в Поднебесной есть лишь один человек <Конфуций>, не знал, что есть еще и другой, — ответил Цыгун. — Я слышал от учителя о пути мудрецов: [это] стремление осуществлять дела, приобретать заслуги, добиваться больших успехов малыми силами. У нынешнего же [учителя] иначе. У того, кто владеет учением, целостные свойства. При целостных свойствах —

целостно тело. При целостном теле — целостен разум. В целостном же разуме и заключается путь мудрого. Вверяясь жизни, [он] действует вместе с народом, но куда идет — неведомо. Неизмерима и совершенна [его] простота! Учитель сердцем предал забвению заслуги и корысть, ловкость и хитрость. Такой человек не пойдет против своей воли, не поступит против своего желания. Обретая то, о чем говорит, гордый, [он] даже не оглянется, хотя бы [все] в Поднебесной его прославляли. Утратив то, о чем говорит, [он] даже не обратит внимания, хотя бы [все] в Поднебесной его порицали. Хвала или хула [всех] в Поднебесной ничего [ему] не прибавит, ничего [у него] не отнимет. Вот кто называется человеком с целостными свойствами. Я же причислю [себя] к тем, которых несет ветром по волнам.

Вернувшись в Лу, [Цзыгун] поведал обо всем Конфуцию, который сказал:

— Тот прикидывается, будто совершенствуется в учении рода Хаоса. Постигает из него [лишь] одно, но не понимает другого; управляет внутренним, но не управляет внешним. Ты, конечно, удивился [тому, что он] познал, как уйти в чистоту, в недеяние, вернуться к простоте, как хранить разум в телесной природе, странствуя среди мирского, обычного. Но разве достойно учение рода Хаоса, чтобы я и ты его познавали!

Изначальный Туман отправился на восток к Великой пучине и на берегу Восточного моря повстречался с Легким Ветерком. Легкий Ветерок спросил:

— Куда вы направляетесь?

— К великому океану.

— Зачем же?

— Хочу там побродить. Ведь великий океан — это то, что не наполняется, сколько бы в него ни вливалось, и не иссякает, сколько бы из него ни выливалось.

— Нет ли, у [вас], учитель, мыслей о народе с глазами впереди? Хотелось бы услышать о мудром правлении.

— При мудром правлении, — ответил Изначальный Туман, — начальники в раздачах не упускают необходимого каждому, выдвигают [людей], не упуская способностей каждого; видят все дела в целом и творят должное. Дела сами собой совершаются, слова сами собой произ-

носятся, и Поднебесная развивается. [Один] взгляд, взмах руки — и со [всех] четырех сторон народ прибывает. Вот это и называется мудрым правлением.

— Хотелось бы услышать о добродетельном человеке.

— Человек, [обладающий изначальными] свойствами, в покое не [знает] тоски, в действиях не [знает] опасений. [Он] не следует [учению] об истине и лжи, о красоте и безобразии. [Когда все] среди четырех морей наслаждаются общими благами — считает [это своей] радостью; получают общие дары — считает [это своим] покоем. [Без него народ] огорчается, как младенец, потерявший мать; отчаивается, как пешеход, сбившийся с дороги. Вещей [у всех] в изобилии, а откуда, неведомо; еды и питья вдоволь, а от кого, неизвестно. Таков облик человека, которого называют [обладающим изначальными] свойствами.

— Хотелось бы услышать о человеке, [обладающем] разумом.

— Человек, [обладающий] высшим разумом, — ответил Изначальный Туман, — седлает луч и исчезает вместе [со своим] телом. Это называется — осветить безбрежное. Достигает предела жизни, исчерпывая до конца природу. Утратив [тяготы всей] тьмы дел, наслаждается [радостью] неба и земли, и [вся] тьма вещей возвращается к сущности. Это и называется слиться с изначальным эфиром.

Мын Отрицающий Душу и Чичжан Полный Размышлений наблюдали за войском царя Воинственного, и Чичжан Полный Размышлений сказал:

— [Воинственному] далеко до [Ограждающего] из рода Владеющих Тигром, [который] избежал подобной беды.

— Разве Ограждающий наводил порядок после смуты? [Ведь] он стал править, когда в Поднебесной царил порядок! — заметил Мын Отрицающий Душу.

— [Все] хотят, чтобы в Поднебесной царил порядок, — сказал Чичжан Полный Размышлений и спросил: — Но по какой причине это доверили [Ограждающему] из рода Владеющих Тигром?

— [Ограждающий] из рода Владеющих Тигром врачевал болячки на голове, — ответил Мын Отрицающий Душу. — Лысым раздавал волосы, больных стремился вылечить. [Как] почтительный сын, пользовался снадобьями, чтобы укрепить [здоровье] милостивого отца, и тот

совершенно исхудал. Мудрый человек этого бы постыдился. Во времена настоящего порядка добродетельных не превозносили, способными не распоряжались. Вышние походили на верхушку дерева, а народ — на вольного оленя. [Люди] были прямыми и честными и не ведали, что это справедливость; любили друг друга и не ведали, что это милосердие; были искренними и не знали, что это верность; [делали то, что] следует, и не ведали, что это доверие; работали и помогали друг другу и не ведали, что это благодеяние. Поэтому-то [они] ходили, не оставляя следов, вершили дела, но не рассказывали [о них] преданий.

Почтительный сын, [который] не льстит своим родителям, верный слуга, [который] не льстит своему государю, — таковы совершенные слуга и сын. [Того, кто] поддакивает каждому слову родителей, [одобряет] каждый [их] поступок, в народе зовут негодным сыном. [Того, кто] поддакивает каждому слову государя, одобряет каждый [его] поступок, в народе зовут негодным слугой. И все же не знают, что такова необходимость. Ведь не зовут льстецом того, кто одобряет как истину [все], сказанное в народе, считает хорошим [все], названное [в народе]! Значит ли это, что к народу относятся с большим почтением, чем к родителям, с большим уважением, чем к государю? [Стоит] назвать кого-либо угодником, и сразу же бросят гневный взгляд; [стоит] назвать кого-либо льстецом, и сразу же бросят недовольный взгляд, а [между тем] на всю жизнь остаются угодниками, на всю жизнь остаются льстецами. Нанизывая сравнения, разукрашивая речи, собирают толпы [слушателей], и [никто] их ни в начале, ни в конце, ни главных, ни второстепенных не предаст всех вместе суду. В длинных разноцветных халатах принимают различные позы, чтобы пленить своих современников, но не называют себя угодниками и льстецами. Становясь учениками, вслед за наставником твердят об истинном и ложном, но не считают себя людьми дюжинными. [Таково] круглое невежество. Тот, кто понимает свое невежество, [уже] не совсем невежда; тот, кто понимает свое заблуждение, [уже] не заблуждается [столь] глубоко. От глубокого заблуждения не освободиться всю жизнь; круглому невежде не измениться до смерти. [Когда] один из троих потерял дорогу, [они] еще могут прийти к цели,

[ибо] заблудившихся меньшинство. [Когда же] двое [из них] потеряли дорогу, путь [их] не приведет к цели, [ибо] победят заблудившиеся. Ныне же заблудились [все] в Поднебесной. Я и взываю, но не могу обрести отклика. Как это печально! Возвышенный голос не трогает слуха односельчан. [Заслыша] «Ломаем тополь», «Яркие цветы», [они] хохочут. По этой-то причине высокие речи не задерживаются в сердцах дюжинных людей. [Когда же] не звучат слова истины, верх берут пошлые речи. [Удары] по паре глиняных горшков заглушат колокол, и не достигнешь цели. Ныне же оглушены [все] в Поднебесной. Я взываю, но не могу обрести отклика. Настаивать, зная, что не обретешь [отклика], еще одно заблуждение. Поэтому лучше их оставить и не продолжать поисков. Перестану искать, — кто же разделит [со мной] печаль?

У Прокаженного в полночь родился сын. [Он] поспешил взять огня и стал пристально всматриваться, боясь лишь, чтобы сын [не оказался] на него похожим.

От столетнего дерева отрубили [часть ствола], сделали жертвенный сосуд и украсили его черным и желтым орнаментом. Обрубок же бросили в канаву. Сравним жертвенный сосуд с обрутком в канаве и [увидим], сколь различные красота и уродство. Но и сосуд и обрубок равно утратили свою природу. По-разному осуществляют справедливость [разбойник] Чжи и Цзэн[цзы] с Хронистом [Ю], однако [все] трое в равной мере утратили свою природу. Ведь для утраты [своей] природы существует пять [возможностей]. Первая — пять красок, которые расстраивают зрение, лишают глаза зоркости; вторая — пять тонов, которые расстраивают слух, его притупляют; третья — пять запахов, от которых ослабляется обоняние и закладывает нос; четвертая — пять пряностей, от которых теряются и извращаются вкусовые ощущения; пятая — смущающие сердца пристрастие и неприязнь, от которых [изначальная] природа разлетается, [словно пыль]. Все эти пять [возможностей] — враги жизни. А тут еще начали отделяться Ян [Чжу] и Мо [Ди], считая, что [именно] они обрели [истину]. Я же не называю это обретением [истины]. Разве можно назвать обретшим [истину] того, кто бедствует? Ведь тогда Сова или Голубка, очутившись

в клетке, также могут считать это обретением? Тем более что пристрастие и неприязнь, звуки и краски [служат им], чтобы отгородиться от внутреннего; а кожаная шапка с перьями зимородка, памятная дщица и широкий пояс ограничивают их во внешнем. Внутреннее отгорожено клеткой, а внешнее — рядами шнуров. Для тех, кто красуется в шнурах, да еще считает это обретением [истины], это такое же обретение, как для преступника — веревки на руках и тиски, сжимающие пальцы; а для тигров и барсов — мешки и загоны.

Глава 13 ПУТЬ ПРИРОДЫ

В пути природы [все] движется, ничто не застаивается, поэтому и возникает [вся] тьма вещей. В пути предков [все] движется, ничто не застаивается, поэтому [к ним] и обращаются [все] в Поднебесной. В пути мудрых [все] движется, ничто не застаивается, поэтому [все] среди морей [им] покоряются. Кто познал природу, постиг мудрость, [все] шесть явлений и четыре времени года, свойства предков и [древних] царей, тот [предоставляет все] самодвижению и, не проявляясь, всегда [сохраняет] покой.

Покой мудрого не означает, что покой — это добро, и оттого [он] покоен. [Вся] тьма вещей не заслуживает того, чтобы [из-за нее] тревожить сердце, поэтому [он] и покосн. [Когда] вода в покое, [в ней] виден ясно [каждый волосок] бороды, бровей. [Ее] уровень точен, и большой мастер берет [его] за образец. [Если] в покое вода чистая, то тем более [чист] разум. Сердце мудрого в покое — это зеркало неба и земли, зеркало [всей] тьмы вещей. Ведь пустота, покой, безмятежность, безразличие, уединение, тишина, недеяние — это уровень неба и земли, высшее в природных свойствах. Поэтому предки, [древние] цари и мудрые мужи оставляли [деятельность]. Оставив [деятельность], очистившись до пустоты, [наполнялись] сущностью, а сущностью и [определяли] людские порядки. Пустота [влечет за собой] покой, покой — движение, движение — восприятие. Покой [влечет за собой] недея-

ние, надеяние — ответственность за [свое] дело. Надеяние [влечет за собой] удовлетворение, удовлетворение не оставляет места ни горю, ни печали, [а дает] долголетие. Ведь пустота, покой, безмятежность, безразличие, единение, тишина, надеяние — основа [всей] тьмы вещей. Те, кто понял это, становились лицом к югу — и государем стал Высочайший: те, кто понял это, становились лицом к северу — и советником стал Ограждающий. Встать с помощью [основы] над всеми — таково достоинство предка, [древнего] царя, Сына Неба. Остаться с ее помощью внизу — таков путь скрывающегося мудрого, не коронованного царя. Уединиться с ее помощью и уйти странствовать — таков [путь] мужей на реках и морях, в горах и лесах. [Тот, кто] с ее помощью действует и успокаивает современников, приобретает великие заслуги, славное имя и объединяет Поднебесную. В покое становятся мудрецом, в движении — царем. [Того, кто] не действует, почитают; с тем, кто безыскусственен и прост, не сможет состязаться в красоте никто в Поднебесной. Ведь того, кто — постиг свойства неба и земли, называем великим основателем, великим родоначальником. [Он] един с природой, а поэтому приводит к гармонии Поднебесную, [он] един с людьми. Быть в единстве с людьми — это наслаждение человеческое, быть в единстве с природой — это наслаждение естественное.

Чжуанцзы сказал:

— О мой учитель! О мой учитель! Крошишь [всю] тьму вещей, а не жесток; взращиваешь тьму поколений, а не милосерден. [Ты] старше самой отдаленной древности, а не стар. Покрывая и поддерживая и небо и землю, отливаешь и высекаешь тьму форм, а не тленен. Это и называется естественным наслаждением. Поэтому и говорится: «Для того, кто познал естественное наслаждение, жизнь — проявление природы, смерть — изменение вещи». В покое у него те же свойства, что у [силы] холода; в движении у него такие же волны, как у [силы] жара. Поэтому для того, кто познал естественное наслаждение, нет ни гнева небес, ни людского порицания, ни бремени вещей, ни кары душ предков. Поэтому и говорится: «В его движении — небо, в его покое — земля. Сердцем в едином утвердится и царствует в Поднебесной, души предков

[ему] не вредят, [его] не утомляют». Сердцем в едином утвердится, и [ему] покорится [вся] тьма вещей. [Если] слова исходят из пустоты и покоя, достигают неба и земли, проникают во [всю] тьму вещей, это называется естественным наслаждением. Естественное наслаждение — это стремление мудрого, который пасет [всех] в Поднебесной.

Родоначальники свойств предков и [древних] царей — это небо и земля; хозяйева их — свойства пути, постоянное в них — недеяние. При недеянии брали у Поднебесной и оставался избыток, при деянии давали Поднебесной и [все] не хватало. Поэтому-то древние и ценили недеяние. [Если] высшие [держались] недеяния и низшие [держались] недеяния, то низшие приобретали те же свойства, что и высшие. Когда низшие приобретали те же свойства, что и высшие, не [оставалось] слуг. [Если] низшие [держались] деяния и высшие [держались] деяния, то высшие обретали тот же путь, что и низшие. Когда высшие обретали тот же путь, что и низшие, не [оставалось] хозяина. Высшим необходимо недсяние, и [они] берут у Поднебесной; низшим необходимо деяние и [они] дают Поднебесной — таков неизменный путь. Поэтому древние, царствуя в Поднебесной, не заботились [ни о чем], хотя и охватывали своими знаниями небо и землю; не говорили, хотя своим красноречием [могли] вылепить [всю] тьму вещей; не действовали, хотя были способны [совершить] все среди морей. Небо не рождает, а [вся] тьма вещей [сама] развивается; земля не выращивает, а [вся] тьма вещей [сама] вскармливается. Предки и [древние] цари [держались] недеяния, а [все] в Поднебесной завершалось. Поэтому и говорится: «Нет ничего священнее неба, нет ничего богаче земли, нет ничего величественнее предков и [древних] царей». Поэтому и говорится: «Предки и [древние] цари в свойствах равны небу и земле». Таково учение о том, как оседлать небо и землю, как погонять [всю] тьму вещей и применять массу людей.

Корень в высшем, верхушка в низшем; основное за хозяином, подробности за слугой. В движении трех армий и [воинов] пяти родов оружия — верхушки свойств. В наградах и карах, выгоде и ущербе, в приговоре к пяти наказаниям — верхушки обучения. В обрядах и законах,

мерах и числах, телах и названиях, изучении и сравнении — верхушки управления. В звуках колокола и барабана, в красоте перьев и [бычьих] хвостов — верхушки радости. В плаче и причитаниях, траурных одеждах, пышных или скудных — верхушки горя. Таковы [все] пять верхушек, но чтобы за ними следовали, необходимо движение разума, необходимо движение сердца. Учение о верхушках было у древних, но [его] вовсе не ставили на первое место. Благородный муж начинает, слуга [за ним] следует; отец начинает, сын [за ним] следует; старший брат начинает, младший — следует; старшие начинают, а младшие — следуют; мужчины начинают, а женщины — следуют; муж начинает, а жена — следует. Ведь в том, что впереди шествуют более почитаемые, а за ними — менее почитаемые, — порядок неба и земли. Поэтому мудрые [ему] и подражали. Священное и мудрое [в том, что] небо наверху, а земля внизу: порядок четырех времен года в том, что весна и лето сначала, а за ними осень и зима; развитие в том, что [вся] тьма вещей изменяется, приобретает форму, зарождаюсь и отделяясь, и умирает, отцветая и увядая. [Если] у самых священных — неба и земли — есть порядок высшего и низшего, первого и второго, то тем более [он должен быть] в пути людском. Порядок великого [людского] пути таков; в родовом храме почитают предков, при дворе — высших, в общине — старейших, в делах — добродетельных. Говорить о пути и отрицать его порядки — [означает] отрицать сам путь. [Если] отрицать путь, как же можно им пользоваться? По этой причине в древности те, кто постиг великий путь, начинали постижение с природы [неба], а затем переходили к природным свойствам; от природных свойств переходили к милосердию и справедливости; от милосердия и справедливости — к разделению по рангам и обязанностям; от разделения по рангам и обязанностям — к телам и названиям; от тел и названий — к назначению на должности по способностям; от назначения по способностям — к наблюдению и расследованию; от наблюдения и расследования — к одобрению и порицанию; от одобрения и порицания — к наградам и наказаниям; постигнув награды и наказания, отвели должное место умным и глупым, утвердили положение благородных и презренных. Милосердные,

добродетельные и неумелые по [своей] сущности строго делились по способностям, строго отвечали названию. Так вот служили высшим, так вот пасли низших, так вот управляли вещами, так вот совершенствовались самих себя. Не прибегая ни к знаниям, ни к замыслам, непременно обращались к природе. Это и называлось поистине мирным правлением.

В древних преданиях говорится: «есть тела, есть и названия». Тела и названия были [еще] у древних, но их не ставили на первое место. [Когда] древние рассуждали о великом пути, то могли упомянуть о телах и названиях в [числе] пяти изменений, могли упомянуть и о наградах и наказаниях в [числе] девяти изменений. На первое место ставит тела и названия [тот, кто] не знает их основы; на первое место ставит награды и наказания [тот, кто] не знает, где их начало. Рассуждают, извращая путь, разглагольствуют, противореча пути, — такие могут [лишь] управляться людьми, но разве способны управлять людьми? Те, кто на первое место ставит тела и названия, награды и наказания, познали орудия управления, но им неведом путь управления. [Они] могут быть использованы Поднебесной, но недостойны использовать Поднебесную. Таких называют софистами и педантами. У древних были обычаи и законы, меры и числа, тела и названия, изучение и сравнение. С их помощью низшие служили высшим, но не высшие пасли низших.

В старину Ограждающий спросил Высочайшего:

— Какие старания прилагаешь [ты], небесный государь?

— Я не кичусь перед беспомощными, не бросаю бедных, — ответил Высочайший. — Оплакиваю умерших, радуюсь новорожденным, жалею женщин. Вот так и стараюсь.

— Прекрасно-то прекрасно, — сказал Ограждающий. — Но не величественно.

— А как нужно? — спросил Высочайший.

— [Как] покой, который приносят небесные свойства. С таким же постоянством, с которым светят солнце и луна, сменяют [друг друга] времена года, день и ночь, с которым движение облаков дает дождь.

— [Сколько] беспокойства! [Сколько] тревоги! — воскликнул Высочайший. — Ты в единстве с Небом, я же в единстве с людьми.

Ведь древние почитали великими небо и землю, восхищались Желтым Предком, Высочайшим и Ограждающим. Но разве в древности царившие в Поднебесной действовали? [Следовали] за небом и землей и только.

Конфуций отправился на запад, чтобы спрятать книги в чжоуском хранилище, а Цзылу [ему] сказал:

— [Я], Ю, слышал, среди летописцев в Чжоу был Лаоцзы, [но он] отказался от должности и вернулся к себе домой. Не отправиться ли [к нему] за помощью, [если вы], учитель, хотите спрятать книги?

— Прекрасно, — сказал Конфуций и отправился к Лаоцзы, но тот отказался [помочь], и [Конфуций] стал [его] убеждать, излагая [все] двенадцать основ.

— Слишком пространно, — прервал его Лаоцзы и сказал: — Хочу услышать самое важное.

— Самое важное — это милосердие и справедливость, — ответил Конфуций.

— Разрешите узнать, каков характер милосердного и справедливого? — спросил Лаоцзы.

— Хорошо, — ответил Конфуций. — Без милосердия нельзя стать благородным мужем; без справедливости нельзя даже родиться благородным мужем. Милосердие и справедливость — таков характер истинного человека. Как же может быть иначе?

— Разрешите спросить, — сказал Лаоцзы, — что [вы] называете милосердием и справедливостью?

— От души радоваться вместе со [всеми] вещами, любить всех без пристрастия. Таковы чувства милосердия и справедливости, — ответил Конфуций.

— О! Почти как в речах последышей. Любовь ко всем разве не нелепость? Беспристрастие — разве это не пристрастие? — сказал Лаоцзы. — [Если вы], учитель, не хотите, чтобы Поднебесная лишилась своих пастырей, вы [должны желать ей] постоянства [такого же], как у неба и земли. Ведь, конечно, будут светить солнце и луна, будет свой порядок у звезд и планет, будут стаи птиц и стада зверей, и деревья будут [расти] вверх. [Если бы вы], учитель, действовали, подражая [их] свойствам, следовали

[их] путем, то уже [достигли бы] истинного. К чему же столь рьяно вещать о милосердии и справедливости, гочно с барабанным боем отыскивать потерянного сына? Ах, [вы], учитель, вносите смуту в характер человека!

Муж [по прозвищу] Филигранщик увиделся с Лаоцзы и спросил:

— Я слышал, что [вы], учитель, мудрый человек, и поэтому пришел [с вами] повидаться. Меня не удержала и дальняя дорога. Прошел [мимо] сотни постоянных дворов, ноги покрылись мозолями, но не смел остановиться. Ныне же я увидел, что вы не мудрец: у мышиных нор остатки риса, бросать его как попало — не милосердно. У [вас] полно и сырого и вареного, а [вы] собираете и накапливаете без предела.

Лаоцзы с безразличным видом промолчал.

На другой день Филигранщик снова увиделся с Лаоцзы и сказал:

— Вчера я над вами насмеялся. Почему же сегодня мое сердце искренне [от этого] отказывается?

— Я сам считал, что избавился [от тех, кто] ловко узнает пронизательных и мудрых, — ответил Лаоцзы. — [Если бы] вчера вы назвали меня Волон, [и я] назвался бы Волон; назвали бы меня Конем, [и я] назвался бы Конем. Если, встретив какую-то сущность, кто-то дает ей название, [то], не приняв названия, примешь от такого беду. Я покорился не оттого, что был покорен, а покорился, не изменившись.

Филигранщик пошел бочком, избегая [его] тени, вошел прямо в дом, не сняв обуви, и спросил:

— Как же [мне] совершенствоваться?

— Ведешь себя высокомерно, смотришь дерзко, — сказал Лаоцзы. — Лоб [у тебя] высокий и простой, а рычишь, словно тигр, вид неестественный. Стоишь, будто конь на привязи, умчался бы, а насильно себя удерживаешь. Кинешься — так стрелой, разбираешься — так в мелочах, познал [все] хитрости, а смотришь безмятежно. Никто не найдет [тебя] достойным доверия. На окраинах бывают такие, и имя им — воры.

Учитель сказал:

— Путь в огромном не исчерпывается, в мельчайшем не отсутствует. Поэтому-то [он] представлен полностью

во [всей] тьме вещей. Обширный-обширный, [он] все в себе объемлет. Глубокий, он неизмерим. Тела же, их свойства, милосердие, справедливость — [лишь] верхушки разума. Кто кроме настоящего человека способен его определить? Разве мир, которым обладает настоящий человек, не велик? А ведь считает [мир] недостойным, чтобы возложить на себя его бремя. Настоящий человек не идет вместе с теми, кто борется за рукоять <власти в> Поднебесной. Изучая, [он] отвергает ложное. Не идет вместе с теми, кто гонится за выгодой. [Познает] до конца истинную [природу] вещей и способен соблюсти их основу. Поэтому относится к небу и земле [как] к внешнему, покидает [всю] тьму вещей и никогда ничем не отягощает разум. Проникая в путь, сливаясь с [его] свойствами, отвергая милосердие и справедливость, изгоняя церемонии и музыку, — так утверждает настоящий человек [свое] сердце.

Речи, которые в мире ценят, записывают. Записи — это лишь речи. В речах есть ценное. Ценится в речах мысль. [Но] мысль за чем-то следует, [а] то, за чем мысль следует, нельзя передать словами. Однако в мире, ценя речи, передают [их] записями. Пусть в мире их ценят, я все же [считаю, что они] этого не достойны. Ведь ценят их не за то, что в них ценного. Ибо [когда] смотрят, видны [лишь] форма и цвет; [когда] слушают, слышны [лишь] название и голос. Увы! Люди в мире считают форму и цвет, название и голос достаточными, чтобы постичь природу другого; а воистину формы и цвета, названия и голоса недостаточно, чтобы постичь природу другого. Разве в мире понимают, [что] «знающий не говорит, говорящий не знает»?!

Хуаньгун читал нараспев книгу в зале, а подле зала тесал колесо колесный мастер Маленький. Отложив молоток и долото, мастер вошел в зал и спросил:

— Осмелюсь ли задать вопрос: что за слова, [вы], государь, распеваете?

— Слова мудрецов, — ответил царь.

— Живы ли [те] мудрецы?

— Уже умерли.

— Значит государь повторяет лишь отголоски тленных душ древних людей?

— Как смеешь [ты], колесный мастер, рассуждать о книге, которую читаю [я], единственный? [Если] есть что сказать — говори, а нечего — так умрешь!

— [Я, ваш] слуга, отнесся к этому, как к своему делу, — ответил Маленький. — Если [я] работаю медленно, [мне] легко, но [колесо] получается непрочным. [Если] спешу, [мне] тяжело, а [колесо] не прилаживается. [Когда же] не спешу и не медлю, то овладеваю [мастерством] руками, и откликаюсь сердцем. [Но] уста мои безмолвствуют — в этом есть [какой-то] секрет. [Я, ваш] слуга, не могу в притче [передать его] сыну. Сын [мой, вашего] слуги, также не способен воспринять его от [меня, вашего] слуги. Оттого-то, проработав семь десятков лет, [я] все еще мастерю колеса. Тем менее способны передать [свое мастерство] древние люди. [Они] мертвы, и значит то, что повторяет государь, лишь отголоски тленных душ древних людей.

Глава 14

ВРАЩАЕТСЯ [ЛИ] НЕБО?

— Вращается ли небо? Покоится ли земля? Борются ли за [свое] место солнце и луна? Кто-нибудь это направил? Кто-нибудь эти связи установил? Кто-нибудь от безделья [их] толкнул и привел в движение? Значит ли это, что [их] принудила скрытая пружина? Значит ли это, что [они] не могут сами остановить свое движение? Облака ли порождают дождь? Дождь ли порождает облака? Кто-нибудь посылает эти обильные даяния? Кто-нибудь все это подталкивает, развлекаясь от безделья? Ветер, возникнув на севере, дует то на запад, то на восток, блуждает в вышине. Это чье-либо дыхание? Кто-нибудь от безделья приводит [его] в волнение? Дозвольте спросить: каковы [для этого] причины?

— Подойди! Я тебе поведаю, — ответил Колдун Всех Призывающий. — В природе существуют шесть полюсов и пять элементов. [Когда] предки и цари с ними считались, царил порядок; шли им наперекор, случалась беда.

Когда появились из [реки] Ло девять [начертаний], порядок установился совершенный, свойства [обрели] полноту. [Предки], как зеркальное отражение, освещали [все] внизу на земле. [Все] в Поднебесной их поддерживали. Они-то и назывались высшими предками.

Дан, главный жрец, [ведавший] закланием жертвенного скота в Шан, спросил Чжуанцзы, что такое милосердие.

— Милосердны тигры и волки, — ответил Чжуанцзы.

— Что это значит?

— Как же не милосердны, если волчица и волчата любят друг друга?

— Разрешите спросить о настоящем милосердии!

— Для настоящего милосердия не существует родственных чувств.

— [Я], Дан, слышал о том, что без родства нет и любви, без любви нет и сыновней почтительности. Ведь не может быть настоящего милосердия без почтительного отношения к родителям!

— [Нет], это не так, — ответил Чжуанцзы. — Настоящее милосердие высоко. О нем, конечно, не стоит и говорить [исходя из] сыновней почтительности. В [твоих же] словах сыновняя почтительность не преувеличена, а уменьшена. Ведь отчего, подходя к Ин с юга, не замечают на севере [гору] Миншань? Оттого, что [она] далека от Ин. Поэтому и говорится: уважать родителей легче, чем их любить, любить родителей легче, чем их забыть, забыть родителей легче, чем заставить родителей забыть о тебе, заставить родителей забыть о тебе легче, чем [самому] забыть обо всем в Поднебесной, забыть обо всем в Поднебесной легче, чем заставить всех в Поднебесной о тебе забыть. Ведь [обладающий] свойствами забывает про Высочайшего и Ограждающего и предается недеянию. Блага [его] распространяются на тьму поколений, а Поднебесная [о нем] и не знает. Как можно только вздыхать да твердить о милосердии, о сыновней почтительности? Ведь всем этим — почтительностью к родителям и старшим братьям, милосердием и справедливостью, преданностью и доверием, целомудрием и честностью — [люди] заставляют себя служить собственной добродетели, боль-

шего [все это] не стоит. Поэтому и говорится: «Настоящее благородство отвергает царские почести, настоящее богатство отвергает царскую сокровищницу, настоящие чаяния отвергают имя и славу». От всего этого путь не изменится.

Совершенный от Северных Ворот сказал Желтому Предку:

— [Вы], владыка, исполняли мелодию «Восход солнца» на просторах у озера Дунтин. Я стал ее слушать и сначала испугался, затем предался бездействию, под конец пришел в смятение, взволнованный, молчал и [долго] не мог овладеть собой.

— Ты близок к истине, — ответил Желтый Предок. — Я сложил [эту] мелодию с помощью человеческого, настроил [цинь] с помощью природного, исполнил с помощью обрядов и долга, наполнил ее великой чистотой. [Ведь] настоящая мелодия сначала соответствует людским делам, согласуется с естественными законами, осуществляется с помощью пяти добродетелей, отвечает естественности; затем она приводит к гармонии четыре времени года, к великому единству — [всю] тьму вещей. Одно время года сменяется другим и соответственно рождается [вся] тьма вещей, то расцветая, то увядая, с постоянным распределением [дел] гражданских и военных. [Эфир] прозрачный и [эфир] мутный [с помощью сил] жара и холода гармонически соединяются, в потоках света [слышится] их звучание. [Чтобы] насекомые очнулись от спячки, я пробуждаю их раскатами грома. Конец без исхода, начало — без зачина. То смерть, то рождение, то упадок, то подъем — [эти явления] постоянны и бесконечны, но каждый раз неожиданны, поэтому ты и испугался.

Я снова заиграл мелодию, объединяющую [силы] жара и холода, озарил ее сиянием солнца и луны. Звуки то прерывистые, то протяжные, то нежные, то суровые, изменяются [все они] в единстве. В них постоянство, ибо нет главенствующего. В долине — [звуки] наполняют всю долину, в котловине — всю котловину. [Размах] мелодии определяется объемом вещи; преграды [все] щели — и сохранится [ес] сила. Она широка и свободна, название ее

высокое и светлое. Поэтому души предков и боги будут держаться во мраке, а солнце и луна, планеты и звезды — продвигаться своим порядком. Я останавливался вместе с теми, у которых есть предел, двигался вместе с теми, которые бесконечны. Я размышлял о них, но не мог их постичь; смотрел на них, но не смог их увидеть; следовал за ними, но не мог их догнать. Бездумно стоял [я] на пути к четырем пустотам, опираясь на высокий платан, и пел. Зрение истощилось в стремлении все увидеть, силы истощились в стремлении все догнать. Я не сумел [всего] достичь, и тело наполнилось пустотой, успокоилось, поэтому-то и [ты] успокоился и предался бездействию.

Я снова заиграл, не ленись, соединив мелодию с естественной жизнью. [Звуки] следовали беспорядочно, бесформенные, будто в зарослях мелодии леса. Разливаясь широко, но не растягиваясь, сумрачная, смутная, [почти] беззвучная, [она] ниоткуда не исходила, задерживалась в глубокой тьме. Одни называли ее умиранием, другие — рождением; одни — плодом, другие — цветением. В движении, в течении [она] рассеивалась, перемешалась, не придерживаясь постоянного. В мире в ней сомневались, [предоставляя] мудрому [ее] изучать. Мудрый же постигал [ее] природу, а следовал естественности. Творческая сила природы еще не затрагивалась, а [все] пять органов чувств уже наготове. Это и называется естественной мелодией: слов нет, а сердце радуется. Поэтому род Владеющих Огнем ее и [прославил] в гимне.

Вслушайся — звука ее не услышишь.
Формы ее не увидишь, всмотревшись
Небо заполнит, наполнит и землю,
Шесть полюсов обнимал собою.

Ты захотел ее услышать, но не воспринял, а поэтому и пришел в смятение. Мелодию [я] начал со страха, страх и вызывает наваждение. Затем я снова [заиграл] ленивее, [ты] предался бездействию, поэтому [все] и отступило. В заключение же [я] вызвал смятение. От смятения приходят к омрачению, от омрачения — к пути. Путем можно наполниться и с ним пребывать.

[Когда] Конфуций странствовал на Западе в Вэй, Янь Юань задал вопрос наставнику Золотому:

— Что думаете [вы] о поступках учителя?

— [Твой] учитель зашел в тупик. Как жаль! — воскликнул наставник Золотой.

— Почему? — спросил Янь Юань.

— [Пока при обряде] соломенное чучело собаки еще не показывали, — ответил наставник Золотой, — ее укладывают в корзину, покрывают узорчатым платком, а Покойник и жрец, чтоб приблизиться к ней, соблюдают пост. А после обряда, когда это чучело выбросят, прохожие топчут ему голову и спину, солому же просто сжигают, готовя пищу. [Если кто-нибудь] снова подберет [чучело собаки], уложит в корзину, покроет узорчатым платком и, странствуя, будет под ней спать, ему приснится кошмар или [он] засорит себе глаза. Ныне же [твой] учитель опять подбирает залежалые чучела собак [времен] древних царей, сзывает учеников, [с ними] странствует и спит под чучелом. Поэтому-то на него свалили дерево в Сун, [он] заметал следы [при бегстве] из Вэй, терпел бедствие в Шан и Чжоу — разве это не было кошмарным сном? [Он] был осажден между Чэнь и Цай, семь дней [оставался] без горячей пищи, на грани смерти — разве это не было засорением глаз? Ведь по воде лучше всего передвигаться в лодке, а по суше — в повозке. В лодке можно передвигаться по воде, но толкать лодку по суше не значит ли за всю жизнь не сделать ни шага? Разве древность не отличается от нашего времени, как вода от суши? Разве чжоуские порядки не отличаются от луских, как лодка от повозки? Применять ныне в Лу чжоуские порядки — не то же ли, что толкать лодку посуху? Утомительно и бесполезно, да и для здоровья вредно. Конфуций не ведает, что движение безгранично, что, соответствуя вещам [все развитие] бесконечно. Разве ты не видел [колодезного] журавля? Черпаешь [воду] — нагибается, отпустишь — поднимается. Ведь человек его нагибает, а не [он] нагибает человека. Поэтому его поклоны не могут обидеть людей. [Так же и] обряды и долг, законы и меры [времен] трех владык и пяти предков уважали не за то, [что] они были одинаковыми, а за то, что отвечали порядку. Поэтому сравнивать обряды и долг, законы и меры [времен] трех владык и пяти предков то же, что уподоблять [друг другу] резань и грушу, мандарин и помелон: [хотя] все они съедобны, но вкус у всех различный. Так же и обряды, долг,

законы, меры изменяются в соответствии с временем. [Если же] ныне оденем обезьяну в платье Чжоугуна, она непременно станет кусать, грызть, тащить, рвать [платье] и не успокоится, пока [его с себя] не стащит. Изучая различия между древностью и современностью, [видим, что] они подобны различию между обезьяной и Чжоугуном. В старину [красавица] Си Ши из-за боли в сердце хмурилась при всех в селении. На нее залюбовалась некая Уродина и, вернувшись к себе [домой], также стала хвататься за сердце и хмуриться при всех в своем селении. Однако богачи, завидя ее, запирали накрепко ворота и не показывались, а бедняки завидя ее, уходили прочь, уводя с собой жен и сыновей. Уродина поняла [лишь], что хмуриться красиво, но не поняла, почему красиво. Жаль! И [твой] учитель оказался в [таком же] тупике!

Конфуций дожил до пятидесяти лет и одного года, а не слышал о пути. Тогда [он] отправился на юг, достиг Пэй, увиделся с Лаоцзы и тот [его] спросил:

— Ты пришел? Я слышал, что ты добродетельный с Севера. Ты также обрел путь?

— Еще не обрел, — ответил Конфуций.

— Как же ты его искал? — спросил Лаоцзы.

— Я искал его в мерах и числах, но за пять лет [так и] не обрел.

— Как же ты еще искал?

— Я искал его в [силах] жара и холода, но за десять лет и два года [так и] не обрел.

— Так, — сказал Лаоцзы. — Если бы путь можно было подносить [в дар], каждый поднес бы его своему государю; если бы путь можно было подавать, каждый подал бы его своим родителям; если бы о пути можно было поведать другим, каждый поведал бы о нем своим старшим и младшим братьям; если бы путь можно было вручать другим, каждый вручил бы его своим сыновьям и внукам. Но этого сделать нельзя по той причине, что [путь] не задержится [у того, у кого] внутри нет главного; не подойдет [тому, кто] внешне [ему] не пара. [Если путь] исходит изнутри, [то] не воспринимается извне, [от] мудрого человека не изойдет; [если] входит извне, [то] не станет главным внутри, и мудрый человек [его] не прячет.

Слава — общее достояние, много [от нее] забирать нельзя. Милосердие и справедливость — [это словно] постоянный двор древних государей, [там] можно разок переночевать, долго жить нельзя, многие встречные [будут] укорять. Настоящие люди древности проходили дорогой милосердия, останавливались на ночлег у справедливости, чтобы странствовать в беспредельной пустоте, кормиться от небольшого поля, обрабатывать незаложенный <не взятый взаймы> огород, [жить] на приволье, в надеянии. От небольшого [поля] легко прокормиться, с незаложенного <не взятого взаймы> [огорода] не отдавать <займа>. Древние это называли странствиями в сборе истинного. Кто считает истинным богатство, не способен уступить жалованья; кто считает истинным славу, не способен уступить имени; кто любит власть, не способен отдать [ее] рукоять другому. [Тот, кто] держит [все] это в руках — дрожит; [кто] их отдает — страдает. Ни у кого [из них] нет зеркала, чтобы увидеть [себя]: тот, кто не прекращает, [становится] убийцей природного. Гнев и милость, взимание и возврат, советы и обучение, жизнь и казнь — эти восемь [действий] — орудия исправления. Но применять их способен лишь тот, кто следует за великими изменениями и ничему не препятствует. Поэтому и говорится: «Исправляет тот, кто [действует] правильно». Перед тем, чье сердце с этим не согласно, не откроются врата природы.

Конфуций встретился с Лаоцзы и заговорил о милосердии и справедливости.

— [Если], провеивая мякину, засоришь глаза, — сказал Лаоцзы, — то небо и земля, [все] четыре страны света поменяются местами. [Если] искусают комары и москиты, не заснешь всю ночь. [Но] нет смуты большей, чем печаль о милосердии и справедливости — [она] возмущает мое сердце. Если бы вы старались, чтобы Поднебесная не утратила своей простоты, вы бы двигались, подражая ветру, останавливались, возвращаясь к [природным] свойствам. К чему же столь рьяно, будто в поисках потерянного сына, бьете во [все] неподвижные и переносные барабаны? Ведь лебедь бел не оттого, что каждый день купается; а ворона черна не оттого, что каждый день чернится. Простота белого и черного не стоит того, чтобы о ней

спорить; красота имени и славы не стоит того, чтобы ее увеличивать. Когда источник высыхает, рыбы, поддерживая одна другую, собираются на мели и [стараются] дать друг другу влагу дыханием, слюной. [Но] лучше [им] забыть друг о друге в [просторах] рек и озер.

Повидавшись с Лаоцзы, Конфуций вернулся [домой] и три дня молчал.

— С чем [вы], учитель, вернулись от Лаоцзы? — спросили ученики.

— Ныне в нем я увидел Дракона, — ответил Конфуций. — Дракон свернулся [в клубок], и образовалось тело, расправился, и образовался узор, взлетал на облаке, на эфире, кормился от [сил] жара и холода. Я разинул рот и не мог [его] закрыть. Как же мне подражать Лаоцзы!

— В таком случае, — спросил Цыгун, — не обладает ли тот человек неподвижностью Покойника и внешнестью Дракона, голосом грома и молчанием пучины, не действует ли подобно небу и земле? Не удостоюсь ли и [я], Сы, [его] увидеть? — и от имени Конфуция [Цыгун] встретился с Лаоцзы.

Лаоцзы только что уселся на корточки в зале и слабым голосом промолвил:

— Годы мои уже на закате, и [я] ухожу. От чего вы [хотите] меня предостеречь?

— Почему только [вы], Преждерожденный, считаете, что три царя и пять предков не были мудрыми? — спросил Цыгун. — Ведь [они] управляли Поднебесной по-разному, слава же им выпала одинаковая.

— Подойди поближе, юноша, — сказал Лаоцзы. — Почему ты считаешь, что [управляли] по-разному?

— Высочайший передал [власть] Ограждающему, Ограждающий — Молодому Дракону, — сказал Цыгун. — Молодой Дракон примснял силу физическую, а Испытующий — военную. Царь Прекрасный покорялся Бесчеловечному и не смел ему противиться. Царь Воинственный пошел против Бесчеловечного и не захотел [ему] покориться. Поэтому и говорю, что по-разному.

— Подойди поближе, юноша, — сказал Лаоцзы. — Я тебе поведаю, [как] управляли Поднебесной три владыки и пять предков. Желтый Предок, правя Поднебесной, привел сердца людей к единству. [Когда] родители умирали, [дети] их не оплакивали и народ [их] не порицал. При

Высочайшем в сердцах людей Поднебесной [появились] родственные чувства. [Если] из-за смерти своих родителей люди придавали меньшее [значение] смерти чужих [родителей], народ их не порицал. При Ограждающем в сердцах людей Поднебесной [зародилось] соперничество. Женщины родили после десяти лун беременности, дети пяти лун от роду могли говорить; еще не научившись [смеяться], начинали узнавать людей и тогда стали умирать малолетними. При Молодом Драконе сердца людей Поднебесной изменились. У людей появились страсти, а [для применения] оружия — обоснования: убийство разбойника не [стали считать] убийством. Разделили на роды людей и Поднебесную [для каждого из них свою]. Поэтому Поднебесную объял великий ужас. Поднялись конфуцианцы и моисты. От них пошла правила отношений между людьми, а ныне еще и [отношений] с женами. О чем еще говорить! Я поведаю тебе, как три владыки и пять предков наводили порядок в Поднебесной. Называется — навели порядок, а худшего беспорядка еще не бывало. Своими знаниями трое владык наверху нарушили свет солнца и луны, внизу — расстроили сущность гор и рек, в середине — уменьшили блага четырех времен года. Их знания были более ядовиты, чем хвост скорпиона, чем зверь *сяньгуй*. Разве не должны они стыдиться? Ведь не сумев обрести покой в собственной природе, [они] сами еще считали себя мудрецами. Они — бесстыжие!

Цзыгун в замешательстве и смущении остался стоять [на месте].

Конфуций сказал Лаоцзы:

— [Я], Цю, считаю, что давно привел в порядок шесть основ: песни, предания, обряды, музыку, гадания, [хронику] «Весна и осень». Достаточно хорошо понял их причины, чтобы обвинить семьдесят двух царей, истолковать путь ранних государей, выяснить следы [деяний] Чжоу [гуна] и Шао [гуна]. Но ни один царь ничего [этого] не применил. [Как] тяжело! [Как мне], учителю, трудно убеждать, [как] трудно разьяснять учение!

— К счастью, ты не встретился с царем, который управляет современным миром, — сказал Лаоцзы. — В шести основах — следы деяний ранних государей. Но разве в них [говорится о том], как следы проложены? Слова, ска-

занные тобою ныне, — также следы. Ведь следы остаются и от башмаков, но разве следы — это сами башмаки?

Ведь белые цапли зачинают, [когда] смотрят друг на друга, и зрочки [у них] неподвижны; насекомые зачинают, [когда] самец застрекочет сверху, а самка откликнется снизу; *лэй* [будучи] и самцом и самкой, [сам] от себя зачинает. [Природные] свойства не изменить, жизнь не переменить, время не остановить, путь не преградить. Постигнешь [законы] пути, и все станет возможным, утраишь — ничего не добьешься.

Конфуций не показывался три луны, затем, снова увидевшись [с Лаоцзы], сказал:

— [Я], Цю, это давно постиг! Ворона и сорока высиживают яйца; рыбы зачинают, смазываясь слюной; оса перевоплощается <в другое насекомое>, [когда] родится младший брат, старший брат заплачет. Ведь [я], Цю, не превращался вместе [с путем] в человека. [А если] не превращался в человека вместе [с путем], как же могу поучать [других]?

— Хорошо! [Ты], Цю, это постиг! — ответил Лаоцзы.

Глава 15

ПОЛНЫЕ СУРОВЫХ ДУМ

Полные суровых дум и возвышенных дел покидают мир, отвергают [все] пошное; рассуждая о высоком, возмущаются и порицают [других] — надменные и только. Так любят поступать мужи, [скрывающиеся] в горах и долинах, презирающие современников, высыхающие, словно дерево, или уходящие в пучину.

Произносят речи о милосердии и справедливости, о преданности и доверии, почтительности и скромности, о том, как отказываться от [власти] и передавать [престол], — совершенствуются сами, и только. Это любят мужи, успокаивающие мир, — те, кто обучает и поучает, странствующие ученики.

Произносят речи о великих подвигах, громкой славе, о церемониях между государем и советником, об исправлении [отношений] между высшими и низшими — [стараятся] ради управления и только. Это любят мужи при-

дворные, что благоговеют перед государем, укрепляют [свое] царство, захватывают [чужие царства] и добиваются [признания] заслуг.

[Находя] пристанище на болотах и озерах, поселяясь в безлюдных местах, удят рыбу, наслаждаются праздностью, предаются недеянию, и только. Это любят мужи на реках и морях, удалившиеся от мира, те, кто предается праздности.

Вдыхая <прохладу>, выдыхая <тепло>, [упражняют] дыхание, освобождаясь от старого, принимая новое, висят на деревьях, [точно в спячке] медведи, вытягиваются, [точно] птицы, — ради долгих лет жизни, и только. Это любят мужи, проводящие [в себе] путь, питающие [свое] тело, [добиваясь] долголетия Пэн Цзу.

Но все [самое] прекрасное последует за тем, кто [способен] стать возвышенным без суровых дум, совершенствоваться без милосердия и справедливости, править, не добиваясь заслуг и славы, пребывать в праздности, не [удаляясь] к рекам и морям, живя долго, не проводя [в себе] пути, забывать обо всем и всем обладать, становиться безмятежным без предела. Таков путь неба и земли, таковы и свойства мудрого. Поэтому и говорится: «Безмятежность и безразличие, покой и уединение, пустота и недеяние — таково равновесие неба и земли, [такова] сущность природных свойств».

Поэтому и говорится: «Мудрый в покое». В покое, поэтому ровен и свободен. Ровный и свободный становится безмятежным и безразличным. К ровному, свободному, безмятежному и безразличному не вторгнутся ни горе, ни беда, его не захватят врасплох вредные пары. Поэтому свойства его целостны, а разум не страдает. Вот и говорится: «Жизнь мудрого человека — движение природы, смерть его — изменение вещи». В покое свойства [его] такие же, как у [силы] холода; в движении [у него] такие же волны, как у [силы] жара. [Он] не опередит другого ни ради счастья, ни из-за беды. Лишь восприняв, откликнется; лишь вынужденный шевельнется; лишь поневоле поднимется; отбросив знания и житейскую премудрость, следует естественным законам, поэтому [для него] нет ни стихийных бедствий, ни бремени вещей, ни людских укоров, ни кары душ предков. Он живет, будто плывет по течению; умирает, словно уходит отдыхать; не

мыслит и не заботится, не предвидит и не рассчитывает; светлый, но не блестит; доверяет, не назначая срока. Он спит без сновидений, бодрствует без печали, его разум чист, его душа не устает. Пустой и отсутствующий, безмятежный и безразличный, [он] соединяется с природными свойствами. Поэтому и говорится: «Печаль и веселье [причиняют] зло свойствам, радость и гнев [ведут] к ошибкам в пути, любовь и ненависть [приносят] ущерб свойствам». Поэтому [иметь] сердце, свободное и от печали, и от веселья, — это высшее в свойствах; быть единым и неизменным, — это высшее в покое; не противиться — высшее в пустоте; не общаться с [другими] вещами — высшее в безразличии, не выражать недовольства — высшее в чистоте. Поэтому и говорится: «[Если] утруждать [свое] тело без отдыха, это [приведет к] износу; [если] расходовать свое семя без предела, это [приведет к] изнурению, изнурение [ведет] к истощению». Вода, — чистая, [если] нет примеси; ровная, [если] не движется; непроточная, стоячая [вода] не может [сохранить] чистоты. [Таков] образ природных свойств. Поэтому и говорится: «Простой и чистый, без примеси, неизменный в покое и единстве, безразличный, предающийся недеянию — в движение приводится природой». Таков путь, питающий разум. Ведь обладатель меча из Гань [или] Юэ, не смея к нему прибегать, вложил его в ножны и спрятал. [Таково] высшее [в использовании] сокровища. Разум движется одновременно во [всех] четырех направлениях и ничем не ограничивается. Наверху — достигает неба, внизу — обвивается вокруг земли. [Но] для развития и питания [всей] тьмы вещей [его] нельзя считать образцом. Имя такого — равный предку. Чистейший и простейший путь сохраняет лишь разум. Сохраняет и не утрачивает [человек], единый с разумом. Пронизанный единой сущностью соединяется с правилами природы. Простая поговорка гласит: «Толпа дорожит выгодой, честный муж дорожит именем, добродетельный ставит высоко волю, мудрый же ценит сущность». Поэтому про чистого скажу, что он ни с чем не смешивается; про простого скажу, что он не наносит урона своему разуму; того же, кто способен воплотить в [своем] теле чистоту и простоту, назову настоящим человеком.

ИСПРАВЛЯЮЩИЕ ХАРАКТЕР

Исправляющие характер в стремлении вернуться к его началу [обращаются] к распространенным пошлым учениям. Погрязшие в страстях в стремлении обрести ясность характера [обращаются] к пошлым мыслям. Таких назову невеждами. Те, кто в древности приводил в порядок путь, накапливали знания посредством безмятежности. Знания рождались, но для действий не применялись. [Это] называется посредством знаний выращивать безмятежность. [Так] выращивали друг друга знания и безмятежность, и в гармонии с естественными законами появлялся их характер. Ведь свойства — это гармония, путь — естественные законы. Свойства вмещают в себе все, [в том числе и] милосердие; в пути все естественные законы, [в том числе и] справедливость. [Когда] понимают справедливость, вещи сближаются, [появляется] преданность. [Когда] с чистой сущностью обращаются к чувствам, [появляется] музыка. [Когда] доверие проявляется во внешнем облике и форме и следует за красотой, [появляются] обряды. [Когда] обряды и музыка распространяются повсюду, в Поднебесной начинается смута. [Если] тот, кто исправляет [других], невежествен в своих свойствах, [его] свойства не распространяются. [Если же] распространяются, то вещи непременно утратят свой [природный] характер.

Люди древности еще при хаосе вместе со [всеми] современниками обретали безмятежность и спокойствие. [Силы] жара и холода тогда соединялись в покое, души предков и боги не причиняли вреда, четыре времени года проявлялись умеренно, [вся] тьма вещей не страдала, ничто живое не умирало преждевременно. Хотя у людей и были знания, их нельзя было применить. Это и называлось высшим единством. В те времена не совершали деяний, и постоянной была естественность. Когда же свойства стали ослабевать, в Поднебесной начали действовать Добывающий Огонь Трением и Готовящий Жертвенное Мясо. [Люди] покорились, но утратили единство. Свойства упали ниже, и в Поднебесной начали действовать Священный Земледелец и Желтый Предок. [Люди] успокои-

лись, но стали непокорными. Свойства упали еще ниже. и в Поднебесной начали действовать [Высочайший] из [рода] Гончаров и [Ограждающий] из [рода] Владеющих Тигром. Тут расцвели управление, просвещение и [тому подобное]. Рассеяли простоту, загрязнили чистоту, ушли от пути ради добрых дел, воздвигли преграды для свойств ради действий, а затем отказались от [природного] характера и последовали за [своими] взглядами. Сердце [одного] узнавало сердце [другого], и знания стали недостаточными для успокоения Поднебесной. А затем к этому добавили еще внешнюю красоту и многознание. Внешняя красота уничтожила сущность, а многознание ослабило разум. И тогда в народе начались смуты и беспорядки, нельзя было вернуться к [природному] характеру и чувствам, вернуться к [их] началу. Отсюда видно, что мир потерял путь, а путь покинул мир. Мир и путь утратили друг друга. Как же могли владеющие путем поднять мир? Как же могли в мире поднять путь? Пути нечем было поднять мир, миру нечем было поднять путь. Даже если мудрый не уходил в горы и леса, его свойства оставались скрытыми. Причина отнюдь не в том, что [он] сам скрывался. Те, кого в древности называли отшельниками, отнюдь не прятались и не скрывались, отнюдь не замыкали свои уста и не молчали, отнюдь не скрывали свои знания и [их] не обнаруживали. Это великое заблуждение [учения] о времени и судьбе. Когда [учение] о времени и судьбе широко распространилось в Поднебесной, те, кто [стремился] возвратиться к единству, исчезли бесследно. Это не [учение] о времени и судьбе, а великое бедствие для Поднебесной! Тогда, уйдя в глубину [естественности], ожидали, храня высшее спокойствие. Таков путь к самосохранению. В древности те, кто хранил [в себе] путь, не приукрашивали свои знания красноречием, не терзали [всех] в Поднебесной своими знаниями, не истощали [своих] свойств знаниями. Им оставалось лишь остерегаться, пребывая в своем жилище, и [стараться] вернуться к своему [природному] характеру. Путь, конечно, не действует по мелочам, свойства, конечно, не познаются по мелочам. Малые знания вредят свойствам, а малые дела вредят пути. Поэтому и говорится: «Исправляй самого себя, и только». Радость целостности — это обретение же-

лаемого. [Но] обретением желаемого в древности называли не [пожалование] колесницы с высоким передком и парадной шапки, а только ту радость, к которой нечего добавить. Ныне же обретением желаемого называют [пожалование] колесницы с высоким передком и парадной шапки. [Но] колесница с высоким передком и парадная шапка принадлежат телу, не природному характеру. [Такие] вещи появляются случайно, на [какое-то] время. Временные — их приходу не воспрепятствовать, их ухода не остановить. Поэтому ради колесницы с высоким передком и парадной шапки нельзя давать волю [своим] желаниям, нельзя и прибегать к пошлости из-за нужды и стесненного положения. И в том, и в другом [случае] радость [должна быть] одинаковой. [Она] лишь в отсутствии печали. Ныне же уход временного лишает [человека] радости. Отсюда видно, что даже радость его была бесплодной. Поэтому и говорится: «Те, кто теряет себя в вещах, утрачивают в пошлом [природный] характер». Таких назову людьми, [которые все] ставят вверх ногами.

Глава 17

С ОСЕННИМИ РАЗЛИВАМИ

С осенними разливами сотни потоков переполнили Реку. [Она] разлилась так широко, что с одного берега и даже с островка не отличишь на другом берегу буйвола от коня. И тут Дядя Реки возрадовался, считая, что у него [теперь] вся красота Поднебесной.

[Он] по течению двинулся к востоку и достиг Северного Океана. Взглянул на восток и не увидел воде конца. Тут Дядя Реки повертел головой, глядя на водный простор, вздохнул и обратился к [Северному Океану] Жо:

— Простая поговорка гласит: «О пути узнал одну частицу и мнит, что с ним никто уж не сравнится», — это сказано обо мне. Я слышал к тому же, как мало ценили знания Конфуция, как презирали Старшего Ровного за [приверженность] долгу. Раньше я [этому] не верил, ныне же [убедился], узрев, как ты неисчерпаем. Не дойди я до твоих ворот, мне грозила бы опасность еще долго терпеть насмешки тех, кто изучает великий путь.

Северный Океан Жо сказал:

— С Лягушкой из колодца не толкуй о море — [ее] предел лишь скважина. С букашкой не толкуй о зиме — [она] знает лишь [свое] время года. С ограниченным человеком не толкуй о пути, [он] связан [тем, чему его] обучили. Ныне, покинув [свои] берега, ты полюбовался великим океаном и понял свое ничтожество, [значит], с тобой можно поговорить о великом законе. В Поднебесной нет большего водного [пространства], чем океан. В него устремляется тьма потоков — неведомо, когда остановятся, — а [он] не переполняется. Из него вытекает [пучина] Задние Ворота — неведомо, когда иссякнет, а [он] не осушается. [Океан] не меняется ни весной, ни осенью, не знает ни наводнений, ни засухи. Даже измерить нельзя. насколько он превосходит реки и потоки. Но все равно я никогда не считал себя огромным.

Сам [я] сравнивал себя с небом и землей, с [силами] жара и холода, от которых получал эфир, и рядом с небом и землей я [оказался] подобным камешку или деревцу на огромной горе. Увидев [себя] малым среди существующего, как мог [я] считать себя большим? Четыре моря в пространстве между небом и землей не походят ли на впадины от камней посреди большого болота? А Срединные царства в центре [четырех] морей не походят ли на зернышко в большом амбаре? Называя вещи, говорили: их тьма, к человеку же относили одно [название]. Людей всего девять областей, но [куда бы ни] проникали корабли и повозки, среди тех, кто питается зерном, человек был лишь одной [частью].

В сравнении с тьмой вещей не подобен ли человек кончику волоска на конской шкуре? Вот к чему сводится все [значение] деяний пяти предков, борьбы царей трех династий, забот милосердных ч хлопот служилых мужей. Вот почему [лишь] хвастовством [можно] считать и славу Старшего Ровного, отказавшегося от престола, и многознание Конфуция, [толковавшего] обо всем в речах. Не так ли и ты недавно хвастался массой [своих] вод?

— В таком случае, — спросил Дядя Реки, — можно ли [считать] небо и землю [самым] большим, а кончик волоска [самым] малым?

— Нет! — ответил Северный Океан Жо. — Ведь время бесконечно, качества вещей безграничны, в [их] участи

нет постоянства, ни в конце, ни в начале не бывает одного и того же. Поэтому-то [обладающие] глубокими познаниями наблюдают и за близким и за далеким; маленькое [для них] — не мало, большое — не велико; [так] узнают, что качества бесконечны. Доказательств ищут и в современности, и в древности; древними не тяготеются, [хотя они] и отдаленные; [современные] собирают, не становясь на цыпочки, [так] узнают, что время бесконечно. Изучают пустое и полное; обрета, не радуются; утратив, не печалются; [так] узнают, что в участи нет постоянства. Видя [жизнь как] ровную дорогу, не радуются при рождении и не считают бедой смерть; [так] узнают, что ни в конце, ни в начале не бывает одного и того же. Считают, что познанного человеком меньше, чем непознанного; что время его жизни не столь долгое, как время до его рождения. [Если] с помощью столь малого пытаются познать до конца столь крупное, то впадают в заблуждение и не могут удовлетвориться. Отсюда видно, достаточно ли познать кончик волоска, чтобы определить мельчайший зародыш, достаточно ли познать небо и землю, чтобы исчерпать величайшее пространство?!

— Верно ли говорят все те в мире, кто рассуждает: «Мельчайшая сущность не обладает формой, величайшее нельзя охватить»? — спросил повелитель Реки.

— Ведь [тот, кто], исходя из мельчайшего, взглянет на величайшее, — [его] не исчерпает, — ответил Северный Океан Жо, — [тот, кто], исходя из величайшего, взглянет на мельчайшее, [его] не разглядит. Ведь мельчайшее семя — это ничтожнейшее в малом; величайшее — это огромное в большом. Бывают случаи, когда различить [их] легко, ибо мелкие и крупные ограничиваются формой. Не обладающие формой не поддаются разделению для счета: то, что нельзя охватить, не исчерпаешь в цифровой оценке. Крупнейшие из вещей можно выразить в словах; мельчайшие из вещей можно постичь мыслью. То, что нельзя ни выразить в словах, ни постичь мыслью, не зависит от [величины] крупной или мелкой. Поэтому-то большой человек не стремится причинить вреда людям, [но и] не проявляет излишней [своей] благосклонности и милосердия. Не действует ради выгоды [и] не презирает раба у ворот. Не сутяжничает из-за имущества и товаров, [но и] не кичится, уступая или [от них] отказываясь. В делах не

прибегает к чужой [помощи, и] не кичится тем, что кормится [собственными] силами, не презирает жадных и алчных. В своих поступках отличается от [людей] пошлых [и] не кичится таким отличием. Следуя за толпой, не презирает говорунов и льстецов. Ранги и жалованье в мире не считает достойным поощрением; казни и позор не считает постыдными. Знает, что нельзя [точно] отделить правильное от неправильного, нельзя [точно] отличить малое от большого. [Я] слышал, что человек, [постигший] путь, остается неизвестным; что обладающий высшими свойствами [ничего] не обретает; что у великого человека нет самого себя — [таков] высший предел в ограничении [своей] доли.

— [Если не различать]: вещи ни по внешнему, ни по внутреннему, как же отделить благородных от презренных, как же отличить больших от малых? — спросил повелитель Реки.

— [Если] судить исходя из пути, — ответил Северный Океан Жо, — нет вещей благородных, нет презренных. [Если] судить исходя из вещей, [то они] самих себя ценят, а других презирают. [Если] судить исходя из людских обычаев, [то] от самого [человека] не зависит, [быть ему] благородным или презренным. [Если] судить исходя из принятых различий и называть большими тех, кого считают большими, то [вся] тьма вещей окажется большой; [если] называть малыми тех, кого считают малыми, то [вся] тьма вещей окажется малой. [Так] узнаешь, что небо и земля — зернышко; [так] узнаешь, что кончик волоска — холм или гора. Так сравнивают по относительной величине. [Если] судить исходя из заслуг и называть заслуженными тех, у кого признают заслуги, то у [всей] тьмы вещей окажутся заслуги; [если] отрицать заслуги тех, у кого их отрицают, то у [всей тьмы] вещей [заслуг] не окажется. [Так], узнав, что Восток и Запад друг другу противоположны, но что ни тот ни другой отрицать нельзя, [можно] определить роль [каждого как] части. [Если] судить исходя из интересов [каждого] и одобрять тех, кого одобряют, то всю тьму вещей придется одобрить; [если] осуждать тех, кого осуждают, то всю тьму вещей придется осудить. [Так], узнав, что Высочайший и Разрывающий на Части каждый себя одобрял, но один другого порицал, [можно] увидеть, как властвовали [собственные] интере-

сы. В старину Высочайший и Ограждающий уступили трон и остались предками, а Куай уступил трон и погиб. Испытующий и Воинственный боролись и стали царями, а Бэйгун боролся и погиб. Отсюда видно, что обычай — уступать [трон] или бороться [за него], поведение Высочайшего или Разрывающего на Части нельзя принимать за [ничто] постоянное, [они] бывали то благородными, то презренными. Балкой можно протаранить городскую стену, но нельзя заткнуть нору — [таково] различие в орудиях. Рыжий Быстроногий и Рыжий Черногривый пробегали в день по тысячи ли, [но] мышей ловили бы хуже, чем дикая кошка, — [таково] различие в способностях. Сова и филин по ночам ловят блох, различают кончик волоска, а днем таращат глаза и не замечают даже гору, — [таково] различие в [природных] характерах. Поэтому и говорится: «Утверждать истинное и отрицать ложное, утверждать порядок и отрицать смуту — значит не понимать закона неба и земли, [природного] характера [всей] тьмы вещей». Ведь это то же самое, что утверждать небо и отрицать землю, утверждать [силу] холода и отрицать [силу] жара, — ясно, что это не годится. И все же [об этом] толкуют, не переставая, [если] не дураки, так лгуны. Предки и цари по-разному передавали власть; при трех династиях по-разному наследовали власть. Того, кто отличался от [своих] современников, кто шел против обычаев, называли узурпатором; того, кто не отличался от современников, кто следовал обычаям, называли поборником справедливости. Помолчал бы [ты], Дядя Реки! Откуда тебе знать, где ворота благородного, а где — презренного, где дома малых, а где — великих!

— Что же мне в таком случае делать, а чего не делать? — спросил Дядя Реки. — Принимать или отказываться? Добиваться или отступать? Как же мне, в конце концов, быть?

— Что такое благородный? Что такое презренный? [Если] судить исходя из пути, назову это [лишь] развитием противоположностей, — ответил Северный Океан Жо. — Не упрямясь в своих мыслях, [они] большое препятствие для пути. Что такое малые? Что такое великие? Это назову [лишь] благодарностью за дары <природы>. Не действуй всегда одинаково, разойдешься с путем. [Будь] суров подобно [такому] государю в царстве, кото-

рый не знает личного пристрастия. [Будь] удовлетворен подобно богу Земли во время жертвоприношения — для него нет личного счастья. [Будь] широк подобно бесконечности всех четырех сторон, которой нет пределов. Охвати [всю] тьму вещей, [не вникая] кто кому помогает, кто кого поддерживает, — это назову беспристрастием. [Станешь относиться] ко [всей] тьме вещей беспристрастно, [разве окажутся] одна хуже, другая лучше? У пути нет ни конца, ни начала, у вещей есть смерть и рождение, их совершенство ненадежно; то пустые, то полные, не [навечно] обретают свою форму. Годы нельзя повторить, время нельзя остановить. Увядание и рост, полнота и пустота, конец и начало — вот почему называем великой справедливостью, судим о [естественном] законе тьмы вещей. Жизнь вещи подобна стремительному бегу, [она] развивается с каждым движением, изменяется с каждым моментом. [Ты спрашиваешь], что тебе делать? Чего не делать? Ведь в будущем, конечно, сам по себе изменишься.

— Но что же тогда ценного в пути? — спросил Дядя Реки.

— Познавший путь, — ответил Северный Океан Жо, — непременно постигнет [естественный] закон; постигший [естественный] закон непременно поймет, что такое власть; понявший, что такое власть, не станет вредить себе из-за вещей. [Человека] настоящих свойств огонь не обожжет, вода не утопит, ни холод, ни жар не причинят [ему] вреда, ни хищные птицы, ни дикие звери [его] не погубят. [Это] не значит, что они к нему [отнесутся] безразлично. [Это] значит, что [он] изучает опасное и безопасное, спокоен в счастье и в беде, осторожен, и приближаясь и удаляясь, и ничто [ему] не вредит. Поэтому и говорится: «Естественное — внутри, человеческое — вовне». Свойства зависят от природы; поняв, что в поведении естественное, а что человеческое, [обретешь] корень в природном и твердость в свойствах. [Чем] топтаться на месте, [то] вытягиваясь, [то] сжимаясь, [лучше] вернуться к самому важному и поговорить о высшем.

— Что такое естественное? Что такое человеческое? — спросил Дядя Реки.

— У буйвола и у коня по четыре ноги, — ответил Северный Океан Жо, — это называют естественным. Конь

в узде, буйвол с продырявленным носом — это называю человеческим. Поэтому и говорится: «Не губи природного человеческим, не губи естественного искусственным, не жертвуй собой ради приобретения». Тщательно сохраняя [природное], не теряй [его] — это назову возвращением к своему истинному.

Одноногий позавидовал Сороконожке, Сороконожка позавидовала Змее, Змея позавидовала Ветру, Ветер позавидовал Глазу, Глаз позавидовал Сердцу.

Одноногий сказал Сороконожке:

— Подпрыгивая на одной ноге, я передвигаюсь медленнее [тебя]. Как ты ныне [справляешься] со [своей] тьмой ножек?

— Не знаю почему, [но] я двигаюсь ныне с помощью естественного механизма, — ответила Сороконожка. — Разве ты не видел слюны? Когда плюют, [капельки] то крупные, точно жемчужины, то мелкие, точно туман, рассеиваясь, падают вниз. [Этих капель] нельзя и сосчитать.

Сороконожка сказала Змее:

— Я передвигаюсь на многих ногах. Почему же я не могу догнать тебя, у которой нет ног?

— [Мною] движет естественный механизм. Разве [его] можно изменить? И как бы я стала ходить ногами? — ответила Змея.

Змея сказала Ветру:

— Я передвигаюсь, шевеля своим позвоночником и ребрами, как будто у меня есть [ноги]. [У тебя] как будто нет [ног], как же ты ныне, бушуя, поднимаешься с Северного океана и, бушуя, влетаешь на Южный океан?

— Да, я, бушуя, поднимаюсь с Северного океана и влетаю на Южный океан, — ответил Ветер. — Но ткни меня пальцем, и меня одолеешь; наступи на меня, и меня одолеешь, а ведь лишь я способен ломать огромные деревья и сносить большие дома. Поэтому великие победы одерживает [лишь] тот, кого не победит тьма мелочей. Одерживать великие победы способен лишь мудрый.

[Когда] Конфуций странствовал по [местности] Куан. сунцы окружили его в несколько рядов, но [он], не прекращая, пел и перебирал струны.

— Почему [вы], учитель, развлекаетесь? — войдя, спросил Цзылу.

— Подойди, я тебе поведаю, — ответил Конфуций. — Я давно уже опасался беды, но не [смог ее] избежать — [такова] судьба. Давно уже добивался удачи, но [ее] не достиг — [таково] время. При Высочайшем и Ограждающем в Поднебесной не было неудачников, и [благополучия] добивались не знаниями. При Разрывающем на Части и Бесчеловечном не было людей удачливых, и не из за недостатка в знаниях. Таково соотношение времени и обстоятельств. Ведь мужество рыбака в том, чтобы не избегать на воде встречи с драконом. Мужество охотника в том, чтобы не уклоняться на суше от тигра и носорога. Мужество героя в том, чтобы встретить смерть, точно жизнь, скрестив сверкающие клинки. Мужество мудрого в том, чтобы бестрепетно встретить великое бедствие, сознавая, что беда зависит от судьбы, а удача — от времени. Останься [здесь], Ю! Моя судьба предрешена!

Но вскоре вошел латник попрощаться и сказал:

— [Вас] приняли за Яна Тигра, поэтому и окружили. Ныне же снимаем [осаду]. — [Он] попросил разрешения проститься и ушел.

Гунсунь Лун сказал царевичу Моу:

— [Я], Лун, с юности изучал путь древних государей, [когда] вырос, понял повеление милосердного и справедливого. [Я] объединил тождество и различие, отделил твердость и белизну, [утвердил] истинное и неистинное, возможное и невозможное. [Я] утомился, [постигая] знания [всей] сотни школ, исчерпал мастерство в споре многих ораторов и счел, что достиг высшей проницательности. Ныне же услышал речи Чжуанцзы и удивился, [так] они неясны. В чем [я] отстал [от него] — в красноречии, в знаниях? Не пойму! Ныне я больше не раскрою рта. Дозвольте спросить, в чем его секрет?

Царевич Моу облокотился о столик, глубоко вздохнул, взглянул на небо и, улыбнувшись, заговорил:

— Разве ты не слышал, что сказала Лягушка из обмелевшего колодца Черепахе из Восточного моря? «Почему бы, [вам], учитель, не зайти посмотреть, как я наслаждаюсь? [Я] выбираюсь наверх, прыгая по стенкам колодца, возвращаюсь, отдыхая в выбоинах стены, где выпал кирпич. Зайду в воду — доходит до подмышек, до подбородка; зайду в ил — утонет в нем и стопа и голень. Никто

кругом со мною не сравнится, ни червяки, ни головастики. К тому же то прыгать, то сидеть в разрушенном колодце, распоряжаться целой лужей — это высшее наслаждение!» Не [успела] еще Черепаха из Восточного моря ступить левой ногой, как правое колено уже застряло. Тут [она] потопталась и, пятясь, стала рассказывать [Лягушке] о море: «Ведь так [оно] широко, что тысячи *ли* не хватит измерить его дали; так глубоко, что тысячи *жэней* не хватит достать до [дна]. Во времена Молодого Дракона за десять лет девять раз [случалось] наводнение, а воды [в морс] не прибавилось; во времена Испытующего за восемь лет семь раз [случалась] засуха, а берега [его] не понизились. Много ли [пройдет] времени, мало ли, сколько бы ни влилось, сколько бы ни вылилось, [море] не переменится. Вот какое огромное наслаждение [жить] в Восточном море». Тут, само собою разумеется. Лягушка из обмелевшего колодца испугалась и задрожала, как потерянная.

Не уподобляешься ли Лягушке из обмелевшего колодца с [твоими знаниями], не[достаточными, чтобы] понять тончайшие речи учения, [со стремлением] каждый раз [показаться] острословом своего времени?

Да притом [тебе, — продолжал царевич, —] со знаниями. не[достаточными, чтобы] отграничить область истинного от неистинного, так же непосильно познать речи Чжуанцзы, как комару снести гору, а стоножке перегнуть реку. Чжуанцзы же в своем мастерстве попирает Желтые источники; взмывает к дальним небесам, [для него] нет, ни юга, ни севера. Беспрепятственно проникая во [все] четыре стороны, погружается в неизмеримое, [для него] нет ни востока, ни запада. Начиная с изначального, возвращается ко всеобщему проникновению [эфира]. Ты же с трепетом просишь [рассказать о нем] для изучения, ищешь его, [чтоб отточить свое] красноречие. Не так же ли это мелко, как глядеть на небо через трубочку, как целиться шилом в землю? Уходи! Разве ты не слышал о том, как младшие сыновья из Шоулина учились ходьбе в Ханьдане? Еще не приобретя [в этом] царстве [нового] мастерства, утратили прежнюю [сноровку] в ходьбе, вернулись же ползком. [Если] ты теперь не уйдешь, забудешь прежнее [искусство], потеряешь свое ремесло.

Гунсунь Лун удалился так стремительно, что не успел ни остановить языка, ни закрыть разинутого рта.

[Когда] Чжуанцзы удил в реке Бушуй, от чуского царя прибыли два знатных мужа и передали [ему слова царя]: «хочу обременить [вас службой] в [моем] царстве».

Не выпуская из рук удочку и не оборачиваясь, Чжуанцзы так [им] сказал:

— Слышал я, что в Чу есть Священная черепаха. Три тысячи лет как она мертва, и цари хранят [ее] в храме предков [завернутую] в покрывалах в ларце. Что лучше для черепахи: быть мертвой, чтобы почитали и хранили ее панцирь, или быть живой и волочить хвост по земле?

— Лучше быть живой и волочить хвост по земле, — ответили знатные мужи.

— Вот и я хочу волочить хвост по земле. Уходите! — заключил Чжуанцзы.

Чжуанцзы отправился повидаться с Творящим Благо, который служил советником в Лян. И кто-то предупредил советника:

— Идет Чжуанцзы, [он] зарится на ваш [пост].

Творящий Благо перепугался. [Целых] три дня и три ночи обыскивал [он] страну.

Чжуанцзы явился к нему и спросил:

— Слышал ли ты про птенца, что водится на юге и зовется Юный Феникс? От Южного океана он летит к Северному, гнездится лишь на платане, питается лишь чистыми плодами, пьет лишь из сладкого источника. И вот [этот] Феникс пролетал над Совой, подобравшей дохлую крысу, а та, посмотрев на него снизу, угрожающе крикнула: «прочь!» Ныне и ты угрожающе кричишь: «прочь!» Уж не думаешь ли отпугнуть меня от царства Лян?

Прогуливаясь с Творящим Благо по мосту через Хао Чжуандзы сказал:

— Пескари привольно резвятся, в этом их радость!

— Ты же не рыба, — возразил Творящий Благо. — Откуда [тебе] знать в чем ее радость?

— Ты же не я, — возразил Чжуанцзы. — Откуда [тебе] знать, что я знаю, а чего не знаю?

— Я не ты, — продолжал спорить Творящий Благо, — и, конечно, не ведаю, что ты знаешь, а чего не знаешь. Но ты-то не рыба, и не можешь знать, в чем ее радость.

— Дозволь вернуться к началу, — сказал Чжуанцзы. — «Откуда [тебе] знать, в чем ее радость?» спросил ты, я ответил, и ты узнал то, что знал я. Я же это узнал, гуляя над [рекой] Хао.

Глава 18 ВЫСШЕЕ СЧАСТЬЕ

Существует ли в Поднебесной высшее счастье? Существует ли возможность сохранить жизнь? Как же ныне действовать, на что опираться? Чего избегать, где задерживаться? Чего домогаться, от чего отказываться? Что любить, что ненавидеть?

Ведь в Поднебесной почитают богатство, знатность, долголетие, доблесть; любят покой, тонкие яства, изящные одежды, прекрасные лица, мелодичные звуки, а ненавидят бедность, низкое положение, преждевременную смерть, ничтожество; страдают, когда не могут беззаботно предаваться покою, вкушать тонкие яства, облачаться в изящные одежды, любоваться красавицами, наслаждаться музыкой. Лишенные всего этого охвачены страхом, предаются печали. Как глупо! Ведь все это делается лишь для тела!

Ведь богачи, изнуря себя чрезмерным трудом, собирают столько сокровищ, что не успевают ими воспользоваться, и [даже] телу они не нужны. Благородные проводят дни и даже ночи в размышлениях [о том, насколько они] доблестны. Как это чуждо [даже] телу!

Человек рождается вместе с горем, дожив до глубокой старости, тупеет. Как мучительно, не умирая, столь долго горевать. Насколько далеко от [его] тела то, что он делает.

[Все] в Поднебесной превозносят доблесть героев, пожертвовавших жизнью. Но я не знаю, воистину ли это доблесть, [если ее] недостаточно, чтобы сохранить [свою] жизнь? Если считать это доблестью, [ее] недостаточно, чтобы сохранить жизнь себе. А если не считать это доблестью, так [ее] достаточно, чтобы сохранить жизнь дру-

гим. Поэтому и говорится: «[Если] искренним советам не внемлют, сиди покорно и не спорь». Ибо [У] Цзысюй стал спорить и погубил себя, а не спорил бы, не заслужил бы славы. Так существует ли в действительности доблесть?

Я не знаю, в том ли на самом деле счастье, что ныне в толпе делают и в чем [находят] счастье. Я наблюдаю за тем, что толпе нравится, за чем все бегут, вопреки опасности, точно боясь упустить. То, что все называют счастьем, для меня не счастье, хотя и не горе. Но существует ли на самом деле счастье? Я считаю настоящим счастьем надеяние, а толпа считает это великим мучением. Поэтому и говорится: «Высшее счастье в отсутствии счастья, высшая слава в отсутствии славы». Хотя в Поднебесной нельзя определить, в чем истинное, а в чем неистинное, но в надеянии можно определить, что истинное, а что неистинное. Высшее наслаждение в сохранении жизни, но только надеяние приближает [это] к осуществлению. Дозвольте попытаться это объяснить.

Недеянием небо достигает чистоты, недеянием земля достигает покоя. При слиянии недеяния их обоих развивается [вся] тьма вещей. Неразлично, неуловимо [они] исходят из ничего; неразличимы, неуловимы, не обладают образом. [Вся] тьма вещей зарождается в недеянии. Поэтому и говорится: «Небо и земля бездействуют и все совершают». А кто из людей способен достичь недеяния?

У Чжуанцзы умерла жена и Творящий Благо [пришел] ее оплакивать. Чжуанцзы же сидел на корточках и пел, ударяя [в такт] по глиняному тазу.

Творящий Благо сказал:

— Мало того, что [вы] не оплакиваете умершую. [которая] прожила с [вами, своим] мужем до старости и вырастила детей. Не слишком ли много [себе позволяете], предаваясь пению, отбивая такт о таз?

— Это не так, — ответил Чжуанцзы. — Могла ли меня не опечалить ее кончина? [Но затем] я задумался о том, что [было] вначале, [когда она] еще не родилась, не только не родилась, но еще не обладала телом, не только телом, но даже и эфиром. Слитая с неразличимым, неуловимым, [стала] развиваться и обрела эфир, эфир развилась ... и обрела тело, тело развилось — и обрела жизнь. Ныне же прошла через новое развитие — смерть. Все это сменя-

ло друг друга, как времена года: весна и осень, лето и зима. И я понял, что плакать и причитать, когда она покойтся в огромном доме, значит не понимать жизни. Поэтому и перестал.

Дядя Урод и Дядя Неразумный Одноногий <от рождения> осматривали холм — Обитель мертвых, где покоился Желтый Предок в пустынных местах на горе Союз Старших Братьев. И вдруг на левом локте [у Неразумного Одноногого] появилась опухоль, и он задумался с удивлением, [будто] испугался.

— Страшишься ее? — спросил Урод.

— Нет, — ответил Неразумный Одноногий. — Чего мне страшиться? Ведь жизнь [нами лишь] одолжена. Взяли в долг и живем, живущие — прах. Жизнь и смерть, [что] день и ночь. Мы с тобой посетили [того, кто уже] прошел через изменение. Почему же мне страшиться изменения, когда оно меня коснулось?

Подходя к Чу, Чжуанцзы наткнулся на голый череп, побелевший, но еще сохранивший свою форму. [Чжуанцзы] ударил по черепу хлыстом и [обратился] к нему с вопросами:

— Довела ли [тебя] до этого, учитель, безрассудная жажда жизни или секира на плахе, когда служил побежденному царству? Довели ли тебя до этого лурные поступки, опозорившие отца и мать, жену и детей, или муки голода и холода? Довела ли тебя до этого смерть, [после многих] лет жизни? — сказав это, Чжуанцзы лег спать, положив под голову череп.

В полночь Череп явился [ему] во сне и молвил:

— Ты болтал, будто софист. В твоих словах — бремя [мучений] живого человека. После смерти их нет. Хочешь ли выслушать мертвого?

— Да, — ответил Чжуанцзы.

— Для мертвого, — сказал череп, — нет ни царя наверху, ни слуг внизу, нет для него и смены времен года. Спокойно следует он за годовыми циклами неба и земли. Такого счастья нет даже у царя, обращенного лицом к югу.

Не поверив ему, Чжуанцзы спросил:

— А хочешь, я велю Ведающему судьбами возродить тебя к жизни, отдать тебе плоть и кровь, вернуть отца и мать, жену и детей, соседей и друзей?

Череп взгляделся [в него], сурово нахмурился и ответил:

— Кто пожелает сменить царственное счастье на человеческие муки!

Янь Юань отправился на Восток, в Ци, и Конфуций опечалился.

Цыгун сошел с циновки и задал вопрос:

— Осмелюсь ли [я], ничтожный ученик, спросить, почему [Вы], учитель, опечалились, когда Хой отправился на Восток, в Ци?

— Вопрос ты задал хорошо! — ответил Конфуций. — [Я], Цю, одобряю слова, когда-то сказанные Гуаньцзы: «В малый мешок не вместить [ничего] большого, с короткой веревкой не зачерпнуть [воды] в глубоком [колодце]». Да, это так. Телом [человек] следует за тем, что предназначено судьбой, ничего не добавишь, ничего не убавишь. Я опасаясь, что Хой заговорит с правителем Ци о пути Высочайшего, Ограждающего, Желтого Предка, станет повторять речи Добывающего Огонь Трением и Священного Земледельца. [В этих идеалах] царь будет искать себя, но не найдет. А не найдя, станет подозревать Хоя, а заподозрив, казнит. Разве ты не слышал [о том], как в старину в окрестностях [столицы] Лу опустилась морская птица. Луский правитель сам ее встретил и устроил для нее пиршество в храме предков. Чтобы усладить [ее] музыкой, исполнили девять [тактов мелодии «Великое»] Цветение»; чтобы угостить, приготовили жертвенных животных. Но у птицы рябило в глазах, [она] грустила, не решилась проглотить ни одного куска, не смогла выпить ни одной чарки и через три дня умерла.

Вот что значит кормить птицу тем, чем питаешься сам, а не тем, чем кормится птица. Ведь чтобы кормить птицу так, как она кормится сама, нужно [предоставить ей] гнездиться в глухом лесу, бродить по отмелям, плавать по рекам и озерам, кормиться угрями и мелкой рыбой, летать в косяке и опускаться, отдыхать на приволье. Ведь ей человеческая речь неприятна, что [ей] делать среди этого

шума? [Если] исполнять «Восход солнца» и девять [тактов мелодии «Великое Цветение» на берегах [озера] Дунтин, то птицы от них разлетятся, звери разбегутся, рыба уйдет в глубину. Только люди, заслышав их, окружают [певцов] и станут на них смотреть.

Рыба под водой живет, а человек под водой умирает. [Они] друг от друга отличаются, а поэтому любят и ненавидят не одно и то же. Поэтому-то прежде мудрые не считали одинаковыми ни способности, ни занятия. Названия [у них] отражали сущность, а должное соответствовало [природе]. Поэтому и говорили, что [тогда] порядок был разумным, а счастье — прочным.

Лецзы, странствуя, решил закусить у дороги и заметил столетий череп. Отогнув полынь и указав на него, Лецзы сказал:

— Только мы с тобой и понимаем, что нет ни рождения, ни смерти. Обрел ли ты действительно печаль [смерти]? Обрел ли я действительно радость [жизни]?

Есть мельчайшие семена. Попадая в воду, [они] соединяются в перепончатую ткань; на грани с суши приобретают покров лягушки, раковину [моллюска]; на горах и холмах становятся подорожником. Подорожник, обретя удобрение от гнилого, становится [растением] воронья нога. Корни вороньей ноги превращаются в земляных и древесных червей, а листья — в бабочек, бабочки также изменяются и становятся насекомыми. Когда [насекомые] рождаются у соляного поля <у очага>, то будто сбрасывают кожу и называются [насекомыми] цюйдо. Цюйдо через тысячу дней превращается в птицу, ее имя — ганьюгу. Слюна ганьюгу становится сыми, а сыми превращается в [насекомое] илу в пищевом уксусе, а от него — [насекомое] хуанхуан пищевого уксуса, а от него [насекомое] цзюю. [Насекомое] моужуй порождает вошь на тыквах. [Растение] янси, соединяясь со старым бамбуком, не дававшим ростков, порождает темную собаку, темная собака — барса, барс — лошадь, лошадь — человека. Человек же снова уходит в мельчайшие семена. [Вся] тьма вещей выходит из мельчайших семян и в них возвращается.

ПОНИМАЮЩИЙ [СУЩНОСТЬ] ЖИЗНИ

Понимающий сущность жизни не занимается бесполезным; понимающий сущность судьбы не занимается тем, к чему незачем прилагать знаний. Для поддержания тела прежде всего необходимы вещи, но бывает, что тело не поддерживают, [хотя] вещей в избытке. Чтобы жить, следует прежде всего не расставаться с телом, но бывает, что теряют жизнь и не расставаясь с телом. От прихода жизни нельзя отказаться, ее ухода не остановить. Увы! Ведь в мире считают, что пропитания тела достаточно для поддержания жизни, хотя пропитания тела, разумеется, недостаточно для поддержания жизни. Почему же в мире считают это достаточным? И [почему] неизбежно все так поступают, хотя этого и недостаточно? Ведь тому, кто хочет избежать забот о теле, лучше всего уйти от мира. Уйдя от мира, избавляешься от бремени. Избавившись от бремени, становишься прямым и ровным. Став прямым и ровным, вместе с другими обновись. Обновившись же, станешь близок [пути]. Но стоит ли оставить дела? Стоит ли забыть о жизни? [Да]. Оставив дела, перестанешь утруждать свое тело; забыв о жизни, не утратишь сущности <семени>. Ведь сохранив целостным тело, восстановив сущность, сольешься в единое целое с природой. Ведь небо и земля — отец и мать [всей] тьмы вещей. [Когда они] объединяются — образуется тело, [когда] разделяются — образуется [новое] начало. Сохранение без утраты тела и сущности называется [сохранением] способности к движению. Сущность, и снова сущность, и возвращение, чтобы уподобиться природе.

Учитель Лецзы спросил Стража Границы:

— Настоящий человек идет под водой и не захлебывается, ступает по огню и не обжигается, идет над тьмой вещей и не трепещет. Дозвольте спросить, как этого добиться?

— Этого добиваются не знаниями и не ловкостью, не смелостью и не решительностью, а сохранением чистоты эфира, — ответил Страж Границы. — Сядь, я тебе [об этом] поведаю. Все, что обладает формой и наружным

видом, звучанием и цветом, — это вещи. [Различие] только в свойствах! Как же могут одни вещи отдаляться от других! Разве этого достаточно для превосходства [одних над другими]? Но разве могут [другие] вещи остановить того, кто сумел понять и охватить до конца [процесс] создания вещей из бесформенного, [понять, что процесс] прекращается с прекращением изменений? Держась меры бесстрастия, скрываясь в не имеющем начала времени, тот, <кто обрел истину>, будет странствовать там, где начинается и кончается тьма вещей. [Он добивается] единства [своей] природы, чистоты своего эфира, полноты свойств, чтобы проникать в [процесс] создания вещей. Природа у того, кто так поступает, хранит свою целостность, в жизненной энергии нет недостатка. Разве проникнут в его [сердце] печали!

Ведь пьяный при падении с повозки, даже очень резко, не разобьется до смерти. Кости и сочленения [у него] такие же, как и у [других] людей, а повреждения иные, ибо душа у него целостная. Сел в повозку неосознанно и упал неосознанно. [Думы о] жизни и смерти, удивление и страх не нашли места в его груди, поэтому, сталкиваясь с предметом, [он] не сжимался от страха. Если человек обретает [подобную] целостность от вина, то какую же целостность должен он обрести от природы. Мудрый человек сливается с природой, поэтому ничто не может ему повредить.

Мститель не станет ломать [мечей] Мо[се] и Гань[цзян]. Подозрительный не станет гневаться на сброшенную ветром черепицу. [Если] в Поднебесной [всего] будет поровну, не станет ни смуты — нападений и войн, ни казней — убийств, обезглавливания. Значит, путь развивает не человеческую, а естественную природу. С развитием природного рождаются свойства, с развитием человеческого появляются разбойники. [Если] не пресыщаться естественным, не пренебрегать человеческим, народ станет близок своей истинной [природе].

Направляясь в Чу, Конфуций вышел из леса и заметил Горбуна, который ловил цикад, будто [просто] их подбирал.

— Как ты искусен! — воскликнул Конфуций. — Обладаешь ли секретом?

— Да! У меня есть секрет, — ответил ловец цикад. — В пятую-шестую луну кладу на коконы [цикад] шарики. [Из тех, на которые] положу два [шарика], и [шарики] не упадут, теряю немногих; [из тех, на которые] положу три [шарика], и [шарики] не упадут, теряю одну из [каждых] десяти; [тех же, на которые] положу пять шариков, и не упадут, [ловлю всех просто], будто подбираю. Я стою, словно старый пень, руки держу, словно сухие ветви. Как бы ни велика была вселенная, какая бы тьма тварей в ней ни существовала, мне ведомы лишь крылатые цикады. Почему бы мне их не ловить, [если] ничто [другое] не заставит меня шевельнуться, ни на что в мире я не сменяю крылышки цикады!

— Вот каковы речи того Горбуна! Воля его не рассеивается, а сгущается в душе! — воскликнул Конфуций, обернувшись к своим ученикам.

Янь Юань рассказал Конфуцию:

— Когда я переправлялся через пучину Глубина кубка, Перевозчик правил лодкой, как бог. Я спросил его: «Можно ли научиться управлять лодкой?» «Да, — ответил он. — У прекрасного пловца [к этому] особые способности, а если это водолаз, то [он] примется управлять лодкой, даже не видав ее прежде в глаза». Я спрашивал [еще], но [он] мне более не отвечал. Осмелюсь ли задать вопрос: «Что это означает?».

— «У прекрасного пловца [к этому] особые способности», — ответил Конфуций, — [означает, что он] забывает про воду; «а если это водолаз, то [он] примется управлять лодкой, даже не видав ее прежде в глаза» — для него пучина подобна суше, а опрокинутая лодка — скользящей назад повозке. Пусть перед ним опрокидывается и скользит тьма [вещей], это даже не привлечет его внимания; куда бы ни направился, все станет делать играючи.

Мастер игры [со ставкой] на черепицу станет волноваться при игре на [серебряную] застежку и потеряет рассудок при игре на золото. Искусство одно и то же, но стоит появиться ценному, и внимание перейдет на внеш-

нее. Внимание же к внешнему всегда притупляет [внимание к] внутреннему.

Тянь Кайчжи встретился с чжоуским царем Величественным, и царь спросил [его]:

— Что ты слышал от жреца Шэня, когда с ним прогуливался? Мне говорили, он изучает долголетие.

— Что [я], Кайчжи, мог слышать от учителя? [Ведь я] стоял с метлой, прислонясь к воротам, — ответил Тянь Кайчжи.

— Не уклоняйся, Тянь, — сказал царь. — Мне хочется об этом услышать.

— [Я] слышал от учителя, — заговорил Кайчжи, — что умеющий поддерживать жизнь подобен пастуху: смотрит за отстающими овцами и их подгоняет.

— Что это значит? — спросил чжоуский царь Величественный.

— Одинокий Барс жил в Лу на высокой горе, пил [лишь] воду, ни с кем не делил наживы. Прожил лет до семидесяти, а выглядел будто младенец. Но на беду повстречался с голодным тигром. Голодный тигр убил его и сожрал. Жил [там и] Чжан Смелый. На высоких воротах [у него] висели тонкие занавеси, и каждый к нему заходил. Прожил лет до сорока и умер от болезни — лихорадки. Одинокий Барс поддерживал свое внутреннее, а тигр съел его внешнее. Смелый поддерживал свое внешнее, а болезнь напала на его внутреннее. Оба они не подгоняли свое отстающее.

Конфуций сказал:

— Не уходить и не таиться, не выходить и не красоваться, виситься посередине, будто сухое дерево, — тот, кто усвоит эти три [условия], непременно достигнет высшей славы. Ведь перед опасной дорогой, где из десяти убивают одного, отцы и сыновья, старшие и младшие братья предостерегают друг друга и осмеливаются выходить только со многими воинами и слугами. Не есть ли это знание об опасности, которой подвергается человек? Но сколь заблуждается тот, кто не умеет предостеречь [людей], возлежащих на циновках во время еды и питья!

Жрец Сородич в парадной одежде и в шапке, войдя в хлев для жертвенных животных, спросил Кабана:

— Зачем ты страшишься смерти? Разве тебе не нравится, что три луны я стану тебя откармливать, десять дней буду поститься, три дня бодрствовать, а [уж потом], подостлав белый пырей, возложу твои лопатки и крестец на резную жертвенную подставку?

Заботившийся о Кабане сказал:

— Лучше кормиться отрубями и мякиной, да оставаться в хлеву!

Заботившийся о самом себе сказал:

— Хорошо бы жить почитаемым, обладателем колесницы с высоким передком и парадной шапки, а умереть — пусть похоронят в гробу на разукрашенной погребальной колеснице.

Заботившийся о себе предпочел то, от чего отказался Заботившийся о Кабане. Чем же он отличается от Кабана?

Гуань Чжун правил колесницей, [когда царь] Хуаньгун охотился на болоте и увидел духа. Царь дотронулся до руки Гуань Чжуна и спросил:

— Видел ли [ты] что-нибудь, Отец Чжун?

— [Я, Ваш] слуга, ничего не видел, — ответил Гуань Чжун.

Вернувшись, царь лишился сознания, заболел и несколько дней не выходил.

Среди циских мужей был Хуанцзы Обвинитель Гордыни, который сказал:

— Как мог дух повредить царю? Царь сам себе повредил! Ведь от гнева эфир рассеивается и не возвращается, поэтому [его] и не хватает. [Если], поднявшись, [эфир] не спускается, человек становится вспыльчивым; [если], опустившись, не поднимается, человек становится забывчивым; [если], не поднимаясь и не опускаясь, остается в середине, в сердце, [человек] заболевает.

— Но существуют ли тогда духи? — спросил царь.

— Существуют, — ответил Хуанцзы. — У озера есть Соломенный Башмак, у очага — Высокая Прическа, в куче сора во дворе обитает Гром, в низине на северо-востоке на берегу реки прыгает лягушка; в низине на северо-западе обитает Домовой; в реке есть Водяной; на холмах — Разноцветная Собака, в горах — Одноногий, в степях — Двуглавый Змей, на болотах — Извивающийся Змей.

— Разреши узнать, как выглядит Извивающийся Змей? — задал вопрос царь.

— Извивающийся Змей, — ответил Хуанцзы, — толщиной со ступицу, а длиной с оглоблю, одет в фиолетовое платье и пурпурную шапку. По природе он злой. Как слышит грохот колесницы, встает стоймя, охватив голову. Тот, кто его увидит, станет [царем] царей.

— Вот его-то [я], единственный, и увидел, — сказал царь и захохотал. Тут [он] оправил на себе одежду и шапку и уселся рядом с Хуанцзы. День еще не кончился, а болезнь незаметно прошла.

Цзи Синцзы тренировал бойцового петуха для царя. Через десять дней [царь] спросил:

— Готов ли петух?

— Еще нет. Пока самонадеян, попусту кичится.

Через десять дней [царь] снова задал [тот же] вопрос.

— Пока нет. Бросается на [каждую] тень, откликается на [каждый] звук.

Через десять дней [царь] снова задал [тот же] вопрос.

— Пока нет. Взгляд еще полон ненависти, сила бьет через край.

Через десять дней [царь] снова задал [тот же] вопрос.

— Почти [готов]. Не встревожится, пусть даже услышит [другого] петуха. Взгляни на него — будто вырезан из дерева. Полнота его свойств совершенна. На его вызов не посмеет откликнуться ни один петух — повернется и сбежит.

Конфуций любовался в Люйляне [водопадом]; струи спадают с высоты в три тысячи жэней, пена бурлит на сорок ли. Его не могут преодолеть ни кайманы, ни рыбы, ни черепахи — морские или речные. Заметив там пловца, [Конфуций] подумал, что тот с горя ищет смерти, и отправил своих учеников вниз, чтобы его вытащить. [Но тот] через несколько сот шагов вышел (из воды) с распущенными волосами, запел и стал прогуливаться у дамбы.

Конфуций последовал [за ним] и [ему] сказал:

— Я принял тебя за душу утопленника, но взгляделся: ты — человек. Дозволь задать вопрос: владеешь ли секретом, [как] ходить по воде?

— Нет, — ответил пловец. — У меня нет секрета. От рождения — это у меня привычка, при возмужании — характер, в зрелости — это судьба. Вместе с волной погружаюсь, вместе с пеной всплываю, следую за течением воды, не навязывая [ей] ничего от себя. Вот почему я и хожу по воде.

— Что означает «от рождения — это привычка, при возмужании — характер, в зрелости — это судьба?» — спросил Конфуций.

— Я родился среди холмов и удовлетворен [жизнью] среди холмов — [такова] привычка; вырос на воде и удовлетворен [жизнью] на воде — [таков] характер; это происходит само по себе, и я не знаю почему — [такова] судьба.

Плотник Счастливый вырезал из дерева раму для колоколов. Любовавшиеся рамой поразились [его искусству], будто сделали ее духи или боги.

Увидел раму луский царь и спросил:

— Какой секрет помог тебе ее вырезать?

— Каким секретом могу обладать [я, Ваш] слуга, рабочий человек? И все же был один. [Я, Ваш] слуга, задумав вырезать раму для колоколов, не смел напрасно расходовать свой эфир и должен был поститься, чтобы обрести покой. Постился сердцем три дня и [уже] не смел думать о [получении мною], Счастливым, награды — ранга и жалованья; постился пять дней и [уже] не смел думать о хвале или хуле, удаче или неудаче; постился семь дней и вдруг забыл о самом себе, своем теле, руках и ногах. И не стало [для меня] ни царского двора, ни того, что отвлекало и смущало, исчезло все внешнее. И тогда [я] отправился в горы, в леса, приглядываясь к природному характеру [деревьев]. И в лучшем по форме и сущности [дереве] передо мной предстала воочию рама [музыкального инструмента]. Иначе пришлось бы [от замысла] отказаться. И тут [я] приложил руки, естественное [во мне] соединилось с естественным [в дереве], и [музыкальный] инструмент был создан сосредоточием жизненной силы. Вот он!

Просо из Восточной Степи представился Достойнейшему как колесничий. [Он ездил] вперед и назад, точно по отвесу, [делал] повороты направо и налево, точно по циркулю. Достойнейший подумал, что в красоте линий

[у него] нет погрешностей, и велел ему вернуться, проделав сотню поворотов.

Янь Врата Бытия, повстречавшись с колесницей, явился [к царю] и сказал:

— Просо скоро загонит коней.

Царь промолчал.

Но вскоре [колесничий] вернулся, действительно загнав [коней].

— Как ты это узнал? — спросил царь.

— Кони уже обессилели, а [он] все их понукал, — ответил Янь. — Поэтому [я] и сказал, что загонит.

Искусный Молот чертил круги [и квадраты] точнее, чем с циркулем и наугольником. Вещи изменялись, [как в природе], вместе [с движением его] пальцев, а [его] мысль на них не задерживалась. Поэтому его разум оставался целостным и не знал пут. [Он] забывал о [своих] ногах. [лишь бы] обувь впору; забывал о пояснице, [лишь бы] удобный пояс; в знаниях забывал об истинном и ложном. [лишь бы были] по-сердцу. Не изменялся внутренне, не следовал за внешним, соотносясь с [каждым] случаем. Начал соотносываться, и, всегда со всем соотносясь, он забыл о сообразности [своего пристрастия] к сообразности.

Сунь Изгой — подошел к воротам учителя Бяня Счастливого и, смущенно вздыхая, сказал:

— [Я], Изгой, жил в селении, и не случалось, [чтобы меня] назвали ленивым; не случалось, чтобы в опасный момент [меня] назвали трусливым. Но вот на полях не было урожая, а на службе царю [я] не встретил удачи. [Меня] изгнали из селения, из области. Но в чем [мое] преступление? О Небо! За что [мне] досталась судьба Изгоя!

— Разве ты не слышал о поведении настоящего человека? — сказал Бянь Счастливый. — [Он] забывает о своей смелости, забывает о зрении и слухе, бесцельно блуждает за пределами мирской пыли, в беспредельном, не занимаясь делами. Это называется действовать, но не настаивать; [быть] старшим, но не управлять. А ты ныне приукрашиваешь [свои] познания, чтобы удивить невежд; очищаешься сам, чтобы осветить грязь [других]; сверка-

ешь, будто поднимаешь солнце и луну. Ведь в сравнении со многими людьми: глухими, слепыми, хромыми, безвременно погибшими — ты обрел целостным свое тело, все [его] девять отверстий. Это уже счастье! Зачем же попусту ропщешь на Небо? Уходи!

Сунь Изгой удалился, а Бянь вошел [в дом], сел, но вскоре взглянул на небо и вздохнул.

— Почему [Вы], Преждерожденный, вздыхаете? — спросили ученики.

— Недавно приходил Изгой, — ответил Бянь, — и я рассказал ему о свойствах настоящего человека. Боюсь, что напугал его, и [он] впадет в сомнения.

— Нет, — ответили ученики. — В чем [Ваша] вина? [Если] то, что сказал Изгой, истинно, а то, что сказали [Вы], Преждерожденный, ложно, то ложное, конечно, не может вызвать сомнений в истинном. [Если же] то, что сказал Изгой ложно, а то, что сказали [Вы], Преждерожденный, истинно, то он, конечно, усомнится и вернется.

— Нет, — ответил Бянь. — Ведь в старину в окрестностях [столицы] Лу опустилась птица. Обрадовавшись ей, луский царь [велел] приготовить жертвенных животных, чтобы ее угостить; исполнить девять [тактов мелодии «Великое» Цветение», чтобы усладить ее музыкой. Но птица начала грустить, [у нее] зарябило в глазах, [она] не могла ни пить, ни есть. Вот что значит кормить птицу тем, чем питаешься сам. Ведь чтобы кормить птицу так, как она кормится сама, нужно [предоставить ей] гнездиться в глухом лесу, плавать по рекам и озерам, кормиться на приволье, на отмели и только. Вот и ныне, как мог не испугаться Изгой, человек мало видевший, мало слышавший? Ведь рассказывать [ему] о свойствах настоящего человека то же самое, что мышей катать в повозке или перепелку веселить барабанной трелью и звоном колоколов.

Глава 20

ДЕРЕВО НА ГОРЕ

Бродя по [склону] горы, Чжуанцзы увидел огромное дерево с пышными ветвями и листвой. Лесоруб остановился около дерева, но [его] не выбрал.

— Почему [его не рубишь]? — спросил Чжуанцзы.

— Ни на что не годно, — ответил Лесоруб.

— Дерево негодное, а поэтому может дожить до своего естественного конца, — заметил Чжуанцзы, спустился с горы и остановился в доме старого друга.

От радости друг велел мальчишке-рабу зарезать гуся и сварить.

— Разрешите узнать, — спросил мальчишка, — какого из гусей резать: того, который может петь, или того, который не может?

— Режь того, который не может петь, — ответил хозяин.

На другой день ученики спросили Чжуанцзы:

— Дерево на горе, [которое вы видели] вчера, может дожить до своего естественного конца, так как [ни на что] не годно. А сегодня смерть грозит гусю хозяина, который [ни на что] не годен. Как бы [Вы], Пржедждерожденный, эту [годность] определили [для себя]?

— [Я], Чжоу, поместился бы между годным и негодным. [Сказав] между годным и негодным, как будто определил, а [на самом деле] нет. Поэтому неизбежны и затруднения. Но [все] иначе, если парить и странствовать, оседлав природные свойства. [Подобно] то дракону, то змею, без славы и хулы, развиваться вместе со временем, не соглашаясь предаться [чему-либо] одному. То вверху, то внизу, с мерой [лишь] в гармонии парить и странствовать у прелка [всей] тьмы вещей, как вещь [рядом] с вещью, а не как вещь для вещи. Откуда же тогда возьмутся затруднения? Таковы были Желтый Предок и Священный Земледелец. Иначе обстоит [дело с теми, кто] говорит о [всей] тьме вещей, об отношениях между людьми: единое разделяют, созданное разрушают, честных унижают, почитаемых низвергают, деятельным [несут] неудачи, добродетельных [стремятся] перехитрить, бесполезных — обмануть. Разве тогда не обязательны [затруднения]? Увы! Запомните это, ученики? Вам [остается] лишь одно — область природных свойств!

[Удалец] с Юга от Рынка, Обязанный к Черной Работе, увиделся с луским царем. Царь Лу выглядел печальным и [Удалец] с Юга от Рынка спросил:

— Почему [Вы], государь, выглядите печальным?

— Я изучал путь прежних царей, — ответил царь Лу, — совершенствовался в делах предков-правителей, я почитал души предков, уважал добродетельных. Осуществлял это с любовью, непрерывно и все же не [сумел] избежать беды. Вот и печалюсь.

— Плохие у [Вас], государь, средства, избавляющие от беды, — сказал [Удалец] с Юга от Рынка. — Ведь вот пушистая лисица и пятнистый барс живут на горах, в лесах, залегают в пещерах на отвесных скалах — [таков их] покой. Ночью охотятся, днем не выходят — [таков их] запрет. [Они] сдерживаются и прячутся; несмотря на голод и жажду, все же должны добывать себе пищу вдаль [от людей] на реках и озерах, — [таков их] закон. И все же не [умеют] избежать беды — сстей и ловушек. В чем их вина? [В том, что] беду им приносит собственная шкура. Не представляет ли ныне царство Лу шкуру царя? Мне хочется, чтобы государь содрал с себя [эту] шкуру, омыл сердце, отказался от страстей и [отправился] странствовать по безлюдным местам. На юге Юэ есть община, которая называется царством Утвердивших свойства. Народ там прост и невежествен. Люди почти лишены корысти и страстей. Умеют трудиться, но не умеют прятать; дают, не требуя возврата, не ведают ни долга, ни обрядов; действуют бездумно, ступают свободно. При рождении они могут радоваться, при смерти их могут похоронить. Мне хотелось бы, чтобы [Вы], государь, покинули [свое] царство, отказались от пошлого и стали действовать, опираясь на путь.

— Разве сумею? — спросил царь. — Дорога туда далека и опасна, там и горы и реки, а у меня нет ни лодки, ни повозки.

— Не гордитесь телом, не тоскуйте о жилище, [пусты] станут [им для Вас] лодка и повозка, — ответил [Удалец] с Юга от Рынка.

— Дорога туда далека и неведома, там нет людей, — сказал царь. — Кто же станет моим соседом? У меня нет зерна, мне нечего будет есть, как же я туда доберусь?

— Сократите свои расходы, умерьте свои желания и удовлетворитесь, даже если не будет зерна, — ответил Удалец с Юга от Рынка. — Переходите, государь, реки, плавайте по морям, поглядите на них и не увидите берегов, чем дальше, тем меньше будете знать, где им конец.

Все те, кто [Вас], государь, проводит до берега, вернутся. И только [Вы], государь, будете от [всего] этого далеки. Ибо тот, кто владеет людьми, обременен; тот, кем люди владеют, опечален. Поэтому-то Высочайший и не хотел ни владеть людьми, ни подчиняться людям. Мне хочется освободить [Вас], государь, от бремени, избавить [Вас], государь, от печали, чтобы [Вы] один вместе с путем странствовали в царстве Великой пустоты. [Когда] на переправе пустая лодка толкнет другую, не разгневается даже вспыльчивый. [Если же] в [толкнувшей] лодке окажется человек, то наберет воздуха и крикнет погромче. Крикнет раз, а [тот] не услышит, так крикнет в другой раз. [Снова] не услышит, так крикнет и в третий — тут уже непременно добавив словцо покрепче. Прежде не гневался, а теперь разгневается; прежде [думал, что] пустая, а теперь [узнал, что] занята. Но разве можно повредить тому, кто, сумев очиститься от самого себя, странствует по свету?!

Расточительный из Северного Дворца [по поручению] вэйского царя Чудотворного собирал пожертвования на колокола для алтаря за воротами [столицы] царства, и за три луны собрал на весь подбор <восемь колоколов> с высоким и низким [тоном]. Увидел его царский сын Завидующий Счастливицу и спросил:

— Не нашел ли ты какого-нибудь секрета?

— Ничего не смел искать, — ответил Расточительный. — Был поглощен лишь одним [— колоколами. Я], Расточительный, слышал, что в резьбе и полировке следует возвращаться к безыскусственности. [Держался] просто с теми, кто не имеет знаний; неопределенно с теми, кто медлил и сомневался. Всех без различия встречал, когда приходили, провожал, когда уходили; приходивших не прогонял, уходивших не задерживал. Дерзким потакал, с лукавыми соглашался, поэтому они сами отдавали все. [что могли]. И так собирал с утра до вечера, [никого] ни на волос не обижая. Тем более [должен так поступать] следующий за великим путем!

Конфуций, осажденный между Чэнь и Цай, семь дней оставался без горячей пищи, и к нему пришел выразить сочувствие Несущий Бремя Беспристрастия.

— Ты чуть не погиб? — спросил [он Конфуция].

— Да! — ответил Конфуций.

— Боишься смерти?

— Да!

— Я попытаюсь рассказать о пути, [на котором] не бывает <страха> смерти, — сказал Несущий Бремя Беспристрастия. — На Восточном море есть птица, имя ей — Забывчивая. Эта птица летает медленно, невысоко, будто немощная. Подтолкнут, поддержат — полетит, заставят — сядет, не смеет ни опередить, ни отстать; не решается первой пробовать пищу, подбирает непременно [лишь] остатки. Поэтому ее не гонят из стаи, никто вне [стаи] из людей не может [ее] погубить, и так [она] избегает беды. [Ведь] первым срубят дерево прямое, первым осушат колодец со сладкой водою. Ты же задумал — приукрашивать [свои] познания, чтобы удивить невежд; очищаться самому, чтобы осветить грязь [других]; сверкать, будто поднимаешь солнце и луну. Поэтому и не избежал [беды]. Когда-то я слышал, как человек высокосовершенный сказал: «Восхваляющий самого себя лишается заслуг; заслуги признанные идут к упадку; имя прославленное идет к закату». Тот, кто сумеет отказаться от признания, от славы и вернуться к людям, станет распространять учение и жить скрытно, [тот] обретет [природные] свойства и не назовет места своего жительствова. Чистый и обыкновенный, похожий на лишенного разума, [он] не оставляет следов [деяний], отказывается от власти; не действует ради признания и славы, поэтому не порицает людей, и люди [его] также не порицают. О настоящем человеке [никто ничего] не слышит. Чему же ты обрадовался? — спросил Несущий Бремя Беспристрастия.

— Как хорошо! — ответил Конфуций. — Отказаться от своих друзей, оставить своих учеников, бежать на огромные болота, одеваться в шкуры и грубые ткани, питаться желудями и каштанами. Войдешь к диким зверям и не потревожишь стада, приблизишься к птицам и не вспугнешь стаи. А если не испугаются птицы и звери, то еще менее — люди!

Конфуций спросил Учителя с Тугового Двора:

— Почему [я претерпел столько несчастий]? Меня дважды изгоняли из Лу, [на меня] свалили дерево в Сун,

[я] заметал следы [при бегстве] из Вэй, терпел бедствие в Шан и Чжоу, был осажден между Чэнь и Цай. [Пока] я переживал эти несчастья, родные и друзья все более [от меня] отдалялись, ученики и последователи все более разбегались.

— Разве ты не слышал о беглеце из Цзя? — спросил Учитель с Тутового Двора. — [Тогда] Вернувшийся из Леса бросил свои нефритовые регалии ценой в тысячу золотых и бежал с младенцем-сыном на спине. Некто спросил: «Почему [взял сына], он дорого стоит?» [Вернувшийся из Леса ответил]: «Недорого». «Меньше хлопот?», — [спросил некто]. «Хлопот с младенцем много», — [ответил Вернувшийся из Леса]. Почему же [Вы] бросили нефритовые регалии ценой в тысячу золотых и бежали с младенцем-сыном на спине?» «Одно связано с выгодой, а другое — с естественными узами», — ответил Вернувшийся из Леса.

Соединенные выгодой бросают друг друга в бедности, в бедствии, в несчастии, в смерти; соединенные естественными узами сближаются в бедности, в бедствии, в несчастии, в смерти. [Различие] между теми, кто сближается друг с другом, и теми, кто бросает друг друга, очень велико. К тому же связи государей пресны, как вода, связи малых людей сладки, как молодое вино. Государь и в близости пресен, малый люд и в разлуке сладок. Тот же, кто без причины сближается, без причины и расстается.

— Почтительно выслушал [ваше] повеление! — сказал Конфуций и пошел к себе медленно, будто кружа. Прекратил обучение, отказался от преданий, не допускал к себе учеников, и любовь их [к нему] усилилась.

На другой день Учитель с Тутового Двора [ему] сказал:

— Перед смертью Ограждающий наказал Молодому Дракону: «Остерегайся! В [телесной] форме лучше всего согласие, а в чувствах лучше всего естественность. В согласии не расстаются, в естественности не утомляются. Не расставаясь и не утомляясь, не станешь искать красоты в обхождении с [телесной] формой. Не станешь искать красоты в обхождении с [телесной] формой, — конечно, не [понадобится и] обхождение с вещами».

В заплатанной одежде из грубого холста, в сандалиях, подвязанных веревкой, Чжуанцзы проходил мимо царя Вэй.

— Как очутились [Вы], Пржедрожденный, в столь стесненном положении? — спросил государь.

— Это не стесненное положение, а бедность, — ответил Чжуанцзы. — Убогая одежда, стоптанная обувь, это бедность, а не стесненное положение. Стеснен тот муж, который, обладая естественными свойствами, не может [их] проявить. Такого называют не получившим [признания] своего времени. Разве не приходилось [Вам], государь, видеть, как прыгает обезьяна? Хватаясь за ветки кедров, катальп, перебираясь с дуба на камфарное дерево, она чувствует [себя] царицей, и даже Охотник с Невеждой не сумел бы ее выследить. Но стоит ей очутиться среди кудраний, терновника [и других] деревьев и кустов с колючками, [она] станет двигаться осторожно, озираясь по сторонам, вздрагивать и трепетать. Это не значит, что мускулы [у нее] ослабели, потеряли гибкость. Плохая опора не дает ей развернуться. А [кто] ныне не чувствует себя стесненным среди советников-смутьянов и заблуждающихся высших? Свидетельство тому — [царевич] Шит, которому вырезали сердце.

Конфуций, терпя бедствие между Чэнь и Цай, семь дней оставался без горячей пищи. Опираясь на высохший ствол левой [рукой], отбивая такт сухой веткой в правой [руке, он] пел песню рода Мчащихся Собак. Своим инструментом [он] не попадал в такт, а пением не попадал в тон, и все же его голос и жест своей уверенностью проникали в сердца людей. Янь Юань, почтительно сложив руки, обернулся и взглянул на него. Конфуций, боясь, что ученик [либо] переоценит свои силы и пойдет на безрассудство, [либо] переоценит свою любовь и себя погубит, сказал:

— Ведь [ты], Хой, не изведал, как легко утратить природное, не изведал, как трудно приобрести человеческое. [Таким испытаниям] не было начала и не будет конца, [ведь] человек и природа едины. Так кто же [из нас] теперь будет петь?

— Осмелюсь ли задать вопрос, — спросил Янь Юань, — [что означает] — «не изведал, как легко утратить природное»?

— Голод и жажда, холод и жара, бедность, оковы и [все другие] несчастья, — это действие Неба и Земли,

которое проявляется в движении вещей. [Легко утратить], ибо вместе с ним и все исчезает. Тот, кто служит [другому] человеку, не смеет от него уйти. Если слуга [человека] поступает так, то тем более [должен поступать так] слуга Неба!

— Что означает, «не изведал, как трудно приобрести человеческое»?

— Вначале используются [все] четыре преимущества, — ответил Конфуций, — ранги вместе с жалованьем растут без конца. Но польза, приносимая вещами, [зависит] не от меня самого, моя судьба зависит и от внешнего. Государь не разбойничает, добродетельные люди не воруют, как же я стану брать? Поэтому и говорится: «нет птицы умнее ласточки». Увидев, что место [для гнезда] непригодное, больше [туда] не заглянет; уронив свою добычу, ее не подбирает и улетает. Она боится людей, [но] к ним [в дом] влетает, гнездится же в храме Земли и Проса.

— Что означает, «[таким испытаниям] не было начала и не будет конца»?

— Тьма вещей изменяется, а кто кому [свое место] уступает — неведомо. Как узнать, что [испытания] кончаются? Как узнать, что они начинаются? [Остается] лишь ожидать.

— Что означает «человек и природа едины»?

— Есть природное в человеке; есть природное в природе; [но] то, что в человеке не может быть природным, — это характер. Мудрый человек спокойно уходит телом и [на этом] кончается.

Зайдя за ограду, Чжуан Чжоу бродил по заброшенному кладбищу, когда с юга прилетела странная птица: крылья — три-четыре локтя размахом, глаза с вершок. [Пролетая, она] задела лоб Чжуана и села в каштановой роще.

— Что за птица! — удивился Чжуан Чжоу. — Крылья большие, а не улетает, глаза огромные, а не видит.

Подобрав полы, [он] поспешил [за ней], держа наготове самострел. [Но тут] заметил, как цикада, наслаждаясь тенью, забыла о самой себе; как кузнечик-богомол, незаметно подобравшись, на нее набросился, и, глядя на [добычу], забыл о самом себе; как затем схватила их обоих странная птица и, глядя на добычу, забыла о своем истинном [самосохранении].

— Ах! — воскликнул опечаленный Чжуан Чжоу. — Различные виды навлекают друг на друга [беду], вещи, конечно, друг друга губят.

[Он] бросил самострел, повернулся и пошел прочь, [но тут] за ним погнался Лесник и стал его бранить.

Вернувшись, Чжуан Чжоу три луны <три дня> не выходил из дома.

— Почему [Вы], учитель, так долго не выходили? — спросил ученик Лань Це.

— Сохраняя [телесную] форму, я забыл о самом себе, — ответил Чжуан Чжоу. — [Так долго] наблюдал за мутной лужей, что заблудился в чистом источнике. А ведь я слышал от [своего] учителя: «Пойдешь к тому пошлому и последуешь за тем пошлым». Ныне я бродил по заброшенному кладбищу и забыл о самом себе. Странная птица залезла мой лоб [и] летала по каштановой роще, забыв об истинном. Лесник же в каштановой роще принял меня за браконьера. Вот почему я и не выходил из дому.

Придя в Сун, Янцзы заночевал на постоялом дворе. У хозяина постоялого двора были две наложницы: красивая и безобразная. Безобразную [хозяин] ценил, а красивой пренебрегал. На вопрос Янцзы, какая тому причина, этот человек ответил:

— Красавица сама [собою] любит себя, и я не понимаю, в чем ее красота. Безобразная сама себя принижает, и я не понимаю, в чем ее уродство.

— Запомните это, ученики, — сказал Янцзы. — Действуйте достойно, но гоните от себя самодовольство, и [вас] полюбят всюду, куда бы [вы] ни пришли.

Глава 21

ТЯНЬ ПОСТОЯННЫЙ

Тянь Постоянный, беседуя с вэйским [царем] Прекрасным, неоднократно упоминал Работающего у Ручья.

— Работающий у Ручья Ваш наставник? — спросил царь Прекрасный.

— Нет, — ответил Тянь. — [Он мой], Постоянного, односельчанин. [Я], Постоянный, потому его хвалю, что [он] не раз очень верно говорил об учении.

— Значит, у Вас нет наставника? — спросил Прекрасный.

— Есть, — ответил Постоянный.

— Кто же Ваш наставник?

— Учитель Кроткий из Восточного Предместья.

— Почему же [Вы], учитель, никогда о нем не упоминали? — спросил царь Прекрасный.

— Разве [я], Постоянный, достоин упоминать о нем? Ведь он — настоящий человек! Облик человека, а пустота — природы; следуя [за ней], хранит истинное. Чист [сам], но относится терпимо ко [всем другим] вещам. Тех, которые не обладают учением, он вразумляет снисходительно, так что человеческие намерения [у них] рассеиваются, — сказал Постоянный и ушел.

От удивления царь Прекрасный целый день не промолвил [ни слова. Затем] подозвал стоявших перед ним придворных и сказал:

— Ах, как далеко [нам до] благородного мужа с целостными свойствами! А прежде я считал совершенными речи мудрых и знающих, поведение милосердных и справедливых. [Когда же] услышал о наставнике Постоянного, тело мое освободилось, не хотелось двигаться, уста сомкнулись, и не хотелось говорить. Тот, у кого я [прежде] учился, просто глиняный болванчик! А ведь [царство] Вэй для меня поистине тяжелое бремя!

Дядя [из рода] Мягких [по прозвищу] Белоснежный по дороге в Ци остановился на ночлег в Лу. Некоторые лусцы просили разрешения с ним повидаться, но Белоснежный сказал:

— Нет, я не хочу [с ними] встречаться! Я слышал, что благородные мужи в Срединных царствах постигли обряды и долг, но невежественны в познании человеческого сердца.

Побывав в Ци, на обратном пути [снова] остановился на ночлег в Лу. Те же люди снова просили разрешения с ним повидаться. Белоснежный сказал:

— Прежде просили о встрече со мной, ныне опять просят о встрече со мной. [Они], конечно, собираются поколебать [мою твердость].

[Он] вышел, принял гостей, а вернувшись [к себе], вздохнул.

На другой день снова принял гостей, а вернувшись, снова вздохнул.

— Почему [Вы], возвращаясь после каждой встречи с гостями, вздыхаете? — спросил раб.

— Тебе я, конечно, поведаю, — ответил Белоснежный. — Жители Срединных царств постигли обряды и долг, но невежественны в познании человеческого сердца. Те, что недавно меня навещали, входили, точно по циркулю, выходили, точно по наугольнику. [Обращались со мной] снисходительно, один — подобно дракону, другой — подобно тигру. Они советовали мне, будто сыновья, наставляли меня, будто отцы. Поэтому-то и вздыхаю.

Повидавшись с Белоснежным, Конфуций [ничего] не рассказал, и Цзылу [его] спросил:

— Почему [Вы], мой учитель, ничего не рассказывали о встрече? Ведь [Вы] так давно хотели повидаться с Белоснежным!

— [Я], твой учитель, увидел с первого взгляда, что [он] хранит в себе учение. В словах [это] объять невозможно! — ответил Конфуций.

Янь Юань сказал Конфуцию:

— [Когда Вы], учитель, идете, и [я] иду; [Вы], учитель, спешите, и [я] спешу; [Вы], учитель, бежите, и [я] бегу; [но когда Вы], учитель, мчитесь, не поднимая пыли, то [я], Хой, [лишь] вперяю [в Вас] взор и отстаю.

— Что значат [твои] слова, Хой? — спросил учитель.

— «[Когда Вы], учитель, идете, и [я] иду» — [означает]: [Вы] учитель, говорите, и [я] говорю; «[Вы], учитель, спешите, и [я] спешу» — [означает]: [Вы], учитель, спорите, и [я] спорю; «[Вы], учитель, бежите, и [я] бегу» — [означает]: [Вы], учитель, рассуждаете об учении, и [я] рассуждаю об учении. «Когда же мчитесь, не поднимая пыли, то [я], Хой, [лишь] вперяю [в Вас] взор и отстаю», — [означает]: [я] просто не понимаю, почему [Вам], учитель, доверяют, хотя молчите; всюду [Вас] поддерживают, хотя [ни с кем] не сближаетесь; народ [к Вам] стекается, хотя нет [у Вас] регалий.

— О! — воскликнул Конфуций. — Разве это не ясно? Ведь нет печали сильнее, чем о смерти сердца, даже [печаль] о смерти человека слабее. Солнце восходит на востоке, а заходит на западном полюсе, с его положением

и сообразуется вся тьма вещей. Обладающие глазами и ногами, дождавшись его, вершат свои дела. Оно восходит — появляются, оно заходит — исчезают. Так и со всей тьмой вещей. В зависимости от этого — умирают, в зависимости от этого — рождаются. Однажды я воспринял свою законченную [телесную] форму, и [она] остается неизменной в ожидании конца. Подражая вещам, двигаюсь без перерыва и днем и ночью, и когда она [форма] придет к концу, — не ведаю. Сама собой образовалась моя [телесная] форма, [и] даже знающий судьбы не определит ее будущее. [Я], Цю, таким образом с каждым днем [все далее] ухажу. Разве не горько утратить [нашу дружбу]: мою жизнь, проведенную с тобой рука об руку? Ты раскрыл почти [все, что] раскрыл я, и это уже исчерпал. Думая, что [еще] что-то осталось, ты ищешь [так же напрасно], как искал бы коня на опустевшей рыночной площади. [Как] я покори́л тебя, [ты] во многом забыл; [как] ты покори́л меня, [я] во многом забыл. И все же, разве стоит тебе скорбеть? Пусть забудется, [каким был] я прежде. От меня останется и незабываемое.

Конфуций увиделся с Лаоцзы. Тот только что вымылся и, распустив волосы, сушил [их], недвижимый, будто не человек. Конфуций подождал удобного момента и вскоре, когда [Лаоцзы] его заметил, сказал:

— Не ослеплен ли [я], Цю? Верить ли [глазам]? Только что [Вы], Пржедрожденный, [своей телесной] формой походили на сухое дерево, будто оставили [все] вещи, покинули людей и возвысились, [как] единственный.

— Я странствовал сердцем в первоначале вещей, — ответил Лаоцзы.

— Что [это] означает? — спросил Конфуций.

— Сердце утомилось, не могу познавать, уста сомкнулись, не могу говорить. [Но] попытаюсь поведать тебе об этом сейчас. В крайнем пределе холод замораживает, в крайнем пределе жар сжигает. Холод уходит в небо, жар движется на землю. Обе [силы], взаимно проникая друг в друга, соединяются, и [все] вещи рождаются. Нечто создало [этот] порядок, но [никто] не видел [его телесной] формы. Уменьшение и увеличение, наполнение и опустошение, жар и холод, изменения солнца и луны, — каждый день что-то совершается, но результаты этого незаметны.

В жизни существует зарождение, в смерти существует возвращение, начала и концы друг другу противоположны, но не имеют начала, и [когда] им придет конец — неведомо. Если это не так, то кто же [всему] этому явился предком [истоком]?

— Разрешите спросить, [что означает] такое странствие? — задал вопрос Конфуций.

— Обрести [такое] странствие-это самое прекрасное, высшее наслаждение. Того, кто обрел самое прекрасное, [кто] странствует в высшем наслаждении, назову настоящим человеком, ответил Лаоцзы.

— Хотелось бы узнать, как странствовать? — спросил Конфуций.

— Травоядные животные не страдают от перемены пастбища. Существа, родившиеся в реке, не страдают от перемены воды. При малых изменениях не утрачивают своего главного, постоянного. Не допускай в свою грудь ни радости, ни гнева, ни печали, ни веселья. Ведь в Поднебесной [вся] тьма вещей существует в единстве. Обретешь это единство и [станешь со всеми] ровен, тогда руки и ноги и сотню частей тела сочтешь прахом, а к концу и началу, смерти и жизни отнесешься, как к смене дня и ночи. Ничто не приведет [тебя] в смятение, а меньше всего приобретение либо утрата, беда либо счастье. Отбросишь ранг, будто стряхнешь грязь, сознавая, что жизнь ценнее ранга. Ценность в себе самом и с изменениями не утрачивается. Притом тьме изменений никогда не настанет конец, и разве что-нибудь окажется достойным скорби? Это понимает тот, кто предался пути!

— Добродетелью [Вы], учитель, равны Небу и Земле, — сказал Конфуций. — Все же позаимствую [Ваши] истинные слова для совершенствования своего сердца. Разве мог этого избежать кто-нибудь из древних благородных мужей?

— Это не так, — ответил Лаоцзы. — Ведь бывает, что вода бьет ключом, но [она] не действует, [эта] способность естественная. [Таковы и] свойства настоящего человека. [Он] не совершенствуется, а вещи не могут [его] покинуть. Зачем совершенствоваться, [если свойства присутствуют ему] так же, как высота — небу, толщина — земле, свет — солнцу и луне.

Выйдя [от Лаоцзы], Конфуций поведал [обо всем] Янь Юаню и сказал:

— [Я], Цю, в познании пути подобен червяку в жбане с уксусом. Не поднял бы учитель крышку, и я не узнал бы о великой целостности неба и земли.

Чжуанцзы увиделся с луским [царем] Айгуном, и тот [ему] сказал:

В Лу много конфуцианцев, [но] мало [Ваших] последователей, Преждерожденный.

— В Лу мало конфуцианцев, — возразил Чжуанцзы.

— Как [можно] говорить, что [их] мало? По всему царству [ходят люди] в конфуцианских одеждах, — возразил Айгун.

— [Я], Чжоу, слышал, будто конфуцианцы носят круглую шапку [в знак того, что] познали время небес; ходят в квадратной обуви [в знак того, что] познали форму земли; подвешивают [к поясу] на разноцветном шнуре нефритовое наперстье для стрельбы [в знак того, что] решают дела немедленно. Благородные мужи, обладающие этим учением, вряд ли носят такую одежду; а те, кто носит, вряд ли знают это учение. [Вы], государь, конечно, думаете иначе. [Но] почему бы [Вам] не объявить по всему царству: «Те, что носят такую одежду, не зная этого учения, будут приговорены к смерти!»

И тут Айгун [велел] оглашать этот [указ] пять дней, и в Лу не посмели больше носить конфуцианскую одежду. Лишь один муж в конфуцианской одежде остановился перед царскими воротами. Царь сразу же его призвал, задал вопрос о государственных делах [и тот, отвечая], оказался неистощимым в тысяче вариантов и тьме оттенков.

— Во [всем] царстве Лу один конфуцианец, — сказал Чжуанцзы. — Вот это можно назвать много!

Не давая места думам ни о ранге, ни о жалованье, Раб из Сотни Ли кормил буйволов, и буйволы жирели. Поэтому, забыв о том, что он — презренный раб, циньский [царь] Мугун вручил ему управление [царством].

[Ограждающий] из рода Владеющих Тигром не давал места думам ни о жизни, ни о смерти, поэтому оказался способным растрогать людей.

Сунский царь Юань задумал [отдать приказ] нарисовать карту. Принять [приказ] явилась толпа писцов. [Одни] стояли, сложив в приветствии руки, [другие], чуть ли не половина, оставшись за дверями, лизали кисти, растирали тушь. Один же писец с праздным видом, не спеша подошел последним. Принял [приказ], сложил в приветствии руки и, не останавливаясь, прошел в боковую комнату.

Царь послал за ним человека последить, и оказалось, что [тот писец] снял одежду и полуголый уселся, поджав под себя ноги.

— Вот это — настоящий художник! [Ему] и можно [поручить карту]! — воскликнул царь.

В [местности] Скрывающихся царь Прекрасный увидел мужа, удившего рыбу: рыбачил без крючка, удилица не держал. Другие рыбаки [сказали]: «Всегда [так] удит». Царь Прекрасный пожелал [его] возвысить и вручить ему [бразды] правления, но боясь неудовольствия старших советников, отцов и братьев, решил покончить [с этой мыслью] и от нее отказаться. И все же в опасении, что народ лишится [защиты] Неба, на другое утро, собрав великих мужей, сказал:

— Ночью [я], единственный, увидел доброго человека с черным лицом и бородой, верхом на пегом коне с одним пурпурным копытом. [Он] провозгласил: «Вручите управление мужу из Скрывающихся. Народ, возможно, получит облегчение!»

— [То был] царь, [Ваш] предок! — взволнованно воскликнули все великие мужи.

— В таком случае погадаем об этом на [панцире] черепахи? — предложил царь Прекрасный.

— Зачем гадать! Приказ царя, [Вашего] предка, не кого-либо другого! — сказали все великие мужи, а затем отправились навстречу мужу из Скрывающихся и вручили ему [бразды] правления.

[Этот муж] не менял уставов и обычаев, не оглашал пристрастных указов, но, [когда] царь Прекрасный через три года понаблюдал, оказалось, что удальцы порвали со [своими] кликами и распустили [свои] шайки; что старшие должностные лица перестали блюсти [лишь собственную] добродетель; что через [все] четыре границы не

смели больше вторгаться [соседи] со [своими] мерками для зерна. [Поскольку] удальцы порвали со [своими] кликами и распустили [свои] шайки, они стали уважать общее; [поскольку] старшие должностные лица перестали блюсти [лишь собственную] добродетель, они занялись общими делами; [поскольку] через [все] четыре границы не смели больше вторгаться со [своими] мерками для зерна, то правители перестали замышлять измену.

Тут царь Прекрасный признал [мужа из Скрывающихся] царским наставником и, став лицом к северу, [его] спросил:

— Нельзя ли распространить управление на всю Поднебесную?

Муж из Скрывающихся помрачнел и промолчал, [а затем] с безразличием отказался. Утром [он] отдавал приказания, [а] ночью исчез. И никогда [о нем] больше ничего не слышали.

Янь Юань спросил Конфуция:

— Разве даже царь Прекрасный не был [властен]? К чему [он] приписал все сну?

— Не говори! Помолчи! — ответил [ему] Конфуций. — Царь Прекрасный обладал всем. Но зачем [ему] были укоры? Он просто сообразовался с моментом.

Ле, Защита Разбойников, стрелял [на глазах] у Темнеющего Ока: натянул тетиву до отказа, поставил на предплечье кубок с водой и принялся целиться. Пустил одну стрелу, за ней другую и третью, пока первая была еще в полете. И все время оставался [неподвижным], подобным статуе.

— Это мастерство при стрельбе, но не мастерство без стрельбы, — сказал Темнеющее Око. — А смог бы ты стрелять, если бы взошел со мной на высокую гору и встал на камень, висящий над пропастью глубиной в сотню жэней?

И тут Темнеющее Око взошел на высокую гору, встал на камень, висящий над пропастью глубиной в сотню жэней, отступил назад [до тех пор, пока его] ступни до половины не оказались в воздухе, и знаком подозвал к себе Ле, Защиту Разбойников. Но тот лег лицом на землю, обливаясь холодным потом [с головы] до пят.

— У настоящего человека, — сказал Темнеющее Око, — душевное состояние не меняется, глядит ли [он] вверх

в синее небо, проникает ли вниз к Желтым источникам, странствует ли ко [всем] восьми полюсам. Тебе же ныне хочется зажмуриться от страха. Опасность в тебе самом!

Цзянь У спросил Суньшу Гордого:

— Что Вы делаете со своим сердцем? Вы трижды были советником [чуского царя], но не кичились; трижды были смещены [с этого поста], но не печалились. Сначала я опасался за Вас, а ныне вижу — лицо [у Вас] веселое.

— Чем же я лучше других? — ответил Суньшу Гордый. — [Когда] этот пост [мне] дали, я не смог отказаться; [когда] его отняли, не смог удержать. Я считаю, что приобретения и утраты зависят не от меня, и [остается] лишь не печалиться. Чем же я лучше других? И притом не знаю, [ценность] в той службе или во мне [самом]? Если в ней, то не во мне; [если] во мне, то не в ней. Тут и колеблюсь, тут и оглядываюсь, откуда же найдется досуг, чтобы постичь, ценят [меня] люди или презирают?

Услышав об этом, Конфуций сказал:

— [Вот] настоящий человек древности! Знающие не могут [с ним] спорить; красивые не могут [вовлечь его] в распутство; воры не могут обокрасть. Ни Готовящий Жертвенное Мясо, ни Желтый Предок не могли бы завязать [с ним] дружбу. [Если] из-за рождения и смерти, [событий] столь великих, [он] не изменяется, то тем менее [изменится] из-за ранга и жалованья. [Когда] такой человек восходит на высокие горы, дух его не знает препятствий; опускается в глубокий источник и не промокает; попадает в низкое, ничтожное состояние, но не [чувствует] стеснения. [Обладая] изобилием, [подобно] небу и земле [делится] с другими и, чем больше отдает, тем большим владеет.

Царь Чу уселся рядом с царем Фань и вскоре [кто-то] из приближенных чуского царя сказал:

— [Царство] Фань трижды погибало.

— Гибели [царства] Фань, — ответил фаньский царь, — оказалось недостаточно, чтобы уничтожить мое существование. [Если же] гибели [царства] Фань оказалось недостаточно, чтобы уничтожить мое существование, то существования [царства] Чу оказалось недостаточно, чтобы сохранить [ваше] существование. Отсюда видно, что Фань еще не начало погибать, а Чу еще не начало существовать.

ЗНАНИЕ СТРАНСТВОВАЛО НА СЕВЕРЕ

Знание странствовало на Севере у истоков [реки] Темная вода, взошло на холм Незаметный и встретилось с Недеянием.

— Мне хочется тебя спросить, — сказала Знание Недеянию, — как размышлять, как думать, чтобы познать путь? Где находиться, чему покориться, чтобы утвердиться в пути? За кем следовать, какой дорогой, чтобы обрести путь?

Ни на [один из] трех вопросов Недеяние не ответило. Не только не ответило, но и не знало, что ответить.

Ничего не добившись, Знание вернулось на южный [берег реки] Светлая вода, взошло на холм Конец Сомнений и, заметив Возвышающегося Безумца, задало ему те же вопросы.

— Ах! Я это знаю, сейчас тебе скажу, — ответил Возвышающийся Безумец, но тут же забыл, что хотел сказать.

Ничего не добившись, Знание вернулось во дворец предков, встретило Желтого Предка и задало [ему те же] вопросы.

— Не размышляй, не думай и начнешь познавать путь. Нигде не находишься, ничему не покоряешься и начнешь утверждаться в пути. Ни за кем не следуй, ни по какой дороге [не ходи] и начнешь обретать путь, — ответил Желтый Предок.

— Мы с тобой это знаем, — сказала Знание. — [А] оба [встреченные мною прежде] не знали. Кто же из [них] прав?

— Один, по имени Недеяние, воистину прав; другой, Возвышающийся Безумец, ему подобен, — ответил Желтый Предок. — Ни я, ни ты к ним до конца не приблизимся, ибо «Знающий не говорит говорящий не знает». Поэтому «мудрый и осуществляет учение безмолвно». Пути нельзя постичь <в словах>, свойств нельзя добиться <речами>. Милосердием можно действовать, справедливостью можно приносить ущерб, церемониями [можно] друг друга обманывать. Поэтому и говорится: «После утраты пути появляется добродетель, после утраты добродетели появляется милосердие, после утраты милосердия

появляется справедливость, после утраты справедливости появляются церемонии. Церемонии — это украшение учения и начало смуты». Поэтому и говорится: «Тот, кто осуществляет путь, с каждым днем все больше утрачивает, утратив, снова утрачивает вплоть до того, когда достигает надеяния, надеянием же все совершает». [Если] ныне, уже став вещью, [некто] захочет вернуться к своему корню, не будет ли [это ему] трудно? Это легко лишь великому человеку. [Ведь] жизнь следует за смертью, а смертью начинается жизнь. Разве кому-нибудь известен их порядок? Рождение человека — это скопление эфира. Соберется [эфир], образуется жизнь, рассеется — образуется смерть. Если смерть и жизнь следуют друг за другом, зачем же мне горевать? [Для всей] тьмы вещей это общее: и то, чем любят, как божественным чудом, и то, что ненавидят как разложение. Разложившееся снова превращается в божественное чудо, а божественное чудо снова разлагается. Поэтому и говорится: «Единый эфир пронизывает [всю] вселенную», поэтому и мудрый ценит единое.

Знание сказало Желтому Предку:

— Я спросило у Недеяния, а Недеяние мне не ответило. [Это] не значило, что не ответило мне, — не знало, [что] мне ответить. Я спросило Возвышающегося Безумца, Возвышающийся Безумец хотел мне поведать, но не поведал. [Это] не значило, что не поведал мне, — хотел, но забыл, о чем собирался сказать. Ныне я спросило у тебя, и ты это знал. Почему же [мы к ним] не приблизимся?

— Один воистину прав благодаря своему незнанию, — сказал Желтый Предок, — другой ему подобен благодаря своей забывчивости. Ни я, ни ты к ним до конца не приблизимся из-за своего знания.

Услышал об этом Возвышающийся Безумец и решил, что слова Желтого Предка — это [и есть] знание.

Небо и земля обладают великой красотой, но молчат; четыре времени года обладают ясным порядком, но [его] не обсуждают; [вся] тьма вещей обладает совершенными [естественными] законами, но [о них] не говорят. Постигнув красоту неба и земли, мудрый постигает [естественные] законы тьмы вещей. Поэтому настоящий человек

[предается] недеянию, великий мудрец ничего не создает, [лишь] наблюдает за небом и землей. Ныне они, [небо и земля], священные вплоть до мельчайшей сущности, вместе с другими [вещами] проходят сотни изменений. Вещи сами умирают и рождаются, [сами] квадратные и круглые, где их истоки — неведомо, и все же [вся] тьма вещей существует с далекой древности. Наибольшее — единство шести стран света — не выходит из их, [неба и земли], пределов; наименьшее — осенняя пушинка, [но и] от нее зависит образование тела. Все в Поднебесной то погружается, то всплывает, не остается одним и тем же на всю жизнь. Жара и холод, четыре времени года, сменяя друг друга, соблюдают свой порядок. Смутно, то ли существуя, то ли нст, скользят чудесные, не оформляясь. [Вся] тьма вещей выращивается, но [этого] не сознает. Это и называется корнем, началом, и по нему можно наблюдать за природой.

Беззубый спросил [Учителя] в Тростниковом Плаще, [что такое] путь? [Учитель] в Тростниковом Плаще сказал: «Если выпрямишь свое тело, [сосредоточишь] на одном свой взор, то [к тебе] придет согласие с природой. [Если] соберешь свои знания, [сосредоточишься] на одном мериле, то мудрость придет в [твоя] жилище; свойства станут твоей красотой, и путь с тобою поселится. Ты будешь смотреть просто, словно новорожденный теленок, и не станешь искать всему этому причины».

Не успел [Учитель] договорить, как Беззубый заснул. В большой радости [Учитель] в Тростниковом Плаще пошел от него и запел:

Телом подобен иссохшим ветвям,
Сердцем подобен угасшему пеплу.
Сущность познал до глубоких корней,
Время прошедшего сбросив навеки.
Темный, туманный, без чувств и без мыслей,
Не говори с ним
Ведь он — настоящий!

Ограждающий спросил у [своих] помощников:
— Могу ли обрести путь и им владеть?

— Собственным телом не владеешь, как же можешь обрести путь и им владеть? — ответили ему.

— Если я не владею собственным телом, [то] кто им владеет?

— Это скопление формы во вселенной. Жизнью [своей] ты не владеешь, ибо она — соединение [частей] неба и земли. Своими качествами и жизнью ты не владеешь, ибо это — случайное скопление во вселенной; своими сыновьями и внуками ты не владеешь, ибо они — скопление сброшенной, [как у змеи] кожи во вселенной. Поэтому [ты] идешь, не зная куда, стоишь, не зная на чем, ешь, не зная почему. Во вселенной сильнее всего воздух и [сила] тепла. Как же можешь [ты] обрести их и ими владеть?

Конфуций обратился к Лаоцзы:

— Ныне, на досуге, дозволейте задать вопрос: [в чем] истинный путь?

— Строго воздерживайся и освобождай свое сердце, очисти до [белизны] снега свой разум, разбей свое знание. Ведь путь глубок, [сго] трудно [выразить] в словах. Поведаю тебе о его очертаниях, — ответил Лаоцзы. — Светлое-светлое рождается из темного-темного; обладающий порядком <естественным законом> рождается из бесформенного. Духовное — из пути, телесное — из мельчайшего семени, а [все] вещи друг друга порождают с помощью [телесной] формы. Поэтому обладающие девятью отверстиями рождаются из чрева, обладающие восемью отверстиями — из яйца. Их появление не оставляет следов, их исчезновение не имеет границ: нет ни ворот, ни жилищ, [а лишь] открытое со [всех] четырех сторон величайшее [пространство]. У того, кто это постиг, руки и ноги становятся крепкими, ум — пронизательным, слух — тонким, зрение — острым. [Он] мыслит без усилий, откликается [всем] вещам без ограничений. Небо не может не быть высоким, земля не может не быть широкой, солнце и луна не могут не двигаться, [вся] тьма вещей не может не расцветать — не таков ли [естественный] путь каждого? К тому же, мудрый определил, что многознающий вряд ли [обладает] знанием, а красноречивый вряд ли [обладает] прозорливостью. [Определение] мудрого сохранится: ведь прибавляй к нему — не прибавишь, убавляй от него —

не убавишь. Глубочайший, он подобен океану, величайший, он кончится, возвратившись к началу. Держаться вне [всей] тьмы вещей, вмещающая их неистощимую способность к движению, — таково учение благородного мужа. — Вместе со [всей] тьмой вещей исчерпывать способности и не истощаться — таков этот путь. В Срединных царствах есть человек, который [не подвержен] ни [силе] жара, ни [силе] холода, обитает между небом и землей. Только временно [он] человек и скоро вернется к своему предку <первоначально>. [Если] наблюдать за ним с самого начала, с рождения, [увидим] вещь студенистую, [обладающую] голосом. Есть ли какое-либо различие между тем, проживет ли долго, умрет ли преждевременно? Ведь речь [идет всего лишь] о мгновенье! Стоит ли рассуждать о том, [кто был] идеальным, а [кто] порочным — Высочайший или Разрывающий на Части?

У плодов и ягод есть [свои] законы. С ними связаны людские порядки, хотя [последние] и сложны. Мудрый, встречаясь с ними, [их] не нарушает; проходя мимо них, [их] не сохраняет; согласуясь с ними, [им] отвечает — [таково его] свойство. Случайно на них откликаться — [таков его] путь. Вот что возвышало предков, вот что выдвигало царей.

Жизнь человека между небом и землей [также] мимолетна, как белый жеребенок, промелькнувший мимо щели <скользнувший по щели солнечный луч>. Каждый появляется внезапно, стремительно, а исчезает плавно, в одиночестве. Развившись рождается, снова развившись, умирает. Живые существа печалются о смерти, род человеческий оплакивает умерших. Освобождаются [лишь] от своего природного чехла, сбрасывают с себя свой природный мешок — [одни] суеются, [другие] уклоняясь; душа разумная и душа телесная уходят, за ними — и тело. Это и есть великое возвращение.

[Из] бесформенного рождается форма, форма рождает бесформенное — это известно каждому. [Этим] не интересуется [тот, кто] готов постичь [путь]. Это суждение, общее для многих. Тот, кто постиг, не обсуждает; [кто] обсуждает, — не постиг. [Даже обладающему] пронца-

тельным взором [путь] не встретится. Молчание выше красноречия. Путь нельзя услышать, и уши лучше заткнуть. Вот это и называется величайшим приобретением.

Учитель из Восточного Предместья спросил Чжуанцзы:

- Где находится так называемый путь?
- Повсюду, — ответил Чжуанцзы.
- Приведите пример, тогда лишь сумею [понять].
- В муравье.
- А еще ниже?
- В куколе.
- А еще ниже?
- В черепице.
- А самое низкое?
- В моче и кале.

Учитель из Восточного Предместья промолчал.

— [Ваши] вопросы, учитель, конечно, не были достойны сущности, — сказал Чжуанцзы. — [Чтобы] постичь путь, [Вы] спрашиваете, [словно] у надзирателя на рынке, как пинают свинью, <узнавая, насколько жирна>: чем ниже, тем яснее. Только Вам не обязательно приводить [пример] — нет вещи, которая бы [пути] избежала. Таков истинный путь, таковы же и слова о великом. [Есть] три слова: чжоу, бянь, сян. Звучат [они] различно, а сущность одна, они обозначают одно <«повсюду»>. Попытаемся вместе странствовать по дворцу Нигде, и суждениям о единстве общего не будет конца и предела. Попытаемся вместе с Нелеянием [стать] простыми и спокойными, бесстрастными и чистыми, гармоничными и праздными! Отвлеклась бы от всего моя мысль, куда бы ни направилась, не знала бы предела, уходила бы, возвращалась и не знала бы, где остановиться. И я бы уходил и возвращался, не ведая, где она закончится, бродил бы по необъятным пространствам, вступил бы в [область] великого познания и не ведал бы, [как] его исчерпать. Вещество в вещах не ограничено от вещей, но вещи обладают пределом, так называемой границей вещи. Предел же беспредельного — это бесконечность конечного. [Мы] говорим о наполненном и пустом, об увядании и смерти. Для пути же наполненное не наполнено, пустое не пусто. Начало и конец

для него не начало и конец; скопление и распад для него не скопление и не распад.

Нерешительный [по прозвищу] Сладость Лотоса и Священный Земледелец вместе учились у Старого Дракона Счастливого. [Как-то] днем Священный Земледелец заворил двери и, опершись о столик, задремал. А в полдень, распахнув двери, [к нему] вошел Нерешительный и сказал:

— Старый Дракон скончался!

Священный Земледелец со сна схватился за посох и вскочил, но вдруг отпустил посох и, улыбнувшись, сказал:

— [О] Небо! [Он] знал, как я невежествен, груб и распущен, поэтому бросил меня и умер. Увы! Учитель умер, не открыв мне [своих] безумных слов.

Его речь услышал Закрывающий Курган, который высказал свое соболезнование и заметил:

— К воплотившему путь прибегают со всей Поднебесной благородные мужи. Ныне и тот, кто обрел лишь волосок осенней паутины, меньше чем одну из десяти тысяч долей [пути], понял, что умерший унес с собой свои безумные речи, а тем более [понимают это] те, что воплотили путь. Смотрят на него — бесформенный; слушают его — беззвучный. Люди, о нем рассуждающие, называют его — темный-темный. Но так судить о пути — значит отрицать путь.

Великая Чистота спросила у Бесконечности:

— Знаешь ли ты, [что такое] путь?

— Я не знаю, — ответила Бесконечность.

[Великая Чистота] спросила о том же у Недеяния:

— Я знаю, — ответило Недеяние.

— [Если] ты знаешь путь, [то скажи] владеет ли [он] судьбами?

— Владеет.

— Какие же у него судьбы?

— Из тех, что я знаю, могут быть благородные, могут быть презренные, могут быть соединенные, могут быть разделенные. Вот судьбы пути, которые мне известны.

Об этих словах Великая Чистота спросила у Безначального:

— Кто же из них прав, а кто неправ? Бесконечность ли со своим незнанием, или Недеяние со своим знанием?

— Незнание глубже, а знание мельче, — ответило Безначальное. — Незнание внутреннее, а знание — внешнее.

И тут Великая Чистота со вздохом сказала:

— Тогда незнание — это знание? А знание — незнание? Но кто же познает знание незнания?

— Путь неслышим, — ответило Безначальное, — [если] слышим, [значит], не [путь]. Путь невидим: [если] видим, [значит], не [путь]. Путь не выразить в словах; [если] выражен, [значит], не [путь]. [Кто] познал формирующее формы бесформенное, [понимает, что] путь нельзя назвать.

— Те, кто спрашивают о пути, и отвечают о нем, не знают пути, продолжило Безначальное. — Пусть даже спрашивающий о пути еще не слышал о нем. О пути нельзя спрашивать, на вопросы [о нем] нет ответа. Спрашивающий о том, о чем нельзя спросить, заходит в тупик. Отвечающий на то, на что нельзя ответить, не обладает внутренним [знанием]. Тот, кто, не обладая внутренним [знанием], ожидает вопросов, заводящих в тупик, во внешнем не наблюдает вселенную, во внутреннем не знает первоначала. Вот почему таким не взойти на [гору] Союз Старших Братьев, не странствовать в Великой Пустоте.

Свет спросил у Небытия:

— [Вы], учитель, существуете или не существуете? — Но не получил ответа. Вгляделся пристально в его облик: темное, пустое. Целый день смотри на него — не увидишь, слушай его — не услышишь, трогай его — не дотронешься.

— Совершенство! — воскликнул Свет. — Кто мог бы [еще] достичь такого совершенства! Я способен быть [или] не быть, но не способен абсолютно не быть. А Небытие, как [оно] этого достигло?

Кующему крюки для поясов [на службе] у старшего военачальника было лет восемьдесят, а [мастерства он] ни на волос не утратил.

— Как ты искусен! Обладаешь ли учением? — спросил старший военачальник.

— [Я, Ваш] слуга], [им] обладаю и [его] храню, — ответил Кующий крюки. — [Мне, Вашему] слуге, было лет двадцать, [когда мне] понравилось ковать. Ни на что другое не смотрел, ничего, кроме крюков, не изучал. Поэтому, занимаюсь [своим делом] — будто ничем не занимаюсь и за долгий [срок] им овладел. Насколько же [сильнее] тот, кто ничем не занимается! Кто только из него не черпает!

Жань Цю спросил Конфуция:

— Можно ли узнать, что было прежде неба и земли?

— Можно, — ответил Конфуций. — В древности [было] то же, что и ныне.

Потеряв [нить] разговора, Жань Цю ушел.

На другой день снова явился [к учителю] и сказал:

— Вчера я спросил: «Можно ли узнать, что было прежде неба и земли?» Учитель ответил: «Можно. В древности [было] то же, что и ныне». Осмелюсь ли задать вопрос, почему вчера мне [это] было ясно, а сегодня — нет?

— Вчера было ясно, — ответил Конфуций, — [ибо ты] духовно заранее [подготовился] к восприятию [ответа]. Сегодня неясно, [ибо ты] ищешь [ответа] не для духовного. Нет ни древности, ни современности, нет ни начала, ни конца. А могли быть сыновья и внуки до того, как появились сыновья и внуки?

Жань Цю не [успел] ответить, как Конфуций продолжил:

— Постой! Не отвечай! Умирают не оттого, что рождаются живые; живут не оттого, что умирают мертвые. И смерть и жизнь — от [чего-то] зависят; у них обеих есть единое общее. Разве было вещью то, что родилось прежде неба и земли? Вещество в вещах, это не вещь. Вещи не могли появиться прежде вещей. Совершенно так же были вещи, совершенно так же появлялись вещи — без конца. Подражая этому, и мудрец также всегда бесконечен в любви к людям.

Янь Юань спросил Конфуция:

— Дозвольте задать вопрос, почему учитель прежде говорил: «никого не провожать, никого не встречать»?

— Люди в древности, — ответил Конфуций, — изменялись внешне, но не изменялись внутренне. Ныне люди

изменяются внутренне, но не изменяются внешне. Тот, кто один не изменяется, развивается вместе со [всеми] вещами. Спокойно [переносит] изменения, спокойно [переносит] и отсутствие изменений, спокойно [переносит] и согласованные взаимно [изменения] вместе с другими. Конечно, тех, кто вместе с ним, немного. [Так было] в парке рода Кабаньей Шкуры, на стрельбище у Желтого Предка, во дворце рода Владеющих Тигром, в домах Испытующего и Воинственного. Благородные мужи, подобные учителям конфуцианцев и моистов, разбивали друг друга [в спорах] об истинном и ложном. Тем более [это свойственно] нынешним людям. Мудрый, находясь среди вещей, вещам не вредит. Тому, кто не приносит вреда другим, также не могут повредить. Только тот, кому ничто не вредит, может провожать и встречать других, и его могут провожать и встречать.

Леса на горах, равнины, покрытые травой, приносят нам радость и наслаждение. [Но] не исчезнет наслаждение, как придет печаль. Приходу наслаждения и печали мы не способны помешать, их ухода [нам] не остановить. Увы! Ведь человек в мире — лишь постоянный двор для вещей. [Он] знает те [вещи], что встретил, не знает тех, что не встречал. Знает, что может то, на что способен, и не может того, на что не способен. Поэтому человеку не избежать незнания и неспособности. Разве не горько человеку стремиться отворотить неотвратимое! Истинные слова — без слов. Истинное деяние — недеяние. Сколь ничтожно познание общеизвестного!

Глава 23 ГЭНСАН ЧУ

Среди учеников Лаоцзы был Гэнсан Чу. Овладев во многом учением Лаоцзы, [он] поселился на Севере на горе Опасное Нагромождение. Прогнал тех рабов, которые блистали знаниями, отослал тех наложниц, которые кичились милосердием; остался с грубыми и некрасивыми, опирался лишь на старательных, хлопотливых. Про-

жил три года, и на горе Опасное Нагромождение собрали богатый урожай.

[Тут] жители горы стали друг другу говорить:

— Когда учитель Гэнсан только появился, мы испугались и его сторонились. Ныне у нас [запасов] — нечего и говорить — хватит на день, хватит и на год с избытком. Возможно, он мудрец? Почему бы нам не молиться ему, как Покойнику? [Не воздвигнуть] ему алтарь Земли и Проса?

Услышав об этом, Гэнсан Чу обернулся лицом к югу и [долго] не мог успокоиться. Ученики удивились, а Гэнсан Чу сказал:

— Почему [вы], ученики, удивляетесь? Ведь [когда] начинает действовать весенний эфир, растут [все] травы; установится осень, созревает [вся] тьма плодов. Разве весна и осень не должны быть такими? [Это] проявление естественного пути. Я слышал, что настоящий человек живет [подобно] Покойнику за круглой стеной, а народ безумствует, не зная, как к нему обратиться. Ныне малый люд на горе Опасное Нагромождение упрямятся, желая приносить мне жертвы среди [других] достойных. Разве я [способен] стать для них образцом? Я [помню] слова Лао-цзы и не [могу] успокоиться.

— Нет! — сказали ученики. — В обычной канаве не повернуться огромной рыбе, не то что пескарю. За холмом [вышиной] в несколько шагов не спрятаться крупному зверю, он пригоден лишь для лисицы, оборотня. Ведь почитаемые и достойные поручали [дела] способным, а добрых заранее награждали. [Если] так [поступали] с древних времен Высочайший и Ограждающий, то тем более [так поступает] народ [на горе] Опасное Нагромождение. Послушайтесь его, учитель!

— Подойдите, дети! — сказал Гэнсан Чу. — Ведь зверь величиной с повозку, в одиночку покинув гору, не избегит сетей и ловушек. Рыбу, глотающую суда, останься она после разлива на мели, замучают даже муравьи. Поэтому птицы и звери неустанно [ищут] большую высоту; рыбы, черепахи неустанно [ищут большую] глубину. И человек, чтобы сохранить свою [телесную] форму и жизнь, скрывается и неустанно [ищет большее] уединение. Разве Высочайший и Ограждающий заслуживают восхваления? Это от них [пошли] различия, [чтобы люди] стали опро-

метчиво ломать стены и сеять бурьян; причесываться, перебирая по волоску; варить рис, пересчитывая зернышки. По моему ничтожному мнению, этого недостаточно, чтобы помочь миру! [Начали] выдвигать добродетельных, и люди стали друг друга притеснять; возвысили знающих, и люди стали друг друга грабить. Тот, кто пересчитывает вещи, недостойн благодетельствовать народу. Народ стал жаждать выгоды, сыновья — поднимать руку на отцов, слуги — убивать своих хозяев, начали грабить среди бела дня, делать подкопы в полдень. Я говорю вам: корень великой смуты был взращен при Высочайшем и Ограждающем, ее вершина просуществует тысячу поколений и через тысячу поколений люди будут пожирать людей.

[Тут] Карлик Прославленный на Юге выпрямился и взволнованно спросил:

— Какое же учение [Вы] вручите вместе с этими словами такому старому, как [я], Карлик?

— Сохраняй в целости свою [телесную] форму, заботься о своей жизни, не допускай суеты в мыслях и думах и через три года сумеешь постичь эти слова, — ответил Гэнсан Чу.

— Глаза подобны по форме, — сказал Карлик, — я не понимаю, в чем между ними различие, а слепой себя не видит. Уши подобны по форме — я не понимаю, в чем между ними различие, а глухой себя не слышит. Сердца подобны по форме — я не понимаю, в чем между ними различие, а безумный себя не обретает. Тело телу также уподобляется, но их, возможно, разделяют вещи. Стремлюсь найти подобие, но не способен [его] обрести. Ныне [вы] сказали [мне], Карлику: «Сохраняй в целости свою [телесную] форму, заботься о своей жизни, не допускай суеты в мыслях и думах». [Я], Карлик, внимал учению напрягаясь, но [оно] достигло [лишь] ушей.

— Слова [мои] иссякли, — сказал Гэнсан Чу. — [Ведь] говорят, что шмелю не изменить куколки, юэской курице не высидеть гусиного яйца — это по силам лишь наследке из Лу. Курица подобна курице, свойства их во всем одинаковые. [Если] одна способна, другая не способна, это, конечно, [означает], что способности бывают большие и малые. Ныне [оказалось], что мои способности малы — недостаточны, чтобы тебя развить. Почему бы тебе не отправиться на юг, повидаться с Лаоцзы?

Карлик взвалил на спину побольше провизии и за семь дней и семь ночей дошел до жилища Лаоцзы.

— Не от Чу ли ты пришел? — обратился [к нему] Лаоцзы.

— Да, — ответил Карлик.

— Почему ты привел с собой столько людей? — спросил Лаоцзы.

Карлик в испуге оглянулся.

— Ты не понял, о чем я спросил? — задал вопрос Лаоцзы.

Карлик потупился от стыда, [затем] поднял голову и вздохнул:

— Сейчас я забыл, что мне ответить, а поэтому забыл и свой вопрос.

— О чем [ты хотел] говорить? — спросил Лаоцзы.

— [Если у меня] не будет знаний, люди обзовут меня Карликом Простаком; [если] будут знания, [они] принесут беду мне самому. [Буду] милосердным, навлеку беду на себя, а немилосердным, напротив, принесу вред другим; буду справедливым, навлеку беду на себя; а несправедливым, напротив, погублю других. [По совету Гэнсан] Чу хотел бы [у Вас] спросить, как мне избежать этих трех бед?

— Сначала я понял твой взгляд, теперь и твои слова это подтвердили. Соблюдая правила приличия, точно сирота без отца и матери, ты берешься за шест, а измерить стремишься морские [глубины]. Как жалок ты, заблудший, в неведении. Стремясь вернуться к своей природе, [не знаешь], откуда начать.

Карлик попросил разрешения остаться в доме, призывал то, что [по учению] любил, отказывался от того, что [по учению] ненавидел, десять дней предавался скорби, а затем снова встретился с Лаоцзы. Лаоцзы сказал:

— Ты омылся, пар [идет, как] от вареного! Однако в тебе еще много ненависти. Ведь когда узы столь многочисленные, что [с ними] не справиться, идут извне, [следует для них] воздвигнуть преграду изнутри. Когда узы столь запутанные, что [с ними] не справиться, идут изнутри, [следует для них] воздвигнуть преграду вовне. Внешних и внутренних уз не выдержать [даже тому, кто владеет] природными свойствами, а тем более [тому, кто лишь] подражает пути.

Карлик сказал:

— [Когда] один человек в селении заболел, земляк спросил его, [что болит], и больной сумел рассказать о своей болезни. Такая болезнь еще не опасна. [Я же], Карлик, выслушал [Ваши слова] о великом пути, будто принял снадобье, чтобы болезнь усилилась. [Мне], Карлику, хочется послушать хотя бы о главном для сохранения жизни.

— О главном для сохранения жизни? — повторил Лаоцзы. — Способен ли [ты] сохранять единое, [его] не геряя? Способен ли узнавать, [что впереди] — счастье или беда, не гадая ни на [панцире] черепахи, ни на стебле [пу-павки]? Способен ли остановиться? Способен ли [со всем] покончить? Способен ли оставить всех людей и искать только самого себя? Способен ли парить? Способен ли стать безыскусственным? Способен ли стать младенцем? [Ведь] младенец целыми днями кричит и не хрипнет — это высшая гармония; целыми днями сжимает кулачки, но ничего не хватает — это общее в его свойствах; целыми днями смотрит, но не мигает — ни к чему внешнему не склоняется. Ходить, не ведая куда; останавливаться, не ведая зачем; сжиматься и разжиматься вместе со [всеми] вещами, [плыть с ними] на одной волне, — таково главное для сохранения жизни.

— Все это и есть свойства настоящего человека? — спросил Карлик.

— Нет, — ответил Лаоцзы. — Это лишь способности к тому, что называется «растопить снег и лед». Настоящий же человек кормится совместно [с другими] от земли, наслаждается природой. [Он] не станет суетиться вместе с другими из-за прибыли или убытка, [которые приносят] люди и вещи; не станет удивляться вместе с другими, не станет вместе с другими замышлять планы; не станет вместе с другими заниматься делами. Уходит, [словно] парит, возвращается безыскусственный. Вот это и есть главное для сохранения жизни.

— Так это и есть высшее?

— Еще нет. Я тебе, конечно, поведаю. [Я спросил], способен ли [ты] стать младенцем? [Ибо] младенец движется, не зная зачем; идет, не зная куда; телом подобен засохшей ветке, сердцем подобен угасшему пеплу. Вот к такому не придет несчастье, не явится и счастье. Что

людские беды тому, для кого не существует ни горя, ни счастья!

Тот, чьи свойства в покое, испускает естественный свет. В том, от кого исходит естественный свет, люди видят его человеческое [начало]. Тот, кто совершенствовался, ныне обрел постоянство. К тому, кто обрел постоянство, стекаются люди, ему помогает природа. Того, к кому стекаются люди, называют человеком природы; того, кому помогает природа, называют сыном природы.

Ученик учит [то, что] неспособен выучить. Деятель выполняет [то, что] неспособен выполнить. Оратор ораторствует [о том, о чем] неспособен ораторствовать. [Тот, кто] в знании отстывает там, где способен [познать], [обладает] истинным знанием. Того, кто к этому не приближается, разбивает естественное равновесие.

Вещи запасает, чтобы уберечь тело; прячется от непредвиденного, чтобы [сохранить] живым сердце; осторожен во внутреннем, чтобы постичь другие [вещи]. Если такого и достигнет тьма бел, то все они от природы, а не от человека: недостойны смутить установившегося, не могут [проникнуть] внутрь башни разума. В башне разума [кое-что] сохраняется, но сохраняется без знания, [сознательно] не может сохраняться. Если проявит [это] тот, кто не увидит искренности [проявляемого], то каждый раз проявит то, что не следует. Дело, входя [в сердце], [его] не оставляет и каждый раз приносит [ему новыс] утраты.

Того, кто сотворил недоброе явно, удастся покарать людям: того, кто сотворил недоброе тайно, удастся покарать душам предков. Лишь тот, кто понимает людей, кто понимает души предков, способен действовать в одиночестве.

Тот, кто заключает договор внутренний, остается безымянным. Тот, кто заключает договор внешний, стремится к приобретению. От того, кто действует без имени, даже в обычном исходит свет, Тот, кто стремится к приобретению, лишь торгаш. Глядя, как он вытягивается на

цыпочках, люди принимают его [за человека] выдающегося.

Вещи вторгаются к тому, кто вместе с вещами исчерпывается. Как же снизойдет до людей тот, кто к вещам безразличен, не способен до них снизойти? Тот, кто не снисходит до людей, не имеет близких. Тому, у кого нет близких, все чужие. Нет оружия более сильного, чем воля, даже [меч] Мосе уступает ей. Нет разбойников более [опасных], чем [силы] жара и холода, от них не скрыться во всей вселенной. [Если] не ограбят [силы] жара и холода, это сделает [собственное] сердце.

Путь пронизывает [все] свои части при образовании и разрушении. От [этих] частей отвращает то, что, будучи частями, [они] стремятся стать целыми. От целого отвращает то, что стремятся к [еще большему] целому. Поэтому в ушедшем безвозвратно видят душу предка. [О тех, кто] ушел и обрел [прежнюю] сущность, говорят — обрел смерть. [Кто] погиб, оставив [телесную] сущность, того и принимают за одну из душ предков. [Это] определяется тем, что бесформенное уподобляют обладающему [телесной] формой.

Выходит, не обладая корнем; входит, не обладая отверстием; обладает сущностью, но не помещением [для нее]; обладает длительностью, но не имеет ни начала, ни конца. То, что проникает без отнерстий, обладает сущностью; то, что обладает сущностью, но не помещением [для нее], — пространство. То, что обладает длительностью, но не имеет ни начала, ни конца, — время. Обладает жизнью, обладает [и] смертью, обладает входящим, обладает [и] выходящим. То, что не проявляет формы ни при входе, ни при выходе, называется вратами природы. Врата природы — небытие. [Вся] тьма вещей выходит из небытия. Бытие не способно стать бытием с помощью бытия, [оно] должно выйти из небытия. Небытие же владеет единственным небытием — вот что скрывали мудрецы. В познаниях некоторых древних был достигнут [крайний] предел. Какой же предел? Одни считали, что вначале не было [отдельных] вещей, — это предел исчерпывающий, к нему нельзя ничего добавить. Другие считали, что [отдельные] вещи существовали, думали, что жизнь — [по-

степенная] утрата, а смерть — возвращение. Этим различие и исчерпывалось. Третьи говорили: «Сначала не было бытия, затем появилась жизнь, жизнь вскоре же [кончилась] смертью». Небытие считали головой, жизнь — туловищем, смерть — хвостом. Тому, кто познал сохранение единства в бытии и небытии, в смерти и жизни, я стану другом. Хотя сторонники этих трех [учений] друг от друга отличались, но единство [у них] отсутствовало [так же, как] у царских родов [в Чу]: Чжао и Цзин носили корону, а Цзя <Цюй> получал [сслення] на кормление.

Жизнь [человека] — что сажа [под котлом]. Раскрывая [смысл], скажем: перемещение сущности. Хотя это нельзя узнать, нельзя [выразить] в словах, попробуем разъяснить, [что такое] «перемещение сущности». Для жертвоприношения в конце года [у быка] желудок и копыта можно отделить, а можно и не отделять. Участники жертвоприношения обходят вокруг усыпальницы и храма предков, а затем движутся к отхожему месту. Вот это привожу [как пример] «перемещения сущности». Разрешите попытаться рассказать о «перемещении сущности». Здесь основа — жизнь, наставник — знание. Поэтому говорят об истинном и ложном, чтобы в результате приобрести название и сущность. Поэтому себя считают сущностью <хозяином>, заставляя других считать себя идеалом и даже умирать за [этот] идеал. Такие считают умными тех, кого берут [в услужение], глупцами тех, кого не берут, возвышение считают славой, а притеснение — позором. «Перемещение сущности» для нынешних людей подобно объединению Цикады с Горлицей. Если кому-нибудь отдавят ногу на рынке, то извинятся за неловкость; если старший брат [наступит на ногу младшему], то его пожалеет, а если отец — сыну, и так обойдется. Поэтому и говорится: «В настоящей вежливости не [разбирают, что за] человек; в настоящей справедливости не [отделяют своих от] чужих; настоящие знания не [таят коварных] замыслов; в настоящем милосердии не [считаются с] родством; в настоящем доверии забывают о золоте [залога].

Удали то, что расстраивает волю; освободи сердце от неясности; удали то, что обременяет свойства; уברי с пути все препятствия. Богатство и знатность, почет и ве-

личие. слава и выгода — эти шесть расстраивают волю; внешность и поза, красота и хитроумие, дыхание и чувства — эти шесть опутывают сердце; ненависть и любовь, радость и гнев, печаль и наслаждения — эти шесть обременяют свойства; согласие и отказ, займы и возврат, знания и способности — эти шесть преграждают путь. Когда эти четыре шестерки не волнуют грудь, [приходит] беспристрастие. Беспристрастие ведет к покою, покой — к ясности, ясность — к пустоте, пустота — к недеянию, [которое] все совершает.

Путь — уважение к свойствам; жизнь — проявление свойств; характер — сущность жизни; движение характера называем деянием; ложное деяние называем утратой [пути].

Знающий воспринимает [всши]; знающий обдумывает. [Когда] знающий приближается к тому, чего не знает, [он] подобен косоглазому.

Действие вынужденное называется свойством. Действие лишь во имя собственных [интересов] называется управлением. Названия друг другу противоположны, а соответственно [им] и сущность.

Охотник искусно попадал в мельчайшую [цель], но не искусно избегал людской славы. Мудрый искусен в естественном, но не искусен в людском. Лишь целостный человек способен быть [не только] искусным в естественном, но и добрым в человеческом. Только животное способно [оставаться] животным, только животное способно оставаться естественным. Если целостный человек ненавидит природу, то ненавидит человеческую природу, а тем более [негодует, когда приспособливают] для себя и небо и человека!

[Если] птица встречалась Охотнику, он непременно ее добывал, — это могущество. [Если же] всю Поднебесную вообразить клеткой, не ускользнула бы [ни одна] птица. По этой-то причине Испытующий приманил Найденного на Реке Инь, пообещав ему [ранг] Готовящего жертвенное мясо, циньский Мугун завлек Раба из Сотни Ли с помощью пяти бараньих шкур. Так вот завлекают в клетку лишь с помощью того, что [люди] любят, — не иначе.

Тот, у кого отрубили ногу [в наказание], презирает красоту, отрицает внешнюю славу. Скованные вместе

[преступники], забыв и о жизни и о смерти, без страха поднимаются на высокую [гору]. Ведь тот, кто отвык обмениваться подарками, забыл людей. Оттого, что забыл людей, считается человеком естественным. Уважают его — не радуется, оскорбляют его — не гневается. Таким может быть лишь тот, кто подобен естественной гармонии.

[Если] обнаруживать гнев, но не гневаться, то окажется, что гнев исходит от негневающегося. [Если], исходя из деяния, предаваться надеянию, то окажется, что деяние исходит из надеяния. Хочешь покоя — стань невозмутимым; хочешь стать пронизательным, принимай [все] как по сердцу. [Если] в действии стремишься к должному, основывайся на том, что тебя вынуждает Быть вынужденным — таков путь мудрого.

Глава 24

СЮЙ ОТРИЦАЮЩИЙ ДУШУ

Сюй Отрицающий Душу через Нью Шана встретился с вэйским [царем] Воинственным; обласкав его, Воинственный сказал:

— Почему [Вы], Пржедрожженный, согласились повидаться со [мною], единственным. Быть может, заболели от трудов в горных лесах?

— Я пришел утешить [Вас], государь, — сказал Сюй Отрицающий Душу. — Как может царь утешить меня? [Вас], государь, скоро переполнят страсти и вожделение, а длительная любовь и ненависть приведут к опасным болезням. [Если же, Вы], государь, совсем отбросите страсти и вожделение, забудете любовь и ненависть, [у Вас] заболят глаза и уши. Тогда мне придется соболезновать [Вам], государь. Зачем же [Вы], государь, соболезнуете мне?

Воинственный презрительно промолчал, а Сюй Отрицающий Душу вскоре продолжил:

— Попробую рассказать [Вам], государь, как я распознаю собак. [Собака] низших свойств заботится лишь [об одном] — о сытости, таково же и свойство дикой кошки. [Собака] средних свойств смотрит [вверх], будто на солн-

це. [Собака] высших свойств, будто забыла о своем единственном <самой себе>. Коней же я распознаю лучше, чем собак. Коней я распознаю [так]: [если мчится] прямо, точно по натянутому шнуру, делает поворот, точно по крюку, описывает квадрат, точно по наугольнику, описывает круг, точно по циркулю, это — царский конь, но [ему] далеко до коня Поднебесной. У коня Поднебесной дарование, совершенное от природы. [С виду он] будто [чего-то] страшится, будто [что-то] потерял, утратил свое единственное <тело>. Такой [конь] мчится, опережая всех, не поднимая пыли, не ведая, где остановится.

Царь Воинственный развеселился и рассмеялся. [Когда] Сюй Отрицающий Душу вышел, Нюй Шан спросил:

— Чем [Вы], Прездорожденный, развеселили моего государя? Мой государь еще никогда не обнажал зубов [в улыбке], о чем бы я ему ни рассказывал. Убеждал ли с помощью отдаленного — песен, преданий, обрядов, музыки; убеждал ли с помощью близкого — [записей] на металлических планках в шести чехлах о тех, кто вершил дела и добивался больших заслуг. Всего и не перечить. Чем же [Вы], Прездорожденный, ныне развеселили моего государя, что он так обрадовался?

— Я лишь поведал ему о том, как я распознаю собак и коней, — ответил Сюй Отрицающий Душу.

— Только и всего? — удивился Нюй Шан.

— Разве не слышал ты про Изгнанника из Юэ? — сказал Сюй Отрицающий Душу. — Покинув царство, он уже через несколько дней радовался при виде знакомого; покинув царство, он уже через декаду или месяц радовался, при виде встречавшегося ему в [его] царстве; а спустя год радовался при виде [кого-то], похожего на человека. Чем дальше уходил от людей, тем сильнее была тоска по человеку. Скитаясь по пустыне, [по] тропкам, проложенным хорьками среди густой полыни, спотыкаясь, останавливаясь в безлюдье, [он] обрадовался бы, услышав шаги человека, а тем более кашель родственника, брата рядом с собой. Ведь уже давно ни кашель, ни слова настоящего человека не доносились до слуха нашего государя!

Сюй Отрицающий Душу [снова] увиделся с царем Воинственным и [тот] сказал:

— [Вы], Пржедерожденный, давно уже живете в горных лесах, питаетесь каштанами. Не пресытились ли луком и пореем, что пришли гостем ко мне, единственному? [Или] состарились и стремитесь ныне к мясу и вину? [Или] хотите приобщиться к счастью у [моего] алтаря Земли и Проса?

— [Я], Сую Отрицающий Душу, родился презренным, в бедности и никогда не осмелился бы пить царские вина и есть царские яства. Скоро [мне] придется утешать [Вас], государь.

— Утешать [меня], единственного? Почему?

— Утешать, государь, и телесно и духовно.

— О чем говорите?

— Небо и земля одинаково вскармливают [всех], — ответил Сую Отрицающий Душу. — Поднявшихся высоко нельзя считать лучшими, живущих внизу нельзя считать худшими. [Вы же], государь, — единственный властелин тьмы колесниц. Утруждая народ целого царства, услаждая слух и зрение, обоняние и уста, [Ваш] разум не может [этим] удовлетвориться. Ведь разум предан гармонии, [он] ненавидит распутство. Ведь от распутства — болезни. Поэтому Вас и утешаю. Зачем же [Вам], государь, болеть?

— Давно уже [я] хотел увидеться с [Вами], Пржедерожденный, — ответил царь Воинственный. — Мне хочется любить народ и во имя справедливости покончить с войнами. Возможно ли это?

— Нельзя! — ответил Сую Отрицающий Душу. — В любви [правителя] к народу — начало гибели народа. Прекратить войны во имя справедливости — означает создать предлог для [новых] войн. [Если Вы], государь, с этого начнете, [все] окажется безуспешно. [Такие] красивые [слова] каждый раз [оказываются] орудием зла. Хотя [Вы], государь, стремитесь к милосердию и справедливости, но приближаетесь к лицемерию. Форма, конечно, создаст форму; а завершение, конечно, приносит заслуги; изменения же, конечно, вызовут войну извне. Не расставляйте, государь, ряды журавлей <воинов> на прекрасной дозорной башне; не помещайте пеших и колесничих во дворце Цзыгань; не замышляйте измены ради приобретения, не побеждайте других ни хитростью, ни замыслами,

ни оружием. Не ведаю, для кого хороша война? В чем победа? Убивать чужих воинов и жителей, захватывать чужие земли, чтобы выращивать свое личное <тело>, свой разум? [Если Вы], государь, с этим покончите, будете совершенствоваться в себе [чувство] верности, отвечая собственной природе, перестанете теснить [других], то люди уже избавятся от убийства, зачем же тогда [Вам], государь, кончать с войнами?

Желтый Предок поехал повидаться с Высоким Утесом на гору Терновая Чаща. Колесничим был Едва Прозревший, на пристяжной [тройки] — Блестящий Сказочник, впереди коней [бежали] Предполагающий и Друг Повторяющий, позади колесницы — Подобный Привратнику и Смехотор. Доехав до равнины у города Сянчэна, семеро мудрецов заблудились. Узнать же дорогу было не у кого. Тут встретился им отрок-табунщик, и [они его] спросили:

— Знаешь ли ты гору Терновая Чаща?

— Да, — ответил отрок.

— Знаешь ли ты, где живет Высокий Утес?

— Да!

— Удивительно! — воскликнул Желтый Предок. — Ребенок, а знает не только, где гора Терновая Чаща, но и где живет Высокий Утес. Разрешите спросить, что делать с Поднебесной?

— Что делать с Поднебесной? — ответил отрок. — То же, что и здесь [с табуном], и только. Что еще [с ней] делать? С детства я бродил среди шести стран света и омрачилось мое зрение. Некий старец меня научил: «броди в степях у Сянчэна, подобно колеснице солнца». Ныне глазам стало лучше, и я снова пойду скитаться за пределами шести стран света. Что делать с Поднебесной? То же, что и здесь [с табуном], и только. Что мне [с ней] делать?

— Управление Поднебесной действительно не [Ваше] дело, мой учитель. И все же, разрешите спросить, что делать с Поднебесной?

Отрок отказался [отвечать, но] Желтый Предок повторил свой вопрос, и отрок сказал:

— Не так ли [следует] управлять Поднебесной, как пасти коней? Устранять [все], что вредит коням, и только.

Желтый Предок дважды поклонился [отроку], назвал его Небесным Наставником и удалился.

Мужи знающие невеселы, [когда] нет событий для размышлений; ораторы невеселы, [когда] нет школы для речей; надзиратели невеселы, [когда] нет дел для розыска и допросов; все они ограничены [определенными] занятиями. Мужи, взывающие к современникам, процветают при дворе. Мужи среднего [состояния] славят начальников. Силачи гордятся трудностями. Мужи отваги воодушевляются опасностью. Вооруженные мужи в кожаных доспехах радуются битве. Мужи, иссохшие, [словно] дерево, [утешаются] былой известностью. Мужи законов укрепляют управление. Мужи [из] школы обычаев предаются почитанию внешности. Мужи милосердия и справедливости ценят общение [с другими]. Земледельцы, если нет дела по распашке целины, не сближаются. Купцы странствующие и оседлые, если нет [торговых] дел на площади и у колодца, не сближаются. [Когда] у всех людей есть занятие с утра до вечера, [они друг друга] поощряют. Сотни ремесленников, владеющих искусством [создавать] утварь и оружие, [друг друга] усиливают. [Если] деньги и имущество не накапливаются, алчный печалится. [Если] власть и сила не увеличиваются, тщеславный горюет. Приверженцы силы и управления радуются переменам. [Они] найдут себе применение, воспользовавшись [любым] случаем, не у дел не останутся. Все они гонятся [друг за другом], точно [времена] года, но не изменяются, как вещи. Дают полную волю своей [телесной] форме и характеру, погрязают во тьме вещей и до конца жизни не возвращаются [к самим себе]. Увы!

Чжуанцзы спросил:

— [Если] называть прекрасным стрелком того, кто случайно попал в цель, то все в Поднебесной оказались бы [меткими], как Охотник. Возможно ли это?

— Возможно, — ответил Творящий Благо.

— [Если бы] в Поднебесной не было общей истины, и каждый утверждал бы свою истину, то все в Поднебесной были бы [непогрешимы, как] Высочайший. Возможно ли это? — спросил Чжуанцзы.

— Возможно, — ответил Творящий Благо.

— Конфуцианцы, моисты, сторонники Яна и Бина составляют четыре [школы], а вместе с [Вашей], учитель, пять. У какой же [из школ] в действительности истина? А возможно, ею обладает Лу Цзюй? Его ученик сказал: «Я овладел [Вашим] учением, наставник. Я способен зимой без огня приготовить кушанье в треножнике, а летом сделать лед». Лу Цзюй ответил: «Это просто призыв жары с помощью жары, призыв холода с помощью холода, а не то, что я называю учением. Я покажу тебе свое учение». И тут [он] настроил [два инструмента] шэ, один положил в зале, другой — в боковой комнате. Тронул [тон] гун [одного инструмента], и откликнулся гун [другого], тронул [тон] цзио [одного инструмента], и откликнулся цзио [другого], они прозвучали в унисон. Но можно ли изменить строй одной струны и без соответствия пяти тонам, чтобы, тронув ее, вызвать отклик всех двадцати пяти струн? Вот такой звук был бы государем <ведущим>. А такова ли твоя истина?

— Ныне конфуцианцы, моисты, сторонники Яна и Бина ведут со мной спор, уничтожая друг друга в речах, подавляя друг друга в славе, — сказал Творящий Благо. — Но меня еще [никто] не опроверг. Ну, каково?

— Цисец покалечил ногу сыну и, приказав [ему] стать привратником как [человеку] неполноценному, отослал к сунцу. Так бросают себе подобных, — сказал Чжуанцзы. — Чтобы уберечь колокола <жертвенные сосуды>, он обвязал их веревкой. А чтобы отыскать потерянного сына, не вышел даже за пределы царства. Чусец, остановившись [в чужом доме], обругал привратника; в полночь, в безлюдном месте стал драться с лодочником. Еще не отчалил от берега, а уже затеял ссору.

[Когда] Чжуанцзы провожал покойника, [процессия] прошла мимо могилы Творящего Благо. Оглянувшись, Чжуанцзы сказал сопровождающим:

— [Как-то] инец вымазал себе глиной кончик носа — [пятно было] с крылышко мухи — и велел плотнику Кремню его обтесать. Топор плотника летал, словно ветер — лишь выслушал [приказ] и стесал. Снял все пятнышко, не повредив носа, а инец даже не изменился в лице.

Услышав об этом, сунский царь Юань призвал плотника Кремня и сказал: «Попробуй стесать у [меня], един-

ственного». Плотник же ответил: «Когда-то [я, Ваш] слуга, мог это сделать, но — [человека] того материала уже давно нет». У меня также нет материала, с тех пор как умер учитель [Творящий Благо]. Мне не с кем спорить, — [заключил Чжуанцзы].

Гуань Чжун заболел, и Хуаньгун задал ему вопрос:

— Можно ли говорить не таясь? [Ведь] болезнь у [Вас], Отец Чжун, серьезная. Кому доверить царство, если станет хуже?

— Кому бы хотел, государь? — спросил Гуань Чжун.

— Баошу Я, — ответил царь.

— Нельзя! — сказал Гуань Чжун. — Он — муж прекрасный, чистый и честный. Но всех остальных меряет по себе, а не себя по другим. И потом, раз услышав о чьей-либо ошибке, всю жизнь не забудет. Если доверить ему управление царством, так наверху — запутает правителя, а внизу — станет перечить народу. Пройдет немного времени, и он совершит проступок против государя.

— Кому же можно? — спросил царь.

— Не станет меня, так можно [доверить] Си Пэну, — ответил Гуань Чжун. — Он такой человек, что высшие [о нем] забудут, а низшие [ему] не изменят. Сам сожалеет, что не похож на Желтого Предка, но печалится о тех, кто хуже его. Тот, кто уделяет людям от [своей] добродетели, называется мудрецом; кто уделяет людям от [своих] богатств, называется умным. Тот, кто снисходит до людей мудростью, никогда не завоевывает людей; тот, кто спускается к людям умом, всегда завоевывает людей. В царстве он не все услышит, в семье он не все увидит. Не станет меня, так можно Си Пэну.

Плывя по Реске, узкий царь поднялся на Обезьянью гору. Увидев его, стадо обезьян в испуге [все] побросало, разбежалось и укрылось в непроходимой чаще. Только одна обезьяна беспечно прыгала то туда, то сюда, [как бы] хвастаясь [своим] искусством перед царем. Царь в нее выстрелил, но она ловко поймала стрелу. Царь велел [своим] помощникам стрелять беспрерывно, обезьяна же упорствовала до смерти.

Обернувшись, царь сказал своему другу, Красавцу Без Сомнений:

— Эта обезьяна, пренебрегая мною, хвасталась своей ловкостью, надеялась на свою изворотливость, — и погибла. Ах! Пусть это [послужит тебе] предостережением! Не гордись перед людьми своей красотой!

Вернувшись [домой], Красавец Без Сомнений обратился к Дуну Платану за наставлениями, как избавиться от своей красоты, отказаться от наслаждений и знатности. Прошло три года, и люди царства стали его хвалить.

Владеющий Своими Чувствами из Южного Предместья сидел, облокотясь о стол. [Он] смотрел вверх и тихо дышал. Войдя к нему повидаться, [Странник] Красоты Совершенной скачал:

— [Вы], учитель, лучший из людей! [Вы], конечно, можете телом уподобиться иссохшим костям, а сердцем — угасшему пеплу.

— Прежде я жил в горной пещере, — заговорил Владеющий Своими Чувствами из Южного Предместья. — Однажды меня навестил Тянь Хэ, и весь народ царства Ци трижды восславил его. Я, конечно, раньше достиг [славы], поэтому он обо мне и узнал. Если бы у меня ее не было, как бы он обо мне узнал? Я должен был [свою славу] продать, а он — перепродать. Если бы ее не продал, как бы он сумел перепродать? Ах! Я стал печалиться о тех, кто сам себя губит; я стал печалиться и о тех, кто печалится о других; я стал печалиться и о тех, кто печалится о чужих печалях. С тех пор и стал с каждым днем все больше [от этого] отдаляться.

Конфуций пришел в Чу, и чуский царь угощал его вином. Суньшу Гордый подал кубок, а [Удалец] с Юга от Рынка принял [кубок] и, совершив возлияние вина, ска- зал:

— Здесь заговорит древний человек!

— [Я], Цю, также слышал насчет учения без слов, никогда о нем не говорил, здесь же скажу, — промолвил Конфуций. — [Удалец] шутил, а спор двух домов прекратился. Суньшу Гордый с веером из перьев в руках сладко спал, а жители Ин отложили оружие. [Для таких случаев мне], Цю, хотелось бы обладать языком в три чи. У [них] обоих, можно сказать, [есть] путь, который нельзя назвать. Поэтому [их] свойства соединяются воедино с путем,

и слова иссякают [там, где] знающий не способен познать, — [это] высшее. [Но даже] в единстве с путем свойства не могут быть одинаковыми. То, что знающий не способен познать, красноречивый не способен прославлять. Беда — от [таких] названий, как конфуцианцы и моисты. Ибо [в том, что] море безотказно [принимает реки], текущие на восток — [его] высшее величие. Мудрый объемлет и небо и землю, благодетельствует [всем] в Поднебесной, а из какого он рода — неведомо. Поэтому живет, не имея ранга, умирает без посмертного имени. Богатств не накапливает, славы не утверждает. Вот такой и называется великим человеком. Не за звонкий лай собаку считают хорошей, не за красивые речи человека считают добродетельным, а тем более — великим. Ведь [когда кого-нибудь] считают великим, [этого] недостаточно, чтобы быть великим, а тем более — обладающим свойствами. Ведь нет ничего более целостного, чем небо и земля. Но разве [они] обладают целостностью оттого, что [сами] ее добиваются? Тот, кто познал великую целостность, ничего не добивается, ничего не теряет, ничего не оставляет. Из-за вещей не меняется, возвращается к самому себе и [становится] неисчерпаемым. Следует за древностью, не приукрашивая, — воистину великий человек!

У Владелящего Своими Чувствами было восемь сыновей. Выстроив всех их перед собой, [он] призвал Пропавшего Без вести Во Вселенной и сказал:

— Узнай по лицам моих сыновей, кто из них будет счастливым!

— Порог, — ответил физиономист, — [на его лице] счастливое предзнаменование.

— Какое же? — и тревожась, и радуясь, спросил Владелящий Своими Чувствами.

— До конца дней своих Порог будет делить пищу с царем, — ответил физиономист.

— Неужели моего сына постигнет такое бедствие? — спросил Владелящий Своими Чувствами, и слезы потекли [у него] ручьем.

— Ведь для того, кто делит пищу с царем, милости распространяются на три рода, а особенно — на отца и мать. Ныне же [Вы], учитель, услышав об этом, проливаете

слезы, противитесь счастью. Счастливое предзнаменование [принимаете] за несчастливое.

— Как же ты, Пропавший Без Вести, узнал о счастливом предзнаменовании для Порога? — спросил Владеющий Своими Чувствами.

— Все от вина и мяса — я ощутил [их] аромат, [их] вкус.

— Как же ты узнал, от кого они?

— Чудом узнал, вот как! Никогда я не был пастухом, а овца ягнилась в юго-западном углу [моего дома]. Никогда не любил охотиться, а перепелка вывела птенцов в юго-восточном углу.

— Я со своими сыновьями был странником, странствовал по вселенной. Вместе с ними стремился наслаждаться природой и кормиться от земли. Вместе с ними я не вершил никаких дел и не строил замыслов, вместе с ними я [ничему] не удивлялся и не ссорился ни с кем из-за вещей. Вместе с ними я восходил к совершенству неба и земли. Вместе с ними я предавался лишь приволью и не занимался тем, чего требовал долг, отказался от всех пошлых обычаев. А ныне и пришло возмездие. Но за каждым чудесным свидетельством кроются чудесные поступки. Беда близка! [Но] на мне и на моих сыновьях нет вины. Все идет от природы! Поэтому-то я и проливаю слезы.

Вскоре [отец] послал Порога в Янь, а в пути его захватили разбойники. Продать его целым было труднее, легче безногим. Тут [ему] отрубили ногу и продали в Ци. Порог оказался на улице [привратником] главного сановника и до самой смерти питался мясом.

Беззубый встретился с Никого не Стесняющим и спросил:

— Куда вы направляетесь?

— Бегу от Высочайшего, — ответил тот.

— Почему же?

— Высочайший настолько предается милосердию, что над ним, я боюсь, станет смеяться вся Поднебесная. В будущих же поколениях люди станут пожирать людей. Ведь народ собрать не трудно. Любишь людей — [они] приближаются, приносишь им выгоду — приходят; хвалишь их — [друг друга] поощряют. Но коснись того, что они не любят, — [все] разбегутся. Любовь и выгода рождаются от

милосердия и справедливости. Тех, кто отбрасывает милосердие и справедливость, мало; тех, кто использует милосердие и справедливость, много. Но только поступки милосердных и справедливых не искренни, к тому же [они] заимствуют жадность у хищников. Поэтому, [если] один человек управляет и судит о пользе всей Поднебесной, то уподоблю его тому, чей взгляд ограничен. Ведь Высочайший знает, что добродетельные приносят пользу Поднебесной, но не ведаёт, как они губят Поднебесную. Это познают лишь те, кто [обходится] без добродетельных.

Есть Нежный Красавец, есть Предающийся Неге, есть Хватающий Согбенный. Этот самый Нежный Красавец учит [наизусть] речи одного преждеорожденного — нежно, красиво — и втайне сам собою любит, считая, что [этого] достаточно, и не ведая, что еще и не начал что-либо познавать. Вот такой называется Нежным Красавцем. Предающийся Неге подобен вше на [шкуре] свиньи. Выбирая [где] щетина пореже, вошь чувствует себя в обширном дворце, огромном парке. Покойными и удобными местечками она считает щели в копытах, складки кожи, промежутки между сосцами, бедрами. Не ведаёт, что однажды утром мясник взмахнет руками, подстелет травы, разведет огонь и спалит ее вместе со свиньей. Вот такой, кто [толчется] в одном мирке, то входя [в него], то выходя, и называется Предающимся Неге.

Хватающий Согбенный — это Ограждающий. Баранине ни к чему муравьи, но муравьям нравится запах баранины. Поступки Ограждающего пахли, [как] баранина, и народу он понравился. Трижды [он] переселялся, создавая города. Когда переселялся на пустыри в Дэн, [с ним] уже было десять раз по десять тысяч семей. Услышав о добродетели Ограждающего, Высочайший выделил ему Отрочью землю и сказал:

— Надеюсь, [земля] обретет благодеяния с его приходом.

Поднимая отрочью землю, Ограждающий [телом] постарел, разумом одряхлел, а все не мог найти покоя, вернуться [домой]. Вот и назывался Хватающим Согбенным.

Поэтому-то пронизательный и не любит, чтобы [к нему] стекалась толпа. [Если] толпа стекается, [он с ней]

не сближается, [если] не сближается, [для нее] бесполезен. Поэтому [он] не слишком [с нею] сближается, не слишком [от нее] отдаляется. Тот, кто хранит свойства и лелеет гармонию, чтобы следовать за Поднебесной, и называется настоящим человеком. [Он] отбрасывает смысл, подобный баранине; отбрасывает знания, подобные муравьиным, и обретает средство, подобное рыбьему.

Глазами всматривается в видимое, ушами вслушивается в слышимое, сердцем отвечает познаваемому — такой ровен, как отвес, а в изменениях следует пути.

Настоящий человек древности воспринимал [все] с помощью природного, не вносил в природу человеческого. [Таков был] настоящий человек древности.

Обрел это — родился, утратил это — умер. Обрел то — умер, утратил то — родился. Какое из лекарств станетладыкой <главным> ныне: воронья голова или цзегэн, куриная голова или чжулин? Разве [все это] можно перечислить?

Когда Гоуцзянь и три тысячи латников со щитами засели на Куйцзи-[горе], только [Вэнь] Чжун знал, как сохранить [царство] при поражении; только [Вэнь] Чжун не ведад, какая скорбь [уготована] ему самому. Поэтому и говорится: «И глаза совы бывают пригодны»; «И на ноге аиста есть коленце, отними — станет больно». Поэтому и говорится: «Ветер перелетит через Реку, и [воды] убавится; солнце перейдет через Реку, и [воды] убавится». Ветер вместе с солнцем сдерживают Реку, Река же считает, что ее никогда не затрагивают, [что она] от истоков [течет] вдаль. Поэтому вода держит землю, [это ее] рубеж; тень держит человека, [это его] рубеж; [одну] вещь держит [другая] вещь, [это для каждой вещи] рубеж. Поэтому, чем острее взор, тем опаснее; чем тоньше слух, тем опаснее; чем сильнее стремление сердца, тем опаснее; каждая способность, исходящая изнутри, опасна. [Когда] опасность созрела, [ее] не устранишь. Бедствия возрастают и стекаются тучами. Их предотвращение требует [больших] трудов, а результат — долгого ожидания. А человек — увы! — считает их [органы чувств] своим сокровищем. Поэтому-то без конца и губят царства, убивают жителей, и никто не умеет спросить: почему? Нога [человека], ступая по земле, занимает мало [места]. Пусть мало, но, опи-

раясь на него, [идет] туда, где еще не ступала [нога человека], способен затем уйти далеко. Знания человека малы. Пусть малы, но, опираясь на них, [идет] к непознанному и познает затем то, что называется природой. Познает великое единство, познает великую [силу] тьмы, познает великое зрение, познает великое равновесие, познает великую безграничность, познает великое доверие, познает великое утверждение, [это познание] — высшее. Великим единством все объединяет, великой [силой] тьмы все расчленяет, великим зрением все созерцает, великим равновесием следует [природе] каждого, великой безграничностью [следует] форме каждого, великим доверием предоставляет каждого [своей сущности], великим утверждением держится [самоутверждения] каждого.

Во всем до конца — природа. Следуя [ей], обретают понимание. Тьма обладает стержнем, [от нее] начинаются и другие [вещи]. В ней их расчленение, [но] будто без расчленяющего; познание же этого будто не познание. [Тот, кто] не знает, впоследствии это познает. Вопросам об этом не может быть предела, но нельзя их задавать и беспредельно. [Вещи] легки, неуловимы, [но] каждая обладает своей сущностью; ни в древности, ни ныне одна не заменяет другую, нельзя [никакую вещь] умалить. Почему же тогда не дать название [тому, что] обладает великим проявлением и доказательством? Почему же не спросить о сущности? К чему сомневаться? Чтобы разрешать сомнения с помощью несомненного, возвращаясь снова к несомненному вплоть до великого несомненного.

Глава 25 ПОДРАЖАЮЩИЙ СВЕТУ

Подражающий Свету странствовал в Чу. И Преданный Долгу сказал о нем царю, но царь [его] еще не принял, а И Преданный Долгу уже вернулся [к себе домой].

Подражающий Свету увиделся с Ваном Решительным и сказал:

— Почему бы [Вам], учитель, не заговорить обо мне с государем?

— Мне далеко до Гуна Ушедшего от Смотров, — ответил Ван Решительный.

— А чем занимается Гун Ушедший от Смотров? — спросил Подражающий Свету.

— Зимой бьет острой черепак в Реке, а летом отдыхает на горе, в тени, — ответил Ван Решительный. — Когда расспрашивают его прохожие, отвечает: «Это мое жилище». Ведь если не сумел [представить Вас царю] И Преданный Долгу, разве я [сумею]? Мне далеко до И Преданного Долгу. Ведь что за человек И Преданный Долгу! Свойств нет, а знаниями обладает. [Если], не опираясь на собственную волю, используете его чудесную способность к связям, [он], конечно, погрузит [Вас] во мрак богатства и знатности, поможет не [обрести] свойства, а [их] истощить. Ведь замерзающему [он] одолжит одежду весной, а умирающему от жажды [посулит], напротив, холодный ветер зимой. А что за человек царь Чу! С виду — величествен и суров, с провинившимися беспощаден, словно тигр. Кто сумеет склонить его, кроме льстецов, [поправших] истинные свойства! Поэтому мудрый в крайней нужде заставляет домашних забыть о бедности; будучи проницательным, заставляет царей и знатных забыть о рангах, о жалованье и стать скромными; среди вещей вместе с другими наслаждается; среди людей он одобряет тех, кто, сохраняя себя, проникает в вещи. Поэтому даже без слов [он] поит людей гармонией; рядом с людьми их улучшает; как должно отцу [поступать] с сыном, возвращает их в свое жилище. А отдыхая от своих благодеяний, отдаляется от людских помыслов. Поэтому и говорю: «дождись Гуна Ушедшего от Смотров»!

Мудрый видит все связи между собой и другими в единстве, [сам] не ведая почему, — таков [его] характер. Отвечая колебаниям жизни, [он] считает своим учителем природу, люди же вслед называют его [учителем]. Печально, что не узнают и не делают [этого] постоянно, и вскоре приходит конец. Каким же образом? [А вот как]: красивому от рождения люди дают зеркало. Не поведали бы, и не узнал, что красивее других. То ли знал бы, то ли нет; то ли слышал бы, то ли нет; а радоваться мог бы до смерти без конца; люди любовались бы на него также без конца — таков характер. Мудрый же любит людей, и люди [так] на-

ывают его. Не назвали бы — и не ведал бы, что любит людей. То ли ведал бы, то ли нет; то ли слышал бы, то ли нет, а его любовь к людям [длилась бы] до смерти без конца, и люди наслаждались бы ею также без конца — таков характер.

Родное царство, родная столица, взглянуть на них издали — какое счастье! Пусть это даже скопление холмов и курганов, заросших травами и деревьями, но девять из десяти вернувшихся все же будут счастливы, а особенно [когда] увидят уже виденное, услышат уже слышанное. [Это словно] башня в десять жэней высотой, которой любитесь весь народ.

[Муж] из рода Гадателей на Черепашьей Бороде обрел центр <ось>, чтобы следовать за образованием [вещей]. Вместе с вещами не знал ни конца, ни начала, ни краткого мига, ни дня. Изменяясь вместе с вещами, в одиночестве не изменялся. Почему же на этом не остановился? Ведь тот, кто учится у природы, не способен учиться у природы; кто вершит дела в соответствии с вещами, вместе с вещами гибнет. Каким же образом? Мудрый никогда [не стремится] обладать природным, никогда [не стремится] обладать человеческим, никогда [не стремится] обладать началом, никогда [не стремится] обладать вещами. Двигается вместе со своим временем и [никого] не заменяет; поступки его целостны, [он] не терпит поражений и объединяется с путем — вот как!

Испытующий узнал начальника дворцовой стражи и ведающего колесницами — Восходящего и Неуклонного — и сделал их своими наставниками. Следуя за наставниками, [он этим] не ограничился и обрел [способность] следовать за образованием [вещей]. А эту заслугу приписал своим должностным лицам. Таким способом [добился] выигрыша: обрел двух выдающихся. Конфуций же считал, что дело учителя «истощить все свои помыслы».

Юн Чэнцзы сказал:

— Без дня нет и года, без внутреннего нет и внешнего.

Юн, [царь] Вэй, заключил клятвенный союз с [царем] Моу из [рода] Тянь. Когда Моу нарушил договор, Юн

в гневе хотел послать [человека] его заколоть. Узнав об этом, [полководец] Носорожья Голова пристыдил [царя]:

— [Вы], государь, властелин тьмы колесниц, собираетесь поручить месть одному человеку. [Я], Янь, прошу дать мне двести тысяч латников. Для [Вас], государь, я нападу на него, пленю его народ, угоню его буйволов и коней, так что внутренний жар этого царя скажется на его спине. Затем я захвачу его страну, и когда [он] в ужасе побежит, я ударю его в спину и перебью позвоночник.

Услышал об этом Цзицзы и пристыдил:

— Строили стену высотой в десять жэней. Теперь же, [когда] стена в десять жэней выстроена, снова сломать ее — тяжкий труд скованных вместе [преступников]. Ныне уже семь лет как не было войны. Это — опора государя. Янь — смутьян, [его] нельзя слушать.

Услышал об этом Хуацзы и [их] обругал:

— Призывающий напасть на Ци — смутьян. Призывающий не нападать — тоже смутьян. Тот, кто называет смутьянами [сторонников и противников] нападения, тоже смутьян.

— Что же делать? — спросил царь.

— Царь должен лишь стремиться найти путь, — ответил Хуацзы.

Услышав об этом, Творящий Благо представил [царю] Несущего Возвышенное, и тот спросил:

— Знает ли царь так называемую улитку?

— Да, — ответил царь.

— На левом рожке улитки расположено царство, которое зовется родом Бодливых, на правом рожке улитки расположено царство, которое зовется родом Диких. [Они] все время воюют друг с другом за землю. Убитые падают десятками тысяч, преследуют разбитого врага десять дней и [еще] пять, а затем только возвращаются.

— Ах, пустая болтовня! — воскликнул царь.

— Разрешите [мне, Вашему] слуге, показать это [Вам], государь, наглядно. Подумайте, государь, о пространстве во всех четырех сторонах, в зените и надире. Есть ли [ему] предел?

— Нет предела.

— Познав, как странствовать мыслью в беспредельном, обратитесь к известным царствам, [ведь они] вроде бы существуют, а вроде бы и не существуют?

— Да.

— Среди известных [царств] есть Вэй, в Вэй находится [столица] Лян, а в Лян — [Вы], государь. Есть ли различие между [Вами], государь, и родом Диких?

— Нет различия, — ответил царь.

Гость ушел, а царь остался в смятении, точно в забытьи. [Когда] гость удалился, подошел Творящий Благо, и царь сказал:

— Гость — великий человек. Ему недостойн противостоять [ни один] мудрец.

— [Когда] играют на флейте, — сказал Творящий Благо, — пышится мелодия. [Когда же] дуют в кольцо ффеса, [слышится] лишь свист. Люди восхваляют Высочайшего с Ограждающим, ведь Высочайший с Ограждающим перед Несущим Возвышенное уподобятся лишь свисту.

Конфуций пришел в Чу и остановился у [продавца] кашицы на Муравьином холме. Его соседи — муж с женой, слуги и служанки поднялись на высокое место <крышу>.

— Что делают эти люди? — спросил Цзылу.

— Это рабы мудрого, — ответил Конфуций. — Он похоронил себя в народе, скрылся среди полей. Голос его умолк, но воля его не иссякла. Хотя уста его говорят, но мыслей никогда не высказывают. Притом [он] противостоит всему своему поколению и брезгует с ним объединяться. [Он] — тот, кто «утопился на суше», из таких [как Удалец] с Юга от Рынка, Обязанный к Черной Работе.

Цзылу попросил разрешения пойти и позвать его, но Конфуций сказал:

— Оставь! Он знает [меня], Цю, лучше, чем [я] сам. Знает, что [я], Цю, пришел в Чу, и думает, что [я] стану любоваться приглашения царя Чу. Ведь он считает [меня] болтуном. Он постыдится слушать речи болтуна, а тем более с болтуном встречаться. Почему ты думаешь, что [он] еще там?

Цзылу пошел и взглянул — комната соседей [оказалась] пустой.

Страж границы Высокий Платан спросил у Цзылао:

— Не должен ли государь, верша дела, пахать тщательно, а управляя народом, не разрывать ростков? Прежде,

сея, я пахал небрежно, и поле вознаграждало меня зерном также небрежно; полол, разрывая ростки, и вознаграждали меня также разорванные ростки. На следующий год я ввел другие порядки: пахал глубоко, как следует боронил, и зерно уродилось обильно. Весь год я ел досыта.

Услышав об этом, Чжуанцзы сказал:

— Многие нынешние люди относятся к своей [телесной] форме и к сердцу так, как говорил Страж границы. Ради всевозможных дел бегут от своей природы, покидают свой характер, уничтожают собственные чувства, губят свой разум. Вот у того, кто небрежно вспахивает свой характер, в характере и остаются корни зла — любви и ненависти. Осока и тростник, зарождаясь, сначала будто поддерживают мою [телесную] форму, [но] стремятся искоренить мой характер, а потом без разбора, отовсюду просачиваются и прорываются, [вызывая] язвы, нарывы, пылая внутренним жаром и исходя гноем. Вот оно что!

Кипарисовый Наугольник, учась у Лаоцзы, сказал:

— Дозвольте странствовать по Поднебесной.

— Оставь, — ответил Лаоцзы. — Поднебесная [всюду] одинакова. [Кипарисовый Наугольник] повторил свою просьбу, и Лаоцзы спросил:

— Откуда же ты начнешь?

— Начну с Ци, — ответил Кипарисовый Наугольник. — Приду туда, увижу казненного, подниму его и поставлю, сниму [с себя] придворную одежду, прикрою его и стану оплакивать, взывая к Небу: «Сын [мой]! Сын [мой]! Поднебесную постигло великое бедствие, и ты первый пал его жертвой! Говорят: «Не становись разбойником! Не становись убийцей!». Но с тех пор, как возвели [в закон] славу и позор, появились и пороки; с тех пор, как стали копить товары и имущество, начались и тяжбы. Ныне возвели [в закон] то, что ожесточает людей; накопили то, из-за чего ведутся тяжбы; довели людей до крайности, лишив их покоя. Как же можно теперь предотвратить [злодеяния]! Древние государи за [все] блага воздавали [хвалу] народу, а во всех бедах [винили] себя; [все] истинное видели в народе, а заблуждения — в себе. Поэтому только один [царь] терял свое тело и, порицая сам себя, уходил [из жизни]. Ныне же [все] по-иному. Скроют происшедшее и [порицают] не ведающих [о нем] за глупость;

поставят невыполнимую задачу и осудят за отсутствие смелости; возлагают тяжкие обязанности и покарают за то, что с ними не справились; [пошлют] дальней дорогой и казнят за опоздание. Люди же, зная, что сил не хватит, изменяют их притворством. С каждым днем все больше лицемерия [у высших]. Как же могут не лицемерить и мужи, и народ? Ведь [если] не хватает силы, притворяются; не хватает знаний — обманывают; не хватает имущества — грабят. Но кого же [тогда] можно обвинять за кражу?

Цюй Боуй проповедовал шесть десятков лет, а в шестьдесят лет изменился. То, что в начале утверждал, под конец изгонял и отрицал. [Он] еще не понял, не отрицал ли пятьдесят девять лет то, что называет ныне истинным!

[Вся] тьма вещей живет, а корней не видно; появляется, а ворот не видно. Все люди почитают то, что познано знанием; а не ведают, что познание начинается лишь после того, как, опираясь на знания, познают непознанное. Разве не назовут [это] великим сомнением? Оставь, оставь! Ведь от этого никуда не скроешься! Это и есть так называемая истина? Да!

Конфуций спросил у великих хронистов — Большого Чехла, Дяди Всегда Ошибающегося и Кабаньей Шкуры:

— Почему вэйский царь получил [посмертный титул Лин] Чудотворный? Ведь он пьянствовал, предавался наслаждениям, не вникал в управление царством. Охотился с облавами, собаками, силками и привязными стрелами, но не вступал в союзы с другими правителями.

— Именно по этой причине, Лин [Предмет Одушевленный], — ответил Большой Чехол.

— У этого царя было три жены, — ответил Дядя Всегда Ошибающийся, — [он] с ними купался в [одной] ванне. [Когда же] по царским делам туда вошел Хронист Ю, [царь] схватил материю и распростер [будто] крылья. Столь беспутный, он стал таким почтительным при виде добродетельного. Поэтому и назван [посмертно] Лин [Сообразительный].

— [После] смерти царя гадание о захоронении на родовом кладбище оказалось несчастливым, гадание же

о захоронении на Песчаных холмах — счастливым. [Когда] рыли, на глубине нескольких *жэней* нашли каменный саркофаг. Очистив, увидели надпись, которая гласила: «Нет доступа сыновьям. Царь Лин займет его и в нем поселится». Ведь царь уже давно стал Лином [покойником]. Разве достойны об этом знать те двое? — Так сказал Кабанья Шкура.

Малое Знание спросило у Справедливого Приводящего к Согласию:

— Что означают речи о селениях?

— В селениях по обычаю объединяются десяток фамилий, сотня имен. Объединяются различные, считаясь подобными; рассеиваются подобные, считаясь различными. [Если] ныне назовешь сотню частей коня, конь не получится. [Если же] конь стоит перед [тобой], стоит со всей своей сотней частей, то назовешь его конем. Поэтому скапливаясь из низкого, холмы и горы становятся высокими: собирая воду, реки становятся широкими. Великий человек всех объединяет и [все] считает общим. Поэтому, [если мысли] приходят извне, [он] на своем не настаивает; [если] исходят от него и справедливы, [ему] не возражают. У [каждого из] четырех времен года особый эфир, но [ни одному] природа не оказывает предпочтения, поэтому год завершается. У [каждого из] пяти начальников особые обязанности, но [если] государь не пристрастен, то в царстве порядок. Великие люди не награждали ни за красоту, ни за храбрость, поэтому свойства были целостными. У [каждой из всей] тьмы вещей [свои] законы, но путь беспристрастен, поэтому не обладает именем. Не обладает именем, поэтому предается недеянию, предаваясь недеянию, все совершает. У времени есть конец и начало, у поколения много перемен, распространяются и беда и счастье. И даже в том, чему противятся, находят должное. Тот, кто стремится к своему особенному, ошибается в том, что пытается исправить. Уподобим это большому озеру, [которое] всей растительности отмеряет влагу; взглянем на высокую гору, на жертвенном алтаре которой вместе и деревья, и камни. Вот что означают речи о селениях, — так ответил Справедливый Приводящий к Согласию.

— Достаточно ли этого, чтобы заслужить название «путь»? — спросило Малое Знание.

— Нет, — ответил Справедливый Приводящий к Согласию. — Ныне, считая число вещей, не остановимся на десяти тысячах, а говорим условно «десять тысяч» [«тьма»]; называя, говорим самую большую цифру. И небо и земля по форме больше всего; [силы] холода и жары по [скоплению] эфира больше всего. Путь же — общий. Они так огромны, что, называя их так, говорим, так бывает. Но допустимо ли такое сравнение? Не так же ли далеко оно [от пути] в этом суждении, как сравнение с собакой или конем?

— Как возникает жизнь всей тьмы вещей внутри четырех стран света, в пределах шести единств? — спросило Малое Знание.

— Жара и холод друг друга освещают, друг друга губят, друг друга обуздывают, — ответил Справедливый Приводящий к Согласию. — Четыре времени года друг друга сменяют, друг друга порождают, друг друга убивают. И тут поднимаются и любовь, и ненависть, и домогательства, и отказ. И тут становится обычной краткая случка самца и самки. Покой и опасность друг друга сменяют, счастье и беда друг друга порождают, поспешность и медлительность друг друга теснят, сбор и рассеяние формируют [вещи]. Название и сущность подобного рода можно запомнить, мельчайшее можно удержать в памяти. [Вещи] последовательно друг на друга воздействуют по закону [каждой из них], поднимаясь и вращаясь, друг друга отсылают, за тупиком открывается поворот, за концом — начало. Таково то, чем обладают вещи, что исчерпывается в словах, что постигается знаниями, высшее в вещах на этом и кончается. Люди, которые наблюдают за путем, не следуют за тем, что кончается, не восходят к тому, что начинается, на этом суждения и прекращаются.

— Кто из двух прав в своей сущности — спросило Малое Знание, — а кто односторонен в своем суждении? Цзи Истинный, говоря, «[путь] предается недеянию», или Продолжатель, говоря, «он возможно воздействует»?

— Петух кукарекает, собака лает — таково познанное человеком, — ответил Справедливый Приводящий к Согласию. — Но даже обладающий большими познаниями не смог бы рассказать в словах об их самоизменении, не

смог бы [определить] и в мыслях, что они станут делать. [Если] их объяснять по отдельности, то мельчайшее не с чем сравнивать, а величайшее не охватить. [Мнения, что «путь» предается надеянию» или «возможно воздействует» — неизбежны в приложении к вещам, но в конце концов будут признаны ошибочными. «Возможно, воздействует» — значит [обладает] сущностью; «[предается] надеянию» — значит [обладает] пустотой. Обладать названием, обладать сущностью — состояние вещи; без названия, без сущности — пустота [без] вещи. [Об этом] можно говорить, можно думать, но, [чем больше] слов, тем дальше [от пути]. Еще не родившимся не запретишь [родиться], умирающим не помешаешь [умереть]. Умирают и рождаются рядом, а закона [жизни и смерти] не разглядишь. В [мнениях] «возможно воздействует», «предается надеянию» сомнительно само допущение. [Когда] я смотрю на его основание, оно уходит в беспредельность; [когда] я ищу его вершину, не могу увидеть конца. Беспредельное, бесконечное — для него нет слов. При законах, общих с вещами, слова «возможно воздействует», «предается надеянию» — относятся к основанию, но от начала до конца связаны с вещами. Пути не может ни быть ни не быть. Название «путь» — лишь предположение. «Возможно, воздействует», «предается надеянию» — [эти мнения] связаны лишь с одной стороной вещей. Разве внимают им [люди] глубоких мыслей? [Если бы] слов было достаточно, то, проговорив целый день, сумели бы исчерпать путь. [Поскольку же] слов недостаточно, то, проговорив целый день, можно исчерпать [лишь] вещи. Путь — высшее для вещей, его не вместить ни в слова, ни в молчание. Ни в словах, ни в молчании высшее о нем не выразить.

Глава 26

ВЕЩИ ВНЕ [НАС]

Вещи вне [нас] не дают определить [их] необходимость [для нас]. Поэтому Встреченный Драконом был казнен, царевич Щит был зарезан, Сидящий на Корточках [притворился] безумным. Несущий Зло умер, Разрывающий на Части и Бесчеловечный погибли. Каждый хо-

зяин ждет преданности от своих слуг, но преданному вряд ли поверит. Поэтому [тело] У Цзысюя носилось по реке, а Чан Хун умер в Шу. Кровь его в тайнике через три года обратилась в лазоревый камень. Каждый отец ждет почтительности от сыновей, но почтительного вряд ли полюбит. Поэтому Сяо Цзи печалился, а Цзэнцзы скорбел. [Когда] дерево трут о дерево, [оно] загорается, [когда] металл противостоит огню, [он] плавится. [Когда силы] жара и холода действуют в беспорядке, небо и землю [охватывает] большое возмущение. Тут и раскаты и удары грома, в ливне вспыхивает огонь и сжигает даже огромную софору. Горе [человека] еще сильнее. [Он] между двух опасностей, [ему] некуда бежать. В тревоге ничего не может совершить, сердце будто мечется между небом и землей, соболезнает, утешает в скорби, тонет в опасностях. [Когда же] польза и вред теснят друг друга, огонь разгорается еще сильнее и пожирает гармонию народа. Луне, конечно, не справиться с огнем. Тут наступает крушение, и учению приходит конец.

Семья Чжуана Чжоу была бедна, и [он] отправился к лучнику — Смотрителю Реки взять в долг зерна.

— Я скоро получу деньги с общины и ссужу тебе триста серебром, ладно? — ответил Смотритель Реки.

Чжуан Чжоу с гневом взглянул [на него] и молвил:

— Вчера, когда [я], Чжоу, шел, посередине дороги [меня] окликнули. [Я], Чжоу, оглянулся, заметил в колес Пескаря и спросил: «Зачем ты здесь, Пескарь?» Он же ответил: «Я ведаю волнами в Восточном море. Не найдете ли [Вы], благородный муж воды, хоть мерки или несколько пригоршней, чтобы спасти мне жизнь?» [Я], Чжоу, ответил: «Я приведу тебе сюда воды Западной реки с юга от царей У и Юэ. Ладно?» Пескарь с гневом взглянул [на меня] и сказал: «Я утратил свою обычную [среду], у меня нет выхода. Достань я воды хоть мерку или несколько пригоршней, остался бы в живых. Чем говорить то, что сказали [Вы], благородный муж, лучше уж заранее искать меня в лавке с сушеной рыбой!»

Царский сын Жэнь изготовил огромный крючок и толстую черную лесу, наживил для приманки пятьдесят молодых быков, уселся на корточках с бамбуковым шестом на

Куйци-горе и забросил удочку в Восточное море. Удил утро за утром, но за целый год не поймал [ни одной] рыбы. Наконец проглотила приманку гигантская рыба, нырнула и утащила огромный крючок на самое дно, затем помчалась, вздымая плавниками седые волны, точно горы, всколыхнула всю воду морскую, распугала [всех] на тысячу *ли* [вокруг] громом, точно исходящим от богов и душ предков.

Раздобыв такую рыбу, царевич Жэнь ее разрезал, высушил и накормил досыта всех с востока от реки Чжэ до севера от Цанъю. Об этом с восхищением передавали друг другу от поколения к поколению все рассказчики, даже самые ничтожные.

Всдь [если] с бамбуковой жердью и тонкой леской ходить к оросительной канаве, то выудишь лишь пескаря, а не гигантскую рыбу. Тем же, кто разукрашивает басни, домогаясь [награды] от начальства, далеко до больших достижений. Так вот и тому, кто не слышал предания о царевиче Жэне, далеко до участия в управлении миром.

Конфуцианцы занимаются песнями и обрядами, чтобы разрывать могилы. Конфуцианец-учитель с кургана спрашивает:

— Как идет работа? Уж [солнце] показалось на Востоке!

Конфуцианцы-ученики [снизу ему] отвечают:

— Еще не сняли нижнее и теплое платье [покойника], во рту есть жемчужины.

В песне недаром поется:

Зеленя, зеленая пшеница
Покрыла склоны кургана
При жизни не делал раздач,
Зачем же мертвому жемчужины во рту?

Взялись конфуцианцы за волосы на висках [трупа], прижали подборолок, металлическим шилом прокололи щеки, потихоньку разнимали челюсти, чтобы не повредить жемчужин во рту.

Ученик Старого Чертополоха ходил за хворостом, встретил Конфуция и, вернувшись, рассказал [об этом учителю]:

— Из какого там рода человек — не знаю. Туловище [у него] длинное, а ноги короткие, сгорбленный, а уши позади. Выглядит так, будто управляет всем среди морей.

— Это Цю, — сказал Старый Чертополох. — Позови [его] сюда.

[Когда] Конфуций пришел, [Старый Чертополох] сказал:

— Откажись, Цю, от своего тщеславия, от своего мудрого вида и станешь благородным мужем.

Сложив руки в приветствии, Конфуций отступил, [а затем] нахмурился и, изменившись в лице, спросил:

— Преуспее ли [мое] дело?

— [Сам] не можешь вынести страданий одного поколения, а высокомерно навлекаешь беду на тьму поколений, — ответил Старый Чертополох. — Намеренно ли выдаешь себя за скудоумного? Не способен ли постичь общее? Совершать милости и упиваться радостью [благодетельствованных, ведь это] позор на всю жизнь! Так преуспевают [лишь] люди дюжинные, завлекая друг друга славою, связывая друг друга корыстью. Чем хвалить Высочайшего и порицать Разрывающего на Части, лучше забыть о них обоих и пресечь то, чем они прославились. Повернешься, кому-то повредишь; шевельнешься, что-то извратишь. Ведь мудрый каждый раз добивается успеха, но, приступая к чему-либо, полон нерешительности. А как быть [с тобой]? Так до конца и останешься высокомерным?!

Сунский [царь] Юаньцзюнь в полночь увидел во сне, как человек с распущенными волосами заглянул к нему из-под крыши и сказал:

— Я — из Пучины Перерезывающей дорогу. Я — посланец к Дяде Реки от [реки] Цинцзян. Меня поймал рыбак Провидец.

Юаньцзюнь проснулся и велел разгадать сон. Галание гласило: «Это Священная черепаха».

— Есть ли среди рыбаков Провидец? — спросил царь.

— Есть, — ответили слева и справа.

— Повелеваю Провидцу явиться ко двору, — приказал царь. На другой день Провидец явился, и государь спросил:

— Что поймал?

— В [мои], Провидца, сети попалась седая черепаха, — ответил тот, — круглая, на пять чи.

— Поднеси [мне] свою черепаху, — велел царь.

Когда черепаху доставили, царя охватили сомнения: то хотелось ее убить, то хотелось оставить в живых. Гадание же о ней гласило: «Убить черепаху для гадания — к счастью!» Тогда черепаху зарезали. Семьдесят два раза прижигали [ее панцирь] и все [записи на] бирках подтвердились.

— Священная черепаха сумела явиться во сне царю Юаню, — сказал Конфуций, — а не сумела избежать сетей Провидца. [Ее] знаний хватило на семьдесят два гадания — все [записи на] бирках подтвердились, а не хватило [знаний] избежать беды — не быть выпотрошенной. Так что и знания приносят трудности, и священному чего-то не хватает. Даже того, кто обладает высшим знанием, перехитрит тьма людей. Рыба не боится сетей, а боится розового пеликана. Откажись от малого знания, и проявится большое знание, откажись от доброты, и проявится естественная доброта.

Младенец, родившись, способен овладеть речью и без великого учителя, [ибо] живет вместе с говорящими.

Творящий Благо сказал Чжуанцзы:

— Ты говоришь о бесполезном.

— С тем, кто познал бесполезное, можно говорить и о полезном, — ответил Чжуанцзы. — Ведь земля и велика и широка, а человек ею пользуется [лишь] в размере своей стопы. А полезна ли еще человеку земля, когда рядом с его стопой роют [ему] могилу вплоть до Желтых источников?

— Бесполезна, — ответил Творящий Благо.

— В таком случае, — сказал Чжуанцзы, — становится ясной и польза бесполезного.

Чжуанцзы сказал:

— Может ли не странствовать человек, способный странствовать? Может ли странствовать человек, не способный странствовать? Ах! Скрыться, порвать с миром — не в этом назначение обладающего истинным знанием и полнотой свойств. [Ведь те] падают, но не возвращаются, мчатся сквозь огонь, но не оборачиваются. Пусть [люди]

относятся друг к другу, как царь и слуга, но [лишь] временно. Сменится поколение — и не станут презирать один другого. Поэтому и говорится: «Настоящий человек не оставляет [следов своих] деяний». Уважение к древности и презрение к современности — [таков] обычай учеников, а тем более последователей рода Кабаньей Шкуры. Кого из них не увлекло течением, судя по сегодняшнему миру? Только настоящий человек способен странствовать среди современников, не отклоняясь, следовать за другими, не теряя самого себя, не изучать чужих учений, но, не чуждаясь, воспринимать [их] мысли.

Зрение пронизательное создает прозорливость, слух острый создает понимание, обоняние тонкое создает чуткость, вкус тонкий создает сладость, сердце пронизательное создает знания, знания пронизательные создают свойства. Ни один из этих путей не хочет быть прегражденным, преграды вызывают спазмы, если и при спазмах помехи не прекращаются, начинают топтать ногами, а это приносит огромный вред. Вещи, которые обладают знаниями, зависят от дыхания, [если] дыхание неглубокое, в этом не вина природы. Проделанные природой [отверстия] не закрываются ни днем, ни ночью, и только люди их затыкают. В утробе важна пустота, в сердце — естественное движение. [Если] в доме тесно, свекровь со снохами всегда ссорится. [Если] в сердце нет естественного движения, [восприятия] шести отверстий друг друга теснят. Насколько хороши для человека большие леса и высокие горы — не выразить даже пронизательному.

Добродетель, переливаясь через край, [переходит] в славу; слава, переливаясь через край, [переходит] в насилие. Замыслы возникают в крайности, знания появляются в спорах. Независимость появляется [у того, кто] упорно стоит на своем. Дело начальников будет успешным, [если] народ [признает его] должным. Весною в дождь и на солнце травы и деревья растут неудержимо, и тут пускают в ход серпы и мотыги. [Но] больше половины растений снова поднимаются, а почему — не ведают.

Тишиной можно помочь исцелить болезнь, массируя углы глаз, можно остановить старость, покоем можно вы-

лечить испуг. Хотя подобное — дело лишь тружеников. Не испытав этого, предающиеся праздности не спрашивают [об этом]. О том, как мудрые предостерегали Поднебесную, проницательные не ведали и не спрашивали. О том, как достойные предостерегали своих современников, мудрые не ведали и не спрашивали. О том, как государи предостерегали свое царство, достойные не ведали и не спрашивали. О том, как малый люд сообразуется с временем года, благородный муж не ведает и не спрашивает.

У стража Широких ворот умер отец, и страж ухитрился так исхудать, что заслужил ранг «пример для служащих». [Тогда] его сородичи стали доводить [себя до такой] худобы, что половина из них умерла.

Высочайший отдавал Поднебесную Никого не Стесняющему, но Никого не Стесняющий от него сбежал. Испытующий отдавал Поднебесную Омраченному Свету. но Омраченный Свет на него рассердился. Услышал об этом Помнящий о Других, увел своих учеников и уселся на корточках у реки Пустота. Все правители его оплакивали три года, а Наставник Олень с горя бросился в реку.

Вершей пользуются при рыбной ловле. Наловив же рыбы, забывают про вершу. Ловушкой пользуются при ловле зайцев. Поймав же зайца, забывают про ловушку. Словами пользуются для выражения мысли. Обретя же мысль, забывают про слова. Где бы мне отыскать забывшего про слова человека, чтобы с ним поговорить!

Глава 27

ПРИТЧИ

В девяти речах из десяти — притчи. В семи из десяти — речи [людей] почитаемых. Речи всегда новые, как [вино] из чарки, совпадают с естественным началом. Девять из десяти притч, которые обсуждаются, заимствованы извне. [Ведь] родной отец не становится сватом для собственного сына. Лучше, чтоб хвалил сына не отец, а другой [человек]. Не моя-де вина, вина чужая. [Если

речи] тождественны моим, соглашаюсь; не тождественны моим, возражаю; тождественные моим [объявляю] истинными; не тождественные моим [объявляю] ложными. Семь из десяти — речи почитаемых, [слова] уже высказанные. Это [речи] стариков, по возрасту — предшественников. Но если престарелые лишь по возрасту не обладают знаниями основы <мирными> и утка <военными>, начала и конца, то они не предшественники. [Если] человек ни в чем не опередил других, у него нет человеческого пути. Такого, у которого нет человеческого пути, назовем прахом человека. Речи всегда новые, как [вино] из чарки, совпадают с естественным началом; поэтому и развиваю их беспредельно, используя до конца лет [своих]. [Пока] нет слов, есть согласие. Согласие со словами не согласуется; и слова с согласием не согласуются. Поэтому и говорится «без слов». Речь не нуждается в словах. Бывает, что [человек] говорит всю жизнь, а ничего не скажет. Бывает, что всю жизнь не говорит, а все скажет. Бывает, что [имеет] свое [мнение] о возможном и невозможном, свое [мнение] об истинном и неистинном. Почему истинно? Истинно оттого, что истинно. Почему неистинно? Неистинно оттого, что неистинно. Почему возможно? Возможно оттого, что возможно. Почему невозможно? Невозможно оттого, что невозможно. В вещах, конечно, есть истинное, в вещах, конечно, есть возможное. Нет вещи без истинного, нет вещи без возможного. Но кто же способен овладеть этим надолго без речей, всегда новых, как [вино] из чарки, совпадающих с естественным началом? [Вся] тьма вещей делится на роды, вещи заменяют одна другую от начала до конца, будто по кругу [лишь] в различной [телесной] форме. Их закона не уловить. Это называется равновесием природы. Равновесие природы и есть естественное начало.

Чжуанцзы сказал Творящему Благо:

— Конфуций проповедовал шесть десятков лет, а в шестьдесят лет изменился. То, что вначале [объявлял] истинным, под конец объявил ложным. [Он] еще не понял, не отрицал ли пятьдесят девять лет то, что называет ныне истинным?!

— Конфуций полон желаний трудиться, [он] преклоняется перед знаниями, — сказал Творящий Благо.

— Конфуций от этого отказался, но о своем отказе еще не говорил, — сказал Чжуанцзы. — Слова Конфуция гласят: «Ведь [человек] получает от великой основы свои способности, а затем и разум, чтобы родиться. [Когда] поет, должен соблюдать тон, [когда] говорит, должен соблюдать правила. [Если я] пекусь о пользе и справедливости, то любовью и ненавистью, истинным и ложным покоряю лишь людские уста; а чтобы покорить людские сердца, должен решиться им противостоять и [тогда] определить установления Поднебесной. Увы! Увы! Ведь мне этого не достичь».

Цзэнцзы дважды служил, и чувства [его] дважды менялись. [Он] сказал:

— Я служил при жизни родителей, [получал лишь] три фу, а сердце радовалось. Потом получал три тысячи чжунов, но не посылал [родителям], и сердце мое печалилось.

Ученики спросили у Конфуция:

— Можно ли такого, как Цзэнцзы, считать невиновным в корысти?

— Была корысть. Разве свободный от корысти предавался бы печали? Такой смотрел бы на три фу или три тысячи чжунов, как птичка на пролетающего перед ней комара.

Странник Красоты Совершенной сказал Владеющему Своими Чувствами из Восточного предместья:

— С тех пор как я слушаю ваши речи, за первый год стал безыскусственным; за второй год [научился] следовать [за другими]; за третий год — постигать [других]; за четвертый год — уподобляться [вещам]; за пятый приблизился; за шестой год [постиг] разумом сообщения [чувств]; за седьмой год завершил [объединение] с природой; за восьмой год забыл о смерти, забыл о жизни; за девятый год [постиг] великое мельчайшее.

При жизни действуют и умирают.

— Действительно ли это так? — [спросил] Советующий. — [Тогда] для смерти есть причина, а для жизни, [силы] жара нет причины. Как же может [в одном] быть причина? У неба есть число периодов, на земле есть [местности], занятые человеком. Где же мне ее искать? Не

ведаю, где она кончается. Разве в таком случае для нее нет предопределения? Не ведаю, когда она начинается. Разве в таком случае для нее есть предопределение? [Если] есть отклики, разве [можно считать, что] нет душ предков? [Если] нет откликов, разве [можно считать, что] есть души предков?

Многие Полутени спросили у Тени:

— Почему раньше вы смотрели вниз, а теперь смотрите вверх; раньше собирали волосы в пучок, а теперь распустили; раньше сидели, а теперь встали; раньше двигались, а теперь остановились?

Тень ответила:

— Зачем спрашиваете о мелочах? [Просто] двигаюсь. Я этим обладаю, но почему, не ведаю. Я, быть может, подобна сброшенной змеиной коже, линовищу цикады, но, быть может, [им] и не подобна. В темноте и ночью я исчезаю, днем и при огне появляюсь. Не от них ли я завишу. А [они] еще от чего-то зависят? Они приходят, и я с ними ухожу. Они [зависят от] сильного света, и я — от сильного света. [Если это] сильный свет, то зачем же [у меня] спрашивать?

Ян Цзыцзюй на юге достиг [местности] Пэй [и когда] Лаоцзы, странствуя на запад, пришел в Цинь, встретил его на подступах — в Лян.

Посредине дороги Лаоцзы подъял взор к небу и вздохнул:

— Прежде думал, что тебя можно научить, ныне же [вижу], что нельзя.

Ян Цзыцзюй промолчал. [Когда же] вошли в харчевню, [Ян Чжу] подал [Лаоцзы] воды для умывания и полоскания рта, полотенце и гребень. Оставив туфли за дверьми, подполз к нему на коленях и заговорил:

— Недавно [мне], ученику, хотелось попросить у учителя [объяснения] но не осмелился, ибо учитель шел без отдыха. Ныне же есть свободное время, дозволейте [мне] залаты вопрос: в чем моя вина?

— У тебя самодовольный взгляд, хвастливый взгляд. С кем сумеешь жить вместе? [Ведь и] «чистейшая белизна кажется запятнанной, совершенное достоинство кажется недостаточным!» — ответил Лаоцзы.

— Почтительно слушаюсь! — сказал Ян Цзыцзюй со всем уважением, изменившись в лице.

Прежде в харчевне [Ян Чжу] приветствовали жильцы, хозяин приносил [ему] циновку, хозяйка подавала полотенце и гребень, сидевшие уступали [место] на циновке, гревшиеся давали [место] у очага. Когда же он вернулся, постояльцы стали спорить с ним за [место] на циновке.

Глава 28

ПЕРЕДАЧА ПОДНЕБЕСНОЙ

Высочайший уступал Поднебесную Никого не Стесняющему, но тот [от нее] отказался. Тогда [Высочайший] предложил [ее] Цзычжоу Отцу Устоявшему. И Отец Устоявший молвил:

— Стать мне Сыном Неба? Это, пожалуй, возможно. Только хворь меня одолела, излечиться нужно, править Поднебесной [мне] недосуг. Не говоря уже о другом, хоть Поднебесная и важна, но не губить же за нее собственную жизнь.

Доверить Поднебесную можно лишь тому, кто не будет жаждать управлять Поднебесной.

Ограждающий уступал Поднебесную Цзычжоу Дяде Устоявшему. И Дядя Устоявший молвил:

— Хворь меня одолела, излечиться нужно, править Поднебесной [мне] недосуг. Поднебесная, конечно, предмет огромный, но жизнь свою на нее не променяю.

Вот этим-то и отличаются от обычных людей те, кто владеют путем.

Ограждающий уступал Поднебесную Умеющему Свернуться, а тот молвил:

— Я стою в центре пространства, в центре времени. Зимой одеваюсь в шкуры, летом — в тонкую ткань из травы. Весной пашу и сею, даю телу потрудиться, осенью собираю урожай, даю телу отдохнуть. С восходом начинаю трудиться, с заходом — отдыхать. Среди неба и земли [мне] привольно, в сердце, в мыслях — доволен собой. Что мне делать с Поднебесной? Увы! Плохо ты меня знаешь!

Отказавшись от [Поднебесной, он] тут же ушел, удалился далеко в горы, а куда — неведомо.

Ограждающий уступал Поднебесную свосму другу, Земледельцу из Каменных дворов. И молвил Земледелец:

— [Я] от своего хозяйства устал, [ведь я] муж, отвечающий за сильных работников. За твоими достоинствами, Ограждающий, [мне] не угнаться.

И тут они с женой взвалили [пожитки] на плечи, на голову, взяли за руки детей, ушли к морю и до конца жизни не вернулись.

Великий государь Отец Верный жил в Бинь, и на него напали Люди-Олени. [Отец Верный] поднес им шкуры и шелка — не приняли; поднес им собак и коней — не приняли; поднес им жемчуг и нефрит — не приняли. Люди-Олени требовали землю. [И тут] великий государь Отец Верный сказал:

— Слышал я, что нельзя губить народ из-за [земли, которая] служит ему для прокормления. Мне не вытерпеть, [когда] сосед старшего брата убивает младшего; [когда] сосед отца убивает сына. Все вы заставляете [меня остаться здесь] жить. Какая [для вас] разница служить мне или Людям-Оленям?

Тут [он] взял кнут, [оперся о] посох и пошел. Народ цепью последовал за ним. Затем [они] создали царство под горой Двуглавой. Вот великого государя Отца Верного можно назвать уважающим жизнь. Тот, кто способен уважать жизнь, даже будучи знатным и богатым, не станет губить себя из-за того, что служит [ему] для прокормления, даже будучи бедным и презренным, не станет навлекать на свое тело [опасность] ради выгоды. В нынешнем же мире тот, кто занимает высокий пост, обладает почетным рангом, ценит это, [боясь] потерять; а завидя выгоду, легкомысленно губит свое тело. Разве это не заблуждение?!

Жители Юэ убили [одного за другим] трех царей. Царский сын... <знак отождествлению не поддается> в страхе бежал в Красные пещеры. Юэсцы, оставшись без царя, долго его искали, не нашли, и [наконец] отправились за ним в Красные пещеры. Царский сын... не пожелал [к ним] выйти. [Тогда] юэсцы [подожгли] полынь, выкурили его [из пещеры] и возвели на царскую колесницу. Взяв-

шись за вожжи, царский сын... взошел на колесницу, возвел очи к небу и, вздохнув, воскликнул:

— О! [сан] царя! О! [сан] царя! Отчего не миновал [ты] меня?

Не из ненависти к [сану] царя [говорил так] царский сын... а из страха перед [грозившей] ему бедой. Такой, как царский сын... можно сказать, не стал бы губить [свою] жизнь ради царства. Потому-то юэсцы и желали поставить его [своим] царем.

[Царства] Хань и Вэй спорили друг с другом из-за захваченной земли. Учитель Хуацзы встретился с [царем] Чжаоси, который выглядел опечаленным и ему сказал:

— [Предположим], ныне перед [Вами], государь, высеченное на камне предание Поднебесной, которое гласит: «Возьмешь [спорную] землю левой рукой — правую потеряешь, возьмешь [спорную] землю правой рукой — левую потеряешь. Однако же, взяв [спорную] землю, овладеешь [всей] Поднебесной». Взяли бы [Вы] ее, государь?

— [Я], единственный, не взял бы, — ответил Чжаоси.

— Прекрасно, — сказал учитель Хуацзы. — Отсюда видно, что две руки важнее, чем [вся] Поднебесная, а тело важнее, чем обе руки. А ведь [царство] Хань намного меньше [всей] Поднебесной, оспариваемая же ныне [земля] намного меньше [царства] Хань. [Вам], государь, конечно, не следует подобной скорбью ранить тело и губить жизнь.

— Прекрасно! — воскликнул царь Чжаоси. — Многие учили [меня], единственного, но таких речей [мне] еще не удавалось слушать. Можно сказать, что учитель Хуацзы познал [соотношение] важного и неважного.

Прослышав о том, что Янь Врата Бытия овладел путем, луский царь не замедлил отправить [к нему] гонца с шелком [в дар]. Янь Врата Бытия жил в грязной деревеньке, одевался в холст из пеньки, сам кормил и поил буйвола. Янь Врата Бытия вышел к гонцу луского царя и тот спросил:

— Это дом Яня Врата Бытия?

— Это дом Врата Бытия, — отвечал Янь.

Гонец поднес шелк, но Янь Врата Бытия молвил:

— Боюсь, что [Вы] не поняли приказа, и это могут Вам поставить в вину. Не лучше ли проверить?

Гонец возвратился [к царю], проверил, и когда явился снова, уже не нашел Яня.

Подобные Яню искренне ненавидят богатство и знатность. Недаром говорят: «Истина пути в том, чтобы совершенствоваться самому, все остальное лишь сор — и [управление] царством, и управление Поднебесной». Вот почему мудрый считает бесполезными заслуги предков и [древних] царей, [они] не нужны ни для самосовершенствования, ни для сохранения жизни. Разве не прискорбно, что ныне многие цари, [погрязнув] в пошлости, жертвуют жизнью ради вешей! Мудрому же надлежит выяснить [причины], почему это происходит, почему так действуют. А ныне известен случай, когда жемчужиной суйского царя сбили из арбалета птичку на высоте в тысячу жэней. Не смешно ли, что [бесценное] сокровище использовали для достижения столь ничтожной [цели]! Так разве жизнь не важнее сокровища суйского царя?

Учитель Лецзы попал в нужду и отощал от голода. [Какой-то] гость поведал об этом чжэнскому царю Цзыяну.

— Разве государь, — спросил он, — не прослышет врагом мужей, если постигший учение муж — Ле Зашита Разбойников, бедствует в вашем царстве?

Чжэнский Цзыян тотчас велел служителю одарить Лецзы просом.

Учитель вышел к посланцу, дважды поклонился, но [проса] не принял. Посланец удалился.

Лецзы вошел [в дом]. Жена посмотрела на него, стала бить себя в грудь и сказала:

— Слышала [я], что семья человека, постигшего учение, обретает покой и радость. Мы же отощали от голода. Царь дарит [вам], Преждерожденному, зерно. Разве это не судьба? А [вы], Преждерожденный, отказываетесь!

Учитель Лецзы улыбнулся и ответил:

— Царь шлет в подарок просо, а сам меня не видел, знает обо мне лишь с чужих слов. Так с чужих слов он об-

винит меня и в преступлении. Вот почему я не принял [дара].

А народ и вправду восстал и прикончил Цзыяна.

[Когда] царь Чу Светлейший лишился своего царства, за ним последовал мясник, забивающий овец, Рассуждающий. Вновь обретя царство, государь стал награждать всех, кто не покинул его [в беде]. [Очередь] дошла и до мясника.

— Великий государь лишился царства, — сказал Рассуждающий, — и [я] лишился скотобойни. [Ныне] Великий государь вновь обрел свое царство, и [я], Рассуждающий, вновь обрел [свою] скотобойню. Так, ко [мне, Вашему] слуге, вернулись и ранг, и жалованье. Какая же [мне] еще нужна награда?

— Заставить его [принять награду, — передал в] ответ государь.

— Не по [моей, Вашего] слуги, вине великий государь лишился царства, — сказал Рассуждающий, — поэтому [я] не смею принять казни. Не [моя] заслуга в том, что великий государь вновь обрел царство, поэтому не смею принять и награды.

— Привести его [ко мне], — велел царь.

— По законам царства Чу предстать перед [царем] можно лишь получив награду за важные заслуги. Ныне же у [меня, Вашего] слуги, не хватает знаний, чтобы сохранить царство; не хватает смелости, чтобы принять смерть [в бою] с разбойниками. После вторжения армии [царства] У в [столицу] Ин, [я], Рассуждающий, в страхе бежал от разбойников, а не последовал за [Вами] намеренно, великий государь. Ныне же [Вы], великий государь, желаете, чтобы я, Рассуждающий, предстал [перед Вами]. О [таком] нарушении закона и [клятвенного] договора в Поднебесной [мне, Вашему] слуге, еще не приходилось и слышать.

Царь обратился к Конюшему Владеющему Своими Чувствами со словами:

— Мясник Рассуждающий звания весьма презренного, а суждения имеет весьма высокие. Передай ему от моего имени, чтобы занял место среди Трех великих мужей.

И велел мясник передать царю:

— Я знаю, насколько место среди Трех великих мужей почетнее моего прилавка на рынке. Мне также известно, во сколько раз жалованье в десять тысяч чжунов больше прибыли мясника. Но если [я] посмею кормиться от [такого высокого] ранга и жалованья, моего государя станут называть безумно расточительным. Лучше мне вернуться на рынок, забивать овец.

Так [мясник] и не принял [награды].

Юань Сянь жил в Лу за круглой оградой в доме, крытом соломой, проросшей травой. Поломанные двери из хвороста держались на тутовых ветках, окном служило горлышко [разбитого] кувшина. Заткнув окна сермягой, [он и жена] сидели выпрямившись и перебирали струны в своих комнатах, протекавших сверху и отсыревших снизу.

К Юань Сяню приехал в гости Цыгун на запряженной рослыми конями колеснице с высоким передком, которая не смогла вместиться в переулке. Цыгуна, одетого в нижнее лиловое и верхнее белое платье, встретил у ворот Юань Сянь в шапке из бересты, в соломенных сандалиях, опираясь о посох из белой мари.

— Ах! — воскликнул Цыгун. — Не заболели ли [Вы], Преждерожденный?

— Ныне [я], Сянь, не болен, а беден, — ответил Юань Сянь. — [Я], Сянь, слышал, что больным называют того, кто не способен осуществлять своего учения; а бедным того, кто не имеет богатства.

Цыгун, пристыженный, остановился в нерешительности, а Юань Сянь, усмехаясь, сказал:

— Действовать в надежде на [похвалу] современников, сближаться со всеми и заводить друзей, учиться [самому] для других, а поучать [других] для себя, прикрываясь милосердием и справедливостью, украшать колесницу и коней — вот то, чего [я], Сянь, не могу терпеть.

Цзэнцзы жил в [царстве] Вэй, одевался в посконный халат без верхнего платья. Лицо [его] опухло, руки и ноги покрылись мозолями. По три дня не разводил огня, по десять лет не шил себе одежды. Поправит шапку — кисти оторвутся, возьмется за ворот — локти обнажатся, схватится за соломенные сандалии — задники оторвутся. [Но], шаркая сандалиями, [он] распевал шанские гимны,

и голос его, подобный звону металла и камня, наполнял небо и землю. Сын Неба не обрел [в нем] слуги, правители не обрели друга, ибо воспитывающий волю забывает о [телесной] форме, воспитывающий [телесную] форму, забывает о выгоде, постигший же путь забывает о сердце.

Конфуций сказал Янь Юаню:

— Подойди, Хой! Семья [у тебя] бедная, состояние низкое. Почему не идешь служить?

— Не хочу служить, — ответил Янь Юань. — У [меня], Хоя, за городской стеной поле в пятьдесят му, [урожая] хватает на кашу, внутри городской стены поле в десять му, хватает и шелка и пеньки. Игрой на цине достаточно себя веселю; учения, воспринятого у [Вас], учитель, достаточно для наслаждения. [Я], Хой, не хочу служить.

Конфуций, изменившись в лице, печально сказал:

— Как прекрасны [твои] мысли, Хой! [Я], Цю, слышал, что умеющий довольствоваться [малым], не станет отягощать себя из-за выгоды; что не страшится утратить ее тот, кто способен удовлетвориться собой; что тот, кто совершенствует в себе внутреннее, не стыдится остаться без службы. Об этом [я] давно твердил, а ныне увидел это в [тебе], Хой. Это и есть [мое], Цю, приобретение.

Царевич Моу из Срединных гор спросил у Чжаныцзы:

— Как мне быть? Телом скитаюсь по рекам и морям, а сердцем пребываю у дворцовых ворот в Вэй.

— Цени жизнь, — ответил Чжаныцзы. — Кто ценит жизнь, презирает выгоду.

— Знаю это, — ответил царский сын Моу, — да еще не могу с собой совладать.

— Не можешь с собой совладать, — сказал Чжаныцзы, — тогда следуй <за своими страстями>. Разума не повредишь. Помешать следовать <за своими страстями> тому, кто не может с собой совладать, — значит нанести [ему] двойную рану. Человеку же с двойной раной не [войти] в число долголетних.

Моу был сыном вэйского царя, [владевшего] тьмой колесниц. [Ему] было труднее скрыться в пещере на высокой скале, чем мужу в холщовой одежде. Хотя [он] не достиг пути, но, можно сказать, имел о нем представление.

Терпя бедствие между Чэнь и Цай, Конфуций семь дней оставался без горячей пищи, [питался] похлебкой из лебеды, не заболтанной мукой. Выглядел очень изнуренным, но пел в комнате, [подыгрывая себе] на струнах.

Янь Юань собирал овощи, а Цзылу и Цзыгун заговорили между собой:

— Учителя дважды изгоняли из Лу, [он] заметал следы в Вэй, [на него] свалили дерево в Сун, [он] терпел бедствие в Шан и Чжоу, был осажден между Чэнь и Цай. Того, кто убьет учителя, не обвинят в преступлении; тот, кто оскорбит учителя, не нарушит запрета. [А он] все еще продолжает петь и играть на цине. Может ли благородный муж быть настолько бесстыдным?

Ничего не возразив, Янь Юань вошел к Конфуцию и [обо всем ему] передал. Конфуций оттолкнул цинь, глубоко вздохнул и сказал:

— [Оба они], Ю и Сы, — ничтожные люди! Позови их, я им объясню.

[Когда] Цзылу и Цзыгун вошли, Цзылу произнес:

— Вот это можно назвать безвыходным положением!

— Что это за слова? — ответил Конфуций. — Постичь учение, вот что называется удачей для благородного мужа. Зайти в тупик в учении, вот что называется безвыходным положением. [Если], храня учение о милосердии и справедливости, [я], Цю, ныне встретился с бедствиями смуты, о каком безвыходном положении может идти речь? Поэтому тот, кто исследует [свое] внутреннее, не зайдет в тупик в учении, не утратив своих добродетелей перед лицом опасности. Лишь когда настают холода и выпадает иней, мы узнаем красоту вечнозеленых сосен и кипарисов. Бедствие между Чэнь и Цай — да, для [меня], Цю, это счастье!

Конфуций снова взялся за цинь, стал перебирать струны и петь. Цзылу поднял щит и с воинственным [видом] стал танцевать, а Цзыгун сказал:

— Насколько высоко небо, насколько низка земля — я не ведаю. А вот те, кто в древности обрел учение, радовались и в беде, радовались и при удаче. [Их] радость не зависела ни от беды, ни от удачи. Если есть учение и добродетель, тогда удача и неудача чередуются так же, как холод и жара, ветер и дождь. Поэтому Никого не Стес-

няющий радовался на южном берегу Ин, а Гун Бо был доволен собой на вершине [горы] Гун.

Ограждающий уступал Поднебесную своему другу, Северянину не допускающему выбора, и тот сказал:

— Удивительный [Вы], государь, человек! Жили посреди орошаемого поля, а прогуливались в воротах Высочайшего. И это еще не все! Еще хотите осквернить и меня своими позорными поступками. Мне стыдно на вас смотреть!

И он бросился в пучину реки Цинлин.

Собираясь идти походом против Разрывающего на Части, Испытующий стал советоваться со Вспыльчивым Суем. Вспыльчивый же сказал:

— Не мое дело.

— С кем же можно [посоветоваться]? — спросил Испытующий.

— Я не знаю, — ответил Вспыльчивый.

Тогда Испытующий стал советоваться с Омраченным Светом. Омраченный Свет сказал:

— Не мое дело.

— С кем же можно [посоветоваться]? — спросил Испытующий.

— Я не знаю, — ответил Омраченный Свет.

— А каков Найденный на реке Инь? — спросил Испытующий.

— Подвергнувшись насилию стерпит позор, — ответил Омраченный Свет. — О прочем не ведаю.

Тогда Испытующий, посоветовавшись с Найденным на реке Инь, пошел походом против Разрывающего на Части, и его победил.

[Тут он] стал уступать [Поднебесную] Вспыльчивому. Отказываясь, тот сказал:

— [Вы], правитель, перед походом против Разрывающего на Части [просили] моего совета, хотели выдать меня за бунтовщика. Победив Разрывающего на Части, уступаете мне [Поднебесную], желая выдать меня за алчного. Я родился во времена смуты, но я не могу больше терпеть, когда человек без пути дважды оскверняет меня своими позорными поступками!

И тут Вспыльчивый бросился в воды [реки] Чжоу и утонул. Испытующий стал тогда уступать [Поднебесную] Омраченному Свету и сказал:

— Этот [поход] советовал знающий, его выполнил воинственный, милосердный же станет заселять Поднебесную — таково учение древних. Почему бы [Вам], мой учитель, не встать [на трон]?

Отказываясь, Омраченный Свет сказал:

— Свергнуть высшего — нарушить долг; убивать народ — нарушить милосердие. [Если] другой, рискуя, шел на преступление, мне пожинать его выгоду — значит стать бесчестным. Я слышал, что «нельзя принимать жалованье от того, кто нарушил свой долг; нельзя ступать на ту землю, где царствует [человек] без пути», а тем более [позволять] почитать себя! Я не могу больше этого терпеть!

И, взяв камень, Омраченный Свет погрузился в воды [реки] Лу.

В старину, [когда] возвысилось [царство] Чжоу, в [царстве] Одиноким бамбук жили два мужа, [одного] звали Старший дядя Ровный, [другого] — Младший дядя Ровный. Они сказали друг другу:

— Мы слышали, будто кто-то на западе постиг учение, попробуем сходить [на него] поглядеть.

[Когда они] прибыли к южному склону [горы] Двуглавой, о них услышал царь Воинственный и послал Чжоугуна с ними повидаться, а также заключить клятвенный союз со словами: «Примите должность первого ранга, жалованье увеличу на два ранга. Заколем жертвенное животное и его закопаем».

Поглядев друг на друга, оба мужа усмехнулись и сказали:

— Вот странно! Это не то, что мы называем учением. В старину, [когда] Священный Земледелец владел Поднебесной, [он] своевременно со всем уважением приносил жертвы, но не молил о счастье. И людям [он] был предан, полон доверия, все приводил в порядок, но ничего не просил. Те, кому нравилось вместе [с ним] управлять, управляли; кому нравилось вместе [с ним] наводить порядок, наводили порядок. [Но он] не создавал себе славы с помощью чужих пороков; не возвышал себя низостью других; не обогащался, пользуясь удобным случаем. Ныне

же чжоусцы, увидев смуту у иньцев, спешат взяться за управление. Против высших плетут заговоры, низших подкупают. Опираясь на оружие, поддерживают страх. Выдают за доверие клятву о союзе с закланием жертвенного животного. Превозносят [собственные] поступки, чтобы уговорить толпу. Убивают и карают ради выгоды. Это означает свергнуть смутьяна, чтобы заменить [его] деспотом. Мы слышали, что мужи древности во времена порядка не уклонялись от своих обязанностей, но не [держались за них] для того лишь, чтобы влачить существование во времена смуты. Ныне же Поднебесная во мраке, добродетель чжоусцев в упадке, и стать рядом с ними означает запачкаться самим. Лучше от этого уклониться и сохранить свое достоинство.

Оба брата пошли на север на гору Первого Солнца, где и умерли от голода.

Такие мужи, как Старший Ровный и Младший Ровный, не станут опираться на богатство и знатность, добытые нечестным путем. [Столкнувшись с] жестокостью в поступках [при своем] высоком сознании долга, [они] наслаждались лишь своими стремлениями и не служили миру. Таков [был] нравственный долг этих двух мужей.

Глава 29

РАЗБОЙНИК ЧЖИ

У Конфуция был друг Цзи под Ивой, младшего брата которого звали Разбойник Чжи. За Разбойником Чжи следовало девять тысяч удальцов. [Они] бесчинствовали по [всей] Поднебесной, нападали на правителей и убивали их, прорывались через стены и двери, угоняли чужих буйволов и коней, уводили чужих жен и дочерей. В жадности забывали о [собственной] родне, не заботились о родителях и братьях, не приносили жертв предкам. В местностях, по которым [они] проходили, [жители] крупных царств оборонялись за стенами городов, [жители] малых царств укрывались за [стенами] селений. От разбойников страдал весь народ.

Обратившись к Цзи под Ивой, Конфуций сказал:

— Тот, кого называют отцом, должен уметь наставить своего сына; тот, кого называют старшим братом, должен уметь научить младшего. Если отец не способен наставить своего сына, а старший брат не способен научить младшего, то [они] не уважают родства между отцом и сыном, между старшим и младшим братом. Ныне [Вы], Преждежденный, достойный муж среди современников, а [Ваш] младший брат, Разбойник Чжи, — пагуба всей Поднебесной, и [Вы] не способны [его] научить. [Я], ничтожный Цю, стыжусь за [Вас], Преждежденного. Разрешите отправиться к нему и вместо [Вас], Преждежденного, его усовестить.

Цзи под Ивой ответил:

— [Вы], Преждежденный, говорите, что тот, кого называют отцом, должен уметь наставить своего сына; тот, кого называют старшим братом, должен уметь научить младшего. Но если сын не слушает наставлений отца, а младший брат не принимает поучений старшего? Что можно поделаться даже при [таком] красноречии, [каким] ныне владеете [Вы], Преждежденный? Да ведь что за человек Чжи! Сердце — точно бьющий фонтаном источник, мысль — будто смерч, силы хватит, чтобы справиться с [любим] врагом, а красноречия — приукрасить [любое] злодеяние. Угодите ему — обрадуется, станете ему перечить — разгневется. [Ему] легко оскорбить другого словами. [Вы], Преждежденный, не должны [к нему] отправляться.

Конфуций не послушался и отправился к Разбойнику Чжи с Янь Юанем — возничим и Цыгуном — помощником.

В это время Разбойник Чжи, расположив на отдых свою ватагу на солнечном склоне горы Великой, резал человеческую печень и кормил всех ужином.

Конфуций спустился с повозки, [пошел] вперед и, встретившись с Дозорным, произнес:

— [Я], лусец Кун Цю, прослышал о высокой справедливости военачальника.

[Он] двукратно почтительно поклонился Дозорному, и тот пошел с докладом.

Выслушав Дозорного, Разбойник Чжи сильно разгневался: глаза засверкали, словно звезды, волосы встали дыбом, подняв шапку, и он сказал:

— Не тот ли это Кун Цю, искусный лжец из царства Лу? Передай ему от меня: «Ты сеешь ложь, разносишь клевету, безрассудно восхваляешь [царей] Прекрасного и Воинственного; носишь шапку, разукрашенную ветками, словно дерево, опоясываешься шкурой с дохлого быка. [Ты] слишком много разглагольствуешь об ошибочном учении, не пашешь, а ешь; не ткешь, а одеваешься. Слепая губами и молотя языком, [ты] по собственному произволу решаешь, где правда, а где ложь, чтобы вводить в заблуждение владык Поднебесной, чтобы мудрые мужи Поднебесной не занимались своим делом. В безрассудстве выдумал сыновнее почтение, братское повиновение и домогаешься удачи у правителей, у богатых и знатных. Преступления твои тяжкие. Скорее уходи, а не то я добавлю твою печень к нашей сегодняшней трапезе».

Конфуций снова [просил] доложить, сказав:

— [Я], Цю, удостоился благоволения [Вашего брата] Цзн под Ивой и хочу взглянуть [на землю] под [Вашими] ногами.

Дозорный снова доложил, и Разбойник Чжи [передал] в ответ:

— Пусть подойдет.

Конфуций поспешил войти. Он отступил, обходя циновку, и двукратно поклонился Разбойнику Чжи.

Разбойник Чжи пришел в ярость, глаза [у него] загорелись огнем. Широко шагнув, он схватился за рукоять меча и прорычал, словно кормящая тигрица:

— Подойди, Цю. Если [твои] слова придутся мне по душе — будешь жить, не придутся — умрешь!

— [Я], Цю, слышал, — заговорил Конфуций. — что в Поднебесной существуют три добродетели. [Если человек] вырастает высокий, не встречает равного себе красотою, [если], любясь на него, радуются и стар и мал, и благородный и презренный, [то он] обладает высшей добродетелью. [Если человек] своими познаниями объемлет небо и землю, способен красноречиво рассуждать обо всем, [то он] обладает средней добродетелью. [Если человек] отважен и решителен, собирает вокруг себя толпы и ведет воинов, [то он] обладает низшей добродетелью. Одной из этих добродетелей уже достаточно, чтобы встать лицом к югу и назвать себя единственным. Ныне [Вы], восначальник, обладаете всеми тремя одновременно. Рост

восемь чи и два цуня, от глаз и лица исходит блеск, губы — чистая киноварь, зубы — ровный [перламутр] раковин, голос, словно медный колокол, а называется [Вы] — разбойник Чжи. [Мне], ничтожному Цю, стыдно за [Вас], военачальник. Если у [Вас], военачальник, есть желание выслушать [меня, своего] слугу, то [я, Ваш] слуга, прошу разрешения посетить послом на юге У и Юэ, на севере Ци и Лу, на востоке Сун и Вэй, на западе Цзинь и Чу. [Я их] склоню построить для [Вас], военачальник, стену [длинной] в несколько сот ли, основать город в сотни тысяч дворов и почитать [Вас], военачальник, как правителя. Вместе со [всей] Поднебесной [Вы] обновитесь, прекратятся сражения, отдохнут воины. Соберете своих братьев, будете их кормить и приносить жертвы предкам. Таким должно быть поведение мудрого и талантливого мужа, таково желание [всей] Поднебесной.

— Подойди, Цю, — в великом гневе ответил Разбойник Чжи. — Все, кого можно прельстить и соблазнить выгодой, глупы и невежественны. [Если] ныне [я] вырос высоким и красивым, и люди, любясь на меня радуются, так это достоинство, переданное мне отцом и матерью. Разве я [о нем] не знал бы, если бы [ты], Цю, меня не прославил? Да притом я слышал, что любитель превозносить человека в лицо не прочь поносить [его] за спиной. Ныне [ты], Цю, посулил мне собрать народ за большой стеной. Соблазняя меня выгодой, разложил приманку, как невежде. Но разве [царства] долговечны? Нет царства большего, чем Поднебесная. Высочайший и Ограждающий владели Поднебесной, но у [их] сынов и внуков не стало земли — даже чтобы воткнуть шило. Испытующий и Воинственный воцарились в Поднебесной, но род [их] был прерван и истреблен. Не был ли тому причиной [соблазн] большой выгоды Поднебесной?

А еще я слышал, что в старину людей было мало, птиц же и зверей — множество. Чтобы спастись от них, люди селились тогда в гнездах. Днем собирали желуди и каштаны, а по ночам ютились на деревьях. Поэтому их и называли «Род Владеющих гнездами». В древности люди не знали одежды. Летом запасали побольше хвороста, а зимой грелись у костра. Поэтому их и называли «Народ, Умеющий жить». Во времена Священного Земледельца процветали высшие свойства: человек спал спокойно,

пробуждался довольный, знал свою мать, но не знал своего отца, бродил вместе с оленями и лосями, пахал и кормился, ткал и одевался. Никто не хотел вредить другому. Однако Желтый Предок не сумел сохранить этих свойств — сражался с Красным Злодеем на равнине Чжолу, и кровь залила сотни ли. Высочайший и Ограждающий стали вершить дела и поставили много начальников. Испытующий изгнал своего государя. Воинственный убил Бесчеловечного. И с тех пор сильные помыкают слабыми, многочисленные угнетают малочисленных. Со времен Испытующего и Воинственного все стали приспешниками смутьянов.

А ныне ты насаждаешь путь Прекрасного и Воинственного, насаждаешь красноречие в Поднебесной, чтобы поучать потомков. В широком халате с узким поясом [ты] лицемерными речами и фальшивыми поступками вводишь в заблуждение владык Поднебесной, домогаясь богатства и знатности. Нет большего разбойника, чем ты! Почему же в Поднебесной зовут разбойником меня, Чжи, а не тебя, Конфуций?

Своими сладкими речами ты уговорил Цзылу и заставил следовать за собой. Цзылу снял высокую шапку [храбреца], отвязал свой длинный меч и стал слушать твои поучения. Все в Поднебесной заговорили о том, что Конфуций-де способен остановить насилие и запретить злодеяние. А в конце концов, [когда] Цзылу захотел убить вэйского царя, да не сумел, тело его засолили [и выставили] на восточных воротах Вэй. Это ты виновен в его неудаче!

Не зовешь ли ты сам себя талантливым мужем, мудрецом? А [ведь] тебя дважды изгоняли из Лу, [ты] заметал следы [при бегстве] из Вэй, терпел бедствие в Ци, был осажден между Чэнь и Цай. Во всей Поднебесной тебе не нашлось места. Твое учение довело Цзылу до такой беды — [его] засолили! Разве стоит ценить твоё учение? [Оно] ничего не дает ни тебе самому, ни людям!

Никого в мире не возвышали так, как Желтого Предка. А он не сумел обрести целостных свойств: сражался на равнине Чжолу, и кровь залила сотни ли. Высочайший не был милостив к сыну. Ограждающий не был почтителен к отцом. Молодой Дракон наполовину иссох [телом]. Испытующий изгнал своего государя. Царь Воинственный

пошел походом против Бесчеловечного. Царь Прекрасный был заключен в Юли. Этих шестерых мужей в мире возвышали. [Если] же судить здраво, все они во имя выгоды вводили в заблуждение свою истинную [природу], насильовали собственные чувства и характер. Их поведение было весьма постыдным.

Среди добродетельных мужей в мире называли Старшего Ровного и Младшего Ровного. А оба они отказались стать государями в [царстве] Одинокий бамбук, умерли от голода на горе Первого солнца, и тела их остались без погребения. Бао Цзяо приукрашивал [собственное] поведение и порицал современников, а умер, обхватив дерево. Наставник Олень, подав совет государю, не был выслушан, и, взяв камень, бросился в Реку, был съеден рыбами и черепахами. Цзе Цзытуй был самым преданным. [Он] отрезал [кусок мяса] от своего бедра, чтобы накормить царя Прекрасного. [Когда же] Прекрасный от него отвернулся, Цзытуй в гневе ушел, и, обхватив дерево, сгорел. Вэй Шэн назначил встречу с девушкой под мостом, но она не пришла. Вода все прибывала, а [Вэй Шэн] не уходил и утонул, обхватив опору моста. Эти шестеро мужей, попав в сети славы, легкомысленно расстались с жизнью. [Смертью они] не отличались от пса, разорванного на куски, свиньи, унесенной течением, или нищего с его чашей для поданий. [Они] забыли об основном — о долголетию.

Самыми верными слугами в мире называли царевича Щита и У Цзысюя. [Тело] Цзысюя утонуло в реке, у Щита вырезали сердце. Этих двух мужей в мире называли верными слугами, а в конце концов [над ними] смеялись [все] в Поднебесной. Ни один из тех, о ком говорилось ранее, включая Щита и [У] Цзысюя, не достоин уважения.

Чем же [ты], Цю, меня убедишь? Если делами загробными, то [их] я не могу знать; если делами людскими, то только теми, о которых я уже слышал. Теперь же я тебя наставлю с помощью человеческих чувств. Зрение [человека] влечет к красоте, слух — к музыке, уста — ко вкусному, воля — к полноте. Высший предел жизни сто лет, средний предел — восемьдесят лет, низший предел — шестьдесят лет. А [если] исключить [время] болезней и страданий, смертей и утрат, горя и беды, так всего лишь

четыре-пять дней за одну луну [человек] смеется, широко раскрыв рот. Небо и земля бесконечны, а для человека наступает время смерти. Ограниченное же во времени при сравнении с неограниченным подобно мгновению, в которое скакун промелькнет мимо щели. Все те, кто не способен наслаждаться своими мыслями и желаниями, поддерживать жизнь многие годы, не понимают пути. Все, что [ты], Цю, говоришь, я отбрасываю. побыстрее уходи, возвращайся к себе и больше об этом не заговаривай! [Ты] обманываешь и хитришь, фальшивишь и лицемеришь. Твое учение лживо. Разве [его] стоит обсуждать? [Оно] не может дать полноты истины.

Конфуций двукратно поклонился и поспешил удалиться. Вышел за ворота, поднялся на повозку, но трижды ронял вожжи. Глаза [ему] застлал туман, [он] ничего не видел, побледнел, словно угасший пепел. Стоял, опершись о перекладину, повесив голову, и еле дышал.

На обратном [пути], у восточных ворот Лу, [они] встретили Цзи под Ивой, и тот сказал:

— Сейчас [Вы] в воротах, а несколько дней [Вас] не было видно. [Судя] по повозке и коням, [Вы] были в пути. Быть может, ездили повидаться с Чжи?

Конфуций возвел очи к небу и, вздохнув, ответил:

— Да.

— Не пошел ли Чжи против Вашей воли, как [я] предупреждал? — спросил Цзи под Ивой.

— Да, — ответил Конфуций. — Можно сказать, что [я], Цю, сделал себе прижигание, не будучи больным. Поспешил погладить тигра по голове, заплести [ему] усы и чуть было не попал к нему в пасть.

Цзычжан спросил [человека по прозвищу] Выгода Любой Ценой:

— Почему [Вы] не стремитесь к [справедливости]? Без справедливости [Вам] не будут доверять, без доверия не получите службы, без службы не будет и выгоды. Справедливость — верное средство добиться славы и выгоды. А те мужи, что пренебрегают славой и выгодой, отверщаются от них в [своем] сердце, разве могут хоть один день обойтись в своих поступках без [справедливости]?

Выгода Любой Ценой ответил:

— Бесстыжий богатеет, болтливого прославляют. Доверие — верное средство добиться славы и выгоды. А те мужи, что пренебрегают славой и выгодой, отвращаются от них в [своем] сердце, не сохраняют ли в поступках свою природу?

— В старину Разрывающего на Части и Бесчеловечного чествовали как Сынов Неба, богатство их составляла [вся] Поднебесная, — сказал Цзычжан. — А ныне скажите стяжателю: «Ты действуешь подобно Разрывающему на Части и Бесчеловечному», и он устыдится, станет негодовать. — таких презирает даже мелкий люд. Конфуций и Мо Ди были бедны, как простолюдины. А ныне скажите жрецу, веляющему закланием жертвенных животных: «Вы действуете подобно Конфуцию и Мо Ди», и он побледнеет, смутится и скажет, что недостоин [такой похвалы]. Мужи [их] действительно чествуют. Так что облеченный властью Сына Неба не обязательно благороден, а бедняк, простолудин не обязательно презренен. Деление на благородных и подлых в поступках — добрых или недобрых.

— Мелких воров — в темницы, крупных — в цари. У ворот царей и обретаются мужи, [ратующие] за справедливость. В старину Сяобо, царь Хуань, убил своего старшего брата и вошел к его жене, а Гуань Чжун стал [его] советником. Тяньчэн Цзычан убил своего государя и украл [его] царство, а Конфуций принял [от него] в подарок шелк. В своих речах <Гуань Чжун и Конфуций> их осуждали, а в своих делах падали еще ниже, чем они. Разве это не противоречие? В их груди слова воевали с делами! Поэтому в преданиях и говорится: «Кто добрый? Кто недобрый? Победил — стал во главе, неудачник — остался в хвосте».

— [Если] вы не станете поступать [по обычаю], — сказал Цзычжан, — то не будет различия между родичами и чужими, не будет [сознания] долга у благородных и презренных, не будет порядка [в отношениях] между старшими и младшими. Как же тогда разбираться в пяти устоях и шести основах?

Выгода Любой Ценой ответил:

— Соблюдалось ли различие между родичами и чужими, [когда] Высочайший убил своего старшего сына, а Ограждающий изгнал своего единоутробного младшего

брата? Было ли [сознание] долга у благородных и презренных, [когда] Испытующий изгнал Разрывающего на Части, а Воинственный пошел походом на Бесчеловечного? Соблюдался ли порядок [в отношениях] между старшими и младшими, [когда] Ван Цзи взял власть, а Чжюгун убил своего старшего брата? Можно ли разобраться в пяти устоях и шести основах после конфуцианцев с их лицемерными речами и моистов с их всеобщей любовью? И притом ведь вы действуете воистину ради славы, а я действую воистину ради выгоды, а сущность славы и выгоды не согласуется с естественными законами, [се] не найти в пути. [Попросим же] на днях рассудить нас с вами Свободного от Условностей.

[Свободный от Условностей] сказал:

— Мелкий человек жертвует собой ради богатства, благородный муж — ради славы. То, от чего меняются их чувства, изменяется характер — различно, [но если бы] они бросили то, чем занимаются, и предались тому, чем не занимаются, стали бы одинаковыми. Поэтому и говорится: «Не будь мелким человеком, вернись к своему естественному началу; не будь благородным мужем, следуй естественным законам». И в кривом и в прямом увидишь высшее в природе. Наблюдая за всеми четырьмя сторонами, останавливайся вместе с временами года. И в истинном и в ложном держись середины круга. Совершенствуйся сам, думай и странствуй вместе с путем. Не предавайся [чему-либо] одному, не совершенствуйся в справедливости, и тогда оставишь свои деяния. Не гонись за богатством, не жертвуй собой ради совершенства, отбрось [все] и станешь естественным. У Щита вырезали сердце, у Цзысюя вырвали глаза, — до гибели [их довела] преданность. Прямой человек свидетельствовал против отца, Вэй Шэн утонул — до беды их довело доверие. Баоцзы стоял, [пока не] высох, Шэньцзы не сумел оправдаться, — до беды их довела честность. Конфуций не виделся с матерью, Куан Чжан не встречался с отцом — таковы изъяны справедливости. Все это передавалось из поколения в поколение, и считалось, что те мужи, которые [стремились] к правильным речам и соответствующим делам, попадали в беду и гибели.

Недовольный сказал Довольному:

— Каждый человек в конце концов жаждет если не славы, так выгоды. Стоит человеку разбогатеть, и все к нему бегут, а придя, становятся ниже его и снизу его чувствуют. Поэтому лесть низших и принимают за путь к долголетию, покою и наслаждениям. Ныне только вы один свободны от страстей. Разве [у вас] не хватает знаний? Или есть знания, но не хватает сил? Оттого и предайтесь поискам истины?

Довольный ответил:

— Ныне здесь есть человек, который считает, что мужи, родившиеся с ним в одно время и живущие с ним в одном селении, отрешились от пошлости и превзошли своих современников. [Но сам он] нисколько не думает постичь правильное [учение], чтобы обозревать древнее и современное, отделять истинное от ложного. Он изменяется вместе с дюжинными современниками, отказывается от самого важного, отбрасывает самое ценное, чтобы предаваться своим занятиям. Не далеко ли это от того, что сам он называет путем к долголетию, покою и наслаждениям? [Разве] жестокие страдания и безмятежный покой не отражаются на теле? [Разве] ужас испуга и радость веселья не отражаются на сердце? Он знает, что действует, но не знает, почему действует. Поэтому будь [он даже таким] почитаемым, как Сын Неба, владеет он [таким] богатством, как Поднебесная, не сумел бы избежать беды.

— Богатство не бесполезно, — сказал Недовольный. — Предела красоты и власти не достичь ни настоящему человеку, ни добродетельному. [Он берет] отвагу и силу других, но не ради устрашения и насилия; принимает знания и советы других для изучения и понимания; прибегая к достоинствам других, становится добродетельным и добрым. Даже не владея царством, он величествен, как государь, как отец. Ведь, чтобы сердце наслаждалось музыкой, красотой, яствами, властью, человеку не нужно учиться: чтобы тело [наслаждалось] покоем, не нужно подражать образцам: чтобы любить и ненавидеть, [от чего-то] отказываться и [чего-то] домогаться, естественно, не требуется наставника, — такова человеческая природа. Кто же способен от этого отказаться, хотя бы [вся] Поднебесная его порицала?

— Поступки мудрого, — сказал Довольный, — вдохновляются народом, но не нарушают его мерила. Поэтому, имея достаток, не заводят тяжб, не действуют и [большого] не домогаются. [Когда же] нет достатка, то домогаются [большого], повсюду заводят тяжбы, но не считают себя жадными. [Те же, кто] обладает избытком и от него отказывается, бросает [управление] Поднебесной, но не считают себя бескорыстными. К бескорыстию или жадности не принуждают извне, напротив, их рассматривают как мерило. Облеченный властью Сына Неба не гордится перед другими своим благородством. Его имущество — [вся] Поднебесная, но [он] не пользуется своим богатством, чтобы посмеяться над другими. [Те же, кто] не принимает [поста] или [от него] отказывается, не ищут славы и похвал. Обдумав бедствия и неудачи, которыми он [грозит], находят [в нем] вред для своей природы. Высочайший и Ограждающий стали владыками, и воцарился мир. [Они] не облагодетельствовали Поднебесную, но и не загубили свою жизнь ради красоты. Умеющий Свернуться и Никого не Стесняющий могли стать владыками, но не приняли [поста]. Отказывались не лицемерно, [ибо] не [хотели] повредить себе делами. Оба они стремились к полезному для себя, отказываясь от среднего, а в Поднебесной [их] превознесли как добродетельных. Так могут обрести это название те, кто отнюдь не домогался славы и похвал.

— [Те, кто] во имя славы изнуряет свое тело, отказывается от наслаждений, ограничивает себя в пище, [лишь бы] поддержать жизнь, [обрекает себя] на длительные болезни и постоянную нужду вплоть до самой смерти, — сказал Недовольный.

— Счастье в умеренности, вред в излишествах, — сказал Довольный. — И так во всем, а особенно — в богатстве. А ныне богачи услаждают свой слух колоколами, барабанами, свирелями и флейтами; [они] объедаются [мясом] травоядных и хлебоядных животных, хмелеют от густого вина. Удовлетворяя свои прихоти, забывают о деле, — это ли не смута? Отягощенные изобилием, [они] будто взбираются на высоту с тяжелой ношей, — это ли не страдание? Жаждают богатства, а получают болезни; жаждут власти, а истощают свое тело. Пребывая в покое, [как бы] тонут [в пучине; когда] тело наливается соками, при-

ходят в гнев, — это ли не болезнь? В погоне за богатством и наживой набивают [все до отказа], ни о чем не желают слышать, ни [от чего] не хотят отступить; мчатся [все быстрее], не в силах остановиться, — это ли не позор? Богатство скапливается, его некуда девать; но [его] прижимают к груди и не могут [с ним] расстаться; сердце исполнено огорчений, но желания растут, [их] невозможно остановить, — это ли не горе? В собственном доме подозревают кражи, [в каждом] видят вора; выйдя из дома страшатся разбойников; дома [у них, окружены башнями и бойницами, за [стенами они] не осмеливаются ходить поодиночке, — это ли не страх?

Что может быть вреднее всех этих [пороков] в Поднебесной? А [об этом] все забывают, не пытаются разобраться и спохватываются, лишь когда придет беда. [И тогда], истощив [все свое] естество, [все] богатства, не вернут ни дня покоя. [Этого] не видят, ослепленные славой; не понимают — в погоне за выгодой. Так не заблуждение ли вся эта борьба, которая опутывает и тело, и мысли?!

Глава 30

ОТУЧИЛ ФЕХТОВАТЬ

Некогда царь Чжао Прекрасный пристрастился к фехтованию. Фехтовальщики осаждали [его] ворота, и гостили у него по три тысячи человек и более. Днем и ночью перед дворцом происходили поединки. За год убивали и ранили больше сотни удалцов. Страсть же царя оставалась ненасытной.

Прошло три года. Царство [Чжао] стало приходить в упадок, [другие] цари начали строить против него козни. Сокрушаясь об этом, наследник Печальный собрал [всех придворных, чьи места] справа и слева, и спросил:

— Кто бы взялся отвратить царя от его страсти и положить конец [поединкам] фехтовальщиков? [Тому я] дал бы в награду тысячу золотом.

— [Это] под силу [только] Чжуанцзы, — ответили справа и слева.

Наследник отправил посланцев к Чжуанцзы, чтобы поднести [ему] тысячу золотом. Чжуанцзы золота не принял, [но] отправился вместе с посланцами и, представ перед наследником, спросил:

— Что повелит [мне] наследник, награждая [меня], Чжоу, тысячей золотом?

— Прослышав о [Вашей] пронизательности и мудрости, учитель. — ответил наследник, — [я] почтительно поднес тысячу золотом на дары [Вашей] свите. Но разве осмелюсь [я] заговорить, [если Вы], учитель, [дар] отклонили!

— [Я] слышал, — сказал Чжуанцзы, — что [вы], наследник, хотите с [моей] помощью отвратить царя от [его] страсти. Предположим, что [я, Ваш] слуга, оттоваривая высшего, государя, стану ему перечить, и для низшего, для [Вас], наследник, не сумею уладить дело. Меня покарают смертью. К чему тогда [мне], Чжоу, золото? Предположим, что [я, Ваш] слуга, уговорю высшего, великого государя, улажу дело низшего, [Ваше] наследник. [Ведь тогда я] получу все, что бы ни пожелал в царстве Чжао!

— Верно! — молвил наследник. — Но наш государь допускает к себе только фехтовальщиков.

— Прекрасно, — ответил Чжуанцзы. — [Я] отлично фехтую.

— Верно, — сказал наследник, — но у всех фехтовальщиков, которых принимает наш государь, волосы всклокочены, борода торчит вперед, шлемы с грубыми кистями надвинуты на глаза, платье сзади короче, [чем спереди. У них] сердитый вид, а речь косноязычна. Такие-то царю и нравятся. [Если же] ныне [Вы], учитель, предстанете перед государем в платье мыслителя, дело примет плохой оборот.

— Дозвольте [мне] приготовить себе костюм фехтовальщика, — попросил Чжуанцзы.

Через три дня, [Чжуанцзы] в костюме фехтовальщика встретился с наследником, и вместе [с ним] предстал перед царем.

Царь ожидал их, обнажив клинок.

Не спеша Чжуанцзы вошел в зал, а, глянув на царя, не поклонился.

— Если желаешь чему-нибудь меня обучить, — сказал государь, — покажи сначала [свое умение] наследнику.

— [Я, Ваш] слуга, слышал, что великому государю нравятся фехтование, поэтому и предстал перед государем как фехтовальщик.

— Как ты управляешься с мечом? — спросил государь.

— Через [каждые] десять шагов меч [в руке Вашего] слуги, разит одного человека, на тысяче ли не оставляет [в живых] ни одного путника.

— В Поднебесной [тебе] нет соперника! — воскликнул обрадованный царь.

— Хорошо бы [с кем-нибудь] помериться силами. Фехтуя, [я], сделав ложный выпад, даю противнику [как будто] преимущество. [Но], нанося удар позже него, опережаю его в попадании.

— [Вы], учитель, [пока] отдохните! Ожидайте приказа в [своих] покоях. [Я] же велю устроить забаву и приглашу [Вас], учитель, — сказал царь.

Тут государь устроил состязание меченосцев, и за семь дней убитых и раненых оказалось более шестидесяти человек. Отобрав пять-шесть [победителей, царь] велел вручить [им] мечи возле дворца, а [сам] призвал Чжуанцзы и объявил:

— Сегодня испытаем, кто из мужей искуснее всех в фехтовании!

— Давно жду этого [дня], — ответил Чжуанцзы.

— Какова длина оружия, которым [Вы], учитель, будете сражаться? — спросил царь.

— Могу сражаться любым, который вручат [мне, Вашему] слуге, — ответил Чжуанцзы. — Но у [меня, Вашего] слуги, есть три меча. Буду драться [любым], только [по выбору] государя. Прежде чем испробовать, дозвольте [о них] рассказать.

— Готов выслушать [речь] о трех мечах, — согласился царь.

И Чжуанцзы [повел свой] рассказ:

— Первый меч — меч Сына Неба, второй — меч царский, третий — меч Удальца.

— Каков же меч Сына Неба? — спросил [его] царь.

— У меча Сына Неба лезвие от Ласточкиного Потока до Каменной стены, острие — пик горы Преємства в [царстве] Ци, тупая сторона — от Цзинь до Вэй, чашка [эфеса] — Чжоу и Сун, рукоять — Хань и Вэй, в ножны вмещаются все варвары, все времена года; в перевязи —

море Бохай, в портуpee — гора Вечности. [С его помощью] обуздывают пять первоэлементов, определяют преступления и достоинства, отделяют жар от холода, удерживают весну и лето, вершат дела осенью и зимой. Рубанешь этим мечом прямо — никто перед [тобой] не устоит, взмахнешь вверх — никто вверху не удержится, вниз — никого внизу не останется, поведешь кругом — никого по сторонам не окажется. Вверху — рассечет плывущие облака, внизу перережет земные веси. Толькопустишь меч в ход — наведешь порядок среди царей, и вся Поднебесная покорится. Таков меч Сына Неба!

— Каков же царский меч? — как в тумане, растерянно спросил царь Прекрасный.

— Лезвием царского меча служат мужи знающие и отважные; острием — мужи бескорыстные и честные; тупой стороной — мужи достойные и добрые, чашкой [эфеса] — мужи преданные и мудрые; рукоятью — мужи отваги и доблести. Рубанешь этим мечом прямо — никто перед [тобой] не устоит, взмахнешь вверх — никто вверху не удержится, вниз — никого внизу не останется, поведешь кругом — никого по сторонам не окажется. Наверху [он] уподобляется круглому Небу, чтобы послушны были [все] три [рода] светил, внизу уподобляется квадратной земле, чтобы послушны были времена года; в центре согласуется с желаниями народа, чтобы был покой во всех четырех сторонах. Толькопустишь меч в ход — поразит, словно удар грома, и каждый во [всех] четырех границах явится в одежде гостя, чтобы повиноваться указам государя. Таков царский меч!

— Каков же меч удальца? — спросил царь.

— Меч удальца [для всех, у кого] волосы всклокочены, борода торчит вперед, шлемы с грубыми кистями надвинуты на глаза, платье сзади короче, [чем спереди; у кого] сердитый вид, а речь косноязычна; [кто] вступает перед [Вами] в поединки, сверху — перерезает горло, перерубает шею, снизу рассекает печень и легкие. Таков меч удальца, что не отличается от драчливого петуха. Жизнь его может прерваться в любое утро. Для государственных дел [он] не годится. Ныне у [Вас], великий государь, пост Сына Неба, а пристрастились [Вы] к мечу удальца. [Мне, Вашему] ничтожному слуге, стыдно за [Вас], великий государь!

Царь повел [Чжуанцзы] за собой в зал, стольничий подавал кушанья, [но] все перемены царь трижды отсылал по кругу.

— Доклад о мечях закончен, — заметил Чжуанцзы. — Посидите в тишине, великий государь, успокойте [свое] дыхание.

После этого царь Прекрасный три месяца не покидал дворца, и все фехтовальщики, облачившись в траур, покончили с собой на своих местах.

Глава 31 РЫБОЛОВ

Прогуливаясь по роще Черный полог, Конфуций сел отдохнуть на возвышение [среди] абрикосов. Ученики заучивали предания, Конфуций пел, играя на цине. Не допел [песню] еще и до половины, как [некий] Рыболов, выйдя из лодки, [к ним] приблизился. Брови и борода — седые, волосы — распущенные, рукава свисали вниз. Поднявшись с берега на ровное место, [он] остановился, левой рукой оперся о колено, правой подпер щеку и стал слушать. [Когда же] песня закончилась, [он] подозвал Цыгуна и Цылу. Оба они подошли.

Указав на Конфуция, гость спросил:

— [Вот] тот, что за человек?

— Благородный муж из царства Лу, — ответил Цылу.

— Из какого рода?

— Из рода Кунов.

— Чем занимается [человек] из рода Кунов?

Цылу промолчал, а Цыгун ответил:

— [Человек] из рода Кунов подчиняет свой характер преданности и доверию, вершит милосердие и справедливость, украшает обряды и музыку, отбирает правила отношений человека к человеку, чтобы были преданы властителю, высшему, чтобы улучшались отношения во всем народе, у низших. Все это принесет пользу Поднебесной. Вот чем занимается [человек] из рода Кунов.

— Владеет ли благородный муж землей? — спросил снова [гость].

— Нет, — ответил Цыгун.

— Помогает правителю или царю?

— Нет.

Гость рассмеялся, повернулся и пошел, говоря:

— Милосерден-то милосерден, но, пожалуй, самого себя не освободит. Утруждает сердце, изнуряет тело, подвергает опасности истинное в самом себе. Увы! Как далеко отошел он от учения!

Цыгун вернулся и доложил [обо всем] Конфуцию. Тот оттолкнул *цин*, поднялся и сказал:

— Не мудрец ли то был? — пошел вниз его искать и догнал на берегу озера. [Рыболов] как раз взялся за шест и выводил лодку, [когда], обернувшись, заметил Конфуция, возвратился к селению и остановился.

Конфуций с благоговением отступил, двукратно поклонился и подошел [поближе].

— Чего ты ищешь? — спросил Рыболов.

— Только что [Вы], Преждерожденный, не договорили и уши, — сказал Конфуций. — [Я], Цю, [человек] негодный, еще не узнал, что [Вы] хотели сказать. [Я], ничтожный, ожидал [возможности Вам] покориться. К счастью, услышал, как [Вы] кашляли. Помогите [мне]. Цю, поскорее!

— Ах! — воскликнул Рыболов. — Как сильна у тебя любовь к учению!

Конфуций двукратно поклонился и, поднимаясь, сказал:

— [Я], Цю, учусь с детства и поныне, до шестидесяти девяти лет. Но слышать об истинном учении [мне] не доводилось. Разве осмелюсь не очистить [для этого] сердца?

— Подобные по роду следуют друг за другом, подобные по голосу откликаются друг другу, — сказал Рыболов. — Таков естественный закон. Разреши мне объяснить, чем обладаю я, и чем занимаешься ты. То, чем ты занимаешься, дела людские: Сына Неба царей, великих мужей, простолюдинов. Если каждый, [принадлежащий к] этим четверем [званиям], на своем месте, то правление прекрасное; но нет смуты больше той, [когда] они не отвечают [своим] постам. [Если] должностные лица исполняют свои обязанности, а люди заботятся о своих делах, то нет никаких беспорядков. Поэтому заросшие травой поля, дом без кровли, недостаток пищи и одежды, не внесенные в срок налоги, раздоры между женой и наложницей, несо-

гласие между старыми и малыми, — таковы заботы простолюдина; небрежность и лень народа и подчиненных, опасение не справиться с обязанностями, не выполнить порученных дел, оказаться небезупречным в поступках, утратить заслуги и доброе имя, потерять ранг и жалование, — таковы заботы великого мужа; мятежи влиятельных родов, отсутствие при дворе верных слуг, искусных ремесленников, недостаток красоты в дарах [Сыну Неба, боязнь оказаться] ниже других весной и осенью <комментарий Чэн Сюаньина: при заключении союзов между правителями; Лу Дэмина: на приемах у Сына Неба>, непокорным Сыну Неба, — таковы заботы царя; отсутствие гармонии между [силами] жара и холода, несвоевременное [наступление] тепла и мороза, вред, причиняемый ими всем вещам; смуты царей, споры из-за заслуг в походах, самоуправные захваты друг у друга, [когда] калечат людей, истощение богатств, беспорядок в обрядах и музыке, ухудшение отношений между людьми, распутство и беспорядки в народе, — таковы заботы Сына Неба и [его] советников. Ныне же ты, не облеченный властью ни царя, ни сановника, не обладающий рангом великого слуги или его должностного лица, по собственному произволу украшаешь обряды и музыку, отбираешь правила отношений между людьми, чтобы улучшить [отношения] во всем народе. Не слишком ли много на себя берешь? Да притом людям присущи восемь пороков, а [тем, кто] служит, — четыре зла, которые нельзя не изучить. Делать то, что не поручено, называется превышением власти; выдвигать то, что не удостоивают вниманием — болтливостью; говорить, [лишь] с оглядкой на [чужое] мнение — угодливостью; хвалить, не разбирая где правда, где ложь — лестью; со страстью судить о чужих недостатках — поношением; отделиться от родных, отколоться от друзей — бунтом, восхвалять лживого, чтобы нанести удар по ненавистному, — злонамеренностью; хладнокровно допускать и доброе и злое без разбора, чтобы воровски овладеть желаемым, — коварством. Из-за этих восьми пороков поднимают смуту вовне, среди других, губят самого себя внутри, благородные мужи лишаются друзей, мудрые цари — слуг. Четыре зла [следующие]: питать пристрастие к важным делам, к переменам и изменениям обычного, долговременного, чтобы присвоить себе заслуги и славу,

называется злоупотреблением; вершить дела лишь по собственному произволу, захватывать людей для собственных нужд — алчностью; не исправлять замеченных ошибок, усугублять их вопреки советам — высокомерием; не разбирая кто хорош, а кто плох, одобрять с тобой согласных, [не одобрять] с тобой несогласных, — самодурством. Таковы четыре зла. Сумел бы [ты] уничтожить эти восемь пороков, искоренить эти четыре зла, тогда и мог бы начать [свое] воспитание.

Конфуций опечалился, вздохнул, двукратно поклонился и, поднимаясь, сказал:

— [Меня], Цю, дважды изгоняли из Лу, [на меня] свалили дерево в Сун, [я] заметал следы [при бегстве] из Вэй, был осажден [между] Чэнь и Цай. Как же мог [я], Цю, четыре раза избежать позора, [если] не понимал, в чем [мои] ошибки?

Рыболов, огорченный, изменился в лице и сказал:

— Трудно, очень трудно тебя вразумить! [Вот] Боявшийся [своей] тени, [своих] следов от них уходил. Но как бы [он] ни спешил, тень от него не отставала, чем быстрее передвигал ноги, тем больше оставалось следов. Думая, что медлит, бежал без передышки [пока не] лишился сил и [не] умер. [Он] был также очень глуп: не ведал, что, останься [он] в темноте, и тень исчезнет, стой [он] на месте — и следов не будет. Ты почти не избежал того же во время своих размышлений о милосердии и справедливости, тождестве и различии, наблюдений за изменениями в движении и покое, за правилами вручения и получения, за упорядочением любви и ненависти, гармонией радости и гнева. [Пачни] внимательно совершенствовать самого себя, тщательно хранить в себе истинное, возвращать другим все вещи, и не станет [у тебя] никаких тягот. Ныне же [ты] не достиг совершенства сам, а ищешь его у других. Разве это также не внешнее?

Опечаленный Конфуций спросил:

— Разрешите задать вопрос: что [Вы] называете истинным?

— Истинное — высшая искренность, высшее чистосердечие. Без искренности, без чистосердечия нельзя взволновать других. Поэтому плач по принуждению не вызывает печали даже в скорби; гнев по принуждению не внушает страха даже перед великим; любовь по принуж-

дению не выражает согласия даже в улыбке. При истинной скорби не голосят, а печалются; при истинном гневе не кричат, а внушают страх; при истинной любви и без улыбок царит согласие. При истинном внутри волнение проявляется и во внешнем — вот чем ценно истинное. Применяя истинное в отношениях между людьми, служении родным, становятся почтительными детьми и милостивыми родителями; в служении государю становятся преданными и прямыми; когда пьют вино, становятся радостными и веселыми; на похоронах — скорбными и печальными. Главное в преданности и прямоте — подвиг, главное на пиру — веселье, главное на похоронах — печаль, главное в служении родителям — своевременность. В красоте подвигов нет единообразия, в служении родителям нужна своевременность, а в чем — неважно. Вино пьют в радости, не выбирая чарок. В похоронах участвуют со скорбью, не расспрашивая об обряде. Обряды созданы обычаями века, истинное же воспринято от природы, естественное нельзя изменить. Вначале мудрые уподоблялись природе, ценили истинное, не связывали себя обычаями. Глупые же, напротив, не способны уподобиться природе. [Они] печалились о людях, не умели ценить истинное, в [своих] хлопотах дошли до пошлости, поэтому [о них] и не стоит [говорить]. Как жаль, что ты давно уже погрузился в человеческое лицемерие и слишком поздно услышал о великом учении!

Конфуций снова дважды поклонился и, вставая, сказал:

— Ныне [я], Цю, удостоился встречи — счастья, подобного Небу! Не устыдитесь ли [Вы], Преждерожденный, [если] приближусь к Вам в одежде слуги, чтобы [Вы] лично обучали меня? Осмелюсь ли спросить, где [Ваше] жилище? Разрешите поскорее воспользоваться [Вашими] наставлениями и поскорее воспринять великое учение?

— Можно идти вместе с тем, с кем достигнешь тончайшей [сущности] пути, но нельзя идти вместе с тем, кому этот путь неведом, — ответил Рыболов. — Я об этом слышал и остерегусь, чтоб не совершить ошибки. Ты старайся сам. Я же уйду, я уйду. — И [он] заработал шестом, удаляясь, а в тростниках [за лодкой] длинной лентой протянулся [след].

Янь Юань вернулся к повозке, Цзылу отдал [ему] вожжи, но Конфуций не обернулся. Он осмелился взойти [на повозку] лишь после того, как стихли удары шеста и улеглись волны.

[Стоя] рядом с повозкой, Цзылу спросил:

— Чем заслужил такое Рыболов? [Я], Ю, давно уже служу [Вам], но никогда еще не видел, чтобы [Вы], учитель, отнеслись к человеку с таким благоговением. Власти тысячи колесниц, тьмы колесниц в своих дворцах всегда принимали [Вас], учитель, как равного, [Вы] же, учитель, сохраняли на церемониях свой гордый вид. Ныне [Вам] противостоял Рыболов с шестом, а [Вы], учитель, сгорбленный, словно цинь, гнули перед ним спину, с поклонами отвечая на каждое слово. Не чересчур ли это? Все [мы], ученики, удивляемся [Вам], учитель!

Конфуций упал на перекладину повозки и, вздохнув, ответил:

— Ах, трудно! Как трудно просветить [тебя], Ю! Давно уже [ты] погрузился в [изучение] обрядов и долга, а доньше не избавился от грубых мыслей. Подойди, я с тобой поговорю. Не уважить старшего при встрече, [значит допустить] ошибку в обряде; не почитать добродетельного при встрече, [значит] не проявить милосердия. [Даже если] это не настоящий человек, его нельзя презирать. Презирающий людей не искренен и не обретает свое истинное, а поэтому постоянно губит самого себя. Как жаль! Не быть милосердным — нет беды большей, а она в тебе, Ю. Ведь путь — источник [всей] тьмы вещей. Теряя его, все умирает, обретая его, все живет. Тот, кто в делах ему противодействует — терпит поражение; тот, кто в делах с ним согласуется — добивается успеха. Поэтому мудрый почитает все, в чем присутствует путь. Нынешний же Рыболов, можно сказать, обладает путем. Посмел ли я его не почитать?!

Глава 32

ЛЕ ЗАЩИТА РАЗБОЙНИКОВ

Ле Защита Разбойников направился в Ци, [но] с полдороги вернулся и встретил Дядю Темнеющее Око.

— Почему возвратился? — спросил Темнеющее Око.

— Я испугался!

— Чего же испугался?

— Я ел в десяти харчевнях, и в пяти [мне] подавали раньше всех.

— Пусть так. Но чего же тебе пугаться?

— Чистота внутри еще не освободилась, а из тела просачивается [в виде] луча. Внешним воздействовать на сердца людей, чтобы они пренебрегали уважаемыми и старыми, — [значит] готовить себе беду. Ведь хозяин харчевни не имеет лишних доходов, продает лишь кашу да похлебку. Если так поступает тот, у кого прибыль скудная, а власть ничтожная, что же сделает властитель тьмы колесниц, который отдает все свои силы государству и все знания управлению? Поэтому-то я и испугался, что тот [царь] захочет поручить мне дела и [станет] ждать от меня заслуг.

— Прекрасное наблюдение! — воскликнул Темнеющее Око. — [Но если] ты останешься у себя, люди станут искать у тебя защиты.

Вскоре [Темнеющее Око] пришел [к Лецзы] и у дверей увидел множество туфель. Обернувшись лицом к северу <как подчиненный> Темнеющее Око оперся подбородком о посох, нахмурился, и, постояв немного, молча вышел. Принимавший гостей доложил об этом Лецзы. Лецзы босой с туфлями в руках побежал [за Темнеющим Оком] и, догнав у ворот, спросил:

— Поскольку [Вы], Преждерожденный, пришли, не дадите ли [мне] совета?

— [Все] кончено! Я же предупреждал, что люди станут [искать] у тебя защиты. Это действительно так. Способный привлечь других, чтобы [стекались] к тебе, ты оказался неспособным помешать искать у тебя [защиты]. К чему это? [Стоит] результату разойтись с предвидением, и непременно получится огорчение. [Оно] бессмысленно и поколеблет твои способности. Никто из последователей [этого] тебе не скажет. Вся их мелкая болтовня — яд для человека. Без пробуждения, без сознания разве [помогут] созреванию друг друга?

Искусный трудится, знающий печалится, неспособному же не к чему стремиться. Наевшись досыта, скитается в праздности, подобно отвязавшемуся в половодье челну, что пустой движется по воле волн.

Чжэнец Педант [учился] в местности рода Одегых в Меха, благоговейно повторяя [все] нараспев. [Через] три года стал конфуцианцем, и милости потекли [к нему] рекой на девять ли, благодеяния распространились на три рода. Младшему же брату [он] велел [стать] моистом. [Когда] пошли споры между конфуцианцами и моистами, отец Педанта помогал [Мо] Ди, и через десять лет Педант окончил с собой.

Отец увидел Педанта во сне, и [тот] сказал:

— Ведь это я велел Вашему [младшему] сыну [стать] моистом. Почему бы [Вам] не взглянуть на мою могилу и не убедиться, какие [над ней] могучие кипарисы?

То, что творит вещи, воздаст человеку, но воздаст не самому человеку, а его природе. Один <Педант>, конечно, принудил другого <брата>, но, чтобы презирать своего отца, человек [должен] считать себя выше других. [С тех пор] как подрались цисцы, которые пили воду из [одного] колодца, стали говорить: «В нынешнем мире все — Педанты». По этой-то причине и пользуется незнанием тот, кто обладает достоинством, а тем более тот, кто обладает путем. В старину это называлось: «избежать кары природы».

Мудрый [обретает] покой в том, что дает покой; не [ищет] покоя в том, что не [дает] покоя. Дюжинный человек [ищет] покой в том, что не [дает] покоя; не [обретает] покоя в том, что [дает] покой.

Чжуанцзы сказал:

— Познать путь легко, не говорить [о нем] трудно. Познать и не говорить — так достигнешь естественного. Познать и говорить — так достигнешь человеческого. Древние люди обращались к естественному, а не к человеческому.

Чжу Легкомысленный был учеником Урода Полезного, [учился] убивать драконов. Разорил [свою] семью, [обладавшую] тысячей золотом, и за три года овладел мастерством. Однако своему искусству [он] не нашел применения.

Мудрый и необходимое не считает необходимостью, поэтому не обладает оружием. Дюжинный человек счита-

ет необходимостью и не необходимое, поэтому [обладает] многим [оружием]. Послушен оружию, поэтому и пускает его в ход при [своих] домогательствах. [Но] тот, кто полагается на оружие, гибнет.

Мелкий человек в своих знаниях не выходит за пределы свертка с подарком и дощечки для письма. [Он] утруждает свой разум незначительными препятствиями, а хочет всемерно помогать пути и [всем] вещам и в великом единстве [с ними] очищать свое тело. Подобные ему, не зная первоначала, обременяя свое тело, блуждают во вселенной.

Другой же, настоящий человек, обращается разумом к безначальному и сладко дремлет в небытии. [Он подобен] воде, которая течет без формы и, просачиваясь, обнаруживается в великой чистоте.

Как печально! Ведь, обратив свои знания на кончик волоска, не познаешь великого покоя.

Жил среди сунцев Цао Торгаш. Отправил его сунский царь Послом в Цинь и дал [ему] с собой несколько колесниц. А Торгаш сумел угодить [циньскому] царю, и колесниц у него стала сотня.

Вернувшись в Сун, [Торгаш] встретился с Чжуанцзы и стал над ним смеяться:

— [Вы] живете в самой закоулке нищей деревеньки, от нужды плетете сандалии. У [меня], Торгаша, конечно нет ни такой длинной иссохшей шеи, ни такого пожелтевшего лица. Зато стоило мне вразумить властителя тьмы колесниц, и [за мной] последовала их сотня.

— Уходи прочь! — ответил Чжуанцзы. — [Когда] циньский царь хворал, [он] звал лекарей. Тот [лекарь], что вскрыл чирей и удалил легкую опухоль, получил одну повозку; тот, что вылизал геморрой — пять повозок. Чем ниже способ лечения, тем выше награда. Как же ты лечил его геморрой, что заслужил столько колесниц?

Луский царь Айгун спросил у Яня Врата Бытия:

— Будет ли лучше в царстве при Конфуции? Я считаю его даровитым деятелем.

— [Он] опасен! [Быть] беде! — ответил Янь Врата Бытия. — Конфуций разрисовывает даже фазаны перья.

Занимаясь лишь цветистыми речами, выдает побочное за главное. Терпеливо поучает народ, не зная [его] и [ему] не доверяя. Воспринимая [лишь свои] мысли, управляя [лишь своим] умом, разве достоин [он] стоять над народом? Считать его пригодным, кормить [его] можно лишь по ошибке. [Он] ныне велит народу уйти от сущности, учиться лицемерию — это не то, чему следует поучать народ. Лучше от этого отказаться, [а не то] трудно будет управлять, достанется забот и последующим поколениям.

Раздавать так, чтобы [о даяниях] не забывали, [это] не [похоже на] даяния природы. Купцов оседлых и странствующих не разделяют по рангам. Хотя дела их различны, [но] мудрые отнюдь не разделяют [их] по рангам.

[Орудия] внешних пыток — металл и дерево. [Орудия] внутренних пыток — действия и ошибки. Малый люд, подвергшийся внешней пытке, допрашивают металл и дерево; подвергшихся внутренней пытке грызут [силы] жара и холода. Ведь избежать пытки и внешней, и внутренней способен лишь настоящий человек.

Конфуций сказал:

— Познать каждое человеческое сердце труднее, чем природу, оно опаснее, чем горы и реки. У природы есть сроки весны и осени, зимы и лета, утра и вечера. У человека же лицо непроницаемо, чувства [таятся] глубоко. Бывает с виду добрый, но алчный; бывает одаренный, похожий на никчемного; бывает нетерпеливый, но пронизательный; бывает [внешне] решительный, а [внутренне] медлительный; бывает [внешне] нерешительный, а [внутренне] вспыльчивый; поэтому-то и случается, что стремятся во имя долга пожертвовать собой, будто охваченные жадной, но и отступают от долга, будто опаленные жаром. Поэтому-то государь посылает человека далеко, чтобы проверить его преданность; посылает близко, чтобы проверить его почтительность; дает сложные поручения, чтобы проверить его способности; задает вопросы внезапно, чтобы проверить его сообразительность; назначает кратчайший срок [исполнения], чтобы проверить, [насколько можно] ему доверять; вверяет ему богатство, чтобы посмотреть, [насколько] он милосерден; сообщает ему об опасности, чтобы посмотреть, [насколько] он

верен долгу; поит его допьяна, чтобы посмотреть, [куда] он склонится; сажает его в смешанные <вместе с женщинами> ряды, чтобы посмотреть, [насколько] он целомудрен. В этих девяти испытаниях и обнаруживают человека негодного.

Покойный Отец Правильный при первом указе [о возведении в ранг] пригибался, при втором указе горбился, при третьем указе клонился до земли и уползал вдоль стены. Кто посмел бы не счесть [его] за образец! А есть и такие мужи: при первом указе [становятся] надменными, при втором — красуются на колеснице, при третьем — [начинают] звать всех старших по имени. Кого же из них уподобишь Высочайшему и Никого не Стесняющему?

Нет разбойника хуже того [человека], чьи достоинства искусственные, чье сердце обладает [выражением, как] ресницы. [Если выраженное] его ресницами сопоставить с [его] внутренним, рассмотрение [его] внутреннего нанесет [ему] поражение.

Злых свойств — пять. Основное — считать главными [собственные] достоинства. Что это означает? Это означает — превозносить собственные достоинства и порицать тех, кто поступает по-иному.

Бедствия вызывают восемь крайностей, успех приносят три необходимости, тело вмещает шесть внутренних органов. Красота, [длинная] борода, высокий рост, крепкое телосложение, цветущий вид, величие, смелость и решительность — это восемь крайностей. При превосходстве над другими [они] служат причиной бедствий. Покорность, уступчивость, опасение [оказаться] хуже других — эти три необходимости приносят успех. Сообразительность проникает во внешнее, смелые поступки [вызывают] большие обиды; милосердие и справедливость [вызывают] многие укоры. Кто проник в [сущность] жизни — велик; кто проник в знания — незначителен; постигший большую жизнь <природу> следует [за главным]; постигший малую жизнь <отдельного человека, свою собственную> следует за случайным.

Некто [удостоился] приема у сунского царя, был пожалован десятью колесницами и стал хвастаться своими десятью колесницами перед Чжуанцзы. Чжуанцзы же сказал:

— У Реки жила бедная семья, которая кормилась тем, что плела [вещи] из полыни. [И вот] юноша из этой семьи нырнул в пучину и достал жемчужину [ценой] в тысячу золотом.

— Разбей ее камнем!— велел ему отец. — Ведь жемчужина в тысячу золотом хранится под челюстью у Черного Дракона в Девятой Пучине. Ты достал ее лишь потому, что он спал. А проснется Черный Дракон и [сожрет] тебя без остатка!

Ныне [омут] в царстве Сун поглубже Девятой Пучины, а сунский царь пострашнее Черного Дракона. Ты раздобыл колесницы лишь потому, что он спал. А проснется сунский царь и сотрет тебя в порошок!

Некто звал Чжуанцзы [к себе] на службу. Чжуанцзы так ответил его посланцу:

— Видели вы жертвенного быка? [Как] наряжают [его] в узорчатые ткани, [как] кормят травой и бобами! Но вот его поведут, и [он] вступит в храм предков. Сможет ли он [снова] стать вольным теленком, как бы [ему этого] не хотелось?!

Чжуанцзы лежал при смерти, и ученики собирались устроить ему пышные похороны. Но Чжуанцзы воспротивился:

— К чему все это? Я считаю землю своим гробом, небо — саркофагом, солнце и луну — нефритовыми кружками, планеты и звезды — мелким жемчугом, а [всю] тьму существ — своими провожатыми. Разве мои похороны не будут совершенными?

— Мы боимся, — ответили ученики, — что [Вас], учитель, склюют вороны и коршуны.

— На земле, — сказал Чжуанцзы, — [я] пойду на пищу воронам и коршунам, под землей — муравьям. Отнимите у одних, отдадите другим. За что же муравьям такое предпочтение?!

[Если] выравнивать с помощью неровного, то и ровное станет неровным. [Если] доказывать с помощью недоказанного, то и доказанное станет недоказанным.

Знающий действует [на других] только своими знаниями. Прозорливость подтверждается [естественными законами]. Ведь давно уже [известно], что знающему далеко до прозорливого. Но разве не печально, что глупцы, опираясь лишь на виденное ими самими, несут [это] людям? Их успехи только во внешнем.

Глава 33

КАК УПРАВЛЯТЬ ПОДНЕБЕСНОЙ

Учений как управлять Поднебесной много, но ни одно из них нельзя применить, оттого что они деятельны. Где же в действительности так называемое учение древних? Отвечу — «повсюду». На вопросы — «Откуда появляется прозорливый? Откуда появляется умный?» — [отвечу]: «Источник рождения мудрого, формирования государя — один».

Не отделяющегося от рода называют естественным человеком, не отделяющегося от тончайшего семени называют прозорливым человеком, не отделяющегося от истинного называют настоящим человеком. Того, кто [своим] родом считает природу, корнем — основные свойства, воротами — путь, началом же — развитие, называют мудрым человеком. А тот, кто считает милосердие наградой, справедливость — правилом, обряды — поведением, музыку — гармонией, от кого пахнет благими делами и милосердием, называется благородным мужем.

Те, кто разделяет с помощью устоев, берут за образец имена <славу>, считают обучение свидетельством, а сопоставление — решением, они считают [всего лишь] до четырех. Так вот [все] сто должностных лиц общаются друг с другом по старшинству. Обычным [они] считают дела, главным — пищу и одежду; естественным законом народа — размножение, собирание и накопление для прокормления всех — старых и малых, сирых и вдовых. Разве этого не было в изобилии у людей древности? Равные прозорливому по разуму, будучи безыскусственными, [как] природа, взращивали тьму существ, гармонизировали со [всей] Поднебесной, и [ее] даяния распространялись на [все] сто семейств. Понимая исходные числа, соединя-

ли [их] и с кончным мсрилом. Шесть стран света, четыре времени года, малое и великое, грубое и тонкое — движение, которое существует повсюду. [Все это] они понимали и неоднократно повторяли. Есть еще много хронистов, передающих старые устои от поколения к поколению. Те [устои, что содержатся] в песнях и преданиях, обрядах и музыке, способны понимать многие из мужей в Цзоу и Лу — Преждерожденных в широких поясах с табличками. [Они] используют песни, предания, обряды, чтобы говорить о стремлениях, о событиях, о поведении; [они] используют музыку, гадательные знаки, хронику «Весна и осень», чтобы говорить о гармонии, о жаре и холоде, о разделении по именам <знатности>. Сколько-то их рассеялось по [всей] Поднебесной, [они] утвердились в Средних царствах. В учениях ста школ их иногда хвалят и о них говорят.

[С тех пор как] в Поднебесной началась великая смута, утратилась ясность достойных и мудрых, не стало единства в [понимании] пути и основных свойств, многие пришли к пристрастности во имя самовосхваления. Так, уши, глаза, нос, рот — каждый [из этих органов] что-то воспринимает, но [они] не способны общаться друг с другом. То же и во всех искусствах, в ста школах, — у каждой есть какие-то достоинства, которые иногда следует использовать. Но крайне пристрастные мужи, не обладающие ни пронизательностью, ни кругозором, берутся судить о красоте природы, объяснять законы тьмы вещей, целостность древних людей. [У них] не хватает способностей для того, чтобы охватить красоту природы, оценить пронизательных и умных. По этой-то причине путь внутренний — мудрых и внешний — царей становился скрытым и неясным, приходил в застой и не проявлялся. Каждый в Поднебесной принимал то, что ему нравилось, за собственное учение. Как печально! Ведь [все] сто школ уходили, но не возвращались и, конечно, не объединялись. Учащиеся же последующих поколений, к несчастью, не увидели безыскусственности природы, высшей сущности древних, и тогда в учении Поднебесной произошел раскол.

В учение древних входили такие [положения]: чтобы быть готовыми к неожиданным бедствиям, исправлять

[все] по плотничьему правилу и [с помощью] туши, не [приучать] молодое поколение к роскоши, к расточительству, к блеску в числах и установлениях. Услышав о таких наставлениях, обрадовались Мо Ди и Цинь Гули, но стали проводить их чрезмерно строго. Назвав это бережливостью, они провозгласили отказ от музыки, [чтобы] живые перестали петь, мертвых перестали одевать. Моцзы [учил] всеобщей любви и пользы, а также отрицанию войны. Не допуская гнева, его учение требовало любви к обучению, привлечения сторонников, но не было тождественным [учению] ранних государей и разрушало обряды и музыку древних. При Желтом Предке была песня «Восход солнца», при Высочайшем — «Великое уложение», при Ограждающем — «Великое цветение», при Молодом Драконе — «Великое лето», при Испытующем — «Великий разлив», при царе Прекрасном — «Согласие в каре», царь Воинственный с Чжоугуном создали «Воителя». В древнем похоронном обряде был ритуал для благородных и для презренных, были ранги для высших и низших: гроб внутренний и саркофаг для Сына Неба — семикратной толщины, для правителей царств — пятикратной, для великих мужей — троекратной, для мужей — двойной толщины. Ныне только один Моцзы [учит], чтобы живые перестали петь, мертвых перестали одевать, чтобы, как правило, стали делать гробы из дриандры толщиной в три цуня, без саркофага. Учить этому людей [значит], пожалуй, их не любить, действовать так самому — [значит], конечно, не любить самого себя. Учение Моцзы еще не потерпело поражения, но разве достойно [человеческой] природы осуждать пенис, когда поют, осуждать плач, когда плачут; осуждать радость, когда радуются. Жизнь Моцзы прошла в тяжелом труде, похороны его были бедными, учение его очень жестокое. [Оно] велит людям печалиться, горевать, его трудно осуществить и, боюсь, нельзя считать учением мудрого. [Оно] противоречит сердцам Поднебесной и для Поднебесной невыносимо. Хотя сам Моцзы мог его выполнять, но что было делать с Поднебесной? [Оно] отделилось от [всей] Поднебесной и далеко ушло от [учения древних] государей.

Восхваляя свое учение, Моцзы говорил:

— В старину Молодой Дракон преградил [путь] пото-
пу, проложил русла рек и потоков, открыл [дороги] во
[все] девять областей и ко [всем] четырем [странам] вар-
варов. На трехстах знаменитых горах <реках>, трех тыся-
чах притоках, малых же речках без числа Молодой Дракон
сам брал в руки мешки и лопату, смешивал [воды для
стока] в девять рек Поднебесной. [У него] стерлись волос-
ки на икрах и пушок на голеньях. Умывал [его] проливной
дождь, причесывал быстрый ветер. [Он] учредил тьму
царств. Молодой Дракон был великий мудрец, а так ут-
руждал себя ради Поднебесной.

Поэтому моисты следующих поколений одевались
большей частью в шкуры и платье из грубого сукна, носи-
ли деревянные сандалии или плетеные из соломы, не от-
дыхали ни днем, ни ночью и считали высшим [благом]
тяжкий труд. [Они] говорили: «[Тот, кто] на это не спосо-
бен, отрицает путь Молодого Дракона и недостойн назы-
ваться моистом».

Ученики Сянли Циня — слуги пяти правителей.
Южные моисты, такие как Гу Ху, Цзи Чи, Дэнлинцзы,
все распевали основу [учения] Мо, но каждый по-своему
обманывал вдвойне, называли же друг друга отдельной
[ветвью] моистов. Они поносили друг друга в спорах о
том, что такое «твердость» и «белизна», что такое «тожде-
ство» и «различие», отвечали друг другу речами о разли-
чии между единичным и парным.

Наиболее выдающийся считался мудрецом, и все стре-
мились сделать его Покойником <главой> в надежде на
преемство в следующем поколении. Это не прекратилось
и поныне.

Замыслы Мо Ди и Цинь Гули были истинными, а по-
ступки — ложными. [Они] повели к тому, что моисты
последующих поколений лишь состязались друг с другом,
изнуря себя в труде [до тех пор, пока] не стирались во-
лоски на икрах и пушок на голеньях. В смуте [они] первые,
в управлении — последние. Несмотря на это, [сам]
Моцзы воистину лучший из [людей] Поднебесной, и
[другого] такого не найти. Пусть иссох, как сухое дерево,
[от него] нельзя отказаться, [он] действительно талантлив-
ый муж.

В учение древних входили такие [положения]: не отя-
гощать себя обычаями, не приукрашиваться перед други-

ми, не относиться нечестно к людям, не приносить вреда народу, желать Поднебесной мира и покоя, чтобы оживить жизнь народа, чтобы [все] ограничивались питанием, достаточным и для себя и для других, и этим очистили сердце. Услышав о таких наставлениях, обрадовались Сун Цзянь и Инь Вэнь. Отличительным знаком они выбрали для себя шапку [в форме] Хуа-горы. Воспринимая [всю] тьму вещей, начинали со снисходительности к отличавшимся [от них], говорили о терпимости и назвали это движением сердца. [Пытались] гармонией соединить в радости и привести в согласие [всех] среди морей. Стремилась [к этому] и просили принять эту идею как главную. Встречаясь с оскорблениями, но не считая [их] позором, [они стремились] спасти народ от борьбы, запретить нападения, отложить оружие, спасти [своих] современников от войн. С этим обходили [они] всю Поднебесную, убеждая высших и поучая низших. Хотя в Поднебесной [их учения] не принимали, они непрестанно на нем настаивали, поэтому [о них] говорили: «Настойчиво [добиваются] встреч, хотя [всем] сверху донизу надоели». Несмотря на это, они добивались для людей слишком многого, для себя же делали слишком мало. Говорили: «Стремимся и просим твердо установить питание в пять шэн [зерна, этого] достаточно. Преждерожденные, пожалуй, не будут сыты, а ученики, даже голодные, не забудут о [заботе] Поднебесной». Днем и ночью без отдыха твердили: «Должны же мы обрести возможность жить! Необходимо гордиться мужами, спасающими [свое] поколение!». Говорили: «Государь не должен сурово взыскивать, не должен присваивать себе чужого, считать ниже себя по уму тех, кого признают бесполезными для Поднебесной». В большом и малом, грубом и тонком их учение ограничивалось тем, что во внешнем [они требовали] запретить нападения, отложить оружие, а во внутреннем — умерить желания и страсти.

В учение древних входили такие [положения]: быть справедливым и беспристрастным, ровным и бескорыстным, решительным, но без предвзятости; следовать за другими, но без измены; не оглядываться с опаской, не хитрить со знаниями; отправляться вместе со всеми, никому не отдавая предпочтения. Услышав о таких наставлениях, обрадовались Пэн Мэн, Тянь Пянь и Шэнь Дао. Главным

[они] признали равенство [всей] тьмы вещей. Говорили: «Небо способно покрывать их [сверху], но не способно поддерживать их снизу; земля способна поддерживать их снизу, но не способна покрывать их сверху. Великий путь способен их вмещать, но не способен их различать». [Они] знали, что для [каждой из] тьмы вещей есть возможное, есть и невозможное, поэтому говорили: «При выборе нет всеобщего, обучение не [каждого] достигает, [лишь] путь [объемлет все] без остатка». По этой причине Шэнь Дао отбросил знания, отказался от самого себя и действовал лишь по принуждению. [Он] считал естественным законом очищение от вещей и равнодушие. Говорил: «Знание — это незнание, даже незначительные знания приближают к опасности». Стыдил безнравственных, не служил, но высмеивал [тех, кто] почитал достойных в Поднебесной; свободный, необузданный, [он] не действовал, но порицал великих мудрецов Поднебесной. То молотком, то рукой [он] сглаживал шероховатости и вместе с другими приспособлялся [к обстоятельствам]. Отбрасывал и истинное и ложное, лишь бы избежать [затруднений]. Не изучал ни [людских] знаний, ни забот, не ведал ни прошедшего, ни будущего и лишь величественно возвышался. Действовал, лишь когда толкали; шел, лишь когда тащили; крутился, подобно вихрю, кружился, подобно перышку, вращался подобно жернову. Почему же [он] оставался целостным, не встречая порицания, не делая ошибок ни в движении, ни в покое, никогда не совершая преступлений? Потому что [подобно] вещи, не обладающей знаниями, не ведал беды самоутверждения, не отягощал себя применением знаний, не отходил от естественных законов ни в движении, ни в покое; поэтому за всю жизнь так и не прославился. Поэтому говорил: «Высшее лишь в том, чтобы уподобиться вещи, не обладающей знаниями, не использовать ни достойных, ни мудрых. Ведь [любой] ком земли не утратит пути». Удалцы между собой его высмеивали: «Не достойно ли удивления учение Шэнь Дао? [В нем] поведение не живого человека, а мертвого!» Таково же и [учение] Тянь Пяня. [Он] удостоился перенять у Пын Мэна [учение] без поучений. Наставляя, Пын Мэн говорил: «Даосы древности пришли лишь к тому [выводу], что нет ни истинного, ни неистинного». [Его наставления подобны] шуму встреч-

ного ветра, как же можно [о них] говорить? [Он] всегда противоречит людям, но не встречает внимания и неизбежно сглаживает шероховатости. То, что он называет учением, не [настоящее] учение; в истине, о которой [он] говорит, неизбежно [есть] ложь. Пын Мэн, Тянь Пянь и Шэнь Дао не знали учения, хотя, в общем о нем и слышали.

В учение древних входили такие [положения]: считать основой мельчайшее [семя], а вещью — крупное; считать накопление недостатком, жить безмятежно, в одиночестве, с ясным разумом. Услышав о таких наставлениях, обрадовались Страж Границы и Лаоцзы. [Они] построили учение на постоянстве бытия и небытия с главным — великим единством. [Учили] во внешнем — быть терпеливым, мягким, уступчивым, в сущности <во внутреннем> — пустым [чистым], не разрушать [ни одной из] тьмы вещей.

Страж Границы сказал: «[Телесные] формы и вещи сами показываются [тому, кто] на самом себе не останавливается. Его движения подобны [течению] воды, его покой подобен зеркалу, его ответ подобен эху. Туманный, будто отсутствует; тихий, будто прозрачен, уподобляясь [вещам], гармоничен, приобретая [вещи], несет урон. Никогда не опережая других, всегда следует за другими».

Лаоцзы сказал: «[Кто], сознавая свою мужественность, соблюдает женственность, становится для Поднебесной [главным] руслом. [Кто], сознавая свою чистоту, соблюдает стыдливость, становится для Поднебесной долиной. Все предпочитают быть первыми, лишь он предпочитает быть последним». [И еще] сказал: «[Он] принимает на себя унижение Поднебесной. Все предпочитают полноту, только он предпочитает пустоту; не накапливает, поэтому обладает избытком. Обладая избытком, высится одинокий. В поведении нетороплив и потерь не несет, [держится] недеяния и высмеивает ловкость [других]. Все домогаются счастья, и лишь он [видит] целостность несовершенного». [И еще] сказал: «Лишь бы избежать беды. Считать глубокое корнем, умеренность правилом». [И еще] сказал: «Твердое ломается, острое тупится. [Он] всегда великодушен к вещам, ничего не отнимает у других. Вот что можно назвать высшим совершенством». Да!

Воистину настоящими людьми среди древних были великие Страж Границы и Лаоцзы!

В учение древних входили такие [положения]: о туманном, обширном, не обладающем [телесной] формой; об изменениях, о развитии, не обладающих постоянством. Объединяются ли жизнь и смерть с небом и землей? Уходят ли душа и разум? Почему же? Неясно! Куда же? Туманно! [Всю] тьму вещей [оно] охватывает сетью, нечего [и говорить], что все к нему возвращается. Услышав такие наставления, обрадовался Чжуан Чжоу. В безрассудных речах, в небылицах, в выражениях, бесконечных и беспредельных, всегда необузданный, но не пристрастный, [он] рассматривал учение не с одной единственной точки зрения. Считая, что Поднебесная погрязла в пороках, не мог говорить прямо. С помощью речей, [как вина] из чарки, развивал [мысли] беспредельно, с помощью речей почитаемых подтверждал истинность, с помощью притч расширял [замысел]. В одиночестве общался разумом со вселенной, но не отделял себя в гордости от [всей] тьмы вещей, не отвергал [чужой] истины или не истины, чтобы найти себе место среди пошлости современников. Хотя записи его [речей] — редкая драгоценность, и, [внимая им], все время отбивают такт, [они] не приносят вреда. Хотя выражения у него неровные, странные, но внимания заслуживают. Полнота сущности у него неисчерпаема. Наверху он странствует вместе с тем, что создает вещи, а внизу дружит с теми, для кого ни жизнь, ни смерть не составляют ни начала, ни конца. [В понимании] основы он необъятен и открывает новое — глубоко, огромно, необузданно. [В отношении] основы <dao> он, можно сказать, многое привел в порядок и достиг высшей пронизательности. Несмотря на то что следовал развитию и освободился от вещей, его учение безгранично и не отклонилось от своих истоков. [Оно] глубоко, непостижимо, неисчерпаемо.

Творящий Благо очень разносторонен. Записей речей у него пять повозок. Его учение противоречиво. Его слова не попадают в цель. Перечисляя значение вещей, сказал: «У самой большой нет внешнего, назовем ее великим единством; у самой малой нет внутреннего, назовем ее малым единством. Не обладающее толщиной нельзя на-

громоздить, а заполняет [оно] тысячи *ли*. Небо вместе с землей — низкое, горы вместе с болотами — ровные. Солнце в зените — в то же время на закате; рождение вещи — в то же время [ее] смерть. Тожество в большом отличается от тождества в малом, это назовем малым тожеством и [малым] различием. [Вся] тьма вещей и тождественна и различна, это назовем большим тожеством и [большим] различием. Южная сторона и предельна и беспредельна. Направился в Юэ сегодня, а пришел [в Юэ] вчера. Соединенные кольца можно разнять. Я знаю, [где] центр Поднебесной: к северу от Янь, к югу от Юэ. [Тот, кто] любовью охватывает [всю] тьму вещей, [составляет] единое целое с природой».

Такими изречениями Творящий Благо привлек в Поднебесной общее внимание и стал известным оратором. Ораторы Поднебесной стали ими наслаждаться. Вместе с Творящим Благо ораторы отвечали друг другу подобными [софизмами]: «В яйце есть перья»; «у курицы три ноги»; «[город] Ин владеет Поднебесной»; «пес мог стать бараном»; «у лошади есть яйцо»; «у лягушки есть хвост»; «огонь не горячий»; «у горы есть рот»; «колесо не давит на землю»; «глаза не видят»; «свойства беспредельны, вещи неисчерпаемы»; «черепашка длиннее змеи»; «наугольник не квадратный»; «циркуль не может быть круглым»; «паз не окружает клина»; «тень летящей птицы не движется»; «в полете стрелы с наконечником есть мгновенье, [когда она] не движется и не покоится»; «кобель не пес»; «гнедой конь и вороной бык [вместе составляют] три»; «белый пес череп», «у жеребенка-сироты никогда не было матери». «Если ежедневно делить пополам палку [длиною] в один чи, не закончить и через тьму поколений». [Подобных софизмов] не исчерпать и за целую жизнь. Хуань Туань и Гунсунь Лун — последователи софистов. [Они] приукрашивали сердца людей, изменяли их мысли. Были способны победить уста, но не способны покорить сердца. [Таков] замкнутый круг софистов. С помощью таких знаний Творящий Благо ежедневно спорил с другими и вызывал особое удивление у софистов Поднебесной. Такова была его основа.

Однако сам Творящий Благо считал свою болтовню наивысшим достоинством и говорил: «Разве во вселенной

[найдется] мне равный!» Творящий Благо остался сильнейшим, а учения от него не осталось.

Жил на юге чужак, которого звали Хуан Связанный. [Он] спросил: «Почему небо не падает, земля не проваливается? Каковы причины [появления] ветра, дождя и грома?» Творящий Благо [ему] отвечал, не отказываясь, давал ответ без размышлений. Изложил все учение о тьме вещей, говорил без передышки, все длиннее, без конца и, будто этого было мало, все добавлял и добавлял, лишь бы [вызвать] удивление. [Он] считал главным опровергать других, желая приобрести славу победителя. Вот по этой-то причине и не подходил для народа. [Он был] слаб во [внутренних] свойствах, силен во [внешних] вещах, [шел] окольными путями. Если оценить способности Творящего Благо с точки зрения пути природы, то [они] уподобятся лишь труду комара или москита. Мог ли он принести вещам пользу? [Он] мог еще пригодиться для [какого-нибудь] одного [дела, но] разве приближался [к тому, чтобы] еще больше ценить путь? [Нет!] Творящий Благо не был способен на нем успокоиться. [Он] растрчивал себя без усталости на [всю] тьму вещей и в конце концов заслужил славу прекрасного оратора. Как жаль, что Творящий Благо при таком большом таланте ничего не создал. Увы! В погоне за [всею] тьмой вещей не вернулся [к учению], своим голосом будил лишь эхо, состязался в беге [лишь] с собственной тенью.

Приложение

Д. П. КОНИССИ

ФИЛОСОФИЯ ЛАОСИ

I

Приступая к изложению нравственного учения китайского философа Лаоси (или Лао-цзы, как пишут некоторые из русских авторов), — учения, которое содержится в его сочинении «Тао-те-кинг» (в настоящее время принято название «Дао дэ цзин». — *Сост.*) или «Трактат о нравственности», я считаю полезным сначала разрешить недоразумение, существующее в русской литературе относительно этого замечательного памятника китайской философии. Я имею в виду мнение известного специалиста по китайской словесности, профессора Васильева. Мне необходимо коснуться его потому, что предлагаемое мною решение поставленного им вопроса могло бы служить и доказательством того, что «Трактат о нравственности» действительно принадлежит перу Лаоси.

Почтенный профессор в 1875 г. издал свой прекрасный и не лишенный оригинальности труд о религии китайцев под общим заглавием: «Религии Востока». Рассуждения и выводы, изложенные в этом труде, очень часто верны и во многих пунктах остроумны. Почтенный профессор высказывает свои мнения весьма авторитетно, да они и на самом деле авторитетны. Но относительно вопроса о подлинности «Трактата о нравственности» Лаоси я не могу, к величайшему сожалению, согласиться с мнением профессора.

Сделав краткое обозрение современного состояния общества даосов, т. е. последователей Лаоси, и оценив его значение, профессор Васильев произносит следующее суждение: «одно, что мы можем сказать о сочинении Лао-цзы (Тао-те-кинг) утвердительно, так это то, что оно не могло быть написано в то время, к которому его причис-

ляют» (т. е. в VI веке до Р. Хр., ранее Конфуция). Эта книга, включает автор «Религий Востока», «написана тогда, когда идеи конфуцианства уже приобрели вес», (т. е. не ранее II века до Р. Хр.)¹.

Эта мысль профессора доказывается им с двух точек зрения:

1) *Так как философия Лаоси составляет диаметрально противоположность моральной философии китайского мудреца Конфуция, то она не могла появиться ранее системы Конфуция.*

2) *В философии Лаоси замечается отражение буддийской философии. Это, по мнению почтенного профессора, возможно было только после перенесения буддизма в Китай, что совершилось во II веке до Р. Хр. Следовательно, лаосизм не мог появиться до II века.*

На чем основывает профессор Васильев свое первое положение?

Конфуций, родившийся в ноябре 551 г. до Р. Хр. и умерший в апреле 479-го, действовавший и проповедовавший свое учение преимущественно во время царствования императора Кей-воо² из династии Сиу³, не скоро получил такой авторитет, каким он пользовался потом в продолжение более чем 20 столетий. Ортодоксальность учения Конфуция была окончательно доказана Менси (Мэн-Цзи), жившим во второй половине IV века до Р. Хр. Благодаря ему учение Конфуция получило непоколебимую авторитетность в Срединной империи. Стало быть, учение Конфуция получило каноническое для китайского народа значение по крайней мере в III веке, но никак не раньше. Отсюда, по мнению профессора Васильева, следует, что философия Лаоси, которая будто бы есть реакционное движение против конфуцианской нравственной философии, могла появиться только во II веке до Р. Хр.

Посмотрим, насколько правильно это рассуждение профессора Васильева.

Прежде всего, следует спросить себя: философия, создателем которой профессор считает Конфуция, есть ли в

¹ Васильев В. П. Религия Востока: Конфуцианство, Буддизм и Даосизм». СПб, 1873. С. 77.

² Царствовал 519—468 гг. до Р. Хр.

³ 750—241 гг. до Р. Хр.

самом деле исключительно его создание? Конечно нет. В своих беседах с учениками Конфуций очень часто говорил, что его учение не есть его собственное, а лишь изложение учения блаженнейших царей. Это заявление делалось им не для того, чтобы придать своему учению больше авторитета, а искренно, без всякой задней мысли.

Поэтому оно дает нам полное право заключать, что нравственное учение Конфуция не есть совершенно новое и самостоятельное создание его ума, а лишь развитие существовавшей до него морали. Если мы раскроем книги Сикинг, Сскинг и Икинг («Ши цзин», «Шу цзин», «И цзин». — *Сост.*), происхождение которых несомненно относится ко времени доконфуцианскому, т. е. к первым годам царствования династии Сиу, то увидим, что в этих книгах находятся все те идеи, которые впоследствии проповедовал Конфуций.

Говоря так, я не желаю отнять у Конфуция приписываемых ему заслуг. Он, без сомнения, совершил для своей страны великое дело, выяснивши точно, в чем заключалось нравственное учение блаженнейших царей, и утвердивши своим авторитетом на многие века идеалы нравственной жизни, созданные народом в продолжение предшествующих столетий.

Тем не менее несомненно, что философская мораль, создателем которой профессор признает Конфуция, уже существовала в Китае ранее этого нравоведателя. Если так, то ясно, что «Трактат о нравственности» Лаоси мог быть написан в противовес традиционной морали и вообще древнему мирозерцанию Китая, а не специально против конфуцианства. Лаоси думал, что зло, ослабляющее Среднюю империю, заключается в традиционной морали, в так называемом учении блаженнейших царей. Поэтому, желая дать народу вполне естественное нравственное учение, могущее искоренить предполагаемое зло господствовавшей тогда в народе морали, он создал свою в высшей степени осмысленную и оригинальную философскую систему.

Если бы философия Лаоси возникла как протест против нравственного учения Конфуция, то автор «Трактата о нравственности» сказал бы хоть одно слово о том учении, против которого он написал свой трактат, между тем он не делает никакого намека на него. В «Трактате о нравственности» даже нет ни одного выражения, которое

хоть косвенно касалось бы Конфуция. Наш философ излагает свое учение спокойно и догматически: у него совершенно отсутствует полемический тон. Это дает нам основание предположить, что Лаоси писал свой знаменитый трактат только для того, чтобы оставить после себя изложение своих идей.

Приводит ли почтенный профессор какие-нибудь исторические данные для подтверждения своей гипотезы?

На этот вопрос приходится ответить отрицательно. Профессор Васильев, предлагая свое мнение, не говорит нам, на чем оно основывается. Он не только не ссылается на исторические данные, но почему-то и недоверчиво относится к словам знаменитого китайского историка Сыма Цяня¹, т. е. к единственному достоверному повествованию о Лаоси. Правда, Сыма Цянь сообщает нам очень немного о жизни этого мыслителя, но тем не менее он дает нам некоторые достоверные сведения о нем.

Знаменитый китайский историк жил во второй половине II и в первой половине I века до Р. Хр. Будучи тайси, т. е. начальником комиссии для составления древней истории Китая, Сыма Цянь, по повелению тогдашнего царя Срединной империи, в 91 году до Р. Хр. издал свой превосходный труд «Историческое повествование» — «Си-Ки» («Ши цзи». — *Сост.*), состоящий из 126 книг. Историк, обладая замечательным литературным талантом и редким тактом, при составлении своей истории пользовался всевозможными документами, хранившимися в императорских архивах и книгохранилищах. При изложении исторических фактов, он, как истинный историк, поступает чрезвычайно осторожно: к каждому факту истории он относится критически; поэтому он не допускает ничего легендарного, когда есть известия более или менее достоверные.²

Живя близко к эпохе деятельности Лаоси и Конфуция, Сыма Цянь мог собрать вполне достоверные известия о них. Он пишет в своем «историческом повествовании», между прочим, что Конфуций имел свидание с Лаоси. Отрицать достоверность этого исторического известия нет никакого основания.

¹ В Японии это имя произносят Симасень, но я пишу так, как проф. Васильев.

² «Историческое повествование» Сыма Цяня имеется в библиотечном музее под № 139. Кит. отд. Издание 1739 г.

В 63-й книге «Исторического повествования» Сыма-Цянь излагает, между прочим, биографию трех мыслителей Китая: Лаоси, Сбси и Канписи. Последних двух он считает последователями первого, но не говорит, были ли они непосредственными учениками Лаоси или нет. Судя по этому, следует заключить, что они ни в каком случае не были современниками Лаоси: наш философ жил, по-видимому, много лет раньше, нежели Сбси и Канписи.

Но когда жили и действовали философы Сбси и Канписи? По свидетельству китайских историков, оба они жили в последние десятилетия царствования династии Сиу, которая окончательно пала в 241 г. до Р. Хр. Отсюда ясно, что годы деятельности этих двух философов относятся к началу III и концу IV века. Из этого, в свою очередь, мы заключаем, что Лаоси жил и действовал несомненно раньше IV века. А если так, то указанная профессором Васильевым хронологическая дата появления сочинения Лаоси лишена всякого основания; «Трактат о нравственности», появился, по крайней мере, тремя или четырьмя столетиями раньше, чем предполагает почтенный синолог.

Теперь обратимся к свидетельству философа Канписи о Лаоси

Хотя очень ясно влияние Лаоси на систему Сбси, но последний не говорит о нем в своих многочисленных сочинениях. Напротив, Канписи пишет о философии Лаоси очень много. В одном из лучших своих сочинений он делает превосходное изложение философских взглядов Лаоси. Это даст нам твердое основание утверждать, что уже в IV веке до Р. Хр. сочинение нашего философа «Трактат о нравственности» было достаточно распространено.

Правда, в сочинениях Канписи нет никакого указания на то, когда жил и действовал Лаоси, но тем не менее он говорит о нем как о человеке, жившем намного раньше, нежели он. Вне всякого сомнения, что в то время, когда Канписи излагал систему Лаоси, создателя ее давно не было в живых.

В повествовании Сыма-Цяня о Лаоси говорится, что наш философ изложил свою философию в 5 тысячах слов по требованию западного пограничного чиновника. К этому

известию профессор Васильев относится очень недоверчиво. По моему исчислению, все слова, вошедшие в состав этого знаменитого сочинения, составляют 5 296. Таким образом, упомянутое указание имеет известную цену, и ради того, что оно не совсем точно, отрицать подлинность повествования нет причины.

Второе основание гипотезы профессора Васильева то, что в учении нашего философа замечается отражение буддийской философии и пр. Этот аргумент также представляется довольно произвольным.

Прежде всего нужно заметить, что пессимизм свойствен вообще человеческой душе, а жителям Востока в особенности; поэтому не следует удивляться тому, что мы находим его и в системе Лаоси. Богатая природа Китая не была ограждена от случайных бед, могущих разорять благосостояние народа; избыток вод часто опустошал огромные пространства; нашествие диких племен не всегда могло быть предотвращено; внутренний политический разлад иногда уничтожал все нажитое народом. Все эти беды способствовали образованию пессимистического взгляда на жизнь.

Если мы возьмем лаосневский пессимизм и сравним его с буддийским, то найдем неизгладимое различие между ними. Буддизм проповедует абсолютное прекращение всякого рода душевных процессов, составляющих преимущество разумного существа, т. е. проповедует «нирвану». У Лаоси ничего подобного мы не находим. Буддизм утверждает, что в самом существовании человека лежит нравственное зло; Лаоси этого не допускал.

Правда, в одном из афоризмов наш философ говорит о периоде, «когда все (люди) сделаются бездейтельными»¹, а в других проводится мысль, что «для того, чтобы быть святым, нужно соблюдать бездействие»², но это еще не буддийская нирвана. «Бездейтельность» Лаоси нужно понимать в особом значении. Он хочет сказать, что «не следует портить естественного состояния человека посредством излишнего умствования».

Необходимость понимать «бездейственность» Лаоси в указанном смысле подтверждается «Трактатом о нравст-

¹ Трактат о нравственности. III.

² Там же.

венности». Наш философ усердно проповедует людям *самоусовершенствование*¹, чего невозможно достигнуть при полной бездеятельности. Деятельность, согласно Тао, (т. е. согласно учению об истинной нравственности) есть бессловесная проповедь о Тао: «*Когда святой муж управляет страной, то сердце его пусто, а тело полно; он ослабляет свои желанья, и этим усиливает кость*»². Это изречение означает, что нам необходимо стараться не мудрствовать напрасно, что никогда не приносит пользы, а прямо действовать, подобно тому, как сытый человек способен работать больше, нежели голодный.

Таким образом, Лаоси не проповедует нирваны, а напротив — отстаивает деятельность без праздного мудрствования. Отсюда ясно, что существует большое различие между буддийским и лаосиевским пессимизмом. Теория профессора Васильева о зависимости учения Лаоси от буддийской философии, как оказывается, не имеет реального основания.

Нельзя не упомянуть и о языке «Трактата о нравственности» как одном из свидетельств древности и подлинности его. Он отличается необыкновенною сжатостью, силой выражения, фигуральностью, отрывочностью и очень часто некоторой темнотой выражения. Прием лаосиевского писания очень оригинален: он существовал только в глубочайшей древности. В этом отношении, из всех философов один Конфуций может быть поставлен в одном ряду с Лаоси; Менси, Канписи, Соси и другие писатели, жившие в III и IV вв. до Р. Хр., пишут совсем иначе, чем наш философ.

Конечно, я не выставляю этого соображения как вернейшего признака древности и подлинности «Таотекинга», но тем не менее и оно может служить подтверждением моей мысли.

II.

Вопрос о личности Лаоси один из труднейших в истории китайской философии. Известия о нашем философе, переданные Сыма Цянем, так бедны и незначительны,

¹ Трактат о нравственности. XXXIII и мн. др.

² Там же. III.

что нет никакой возможности составить по ним полное жизнеописание мыслителя. Правда, кроме известий Сыма Цяня, существует в китайской литературе целый ряд апокрифических сказаний о Лаоси, но в них мало достоверного. Поэтому, при составлении жизнеописания Лаоси, нужна большая осторожность.

Относительно года рождения нашего философа нет никаких достоверных данных. Известный синолог Станислас Жюльен думает, что Лаоси родился в 604 г. до Р. Хр.¹.

Эта хронологическая дата, как утверждает сам Жюльен, взята им из апокрифических авторов, но тем не менее заслуживает внимания. Если мы поверим известию, переданному историком Сыма Цянем, что Конфуций имел свидания с Лаоси, то можно будет предположить, что годы цветущей деятельности нашего философа относятся приблизительно к началу политико-философской деятельности Конфуция. Отсюда можно заключить с вероятием, что Лаоси родился приблизительно в начале 600-х годов до Р. Хр.

Родители философа жили в селе Кёку-Зин, уезда Лей, провинции Ку, которая находилась в королевстве Со (близ теперешнего Пекина)². Какой была их профессия, об этом не сохранилось никаких известий. Во всяком случае местечка, в котором родился Лаоси, давно не существует³. Имя Лаоси значит «престарелый философ». Это не есть собственное имя его; так называли и называют его древние и современные китайцы, желая этим выразить уважение к нему, как мыслителю.

Фамилия его была Ли, имя Зи, псевдоним Хакуян⁴, а после смерти ему дали прозвище Сен (длинноухий).

Комментатор «Исторического повествования» Сыма Цяня говорит, что Лаоси носил фамилию Ли по матери, а свой псевдоним заимствовал от имени своего отца.

¹ Stanislas Julien. Lao-Tzeu Tao-te-king. Paris. 1842. P. XIX.

² Сыма Цянь. Истор. повествование Кн. 63.

³ Там же. Примечание: в «географических очерках пишется, что это село (Кёку-Зин) было уничтожено во время борьбы феодалов («период воинствующих феодалов») и ныне не существует.

⁴ Носить псевдоним — обычай китайских ученых.

О том, какое образование получил Лаоси, до нас не дошло никаких сведений. Но, судя по тому, что впоследствии наш философ нес важную государственную службу, доступ к которой был открыт только для выдержавших особые государственные экзамены, нужно думать, что Лаоси в своей молодости получил хорошее, конечно в тогдашнем смысле, образование.

В одном примечании в истории Сыма Цяня приводятся слова апокрифа: «Лаоси был (человек) высокого роста; цвет лица у него был желтый, красивые брови, длинные уши, широкий лоб, редкие и некрасивые зубы, четырехугольный рот с толстыми и безобразными губами»¹.

Образ жизни Лаоси, по преданию, был весьма своеобразен. Не подлежит сомнению, что он исполнял или, по крайней мере, старался исполнять все то, что ему казалось истиной, правдой.

По-видимому, он был человек простой, нетребовательный, скромный и, так сказать, нищий духом. Каково было его материальное обеспечение, об этом есть очень достоверное известие. В XX гл. «Тао-те-кинга» он пишет: «многие люди богаты, но я не имею ничего, как будто все потерял». Это дает нам основание заключить, что Лаоси был небогат; но если принять во внимание, какой пост он занимал в период своей государственной деятельности, то нельзя предполагать, что он был совсем не обеспечен. Однако есть основание думать, что он раздавал бедным все, что имел, делая это втайне от всех. «Я раздаю милостыню, — говорится в LIII гл. «Тао-те-кинга», — в великом страхе»². Он учил не мудрствовать, а действовать³, не мечтать, а работать⁴. Словесное учение недействительно и несущественно, а истинное учение, по его мнению, должно осуществляться на деле, т. е. необходимо делами доказывать истинность учения.

Это дает нам основание думать, что во время своей служебной деятельности наш философ не столько проповедовал свое учение, сколько старался осуществлять его на деле. Тем не менее, есть основание предположить, что учение Лаоси получило громкую известность еще при

¹ Историческое повествование. Кн. 63.

² См.: Тао-те-кинг. Гл. LXVI и др.

³ Там же. XIX и XX

⁴ Там же. II и III.

жизни его: «На всей земле (т. с. в Китае), — пишет он, — люди говорят, что мое Тао велико» (LXVII).

Несомненно, что Лаоси очень рано стал чувствовать склонность к аскетической жизни. Он был очень рассудителен; ему были чужды всякого рода порывы чувств и экстазы. В его общественной и частной жизни не имели места никакие страсти.

Аскетическое настроение и образ жизни, однако же, не мешали ему вести семейную жизнь, хотя о ней мы никаких точных известий не имеем. В «Историческом повествовании» Сыма Цяня есть, однако, любопытное известие относительно судьбы потомков Лаоси. Сын нашего философа Сó был сыном времени своего в полном смысле этого слова: он избрал военную карьеру, к которой отец его относился отрицательно¹. Аíáúá Nó не сочувствовал учению своего отца.

Лаоси, по известию Сыма Цяня, был начальником императорского книгохранилища (или же государственного архива). Долго ли он находился на этой должности, нам неизвестно.

Впрочем, нужно заметить, что эта служба Лаоси имела громадное влияние на развитие его философской мысли, так как дала ему свободный доступ к хранилищу всякого рода знаний. Современное ему китайское общество, среди которого он вырос, тоже не осталось без влияния на его ум. И ему, как впоследствии Конфуцию, хотелось спасти своих единоплеменников от бесконечных политических усобиц. Это стремление очень ясно и характерно отразилось на всей системе его философии².

В каком отношении находился Лаоси к мыслителям своего времени, об этом подробных сведений не сохранилось.

Историк Сыма Цянь передает нам весьма интересное известие о свидании двух великих философов Срединной империи: Лаоси и Конфуция. Постараюсь буквально передать то, что пишет историк Китая.

«Когда Конфуций находился в Сиу, — пишет Сыма-Цянь, — то он посетил Лаоси, чтобы услышать мнение его относительно обрядов».

¹ Тао-те-кинг. XXXI.

² Об этом обстоятельстве будет сказано ниже

«Обрати внимание на то, — сказал Лаоси Конфуцию, — что люди, которые учили народ, умерли, и кости их уже давно истлели, но слова их доселе существуют. Когда мудрецу благоприятствуют обстоятельства, он будет разъезжать на колесницах, когда же нет, он будет ходить, нося на голове тяжесть, держась руками за край ее.¹

«Я слышал, что опытный купец скрывает свой товар, как будто ничего не имеет. Точно также, когда мудрец имеет высокую нравственность, то наружность его не должна этого выражать. Ты брось свою гордость, вместе со всякого рода страстями; оставь свою любовь к прекрасному вместе с склонностью к чувственности, потому что они бесполезны для тебя».

«Вот что я говорю тебе, и больше ничего не скажу»².

«Удалившись от нашего философа, Конфуций сказал своим ученикам: я знаю, что птицы умеют летать, рыбы умеют плавать в воде и животные умеют бегать. Также знаю, что бегущих можно остановить тенетами, плавающих — сетями, а летящих — силками. Но что касается дракона, то я не знаю ничего. Он несется на облаках и поднимается на небо».

«Я сегодня увидел Лаоси. Не дракон ли он?»³

К этому известию Сыма Цяня профессор Васильев относится скептически: он готов причислить его к числу легенд о Лаоси, но, как мы видели, без достаточного основания⁴.

Возможность свидания двух философов Китая на самом деле вполне вероятна. Конфуций, как человек любознательный, долго искал истины. Поэтому он мог обратиться к нашему философу, известнейшему ученому того времени, чтоб уяснить себе, в чем состоит сущность обрядов, которым китайцы придавали огромное значение. Приехав в столицу тогдашнего Китая, Конфуций, естественно, мог пожелать посетить местную знаменитость.

¹ Это значит, что когда мудрец служит умному царю, то идеи его получают осуществление; поэтому он будет торжествовать и пользоваться почетом. Но когда он служит недалекновидному царю, то будет оставлен без внимания, преследуем и угнетаем, как носящий на голове тяжесть поденщик.

² Историческое повествование. Кн. 63.

³ Там же.

⁴ См.: Религии Востока. С. 72—7.

Притом, если мы обратимся к содержанию переданной нами беседы двух великих философов, то должны будем признать, что каждый выразил в ней характерную и существенную сторону своей философии. Лаоси, как проповедник теории смирения, предлагает Конфуцию бросить гордость и увлечение вещами из мира сего; Конфуций, придававший огромное значение всему конкретному, спрашивает Лаоси об обрядах и удивляется возвышенному и глубокомысленному учению своего собеседника.

Лаоси был очень недоволен современными ему общественными и политическими делами. Это недовольство было до того сильно, что он, оставивши свою государственную службу, удалился в уединение. Желая жить вне той страны, беспорядок и нравственное падение которой его возмущали, он хотел уйти через западную границу в страны варваров. Но тут случилось нечто неожиданное для него. Увидев, что этот знаменитый муж удаляется из империи, начальник пограничной стражи, Ин-ки, сказал ему: «Философ! ужели ты думаешь скрыться? Если так, то прошу — изложи сначала свое учение для нашего наставления»¹.

И вот Лаоси, удовлетворяя требованию любознательного чиновника, будто бы написал знаменитый «Трактат о нравственности» — «Тао-те-кинг». Но тут возникает вопрос: написал ли Лаоси свою книгу сразу или же в разное время? Ответ, думается мне, находится в самом «Тао-те-кинг». Более обстоятельное знакомство с сочинением показывает, что каждый афоризм его вполне самостоятельный и не имеет внешней связи с другими. Это дает полное право заключить, что «Тао-те-кинг» написан в разное время, по различным поводам. Поэтому, отданная нашим философом пограничному чиновнику рукопись «Тао-те-кинг» была, вероятно, сборником его афоризмов. Как жил Лаоси после того, как удалился в уединение, об этом решительно ничего неизвестно. «Некоторые думают, — пишет историк Сыма Цянь, — что Лаоси жил до 160 лет от роду, другие — до 200 лет, благодаря своей святой жизни, согласной с Тао»².

¹ Историческое повествование. Кн. 6.

² Там же.

Если это известие и преувеличено, то все-таки вероятно, что, ведя жизнь вполне воздержную и умеренную, наш философ пользовался крепким здоровьем и дожил до глубокой старости.

Считаю не лишним сказать теперь несколько слов о том, какая судьба постигла учение Лаоси.

Учение это, составляющее в некоторых отношениях диаметрально противоположность традиционному миросозерцанию Срединной империи, по-видимому, не могло найти много последователей; тем не менее в каждом столетии оно находило истолкователей, которые, желая развить далее философские воззрения своего великого учителя и закончить работу его мысли, отчасти повредили ему. Соси и Зюнь-си, развивая теоретическое и нравственное миросозерцание Лаоси, внесли в систему его много чуждых ей элементов; а Канписи, развивая политико-социальные воззрения Лаоси, довел их до последней крайности.

Таким образом, система нашего философа, уже вскоре после смерти его, подверглась довольно серьезному искажению, хотя и сохранила имя лаосизма. Но на этом дело не остановилось: чем дальше шло время, тем больше учение Лаоси извращалось. Лаосизм особенно много потерпел от буддизма.

Буддизм был занесен в Китай во II веке до Р. Хр. С необыкновенною быстротой распространяясь среди народа, он обратил на себя внимание даосов.

Даосы, усвоившие только аскетическую идею своего учителя и не понимавшие сущности его философской системы, с великою радостью встретили буддистов: они видели в буддизме дальнейшее развитие своей аскетической идеи. Вот с этих-то пор и начинается печальная история лаосизма. Оригинальное миросозерцание великого Лаоси стало забываться среди его последователей; внешний строй и внутреннее устройство общества даосов окончательно изменились: в них вошло много буддийских элементов.

Кроме буддизма, на общество даосов имели влияние разные народные верования.

В таком печальном виде общество даосов существует и доньше в Китае и Японии.

Профессор Васильев прав, когда, характеризуя современное состояние указанного общества, говорит, что они — последователи Лаоси только по имени, а не по существу. «Даосизм, — пишет он, — есть самый разнородный состав всякого рода верований и приемов, не имеющих между собой ничего общего... У всех них общего только имя, да то, что все они признают своим учителем Лаоси»¹.

III

При более или менее обстоятельном знакомстве с философской системой Лаоси является вопрос: где искать источники его философского мирозерцания? Ответить на этот вопрос не легко. Искать их следует, по нашему мнению:

- 1) в индивидуальном складе ума Лаоси;
- 2) в исторических условиях существования современного ему Китая.

1. Если мы обратим внимание на ход развития мыслей в «Трактате о нравственности», то нельзя не заметить, что философию Лаоси можно охарактеризовать как созерцательное умозрение. Духовный смысл и внутренний закон бытия всего более занимают Лаоси. Каждый факт из духовно-нравственного и физического мира, совершившийся вокруг него, вызывал усиленную деятельность его ума: ему хотелось проникнуть в сущность и внутренний смысл всякого явления. Все, что совершалось вокруг него, казалось ему только мимолетным; в основании скоропроходящего течения вещей лежит нечто существенное и прочное. И вот в одном из афоризмов Лаоси утверждает, что «красивое есть только безобразное; доброе — только злое»². Это значит, что красивое для глаз не есть истинно красивое; доброе, в обыкновенном его смысле, не есть истинно доброе. Истинно красивое мы можем видеть только очами разума; точно также истинно доброе открывается только нашему духу.

¹ Религии Востока. С. 72.

² II.

Эта черта философии Лаоси, напоминающая у греков учения Гераклита, элейцев и Платона, самая существенная: она очень ярко выступает в каждой мысли его. Наш философ искал сущности всего и углублялся в свой внутренний мир. Все материальное и конкретное представлялось ему только кажущейся стороною бытия; уже одно то, что в мире есть изменение, ясно доказывает существование неизменного, постоянного и обнимающего все бытие.

Это неизменное, постоянное и обнимающее все бытие, по Лаоси, есть *Тао*.

Понятие «Тао» — исходная точка всей системы Лаоси и фундамент его мирозерцания; на этом понятии наш философ построил все здание своей метафизики.

Весьма сложная, но приведенная в строгое единство, система философии Хакуяна-Лаоси могла выработаться только путем глубокого созерцательного умозрения. Исследовав сущность нашего знания, наш философ говорил: «Нет знания», потому что «я не знаю ничего».¹ Это изречение Лаоси очень хорошо характеризует его философию.

Хотя он не знал о существовании дельфийской надписи «Познай самого себя», но, путем собственной умственной работы, пришел к вышеупомянутому выводу. Сократовская формула: «Я знаю, что ничего не знаю», в сущности та же, но Лаоси высказал ее целым столетием раньше Сократа.

2. Среда, т. е. исторические условия времени, влияет на каждую личность существенным образом. И действительно, прочитывая историю Срединной империи периода деятельности нашего философа в параллель с его «Трактатом о нравственности», нельзя не удивляться тому, как характерно повлияли на философское мирозерцание Лаоси современные ему исторические условия, которыми он так возмущался. В этом отношении Лаоси даже характернее Конфуция².

¹ Тракт о нравственности. LXX.

² Лаоси всегда ставил вопросы ребром; а Конфуций — косвенно и непрямо. Это объясняется тем, что первый был человеком простодушным, прямым и искренним, а последний, по-видимому, гордым, утонченным и требовательным. Читая сочинения Конфуция, нельзя не заметить его негодования против современного ему общества, которое не приняло сразу его учения.

Он родился в то время, когда царствовавшая в Китае династия Сиу переживала последний период своего существования и вся Срединная империя разделилась на семь феодальных королевств. Эта эпоха в истории Срединной империи известна под именем «эпохи войн». Смуты и войны, среди которых Лаоси провел свою молодость, повлияли на свежий и могучий ум его; вся печальная картина тогдашней общественной и частной жизни возмущала нравственное его чувство. Несомненно, что Лаоси желал вывести свое отечество из такого тяжелого положения. И это желание побудило его к исследованию причин несчастий страны.

К чему же привело оно нашего философа?

Он нашел, что причина всех бед заключается в излишнем мудрствовании людей, в отсутствии в них смирения и человеколюбия и в непреодолимом стремлении их к богатству, власти и почестям. Поэтому он прежде всего учит об отречении от всякого рода умствования, от богатства, власти и почестей; он проповедует человеколюбие и смирение в Тао.

Когда люди перестанут умствовать, думалось нашему философу, то будут благоденствовать; когда богатство потеряет смысл, то не будет воров; когда почести потеряют всякое значение, то люди перестанут ненавидеть друг друга; когда власть будет уничтожена, то не будет ссор между людьми.

Это учение Лаоси выводит из понятия Тао. Тао потому выше всех существ и господин всего бытия, что стоит ниже их. «Причина того, что море есть царь многочисленных рек и речек, заключается в том, — пишет наш философ, — что оно находится ниже последних»¹. Оно (т. е. Тао) потому блаженно, что не умствует, не стремится к богатству, к почестям и к власти.

Тао не умствует, по Лаоси, и потому умнее всех умных; не ищет богатства, и поэтому богаче всех богатых; не ищет почестей, и потому славой его полна вся вселенная; оно не стремится к власти, и потому оно царь всех царей.

Эти пункты учения Лаоси составляют диаметрально противоположность нравственному настроению тогдашнего общества.

¹ LXVI.

Таким образом, система Лаоси имеет тесную связь с современным ему нравственным состоянием Срединной империи.

Перейдем теперь к более подробному изложению системы философии Лаоси.

IV

Философию Лаоси мы можем назвать философией Тао, потому что это выработанное им понятие служит единственной исходной точкой его системы.

Китайское слово Тао, или Дао, означает: «*путь*», «*повиновение*», «*слово*», или «*говорить*» — в общеупотребительном языке, «*истина*» или то, что непременно должно быть так, а не иначе — в философском смысле; оно же означает *императивный долг*, или то, что человек должен делать, как человек, — в этическом смысле.

Таким образом, одно уже филологическое объяснение, заимствованное из китайского толкового словаря Ко-ки, ясно показывает разнообразный смысл слова Тао.

До времени философской деятельности Лаоси слово Тао (или, вернее, Тó или Дó) употреблялось только в двух смыслах: 1) дорога, или путь; 2) императивный долг человека¹. Наш философ впервые обозначил этим словом сверхчувственное существо и положил его в основание своей системы, где нет ни одной мысли, которая не была бы так или иначе связана с учением о Тао. Выработанное Лаоси метафизическое понятие Тао вполне самостоятельно и носит на себе, как видно будет из дальнейшего нашего изложения, индивидуальную его печать.

Философию Лаоси можно разделить на две части: *метафизику Тао* и *этику*. Первая из них, в свою очередь, распадается на *учение о Тао* и *космологию*; вторая — на *этику индивидуальную* и *социальную*.

Из этих частей философии Лаоси наибольший интерес представляет для нас его этическое учение, так как в нем особенно проявились сила и оригинальность ума Лаоси. Поэтому я сначала изложу нравственное учение его, а потом — метафизическое учение о Тао и космологию.

¹ Это ясно видно из священных книг китайцев: «Сякинга», «Икин-га» и др.

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ УЧЕНИЯ О НРАВСТВЕННОСТИ

Мрачная картина человеческой жизни навела Лаоси на размышления. Внимательное наблюдение человеческой жизни, с целью найти причины нравственного падения современного ему общества, привело его к мысли выработать учение, которое могло бы направить человека на путь истины. Это стремление Лаоси и отразилось на всей его этической системе.

Лаоси признает глубокую испорченность нравственной природы людей и возмущается этим явлением. Но в противоположность Шакьямуни, утверждавшему, что зло лежит в самом существовании человека и что поэтому нет иного спасения, кроме «нирваны», Лаоси, хотя и признает существование зла в мире и его могущество, однако допускает возможность победы над ним и совершения добрых дел. Творить добро или зло, по мнению его, зависит от доброй воли каждого. Эту мысль он метафорически излагает в одном из афоризмов. «*Большая дорога, — пишет он, — гладка и ровна, но люди любят ходить по тропинкам*»¹. Идти по большой дороге значит здесь — делать добро, а идти по тропинкам — творить зло. Признавая таким образом возможность нравственного выбора в человеке, наш философ приступил к выработке своей нравственной системы, положивши в основание ее понятие Тао.

Лаоси смотрит на нравственность, как на нечто возвышенное и духовное. В одном из афоризмов он ясно отмечает, что нравственность не имеет ничего общего со всем материальным². Такой взгляд на самую сущность нравственности имел для нашего философа громадное значение при определении нравственного идеала. И вот Лаоси утверждает, что всевышнее существо, Тао, и должно быть идеалом нашей нравственной жизни. Это учение очень ясно и решительно высказано им в следующем изречении: «*Живущий по Тао равен Тао*»³, выражение, которое

¹ Трактат о нравственности. LIII.

² Там же. LXV, XXV.

³ Там же. XXIII.

невольно напоминает великое изречение Христа Спасителя: «Будьте совершенны, как Отец ваш небесный»¹.

Определив так нравственный идеал, Лаоси указал людям на путь бесконечного нравственного усовершенствования: как бы высока ни была достигнутая нами степень нравственности, каждому из нас всегда остается желать еще лучшего. Эту мысль очень хорошо выражает Лаоси следующими словами: «Исполняющий Тао никогда не бывает доволен собой»².

Принцип нашей нравственности — также *Тао*, понимаемое в смысле безусловного добра. «*Высоконравственный*, — пишет Лаоси, — *повинуется только одному Тао*»³. Правда, Лаоси весьма сочувственно относится к нравственному принципу середины⁴, но лаосиевская середина не есть искусственная и абстрактная середина конфуцианства, которое определяет ее: «ни к чему не склоняться — середина»⁵. Последняя мыслима, но не исполнима; лаосиевская же середина есть разумное воздержание от крайностей.

По учению Лаоси, мерилom добра и зла должно быть Тао. В нравственной деятельности согласное с Тао — добро, а противное ему — зло. Другими словами, вполне естественное — добро, а противоестественное — зло⁶. Данный в Тао критерий наш философ называет голосом истины, который врожден душе каждого. Голос истины — это, по христианской терминологии, внутренний человек, который произносит свой решительный суд над каждым действием человека. Эту мысль Лаоси выражает в метафорическом сравнении. «Небесная сеть (т. е. голос истины), — говорит он, — не плотна и будто бы пропускает все (т. е. добрые и дурные мысли людей) сквозь себя, но на самом деле ничего не выйдет из нее»⁷ (т. е. без его приговора).

Несмотря на то, что этот голос истины решителен и строг, он осуществляется с трудом и нередко заглушает-

¹ Мф. 5, 48.

² Трактат о нравственности. XV.

³ Там же. XXI.

⁴ Там же. V. В этом афоризме говорится, между прочим: «Лучше всего соблюдал средину»

⁵ Средина и постоянство. I.

⁶ См.: Трактат о нравственности. LXIV.

⁷ Там же. LXXIII.

ся голосом, лжи. «Голос истины, — говорит Лаоси, — незиящен»¹, поэтому нам он неприятен, а голос лжи соблазнителен, поэтому — приятен. Слушаться неприятного голоса и не слушаться приятного — долг человека, ибо «творить приятное, — говорится в «Тао-те-кинге», — называется нечистотой»². Поэтому Лаоси учит, чтобы все люди были внимательны к суровому голосу истины.

Мнение Лаоси о тех условиях, при каких возможно достигнуть высокой нравственности, довольно оригинально. Главным препятствием нравственному совершенствованию он считает ученье и умствование, которые приводят людей только в заблуждение и заглушают врожденное человеческой душе Тао. Поэтому Лаоси является ярким противником всякого рода умствования. «Когда будет уничтожено учение, — пишет он, — то печали не будет»³. «Когда великое Тао (т. е. праздное умствование или учение), — иронически говорит он, — будет покинуто, то явится человечность»⁴. «Когда будут оставлены святость и мудрость, — говорится в одном из изречений Лаоси, — то нравственная польза народа увеличится во сто раз»⁵.

Учение и умствование, по мнению нашего философа, — напрасная трата сил и времени; поэтому он советует, чтобы все бросили учение и умствование и *прямо творили дела* по Тао. Это, по мнению Лаоси, и есть истинная проповедь о Тао: «учение без слов (делá) и бездеятельность (деятельность без умствования) полезнее всего существующего между небом и землею»⁶.

2. ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ЭТИКА

Наш философ, как и другие китайские мыслители, придавал большое значение социальной (государственной и политической) этике, но тем не менее, он очень хорошо

¹ Там же. LXXXI, LXXVIII.

² Там же. LV.

³ Там же. X, XX.

⁴ Там же. XVIII.

⁵ Там же. XIX. Лаоси подразумевает в двух вышеприведенных изречениях под «великим Тао» и «святостью и мудростью» так называемое «Учение блаженнейших цзрей».

⁶ Трактат о нравственности. XLIII.

понимал и важность индивидуальной нравственности. Личность, по Лаоси, это — основание общества, поэтому и индивидуальная этика есть основание социальной. Занимающийся решением вопросов из области социальной этики не может не касаться индивидуальной. И вот почему Лаоси прежде всего и более всего устанавливает начала индивидуальной нравственности.

1. Лаоси думает, что *страсти* — источник всякого зла в индивидуальной нравственности; «нет греха тяжелее страстей», говорит он¹; поэтому он относится к ним очень строго. Прежде всего, страсти, по мнению Лаоси, затемняют очи разума. «Свободный от страстей, — говорит он, — видит величественное проявление Тао, а находящийся под влиянием какой-нибудь страсти видит только незначительное проявление (его)»²; находящейся под влиянием страсти не может достигнуть даже самой очевидной истины. Точно также и в нравственном отношении: находящийся под влиянием страсти не может творить истинно нравственных дел. Поэтому он учит избегать всякой крайности, которая и есть страсть: «мудрец, — пишет Лаоси, — избегает всякой крайности»³. Итак, мы должны уничтожить страсти, чтобы достигнуть нравственного совершенства, и когда в мире не будет страстей, то будет повсеместное спокойствие и на всей земле будет правда⁴.

Но наша нравственная природа слишком испорчена и слаба для того, чтобы сразу достигнуть высокой степени нравственной жизни, побеждая всякого рода страсти. Поэтому мы должны побеждать их постепенно и достигать нравственного совершенства, начиная с низкой ступени, и потом идти выше и выше. Это учение он разъясняет следующими сравнениями. «Девятиэтажная башня, — пишет он, — создается из клочков земли; чтобы пройти тысячу верст, нужно начать с одного шага»⁵; «не трудно, — говорит он в том же афоризме, — держать легкое».

Эта идея Лаоси в наше время нашла провозвестника в лице гр. Л. Н. Толстого, который также советует начинать дело нравственного усовершенствования с низшей

¹ Там же. XLVI.

² Там же. I.

³ Там же. XXIX.

⁴ Там же. XXVII

⁵ Трактат о нравственности. LXIV.

ступени¹. «Есть лестница добродетели, — пишет гр. Л. Н. Толстой, — и надо начинать с первой ступени». Эту первую ступенью нравственной жизни как Лаоси, так и гр. Л. Н. Толстой считают *воздержание*. «Воздержание, — учит Лаоси, — первая ступень нравственности» (добродетели)². «Помимо воздержания, — пишет гр. Толстой, — немислима никакая добрая жизнь».

2. Лаоси считает высоким нравственным достоинством человека *простоту сердца*. Простота сердца потому есть высшая добродетель, что очень близко стоит к Тао, к естественности. Без простоты сердца, по учению Лаоси, никто не может достигнуть нравственного совершенства. Человек высокой нравственности, — учит наш философ, — «возвратится к совершенной простоте»³. Эта *простота сердца*, впрочем, не есть грубое невежество, а, напротив, блаженная и невинная простота. «Кто вполне духовен (т. е. нравствен), — учит Лаоси, — тот бывает смирен, как младенец»⁴. «Достигший высокой нравственности, говорит он в другом афоризме, — похож на младенца»⁵. Такой человек даже не только похож на младенца, но «возвратится в состояние младенца»⁶.

3. Лаоси провозглашает великое нравственное значение *смирения*, которое находится в органической связи с простотою сердца, составляя ее естественное последствие.

Сущность этого учения очень ясно выражена в одном из афоризмов Лаоси: «Мир смирен, — пишет он, — все люди ездят и бегают над его твердыней»⁷. Другими словами, мир охотно стоит ниже всех существ, но никогда не жалуется на это. Такому смирению мира мы должны подражать, потому что «кто желает быть великим, тот должен быть ниже всех»⁸.

Ту же мысль он повторяет метафорически: «причина того, что реки и моря суть цари многочисленных долин, заключается в том, что первые находятся ниже послед-

¹ Первая ступень/ Вопр. философии и психологии. Кн. 13 С. 129.

² Трактат о нравственности. LIX.

³ Трактат о нравственности. XXVIII.

⁴ Там же. X.

⁵ Там же. LV.

⁶ Там же. XXVIII.

⁷ Там же. XLIII.

⁸ Там же. LXI.

них»¹. Лаоси указывает на Тао, как на пример смирения. Тао, по учению его, совершает великие дела, но оно не выставляет себя². «Не хвалиться тем, что сделано, — говорит он, — не начальствовать над другими, превосходя их, — небесная добродетель»³. Как пример или образец смирения Лаоси выставляет воду. «Вода, — пишет он, — давая всем существам обильную пользу, не сопротивляется ничему»⁴.

Наихудшим пороком Лаоси считает *гордость*, противоположную по своему существу смирению. Свое отвращение к этому пороку Лаоси выражает следующей метафорой: «Я не желаю быть гордым, как драгоценный камень»⁵. Чтобы преодолеть этот порок, прежде всего нужно не выставлять себя, признавая достоинства других. «Кто делает вид, будто бы много знает, — пишет Лаоси, — и ко всему способен, тот ничего не знает»⁶. «Зная много, — пишет он в другом афоризме, — жить будто ничего не знаешь — верх совершенства»⁷. Как средство предотвращения гордости, Лаоси предлагает *знать свое место*.

4. Рассуждение Лаоси *о почести и славе* находится в тесной связи с учением его о простоте сердца и смирении. Знатность, известность и величие этого мира, по мнению Лаоси, не суть истинные почести и слава, ибо они противоречат смирению Тао. Почести и слава этого мира слишком непостоянны и неопределенны; в них нет ничего существенного, поэтому они противоестественны, а следовательно, греховны. Этот взгляд и служил исходной точкой мнения Лаоси, что *незнатность и неизвестность есть истинная почести и слава человека*.

С другой стороны, *позор и оскорбление* в этом мире не есть действительный позор и оскорбление. Поэтому Лаоси относится к ним как к чему-то крайне призрачному: «почести и позор, — пишет он, — одинаково странны для мудреца»⁸.

¹ Трактат о нравственности. LXVI.

² Там же. LI.

³ Там же. X, II.

⁴ Там же. VIII.

⁵ Там же. XXXIX.

⁶ Там же. X, XXIV.

⁷ Там же. LXXI.

⁸ Там же. XIII.

5. Лаоси не только проповедник простоты и смирения, но и провозвестник *самоотверженного человеколюбия*. Основанием этого учения служит Тао, которое не заботится о самом себе, а только о других. «Тао сотворило все существа, а добродетель (его) кормит их; они дают им вещественную форму, а могущество (их) совершенствует вещи»¹.

Эта любовь Тао ко всем существам² должна быть образцом нашего человеколюбия, которое Лаоси называет человеколюбием Тао.

Истинное человеколюбие должно быть самоотверженной любовью. «Святой заботится о себе после других»³. Такое человеколюбие должно быть, по своему существу, всеобъемлющим и не должно знать границ. Эта идея выражена в следующем сравнении. «Небесное Тао, — пишет он, — не имеет родственников (которым оно могло бы оказывать преимущество перед другими): оно всегда склоняется к добрым людям»⁴. Значит, Тао чуждо несправедливости: оно ко всем относится одинаково.

Самое высокое человеколюбие — это любовь ко врагам. Истинно любящий не должен исключать из своей любви даже ненавидящих его самого. «За ненависть, — учит Лаоси, — платите добром»⁵, — учение, очень напоминающее христианскую заповедь о любви к врагам.

Конечно, лаосиевская формула учения и любви ко врагам менее жизненна и содержательна, чем заповедь Христа, но тем не менее нельзя не подивиться тому, что эта великая гуманная истина в VI в. до Р. Хр. была проповедана китайцам чрез их национального философа.

3. СОЦИАЛЬНАЯ ЭТИКА

Лаоси думал, что общество с его вождем — царем — может в значительной мере способствовать осуществлению учения об индивидуальной морали. Поэтому Лаоси серьезно занимался решением вопроса об общественном строе.

¹ Трактат о нравственности LI.

² Там же. LXXVII, XXIV.

³ Там же VII, LXXVII и мн. др.

⁴ Там же. LXXIX.

⁵ Там же LXIII

По мнению Лаоси, общественный строй требуется естественным порядком мира, и без управления никакое общество существовать не может.

Признание законности государственного строя привело Лаоси к признанию монархизма. Монархия, по мнению Лаоси, более других форм правления способна привести людей к единству, которое и есть мировой закон¹. Другими словами: как единое Тао приводит в порядок все существа, так и на земле единое управление должно приводить всех людей в единство. Царь, по мнению Лаоси, стоит на недостижимой для нас высоте. «Четыре величия в мире, — пишет он, — Тао, небо, земля и царь»².

Это мнение Лаоси основано на том, что царь, стоя во главе народа и будучи повелителем его, мог бы нравственно повлиять на своих подданных; слова и дела его могли бы быть примером и образцом для всех.³ Поэтому он предлагает царю быть особенно внимательным к себе и преподает целую систему о морали царя.

Прежде всего, Лаоси выставляет Тао как идеал царя. Он советует царю во всех отношениях подражать Тао.

Он учит, чтобы царь соблюдал бездеятельность. Это видно из следующего изречения его: «Тао ничего не делает, поэтому оно делает все»⁴. Нужно заметить, что ничего не делать, или быть бездеятельным, по Лаоси, не значит находиться без движения, а напротив — действовать, но без праздного умствования. «Управлявший страной посредством умствования, — учит Лаоси, — погубит ее. Когда страна управляется без умствования, то в ней будет благоденствие»⁵. Очевидно, что Лаоси смотрел на учение и умствование, как на социальное зло. Умствования, по мнению Лаоси, омрачают очи разума и приводят людей в заблуждение, могущее нравственно погубить их.

Отрицательное отношение Лаоси ко всякого рода умствованиям привело его к крайности — к полному отрицанию всякой образованности. Он думал, что образо-

¹ Трактат о нравственности. XXXIX.

² Там же. XXV.

³ Там же. LXV.

⁴ Там же. XXVII.

⁵ Там же. LXV.

ванность и просвещение нарушают счастье человека. Поэтому он советует царям держать народ в разумном невежестве¹ и естественной простоте, в которой и заключается блаженство людей.

Будучи проповедником простоты и естественности, Лаоси не мог сочувственно относиться к сложным законам и мелочным постановлениям: он считает их началом социального зла. «Когда в государстве много законов и постановлений, — учит он, — то число воров (т. е. вообще преступников) увеличивается».

Продолжая дальше развивать свою идею о простоте и естественности, Лаоси доходит до отрицания богатства. Драгоценные вещи обольщают сердце человека и приводят его к желанию завладеть ими; это, в свою очередь, ведет человека к преступлению. Эта мысль очень ясно выражена в следующих афоризмах: «Чтобы люди не сделались ворами, пишет Лаоси, — нужно не придавать никакого значения трудно добываемым (т. е. ценным) вещам»²; «Когда будут оставлены выгоды, то воров не будет»³.

В социальной этике более всего занимает нашего философа вопрос о войне. Этому много способствовали исторические обстоятельства, современные ему. Война, по его взгляду, незаконна, и убивать людей — непростительное преступление; война есть жестокое нарушение естественного течения природы, созданной Тао, и противна существу Тао, т. е. абсолютному добру. И вот, Лаоси пишет: «если бы (война) была добро, то нужно было бы радоваться ей, но радуется ей лишь любящий убивать людей»⁴. Следовательно, она противоестественна и преступна. Война — это величайшая несправедливость и беда. Вот почему наш философ учит: «Когда война окончится победой, то следует объявить всеобщий траур».

При таком взгляде на войну Лаоси не мог одобрить и орудия войны — войска. Свое полное отвращение к нему он выражает следующими словами: «Войско есть

¹ Трактаг о нравственности. III.

² Там же. III.

³ Там же. XIX.

⁴ Там же. XXXI

орудие нечестивых, поэтому не может быть орудием мудрых»¹.

Хотя Лаоси принципиально отрицает войну, но тем не менее сила современных ему исторических условий заставила его рассмотреть вопрос: какая война менее незаконна. Он считает менее незаконной войной *оборонительную*, а наиболее незаконной — войну наступательную. Об этом очень хорошо высказано им в следующем изречении: «Когда цари и князья заботятся об обороне, то сама природа делается помощницей их»².

Вот беглое обозрение нравственного учения Лаоси.

Мнение Лаоси, что нравственная природа человека повреждена, но еще не лишена возможности достигнуть относительного нравственного совершенства, сразу, без сомнения, поставило его на правильную точку зрения о сущности морали. Отправляясь от этой точки зрения, он выработал себе ряд верных взглядов на сущность нравственности. Таковы, например, его учения об идеале и критериях нравственности и оценки нравственных действий человека.

Сравнивая древнейшие учения о нравственности, мы ясно увидим, что лаосиевская моральная система выделяется из них всех. Не будет преувеличением, если я скажу, что до появления христианства не было такого возвышенного и стройного нравственного учения, как система Лаоси. Правда, Шакиьямуни также проповедовал возвышенное нравственное учение; но в нем много противоречий и преувеличений, которых в системе Лаоси почти нет. Хотя еврейская мораль стояла, пожалуй, выше буддийской, но в ней проповедовалось учение «око за око и зуб за зуб», чего наш философ не допускал: он проповедовал самоотверженное человеколюбие и любовь ко врагам³.

Этика Лаоси представляет собою не какие-нибудь случайные уроки о нравственности, а строго логический вывод из его метафизической системы, которая также не лишена некоторого интереса. К ней мы теперь и перейдем.

¹ Трактат о нравственности. XXXI.

² Там же. XXXIII.

³ Там же. LXIII.

Метафизика Лаоси

1. УЧЕНИЕ О ТАО

Из древнейших китайских философов один только Лаоси хотел открыть начало мира чисто умозрительным путем. Он не мог довольствоваться конкретным объяснением мира. Ему думалось, что существует высший мир, который открывается только нашему разуму. Видимое бытие, думал Лаоси, ограничено и конечно, следовательно, и не вечно; если оно не вечно, то должно иметь начало; если оно имеет начало, то подлежит разрушению, но разрушение мыслимо только тогда, когда существует неразрушимое; конечное мыслимо только тогда, когда существует бесконечное.¹

Об этом неразрушимом и бесконечном говорит наш философ следующим образом: «верх не ясен, низ не темен. О, бесконечное! нельзя назвать его именем»². «Оно не уловимо»³, — пишет он в другом афоризме. — Оно не имеет имени, но люди его называют Тао»⁴.

Что такое, спрашивается, Тао? «Тао, — учит Лаоси, — которое должно быть действительным, не есть обыкновенное Тао»⁵. «Тао пусто»⁶, т. е. оно — «чистейший дух»⁷, в котором отсутствует всякая материальность. Оно — «бесконечная глубина»⁸, поэтому «неуловимо, как блеск света»⁹.

Признавая Тао бесконечным и чистейшим духом, Лаоси приходит к логически необходимому выводу, что оно существо высочайшее¹⁰ и абсолютное. Это свое торжественное исповедание он излагает следующими словами: «Невозможно даже вообразить, что существует что-нибудь выше его (Тао)».

Если Тао — существо абсолютное, то оно должно быть единым и кроме него не может быть другого. Эту мысль

¹ Трактат о нравственности. LIX, XXV.

² Там же. XIV.

³ Там же. XXI.

⁴ Там же. XXV, XXXII, LXI.

⁵ Там же. I.

⁶ Там же. IV.

⁷ Там же. VI.

⁸ Там же. IV.

⁹ Там же. XXI.

¹⁰ Там же. XVII.

Лаоси доказывает тем, что по существу своему Тао — чистейший дух, который имеет внутреннее единство и не делим¹.

О непостижимости Тао Лаоси образно выражается следующим образом: встречаясь с ним (Тао), не видать лица его; следуя за ним, не видать его спины.²

Хотя Тао невидимо для наших очей и непостижимо для нашего ума, но великие дела его видны и осязательны для нас. «О, беспредельно великое Тао! — восклицает наш философ, ты и справа и слева»³. «Оно как будто не действует, но действует лучше всех»⁴.

Правда, видимая природа (т. е. великие дела Тао) провозглашает о существовании Тао, но это не существенно, ибо наш омраченный многими заблуждениями разум мог бы не заметить этого. Гораздо существеннее и сильнее проповедь о Тао нашей души, чем видимой природы. Отсюда Лаоси твердо признает врожденность в человеке идеи о Тао. Он думает, что эта врожденная душе идея так ясно говорит каждому из нас о величии Тао, что будет излишне вновь проповедовать о нем. Никогда не проповедовалось, учит наш философ, что надо почитать и уважать Тао, но это совершалось и совершается само собой⁵.

Определивши таким образом, существо Тао, насколько разуму дано его знать, Лаоси идет дальше: он определяет атрибуты Тао.

Абсолютное Тао не может быть существом зависимым от других: оно, уже как таковое, должно существовать от самого себя. Если б оно было не самобытным существом, то оно не было бы абсолютным бытием. Учение Лаоси: «Тао самобытно»⁶ есть строго логический вывод из признания абсолютности его.

Абсолютное и самобытное Тао, по мнению нашего философа, не может быть существом ограниченным и конечным. Это привело его к признанию бесконечности

¹ Трактат о нравственности. VI, X.

² Там же. XIV.

³ Там же. XXXIV.

⁴ Там же. I. XXIII.

⁵ Там же. LI.

⁶ Там же XXV.

и беспредельности Тао. «О, беспредельно великое Тао»¹. «Оно идет, совершая бесконечный круг, и не знает предела»².

Лаоси допускает третий атрибут Тао — всемогущество³. Хотя Тао, по Лаоси, кажется существом слабым и нежным, так как оно — бестелесный дух, но слабость и нежность его сильнее могущественнейших сил мира сего.⁴

Признав Тао существом беспредельным, т. е. стоящим выше условия пространственности, Лаоси не мог думать, что Тао подлечит условию времени. И действительно, он в одном из афоризмов ясно учит, что Тао — вечное бытие и поэтому не знает ни изменения, ни переворота. Великое и бесконечное Тао, пишет он, следует признать вечным⁵. Тао «слабо и нежно», а «слабое и нежное живет»⁶. «Тао самобытно, поэтому не знает переворота»⁷.

Таким образом, метафизическая система, развитая Лаоси, представляет собою последовательное и цельное учение о едином Верховном Существо, подобное тому, до которого возвысилась греческая философия в эпоху своего расцвета. Но преимущество Лаоси в том, что он один, силою личного ума, развил учение, до которого греческая философия дошла лишь совокупными усилиями и в историческом росте.

2. КОСМОЛОГИЯ ЛАОСИ

Нашему философу казалось непримиримым противоречием признавать вечность и бесконечность материи (или вещи, по его терминологии). Беспредельное движение, видоизменение и перевороты в вещественном мире для него были неоспоримым доказательством того, что вещество условно и подлечит законам пространства и времени, следовательно — невечно и конечно. Отсюда — естественный вывод, что вещество, как невечное и конечное, несомненно имеет свое начало, которое предполагает

¹ Трактат о нравственности. XXXIV.

² Там же. XXV.

³ Там же. LXXIII.

⁴ Там же. XXV.

⁵ Там же. XXXII.

⁶ Там же. LXXVIII, LXXVI.

⁷ Там же. XXV.

Творца. И действительно, Лаоси признает Творцом всего существующего абсолютное и всемогущее Тао. Вся тварь, думает он, появилась на свете благодаря ему.¹

О происхождении вещества наш философ учит следующим образом: «Тао сотворил одно, одно—два, два—три, а три — весь вещественный мир»². Это значит, что Тао создало единое, т. е. несложное, которое не есть еще видимое, осязаемое вещество и есть небытие. Так как небытие — отрицание бытия — включает в себе элемент отрицаемого, то из него же произошел и весь видимый мир.³

О верности нашего понимания вышеприведенного изречения Лаоси свидетельствует следующая мысль его: «все вещи, — говорит он, — произошли из бытия, и бытие — из небытия»⁴.

Первоначальное вещество, или материя, находилось в хаотическом состоянии⁵. Эта хаотическая масса, по мнению Лаоси, заключала в себе две противоположных силы: «инь» и «ян»⁶. Посредством этих двух сил вся хаотическая масса была приведена в движение, во время которого легкое поднялось вверх, а тяжелое погрузилось вниз.⁷ Благодаря этому движению, хаотическая масса материи пришла в порядок. Достигшая порядка материя и есть вселенная со всей ее сложностью и разнообразием.⁸

Такой сложный процесс происхождения действительности не мог совершиться сам собой. Творцом всего этого Лаоси признает Тао.

Лаосиевская гипотеза о происхождении действительности напоминает собой теорию Анаксагора относительно того же предмета. Как Лаоси, так и Анаксагор признают, что видимый мир произошел из хаотической массы материи, находившейся во вращательном движении. Но в вопросе, кем или чем эта хаотическая масса была приведена в движение, они несколько расходятся. Наш фило-

¹ Трактат о нравственности. LI.

² Трактат о нравственности. XLII. Один — это нечетное число, а два — четное. Соединение четного с нечетным обнимает все многообразие чисел.

³ На существование *такого* диалектического перехода от небытия к видимому миру нет, впрочем, указаний в трактате Лаоси. — *Ред.*

⁴ Там же. XL, II.

⁵ Там же. XXV. «Вещество, — пишет Лаоси, — произошло из хаоса».

⁶ Там же. XLII.

⁷ Там же. XXVI.

⁸ Там же. XXXIX.

соф думает, что хаотическая материя приводилась в движение двумя друг другу противоположными силами «инь» и «ян», которые имманентны материи; Анаксагор же утверждает, что Ум (Νοῦς) привел хаотическую массу материи в движение. Это разногласие двух мыслителей, впрочем, весьма неважно и несущественно. Если мы примем во внимание учение Лаоси, что Творец всего — Тао, то сделается ясным, что китайский мыслитель несколько подробнее раскрыл свою космологическую гипотезу, нежели эллинский философ. Тао Лаоси и Анаксагоров Ум по смыслу и значению почти тождественны и однородны.

Создавши мир и произведши всякую тварь, Тао не оставляет их без надлежащей помощи: оно промышляет о них.

Промыслительная деятельность Тао изображается нашим философом следующими словами: «Тао производит вещи, добродетель (его) кормит их; они (т. е. Тао и добродетель) дают им вещественную форму, а могущество (их) совершенствует вещи»¹.

Временное существование вселенной, т. е. всей твари, Лаоси признает очень ясно. «Ни небо, ни земля, — пишет он, — вечно существовать не могут», потому что «процветающая вещь легко стареет»². И если мир может существовать относительно долго, то только благодаря Тао, сотворившему его, и притом не для него самого. Эта мысль весьма ясно высказана Лаоси в одном из его афоризмов. «Небо и земля, — говорит он, — вечны... ибо они существуют не для самих себя»³.

Во многих афоризмах наш философ восхваляет великие дела Тао. Глубина и могущество творческих сил Тао, по его учению, непостижимы и недоступны для нашего ограниченного ума. «Могу ли я знать, — пишет Лаоси, — почему вселенная такая, а не иная?»⁴

Вот, в общих чертах, лаосиевская космология. При ближайшем знакомстве с сочинением Лаоси не трудно будет убедиться, что эта космология есть естественный вывод из учения о Тао как существе самобытном, абсолютном и всемогущем, и таким образом входит органическим членом во всю систему его философии.

¹ Трактат о нравственности. LI.

² Там же. XXIII и I.V.

³ Там же. VII.

⁴ Там же. XXXIV, XXI.

ПЕРВАЯ КНИГА

I. Тао, которое должно быть действительным, не есть обыкновенное Тао.

Имя, которое должно быть действительным, не есть обыкновенное имя.

То, что не имеет имени — есть начало неба и земли; то, что имеет имя — есть мать² всех вещей.

Вот почему свободный от всех страстей видит величественное проявление Тао, а находящийся под влиянием какой-нибудь страсти видит только незначительное его проявление.

Эти оба происходят из одного и того же начала, но только носят разное название³.

Они называются непостижимыми.

Непостижимое из непостижимых и есть ворота всего таинственного.

II. Под небом все (люди) знают, что красивое есть красивое, но оно только безобразное.

Точно также все знают, что добро есть добро, но оно только зло.

¹ Предлагаемый вниманию читателей перевод с китайского известного трактата Лаоси о нравственности сделан по поручению редакции «Вопросов философии и психологии» японским ученым Д. П. Конисси, которому принадлежат и помещенная выше вводная статья о философии Лаоси. В основу перевода положен текст ценного китайского издания, хранящегося в Румянцевском музее в Москве, под № 40 Китайского отдела. Переводчик пользовался также при своем труде несколькими добытыми им японскими изданиями трактата Лаоси, а также текстом, изданным Станисласом Жюльеном (Paris, 1842). — *Perf.*

² Букв. — *самка*.

³ Т. е. существо, не имеющее имени, и существо, имеющее имя, — произошли из одного и того же начала — Тао.

Из бытия и небытия произошло все; из невозможного и возможного — исполнение; из длинного и короткого — форма.

Высокое подчиняет себе низшее; высшие голоса вместе с низшими производят гармонию; предшествующее подчиняет себе последующее.

Святой муж, будучи бездеятельным, распространяет свое учение. Вся тварь повинуется ему и никогда не откажется от исполнения его воли.

Он производит много, но ничего не имеет; делает много, но не хвалится сделанным; совершает подвиги, но их не приписывает себе.

Он нигде не останавливается, поэтому ему не будет надобности удаляться туда, куда он не желает.

III. Чтобы не было ссор в народе, нужно не уважать мудрецов.

Чтобы люди не сделались ворами, нужно не придавать никакого значения трудно добываемым (ценным) предметам, потому что когда люди не будут иметь тех предметов, которые бы прельстили их сердца, они никогда не соблазняются ими.

Отсюда, когда святой муж управляет страной, то сердце его пусто, а тело его полно; (он) ослабляет желания и укрепляет (свои) кости.

Он старается, чтобы народ был в невежестве и без страстей.

Также он старается, чтобы мудрые не смели сделать чего-нибудь.

Когда все сделаются бездеятельными, то (на земле) будет полное спокойствие.

IV. Тао пусто, но когда его употребляют, то, кажется, оно неистошимо.

О, какая глубина! Оно начало всех вещей.

Оно притупляет свое острие, развязывает узлы, смягчает блеск и, наконец, соединяет между собою мельчайшие частицы.

О, как чисто! Оно существует предвечно, но я не знаю, чей оно сын и предшествовало ли первому царю¹.

¹ Т. е. царю неба.

V. Небо и земля не суть любвеобильные существа. Они поступают со всеми вещами, как с соломенной собакой¹.

Святой муж не любвеобилен: он поступает с земледельцами, как с соломенной собакой.

Все находящееся между небом и землей похоже на кузнечный мех.

Он (кузнечный мех) пуст, но неистошим: чем чаще надувается, тем больше выпускает воздух.

Кто много говорит, тот часто терпит неудачу; поэтому лучше всего соблюдать средину.

VI. Чистейший дух бессмертен. Он называется непостижимой матерью (самкой).

Ворота непостижимой матери — называются корнем неба и земли.

Он (т. е. чистейший дух) будет существовать без конца.

Кто хочет употреблять его, тот не устанет.

VII. Небо и земля вечны.

Причина того, что небо и земля вечны, заключается в том, что они существуют не для самих себя.

Вот почему они вечны.

Святой муж заботится о себе после других, поэтому он легко достигает безопасности.

Он оставляет свое тело без всякой заботы, поэтому он будет жить долго.

Кто не заботится о себе, тот весьма удачно совершит и свое личное дело.

VIII. Высшая добродетель похожа на воду.

Вода, давая всем существам обильную пользу, не сопротивляется ничему.

Она находится на том месте, которого люди не видят, поэтому она похожа на Тао.

Жить хорошо — для земли; сердце — для глубины; союз — для любви; слова — для доверия; управление — для благоденствия (страны); дела — для умения; движение — для жизни.

Не ссорящийся не осуждается.

¹ Соломенная собака — это кукла собаки, сделанная из соломы. Она, по словам толкователя Лаоси *Хаку Гёку-сен*, употреблялась при жертвоприношении. Когда заканчивается обряд приношения, то китайцы бросают ее и топчут ногами. Здесь это выражение употреблено в смысле «ничтожество».

IX. Чтобы посуда была наполнена чем-нибудь, нужно держать ее твердо (без малейшего движения) и ровно.

Чтобы лезвие наострилось, нужно долго продолжать натачивание.

Когда дом наполнен золотом и драгоценными камнями, то невозможно сохранить его в целости.

Кто достигнет чести и приобретет богатство, тот делается гордым. Он легко забудет, что существует наказание (за преступление).

Когда дела увенчаются блестящим успехом и будет приобретено доброе имя, то лучше всего удалиться (в уединение).

Вот это-то и есть небесное Тао (или естественное Тао).

X. Душа имеет единство, поэтому она не делится (на части).

Кто вполне духовен, тот бывает смирен, как младенец.

Кто свободен от всякого рода знаний, тот никогда не будет болеть.

Кто любит народ и управляет им, тот должен быть бездеятельным.

Кто хочет открыть небесные ворота, тот должен быть как самка¹.

Кто делает вид, что много знает и ко всему способен, тот ничего не знает и ни к чему не способен.

Кто производить (вещь) и постоянно держит ее, тот ничего не имеет.

Не хвалиться тем, что сделано, не начальствовать над другими, превосходя их, называется небесною добродетелью.

XI. Тридцать спиц соединяются в одной ступице (колесницы), но если они недостаточны для предназначенной цели, то их можно употребить для другой (воза).

Из глины делают домашний сосуд; но если она недостаточна для известной цели, то годится для другой.

Связывая рамы и двери, устраивают дом; но если они недостаточны для этого, то из них можно делать домашнюю утварь.

¹ «Открыть небесные ворота» — значит достигнуть Тао или нравственного совершенства. Отсюда смысл этого афоризма таков: жаждущий достигнуть нравственного совершенства должен быть смиренным, как самка смирна пред самцом.

Отсюда видно, что если вещь те годна для одной цели, то можно употребить ее для другой.

XII. Пять цветов ослепляют человека.

Пять звуков оглушают его.

Пять вкусов пресыщают его.

Верховая гонка и охота одурают душу (сердце) человека.

Стремление к обладанию редкими драгоценностями влечет человека к преступлению.

Отсюда святой муж делает исключительно нравственное¹, а не для глаз. Поэтому он удаляется от того и приближается к этому.

XIII. Почесть и позор от сильных мира (для мудреца) одинаково странны.

Собственное тело тяготит его, как великое бремя.

Что значит: почесть и позор от сильных мира одинаково странны (для мудреца)?

Почесть от сильных мира — унижение (для мудреца), поэтому, когда она достанется (ему), то (он) относится к ней, как к совершенно призрачной²; когда она потеряется, то также к ней относится, как к презренной.

Вот это-то и есть: к почести и позору от сильных мира относиться как к призрачному.

Что значит: собственное тело тяготит его (мудреца), как великое бремя?

Я имею потому великую печаль, что имею тело. Когда я буду лишен тела, то не буду иметь никакой печали.

Поэтому, когда мудрец боится управлять вселенной, то ему можно поручить ее; когда он сожалеет, что управляет вселенной, то ему можно отдать ее.

XIV. Предмет, на который мы смотрим, но не видим, называется бесцветным.

(Звук, который) мы слушаем, но не слышим — беззвучным.

(Предмет, который) мы хватаем, но не можем захватить — мельчайшим.

Эти три (предмета) неисследимы. поэтому когда они смешаются между собой, то соединяются в одно.

Верх не ясен, низ не темен. О, бесконечное! Его нельзя назвать именем.

¹ Букв.: «внутреннее».

² Букв. у Лаоси: «достойной удивления».

Оно существует, но возвращается к небытию.

Оно называется формой (или видом) бесформенною.

Оно также называется неопределенным.

Встречаясь с ним, не видать лица его, следуя же за ним, не видать спины его.

Посредством древнего Тао можно управлять жизнью настоящего времени.

Исследовать происхождение всего (или начало дрственности) называется нитью Тао.

XV. Древние, выдававшиеся над толпой люди хорошо знали мельчайшее, чудесное и непостижимое.

Они глубоки — постигнуть их невозможно.

Они непостижимы, поэтому внешность их была величественная.

О, как они медленны, подобно переходящим зимой через реку!

О, как они нерешительны, подобно боящимся своих соседей!

О, как они осанисты, подобно гостящим в чужом доме!

О, как они осторожны, подобно ходящим на тающем льду!

О, как они просты, подобно необделанному дереву!

О, как они пусты, подобно пустой долине!

О, как они мрачны, подобно мутной воде!

Кто сумеет остановить их и сделать ясными?

Кто же сумеет успокоить их и продлить их тихую жизнь?

Исполняющий Тао не желает быть удовлетворенным¹.

Он же не удовлетворяется ничем, поэтому, довольствуясь старым и не обновляясь (душою), достигает совершенства.

XVI. Когда пустота будет доведена до последнего предела, то будет глубочайший покой.

Всякая вещь растет, в чем я вижу возвращение (или круговорот).

Правда, вещи чрезвычайно разнообразны, но все они возвращаются к своему началу.

Возвращение вещей к своему началу и есть покой.

Покой и есть возвращение к жизни.

¹ У Лаоси букв. «наполненным».

Возвращение к жизни и есть постоянство.

Знающий постоянство (или вечность) — мудрец.

Не знающий постоянства будет действовать по своему произволу, поэтому он призывает к себе беду.

Знающий постоянство имеет всеобъемлющую душу.

Имеющий всеобъемлющую душу будет правосуден.

Правосудный будет царем.

Кто царь, тот соединяется с Небом.

Кто соединен с Небом, тот будет подобен Тао, которое существует от вечности.

Тело его погибнет (умрет, когда настанет время), но (дух его) никогда не уничтожится.

XVII. Существует ли высочайшее бытие, я не знаю; но можно (духом) приблизиться к нему и воздавать ему хвалу, потом — бояться его, а затем — пренебрегать им.

От недостатка веры происходит неверие.

О, как медленны слова, сказываемые с весом и со смыслом!

Когда совершены заслуги и сделаны подвиги, то все земледельцы скажут, что это достигнуто естественным ходом вещей.

XVIII. Когда великое Тао¹ будет покинуто, то появится истинная человечность и справедливость.

Когда широко будет распространена мудрость, то появится великая печаль.

Когда шесть ближайших родственников² находятся в раздоре, то является почитание родителей и любовь к детям.

Когда в государстве царит усобица, то являются верные слуги.

XIX. Когда оставлены святость и мудрость³, то польза народа увеличится во сто раз.

Когда оставлены человеколюбие и справедливость⁴, то дети будут почитать своих родителей, а родители будут любить своих детей.

¹ Тут Лаоси иронически называет «великим Тао» и мудростью те учения, которые известны под названием «Учения блаженнейших царей».

² 6 степеней родовых линий.

³ Лаоси так называет, конечно, «учение блаженнейших царей».

⁴ Лаоси так называет, конечно, «учение блаженнейших царей».

Когда покинуты всякого рода лукавство и выгоды, то воров не будет.

Одной только внешностью достигнуть этих трех (пунктов) невозможно. Для этого необходимо быть более простым и менее способным и бесстрастным.

XX. Когда уничтожено будет учение, то печали не будет.

Как велика разница между простым и сложным!

Как велика разница между добром и злом!

Необходимо бояться того, чего люди боятся.

О, дико! еще далеко до середины.

Многие держат себя важно, словно получают жертвенное мясо, словно весной восходят на башню.

О, как я прост! Во мне нет ничего определенного, как в младенце, еще не достигшем детства.

Я как будто несусь, но не знаю куда и где остановлюсь.

Многие люди богаты, но я ничего не имею, как будто все потерял.

Я прост, как душа глупого человека, но люди света блестят.

Я один темен, но люди света просвещены.

Я один страдаю душевно; волнуясь, как море; блуждаю и не знаю, где остановиться.

Многие люди делают то, к чему способны, но я один глуп и мужиковат.

Я один отличаюсь от других тем, что люблю питаться у матери¹.

XXI. Высоконравственный повинуется только одному Тао.

Сущность Тао похожа на блеск света.

О, неуловим блеск света! но в нем есть изображение.

О, как он блестит! Он решительно неуловим, но в нем есть вещество.

О, как прозрачно и непостижимо (Тао)! В нем есть сущность, которая достоверна.

От древности до ныне имя (его) никогда не исчезало.

Я обзрел многие начала, но не знаю, отчего такие начала, а не иные.

XXII. Из несовершенного происходит цельное.

Из кривого — прямое.

¹ Т. е. у матери всех вещей (Тао).

Из углубленного — гладкое.

Из старого — новое.

Если не много, то легко приобрести, а если много, то легко запутаться.

Поэтому святой муж имеет только одно, но он делается примером для всего мира.

Он открыто не объявляет своих мыслей, поэтому он никогда не заблуждается (ясен).

Он никогда не выставляет себя, поэтому он всегда известен.

Он сам никогда не воюет, поэтому имеет заслуги.

Ничем он не гордится, поэтому он превозносится.

Ни с кем он не ссорится, поэтому вся вселенная никогда не сопротивляется ему.

Отсюда высказанные древними слова: «из несовершенного происходит совершенное; из кривого — прямое» можно ли назвать лживым изречением?

XXIII. Редкие слова заключают в себе самые достоверные мысли.

Редкие изречения сами собою правдивы.

Утренний сильный ветер не продолжается до полудня; сильный дождь не продолжается целый день.

Ни небо, ни земля вечно существовать не могут. Тем более человек.

Живущий и поступающий по Тао равен ему; нравственный человек равен добродетели; потерявший все равен потере.

Тао любит находить равное себе; нравственный — равное себе; потерявший — также равное себе.

Где вера слаба, там не будет веры.

XXIV. Сухоногий не может встать.

Сидящий не может ходить.

Кто думает, что постиг все, тот ничего не знает.

Кто доволен самим собою, тот не может прославиться.

Кто хвастается, тот не может иметь заслуги.

Кто горд, тот не может возвыситься.

Такие люди, с точки зрения Тао, называются питающимися излишеством и творящими напрасное. Поэтому, когда они находят Тао, то оставаться в нем решительно не могут.

XXV. Вещество произошло из хаоса.

Есть бытие, которое существует раньше, нежели небо и земля.

Оно недвижимо, бестелесно, самобытно и не знает переворота.

Оно идет, совершая бесконечный круг, и не знает предела.

Оно одно только может быть матерью (самкой) неба и земли.

Я не знаю его имени, но (люди) называют его Тао.

Могущество его называется величием; величие его — безграничным; безграничное — бесконечным; бесконечное — возвращением.

Тао велико, небо велико, земля велика и, наконец, царь велик.

Итак, в мире существуют четыре величия, одно из которых составляет царь.

Земля несет людей; небо несет землю; Тао несет небо и, наконец, естественность несет Тао.

XXVI. Тяжелое лежит в основании легкого.

Тишина господствует над движением.

Хотя мудрец бывает занят целый день, но относится к своим делам внимательно и с большей осторожностью.

Хотя ему будет слава и внешнее великолепие, но он никогда не прельстится ими, ибо он стоит выше их.

Что случится с тем царем, который, имея 10 000 колесниц, презирает заботу о своей стране и думает только о своем удовольствии?

Презирающий заботу о своей стране потеряет лучших слуг — опору государства.

Где легкомысленное движение в народе, там царь легко упразднится.

XXVII. Нравственный человек не оставляет после себя никаких следов.

Красноречивый не сделает ошибки в своих речах.

Победоносный полководец не употребляет никакой хитрости.

Если что крепко заперто, то (оно), хотя и без замков, не отпирается.

Если что крепко связано, то (оно), хотя и без замысловатых узлов, не развязывается.

Мудрецы спасают погибающих и не оставляют нуждающихся в чем-нибудь без помощи. Они всегда очень бережно сохраняют вещи и не выкидывают их.

Это называется двойным просвещением.

Отсюда, нравственный человек есть учитель (или руководитель) безнравственных; безнравственные люди суть орудие нравственного.

Кто не уважает своего учителя и кто не любит своего орудия, тот, хотя умен, очень заблуждается.

Это называется важным отступлением от Тао.

XXVIII. Тот, кто знает свою силу и сохраняет свою слабость, делается долиной вселенной.

Когда он будет долиной вселенной, то в нем будет пребывать вечная добродетель.

Человек вторично возвращается в состояние младенца (Тао).

Кто знает глубину своего просвещения и остается в невежестве¹, тот делается примером всего мира.

Кто будет примером всего мира, тот не изменит вечной добродетели и возвратится к совершенству (Тао): он познает славу Его.

Находясь в презрении, он делается долиной вселенной.

Кто долина вселенной, тот будет доволен только добродетелью и возвратится в совершенную простоту.

Когда эта простота будет удалена, то из него выйдет превосходный сосуд.

Если святой муж употребит его, то делается начальником.

Вот почему великое установление никогда не уничтожится.

XXIX. Кто действует, сильно желая завладеть вселенной, тот никогда не достигнет желаемого, потому что вселенная есть божественное орудие, поэтому распоряжаться ее судьбою никто не вправе.

Отсюда, кто покушается на это, тот нарушает порядок мира; кто хочет завладеть им, тот немедленно потеряет его.

Вообще вещи идут вперед или назад; воют или дуют²; сильны или слабы; несутся или же останавливаются на одном месте.

Поэтому мудрец избегает всякой крайности, роскоши и великолепия.

¹ Букв.: *незнании*.

² В тексте Станисласа Жюльена: греют или охлаждают.

XXX. Кто помогает царю по Тао, тот не будет заботиться о процветании страны посредством военной силы: что бы вы ни сделали людям, они тем же воздадут вам.

Где войско стоит, там будет расти колючая трава (вместо хлеба).

После великой войны бывает неурожайный год.

Отсюда когда нравственный человек управляет (страной), то никогда не прибегает к грубой силе, не ищет тщеславия, не воюет, не гордится ничем, не останавливается нигде и не усиливается.

Когда вещь дойдет до полноты своего развития¹, то она ослабевает и дряхлеет.

То, что не Тао, быстро уничтожается.

XXXI. Благоустроенное войско есть нечестивое оружие, есть предмет по своему существу злой.

Мудрец предпочитает левую сторону правой, ибо употребляющие войско предпочитают правую сторону левой.

Войско есть нечестивое оружие, поэтому оно не может быть оружием для (истинно) мудрых. Отсюда, оно и употребляется только в неизбежных случаях.

Хотя война ставит, быть может, целью спокойствие, но она несомненное зло.

Если б она была добро, то нужно было бы радоваться ей, но радуется ей лишь любящий убивать людей.

Любящий убивать людей не может осуществить свой добрый замысел в мире.

При добром деле левая сторона предпочитается правой, а при беде — правая левой.

Подчиненные генералы останавливаются на левой стороне, а начальствующие — на правой.

Когда сделается известной победа, то следует встретить эту весть с траурным обрядом, ибо на войне очень многие погибают.

Так как на войне очень многие погибают, то следует оплакивать войну.

Когда война окончится победою, следует объявить всеобщий траур.

XXXII. Вечное Тао не имеет имени.

Оно незначительно, как щепка, но мир не может подчинить его себе.

¹ Букв. *силы*.

Когда цари и князья заботятся о защите (своей страны), то сама природа¹ делается помощницей их.

Когда небо совокупляется с землей, то спускается роса на землю, чего человек не в состоянии устроить².

Когда Тао разделилось на части, то получило имя.

Если имя известно, то нужно воздерживаться.

(Каждому) следует знать, где ему нужно оставаться. Кто соблюдает во всем воздержание, тот не будет знать (нравственного) падения.

Это — Тао, которое существует во всей вселенной.

XXXIII. Знающий людей разумен, а знающей себя самого прозорлив.

Побеждающий других силен, а побеждающий самого себя могуществен.

Довольствующийся самим собой — богач.

Твердый в своих действиях имеет твердую волю.

Не отступающий от своего назначения долговечен.

Неуничтожимый после смерти вечен.

XXXIV. О, беспредельно великое Тао!

Оно справа и слева.

Вся тварь появилась на свет, благодаря ему; оно не отталкивает ее от себя.

Заслуги Тао велики, но оно ими не хвалится.

Оно промышляет о всех вещах с любовью, но не желает быть господином их.

Так как оно не имеет никакой страсти, то оно называется ничтожным.

Его можно назвать маленьким, ибо мельчайшая вещь возвращается в него.

Все существа подчиняются ему, но оно не считает себя господином их; поэтому его можно назвать великим.

Мудреца нельзя назвать великим, хотя он совершает великие дела.

Причина того, что святой легко достигает величия, заключается в том, что он не величает самого себя.

XXXV. (Святой) берет великого слона и идет по всему миру. Ходит, но не делает никакого вреда.

От удовольствия, спокойствия, тишины и величия дает ему (миру) пищу.

¹ Букв. вещь.

² Букв. заставить творить.

Проходящий пришелец остановился. Когда он говорит о Тао, то как просты его слова! (Когда) они произнесены, (то бывают) без всякого вкуса.

(Люди) смотрят на него (Тао), но не видят; они слушают его, но не слышат; они употребляют его, но оно не истощается.

XXXVI. То, что сжимается — расширяется.

То, что ослабевает — усиливается.

То, что уничтожается — восстанавливается.

То, что лишается всего — имело все.

Все это называется то скрытым, то ясным.

Мягкое побеждает твердое, слабое — сильное.

Как рыба не может покинуть глубины, так страна не может оставаться без орудия.

Сильное орудие правления не должно быть показываемо народу.

XXXVII. Тао ничего не делает, но нет того, чего бы оно не сделало.

Если царь и князья хорошо будут управлять страной, то все существа преобразуются так, как они желают.

Если все существа придут в сильное движение, то я удержу их посредством безымянной простоты.

Безымянная простота не имеет страсти.

Когда (в мире) не будет страстей, то будет спокойствие повсеместное и на всей земле будет правда.

ВТОРАЯ КНИГА

XXXVIII. Люди высшей нравственности не считают себя нравственными; поэтому они имеют высшую нравственность.

Люди низшей нравственности не в состоянии потерять свою нравственность, и поэтому безнравственны.

Люди высшей нравственности, находясь в бездеятельности, не делают ничего.

Люди низшей нравственности делают то, что делают.

Люди высшего человеколюбия, находясь в бездеятельности, совершают дела, но не признают их (за свои).

Люди высшей справедливости делают то, что делают.

Люди высшей почтительности уважают других, но другие не уважают их, поэтому они принудят их к почтению.

Отсюда когда потеряно Тао, то является нравственность; когда нравственность забыта, то является человеколюбие; когда человеколюбие оставлено, то является справедливость; когда справедливость покинута, то является почтительность.

Вот почему почтительность есть следствие ослабления верности и преданности (господину) и начало всякого рода беспорядков в стране.

Поэтому великий человек держится существенного и оставляет ничтожное. Он все делает по правде, но никогда не будет опираться на законы.

Берите первое и бросьте последнее.

XXXIX. В древности всякое существо достигало единства.

Небо, достигши единства, стало чистым.

Земля, достигши единства, стала спокойной.

Дух, достигши единства, стал разумным.

Долина, достигши единства, стала полной.

Всякая вещь, достигши единства, стала существовать.

Цари и князья, достигши единства, стали образцами для мира.

Все это было достигнуто, благодаря единству.

Достижение единства во всем этом одно и то же.

Если бы небо было не чисто, то казалось бы, что оно боится взрыва.

Если бы земля потеряла спокойствие, то она была бы в опасности разрушения.

Если бы дух лишился разумности, то он потерял бы (свойство) быть духом.

Если бы пустота долины наполнилась чем-нибудь, то она перестала бы быть долиной.

Всякая вещь, если бы перестала расти, уничтожилась бы.

Если бы цари и князья потеряли верность и преданность (своих подданных), то были бы свергнуты.

Отсюда благородные люди смотрят на неблагородных, как на свое начало; высшие смотрят на низших, как на свое основание.

Цари и князья заботятся о бедных сиротах и вдовах. Этим же они могли бы свидетельствовать о своем происхождении.

Ужели это неправда?

Если разобрать телегу по частям, то не останется телеги.

Я не желаю быть гордым, как драгоценный камень.

Также я не желаю быть презируемым, как дикий камень.

XL. Движение Тао происходит от сопротивления (всему вещественному).

Слабость есть отличительная черта действия Тао.

Все вещи произошли от бытия (что), и бытие от небытия (ничто).

XLI. Когда ученый услышит о Тао, то будет стараться осуществить услышанное (в жизни).

Когда человек средней руки услышит о Тао, то не будет соблюдать его до конца жизни.

Когда малоученый услышит о Тао, то он будет глумиться над ним.

Если бы над ним не глумились, то оно и не заслужило бы имени Тао. Поэтому сказано следующее:

Тот, кто понимает очевидное Тао, кажется облеченным мраком; тот, кто идет вперед, держась Тао кажется идущим назад; тот, кто на высоте Тао, кажется обыкновенным смертным.

Человек высшей добродетели похож на долину.

Человек высшей чистоты, похож на презируемого.

Человек высшей нравственности похож на неспособного.

Совершающий добродетель похож на вора.

Испытывающей правду похож на похищающего вещи.

У большого четырехугольника не видно углов.

Большой сосуд не скоро делается.

Самый громкий голос не слышен.

Большое изображение не имеет никакой формы.

Тао скрыто от нас, поэтому оно не имеет имени.

Оно снабжает все существа (силой) и ведет их к усовершенствованию.

XLII. Тао произвело одно, одно — два, два — три, а три — все вещи.

Всякая вещь носит на себе *инь* и заключает в себе *ян*.

Находящейся в иступленном состоянии легко умиротворяет.

Люди ненавидят тех, которые оставляют сирот и бедняков без помощи. Поэтому умные цари и князья помогают сиротам и беднякам; они же сделаются предметом похвалы (народа).

Потеря есть начало размножения, множество — начало потери.

Чему другие учили и учат по справедливости, тому и я учу людей.

Очень сильный не умирает естественною смертью.

Я сделаюсь отцом учения.

XLIII. Мир смирен: все люди едят и бегают над его твердынею.

Небытие поглощается беспромсжуточным.

Поэтому я знаю, что бездеятельность имеет высокое достоинство.

Бессловесное учение и бездеятельность полезнее всего существующего между небом и землей.

XLIV. Что ближе к себе: свое имя или собственное тело?

Что больше: свое тело или богатство?

Что тяжелее испытать: приобретение или потерю?

Кто увлекается, тот потерпит большой убыток.

Кто имеет много, тот может потерять больше, нежели имеющий мало.

Кто знает, чем человек должен быть довольным, тот никогда не потерпит позора.

Кто, зная границы своей деятельности, не приблизится к опасностям, тот будет жить долго.

XLV. Великое совершенство похоже на несовершенство, но оно неистощимо (хотя беспрестанно употребляется).

Великая полнота похожа на пустоту, но польза ее неизмерима.

Великая прямота кажется непрямой.

Великий мастер кажется тупым.

Великий оратор кажется заикающимся.

Когда беготня преодолевает (тишину), то бывает холодно; когда тишина преодолевает беготню, то бывает тепло.

Полная тишина есть пример всего мира.

XLVI. Когда во всем мире соблюдается Тао, то быстрые кони забудутся и вся нива будет обрабатываться.

Когда на всей земле не соблюдается Тао, то военные кони будут расти в окрестностях города.

Нет греха тяжелее страстей.

Нет беды тяжелее незнания удовлетворения.

Нет преступления тяжелее жадного хотения приобрести много.

Вот почему знающий меру бывает доволен своим положением.

XLVII. Не выходя из дома, (мудрецы) знают, что делается на свете.

Не глядя в окно, они видят Небесное Тао.

Чем больше удаляешься от дома, тем меньше знаешь.

Поэтому, святые (мудрецы) достигают знания, не выходя никуда; не видя предмета, они знают название его.

Не делая ничего, они совершают много.

XLVIII. Учение прибавляется со дня на день, но Тао теряется со дня на день.

Эта потеря увеличится и дойдет до желания неделания.

Когда человек дойдет до неделания, то нет того, чего бы не было сделано.

Если в мире все в порядке, то следует завладеть им, но если нет, то не следует.

XLIX. Святые люди не имеют определенного (чувства), ибо они принимают чувство простолюдина, как свое.

Добрых людей я принимаю уже потому одному, что они добры. Злых принимаю, как добрых.

Искренним людям я верю; также и верю неискренним, ибо в этом и состоит верх искренности.

Когда святые живут на земле, то они просты и тихи; они питают ко всем одинаковое чувство.

Для (блага) мира они делают свои сердца темными. Простые люди будут смотреть на них (как на своих учителей) и будут слушать сказание о их делах.

Святые смотрят на народ, как на младенца.

L. (Все существа), уходя из жизни, входят в смерть.

Жизнь имеет 13 ступеней своего развития; смерть также имеет 13 ступеней.

Ступеней человеческой жизни, которая постоянно стремится к смерти, опять 13¹.

Это почему? Потому что стремление к жизни слишком сильно.

Я слышал, что ведущий воздержную жизнь не боится ни носорога, ни тигра, ни быть на поле сражения без воинского наряда, ибо на нем нет места, куда носорог мог бы ударить рогом, тигр мог бы вонзить свои острые когти и воин мог бы нанести удар мечом.

Это почему? Потому что для ведущего жизнь воздержную не существует смерти.

LI. Тао производит существа, добродетель кормит их; они дают им вещественную форму, а могущество их совершенствует вещи.

Поэтому все существа почитают Тао и добродетель.

Никто не сообщал Тао его достоинства, а добродетели — ее ценности, но они сами собой вечно обладают ими.

Поэтому Тао производит вещи, питает их, дает им расти, совершенствует, делает зрелыми, кормит и защищает.

Оно производит их и не делает их своими; делает их тем, что они есть, и не хвалится ими; оно царствует над ними и оставляет их свободными.

Вот что называют глубокой добродетелью.

LII. Вселенная имеет начало, которое и есть мать всего мира. По матери можно знать ее сына.

Когда сын известен, то и мать будет сохранена невидимо.

Хотя тело умирает, но (сущность его) никогда не уничтожается.

Кто закрывает уши и глаза, тот останется без употребления во всю жизнь.

Кто прислушивается ко всему изящному и старается удовлетворить страстям, тот никогда не спасется.

¹ 13 — это символическое число. Оно, по словам толкователя Лаоси *Хаку Гёку-сен*, взято из области астрономии. Луна после своего появления через 13 дней достигает своей полноты; после полнолуния через 13 дней она совсем исчезает. Приводя это число дней, Лаоси, очевидно, хотел указать на то, что всякое существо развивается до известной границы. И когда оно достигнет полноты развитая, то начинает ослабевать и наконец совсем уничтожается.

Могущий разбирать мельчайшие вещи, называется ясновидцем.

Сохраняющей мягкость называется могущественным.

Употребляющий свет называется блестящим.

Тело истлевет, не оставляя ничего после себя. Это и есть наследие вечности.

LIII. Я беззаботен, но имею ум, поэтому живу в великом Тао.

Я раздаю милостыню в великом страхе.

Большая дорога (Тао) гладка и ровна, но люди любят ходить по тропинкам.

Когда правительство перестанет заботиться о благостоянии народа, то поля опустеют и государственное хлебохранилище не наполнится никогда; люди будут надевать на себя разноцветные одежды, носить острые мечи и питаться изысканными блюдами.

Все это совокупно называется разбойничьей гордостью.

Ужели это есть Тао?!

LIV. Крепко стоящего нельзя вынуть.

Хорошо связанного нельзя развязать.

Дни кончины предков празднуются потомками. Кто совершает это для самого себя, тот делает добро только для одного себя; кто совершает это для своего дома, тот делает добро для своего дома; кто совершает это для своей деревни, тот будет начальником в ней; кто совершает это для своей страны, тот делает добро для страны; кто совершает это для всего мира, тот делает добро для всего мира.

Я изучаю тело по телу, дом — по дому, деревню — по деревне, страну — по стране и, наконец, весь мир — по всему миру.

Но могу ли я знать, почему вселенная такая, а не иная?

LV. Достигший нравственного совершенства похож на младенца.

Вредоносные насекомые не укусят его; дикие звери не сделают ему вреда; хищные птицы не вопьются в него своими когтями.

Хотя у него кости мягки и мышцы слабы, но он будет держать предмет очень крепко.

Хотя он не знает, как совокупляется самец с самкою и как образуется зачаток во чреве, но ему известно до подробности все, что совершается в мире.

Хотя он кричит целый день, но голос его никогда не ослабевает, ибо в нем (голосе) существует полнейшая гармония.

Знание гармонии называется постоянством.

Знание постоянства называется очевидностью.

Творить приятное только для плоти называется нечистотой.

Душа, могущая господствовать над своим настроением, есть сильная (душа).

Вообще, цветущее отцветает, ибо в нем нет Тао.

Где нет Тао, там скоро наступит конец.

LVI. Знающий много молчалив, а говорящий много не знает ничего.

Тао закрывает свои глаза, затворяет ворота, ослабляет острие, развязывает узлы, смягчает свет, собирает мелочь. Это называется непостижимым единством.

Сродниться с Тао невозможно; пренебрегать им нельзя; воспользоваться им непозволительно; повредить ему никто не может; чтить его нет основания; презирать его также нет причины.

Отсюда видно, что Тао благороднее всего существующего в мире.

LVII. Без справедливости нельзя управлять страной.

Для того, чтобы вести войну успешно, необходима ловкость.

Когда в стране нет (еще) беспорядка, (тогда) следует им овладеть¹.

Как я могу постигнуть, почему в мире такой порядок, а не иной?

Когда в стране много такого, что должно быть уничтожено, народ обеднеет.

Когда в стране много удобных машин, то народ перестает работать.

Когда в народе много искусных мастеров, то увеличится число чудовищных вещей.

Когда в государстве много законов и постановлений, то число преступников² увеличится.

¹ Т. е. принять меры к его предотвращению.

² Букв. *воров*.

Отсюда учит и святой: «когда я ничего не делаю (т. е. не предпринимаю ничего нового), то народ делается лучше; когда я спокоен, то народ делается справедливым; когда я не предпринимаю ничего нового, то народ обогащается; когда во мне не будет никакой страсти, то народ делается простодушным».

LVIII. Когда не будет мелочности в управлении государством, то народ обогатится. А когда управление государством мелочно, то народ обеднеет.

О, беда! Где благо, там и несчастье.

О, благо! Где беда, там и счастье.

Но я не знаю, где оканчивается беда и где начинается счастье.

Где нет правды, там люди будут относиться к правде, как к чему-то странному, к добру — как к призрачному.

Издавна люди находятся в заблуждении, поэтому святой муж никогда не сделает им уступки.

Он не корыстолюбив, но ничего не раздает им.

Он — праведник, поэтому он ничего не сделает своевольно.

Хотя он — светило для всего мира, но не любит блеска.

LIX. Для того, чтобы служить небу и управлять людьми, всего лучше соблюдать воздержание.

Воздержание — это первая ступень добродетели, которая и есть начало нравственного совершенства.

Человек высокой нравственности преодолет всякую трудность.

Глубина и могущество силы преодолевшего всякую трудность неизмеримы.

Он может быть владыкою мира.

Владыка мира и есть мать вселенной.

Мать вселенной будет жить вечно, ибо она имеет глубокий корень и крепкое основание¹.

LX. Управление великой страной напоминает приготовление вкусного блюда из мелких рыб.

Когда святой муж будет управлять странюю, то злой дух перестанет быть богом.

Это, впрочем, не значить, что злой дух перестанет быть богом (или духом), — но люди не будут терпеть вреда от него.

¹ Букв.: *дно*.

Святой муж никому не сделает вреда и никто не повредит ему.

Поэтому нравственность святого мужа все более и более усовершенствуется.

LXI. Великая страна похожа на устье реки.

Совокупление вселенной есть начало¹ всего мира.

Самка всегда побеждает самца потому, что она тиха и спокойно стоит ниже самца.

Когда большая страна стоит ниже маленькой, то первая завладеет последней.

Когда маленькая страна стоит ниже большой, то первая завладеет последней.

Отсюда видно, что стоящая ниже других страна будет владычествовать над всеми другими.

Что такое большая страна и маленькая?

Большая страна — вместилище многих народов, а маленькая — вместилище немногих.

Если правитель страны будет стоять ниже других, то он осуществит свой добрый замысел.

Отсюда ясно, что желающий быть великим должен быть ниже всех.

LXII. Тао есть глубина бытия. Оно и есть сокровище добрых людей.

Оно также и есть то, что держат злые люди.

Изящные слова могут быть куплены ценою.

Добрые поступки могут быть совершаемы всеми.

Хотя люди злы, но нельзя совсем бросить их.

Выбирают царя и трех великих сановников. Имея в руках драгоценный камень, они разъезжают в колесницах², но это бесконечно хуже, нежели проповедовать Тао, сидя на одном месте.

В чем заключается причина того, что в древности Тао глубоко уважалось?

Не в том ли заключается, что, благодаря Тао, прощались преступники?

Оттого, быть может, в древности Тао почиталось во всем мире.

LXIII. Все должны быть бездеятельными.

Всем следует соблюдать полное спокойствие.

¹ Букв.: *самка*.

² Буквально: *на четверном экипаже*.

Все должны употреблять простейшую пищу.

Великое есть малое, многое — не многое.

Ненавидящим вас отомстите добром.

Когда вы благополучны, то подумайте, что нужно предпринять во время беды, так как великая беда начинается с незначительной.

Беда всего мира происходит из мелочи, как великое дело — из малых.

Святой муж не желает быть великим мира, поэтому и совершает великое дело.

Легко достигнутое согласие не заслуживает доверия.

Где много легких дел, там много и трудных.

Вот почему святой муж всегда живет как в беде, поэтому для него не существует беды.

LXIV. Не трудно держать легкую вещь.

Легко предотвратить (беду) до полного обнаружения.

Слабого легко разбить, мелкого легко рассеять.

Следует устраивать защиту тогда, когда еще нет (в том) надобности (т. е. нет врагов).

Следует заботиться о спокойствии страны тогда, когда еще в ней все в порядке.

Дерево, которого нельзя обнять руками (т. е. большое), выросло из маленького.

Девятиэтажная башня создается из клочков земли.

Чтобы пройти тысячу верст, нужно начать ходьбу с одного шага.

Кто может создать, тот может и разрушить.

Имеющий может потерять.

Святой муж ничего не создает, поэтому ничего не разрушает; он ничего не имеет, поэтому ничего не потеряет.

Кто, предпринимая дело, спешит наскоро достигнуть результата, тот ничего не сделает.

Кто осторожно оканчивает свое дело, как начал, тот не потерпит неудачи.

Поэтому святой муж всегда старается быть беспристрастным, не придавать ценности труднодобываемым вещам и не слушать бесплодного учения.

Он повторяет то, что делалось многими.

Он будет стараться, чтобы пособить естественному течению вещей, но ни в каком случае, не препятствовать ему.

LXV. В древности исполнявшие Тао не старались просветить народ: они держали его в невежестве.

Причина того, что трудно управлять народом, заключается в том, что народ просвещается и в нем много умных.

Управляющий страню посредством умствования погубит ее.

Когда страна управляется без всякого умствования, то в ней будет благоденствие.

Знающий (сущность) этих двух пунктов будет образцом нравственной жизни (для народа). Его будут называть (человеком) непостижимой добродетели.

О, глубока и непостижима нравственность!

Она противоположна, по своему существу, всему вещественному, но никогда не сопротивляется ничему.

Она соблюдает великое послушание.

LXVI. Причина того, что реки и моря суть цари многочисленных долин (по которым текут речки), заключается в том, что первые находятся ниже последних.

Вот почему реки и моря суть цари многочисленных долин.

Когда святой желает поднять народ, то понижает его. Когда он желает поставить его вперед, то ставит его назад.

Отсюда — когда народ займет высокое место, то не будет гордиться; когда пойдет вперед, то никому не сделает вреда.

Когда осуществится все, что сказано мною, то на всей земле будет мир.

Когда все будет мир на всей земле, то не будет ссоры.

LXVII. На всей земле люди говорят, что мое Тао велико.

Правда, оно похоже на безумство, но несомненно велико.

Я имею три преимущества, которые я сохраняю, как сокровище.

Первое из трех сокровищ есть человеколюбие.

Второе — бережливость.

Третье — смирение или то, благодаря чему я не желаю быть руководителем для всей земли.

Человеколюбивые храбры.

Бережливые щедры.

Смиранные или не желающие быть руководителями для всей земли будут полезны на долгое время.

Кто храбр, не зная человеколюбия, кто щедр, не зная бережливости, кто идет вперед, не зная смирения, тот погибнет.

Кто ведет войну ради человеколюбия, тот победит врагов. Если он защитит народ, то оборона будет сильна.

Это потому, что его спасет Небо, которое дорожит подобным человеком.

LXVIII. Истинно просвещенный человек никогда не воюет.

Превосходный воин никогда не разгневается.

Победитель никогда не попросит содействия постороннего.

Умеющий пользоваться людьми охотно занимает низкое место, что называется добродетелью без сопротивления, средством для (благоразумного) пользования (услугами) людей и, наконец, согласованием с Небом.

Таково древнее постановление.

LXIX. В «военном искусстве» говорится, что на войне я никогда не бываю активным, а — пассивным.

Не сделав ни шага¹ вперед, идти назад аршин — значит уступить врагам оспариваемое без сопротивления.

Когда нет врагов, то не бывает войны.

Нет беды тяжелее, чем презирать врагов.

Презирать врагов все равно, что бросить богатства без надобности.

Плачущий об увеличении своего войска всегда будет победителем.

LXX. Я говорю, что очень легко приобрести знание и творить благие дела.

Между тем, на всей земле никто не знает этого и не делает благих дел.

В словах должен быть принцип, в делах — господин.

Нет знания. Вот почему я не знаю ничего.

Знающих меня мало, поэтому я почтителен.

Отсюда, святой муж надевает на себя худую одежду, но в себе имеет драгоценный камень.

¹ По выражению Лаоси — *вершка*.

LXXI. Кто, зная много, держит себя, как незнающий ничего, тот — нравственный муж.

Кто, не зная ничего, держит себя, как знающий много, тот болен.

Кто болеет телесною болезнью, тот еще не (есть) действительно больной.

Святой муж никогда не болеет, ибо он не знает болезни, хотя болеет (телом).

LXXII. Когда народ перестает бояться сильного, то сильный нападет на него.

Каково бы ни было жилище, оно для святого не тесно.

Каково бы ни было место рождения, для святого все равно.

Никакой предмет не стесняет его, поэтому и он не стесняет никого.

Хотя святой хорошо знает свое достоинство, но никогда не обнаружить этого.

Хотя ему не чуждо самолюбие, но он никогда не гордится.

Вот почему все должны удалиться от первого и приблизиться к последнему.

LXXIII. Кто силен и дерзок, тот убьет людей.

Кто силен, но не дерзок, тот оживит людей.

Эти оба либо полезны, либо вредны.

Никто не знает, почему небо любит один предмет, а другой нет. Решить этот вопрос даже святой муж не может.

Небесное Тао никогда не ссорится, поэтому оно побеждает всех.

Хотя оно мало говорит, но обсуждает лучше, нежели многоречивые.

Никто не вызывает (Тао), но оно присутствует везде.

Нам кажется, что оно ничего не делает, но на самом деле оно действует лучше всех.

Небесная сеть не плотна и как будто пропускает все предметы через себя; но из нее ничего не выйдет наружу.

LXXIV. Народ, не боящийся смерти, нельзя страшить смертью.

Народ, приученный бояться смерти, нельзя страшить делами, могущими причинить ему смерть.

Есть люди, должность которых — убивать. Убивающий людей вместо палача называется наместником убийцы.

Наместник убийцы повредит свою руку, совершая убийство.

LXXV. Оттого народ голодает, что слишком велики и тяжелы государственные налоги.

Это именно — причина бедствия народа.

Народ делается непослушным, если правительство будет хлопотать о них чрезмерно много.

Это именно — причина непослушания народа.

Когда народ слишком сильно ищет жизни, то он будет смотреть на смерть, как на самое легкое дело.

Это и есть причина пренебрежительного отношения народа к смерти.

Вот почему не ищущий жизни мудрее ищущего ее.

LXXVI. Новорожденный младенец нежен и слаб.

Труп мертвеца крепок и не гибок.

Только что распустившееся растение нежно и слабо.

Засохшее растение твердо и не гибко.

Отсюда ясно, что нежное и слабое живет.

Сильное войско не победоносно.

Нельзя поломать связку прутьев.

Сильное находится внизу, а слабое — наверху.

LXXVII. Небесное Тао похоже на человека, натягивающего тетиву на лук: высокий поднимает лук наверх, а низкий поднимает взор наверх.

Имеющий избыток потерпит потерю.

Страдающий недостатком будет иметь избыток.

Потому что небесное Тао всегда отнимает у изобилующих и отдает страдающим недостатком.

Человеческое Тао, впрочем, наоборот: оно отнимает от неимеющих и отдает изобилующим.

Поэтому, кто посвящает свой избыток всему миру, тот имеет Тао.

Святой муж делает много, но не хвалится сделанным; совершает заслуги, но не признает их, потому что он не желает обнаружить свою мудрость.

LXXVIII. Хотя в мире нет предмета, который был бы слабее и нежнее воды, но она может разрушить самый твердый предмет.

В мире нет вещи, которая победила бы воду, ибо она ежнее и слабее всех вещей.

Известно, что слабое существо побеждает сильное, ежное — крепкое, но никто этого не признает.

Святой муж говорит, что получивший (от царя) удел делается господином; но принимающий на себя несчастье страны делается царем ее.

Голос истины противен слуху.

LXXIX. После сильной ненависти останется слабая ненависть.

Ненавидящий, хоть слабо, не может творить добро для ненавистного.

Святой берет от всех клятвенное свидетельство, но не ритесняет никого.

Нравственный человек соблюдает клятву, а безнравственный нарушает.

Небесное Тао не имеет родственников, поэтому оно всегда склоняется к добрым людям.

LXXX. Так как в маленьком государстве мало народа, а хотя в нем много лучших орудий, но они останутся без потребления и без надобности.

Народ такого государства потеряет всякую предприимчивость и умрет на месте своего рождения, не двигаясь никуда.

Если у него много возов и кораблей, то они останутся без употребления.

Хотя он имеет благоустроенное войско, но негде выгавить его.

Он будет плести веревку, чтобы ею оградить свое государство.

Хотя он кушает хорошо, одевается красиво, устраивает окойное жилище и живет весело, но существование его будет бесполезно.

Хотя такое государство находится с соседним в таком близком расстоянии, что слышны пение петухов и лай собак в нем, но сообщения между ними никогда не будет.

LXXXI. Голос истины неизящен, а изящная речь жива.

Нравственный человек не красноречив, а красноречивый — лжец.

Мудрец не знает многого, а знающий много — не мудрец.

Святой муж ничем не запасается. Если запасается чем-нибудь, то для других.

Когда он имеет что-нибудь, то все раздает другому.

Поэтому запас его все более и более увеличивается.

Небесное Тао полезно: оно не имеет в себе ничего вредного для людей.

Тао святых — творить добро и не ссориться.

ЛЕ-ЦЗЫ

Сведения о Ян Чжу, имеющиеся в нашем распоряжении, весьма немногочисленны, оспаривалась даже, правда безуспешно, историчность его личности. Из тех материалов, которые по крупицам можно собрать в древнекитайских источниках, явствует, что он жил примерно между 440—360 гг. до н. э. (по другим подсчетам в период 414—334 гг. до н. э.) и происходил, как можно судить по некоторым косвенным данным, из бедной крестьянской семьи. Его второе имя было Цзы-цзюй. Как и многие другие мыслители того времени, он путешествовал по китайским государствам, в спорах и беседах излагая свое учение. В этом он, по-видимому, достиг определенного мастерства и добился значительных успехов в популяризации своих взглядов, так как его ярый идейный противник — конфуцианец Мэн-цзы — сетовал, что «слова Ян Чжу заполнили Поднебесную». Можно предположить, что у Ян Чжу было внушительное число приверженцев и учеников, но нам известны лишь имена его младшего брата Ян Бу и ученика Мэнсунь Яна. В свою очередь Ян Чжу будто бы был учеником Лао-цзы, что, однако, маловероятно с точки зрения хронологии, если учесть, что одна из версий биографии Лао-цзы относит дату его рождения к 604 г. до н. э. Независимо от этого Ян Чжу может быть причислен к даосистским философам с той оговоркой, что многие его идеи имеют самобытный характер, что, вероятно, и вызвало со стороны блестящего даосистского философа Чжуан-цзы критику и требование «заткнуть рот Ян Чжу».

Ян Чжу и его школа не оставили самостоятельного произведения, или же оно было утеряно настолько рано, что не оставило следов уже в библиографических трудах Ханьского времени (206 г. до н. э. — 220 г.). Поэтому единственным большим и компактным фрагментом его учения является седьмая глава трактата «Ле-цзы», носящая название «Ян Чжу». Авторство «Ле-цзы» приписывалось даосистскому мыслителю Ле Юй-коу, жившему будто бы в V в. до н. э., однако в настоящее время известно, что оригинальный текст «Ле-цзы» был утерян во II в. до н. э., а существующее ныне произведение является довольно поздней компиляцией. Тем не

менее в нем содержатся идеи оригинального «Ле-цзы». Вышесказанное не относится, однако, к главе «Ян Чжу», которая явно представляет собой самостоятельное произведение (или его часть), присоединенное к «Ле-цзы» на основе даосистской общности философии обоих трактатов. Она была записана скорее всего в IV—III вв. до н. э., возможно, непосредственными учениками Ян Чжу, но, по-видимому, уже после его смерти. Во всяком случае эта глава по своему содержанию и по духу изложения, несомненно, соответствует философии Ян Чжу и, безусловно, отражает, хотя вряд ли полностью, его идеи.

Ниже предлагается перевод тех частей седьмой главы трактата «Ле-цзы», которые непосредственно связаны с Ян Чжу.

С. Кучера

Глава 7

ЯН ЧЖУ

Ян Чжу, путешествуя по Лу, остановился [однажды] в доме семьи Мэн. Господин Мэн спросил его: «Быть человеком этого достаточно, зачем же еще добиваться славы?»

«Славу используют, чтобы стать богатыми», — ответил [Ян Чжу].

— Разбогатев, почему не останавливаются [на этом]?

— [Стремятся] стать знатными, — ответил [Ян Чжу].

— Ставши знатными, почему не останавливаются [на этом]?

— Стремятся к [почетной] смерти.

— После кончины к чему [еще можно] стремиться?

— Помочь сыновьям и внукам.

— Какую же пользу слава может принести сыновьям и внукам?

[Ян Чжу] ответил: «Тот, кто добивается славы, изнуряет свое тело и испепеляет свое сердце, [но возможность] использовать его славу распространяется на весь его род, [а возможность получить от нее] выгоду охватывает [всю его родную] деревню, тем более это относится к его сыновьям и внукам!»

«Но ведь все, кто добивается славы, должны быть бескорыстными, бескорыстие же [ведет к] бедности; все, кто добивается славы, должны быть уступчивыми, уступчивость же [ведет к] низкому положению!»

«Когда Гуань Чжун был первым министром в Ци, то его стремления совпадали [со стремлениями правителя]», а слова не расходились [со словами правителя]: правитель развратничал, и он тоже развратничал; правитель расто-

чительствовал, и он тоже расточительствовал. [В результате его] учение было осуществлено и Ци добилось гегемонии [над другими царствами], однако после смерти [Гуань Чжуна] осталась только фамилия «Гуань», и это все. Когда же первым министром в Ци был господин Тянь, [то его поведение было другим]: правитель был высокомерным, а он сам — снисходительным: правитель обирал [народ], а он сам раздавал [зерно народу]. Весь народ подчинился ему, и он поэтому смог завладеть царством Ци. Его сыновья и внуки непрестанно наслаждаются [властью в Ци] вплоть до настоящего времени.

«[Значит ли это, что] если слава настоящая, [то она ведет к] бедности, а если слава ложная — к богатству?»

«Истинное не обладает славой, обладающее славой не обладает истиной. Все, кто пользуется славой, обманщики, и только. В древности Яо и Шунь притворялись, что уступают Поднебесную Сюй Ю и Шань Цзюаню и не только не потеряли Поднебесной, но наслаждались счастьем еще сто лет. А Бо И и Шу Ци действительно уступили [престол] правителям Гучжу и в конце концов потеряли свое царство, а сами умерли от голода на горе Шоюан. Вот таким образом обнаруживается различие между истинным и ложным».

Ян Чжу сказал: «Сто лет — это высший предел продолжительности человеческой жизни. Из тысячи людей даже одному не удастся достичь столетнего возраста. Предположим, однако, что найдется один [такой человек]. Но детство, проведенное в объятиях матери, вместе со старческим увяданием отнимет почти половину этого [срока]. Ночное забвение во сне и впустую потраченные в дневное бодрствование часы отнимут еще почти половину [оставшихся лет]. Болезни и страдания, скорбь и горе, потери и утраты, беспокойство и страх отнимут еще почти половину этого. В [оставшиеся] немногим более чем десять лет тоже невозможно [найти] даже одного момента, когда человек был бы весел, доволен и беззаботен, — вот и все! В таком случае для чего существует человеческая жизнь, какие в ней радости? Существует красота [женщин] и вкус [пищи]; существуют [прекрасные] звуки и цвета. Однако и красотой [женщин], и вкусом [пищи] тоже нельзя

[наслаждаться] постоянно: приедаются; звуками и красками нельзя развлекаться постоянно: пресыщаешься. К тому же еще при помощи наказаний и наград [человек подвергается воздействию] запретов и поощрений; а при помощи славы и законов его влекут вперед или отбрасывают назад. Люди суетливо соперничают ради пустой, мимолетной славы и рассчитывают на ненужные почести после смерти. Одинокие, они с осторожностью относятся к тому, что видят и слышат их глаза и уши, и сдерживают как истинные, так и ложные влечения своего тела. Они напрасно лишаются высших радостей этих лет и не способны почувствовать себя беззаботными на мгновение. Чем же отличается [такой человек] от колодника в тяжких оковах и путах?

Люди глубокой древности знали, что в жизнь постепенно приходят, а в смерть постепенно уходят, и поэтому они действовали, подчиняясь [порывам своего] сердца, и не шли против своих естественных страстей. Они не отказывались от удовольствий при жизни, и поэтому слава их не вдохновляла. Они развлекались, следуя своей природе, и не сопротивлялись всеобщим страстям. Они не стремились к посмертной славе, и поэтому наказания их не достигали. Они не рассчитывали, когда [к ним придут] слава и известность и сколько лет они проживут».

Ян Чжу сказал: «То, что делает все вещи разными, — это жизнь; то, что делает их одинаковыми, — это смерть. При жизни существует различие — это различие между умными и глупыми, знатными и низкими. В смерти существует тождество — это тождество смрада и разложения, исчезновения и уничтожения. Несмотря на это, не во власти [человека] быть умным или глупым, быть знатным или низким; и не в его власти также смрад и разложение, исчезновение и уничтожение. Поэтому жизнь не зависит от живых, а смерть не зависит от мертвых; быть умным не зависит от умных, а быть глупым не зависит от глупых; быть знатным не зависит от знатных, а быть низким не зависит от низких. В таком случае все вещи равны в жизни, равны и в смерти; равны в мудрости, равны и в глупости; равны в знатности, равны и в низком положении. Умирают и десятилетний, и столетний; умирают

и добродетельный, и мудрый; умирают и злой, и глупый. При жизни это Яо и Шунь; после смерти это разложившиеся кости. При жизни это Цзе и Чжоу; после смерти это разложившиеся кости. Разложившиеся кости одинаковы, кому известно различие между ними? Поэтому следует наслаждаться, пока живы. Зачем тревожиться [о том, что будет] после смерти?»

Ян Чжу сказал: «Бо И отнюдь не был лишен желаний. [Однако] необыкновенностью своей чистоты он довел себя до голодной смерти. Чжань Цзи отнюдь не был лишен страстей. [Однако], кичась необыкновенностью своего целомудрия, он обрек себя на одиночество, [не продлив своего] рода. Вот как чистота и целомудрие ввели добрых людей в заблуждение».

Ян Чжу сказал: «Юань Сянь бедствовал в Лу; Цзы-гун преуспевал в Вэй. Бедность Юань Сяня сократила его жизнь; богатство Цзы-гуна стало для него обузой. В таком случае и беднеть нельзя и богатеть тоже нельзя? Что же тогда можно? Скажу: можно наслаждаться жизнью, можно не обременять себя заботами. Поэтому тот, кто умеет наслаждаться жизнью, не бедствует, а тот, кто умеет не обременять себя заботами, не богатеет».

Ян Чжу сказал: «В древней пословице говорится: «При жизни следует сочувствовать друг другу, после смерти следует покинуть друг друга». В этой пословице достигнут предел [истины]. Принцип «сочувствовать друг другу» касается не только чувств — он может дать отдых усталому, досыта накормить голодного, согреть замерзшего, привести нуждающегося к [желаемому]. Принцип «покинуть друг друга» отнюдь не означает, что не следует оплакивать друг друга. Не следует лишь класть [покойнику] в рот жемчуг и нефрит, облачать его в узорную парчу, приносить ему в жертву животных, ставить [в могилу] великолепную утварь...»

Мэнсунь Ян спросил Ян Чжу: «Если бы здесь был какой-то человек, который ценил бы жизнь и заботился о своем теле, чтобы достичь бессмертия, — возможно ли это?»

«[Согласно] законам природы, нет ничего, что не умирало бы», — ответил [Ян Чжу].

«[А если бы он делал это] для достижения долгой жизни — это возможно?»

«[Согласно] законам природы, нет долгой жизни, — ответил [Ян Чжу]. — Жизнь невозможно сохранить тем, что ее ценишь; тело невозможно укрепить тем, что о нем заботишься. Да и к чему нужна долгая жизнь? Влечение и отвращение всех пяти чувств в старину были такими же, как и ныне; спокойствие четырех частей тела и опасность, [которая им может угрожать], в старину были такими же, как и ныне; горе и радость в делах этого мира в старину были такими же, как и ныне; порядок и хаос изменений и перемен в старину были такими же, как и ныне. Если [человек] об этом раз уже слышал [и если он] уже прошел через все это, то и сто лет покажутся [ему достаточным сроком, чтобы все] ему крайне надоело: ни тем более ли горькой [показалась бы ему] долгая жизнь?»

«В таком случае, — спросил Мэнсунь Ян, — если ранняя смерть лучше долгой жизни, то можно ли достичь исполнения желаний, бросившись на острие [копья] или лезвие [меча]: кинувшись в кипяток или огонь?»

«Нет, это не так, — возразил Ян-цзы, — раз уже человек живет, то он [должен принимать жизнь] легко, предоставив ее естественному течению, и [исполнять] до конца ее требования, чтобы [спокойно] ожидать прихода смерти. Когда же придет смерть, то и к ней следует отнестись легко, предоставив ее естественному течению, и [принять] до конца то, что она принесет, чтобы оставить свободу исчезновению. Ко всему следует относиться легко, все следует предоставить естественному течению. Зачем в страхе медлить или торопиться в этом промежутке [между рождением и смертью]?»

Ян Чжу сказал: «Бочэн Цзы-гао не отдал бы волоска, чтобы принести пользу окружающему миру. Он отказался от [управления] страной и, уединившись, занимался хлебопашеством. Великий Юй же безо всякой для себя пользы пожертвовал собою, и тело его наполовину высохло. Люди древности не соглашались лишиться даже одного волоска, чтобы принести пользу Поднебесной, а если всю Поднебесную преподносили одному из них, [то он ее] не

брал. Никто из людей не лишился ни единого волоска; никто из людей не приносил пользы Поднебесной, а Поднебесная пребывала в состоянии порядка».

Цинь-цзы спросил Ян Чжу: «Если бы нужно было выдернуть один волос с Вашего тела, учитель, чтобы помочь всему миру, сделали бы Вы это?»

«Миру, безусловно, не помочь одним волоском», — ответил Ян-цзы.

«Предположим, что можно было бы, — спросил Цинь-цзы, — сделали бы Вы это?»

Ян-цзы не ответил. Цинь-цзы ушел и рассказал [об этом разговоре] Мэнсунь Яну. Мэнсунь Ян сказал: «Ты не постиг [сути] мыслей учителя. Я прошу [разрешить мне] высказаться об этом. [Если бы ты мог] получить десять тысяч слитков золота, срезав у себя кусок кожи, сделал бы ты это?»

«Сделал бы», — ответил [Цинь-цзы].

«[А если бы ты мог] получить царство, — спросил Мэнсунь Ян, — вырезав у себя один сустав, сделал бы ты это?»

Цинь-цзы безмолвствовал, и тогда Мэнсунь Ян сказал: «Один волос — это меньше, чем кусок кожи; кусок кожи — это меньше, чем один сустав; это очевидно. Однако ведь, по волоску собираясь, и образуется кожа; и кожа, собираясь, образует сустав. Один волос — это, безусловно, всего лишь одна вещь из тьмы частей тела; но разве [из-за этого] можно относиться к нему с пренебрежением?»

«Я не могу ответить тебе на это, — сказал Цинь-цзы, — однако если бы о твоих словах спросить Лао Даня и начальника пограничной заставы, то они [признали бы] правильными твои слова; а если бы о моих словах спросить великого Юя и Мо Ди, то они [признали бы] справедливыми мои слова».

Тогда Мэнсунь Ян отвернулся и заговорил о других вещах со своими учениками.

Ян Чжу сказал: «Все лучшее в Поднебесной приписывают Шуню, Юю, Чжоу-гуну и Кун-цзы; все плохое — Цзе и Чжоу. Однако когда Шунь занимался земледелием на северном берегу Хуанхэ и гончарным делом в Лэйцзе, то четыре части его тела не обретали даже мимолетного покоя, а рот и желудок не получали изысканных яств; он

не был любим ни отцом, ни матерью, а младшие братья и сестры не [считали его] близким человеком. Прожив так тридцать лет, он женился, не сообщив [об этом своим родителям]. Когда он получил [престол], который уступил ему Яо, то годами он был уже стар и разум его уже ослабел, [а так как его сын] Шан Цзюнь был лишен талантов, то [Шуню пришлось] отречься от престола в пользу Юя. В скорби и печали пришел он к своей смерти. Он был самым несчастным и жалким из всех людей.

Гунь приводил в порядок воды и землю. [Его тяжелый] труд не увенчался успехом, и он был пожизненно сослан на гору Юйшань. Юй продолжил дело [отца] и служил [своему] врагу. Он трудился только на не возделывающейся ранее земле, родившемуся сыну не дал имени, а проходя мимо ворот [своего дома], не заходил туда. Его тело наполовину высохло, а руки и ноги покрылись мозолями. Когда он получил [престол], который уступил ему Шунь, то, [хотя у него и были] прекрасная печать и корона, он жил в жалкой лачуге и в скорби и в печали пришел к своей смерти. Его судьба была самой печальной и горькой из [судеб] всех людей!

Когда скончался У-ван, [его сын] Чэн-ван был юным и слабым, и Чжоу-гун временно управлял Поднебесной. Шао-гун был недоволен этим и повсюду распускал слухи. [порочащие Чжоу-гуна, так что последнему пришлось] прожить три года на востоке страны. [Затем Чжоу-гун] казнил своего старшего брата и изгнал младшего и только тогда избавил свою жизнь [от опасности]. В скорби и печали пришел он к своей смерти. Он был самым опасным и трусливым из всех людей!

Кун-цзы понимал учение [просвещенных] правителей древности и принимал приглашения современных ему государей. Однако в Сун [пытались его убить], срубив дерево, [под которым он сидел]; в Вэй [он вынужден был спасаться бегством], замечая следы за собой; в Шан и Чжоу он жил в нищете; был окружен [негодующей толпой] в Чэнь и Цай; терпел несправедливость от господина Цзи и был опозорен Ян Ху. В скорби и печали пришел он к своей смерти. Он был самым бестолковым и суетливым из всех людей!

При жизни у всех этих четырех праведных совершенномудрых не было ни одного радостного дня; после смер-

ти же они обрели славу на несметное количество поколений. Славу? В действительности они, конечно, ее не имели. Хотя их и превозносят, они не знают об этом; хотя их и награждают, они не знают и об этом. Они ничем [теперь] не отличаются от пня или комка земли!

С помощью богатств, накопленных поколениями, Цзе занял почетное место сидящего лицом к югу. Ума у него было достаточно, чтобы отстранить от себя массы нижестоящих, а силы и власти было достаточно, чтобы внушить страх всем внутри морей. Он вволю услаждал свой взор и слух, исполнял все свои желания и мысли. В радостях и развлечениях пришел он к своей смерти. Он был самым свободным и развратным изо всех людей!

Чжоу тоже с помощью богатств, накопленных поколениями, занял почетное место сидящего лицом к югу. Для его силы и власти не было ничего невозможного, и не было [никого, кто бы] не подчинился его воле. В огромном дворце он, не сдерживая своих чувств, ночи напролет предавался безудержному удовлетворению своих страстей. Он не утруждая себя ни [заботой] о правилах поведения, ни [мыслями о] долге; в радостях и развлечениях пришел он к своей гибели. Он был самым распущенным и необузданным из всех людей!

Эти два злодея при жизни испытали радость исполненных желаний, а после смерти прославились как безумцы и тираны. А в действительности? Конечно, не славой пришлось им поступиться. Хотя их и осуждают, они не знают об этом; хотя их и хвалят, они не знают и об этом. Разве они чем-либо отличаются [теперь] от пня или комка земли?

Хотя тем четверем праведным мудрецам и приписывают все лучшее [в Поднебесной, но они] страдали до конца дней своих и умерли так же, как и все люди. Этим же двум злодеям хотя и приписывают все плохое [в Поднебесной, но они] предавались удовольствиям до конца дней своих и умерли так же, как и все люди».

Ян Чжу посетил лянского государя и сказал ему, что управлять Поднебесной так же [просто], как повернуть ладонь.

«У Вас, учитель, — сказал лянский государь, — только одна жена и одна наложница, и Вы не можете с ними

справиться; у Вас огород [величиной всего лишь] в три му, и Вы не можете его прополоть; а говорите, что управлять Поднебесной так же [просто], как повернуть ладонь! Как же это так?»

«Видели ли Вы, государь, как пасут овец? — спросил в ответ Ян Чжу. — Стадо — это целая сотня овец, но если за стадом послать подростка ростом в пять чи с кнутом, перекинутым через плечо, то оно пойдет на восток, [когда он] захочет, [чтобы оно шло] на восток, или на запад, [когда он] захочет, [чтобы оно шло] на запад. Если же послать Яо, чтобы он вел на веревке одну лишь овцу, и Шуня, чтобы следовал за ним с кнутом, перекинутым через плечо, то они не смогут двинуться вперед. К тому же я, Ваш слуга, слышал и о том, что рыбы, проглатывающие корабли, но плавают по притокам, а дикие лебеди, летающие высоко, не собираются стайей на заболоченных прудах. Почему это так? Потому что их природа слишком далека [от этих вещей]. Тоны хуан-чжун и далюй не могут сопровождать танец, [исполняющийся под звуки] режущей слух музыки. Почему это так? Потому что их звучание слишком несходно. Это говорит о том, что тот, кто управляет великим, не управляет малым; а тот, кто совершает великие подвиги, не совершает малых».

Ян Чжу сказал: «Дела далекой древности бесследно исчезли, и никто их не увековечил. Дела трех [древних] владык не то сохранились, не то пропали. Дела пяти правителей [прошлого] не то чувствуются наяву, не то видятся во сне. Из бесчисленного множества дел трех царей, тайных ли, явных ли, неизвестно даже одно. Из тьмы дел, [совершающихся] при нашей жизни, слышали ли мы о них, видели ли мы их, неизвестно даже одно. Из тысячи дел, [происходящих] на наших глазах, сохранных ли, отброшенных ли, неизвестно даже одно. И никак нельзя сосчитать полного количества лет, которые прошли с далекой древности до наших дней, — только со времен Фуси уже прошло триста с лишним тысяч лет. Мудрые и глупые, красивые и уродливые, победители и побежденные, правдивые и лживые — все они без исключения исчезли, и единственной [разницей] был более медленный или более быстрый срок [их исчезновения]. Принимать близко к сердцу мимолетную клевету или похвалу и этим

сжигать свой разум и тело и причинять им страдание; желать ненужной посмертной славы на несколько сот лет — разве этого достаточно, чтобы увлажнить высохшие кости? Какая же это радость бытия?»

Ян Чжу сказал: «Человек подобен небу и земле и, как они, таит в себе природу пяти [движущих] начал. Человек является самым разумным [среди всех существ], наделенных жизнью. [И в то же время] когти и зубы человека недостаточно сильны, чтобы обеспечить ему охрану и защиту; мускулы и кожа недостаточно крепки, чтобы оборонять его и отражать [удары]; бегаёт и ходит он недостаточно быстро, чтобы убежать от опасности. [У человека] нет ни шерсти, ни перьев, защищающих его от холода и жары, ему необходимо пользоваться [внешними] средствами и вещами, чтобы прокормиться. Поэтому он по своей природе полагается на разум, а не опирается на силу. Поэтому человек высоко ценит разум, ибо ценит то, что сохраняет его существование, и с пренебрежением относится к силе, ибо презирует то, что совершает насилие над [внешними] вещами. Однако наше тело нам не принадлежит — то, что рождено, не может не быть [сохранено] в целостности. Но внешние вещи тоже нам не принадлежат — то, что однажды нам принадлежало, не может не быть снова потеряно. Тело, несомненно, главное в жизни; внешние вещи также являются главным для прокормления [человека]. Даже если сохранить в целостности жизнь тела, нельзя им владеть; даже если не терять внешних вещей, нельзя ими владеть. Владеть этими вещами, владеть этими телами означает самовольно присваивать себе тела, [существующие в] Поднебесной; самовольно присваивать себе вещи, [имеющиеся в] Поднебесной. Только совершенномудрый может это понять. Делить тела, [существующие в] Поднебесной, со всеми; делить вещи, [имеющиеся в] Поднебесной, со всеми — только совершенный человек может это сделать. Это и называется совершенством совершенства».

Ян Чжу сказал: «Существуют четыре причины, из-за которых живые люди не могут спокойно отдохнуть. Первая — [желание] долголетия; вторая — [жажда] славы; третья — [стремление получить чиновничью] должность; чет-

вертая — [жажда] богатства. Из-за этих четырех [страстей люди] боятся духов и опасаются людей, боятся властей и опасаются наказаний. Это называется бегством человека [от его природы]. Можно пасть убитым, можно остаться в живых — в любом случае решение судьбы человека не зависит от него самого.

Зачем жаждать долголетия тому, кто не идет против судьбы? Зачем жаждать славы тому, кто не ценит знатности? Зачем жаждать чиновничьей должности тому, кто не хочет обладать властью? Зачем жаждать богатства тому, кто не алчет состояния? Это называется следованием человеческой [природе]. [У такого человека] нет соперников в Поднебесной. Решение его судьбы зависит от него самого. Поэтому в поговорке об этом сказано следующее:

Человек без жены и без чина —
и пропала его чувств и страстей половина;
человек без одежды и без еды —
и нет ни господина, ни слуги!

В чжоуской пословице говорится: «Землепашца можно убить, [заставив его] сидеть [сложив руки]». С рассветом уходить [в поле], ночью возвращаться, он сам считает неизменным в [человеческой] природе. Похлебку, бобы, коренья и ботву он сам считает самыми вкусными яствами. Его кожа и мясо грубые и толстые; мускулы и суставы натянутые и крепкие. Если бы однажды утром он очутился на мягком пуху, среди шелковых занавесей и ему [поднесли бы изысканные яства] из зерна и мяса, а также орхидеи и мандарины, то в его сердце [закралась бы] тоска, тело [охватило бы] беспокойство, а внутренний жар вызвал бы болезнь. А если бы подобно землепашцу в поле поработали шанский или луский государи, то не прошло бы и мгновения, как они уже устали бы. Поэтому в Поднебесной нет ничего выше того, в чем находит покой деревенский человек; нет ничего выше того, в чем находит красоту деревенский человек.

В прошлом в царстве Сун жил некий землепашец. Обычно одевался он в старый халат, подбитый очесами конопли, лишь бы кое-как провести зиму, когда же наступала весна [и начинались] весенние полевые работы,

грелся на солнце. Он не ведал о том, что в Поднебесной существуют просторные хоромы и нагретые покои, теплая одежда и пушистые меха. Поразмыслив, он как-то сказал своей жене: «Никто не знает, как греет солнце, когда повернешься к нему спиной. Если я доложу об этом нашему государю, то получу большую награду».

[Услышав это, один из] богатых жителей его деревни сказал ему: «Когда-то был человек, который самым вкусным [считал] дикие бобы и который с удовольствием ел стебли конопли, сельдерей и ряску. [Однажды он] стал расхваливать эти кушанья влиятельным жителям деревни. Те взяли и попробовали их. Рты у них как бы обожгло, а желудки разболелись. Жители деревни стали насмехаться над этим человеком и презирать его, и ему стало очень стыдно. Ты тоже принадлежишь к такой породе людей».

Ян Чжу сказал: «Если обладать четырьмя вещами: богатым домом, изящными одеждами, изысканными яствами и прекрасными женщинами, — то чего же еще домогаться от внешнего [мира]? Обладать всем этим и [еще чего-то] домогаться от внешнего [мира означает иметь] ненасытный характер. Однако ненасытный характер — это червь, [съедающий] жизненные силы [человека].

Верности недостаточно, чтобы обеспечить спокойствие государя, однако как раз достаточно, чтобы подвергнуть опасности свое тело; справедливости недостаточно, чтобы принести пользу другим людям, однако как раз достаточно, чтобы причинить вред [собственной] жизни. Однако если обеспечение спокойствия государя не происходит от верности, то исчезает слава верности; а если принесение пользы другим не происходит от справедливости, то пропадает слава справедливости. Обеспечить спокойствие государя и подданных, приносить пользу и другим и себе — это учение [людей] древности...»

ЧЖУАН-ЦЗЫ

О жизни Чжуан Чжоу, по китайскому обычаю обычно именуемого «учитель Чжуан» (Чжуан-цзы), известно немного. Приблизительными датами его жизни считаются 369—286 гг. до н. э. Основным источником знаний о нем является его краткая биография, находящаяся в «Ши цзи» («Исторические записки», II в. до н. э.).

«Его учение, — говорится в «Ши цзи», — не знало пределов, однако в главном и основном он возвращался к словам Лао-цзы, поэтому его письма, сто с лишним тысяч иероглифов, — это большей частью одни иносказания... Своим мастерством в сочинении писем и толковании выражений, в определении смысла фактов и классификации событий он использовал для сокрушительных атак на Кун-цзы и Мо Ди, хотя и другие тогдашние ученые-эрудиты не могли защитить себя [от его критики]. Его слова безбрежны, как океан; чтобы быть верным себе, он себя ничем не стеснял, поэтому правители и сановники не могли его использовать...»

Как философ Чжуан-цзы был приверженцем и, по-видимому, самым ярким представителем даосизма. Основателем этой философской школы считается Лао-цзы. Некоторые ученые выдвигают тезис о том, что существующий ныне текст «Дао дэ цзин» более поздний, чем «Чжуан-цзы», и последний принимают за основу изложения древнедаосистского учения. Такой тезис представляется недостаточно убедительным, однако судить о даосизме по «Чжуан-цзы», несомненно, можно.

В настоящей своей форме «Чжуан-цзы» содержит тридцать три главы, разделенные на три части: так называемую внутреннюю (первые семь глав) — основную теоретическую часть, самую аутентичную и близкую самому Чжуан-цзы; внешнюю (следующие пятнадцать глав) — поясняющую положения первой части; смешанную (последние одиннадцать глав) — разъясняющую на конкретных примерах содержание предыдущих частей. Конечно, подобное разделение является условным, так как и в первой части имеется обилие притч, аллегорий, примеров, и во второй и третьей частях есть

главы очень важные в теоретическом плане. Можно, однако, отметить, что именно здесь имеются фрагменты, написанные позже, чем основная часть. К ним относится, в частности, глава тридцать третья — обзор древнекитайской философии и философов, в том числе самого Чжуан-цзы, написанная, по-видимому, вскоре после его смерти.

Весь трактат представляет собой высокохудожественное произведение, довольно необычное среди других философских текстов того периода и особенно резко отличающееся от сухого и сжатого до грани возможного «Дао дэ цзин». Поэтому хотелось бы отметить, что это произведение сыграло большую роль не только в развитии раннего даосизма, но и оставило значительный след во всей китайской культуре.

Представленный здесь перевод охватывает лишь небольшую часть всего трактата «Чжуан-цзы». Но он дает определенную возможность познакомиться с философией Чжуан-цзы, с его методом аргументации, идейно-этической позицией и литературным стилем, а также с даосистской философией вообще.

Для настоящего издания перевод выполнен на основе текста «Чжуан-цзы цзи-цзе».

С. Кучера

Глава 1

БЕЗЗАБОТНОЕ СКИТАНИЕ

В Северном океане есть рыба, имя которой — Гунь. Величина ее [достигает] неизвестно скольких тысяч ли. Гунь превращается в птицу, имя которой — Пэн. Спина ее [достигает] неизвестно скольких тысяч ли. Когда она стремительно взмывает ввысь, ее крылья, как тучи, нависшие в небе. Вот какова эта птица. Когда море волнуется, Пэн направляется в Южный океан. Южный океан — это Небесный водоем.

В «Рассказах из Ци» записаны удивительные [истории]. «Рассказы» повествуют: «Направляясь в Южный океан, Пэн поднимает волны [на просторе в] три тысячи ли. Опираясь о вихрь, Пэн взлетает на девяносто тысяч ли и улетает, пользуясь ветром, [который дует] в шестой луне». [Птица Пэн кажется] испарением, пылинкой, [а ее движение] — дыханием, которым овевают друг друга живые существа. Лазурь неба — это его подлинный цвет, так как оно далеко и нет ему ни конца ни края. Посмотрев вниз, [Пэн видит] то же самое, вот и все.

Если толща воды недостаточно велика, то ей не под силу нести большой корабль. Если в углубление в полу вылить чарку воды, то горчичное зернышко будет для нее кораблем. Если же туда поместить чарку, то она встанет на дно, [так как] воды мало, а корабль большой. Если толща потока ветра недостаточна, то ему не под силу нести большие крылья [Пэн]. Поэтому [лишь на высоте] девяносто тысяч ли, когда весь ветер внизу, только тогда его сила достаточна. Имея лишь синее небо над собой и никаких препятствий [впереди], только тогда Пэн направляется на юг.

Цикада и голубь, смеясь над Пэн, говорили: «Когда мы поднимаемся [в воздух], то взлетаем на вяз или на сандаловое дерево. А иногда не долетаем [даже до них] и садимся на землю, и все. Зачем взлетать на девяносто тысяч ли и отправляться на юг?». Тот, кто отправляется в зелень окрестностей, возвращается после трех приемов пищи, и живот его все еще переполнен. Тот же, кто отправляется за сто ли, запасается зерном на сутки; а тот, кто отправляется на расстояние тысячи ли, запасается зерном на три месяца. Что же знают две эти птицы? Малому знанию не сравниться с большим, а короткой жизни — с долгой. Но как узнать, что это так? Бабочка-однодневка не знает ни начала, ни конца лунного месяца; пятнистая цикада не знает ни весны, ни осени; это короткие жизни. На юге Чу растет дерево мин-лин. Пятьсот лет длится его весна и пятьсот лет — осень. В глубокой древности росла цедрела да-чунь. Восемь тысяч лет длилась ее весна и восемь тысяч лет — осень. А между тем Пэн-цзу поныне славится своим долголетием, и все люди [хотят] сравниться с ним, разве это не печально? Именно об этом Тан и спрашивал Цзи.

На бедном растительностью севере находится Темное море — это Небесный водоем. А в нем обитает рыба, ширина ее — несколько тысяч ли, а длина никому не известна. Имя ее — Гунь. Обитает там птица, имя ее — Пэн, спина ее — как гора-Тай, ее крылья — как тучи, нависшие в небе. Опираясь о вихрь или смерч, Пэн взлетает на девяносто тысяч ли. Поднявшись за облака, в синее небо, Пэн направляется затем на юг, чтобы достичь Южного океана. Маленькая перепелка, смеясь над Пэн, говорила: «Куда же она направляется? Когда я взлетаю, то поднимаюсь на несколько жэней и опускаюсь. Порхаю между кустами полыни, и это тоже совершенство полета. А куда же направляется эта Пэн?». Это и есть различие между малым и великим.

Поэтому те, чьи знания приносят плоды [при исполнении лишь какой-то] одной должности, чье поведение [может быть] примером [лишь для какого-то] одного округа, чья добродетель [может] понравиться [лишь какому-то] одному правителю, чьи способности [могут] привлечь доверие [лишь какой-то] одной страны, — все они думают о себе так же, как и эта [перепелка]. И Сунь Жун-цзы вы-

смеивал таких людей. Одобрение всего мира не усилило бы его воодушевления, порицание всего мира не усилило бы его уныния. Он прочно установил различие между внутренним и внешним и ясно определил грань между славой и позором, и это все. Да! Таких, как он, в мире найдется немного, но все же и он не все еще установил.

Ле-цзы передвигался, управляя ветром, легко и искусно и возвращался только через 15 дней. Да! Таких, как он, даже среди достигших счастья найдется немного, и хотя он и освободился от [необходимости] передвигаться [пешком], но все же еще в чем-то нуждался. Но тот, кто овладеет [смыслом] постоянства неба и земли и сможет управлять изменениями шести элементов природы, чтобы блуждать в бесконечности, разве будет он еще в чем-то нуждаться? Поэтому говорится: «Совершенный человек не имеет [собственного] «я»; святой человек не имеет заслуг; совершенномуудрый не имеет славы...»

Глава 2

СГЛАЖИВАНИЕ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

Нань-го Цзы-ци сидел, опираясь о стол. Смотрел в небо и медленно дышал, сидел отрешенный, словно душа его покинула тело. Янь Чэн Цзы-ю, стоявший перед ним и прислуживавший ему, сказал: «Как же это так? Неужели действительно тело [человека] можно заставить [стать] подобным сухому дереву, а его сердце можно заставить [стать] подобным остывшему пеплу? Вель Вы, опирающийся о стол, сегодня уже не тот, что опирался о стол когда-то!». [В ответ] Цзы-ци сказал: «Янь, ты очень хорошо спросил об этом! Знаешь ли ты, что только что я отрешился от самого себя? [Может быть], ты слышал уже флейту человека, но не слышал еще флейты земли; [может быть], ты слышал уже флейту земли, но не слышал еще флейты неба!» — «Позвольте спросить Вас об этом искусстве», — сказал Цзы-ю. Цзы-ци ответил: «Земля выдыхает воздух, имя его — ветер. [Иногда] он пребывает в покое, но если действует, тогда из тьмы [земных] отверстий вырывается яростный рев. Ты никогда не слышал его завывания? Лесистые горные утесы, дупла огромных дере-

вьев в сто обхватов похожи на нос, рот, уши; они, как квадратная переключина, как круглая ограда, как вогнутая ступка; они подобны глубокому пруду, подобны мелкой трясине. [Звук ветра, выходящего из этих отверстий, напоминает] то нарастающий шум воды, то замирающий свист стрелы; то грубый храп, то нежный вздох; то звучный крик, то сдвоенное рыдание; то протяжный [стон], то отрывистый [лай]. Сначала завывает [ветер], затем [ему гармонично] вторит шум [деревьев, раскачиваемых ветром]. При легком ветре достигается малая гармония, при урагане — великая. Когда стихает сильный ветер, то все отверстия замолкают. Ты разве никогда не видел качающихся [на ветру деревьев]?». «[В таком случае] флейта земли — это все ее отверстия, флейта человека — это гармонично подобранные бамбуковые трубки [с отверстиями], — сказал Цзы-ю. — Позвольте спросить о флейте неба». — «Когда она звучит, [то производит] тьму различных [звуков] и позволяет каждому из них замирать самому по себе. Все они и звучат сами по себе, разве есть кто-нибудь, кто их возбуждает?» — ответил Цзы-ци.

Большое знание — обширное и всестороннее, малое знание — узкое и однобокое. Значительные слова — страстные, малые слова — пустые. Когда люди спят, они воспринимают душой, когда они просыпаются, то раскрываются [чувства] тела. [Люди] общаются, заключают союзы [и при этом] весь день при помощи разума борются друг с другом. [Люди бывают] великодушными, скрытными, осторожными, Малый страх [вызывает у них] беспокойство, большой страх лишает их рассудка. Когда они высказывают [свои суждения], то как бы [выпускают стрелу из] арбалета, стремясь определить правду и ложь. Когда они оставляют [свои суждения при себе], то как бы [соблюдают] клятву, [данную при заключении] союза, сохранение ими [молчания] — залог победы. Когда они увядают подобно осенней и зимней природе, то слабеют день ото дня; а если они погрузились в свои деяния, то нет возможности заставить их освободиться от этого. Если они погрязли [в своих страстях], то как бы опутали [самих себя] и с возрастом все глубже в них утопают; сердца, близкие к смерти, невозможно вернуть к жизни. Радость и гнев, грусть и веселье, тревога и печаль, изменчивость и постоянство, легкомыслие и расточительность, страст-

ность и распутство, [словно] музыка, рождающаяся из пустоты [инструментов], как грибы, возникающие из испарений, ежедневно и еженощно взаимно сменяются перед нами, и не известно, откуда они берутся. Однако довольно об этом, довольно! Когда-нибудь постигнем эту [истину]. Она является источником, рождающим их.

Если бы не было того, не было бы и этого; а если бы не было этого, то некому было бы воспринимать то, что уже близко [к истине], однако не известно, кем [здесь] положено начало. Как будто бы существует настоящий повелитель, однако невозможно найти его следов. Я уже поверил, что он может действовать, но не видел его тела. У него есть разум, но нет тела.

Сотня костей, девять отверстий и шесть внутренних органов — все они без исключения существуют [в человеческом теле]. Что из них мне ближе всего? Нравятся ли они тебе все [одинаково], или чему-то из них ты отдаешь предпочтение? Все ли они стали твоими слугами и служанками? Достаточно ли этих слуг и служанок, чтобы управлять друг другом? Сменяют ли они друг друга [в роли то] государя, [то] слуги? [Или же между] ними существует истинный государь? Постигнем ли мы его существо или не постигнем, это не принесет ни пользы, ни вреда его настоящей [природе]. Однажды полученное [нами тело] обретает свою законченную форму и сохраняется таким до своего конца. Во взаимной борьбе с внешним миром и в следовании ему оно мчит к концу, как стремительная лошадь, и нет возможности его остановить — разве это не печально? А до изнеможения трудиться всю жизнь и не увидеть плодов своего труда, уставать, истощаться в труде и не знать конечной цели его — разве это не горестно? Люди называют это бессмертием, а какая от него польза? Тело человеческое разлагается, а вслед за ним и его сердце — разве можно не назвать это великой скорбью? Жизнь человека! Действительно ли она столь неразумна? Или это только я один неразумный, а среди людей есть и не неразумные? Люди следуют своим укоренившимся взглядам, как за наставником. Существует ли кто-то без такого наставника? Разве он есть только у тех, кто непременно знает [чередование] перемен и сердцем сам его выбирает, у неведущих всдь тоже есть [такой наставник]. Не

имея еще установившихся взглядов, определять правду и ложь равнозначно [утверждению]: «Сегодня отправился в Юе, а вчера туда прибыл». Это [означает] несуществующее принимать за существующее; а как несуществующее сделать существующим, не мог знать даже великий Юй. Откуда же мне это знать?

Речь — это не выдыхание [воздуха]. Говорящему есть что сказать, однако то, что он говорит, весьма неопределенно. Тогда действительно ли существует речь? Или же речи никогда не было? Ее считают отличной от щебета птенца — действительно ли есть такая разница? Или же ее нет? Почему так скрыто *дао*, что существуют истинное и ложное? Почему речь так темна, что существуют правда и ложь? Куда же удалиться *дао*, чтобы прекратилось его существование? Где же пребывать речи, чтобы быть неуместной? *Дао* затемняется [человеческой] односторонностью; речь затемняется цветистостью. Поэтому существуют правда и неправда последователей Кун-цзы (Конфуций. — *Ред.*) и Мо-цзы, одни принимают за правду то, что другие считают неправдой, и отрицают то, что те считают правдой. Для того чтобы утверждать то, что они отрицают, и отрицать то, что они утверждают, лучше всего использовать свет [разума].

Нет [в мире] вещи, которая не была бы тем, и нет вещи, которая не была бы этим; через то невозможно познать, через это познаваемо все. Поэтому говорится: «То возникает из этого, а это зиждется на том». Таково учение о том, что то и это взаимно порождают друг друга. Во всяком случае только тогда, когда существует жизнь, существует смерть; только тогда, когда существует смерть, существует жизнь; только тогда, когда существует возможное, существует невозможное; только тогда, когда существует невозможное, существует возможное. Вследствие того что существует правда, существует неправда; вследствие того что существует неправда, существует правда. Поэтому совершенномудрый не следует [этому различию], а сообразуется с природой и следует естественному течению. Это есть также то, то есть также это; и то объединяет правду и неправду, и это объединяет правду и неправду, так действительно ли существует [различие] того и этого, или же нет [различия] того и этого? Пока то и это не стали парой,

такое называется осью *дао*. Эта ось начинается в центре круга [перемен], который соответствует бесконечности. Правда также бесконечна, неправда также бесконечна. Поэтому и говорится: «Лучше всего использовать свет [разума]».

Использовать палец, чтобы пояснить, что палец не является пальцем, хуже, чем использовать то, что не является пальцем, чтобы пояснить, что палец не является пальцем. Использовать лошадь, чтобы пояснить, что лошадь не является лошадью, хуже, чем использовать то, что не является лошадью, чтобы пояснить, что лошадь не является лошадью. Небо и земля не больше, чем палец; все вещи не больше, чем лошадь. [Люди называют] возможным то, что для них возможно, невозможным — то, что для них невозможно. Дорога возникает, когда ее протопчут [люди]; вещи становятся тем, что они есть, [когда люди] дадут им названия. Какие же они? Такие, какие есть. Какими они не являются? Не являются такими, каковы они не есть. [Любой] вещи изначально присуще то, на что она способна. Нет вещи, которой не [присуще] то, что она есть; нет вещи, которой не [присуще] то, на что она способна. Поэтому то, что субъективно отмечается как стебель и столб, прокаженный урод и красавица Сиши, великодушие и вероломство, лицемерие и странность, — все это *дао* объединяет в единое целое. Их разделение — это их созидание, их созидание — это их уничтожение. Все вещи независимо [от степени их] созидания и уничтожения снова объединяются в единое целое. Однако только постигший [*дао*] знает, что все объединяется в единое целое, не прибегает к субъективным [суждениям], а придерживается общепринятого. Общепринятое [проистекает из] применения; применение [зиглется на] понимании; понимание [ведет к] самоудовлетворению. Достижение самоудовлетворения [означает] близость [к цели], и, следуя естественному течению, [здесь мы] останавливаемся. Остановиться и не знать причины этого — это и называется *дао*.

Изнурять свой ум в поисках единства [противоположного] и не знать, что они едины, называется «утром три». Что такое «утром три»? Человек, содержавший обезьян, раздавая им желуди, однажды сказал: «Утром [дам вам]

три [мерки], а вечером — четыре». Все обезьяны пришли в ярость. Тогда он сказал: «В таком случае [дам вам] утром четыре [мерки], а вечером — три». Все обезьяны обрадовались. Таким образом, и гнев и радость нашли выход, однако ни название, ни сущность не потерпели ущерба. Это тоже означает «следовать естественному течению». Поэтому мудрец приводит в гармонию [противоположность] правды и неправды и отдыхает в естественном равновесии. Это называется двойным поведением.

Древние в своих познаниях достигли предела. В чем этот предел? Они считали, что вначале не было вещей, — это предел, это грань, [и тут ничего] нельзя добавить. Потом считали, что появились вещи, но они еще не разграничивались. Затем считали, что появилось такое разграничение, но еще не было [различения] правды и неправды. Когда ясно проявились правда и неправда, *дао* был нанесен ущерб. Когда *дао* был нанесен ущерб, возникло пристрастие. Действительно ли имели место возникновение пристрастия и нанесение ущерба *дао*? Или же возникновение пристрастия и нанесение ущерба *дао* не имели места? [Если действительно] возникло пристрастие и *дао* был нанесен ущерб, то это [похоже на] игру Чжао Вэня на цине; если возникновение пристрастия и нанесение ущерба не имели места, то это [похоже на то, когда] Чжао Вэнь не играл на цине. Чжао Вэнь играл на цине, мастер Куан держал трость, а Хуэй-цзы опирался о платан. Знания этих трех мастеров были близки [к идеалу], все они достигли совершенства [в своем искусстве], поэтому [легенды о них] были записаны [и сохранились для] последующих поколений. Своим пристрастием к этим [искусствам] они отличались от других; будучи пристрастными к этим [искусствам], они стремились просветить других. [Они] просвещали других в том, в чем у тех не было [необходимости] быть просвещенными, поэтому [Хуэй-цзы] всю жизнь [занимался] невразумительными рассуждениями о «твердости и белизне», а сын Чжао Вэня всю жизнь подражал искусству своего отца, но так и не добился успеха. Если их можно назвать добившимися успеха, то и я тоже добился успеха; если их нельзя назвать добившимися успеха, то ни другие, ни я не добились успеха. Поэтому совершенномудрый старается устранить

[ослепляющий людей] блеск хаоса. Он прибегает не к субъективному [мнению], а придерживается общепринятого. Это называется «использовать свет [разума]».

Ныне есть еще иное суждение об этом. Не знаю, совпадает ли оно с моим [мнением или же] не совпадает? Совпадает ли, не совпадает ли, обоюдно они становятся совпадающими и тогда не отличаются от других [мнений]. Хотя это так, попробую сказать об этом. Существует начало и то, что еще не начало быть началом, а также то, что еще не начало быть тем, что еще не начало быть началом. Существует бытие, существует небытие, существует то, что еще не начало быть небытием, а также то, что еще не начало быть тем, что еще не начало быть небытием. Внезапно появляется небытие, и неизвестно, что же на самом деле существует, а что же не существует: бытие или небытие. Теперь я уже что-то сказал, однако не знаю: в сказанном мною действительно было что-то сказано или в сказанном мною на самом деле ничего не было сказано? В Поднебесной нет ничего больше, чем кончик осеннего волоска, и ничего меньше горы Тайшань; никто не прожил дольше, чем умерший младенцем, а Пэн-цзу ушел из жизни юнцом. Небо и земля родились одновременно со мной; внешний мир и я составляем одно целое. Поскольку мы уже составляем единое целое, можно ли еще об этом что-то сказать? Поскольку уже сказано, что мы составляем единое целое, можно ли еще что-то не сказать? Единое целое и слова — это два, два и один — это три. Если от этого продолжить дальше, то даже искусный математик не сможет достичь [предела исчисления], что же тогда говорить об обычных [людях]? Поэтому если мы от небытия продвигаемся к бытию и достигаем трех, то что же тогда говорить о продвижении от бытия к бытию? Не надо продвигаться, остановимся на следовании естественному течению.

Дао первоначально не имело никаких разграничений, слова первоначально не имели постоянного [смысла], и, только когда возникло субъективное, появились эти разграничения. Позвольте сказать о них. Существуют левая [сторона] и правая [сторона], существуют обсуждение и решение, разделение и различие, соперничество и борьба — это называется восемь категорий. То, что находится за

пределами пространства, [окружающего человека], совершенномудрый [оставляет своему] существованию и не обсуждает; то, что находится в пределах этого пространства, совершенномудрый обсуждает, но не выносит своего решения. О погодных хрониках, в которых записаны [события] времен правления прежних государей, совершенномудрый высказывает свое суждение, но не спорит. Поэтому в разделении есть нераздельное, в спорном — бесспорное. Чем это объясняется? Тем, что совершенномудрый охватывает все это, а обычные люди спорят об этом, чтобы похвастаться друг перед другом. Поэтому говорится: «В спорном что-то остается незамеченным». Великое *дао* не [может быть] названо; великий спор не [может быть решен] словами; великое человеколюбие не [проявляется в] любви; великая скромность не уступчива; великая отвага не причиняет вреда [людям]. Дао, которое проявилось, не есть [настоящее] *дао*; слова, высказанные в споре, не достигают [цели]; человеколюбие, [проявляющееся в] постоянной [любви], небезупречно; безукоризненная скромность не вызывает доверия; отвага, причиняющая вред [людям], несовершенна; эти пять [качеств первоначально были] круглыми, а [теперь] близки к квадрату. Поэтому совершенен тот, кто умеет остановиться на том, что ему неизвестно. Кто знает спор без слов, кто знает неназванное *дао*? Если есть кто-то, кто может это знать, его [можно] назвать сокровищницей природы. Она не переполняется, когда в нее добавляют, и не истощается, когда из нее черпают, и неизвестны ее истоки. Это называется скрытым светом.

Некогда Яо, обратившись к Шуню, сказал: «Хочу пойти походом на Цзун, Гуй и Сюяо. [С тех пор как я] взошел на престол, на душе у меня [из-за них] беспокойно. Что является причиной этого?». Шунь ответил: «Эти три правителя живут словно среди полыни. Почему же на душе у тебя беспокойно? Когда-то в прошлом одновременно десять солнц взошло и осветило весь мир; тем более [осветит его твоя] добродетель, которая ярче солнца».

Не Цюе спросил у Ван И: «Знаете ли Вы, в чем общая истина всех вещей?». [Ван И] сказал: «Как я могу это знать?» — «Знаете ли Вы то, чего не знаете?» — «Как

я могу это знать?» — «В таком случае никто ничего не знает?» — «Как я могу это знать? Тем не менее попробую сказать об этом. Как постичь, что то, что я называю знанием, не является незнанием? Как постичь, что то, что я называю незнанием, не является знанием? А теперь я попытаюсь спросить тебя: если человек переночует в сыром [месте], то у него разболится поясница и он умрет от паралича, так ли будет с гольцом? [Если человек] поселится на дереве, то [станет] дрожать от страха и робеть, так ли будет с обезьяной? Кто из этих троих знает надлежащее место? Человек питается [мясом] домашних животных, а олени — травой; сколопендры лакомятся змеями, а совы и вороны — мышами. Кто из этих четверых знает настоящий вкус [еды]? Обезьяна-самец ищет самку среди обезьян, олень спаривается с оленихой, голец плавает с рыбами. Мао Цян и Ли Цзи [считались] самыми красивыми среди людей, однако рыбы, увидев их, погружались в глубину; птицы, увидев их, улетали ввысь; олени, увидев их, стремглав убегали. Кто из этих четверых знает, [что такое] настоящая красота в Поднебесной? С моей точки зрения, принципы человеколюбия и справедливости и пути правды и неправды запутаны и хаотичны, как я могу знать разницу между ними?».

Не Цюе сказал: «Если Вы не знаете, что полезно, а что вредно, то тогда несомненно, что совершенный человек [тоже] не знает, что полезно, а что вредно?» — «Совершенный человек — нсобыкновенный! — ответил Ван И. — Даже если бы загорелись великие болота, [он] не почувствовал бы жара; даже если бы замерзли реки Хэ и Хань, [он] не почувствовал бы холода; даже если бы внезапный удар грома расколол горы, а ветер вздыбил море, это не могло бы его испугать. Будучи таким, он, управляя облаками и воздухом и оседлав солнце и луну, странствует за пределами четырех морей. Ни смерть, ни жизнь ничего в нем не меняют, тем паче принципы полезного и вредного!».

Цюй-цяо-цзи, обращаясь к Чан-у-цзы, спросил: «Я слышал от Учителя, что совершенномудрый не занимается делами [этого мира], не ищет выгоды, не избегает вреда, не любит добиваться [чего-либо], не следует [по проторенному] пути, он говорит, не произнося слов, и произ-

носит слова, которые [ничего] не говорят, и странствует за пределами пыли и грязи [этого мира]. Учитель считал все это пустыми словами, а я считаю это действием сокровенного *дао*. Каково Ваше мнение?».

Чан-у-цзы ответил: «Услышав это, [даже] Хуан-ди был бы сбит с толку, разве может моего [ума] хватить, чтобы уразуметь это? К тому же ты еще и рассчитываешь слишком поспешно. Видишь яйцо и сразу же хочешь, чтобы оно пело петухом; видишь самострел и сразу же хочешь [увидеть] жареного голубя. Я скажу тебе об этом несуразными словами, но ты не воспринимай этого всерьез, хорошо? [Совершенномудрый] стоит рядом с солнцем и луной, обнимает Вселенную, объединяется с нею воедино, устраняет ее беспорядок, и на раба и на знатного смотрит одинаково. Обычные люди трудятся [не покладая рук], а совершенномудрый, который [выглядит как] глупец, объединяется с вечностью и достигает полного единства; все вещи следуют своему естественному [течению] и собираются вместе в этом [единстве]. Откуда же мне знать, не является ли заблуждением любовь к жизни? Откуда же мне знать, не [подобна ли] ненависть к смерти [человеку], который потерялся в детстве и не знает [пути] возвращения домой? Ли Цзи была дочерью пограничного стражника из Ай. Когда [люди из] государства Цзинь захватили ее, то она вначале так заливалась слезами, что промочила полы платья. А когда она прибыла во дворец вана, поделила с ним ложе и стала питаться [мясом] домашних животных, то раскаялась в своих слезах. Откуда же мне знать, не раскаивается ли мертвый, что когда-то умолял [о продлении] жизни? Тот, кто во сне пил вино, утром, [проснувшись], плачет; тот, кто во сне проливал слезы, утром, [проснувшись], отправляется на охоту. Когда ему что-то снится, он не знает, что это сон. Во сне он даже гадаст по своему сну и только после пробуждения знает, что это был сон. Но существует еще великое пробуждение, после которого сознают, что это был великий сон. А глупец считает, что он бодрствует, и доподлинно знает, кто является правителем, а кто пастухом. Как он туп! И я и ты — все мы лишь сон. И то, что я называю тебя сном, — это тоже сон. Такие слова называют чрезвычайно странными, и если после десяти тысяч поколений нам встретится великий совершенномудрый, знающий их

объяснениис, [то покажется, что до встречи] с ним прошли сутки.

Предположим, что я спорю с тобой. Ты победил меня, а я не победил тебя, разве [это значит, что] ты действительно прав, а я не прав? А если я победил тебя, а ты не победил меня, разве [это значит, что] я действительно прав, а ты не прав? Разве [обязательно] кто-то из нас прав и кто-то не прав? А может быть, мы оба правы или мы оба не правы? Если ни я, ни ты не можем знать, [кто из нас прав, а кто не прав], то и другие люди, несомненно, [тоже] остаются в неведении истины. Кого же найти нам, чтобы рассудил нас? Если позвать того, кто согласен с тобой, чтобы нас рассудил, то, поскольку он согласен с тобой, как же может он нас рассудить? Если позвать того, кто согласен со мной, чтобы нас рассудил, то, поскольку он согласен со мной, как же может он нас рассудить? Если позвать того, кто не согласен ни со мной, ни с тобой, чтобы нас рассудил, то, поскольку он не согласен ни со мной, ни с тобой, как же может он нас рассудить? Если позвать того, кто согласен и со мной и с тобой, чтобы нас рассудил, то, поскольку он согласен и со мной, и с тобой, как же может он нас рассудить? А если так, то ни я, ни ты, ни другие люди -- все мы не можем знать, [кто прав, а кто не прав]. Кого же нам еще ждать?

Изменения названий, соответствующие [изменениям вещей] и не соответствующие им, объединяются в пределах природы, [свободно] следуют бесконечным переменам и поэтому полностью исчерпывают [естественный] срок существования. Что означает «Объединяются в пределах природы?» Отвечу: [существуют] правда и неправда, естественное и неестественное. Если правда действительно является правдой, то она отличается от неправды, и не о чем тут спорить. Если естественное действительно является естественным, то оно отличается от неестественного, и тоже не о чем тут спорить. Забудем о [течение] времени, забудем о разрешении, [что такое правда и неправда], достигнем бесконечности, чтобы постоянно в ней пребывать».

Полутень спросила у Тени: «Раньше ты двигалась, теперь ты остановилась; раньше ты сидела, теперь ты встала. Откуда такое непостоянство поведения?». Тень ответила: «А может, я поступаю так в зависимости от чего-либо?

А может, то, в зависимости от чего я так поступаю, зависит от чего-то еще? А может, я завишу от чешуйки на брюхе змеи или от крыльев цикады? Как знать, почему это так, как знать, почему это не так?».

Однажды Чжуан-цзы приснилось, что он бабочка, счастливая бабочка, которая радуется, что достигла исполнения желаний, и которая не знает, что она Чжуан-цзы. Внезапно он проснулся и тогда с испугом [увидел, что он] Чжуан-цзы. Неизвестно, Чжуан-цзы снилось, что он бабочка, или же бабочке снилось, что она Чжуан-цзы. [А ведь между] Чжуан-цзы и бабочкой, несомненно, существует различие. Это называется превращением вещей.

Глава 6 ВЕЛИКИЙ УЧИТЕЛЬ

Тот, кто знает, как действует небо и как действует человек, тот совершенен. Тот, кто знает, как действует небо, тот порождается [самим] небом. Тот, кто знает то, что создает человек, тот использует познанное, чтобы познать непознанное. [Такой человек] не умирает безвременно в середине своего жизненного пути, а доживает до конца положенных ему лет. Это и есть полнота знания. Хотя это и так, [но в этом знании] есть [что-то достойное] сожаления. Ведь знание в чем-то нуждается, чтобы стать знанием; но то, в чем знание нуждается, слишком неопределенно. Каким образом [можно] знать, что то, что я называю небом, не является человеком, а то, что я называю человеком, не является небом? К тому же, только если существует настоящий человек, существует настоящее знание. Кто же называется настоящим человеком? Настоящий человек древности не выступал даже против [мнения] единиц, не гордился своими успехами, не строил планов. Такой человек не раскаивался [в совершенной им] ошибке и не испытывал самодовольства от своей правоты. Такой человек поднимался на [опасную] высоту и не дрожал от страха, входил в воду и не промокал, вступал в огонь и не [чувствовал] жары. Таким [человеком] является только тот, чье знание может достичь [соответствия] *дао*...

Настоящий человек древности не знал ни любви к жизни, ни ненависти к смерти; не радовался своему появлению [на свет] и не противился уходу [из жизни]; безразлично покидал [этот мир] и безразлично приходил в него, и это все. Он не забывал того, что было для него началом, и не доискивался до того, в чем [заклучался] его конец. Получая [жизнь], радовался ей; забывая [о смерти], возвращался [в небытие]. Это означает, что он не прибегал к разуму, чтобы противиться *дао*, не прибегал к человеческому, чтобы помогать небу. Такой человек и называется настоящим человеком. Сердце такого человека свободно [от чувств], поведение сдержанно, его лицо [выражает] простоту. Иногда он холоден, как осень, иногда тепел, как весна; радость и гнев [чередуются в нем], так же как [чередуются] четыре времени года; [он] приспособливается к вещам, и никто не знает предела его [возможностей]...

Смерть и жизнь — это [неизбежная] судьба. Они так же естественны, как естественна постоянная [смена] ночи и дня. Если в этом есть нечто, чего человек не может постичь, [то это происходит от] существа самих вещей. Некоторые люди лишь небо считают своим отцом и любят его, разве [не должны они] тем более [любить то, что] возвышается над небом? Некоторые люди лишь своего правителя считают превосходящим их самих и [готовы] умереть за него, разве [не должны они] тем более [быть готовы умереть за то, что еще более] настоящее, чем правитель? Когда высыхают источники, рыбы, оказавшись на суше, помогают друг другу, дышат друг на друга влажным воздухом и увлажняют друг друга слюной. И это хуже, чем [если бы они] забыли друг о друге, находясь в реках и озерах. И точно так же хвалить Яо и порицать Цзе хуже, чем забыть их обоих и раствориться в *дао*...

Дао обладает чувствами и верностью, оно неактивно и бесформенно. *Дао* можно передать, но нельзя взять; можно постичь, но нельзя увидеть. Оно само для себя начало, само для себя основа. Оно существовало издревле, уже давным-давно, когда еще не было ни неба, ни земли. Оно одухотворило духов и верховного владыку неба, оно породило небо и землю. Оно опережает праначало и все же не является высоким, оно ниже шести точек простран-

ства и все же не является глубоким; оно рождено раньше неба и земли и все же не является древним; оно старше глубокой древности и все же не является старым...

Четверо — Цзы-сы, Цзы-юй, Цзы-ли и Цзы-лай, — беседа, повели друг другу: «Кто может считать небытие головой, жизнь — позвоночником, смерть — крестцом; кто знает, что смерть и жизнь, существование и исчезновение — это единое целое, с тем мы [могли бы] подружиться». Затем все четверо посмотрели друг на друга и рассмеялись, [и так как] в своих сердцах они соглашались друг с другом, то все они подружились.

Неожиданно Цзы-юй заболел, и Цзы-сы навестил его, чтобы осведомиться [о его здоровье]. [Цзы-юй] сказал: «Это грандиозно! Вот как творец всех вещей скрутил меня судорогой!» Кривым горбом изогнулась его спина, внутренности поднялись кверху, подбородок прятался в пупе, плечи поднимались выше макушки, изогнутые позвонки шеи шишками торчали в небо — жизненные силы начал *инь* и *ян* [находились в нем] в беспорядке, однако сердце его было спокойно и свободно от забот. Медленно дотавившись до колодца и посмотрев на свое отражение, [Цзы-юй] сказал: «Ого! Вот как творец всех вещей скрутил меня судорогой!» [Услышав это], Цзы-сы спросил: «Тебе это не нравится?» — «Нет, почему мне [это должно] не нравиться? — ответил [Цзы-юй]. — Предположим, что он превратил бы мою левую руку в петуха, тогда я бы пользовался [ею, чтобы петушиным пением] отмечать ночное время; предположим, что он превратил бы мою правую руку в самострел, тогда я бы пользовался ею, чтобы добывать голубей на жаркое; предположим, что он превратил бы мой крестец в колесницу, а мою душу в лошадь, тогда я бы пользовался ими, чтобы ездить на них. Разве [стал бы я] менять этот экипаж? К тому же приобретение [жизни] — временное [явление], а ее потеря следует [за ее приобретением]; если довольствоваться этим временем и жить, следуя этому, то печаль и радость не смогут проникнуть [в сердце]. Это и есть то, что древние называли освобождением от пут. А кто не способен освободить себя, того опутывают внешние вещи. К тому же испокон веков внешние вещи не могут одолеть природу. Почему же должно мне не нравиться это?»

Внезапно заболел Цзы-лай. Близкий к смерти, [он лежал] тяжело дыша, а вокруг стояли его жена и дети, заливаясь слезами. Цзы-ли, который навестил его, чтобы спросить [о здоровье], прикрикнул на них: «Прочь! Уйдите отсюда! Не тревожьте [его в момент этой] перемены!» Затем, опершись о дверь, заговорил с Цзы-лаем и сказал: «Это грандиозно! Что же еще сделает с тобой творец перемен? Куда тебя направит? Сделает из тебя печень крысы? А может, сделает из тебя ножку насекомого?» Умиравший ответил: «Куда бы родители [ни отправили] сына — на восток или на запад, на юг или на север, он должен лишь повиноваться их приказу. А ведь начала *инь* и *ян* — нечто большее для человека, чем отец и мать. Если они торопят меня умереть, а я не повинуюсь, то окажусь дерзким, а разве они в чем-нибудь виноваты? Природа снабдила меня телом, изнурила меня жизнью, [дала] мне отдых старостью и успокоит смертью. Поэтому то, что сделало прекрасным мою жизнь, это же сделает прекрасным и мою смерть. Если бы ныне великий литейщик стал плавить металл, а металл, вскипев, сказал бы: «Я должен стать мечом Мо-е», то великий литейщик непременно счел бы его зловещим металлом. Если бы ныне тот, кому лишь только придается форма человека, стал кричать: «[Хочу быть] человеком! [Хочу быть] человеком!», то творец перемен непременно счел бы его зловещим человеком. Ныне стоит только принять небо и землю за большую плавильную печь, а творца перемен за великого литейщика, то разве [найдется такое место], куда бы нельзя было отправиться? Рождение как сон, смерть как пробуждение».

Глава 10

О ВЗЛАМЫВАНИИ ЛАРЦОВ

Чтобы уберечься от [мелких] воров, которые взламывают ларцы, шарят по мешкам и вскрывают сундуки, считают необходимым обвязывать все эти вещи веревками и бечевами, ставить крепкие засовы и замки. И мир обычно называет это мудростью. Однако если придет большой

вор, то он, взвалив на себя сундук, подхватив ларец и положив [на плечо] мешок, убежит со всем этим, опасаясь только, чтобы веревки и бечевы, засовы и замки не оказались непрочными. В таком случае разве то, что прежде называли мудростью, не окажется лишь собиранием [добра] для большого вора?! Поэтому попытаюсь разобраться в этом: среди тех, кого мир называет умными, есть ли такие, которые не собирают [добра] для большого вора? А среди тех, кого называют совершенномудрыми, есть ли такие, которые не охраняют великих воров? Как узнать, так ли это?

В прежние времена в государстве Ци жители соседних поселений могли видеть друг друга и слышать пение петухов и лай собак друг у друга. На пространстве в две с лишним тысячи квадратных ли ставили сети и силки, обрабатывали [землю] сохами и мотыгами. В пределах четырех границ при постройке храма предков [правителя] и алтарей духов земли и урожая, в управлении любым уголком страны — во всем этом разве не соблюдались правила, [установленные] совершенномудрыми? И все-таки однажды Тянь Чэн-цзы убил правителя Ци и присвоил себе его страну. Но разве он украл только страну? Вместе со страной он украл и ее священные, мудрые правила, и поэтому, хотя Тянь Чэн-цзы прослыл как вор и разбойник, он жил в таком же покое, как Яо и Шунь. Малые государства не осмеливались его порицать, а большие — наказывать, и в течение двенадцати поколений [его потомки] владели Ци. В таком случае разве не для того он украл государство Ци и его священные и мудрые правила, чтобы сохранить свою воровскую и разбойничью суть?

Попытаюсь разобраться и в этом: среди тех, кого мир называет самыми умными, есть ли такие, которые не собирают [добра] для большого вора? А среди тех, кого называют совершенномудрыми, есть ли такие, которые не охраняют больших воров? Как узнать, так ли это?

В прежние времена был обезглавлен Гуань Лун-фэн, разрезан Би Гань, разорван колесницами Чан Хун и сгноен У Цзы-суй. Все четверо были мудрыми и благородными [людьми] и все же не избежали смертной казни.

В связи с этим сподручный разбойника Чжи спросил у него: «Есть ли и у разбойника свое *дао*?» — «А разве можно найти [такое место, где бы] не было *дао*? — ответил Чжи. — Чутьем угадать, где в доме спрятаны [ценности], — это мудрость; войти туда первым — это храбрость; выйти последним — это чувство долга; знать, возможно ли [нападение], — это умение; разделить [добычу] поровну — это чувство братства. В Поднебесной еще не было такого [человека], который смог бы стать большим разбойником, не обладая сполна этими пятью [качествами]». Отсюда видно, что, не постигнув *дао* совершенномудрых, нельзя стать ни хорошим человеком, ни действовать, как разбойник Чжи. Однако хороших людей в Поднебесной мало, а нехороших — много, поэтому польза, которую мудрецы [приносят] Поднебесной, невелика, а вред большой. Поэтому говорится: «Если исчезнут губы, зубам [станет] холодно», «Плохое было вино из Лу, но осаде подвергся Ханьданы», «Когда рождается мудрец, тогда появляется и большой разбойник». Поэтому если расправиться с совершенномудрыми и отпустить на волю воров и разбойников, то в Поднебесной воцарится порядок. Ведь если высохнет река, то опустеет и долина, по которой она текла; если сравнять [с землей] холм, то заполнится [находящийся рядом] глубокий омут; а когда вымрут совершенномудрые, то и большие разбойники не будут появляться. И тогда в Поднебесной воцарится спокойствие и не будет [преступных] дел. А если совершенномудрые не вымрут, то и большие разбойники не перестанут [появляться], и тогда даже если удвоить число совершенномудрых для управления Поднебесной, то от этого только удвоится выгода разбойника Чжи.

Когда люди сделали доу и ху для измерения [зерна], то [воры стали] красть [зерно] вместе с доу и ху, когда сделали гири и безмены для взвешивания, то стали красть [взвешиваемое] вместе с гирями и безменами; когда сделали верительные бирки и [государственные] печати для [укрепления] доверия, тогда стали красть то, [к чему они относились], вместе с бирками и печатями; а когда придумали [понятия] человеколюбия и справедливости для исправления [нравов], то стали красть [исправленные нравы] вместе с человеколюбием и справедливостью. Как узнать, так ли это?

Украдшего поясную пряжку казнят, а укравший государство становится правителем. А ведь человеколюбие и справедливость находятся при дворе правителя — разве это не означает кражу человеколюбия и справедливости, мудрости и знания? Поэтому тех, кто следуют большим разбойникам, захватывают [престол] правителя, крадут человеколюбие и справедливость, а вместе с ними и выгоды от доу и ху, от гирь и безменов, от верительных бирок и [государственных] печатей, невозможно ни побудить [творить добро], награждая сановничьими колесницами и шапками, ни запретить [творить зло], угрожая топором и секирой. Это только удваивает выгоду [людей, подобных] разбойнику Чжи, и ведет к тому, что невозможно пресечь [их злодеяния], и в этом вина совершенномудрых. Поэтому говорится: «Рыбе нельзя покидать омота; острого оружия, имеющегося в стране, нельзя показывать людям».

Совершенномудрые — это острое оружие Поднебесной, и поэтому их нельзя ей показывать. Поэтому необходимо отказаться от совершенномудрых и отбросить знания — и тогда переведутся большие разбойники; выбросить нефрит и растолочь жемчуг — и тогда мелкие воры перестанут появляться; сжечь верительные бирки и сломать [государственные] печати — и тогда народ станет простым и безыскусственным; разбить меры и сломать безмены — и тогда народ перестанет спорить; уничтожить в Поднебесной все правила совершенномудрых — и тогда можно будет начать с народом рассуждать [в дао], нарушить гармонию шести тонов музыки, уничтожить музыкальные инструменты, заткнуть уши Гу-куана — и тогда люди в Поднебесной начнут обретать собственный чуткий [слух]; уничтожить украшения, разбросать пять красок, заклеить глаза Ли Чжу — и тогда люди в Поднебесной начнут обретать собственное ясное [зрение]; уничтожить гоу и шэн, выбросить циркули и угломеры, переломать пальцы Гун-чюя — и тогда люди в Поднебесной начнут обретать собственное мастерство [в труде]. Поэтому говорится: «Великое мастерство похоже на искусность». Следует отбросить поведение Цзэн Цана и Ши Цю, заткнуть рот Ян Чжу и Мо Ди, отвергнуть гуманность и справедливость, и тогда моральные качества в Поднебесной начнут объединяться с непостижимым, дао...

Глава 17

ОСЕННИЙ РАЗЛИВ

Наступило время осеннего разлива. Сотни потоков влились в Хуан. Разлив ее был так велик, что [с одного берега] или острова [посередине реки] нельзя было отличить лошади от коровы на противоположном берегу. И тогда дух Хуанхэ Хэ-бо восторженно обрадовался самому себе, считая, что красота Поднебесной достигла в нем своего предела. Следуя течению, он поплыл на восток и достиг Северного океана. Посмотрев на восток, он увидел, что нет воде конца. Тогда Хэ-бо стал вертеть головой [по сторонам, затем] с уважением посмотрел на Жо и, вздохнув, сказал: «В народной поговорке говорится: «Наслышался много о *дао* и уже считает, что нет равного ему», — это сказано обо мне. К тому же я слышал когда-то [людей], которые пренебрегали знаниями Кун-цзы и презирали беспристрастность Бо И. Тогда я им не поверил, но теперь я увидел твою беспредельность [и убедился в их правоте]. Если бы я не пришел к твоим воротам, то мне [грозила бы] опасность еще долго быть посмешищем в глазах постигших великое *дао*».

Бэй-хай Жо сказал: «С лягушкой, живущей в колодце, нельзя говорить об океане: она привязана к своей дыре; с насекомым, [живущим только одно] лето, нельзя говорить о льде: оно ограничено временем [своей краткой жизни]; с ограниченным грамотеем нельзя говорить о *дао*: он скован своим образованием. Только теперь, когда ты вышел из своих берегов и увидел великий океан, ты узнал свое ничтожество и с тобой можно говорить о великом законе.

В Поднебесной нет воды большей, чем океан. Сотни рек вливаются в него, и не известно, когда перестанут, а он не переполняется. Его вода выливается через [отверстие в скале] Вэйлюй, и не известно, когда перестанет, а он не иссякает. Океан не меняется ни весной, ни осенью и не знает, что такое наводнение или засуха. Его превосходство над потоком вод Янцзыцзян и Хуанхэ не поддается ни измерению, ни подсчету, однако я поэтому никогда не считал себя огромным, так как я сравнивал свои размеры с небом и землей, а жизненную силу получал от *инь*

и ян. Между небом и землей я как камешек или деревце на большой горе. Видя, как я мал среди существующего, разве могу я считать себя огромным? Учти, что четыре моря в пространстве между небом и землей — разве они не похожи на вход в муравейник, [затерянный где-то] в больших болотах? А Срединное государство между [четырьмя] морями, разве оно не похоже на зернышко проса в большом амбаре? Называя число вещей, говорят, что их тьма, среди них человек лишь единица. Человек заполнил все девять областей, [однако среди всего], что живет, питаясь зерном, [среди всего], к чему можно добраться на лодках и повозках, человек лишь единица. Если его сравнить с тьмой вещей, разве он не похож на кончик волоска на лошадиной шкуре? Таков же предел и того, ради чего следовали [друг за другом] пять правителей, и того, за что боролись три основателя [династий], и того, о чем заботится человеколюбивый человек, и того, ради чего изнуряет себя служилый. Бо И отказался от престола, чтобы обрести славу; Кун-цзы беседовал [о «Шестикнижии»], чтобы показать свою ученость; и этим они сами себя превозносили. Разве они не похожи на тебя, недавно кичившегося [разливом своих] вод?».

«В таком случае могу ли я [считать] небо и землю самым большим, а кончик волоска — самым маленьким?» — спросил Хэ-бо.

«Нет! — ответил Бэй-хай Жо. — Ведь размеры вещей безграничны; время никогда не останавливается; судьба непостоянна; конец и начало непрочны. Поэтому человек, обладающий великими знаниями, [одинаково] смотрит на далекое и близкое; малое не считает ничтожным, а большое — огромным, так как знает, что размеры [вещей] безграничны. Он доказывает, что настоящее и прошлое — [это одно и то же], и поэтому не тоскует по далекому [прошлому] и не пытается схватить близкое [настоящее], так как знает, что время никогда не останавливается. Он исследует полноту и пустоту и поэтому, обретая, не радуется, теряя, не печалится, так как знает, что судьба непостоянна. Он ясно понимает ровный путь и поэтому не радуется своему рождению и не [считает] несчастьем свою смерть, так как знает, что конец и начало не могут быть прочными.

Учти также, что [немногое] известное человеку не сравнить с тем, что ему не известно, и что [краткое] время его жизни не сравнить со временем его небытия. Поэтому тот, кто при помощи крайне малого пытается определить пределы крайне великого, непременно впадает в заблуждение и не может удовлетвориться. Если исходить из такого взгляда, то как же можно знать, достаточно ли кончика волоска, чтобы определить границу крайне малого; как же можно знать, достаточно ли неба и земли, чтобы исчерпать пределы самого великого?»

Хэ-бо сказал: «В мире все люди, [искусные] в рассуждениях, говорят: мельчайшее лишено телесной формы, величайшее нельзя охватить. Это действительно так?».

Бэй-хай Жо ответил: «Если от малого смотреть на великое, то оно кажется беспредельным [и поэтому необъятным]; а если от великого смотреть на малое, то оно кажется неразличимым [и поэтому лишенным телесной формы]. Ведь мелкое — это крошечное из малого; великое — это большое из огромного. Поэтому они отличаются друг от друга в их применении в зависимости от их свойств. Ведь существование и мелкого и крупного обусловлено обладанием ими телесной формой. То, что не обладает телесной формой, не может быть разделено для подсчета; то, что нельзя охватить, не может быть исчерпано при счете. То, что может быть выражено словами, — это грубая [сторона] вещей; то, что может быть постигнуто мыслью, — это тонкая [сторона] вещей. За пределами тонкого и грубого находится то, что словами нельзя выразить, а мыслью нельзя постичь.

Поэтому великий человек своим поведением не причиняет вреда людям, но и не усердствует в проявлении человеколюбия и доброты. Он действует не ради выгоды и не презирает [обязанностей] раба — стража ворот. Не борется за имущество и богатство, но и не старается отказаться от них или уступить [их другим]. Вершит дела, не пользуясь [помощью] других людей, но и не усердствует, чтобы кормиться [собственными] силами, не презирает жадных и алчных. Своим поведением отличается от простонародья, но и не старается обособиться. В своих действиях [он часто] следует за толпой и не презирает краснобаев и льстецов. Рангов знатности и жалованья всего мира недостаточно, чтобы его воодушевить, а казней

и позора — чтобы его унижить, ибо он знает, что невозможно точно отделить правду от неправды, так же как невозможно точно разграничить малое и великое. Я слышал, что человек, [постигший] *дао*, остается безвестным; [человек, обладающий] совершенными моральными качествами, ничего не обретает; большой человек лишен самого себя — таков предел ограничения судьбы.

«Где же проходит граница между ценным и ничтожным, между малым и большим — вне [свойств] вещей или внутри их?» — спросил Хэ-бо.

«Если смотреть на это исходя из *дао*, то вещи [сами по себе] не являются ценными или ничтожными; если смотреть на это исходя из вещей, то сами себя [они считают] ценными, друг друга же — ничтожными; если смотреть на это исходя из [существующих] нравов, то [граница между] ценным и ничтожным не находится в самой [вещи]; если смотреть на это исходя из различий [между вещами] и называть великим то, что само себя считает великим, то среди всех вещей не окажется таких, которые бы не были великими; а если называть малым то, что само себя считает малым, то среди всех вещей не окажется таких, которые бы не были малыми. Если понимать, что небо и земля — это зернышко проса, понимать, что кончик волоска — это гора, то неравные величины уравниваются. Если смотреть на это исходя из заслуг и считать имеющими заслуги тех, кто сам себя таковым считает, то среди всех вещей не окажется таковых, которые бы не имели заслуг; а если не имеющими заслуг считать тех, кто сам себя таковым считает, то среди всех вещей не окажется таковых, которые бы имели заслуги. Если понимать, что восток и запад противоположны друг другу и что невозможно отсутствие одного из них, то [устанавливается] разграничение их заслуг. Если смотреть на это исходя из наклонов и считать правильными наклонами тех, кто сам их таковыми считает, то среди всех вещей не окажется таковых, наклоны которых были бы неправильными; а если считать неправильными наклоны тех, кто сам их таковыми считает, то среди всех вещей не окажется таких, наклоны которых были бы правильными. Если понимать, что и Яо и Цзе каждый считал себя правым, а другого — неправым, то очевидным становится господство [личных] наклонов».

В древности Яо и Шунь отказывались от престола и тем не менее [остались] правителями; а когда Цзы Чжи и Куай отказались [от своего положения], то лишились [и престола и жизни]. Тан и У боролись [за власть] и стали ванами, а Бай-гун, начавший борьбу [за власть], был уничтожен. Отсюда видно, что обычаи бороться [за власть] и отказываться от нее, так же как и поведение Яо и Цзе, являются ценными или ничтожными в зависимости от условий и нельзя их считать чем-то постоянным.

Тараном можно пробить крепостную стену, но нельзя заполнить брешь — это говорит о различии орудий. Скакуны Ци-ци и Хуа-лю за день пробегали тысячу ли, однако мышей ловили бы хуже, чем дикая кошка, — это говорит о различии способностей. Сова и филин ночью ловят блох и замечают кончик волоска, а с наступлением дня тарашат глаза и не видят даже горы — это говорит о различии [природных] свойств.

Поэтому сказать: «Почему бы не признавать [только] правду и отрицать неправду, признавать [только] порядок и отрицать беспорядок?» — означает не понимать закона неба и земли и [природных] свойств всех вещей. Это то же самое, что признавать небо и отрицать землю, признавать начало *шэ* и отрицать начало *ян*. Очевидно, что так поступать нельзя. А тот, кто все же не отвергает [таких высказываний] и продолжает о них говорить, тот если не дурак, то лгун.

[В древности] у правителей были различные способы отречения от власти; при трех династиях существовали различные способы наследования престола. Того, кто был иным, [чем требовало] время, и шел наперекор тогдашним нравам, называли узурпатором; а того, кто соответствовал своему времени и следовал тогдашним нравам, называли праведником. Молчи, Хэ-бо! Откуда тебе знать, где врата к ценному и ничтожному, в чем разница между малым и великим?»

«В таком случае, — сказал Хэ-бо, — что мне делать и чего не делать? От чего отказываться и что принимать? К чему стремиться и что отбрасывать? Как мне быть в конце концов?».

«Если смотреть на это исходя из *дао*, — ответил Бэйхай Жо, — то нет ни ценного, ни ничтожного — это лишь взаимосвязанное и взаимозаменяющееся. Не упорствуй

в своих стремлениях, ибо это ведет к большому столкновению с *дао*. Нет ни малого, ни великого — это лишь действие взаимосмены. Не будь односторонним в своем поведении, ибо это ведет к расхождению с *дао*. Будь строг, как правитель государства, у которого нет личного пристрастия. Будь доволен, как божество земли, принимающее жертвоприношения, у которого нет единоличного счастья. Будь беспределен, как бесконечность четырех сторон света, у которых нет границ. Обними все вещи одинаково, разве какая-нибудь из них должна получать [особое] покровительство? Это называется беспристрастностью. Ведь все вещи одинаковы, разве есть среди них худшие или лучшие?

У *дао* нет ни конца, ни начала. У вещей есть и смерть и рождение; и нельзя надеяться, что они достигнут совершенства. Они то пустые, то полные, их телесная форма постоянно меняется. [Прошедших] лет нельзя начать сначала, времени нельзя остановить. [Вещи] то уменьшаются, то увеличиваются; то наполняются, то пустеют; прекращают [свое существование] и начинают его сызнова. Поэтому говорят о стремлении к справедливости великого [*дао*] и рассуждают о [естественном] законе всех вещей. Жизнь всех вещей стремительна, как галоп [коня]; нет [в ней ни единого] движения, которое не [вызывало бы] изменений, нет [ни единого] момента, который не [приносил бы] перемен. [Ты спрашиваешь, Хэ-бо], что тебе делать и чего не делать. [Ничего не надо делать!] Ведь [вещи] меняются сами по себе».

«В таком случае, — сказал Хэ-бо, — что же ценного в *дао*?»

«Тот, кто познал *дао*, — ответил Бэй-хай Жо, — непременно постигнет закон природы; постигший закон природы непременно овладеет умением соответствовать положению [вещей]; овладевший умением соответствовать положению [вещей] не станет вредить себе из-за вещей, человека совершенных моральных качеств огонь не может обжечь, вода — утопить; ни холод, ни жара не могут причинить ему вреда; ни птицы, ни звери не могут его погубить. Это не означает, что он пренебрегает [этими опасностями]. Это говорит [только о том, что он] тщательно изучает безопасное и опасное; сохраняет спокойствие в беде и в счастье; осторожно относится к своему уходу

и приходу, и поэтому нет ничего, что могло бы повредить ему. Поэтому говорится: "Естественное находится внутри, человеческое — снаружи". Моральные качества находятся в естественном: познавши действие естественного и человеческого, [он обретает] основу в естественном и пребывает в [состоянии] самоудовлетворения. То останавливаясь, то двигаясь, то сгибаясь, то разгибаясь, он возвращается к главному и говорит о высшем».

«Что называется естественным? Что называется человеческим?» — спросил [Хэ-бо].

Бэй-хай Жо сказал: «У коров и коней по четыре ноги — это называется естественным. Надевать узду на голову коня, продевать [повод через] ноздрю коровы — это называется человеческим. Поэтому говорится: "Не следует уничтожать естественного человеческим; не следует уничтожать [естественной] судьбы [искусственно созданными] намерениями; не следует жертвовать добрым именем ради [ограниченных] приобретений". Тщательно соблюдать [эти правила] и не терять их — это называется возвращением к истинному».

Одноногий Куй восхищался Сороконожкой; Сороконожка восхищалась Змеей; Змея восхищалась Ветром; Ветер восхищался Глазом, а Глаз восхищался Сердцем.

Куй, обращаясь к Сороконожке, сказал: «Я подпрыгиваю на одной ноге и так передвигаюсь. [В мире] нет ничего более [простого], чем я. А тебе придется сейчас использовать десять тысяч ног, разве это не обременительно?».

«Нет, это не так! — ответила Сороконожка. — Ты разве не видел плюющего человека? Когда он плюет, образуются капли: большие, похожие на жемчуг, и маленькие, похожие на туман. Смешиваясь, они падают вниз, и сосчитать их нельзя. Так же и я двигаюсь сейчас при помощи моего естественного устройства и не знаю, почему это так».

Сороконожка, обращаясь к Змее, сказала: «Я передвигаюсь при помощи множества ног, однако не достигаю твоей [скорости, хотя у тебя] нет ног. Почему?».

«Мною движет естественное устройство, — ответила Змея — Разве можно это изменить? Зачем мне пользоваться ногами?»

Змея, обращаясь к Ветру, сказала: «Я перемещаюсь, двигая хребтом и ребрами, так как обладаю телесной формой. Ты же с воем поднимаешься в Северном океане и с воем переносишься на Южный океан, хотя ты лишен тела. Как же [это происходит]?».

Ветер сказал: «Да, это так. Я поднимаюсь с воем в Северном океане и переносюсь на Южный океан, однако если кто-либо тронет меня пальцем, то победит меня; если станет топтать ногами, то тоже меня одолеет. Хотя это и так, но ведь только я один могу ломать большие деревья и разрушать большие дома. Поэтому я использую множество маленьких непобед и превращаю их в большую победу. Однако стать великим победителем может только совершенномудрый, [постигший *дао*]...»

Чжуан-цзы ловил рыбу в реке Пу. Чуский правитель направил к нему двух сановников дафу с посланием, в котором говорилось: «Хочу возложить на Вас бремя государственных дел». Чжуан-цзы, не отложив удочки и даже не повернув головы, сказал: «Я слышал, что в Чу имеется священная черепаха, которая умерла три тысячи лет тому назад. Правители Чу хранят ее, [завернув] в покровы и [спрятав] в ларец, в храме предков. Что предпочла бы эта черепаха: быть мертвой, но чтобы почитались оставшиеся после нее кости, или быть живой и волочить хвост по грязи?»

Оба сановника ответили: «Предпочла бы быть живой и волочить хвост по грязи».

Тогда Чжуан-цзы сказал: «Уходите! Я [тоже предпочитаю] волочить хвост по грязи».

Хуэй-цзы был первым министром в Лян. Чжуан-цзы отправился повидать его. Некто, обратившись к Хуэй-цзы, сказал: «Прибывает Чжуан-цзы. Он желает заменить Вас [на посту] первого министра». Тогда Хуэй-цзы, испугавшись, [отдал приказ] искать [Чжуан-цзы] по всей стране. [Его искали] три дня и три ночи.

Чжуан-цзы, прибыв к нему, сказал: «На юге живет птица по имени Юань-чу, знаешь ли ты об этом? Она взмывает в воздух в Южном океане и летит к Северному океану, останавливается [на отдых] только на платанах, ест только плоды бамбука и пьет воду только из кристалль-

ных пресных родников. Однажды какая-то сова нашла разлагающуюся крысу. Когда Юань-чу пролетала над ней, сова, подняв голову и посмотрев на нее, отпугивающе ухнула. Не хочешь ли ты сейчас запугать меня при помощи твоего государства?».

Чжуан-цзы и Хуэй-цзы прогуливались по мосту через реку Хао. Чжуан-цзы сказал: «С каким наслаждением эти ельцы играют в воде — в этом удовольствие рыб».

«Ты ведь не рыба, откуда тебе знать, в чем ее удовольствие?» — спросил Хуэй-цзы.

«Ты ведь не я, — возразил Чжуан-цзы, — откуда тебе знать, что я не знаю, в чем удовольствие рыбы?»

«Я [действительно] не ты, — ответил Хуэй-цзы, — и, безусловно, тебя не знаю; однако ты, несомненно, не рыба и ни в коей мере не можешь знать, в чем ее удовольствие».

На это Чжуан-цзы ответил: «Вернемся, пожалуйста, к началу [нашего спора]. Ты сказал мне такие слова: «Откуда тебе знать, в чем удовольствие рыбы?» [Это значит, что] ты уже знал, что я знаю это, и поэтому спросил меня. А я это узнал [во время нашей прогулки] над рекой Хао».

Глава 18

ВЫСШАЯ РАДОСТЬ

В семени имеются мельчайшие [зародыши]. Попадая в воду, они превращаются в ряску, попадая на грань воды и суши, превращаются в растение вабины, а прорастая на холмах и возвышенностях, превращаются в подорожник. Подорожник, попадая на гнилье или нечистоты, превращается в растение уцзу. Корни уцзу превращаются в личинки навозного жука, а его листья — в бабочек. Эти бабочки [называются] ской; изменяясь, они превращаются в насекомых. [Эти насекомые] живут у очагов, вид у них такой, как будто бы они сбросили кожу, и называются они цюйдо. [По истечении] тысячи дней цюйдо превращаются в птиц, имя которых ганьюйгу. Слюна ганьюйгу превращается в насекомых сыми; сыми превращаются в вкусную мошкату шиси. Из шиси рождаются насекомые илу. Из насекомых цюю рождаются насекомые хуанхуан.

Из насекомых фуцюань рождаются насекомые маожуй. Растение янси, соединившись со старым бамбуком, уже не дающим побегов, порождает насекомое циннии; циннин порождает леопарда, леопард порождает коня, конь порождает человека, а человек снова возвращается в мельчайшие [зародыши]. Вся тьма вещей происходит из мельчайших [зародышей] и в них возвращается.

Глава 22

СЕВЕРНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ЗНАНИЯ

Знание, путешествуя на Север вверх по реке Черная Вода, поднялось на гору Таинственный Холм и встретило там Выражающего Недеяние. Обратившись к нему, Знание сказало: «Я хотело бы тебя спросить: как мыслить, как думать, чтобы познать *дао*? Где находиться, как действовать, чтобы пребывать безмятежно в *дао*? Чему следовать, какой идти дорогой, чтобы обрести *дао*?».

Три вопроса [были заданы Знанием], однако Выражающий Недеяние на них не ответил. И не только не ответил, но и не знал, что ответить.

Не получив ответа, Знание отправилось на южный [берег] реки Белая Вода, поднялось на холм Конец Сомнений и увидело там Возвышающегося Безумца. Знание задало ему те же вопросы, и Возвышающийся Безумец сказал: «О! Я это знаю и сейчас тебе скажу». Однако только собрался вымолвить и забыл, что он хотел сказать.

Не получив ответа, Знание вернулось в государев дворец, предстало перед Хуан-ди и поставило ему эти вопросы. Хуан-ди ответил: «Не мыслить и не думать — это начало познания *дао*. Нигде не находиться и ни в чем не усердствовать — это начало безмятежного пребывания в *дао*. Ничему не следовать и не идти никакой дорогой — это начало обретения *дао*».

Тогда Знание спросило у Хуан-ди: «Мы с тобой знаем это, но те двое этого не знали. Кто же тогда прав?»

«Истинно прав Выражающий Недеяние, а приближается к этому Возвышающийся Безумец, — ответил Хуан-ди. — А мы с тобой никогда к этому не приблизимся, ибо

«знающий не говорит, говорящий не знает». Поэтому совершенномудрый осуществляет науку безмолвия. *Дао* нельзя постичь [при помощи слов], добродетель не может достичь совершенства [при помощи названий], милосердие может действовать [пристрастно], справедливость может причинить ущерб, церемониями можно обманывать друг друга. Поэтому говорится: «После утраты *дао* появляется добродетель, после утраты добродетели появляется милосердие, после утраты милосердия появляется справедливость, после утраты справедливости появляются церемонии. Церемонии — это лишь внешний блеск *дао* и начало беспорядка». Поэтому и говорится: «Тот, кто упражняется в *дао*, ежедневно теряет что-то из его внешнего, ложного блеска. Потеряв, снова теряет и так доходит до недеяния. Бездействуя же, он может все совершить». Если же ныне, уже став вещью [некто] захочет снова вернуться к изначальному, разве не будет это слишком трудно? Не будет ли это легко только для великого человека?

Жизнь — это приемник смерти, смерть — это начало жизни, кому известен закон этого [следования]? Рождение человека — это скопление жизненной силы: когда она скопится, то возникает жизнь, а когда рассеется, то возникает смерть. Если смерть и жизнь — это приемники друг друга, то о чем же мне сожалеть? Поэтому [перед лицом жизни и смерти] все вещи одинаковы. Изумительное и необыкновенное — вот что превозносится, вонючая гниль — вот чего гнушаются. Однако вонючая гниль снова превращается в изумительное и необыкновенное, а изумительное и необыкновенное снова превращаются в вонючую гниль. Поэтому и говорится: «Всю Поднебесную пронизывает единая жизненная сила», и поэтому мудрый ценит это единство».

Тогда Знание сказало Хуан-ди: «Я спросило Выражающего Недеяние, и Выражающий Недеяние мне не ответил. И не только мне не ответил, но и не знал, что мне ответить. Затем я спросило Возвышающегося Безумца. Возвышающийся Безумец уже намеревался поведать мне, но ничего не сказал. Не [то чтобы просто] мне не сказал — намеревался сказать, но забыл, что хотел сказать. Теперь я спросило тебя, и ты знал [ответ на мои вопросы], так почему же мы не приблизимся [к *дао*]?»

Хуан-ди ответил: «Один из них, [Выражающий Недеяние], истинно прав, ибо он не знает; второй из них, [Возвышающийся Безумец], приближается к этому, так как он забыл, что он знал. Мы же с тобой никогда к этому не приблизимся из-за нашего знания».

Возвышающийся Безумец, услышав об этом, счел, что Хуан-ди знал [изначальные] слова.

Небо и земля обладают совершенной красотой, но не ведут об этом речи; четыре времени года обладают ясными законами [чередования], но не обсуждают их; тьма вещей обладает [определенными] правилами становления, но не излагает их. Мудрый ищет источник совершенной красоты неба и земли и постигает правила [становления] тьмы вещей. Поэтому совершенный человек бездействует, а совершенномудрый ничего не создает — это значит, что они небо и землю берут за образец. Священный разум [неба и земли] совершенен в своей тонкости и вместе [с тьмой вещей проходит] бесконечные изменения. Вещи сами собой умирают и рождаются, сами по себе квадратные или круглые, и не известно их начало. Тьма вещей внезапно и прочно существует с глубокой древности. Шесть соединений считаются огромными, [однако] не простираются за пределы [*дао*]; осенний волосок считается маленьким, однако и он обретает полноту телесной формы при помощи *дао*. В Поднебесной нет ничего, что бы не подвергалось постоянным переменам, [и ничто не остается] неизменным до конца своих дней. *Инь* и *ян* и четыре времени года находятся в постоянном движении в соответствии с естественным порядком, предназначенным для каждого из них. Они то тускнеют, будто исчезая, но все же существуют; то, [оставаясь] лишенными телесной формы, разгораются вновь и [проявляют свою] жизненную силу. Тьма вещей взращивается ими, не ведая об этом. Это и называется корнем и истоком всего. [Знающий это] может созерцать [совершенное *дао*] естественности.

Не Цюе спросил о *дао* у Пи И. Пи И сказал: «Освободи свое тело от пороков, сосредоточь свой взор на одном, и естественное согласие придет к тебе; сдерживай свои знания, сосредоточь свои устремления на одном, и естественная мудрость придет и останется с тобой. Доброде-

тель расцветет красотой в тебе, а *дао* поселится в твоём [сердце]. Смотри прямо бессмысленным взором, как новорожденный теленок, и не ищи причины всего этого...» — он не кончил еще говорить, как Не Цюе [уже крепко] уснул. Пи И очень обрадовался и покинул его, напевая песенку, в которой говорилось:

Его тело — как высохший скелет,
А сердце — как мертвый пепел.
Его знание действительности настоящее,
И он не цепляется за прошлые вещи.
Мрачный и темный, лишенный чувств и мыслей,
И нельзя обдумывать с ним никаких планов —
Вот какой это человек!

Шунь, обратившись к Чэну, спросил: «Можно ли обрести *дао* и владеть им?»

В ответ [он услышал]: «Даже твоё тело не принадлежит тебе, как же ты можешь обрести *дао* и владеть им?».

«Если моё тело не принадлежит мне, то кому же оно принадлежит?» — спросил Шунь.

В ответ [он услышал]: «Оно является лишь телесной формой, доверенной тебе небом и землей. Тебе не принадлежит [также и твоя] жизнь — она является сгустком [жизненной силы], доверенной тебе небом и землей. Тебе не принадлежат твои качества и судьба — они являются лишь соответствием [с естественным течением природы], доверенным тебе небом и землей. Тебе не принадлежат твои потомки — они являются лишь перерождением, доверенным тебе небом и землей. Поэтому ты идешь, не зная, куда направляешься; пребываешь [на одном месте], не зная, за что держишься; ешь, не зная вкуса [пищи]. [Все это создано] жизненной силой, движимой небом и землей, как же можно обрести и владеть всем этим?».

Кун-цзы, обратившись к Лао Даню, сказал: «Сегодня, [когда у Вас есть] свободное время, осмелюсь спросить о совершенном *дао*».

Лао Дань ответил: «Ты [сначала] постом и воздержанием очисти своё сердце; до снежной [белизны] очисти свой ум; разбей своё знание. Ведь *дао* бездонно и словами выразить его очень трудно. Расскажу тебе о его приближительных очертаниях.

Светлое рождается из темного, обладающее порядком рождается из бесформенного, духовное рождается из *дао*, телесное рождается из семени, а тьма вещей взаимопорождает друг друга при помощи телесной формы. Поэтому [животные], обладающие девятью отверстиями, рождаются из чрева [матери], а [животные], обладающие восемью отверстиями, рождаются из яйца. Появление [жизни] не оставляет следов; ее исчезновение не имеет предела; нет ни ворот, ни жилищ, [поэтому она] распространяется по всем четырем направлениям.

У всех тех, кто следуют *дао*, крепкое тело, пронизательный ум, чуткие органы чувств. Их мысль действует без устали, и они приспособляются ко всем вещам без ограничений. Без *дао* небо не может быть высоким, а земля — просторной. Без *дао* солнце и луна не могут продвигаться [по небосводу], а тьма вещей не может развиваться — вот что такое *дао*!

К этому следует добавить, что много знающий человек не обязательно обладает [истинным] знанием, а искусный в споре не обязательно обладает [настоящим] умом. [Поэтому настоящий] совершенномудрый отбрасывает эти [качества]. Печется же совершенномудрый о том, что не увеличивается при добавлении и не уменьшается при убавлении. [*Дао*] глубоко и бездонно, как море, огромно и величаво в своих [постоянных переменах]; кончается и тотчас начинается снова. Изменять природные качества тьмы вещей и не истощаться — это *дао* благородного мужа, но оно несовершенно. А если тьма вещей сама порождает свои изменения и не истощается, то это и есть настоящее *дао*.

В Срединном государстве есть люди, [которые] не подвергаются [одностороннему воздействию] ни начала *инь*, ни начала *ян*. Они пребывают между небом и землей, только временно становятся людьми и затем возвращаются к своему праначалу. Если посмотреть на это, исходя из основы, то жизнь — это нечто [образованное] скоплением жизненной силы, и хотя существуют долговечность и смерть в юности, то каково же между ними расстояние? Мгновение, и не более. Разве этого достаточно, чтобы установить, кто был прав, а кто не прав: Яо или Цзе?

У плодов деревьев и трав есть [свои] законы. Правила отношений между людьми хотя и сложнее, но тоже по-

строены в [соответствии с определенным] порядком. Встретившись с ними, совершенномудрый их не нарушает, а проходя мимо них, их не сохраняет. Сглаживать противоречия между ними и следовать им — это [высшая] добродетель; сливаться с ними и следовать им — это [совершенное] *дао*. Вот благодаря чему появлялись [совершенные] правители и выдвигались основатели династий.

Жизнь человека между небом и землей похожа на [стремительный] прыжок белого коня через скальную расщелину: мгновение — и она уже промелькнула и исчезла. Стремительно, внезапно все появляются [в этой жизни]; незаметно, тихо все из нее уходит. Одно изменение — и начинается жизнь, еще одно изменение — и появляется смерть. Зачем же живые существа скорбят об этом? Зачем человеческий род горюет из-за этого? [Ведь умереть означает лишь] расстегнуть [данный] нам природой чехол, разорвать [данный] нам природой мешок, это лишь изменение и рассеивание [жизненной силы]. Духовное начало уходит, тело следует за ним — это действительно великое возвращение [от бытия к небытию]. Бесформенное переходит в обладающее телесной формой; обладающее формой [снова] переходит в бесформенное — эта [смена рождения и смерти] известна всем людям, но на нее не обращает внимания тот, кто близок к постижению [*дао*]. Об этом рассуждают многие люди, но тот, кто постиг [*дао*], тот не рассуждает, ибо рассуждающий не постигает [*дао*]. Проницательное зрение не имеет значения [для постижения *дао*], и лучше о нем молчать, чем спорить. *Дао* нельзя услышать, поэтому лучше заткнуть [уши], чем слушать. Это и называется великим пониманием».

Дунго-цзы, обратившись к Чжуан-цзы, спросил: «Где находится то, что называют *дао*?».

«Нет такого места, где бы его не было», — ответил Чжуан-цзы.

Дунго-цзы сказал: «Назовите [место его пребывания], и тогда я смогу [понять]!».

«В медведке и муравье», — ответил Чжуан-цзы.

«А в чем-нибудь ниже этого?» — «В сорной траве и куколе». — «А в чем-нибудь еще ниже этого?» — «В череপি-

це и кирпиче». — «А в чем-нибудь самом низком?» — «В кале и моче».

Дунго-цзы ничего на это не ответил, и тогда Чжуан-цзы сказал: «Ваши вопросы, учитель, совершенно не доходили до сущности [вещей]. [Они похожи на вопросы] управляющего рынком по имени Хо, спрашивавшего у рыночного надзирателя [о способе определения жирности] свиньи нажатием на нее ногой, согласно которому, чем ниже [нажмешь], тем лучше [узнаешь] положение. У Вас не было необходимости [спрашивать о местопребывании *дао*, так как *дао*] неотделимо от вещей. Таково совершенное *дао*, и таковы же великие слова. Три слова — чжоу, пянь и сянь — это разные названия, но их содержание одинаково и смысл у них один. Попытаемся вместе странствовать по дворцу Полного Небытия и рассуждать о единстве общего [и тогда увидим, что у *дао*] нет ни конца ни края. Попытаемся вместе пребывать в недеянии, в тишине и спокойствии, в безразличии и чистоте, в гармонии и праздности! Пусть опустошится и исчерпается моя воля, чтобы она никуда не направлялась и не знала, куда пришла; чтобы уходила и возвращалась и не знала, где остановилась. И я бы уходил и возвращался и не знал бы конца [этому движению]. Я блуждал бы в бескрайней пустоте, где появляется великое знание, и не знал бы его пределов.

Нет границы между *дао* и вещью, но каждая вещь имеет предел — это так называемая граница вещи. Предел же безграничного — это беспредельность ограниченного. Мы говорим о полноте и пустоте, о дряхлении и смерти. *Дао* создает полноту и пустоту, но само не является ни полным, ни пустым. Оно создает дряхление и смерть, но само не является ни дряхлением, ни смертью. Оно создает начало и конец, но само не является ни началом, ни концом. Оно создает скопление и рассеивание, но само не является ни скоплением, ни рассеиванием...».

Глава 33 ПОДНЕБЕСНАЯ

Существует множество методов управления Поднебесной, и содержание каждого из них считается [его сторонниками таким, к которому] ничего нельзя добавить. Где

же в самом деле находится то, что в древности называли методом управления? Отвечу: нет такого места, где бы его не было. Спросите: откуда нисходит совершенномудрый? Откуда появляется просвещенный правитель? Существует то, что рождает совершенномудрого, существует то, что создает просвещенного правителя, но источник у них один и тот же.

Того, кто не отделяется от праисточника, называют небесным человеком; того, кто не отделяется от духовного начала, называют святым человеком; того, кто не отделяется от истины, называют совершенным человеком. Того, кто небо считает своим предком, нравственные качества считает своей основой, *дао* считает воротами [к достижению цели], [кто в непрерывных] изменениях [вещей умеет заметить] предзнаменование будущего, того называют совершенномудрым человеком.

Того, кто человеколюбие считает [основой] благодеяния, справедливость — принципом [отношения к миру], ритуал — нормой поведения, музыку — [образцом] гармонии, от кого естественным образом исходят теплота любви и доброты, того называют благородным мужем.

Закон должен служить [мерилом] разделения [общества на сословия], названия должны выражать [сущность вещей], сравнение должно быть [критерием] проверки, изучение должно быть [основой] решений; один, два, три, четыре — вот количество этих [установлений]. При их помощи классифицируются [должности] всех чиновников.

Считать свои занятия неизменными, одежду и еду — главным; размножаться, накапливать и хранить; престарелых, слабых, сирот и одиноких считать [предметом постоянной] заботы, чтобы у всех было чем прокормиться, — вот естественные основы [существования] людей.

О, как совершенны были люди древности! Они были равны святым и мудрым, чисты, как небо и земля, они вскармливали тьму вещей, приводили в гармонию Поднебесную и оказывали благодеяния всем людям. Они понимали изначальный критерий и соединялись с конечным мерилом. Во всех шести направлениях и в четырех временах года, в малом и большом, в тонком и грубом — везде и всюду проявлялось их действие. В старых законах и в

исторических хрониках, передаваемых из поколения в поколение, имеется еще много [сообщений о том, как] они понимали критерии и мерила [и как руководствовались ими] в жизни. Многие из тех сообщений, что находятся в «Ши цзин», «Шу цзин», «Ли цзи», «Юе цзин», могут понимать ученые мужи из Цзоу и Лу и чиновники-ученые. При помощи «Ши цзин» постигают устремления; при помощи «Шу цзин» постигают [государственные] дела; при помощи «Ли цзи» постигают правила поведения; при помощи «Юе цзин» постигают основы гармонии; при помощи «И цзин» постигают *инь* и *ян*; при помощи «Чунь-цю» постигают [принципы оценки и] разделения названий [должностных обязанностей]. Какое-то количество [мудрости, содержащейся в этих книгах], рассеялось по Поднебесной и было применено в Срединных государствах, ее иногда постигают и о ней говорят учения «ста школ».

Когда в Поднебесной [воцарилась] великая смута, достойные и мудрые не выдвигались, *дао* и нравственные качества утратили свое единство и в Поднебесной [появились] многие люди, которые сами себя считали непогрешимыми, постигнув и разобравшись лишь в одной [стороне явлений]. [Их можно бы] сравнить с ушами, глазами, носом, ртом: каждый [из этих органов чувств] обладает восприятием, [характерным только для него], и не может постигнуть [восприятия] другого [органа]. Так же [обстоит дело с учениями] «ста школ» и множеством умений. Каждое из них обладает своими достоинствами, а иногда и пригодностью, и поскольку это так, [то ни одно из них] не является всесторонним и повсеместным, [все они подобны] одностороннему и ограниченному ученому мужу. [Когда такие люди] судят о красоте неба и земли, толкуют законы тьмы вещей, рассматривают совершенство древних, [то лишь очень] немногие из них могут полностью [понять] красоту неба и земли, оценить поведение святых и мудрых. Поэтому внутренне совершенномудрое, а внешне царственное *дао* затемнилось и не проявлялось, пришло в состояние застоя и не распространялось, а каждый человек в Поднебесной делал то, что ему заблагорассудится, самого себя считая [мерилом] истинности. Как это прискорбно! Сто школ пошли [каждая своим путем], не возвращаясь [к общему началу], и никак не могли

прийти к соглашению друг с другом. Ученые же последующих поколений, к несчастью, не заметили ни чистоты [бездействия] неба и земли, ни [простоты] великой сущности древних, и наука о *дао* в Поднебесной оказалась на грани раскола. Не [учить] грядущие поколения предаваться излишествам, ничего не растрчивать из тьмы вещей, не блистать многочисленностью и великолепием [обрядов], выправлять самого себя при помощи строгих правил поведения и быть готовым к неожиданным затруднениям этого мира — все это в древности имелось в науке о *дао*.

Мо Ди и Цинь Гу-ли услышали об этих наставлениях и обрадовались им, однако, осуществляя их, впали в крайность, и только они одни могли этому полностью следовать. Мо Ди написал трактат «Фэй юе» и еще один, который назвал «Цзе юн», [в них он говорил о том, что] живые не должны петь, а мертвых не следует одевать [в посмертную одежду]. Мо-цзы [проповедовал] всеобщую любовь и пользу и отвергал войну. Его учение не [одобряло] гнева. Он ценил также обучение и обширные знания и хотел, чтобы другие не отличались от него. Мо-цзы не был подобен прежним правителям, он разрушал обычаи и музыку древних. А ведь уже при Хуан-ди исполнялась музыка, которая называлась сянь-чи, при Яо — да-чжан, при Шуне — да-шао, при Юе — да-ся, при Тапе — да-ху, при Вэнь-ване — би-юн, а У-ван и Чжоу-гун создали музыку, именуемую у. В похоронных обрядах древности соблюдались правила, [различные для] благородных и низких, учитывались ранги, [имевшиеся при жизни] у высших и низших. Внутренний и внешний гробы сына неба должны были быть семислойными, местного правителя — пятислойными, сановника — трехслойными, ученого-чиновника — двухслойными. Ныне же один лишь Мо-цзы считает, что живые не должны петь, а мертвых не следует одевать [в посмертную одежду и что для захоронения] не нужно внешнего гроба, достаточно лишь внутреннего из тунгового дерева толщиной в три цуня, и устанавливает это как непреложное правило. Учить этому людей, вероятно, означает не любить людей; поступать так самому, несомненно, означает не любить самого себя. Этого еще не [достаточно, чтобы нанести] поражение учению Мо-цзы, но отвергать пение там, где нужно петь, отвергать плач там, где нужно плакать, отвергать музыку там.

где нужно ее исполнять, — разве это действительно [соответствует человеческой] природе? Усердно трудиться при жизни, быть скромно [похороненным] после смерти — такое учение слишком убого, оно вызывает у людей тоску, вызывает скорбь, а осуществление его было бы очень трудным. [Такое учение], пожалуй, нельзя считать учением совершенномудрого: оно противоречит природе [людей всей] Поднебесной, и Поднебесная не может его вынести. И хотя сам Мо-цзы мог выполнять [требования своего учения], но что же можно было поделаться со всей Поднебесной? Оно оторвалось от [людей] Поднебесной и очень далеко отошло [от учения совершенномудрых] правителей.

Превознося свое учение, Мо-цзы говорил: «В прошлом Юй преградил [путь] разливу вод и отвел [в море] воды Янцыцзян и Хуанхэ. Таким образом он восстановил сообщение со странами четырех варварских племен и со всеми девятью областями [Китая]. [Он урегулировал] триста знаменитых рек, три тысячи притоков и бесчисленное количество малых рек и речушек. Юй собственноручно таскал корзины с землей и работал заступом, пока не соединил всех рек Поднебесной, [открыв их водам путь к морю]. [От изнурительного труда] мясо исчезло с его икр и стерлись волосы на голених. Проливные дожди омывали его тело, ураганные ветры причесывали волосы [на его голове], но он установил спокойствие в тьме государств. Великим и совершенномудрым был Юй, если свое тело [довел] до такого состояния, трудясь ради Поднебесной».

[Эти высказывания Мо-цзы] привели к тому, что большинство его приверженцев из последующих поколений одевались в шкуры и грубые ткани и носили деревянную и конопляную обувь. Они не отдыхали ни днем, ни ночью и самоизнурение [от тяжелого труда] считали высшей [добростью]. Они говорили: «Тот, кто не способен так поступать, тот не идет по пути Юя и недостойн называться [последователем] Мо Ди».

Ученики Сянли Циня, последователи У Хоу, южные моисты, к которым принадлежали Ку Хо, Цзи Чи и Дэн Лин-цзы, — все они декламировали «Мо цзин», однако сильно расходились [в ее толковании, их взгляды] были неодинаковы, и поэтому они называли друг друга отде-

лившимися моистами. Они хулили друг друга в спорах о «твердости и белизне» и о «тождестве и различии»; они отвечали друг другу словами о том, что нечетное и четное не чередуются. Самые выдающиеся среди них считались совершенномудрыми, и все хотели сделать одного из них главой [всей школы], надеясь стать его преемником в следующем поколении; так продолжается и поныне.

Мысли Мо Ди и Цинь Гу-ли были правильными, однако их поведение было неправильным. Это может привести к тому, что приверженцы Мо Ди из последующих поколений непременно будут самоизнуряться [тяжким трудом] так, что мясо исчезнет с их икр и волосы сотрутся на голенях, [стараясь в этом] превзойти друг друга. Этого предостаточно для беспорядка, но слишком мало для хорошего управления, И тем не менее сам Мо-цзы поистине был лучшим [среди людей всей] Поднебесной, и если искать, то не найти [равного ему]. Он, хотя и высох [из-за своих убеждений, но все же от них] не отказался, он воистину одаренный ученый муж.

Не связывать себя обычаями; не приукрашивать себя внешними вещами; не вести себя нечестно по отношению к людям; не причинять вреда народу; желать порядка и покоя в Поднебесной, чтобы оберегалась жизнь народа; довольствоваться полным удовлетворением потребностей в пропитании других людей и самого себя и этим проявить свое сердце — все это в древности имелось в науке о *дао*.

Сун Цзянь и Инь Вэнь услышали об этих наставлениях и обрадовались им. Чтобы выделиться, они сшили себе шапки [с плоским верхом] наподобие горы Хуашань. [Они считали, что] сближение с тьмой вещей нужно начинать с определения различий и снисходительности к ним, говорили также о терпимости и называли это деятельностью сердца. [Пытаясь] при помощи согласия объединить [всех] в радости, чтобы примирить все внутри морей, они и обращались с просьбами [к правителям], стремясь установить это как главный [принцип]. Подвергаясь оскорблениям, не считали это позором, [пытаясь таким отношением] уберечь народ от борьбы. [Предлагали] запретить нападения [на соседей] и прекратить воен-

ные действия, чтобы избавить мир от войн. С такими идеями ходили они по всей Поднебесной, уговаривая верхи и просвещая низы, и, хотя Поднебесная не принимала [их идей, они от них] не отказывались и все упорнее о них твердили. Поэтому о них говорили: «И верхам и низам надоело видеть их, а они все настойчивее [добиваются] встреч». Несмотря на это, они делали для людей слишком много, для себя же — слишком мало. Говорили: «Желая, чтобы было прочно установлено питание в размере пяти шэнов [зерна на день], обращаемся с просьбой об этом. Его нам будет достаточно. Вы, учителя, вероятно, не смогли бы насытиться [таким количеством], однако ученики, хотя и будут голодны, не забудут [о судьбе] Поднебесной». Они не отдыхали ни днем ни ночью и говорили: «Мы непременно добудем [средства] существования!» Как заносчивы эти ученые мужи, будто бы спасающие мир! Они говорили: «Благородный человек не должен быть мелочным при выяснении [отношения других людей к себе] и не должен заимствовать у внешних вещей ради собственной [славы]». Они считали, что лучше воздержаться [от наставлений], чем объяснять [вещи], бесполезные для Поднебесной. [Требование] запретить нападения и прескратить военные действия было [их учением] о внешнем; [наставление об] умеренности и простоте в чувствах и желаниях было [их учением] о внутреннем. Только до этого дошли и здесь остановились ничтожность и величие, тонкость и грубость [их учения, а также] их действия.

Заботиться об общем благе, а не [принадлежать к одной] группировке; быть бесстрастным и бескорыстным; быть решительным, но беспристрастным; следовать внешним вещам, но не быть двуличным; не обращать внимания на заботы; строить планы на основе знаний; относиться одинаково ко всем вещам и идти вместе с ними все это в древности имелось в науке о *дао*.

Пэн Мэн, Тянь Пянь и Шэнь Дао услышали об этих наставлениях и обрадовались им. Главным они считали уравнение тьмы вещей. Они говорили: «Небо может [сверху] покрывать всю тьму вещей, но не может ее нести на себе; земля может нести тьму вещей на себе, но не может покрывать ее [сверху]; великое *дао* может вмещать в себя тьму вещей, но не может определить различие

между ними. Они знали, [что для каждой из] множества вещей есть что-то возможное и что-то невозможное, и поэтому говорили: «Любой выбор не является всеохватывающим, любое обучение не является [всеобъемлющим], и только *дао* не оставляет ничего вне себя».

Поэтому Шэнь Дао отбросил знания, отказался от личных убеждений и следовал неизбежному; очищение от вещей он считал основным законом. Шэнь Дао говорил: «Знание — это незнание, если иметь даже ничтожные знания, то это приближает [человека] к беде». Непостоянный и ненужный, он высмеивал то, что Поднебесная уважает способных; необузданный и бездеятельный, он порицал великих мудрецов Поднебесной. [Своим учением он, как] ударами молотка, [соединял все вещи] и совершенствовал [их форму] и находился в круговороте и изменениях вместе с ними. Отбрасывал и истинное и ложное, если только можно было [таким образом] избежать [затруднений]. Не руководствовался ни знаниями, ни размышлениями, не знал ни прошлого, ни будущего и лишь неподвижно возвышался, своевольный и независимый. Действовал лишь после того, как его подтолкнули; передвигался лишь после того, как его потянули; кружился подобно смерчу; крутился подобно перышку; вращался подобно мельничному жернову, [считая, что таким образом] сохраняет себя в целостности и не делает ошибок; и в движении и в покое не совершает проступков и никогда не творит преступлений. Что было этому причиной? [Подобно] вещи, не обладающей знаниями, он не знал ни страданий самоутверждения, ни тягот применения знаний; ни в движении, ни в покое не отрывался от естественных начал и поэтому за всю жизнь не [встретился ни с] похвалой, [ни с порицанием]. Поэтому [Шэнь Дао] говорил: «Следует достичь [такого состояния, чтобы] быть подобным вещи, не обладающей знаниями, и на этом остановиться. Не надо использовать ни способных, ни мудрых, ведь [даже самый маленький] комочек земли не теряет своего *дао*». Выдающиеся люди [в разговорах] между собой высмеивали его, говоря: «Учение Шэнь Дао — это не образец поведения для живых людей, это высшие принципы для мертвых. Оно лишь вызывает удивление».

Таким же был и Тянь Пянь. Он учился у Пэн Мэна и постиг его учение без наставлений [Учителя]. Учитель Пэн Мэн говорил: «В древности люди, [постигшие] *дао*, поднимались до [понимания того, что] нет ни правды, ни неправды, и это все. Их поучения [исчезали так быстро, как] шум ветра, как же можно о них говорить?» [Его учение] часто шло вразрез [с мнениями других] людей и не встречало их одобрения — оно не могло избежать совершенствования [его формы другими людьми]. То, что в его учении называется *дао*, не является настоящим *дао*; а правда, о которой в нем говорится, не свободна от лжи. Пэн Мэн, Тянь Пянь и Шэнь Дао не знали *дао*, хотя все они когда-то что-то в общем о нем и слышали.

Считать начало сущностью, а вещь — внешней формой; считать, что накопление не создает достаточности; спокойно и в одиночестве общаться с духами — все это в древности имелось в науке о *дао*.

Начальник пограничной заставы и Лао Дань услышали об этих наставлениях и обрадовались им. Они построили [свое учение на трех принципах] — постоянстве, небытии и бытии, главным в нем считая великое единство. [Внешним] проявлением [своего учения они] считали мягкость, слабость, скромность и унижение; [внутренней] сущностью его считали [утверждение, что] пустота не разрушает тьмы вещей.

Начальник заставы говорил: «Тому, кто не замыкается в себе, формы и вещи сами становятся понятными. Движения такого человека [естественны], как течение воды, его покой [чист], как зеркало, его ответ [быстр], как эхо. Такой человек туманен, будто несуществующий; чист, будто прозрачный; объединяясь [с тьмой вещей, он] пребывает в гармонии; приобретенное [тут же] теряет; никогда не опережает других людей, а всегда за ними следует».

Лао Дань говорил: «Тот, кто, зная свою силу, сохраняет при этом свою слабость, тот становится руслом [продвижения] Поднебесной. Тот, кто, зная свою чистоту, сохраняет при этом свое бесчестье, тот становится долиной [пребывания] Поднебесной». Все люди предпочитают быть первыми, лишь он один предпочитал держаться сзади, говоря: «Принимаю на себя позор Поднебесной». Все люди предпочитают наполненное, лишь он один

предпочитал пустое. Он не накапливал, поэтому обладал избытком, сполна удовлетворял [свои потребности] и снова оставался с избытком. В обеспечении своего существования был медлителен, но не терпел убытка; бездействовал и насмехался над ловкостью [других]. Все люди добиваются счастья, лишь он один, [чтобы обеспечить себе] спокойствие, приспособлялся к обстоятельствам, говоря: «Лишь бы избежать беды». Считая глубину [сокровенного] основой [воплощения *dao*], умеренность — основным принципом [действия], говорил: «Твердое ломается, острое тупится». Он всегда был великодушным по отношению к [тьме] вещей и ничего не отнимал у других людей. Вот что может быть названо пределом [совершенства]! О, начальник заставы и Лао Дань! Они действительно были настоящими людьми древности, знающими и великими.

Туманность, беспредельность и отсутствие формы; изменчивость и непостоянство; [чередование] смерти и жизни; единение с небом и землей; странствование с духами; чего достичь? — неясно; куда направляться? — туманно; вся тьма вещей как бы охвачена [одной] сетью, и не остается ничего, к чему бы можно вернуться, — все это в древности имелось в науке о *dao*.

Чжуан-цзы услышал об этих наставлениях и обрадовался им. В нелепых и запутанных выражениях, бесплодных и пустых словах, беспредельных и бескрайних речах он никогда не сдерживался, но не относился пристрастно [к своим идеям] и не смотрел на них с одной точки зрения. Он считал, что Поднебесная погрязла в скверне и что поэтому нельзя к ней [обращаться] со степенными речами. Поэтому он использовал слова, [льющиеся свободно, как вино из] чаши, для беспредельного распространения [своих мыслей], использовал почитаемые всеми слова для выражения истины; использовал иносказательные речи для развития [воображения людей]. Лишь он один свободно странствовал вместе с небом, землей и духами и не был заносчив по отношению к тьме вещей. Не осуждал ни правды, ни неправды, чтобы ужиться с заурядностью мира. Хотя его писания странны и необычны, однако они согласуются [с движением Вселенной] и никому не причиняют вреда. Хотя его выражения негладкие, однако они

насыщены весельем и производят впечатление. К тому же они наполнены содержанием, воистину неисчерпаемым. Наверху [Чжуан-цзы] странствует вместе с создателем всех вещей, внизу же дружит с теми, кто находится вне смерти и жизни и у кого нет ни конца, ни начала. [В проникновении] в основное он необъятен, огромен и открывает [новые просторы], он глубок, широк и не ведает предела. [О его понимании] всеобщего принципа можно сказать, [что он является тем, кто] привел это в гармонию и достиг высшего предела, тем не менее он приспособлялся к изменениям и объяснял мир вещей. Его принципы неисчерпаемы; происхождение его [учения] — это не наследие прежних людей. Как оно туманно! Как оно неясно! Нельзя постичь его до конца!

Хуэй Ши был очень разносторонен, а его писания [могли заполнить] пять повозок. Его учение было противоречивым и путаным, а его [пристрастные] слова не попадали в цель. Определяя [общий] смысл [естественных законов] мира вещей, Хуэй Ши говорил: «Самую большую величину, вне которой ничего нет, называю великим единством; самую маленькую малость, внутри которой нет ничего, называю малым единством. — То, что не обладает толщиной, не может быть накоплено, и все же его громада [может простираться] на тысячу ли. — Небо и земля [одинаково] низки; горы и болота [одинаково] ровны. — Солнце, только что достигшее зенита, уже находится в закате; вещь, только что родившаяся, уже умирает. — Великое тождество отличается от малого тождества — это я называю малым различием тождеств. Вся тьма вещей абсолютно тождественна и абсолютно различна — это я называю большим различием тождеств. — Южная сторона света не имеет предела и в то же время имеет предел. — Только сегодня отправившись в Юе, туда я давно уже прибыл. — Соединенные кольца можно разъединить. — Я знаю местонахождение центра Поднебесной: [он лежит] к северу от Янь, к югу от Юе. — Всеобщую любовь [следует распространить] на всю тьму вещей, ибо небо и земля [представляют собой] одно тело».

Сам Хуэй Ши считал свои изречения великим взглядом на Поднебесную и преподавал их софистам. Софисты

Поднебесной вместе с ним находили удовольствие в таких [изречениях]. [Они говорили]: «В яйце есть перья. — У курицы три ноги. — Город Ин вмещает всю Поднебесную. — Собака может стать бараном. — Лошадь несет яйца. — У лягушки есть хвост. — Огонь не горяч. — Гора выходит из рта. — Колесо не касается земли. — Глаза не видят. — Пальцы не прикасаются [к вещи], прикасаясь, не отрываются [от нее]. — Черепаха длиннее змеи. — Угломер не квадратный; циркуль не может быть круглым. — Долото не охватывает своей рукоятки. — Тень летящей птицы никогда не движется. — В стремительном [полете] наконечника стрелы есть мгновение, когда он не движется и не стоит на месте. — Собака не пес. — Гнедая лошадь и вороная корова [вместе составляют] три. — Белая собака — черная. — У осиротевшего жеребенка никогда не было матери. — Если от палки длиной один чи ежедневно отрезать половину, [то даже через] десять тысяч поколений не истощится [се длина]». Такими [парадоксами] софисты и Хуэй Ши отвечали друг другу и не могли их исчерпать до конца жизни. Последователи софистов Хуань Туань и Гунсунь Лун [своими афоризмами] приукрашивали сердца людей и изменяли их воображение. Однако они могли только победить уста людей, но не могли покорить их сердца — [в этом заключалась] ограниченность софистов. Используя свои знания, Хуэй Ши ежедневно спорил с людьми и вместе с другими софистами Поднебесной нарочно создавал странные [изречения], и это было основой его [деятельности]. Однако сам Хуэй Ши считал свои изречения наимудрейшими и говорил: «Кто может сравниться со мной во всей Вселенной?». Хуэй Ши жил, [будто] герой, но не знал учения [о *дао*].

На юге жил странный человек по имени Хуан Ляо. Он спрашивал [у Хуэй Ши], почему небо не падает, а земля не проваливается и каковы причины, [вызывающие] ветер и дождь, бурю и гром. Хуэй Ши с готовностью отвечал ему и ответы давал не задумываясь. Он подробно излагал учение о тьме вещей, говорил не умолкая, много и без конца, но ему казалось, что этого еще недостаточно, и он добавлял к этому [все новые и новые] странности. Вы-

ступления против [взглядов] других людей он считал единственно настоящим [для себя занятием], а славу желал [себе сыскать], побеждая других людей [в споре], и поэтому не подходил для народа. Он был слаб во [внутренних] свойствах, а силен во [внешних] вещах, и путь его был сокровенен. Если взглянуть на то, что мог сделать Хуэй Ши с точки зрения *дао* неба и земли, то это покажется трудом комара или овода. Какая же от него польза для [множества] всшй? Он еще мог выполнить какое то одно [дело], но было бы опасно говорить, что он превзошел [других] в уважении *дао*. Хуэй Ши не мог самоуспокоиться на том, чего [достиг], без усталости расплылся на всю тьму вещей и в конце концов приобрел лишь славу знаменитого спорщика. Как жаль, что свой талант Хуэй Ши [бездумно] растрчивал на ненужное и не достиг [источков] истины! [Хуэй Ши] гнал за [внешней стороной] тьмы вещей и не мог вернуться [к их сокровенному началу]. Это [как бы пытаться] убежать от эха, издавая звуки, или [пытаться] умчаться от собственной тени. Разве это не печально?

Лю Гуань Юй
ДАОССКАЯ ЙОГА.
АЛХИМИЯ И БЕССМЕРТИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

После опубликования нашей четвертой книги «Тайны китайской медитации» и ее немецкого и итальянского переводов нам было приятно узнать от наших западных читателей, практикующих индийскую Йогу, что они с интересом изучают ее китайскую разновидность. Но лишь в трех главах этой книги рассматривается даосская медитация для улучшения здоровья; из-за ограниченного объема мы не смогли достаточно полно рассмотреть в ней даосскую Йогу, включающую духовную алхимию и имеющую целью полностью победить смерть. Предлагаемая книга — перевод трактата «Тайны культивирования основных элементов природы и Вечной Жизни», (1860 г.) даосского Учителя Чжио Би Цяня. Книга содержит доступное изложение даосской Йоги, с предписаниями старинных мастеров. В ее шестнадцатити главах рассказывается, как от начала и до конца освоить духовную алхимию и перейти в состояние Бессмертия и Божественности.

Описания даосской Йоги полны технических терминов, весьма туманных и непонятных даже для китайских учеников, потому что древние авторы не хотели, чтобы эти тексты были доступны людям низшей духовности или сомнительного характера, атеистам или богохульникам.

Вместо дословного перевода мы старались передать их обычным английским языком, чтобы избежать путаницы. Например, Свинец и Ртуть мы переводили как Жизненность и Духовность — это соответствует придаваемому им в тексте смыслу, а текст становится более понятным для обычного читателя. Однако, если нет английского эквивалента, мы сохраняли исходные термины, сопровождая

их соответствующими объяснениями или примечаниями, так что западные читатели могут увидеть, с какими трудностями мы столкнулись, когда приступили к изучению даосских текстов.

Даосская алхимия, сопротивляясь воспроизводящей силе (создающей половую жидкость), не позволяет ей проявиться обычным образом, удовлетворяющим сексуальное чувство и приводящим к созданию потомства. Как только эта сила начинает, приходить в движение, следуя обычному пути, ее поворачивают обратно и внутренним Огнем, создаваемым управляемым дыханием, направляют для сублимации на Микрокосмическую Орбиту. Эта Орбита начинается в основании спины, называемом Первым Затвором (Вый Лу), или Первыми Воротами, потом поднимается по спинному хребту ко Второму Затвору, или Вторым Воротам, между почками (Цзя Цзи) и затем к задней части головы, называемой Третьим Затвором, или Третьими Воротами (Ю Чень), прежде чем достичь мозга (Ли Вэня). Затем она опускается вниз по лицу, груди и животу, на обратном пути к исходной точке, и, таким образом, замыкается полный контур (или орбита).

Под управляемым дыханием подразумевается глубокое дыхание, достигающее самого низа живота, чтобы возбудить внутренний Огонь и затем создать давление на воспроизводящую силу, уже содержащуюся там, и вынудить как Огонь, так и воспроизводящую силу подниматься по каналу управления в спинном хребте к голове. Это сопровождается вдохами и выдохами, релаксирующими нижнюю часть живота, так что Огонь и воспроизводящая сила, поднявшиеся до головы, опускаются по каналу в передней части тела, образуя полный цикл Микрокосмической Орбиты.

Эти непрерывные подъемы и опускания очищают воспроизводящую силу, удерживающуюся затем в нижнем Дань Тяне под пупком, где она преобразуется в Жизненность. Микрокосмическая Орбита имеет четыре кардинальных точки: А — в основании пениса, где собирается воспроизводящая сила, G — на верхушке головы, D — в спинном хребте и I — в передней части тела, где воспроизводящая сила очищается в процессе движения по Микрокосмической Орбите. При помещении воспроизводящей силы на Орбиту первостепенное значение имеет

определение местоположения духовной полости в мозгу, которая совершенно точно располагается там, где появляется Свет, если практикующий концентрирует свой взгляд на средней точке между и позади глаз. Если этого не сделать, то светящийся жар, поднимающийся к голове при движении по Микрокосмической Орбите, можно принять за этот Свет и ошибочно направить в более низкие психические центры в голове, откуда его трудно переместить. Многие неопытные и не имеющие руководителей ученики совершают эту ошибку, уменьшающую эффективность процесса алхимии.

Когда воспроизводящая сила движется под действием обычной чувственной склонности, целью управляемого дыхания является поднятие этой силы до полости нижнего Дань Тяня, чтобы удержать ее там и преобразовать в алхимический элемент, преобразующийся, в свою очередь, в Жизненность, или Жизненную Силу, в солнечном сплетении.

Итак, нижний Дань Тянь внизу живота играет роль горячей Печи, обслуживающей Котел, содержащий воспроизводящую силу, готовую к дальнейшему восхождению к солнечному сплетению, называемому средним Дань Тянем, который становится средним Котлом, подогреваемым пылающей Печью в нижнем Дань Тяне. Именно в солнечном сплетении воспроизводящая сила, являющаяся теперь алхимическим элементом, преобразуется в Жизненность, поднимающуюся к мозгу (Ли Вэню), где путем хорошо управляемого дыхания возбудится спавшее до тех пор настоящее Жизненное дыхание.

Теперь тонкий Драгоценный Котел появляется в мозгу, а обслуживающей его пылающей Печью по-прежнему остается нижний Дань Тянь. Таким образом, в то время как Печь остается в низу живота в течение всего процесса алхимии, Котел меняет место, поднимаясь от нижнего Дань Тяня к среднему Дань Тяню, или солнечному сплетению, и, наконец, к верхнему Дань Тяню в мозгу, где он называется Драгоценным Котлом.

Другими словами, нижний Дань Тянь играет роль первичного Котла, содержащего воспроизводящую силу в самом начале процесса алхимии. Когда воспроизводящая сила очищается в процессе движения по Микрокосмической Орбите и становится алхимическим элементом, она поднимается к солнечному сплетению, начинающему тогда

играть роль среднего Котла, в котором воспроизводящая сила превращается в Жизненность. Когда Жизненность очищается, она поднимается до Ли Вэня, становящегося тогда Драгоценным Котлом, в котором Жизненность переходит в Духовность. Следовательно, нижний, средний и верхний Дань Тяни последовательно становятся Котлами: они делаются полостями или психическими центрами, в которых совершаются превращения. Путем собирания Макрокосмического внешнего алхимического элемента метод «закладывает основание» для восполнения рассеиваемой воспроизводящей силы и активизации мозга.

Изучаемый метод заключается в глубоком и управляемом дыхании для поднимания внутреннего жара по каналу управления мозга Ду Мо 36 раз и затем опускания его по каналу действия Жень Мо спереди тела 24 раза (более детальное объяснение механизма вдоха и выдоха, возбуждающего внутренний Огонь и очищающего воспроизводящую силу, двигающуюся по Микрокосмической Орбите, см. в гл. II); 36 и 24 являются, соответственно, положительным и отрицательным мистическими числами даосской Йоги. Каждое вращение, или цикл, совершается за полное дыхание, то есть вдох и выдох, в течение которых Духовность и Жизненность совместно двигаются и останавливаются на смыкающихся орбитах Земли (тела) и Неба (головы); Духовность производится движением в глаз, а Жизненность — совместным действием уже накопленных Жизненной и воспроизводящей сил.

Как собрать внешний алхимический элемент, чтобы освободить тело от болезней? Внутренний алхимический элемент собирается вращением глаз слева направо при соединении его с Микрокосмическим жаром, проходящим через фазы сублимации в четырех кардинальных точках Микрокосмической Орбиты. Этот процесс называется «внутренним слиянием» положительного и отрицательного начал. Это означает, что Жизненность под действием вентилирования (дыхания) и внутреннего жара поднимается вверх и опускается вниз, так что Жизненное дыхание в мозгу связывается с нервной системой, вызывая развитие Духовности и проявление яркого Света: обычно это называют «приготовлением Золотого Эликсира». Этот яркий Свет является Таинственным Затвором

(Сюань Гуанем), не поддающимся описанию, от которого Духовность совершает прорыв в пространство.

Глаза являются положительными, а все остальное тело отрицательно. Поэтому, когда внешний алхимический элемент собран, нужно вращать глазами, чтобы объединить положительное и отрицательное начала и образовать Духовность в ярком Свете, выходящем из Исходной полости Духовности между и позади глаз. Этот яркий Свет показывает точное местонахождение Исходной полости, и его не следует смешивать со светящимся внутренним жаром, поднимающимся в голове в процессе движения по Микрокосмической Орбите.

В даосской Йоге отрицательная Жизненность символизируется драконом, а положительная — тигром; их «слияние» приведет к проявлению Первоначальной Духовности в ее ярком Свете. Если Первоначальная, или Пренатальная Духовность проявится таким образом, то ее следует направить и задержать в нижнем Дань Тяне. Этот центр имеет внутренние и внешние ячейки; внешняя является источником положительного и отрицательного начал, местопребыванием Жизненного дыхания, источника дыхания, зародыша и механизма вдоха и выдоха. Внутренняя ячейка — это место, где создается Бессмертный зародыш и задерживается Жизненное дыхание: она является Обителью ясности, покоя и безмятежности. Микрокосмический высший алхимический элемент создается при помощи свежего воздуха, вдыхаемого и выдыхаемого для превращения воспроизводящей силы в Жизненность. Элемент называется Микрокосмическим внутренним потому, что он создается в теле посредством Жизненного дыхания для преобразования Жизненности в Духовность (см. пояснения в гл. VI).

Если Жизненное дыхание, движущееся вверх и вниз по пронизывающему каналу, не поднимается выше сердца (Обители Огня) и не опускается ниже нижней части живота (Обители Воды), то оно проскользнет в нижний Дань Тянь, создавая внезапное проявление Истинной ясности и безмятежности. При этом ученик должен концентрироваться на полости нижнего Дань Тяня, пока Жизненность не начнет вибрировать там, поднимаясь потом до сердца (местопребывания Огня) и опускаясь до низа живота (местопребывания Воды) по пронизывающе-

му каналу, и пока она вдруг не проскользнет в эту полость. Это называется «возвращением зародыша для дальнейшего созидания» и является результатом связи сердца (Огня) и низа живота (Воды).

Духовность, задержанная там, будет окутываться Жизненностью, пока они не соединятся в одно Целое, называемое Бессмертным зародышем, в состоянии совершенной ясности и безмятежности. После этого необходимо практиковать бессмертное дыхание через пяточный канал, начинающийся от пяток, в канал туловища, идущий от низа живота и до мозга, чтобы достичь поворота Колеса Закона, называемого Макрокосмической Орбитой, или свободной циркуляцией Жизненного дыхания, через первый канал и вниз через второй канал. Эта практика восстанавливает глубокое Пренатальное дыхание, выметающее все наслоения, возникшие после рождения, так что Первоначальная, Пренатальная Жизненность сможет пресобразоваться в Яркий Перл, озаряющий мозг. Это означает, что после сублимации воспроизводящей силы, Жизненности и Духовности, они концентрируются в мозгу, и при постоянном воздействии Пренатальной Жизненности и Духовности со временем образуют Амброзию. Амброзия (которую не следует смешивать с Золотым Эликсиром) создает и выращивает семена Бессмертия в полости нижнего Дань Тяня, и они освещают сердце своим излучением. Свет свидетельствует о формировании семян Бессмертия, причем дыхание кажется полностью прекратившимся, а пульс — переставшим биться в состоянии полной ясности и безмятежности.

Культивация Бессмертия не распространяется выше Духовности и Жизненности. Духовность ведет к реализации Основной Сушности, а Жизненность — к Вечной Жизни. Когда воспроизводящая сила полна и поднимается для соединения с Основной Сушностью, тогда возникает белый Свет Жизненности: он подобен лунному свету, а его полнота равна половине от Целого. Когда Жизненность полна и опускается, чтобы соединиться с Вечной Жизнью, возникает Золотой Свет: он красновато-желтый, и его полнота равна другой половине. Соединение того и другого Светов создает целое, являющееся семенем Бессмертия. После того как семя Бессмертия возвращается к своему источнику в низу живота, при-

стальная концентрация на нем со временем вызовет появление Золотого Света в белом Свете, сияющем между и позади глаз, что является эмбрионом семян Бессмертия, создаваемых соединением в одно целое воспроизводящей силы, Жизненности и Духовности. Эти два Света подобны мужским и женским органам в цветке, союз которых порождает плод. При возникновении этого положительного Света, являющегося соединением двух Светов, ученик должен остановить Огонь и сконцентрировать в голове Жизненные дыхания сердца, желудка, печени, легких и низа живота, чтобы произвести Микрокосмический алхимический элемент; его нужно затем собрать, чтобы совершить финальный прорыв, перескакивая через мирское, к Святому состоянию, и покидая состояние безмятежной ясности, чтобы возникать в бесчисленных видоизменяющихся оболочках. Когда это состояние достигнуто, ученик должен соединить две Жизненности — Сущности и Жизни, чтобы помочь Духовности, образовав Бессмертный плод. И лишь после того, как ученик увидит, что с «Неба летят снежинки и падают цветы», Духовность выйдет из плода, чтобы достичь Бессмертия. Теперь он должен «возбудить мысль» о прыжке в Великую Пустоту, и эта мысль откроет Небесный Затвор на макушке головы, так что Духовность сможет покинуть человеческое тело, чтобы появляться в бесчисленных телах в пространстве.

В Трактате термин «пренатальный» означает положительную или духовную природу, существующую до рождения, а «постнатальный» — ее отрицательную или испорченную часть, следующую обычному пути материальной жизни после рождения. Первая является реальной и постоянной, в то время как последняя — иллюзорной и проходящей. Нижний Дань Тянь также называется полостью, или Океаном Жизненности.

Согласно Артуру Авалону, авторитету в области Тантрической Йоги, некоторые современные пандиты стремятся переместить психические центры, или полости, в теле. Я категорически предостерегаю учеников от подобных произвольных попыток. Если они достигнут реальных успехов в практике даосской Йоги, то автоматически поймут, где на самом деле расположены в теле эти психические центры, обычно выделяющие тепло, когда через них проходит внутренний Огонь при своем движении по

Микрокосмической Орбите. Вредно точно указывать места на теле. Саму мысль об этом надо отбросить, потому что это мешает прохождению внутреннего Огня к Жизненности.

Китайские авторы применяют 10 Небесных Стволов, или Знаков (Цзя, И, Бин, Дин, Ву, Цзи, Гэн, Синь, Жэнь, Гуй) для обозначения последовательности разделов своих книг и 12 Земных Ветвей (Цзи, Чоу, Инь, Мао, Чэнь, Си, Ву, Вэй, Шэнь, Ю, Сю, Хай), чтобы отметить различные части иллюстраций. Например, 12 частей Микрокосмической Орбиты обозначаются 12 китайскими иероглифами, обозначающими указанные выше 12 Земных Ветвей в оригинальных рисунках, и им в этой книге соответствуют первые 12 букв латинского алфавита (от А до L) для удобства западных читателей; 10 небесных знаков используются с 12 Земными Ветвями, чтобы образовать цикл, обозначающий часы, дни, месяцы и годы в китайских календарях. Они также используются в медицине, астрономии, астрологии, физиологии и хиромантии.

Как Стволы, так и Ветви — не просто символы, расположенные в определенном порядке, но означают рост, расцвет, увядание и смерть всего живого во Вселенной, а также развитие и превращение всех явлений в природе. Для большего понимания сути этих иероглифов можно использовать их исходные значения, данные Си Ма Чуанем.

Для Небесных Стволов: Цзя — проросшее зерно; И — ростки поднимаются день ото дня; Бин — рост становится заметным; Дин — всходы становятся большими и окрепшими; Ву — вырос роскошный урожай; Цзи — урожай вызрел; Гэн — наступает обновление; Синь — зарождается новая жизнь; Жэнь — новые плоды развиваются в утробе; Гуй — всходит второе поколение. Для Земных Ветвей: Цзи — Поворотная точка от Инь к Ян. Начинает развиваться Ян, тогда как Инь достиг своего зенита; Чоу — новые ростки начинают появляться из земли; Инь — Ян-энергия неуклонно развивается и растет; Мао — Ян-энергия начинает процветать; Чэнь — встряски, или перемены; Си — цветение заканчивается; Ву — Поворотный момент от Ян к Инь. Начинает развиваться Инь, тогда как Ян достиг своего зенита; Вэй — созревают фрукты;

Шэнь — можно убирать урожай; Сю — уборка урожая завершена; Хай — урожай собирают в хранилища.

Приведем связь между Небесными Стволами и Пятью Первоэлементами: 10 Стволов можно разделить на 5 пар, соответствующих определенным Первоэлементам. Так Цзя — Ян, И — Инь, Дин — Инь и т.д. Таким образом, в каждом Первоэлементе имеется компонент Ян и компонент Инь, то есть Инь — Дерево и Ян — дерево; Инь — Огонь и Ян — Огонь и т.д. В соответствии с этим пара Цзя-И относится к дереву; Бин-Дин — к Огню; Ву-Цзи — к Земле; Гэн-Синь — к Металлу; Жэнь-Гуй — к Воде. Более того, Цзя-И указывает на Восток, являющийся направлением Дерева; Бин-Дин — на Юг (Огонь); Ву-Цзи — определяет Центр Земли; Гэн-Синь указывает на Запад; Жэнь-Гуй — на Север (Вода).

Связь между Земными Ветвями и пятью Первоэлементами такова. Земные Ветви используются главным образом для определения 12 месяцев Лунного китайского календаря. Первый месяц Лунного календаря соответствует Инь, второй месяц — Мао, третий — Чэнь и т.д. Итак, получается, что первый и второй месяцы Лунного календаря — Весна, или Дерево; четвертый и пятый Лунные месяцы (Шэнь-Ю) — Осень, или Металл; десятый и одиннадцатый Лунные месяцы (Хай-Цзи) — Зима, или Вода; Третий, шестой, девятый и двенадцатый месяцы (Чэнь, Вэй, Сю и Чоу) соответствуют переходным сезонам года, или Земле.

Связь между Небесными Стволами и пятью Движениями такова. Пять Движений представляют собой движения пяти Первоэлементов, и они выражаются в пяти различных метеорологических феноменах Вселенной: атмосфере Красных, Желтых, Черных, Голубых и Белых Небес. Красный цвет соответствует Огню, Желтый цвет — Земле, Черный — Воде, Зеленовато-голубой — Дереву, Белый — Металлу. В Древнем Китае было принято 28 Зодиакальных созвездий, причем 7 из них — на Востоке, 7 — на Севере, 7 — на Западе и 7 — на Юге. Следовательно, Стволы, позиции, сезоны, Элементы, Движения и созвездия тесно связаны между собой.

Нечетные номера Стволов и Ветвей относятся к Ян, а четные — к Инь. Человек и окружающая его Природа представляют собой неразрывное единство. Эта мысль

лежит в основе всей Традиционной Китайской Медицины. Если объединить Стволы и Ветви в пары, то получится шестидесятиричный цикл — основа подсчета лет, дней, месяцев и временных интервалов в Древнем Китае. Китайский врач должен уметь выбирать не только нужную точку на теле, но и время, когда воздействие на нее будет наиболее эффективно. Поэтому он должен уметь высчитывать оптимальное время воздействия.

ЛЮ ГУАНЬ ЮЙ (Гонконг)

Глава I

УСТАНОВЛЕНИЕ ДУХОВНОСТИ В ЕЕ ИСХОДНОЙ ПОЛОСТИ

Мои мастера Ляо Мэнь и Ляо Кун когда-то сказали: «Приступая к развитию Основной Сущности и Вечной Жизни, надо сначала развить Сущность». (См. подробнее практику: Вильгельм Ричард. *Тайна Золотого цветка*. Комментарии Карла Густава Юнга.) Прежде чем сесть в медитацию, очень важно прекратить всякое возникновение мыслей, сделать свободной одежду и ослабить пояс, расслабить тело и избегать любой помехи свободной циркуляции крови. После сидения тело должно быть бесчувственным, как колода, а сердце (ум) недвижимо, как потухший пепел. Глаза не должны быть полностью закрытыми, чтоб избежать монотонности и путаницы в мыслях, но не должны быть и широко раскрытыми, чтобы помешать Духовности блуждать по внешнему окружению. Их нужно направить вниз, на кончик носа, а внимание сконцентрировать на Трикуте: со временем там появится Свет Жизненности.

Это лучший способ освобождения от всех мыслей перед тем, как приступить к приготовлению Эликсира Бессмертия. Когда сердце (ум) установлено, вы должны сдерживать способность видеть, контролировать способность слышать, касаться нёба кончиком языка и регулировать дыхание через ноздри. Если дыхание хорошо отрегулировано, вы забываете о теле и сердце (уме); иначе будете страдать из-за затрудненного или принужденного дыхания. Освобожденный таким образом от чувств и страстей человек будет казаться бесчувственным, как бревно.

Левая нога должна быть выдвинута наружу и тесно примыкать ступней к правой. Это означает, что положительное охватывает отрицательное. (Эта поза подойдет за-

падным ученикам, которые не могут сидеть со скрещенными ногами.) Большой палец левой руки должен касаться ее среднего пальца, а правую руку нужно поместить под ней (ладонью вверх); ее большой палец согните над левой ладонью: это означает, что отрицательное охватывает положительное. Именно таким образом древние составляли цепь из восьми психических каналов. Древние говорят: «Соединение четырех конечностей замыкает четыре Затвора, что позволяет удерживать центр».

ВОПРОС: Я читал даосские книги, и они предостерегают от создания в начале практики Света в Исходной полости, или центре нематериальной Духовности (Цзы Цяо), в центре мозга, или Трикуте, но не понял почему. Все даосские школы рассматривают это как цель развития Основной Сущности, не приводя никаких подробностей. Объясните, где практически проявляется Истинная Сущность?

ОТВЕТ: Полость Цзы Цяо в центре мозга разветвляется на два меньших канала: левый символизирует Тай Цзы — Великий Предел, а правый — Чун Лин — нематериальную духовность. Они связывают Тянь Гу (Небесную Долину), центр над ними и Юнь Чуань (Бьющий ключом родник) с центрами в подошвах ног после прохождения через сердце в груди. Дань Цзын говорит: «Сущность лежит в сердце и проявляется через половой орган».

Основная Сущность — это Духовная Жизненность в сердце, проявляющаяся через два канала, исходящих из центра мозга. Поэтому, когда взгляд сконцентрирован на Трикуте, будет виден Свет Основной Сущности, и после долгой тренировки он соединится с Вечной Жизнью, чтобы образовать Единое Целое. Это соединение называется «Видением Пустоты», которая вовсе не лишена всего, и тот, кто еще не пробудился для этого соединения, не достигнет ничего в этой практике.

В: Когда меня обучали медитации, требовали, чтобы я опустошил мое сердце (Обитель Огня) от всех мыслей, настроил ум на развитие Основной Сущности и открыл глаза для созерцания Пустоты в соответствии с установленным правилом. Не объясните ли вы мне все это более подробно?

О: Видеть Пустоту не пустой — это правильно, а пустой — неправильно, потому что неудача в возвращении Цзы

Цяо к центру, который не является пустым, препятствует проявлению Света Жизненности. Под сердцем и над пенисом имеется пустое пространство, где духовная Жизненность стремится образовать полость. Когда Духовность и Жизненность возвращаются к этой полости, духовная Жизненность поднимается, чтобы образовать Круг Света, который не будет пустым. Пустота, которая не излучает, является относительной, но Пустота излучающая является абсолютной. Абсолютная Пустота не будет пустой, подобно относительной Пустоте. Пустота, не являющаяся пустой, представляет собой Духовный Свет, который, в свою очередь, представляет собой Духовность и Жизненность, выскакивающие из желтой полосы среднего Дань Тяня.

Мой мастер Ляо Кун сказал: «Когда Золотой механизм алхимии приходит в движение и дает вспышки Света, тогда этот Чертог Пустоты (Сюши), то есть сердце, освобожденное от страстей и чувств, озарится белым Светом, открывающим Таинственный Затвор (Огонь Гуань, Таинственный вход в Бессмертие), наличие которого не означает Пустоту.

Человек живет, если имеется эта нематериальная Духовность, и умирает, когда она истощится. Поэтому сказано: «Духовность без Жизненности не даст человеку возможности жить, а Жизненность без Духовности не влечет за собой смерти». Пренатальная Духовность в сердце является Сущностью, а Пренатальная Жизненность в низу живота — Жизнью. Но лишь если Духовность и Жизненность соединяются, можно получить реальные достижения.

В: Что значит выражение: «Если человек достигает Исходной полости Духовности (Цзы Цяо в центре мозга), то он найдет Источник Бессмертного дыхания?»

О: Мирские люди, открывающие Исходную полость Духовности, очень редки. Она находится под Небом (верхушкой головы), над Землей (низом живота), на запад от Солнца (левого глаза) и на восток от Луны (правого глаза). Позади Таинственного Затвора (Сюань Гуань, перед духовной долиной, Гу Гжет), где помещается Основная Сущность, Чхэн Син, являющаяся Источником Истинного дыхания Чжень Си. Хотя это Истинное дыхание связано с обычным, постнатальным, последнее, входя

через рот и ноздри, не может достигать Исходной полости Духовности, чтобы вернуться к Источнику. Бессмертное дыхание, идущее от внутреннего. Жизненного четырехэтапного дыхания (полное четырехэтапное дыхание состоит из вдохов и выдохов с соответствующими подъемами Жизненности на Микрокосмической Орбите), а не через нос и рот, может потом вернуться к Источнику.

В поисках Бессмертного дыхания нужно регулировать существующее, обычное, постнатальное дыхание, чтобы найти его Источник. Это Бессмертное дыхание спрятано в Исходной полости Духовности. Оно мягкое и не будет рассеиваться, если обычное постнатальное дыхание хорошо отрегулировано. Поэтому мой Учитель Ляо Кун сказал: «Если Жизненность возвращается в Исходный Океан (в свой Источник), Жизнь становится безграничной».

В: Где расположена Исходная полость Духовности?

О: Это Трикута, точка между бровями, в центре мозга. Лао Цзы назвал ее «Проход к Небу и Земле». Поэтому он рекомендовал людям сосредоточиваться на этом центре, чтобы реализовать Самость всех предметов. В этом центре помещена крупца размером с рисовое зерно, являющаяся центром между Небом и Землей в человеческом теле (Микрокосме). Она является полостью пренатальной Жизненности. Но недостаточно знать, где она расположена, потому что она не включает удивительный Свет Основной Сушности, символизирующей кругом, которую Конфуций назвал «Добродетельным Совершенством» (Жынем). Книга Перемен называет это Пределом (У Цзы), Будда — Совершенным (Беспредельным) познанием, а даосы — Эликсиром Бессмертия, или Духовным Светом. Все эти определения указывают на пренатальную Единственно Истинную Жизненность. Знающий эту полость может приготовить Эликсир Бессмертия. Поэтому сказано: «Когда Единое достигнуто, все проблемы разрешены». Таким образом, в процессе тренировки оба глаза должны быть направлены внутрь, к центру, на Трикуту, чтобы удерживать это Единое, которое необходимо держать в Исходной полости Духовности (Цзы Цяо) без напряжения, но и без расслабления. Это называется «удержанием» Духовности в ее Исходной полости, которая должна находиться там, где развивается Основная Сушность и от которой дорога ведет к Вечной Жизни.

Учитель Ляо Кун сказал: «Если Исходная полость Духовности не установлена, тогда Истинное дыхание не сможет постоянно поддерживаться, Духовность не будет иметь основы для сублимации, алхимический элемент не будет полным и Золотой Эликсир нельзя будет произвести». Потому что эта полость в Трикуте является основой духовной стабильности и центром всех вещей, не имеющих ни снаружи, ни внутри ничего, что можно было бы удержать путем вникания (осознания умом) или увидеть бездумно (бессознательно), потому что быть внимательным к этому — значит быть связанным с видимым, а быть бездумным (бессознательным) — ведет к относительной Пустоте.

Тогда какой же тип тренировки надо пройти, чтобы реализовать это? Правильный метод таков: закрыть оба глаза, успокоить сердце (ум), чтобы можно было бы удержать полость Духовности (Цзы Цяо) до тех пор, пока не появится Свет Основной Сущности, подтверждающий правильность метода. Ученику нужно закрыть рот и касаться нёба языком, чтобы сделать неподвижными Духовность и Жизненность. Если мысль правильная, таким же будет сердце между Небом (головой) и Землей (животом), и, если Духовность чиста, Великий Предел (Тай Цзы) будет хорошо понят. Если достигнете состояния, в котором ни одна мысль не возникает, то со временем это приведет к ясности и чистоте. В полной абстракции от восприятия чувств и в предельной тишине возникнет белый Свет, чтобы осветить пустое сердце (Сюшы) и Золотой механизм даст вспышку Света. Для вас автоматически прояснится вся Сущность Неба и Земли.

В: Все школы рекомендуют закрыть рот и языком касаться нёба. Некоторые также советуют поднимать язык к нёбу на выдохе и опускать его на вдохе. Они называют язык «ключом». Так ли это?

О: Все это учит мирян правильно вести себя, чтобы побудить их стремиться к Бессмертию. Это не имеет ничего общего с поиском Основной Сущности и Вечной Жизни. Эти подъемы и спускания воздуха служат только для восстановления воспроизводящей силы и укрепления мозга, когда человек становится старым. Большинство людей, предаваясь страстям и сексуальным наслаждениям, укорачивают срок жизни, причиняя таким поведени-

ем вред Жизненности. Отсюда следует это Учение, направленное на сохранение воспроизводящей силы и укрепление низа живота для сохранения положительного начала и восстановления сил (омоложения). Поэтому ищущие Бессмертия должны начинать с практикования метода сохранения воспроизводящей силы путем укрепления низа живота.

Учитель Ляо Кун сказал: «Полость Небесного Водоема (Тунь Сюэ) лежит в нёбе, и поскольку она связана с мозгом наверху, то позволяет Жизненности протекать вниз и растекаться. Поэтому язык поднимают, создавая мост через водоем, по которому Истинная Жизненность (Жизненная Сила, очищенная алхимическим процессом) опускалась бы через полость с Ань Ин (Таинственной тропы в канале действия позади Небесного Водоема в нёбе) к центру нижнего Дань Тяня (зоне Эликсира под пупком), где он сохраняется для алхимических целей». Итак, если кончик языка коснется нёба, то Жизненность будет накапливаться спереди Исходной полости Духовности (Цзы Цяо) в Трикуте, которая легко становится объектом созерцания, всегда видимым глазами, когда они закрыты и повернуты назад, слышимым ушами, когда они прислушиваются, осязаемым языком, который поддерживает его и к которому всегда устремлены мысли. Поэтому на Исходной полости Духовности всегда следует концентрироваться независимо от того, ходит ученик, стоит, сидит или лежит.

Внезапно сердце становится чистым, а душа возвышенной, побуждая Жизненность переполнять полость через край, а тело — сделаться крепким. И в этой бескрайней тишине, свободной от мыслей и чувств, ученик полностью проснется для Пустоты, которая является Пустотой и для своей Основной Сущности. Когда этот этап достигнут, Жизненность разольется дальше, знание увеличится и Духовность становится всеобъемлющей. Неожиданная вспышка реального положительного начала кажется приоткрывающей Таинственный Затвор (Сюань Гуань). Поэтому Учитель Сяо Сяо сказал: «Таинственный Затвор не имеет фиксированного положения. Его путем является центральный проход, образуемый каналом Р-М, связывающим центр мозга с сердцем и пронизывающим каналом М-А, который проходит через Ху Тиа, или Жел-

тый Чертог центра солнечного сплетения». Если кончик языка не прижат к Небесному подъему, Жизненность не потечет в нижний Дань Тянь и пренатальное дыхание истощится. Это Бессмертное дыхание Бессмертного человека (Чжень Шэнь).

В: Я только приступил к изучению даосской медицины и еще не способен различать Истинный и ложный методы. Просветите меня в этом вопросе.

О: В вашей практике крайне важно различать правильное и ложное. Истинное Дао — это пренатальная Духовность, то есть Жизненность. Духовность является Основной Сущностью, а Жизненность — Вечной Жизнью, которая воспроизводится силой. Таким образом, Жизненность заложена в воспроизводящей силе. Патриарх Лю сказал: «Если Исходная полость Духовности в Трикуте является непрерывным объектом концентрации, то Жизненная Сила будет сама развиваться, порождая Истинную Жизненность, которая свяжется с Основной Жизнью в нижнем Дань Тяне, создавая Золотой Эликсир (Цзинь Дань)». Патриарх опасался, что ученики могут не знать правильной методики при проявлении Жизненности и поэтому могут дать ей возможность уйти через половой канал (Ян Гуань) для создания потомства. Когда воспроизводящая сила опустилась на полпути в канал, ученик, получивший правильные указания от знающего мастера, сможет повернуть ее обратно и использовать для приготовления Золотого Эликсира Бессмертия.

Воспроизводящая сила стремится утекь прочь. Если пенис стоит во время сна, то очень важно правильно вдыхать и выдыхать, чтобы собрать алхимический элемент. В древности сказано: «Если воспроизводящая сила близка к тому, чтобы вытечь, а смертный затвор Шан Си Цю в основании пениса не закрыт нажатием пальца, то сила пройдет через него, превратится в половую жидкость и вытечет наружу. Воспроизводящая сила, вытекая обычным мирским путем, делается спермой, но преобразуется в Жизненность, если ее повернуть назад и сублимировать на Микрокосмической Орбите». Поэтому ученик должен первым делом выяснить у Учителя все относительно правильного метода.

Если Учитель отрицает, что правильный метод состоит в собирании окружающего воздуха для превращения его

в алхимический элемент, и говорит, что его метод заключается в возвращении обратно потока воспроизводящей силы для укрепления и восстановления тела до его Исходного состояния, предшествовавшего половой зрелости, и позволяет добиться, чтобы пенис не стоял во время сна и был втянут, тогда его метод можно считать подлинным. Если ученик бессознательно накапливает алхимический элемент, тогда он является пренатальным Микрокосмическим элементом, но если он умышленно занимается неправильным методом, то он будет накапливать элемент, ведущий к провалу. (Очевидно, что при этом ученик путает средство и цель.)

Глава II

МИКРОКОСМИЧЕСКИЙ КОТЕЛ И ПЕЧЬ

«Драгоценный Котел и Печь» (Ю Дин) является полостью в центре мозга (в Трикуте), местом пребывания Основной Сущности, иначе говоря, он является Исходной полостью Духовности (Шуа Жень Ши), или наследственно родовой полостью (Цзы Цяо). Ее левая и правая стороны связаны со зрачками глаз при помощи двух психических каналов, а также — с сердцем. Поэтому говорится, что Основная Сущность лежит в сердце и видна через глаза. Утверждается также, что Основная Сущность находится в Драгоценном Котле, который первоначально не существует.

Лишь тогда, когда Истинная Жизненность разовьется и соединится с Основной Сущностью, создавая с ней Единое Целое, тогда последнее получает название «Драгоценный Котел». Утверждается также, что примерно на 1,3 дюйма ниже пупка помещается полость действительной Жизненности (Чжень Ци Сюэ, или нижний Дань Тянь), которая лежит в промежутке между передней и задней стенками живота на расстояниях, соотносящихся как 7:8, и называется также «Золотой Печью» (Цзинь Ду), местопребыванием Вечной Жизни. (Мы надеемся, что это объяснение положит конец нескончаемому спору между западными и восточными учеными. Первые утверждают, что ум помещается в мозгу, а вторые — что в сердце.) Итак,

Жизнь — это воспроизводящая сила, и она развивается в половых органах.

Золотая Печь первоначально также не существует, и она зарождается, когда воспроизводящая сила развивается и Жизненность проявляется. Когда кровь достигает Печи, она преобразуется в отрицательную силу. Слюна истекает из двух каналов под языком. Если она входит в канал действия Жень Мо, то спускается в нижний Дань Тянь для преобразования в отрицательную воспроизводящую силу, но чтобы научиться правильно глотать слюну (Печь в нижнем Дань Тяне становится Золотой, когда она начинает преобразовывать воспроизводящую силу в Жизненность), надо найти компетентного Учителя. Иначе слюна пойдет в желудок и кишечник и будет выведена вон.

В: Как правильно глотать слюну?

О: Быстрейший способ для создания воспроизводящей силы состоит в касании языком нёба, чтобы увеличить поток слюны. Когда рот настолько наполнится, что вы больше не выдерживаете и готовы выплюнуть слюну, тогда выпрямите шею и проглотите ее. Слюна войдет в канал действия Жень Мо, достигнет полости Жизненности ниже пупка и преобразуется там в отрицательную и положительную воспроизводящие силы. Когда воспроизводящая сила будет полной, таким же будет и дыхание, а когда дыхание полное, Духовность будет сильной, а тело — крепким. Если вы не научились правильному методу у просвещенного Учителя, то глотаемая слюна сперва входит в желудок и, переваренная, следует в сердце, и будет циркулировать по кровеносным сосудам, прежде чем попадет в канал действия, где кровь постепенно становится серой, белой и клейкой. Из нее будет создаваться половая жидкость, которая вредна и портит сердце.

С давних времен много мужчин и женщин пришло в упадок из-за вредного воздействия половой жидкости. Когда половой канал расширяется, молодые девушки готовы потерять девственность, а мужчины легко поддаются под власть сексуального желания и совершают аморальные поступки. Момент, когда пенис стоит во время сна, называется часом Цзы (согласно древним первая половина дня считается положительной, а вторая — отрицательной). Первая половина начинается в час Цзы (между 11 ве-

вчера и 1 часом ночи), когда пенис сам встает во сне, не смотря на отсутствие мыслей и грез. В начале практики Дао очень важно использовать момент, когда пенис стоит, собирая воспроизводящую силу для сублимации, так как сбор ее в течение отрицательной половины дня малоэффективен), и тогда крайне важно остановить все мысли и собирать воспроизводящую силу.

Метод собирания бывает различным, в зависимости от возраста индивидуума. При половой зрелости, когда юноша еще не поддается сексуальным соблазнам и его тело еще не ослабло, достаточно удерживать воспроизводящую силу в полости нижнего Дань Тяня и концентрироваться на ней в течение примерно десяти месяцев, пока ее цвет не укажет, когда наступает момент прорыва, чтобы Микрокосмический элемент мог бы прорваться для осуществления Бессмертия. Это скорый метод. Что касается человека среднего возраста, то он должен сперва исправить ущерб, причиненный телу растрачиванием воспроизводящей силы. Когда воспроизводящая сила и Жизненность вновь восстановлены, Свет Жизненности проявится и пенис снова станет втягиваться; это и является моментом для осуществления прорыва.

Старый человек (около 64 лет), у которого положительное начало уже перестало развиваться, должен практиковать метод «добавления горячего» для продления своей жизни. Если он умеет это, то должен, когда пенис поднят, сконцентрироваться на управлении им и начать дыхательное упражнение, чтобы сократить пенис за короткое время.

В: После того, как пенис не поднимался в течение значительного времени, что должен делать человек, если он не практикует описанный вами метод?

О: Если он не поднимался, то воспроизводящая сила истощена. Если ее не восстановить полностью, то Жизненность придет к концу и смерть уже недалека.

В: Если при помощи описанного метода не удастся ослабить и сократить пенис, то что следует делать?

О: Нужно применять быстрый и медленный Огни (то есть соответственные ритмы дыхания) при одновременной концентрации на Смертном Затворе (Шэнь Си Цяо) в корне пениса, пока пенис не подчинится. Когда он сократится, ученик должен вдохнуть, чтобы привести вос-

производящую силу к основанию позвоночника и оттуда по нему — к мозгу. И выдохнуть, чтобы послать ее вниз в центр нижнего Дань Тяня. Быстрый огонь создается сильным дыханием, а медленный огонь — слабым дыханием.

В высшей степени важно, чтобы каждое полное дыхание возвращало воспроизводящую силу обратно к Источнику под пупком, чтобы прекратить поднятие пениса. Мой старший брат Гуй И Цзы сказал: «Если положительное начало вибрирует и обуславливает поднятие и напряжение пениса, человек должен вдыхать и выдыхать, чтобы вернуть его назад в низ живота для обуздания». Патриарх Ли У сказал: «Если произойдет поднятие пениса, то практикуйте обуздание, и вы будете удовлетворены результатом».

В: Дань Дзи говорит: «В 80 и даже 90 лет, если человек встретит компетентного Учителя, он сможет создать Золотой Эликсир Бессмертия». Если человек в 64 года лишен положительного начала (перешедшего в отрицательное из-за постоянного рассеивания воспроизводящей силы), но еще может восстановить Жизненность и выглядеть как 16-летний юноша, то, видимо, есть какой-то тайный метод, позволяющий восстановить воспроизводящую силу. Не посвятите ли меня в него?

О: Патриарх Чанг Сан Фенг сказал: «Старые люди, импотенты, могут применять искусственные меры (например, мастурбацию) для поднятия пениса. Как только пенис поднимется, вдохните свежий воздух, чтобы разжечь Печь в нижнем Дань Тяне, провести воспроизводящую силу в канал управления Ду Мо (в позвоночнике) и ввести на Микрокосмическую Орбиту. Вдохните 9 раз, чтобы поднять воспроизводящую силу от позиции А до В. Если пенис продолжает стоять, вдохните еще 9 раз, чтобы поднять воспроизводящую силу от А до С. Если эрекция не остановлена, поднимайте воспроизводящую силу к D, оставляя ее там на некоторое время для очищения, прежде чем вернуть обратно к Печи (в низу живота). Снова вдохните 9 раз, чтобы поднять воспроизводящую силу от А до D, немного задерживая ее там, прежде чем поднимать дальше в G.

Если эрекция до сих пор не остановлена, вдохните опять 9 раз, чтобы поднять воспроизводящую силу от А до D, оставляя ее там на короткое время, прежде чем подни-

мать выше до F и оттуда назад к Печи. Вы этим завершите 4 фазы из 9 дыханий каждая, или все 36 фаз, — положительное число, управляющее положительным Огнем. Если, несмотря на эти 36 дыханий, пенис все еще поднят, нужно немедленно собрать алхимический элемент, чтобы накопить Жизненность для восстановления рассеянной воспроизводящей силы.

Для этого нужно еще раз вздохнуть так, чтобы воспроизводящая сила поднялась от А до D, где она немного задержится перед подъемом дальше до G. Для этого подъема не требуется никакого воображения. После того, как эта сила остановится в G на короткое время, выдохните, представляя себе воспроизводящую силу опускающейся из этой точки в H и оттуда возвращающейся к Печи А за 6 отдельных опусканий. Затем вдохните, чтобы дать воспроизводящей силе подняться от А до G и выдохните, представляя ее опускающейся к С, где она немного задержится для очищения перед переходом к К. и оттуда возвращающейся к А за 6 опусканий каждая, или всего 24 опускания. — отрицательное число, употребленное для спуска отрицательного Огня.

Поднятие пениса питает внутренний Огонь в Печи, который преобразует воспроизводящую жидкость, получаемую от переваривания пищи, в отрицательную воспроизводящую силу, идущую на укрепление тела и оживление Духовности, удлиняя этим нить жизни. Люди старого и среднего возраста не могут практиковать алхимию без поднятия пениса. Когда он стоит, Основную Сущность, расположенную в сердце, нужно передвинуть в полость Вечной Жизни (ниже пупка), чтобы достичь их соединения при помощи концентрации.

В: Что вы понимаете под соединением Сущности и Жизни посредством концентрации?

О: Это есть соединение отрицательного дыхания в сердце с положительным дыханием в нижней части живота. Когда отрицательное дыхание входит в контакт с положительным, тогда Сущность и Жизнь будут совмещены в одном месте в состоянии покоя. Когда положительное дыхание в низу живота встретится с отрицательным дыханием, опускающимся из сердца, то первое усилится. Концентрация состоит из объединения способности видеть каждым глазом, чтобы смотреть в полость нижнего Дань

Таня, где Вечная Жизнь помещается в определенной точке. Это называется культивированием как Основной Сущности, так и Вечной Жизни (Син Мин Шуан Са) для укрепления Духовности и Жизненности.

При успешной практике со временем вы почувствуете благоприятную гармонию в низу живота и совершенно внезапно положительный Огонь от основания позвоночника начнет подниматься до верхушки головы на вдохе и опускаться вниз до центра Жизненности в нижнем Дань Тяне на выдохе. Это будет полным оборотом Колеса, или циклом Микрокосмической Орбиты. Теперь вы должны собрать алхимический элемент для сублимации в соединении с концентрацией и вдохами и выдохами. Пенис сократится и, смотря в полость Жизненности (нижний Дань Тянь), вы со временем увидите Свет Жизненности, вырывающимся из этого центра в виде круга, что свидетельствует о том, что тело полно воспроизводящей и Жизненной Сил. Этот Круг Света является Великим Пределом — Тай Цзы.

Ваше тело выходит из мысли ваших родителей о создании потомства, но этот Круг существовал до того, как возникло ваше тело, так как в нем были и ваша Основная Сущность и Вечная Жизнь. Когда вы были еще зародышем в утробе матери, руки охватывали ваши уши, а глаза были на уровне согнутых колен. Вы не дышали ртом или носом, и ваше дыхание также, как и ваша Сущность и Жизнь, были подчинены этим элементам в теле вашей матери. Примерно через 10 месяцев пребывания в чреве, где вы хоть и не ели, но постепенно подрастали, так как были связаны пуповиной с чревом матери, вы родились на свет. Ваше тело было мягким, как ткань, но как только пуповина была перерезана, ваше пренатальное, зародышевое дыхание остановилось и было заменено постнатальным (обычным) дыханием, которое стало входить и выходить из вашего тела через нос и рот.

С этого момента ваша способность видения расщепилась надвое и язык перестал соединяться с каналами управления и действия (Ду Мо и Жень Мо). Ваша основная Сущность с помощью постнатального дыхания была подведена к сердцу, которое сделалось местом ее пребывания, и Вечная Жизнь спустилась к низу живота, чтобы там и остаться. Пространство между Основной Сущно-

стью и Вечной Жизнью было немногим больше 8-ми дюймов. Поскольку Духовность была заменена сознанием, то последнее руководило вами с младенчества до взрослого состояния и вплоть до старости, и, увы, ваша Сущность и Жизнь уже никогда снова не соединятся.

Так как Жизненность увеличивается по весу на 64 Чу каждые 32 месяца, то когда ребенку 2 года и 8 месяцев, он развивает единицу положительного начала (Ян) со своей Жизненностью весом в 64 Чу. Когда ему 5 лет и 4 месяца, положительное начало увеличивается до двух единиц, в то время как Жизненность возросла еще на 64 Чу. В 8 лет положительное начало увеличивается до трех единиц при Жизненности, увеличившейся еще на 64 Чу. Когда ему 10 лет и 8 месяцев, положительное начало возрастает до 4 единиц и Жизненность увеличивается еще на 64 Чу. Когда ему 16 лет и 4 месяца, положительное начало имеет 5 единиц, в то время, как Жизненность увеличивается еще на 64 Чу. В 19 лет положительное начало будет равно 6 единицам, а Жизненность приобретает еще 64 Чу. Таким образом, общий вес Жизненности составит 384 Чу. Если 24 Чу, унаследованных от родителей, прибавить к 360 Чу, полученным от Неба и Земли, то в сумме это составит также 384 Чу, или одно Кати, и тот, чья Жизненность весит 384 Чу, будет жить.

Но в 16 лет сознание человека берет на себя управление жизнью, и его интеллект постепенно развивается. С внутренним Огнем, поднимающимся в его тело, Основная Сущность замещается его сердцем так, что страсти и желания заполняют его существо. И в своем порыве к славе и богатству он прибегает к хитрости и искусственности и выдумывает всякие уловки, чтобы обманывать других, не понимая, что, поступая так, он вредит своей Истинной Природе. Таким образом, изнашивая свое тело и сердце, он рассеивает свою Жизненность и вызывает к колебаниям свою Основную Сущность. В результате его жизнь укорачивается и с широко раскрытым Смертным Затвором и Основной Сущностью, ослабленной и поврсжденной, его Жизненная Сила вытекает прочь, подобно потоку воды. Так, растрачивая Основную Сущность при помощи вина и секса, он позволяет своим воспроизводящей и Жизненной силам истощаться, а самому погружаться

в смертность. Таким образом, его положительная Жизненность (Ян) постепенно уменьшается, в то время как отрицательная компонента растет в той же степени, и он становится смертным человеком, поглощенным своими земными интересами. Начиная с 16 лет, за каждые 96 месяцев развивается единица отрицательного начала, и из-за отсутствия возвращения Жизненности человек теряет 64 Чу от нее. В 33 года отрицательное начало возрастает на две единицы и он теряет еще 64 Чу Жизненности, поскольку отсутствуют меры по ее сохранению. В 40 лет отрицательное начало возрастает до четырех единиц и, поскольку не принимаются меры для восстановления Жизненности, она постепенно истощается в нижней части живота, вызывая поседение волос и бороды. При этом вновь теряется 64 Чу. В 56 лет отрицательное начало возрастает до 5 единиц. Поскольку человек продолжает предаваться мирским удовольствиям и стремится к славе и богатству, то его печень и зрение ослабевают, память заметно теряется, внешность явно блекнет. Если, несмотря на все это, он все же отказывается проснуться, то опять теряет 64 Чу Жизненности. В 64 года отрицательное начало увеличивается до 6 единиц. Если он по-прежнему не осознает своей смертности и продолжает грезить, пока его волосы не станут совсем белыми, то его энергия истощится, черты станут изможденными и опять он потеряет 64 Чу. Теперь он уже не способен создавать воспроизводящую силу для поддержания своего тела, его 384 Чу Жизненности рассеяны и смерть уже не за горами.

Эта глава посвящена методу фиксирования Духовности и ее Исходной полости (Цзы Цяо), так что, когда воспроизводящая сила вибрирует в условиях полнейшего покоя, ее можно собрать для укрепления тела и prolongation жизни. При тех же условиях, если воспроизводящая сила накапливается еще 100 дней, то приобретаются дополнительные 64 Чу Жизненности, а положительное начало возрастает до двух единиц. Тело становится очень сильным, и все болезни исчезают. Если накопление воспроизводящей силы продолжается еще 100 дней, то снова приобретаются 64 Чу Жизненности при возрастании положительного начала до трех единиц. Все полости тела очищены для омоложения, и шаги ученика становятся легкими и быстрыми, а зрение ясным и слух хорошим.

После дальнейших 100 дней приобретаются еще 64 Чу Жизненности при возрастании положительного начала до четырех единиц. Ученик теперь чувствует себя очень хорошо. Его кожа становится глянцеватой, а его белые волосы приобретают прежний черный цвет. После следующих 100 дней приобретаются дальнейшие 64 Чу Жизненности, а положительное число увеличивается до 5 единиц. Его Духовность становится очень высокой, и новые зубы вырастают вместо выпавших.

После очередных 100 дней приобретаются еще 64 Чу Жизненности и положительная Жизненность увеличивается до 6 единиц. Он наслаждается всем лучшим в жизни, в то же время полностью восстанавливая свое тело до положительного состояния, каким оно было в детстве, и вновь овладевая Кругом Тай Цзы (Великим Пределом), при котором положительная Жизненность и Основная Сущность соединяются, чтобы испустить Свет Жизненности, являющийся Светом Истинной Сущности в Драгоценном Котле (в голове) и Светом Истинной Жизни в Печи (в низу живота). Ученик должен продумать все это внимательно.

В: Вы сказали, что метод создания Истинной воспроизводящей силы будет различным для трех категорий учеников: чистого юноши, человека средних лет и старика. Пожалуйста, научите, как отличать полную воспроизводящую силу от ложной?

О: Первым шагом является направление духовности в Исходную полость (Цзы Цяо) путем концентрации, чтобы Свет Жизненности возник при надлежащих условиях полнейшей тишины. При этом отсутствии мыслей со временем даст о себе знать положительное начало, вызывая эрекцию пениса. Теперь ученик должен отвести мысли о себе, чтобы освободить сердце от волнений, и затем концентрироваться на своей Духовности, чтобы перевести ее в Центр Жизненности (нижний Дань Тянь). Это является погружением Огня в Воду. Таким образом, элемент Воды в низу живота опалается Огнем Духовности и преобразуется в Истинную Духовность. Ученик должен сразу же создать Истинную воспроизводящую силу.

Если он не знает, как воспользоваться отсутствием мыслей в этих условиях полнейшего затишья для накопления Истинной Жизненности, когда положительное

начало дает о себе знать, в результате чего пенис стоит напряженно, тогда он может поддаться сексуальному желанию, преобразующему воспроизводящую силу в постнатальную воспроизводящую жидкость, которая бесполезна и которую нельзя накопить. Рассматриваемый метод предназначен для накапливания воспроизводящей жидкости, вытекающей из-за неправильного использования проявления положительного начала.

Если ученик преднамеренно настроит ум на накапливание воспроизводящей силы, то есть если он думает об этом (и тогда его ум не будет пустым, свободным от мыслей), то он никогда не произведет Золотой Эликсир.

Глава III

ОЧИЩЕНИЕ ВОСЬМИ ПСИХИЧЕСКИХ КАНАЛОВ

Прежде всего выясним, что это за 8 психических каналов.

1) Ду Мо, или канал управления. Он поднимается от основания пениса и идет через копчик вверх по позвоночнику к мозгу.

2) Жень Мо, или канал действия. Он поднимается от основания пениса и идет по животу, проходит через пупок, впадину в животе, грудь и горло, прежде чем подняться до мозга.

3) Дай Мо, или поясной канал, образующий по обеим сторонам пупка пояс, опоясывающий живот.

4) Чун Мо, или пронизывающий канал, поднимающийся от основания пениса. Проходит между каналами Ду Мо и Жэнь Мо к сердцу.

5) Ян Мо, или положительные каналы рук на их внешних сторонах, связывающие оба плеча с центрами ладоней после прохождения через средние пальцы.

6) Инь Вэй, или отрицательные каналы с внутренних сторон обеих рук, соединяющие центры ладоней с грудью.

7) Ян Чао, или положительные каналы ног, поднимающиеся от центров подошв и поворачивающиеся к внешним сторонам лодыжек, прежде чем достичь основания пениса, где они соединяются с другими каналами.

8) Инь Чао, или отрицательные каналы ног, поднимающиеся от центров подошв и идущие с внутренней стороны лодыжек, прежде чем достичь основания пениса, где они соединяются с другими каналами.

Эти 8 главных каналов, если они не встречаются препятствий, взаимно связаны, образуют со своими разветвлениями сеть, через которую воспроизводящая сила свободно протекает, и тогда в них свободно циркулирует Жизненное дыхание.

Когда начинающие впервые садятся для медитации, они всегда жалуются, что поскольку они не могут шевелить ногами и бедрами, у них начинаются судороги или спазмы, это действует им на нервы и кровообращение, и Жизненное дыхание затрудняется, а вызываемые этим боли трудно вытерпеть. В этой главе рассматривается метод восстановления свободной циркуляции крови для быстрого прекращения онемения ног.

а) Беспрепятственный поток воспроизводящей силы. Свободный поток воспроизводящей силы через сеть, образуемую 8 психическими каналами и их разветвлениями, рассмотрим в первую очередь. Основной базой этих 8 каналов будет полость, или Затвор Смертности (Шэнь Си Цяо) в основании пениса, которая соединяется с основанием позвоночника каналом Ду Мо, затем поднимающимся по спинному хребту до затылка перед тем, как войти в Ли Вэнь (мозг).

Из центра мозга канал Жень Мо, соединяющийся в мозгу с Ду Мо, спускается в продолговатый мозг для соединения с Таинственной Уздечкой позади Небесного Водоема в нёбе, которая соединяется через разветвления с верхней челюстной костью, где Истинная Жизненность может легко найти себе выход для рассеивания.

Внизу под полостью Сюаиь Ин помещается горло, через которое канал действия проходит вниз, в легочную артерию, правый желудочек сердца, печеночную артерию под диафрагмой, где помещается полость, называемая солнечным сплетением (Цзян Гун), которое находится под сердцем, откуда опускается в полость Жизненности (нижний Дань Тянь), потом идет в яички, откуда возвращается в полость смертности в основании пениса. Эти два вертикальных канала (Ду Мо и Жень Мо) пересекают опоясывающий канал Дай Мо, соединяя его сверху с сердцем,

снизу с половым затвором (Юн Гуань — отверстие в конце пениса, через которое вытекают половая жидкость и моча), спереди с пупком и сзади — с почками, создавая канал Чун Мо в середине тела.

Это приблизительно описывает, каким образом 4 психических канала связываются друг с другом для создания, циркуляции, выпуска и очищения воспроизводящих сил. Если каналы перекрыты, то воспроизводящая сила не может создаваться и человек постепенно становится стариком, подобно уже угасающей из-за нехватки масла лампе, потому что без воспроизводящей силы тело человека погибнет. Поэтому ученик должен обратиться к просвещенному мастеру, чтобы получить указания, как производить и преобразовывать воспроизводящую силу, освободиться от болезней и продлить Жизнь.

В: Вы говорили о выработке циркуляции и очищении воспроизводящей силы. Нельзя ли объяснить все это подробнее?

О: Метод выработки воспроизводящей силы указан для людей старше 64 лет, тела которых полностью отрицательны. Они должны прочесть главу II и практиковать метод для выработки воспроизводящей силы и для того, чтобы укрепить Жизненное дыхание.

Преобразование воспроизводящей силы заключается в поднятии ее в Ду Мо от основания позвоночника к затылку и далее к мозгу (Ли Вэню) и оттуда — опускании ее по Жень Мо до полости Сюань Ин (позади Небесного Водоема в небе), затем до горла, полости Цзян Гун (солнечного сплетения) и затем до нижнего Дань Тяня. Это является движением по Микрокосмической Орбите (или поворотом Колеса Закона), и для этих целей достаточно небольшого числа оборотов.

В случае ночного испускания следует практиковать описанный в главе X метод, чтобы полностью избавиться от этого. Метод очищения воспроизводящей силы описан в главе VI, и он состоит в направлении положительного Огня (Ян Хо) вверх, а отрицательного Огня (Инь Фу) вниз, чтобы преобразовать воспроизводящую силу в пренатальную Жизненность. Вы должны очень внимательно рассмотреть приведенные выше 4 метода, чтобы иметь возможность скомбинировать их для эффективного при-

менения, и если преуспеете в этом, вы будете понимать больше половины всей науки алхимии.

В: Пожалуйста, научите меня, как освободиться от онемения в ногах, которое очень мешает, когда я сижу в медитации.

О: Жизненное дыхание циркулирует в сети, образуемой 8 психическими каналами с основанием в Смертном Затворе (Шэнь Си Цяо), которая сверху связана с мозгом и внизу с подошвами ног. Дыхание либо накапливают, либо рассеивают исключительно из этой полости. Если кровь свободно циркулирует по телу и Жизненное дыхание достаточно сильно, та возрастает положительное начало (Ян), заставляя спадать отрицательное начало (Инь). Элемент Огня разовьется в элементе Воды, и «цветы зацветут в снегу». Все тело получит обновление и омоложение от этой полости смертности, являющейся центром, создающим Жизненность, и которую люди обычно не знают, несмотря на ее непрестанную деятельность. Если ее проток ослабевает, тогда голос мужчины становится слабым и похожим на женский, и это немедленно выдает отсутствие в нем Жизненности. Сердце мужчины будет трепыхаться, и его воля будет действовать нерешительно. Он сделается подобным евнуху. Полость смертности является источником моши мужчин, она является не только местом, где набирается алхимический элемент, или воспроизводящая сила, но из нее проистекает также смелость, способствующая управлению мышлением, блестящему внешнему виду, омоложению и крепости.

Если кровь и Жизненное дыхание циркулируют свободно в теле, то исчезают все болезни. Эта полость смертности в основании пениса является Источником, из которого Жизненное дыхание распространяется во все части тела. Поэтому каждое утро, встав с постели, вы должны заставить циркулировать Жизненное дыхание во всех 8 каналах. То есть приостановить дыхание через нос и рот, чтобы сосредоточиться на полости смертности как исходной отправной точке при следующих десяти фазах дыхания.

1) Вдохните, чтобы направить Жизненное дыхание в канал Ду Мо в позвоночном столбе, от его основания вверх до мозга.

2) Выдохните, чтобы опустить Жизненное дыхание в канал Жень Мо впереди тела и вернуть его к полости смертности в основании пениса.

3) Вдохните, чтобы поднять его по каналу Жень Мо от полости смертности до полости Жизненности (нижнего Дань Тяня) и до пупка, где Дай Мо (опоясывающий канал) начинается по обе стороны пупка, образуя пояс, охватывающий живот, где Жизненное дыхание разделяется на две части, достигающие поясицы, и оттуда идет вверх к обоим плечам, где и останавливается.

4) Выдохните, чтобы дать Жизненному дыханию стечь с обоих плеч вниз в положительный канал (Ян Вэй) с наружных сторон обеих запястий, до груди, где оно останавливается.

5) Вдохните, чтобы поднять Жизненное дыхание от центров обеих ладоней в отрицательные каналы Инь Вэй с внутренних сторон обеих запястий, — до груди, где оно останавливается.

6) Выдохните, чтобы направить Жизненное дыхание вниз к опоясывающему каналу, где его два ответвления вновь соединяются, прежде чем вернуться в полость смертности.

7) Вдохните, чтобы поднять его от полости смертности в пронизывающий боковой канал Чун Мо до полости Цзян Гун (солнечное сплетение) под сердцем, где оно останавливается. Ни в каком случае оно не должно подниматься выше сердца.

8) Выдохните, чтобы направить Жизненное дыхание из точки под сердцем вниз, к полости смертности, где оно делится на две части, чтобы опуститься в два положительных канала, идущих с наружных сторон бедер и через пальцы ног, прежде чем достичь центров подошв ног, называемых «Искрящиеся пружинящие (Юй Чуань) полости», где оно останавливается.

9) Вдохните, чтобы поднять Жизненное дыхание от подошв ног в полости отрицательных каналов (Инь Чао) на внутренних сторонах ног до полости смертности и оттуда до полости Жизненности (Дань Тянь), где оно останавливается.

10) Выдохните, чтобы опустить Жизненное дыхание из полости Жизненности к полости смертности, где оно останавливается.

Жизненное дыхание должно циркулировать во всех 8 психических каналах, чтобы освободить все полости от отрицательных загрязнений, мешающих приготовлению Золотого Эликсира. Если описанное выше упражнение выполнять ежедневно и заставить Жизненность вибрировать в каналах, то это покажет, что они очищены от разных нечистот. Если не очищены, тогда нельзя будет исключить отрицательные нечистоты и собрать алхимический элемент. Даже если бы этот элемент был собран, из него нельзя будет создать Жизненного Эликсира.

В: Вы говорили о свободной циркуляции Жизненного дыхания в 8 психических каналах, но каждый раз, когда я хотел сидеть подольше в медитации, онемение ног препятствовало этому. Пожалуйста, научите меня, как победить это онемение?

О: Когда вы сидите в медитации и чувствуете, что ноги онемели, то причина в том, что вы еще не привыкли к этой позе. Онемелость становится невыносимой оттого, что поза создает давление и выключает кровеносные сосуды и психические каналы и, таким образом, мешает свободной циркуляции крови и Жизненного дыхания. Если вы хотите справиться с этим, нужно закрыть рот и перестать дышать, затем поднять ногу и стукнуть пяткой по земле, вдохнуть, чтобы поднять Жизненное дыхание от центров подошв ног через каналы Инь Чао с внутренней стороны бедер вверх до центра нижнего Дань Тяня, и затем выдохнуть, чтобы опустить его вниз по каналам Ян Чао с наружной стороны ног к центрам подошв. Повторите это упражнение несколько раз, и онемение исчезнет.

Глава IV

СОБИРАНИЕ МАКРОКОСМИЧЕСКОГО ВНЕШНЕГО АЛХИМИЧЕСКОГО ЭЛЕМЕНТА

Внешний алхимический элемент создается при помощи свежего воздуха, выдыхаемого и вдыхаемого для преобразования воспроизводящей силы в Жизненность. Человеческое тело подобно дереву без корней, и оно опирается исключительно на дыхание, заменяющее и корни, и ветви. Жизнь человека подобна сновидению,

выдоху, который не гарантирует, что после выдоха наступит вдох, как сегодняшний день не гарантирует, что наступит завтрашний день. Если жизнь прошла бесцельно и смерть наступила, как всегда неожиданно, то кости рассыпятся, 4 элемента (Металл, Дерево, Вода и Огонь) рассеются и заблуждающееся сознание, или мысль, пройдет через другую сферу бытия, не зная, какую форму оно примет в другой жизни.

Так рождение и смерть будут сменять друг друга в бесконечной последовательности и субъект так и останется без всякой надежды коснуться Реальности. Теперь, когда вы услышали о Драгоценном Учении, не уходите прочь с пустыми руками. Если не прислушаетесь к нему, вы не избегнете болезней и смерти, когда состаритесь и растратите, таким образом, свою Жизнь в мире людей. Поэтому примите скорее решение и приступайте к серьезной тренировке. С этого момента вы должны жить единой мыслью. Ваши глаза и уши должны отстраниться от многообразия объектов. Отрегулируйте диету, уменьшите продолжительность сна. Воздерживайтесь от пустой болтовни и шуток. Перестаньте думать и сокрушаться. Отбросьте изнеженность и перестаньте отличать красивое от некрасивого, чтобы вы могли, подобно цикаде, питаться росой, сохранять свое тело незагрязненным, подобно черепахе, поглощающей Жизненность на солнечном свете, и наслаждаться долгой жизнью. Нужно собирать Жизненное дыхание по утрам и сублимировать его вечером. Алхимия состоит, во-первых, в управлении сердцем, где пребывает Огонь, чтобы его перестали волновать 7 эмоций: удовольствие, гнев, сожаление, радость, любовь, ненависть и желание — и, во-вторых, в умении выводить из себя 5 воров; 6 органов чувств должны быть сделаны неподвижными, и воспроизводящая сила не должна легко возбуждаться.

Пятью ворами являются: ухо, нос, язык, глаз и тело. Когда глаза видят форму, любовь к ней крадет воспроизводящую силу, когда уши слышат звук, то стремление к нему возбуждает воспроизводящую силу, когда язык ощущает вкус пищи, привязанность к ней истощает воспроизводящую силу, когда тело чувствует прикосновение, возникает глупость, наносящая вред воспроизводящей силе. Если позволить этим пяти ворам днем и ночью вредить телу, что же тогда останется от воспроизводящей

силы? Если она утекает прочь, духовность неизбежно будет рассеиваться и тело погибает. В поисках Бессмертия нужно стремиться достичь пренатальной Жизненности.

В: Что означают термины «заложить основу» (Чжу Цзы) и «самоочищение» (Лянь Чжи)?

О: Перед «закладыванием основы» духовность блуждает вовне в поисках объектов чувств, Жизненность рассеивается, и воспроизводящая сила разлагается. Вы должны сублимировать Три Драгоценных Элемента, а именно: воспроизводящую силу, Жизненность (Жизненное дыхание) и Духовность, чтобы восстановить первоначальную силу. Основание будет заложено, когда эти Три Элемента соединятся. Только тогда будет достигнуто Бессмертие. Это основание поднимет вас от мирского к Божественному плану, успокоит ваш дух и освободит от пищи и питья на 10 месяцев, позволит отказаться вам от сна на 9-10 месяцев и даст вам невозмутимый дух, который приведет к настоящему спокойствию.

Если Жизненное дыхание «очищено», оно установится, и для поддержания его в течение сотен и тысяч эпох не нужны будут ни вдохи, ни выдохи. Если Духовность очищена, она будет нематериальной, свободной от вялости, вызывающей сонливость, или от возбуждения, вызывающего блуждание.

Это закладывание основы даст возможность Жизни длиться столько, сколько будут существовать Небо и Земля, и приведет к овладению сверхъестественными способностями, которыми владеют Бессмертные. Под закладыванием основы положительной Духовности подразумевается прекращение утечки прочь положительной воспроизводящей силы и создание таким путем Золотого Эликсира.

Тело, сердце и мысль называются Тремя Семействами (Сань Цзя), а воспроизводящая сила, Жизненное дыхание и Духовность называются Тремя Основными Элементами (Сань Юань). Тело, сердце и мысль представляют основу — Чу, а воспроизводящая сила, Жизненное дыхание и Духовность — действие. Соединение Трех Элементов в единое целое создает Эликсир Бессмертия.

Тремя Элементами, или факторами, можно управлять и вернуть их к одному Источнику только при условии спокойной и ясной Пустоты. Когда сердце свободно от

внешнего, Духовность и Сущность соединяются. А когда тело спокойно, воспроизводящая сила и страсти погашены. Когда мысль доводится до состояния ясности и безмятежности, тогда три фактора смешиваются воедино. Когда страсть и Сущность соединены, это называется соединением Металла (Цзинь) и Дерева (Му). Когда воспроизводящая сила и Духовность соединены, это — смешивание элементов Воды и Огня. Воспроизводящая сила переходит в Жизненность, когда тело недвижимо; Жизненность переходит в Духовность, если сердце спокойно, не возмущено; Духовность возвращается в Ничто при неизменности мысли.

Если сердце недвижимо, то Три Жизненных дыхания — одно Востока и два Юга — дают соединения до пяти форм. Если тело не двигается, тогда «одно» Жизненное дыхание Севера и «четыре» Запада соединяются до полных пяти. Если мысль недвижима, то центр порождает все 5 Жизненных дыханий. Если тело, сердце и мысль — все недвижимы, тогда Три Семейства встречаются, чтобы породить Бессмертный зародыш. Сначала одна только Жизненность делится на 2 части, положительную и отрицательную, которые, заняв определенные положения, порождают 5 элементов, каждый в определенном месте. После этого элемент Земли способствует тому, чтобы элемент Металла развивался, Дерева — процветал, Воды — остановился, а Огня — заглох.

Лишь святые и мудрецы постигли метод переворачивания направления движения Жизни, чтобы вернуть ее к Исходному Источнику. Для восстановления одного Источника они полбирают 5, настраивают 4, собирают 3 и соединяют 2 подразделения одной Жизненности. Потому что если тело не двигается, то воспроизводящая сила обладает достаточной мощностью, чтобы повернуть элемент Воды обратно к ее Источнику. Если сердце не возмущено, то Жизненное дыхание будет достаточно сильным, чтобы повернуть назад элемент Огня. Если Основная Сущность спокойна, то бестелесная душа лежит открытой, чтобы дать возможность элементу Дерева вернуться назад к Источнику. Если страсть утихает, то телесная душа покорена и элемент Металла возвращается. Если 4 элемента (Металл, Дерево, Огонь и Вода) находятся в гармонии, мысль направлена на элемент Земли, и они тогда возвращаются

к Источнику. Это является возвращением всех пяти Жизненных дыханий к своему Источнику в мозгу (Ли Вэнь), что означает соединение Трех Сокровищ в одно целое для очищения.

Пять Первоэлементов элементов — это Металл, Дерево, Вода, Огонь и Земля. Четырьмя компонентами являются тело, дыхание, бестелесная и телесная души, символизирующиеся, соответственно, элементами Воды, Огня, Дерева и Металла. 4 кардинальных точки Микрокосмической Орбиты суть: Юг, Север, Восток и Запад. Если 4 компонента объединяются с элементом Земли в центре, который представляет мысль (концентрацию), то это называется гармонией четырех компонентов. Сянь Минь Гуань Цзы сказал: «Когда глаза перестают видеть, тогда сила Духа находится в печени. Когда уши перестают слышать, воспроизводящая сила находится в нижней части живота. Когда язык перестает двигаться, сила духа находится в сердце. Когда 4 органа будут совершенными, 4 компонента объединятся в центре с Землей». Эти 3 элемента воспроизводящая сила, Жизненность и Духовность; 2 элемента — положительный Ян и отрицательный Инь.

В: Си Мин Цзин и Цзин Синь Цей Лунь говорили о блокировании полового канала для очищения алхимического элемента до тех пор, пока ученик не убедится в том, что воспроизводящая сила вырабатывается. Патриарх Лю Сю Ань также сказал: «Если заняты, схватите остаток, чтобы собрать внешний элемент». Ханг Чунг Ли сказал: «Это есть блокирование полового затвора (Ян Гуань, или отверстие на конце пениса)». Чун Сю Цзы сказал: «Сублимируйте элемент до тех пор, пока вы не будете совершенно уверены в нем, и тогда вы будете создавать Истинную Жизненность». Я не знаком с методами блокировки, пожалуйста, научите меня.

О: Лао Цзы сказал: «Низменность является корнем благородства, и низшее является фундаментом для высшего». Постнатальное питание и восстановление подобает низменному и высшему методам. Низменное рассматривается мастером как нечто, что может заставить человека вспыхнуть от стыда, а высшее — это нечто, лежащее на земле, что следует поднять. Синь Минь Гуань Цзи сказал: «Бессмертные прошлых времен отказываются открыть это, потому что это было бы очень смешно». Дань

Цзинь добавляет: «Говорить о корне (Истоке) Сущности и Жизни и о смертной полости — это заставило бы говорящего вспыхнуть от стыда, и хотя метод очень глубокий, он может вызвать гомерический смех. Если воспроизведения не были очищены, то пренатальная Жизненность не может развиться, и тогда как вы можете собрать Микрокосмический элемент, чтобы использовать вытекающую воспроизводящую силу? Вы должны погрузиться во все это, и, когда Микрокосмический элемент будет собран, тогда вы поймете это».

Если воспроизводящая и Жизненная силы устремятся наружу, вызывая трепет в вашем теле, нужно прижать средний палец к полости смертности, чтобы установить количество вытекающей и остающейся воспроизводящей силы, и уловить момент, когда она разделена на две части: одну, выходящую наружу в виде половой жидкости, могущей создать потомство, и другую, возвращающуюся в канал Ду Мо, где она будет очищена, чтобы перейти в Жизненность которую в дальнейшем можно преобразовать в Эликсир Бессмертия. Цзин Синь Цей Лунь в гл. II говорит: «Воспроизводящая сила является самым Драгоценным элементом для человеческого тела, в котором заключена сама его Жизнь, и без нее он умирает, потому что она питает и предохраняет корень Основной Сущности и Вечной Жизни. Если она истощается, ее надо восстановить процессом воспроизведения. Это называется восстановлением воспроизводящей силы для укрепления мозга».

Моя книга написана в форме диалога, и предназначена для использования учениками. Нужно прочесть эту главу очень внимательно. Высокоодухотворенные лица, стремящиеся к постоянному продвижению, достигнут Бессмертия, а те, у которых меньше решимости, смогут по крайней мере удлинить срок Жизни и наслаждаться долголетием, потому что эта глава является ценным руководством по улучшению здоровья.

Теперь вернемся к процессу собирания и очищения Микрокосмического внешнего алхимического элемента. Действительно ли этот элемент можно создать и какое время лучше всего подойдет для этого? Вы должны знать не только, когда этот элемент создается, но также различать моменты его преждевременного и запоздалого созда-

ния. Одно лишь простое собирание недостающей Жизненности не даст никакого результата, — вы не избегнете смерти, и долгие усилия будут напрасны. Поэтому крайне важно создавать и сублимировать Микрокосмический внешний элемент. Бессмертный Цао Хуань Ян сказал: «Даже если вы заняты, расслабьтесь немного для сублимирования внешнего элемента, чтобы собрать пренатальную Жизненность из ничего».

Лу Цзы сказал: «Не ослабляйте усилий, пока Микрокосмический внешний элемент не будет создан и Духовность не убедится в его наличии». Под этой Духовностью подразумевается знание того, является ли процесс созидания эффективным или нет. Если ощущается недостаток Жизненности, вы не должны торопливо набирать этот элемент. Нужно подождать, пока Жизненность полностью разовьется. Только после этого можно преобразовать воспроизводящую силу в Жизненность для укрепления мозга. Жизненности в основном бывает достаточно в вашем теле, но она рассеивается из-за сексуальной несдержанности. Чтобы восполнить эту утечку, нужно использовать Микрокосмический внешний алхимический элемент для воспроизведения Жизненности в достаточном для использования количестве.

Если элемент не будет чистым, неподдельным и полным, как же можно будет его использовать для восполнения Жизненности? Если сердце объято сексуальным желанием, воспроизводящая сила загрязняется и переходит в постнатальную половую жидкость, которую нельзя применять в качестве Микрокосмического внешнего алхимического элемента. Если Жизненное дыхание будет неполным, тогда элемент будет молодым и слабым и его нельзя будет преобразовать в Эликсир Жизни. Отсюда следует необходимость сублимирования Микрокосмического внешнего элемента. Пенис поднимается и стоит напряженным даже при отсутствии сексуального желания. Это вызывается постнатальной воспроизводящей силой, вибрирующей в теле в поисках выхода, а также неправильной циркуляцией Огня в ходе вашей медитации, которая не достигает пениса и не способна управлять им.

Это приводит к необходимости применения метода правильного дыхания для обеспечения циркуляции быстрого Огня вверх и вниз по Микрокосмической Орбите

и, таким образом, приведения к неподвижности воспроизводящей силы, что вызывает сокращение пениса, и прекращения утечки Жизненности. Это секрет сублимации, заключается он в одном слове — «знание», то есть знание процесса, который зависит от возраста ученика и количества рассеянной Жизненности и не должен производиться неосознанно, случайно. Потеря Жизненности может быть большей или меньшей, пренатальной и постнатальной. Воспроизводящей Жизненности может быть достаточно или недостаточно, воспроизводящие силы могут быть, а могут и не быть растраченными, поэтому процесс сублимации будет неодинаков для всех учеников.

В: Вы упоминали числа: 36 для каждой фазы или 216 для всех шести фаз поднятия положительного Огня и 24 для каждой или 144 для шести фаз опускания отрицательного Огня. Это составляет 360 для каждого полного цикла обращения по Микрокосмической Орбите. Вы также сказали, что эти числа только символичны и не означают отсчета 360 дыханий. На какой основе должна быть произведена сублимация?

О: Число 360 означает как раз количество вдохов и выдохов, образующих ценное дыхание. Подъем воспроизводящей и Жизненной сил по позвоночнику называется поднятием положительного Огня, а опускание по передней части тела — спуском отрицательного Огня. При вдохе сердце, Духовность и мысль должны подниматься совместно от основания позвоночника в кардинальной точке А в корне пениса до промежуточных точек В и С, прежде чем достичь точки D, где они задерживаются немного для очищения, и оттуда к кардинальной точке G на вершине головы. Это включает 6 фаз подъема (ABCDEG) в канале Ду Мо и называется поднятием положительного Огня. При выдохе сердце, Духовность и мысль должны совместно опускаться в мозг в кардинальной точке G до промежуточных точек H и I, прежде чем достичь I, где они немного задерживаются для очищения, а затем идут к А. Это содержит 6 отрицательных фаз опускания по каналу Жень Мо для возвращения Жизненности к Источнику и называется опусканием отрицательного Огня.

Таким образом, положительные подъемы и отрицательные опускания вызываются вдохами и выдохами. Если воспроизводящая и Жизненная силы начинают виб-

рировать в полости нижнего Дянь Тяня, нужно вдохнуть — для запирания (Хо) респираторного механизма, чтобы воздух опустился вниз для создания давления на низ живота. В то же время закатыванием глаз вверх нужно производить подъем воспроизводящей силы от основания к верхушке головы. Когда вы выдыхаете, нужно открыть (Пи) респираторный механизм, чтобы воздух вышел из тела для ослабления давления на низ живота. Одновременно ваши глаза должны следовать опусканию воспроизводящей силы и Жизненности от верхушки головы до самого низа. Тогда, чтобы замкнуть Орбиту, вы должны обвести глазами круг. Все это обыкновенно называют подъемом положительного и опусканием отрицательного Огней. При этом вдох, замыкание, подъем и открывание, затем выдох и опускание являются фазами алхимического процесса.

Что касается «Воздухонувных мехов» (Тэ Хоу), то они применяются для поднятия и опускания. Пренатальная Жизненность создается и накапливается при помощи этого дыхательного процесса, в то время как Огонь и Вода в низу живота смешиваются. Если воспроизводящая и Жизненная силы не вибрируют в низу живота, то нет необходимости применять Внутреннюю Воздухонувку. Вентиляция производится вдыханием и выдыханием, а так называемые подъем положительного и опускание отрицательного Огней, Котел и Печь вводятся в рассмотрение только после того, как воспроизводящая и Жизненная силы начали вибрировать. Эти 6 фаз каждого Микрокосмического цикла имеют свои постоянные позиции, без которых Эликсир Бессмертия не может быть приготовлен. Они начинают подниматься из полости смертности А (в корне пениса) в D и G, являющиеся первым, вторым и третьим положениями при подъеме, и затем опускаются вниз из G на верхушке головы в I и A, являющиеся первой, второй и третьей позициями при спуске. Все они являются шестью фазами Микрокосмической Орбиты.

Процесс собирания Микрокосмического внешнего алхимического элемента заключается в следующем: когда воспроизводящая и Жизненная силы завибрируют, надавите средним пальцем на полость смертности, и как только их механизм начнет двигаться, вдохните и выдохните,

чтобы создать «Легкий ветерок» (Сань Фэн, или вентиляция), который побудит пренатальные воспроизводящую и Жизненную силы подняться вверх по Ду Мо и опуститься вниз по Жень Мо, чтобы совершить полное вращение. Ваши глаза, голова и ноги должны способствовать этому необычному опыту, являющемуся одним из самых трудных для начинающих. Однако, выполнив его несколько раз, вы будете бессознательно принимать правильные положения, даже не зная, что побуждает вас к этому.

Когда Колесо Закона (Фа Лунь), или Микрокосмическая Орбита, совершает оборот, это заставляет воспроизводящую и Жизненную силы идти вниз в канал Жень Мо, чтобы вернуться в нижний Дань Тянь. Это совершается автоматически. Тогда в чем же трудность? Никогда не пытайтесь собрать свежий воздух, чтобы восполнить рассеяние воспроизводящей силы и восстановить Жизненность в теле. Это было бы совершенной бессмыслицей. Нужно попросить просвещенного мастера научить вас Легкому ветерку (Сань Фэну), Воздуховым мехам (То Хоу), запертию и отпертию (Хо Пи), шести фазам (Лю Хоу), поднятию положительного (Цзинь Ян), опусканию отрицательного элемента и очищению (Му Ю).

В: Вы сказали, что Легкий ветерок, применение Воздуховых мехов, запертие и открывание, 6 фаз подъема положительного и опускания отрицательного Огней, очищение — все это относится к Микрокосмическому очищению. Мне это ясно, но я боюсь, что ученики столкнутся с трудностями при освоении этого. Я надеюсь, что вы разъясните все в книге на благо будущим поколениям, чтобы сомнительные учителя и самозванцы не смогли бы обмануть и повести по ложному пути.

О: Легкий ветерок — это постнатальные вдох и выдох через ноздри. Каждое поступление свежего воздуха толкает вверх положительную Жизненность в канале Ду Мо. Это называется поднятием. Последующий выдох снимает давление, и Жизненность идет вниз по каналу Жень Мо. Это называется опусканием. Каждый подъем происходит от основания позвоночника к Ли Вэню, или мозгу, а каждое опускание происходит от мозга до полости смертности Шэнь Си в основании пениса. Все это называется Легким ветерком.

Воздуходувные меха, или волынка, действуют внутри тела. Их нельзя обнаружить при отсутствии воспроизводящей и Жизненных сил, и они дают о себе знать лишь тогда, когда Жизненность вибрирует под пупком. Мешок волынки расположен сверху, а трубка внизу. Расстояние между ними примерно 8,4 дюйма. Мешок и Основная Сущность находятся в одном и том же месте — в сердце, а трубка там же, где и Жизнь, — под пупком. Если вдохнуть постнатальный свежий воздух, то пренатальная Жизненная сила поднимается по каналу управления Ду Мо. Это — процесс запираания, состоящий из вдыхания свежего воздуха, запирающий респираторный механизм, так что воздух в теле опускается вниз, выталкивая пренатальную Жизненную силу и прочищая, таким образом, психические каналы. Это побуждает Жизнь, находящуюся внизу, соединиться с Основной Сущностью, расположенной сверху. Когда постнатальный свежий воздух выдыхается, тогда пренатальная Жизненная сила, освобождаемая теперь от давления, опускается вниз в канал Жень Мо. В этом заключается процесс открывания (Пи): воздух выбрасывается ноздрями, чтобы дать возможность пренатальной Жизненной силе вернуться к своему Источнику под пупком, очищая все психические каналы.

Это побуждает Основную Сущность, находящуюся сверху, соединиться с Жизнью, находящейся внизу. Во время процесса сублимации нужно перекачивать свои глаза (под закрытыми веками), чтобы последовательно увидеть четыре кардинальные точки А, D, G, I и А. Это называется внутренним и внешним Хо Пи (то есть внутренней Жизненной силой и внешним воздухом), который действует подобно воздуходувным мехам. Хотя механизм тот же самый, однако воздух в теле действует иначе, чем в воздуходувных мехах. Когда возникает Внутренний ветерок, глаза вращаются, чтобы посмотреть на четыре кардинальные точки А, D, G, I, и в то же время, когда Сущность и Жизнь в теле меняют места в течение процессов запираания и открывания, последние приводят в движение воспроизводящую силу, которая автоматически преобразуется в Жизненность, циркулирующую вверх и вниз. Даже сам ученик не понимает, почему его голова, глаза, конечности и дыхание действуют именно таким образом, потому что каждый вдох, сопровождаемый запираанием,

и выдох, следующий за открыванием, совершаются спонтанно. Естественными шестью фазами движения циклического процесса являются: подъем от А, очистка в D, остановка в G, очищение в I и возвращение в А. Они порождаются вдохом, вызывающим подъем, и выдохом, стимулирующим опускание. Таким образом, подъем от А до D и С включает первый, второй и третий этапы опускания. Поэтому Дань Цзинь говорит: «Выполните 3 фазы вверх по спине и следующие 3 фазы вниз по передней стороне тела, подхватите вверху и верните Жизненную силу обратно в нижний Дань Тянь».

6 фаз поднятия положительного Огня от А к В, С, D, Е, F являются положительными. Положительным числом является девятка, а суммарное число всех шести положительных фаз для 4 сменяющихся сезонов $9 \times 6 \times 4 = 216$; 6 фаз опускания его отрицательного компонента от G к H, K и I будут отрицательными. Отрицательным числом является шестерка, поэтому суммарное число всех шести отрицательных фаз есть $6 \times 6 \times 4 = 144$. Поскольку две кардинальные точки D и I оставлены для чистки и очищения и поэтому не были учтены, то фактически полное положительное число будет 120. Таким образом, подъем и опускание включают в себя 300 дыханий, но это является лишь символическим значением, но отнюдь не фактическим счетом. Мой мастер Ляо Кун сказал: «Практикуйте это каждое утро и каждый вечер для избежания риска (Вэй Сянь) случайной поллюции ночью».

В: Каждый день я вращаю Водяное Колесо (Хо Гэ), то есть Микрокосмическую Орбиту, но еще не могу остановить произвольную эмиссию. В чем причина?

О: Согласно вашему утверждению, у вас происходит бесцельное вращение пустых Водяных Колес. Вы раньше спрашивали о Легком ветерке, о применении воздуходувки, запирании и открывании, шести фазах подъема и опускания, чистке и очищении. Эти этапы включаются в каждый вдох и выдох.

Метод начинает входить в силу, когда пенис напряжен ночью, и он заключается в блокировании полового затвора при помощи точечной концентрации, с целью подвести Духовность в полость Жизненности под пупком. Это аналогично действию кузнеца, использующего свои меха. Воздух раздувает внутренний Огонь, который, разгораясь,

преобразует воспроизводящую силу в Жизненность, а она собирается и направляется вверх и вниз по Микрокосмической Орбите. А вы тем временем сидите неподвижно, закрываете глаза и затем совершаете 360 раз подъемы и опускания. Это совершенно бесцельное вращение пустого Водяного Колеса и отнюдь не является правильным методом приготовления Золотого Эликсира. А происходит это от того, что когда вы приступаете к медитации, ваш ум не освобожден от мысли, которой вас учили: для достижения ментального спокойствия вам только и надо сделать 360 оборотов. Но ваше тело теперь настолько слабое, что если вам не удастся восстановить воспроизводящую силу, вы просто не сможете улучшить свое здоровье.

Глава V БЫСТРЫЙ И МЕДЛЕННЫЙ ОГНИ

Быстрым и медленным Огнями является постнатальное тепло, используемое для лечения болезней и продления Жизни, а также для соединения Солнца с Луной. Здесь Солнце символизирует положительный элемент (Ян), а Луна отрицательный (Инь). Напомним, что пренатальный и постнатальный Огни являются, соответственно, духовным, или положительным Огнем, который существовал до рождения, а его испорченный компонент, или искаженная составная часть, или негативный Огонь (постнатальный) — после рождения. Рассматриваемый метод состоит в применении постнатального Огня, чтобы вывести пренатальный Огонь, так чтобы оба соединились для извлечения из еды и питья Сладкой Росы (Гуань Лу, или чистой слюны), которая, опускаясь по каналу Жень Мо, преобразуется в отрицательную воспроизводящую силу и помогает ее вырабатывать.

Медленный Огонь создается при помощи медитативного метода, заключающегося в том, чтобы, закрыв глаза, привести ум в такое состояние, при котором он, будучи пустым, не переставал бы работать, и который, хотя и излучает, но не продолжает существовать, не являясь при этом забитым или истощенным. Время, отведенное для применения быстрого и медленного Огней должно нахо-

даться в отношении 3:7. Мой мастер, обучая меня применению быстрого и медленного Огней, сказал: «Быстрый Огонь сдвигает, устраняет, а медленный — успокаивает». Оба Огня применяются для преобразования загрязнения во внутренностях в слезы, выводящиеся, чтобы достичь гармонии четырех компонентов — тела, дыхания, бестелесной и телесной душ, символизируемых, соответственно, Водой, Огнем, Деревом и Металлом, союза пяти элементов — Металла, Дерева, Воды, Огня и Земли — и их возвращения к своему Истоку, и для оборачивания назад внутреннего Света, чтобы осветить себя внутри. Это соединяет между собою Солнце и Луну, то есть две части одной Жизненности: положительной Ян и отрицательной Инь.

Никто из известных Бессмертных на Земле не болел туберкулезом, а также не принимал лекарств для излечения болезни или исправления своего здоровья. Теперь, когда вы решили добиться Бессмертия, нужно быстро уничтожить все болезни, дремлющие в теле, после чего совсем не поздно будет практиковать Дао. Святые и Мудрецы древности никогда не ждали, пока болезнь проявится. Они лечили ее еще в скрытом состоянии. Если вы взглянете на людей, то они покажутся здоровыми; однако они страдают от болезней, которые еще не развились. Достойно сожаления, что люди только и ищут удовольствий, не сознавая ошибок и заблуждений, проявляя глупость, увлекаясь крепкими винами, наслаждаясь возбуждающей музыкой и танцами. Они не отдают себе отчета, что могут испортить привлекательными формами — зрением, музыкой и песнями — слух, и что, ложась в постель пьяными и переполненными пищей, они рассеивают свою производящую силу.

Заболев же, люди устремляются к врачам, когда, в сущности, бывает уже поздно, не понимая, что болезни вызываются избытком пищи, питья и удовольствий. Они не сознают, что внутренние болезни скрыты в их телах. Поэтому даже до того, как болезни возникли, вы должны использовать медленный и быстрый Огни, чтобы вырвать их корни. В повседневной деятельности чувства (удовольствие, гнев, сожаление и радость) вызывают болезни: удовольствия сказываются на сердце, гнев — на печени, сожаление — на телесной душе и радость — на бестелесной

душе. Так поражаются все внутренности. Не пренебрегайте кажущимися незначительными корнями болезней, ибо когда болезнь проявится, с ней уже трудно будет справиться. Прежде, чем болезни проявятся по-настоящему, от них можно избавиться через глаза (применение быстрого и медленного Огней, преобразующих загрязнение в теле в слезы). Как же тогда болезнь сможет развиваться?

В период развития зародыша в материнской утробе, в первой фазе Небеса снабжают его элементом Воды в зрачках глаз, которые связаны с почками. Во второй фазе Земля создает элемент Огня в уголках глаз, связанных с сердцем. В третьей фазе Небеса создают элемент Древа в радужной оболочке глаза, связанной с печенью. В четвертой фазе Земля производит элемент Металла в белках глаз, которые связаны с легкими. В пятой фазе Небеса производят элемент Земли в верхних и нижних веках глаз, связанных с желудком. Таким образом, Сущности всех пяти внутренних органов находятся в глазах, в то время как первоначальная Духовность, хотя и расположенная в мозгу, также проявляется через орган зрения.

Все тело отрицательно, за исключением глаз, которые положительны. И из-за этого меньшего количества положительного Ян в глазах человек не оказывается во власти отрицательного. Положительное Ян нужно использовать в начале алхимической тренировки, чтобы вырвать корни скрытых болезней, которые скопились в теле. Быстрый Огонь используется, чтобы переместить Огонь Духовности в Печь (под пупком), и древними он назван «перемещающим Огнем». Под «перемещением» или «сдвигом» подразумевается, что внутренний Огонь поднимается, так, что внутренний и внешний Огни начинают воздействовать друг на друга для расширения всех замусоренных психических каналов и очищения их от завалов. Поскольку положительный Огонь сильнее воспроизводящей силы, то он передвигает ее во все части тела, чтобы убрать все загрязнения и воспрепятствовать развитию болезни.

Вы можете применять кристаллический шарик гипнотизера или вообще любой круглый предмет, чтобы с ним практиковаться утром и вечером. Сначала сидите в позе медитации, пока ваш ум не установится, и тогда поместите перед собой кристаллический шарик, не слишком далеко или близко, не слишком низко или высоко, а как раз

на одном уровне с точкой посреди глаз. Пристально смотрите на шарик, и через некоторое время у вас из глаз потекут слезы; они соленые, плохо пахнут и являются остатком внутреннего засорения, подобно слезам, вызываемым чувствами и эмоциями.

После применения этого «сжигающего Огня» для удаления латентных (скрытых) болезней вы должны немедленно применить медленный Огонь для успокоения зрачков, которые, в противном случае, могут быть повреждены внутренним жаром. Для медленного Огня помогите психическим каналам, которые были расширены, сжаться так, чтобы дыхание, распространившееся по всем частям тела, могло вернуться к своему исходному пункту под пупком. Этот медленный Огонь называется «Успокаивающим Огнем», и свойством его является приведение к неподвижности. Вы должны применять его, полностью закрыв глаза и сконцентрировавшись на точке между ними, чтобы передвинуть дыхание в нижний Дань Тянь. Эта концентрация должна продолжаться, пока представление о самом себе и о других полностью не уйдет, а ум и тело не перестанут существовать. Только тогда ваша концентрация будет эффективной.

При выполнении этого упражнения ваш язык должен затыкать Небесный Водоем в небе. Со временем Сладкая Роса, вкусом похожая на мед, пойдет вниз по каналу Жень Мо в горле, пока не достигнет полости нижнего Дань Тяня, где перейдет в отрицательную производящую силу, которая затем опускается в яички, где она создает сперматозоид. Поэтому чистая слюна является Драгоценной вещью, сохраняющей вашу физическую силу: она требует особой заботы о себе. Если слюна хорошая, то элемент Воды в низу живота будет полным и это приведет к тому, что глаза будут блестеть, а зрачок и белок будут четко очерчены. Когда болезни еще находятся в теле в скрытом состоянии, тогда зрачки не будут ясными, а на белках выступают красные и желтые черточки. Нужно практиковать, пока глаза не станут такими, как у здорового ребенка: с яркими зрачками, окруженными голубоватыми белками. Только тогда вы освободитесь от скрытых болезней.

Физиология утверждает, что при формировании зародыша первыми появляются глаза, а зрачки на 12 дней

позднее. Анатомия говорит, что слезы образуются из жидкости, омывающей глазные яблоки, и что под носовой полостью имеется проход, проводящий слезы и выделения в носу, соединяющийся с внутренними органами. Именно через этот проход изгоняются внутренние, скрытые болезни. Других каналов, пригодных для этой цели, в теле нет. Время, устанавливаемое для применения быстрого и медленного Огней, должно быть пропорционально отношению 3:7.

После получения указаний от моих мастеров Ляо Жэня и Ляо Куна относительно возбуждения быстрого Огня, я смотрел на горящую палочку воскурения, которую впоследствии заменил кристаллическим шариком, и закрывал глаза, чтобы создать сфокусированную концентрацию и получить медленный Огонь для снижения Жизненного дыхания в сердце и успокоения моего духа и интеллекта. В результате мои уши перестали слышать, а дыхание сделалось как очень тонкая нить, казавшаяся вообще не существующей, но которая присутствовала, пока мои мысли не прекратились, а все чувства и эмоции не исчезли. Тогда элемент Огня в моем сердце пошел вниз, в то время как элемент Воды в низу живота стал спонтанно подниматься. Кончик языка касался нёба, и обе железы выделяли много слюны, и вскоре мой рот заполнился ею. Она была сладкая, как мед. Одним глотком я опустил ее вниз, заставляя низ живота сильно вибрировать.

Внезапно мой ум и интеллект стали тихими и пустыми, и сперва мои конечности, а затем и все тело исчезли, не оставив никакого следа от меня. Как нечто, достигшее своего предела, за этим крайним спокойствием и тишиной последовало движение, и совершенно неожиданно сильно завибрировала Жизненная сила, заставив мой penis стоять напряженно. Это доказывает, что реальный Огонь, остававшийся спящим некоторое время, начал двигаться сам по себе.

В: Все даосские книги говорят об алхимическом элементе, но не упоминают об Огне. Не могли бы вы объяснить «фазы Огня» (Хо Хоу), чтобы будущие ученики не запугались.

О: «Фазы Огня» — это общий термин. «Огонь» представляет внутренний жар, а «фазы» — 6 этапов очищения Огнем. Здесь слово «Огонь» имеет 18 значений, которые

соответствуют идущим по порядку этапам очищения. Поэтому исполняемая им роль будет разной для каждого этапа. Если вы не получили указаний от просвещенного мастера, то никогда не уясните себе все это. Фазы Огня, то есть этапы очищения Огнем и создание алхимического элемента, идут в определенной последовательности, и их нельзя смешивать. Это подобно изготовлению кирпича. Глина сперва смешивается с водой и затем обжигается на огне, чтобы получить кирпич. Если кирпич не обожжен на огне, он превратится в месиво под действием дождя. Точно так же алхимический элемент можно собрать только после очищения Огнем воспроизводящей силы. Только тогда из него можно получить Золотой Эликсир. В противном случае он распадается.

Фэн Хо Цзин говорит: «Когда в текстах применяются такие выражения, как «возбуждать Огонь», «ввести его в...», «воздействовать Огнем на Огонь» и «останавливать его», то все это означает Огонь, создаваемый дыханием. Когда встречаются такие выражения, как «заморозить Огонь», «ввести его в ...», «уменьшить его», «сдвинуть Огонь», «Огонь в своем собственном доме», «Огонь сердца», то все они выражают Огонь, получаемый из Духовности. Когда применяются такие выражения, как «циркуляция Огня», «собрание его», «поднятие его», «Огонь в помещении Воды», «отрицательный Огонь», «Огонь, погруженный в Воду» и «Огонь в Печи», то все они выражают Огонь, получаемый из пренатальной Жизненности.

Огонь, рожденный дыханием, преобразует воспроизводящую жидкость, получаемую в результате переваривания пищи, в воспроизводящую силу. Огонь, получаемый из Духовности, преобразует воспроизводящую силу в Жизненность. Огонь, получаемый от пренатальной Жизненности, очищает дыхание и вносит вклад в проявление Духовности. Духовный огонь сублимирует ее, и она вернется к состоянию Ничто. Таким образом, от начала до конца, успешная практика по достижению Бессмертия выполняется при помощи Огня». Без объяснения просвещенного мастера очень трудно понять все эти 18 фаз Огня.

В: Не объясните ли эти 18 фаз одну за другой?

О: «Зажигание Огня» совершается дыханием через нос, и оно подразумевает вдох и выдох, в течение которых

производится и собирается небольшое количество лекарства (Сяо Ляо, или Микрокосмического алхимического элемента). Воздух, проходящий вниз и вверх в теле, называется «Легким ветерком» (Сань Фэн). Когда каждое дыхание входит в тело, ваша концентрация заставляет воспроизводящую силу спускаться по каналу вниз, в полость смертности. Эта ваша концентрация вращает Колесо Закона (то есть совершает движение по Микрокосмической Орбите). Огонь, зажженный дыханием, первоначально хотя и ощущаемый, должен рассматриваться как нематериальный (то есть на него не надо обращать внимания), потому что если вы будете цепляться за него, он может сделаться опасным. Чтобы быть эффективным, он должен рассматриваться как несуществующий, но который тем не менее существует. При этом благоприятствующем условии воспроизводящая сила вынуждена вернуться в нижний Дан Тянь.

Большинство учеников терпит поражение в своей тренировке из-за того, что они не знают, как управлять этим Огнем, усиливающим как раз те страсти, которые они стремятся подавить. Из-за этого многие религиозные люди нарушают правила чистой жизни и совершают аморальные действия, легко избегаемые мирскими людьми. Механизм подъема и опускания воспроизводящей силы по Микрокосмической Орбите называется «запиранием» и «отпиранием». Когда внешний воздух вдыхается, он достигает низа живота и толкает вверх Жизненную силу. Это механизм закрывания дыханием, при котором воздух идет вниз, в то время как внутренняя Жизненность поднимается вверх к голове. При выдохе наружный воздух выбрасывается из нижней части живота, в то время как Жизненная сила, освобожденная теперь от давления, возвращается в низ живота. Это и есть открывание механизма дыхания, при котором наружный воздух выбрасывается, а Жизненность опускается вниз, а также «Флейта без отверстия», на которой играют в «обратном порядке» (читатель не должен смешивать этот даосский термин с аналогичным термином Чаня и Дзэна. Это есть идиоматическое выражение для «Флейты без отверстия», которое обозначает ум, закрытый для всех восприятий, связанных с органами чувств, и создающий мелодию, доступную лишь для просвещенных людей. Тот, кто достиг «Флейты

без отверстий», понимает Дхарму ума, представленную в трех томах нашей книги «Учения Чань и Дзэн»).

При отсутствии возбуждения мысли, когда пенис стоит напряженным, ученик должен вдохнуть внешний воздух, который, достигая полости смертности (в основании пениса), заставляет там отрицательное Жизненное дыхание подняться по каналу Ду Мо к центру Жизненности (нижнему Дань Тяню). После этого он должен выдохнуть, чтобы отрицательное Жизненное дыхание из центра Цзын Гуна (солнечного сплетения) опустилось к нижнему Дань Тяню. После многократного повторения этого упражнения пенис сократится и вернется в нормальное положение, и ученик будет себя чувствовать очень хорошо. Таким образом, каждый вдох и выдох встряхивают поле Эликсира (нижний Дань Тянь), связанное с яичками половым переходом (Чунь Сянь — половой канал, идущий от яичек через Смертную Преграду в основании пениса к половому затвору в кончике пениса), через который отрицательная воспроизводящая сила достигает их, чтобы перейти в сперму. Эта жидкость содержит сперматозоиды, и если следовать обычному мирскому пути, то она вытечет наружу, чтобы произвести потомство. Но, если этот ход будет заменен на обратный, она внесет свой вклад в создание Золотого Эликсира. Вопрос лишь в том, следовать ли обычному для мирян пути или повернуть обратно, и этого обычный человек не может понять. Поэтому настоятельно необходимо обратиться к просвещенному мастеру, чтобы не погубить свое будущее.

В: Что понимают под выражением «вести Огонь»?

О: Когда вы вдыхаете и выдыхаете, ваша концентрация заставляет воспроизводящую силу подниматься и опускаться по Микрокосмической Орбите, медленно поворачивая, таким образом, Колесо Закона. Счет от 1 до 10 и затем от 10 до 100 дыханий; при этом сердце (ум) следует счету с целью предотвратить блуждание ума по окружающему пространству. Если сердце и дыхание действуют в унисон, это называется «запиранием сердца обезьяны» и «связыванием скачущей лошади интеллекта». Дань Цзын говорит: «Пусть мысли приходят и уходят. Наблюдай, не привязываясь и не цепляясь к ним. Это будет правильной тренировкой. Все привязанности ведут к смерти, но инертность ведет к ложной Пустоте. Внима-

тельность должна уступить дорогу бездумью, так что сердце (место пребывания Сущности) будет пустым от всяких волнений и возмущений и станет бесплотным и Духовным, выше рождения и смерти. Если вы хотите избавиться от неприятных мыслей, нужно придерживаться правильного сознания, и тогда эти мысли сами прекратятся, так что ваше сердце будет как яркая Луна в пространстве: чистая, незапятнанная, без всяких чуждых вкраплений».

Когда сердце привыкнет к этому состоянию, оно освободится от иллюзий, достигая апогея в смерти сердца и воскрешении духа. Ибо если Духовность не устанавливается, то Свет Основной Сущности не дает о себе знать, а если интеллект не заморожен, то страсти нельзя вырвать из себя. В этом состоянии спокойной ясности, когда самое сокровенное вибрирует само по себе, вы должны без промедления воспользоваться его вибрацией, чтобы собрать Микрокосмический алхимический элемент. Это называется «ведением Огня» (для собирания элемента).

В: Каждые вдох и выдох вызывают подъем и опускание Жизненного дыхания. Вы говорили о «замораживании дыхания», а теперь вы упоминаете о «ведении Огня». Мне не ясно. Объясните все это полностью.

О: Вы неправильно поняли мои указания. Вначале первый подъем и опускание Жизненного дыхания, поворачивающие Колесо Закона, служат для отождествления процесса мышления с вращением Колеса, чтобы прекратить все блуждания мысли. Тогда следующие вдыхания и выдыхания, направляющие Жизненное дыхание вверх и вниз, чтобы завершить полную Орбиту, останавливая этим поднятие пенисы, будут предотвращать утечку половой жидкости. Но это должно быть произведено только после того, как будет собран алхимический элемент. Эти два рода дыхания вызваны единственной мыслью: «вести Огонь», чтобы повернуть Колесо Закона с двойной целью — остановить блуждание мыслей и предотвратить утечку воспроизводящей жидкости.

В: Что вы подразумеваете под «остановкой Огня»?

О: Под «остановкой Огня» подразумевается прекращение всех алхимических дыханий. Хотя практикующий продолжает дышать как обычно, он не должен применять вдохи и выдохи для возбуждения внутреннего Огня, который тогда прекратится сам собой.

В: Почему прерывается алхимическое дыхание?

О: Если низ живота полон воспроизводящей силы, внутренний Огонь останавливается путем прекращения всякого алхимического дыхания через нос. Патриарх Чжэн Ян сказал: «Если алхимический элемент созрел, тогда использование Огня надо прекратить, потому что продление Огня может его испортить». Бессмертный Чун Сюй сказал: «Только когда наступит время для остановки Огня, можно собирать Микрокосмический алхимический элемент для осуществления прорыва». Время для прекращения Огня наступает после того, как Золотой Свет покажется два раза. Это будет временем для собирания Микрокосмического алхимического элемента путем прекращения всякого алхимического дыхания через нос. Если ученик ждет третьего проявления Золотого Света для остановки Огня, он пропустит знак и Микрокосмический элемент будет испорчен.

Огонь нужно остановить до собирания Микрокосмического элемента для прорыва. После второго появления Золотого Света элемент должен быть собран для полного восстановления воспроизводящей силы, Жизненности и Духовности. Если дыхание через нос применяется во время собирания элемента, то последний будет готов рассеяться ночью, потому что вдыхаемый и выдыхаемый воздух может встряхнуть и испортить воспроизводящую и Жизненную силы. Поэтому надо прекратить всякое алхимическое дыхание через нос, чтобы остановить Огонь.

В: Если не производятся алхимические вдохи и выдохи, тогда как же смогут воспроизводящая и Жизненная силы подниматься и опускаться по Микрокосмической Орбите?

О: Хотя дыхание через нос не используется алхимически, внутреннее Жизненное дыхание в теле будет проталкиваться вверх и вниз путем концентрации ученика. Таким образом, каждый подъем и опускание Жизненного дыхания согласуются с его волей и поворачивают Колесо Закона. Только это может быть названо «остановкой Огня» для сбора алхимического элемента.

В: Что понимают под «воздействием Огня на Огонь»?

О: Это применение вдоха и выдоха для сбора алхимического элемента, приводящее воспроизводящую и Жизненную силы в Печь в нижней части живота при помощи

Легкого ветерка. Это означает управление воспроизводящей силой, и такой процесс называется «воздействием Огня на Огонь». Элемент Огня в воспроизводящей силе, Жизненности и Духовности движется от А к D (для очищения) и затем к G, где он немного задерживается и называется восходящим положительным Огнем. Затем он начинает движение от G к I (для очищения) и потом останавливается в А. Он становится нисходящим положительным Огнем. Таким образом, его движение, задержка (Чжу), возобновление движения (Цзы) и остановка (Чжи) являются четырьмя фазами алхимического процесса, включающего в себя оба этапа очищения. Практикующие должны продумать все это, чтобы ясно представить себе весь механизм.

Каждый цикл от А к D, G и обратно к А включает поднятие и восхождение положительного Ян и опускание отрицательного Инь, закрывание и открывание Воздуховных мехов, 6 фаз Орбитального движения и собирание и очищение алхимического элемента. От того, до какой степени практикующий поймет все это, зависит, полностью ли он освоит метод. Следовательно, ему надо встретиться с просвещенным мастером. Если вы не встретили Учителя и можете полагаться лишь на свой собственный интеллект при изучении даосских писаний и если во время восхождения положительного Огня вы только отсчитываете 180 раз 9х4х5 фаз от А к В, С, Е и G, а во время опускания его отрицательного двойника 120 раз 6х4х5 фаз от С к H, K, I, не понимая процессов запираания и отпираания в механизме дыхания и 6 фаз алхимического процесса, завершающих эффективную работу движения по Микрокосмической Орбите, тогда вы просто потерпите неудачу в своей практике «воздействия Огнем на Огонь», и все ваши усилия будут бесплодными.

В: Фэн Хо Цзин перечисляет 7 типов Огня. Что подразумевается под «замораживанием Огня»?

О: «Замораживание Огня» означает замораживание Духовности и приведение ее в полость Жизненности. Дань Цзин сказал: «Все мастера учат лишь замораживанию, или фиксированию Духовности в полости Жизненности; фиксирование Духовности заключается в концентрации, приводящей к тому, что веки обоих глаз смыкаются друг с другом с предельной плотностью. Это называется «зами-

ранием духовности», «взглядом назад», «соединением Солнца с Луной», чтобы вернуться к пренатальному состоянию, при котором, находясь еще в утробе матери, оба глаза зародыша еще согласованы, а Сущность и Жизнь еще Едины. При рождении Сущность и Жизнь разделяются надвое и, таким образом, перестают быть Едиными.

«Замораживание Огня» означает, что оба глаза согласованно смотрят вниз в полость Жизненности (нижний Дань Тянь), которая называется Затвором Жизни (Мин Мэнь) и находятся позади и ниже пупка, и ниже — перед и между почками. Расстояния от нее до передней и тыльной сторон живота находится в соотношении 7:3. Она связана сверху с Ли Вэнем (мозгом), а снизу — с подошвами ног, будучи источником пренатального Дао, или Бессмертия. Поэтому сказано: «Эта полость не является материальной, и в ней осуществляется единение мужского (Цянь) и женского (Кунь) начал. Она называется полостью духовной Жизненности, содержащей оба элемента воспроизводящей силы: Огня и Воды. Древняя медицинская наука называла ее Затвором Жизни».

Мой мастер Ляо Кун говорил: «Когда кровь достигает этой полости, она переходит в отрицательную воспроизводящую силу, прокладываяющую себе путь в яички». Ученики должны знать: чтобы подвести Духовность в полость Жизненности и задержать ее там, практикующий должен сидеть в медитации в тихой спокойной комнате, обратив глаза назад, чтобы смотреть в ту полость, осознавая ее, но не привязываясь к ней, то есть он сперва чувствует ее присутствие, а затем забывает о ней. При фиксации Духовности в этой полости ум практикующего должен быть пустым, то есть свободным от чувственных восприятий и не привязанным ни к форме, ни к относительной пустоте — для сохранения полнейшей тишины и отсутствия материальности.

На этом этапе ощущается лишь дыхание, при полной внутренней гармонии между верхней и нижней частями тела, проявляющейся в невыразимо приятном ощущении. Внезапно глаза покажутся спалающими с лица в полость нижнего Дань Тяня, создавая ощущение, что тело больше не существует и что Истинная Жизненность наполняет место обитания Духовности, которая в дальнейшем будет удерживать ее.

В: Что подразумевают под «проведением Огня»?

О: Это положительный Огонь, о котором дано разъяснение в главе VI. В главе IV уже рассматривалось собирание Микрокосмического внешнего алхимического элемента, чтобы вернуть его обратно в Печь (в нижней части живота). Поскольку этот элемент еще не сублимирован при помощи Огня, он может утечь прочь, подобно чаю, непрерывно наливаемому в чашку, которая в конце концов переполняется, и чай выливается наружу безвозвратно. Положительный Огонь может преобразовать в Печи алхимический элемент в Жизненность, чтобы прекратить ее утечку.

Этот этап имеет гораздо большее значение, чем просто собирание элемента (см. гл. IV). После собирания и удерживания внешнего алхимического элемента, как было описано выше, практикующий, сидя в медитации, должен закрыть глаза, вращать ими слева направо 9 раз и затем приостановиться, чтобы посмотреть, не открылся ли Затвор Внутреннего Круга Света. Если нет, то нужно немного подождать и затем закрыть глаза, чтобы сделать вторично также 9 движений глазами, и опять остановиться, чтобы узнать, не появился ли Свет и не открыл ли он свой Затвор. Если снова нет, то он должен продолжать, делая то же число оборотов по третьему и четвертому разу. Таким образом, он делает 4 раза одно и то же число вращений. Это и является «приведением в движение Огня».

В: Что вы понимаете под «опусканием Огня»?

О: «Опускание Огня» — это действие, заставляющее Огонь уходить. Тан Чинг сказал: «Подъем положительного Огня совершается за 36 оборотов, а опускание отрицательного — за 24 оборота». При опускании отрицательного Огня, чтобы открыть Затвор, практикующий должен вращать глазами от G обратно к D и A 6 раз. Нужно закрыть глаза и посмотреть на Внутренний Круг Света. Видя, что Затвор еще не открыт, он должен сделать это еще 4 раза. Это и есть «опускание Огня». Только глаза являются положительными, а все остальное тело отрицательно. И эти положительные глаза со временем преодолевают отрицательное тело, так что положительное начало (Ян) будет день ото дня развиваться, а отрицательное начало (Инь) — соответственно уменьшаться, пока все тело не сделается положительным.

В тексте сказано: «Пока отрицательное начало не будет полностью изгнано, Бессмертие не достигается». Термин «сдвигание Огня» разъяснен выше — это изменение, не связанное с движением, то есть трансмутация, производимая быстрым Огнем, в результате которой ничто больше не будет иметь формы и размера (при рассмотрении хоть с близкого, хоть с далекого расстояний). Она также исключает любые нечистоты остаточных элементов.

Термин «успокоение Огня» означает осуществление неподвижности (см. выше) при полном отсутствии мысли о себе или о чем-нибудь другом, чтобы обеспечить Пустоту тела и интеллекта. Тогда совершенно внезапно практикующий вдруг почувствует, как будто он выходит из своего физического тела, чтобы посмотреть на свое подлинное лицо. Только это можно назвать Истинным Достижением.

В: Что вы понимаете под выражением «Огонь в Ли» (то есть «Огонь в Доме Огня»)?

О: Сердце является Домом Огня. Когда оно возбуждено, пенис стоит напряженным, хотя мысли и отсутствуют. Это является настоящим Огнем в Доме, который поднимает пенис, и это не тот положительный Огонь, вибрирующий в часы жизни Цзы (между 11 вечера и 1 часом ночи), когда пенис находится в состоянии эрекции. Если вы будете собирать алхимический элемент в этот неподходящий момент, он будет слишком незрелым, потому что Жизненность не будет полной и может легко рассеяться. Этот элемент следует собирать только тогда, когда пенис стоит в состоянии эрекции в час жизни Цзы, и это следует делать быстро, потому что данное время является единственно подходящим. Если упустите момент, то элемент состарится и станет бесполезным, потому что Жизненность рассеется после прохождения Огня в Собственном Доме.

В: Что такое «Огонь сердца»?

О: Когда глаза блестят и сердце вибрирует от страсти, это называется «главным Огнем» (Сань Хо), или Огнем сердца. Это плохой Огонь, возникающий от мыслей, и практикующий должен избегать его. Когда глаза видят представителя противоположного пола, это возбуждает дурные мысли, в сердце возникает влечение, и поднима-

ется пенис. Если практикующий в этом случае попытается собрать алхимический элемент, то нечистая воспроизводящая жидкость создаст иллюзорный элемент, похожий на футбольный мяч, после многих ударов постепенно теряющий воздух и сморщивающийся. Подобно этому, когда мысли увеличивают плохой Огонь, становящийся все более интенсивным, пенис будет подниматься все чаще.

Если вы ошибочно подумаете, что при этом создается алхимический элемент, и будете стремиться собрать его, все усилия будут бесплодны и вы лишь причините себе вред. Ваше тело будет казаться сильным, пока длится этот плохой Огонь. Но ваше здоровье будет терпеть ущерб и фактически будет все ухудшаться. Вы не только не достигнете Бессмертия, но, наоборот, сильно сократите свою Жизнь. Поэтому нужно избегать собирания алхимического элемента, когда Огонь вашего сердца возбужден дурными мыслями.

Вот упомянутые выше 7 типов Огня: замораживание, подведение, опускание, сдвигание, успокаивание Огня и Огонь в его Собственном Доме. Они возникают от Духовности и могут преобразовать воспроизводящую силу в Жизненность. Этот Огонь Духовности возникает от духовной силы в глазах, и если он поддерживается постнатальным дыханием через ноздри, то сможет сублимировать воспроизводящую силу и поддерживать внутреннее Жизненное дыхание.

Мой мастер Ляо Кун сказал: «Воспроизводящую силу можно полностью сублимировать за сто дней, и тогда она заполнит весь низ живота». Это не означает лишь возмещения рассеянной воспроизводящей силы, поскольку эта сила должна быть удержана выделенной, так что вы можете вновь вернуть себе то качество, которое имели в скрытом состоянии к моменту половой зрелости. Эта полнота пренатальной Жизненности в теле проявляется в сокращающемся во время тренировки пенисе.

Восстановление полного запаса воспроизводящей и Жизненной сил осуществляется при помощи других семи типов Огня: циркулирования Огня, погруженного в Воду, и Огня в Печи. Эти 7 типов исходят из пренатальной Жизненности и способствуют воздействию энергии дыхания на проявление первоначальной Духовности. Под

этим подразумевается, что она не может быть никак выражена.

В: Что такое «циркулирование Огня»?

О: Когда воспроизводящая и Жизненная силы вибрируют, нужно применить механизм кузнечных мехов, дыхательный метод замыкания и открывания, 6 фаз алхимического процесса, положительный подъем и отрицательное опускание, чтобы создать циркулирование Истинного Огня, поднимая его к мозгу через Первый Затвор в основании позвоночника, Второй Затвор между почками и Третий Затвор в затылке. Все 3 Затвора отворяются на вдохе. Последующее дыхание отправляет Огонь вниз от Исходной полости Духовности Цзы Цяо в мозгу к центру Цзян Гуну в солнечном сплетении и затем обратно к полости Жизненности под пупком. Таким образом, полное дыхание включает в себя подъем и опускание Истинного Огня. Это и есть Циркуляция Огня.

В: Что вы понимаете под «собираем Огня»?

О: «Собирание Огня» означает накопление Огня. Древние говорили об алхимическом элементе, не упоминая об Огне, который является воспроизводящей и Жизненной силами. Огонь также является алхимическим элементом. Так что, когда Истинный Огонь вибрирует, нужно накопить его. Если вы культивируете лишь одну Основную Сущность и не думаете о Вечной Жизни, ваша практика будет неполной и неэффективной. Она обеспечит лишь опускание положительного Огня без подъема снизу Жизненного дыхания. В результате Сущность и Жизнь не смогут соединиться. Поэтому обязательно нужно собрать Огонь, чтобы поднять снизу Жизненное дыхание.

В: Что вы подразумеваете под «поднятием Огня»?

О: После того как Огонь собран, он стремится развиваться дальше. Нужно поднять его через 3 Затвора в позвоночнике до Ли Вэня и затем опустить его по каналу Жень Мо до полости Цзян Гун, прежде чем вернуться в центр Жизненности. Делая это, нужно применить неразличающую концентрацию, чтобы поднять и опустить его, завершая полную Орбиту. Сань Ян Цзы сказал: «Когда Жизненность проявляется, она сильнее вибрирует и Огонь развивается под пупком. Это является тем моментом, когда вы должны поднять ее, чтобы снабдить энер-

гий ваше тело, ослабленное утечкой воспроизводящей силы. Она со временем восстановится, чтобы продлить вашу Жизнь».

В: Что вы подразумеваете под «Огнем в Кане» (местообитании Воды, или обиталище Воды)?

О: Кан и Ли символизируют нижнюю часть живота и сердце. Духовность в Ли (Доме Огня) является Основной Сущностью, а Жизненность в Кане (Доме Воды) является Вечной Жизнью. Огонь в Кане символизирует Жизненность в состоянии вибрации, образующая нечто вроде Воздуходувных мехов, занимающих пространство, начинающееся на 1,2 дюйма ниже сердца и идущее до 1,3 дюйма ниже пупка, которое связывается через полость смертности Шен Сы Цяо в основании пениса с половым затвором (Ян Гуанем) в кончике пениса. Это — Огонь в Доме Воды.

В: Что такое «отрицательный Огонь» (Гунь Хо)?

О: Кан символизирует нижний Дань Тянь, называемый также Печью (Хо), это Жизненность, которая пользуется преимуществом Огня в Доме Воды, чтобы спуститься в канал Ду Мо, в позвоночнике, где вентиляция, обеспечиваемая вдохами и выдохами, преобразовывает воспроизводящую силу в алхимический элемент, чтобы провести его по Микрокосмической Орбите. Так как положительный Ян Хо может быть накоплен без помощи отрицательного Инь, то Жизненность должна соединиться с воспроизводящей силой, чтобы сделаться Огнем. Это является соединением положительной Жизненности с отрицательной воспроизводящей силой, которые затем поднимаются к голове через Ду Мо. Если на этом этапе возникнут скверные мысли, то ни воспроизводящая, ни Жизненная силы не смогут быть введены в Истинную Орбиту. Они войдут в уретру, вызывая в ней болезненный, воспалительный процесс с лихорадкой, который прекратится лишь после испускания красновато-желтой мочи. Это является вредным последствием возбуждения мыслей на данном этапе. Здесь уместно пояснить, что упоминавшиеся выше Кан и Ли, согласно Книге Перемен, являются двумя знаками, символизирующими Огонь и Воду. Если воспроизводящая и Жизненная силы пройдут через полость смертности в основании пениса, они войдут в два

канала в бедрах, и эти каналы будут запираются накапливаемой воспроизводящей жидкостью.

В: Что вы подразумеваете под «Огнем, погруженным в Воду»?

О: Когда воспроизводящая и Жизненная силы находятся в полости под пупком, они являются Огнем, но когда они покидают эту полость, чтобы излиться наружу, они принимают форму жидкости. Чтобы собрать алхимический элемент, надо удерживать Жизненность в ее полости, называемой полостью Истинной Жизненности, или нижним Дань Тянем, то есть там, где проявляется Истинная Жизненность, и соединяющейся с половым органом. Воспроизводящая сила тяжеловесна и водяниста и стремится опуститься, а духовность легка и пламенна и стремится вознестись.

Обычно человек не осознает потока Жизненности, и поэтому он подвержен рождению, старости, болезням и смерти. Рассеивающаяся Жизненная сила не является вдыхаемым и выдыхаемым воздухом. Он является Истинной Жизненностью, поддерживающей воспроизводящую силу. Живет ли человек, или умирает, целиком зависит от наличия или отсутствия Жизненности. Смерть вызывается истощением Жизненности, и мертвое тело, сохраняющееся таким же, как при жизни, отличается от живого лишь отсутствием Жизненности.

В: Вы говорили о Жизненности, расходуемой непрерывно. Как можно остановить ее утечку?

О: Единственный способ заключается в запирании полового затвора (Ян Гуаня), чтобы обеспечить долгую жизнь, освобожденную от смерти. В трактате Цзын Сянь Лана сказано: «Тот, у кого закрыт половой затвор, наслаждается долгой жизнью». Все ученики должны искать указания у просвещенных мастеров и стремиться держать Огонь и Воду в одной полости, в нижнем Дань Тяне. Вода находится снизу, а Огонь сверху. Когда Огонь погружен в Воду, он перестает возноситься и этим заставляет сердце быть пустым, то есть невозбужденным, а когда Вода опалается Огнем, она перестает стекать вниз. Это представляет собой устойчивое равновесие (Шан Хо Цзы Цзи) между Водой и Огнем, которое со временем создает Жизненность.

Когда пенис сам собой приходит в состояние эрекции, это происходит из-за развития воспроизводящей и Жизненной сил в полости нижнего Дань Тяня и называется проявлением Огня в Воде. Мой мастер сказал: «Когда воспроизводящая и Жизненные силы в полости нижнего Дань Тяня выходят из него прочь, они становятся жидкостью, но когда они возвращаются в эту полость, они являются пренатальной Жизненностью». Поэтому каждый раз, когда замечаете проявление Огня в Воде, нужно немедленно повернуть обратно его в полость нижнего Дань Тяня, чтобы сублимировать Жизненность. Лишь тогда, когда появятся 6 необычных состояний, вы можете быть уверены, что Бессмертное семя полностью сформировалось.

В: Что вы называете «Огнем в Печи»?

О: Когда Духовность и Жизненность вибрируют в полости нижнего Дань Тяня, последний называется Печью, а когда они поднимаются к верхнему Дань Тяню в мозгу, последний называется Котлом. В отсутствии Духовности и Жизненности нельзя говорить ни о Печи, ни о Котле (как у невежественных мирских людей, допускающих рассеяние воспроизводящей и Жизненной сил в своем стремлении к сексуальным удовольствиям.) Поэтому старый Патриарх Чан Сюй Цзы говорил: «Котел первоначально не существует». Лу Цзы сказал: «Только те, кто знают, чем на самом деле являются Печь, Котел и Мехи, могут эффективно использовать их». Чтобы создать действительный «Огонь в Печи», требуется истинная инструкция просвещенных мастеров, чтобы узнать, как долго следует собирать внешний алхимический элемент. Мы все это детально обсуждаем, чтобы помочь ученикам, которые должны знать правильные практические методы.

Что касается сбора внешнего алхимического элемента, то практикующий, у которого пенис находится в состоянии эрекции, должен сперва убедиться, происходит ли это в жизненный час Цзы или нет. Если это действительно так, то практикующий должен немедленно заблокировать половой затвор (Ян Гуань над пенисом), чтобы собирать алхимический элемент, пока он не будет полностью уверен в успехе. Если воспроизводящая и Жизненная силы выбрасываются наружу, заставляя тело немного согнуться, тогда практикующий должен прижать средний

палец к смертному затвору, остановив испускание, и немедленно привести в действие механизмы Легкого ветерка, 6 фаз алхимического очищения, Воздуходувных мехов и дыхательного процесса закрывания и открывания, чтобы провести назад и собрать воспроизводящую и Жизненную силы.

Чтобы избежать случайной утечки, используются вдохи и выдохи для связывания обеих сил. После приведения под контроль нужно немедленно ввести их в Микрокосмическую Орбиту для сублимации под действием Огня, во время которой воспроизводящая сила преобразуется в Жизненность. Это является постепенным методом преобразования воспроизводящей силы в Жизненность. Когда воспроизводящая и Жизненная силы будут полностью восстановлены, тогда тело практикующего будет как у юноши к моменту половой зрелости. Цзуй Сюй Тянь говорит: «Когда яркая луна с юго-запада освещает дорогу, Бессмертие растягивает свою бесконечную дорогу». Это полость нижнего Дань Тяня, заполненная алхимическим элементом, раскрывающим перед глазами всю свою красоту положительного Жизненного дыхания. Ходит ли практикующий, сидит ли, стоит ли, но он всегда будет видеть перед собой белый Свет, со временем переходящий в Золотой.

Это и есть первое проявление Золотого Света. Когда он появится во второй раз, практикующий должен остановить Огонь. На этом этапе малейшая небрежность с его стороны грозит опасностью полного провала. Второй этап самый трудный. Упомянутые выше 7 типов Огня идут от пренатальной Жизненности и могут сублимировать все вдохи и выдохи, чтобы усилить проявление Первоначальной Духовности, которая может применить духовный Огонь для разрушения ее физической формы и возвращения в Ничто для достижения Бессмертия. Этот Огонь является Золотым Огнем Духовности.

Учащиеся должны получить авторитетные указания просвещенных мастеров, чтобы осуществить этот духовный Огонь Золотого Света и в итоге примкнуть к сонму Золотых Бессмертных. Если вы полагаете, что осуществили этот Золотой Свет, когда много тонких Золотых Искр появится в глазах, вы жестоко ошибаетесь, так как этот Золотой Свет обнаруживается перед вами в то время,

когда ваше Основное тело (Фа Шень) в Великой Пустоте постепенно приближается к нему.

Когда Свет этого тела соединится и смешается с Золотым Светом перед вами, тогда вы реализуете свою Основную Сущность, которая войдет в ваше физическое тело. Последнее абсорбирует духовное тело и за 3 года само сублимируется в Чистую Жизненность. Это и есть проявление положительной Духовности, Ян Шэня, которая, собираясь в одном месте, принимает некую форму или же становится Чистой Жизненностью, рассеиваясь по всей Великой Пустоте, становящейся тогда ее безграничным телом.

Я получил указания от моих мастеров Ляо Жэня и Ляо Куна, а также посетил более 30 старых учителей, но лишь только Пэн Мао Чан Чао, Тэнь Цзи Минь и оба моих учителя знали секреты двойного культивирования Основной Сущности и Вечной Жизни. Я теперь открываю эти секреты честным учащимся, чтобы они могли проверить, насколько их учителя компетентны в вопросах, рассматриваемых в нашей книге. Я убеждаю учеников не доверять еретикам и самозванцам, которые, не зная ничего относительно алхимии, выступают как компетентные мастера. Их так называемые учения не имеют ничего общего с доктриной культивирования Основной Сущности и Вечной Жизни. Единственной их целью является заработок, и потому они вводят в заблуждение своих учеников, которые бесцельно и безрезультатно затратят годы своей жизни.

Глава VI

СОБИРАНИЕ МИКРОКОСМИЧЕСКОГО ВНУТРЕННЕГО АЛХИМИЧЕСКОГО ЭЛЕМЕНТА

Метод собирания Микрокосмического внутреннего алхимического элемента заключается во вращении глазами слева направо и наоборот, чтобы поднимать и опускать внутренний Огонь. Медитирующий должен сначала опустить глаза вниз, затем перекатить слева вверх к макушке головы, опустить их вправо, смотреть на пупок и на центр Жизненности под ним, завершая этим полный

оборот, как это воспроизводится Солнцем, которое медитирующий держит в левой руке и которое из А поднимается через D в G, затем из G спускается в I. Это движение следует повторить 36 раз для поднятия положительного Огня, чтобы открыть Таинственный Затвор (см. ниже). После этого нужно вращать глазами от G к D, A и I, как это демонстрируется Луной, поддерживаемой правой рукой. Это движение следует повторить 24 раза, чтобы опустить отрицательный Огонь.

В главе IV рассматривался метод собирания Микроскопического внешнего алхимического элемента в целях восстановления воспроизводящей силы и укрепления мозга. Он заключается в поднятии положительного Огня по каналу Ду Мо к вершине головы 36 раз, что при достижении вершины называется подъемом положительного Огня, и затем опускание Огня по каналу Жень Мо по передней стороне тела 24 раза, что при достижении его убежища называется опусканием отрицательного Огня. Каждый цикл завершается за одно полное дыхание (вдох и выдох), в течение которого Жизненность и Духовность движутся или останавливаются вместе по связанным Орбитам Земли (низа живота) и Солнца (головы). При этом Духовность приводится в движение вращением глаз, а Жизненность — совместными действиями уже собранной Жизненной и воспроизводящей сил. Эти движения и остановки сопровождаются собиранием Микроскопического и внешнего алхимического элемента, освобождающего тело от болезней, в то время как внутренний алхимический элемент сохраняет постоянную жизнь, представляющую собой пренатальную Жизненность.

В этой главе обсуждается метод использования Микроскопического внутреннего Огня, проходящего фазы сублимации в кардинальных точках D и A, чтобы создать Микроскопический внутренний элемент. Этот метод также называется Внутренним слиянием (Цэй Цяо Гоу). Учитывая, что после накопления достаточного количества Микроскопического внешнего алхимического элемента, Истинная Жизненность, движимая обдуванием и Огнем, стремительно поднимается к мозгу, вам нужно будет вращать глазами слева направо, совершая полный круг, чтобы направлять Жизненность вверх и вниз для соединения Жизненного дыхания в мозгу с нервной системой.

На этом этапе мозг полностью развивается и между глазами возникает яркий Свет. Тогда вам нужно собрать Микрокосмический внутренний элемент, что обычно называется приготовлением Золотого Эликсира. Этот яркий Свет и является Таинственным Затвором (Сюань Гуань), про который сказано: «Ваш рот не может объяснить, что появилось перед вами. Видя это, вы освобождаетесь от забот». Мой мастер сказал: «Вращайте положительное Ян и отрицательное Инь (то есть оба глаза), раскачивая этим мозг, чтобы вытянуть из его центра Духовность, которая развилась и может распространиться через Таинственный Затвор (то есть возникающий яркий Свет)».

Хо Сюй Гоэнь сказал: «Для достижения Таинственного Затвора требуется сосредоточенная бдительность, секрет которой заключен в глазах». Старец Чэнь Фэнь сказал: «Солнце и Луна (левый и правый глаза представляют, соответственно, Солнце и Луну, то есть положительный Ян и отрицательный Инь) при вращении по кругу соединяют положительное Ян с отрицательным Инь; тогда ослепительный Свет выходит из центра мозга. Если вы собираете лишь Микрокосмический внешний алхимический элемент во время внутреннего «слияния» мужского и женского начал, но не собираете Микрокосмический внутренний алхимический элемент в точках D и I орбиты, вы уподобитесь повозке без колес или лодке без руля. Как же при этом вы можете достичь намеченной цели?»

Более того, если Микрокосмический внешний алхимический элемент направляется в Печь под пупком в условиях, когда положительный и отрицательный Огни не посылаются вверх и вниз по психическим каналам через разные фазы сублимации на Микрокосмической Орбите, тогда воспроизводящая и Жизненная силы не могут преобразовываться в Чудесный Свет.

Это сияние Золотого Эликсира делает практикующего свежим и юным, как весна, а его кровообращение свободным, дыхание легким и без препятствий и пищеварение легким. Если Микрокосмический внешний алхимический элемент остается нетронутым в Печи под пупком, то он не сможет преобразовываться под действием Огня в Жизнь, и тогда трудно будет восстановить ваше исходное пренатальное тело, которое не может проявиться, хотя и является Бесценным. Это происходит потому, что

постоянная утечка воспроизводящей жидкости истощает энергию яичек. Воспроизводящая жидкость, если ее много, рано или поздно уйдет, как показывают ночные поллюции. Без помощи опытного мастера вам будет очень трудно понять алхимию и, несмотря на ваши старания, вы не можете остановить испускание воспроизводящей жидкости.

В: Вы сказали, что после собирания Микрокосмического внешнего алхимического элемента практикующему не удастся преобразовать воспроизводящую силу в Жизнь, если он не поднимет вверх положительного Огня и не опустит вниз его отрицательную часть, и что он не сможет остановить истечение Эликсира ночью. Мне много раз удавалось произвести и собрать Микрокосмический внешний алхимический элемент, и хотя я не применял этих подъемов и опусканий, у меня никогда не было ночных поллюций. Чем это объяснить?

О: Ваш вопрос очень уместен. Как вы сказали, вы лишь начали наполнять ваши яички. Позднее, когда они будут наполнены, если вы не будете поднимать и опускать Огонь, это будет походить на изготовление кирпичей без соответствующего обжига, делающего их твердыми и крепкими. Они тогда неизбежно развалятся при первом же дожде. Поэтому подъемы и опускания неизбежны, так как они играют ту же роль, что и Огонь, обжигающий кирпич. Это и имел в виду Дань Цзын, когда говорил: «Если в котле нет настоящих зерен, тогда это будет все равно, что варить пустую посуду, повреждая ее этим». Я теперь рассмотрю это подробнее.

Ваши два глаза, хотя и отдельные, имеют один корень. Если вращать обоими глазами, их корень будет также вращаться. Левый глаз представляет Восток, элементом которого является Дерево, а правый глаз — Запад, элемент которого — Металл. Элемент Дерева поворачивается к Востоку, чтобы соединиться с первым элементом. Это заставляющее Жизненное дыхание в мозгу и психическую силу развиваться, распространяться и объединяться в одно целое, достигающее центра мозга, где оно преобразует уже накопленный там Микрокосмический внешний алхимический элемент в сохраняющую Жизнь Истинную Жизнь. Это и является Вечной Жизнью, возвращающейся к Основной Сушности, чтобы соеди-

ниться с ней в Единое целое. Только так можно плодотворно рассматривать Сущность и Жизнь.

Практикующий допустит большую ошибку, если будет сидеть неподвижно, выхаживая Основную Сущность и забывая при этом о Вечной Жизни. Например, скорлупа яйца подобна телу, а желток — Жизни. Когда цыпленок вылупляется, скорлупа отбрасывается и ломается, но если она лопается до окончания инкубационного периода, нельзя рассчитывать, что цыпленок выйдет из нее. Поэтому практикующий Дао должен сохранять свое физическое тело, как он оберегал бы Драгоценность. Помните, что «без тела нельзя достичь Дао». Тело надо сохранить для использования его в качестве среды для достижения Бессмертия. Но если вы не покинете тела, то не осуществите Истины.

Если тренировки тела будут эффективными, тогда окажется, что наступил момент, чтобы покинуть это тело. Истинная Природа — то пренатальная Жизненность в ее ячейке на вершине продолговатого мозга. Если позволить Жизненности пройти через заднюю часть головы и дальше вниз к основанию позвоночника и вытечь через анус и пенис, тогда истощение ее вызовет смерть. Это истощение Жизненности ни в коей мере не связано с дыханием, которое входит и выходит через ноздри и рот. При ночной поллюции воспроизводящая жидкость уносит с собой некоторое количество жидкости, которая, таким образом, покидает свою вибрирующую ячейку в центре мозга, чтобы, пройдя до основания позвоночника, затем просочиться наружу.

Именно эта Жизненность оживляет сперматозоиды, без нее становящиеся безжизненными и бесплодными. Эта ячейка связана с мозгом, расположенным над ней, и основанием позвоночника под ней, и со всей нервной системой тела и является Источником Жизненной Энергии, несущей Жизнь. Когда сердце взволновано сексуальным желанием, невозможно культивировать Вечную Жизнь и вернуть Жизненную силу, просачивающуюся вниз, в костный мозг, чтобы затем выйти из тела. Этим путем наружу вытекает пренатальная Жизненность, и она может уходить прочь через половой затвор даже при отсутствии сексуального желания или связи.

ДЕРЖАТЬСЯ ЦЕНТРА ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЕДИНСТВА НЕБА И ЗЕМЛИ

Пребывание в центре для осуществления единства Неба и Земли достигается только объединением Солнца и Луны. Солнце представляет сердце, а Луна — полость нижнего Дань Тяня, символизируемые, соответственно, драконом (женской, или отрицательной, Жизненностью) и тигром (мужской, или положительной, Жизненностью). Если достигнуто единение Неба и Земли и Свет Солнца и Луны смешивается перед Исходной полостью Духовности (Цзы Цяо в центре мозга между и позади глаз), то это является Микрокосмическим элементом Единой Реальности.

В упомянутом месте воспроизводящая сила. Жизненность и Духовность объединяются, а сердце и интеллект пусты, и нет ни «Я», ни других. Перед этой полостью Духовности Истинная Жизненность выглядит подобно светящемуся кругу, который называется Великим Пределом (Тай Цзы), Золотым Эликсиром (Цзинь Дань) и Исходным Сознанием (Шуань Цзюэ). Соответственно, пренатальные Небо и Земля и постнатальное сердце и нижний Дань Тянь, или поле Эликсира, называются четырьмя Инь-Янами (Инь Ян Сы Го), положительным и отрицательным началами.

Главы I—IV учат предварительным этапам, а главы V—VIII — методам прсобразования. Сначала необходимо восстановить воспроизводящую силу, чтобы укрепить мозг для поддержания Вечной Жизни. Эта последовательная тренировка должна быть ясна учащемуся до того, как он приступит к ней с целью овладения творческой силой Неба и Земли, сея, таким образом, семена Бессмертия. Шань Ян Цзы сказал: «Учащемуся следует искать знающих учителей». Он не может создать сам алхимический элемент, потому что, если он недостаточно полно погрузился в тренировку, он не будет знать, как поступить, встретившись с механизмом Созидания, Это случается благодаря иллюзии понимания того, чего учащийся на самом деле не понимает. Если он тренируется вслепую, не ожидая, чтобы механизм Созидания проявил себя, то его

практика будет не только напрасной, но и просто вредной. Я очень серьезно предостерегаю читателей. Для них будет гораздо лучше подождать, пока лицо не начнет светиться, и только тогда приступить к собиранию алхимического элемента, который нужно затем сублимировать при помощи Огня на Микрокосмической Орбите, чтобы преобразовать его в Жизненность.

Когда воспроизводящая сила и Жизненность достигают должного уровня, Основная Сущность и Вечная Жизнь сольются в одно. Потому что во время каждого дополнительного очищения Микрокосмическим Огнем пренатальная воспроизводящая сила, Жизненность и Духовность будут становиться чем-то единым, и практикующий почувствует присутствие перед собой светлого круга, сходного с ярким солнцем на небе. Это является результатом успешной практики шести первых шагов (см. гл. I—VI), очищающих воспроизводящую силу и тело. Этот круг называется Таинственным Затвором (Сюань Гуанем). Он — в высшей степени удивительный и глубокий феномен, являющийся Великим Пределом (Тай Цзы) в человеческом теле.

Даосские тексты гласят: «Эта полость лежит в человеческом теле в центре между Небом (голова) и Землей (низ живота)». Патриарх Чу Цзы сказал: «Неправильно искать в теле это, и так же неправильно искать это вне тела. Потому что когда она проявляет себя, то становится полостью, а когда нет, то она не обнаружима». Син Мин Гуй Цзы сказал: «Таинственная полость (полость, когда она лежит спрятанной в теле, и Таинственный Затвор, когда появляется перед практикующимся) не имеет границ. Осознание ее в чистом виде, без всякого наслоения, является действительным достижением. Этот Таинственный Затвор проявляется в условиях полнейшей тишины, но стоит возникнуть хоть какой-нибудь мысли, как он немедленно открывается в постнатальную область и сразу же исчезает без малейшего следа. И при дальнейших поисках его уже нельзя будет найти из-за привязанности к форме».

Мои мастера Ляо Жэнь и Ляо Кун сказали: «Достичь этого Таинственного Затвора можно путем практики первых шести этапов, изложенных в главах I—VI. Он прояв-

ляется лишь в случае, если воспроизводящая сила, Жизненность и Духовность соединяются в Исходной полости Духовности (Цзы Цяо) и образуют единую пренатальную Жизненность, проявленную в виде круга». Хуэй И Цзы сказал: «Если воспроизводящая сила, Жизненность и Духовность достаточно полны, тогда они восходят вверх, чтобы вызвать проявление Света Основной Сущности. Это также есть Свет Жизненности Единой Реальности». Если яркие звезды и вспышки Света бывают часто видны, то это всегда предвещает Таинственный Затвор, который находится в пространстве и появляется впереди Исходной полости Духовности. Это есть Единая Жизненность являющаяся нашим «Исходным обликом», Безграничным, подобно Великой Пустоте. Поэтому сказано: «Пренатальная Единая Жизненность появляется из Ничего».

Практикующий увидит, как этот Таинственный Затвор (или Круг Света) вдруг начнет удаляться от него, а когда он вернется, нужно вобрать его и удерживать сначала в Исходной полости Духовности, а затем поглотить в центре Цзян Гун (солнечном сплетении), где он будет вибрировать, что обнаруживается по редкому благоуханию из его рта. Он должен воздержаться от собирания Таинственного Затвора (концентрацией на нем) немедленно после его появления, поскольку это может привести к столкновению с мозгом и причинить ему сильные страдания и последующие заболевания. Великая Пустота и является той Сущностью, упоминаемой как Небесное Единство (Тянь И) в Книге Перемен. Она — Всепроницающее Единое (И Гуань) конфуцианской классики и Держание за Единое (Шэу И) моисских трактатов. Все 3 термина означают Единение всех вещей. Всепроницающее Единое проникает в центр Реальности в мозгу, то есть в Цзы Цяэ, и Держание за Единое поддерживает этот центр. Поэтому после поглощения Основной Жизненности в животе наступает состояние, подразумеваемое Дан Цзыном: «Когда Единое осуществлено, не остается ничего, что нужно было бы делать».

В: Вы сказали, что Таинственный Затвор подобен Кругу. Другие философские системы учат возвращению к Единому, также символизируемому Кругом. Не могли бы вы объяснить их основные теории, практические результаты и полезные эффекты?

О: Этот Круг получается путем последовательного практикования первых шести этапов. Когда реализуется пренатальная Исходная Жизненность, тогда Свет воспроизводящей силы, Жизненности и Духовности возносится вверх и проявляется перед Исходной полостью Духовности Цзы Цяо. Он неопишем и поэтому называется Дао. Тот, кто не знает могущества Исходной полости Духовности, не может создать Основной Жизненности. Не знающий, как действуют Котел и Печь, не может создать Жизненности. Не знающий, как собрать алхимический элемент, не может преобразовать воспроизводящую силу в Основную Жизненность и поднять ее к мозгу. Не знающий, как прочистить 8 психических каналов, не может заставить Жизненность циркулировать в себе. Не знающий, как воссоединить 4 полюса: пренатальные Небо и Землю, постнатальное сердце и живот — не может собрать Основную Жизненность. Не знающий, как поднимать положительный и опускать отрицательный Огни, не может создать Свет Основной Жизненности. Когда эта пренатальная Основная Жизненность собирается для возвращения к своему Источнику, она представляется Кругом, являющимся пренатальной Истинной Сущностью, Свет которой исходит от соединения воспроизводящей силы, Жизненности и Духовности и показывается перед Исходной полостью Духовности.

Тело человека окутывает Жизненность, вмещающая в себя и духовность. Поэтому, если Жизненное дыхание покидает тело, человек умирает, а если Жизненность рассеивается, то его дух без поддержки становится призраком. Круг, или Таинственный Затвор, достигается путем успешной практики седьмого этапа, описанного в этой главе. Практика заключается в собирании основной Жизненности, чтобы держать ее в центре (между и позади глаз) и осуществить Единение вещей. Тот, кому удастся собрать ее, увидит Свет Основной Сущности, которая покажется и затем рассеется.

Благодаря успешной практике метода Единения Солнца и Луны и поднятию Жизненности до уровня Исходной полости Духовности, Свет, такой же чистый и незапятнанный, появится снова и со временем опять рассеется. Если не удастся собрать и удержать его, то механизм Созидания промелькнет, не принеся, к сожалению,

нию, никаких результатов. Однако если удастся соединить мужской элемент Металла с женским элементом Древа и Солнце с Луной в одном месте, тесно сближая (скашивая) зрачки, и если затем, концентрируя их, смотрят, то увидят Свет Истинной Жизненности, появляющейся между глазами, перед Исходной полостью Духовности, которая тогда будет удерживать его, не давая ускользнуть прочь. Чем дольше он удерживается, тем ярче и стабильнее становится и дает успешное соединение дракона с тигром, то есть женского и мужского Жизненного дыханий.

Когда сердце и низ живота соединены, тогда Небо и Земля находятся в совершенной гармонии, а когда дракон и тигр «сливаются», то положительный и отрицательный элементы Земли объединяются, собирая все 4 символа (Сы Сян): пренатальное Небо, Землю, постнатальное сердце и живот в центральной полости (Цзян Гуне), чтобы создать Микрокосмический элемент. Книга Перемсн называет это воспроизводящими силами Неба и Земли, которые восстанавливают все без перерыва.

Сексуальное соединение мужчины и женщины дает потомство для продолжения человеческой расы. Соединение положительной и отрицательной сил Неба и Земли создает мириады вещей. Алхимия производит Микрокосмический элемент путем взаимодействия между положительным Ян и отрицательным Инь. Если Микрокосмический алхимический элемент собран, когда он еще молод, то он неотвратимо рассеется, но если учащийся получил указания от опытного мастера и знает правильный метод, то сможет собрать этот элемент и держать его в Котле в нижнем Дань Тяне, чтобы произвести Золотой Нектар.

В: Что представляет собой Макрокосмический алхимический элемент и как можно его преобразовать в Золотой Нектар и последний вернуть в Котел в низу живота.

О: Макрокосмический алхимический элемент — это союз внешнего и внутреннего Микрокосмических элементов, излучающий Свет Реальности. Нектар, или Сладкая Роса (Гэнь Лу), создается через долгий промежуток времени после смешивания четырех символов (пренатального Неба и Земли и постнатальных сердца и живота) и союза Солнца с Луной (положительного Ян и отрица-

тельного Инь). Знающий, как собрать его, получит Золотой Нектар, а незнающий — белый Нектар (Сладкую Слюну). Если он еще незрел, то Свет в Цзян Гуне будет туманным и неустойчивым. Этот Круг Света появляется лишь в полнейшей тишине, но если он нарастает от малого до большого и затем исчезает или же сокращается от большого до малого, или расщепляется на три, или выглядят как полукруг, то все это показывает, что воспроизводящая сила и Жизненность недостаточно велики. Но если Свет неожиданно начинает так быстро подниматься и опускаться, что глаз не успевает следить, то настоятельно необходимо собрать Жизненность и вернуть Круг Света к телу. Затем, когда сердце и интеллект придут в норму, практикующий должен вращать глазами от А к D, G и I и обратно к А следующим образом: после вращения глазами он должен закрыть их. Так как теперь его рот полон Золотого Нектара, то нужно осуществить острую точечную концентрацию на Жизненности, которую он только что заставил циркулировать, и опустить ее вниз по Жень Мо, сопровождая ее Золотым Нектаром, в полость Жизненности. Это является процессом возвращения Жизненности в Котел, чтобы задержать ее там.

После того, как Золотой Нектар был проглочен единым глотком, отозвавшись в животе громким эхом, практикующий должен свести зрачки близко друг к другу, чтобы сконцентрироваться на полости Жизненности, нижнем Дань Тяне, на длительный отрезок времени, чтобы исчезнувший в прошлый раз Свет снова показался. Это является методом собирания пренатальной Основной Жизненности. Чан Тиу Ян сказал: «После того, как Сущность и Жизнь были возвращены в Макрокосм, нет сомнения, что практикующему удастся произвести Золотой Эликсир (Цзынь Тань)». Патриарх Лу Цзы сказал: «Союз Сущности и Жизни является основой Дао, и гармония пяти элементов (Металла, Дерева, Воды, Огня и Земли) создает Эликсир Бессмертия». Мастер Ляо Кун сказал: «Союз Сущности и Жизни не может преобразоваться в один день. Поэтому торопитесь собрать их и сохранить в теле». Мой брат Гуй И Цзы сказал: «Соберите пренатальную Жизненность, появляющуюся между глазами перед Исходной полостью Духовности, и вращайте глазами, чтобы направить ее в нижний Дань Тянь».

Шан И Цзы сказал: «Человек имеет два тела: физическое (материальное и осязаемое) и духовное (нематериальное). Физическое тело дается нам родителями, а духовное — это пренатальная Жизненность, создаваемая практикой первых шести методов (см. гл. I—VI), и именно оно является нашей Основной Сущностью. Таинственный Затвор от Беспредельности (У Цзы) к Великому Пределу (Тай Цзы) открывает Круг Света, являющийся проявлением Истинной Сущности индивидуума». Учащийся должен начать свою практику с реальной природы для развития Небесного Микрокосмического тела, чтобы Истинная Духовность могла исходить из его сердца. Форма опирается на Духовность, чтобы освободиться от угасания, а Духовность опирается на Основную Сущность, чтобы не быть подверженной смерти.

Итак, мы знаем, что реальное тело окутывает как Основную Сущность, так и Вечную Жизнь, и оно символизируется кругом, представляющим его нематериальную Субстанцию, свободную от разрушения, которая представляет его духовное тело, и что все материальные формы подвержены разрушению. Поэтому секрет заключается в пренатальной положительной Жизненности, существовавшей до возникновения Неба, Земли и всех вещей, которая совершенна, ярка, чиста и безупречна, ничем не защищена и не подвержена никакому заражению. Это тот самый Круг Света, возникающий перед глазами и являющийся Истинной Сущностью, создаваемой сублимацией природы и Жизни.

В: Не является ли этот Круг чьим-то реальным лицом, бывшим до рождения? Если так, то каковы его форма и размер?

О: Этот Круг показывает правильность культивирования Основной Сущности и Вечной Жизни. Прилежный ученик обязан осуществить Свет Жизненности, имеющий красный цвет и открывающий Таинственный Затвор, имеющий цвет крови. Белый цвет говорит о Неподдельном Затворе, который неизменяем и не трансформируется, не существует и не не существует, не круглый и не квадратный, не чрезмерный и не недостаточный, не возрастающий и не уменьшающийся, не приближающийся и не удаляющийся, не созданный и не разрушимый, не внутренний и не наружный, не желтый и не красный,

не белый и не синий, не звук и не запах, кажется реальным, но не реален, мертвый, однако и живой. Он проявляется в действии и сокрыт при бездействии. Нет установленного времени для его прихода и ухода, и его местопребывание неопределимо. С незапамятных времен он существовал между Небом и Землей, будучи Основой всех вещей и Корнем перерождений и трансформаций. Небо, Земля и все вещи обязаны ему своим существованием. Знающий этот Круг может узнать свое исходное лицо, бывшее до того, как ему было дано родителями тело.

В: Глава IV учит проводить Жизненность через 4 кардинальные точки от А к D, G и I. Глава VI учит подъему положительного и опусканию отрицательного Огня, а также, как проводить Жизненность через 4 кардинальные точки А, D, G и I. Глава VII снова учит осуществлять циркуляцию Жизненности через те же 4 кардинальные точки. Я запутался. Научите меня.

О: Эти 3 метода кругового вращения глазами имеют разные цели: а) Микрокосмическую сублимацию воспроизводящей силы, б) Микрокосмическое очищение Жизненности и в) накопление Жизненности для укрепления Духовности.

а) Микрокосмическая сублимация воспроизводящей силы имеет целью собрать алхимический элемент в течение различных фаз циркуляции Огня по Микрокосмической Орбите, как это было описано выше. Для этого практикующий должен вращать глазами, представляющими Солнце и Луну. Это подобно Солнечной Орбите в $365,25^\circ$ Отсюда и название — Макрокосм. Когда воспроизводящая и Жизненная силы начинают вибрировать, практикующий должен вращать глазами от А к I, чтобы поднять положительный Огонь, который перекрестит 216° , или 6 фаз по 36° , и затем от G через D к I, чтобы опустить его отрицательный двойник, который охватит 144° , или 6 фаз по 24° . Таким образом, каждое комбинированное поднятие и опускание Огня охватывает 360° с остановками для очищения в D и I. Разность в $5,25^\circ$ раскладывается между четырьмя кардинальными точками А, D, G и I при движении по Микрокосмической Орбите с временными остановками, в то время как Солнце и Луна продолжают безостановочное орбитальное движение по Небу. Вращение глазами для собирания алхимического элемента и под-

нения Легкого ветерка (регулируемого дыхания) показывает, что Духовность и Жизненность движутся совместно.

Дань Цзын сказал: «Духовность поднимается вращением глаз, а Жизненность — дыханием, приводящим в движение воспроизводящую и Жизненную силы». Это является Микрокосмической сублимацией воспроизводящей силы, но если при этом пропускается очищение, тогда воспроизводящая и Жизненная силы перемешиваются друг с другом и их уже невозможно будет разделить для алхимических целей.

б) Микрокосмическая сублимация Жизненности была описана в гл. VI. Метод состоит из вращения глазами по 9 раз в каждой из четырех фаз (от А к В и I) или всего 36 раз, чтобы поднять положительный Огонь для целей запирающего Таинственного Затвора (Пи Гуаня), и затем вращения глазами по 6 раз в каждой из четырех фаз (от G к D, A и I) или всего 24 раза, чтобы опустить отрицательный Огонь для целей открывающего Таинственного затвора (Кан Гуаня). Эти обороты проходят 4 кардинальные точки А, D, G, I, чтобы сублимировать в Жизненность уже собранную воспроизводящую силу. Но если не произведено очищение, то воспроизводящую силу нельзя полностью преобразовать в Жизненность.

в) Эта глава учит методу собирания пренатальной Основной Жизненности для укрепления Духовности, связывая тем самым 4 положительные и отрицательные начала (Сы Го Инь Ян), чтобы создать Микрокосмический элемент. Когда появляется Свет Жизненности, он указывает на образование этого элемента, и его тонкое действие присутствия Духовности. Практикующий должен помещать как Духовность, так и Жизненность перед Исходной полостью Духовности (Цзы Цяо между и позади глаз), чтобы все 3 элемента — воспроизводящая сила, Жизненность и Духовность — соединились в одно целое. Чтобы достигнуть этого, сначала нужно заморозить Духовность и вернуть ее в первобытную тьму, пока в этом состоянии Предельной Тишины и покоя она не начнет излучать, освещая всю Пустоту пространства.

Тогда следует держаться центра (между и позади глаз), чтобы осуществить единство с целью возвращения к Ис-

точнику. Пока центр удерживается для осуществления этого единства, Свет Духовности еще молод и неустойчив, и если он может исчезнуть или измениться, тогда практикующий должен вращать глазами от А к D, С и I и обратно к А, то есть через четыре кардинальные точки Микрокосмической орбиты, сосредотачиваясь на возвращении Жизненности обратно в нижний Дань Тянь. Когда Жизненность возвращается к своему Источнику, Жизнь становится Безграничной. Это является преобразованием Основной Жизненности для укрепления Духовности, которая есть «Моя Духовность недуховности», то есть нечто невыразимое.

Поэтому мастер Ляо Кун сказал: «Когда дракон и тигр «сливаются» и Солнце и Луна соединяются, тогда в середине состояния неясности создается Таинственная Жемчужина». Гуй И Цзы сказал: «Если положительное и отрицательное начали объединяться, чтобы вернуться к центру Таинственного Затвора, если Жизненность молода и стремится рассеяться, тогда мы должны вращать солнечный диск, чтобы управлять ею. Это то, о чем говорит Цзинь Сянь Чэнь Лунь, когда упоминает о «Гибельном риске», если практикующий отходит от правильной концентрации: тогда он упускает возможность достигнуть вышеупомянутые «слияние и единение». Он добавляет: «Если ум твердо направлен на собирание и объединение, тогда Основная Жизненность будет устойчивой и не рассеется, способствуя алхимической содержательности, приводящей к культивированию Основной Сущности и Вечной Жизни».

Эти 7 этапов были рассмотрены у Син Ин Цзина, сказавшего: «Метод использования трех составляющих алхимического элемента (воспроизводящей силы, Жизненности и Духовности) состоит в введении первых двух в третий, чтобы усилить его». Поэтому Лю Хуэ Ян сказал: «Длительная практика приведет к тому, что воспроизводящая сила созреет для преобразования в Жизненность, потому что воспроизводящая сила есть не что иное, как незрелая Жизненность. Воспроизводящая сила и Жизненность неразделимы. Только глубокое понимание соединения Солнца и Луны может привести к существенным достижениям».

В: Вы сказали, что первые 6 этапов помогают полному развитию положительной Духовности, как это показывает Свет Жизненности, называющийся Таинственным Затвором, положительной Духовностью или Исходным лицом. Несмотря на многочисленные названия, он является всего лишь блестящим Кругом или Шаром Света. Хотя я лишь недавно приступил к тренировке я ощутил этот яркий белый Свет после первого же этапа. Является ли это действительно Таинственным Затвором?

О: Вы восприняли лишь отрицательную Духовность, появляющуюся на первых этапах практики. Когда вы закрываете глаза и видите перед собой белый Свет, это отрицательная Духовность, абсолютно бесполезная. Практикуя все 6 первых этапов, вы соберете внешний и внутренний алхимический элементы и восстановите воспроизводящую силу, чтобы укрепить мозг и проявить положительную Духовность. Свет Жизненности, видимый в открытых глазах — это и есть Таинственный Затвор, открывающий Истинную Природу, получаемую при культивировании Основной Сущности и Вечной Жизни. В этом — весь секрет алхимии. Если вы ошибочно гонитесь за отрицательной Духовностью, закрывая глаза, чтобы взглянуть в относительную Пустоту, то это приведет вас в область рождения и смерти, которая относится к сфере познания. В этом случае вы не достигнете ничего до самой смерти. Но если вы будете следовать первым шести этапам, чтобы собрать алхимический элемент в соответствии с доктриной культивирования Основной Сущности и Вечной Жизни, тогда вы реализуете положительную Духовность, которая является результатом медитации на Пустоте, не являющейся Пустотой, то есть является Абсолютным и лежит над рождением и смертью. Духовность, созданная таким образом, выше самой Духовности, потому что Свет Основной Сущности приходит из Беспредельности (У Цзы) и его можно познать; если ваше тело полно пренатальной воспроизводящей силы, и Свет исчезнет, если эта сила отсутствует. Наличие этого Света Основной Сущности дает Жизнь, а его отсутствие вызывает смерть. Культивация как Сущности, так и Жизни приводит к осуществлению этого Света пренатальной Жизненности, в то время как создание постнатальной отрицательной Духовности сказывается на сознании.

Глава VIII

ПОГРУЖЕНИЕ ДУХОВНОСТИ В ПОЛОСТЬ НИЖНЕГО ДАНЬ ТЯНЯ

Этот метод состоит в подведении к полости Жизненности положительной Духовности, собранной перед Исходной полостью (Цзы Цяо), и называется погружением Духовности в центр нижнего Дань Тяня, имеющего внешнюю и внутреннюю ячейки. Внешняя ячейка является источником положительного и отрицательного начал, являющихся местопребыванием Жизненного дыхания, Источником зародышевого дыхания и механизмом вдоха и выдоха. Во внутренней ячейке создается зародыш Дао, и в ней задерживается Жизненное дыхание, движущееся в теле вверх и вниз; оно не идет выше сердца и не опускается ниже живота; тогда оно становится реальным, или стабильным Жизненным дыханием, которое со временем войдет в эту полость Дань Тянь, чтобы остановиться там, обуславливая внезапное появление Истинного покоя.

Цель предыдущего, седьмого, этапа в практике алхимии (см. гл. VII) подобна обеспечению бесплодной женщины всем, что ей нужно, чтобы она могла рожать детей. Истинное семя (плод), осуществляемое таким образом, получается от твердого воздержания от гнева и страсти, от безмолвной медитации и успокоения ума, что приводит к уничтожению смертного сердца (ума) и восстановлению Бессмертного сердца (ума) Дао. Смерть Земного сердца позволяет увидеть Лунный Свет Основной Сущности, всегда заслоняемый пылью страстей, если допускается существование смертного ума. Тот, кто пробудился для Учения, должен стараться управлять сердцем (Обиталищем Огня), подводя ум под концентрацию, чтобы успокоить его и освободить от импульсов органов чувств.

Когда ум перестает блуждать вовне, сознание улетучивается и 5 агрегатов пустеют от внешнего. Тогда Духовность и Жизненность соберутся и остановятся внутри и не будут больше рассеиваться наружу. Тело является Обитателью Жизненного дыхания, а сердце (Обиталище Огня) — Храмом Духовности. Если Жизненность уничтожена, то Духовность потеряет опору и не сможет ни на мгновение задержаться в сердце. Поэтому практикующий с хорошим

здоровьем почувствует, как Жизненное дыхание вибрирует в его теле после длительной медитации, и в конце он воспримет свое Подлинное Лицо, являющееся Светом Основной Сущности.

Практикующий при этом почувствует необыкновенное Блаженство и концентрацией на Духовности для собирания Жизненности будет культивировать Вечную Жизнь. Только тогда может быть достигнута Цель. Нужно ждать до тех пор, пока Свет не сделается красным и вибрирующим, и тогда немедленно начать собирание пренатальной Жизненности, которая рассеется, если ее не «хранить в холодильнике», в полости Жизненного Дань Тяня. Этот метод состоит в подведении Света пренатальной положительной Духовности из ее Исходной полости вниз, в нижнюю часть живота с громким шумом, свидетельствующим о достижении дна этого центра.

После этого нужно направить глаза внутрь, чтобы сконцентрироваться на нижнем Дань Тяне как можно дольше, пока не начнет вибрировать внутренний жар. Тогда нужно представить себе, что эта Жизненность поднимается к сердцу (Обители Огня) и опускается вниз до низа живота (Обители Воды) с многократными повторениями подъемов и опусканий по Чун Мо (пронизывающему каналу), пока внезапно она не проскользнет в полость нижнего Дань Тяня. Это называется «Входом в полость внутри полости» и является действительным «Повторным входением в зародыш для дальнейшего созидания», являющимся результатом связи сердца с животом.

Когда человек крепко спит, элемент Огня и Духовности опускается вниз, чтобы опалить элемент Воды в нижнем Дань Тяне, который тогда обратится в пар, стремящийся подняться вверх, связывая сердце с низом живота. Когда же человек просыпается и открывает глаза, Духовность возвращается к своему органу зрения и, таким образом, разъединяет сердце с низом живота, который снова не присоединится. Почему? Из-за истощения пренатальной Жизненности, Источник снабжения которой отрезан. Человек в результате потеряет возможность сохранить свою Жизнь.

В: Я не понимаю метода замораживания Духовности в полости Жизненности. Объясните это более подробно.

О: Этот метод заключается в том, чтобы освободить сердце поворотом назад зрения и слуха от ощущений органов чувств, чтобы заморозить Духовность и собрать Жизненность. Только путем алхимической практики удержания Жизненности в нижнем Дань Тяне можно достичь Единения сердца и низа живота в состоянии умственной тишины. Этого никогда не сможет сделать мирской человек. Теперь рассмотрим человеческое тело. Обычная утечка Жизненности через полость Небесного Водоема (Тянь Чи) во рту может быть остановлена путем поднятия языка, чтобы образовать мост, через который Жизненность могла бы стекать в горло и грудь, прежде чем вернуться по каналу Жень Мо в свой центр под пупком. Но гораздо чаще она протекает через половой запор, чем через Небесный Водоем, и если это не прекратить, то может убить даже невинного юношу.

Жизненность, нормально теряемая таким путем, должна быть улучшена алхимическими средствами, чтобы вернуть ее к своему Источнику для восстановления Вечной Жизни и сохранения тела. Таким путем обеспечивается «Неограниченная жизнь», но если Жизненность не сохраняется, то практикующий останется таким же смертным, как и все, потому что, если Духовность блуждает вокруг, Жизненность рассеивается, преобразуясь в половую жидкость, истощение которой ведет к смерти.

Человек живет и умирает из-за своего тела. Оно начинает существовать в момент беременности женщины, возникающей от соединения через смертные затворы производящих сил женщины и мужчины. До перерезания пуповины Основная Сущность и Вечная Жизнь младенца неразлучны. Это состояние и называется пренатальным. Тело становится смертным из-за постнатальных условий, когда Сущность и Жизнь перестают быть Едиными, становятся раздельными и не связанными. Человек, выросши, начинает стремиться к другому полу, в его теле возбуждаются сексуальные желания, и истощается то, что осталось от пренатального положительного начала в период его положительного состояния.

Впредь, будучи в отрицательном состоянии, он вынужден рассчитывать на еду и питье для возмещения рассеиваемого положительного начала. Если он не сознает всей важности Основной Сущности и Вечной Жизни, то

потворствует всяким излишества, и в результате положительное начало в своем отрицательном состоянии станет неспособным поддерживать Жизнь. Как же тогда избежать смерти? Мы должны понимать, что рождение тела сопровождается его смертью. Теперь, чтобы избежать смертности, собственная Духовность должна заново войти в зародыш, чтобы еще раз создать Основную Сущность и Вечную Жизнь.

Метод состоит в том, чтобы вначале собрать Духовность и подвести ее к полости Жизненности под пупком, так что Жизненность будет окутывать Духовность до тех пор, пока не установится предельная тишина и оба не будут собраны и соединены в одно целое, которое проскользнет в эту полость, где оно будет пребывать в невозмутимом состоянии, называемом Бессмертием, или зародышем Дао. Этот зародыш не является чем-то материальным, имеющим форму и размер. Он не похож на другие зародыши, являющиеся следствием любви и желания. Тот, кто хочет, чтобы его тело из плоти и крови сделалось Бессмертным, подобен человеку, натирающему кирпич, чтобы сделать из него зеркало, что невозможно.

В: По-видимому, даосское Учение обращает больше внимания на культивирование Вечной Жизни, нежели Основной Сущности. Но в гл. I говорится о закреплении Духовности в ее Исходной полости между и позади глаз, что связано с Основной Сущностью. Почему даоссизм уделяет больше внимания Жизни, чем Сущности?

О: В гл. I речь идет о «задержании Духовности в ее Исходной полости», ибо человеческое тело, Духовность, интеллект, телесная и бестелесная души — вес отрицательны (Инь) и подчиняются сердечным импульсам. Когда сердце спокойно, то и все эти 5 элементов будут спокойны, но если оно в движении, то и они придут в движение. Самореализация заключается в преобразовании человеческого сердца в Бессмертное сердце. Об этом говорит изречение: «Культивация сердца сохраняет Основную Сущность». Глубокий метод сохранения Сущности не идет дальше путей каналов Ду Мо и действия Жень Мо. Если во время медитации вы не можете успокоить своего сердца, чтобы удержать Духовность в се Исходной полости, то нужно положиться на работу Печи и Котла и на каналы Ду Мо и Жень Мо, чтобы остановить процессы мышления. Если

вам удастся удержаться в этой полости, то вы немедленно реализуете состояние ясности, но если потерпите неудачу, то лишь из-за вашей вялости.

Все 8 психических каналов в пренатальном состоянии чисты, но пренатальная Жизненность прерывается после того, как человек попадает в постнатальное состояние, то есть когда перерезается пуповина. Поэтому важно изучить гл. III и выполнять указания, приведенные в ней, чтобы сохранить психические каналы чистыми, чтобы Жизненность и кровь свободно циркулировали по ним в теле и обескровили бы все болезни. Если вы не медитируете, то никогда не достигнете этого. Если пенис поднимается и напряженно стоит во время медитации, то нужно практиковать метод гл. IV, и если вы хорошо изучили внутренний механизм, то сможете преобразовать воспроизводящую силу в Жизненность.

Если после достаточно долгого сидения вам все еще не удается поднять пенис, то это указывает на неблагополучие с внутренними органами. Тогда прочтите гл. V и выполняйте ее указания по удалению внутренних причин заболеваний. Если положительное начало проявится, преобразуя при этом воспроизводящую силу в Жизненность, но вы не знаете указаний гл. VI и не можете избежать возникающих трудностей и опасностей, то Жизненность перейдет опять в воспроизводящую силу. В этом случае нужно до тех пор практиковать подъем положительного и опускание отрицательного Огней для преобразования Жизненности в Духовность, пока Свет Истинной Сущности не появится перед вами.

Только тогда вы сможете заложить основание Бессмертности. Однако, если возбуждения и мысли продолжают возникать и ваше сердце (Обитель Огня) не установилось, тогда Духовность будет блуждать снаружи и Жизненное дыхание рассеется. Заложенное в этих условиях основание рухнет. Поэтому важно, чтобы вы отложили в сторону все мысли, для восстановления основания, которого вы достигли (см. в гл. VII метод возвращения Духовности в Ничто). Только тогда вы сможете избежать риска возвращения Духовности в состояние Жизненности. Учащийся, успешно выполнивший указания этой и предыдущей глав, вступит на Путь Бессмертия, достигаемого после успешной культивации Ос-

новой Сущности. Именно поэтому в гл. I мы начали обучение концентрации на Исходную полость Духовности. Тот, кто достиг успеха в культивации Сущности, может рассчитывать также на осуществление Вечной Жизни.

В: Что вы понимаете под соединением мужского элемента Металла с женским элементом Дерева?

О: Мужской элемент Металла — это сердце, а женский элемент Дерева — Луна. После того как человек впал в постнатальное состояние, то есть родился, он потерял способность концентрации. Именно из-за этого его Солнце и Луна не соединены. Если он понимает глубокий смысл их соединения и концентрируется на полости дракона (Лун Гун перед пупком), пока они не соединятся, то Истинная Жизненность проявится сама. Полость дракона — это нижний Дань Тянь, или местопребывание элемента Воды, содержащее Первоначальную Жизненную силу. Сердце является местопребыванием Огня, и оно содержит Первоначальную Духовность.

Метод заключается в концентрации на низе живота под пупком, чем осуществляется подведение Огня, содержащегося в Духовности, вниз к Северному морю (нижнему Дань Тяню), где элемент Воды, будучи опален Огнем, превратится в пар, возносящийся вверх. Погружение Огня в Воду вызывает их слияние, и результирующее положение называется «Огонь и Вода в устойчивом равновесии» (Шуй Хо Цэн Цзи). Если внешние Солнце и Луна не смешивают своего Света, тогда внутренние Вода и Огонь не «сливаются» и пренатальная Истинная Жизненность не проявится. Если предоставить им самим следовать собственным постнатальным курсом, тогда элемент Огня останется сухим, а элемент Воды — мокрым. Первый испарит вверх, а последний опустится вниз. Они переместятся в противоположных направлениях.

Если Вода опалена Огнем, она не обратится пар, поднимающийся наверх. Это является неустойчивым состоянием Воды и Огня, как показывает история пастуха и ткачихи Нэй Цин. Согласно китайской мифологии, к Востоку от Небесной реки жила девушка, которая усердно ткала Небесные платья. Небесный царь сжалился над ее одиночеством и разрешил ей выйти замуж за пастуха, живущего на западной стороне реки. Выйдя замуж, она

перестала работать, и царь разгневался и приказал ей вернуться на Восток, разрешив ей переплыть реку для встречи со своим супругом всего раз в год, на седьмой день седьмого месяца. Эта история показывает неустойчивость состояния женского элемента Воды и мужского элемента Огня, являющейся причиной страдания.

Огонь горяч, и он возносится вверх. Это символизируется девушкой, прилежно ткавшей день и ночь, и это похоже на сердце (Обиталище Огня), которое постоянно и не хочет отказаться от мирских привязанностей, являющихся причиной бесконечного ряда рождений и смертей. Вода мокрая и стекает вниз. Это символизируется пастухом, возделывающим без усталости почву, представляющим Жизненность, которая легко рассеивается. Когда последняя истощится, у него даже не останется времени, чтобы вернуть голову, то есть подумать о себе.

Даосская алхимия применяет планетарные знаки на Небе, чтобы учить методу приготовления Эликсира Бессмертия по аналогии, которая очень глубока и не предназначена для обмана или нанесения кому бы то ни было ущерба. Сю Цзын Ян сказал:

«Если Микрокосмический Эликсир Бессмертия готовится не смешением Света Солнца и Луны и соединением Неба и Земли, тогда что же может создать его?» Это является чудесным соединением элементов Металла и Дерева.

В: Просветите меня относительно разных этапов сублимации во время движения по Микрокосмической Орбите.

О: Микрокосмическая Орбита также называется Колесом Закона. Ветер и Огонь применяются для продвижения Жизненности через психические каналы Ду Мо (в позвоночнике) и Жень Мо (впереди тела). В начале упражнения вдох и выдох должны следовать один за другим, чтобы прекратить разъединение, а Духовность и Жизненность могли соединиться. Практикующий почувствует тепло под пупком, и это чувство может позднее продолжаться целый день. Затем он заметит, что положительная Жизненность сначала поднимается от основания позвоночника, а затем, по мере продолжения практики, она будет подниматься по позвоночнику, и если его решимость тверда, она пройдет через затылок, чтобы достичь

верхушки головы. Таким образом, если его научат секретам алхимии, он сможет провести эту положительную Жизненность сразу через 3 Затвора в канале Ду Мо, поскольку когда положительная Жизненность проявляется, она стремится снизиться и рассеяться.

Духовность может удерживать ее лишь временно, но у нее нет двигательной силы, как у дыхания, и без дыхания Жизненность не может быть проведена по каналам Ду Мо и Жень Мо для циркуляции по Микрокосмической Орбите и, в конечном итоге, она уйдет наружу через половой затвор. Это называется отсутствием давления, создаваемого вдохами и выдохами. Практикуя алхимию, учащийся должен закрыть рот, завернуть вверх язык, чтобы образовать мост, как было объяснено ранее. Когда он вдыхает, постнатальный свежий воздух должен входить через ноздри в горло, постепенно достигая полости ниже Дать Тяня.

Одновременно нужно поднимать точку концентрации от смертной полости в основании пениса вверх по позвоночнику до верхушки головы. Когда он выдыхает, постнатальный воздух должен выйти наружу через ноздри и горло. Одновременно нужно спускать концентрацию от верхушки головы в канале Жень Мо к точке между бровями (под полостью Духовности), позади языка и ниже горла в полости Цзян Гун в солнечном сплетении к центру Жизненности, пока он не достигнет смертного затвора в основании пениса, где он должен остановиться. Эта циркуляция должна совершаться непрерывно, пока обе полости — Жизненной Сущности в сердце и Вечной Жизни под пупком — не завибрируют, свидетельствуя о создании Истинной Жизненности.

Практикующий может вспомнить, что вначале его практика казалась бесцельным вращением Колеса Закона. Если он научится удерживать Истинную Жизненность, то лишь тогда она сможет быть созданной. Однако если Колесо Закона само останавливается и сопровождается состоянием безмятежности, тогда ему надо предоставлять свободно действовать и не заставлять поворачиваться. Жизненность может тогда возноситься вверх, или пенис может находиться в эрекции. В этом случае движение по Микрокосмической Орбите должно быть остановлено, чтобы «Флейта без отверстий» могла играть и для опреде-

ления — является ли Жизненность настоящей или нет. Если Жизненность поддельная — пенис опадет, но если настоящая, он останется напряженным.

Патриарх Лю Хуан Ян сказал: «Ни одно даосское действие не сравнится с Колесом Закона, и ни одна линия связи не может быть лучше Бессмертного Пути. Колесо Закона является Истинной Жизненностью, а Путь его — это Орбита через каналы управления и действия. Все, кто следовали моим советам, теперь достигли своей цели».

Куй (Куэй) И Цзы сказал: «Если Солнце и Луна снаружи соединяются, то есть зрачки обоих глаз близко сведены друг к другу, скошены для точечной концентрации, тогда сердце (Обитель Огня) и низ живота (Обитель Воды) автоматически связываются внутри. Только в этом случае может постепенно развиваться пренатальная Жизненность. Если функционирование сердца и низа живота переставлено местами, то есть первое опускается, а второе поднимается, то со временем будет достигнута безмятежность. Если в дальнейшем практикующий вместо культивации Вечной Жизни лишь закрывает глаза, чтобы заморозить свое сердце и отключить все 6 органов чувств, разрезая этим все связи между передней и задней сторонами тела, а также между его верхней и нижней частями, то он не сможет создать пренатальную Жизненность. Учащийся должен учесть все это».

У Чжен Цянь сказал: «Прежде чем Эликсир будет создан, не ходи в гору, где свинец (Жизненность) лежит не внутри и не снаружи. Эта Драгоценность заложена в каждом человеке, обычно и не подозреваемом о ее существовании». Это означает, что Драгоценный Перл заложен в теле каждого человека и что достижение его зависит не только от «тишины на горе». Ляо Кун сказал: «Даже если у вас еще нет ясности относительно Неба и Земли, Солнца и Луны, сердца (Обители Огня) и низа живота (Обители Воды) и центра четырех кардинальных точек, вы можете собрать Свет, как изложено в гл. VII, сохранять его там, пока Истинная Жизненность не начнет вибрировать и подниматься к центру Цзян Гуна в солнечном сплетении, где она еще некоторое время вибрирует, а потом затихает. Внезапно она вновь входит в полость Жизненности, где и будет пребывать в неподвижности. Это есть состояние крайней безмятежности (Да Дин), свидетельст-

вующее о соединении сердца с низом живота и о сосредоточении всех четырех кардинальных точек, которое также называется «Устойчивым равновесием воды и Огня (Шуй Хо Цзы Цзы)».

Возвращение Жизненности к нижнему Дань Тяню после того, как Духовность остановилась в своей Исходной полости в центре мозга (см. гл. I) после одного дня и ночи тишины, позволит практикующему в течение недели воздерживаться от пищи, а после дальнейшего продвижения он сможет не есть много недель. Только тогда он будет пребывать в действительной безмятежности. Мастер Чжи Мин сказал: «После собирания алхимического элемента для возмещения потери воспроизводящей силы чудесный белый Свет появится в обоих глазах, и это означает соединение Солнца (левого глаза, или мужского начала), с Луной (правым глазом, или женским началом). Только тогда оба глаза смогут сконцентрироваться на низе живота, в котором вы можете вообразить, будто так появляется белый Свет. После устремления взгляда на низ живота в течение многих десятков дней внезапно раздастся звук, сопровождаемый подъемом действительной Жизненности от низа живота к сердцу (Обители Огня), где она останавливается и затем идет вниз, чтобы вернуться в нижний Дань Тянь. Это ежедневное упражнение на много дней уменьшает число вдохов и выдохов и освобождает сердце (местопребывание Огня) от мыслей и волнений тела. Это является состоянием глубокой безмятежности».

Глава IX

БЕССМЕРТНОЕ ДЫХАНИЕ ИЛИ СОБСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ КОЛЕСА ЗАКОНА

Процесс закрывания (Хо) и открывания (Пи) Бессмертного дыхания заставляет постнатальное Жизненное дыхание подниматься от пяток вверх к каналу управления, по которому оно возносится к мозгу и затем идет вниз по каналу действия по туловищу к смертному затвору. Эти повторяющиеся поднятия и опускания со временем вызовут вибрацию Истинной Жизненности в нижнем

Дань Тяне, которая также сначала поднимается по каналу управления к мозгу, чтобы там вытолкнуть постнатальное Жизненное дыхание вниз по каналу действия в туловище и затем опустится по каналу действия к основанию пениса, чтобы продвинуть постнатальное Жизненное дыхание вверх по каналу управления к мозгу.

В гл. IX мы рассмотрели метод замораживания Духовности, названный так потому, что он состоит из собирания вначале пренатальной Истинной Жизненности в исходной полости Духовности (Цзы Цяо в центре мозга) и затем перемещения ее в нижний Дань Тянь под пупком. При этом глаза нужно обратить внутрь и смотреть в этот центр до тех пор, пока сердце и интеллект не освободятся от дуализма личности и прочего, выдох не сделается легким, а вдох — плавным, гармоничным и спокойным. Со временем центр нижнего Дань Тяня завибрирует, распространяя поле своей деятельности от сердца до низа живота.

Через продолжительное время вибрация остановится и сменится неподвижностью; все Жизненные дыхания также остановятся, покидая тело, тогда как внешние будут продолжать входить в него. Это свидетельствует о восстановлении зародышевого дыхания (см. ниже) и о возвращении пренатальной Жизненности к своему источнику, являющемуся «полостью в полости». Этим достигается состояние глубокой безмятежности. Глубокое зародышевое дыхание теперь полностью восстановлено, не собирается и не рассеивается, и не связано ни с каким дуализмом. Безмятежность длительна, не будучи ни внутри, ни снаружи, ни покоем, ни возмущением, и свободна от вибрации.

Это состояние объединяет Солнце и Луну и положительное и отрицательное начала. Оно кладет конец состоянию смятения и заставляет практикующего войти в Бессмертный зародыш, чтобы отбросить все постнатальные состояния. Зародышевое состояние не зависит ни от дыхания, ни от задержки дыхания в нижнем Дань Тяне. Профаны и еретики применяют позды и рот, чтобы дышать только свежим воздухом, что никак не связано с созданием Эликсира Бессмертия и процессом культивирования Основной Сущности и Вечной Жизни. Постна-

тальное Жизненное дыхание «вдыхается» через пятки и «выдыхается» через туловище, чтобы вызвать вибрации пренатальной Истинной Жизненности в нижнем Дань Тяне. Таким образом, за одним вдохом через пятки для поднятия постнатального дыхания в канал управления следует один выдох через туловище для опускания его по каналу действия, и со временем эти чередующиеся подъемы и опускания приводят в движение пренатальную Истинную Жизненность в центре нижнего Дань Тяня, которая тогда автоматически поднимается по каналу управления в мозг, заставляя тем самым постнатальное Жизненное дыхание опускаться по каналу действия до смертного затвора. Когда пренатальная Истинная Жизненность спадает по каналу действия до нижнего затвора, потенциальное Жизненное дыхание вынуждает ее подняться по каналу управления до мозга. Это и есть 4 движения постнатального Жизненного дыхания и пренатальной Истинной Жизненности, совершаемые без помощи дыхания внешним воздухом через ноздри или рот.

Подъемы и опускания, вызываемые внешним воздухом, вдыхаемым и выдыхаемым через ноздри и рот, не имеют ничего общего с Бессмертным дыханием, происходящим само по себе, независимо от волн. Циркуляция постнатальной Жизненности предназначена для создания Яркого Перла, и метод состоит в применении постнатального Жизненного дыхания для облуживания и возбуждения полости нижнего Дань Тяня, где пренатальная Жизненность и постнатальное Жизненное дыхание тянут друг друга вверх и вниз, как описано выше. При таком управлении постнатальным Жизненным дыханием практикующий должен сконцентрироваться на полости нижнего Дань Тяня (полости Жизненности), чтобы преобразовать пренатальную Жизненность в Яркий Перл.

Ходьба, стояние, подъем, наклоны (при выполнении повседневной работы) — все это подходящие моменты для вращения Колеса Закона, целью которого является сублимация пренатальной Жизненности и выращивание Вечной Жизни. Эта пренатальная Жизненность должна двигаться синхронно с постнатальным Жизненным дыханием в непрерывной последовательности. Это есть собственное вращение (аутовращение) Колеса Закона, являющегося Микрокосмосом.

Когда практикующий достигает этого этапа, он должен остерегаться потери положительного начала по ночам. Если он будет беззаботен, то первоначальная Жизненная сила рассеется, что сведет к нулю все его достижения. Если внимание практикующего ослабеет хоть на один день, он будет смущен ночными снами, благодаря чему потеряет пренатальную Жизненную силу. Нужно знать, что все прилежные ученики свободны от снов. Дань Цзин сказал: «Совершенный человек свободен от снов». Это не значит, что он не видит снов, но он свободен от скверных снов. Имеются 4 категории хороших людей, свободных от скверных снов: Совершенные, Бессмертные, Святые и Мудрые. Чжи Хань, Совершенный человек, — тот, моральные добродетели и обретенные совершенства которого достигли высшего предела. Чжень Жень, Бессмертные, — люди, больше не подвластные тому, что они видят, слышат или чувствуют. Шэм Жень, Святой человек, — вдохновленный свыше и интуитивно мудрый. Сянь Жень, Мудрец, — человек превосходных достоинств.

Похотливые и прожорливые миряне могут еще практиковать алхимию, которая действительно трудна для вялых людей. Когда мирской человек видит привлекательные сны, другие рядом не видят ничего. В своих снах он может ходить по улицам, рвать красивые цветы, слышать чей-нибудь разговор, заработать или потерять деньги. И все эти вещи нереальны. Но если он видит во сне произвольное испускание, то на самом деле происходит потеря воспроизводящей жидкости. Если практикующий хочет преодолеть вялость, чтобы избавиться от снов, он должен применить метод «Свертывания тела в пять драконов», который прекратит его вялость и положит конец снам. Ночные поллюции исчезнут, и он не будет больше терять Драгоценной Вещи, сохраняющей Жизнь, и сможет сублимировать воспроизводящую силу и Драгоценный Перл. Для достижения этого он должен положиться на 4-этапный алхимический процесс дыхания: вдох, выдох, подъем и опускание — создающий Бессмертное дыхание, не зависящее от дыхания через ноздри и рот.

Патриарх У Чун Сю спрашивал: «Кто сказал, что нельзя научить сублимации при помощи Огня, поскольку лишь безмолвные круговращения могут измерить неизме-

римумую глубину? В древности тысячи святых людей осуществляли это, зорко вглядываясь в свой процесс дыхания, чтобы достичь Бессмертия». Под остановкой дыхания подразумевается состояние безмятежности, при котором практикующий оказывается без сознания. Его дыхание почти прекращается, и пульс перестает биться. Это называется замораживанием Духовности.

Первые 8 глав касались методов достижения малой безмятежности (Сяо Дин Цзин), а эта глава посвящена остановке обычного дыхания, что приведет к высокой безмятежности (Да Ди Цзин). Когда практикующий впервые достигает состояния тишины, он осуществляет лишь малую безмятежность, которая длится один день и в которой пасмурность и подавленность приводят его в бессознательное состояние, подобное состоянию умирающего человека, переставшего дышать. Затем он начинает испытывать среднюю безмятежность, длящуюся подряд 3 дня, и, наконец, высокую безмятежность, продолжающуюся 7 дней. Этот 3-й этап не следует принимать по ошибке за смерть, потому что он только показывает возвращение Духовности и Жизненности к Источнику, рождению Вечной Жизни и сублимации алхимического элемента в Яркий Перл.

Теперь практикующему нужна забота его братьев по Сангхе, которые не должны допускать, чтобы что-то нарушило безмятежность продолжительной Духовности. Ни в коем случае нельзя позволить себе при этом возрождении Вечной Жизни выйти из состояния безмятежности. Нужно ясно понимать, что благодаря этой Тихой Жизненности его Духовность сама вступит в высокую безмятежность, в которой его Чистая пренатальная Жизненность появится из ничего. Древний Бессмертный сказал: «Люди подвержены рождению и смерти, потому что они дышат через ноздри и рот. Когда они практически прекращают дышать, тогда они осуществляют Бессмертие». Причина в том, что если практикующий почти перестает дышать, он осуществляет состояние высокой безмятежности.

Если дыхание остается почти постоянным, тогда Бессмертный зародыш будет в такой же безопасности, как гора, и, продолжая свою практику, он достигает малой, а потом и высокой безмятежности. Все явления провалятся

в Ничто, и при Духовности, замороженной в этом состоянии днем и ночью, Яркий Перл образуется в этом невозможном Ничто. Если безмятежность не достигнута, то не может быть создано Бессмертное семя. Момент перехода к этой безмятежности подобен приближению к смерти, предшествующей воскрешению, являющемуся главной целью алхимии.

Способ прихода воскрешения за смертью зависит от метода создания Яркого Перла. Когда Основная Сущность и Вечная Жизнь соединяются в смятенном состоянии в полости Жизненности, тогда малейшая неосмотрительность со стороны практикующего может привести к провалу попытки удержать их там вместе. Духовность тогда покинет этот центр, и самая Драгоценная вещь ночью утечет прочь. Это — наиболее критический момент, когда можно либо сохранить, либо усугубить Вечную Жизнь. Итак, нужно настроиться сохранить эту безмятежность любой ценой, путем точечной концентрации своей Духовности на эту полость. Это — в высшей степени важная вещь на данном этапе тренировки.

Древний Бессмертный сказал: «Первая же беспокойная мысль окунула меня в море страдания. Теперь же первая возникающая мысль спасает меня, перебрасывая на другой берег освобождения. потому что одна лишь беспокойная мысль снова повергает в круговорот рождения и смерти». Если практикующий чувствует, что его тело холодное и он выдыхает холодный воздух, то это происходит из-за неправильной практики и отсутствия предварительных указаний просвещенного мастера. Это отрицательное состояние получается из-за прерывания внутреннего Жизненного дыхания, переставшего давать поддержку Духовности, удерживаемой в полости Жизненности. Это охлаждает внутренний Огонь в нижнем Дань Тяне и мешает проявлению Света Эликсира. Это отрицательное состояние вызывается охлаждением центра нижнего Дань Тяня.

Фа Бэкэ сказал: «Для извлечения этого отрицательного состояния требуется концентрация Истинного Огня, осуществляемого удержанием Духовности в нижнем Дань Тяне, источнике зародышевого дыхания, путем близкого сближения зрачков, чтобы сфокусировать их на полости Жизненности, и путем использования дыхания типа Воз-

духόδувных мехов, чтобы привести в действие быстрый Огонь. В результате точечной концентрации масса Истинного внутреннего Огня поднимается вверх, побуждая Духовный Огонь в Котле осветить все тело, 4 элемента которого будут этим сублимированы. Это исключает пагубное отрицательное воздействие состояния и восстанавливает яркость Эликсира и его полости под пупком».

Культивирование Основной Сушности и Вечной Жизни требует постоянного внимания. Малейшая небрежность может затемнить внутренний Свет и вызвать утечку Эликсира, и все прежние усилия окажутся бесплодными. Некоторые медитирующие по небрежности поднимают Живой Огонь в печень и почки. В результате их зрение затуманивается, все двоится, глаза становятся астигматическими, зрачки расширяются, а белки краснеют. Если практикующий хочет избежать возникновения этого дурного Огня, создающего утечку Драгоценной вещи ночью, он должен знать, что эта помеха создается нездоровой пищей и обильным питьем, порочными мыслями и желаниями, горячими купаниями, рассеивающими жар Эликсира, и неуправляемым Огнем, опаляющим тело. Этих причин много, но главная — в злоупотреблении Огнем во время тренировки. Иногда практикующий хочет сочувствовать жару в сердце, который может иссушить его от жажды и заставить пить и есть слишком много. Если ему не удастся преодолеть этот Огонь, тогда Самая Драгоценная вещь может утечь ночью.

Практикующий должен знать как лечить этот дефект. Если он вызывается Огнем в печени и почках, то для его исключения нужно практиковать метод из гл. V. Если причина в нездоровой пище и питье или в Огне в сердце, то нужно в медитации представить перед собой черный шар или темное облако, размером с кулак, которое следует собрать, как указано в гл. VII. Нужно выполнить точечную концентрацию для крепкого захвата темного объекта, вдохнуть свежий воздух, чтобы перевести его в нижний Дань Тянь, и медленно выдохнуть для изгнания внутреннего дурного Огня. Нет определенного числа вдохов и выдохов, требуемых для продвижения темного предмета в низ живота, и выдохов для изгнания дурного Огня, но их надо продолжать до тех пор, пока дурной Огонь не будет полностью уничтожен. После того практикующий будет

иметь хорошие и устойчивые самочувствие и настроение, и прекратится утечка Жизненности.

В: Вы говорили о четырехэтапном алхимическом Бес-
смертном дыхании. Через какие каналы оно должно вхо-
дить в тело и выходить из него?

О: Если постнатальное Жизненное дыхание использу-
ется для вибрирования в центре нижнего Дань Тяня, то пре-
натальная Жизненность будет подниматься, а постна-
тальное дыхание — опускаться, и наоборот. Эти пооче-
редные подъемы и опускания, по 4 движения вверх и
вниз, вызываются не дыханием через ноздри и рот, а пре-
натальным внутренним дыханием, начинающимся от
пяток и смертного затвора в основании пениса. Это —
постнатальное Жизненное дыхание, которое, опускаясь и
поднимаясь, тянет пренатальную Жизненность вверх по
каналу Ду Мо к мозгу и оттуда вниз через канал Жень Мо
в полость смертности. Это и есть подъем и опускание
пренатальной Жизненности в этих двух каналах.

Названные 4 дыхания пренатальной Жизненности
и постнатального Жизненного дыхания не зависят от ды-
хания через ноздри и рот. Если постнатальное Жизненное
дыхание не проводится правильно при подъеме от пяток
к голове и при последующем опускании к смертному за-
твору, то лучше совсем не практиковать этот метод, по-
скольку, если применяются ноздри и рот для вдыхания и
выдыхания воздуха неуправляемым образом при практи-
ковании алхимии на высоком этапе, то пренатальная
Жизненность прорвет психические центры в сердце и
практикующий будет выведен из строя. Он будет петь
и танцевать, как безумный, болтать глупости, декламиро-
вать странные стихи, говорить о туманных вещах и хвас-
таться достижением Высшей Истины, не понимая, что
это вызывается сознанием, возбуждающим сердце (Оби-
тель Огня) и смещающим Духовность ее Исходной поло-
сти в центре мозга, сотрясая этим мозг и нервную систему
и вызывая ментальные нарушения. В результате он будет
беспричинно плакать или смеяться и чувствовать печаль
или радость.

Это происходит потому, что Жизненность в его сердце
возбуждает Духовность и делает его настолько беспокой-
ным, что он теряет способность к Духовной тренировке.
Это вызывается неправильным применением вдоха и вы-

доха через ноздри и рот при практике алхимии на высоком этапе. В данных обстоятельствах практикующий должен обратиться к опытным мастерам, которые объяснят ему, что Бессмертное дыхание начинается от пяток и смертного затвора и не проходит через ноздри и рот. Получив указания, он должен практиковать 4-этапное движение Бессмертного дыхания. Эта Микрокосмическая техника должна практиковаться в любое время с не нарушаемой непрерывностью. Неверно, что такому дыханию нельзя научить других, но верно, что это связано с большим риском для людей, не имеющих руководства.

Например, когда Бессмертный вдох достигает двух пяток, он фактически выходит из Исходной полости Духовности (Цзы Цяо) к продолговатому мозгу, расширенной верхушке спинного мозга, образующей нижнюю часть мозга и управляющей дыханием, кровообращением и т.д., и связанной с двумя психическими каналами, начинающимися от пяток. При таком вдохе выталкивается вверх постнатальное Жизненное дыхание от пяток в пяточном пути (Дун Чун) к основанию позвоночника, затем вверх по позвоночнику к затылку, прежде чем достичь мозга (Ли Вэнь).

Когда Бессмертный выдох возвращается от продолговатого мозга к Исходной полости Духовности, связанной со смертным затвором, концентрация также перемещается от продолговатого мозга вверх к полости Духовности, перемещая постнатальное Жизненное дыхание (которое достигло мозга) по пути туловища (Дун Ди) к Исходной полости Духовности, затем вниз по каналу Жень Мо через горло и грудь к полости Цзян Гун (солнечному сплетению) и к центру нижнего Дань Тяня, прежде чем достичь смертного затвора.

Жизненное дыхание будет, таким образом, подниматься и опускаться независимо от обыкновенного дыхания через ноздри и рот, и его постоянные подъем и спуск со временем приведут в движение пренатальную Жизненность, так что когда это дыхание пойдет вверх, пренатальная Жизненность пойдет вниз и наоборот, что и является Микрокосмическим функционированием, которое будет длиться бесконечно и без остановки. Мой мастер сказал: «Когда вам станет совершенно понятным это Бессмертное дыхание, тогда вы достигнете Бессмертия».

В: Вы сказали, что похотливые и прожорливые люди могут практиковать алхимию, но вялые люди не пригодны для ее практикования, и Совершенный человек свободен от сновидений. В чем заключается метод «Укладывания тела в 5 драконов», который может прекратить все сновидения и ночные поллюции?

О: Возрождение может быть преодолено в течение 6 фаз алхимической сублимации, приводящей к втягиванию полового органа. Обжорство можно преодолеть вегетарианской диетой, но практикующий должен воздержаться от пяти острых овощей: чеснока, трех сортов лука и лука-порея, действующих возбуждающе и увеличивающих выработку половой жидкости. Но поллюцию очень трудно преодолеть. Поэтому древние даже советовали метод непрерывного сидения в медитации, чтобы исключить сон.

Слава и богатство нереальны, подобно вещам, которые человек видит во сне. Но почему возникает ночная поллюция, даже когда нет снов? Когда человек бодрствует, его сознание помещается в глазах, но когда он ночью спит, оно размещается в низу живота, и его дыхание приводит в беспорядок все его 6 чувств и поднимает воспроизводящую силу, которая при этом утскает. Отсюда получается ночная поллюция. Чтобы предотвратить эту потерю воспроизводящей жидкости, практикующий должен ночью, будучи в постели, коснуться нёба кончиком языка и перевести Духовность в полость нижнего Даны Тяня, чтоб освободить сердце (Обитель Огня) от всех мыслей. Затем ему нужно вдохнуть свежий внешний воздух, который в своем Жизненном виде достигает нижнего Даны Тяня, где он соединяется с Жизненностью. Это соединение элементов Огня в нижней части живота и Огня, подведенного от Обители Огня в сердце, проявится в легких длительных дыханиях, заставляющих Духовность охватывать Жизненность, и наоборот. Практикующий будет наслаждаться Огнем, который будет казаться очень крепким (не будучи таким в действительности), и он будет приносить отдых.

В таком состоянии не может возникнуть ночная поллюция. Имеется еще и другой метод, называемый «Сворачиванием тела в 5 драконов», заключающийся в том, чтобы поместить голову в удобное положение. Нужно

лечь бочком, подобно свернутому в клубок спящему дракону или собаке, согнуть одну руку и положить на подушку, а другую руку вытянуть и положить на живот, одну ногу вытянуть, а другую согнуть. До того, как сердце погрузится в сон, зрачки обоих глаз нужно свести как можно ближе друг к другу для точечной концентрации на Великую Пустоту, чтобы в условиях крайней тишины Жизненное начало автоматически вернулось бы к своему Истоку (под пупком), дыхание продолжается нормально и, таким образом, будет саморегулирующимся, и Жизненное дыхание будет находиться под должным управлением. Этот метод прогонит все сновидения и не даст половой жидкости утекать. При случайной утечке без предварительного исключения нечистого дыхания и возбуждающих мыслей, когда человек засыпает крепким сном, положительное дыхание в теле будет полностью затемняться этой отрицательной составляющей и он будет подобен мертвому человеку. Это происходит из-за незнания, как управлять дыханием.

В: В таком положении спящего можно ли дышать медленно, чтобы избежать утечки?

О: Нужно медленно опускать дыхание не только в постели, но и в медитации, перед которой следует ослабить одежду и выдохнуть нечистый воздух, чтобы успокоить сердце, и принять такую же ментальную установку, как и во время сна. Это значит — ничего не видеть и не слышать, закрыть рот и, коснувшись нёба кончиком языка, освободить мозг от всех мыслей, провести вниз воздух, введенный при вдохе, и воздержаться от движений конечностями. Затем сконцентрируйтесь на полости Духовности (между и позади глаз) и направьте Духовность вниз, в полость Жизненности, где Духовность и Жизненность становятся неразделимыми, как медленный Огонь, поддерживаемый в Печи. Со временем Духовность усилится, и вы даже забудете о сне. Жизненность станет полной, освобождая вас и от чувства голода. Воспроизводящая сила также станет полной, освобождая от сексуальных желаний и заставляя тело быть сильным и легким; сердце станет чистым и Духовным; Жизненность — неподдельной; Духовность — Совршенной и Божественной. Таким путем вы вступите на путь Бессмертия. Это спокойное дыха-

ние является гораздо более совершенным, чем зародышевое дыхание.

В: Вы сказали, что Колесо Закона (Бессмертное дыхание) производит собственное вращение и что оно не будет поворачиваться, если практикующий не получит правильных указаний от опытного мастера. Почему?

О: Колесо Закона может производить собственные вращения, но поскольку положительная Жизненность не может сама по себе покинуть свою полость под пупком, чтобы подняться и спуститься по Микрокосмической Орбите, то оно должно приводиться в движение постнатальным Жизненным дыханием от пяток и смертного затвора в каналы управления и действия, чтобы идти вверх к голове (Небу) и к низу живота (Земле). Техника заключается в применении постнатального Жизненного дыхания для приведения в движение пренатальной Жизненности, чтобы Колесо Закона могло само вращаться. Однажды, когда мне было 60 лет, во время медитации я почувствовал, будто муравьи забегали по моему телу, и неожиданно центр нижнего Дянь Тяня сделался необычно горячим, и меня охватила большая радость. Неожиданно пенис поднялся, и моя пренатальная Жизненность завибрировала, заставляя половой орган сжаться. Поскольку я бессознательно не допустил ослабления моего схватывания этой Жизненности, то она была задержана половым органом, как бы для того, чтобы соединиться с ним.

На этом этапе Жизненность стремилась, но фактически не утекла наружу. Тогда продолжительная Жизненность опустилась вниз и повернулась к основанию позвоночника, чтобы начать медленно подниматься. Одновременно каналы управления и действия открылись сами. Я немедленно стал практиковать Бессмертное дыхание через пути пяток и туловища, чтобы повернуть Колесо Закона, и достигнутый результат был до того таинственным, что его невозможно описать. Если никаких указаний не дано учащимся, то они не смогут практиковать и достичь этого четырехэтапного Бессмертного дыхания, производящегося не через ноздри и рот. Вопрос в том, удастся ли встретить опытного мастера? Но кто осмелится разгласить великое Дао, которое так глубоко? Я изучал и практиковал

алхимию до 73 лет и теперь приступил к разъяснению ее в этой книге для пользы серьезных учеников, которые рано или поздно смогут понять ее правильно.

Глава X МЕТОД СОБИРАНИЯ ЖИЗНЕННОСТИ

Когда Жизненное дыхание вибрирует и пенис стоит в состоянии эрекции, практикующий должен прижать средний палец к полостям Дракона и Тигра (в центрах обеих ладоней) и поднять язык к нёбу, чтобы образовать мост, связывающий с каналом управления, смотреть вверх и влево, вдохнуть, чтобы поднять Жизненность до области мозга (Ли Вэнь), и затем выдохнуть, чтобы спустить ее до смертного затвора в основании пениса. После ряда таких подъемов и опускании полостей половой орган сократится. Таким образом собираются воспроизводящая сила и Жизненность.

Собрать Жизненность — значит обеспечить ее свободную циркуляцию, а собрать воспроизводящую силу — значит держать ее в запасе для очищения. Поступая так, практикующий обеспечит себе долгую жизнь. Воспроизводящую силу нужно накопить в полном объеме, чтобы исключить потери Драгоценной вещи ночью через поллюцию. Чтобы достичь этого, практикующий должен поместить левую ладонь на правую, согнуть оба средних пальца, чтобы надавить на полости Дракона и Тигра в центрах ладоней, поднять язык к нёбу и образовать мост, создающий соединение с каналом управления. Затем вдохнуть, чтобы поднять Жизненность, и выдохнуть, чтобы опустить ее, — с целью помешать утечке половой жидкости наружу. Это и есть метод удержания воспроизводящей силы и Жизненности. В гл. IX рассказано, как трансмутировать воспроизводящую силу и Жизненность в Бессмертное семя. Но до того, как последнее созреет, оно стремится вибрировать ночью и утекать самопроизвольно наружу даже при отсутствии мыслей и сновидений.

На этом этапе будьте очень осторожны. Как избежать ночных поллюций? Нужно следовать методу, изложенному в этой главе для предотвращения потери Драгоценной

вещи во сне. Если раньше при собирании воспроизводящей силы уже возникали превратные мысли или половые желания при виде привлекательных женщин или беспокойства от безнравственных разговоров, то поднятие пениса указывает, что ночью он потеряет Драгоценную вещь даже при отсутствии мыслей. Однажды мой 70-летний ученик пришел и, всхлипывая, сказал: «В моей практике я преодолел все трудности, но этой ночью мне не удалось остановить утечку положительного начала. Как это предотвратить?».

Я ответил: «Если начнете тренировку с первых этапов (см. гл. I) для возмещения этой потери, то преуспеете, иначе вернетесь домой ожидать своей смерти. Другого способа нет. Если пенис трепещет, то нужно остерегаться потери положительного начала ночью (для собирания Жизненности практикуйте десятый этап, описанный в этой главе). Вы пренебрегли этим указанием и теперь потеряли положительное начало». Он сказал: «Мой пенис был поднят и трепетал в этот день, и я намеревался практиковать вечером десятый этап, но был весь день занят работой дома и все забыл ночью. Этим объясняется моя беда». Я ответил: «Вам уже 70, а вы пренебрегаете своей Основной Сущностью и Вечной Жизнью ради домашней работы». Нужно прилежно практиковать каждое утро и каждый вечер с умом, совершенно спокойно и забыв все, связанное с работой. Концентрируйте точно оба глаза в центре нижнего Дань Тяня и дышите так глубоко, чтобы дыхание достигло этого центра. Через 100 дней нижний Дань Тянь делается горячим, глаза будут испускать Свет и вы услышите звук вроде ветра, дующего в уши. Таким способом вы восстановите положительное начало, которое было рассеяно.

Затем нужно практиковать орбитальное движение по Микрокосмической Орбите путем вращения Колеса Закона, чтобы исправить ущерб. Делайте это мягко, без напряжения. При такой тренировке вы, без сомнения, создадите Бессмертное семя, которое до созревания стремится подняться и потрясти пенис без предварительного предупреждения. Каждый вечер перед сном расслабляйте сердце и медитируйте. Сначала определите полость Дракона: согните средний палец левой руки, — там, где он коснется левой ладони, помещается эта полость, весьма

живая и связанная с сердцем и низом живота каналом (артерией), проходящим через левую кисть. Аналогично определите полость Тигра правой руки, также соединенную с сердцем и низом живота каналом, проходящим через правую кисть. Теперь положите правую ладонь на левую, прижимая кончик среднего пальца правой руки к полости Дракона (на левой ладони) и кончик среднего левого пальца к полости Тигра (на правой ладони), замыкая таким способом обе полости. Втяните пенис, закройте рот, прижмите кончик языка к нёбу, вдохните через ноздри, поднимая глаза слева вверх, затем выдохните, спуская глаза вниз. Это является вращением глаз для перемещения Жизненного дыхания вверх и вниз в ноздрях. После вращения глазами вверх и вниз (10 раз) сделайте небольшую паузу и, как и раньше, втяните пенис. Повторите это упражнение 4 раза, чтобы выполнить 36 вращений глазами для закрытия канала воспроизводящей и Жизненной сил в смертном затворе в основании пениса. После предотвращения таким способом ночных поллюций практикуйте движения по Микрокосмической Орбите. Когда воспроизводящая и Жизненная силы полностью восстановятся, пренатальная Жизненность будет стараться уйти через анус, заставляя вас часто выпускать «ветер». Если выходят газы из желудка и кишок, возникающие из-за неправильной еды и питья, тогда хорошо выпустить газы через анус, если же это — пренатальная Жизненность, то чрезвычайно важно остановить ее.

Фа Цзюэ сказал: «Заткните полости Дракона и Тигра (как указано выше), поднимите язык к нёбу, соединив каналы управления и действия, сожмите анус и смотрите вверх и вниз, чтобы перемещать Жизненное дыхание вверх и вниз по носовому каналу 7 раз. Это упражнение задержит и распространит пренатальную Жизненность во все части тела и укрепит его. Таким образом прекратится выпускание «ветра». Если вы испытываете дискомфорт из-за необходимости ходить в туалет чаще, чем обычно, то лучше всего закрыть полости Дракона и Тигра в ладонях, коснуться кончиком языка нёба, сжать анус, смотреть вверх и вниз, чтобы перемещать Жизненное дыхание к носу, сжать проходы, выбрасывающие мочу и кал, и вы освободитесь от этого неудобства. Эти меры служат для предотвращения утечки Жизненности, без которой духов-

ное семя не сможет развиваться. Как же вы тогда сможете погасить Огонь, когда это необходимо? Если Огонь не остановить на этом этапе, то не прорваться через Большой Затвор (Исходную полость Духовности в центре мозга), и тогда невозможно будет остановить утечку Жизненности и достичь сокращения пениса. В этих условиях не сможет развиваться Бессмертное семя, а без него не разовьется Бессмертный зародыш, без которого, в свою очередь, вы не сможете в момент смерти покинуть тело через Небесный Затвор, то есть отверстие Браммы на макушке головы, и не сделаетесь Небесным Бессмертным (Тянь Сянем).

Мои мастера Ляо Жэнь и Ляо Кун сказали: «Действительное Дао означает лишь Духовность и Жизненность. Культивация Жизненности отрицательна, а Духовности — положительна. Если они обе, отрицательная и положительная, соединяются воедино, то возникает положительная Духовность, которая может проявляться в телесной форме, видимой для других, в то время как отрицательная Духовность не может иметь такого зримого проявления». Десять этапов, которые были описаны до сих пор, состоят в соединении Духовности и Жизненности для создания Бессмертного семени. Поэтому если пренатальная Жизненность утекает ночью, то Бессмертное семя не может быть создано. Если пенис не поднят, то Жизненность не утечет наружу, но если он самопроизвольно возбуждается и содрогается, то поллюция произойдет ночью, во сне. Поэтому перед сном вы должны закрыть полости Дракона и Тигра в ладонях и выполнить описанные мной выше упражнения.

Наполнение воспроизводящей и Жизненной сил в требуемом количестве автоматически приведет к состоянию, когда Огонь больше не нужен и должен быть остановлен (путем прекращения упражнения дыханием), чтобы создать Микрокосмический алхимический элемент для прорыва. Когда достигнете этого состояния, практикование техники Микрокосмической Орбиты (вращения Колеса Закона) больше уже не понадобится. Древние также упоминали утечку положительной Жизненности, вызываемой неудачей с остановкой Огня для собирания Микрокосмического алхимического элемента: «Если вы не соберете больше Жизненности и закроете канал разрядки

половой жидкости, вы не сможете предотвратить утечку положительного начала наружу». Учащийся должен хорошо прочувствовать и понять все это. Когда воспроизводящая сила полна и Эликсир созрел, пенис не будет сотрясаться и дрожать, а втянется внутрь. Если Огонь не остановлен, когда он больше не нужен, это тоже вызывает ночные поллюции. Эти два различных состояния должны быть отчетливо поняты практикующимся. Изложенный метод собирания воспроизводящей и Жизненной сил предназначен для создания Бессмертного семени. Когда собрано достаточно этих сил, тогда не будет ночных поллюций и утечки Жизненности через анус, которую не следует смешивать с выпусканьем «ветра». Если же, наоборот, Жизненность утеряна, то нужно закрыть центры Дракона и Тигра в ладонях, как уже описывалось, поднять язык к небу, чтобы связать его с каналом управления, перемешать вдохи и выдохи Жизненного дыхания, вращая глазами, чтобы протолкнуть Жизненность вверх по позвоночнику и вниз по передней стороне тела. Это упражнение, сделанное 7 раз, отведет Жизненность от ануса и распространит ее по всем частям тела, чтобы укрепить их. Если возникает частая необходимость в облегчении организма, практикующий должен сжать анус и подержать примерно полдня, прежде чем идти в туалет. Так Жизненность будет удержана от утечки, вернется к своему источнику под пупком и сможет образовать Бессмертное семя. Это и есть метод собирания пренатальной Жизненности для возвращения ее в полость под пупком и образования Бессмертного семени.

Мой старший брат Чжао Куй И сказал: «Если Жизненность утекает потому, что пенис надувается и дрожит, ее надо повернуть обратно в центр для укрепления тела. Нельзя упускать никакие способы реализации Основной Сущности, Духовности и Жизненности». Мастер Лю Мин Жуй сказал: «Наслаждаясь вкусом весны, остерегайтесь опасностей для тела путем запираания полостей Дракона и Тигра, пока Бессмертное семя не прорвется через Большой Барьер». Мастер Пэн Моу Чжан говорил: «Подведите к голове вибрирующую Жизненность и вращайте глазами для управления Жизненным дыханием, чтобы культивировать Бессмертное семя днем и ночью так, чтобы оно поглотило лучи Света из мозга».

В: Я внимательно слушал ваше объяснение десяти этапов (см. гл. I—X), но когда мой пенис увеличивается и содрогается, невзирая на проведенное мною блокирование утечки воспроизводящей Жизненной силы путем вращения глазами для прекращения вдохов и выдохов четырьмя этапами по 9 раз каждый, мне не удается прекратить ночную поллюцию. В чем причина неудачи?

О: Внешний элемент, собранный вами, является иллюзорным, ненастоящим, созданным нехорошими мыслями. Этот иллюзорный элемент является половой жидкостью, содержащей зловредный Огонь, образующийся, когда пенис поднимается под действием Жизненной силы. Пенис раздувается и содрогается, когда воспроизводящая и Жизненная силы вибрируют, заставляя этот зловредный Огонь опалить яички и увеличивать половой канал, чтобы положительное начало ушло прочь через ночную поллюцию. Вы неправильно применили эту половую жидкость, которую нельзя трансмутировать в Бессмертное семя, когда она содержит злой Огонь (страсти), и применять для создания Макрокосмического элемента. Максимум, на что вы можете рассчитывать, это улучшение здоровья путем уничтожения всех болезней. Правильный метод заключается в использовании пренатальной Жизненности, которая не создается злыми мыслями, и лишь ее можно преобразовать в Бессмертное семя, чтобы прорваться через Большой Барьер (или Затвор в Исходной полости Духовности).

В: Вы учили нас, что нужно прижать средние пальцы к полостям Дракона и Тигра на ладонях, поднять кончик языка к нёбу, сделать точечную концентрацию, чтобы сжать пенис, сделать вдохи и выдохи через ноздри, вращать глазами вверх и вниз, чтобы закрыть проход, через который вытекает воспроизводящая сила. Я думаю, что центры ладоней и вдохи и выдохи связаны с этим каналом, но я не понимаю, как его можно закрыть для предотвращения ночной поллюции.

О: Каналы, поставляющие кровь и Жизненную силу к центрам ладоней, начинаются от сердца. Каналы, поставляющие Жизненность к левой руке, образуют артерию, называемую Драконом. Пренатальная Жизненность, идущая от сердца, проходит через кисть и подводит кровь к центру левой ладони, который является полостью Драко-

на. Канал, несущий кровь и Жизненность от правого желудочка сердца, соединен с каналом яичек. Центр правой руки называется полостью Тигра.

Когда полости Дракона и Тигра сжаты средними пальцами, оба канала к сердцу и низу живота закрыты; их проходы через кисти также перекрыты. Сердце является местом пребывания Основной Сущности, которая проявляется через глаза, в то время как низ живота является местом пребывания Жизни, проявляющейся через пенис.

В нашей практике сокращения и вытягивания пениса вы, вдыхая через нос, фактически поднимаете Жизненное дыхание путем вращения глазами вверх с нижнего левого положения, а выдыхая, опускаете Жизненное дыхание, поворачивая глаза вниз от верхнего положения. Нужно представить себе, что сердце связано с обоими глазами; тогда это четырехэтапное упражнение с 9 оборотами вынуждает Жизненность в сердце удержать Жизненность в полости Тигра, когда вы смотрите вверх, чтобы повернуть глаза, и закрывать половой проход, когда вы смотрите вверх, чтобы поднять Жизненное дыхание. Если это получилось, то положительное начало не сможет уйти наружу.

В: Когда сердце возбуждено и внезапно приводит пенис в состояние эрекции, не происходит ли это из-за того, что основание пениса увеличивается и содрогается?

О: Нет, потому что основание пениса увеличивается и вибрирует в состоянии безумия и бессознательности. Это вызывается Жизненностью в мошонке, возбуждающей яички и расширяет проход, через который половая жидкость вытекает наружу. Если вы не практикуете 10-го этапа, описанного в этой главе и состоящего в сжимании полового затвора, вы не почувствуете ночную поллюцию, которая будет продолжаться, аннулируя все достигнутые прежде успехи. Эрекция же пениса при отсутствии дурных мыслей вызывается проявлением положительного начала в Жизненный час Цзы (от 23 часов до 1 часа ночи), когда вы должны воспользоваться им, чтобы практиковать 2 фазы подъема и опускания по Микрокосмической Орбите для собирания алхимического элемента, как объяснено ранее. Поэтому не нужно смешивать увеличение и вибрацию основания пениса с эрекцией, не имеющих ничего общего.

В: Вы сказали, что алхимический элемент нельзя собрать, если основание пениса не увеличено и не сотрясается в Жизненный час Цзы. Я думаю, что последнее происходит так, когда Жизненность вибрирует в нижнем Дань Тяне, и что если ее не повернуть назад, произойдет ночная поллюция положительной Жизненности. Как надо поступать в этом случае?

О: В медитации, когда вы достигнете высшего покоя, ваш пенис внезапно увеличится и станет содрогаться при отсутствии скверных мыслей, разжигающих страсти в сердце. Это вызывается вибрацией Жизненности в центре нижнего Дань Тяня, происходящей несмотря на отсутствие мыслей. Если практикующий не распознает эту вибрацию Жизненности, он не достигнет ничего. Когда это произойдет, он должен практиковать 10 описанных выше этапов, чтобы повернуть Жизненность назад для питания Бессмертного семени. Его переход от мирского состояния к Святому делается возможным при использовании этого состояния Жизненности, при половых отношениях порождающего потомство. Все вещи в мире также воспроизводятся благодаря вибрации Жизненной силы. Практикующий алхимию также пользуется ею для создания Бессмертного семени. Мои мастера говорили: «Бессмертие нельзя культивировать или достичь его, если сексуальная Жизненность не вибрирует. Но невежды не знают методов использования Жизненности».

Мастера древности ждали эту вибрацию и без долгих раздумий, немедленно начинали практиковать две фазы подъема и опускания, изложенных выше. Вдыханием и выдыханием они поворачивали Жизненность обратно, чтобы создать и вырастить Бессмертное семя. Это является методом предотвращения ночной поллюции с целью продления Жизни. Однако, если вы допустите возрастание вожеления при практиковании алхимии, вы сделаете катастрофическую ошибку, и я не приму вас в качестве своего ученика. Если при вибрации Жизненности практикующий допустит из-за недостатка самоуважения возникновение сексуального желания, то это просто приблизит конец его жизни.

В: Я видел много стариков и болезненных юношей, преждевременно умерших из-за отсутствия самоуважения. Нет ли метода избежать этого?

О: Когда пенис увеличивается и содрогается, некоторые старики допускают возникновение сексуального желания и осуществление сексуальных связей. Если они заболевают из-за непогоды или нездоровой пищи, в их теле не оказывается ничего, что поддержало бы их падающую Духовность и Жизненность и остановило бы утечку отрицательной жидкости. В этом заключается причина их преждевременной смерти.

Большинство юношей думает, что они молоды и сильны и что смерть еще далеко, и они дают своим воспроизводящей и Жизненной силам утекать наружу, пока она не истощится и их здоровье не надломится. Потому они и не могут избежать преждевременной смерти. Слабые старики должны воспользоваться подъемом Жизненности, чтобы немедленно начать действовать, даже не дожидаясь изгнания дурных мыслей. Они должны сконцентрироваться на смертном затворе (в основании пениса) и вдыхать, чтобы поднять Жизненную силу, находящуюся там, наверх к полости нижнего Дань Тяня, немного подождать, прежде чем сделать концентрацию на центре Цзян Гун (солнечном сплетении), и затем выдохнуть, чтобы опустить Жизненную силу, находящуюся там, в полость нижнего Дань Тяня. Оттуда положительная Жизненность будет распространяться во все части тела, убивая все сексуальные желания. Это упражнение надо повторять до тех пор, пока пенис не сожмется. Если старики будут так тренироваться, то у них не смогут возникать половые желания.

Глава XI

ПОДВЕДЕНИЕ ЭЛИКСИРА БЕССМЕРТИЯ К КОТЛУ

Когда духовный зародыш образован клубком Огня, тогда белый Свет освещает все вещи и появляется яркий блеск Золотого Света.

Когда все каналы очищены, тогда Макрокосмический элемент создается.

Яркий Перл освещает мозг, делая за 9 оборотов Эликсир. Только тогда человек осуществит Бессмертную Жизнь на Земле.

В этих стихах говорится о воспроизводящей силе, Жизненности и Духовности. Они, пройдя сублимацию, собираются в мозгу, где под постоянным давлением пренатальной Жизненности и Духовности со временем произведут Амброзию (Гань Лу). Гань Лу, протекая в рот, становится слюной, которая, будучи проглочена, вызывает в животе «звуки». Амброзия создает и выращивает Бессмертное семя в нижнем Дань Тяне, откуда она излучает, освещая сердце. Когда дыхание кажется прекратившимся, а пульс перестает биться, Свет обнаруживает образование Бессмертного семени. Это состояние достигается, главным образом, благодаря условию предельного покоя, способствующему созданию Бессмертного семени. Культивирование Бессмертия не идет дальше Духовности и Жизненности.

Духовность ведет к реализации Основной Сущности, Жизненность — к Вечной Жизни. Духовность возникает из сублимации Жизненности, а Жизненность — в результате очищения воспроизводящей силы. Чтобы сделаться Бессмертным, крайне важно сублимировать воспроизводящую силу, и когда очищенная Жизненность будет полной, она проявит себя. Если Жизненность используется для выращивания воспроизводящей силы, то последняя, несмотря на разнообразие Учений, не идет дальше Основной Сущности и Вечной Жизни. Обсуждение чего-либо, идущего дальше, лишь запутывает несведущего человека. Если вы не знаете секретов преобразования воспроизводящей силы в Жизненность, а Жизненности — в Духовность и Путей возвращения в, большую Пустоту, то будете всего лишь формулировать нелепости.

Если желаете достичь Бессмертия, нужно начать культивировать Основную Сущность и Вечную Жизнь, что приведет вас к достижению цели. Эта Духовность, осуществлению которой учат первые 6 этапов (гл. I—VI), является Истинным Светом Основной Сущности при культивировании как Основной Сущности, так и Вечной Жизни. Этот Свет является Духовностью. Реализации Света Жизненности обучают следующие 6 этапов (гл. V—XII). Это Свет Вечной Жизни при культивации как Сущности, так и Жизни, являющийся Жизненностью в воспроизводящей силе. Соединение Духовности и Жизненности создает Бессмертное семя, проявлением которого являет-

ся белый Свет в сердце, вспышки Света в голове, жужжание Дракона и рычание Тигра в ушах (последнее говорит о полноте воспроизводящей силы). Если нет руководства просвещенных мастеров, то Свет Амброзии будет неполон и неярк. Тогда внутренний Огонь нужно собрать и поднять для создания Духовного Огня, который будет излучать Золотой Свет, и тогда Свет Амброзии будет полным и ярким. Но не следует на этом этапе собирать и поднимать Огонь слишком долго, иначе это может вызвать головокружение.

Если Бессмертное семя полностью развилось, тогда появится Золотой Свет, иначе понадобится следующая тренировка. Каждый день, сидя в медитации, практикующий должен соединять оба зрачка, сводя их вместе для концентрации и перемещения Духовности и Жизненности в нижний Дань Тянь для создания и выращивания Бессмертного семени. Когда семя создано, практикующий почувствует, будто верхушка головы поднялась. Жужжание Дракона и рычание Тигра послышатся в ушах. Душа будет парить в облаках, ученик возносится в пространстве и создает ветер чувством беспредельного Блаженства. Затем он почувствует, будто лицо покрылось паутиной или будто же его щекочут стаи муравьев от лба до глазных впадин, щек, челюстей, губ и рта, вызывая непрерывное выделение слюны, которую нужно проглотить одним глотком. Теперь он не склонен открывать рот или двигать тело, впадая в состояние, в котором кажется, что ничто не существует, и даже нельзя найти собственное тело. Дыхание кажется остановившимся, а пульс — переставшим биться.

Жизненность полностью развилась и выращивает Бессмертное семя. Поэтому сказано: «Полнота Жизненности заставляет практикующего забыть о еде». Если он будет продолжать есть на этом этапе, то отрицательное и положительное начала не будут Истинными и будут возбуждать аппетит. В результате Бессмертное семя не сможет образоваться из-за недостатков Жизненности. Тренироваться нужно до тех пор, пока он не достигнет тишины и блеска своей Духовности, которая, будучи полной, заставит его забыть о себе. Если Жизненность полностью развилась и позволяет ему обходиться без еды, то он достиг-

нет этапа постоянной тишины и блеска, при котором дыхание кажется прекратившимся, а плотный Золотой Свет показывается, когда все различия перестают возникать. Это предшествует достижению совершенной безмятежности.

Это достижение отмечается вспышками между бровями и Лунным Светом, показывающимся во лбу, который навсегда остается там, если твердо решено придерживаться Исходной Духовности. Эти два проявления свидетельствуют о полном росте Бессмертного семени. После этого практикующий должен воздерживаться от следующих чрезмерных излишеств, неблагоприятно воздействующих: а) ходьбы — на нервы; б) стояния — на кости; в) сидения — на кровь; г) спанья — на кровеносные сосуды; д) слушания — на воспроизводящую силу; е) разлидывания предметов — на Духовность; ж) разговоров — на дыхание; з) размышления — на желудок; и) сексуальных удовольствий — на жизнь; к) еды — на сердце.

Короче говоря, все излишества очень вредны, и их нужно избегать. Во время медитации практикующий никогда не должен позволять: а) возникать мыслям, которые приводят к вспыхиванию внутреннего Огня; б) ослаблять концентрацию, чтобы избежать снижения внутреннего Огня; в) смотреть на внешние предметы, потому что там будет блуждать его Духовность, нанося ущерб бестелесной душе; г) прислушиваться к посторонним звукам, поскольку это расстраивает воспроизводящую силу и наносит ущерб телесной душе; д) быстро дышать, потому что такое дыхание рассеивается и им нельзя управлять; е) нарушать ритм дыхания, потому что резкие и внезапные остановки делают его слабым и охлаждают Жизненное дыхание, а при неожиданном возобновлении оно нагревается, нанося этим вред Бессмертному семени.

Поэтому при возникновении мыслей практикующий должен применить внутренний Огонь, который разогрелся бы, чтобы повернуть Колесо Закона, то есть направить его на Микрокосмическую Орбиту, чтобы изгнать эти мысли, но он не должен никогда поворачивать его, если непостоянство концентрации ослаблено внутренней причиной, иначе можно повредить Бессмертному семени. Глаза нужно закрыть и смотреть не на внешние предметы,

а на белый Свет, который появляется между ними. Такое смотрение будет правильным. Если он возбудится сигналами от органов чувств и откроет глаза, чтобы посмотреть вокруг, то его концентрация и Духовность распадутся, нанося вред Бессмертному семени. Он уже не должен слышать внешние звуки и голоса, потому что это может внести беспокойство не только в его сердце и тело, но еще и рассеять Бессмертное семя.

Не следует проявлять нетерпения при созидании Бессмертного семени, иначе можно возбудить сердце и помешать развитию семени. Тренировка должна идти естественным путем, то есть быть не напряженной и не ослабленной. Его осознание Духовности в полости Жизненности не должно возрастать при мысли об удержании ее там, потому что если практикующий не дышит все время естественно, он не достигнет состояния неразличимости. На этом этапе его пенис втягивается, но если его основание увеличивается и сотрясается, то практикующий может по ошибке принять это за признак формирования Бессмертного семени.

Если семя созрело, то нужно остановить внутренний Огонь, чтобы собрать Макрокосмический алхимический элемент. Если же нет, то нужно воспользоваться вибрацией Жизненности, чтобы повернуть Колесо Закона (то есть Микрокосмическую Орбиту) и взрастить это семя. Есть способ для определения степени зрелости семени: нужно поместить керосиновую лампу перед глазами практикующего, чтобы он смотрел на пламя. При этом глазами надо двигать слева направо девять раз и после этого закрыть их. Если перед глазами появится сильный Лунный Свет, яркий, как вспышка молнии, который не увеличивается и не уменьшается, то Бессмертное семя созрело. Если же круг появится с темной серединой и яркими краями, то семя еще не созрело и нужна дальнейшая тренировка.

Вышеизложенный метод служит для создания Золотого Света. Его не следует практиковать часто, чтобы избежать головокружений и затрат Жизненности.

Во время медитации под руководством моих мастеров Ляо Жэня и Ляо Куна я практиковал 10 этапов для накопления в достаточном количестве воспроизводящей и Жиз-

ненной сил и затем трансмутации воспроизводящей силы в пренатальную форму Жизненности для создания Бессмертного семени. Во время каждого дневного сидения я тесно сближал зрачки глаз, чтобы сконцентрироваться на низе живота, пока я не начинал чувствовать нечто вроде зуда по всему лицу, паутину, покрывающую его, и подобия стаи муравьев, пробежавших по нему. Это указывало на то, что пренатальная Жизненность распространилась по всему телу. Жужжание Дракона и рыкание Тигра стояли у меня в ушах, и во рту набиралось слюны больше, чем я мог проглотить за один глоток. Тогда внезапно я впал в состояние бессознательности, при котором мое сознание и восприятие вещей как будто исчезли. Мое тело, казалось, витало в облаках. Это было результатом действия пренатальной Жизненности, которая выращивала и развивала Бессмертное семя.

Семя является зрелым, когда оно не содержит отрицательного дыхания. Когда оно созревает и пренатальная Жизненность полна, практикующий не хочет спать и есть. На этом этапе не видно вдыхаемого и выдыхаемого через ноздри и рот внешнего воздуха. Тогда перед ним постоянно стоит белый Свет, а тело иногда нельзя обнаружить. Это — предварительный этап Безмятежности, на котором он должен остерегаться ночных поллюций, истощающих его воспроизводящую силу, а также избегать напряжения и переработки днем, ибо при чрезмерной усталости положительное начало может ночью вытечь наружу. Отдыхать нужно сидя в медитации, чтобы вырастить и развить Бессмертное семя, являющееся его основной целью. Уши не должны ничего слышать, а сердце (Обитель Огня) должно быть освобождено от всех сигналов от органов чувств.

Если мысли возникают случайно, то нужно сразу же повернуть Колесо Закона, затем закрыть и повернуть назад глаза, чтобы смотреть на Свет Бессмертного семени. Тогда мысли ослабеют и сами исчезнут. Пребывая в этом состоянии, нужно смотреть в центр нижнего Дянь Тяня, в котором Легкий ветерок обдувает Жизненность. Центр становится горячим, и из него Свет Эликсира поднимается, освещая все между пупком и глазами белым Светом. Основание пениса начнет при этом вибрировать, и можно по ошибке подумать, что Бессмертное семя со-

зрело. Поскольку это не так, то нужно воспользоваться вибрацией, чтобы собрать алхимический элемент для выращивания этого семени. Чтобы определить степень зрелости семени, нужно применить упомянутый выше метод с керосиновой лампой. Если семя еще не созрело, то нужно собрать алхимический элемент, чтобы развить этот Свет, и затем практиковать еще раз 12 этапов, описанных в этой книге. Это называется поднятием и опусканием внутреннего Огня для создания Духовного Огня, чтобы увидеть, не развилось ли семя полностью. Мастер Пэл Мэу Чкан сказал: «Метод создания Бессмертного семени состоит из «соединения» сердца с глазами для точечной концентрации на низе живота, чтобы в случае вибрации Жизненность могла бы сразу же начать циркулировать на Микрокосмической Орбите для очищения; однако малейшая небрежность может вызвать ее утечку и свести на нет все достижения». Если на этом предварительном этапе пенис сокращается, то это еще не доказывает, что он действительно втягивается внутрь. Если Бессмертное семя дает только искры, значит оно еще не созрело. Практикующий должен продолжать прилежно трудиться, пока пенис не втянется в низ живота. Белый Свет сначала покажется перед бровями, а со временем заполнит пространство между ними и нижним Дань Тянем. Это будет свидетельствовать о зрелости Бессмертного семени. Но если после длительной тренировки этот Свет не покажется, то практикующий должен зажечь и поместить перед собой брусок фимиама и затем сфокусировать свои глаза, чтобы смотреть на его горящий кончик. После кругового вращения глазами слева направо 9 раз Бессмертное семя будет совершенно созревшим и ярким. Дальнейшая тренировка понадобится для того, чтобы поднять этот яркий Свет Эликсира от нижнего Дань Тяня до глаз, который тогда вспыхнет 2 или 3 раза. Свет Эликсира сверкает, как чистое золото, и похож на огненный шар, который служит знаком того, что Бессмертное семя полностью развилось.

Старший мастер Лю Юн Ну сказал: «Практикующий должен знать метод выращивания и развития Бессмертного семени. Если Духовность не безмятежна, семя не может образоваться и Эликсир Бессмертия не может быть

приготовлен. Если Жизненное дыхание не удерживается в нижнем Дань Тяне, то Свет семени не появится. Как сердце (Обитель Огня), так и дыхание должны быть заморожены в нижнем Дань Тяне. Хотя Жизненное дыхание может покинуть его случайно, сердце никогда не должно отдаляться от него. Сердце и зрачки глаз должны быть всегда сконцентрированы на этом центре, пока не вернется постнатальное Жизненное дыхание и не останется там, чтобы поддерживать пренатальную Жизненность, которая будет растить и развивать семя, приводящее к появлению Света Эликсира. Последний подобен огненному шару, величиной с пулю, в центре нижнего Дань Тяня, который станет горячим, заставляя основание пениса вибрировать и приводить в движение пренатальную Жизненность. Теперь практикующий должен визуально представить себе, как эта Жизненность поднимается от основания позвоночника в канале управления (Ду Мо), вверх до мозга (Ли Вэнь) и оттуда спускается по каналу действия (Жень Мо) к смертному затвору (в основании пениса), чтобы распространиться по всем частям тела. В результате Жизненность и кровь проникнут повсюду, укрепят тело, вырастят и разовьют Бессмертное семя».

Бессмертный Тань Чи Мин сказал: «Великое Дао состоит в сублимировании воспроизводящей силы в Жизненность, полнота которой будет растить и развивать Бессмертное семя, Свет которого свидетельствует о действительной, положительной воспроизводящей силе. Это является культивированием как Основной Сущности, так и Вечной Жизни, целью которой является осуществление полного развития положительной Жизненности. Если Духовность колеблется, вызывая ночные поллюции «Самой Драгоценной воды», тогда отсутствие этого Света подтвердит потерю действительной положительной воспроизводящей силы. Все ученики должны обращать особое внимание на этот метод сублимирования, ибо если Бессмертное семя правильно выращивается внутри, то оно будет поддерживать положительную воспроизводящую силу извне, обуславливая появление Света Основной Сущности и Вечной Жизни». Нан Хуа Цзин говорит: «Действительная положительная воспроизводящая сила таинственна».

В Дао Дэ Цзин говорится: «Воспроизводящая сила, которая реальна, существует внутри той, которая глубока и загадочна». Эта реальная воспроизводящая сила является Истинным семенем в теле человека. Поскольку ее природа неясна, она называется Цай Цэн (Великий Предел). А так как она является началом Творения, то еще называется пренатальной (Сянь Тянь — «Прежде Неба», трансцендентальный, или априорный). Так как она неразделима (Инь-Ян), то она называется Единой Жизненностью, Желтой почкой (Хуан Я), Таинственным Перлом (Сюань Чжу) и положительной воспроизводящей силой (Ян Цзин). Если эта воспроизводящая сила заморожена между Небом (головой) и Землей (низом живота), то она становится Светом Бессмертного семени.

В: Вы сказали, что если практикующий не получит указания от компетентных мастеров, то внутренний Свет, который можно создать, не будет полным и ярким. Почему?

О: Он называется светом Жизненности (Жуй Гуанем), а когда он развивается полностью — Золотым Светом (Шань Гуаном). Воспроизводящая сила, которая еще не созрела, не может произвести Золотой Свет. Свет Жизненности подобен душе, а Золотой Свет — семени и сияет, как чистое золото. Бессмертное семя — это кристаллизация положительной воспроизводящей силы. Когда она полностью развита, нужно повернуть глаза назад, чтобы сконцентрироваться на центре нижнего Дань Тяня и смотреть на него, чтобы элемент Огня глаз сверху опалил элемент Воды в животе внизу для создания положительной Жизненности внутри воспроизводящей силы. Свет глаз, направленный вниз, является положительным, и когда он встречается с отрицательным Светом, тогда будет распространяться Драгоценный Свет (Нао Гуанем). Это подобно электрическому току, который при замыкании положительного и отрицательного полюсов дает яркий свет. Если воспроизводящая сила не восстановлена полностью до уровня, достигнутого к моменту половой зрелости, она не сможет создать белого Света Жизненности, подобного Лунному Свету.

Если воспроизводящая сила восстановлена полностью и становится столь же эффективной, что и к моменту половой зрелости (это обнаруживается, когда пенис втяги-

вается внутрь), то положительная и отрицательная Жизненности соединяются, чтобы создать яркий Свет, сияющий, подобно чистому золоту. Белый Свет Жизненности свидетельствует о несовершенном теле, несущем отрицательное начало, которое может создать земные состояния, в то время как Золотой Свет говорит о полноте воспроизводящей силы, Жизненности и Духовности, соединенных в одно целое. Некоторые тусклые проявления Драгоценной вещи и Золотого Света вызываются ночными поллюциями. Это аналогично короткому замыканию цепи, вызывающему выключение электрического света. Если электрическая лампочка треснула, то воздух войдет в нее и свет погаснет. Аналогично, если допустить возникновение мыслей во время медитации, то внешний воздух войдет в тело и задует Драгоценный Свет. Ученики должны на это обратить особое внимание.

В: Вы говорили, что практика собирания, поднятия и создания Духовного Огня для появления Золотого Света не должна часто повторяться, потому что это может вызвать головокружение и рассеивает пренатальную Жизненность. Почему?

О: Орган природы (Синь Гэнь) — сердце — связано с полостью Жизненности — Мин Мяо или нижним Дань Тянем каналом Чун Мо. Если истощенная воспроизводящая сила полностью восстановится при помощи алхимического процесса, тогда она будет иметь доступ к Океану Основной Сущности (Синь Хаю), полости в центре мозга, связанной с обоими глазами, а также с сердцем. Несмотря на это состояние, Драгоценный Свет не появляется на некоторых этапах практики, поскольку центр Основной Сущности (Цэн Цяо) еще закрыт. Чтобы открыть этот центр, нужно поставить перед собой керосиновую лампу и концентрировать глаза на ее пламени, вращая ими слева направо 9 раз, чтобы завибрировала положительная Жизненность в этом центре (между и под глазами) и опустилась до полости Вечной Жизни под пупком, уже наполненной отрицательной Жизненностью, так что обе Жизненности соединяются, дабы пронизывающим взрывом открыть Исходную полость Духовности в центре мозга. Это называется пронизыванием полости, которое даст выход Драгоценному Свету.

Этот Свет ярк, как свет Луны. Он свидетельствует о полноте производящей силы и называется Светом Жизненности. Когда Свет делается Золотым и сверкающим, подобно чистому золоту, он показывает зрелость Бессмертного семени и называется Золотым Светом. Если центры В и С не связаны, то вращение глазами соединит их. Центры L и A соединяет процесс сублимирования Жизненности в D и I. Частое использование техники поднятия Огня вызывает головокружения и повреждает Жизненность. Каждый оборот глаз заставляет Жизненность из полости Жизни возноситься вверх, распространяясь ко рту, глазам, ушам и ноздрям, образующим 7 отверстий, через которые Жизненность рассеивается наружу. Через полость Небесного Водоема над ртом утекает наружу больше всего Жизненности. Потеря Жизненности, вызываемая чрезмерными разговорами и пением, превышает потери при других видах деятельности. Поэтому практикующие даосскую алхимию всегда приподнимают кончик языка к нёбу, независимо от того, ходят они, стоят, сидят или наклоняются. Это не только блокирует Небесный Водоем и предотвращает утечку Жизненности, но также и образует мост, по которому Жизненность опускается от центра Сюань Ин (Таинственная Уздечка позади Небесного Водоема в нёбо) вниз к горлу, сердцу, полости Цзян Гун (солнечному сплетению), к центру нижнего Дань Тяня (O) и смертному затвору (A), чтобы вырастить Бессмертное семя.

Все ученики должны знать, что если полость Небесного Водоема в нёбе закрыта, тоща Юань Им не может открыться в нижней части тела, если канал действия Жень Мо закрыт, то канал управления Ду Мо в позвоночнике не может открыться; что если другие 6 психических каналов (Чун Мо, Дай Мо, Ян Вэй, Инь Вэй, Ян Чао и Инь Чао) не закрыты, то полость Духовности между и позади глаз не откроется, и Жизненность в бессмертном зародыше не может выйти.

Я испытал много трудностей и разочарований, перебрав около 30 мастеров, из которых лишь немногие были по-настоящему просвещенными и компетентными Учителями. Трудно найти достойное руководство. Я даю его вам в этой книге. Если вы внимательно прочтаете ее, то за короткое время поймете секреты алхимии.

ПРИГОТОВЛЕНИЕ ЭЛИКСИРА БЕССМЕРТИЯ

Недостаток Бессмертного семени может быть исправлен применением немедленного и быстрого Огня от управляемого дыхания, так что пенис сократится, внутренний Свет появится перед глазами, жужжание Дракона и рыкание Тигра будут услышаны ушами, и сердце (Обитель Огневой Сущности) засветится. Когда практикующий убедится в зрелости Бессмертного семени, нужно остановить Огонь прекращением регулируемого дыхания, чтобы собрать Макрокосмический алхимический элемент для окончательного прорыва, то есть прилагая усилие для открытия полости Духовности (между и позади глаз), которая начнет излучать Драгоценный Свет.

После того как практикующий испытал все 6 состояний (см. в гл. XI), а также вспышки Света и сокращение пениса, возможно, он будет не в состоянии собрать что бы то ни было, когда его пенис внезапно встанет, как обычно, в час Жизни Цзы, поскольку воспроизводящая сила и Жизненность соединились, чтобы создать Бессмертный зародыш. В этом случае он должен применить метод выращивания и развития Бессмертного семени, заключающийся в объединении и направлении обоих глаз на центр нижнего Дань Тяня, чтобы трансмутировать его Основную Сущность в ее рудиментарном состоянии Жизненного дыхания в ее существующее состояние.

С этого момента будет существовать только одна гармоничная Жизненность, которая соединит все несовершенное дыхание и Жизненность в теле в один однородный процесс, который появится, начиная от груди в виде однородного белого Лунного Света внутри и вне практикующего. В этом состоянии полной сил весны действительное дыхание кажется существенным и пренатальная Духовность становится воспринимаемой, а Жизненность непрерывно возрастает. Теперь практикующий должен остерегаться поднятия интеллекта, который помешает Жизненности развиваться, а Духовности — сохранять целостность.

Вы никогда не должны нарушать запрета против как крайнего пренебрежения, так и чрезмерного внимания.

Если возбуждение мыслей заставит духовное тело исчезнуть, то по причине пренебрежения. Если сердце не блуждает вовне и не отбивается от духовного тела, то благодаря отсутствию пренебрежения. Если вы чрезвычайно конкретны и упрямы, снижая тем самым процесс алхимии, то это от чрезмерного внимания, но если удерживаетесь от вмешательства в то, что совершается спокойно, то это — свобода от чрезмерного внимания. Пренебрежение ведет к монотонности и путанице, а чрезмерное внимание — к рассеянию Духовности и Жизненности. Обе они являются грубыми ошибками, и их нужно избегать.

Жизненное дыхание, распространяемое во все части тела, является смертным. Если его удерживать, то будет Жизнь. Если же оно будет рассеиваться, тогда Жизнь придет к концу. Отсюда в мгновение ока возникает Бессмертие или смертность. На этом этапе уже заложено основание, все центры и каналы прочищены и не осталось никаких загрязнений. Если вы не имеете сильной поддержки в виде непреклонной решимости, допускаете пробуждение страсти при виде красивых форм, позволяете Духовности идти по следам чувственных восприятий, то, поскользнувшись раз, вы обесцените все предыдущие успехи. Воспроизводящая сила не является ни материей, ни формой. Оставаясь в теле, она является Жизненностью, а если уходит, то в виде половой жидкости. Она ухудшается при действии семи страстей: радости, гнева, горя, страха, любви, ненависти и желания, воздействующих на сердце, и, кроме того, под действием 10 вредных излишеств и 9 неустановленных дыханий. Она распространяется в теле по всем каналам. Если она возвращается обратно после своего обычного мирского курса, то ее можно собрать и вернуть в Исходную полость под пупком, и Бессмертие еще может быть достигнуто.

Семью страстями, наносящими ущерб Жизненности, являются: сильный восторг, повреждающий сердце, сильный гнев — печень, горе — легкие; страх — желчный пузырь, любовь — Духовность; ненависть — характер, а сильное желание — желудок. Десятью излишествами, наносящими ущерб Жизненности, являются: ходьба, портящая нервы, стояние — кости, сидение — кровь, сон — кровообращение, радость — воспроизводящую силу, рассмотрение предметов — Духовность, разговор — дыха-

ние, размышление — желудок, еда — сердце, секс — саму жизнь.

9 неустановленных дыханий вызываются: гневом, поднимающим, и страхом, понижающим дыхание, радостью, замедляющей, горем, разбрасывающим, ужасом, прерывающим, размышлением, сковывающим, тяжелым трудом, истощающим, жарой, рассеивающей, холодом, собирающим его. Если практикующий хочет собрать Макрокосмический алхимический элемент для окончательного прорыва, он должен остерегаться этих семи страстей, десяти излишеств и девяти беспорядочных дыханий. Если он не соберет этого элемента для финального прорыва, но все же практиковал в других методах, которые следуют 12 уже изложенным этапам, то и тогда он сможет продлить свою благополучную жизнь. Те, кто могут собрать Макрокосмический элемент, но не знают, как действовать или как сублимировать его Огнем поэтапно, напрасно тратят усилия на 7 страстей и сексуальных соблазнов, возникающих от цвета, формы, манеры поведения, голоса, мягкости очертаний. Как же при этом осуществить Бессмертие?

Некоторые изучают этапы очищения Огнем и рассчитывают достигнуть Бессмертия, но не осознают механизма использования Огня, подобного процессу выращивания цветов зимой. Излишний жар приведет к усыханию и гибели растения, а если жар слабый, то растение будет слабым, не зацветет и не принесет плодов. Огонь не должен быть слишком слабым или сильным. То же самое, если вы практикуете сублимацию Огнем по этапам. Делая это правильно, можете быть уверены, что создадите Бессмертное семя.

В: Что такое Бессмертное семя, как человек создает его и как он узнает — созрело оно или нет?

О: Когда воспроизводящая сила поднимется для соединения с Основной Сущностью, показывается белый Свет Жизненности. Он подобен Лунному Свету и его полнота соответствует половине всего. Когда Жизненность опускается, чтобы соединиться с Вечной Жизнью, тогда показывается Золотой Свет. Он имеет красновато-желтый цвет и его полнота соответствует другой половине. Соединение того и другого Света создает то целое, которое и есть Бессмертное семя.

После возвращения Духовной Драгоценности к своему Источнику в нижнем Дань Тяне, точечная концентрация на нем со временем вызовет испускание, вкрапление Золотого Света в белых промежутках между бровями. Это и является обладанием Бессмертным семенем, созданным соединением воспроизводящей силы, Жизненности и Духовности в одно целое. Когда тело внутри наполнено им, тогда снаружи покажется Свет. Этот белый и зеленый Свет подобны положительному и отрицательному полюсам электричества, а соединение воспроизводящей силы, Жизненности и Духовности подобны тому, без чего нет Света. Таким образом, если два Света не смешиваются внутри, то и снаружи не будет освещения. Их соединение вызывается смешением пяти Жизненных дыханий (см. ниже) в одну Жизненность для выращивания Бессмертного семени в низу живота, без чего не появится и Золотой Свет.

Эти дыхания приходят от Жизненности в полости нижнего Дань Тяня, откуда они распространяются по пяти сосудам как Жизненное дыхание: элемента Металла — в легкие, элемента Дерева — в сердце, элемента Земли — в животе и элемента Воды — в низу живота. Эти 5 дыханий могут быть либо сильными, либо слабыми, но если они слишком сильны или слабы, то вызывают болезнь, а если закупоривают соответствующий сосуд, то вызывают паралич или болезнь бери-бери.

Если медитацией добиться возвращения всех 5 Жизненных дыханий обратно к Источнику над пупком, то Жизненность там становится активной и циркулирует в теле, поднимаясь от основания позвоночника к макушке, отражая серебристый Свет спинного костного мозга. Затем она спадает к горлу и внутренностям, увеличивая их яркость до такой степени, будто полная луна светит в сердце. Если элемент Огня в сердце слишком силен, то он спалит кровь. При этом нужно избегать излишних разговоров и размышлений, чтобы дать сердцу покой. Он укрепит Духовность и тело, потому что Духовность ослабевает от беспокойства и расцветает в тишине и в Беспредельной Пустоте.

В: Что за 6 состояний, показывающих, что Бессмертное семя готово?

О: Когда Золотой Свет показывается в глазах, слышимы звуки вибрации затылка, жужжание Дракона в правом ухе и рыкание Тигра в левом, Огонь пылает в центре Даны Тяня, во всем теле поднимаются пузырьки, спазмы сотрясают вас и пенис сжимается. Таковы признаки завершения, что является первым шагом на этом этапе.

В: Если после практикования двенадцати указанных вами этапов появится Золотой Свет, что следует делать дальше?

О: Концентрируйте постоянно глаза на центре нижней Сущности, и сердце начнет испускать вспышки огня в глазах. Наблюдайте спокойно, пока в этом длительном состоянии вспышки не приведут к золотому свечению — первому проявлению положительного Света. На этом этапе у вас должны быть 4 необходимые для алхимии принадлежности: утварь, деньги, компаньоны и подходящее место для медитации. Утварью является круглый деревянный предмет, похожий на круглую булку, обтянутый тканью, чтобы, сидя на нем, закрыть анус, и матерчатая затычка для ноздрей. Деньги служат платой для питания практикующего алхимию. Место — спокойная хижина или храм поблизости от города. Лишь обеспечив все эти 4 условия, можно отправиться в горы для практикования последнего шага. Если хотя бы одно из них не выполнено, то нельзя практиковать метод остановки Огня. Однако можно собрать Макрокосмический алхимический элемент, чтобы продлить свою жизнь и ждать возможности продолжать тренировку.

В: Научите меня способу остановки Огня, чтобы я мог обеспечить 4 необходимых условия и отправиться в горы для продолжения тренировки.

О: После первого проявления положительного Огня, как было объяснено выше, практикующий должен получить 4 необходимые принадлежности и идти в спокойное место продолжать поддерживать соединение Света Основной Сущности со Светом Вечной Жизни. Со временем Золотой Свет внезапно вновь покажется, но гораздо более ярким. Это является вторым проявлением положительного Света. Теперь нужно практиковать метод остановки Огня, чтобы собрать Макрокосмический элемент. Третье проявление положительного Огня будет, по Карме, отличным от первых двух. Остановить Огонь —

значит остановить регулирование дыхания и циркулирование воздуха, которые теперь нужно заменить сердцем, Духовностью и мыслью, комбинирующиеся, чтобы подняться вверх по каналу управления Ду Мо в позвоночнике и вниз по каналу действия Жень Мо. Однако нельзя пренебрегать ни на минуту внутренним жаром, иначе можно охладить Жизненность, которая должна путем концентрации всегда поддерживаться теплой.

Компаньоны практикующего должны снабжать его пищей и питьем, чтобы он мог продолжать тренировку без помех. Со временем он вступит в демонические состояния, которые предстанут как картины рая во всем его величии, или ада — со страшными, вызывающими трепет головами и лицами, с непрерывно меняющимися формами. Если он не способен изгнать эти видения, вызываемые пятью совокупностями, а также и видения женщин и девушек, которые смущают его, тогда он должен успокоить свое сердце (ум). Правильный метод заключается в том, чтобы не видеть все, что зримо, и не слышать того, что слышимо, но интенсивно сосредоточиться на внутреннем, смотреть на точку между глазами и практиковать седьмой этап (см. гл. VII), чтобы провести Жизненность через 4 кардинальные точки А, D, С, I. Это сразу же устранит все демонические препятствия.

Известно, что эти препятствия создаются отрицательным Жизненным дыханием, остающимся во внутренностях. Поскольку практикующий теперь чувствует, что отрицательные дыхания сильны, а положительные еще слабы, то он должен вращать глазами, чтобы впустить последние и выпустить прочь первые, и убрать все препятствия. Препятствия вызываются и дурными мыслями, возникающими в сердце (уме) и изменяющими положительные Жизненные дыхания на отрицательные, и мешают проявлениям трех положительных Огней, а также развитию Макрокосмического алхимического элемента. Этот недоразвитый элемент не может обеспечить окончательного прорыва тела, целиком положительного.

Мой мастер Ляо Кун сказал: «При первом проявлении положительного Света мы должны сразу же обеспечить себя четырьмя необходимыми элементами для дальнейшей тренировки. Когда положительный элемент появится во второй раз, нужно сразу же остановить Огонь, чтобы

создать Макрокосмический элемент. Когда он проявится в третий раз, нужно немедленно собрать Макрокосмический алхимический элемент для завершения прорыва, чтобы преобразовать Жизненность в Духовность и этим перейти от Земного в Святое состояние, и, таким образом, покинуть состояние ясности, чтобы появиться в бесчисленных изменяющихся телах». Финальное достижение делается возможным благодаря прорыву, который является главным шагом.

В: Не могли бы вы детально объяснить эти три проявления положительного Огня?

О: Если после остановки Огня практикующий не знает ничего относительно метода Макрокосмического алхимического элемента, то положительный Огонь не покажется в третий раз. Если он получил надежные указания от опытного мастера и знает, как собрать элемент немедленно после остановки Огня, тогда положительная Жизненность в центре нижнего Дань Тяня вызывает излучение Бессмертного семени. Так как Свет Основной Сущности в Исходной полости Духовности теперь сконцентрируется ниже пупка, то положительный Свет Жизненности в том центре будет возноситься вверх, чтобы проявиться перед глазами, заставляя оба Света соединиться и оставаться недвижимыми, в то время как пространство между глазами и пупком будет испускать лучи красного Золотого Света. Эти два Огня подобны мужским и женским органам в цветке, соединение которых приносит плоды.

Существует метод концентрации для сбора Макрокосмического алхимического элемента с проявлением положительного Света в постоянном выращивании и сохранении Света Сущности и Света Жизни, поддерживая их в теле теплыми. Если они полностью развиты, то автоматически соединятся, чтобы создать бесформенный внешний Свет, и никогда не разъединятся. На этом этапе практикующий чувствует как бы прекращение носового дыхания, и его пульс перестает биться, что свидетельствует о полноте Вечной Жизни после того, как все ответвления возвратились к корню. Причина сосредоточения в голове Жизненных дыханий сердца, желудка, печени, легких и низа живота заключается в собирании Макрокосмического алхимического элемента для финального прорыва.

Хуэй Мин Цзин Цзи Шо сказал: «Когда Свет, белый или Золотой, проявляется, чтобы открыть Основную Сущность, практикующий должен обратиться к опытному мастеру и получить указания относительно его собирания. Если Свет не сконцентрирован, то он рассеется и вновь не появится. Метод его собирания заключается во вращении глазами от А к D и от С к I. После того как Свет собран и 6 органов качнулись, практикующий должен собрать Макрокосмический алхимический элемент. Если он не сделает этого, то Бессмертное семя не сможет подняться к голове и финальный прорыв не произойдет. Теперь практикующий ближе к своей цели, и он должен сделать последний шаг».

Глава XIII

СОБИРАНИЕ МАКРОКОСМИЧЕСКОГО АЛХИМИЧЕСКОГО ЭЛЕМЕНТА ДЛЯ ФИНАЛЬНОГО ПРОРЫВА

Это метод сидения в молчаливой медитации, чтобы провести Духовность и Жизненность в центр нижнего Дань Тяня. Практикующий должен сидеть на деревянном кружке, размером с маленькую булочку, покрытую тканью, как раз достаточном, чтобы закрыть снизу смертный затвор и, таким образом, предотвратить утечку Жизненности через анус. Одновременно сверху ноздри должны быть закрыты матерчатой затычкой, чтобы не дать возможность Бессмертному семени уйти через нос. Пребывая в прозрачной тишине, практикующий должен избегать напряжения и использовать вибрацию Жизненности для продвижения и поддержания подъема Макрокосмического алхимического элемента, который затем начнет сам подниматься в этом состоянии ментального безразличия, но практикующий ни в коем случае не должен торопиться с реализацией своих намерений.

Затем он должен практиковать методы «Пяти драконов, поддерживающих одного Святого», «Передвижения трех повозок в гору», «Сосания, давления, щипания и закрывания», которые, будучи правильно выполненными, создадут Макрокосмический элемент за 6 дней, вместо указанных в книгах семи. Этот элемент не может быть со-

здан при отсутствии предсказанных состояний, а также при отсутствии у практикующего четырех необходимых элементов, указанных ранее. Эти 6 предсказанных состояний, которые проявляются, когда Макрокосмический алхимический элемент полностью развился, как было разъяснено в гл. XII, не показываются одновременно в один день.

Сперва жар разовьется в полости нижнего Дань Тяня, после чего почки станут горячими, как кипяток. Затем глаза проявят свой Золотой механизм. После этого послышится рычание Тигра в левом ухе и жужжание Дракона в правом. Затем завибрирует затылок, пузырьки поднимутся в тело и спазмы сотрясут нос. Таковы 6 предсказанных состояний, указывающих на создание Макрокосмического алхимического элемента, и они сопровождаются ослаблением источника вожделения в яичках и сопутствующим преобразованием воспроизводящей силы в полную Жизненность. Когда последняя завибрирует, она выкристаллизовывается в Бессмертное семя, и только тогда пенис сожмется, как в младенчестве. Это является настоящим втянутым состоянием, когда пенис сокращается и больше не будет приходить в состояние эрекции, что вызовет запираение полового затвора, и, таким образом, обеспечивается предотвращение утечки наружу Жизненности. Так достигается состояние Бессмертия.

Вышеописанный метод запираения полового затвора в кончике пениса служит только для предотвращения утечки наружу Жизненности с целью сохранения Жизни. Поэтому патриарх Ли Сой Ань сказал: «Закрой его и опять закрой его; только тогда может быть достигнуто Бессмертие. Если он не будет дважды закрыт, Бессмертие не сможет быть достигнуто». Поэтому стремящиеся к Бессмертию должны обратить на это особое внимание.

Вторичное закрывание полового затвора достигается эффективной тренировкой, приводящей к тому, что он закрывается самопроизвольно. После этого пенис не будет больше напрягаться и явится источником воспроизводящей силы для сублимации. Это и есть как раз подходящий момент для прекращения Огня, создаваемого регулируемым дыханием. Теперь всю воспроизводящую силу, очищенную и накопленную в яичках, можно преобразовать в Бессмертное семя. Когда Золотой Свет этого Бессмертного семени покажется впервые перед глазами,

практикующий должен немедленно обеспечить себя четырьмя необходимыми элементами: принадлежностями, едой, компаньонами и спокойным местом для более успешного продвижения в тренировке. Если он еще молод и у него есть родители и дети, о которых нужно заботиться, тогда он не может удалиться в горы и тренироваться для прорыва и финального выхода за пределы мирского. Однако даже тогда он станет мирским искателем, свободным от всех болезней и наслаждающимся долгой жизнью. Если же его родители умерли, а дети уже выросли и стали независимыми и у него нет иждивенцев, то он должен быстро обеспечить себя этими четырьмя необходимыми элементами.

Под элементами подразумеваются предметы, используемые во время его тренировки: деревянный кружок для сидения и матерчатые затычки для носа. Необходимо снабжение питанием на срок от трех до девяти лет. Под компаньонами подразумеваются те, кто проходят ту же тренировку и дали клятву помогать ему в достижении поставленной цели. Спокойное место — древний даосский монастырь или удаленная от жилищ и кладбищ гора, не подвергающиеся отрицательным влияниям. Рекомендуется выбирать старинные жилища, в которых прежние мастера достигли Бессмертия, так что они свободны от мешающих демонов и практикующий может пользоваться в них защитой своих Просветленных предшественников.

Бессмертное семя в яичках питается положительной Жизненностью, и лишь когда она возвращается к своему Источнику в центре нижнего Дань Тяня, Золотой Свет возникнет второй раз, после чего положительная Жизненность, теперь уже полная, заменит собой ослабевшее Жизненное дыхание, чтобы развиваться дальше.

В случае вибрации дыхания практикующий должен собрать алхимический элемент в полном объеме, чтобы восполнить потерю воспроизводящей силы и довести ее до первоначальной полноты, как в момент половой зрелости. С целью остановки Огня это собирание элемента должно производиться путем не вдохов и выдохов, а концентрации сердца, Духовности и мысли на поднятие элемента по позвоночнику и опускание по передней стороне тела, чтобы Бессмертное семя развилось полностью.

Внезапно между бровями появятся искры, сердце будет полно Света, и Жизненность будет испускать Золотой Свет, который покажется в третий раз, и это будет благоприятным моментом для сбора Макрокосмического алхимического элемента. Второе появление положительного Света является сигналом для прекращения Огня, чтобы начать сбор Макрокосмического алхимического элемента, а третье появление — это сигнал, чтобы захватить элемент для решительного прорыва. Его четвертое проявление укажет на неудачу практикующего с прекращением Огня из-за неправильного применения вдохов и выдохов на этом этапе — элемент последует за Огнем, который не был прекращен, чтобы вылиться наружу в форме постнатальной половой жидкости, сводя на нет все достигнутое. Учащиеся должны на это обратить особое внимание. Метод собирания Макрокосмического алхимического элемента в течение семи дней для финального прорыва заключается в ежедневной непрерывной концентрации обоих глаз на центре Дянь Тяня, чтобы со временем появились 6 предсказанных состояний. Практикующий должен применить метод качания шести органов чувств для поднятия Бессмертного семени, чтобы оно прошло через три Затвора в позвоночнике.

Вибрации органов чувств (носа, пениса, глаз, ушей и языка) исходят от интеллекта. В результате и пенис вибрирует, поднимая Бессмертное семя, которое становится очень активным. Если 6 органов чувств (включая интеллект) вибрируют, то Бессмертное семя в яичках начнет продвигаться к смертному затвору в основании пениса. Затвор закрыт, однако, семя пройдет через него, чтобы пробиться вверх к сердцу, где оно задерживается в пронизывающем канале (Чун Мо), который также закрыт. Если практикующий не знаком с методами «Пяти Драконов, поддерживающих одного Святого», «Сосания, давления, шипания и закрывания» и «Духовности, поднимающей козлиную тележку», тогда Бессмертное семя не пойдет по правильному пути и отклонится от неоткрытого основания позвоночника, чтобы найти выход наружу через анус.

Если случится так, то все было напрасно. Это является опасностью «падения с некоего сорочьего моста» (Ся Чу Ця, или же ануса). Поэтому два Бессмертных — Цао и Йю — советовали применять маленький деревянный кру-

жок с выпуклой верхушкой, размером с маленькую булочку (Маньтоу — камушек), покрытый тканью, чтобы, сидя на нем, закрывать анус и предотвращать этим рассеивание наружу макрокосмического алхимического элемента. Если имеется, компаньон, то он может пощипыванием основания позвоночника помочь ввести Макрокосмический элемент в канал Ду Мо, чтобы поднять элементы по каналу вверх.

Если практикующий не имеет помощников, то можно применять другой метод. Надо руками тереть нижнюю часть позвоночника у его основания, чтобы согреть костный мозг над копчиком, и провести алхимический элемент вверх. Трение должно всегда быть направлено книзу, но никогда кверху. Этот важнейший момент всегда нужно помнить. Мы теперь знаем, что Макроскопический алхимический элемент останется на месте, если его проход через копчик закрыт. Если он будет он будет продвинут через основание позвоночника принудительно, по воле практикующего, то это еретическое намерение поднять его не принесет успеха, потому что малейшее возбуждение в сердце (Обители Огня) на этом этапе автоматически замкнет копчик.

Поэтому для ускорения данной процедуры рекомендуется метод «Пяти Драконов, поддерживающих одного Святого». Хотя проход Драгоценной Жемчужины закрыт, и ни возбуждение в сердце (местоположение Огня страсти), ни концентрация Духовности не могут привести его в движение, однако пощипывание компаньона согревает и освобождает костный мозг в копчике, чтобы дать семени проход. Вдобавок, практикующий должен еще прижать палец к смертному затвору в основании пениса, и Жизненность в Драгоценной Жемчужине сама пробьется через основание позвоночника. Поэтому практикующий должен не концентрироваться на приведении в движение элемента, а ждать, когда элемент самопроизвольно пробьется, и тогда мягко провести его в канал.

Если он внезапно придет в движение, чтобы пробиться к копчику, тогда нужно помочь ему в этом, прижав палец к смертному затвору и одновременно поднимая глаза. Затем нужно мягко и медленно описать глазами один круг, действуя подобно козлу, медленно тянущему повозку в гору, чтобы помочь элементу в его подъеме. Нужно

также поддержать этот подъем, прижимая язык к нёбу и всасывая дыхание через нос. Наконец, если с треском вытянуть спину, то элемент сам пробьется через Первый Затвор в основании позвоночника. Теперь компаньон должен немедленно щипать позвоночник над копчиком, чтобы продвинуть Драгоценную Жемчужину до Второго Затвора между почками. Если он закрыт и Жемчужина остановится, то компаньон опять должен щипать позвоночник, способствуя дальнейшему подъему Жемчужины.

Однако, если практикующий намеревается «тянуть» ее вверх, то потерпит неудачу, ибо как только мысль возбudit его сердце, Второй Затвор закроется сам по себе. Поэтому метод «Пяти Драконов, поддерживающих одного Святого» и был рекомендован древними для ускорения подъема Жемчужины. Хотя проход для Драгоценной Жемчужины закрыт и ни возбуждение сердца, ни концентрация Духовности не могут привести ее в движение, щипание компаньона согреет и ослабит костный мозг во Втором Затворе, чтобы дать ей пройти. Вдобавок, практикующий должен прижать палец к смертному затвору, и Жизненность в Драгоценной Жемчужине сама пробьется через Второй Затвор между почками.

Если элемент Жемчужины внезапно придет в движение, чтобы пробиться через Второй Затвор, практикующий должен помочь этому движению, надавливая пальцем на смертный затвор и глядя в то же время вверх, чтобы подтянуть Жемчужину. Затем нужно быстро сделать одно вращение глазами, действуя подобно оленю, быстро тянущему повозку в гору, чтобы поднять Драгоценную Жемчужину. Нужно поддержать подъем прижатием языка к нёбу и всасыванием дыхания через нос. Наконец, если он с треском вытянет кусочек спины, то элемент сам пробьется через Второй Затвор.

Теперь компаньон должен быстро щипать позвоночник под Вторым Затвором между почками, и Драгоценная Жемчужина постепенно поднимется к Третьему затвору в затылке. Если он закрыт и Жемчужина остановилась там, то компаньон должен щипать голову сзади, чтобы облегчить подъем, потому что нельзя двигать Жемчужину ни мыслью практикующего, ни концентрацией. Она может двинуться только самопроизвольно из-за пощипываний

компаньона, согревающих и размягчающих спинной мозг в Третьем Затворе. Практикующий, надавливая пальцем на смертный затвор, побуждает Жемчужину пробиться к затылку, но нужно ждать, когда она сама войдет в него, прежде чем ввести ее в нужный канал. Когда она внезапно пробьется самопроизвольно через заднюю часть головы, тогда практикующий должен немедленно смотреть вверх, чтобы поддерживать ее подъем.

Практикующий должен теперь заставить глаза смотреть вверх подобно быку, тянущему повозку в гору. Нужно поддерживать этот подъем, прижимая кончик языка к нёбу и всасывая воздух через нос. Наконец, если он вытянет часть спины с хрустом, то Жемчужина сама пробьется в затылок. Компаньон должен быстро щипать заднюю сторону его шеи, чтобы согреть и освободить там костный мозг. Тогда Жемчужина может медленно войти в Хранилище ветра (Фэн Фу — полость в задней части головы), продолговатый мозг, мозжечок и Жизненную полость Сушности — Духовности в центре головного мозга.

Когда Жизнь — Жизненность встречает Сушность — Духовность, они соединяются и остаются в той же полости. Практикующий должен применить тряпичные затычки, чтобы заткнуть ноздри, быстро закрыть глаза и вращать ими слева направо 9 раз, затем остановиться, чтобы смотреть на Свет Жизненности, который появится в этой полости. Вращение глазами надо повторить 4 раза по 9 оборотов каждое (всего 36 оборотов), во время которых его глаза должны вращаться так, чтобы поднять вверх положительное Ян. После этого нужно открыть глаза и вращать ими справа налево, затем закрыть их, чтобы снова посмотреть на Свет Жизненности. Нужно сделать 4 раза по 6 таких оборотов (всего 24 оборота), во время которых глаза вращаются так, чтобы опустить отрицательную Инь.

Это вращение глазами заставит Духовность и Жизненность соединиться в одну Жемчужину, которая называется пренатальным Истинным семенем. Когда глаза поворачиваются вниз, Истинное семя в Исходной полости Духовности (между и позади глаз) спустится со лба, чтобы найти выход через нос. Если практикующий не использовал тряпичные затычки, то семя уйдет наружу через ноздри, и все достижения пропадут. В этом заключается опасность «падения с верхнего сорочьего моста» (Шан Чу

Цяо, или носового канала), чтобы пользоваться ими на этом этапе.

Если Истинное семя не утечет наружу через нос и остановится между бровями, то практикующий должен остаться без мыслей и движений, с замороженной Духовностью, и смотреть вниз, ожидая, когда Истинное семя само придет в движение. Внезапно оно пробьется, и практикующий должен следовать за ним и вести его в полость Сюань Ин (Таинственную Уздечку позади Небесного Водоема во рту) и в горло, где ему угрожает другая опасность. Если не получены указания от опытного мастера, то он выпустит Истинное семя изо рта, но если он проинструктирован, то проглотит семя, и оно, пройдя через горло, попадет в сердце и печень, в основании которых помещается полость Цзян Гун (солнечное сплетение), и смешается там с отрицательным дыханием из печени. Истинное семя, если глаза устремлены на него, достигает кишечника, в середине которого проходит канал Жень Мо, а затем проскальзывает в полость нижнего Дань Тяня, где и остается в неподвижности. Таким образом, после прохождения Трех Затворов в позвоночнике Истинное семя поглощается, чтобы реализовать главную цель алхимии — Бессмертие.

В: Вы сказали, что метод «Пяти Драконов, поддерживающих одного Святого» обеспечивает финальный прорыв. Нельзя ли об этом подробнее?

О: Пять — это число элементов Земли, символизирующее правильную мысль. Дракон символизирует пренатальную Духовность. Поэтому термин «Пять Драконов, поддерживающих одного Святого» выражает секрет прорыва при помощи Макрокосмического алхимического элемента.

В: Мне еще не все ясно относительно «Пяти Драконов, поддерживающих одного Святого». Пожалуйста, объясните подробнее.

О: Когда практикующий собирает Макрокосмический алхимический элемент для финального прорыва, он должен воспользоваться моментом, когда все 6 органов чувств покачиваются, то есть Бессмертное семя вибрирует. Тогда нужно твердо сидеть на деревянном кружке, чтобы закрыть свое анальное отверстие, и смертный затвор в основании пениса закроется сам. Нужно также

проверить этот затвор, прижав к нему палец. Правильная мысль символизируется пятью элементами Земли. Духовность характеризует адепта, готового пожертвовать своим телом в стремлении к Бессмертию. Когда Драгоценная Жемчужина вибрирует, чтобы принять свой трансцендентальный курс, практикующий должен отказаться от своего тела. Внешне это означает кажущуюся смерть, а фактически, лишь идя против мирского пути, достигают Бессмертия. Это поворачивание назад мирского пути Жизни заключается в удержании смертного затвора рукой, укрепленной правильной мыслью, так что Драгоценная Жемчужина будет возноситься вверх. Смотреть вверх, чтобы всасывать Жемчужину вверх, — это и значит «поддерживать ее». «Один Святой» — это поднимающаяся Драгоценная Жемчужина. Поэтому метод «Пяти Драконов» всего лишь аналогичен методу, применявшемуся древними Патриархами и Учителями, не входившими в детали. Мой Учитель Ляо Кун приказал мне объяснить этот метод детально, чтобы будущие ученики могли пользоваться им.

В: Собираение Макрокосмического алхимического элемента за 7 дней для прорыва включает 4 приема: всасывание (Ан), давление (Ши), щипание (Цо) и закрывание (Пи). Можете ли вы объяснить это подробнее?

О: Эти термины описывают полный процесс собирания Макрокосмического алхимического элемента за 7 дней для финального прорыва. «Всасывание» — это проведение дыхания вверх с помощью ноздрей при одновременном устремлении взгляда вверх, чтобы помочь подняться Истинному семени. Всасывание и правильная мысль вместе помогают направленному вверх взгляду обеспечить подъем Драгоценной Жемчужины.

«Давление» — это прижатие языка к нёбу. Когда Истинное семя поднимается, оно должно еще поддерживаться дыханием в носовом канале, взглядом, устремленным наверх, и языком, прижатым к нёбу. При этом глаза должны описать один круг слева направо. При вращении глазами вы должны учитывать разницу в силах козла, оленя и быка, тянущих повозку в гору. «Щипание» выполняется компаньоном практикующего, который должен сжать канал Ду Мо. Когда Жемчужина вибрирует, анус закрыт деревянным кружком и смертный затвор в основа-

нии пениса сдавлен собственным пальцем практикующе-го, чтобы не дать Жемчужине выскользнуть наружу через эти два Затвора. Теперь компаньон должен быстро щипать основание позвоночника, согревая и ослабляя костный мозг в этом месте, чтобы Жемчужина могла свободно пробиться в него с треском. После этого компаньон должен щипать позвоночник между почками и затем с задней стороны головы, пока Жемчужина, пройдя Третий Затвор, не достигнет мозга.

«Закрывание» означает закрытие деревянным кружком ануса, затыкание тряпичными пробками ноздрей (носового канала) и надавливание пальцем на смертный затвор в основании пениса. Эти три Затвора закрываются, чтобы помешать Жемчужине ускользнуть наружу.

В: После собирания Макрокосмического алхимического элемента и его поднятия через Три Затвора (в позвоночнике) к мозгу — (Ли Вэню) он соединится с Ли Вэнем, чтобы сделаться Истинной Жемчужиной. К чему тогда техника подъема и опускания, практикуемая еще на этом этапе?

О: Истинная Жемчужина — это Жизнь — Жизненность Бессмертного семени, поднимающаяся через Три Затвора к мозгу (Ли Вэню), где оно встречается и соединяется с Сущностью — Жизненностью, чтобы сделаться Единым целым, являющимся пренатальным Истинным Сиянием Бессмертия. Техника положительного и отрицательного подъемов и опусканий практикуется для сублимации отрицательной Сущности — Жизненности и положительной Жизни — Жизненности, объединяя последние в Золотой Нектар, идущий затем вниз. Но это — не слюна во рту. Если ноздри не заткнуть, Золотой Нектар утечет через них. От Исходной полости Духовности (между и позади глаз) Золотой Нектар пройдет через полость Сканы Ни (над ртом) и потечет в горло. Когда он попадет внизу в дыхательное горло, практикующий, не получив правильных указаний, выбросит его с кашлем, и все достигнутое будет утрачено.

Поэтому древние Трактаты гласят: «Прежде чем Нектар спустится, нужно увлажнить дыхательное горло, чтобы Нектар сразу был проглочен с отчетливо слышимым звуком, как только он спустится. Тогда он войдет в сердце и достигнет полости солнечного сплетения под пе-

ченью, где Жизненное дыхание укрепит его. Затем он пройдет через кишечник и, наконец, войдет в нижний Дань Тянь под пупком, где создаст Истинное семя, которое будет цвести и приносить плоды».

В: Вы сказали, что Золотой Нектар произведет Истинное семя, которое будет цвести и плодоносить в полости Жизненности, то есть Дань Тяне. Не очень понятно. Объясните, пожалуйста.

О: Нелегко произвести Истинное семя Золотого Нектара. Это семя будет расти в полости Жизненности, давая желтый стебель, который зацветет и даст плод. Его цветком является Свет Жизненности, возникающий перед практикующим. У этого цветка есть тычинка и пестик, которые, соединяясь, дают плод. Если практикующий не знает, как их соединить, цветок будет иллюзорным и не даст плода. Его пестиком является Свет Жизненности, исходящий на Сущность — Жизненность, а его тычинки — это Золотой Свет, возникающий из Жизни — Жизненности. Соединение обоих видов Света и производит плод — Бессмертный зародыш.

Глава XIV

ОБРАЗОВАНИЕ БЕССМЕРТНОГО ЗАРОДЫША

После успешной практики предыдущих 13 этапов (см. гл. I—XIII), приведшей к прорыву, практикующий должен соединить две Жизненности — Сущности и Жизни, чтобы помочь Духовности образовать Бессмертный зародыш. Забвение (то есть остановка сознания, безмыслие) и циркуляция двух Жизненностей по Микрокосмической Орбите создают зародышевую Духовность, которая вернется к состоянию предельной безмятежности, являющейся Истинным зародышевым дыханием. После собирания Макрокосмического алхимического элемента и циркуляции его через 3 Затвора в позвоночнике, все психические центры и каналы очищаются от загрязнения, и две Жизненности — Сущности и Жизни, теперь полностью развитые, могут сами абсолютно свободно двигаться, совершая бесконечное число раз подъемы и опускания. Тем самым обе эти Жизненности помогают Духовности

создать Бессмертный зародыш. Со временем они будут в состоянии самостоятельно циркулировать, причем практикующий даже не будет сознавать этого. Это и поясняет, как создавать зародышевую Духовность.

После длительно продолжающейся безмысленной циркуляции практикующий должен начать концентрировать глаза на центре нижнего Дань Тяня. Спустя 10 месяцев циркуляция обеих Жизненностей делается настолько легкой, что только небольшая вибрация будет чувствоваться в области пупка, кажущейся пустой. Спустя год и эта вибрация полностью прекратится. На этом этапе практикующий не должен употреблять соль. Теперь останется только Духовность, безмятежная и сияющая, являющаяся Истинным зародышевым дыханием. Дыхание будет казаться остановившимся, а пульс — переставшим биться. Состояние глубокой безмятежности (Да Дин) теперь достигнуто.

Зародышевое дыхание остается тихим еще долгое время, а сердце, Духовность и мысль начнут снова вибрировать. Духовный зародыш, пробыв инертным в центре нижнего Дань Тяня около двух лет после прорыва, теперь начинает дышать. На этом этапе практикующий должен поднять Истинное зародышевое дыхание к Цзян Гуну (солнечному сплетению в основании печени) путем трехэтапного непрерывного метода поднятия (Сань Цянь Фа). Этот метод означает, что 3 Сущности (воспроизводящая сила, Жизненность и Духовность) соединились в Яркий Лунный Свет, поднимающийся от нижнего к среднему, а затем и к верхнему Дань Тяню, прежде чем практикующий начнет видеть перед собой «падающий снег и танцующие цветы». После достижения центра солнечного сплетения (Цзян Гун) духовный зародыш начинает выращиваться зародышевым дыханием. Нижний Дань Тянь — это то место, где воспроизводящая сила сублимируется в Жизненность. Средний Дань Тянь (солнечное сплетение) — место, где Жизненность сублимируется в Духовность. Наконец, верхний Дань Тянь в мозгу (Ли Вэне) — место, где Духовность сублимируется для своего полета в пространство.

Когда духовный зародыш принимает форму, практикующий должен применить метод трехэтапного, непре-

рывного подъема, с использованием бездумности на первом этапе и отсутствием дыхания на втором (то есть он не должен ни направлять ментальный процесс, ни управлять своим дыханием). Этап зародышевой бездыханности достигается «соединением глаз» (сближением зрачков путем их скашивания) для концентрации на зародышевой Жизненности в нижнем Дань Тяне, чтобы заставить зародышевое дыхание медленно, понемногу подниматься к среднему Дань Тяню.

Это означает, что Духовность, находившаяся некоторое время в полости Жизненности (нижнем Дань Тяне), теперь пришла в движение, чтобы подняться в средний Дань Тянь, где Жизненность окутает зародышевую Духовность, тусклую, неясную и неотчетливую, подобную зародышу в материнской утробе. Это есть этап бездыханности.

Когда Духовность окутана Жизненностью в среднем Дань Тяне, она называется Бессмертным зародышем. Факт формирования зародыша отмечается зародышевой Жизненностью, появляющейся перед глазами практикующего как Свет Жизненности. Практикующему очень трудно удержаться от соблазна использовать это проявление Жизненности. Он должен закрыть сердце (Обитель Огня и страсти), чтобы воскресить Основную Сущность. Его не должна сдерживать домашняя работа или поглощать мирская деятельность. Нужно отодвинуть мирские дела далеко. Тогда он будет знать только этот Свет Жизненности, выше которого для него ничего не должно быть. Это является отказом от всех земных привязанностей. Если в теле еще останутся следы отрицательного дыхания, то разовьется демоническое состояние. Тогда нужно применить метод изгнания демонов, описанный выше. В него входят 4 этапа безмятежности в такой последовательности: бездумность (Нянь Чжу), бездыханность (И Чжу), отсутствие пульса (Мэ Чжу) и прекращение мирского существования (Мэ Цзинь).

В: Вы сказали, что когда зародышевое дыхание поднимается к среднему Дань Тяню, оно будет там окутано пренатальной Жизненностью и сделается Бессмертным зародышем, и что зародышевая Жизненность проявляется перед глазами практикующего в виде Света Жизненности. Как же тогда могут мирские вещи и демонические явления проявляться в этом Свете Жизненности?

О: Когда Бессмертный зародыш выращивается в среднем Дань Тяне, тогда сердце подобно листку лотоса, не смачивающемуся водой. Так же и практикующий, достигший этого этапа, чувствует себя спокойным, безмятежным и не волнуемым ничем. Когда Бессмертное семя полностью развито, тогда его Жизненность проявится перед его глазами. Духовность, теперь полностью положительная, может развить Жизненность с ее шестью трансцендентальными способностями и осуществить: 1) остановку всякой утечки Жизненной и воспроизводящей сил; 2) Божественное видение; 3) Божественный слух; 4) знание прежних Жизней; 5) понимание других умов; 6) Божественное отражение.

Учащийся, начиная свою практику, добивался прекращения утечки воспроизводящей силы. Но только теперь он реализует другие 5 духовных способностей, которые позволяют ему: а) видеть вещи в Небесах; б) слышать Небесные звуки и голоса; в) знать все причины, рассеянные в прошлых жизнях; г) читать в умах других и предсказывать будущее, за исключением д) Божественного отражения, связанного с сознанием, если он не знает, как освободить сердце (Обиталище Огня и страсти) от мирских привязанностей. Если у него возникает мысль добиться Бессмертия, чтобы насладиться им, тогда демон воспользуется этой возможностью, чтобы войти в его сердце. Его пристрастие, приязнь и неприязнь явятся причиной для проявлений демонических состояний, разрушая этим все ранее достигнутые успехи.

Если практикующий чувствует, что сознание воздействует на его тренировку, он должен немедленно обратиться к просвещенному мастеру, который научит его методу покорения демонов путем осуществления циркуляции его сознания через 4 кардинальные точки А, D, G и I на Микрокосмической Орбите. Демоны исчезнут, как только отрицательное дыхание преобразуется в положительную Жизненность. Это является смертью сознания, ведущей к воскрешению Основной Сущности. Отсюда Божественное отражение, достигаемое лишь после того, как положительный Огонь преобразует демонов в пренатальную Божественную Духовность.

В: Когда Бессмертный зародыш, который был достаточно выращен пренатальной Жизненностью в центре

Цзян Гун (в среднем Дань Тяне), продвигается к верхнему Дань Тяню в мозгу (Ли Вэне), имеется ли для этого какой-нибудь предсказывающий знак или нет? Если нет, то когда же зародыш должен начать подъем?

О: Такой знак имеется. Без него нельзя узнать, когда наступает момент для подъема Бессмертного зародыша к мозгу. Этим знаком является Золотой Свет, появляющийся в Лунном Свете и возникающий перед глазами практикующего. Это является тем моментом, когда зародыш должен быть поднят вверх. Практикующий должен немедленно перевести Золотой Свет в свою Основную Сущность и соединить отрицательную и положительную Духовности, чтобы поддержать его. Положительная Духовность еще слаба и подобна младенцу, и поэтому для выращивания ее должен быть применен метод «Кормления грудью».

Согласно этому методу то, что пусто (бесформенно), не лишено всего, ибо в нем имеется Золотой Свет, и поэтому оно не является пустым. Одновременно Исходная полость Духовности (Цэнь Цяо между и позади глаз) будет излучать яркий Духовный Свет, и когда оба Света соединятся, положительная Духовность в верхнем Дань Тяне, безмятежная и блестящая, смешивается с ними и становится Безбрежной Пустотой. Это объясняет, как выращивать и сохранять все тело положительной Духовности, которая является основной целью метода «Кормления грудью» духовного зародыша. Когда практикующий достигнет этого, он поймет, что означает выход Духовности из тела. Это есть поднятие Бессмертного зародыша к верхнему Дань Тяню в мозгу. Под трехэтапным подъемом подразумевается соединение воспроизводящей силы, Жизненности и Духовности в одно целое, которое сублимируется в яркий Лунный Свет и падающие Небесные цветы, Духовность выходит из зародыша и делается Бессмертной.

В: Вы сказали, что трехэтапный подъем совершается от центров нижнего, среднего и верхнего Дань Тяней и что нижний Дань Тянь — то место, где воспроизводящая сила преобразуется в Бессмертное семя, в среднем Дань Тяне — Жизненность переходит в Бессмертный зародыш, а в верхнем Дань Тяне — Духовность сублимируется, так что она может выйти из зародыша. Мне не все ясно отно-

сительно воспроизводящей силы, которая может превратиться в Бессмертное семя и Бессмертный зародыш и выйти из верхнего Дань Тяня, получив Бессмертие. Пожалуйста, объясните это подробнее.

О: Вы знаете, что половая связь создает потомство. Если мужской сперматозоид входит в женское яйцо, которое еще не возбуждено, то кровь женщины окружит семя и потомство будет девочкой, положительной внутри и отрицательной снаружи. Если же женское яйцо будет возбуждено до того, как сперматозоид войдет в него, тогда сперма мужчины окружит кровь женщины и отпрыск будет мальчиком, положительным снаружи и отрицательным внутри.

Согласно лаосскому Учению о человеческом теле союз Духовности с Жизненностью порождает Бессмертное семя, получающееся от сублимации спермы, поскольку когда Духовность и Жизненность соединяются в нижнем Дань Тяне, они собирают все сперматозоиды и превращают их в Бессмертное семя. Когда семя достаточно выращено и созрело, оно излучается. Духовность и Жизненность тогда делаются неразделимыми, подобно железу и магниту. Сознание постепенно исчезает, в то время как Основная Сущность будет медленно развиваться. Ложные мысли перестанут возникать, освобождая путь правильным мыслям.

Соединение Духовности и Жизненности означает смерть сознания и воскрешение Основной Сущности. Сердце и мысль, которые теперь будут ни внутри, ни снаружи, становятся массой безмятежности, которая еще долго будет пребывать в неподвижности, прежде чем снова начнет вибрировать. Это будет вибрацией Истинного семени, которое поднимается к центру Цзян Гун, где и останется. Этот центр является тем местом, где Жизненность и Жизненное дыхание соединяются, чтобы создать пренатальную Истинную Жизненность, способствующую образованию Бессмертного зародыша.

Этот зародыш образуется путем соединения двух пренатальных Жизненностей: пренатальной Истинной Сущности — Жизненности и Основной Сущности, Свет которой подобен Свету Луны, и пренатальной Истинной Жизни — Жизненности в Вечной Жизни, Свет которой чисто Золотой. Когда этот этап достигнут, практикующий

не должен оставаться в пассивном (У Вэй — недеянии) состоянии. Он должен направить активное внутреннее дыхание, чтобы достичь пренатальной внутренней Жизненности, войти в нее, чтобы усилить ее и помочь образовать и вырастить Бессмертный зародыш.

Теперь практикующий должен применить Жизненность в своем сердце, чтобы успокоить внутреннее дыхание, потому что если Жизненное дыхание не будет регулируемо, тогда Бессмертный зародыш не сможет полностью развиваться. Он должен концентрироваться на Духовности, забыв все относительно зародыша, находящегося внутри его Жизненности. Это называется «Возвращением миллионов вещей к Единому целому». Эта Единая Истинная Жизненность является положительной Жизненностью Основной Сущности, соединяющейся с отрицательной Жизненностью Вечной Жизни, чтобы превратиться в ту Единую Основную Жизненность, которая открывает полноту формирования зародыша. Последний должен быть быстро поднят к мозгу.

Это является подъемом к верхнему Дань Тяню, где соединение положительной и отрицательной Духовностей и их возвращение к мозгу создадут Единую однородную пренатальную положительную Духовность. Их соединение достигается соединением (или скашиванием) зрачка левого глаза, выражающего положительную Духовность, со зрачком правого, представляющего отрицательную, для концентрации на центре верхнего Дань Тяня в Ли Вэне. На первом этапе не будет чувствоваться дыхания, входящего в тело и выходящего из него. Будет чувство безмятежности, полной блаженства, и 6 чувств выключаются, чтобы открыть Основную Сущность, которая совершенна и излучает Сияющий и Всепроникающий Свет Жизненности.

Когда этот Свет появится, не будет ни дня, ни ночи. Это сияние и все заполняющая яркость дадут практикующему утешение, и он приобретет все 6 сверхъестественных способностей. Это является высшим достижением. Со временем он откроет много необычных вещей. Он не должен пользоваться этой Жизненностью, а должен держаться центра Ли Вэня, чтобы не быть смущенным сознанием. Это является тем, что обычно называют отключением мирских вещей. И это отключение полно блаженства. Это

отключение не является ни смертью, ни аннигиляцией, а подтверждением полноты и зрелости Бессмертного зародыша, подобно яркому полуденному солнцу. Это является Абсолютной Пустотой, которая, однако, не пуста. Когда появляются «танцующие в пространстве снежинки», в то время как «цветы беспорядочно падают с неба», то это будет как раз временем для Духовности выходить из зародыша. Если Духовность не выходит на этом этапе, тогда это называется «бодрствованием у мертвого тела».

В: Вы говорили о «танцующем снеге» и «падающих цветах». Где и почему это происходит?

О: Если положительная Духовность соединяется с отрицательной, чтобы создать единую однородную пренатальную Духовность, последняя выходит из соединения Жизненности — Сущности и Жизненности — Жизни. Если же зародыш выращен Жизненностью и является полным и зрелым, можно увидеть перед глазами «цветы, падающие с неба», показывающие, что подоспело время покинуть зародыш, и это следует сделать немедленно. «Танцующий снег» указывает на полное развитие зародыша.

Патриарх Хуа Ян, комментируя Хуэй Мин Цзина, сказал: «Это время для того, чтобы выйти из безмятежности. Если практикующий не оставит это состояние, он увязнет в духовном теле, потонет в безмятежности. Когда будут видны снег и цветы, духовность должна покинуть смертное тело. «возбужденная мысль» войти в «Великую Пустоту — конечную цель алхимии. Кто не получил указания от опытного мастера, тот не может знать этого метода».

В: Хуэй Мин Цзин не учит методу оставления зародыша. Не научите ли вы меня этому?

О: Вы должны поднять Духовный Свет в Ли Вэнс, и он начнет излучать Свет Жизненности, внутри которого будут видны «летающие снежинки» и «танцующие цветы». Это Абсолютная Пустота, принимающая форму. Хотя кажется, что там есть деятельность, но фактически это недеяние (У Вэй), и, хотя, якобы, образуются какие-то очертания, в действительности это есть сублимация Духовности как извне, так и изнутри.

Один из древних Бессмертных сказал: «Форма образуется Дао (Бессмертием), и Жизнь делается Бессмертной при помощи алхимии, заключающейся в применении неограниченной (Сянь Тянь) пренатальной Жизненности

для продления существования ограниченной телесной формы. Другими словами, эта неограниченная пренатальная Жизненность, являющаяся Истинной Сущностью положительного и отрицательного начал между Небом и Землей, применяется для сотворения Бессмертного зародыша, теперь уже имеющего форму». Это и есть соединение положительной Духовности с отрицательной, и это соединение производит Бессмертный зародыш. Он создается в результате соединения духовного отца и духовной матери в теле практикующего. Другими словами, соединение Истинных положительного и отрицательного начал.

Постнатальный человеческий зародыш, созданный путем половой связи отца и матери, требует 10 лунных месяцев, чтобы сделаться младенцем, плодом Жизненных сил родителей. Подобным же образом Бессмертный зародыш, получающийся от соединения положительной и отрицательной Жизненностей в собственном теле практикующего, также требует 10 месяцев для собственного завершения (по-китайски возраст исчисляется с первого дня зачатия).

Когда становятся видны «цветы, падающие беспорядочно с неба», тогда практикующий должен применить метод «возбуждения мысли», чтобы сделать скачок в Великую Пустоту, и он выйдет из Бессмертного зародыша.

Когда Свет Основной Сущности соединится со Светом Вечной Жизни, тогда зародыш примет форму самого практикующего, которая создана духовными отцом и матерью, то есть положительной и отрицательной Жизненностями в его собственном теле. Другими словами, это является соединением положительной и отрицательной Духовностей, которые создают его Истинную Духовность, и которая, в свою очередь, может преобразовать его телесное «я» в пар, который затем может собраться, чтобы принять форму. Это пренатальная Жизненность в пренатальном состоянии, которая фактически является целиком положительной Жизненностью, или положительной Духовностью, созданной пятью типами глаз (см. ниже) и шестью трансцендентальными способностями. Он виден другим, может говорить с ними, брать предметы и имеет те же черты, как и его собственное тело. Отрицательная Духовность, видимая практикующему, когда он закрывает

глаза, создается первыми пятью трансцендентальными способностями и является отрицательным духовным дыханием, которое видит других, но не видимо для них, не может говорить с ними, не может брать предметы и поэтому является смертным, в то время как положительная Духовность имеет Бессмертную Жизнь и существует выше рождения и смерти.

Если Небесный Затвор, или Отверстие Брамь на верхушке головы (Мяэ Мэнь — Сокровенные Врата) не открыто, то положительная Духовность не выйдет из тела, и практикующий так и остается ограниченным человеком, потому что он не встретил опытного мастера. Поэтому я призываю всех учащихся обратиться к ученым мастерам за устным объяснением метода для выхода в Великую Пустоту. Все мои ученики знают этот метод. Поэтому я советую практикующим обратиться к ним за устными указаниями.

В: Что это за пять типов глаз?

О: Это небесные, земные, духовные, человеческие и призрачные глаза. Небесные глаза видят все вещи в 33 Небесах. Земные глаза видят 18 адв. Духовные глаза, или глаза Жизненности, видят вещи, происшедшие перед рождением и смертью, а призрачные глаза видят через горы, землю и металл.

Глава XV

ВЫХОД

Мы имеем дело с созданием положительной и отрицательной Духовностей, как этому учат компетентные мастера. Положительная Духовность видна людям, в то время как отрицательная Духовность не видна им, но сама может их видеть. Когда практикующий достиг этого этапа, но не получил надежных указаний, он создает лишь отрицательную Духовность и делается провидцем привидений и духов. Под созданием положительной Духовности подразумевается открытие Небесного Затвора (на верхушке головы). Если последний закрыт, тогда появляется отрицательная Духовность. Его открытие обеспечивает осуществление 6 сверхъестественных трансцен-

дентальных способностей, постоянство сияющего сердца — Сущности и Яркий Свет Жизненности. Предыдущая глава учила 14-му этапу поднятия Бессмертного зародыша и методу выращивания его при помощи воспроизводящей силы, Жизненности и Духовности. Он заключается в развитии Пустоты, которая даже еще более пуста, чем вакуум, так что Основная Сущность подобна пустому пространству и к тому же свободна от привязанностей. Поэтому она и называется Абсолютной Пустотой. Концепция свободного пространства мешает реализации Абсолютной Пустоты, которая должна быть естественной и не связанной даже с идеей существования. Этот метод является правильным для объединения Сокровенной Основной Сущности с Сокровенной Вечной Жизнью и не имеет ничего общего с закрыванием глаз для неподвижного сидения в медитации.

Безмятежность зародыша зависит от непоколебимой уверенности практикующего, и в течение десяти месяцев его формирования ум должен быть направлен исключительно на него. На этом этапе ни рот, ни сердце (то есть ни слова, ни мысли) не должны быть направлены на зародыш, безмятежность которого получается в результате остановки мыслительного процесса, а управляемое дыхание приводит к его полному развитию и росту.

Когда практикующий видит «летающий снег и падающие цветы», у него для выхода из Бессмертного зародыша должна как можно скорее возникнуть мысль о выходе в Великую Пустоту. Эта мысль откроет ему Небесный Затвор (Мяэ Мэнь) Солнца и Луны (то есть затворы обоих глаз), который он теперь, свободный от чувств и страстей, в соответствии с Основной Сущностью должен вращать, чтобы оба Света встретились. Это и есть метод выхода из зародыша, который древние неохотно раскрывали тем, кто не получил указаний от опытных мастеров.

В: Не объясните ли вы подробнее метод выхода?

О: Этот метод только устно передавался от мастеров ученикам и не открывался легко в книгах. Но мне приказано сделать его доступным для всех практикующих алхимию. В действительности, существовал метод выхода из Бессмертного зародыша, чтобы появиться в бесчисленном множестве трансформируемых тел, но его трудно осуществить теперь. Раньше существовал адепт по имени

Лэн Янг Су, который полностью развил свой Бессмертный зародыш и видел «цветы, беспорядочно падающие с Неба», но он так и не получил указаний от опытных мастеров, и поэтому ему не удалось осуществить выход. Таким образом, он был настолько же несведущ, как и любой мирской человек, несмотря на возможность достижения Вечной Жизни, длящейся столько же, сколько существуют Небо и Земля. Позднее Патриарх Лю Хэй Шань послал ему следующий стих:

«Хотя реализация получается от Божественных знаков,
Никогда не допускай, чтобы ее большая
привлекательность

Помешала твоему телу.

Следуй методу освобождения Бессмертного «У».

И когда зародыш созреет, ты выйдешь за пределы Земного».

Получив это стихотворение, Лэн Янг Су радостно хлопал в ладоши и немедленно вышел из зародыша. Это было Учение «У» Патриарха Лю Хэй Шаня. Патриарх Лю Хуа Ян сказал:

«Когда видны падающие с Неба снег и цветы и пришло время покинуть человеческое тело, то дай возникнуть мысли об уходе и направь ее на Великую Пустоту. Тот, кто не встретил компетентного мастера, не знает об этом».

Мои мастера Ляо Жэнь и Ляо Кун сказали: «Собери 5 Жизненностей и верни их к Источнику (в верхний Дань Тянь в мозгу), где соединение положительной и отрицательной Жизненностей создает Бессмертный зародыш». Мой старший брат Гуй И Цзы сказал: «Когда три Сущности, то есть воспроизводящая сила, Жизненность и Духовность, соединяются в мозгу, тогда Лунный Свет сияет ярче. Когда 5 Жизненных дыханий возносятся к голове, появляется Золотой Свет. Когда 2 Жизненности (положительная и отрицательная) соединяются и возвращаются к Основному телу, тогда в центре его появляется Духовное «Я».

Все приведенные выше поучения относятся к выходу из зародыша, и хотя они различаются формулировками, однако, в основе их лежит одна и та же доктрина. Когда зародыш полностью развился, то «снег и цветы, падающие в беспорядке», видны глазам практикующего. Когда

5 Жизненных дыханий: — в сердце, печени, животе, легких и почках собираются в голове, тогда Духовность пробьется через Исходную полость Духовности (между и позади глаз); чтобы подняться к Небесному Затвору (Мяэ Мэню), через который она проскользнет в Великую Пустоту. Ученье выражает собирание пяти Жизненных дыханий, сжимание к среднему Дань Тяню четырех кардинальных точек, перемешивание трех составляющих, то есть воспроизводящей силы, Жизненности и Духовности, и слияние двух Духовностей (положительной и отрицательной) в одно целое.

В соответствии с положенной в основу доктриной, когда тело не возбуждено, то воспроизводящая сила стабилизируется и элемент Воды движется к голове. Когда сердце не возбуждено, дыхание укрепляется и элемент Огня движется к голове. Когда Основная Сущность безмятежна — бестелесная душа сокрыта и элемент Дерева движется к голове. Когда страсти затихают, телесная душа ослабевает и элемент Металла движется к голове. Когда эти 4 элемента (Вода, Огонь, Дерево и Металл) находятся в гармонии, интеллект стабилен и элемент Земли движется к голове. Таким образом, все 5 Жизненных дыханий сходятся в голове, и тогда Золотой Свет появляется и соединяется со Светом Жизненности, возникшим после перемешивания трех основных компонентов (воспроизводящей силы, Жизненности и Духовности). Это является соединением Истинных положительного и отрицательного начал, из которых исходит Бессмертный зародыш, чтобы принять форму.

Никакой зародыш не может быть создан в стерильном мужском теле, потому что для этого нужен творческий прорыв, который продвинул бы Жизненное дыхание в полость Жизненности, или в центр нижнего Дань Тяня, для образования там духовного зародыша. После этого практикующий должен собрать 5 Жизненных дыханий и подвести их к голове, чтобы заставить открыться Исходную полость Духовности (между и позади глаз).

Когда Небесный Затвор, или Отверстие Брамь (Мяэ Мэнь на верхушке головы), откроется, 2 Света, собранные в Исходной полости Духовности, выйдут, чтобы превратиться в массу Золотого Света, размером с большое колесо, внутри которого положительная Духовность (то есть

Бессмертный человек) сидит прямо, в то время как красный Свет его отрицательного дыхания преобразуется в демона, применяющего все уловки, чтобы соблазнить его. Если сердце (ум) позволит себе увлечься тем, что он видит и слышит, тогда положительная Духовность исчезнет, уступая путь демону, который заставит практикующего пройти через 6 сфер существования. Тогда впустую пропадут все достигнутые ранее успехи. Все это происходит от неправильной практики и отсутствия решимости покончить со смертностью.

В: Научите меня, как отбросить это демоническое препятствие, чтобы получить Истинное неумирающее тело? Является ли это тело Вечным на Земле?

О: Необходимо непоколебимо держаться Золотого Света. При встрече с демоном нужно практиковать седьмой этап (см. гл. VII), чтобы соединить воспроизводящую силу, Жизненность и Духовность для преобразования этого демона в положительное дыхание, поддерживающее положительную Духовность и изгоняющее вредные и опасные демонические состояния.

Чтобы иметь дело со спадающим Золотым Светом, практикующий должен всасывать его, вращая для этого глазами, чтобы провести его в Океан Основной Сущности в сердце, который соединится с ним. Напомним, что сердце (Обитель Огня) является Обиталищем Основной Сущности, проявляющейся через два глаза. Когда сердце безмятежно, оно открывает Основную Сущность, и если Вечная Жизнь созрела, тогда показывается Духовный Огонь. После безмятежности, длящейся 7 дней, Золотой Свет будет сиять, и отрицательное начало превратится в Истинную Духовность, возникающую перед практикующим с такими же чертами, как и у него. Это и есть неумирающее «Я».

Когда Духовность покажется в первый раз, можно позволить ей покинуть физическое тело в хорошую погоду, и за ней надо будет следить, как за новорожденным младенцем. Ее выход ни в коем случае не должен происходить в туман, сильный дождь, грозу. Когда положительная Духовность выйдет впервые, она сразу же должна вернуться. В течение первых трех месяцев ее можно выпускать лишь раз в неделю. Постепенно она разовьет восприимчивость и знание, но еще будет очень чувствительна

к страху и благоговению, которых надо избегать любой ценой. Ее выход и возвращение в тело должны быть упорядочены и с определенными интервалами. Каждый выход должен сопровождаться немедленным возвращением, пока практикующий полностью не освоит упражнение. Это должно происходить днем, и никогда — ночью. Через 6 месяцев положительную Духовность можно будет выпускать раз в 3 дня, а через год — раз в день. При этом ее надо всегда держать близко от тела и не позволять рассеиваться. В случае страха или испуга ее надо немедленно возвращать в тело. Это обязательное условие. После таких двухлетних упражнений выходы могут происходить все чаще, как днем, так и ночью.

Положительная Духовность теперь может покинуть тело, чтобы странствовать как внутри, так и снаружи помещения для медитации, и затем возвращаться обратно в тело для «сосания» (даосский термин, означающий вытягивание питания из тела).

После упражнений примерно в течение трех лет практикующий может направлять положительную Духовность в отдаленные места. Если она встретит людей или животных, то должна немедленно возвращаться в тело. С этого момента она может покрывать расстояние порядка полумили или мили и быстро возвращаться.

Итак, положительное начало на первых этапах практики должно возвращаться в тело сразу же после выхода из него, пока оно не освоится с этой процедурой. Короче говоря, оно должно находиться внутри тела дольше, чем вне его. После успешной практики в течение трех лет положительное начало становится Бессмертным, связанным с Землей (Шень Сянем). Теперь наступает время для тренировки, которая позволит этому Бессмертному находиться в состоянии безмятежности в течение 9 лет, чтобы вернуться в Великую Пустоту и этим преобразовать свое физическое тело в тело Золотого Бессмертного (Цзинь Сянь).

Мой мастер Ляо Кун сказал: «Когда Духовность возносится к верхушке головы после прорыва через ее Исходную полость, не допускайте возникновения страха и трепета. Будьте смелыми и сосредоточьтесь на единой мысли о прохождении через Небесный Затвор (в верхушке черепа). Затем закройте глаза, поверните их вниз и поднимите

мягко, как перед прыжком вверх. Вы почувствуете, будто вновь просыпаетесь и увидите другое тело рядом со своим».

Когда положительная Духовность покидает тело, она останавливается на расстоянии трех-четырех футов. Если вы услышите или увидите что-нибудь, не позволяйте своему сердцу (местопребыванию Сущности) тянуться к этому и не обращайтесь внимания на явления родителей, родственников, друзей, жены и детей или на другие проявления. Не распознавайте их и избегайте их влияния на вас. Не прислушивайтесь и не привязывайтесь ни к чему. Стойте невозмутимо, отсекая прочь все чувства и страсти, с одной только мыслью — остаться в состоянии безмятежности, отказываясь при этом видеть и слышать что бы то ни было.

Вскоре после вступления в это состояние безмятежности из тела начнет выходить Золотой Свет, подобно большому колесу, показываясь перед практикующим, который должен подвести Свет своей Духовности перед ним и представить себе, что Золотой Свет съезживается в маленькие круги диаметром около одного дюйма, подобных золотой монете. Затем он должен вращать глазами, чтобы собрать и всосать Золотой Свет в свою Духовную Сущность, которая войдет в Исходную полость Духовности.

После этого нужно практиковать «Стирающую медитацию», возвращающую к состоянию устойчивой безмятежности. Говорили древние: «Золотой Свет — это чудесное лекарство, превращающее форму в Ничто. Его нельзя упустить». Если он рассеется на этом этапе, то больше уже не вернется. Хотя некоторые люди заботятся о сохранении формы, она не может испариться при отсутствии Золотого Света. Мастер Мяо Мэн сказал: «Когда положительная Духовность в первый раз покидает тело, практикующий после достижения полной безмятежности должен практиковать метод направления пяти Жизненностей в голову и возбуждения одной-единственной мысли о вхождении в Великую Пустоту, чтобы преобразовать Духовность в Золотой Свет, размером с большое колесо, который затем должен соединиться со Светом его Духовной Сущности, образуя один Свет, в центре которого сидит прямо форма его положительной Сущности».

В то же самое время отрицательное дыхание в этом Свете обернется демоном, который использует все привлекательные стороны, чтобы увлечь положительную Духовность. Если практикующий соблазнится тем, что он видит или слышит, тогда положительная Духовность исчезнет и не вернется, обуславливая этим его вхождение в демоническое состояние и необходимость прохождения через 6 сфер существования.

Исцеляющий метод заключается в том, чтобы удержать Золотой Свет во время пребывания в безмятежности при непоколебимой решимости изгнать демона. Тогда исчезнут все демонические состояния, и практикующий должен сжать Золотой Свет, вращать глазами, чтобы всосать его в свое духовное тело, а его возвратить в Исходную полость Духовности.

Через некоторое время Золотой Свет снова появится, чтобы преобразовать отрицательного демона в положительную Духовность, которая покажется перед ним. Надо не дать ей улететь прочь. Мастер Лю Мин Жуй сказал: «Когда Бессмертный зародыш впервые выходит из Исходной полости Духовности (Цзы Цяо), практикующий должен остерегаться внешних демонических возмущений, и он никогда не должен говорить с привидением, которое приветствует его, но должен неукоснительно держаться правильной мысли (концентрации).

Духовность должна вернуться в тело сразу же, как только выйдет из него, никуда не отдаляясь. Золотой Свет размером с большое колесо, появляющийся на расстоянии 2—3 футов от тела, принадлежит ему, и он должен быть всосан обратно в тело и вернуться в Ничто. Если он выходит в первый раз, то не должен ни к чему приставать там, снаружи. Практикующий должен поставить свое духовное тело перед Золотым Светом, чтобы поглотить его, и потом втянуть это духовное тело обратно в физическое тело, которое будет поглощать Свет, превращая его в пар. Если ему не удастся удержать Золотой Свет, тогда его тело не испарится».

Мастер Лю Чуань Ян сказал: «Если положительная Духовность выйдет из Исходной полости Духовности и не сможет вернуться в тело, то это произойдет из-за неправильной тренировки. Поэтому, если положительная Духовность выходит, то крайне важно неукоснительно удер-

живать Золотой Свет. Тогда все демоны исчезнут. Нельзя допустить, чтобы положительная Духовность беззаботно вышла наружу, а следует, как только она выйдет, сразу же поглотить ее обратно, потому что, очутившись снаружи, она может возненавидеть мерзкое тело и отказаться вернуться обратно в свое нечистое место обитания. Ее нужно держать близко к телу и возвращать ее к нему до тех пор, пока практикующий не освоит упражнение.

Когда она возвращается в мозг (Ли Вэнь), тело чувствует жар, как от огня, и Золотой Свет будет излучаться через все поры. Если практикующий поддастся страху и восторгу в этом Свете, то соскользнет на путь демона и погубит всю свою тренировку. Практикующий не должен отступать от непоколебимой решимости достичь цели алхимии и быть твердым, как алмаз, по отношению ко всем страстям, включая удовольствие, гнев, сожаление и радость».

Старший мастер Пэн Моу Чун сказал: «Когда положительная Духовность выходит впервые, она бывает еще слабой. Если хотите, чтобы Свет Жизненности застыл и не рассеялся прочь, то его следует хорошо выращивать, так, чтобы его интенсивность возросла и он стал безграничным. Если возникает Золотой Свет, то он должен соединиться со Светом Жизненности. Это является соединением Истинного отрицательного Света с Истинным положительным, в результате чего получается Единый Свет со Святым зародышем в центре.

Это духовное тело, которое выходит из святого зародыша и должно быть всосано сразу же обратно, то есть оно тоже подвергается тренировке выхода из тела и возвращения в него. Вначале оно склонно колебаться, и его надо возвращать обратно, управляя им во время тренировки и приучая его к стабильности. Об этом изречение: «Его надо держать тише, и еще раз тише, чтобы это выросло и сделалось естественным».

Мастер Лю Хуа Ян сказал: «Я читал историю о древних Бессмертных. Все они освобождались после прохождения той же тренировки. Учащиеся нового поколения, читая эту книгу, узнают секреты алхимии. Для них нет необходимости карабкаться на высокие горы и переправляться через потоки рек, чтобы получить инструкции мастеров. Если они имеют деньги и готовых помочь компаньонов

и подходят к практике серьезно, тогда они совершат переход от земной Жизни к Святым сферам». Мой брат Чжао Гуй сказал: «Проводите положительную Духовность в верхний Дань Тянь в мозгу, под Небесным Затвором на верхушке головы, и смотрите внутрь, чтобы создать там Божественный Свет».

Практикующий должен в молчании сосредоточиться на Огне положительной Духовности в голове, чтобы Огонь сверху опустился, а Огонь снизу поднялся, и чтобы 5 Жизненностей сошлись бы в голове и прорвались через полость Духовности для достижения источника нервной системы (Бай Хуэя), из которого покажется положительная Духовность. Мозг будет тогда подобен пруду, полному Золотого Нектара с серебристой рябью. После того, как 5 Жизненностей, подобно грому, прорвутся к верхушке головы и с силой откроют внутренний Небесный Затвор (Дворец Цы Фу — другое название для Цзян Цяо в центре мозга), неожиданно возникнет Безграничный красный Свет, громяхая в Исходной полости Духовности (Цзы Цяо), раскрывая Сущность практикующего, являющуюся положительной Духовностью, которая тогда же должна быть возвращена в тело.

Это упражнение с выходом положительной Духовности из тела раз в неделю, должно продолжаться три года, после чего положительная Духовность разовьется полностью. На этом этапе адепт должен практиковать возвращение в Ничто. Я узнал это после 40-летней практики. Все приведенные выше методы преподавались моими мастерами лично, и хотя словесные формулировки различаются, лежащие в основе их принципы одни и те же. Я учитывал все их указания, так что будущие практикующие смогут уяснить себе методику тренировки.

В: Учения относительно выхода из зародыша ясны, но я боюсь, что не имеющие компетентных мастеров встретятся с трудностями при чтении вашей книги. Не могли бы вы объяснить метод обыденным языком, чтобы легко понять его?

О: Метод заключается в закрывании глаз во время сидения в медитации, чтобы поставить Свет Основной Сущности перед практикующим, который должен свести глаза, чтобы яркий Свет, подобный Свету Луны, появился в центре между глазами.

Через длительный промежуток времени после этого он увидит «снег и цветы, падающие в беспорядке с Неба» в Лунном Свете. Тогда нужно немедленно пробудить в себе мысль о выходе в Великую Пустоту. Это и есть метод соединения пяти Жизненностей в сердце, селезенке, легких, печени и почках в Единую Жизненность, которая тогда поднимется от основания позвоночника и пройдет через Второй Затвор (между почками) к задней стороне головы, чтобы достичь мозга (Ли Вэня) и прорваться через Исходную полость Духовности (Цзы Цяо), чтобы натолкнуться на Источник нервной системы (Бай Хуэй).

Практикующий должен быстро посмотреть вверх, чтобы открыть Небесный Затвор на верхушке черепа. Для этого нужно открыть глаза, посмотреть наверх и этим дать толчок, чтобы распахнуть Затвор объединенной силой сердца, интеллекта и мысли.

Если 5 Жизненностей полны, то Золотой Свет поднимается вверх, чтобы соединиться со Светом Основной Сушности и превратиться в Единый Свет, являющийся союзом лучистой Жизненности положительного начала Ян, находящейся в голове, и яркого Света отрицательного начала Инь, базирующегося в животе. Союзом, дающим Единый Свет, который приведет к выходу из Бессмертного зародыша. Затем практикующий должен медленно опустить глаза, чтобы посмотреть вниз, прежде чем закрыть их объединенной силой сердца и интеллекта, как будто бы готовясь совершить прыжок. Тогда он почувствует, будто пробуждается от сна, чтобы увидеть рядом со своим еще и другое тело. Это и есть метод извлечения положительной Духовности из зародыша. Если практикующий не пробудит в себе мысль о вылете в пространство и ему не удастся свести вместе 5 Жизненностей в голове, то Духовность не сможет выйти из физического тела.

5 Жизненностей соединяются в Единое целое, поднимающееся от основания позвоночника до головы, чтобы пробиться через Исходную полость Духовности и затем достичь макушки головы, где Золотой Свет Истинного отрицательного начала соединяется с Лунным Светом Истинного положительного начала, чтобы породить Бессмертный зародыш в центре, где встретились оба Света. Теперь практикующий должен опустить глаза и посмот-

реть вниз, чтобы его Духовное тело показалось рядом с физическим. Духовное тело по очертаниям похоже на физическое, но следы отрицательной Жизненности на первом вызовут демонические помехи при всех состояниях, чтобы сбить с пути положительную Духовность. Практикующий должен теперь выполнять правильную концентрацию и быстро проделать одно вращение глазами через кардинальные точки А, D, G, I и А, производя концентрацию на демоническом Свете, чтобы всосать в свое тело для превращения в положительный Свет. Со временем этот демонический Свет очистится и будет поддерживать зародыш в процессе его полного развития. После этого практикующий должен продолжать свою концентрацию, чтобы вернуть положительную Духовность в небытие.

Глава XVI

ПОЯВЛЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ

Мой мастер Ляо Кун сказал: «Возвращение в небытие достигается на заключительном этапе тренировки, на котором практикующий, сохраняя в сердце безмятежность, позволяет всеохватывающей положительной Духовности покинуть свою телесную оболочку, чтобы появиться в пространстве для выполнения своей благородной миссии по спасению всех живых существ, облегчению человеческих страданий, лечению больных и др., и затем вернуться в свою Исходную полость Духовности, чтобы находиться под защитой в Океане Основной Сущности. Нельзя позволять ей опять покинуть тело, которое теперь должно быть закрыто и проходить дальнейшую сублимацию, чтобы войти в духовное тело, состоящее из Основной Сущности и Вечной Жизни в их пренатальных состояниях. Физическое тело будет, таким образом, дальше сублимировано, так что оно не будет ни существующим, ни несуществующим, не будет иметь формы и не будет бесформенным, не будет Пустотой ни изнутри, ни извне, ни приходящим, ни уходящим, ни начинающим и ни кончающим. Это условие тишины и неподвижности должно сохраняться до тех пор, пока оно не достигнет высшей точки».

Все прежние достижения должны быть теперь собраны в Исходной полости для сокращения до состояния полной тишины и выключения. Это условие «Заснувшего дракона» ведет к полному выключению всех явлений, и это выключение должно тщательно поддерживаться, чтобы помешать положительной Духовности выйти наружу, чтобы она могла пройти дальнейшую сублимацию для достижения более высокой степени. Эта последняя сублимация приведет к более глубокому погружению Духовного Огня в Свет Жизненности, и положительная Духовность будет удерживаться в своей Исходной полости.

Со временем в состоянии предельной безмятежности Истинный Огонь положительной Духовности полностью разовьется и засияет изнутри и снаружи своей полости, чтобы охватить все вокруг: сияние Неба, Землю и мириады вещей, возникающих в этом Свете. Тренировку нужно продолжать, не считаясь со временем, пока 4 элемента (тело, дыхание, телесная и бестелесная души), образующих тело, не рассеются без следа в пространстве. Это является Золотым Бессмертным состоянием Нерушимого Алмазного Тела — Предельное достижение тренировки, которая на этом подходит к своему завершению.

Дополнение

Китайские повести XVII века

ПУТЬ К ЗАОБЛАЧНЫМ ВРАТАМ

О бессмертных толкуют, но их дела
сокрыты от глаз людских.
А кто из людей в жизни сумел
избегнуть соблазнов мирских?

Нынешним утром впервые прочли
повесть Заоблачных Врат:
Внезапный ветер прохладу принес
и неземной аромат.

Рассказывают, что в далекие времена, когда Суйский государь Вэньди только-только вступил на престол и назвал свою эру Изначальное Правление, жил в Цинчжоу один богатый человек по имени Ли Цин, семья которого испокон веков владела красильнями. Хотя происходил он из торгового сословия, однако род его был славен и, к слову сказать, весьма обилен: душ этак пять или шесть тысяч! — люди все деловые и хваткие, способные, как говорится, добыть деньги голыми руками. Богатство и сила рода Ли вошли в поговорку: «Наши Ли пол-округи замели», — шутили в этих краях. Поскольку Ли Цин был самым старшим, его признали главою рода. Все от мала до велика глубоко уважали почтенного Ли Цина за его справедливость и отзывчивость, а еще за то, что ко всем, будь то далекий или близкий родственник, он относился одинаково сердечно, не проявляя ни своекорыстия, ни двуличия. Не удивительно, что ежегодно в день его рождения все несли ему подарки и желали долгих лет жизни. Поскольку род был велик и славен, каждому хотелось преподнести что-то диковинное: атлас многоцветный или парчу узорчатую. Человек бережливый и экономный, Ли

Цин старался не разбазаривать ценности, а складывал их в особое хранилище, в котором за многие годы скопились неисчислимые сокровища. Однако почтенный Ли Цин не слишком дорожил ими, потому как имел в своей жизни одно пристрастие. Вы спросите какое? Еще с юных лет Ли Цин привык делать доброе людям и всячески старался им помочь. И еще у него была одна особенность: с великим почтением он относился к небожителям и ценил искусство даосов, которым готов был отдать тысячи связок монет. Повстречает, бывало, заоблачного странника, из мира ушедшего и во всем совершенного даоса, и тут же с низким поклоном зовет его в дом, щедро потчует гостя, а даос взамен разъясняет, как найти эликсир бессмертия, иль вещает о тайнах совершенствования. Правда, многие из этой братии были истинными мошенниками, старавшимися обманом выудить чужие деньги. Никакой учености у них за душой не было, а все их ремесло было сплошным комедианством. И все же мошенничество ворожеев несколько не повлияло на простодушного и честного Ли Цина. Ежедневно он воскурял благовония и сидел в созерцательном молчании, укрепляя дух свой и закаляя сердце, и думал об одном — как он найдет путь из этого бренного мира.

В год, о котором пойдет сейчас речь, Ли Цину исполнилось ровно семьдесят лет. Месяца за два до славного дня его дети и внуки устроили совет.

— Семидесятилетие — день не обычный, такой возраст встречается не часто. Поэтому надобно поднести старику редкостный дар, пожелать ему бодрости и здоровья.

Прослышав о приготовлениях, Ли Цин пригласил к себе родственников из разных колен рода. Во время застолья старик им сказал:

— Все вы трудолюбивые люди и живете достойной жизнью. Я знаю, что вы чтите меня, ведь ежегодно вы несете подарки: одежду, сосуды, разные дорогие изделия. У меня скопилось много всякой всячины — тысячи вещей, которые, однако, лежат без употребления. Как вам известно, я человек бережливый: ко мне, как говорится, вещи приходят и не уходят. Вот и получается, что все эти богатства, годами лежащие в хранилище, я даже не успел хорошенько рассмотреть. Большая их часть пришла в негодность. Мне жаль, что ваши деньги потрачены зря

и превратились в кучу ненужного хлама. И вот что я решил. Скоро наступит день моего рождения. Слава Небу, что оно еще не определило последний срок моей жизни! Я знаю, что все вы готовите щедрые дары к этому дню. Но именно этого я и не хочу. Вот почему я нынче собрал вас всех вместе, чтобы заранее сказать вам о своем желании.

Кто-то из младших родственников заметил:

— Еще в древности говорили, что подарки по случаю дня рождения способствуют продлению жизни. Вам же исполняется семьдесят лет. Такое бывает лишь один раз. Если мы достойно не отметим годовщины, мы не сможем выразить своей почтительности, а это неприлично!

— Тогда сделаем так, — сказал Ли Цин. — Коли ваше решение твердо, подарите мне то, что я попрошу!

— Слушаем и повинемся! — обрадовались родственники.

— Я хочу, чтобы за десять дней до моего праздника каждый принес кусок пеньковой веревки толщиной в палец, а длиной в сто чи. В общей сложности получится 50 или 60 тысяч чжанов. Вот это и будет «продление жизни». Что может быть длиннее?

Родственники подивились такому решению, но спорить не стали:

— Мы исполним вашу волю, отец! Правда, не очень понятно, зачем вам эти веревки?

— Сначала принесите, потом увидите, — улыбнулся Ли. — Сегодня это еще секрет.

Весть о чудной просьбе старика разнеслась среди всей родни. Один передал десяти, десять поведали сотне... И вот в назначенное время, за десять дней до праздника, возле дома почтенного Ли на земле лежала высоченная куча — прямо гора из веревок. Но пока что никто не понимал, для чего они нужны.

Надо вам знать, что в десяти ли от Цинчжоу была Гора Заоблачных Врат. Еще ее называли Расколота Гора, так как вершина, словно рассеченная топором, была увенчана двумя пиками. Жители Цинчжоу, обратившись лицом к югу, могли видеть облака, плывущие меж двух пиков, и летящих над пропастью птиц. Глубины этого провала никто не знал. Некоторые из любопытства кинут, бывало, вниз крупный камень, а звука падения не слышно. Поэтому возникло поверье, что провал бездонный.

В день, когда родственники принесли старику веревки, он велел работникам идти на гору и соорудить над жерлом страшной пропасти ворот, закрепив его меж двух толстых столбов. Затем он пошел к плетенщику и попросил его сплести из бамбуковых прутьев прочную корзину. Из лавки плетенщика он направился в заведение медника и купил у него несколько сот колокольцев разной величины.

Родственники, теряясь в догадках, пришли к Ли Цину с вопросами.

— В свое время я безо всякой утайки вам все объяснял. Как вы знаете, с малых лет я увлекался даосским учением, но за пятьдесят с лишним лет никаких успехов так и не добился. Совсем недавно, листая древние книги, я случайно наткнулся на место, где говорится, что Заоблачные Врата — один из семи путей, ведущих к небожителям. Я подумал: пока я бодр и здоров, руки и ноги еще крепкие, почему бы мне не попытаться счастья? Мне уже семьдесят, а ведь прожил я по-настоящему всего года два или три. И вот тогда я решил в день своего рождения спуститься в пропасть. Четыре веревки вы привяжете к краям корзины, а пятая будет с колокольцами. Я залезу в плетеную люльку, а вы станете осторожно меня спускать. Если случится какая беда, я дерну за веревку и вы, услышав звон, поднимете меня наверх.

Кто знает, быть может, мне повезет и я встречу с бессмертными. В любом случае я обязательно вернусь обратно, чтобы рассказать вам о том, что увидел.

Слова старика привели родственников в большое волнение. Низко кланяясь, они принялись его отговаривать.

— Нельзя! Никак нельзя это делать! — сказал кто-то из них. — Конечно, в пропасти не обязательно водится горная нечисть, однако ж змей и прочих гадов там навсрянка не счесть. К тому же вы можете задохнуться от черного смрада, что скопился на дне.

— В столь почтенном возрасте нельзя подвергать себя таким испытаниям! — добавил второй.

— Я принял решение и не отступлюсь от него, даже если мне грозит смерть. Не удерживайте меня, я все равно спущусь! Только я уверен, что непременно вернусь!

Один из старейших в роду, хорошо зная упрямство Ли Цина, заметил:

— Почтительность хороша, а исполнительность лучше! Придется нам смириться. Только вот что я скажу: такое серьезное дело никак нельзя совершать втайне! Надо обязательно оповестить всю нашу родню. Мы все проводим вас на гору. И тогда молва об этом чудном событии разнесется за пределы Четырех Морей. Разве не прекрасно!

— Я не против... — Ли Цин кивнул в знак согласия.

Как мы уже говорили, Ли Цин принадлежал к роду, в котором насчитывалось пять или шесть тысяч человек. Но когда оповестили всех, то на проводы собралось никак не меньше десяти тысяч человек. В день рождения Ли Цина устроили пиршество, на которое пригласили музыкантов, после чего процессия родичей (а к ним присоединилось немало посторонних зевак) двинулась на Гору Заоблачных Врат. В этот день город, казалось, опустел. Поднявшись на вершину, люди замерли, восхищенные великолепным зрелищем:

Горной гряды
крутая стена
Зубчатыми скалами
окружена.

В глубоких ущельях, в расщелинах скал
звенят-поют родники.
По отвесным утесам упорно ползут
густые травы-вьюнки.

На обрывах причудливые перера
ветвями тянутся ввысь.
По склонам диковинные цветы
среди камней разрослись.

Тропинок не видно —
дымка густа.
Буйством красок
любуюсь с моста.

Свежая зелень покрыла вершины
ближних и дальних холмов.
Шорохи сосен, журчание вод,
белест гряда облаков.

Звонко-презвонко капли звенят —
на деревьях роса поутру.
Тихо-тихо, не слышно почти,
шепчет листва на ветру.

Веревки и корзина лежали возле пропасти. Ли Цина обступили родственники. У многих были чарки с вином. Кто-то из стариков сказал:

— Почтенный Ли! Тобой завладела мысль о Дао-Пути, а сердце твое исполнено решимости. Вступив на стезю небожителей, ты непреклонен в своем желании уйти в иной мир. Однако, отпуская тебя, мы должны поступить как положено, чтобы впоследствии не пришлось нам раскаиваться. Ты знаешь, что эта мрачная пропасть бездонна и доселе никто еще не отваживался в нее спуститься. Зачем же столь неосмотрительно рисковать своей драгоценной жизнью? Не лучше ли сначала спустить в люльку собаку? Если с ней ничего не случится, вниз отправится какой-нибудь ловкий парень. Разузнав, есть ли внизу следы бессмертных, он поднимется наверх и расскажет нам. Тогда спустишься ты. Так будет безопасней и надежней!

Ли Цин улыбнулся:

— Спасибо за совет, почтенный! Но человек, который стремится к Дао-Пути, должен быть готов на смертельный риск, иначе бессмертные лишь пожалеют его, но никогда не сделают своим учеником. Что до этого провала, то он, как толкуют, — седьмой путь, что ведет в мир бессмертных. Почему бы мне не проверить самому, вместо того чтобы сидеть на месте, заранее страшась каких-то напастей? Подобные сомнения, я вам скажу, могут лишь ослабить веру в Путь, а с таким чувством невозможно оторваться от нашего брэнного бытия. Мое решение твердо, и, как бы меня не уговаривали, я спущусь вниз... Не беспокойтесь за меня, вспомните поговорку: расставаясь, не станем смеяться над тем, что случится потом.

— Мы внемлем вашим словам драгоценным, как нефрит или жемчуг, — сказали родственники.

И тогда Ли Цин прочитал такой стих:

Земную жизнь презираю давно, промелькнула она без следа,
Покинув вас, одиноким ис буду
в горах Заоблачных Врат.
Над монахом, что с чайником ищет Дао,
сам я смеялся всегда.
Но чайник тайнств на шумном торжище
увидеть — горше стократ!

Прослушав стихи, родственники лишь покачали головой, ничего не уразумев, вздохнули. Кто-то смущенно проговорил:

— Почтенный Ли! Ваше стремление постигнуть Путь воистину безгранично. Желаем вам обязательно встретиться с бессмертными!

— Спасибо вам всем за внимание и заботы... Ну, а теперь приступим к делу... — сказал Ли Цин.

Обратившись к небесам, он сделал два поклона, а затем, не проронив лишнего слова, залез в бамбуковую люльку и помахал рукой в знак прощания. Веревка стала разматываться, и корзина поплыла вниз. У многих лица посерели от ужаса.

— Все было у старика, да, видно, показалось мало, — проговорил кто-то из родни. Он покачал головой и даже цокнул языком. — Захватила старого пустая затея полезть вниз искать бессмертных. Зачем? Наверно, за смертью своей полез!

Ну, а Ли Цин спускался в пропасть, и никто не знал, когда он вернется обратно. Говорят, что

Бессмертные кажутся очень похожими
на самых обычных людей,
Но люди живут, не стремясь к совершенству,
в тенетах земных страстей.

Ли Цин спустился вниз на много тысяч чжанов и, наконец, почувствовал, что корзина остановилась. Он выбрался из нее и огляделся в надежде обнаружить какие-нибудь следы бессмертных. Но кругом царил темнота, не видно ни верха, ни низа — хоть глаз выколи. А земля сырая и вязкая. Ноги скользили. Ли Цин сделал шаг-другой, поскользнулся и упал. С трудом поднявшись, старик сделал еще один шаг и снова грохнулся оземь. Он упал еще раз или два и потерял сознание. Тем временем наверху стало темнеть. Родственники, ожидавшие Ли Цина, потеряли надежду на его возвращение. Веревка больше не держалась, колокольцы молчали.

— Старик не иначе попал в беду. Видно, окутал его смрадный и волглый туман, — предположил кто-то.

Несколько человек принялись крутить ручку ворота, пока не появилась корзина. Но она оказалась пустой: Ли

Цин исчез. Родственников охватило беспокойство. Они снова спустили корзину вниз и, немного подождав, вновь подняли, но, как и в первый раз, она была пуста. В толпе слышались вздохи, но кое-где раздались и смешки. Посторонние люди, шумно обсуждая событие, стали расходиться, а родственники все еще стояли возле провала. Некоторые вытирали слезы, другие — горько сетовали.

— Мы уговаривали, всячески останавливали его, а он не послушал, сделал по-своему, полез-таки вниз! — сказал один, и в его голосе проскользнули нотки обиды. — Семьдесят лет прожил на свете и умереть бы ему по-человечески, чтобы мы прах хотя бы захоронили. А сейчас как быть? Ничего от него не осталось!

Послышались причитания, кто-то вскрикнул. Один из родственников, видно, человек рассудительный, заметил:

— Рождение и смерть — великие события в человеческой жизни, и определены они Небом. Сегодняшний день рождения Ли Цина, наверное, означал конец его жизни. Он все равно бы умер, даже если б остался дома, поэтому не следует понапрасну себя терзать. К тому же он сам так захотел, хотя знал, что ему грозит смертельная опасность... Действительно, от него ничего не осталось, только кое-что из одежды. Вот что я думаю. Сегодня мы разойдемся по домам, потому как все равно уже поздно, а завтра утром надо позвать сведущих даосов. Пусть придут на гору и поκληчат душу Ли Цина. А одежду его мы захороним — так поступали и в древности. Я слышал историю про государя Сюань Юаня, который, постигнув Великий Путь, вознесся на Небо возле Динху — Озера Треножника. Меч и сапоги, которые он оставил после себя, положили в гроб и захоронили возле Моста-Горы. Кто знает, быть может, и наш Ли Цин сделался бессмертным и ему следует сделать такую же могилу? А если так, к чему напрасно убиваться и заглядывать со страхом в отверстие провала? Кому нужны все эти причитания?

Родственники, согласившись с этими словами, вытерли слезы и разошлись по домам с тем, чтобы утром снова подняться на вершину горы. Собравшись, они воззвали к душе почтенного Ли, после чего устроили церемонию положения во гроб, а когда исполнилось семь седьмин, колоду предали земле. Но об этом можно и не рассказывать.

А сейчас мы вернемся к Ли Цину, который, как нам известно, упав, потерял сознание. Через какое-то время, придя в себя, он осторожно ощупал место, куда попал, и скоро обнаружил, что находится в каменной яме всего в один чжан шириной. Под ногами была все та же вязкая осклизлая глина, поэтому он мог двигаться с большим трудом. Ничего необычного старик пока не почувствовал. У него мелькнула мысль снова забраться в корзину. Стоит дернуть за веревку с колокольцами — его тут же вытащат наверх. Протянул руку в одну и другую сторону — люлька исчезла. Ли Цин крикнул, но звук его голоса словно замер в каменном мешке. Вот уж действительно: когда пришел — была дорога, а как уходить — не видно даже ворот. Что делать? У старика подогнулись колени, и он повалился на землю.

Прошло несколько дней, и он понял, что, если ничего не предпринять, можно умереть с голоду. Он вспомнил, что в древние времена, чтобы утолить голод и спастись от смерти, кто-то ел снег и войлок. Однако в яме нет ни того, ни другого, только скользкая глина. Задумавшись, он взял горсть вязкой земли и, отправив в рот, проглотил. О чудо! Глина оказалась съедобной и приятной на вкус. Она утоляла голод и жажду. Мог ли он знать, что в подобных пещерах — обиталищах бессмертных раз в три тысячи лет разверзается дно и оттуда выползает «синяя глина», которую небожители употребляют в пищу? Ли Цин, съев несколько горстей, почувствовал прилив сил и необычную бодрость. И тут он снова принялся шарить вокруг, и его рука нащупала в стене щель не больше двух чи высотой. «Какой прок здесь сидеть? — подумал он. — Глядишь, еще появятся ядовитые змеи или прочая нечисть. Жизнь моя все равно на пределе. Что мне терять? Попробую втиснуться в этот проход. Интересно, что впереди?»

И так получилось, что на этой мрачной и страшной дороге старец, презревший смерть, увидел новый мир и с жизнью столкнулся иной. Вот послушайте:

По воле Яньвана, властителя ада,
смерти избегнул старик.

Из страшной пропасти путь отыскал
и в иные миры проник.

Ли Цин, пренебрегая смертельной опасностью, проник в каменный лаз. Он прополз шесть или семь ли и вдруг почувствовал, что проход будто бы расширился. Правда, стоять было невозможно, но зато он уже мог передвигаться на четвереньках. Старик прополз еще около двадцати ли. Устав, он тут же валился и засыпал, а проголодавшись, съедал несколько горстей глины и полз дальше. Ли Цин потерял счет времени и не знал, когда день, а когда ночь. Вдруг впереди что-то блеснуло — будто мигнула звездочка. «Неужели выход?» — обрадовался старик. Сунув в рот горсть глины, чтобы подкрепиться и взбодрить дух, он пополз на свет. Наконец, он достиг выхода из лаза и выглянул — перед ним раскинулся прекрасный мир: темнели горы, синела гладь вод. Ли Цин поднялся на ноги и с облегчением потянулся. Поправив одежду и стряхнув грязь с туфель, он сделал поклон и, обратившись лицом к небесам, воскликнул:

— Хвала тебе, о Небо, что ты помогло мне избавиться от беды!

Ли Цин увидел широкую дорогу, по которой он прошел около пятнадцати ли, пока не почувствовал голод. Дорога была безлюдной — он не встретил ни одного человека, у кого можно было купить чего-нибудь поесть. Впрочем, Ли Цин все равно не мог бы заплатить, так как в кошеле у него не было ни единой монеты. Старик пожалел, что не захватил с собой хоть несколько горстей чудесной глины. Последние силы покидали его, и тут он заметил сбоку от дороги ручей, в котором журчала бирюзово-синяя вода. По берегам росли кусты хризантем. Старик не знал, что это место на языке небожителей зовется Родником Хризантем, и не предполагал, что вода обладает чудесными свойствами — устраняет недуги и продлевает жизнь. Ли Цин поднес ко рту пригоршню воды. Несколько глотков чудесной влаги подкрепили его душевные силы, он почувствовал необыкновенную бодрость, во всех его членах появилась удивительная легкость. Старик прошел еще около десяти ли и вдруг за верхушками деревьев увидел крыши зданий, крытых черепицей, сиявшей позолотой и бирюзой. Куда он попал, он не знал. Он бросился вперед, и тут перед ним выросли кроваво-красные ворота, по обе стороны от которых возвышалось сооружение из белого нефрита. Оно состояло из девяти ярусов, каждый

больше чжана высотой. Ступеней не было, и он стал карабкаться вверх, цепляясь за лианы, рискуя сорваться вниз. Ворота оказались на запоре. Ли Цин решил, набравшись терпения, ожидать. Ждал он долго, как в поговорке: пока один будда не появится на свет, а второй не вознесется к небесам. Наконец ворота открылись, и в них показался отрок в синей одежде.

— Ли Цин, почему ты здесь?

Старик распростерся ниц в почтительном поклоне.

— Меня и впрямь зовут Ли Цином, — сказал он. — Я — владелец красильной лавки в Цинчжоу. Ничтожный рискнул отвергнуть бренный мир и проникнуть в чертоги бессмертных. Умоляю сделать меня своим учеником!

— Оставить тебя здесь — не в моей власти, — улыбнулся отрок. — Я провожу тебя к нашему владыке. Попроси его сам!

Отрок в синем удалился, но скоро вернулся опять и предложил гостю следовать за ним. Они оказались возле высокого здания из нефрита, расписанного затейливым узором. Перед ним был поистине небесный чертог. Это место можно описать такими словами:

Вспыхнул под солнцем
пурпур стропил.
Черепицу наверхий
восход озарил.

Прекрасный дворец с глазурною крышей
гордо возносится ввысь.
Покрытые белым нефритом террасы
к голубым небесам поднялись.

Из пластин черепаховых венцы
украшают резные врата.
Кораллы вправлены в роспись колонн —
причудливы их цвета.

Карнизы яшмовых башен,
перламутровых теремов,
круто вверх изгибаясь,
касаются облаков.

В нефритовых чертогах
драгоценный покой
Расписан так, словно стены
окутал туман голубой.

Повороты перил оттеняет искусно
многоцветных агатов кайма.
На бамбуковых занавесках —
жемчужная бахрома.

Пары синих луаней и журавлей
в высоте небесной кружат.
Цилинь киноварный и белый олень
обходят таинственный сад.

На укромных полянах раскрыли бутоны
удивительные цветы.
Из лесов доносится пенис птиц
сказочной красоты.

В центре зала этого прекрасного дворца Ли Цин увидел владыку бессмертных. Его шляпа, в форме лотоса, была украшена пластинами из лазоревого нефрита, одежда из золотистых перьев в поясе подвязана желтым шнуром, на ногах — пурпурные туфли. В руке владыка держал жезл счастья жуи — знак того, что небожитель способен достигнуть восьми сторон света. По бокам от старейшины — к востоку и западу — восседали по четыре небожителя в разноцветных одеждах, обликом благородные и прекрасные. В зале клубились многоцветные облака — символы счастья, воздух был напоен нежнейшим ароматом. Плыли тихие звуки, и в то же время вокруг царило безмолвие. Все дышало торжественностью и неземным величием.

Ли Цин, подавшись вперед, сделал глубокий поклон. Он раскрыл было рот, собираясь рассказать о том, как, презрев опасность, решил отправиться к бессмертным, но владыка небожителей его опередил:

— Ли Цин! Как ты посмел явиться сюда? Тебе не должно было приходиться, ибо места твоего здесь еще нет. Уходи прочь, да поживей!

На глазах Ли Цина навернулись слезы.

— Всю жизнь я с благоговением относился к учению о Дао-Пути, но ни разу мне не доводилось увидеть его чудодейственную силу. Нынче мне посчастливилось попасть в чертог небожителей, довелось лицезреть тебя, о старейшина всех бессмертных! Так неужели мне впустую возвращаться обратно? Мне уже семьдесят лет. Осталось жить совсем немного, и вряд ли еще раз доведется побы-

вать в здешних местах. Нет! Пускай я умру у ступеней твоего чертога, но назад ни за что не вернусь!

Бессмертный неодобрительно покачал головой. В это время кто-то из подчиненных, стоявших рядом, проговорил:

— Верно, Ли Цин не должен был появляться здесь. Но он честный и справедливый человек, а посему достоин не только жалости, но и уважения. Если позволить ему остаться, люди увидят, что путь в бессмертие доступен каждому. А ведь по нашему учению главная заповедь Врат Закона — спасение людей. В этом и состоит наивысшая добродетель. Думается, что Ли Цина все же можно оставить в учениках, но, если обнаружится, что он не способен воспринять нашу мудрость, мы его отправим восвояси. Сделать это никогда не поздно.

— Так и быть! Пусть остается! — старейшина кивнул в знак согласия. — Отведите ему место в западной пристройке!

Ли Цин поспешил поклониться, выражая свою благодарность.

«Вряд ли я мог стать учеником бессмертных, если бы не был отмечен знаком Пути», — подумал он. Но по дороге к своему дому у него возникли сомнения: «Я обещал родичам вернуться и рассказать о встрече с небожителями, а сейчас сам упрашивал владыку оставить меня здесь! Кто-то из его подчиненных даже заступился за меня, и тот разрешил остаться. Как-то неудобно теперь снова просить о возвращении. Что делать? Не ровен час, еще обижу кого из них, и для меня это может плохо обернуться. Ведь я как-никак простой смертный и пока еще не очистился от мирской пыли! Видно, придется какое-то время посидеть здесь и смирить свою душу, погрузившись в созерцание. А там будет видно!» Ли Цин вошел в дом и собрался было предаться созерцанию, как вдруг в двери появился старец.

— К нам пожаловал наставник Дин из Обители Сияния Зари, что на горе Пэнлай. Богиня Запада Сиванму устраивает в честь него пир возле Нефритового пруда. Она просит всех небожителей пожаловать к ней.

Возле дворца ровными рядами стояли неизвестно откуда появившиеся экипажи и кареты, запряженные жу-

равляями и луанями. В дверях дворца показался владыка небожителей в сопровождении восьми помощников. Ли Цин стоял возле жертвенной площадки, среди отроков в темной одежде. Взгляд владыки остановился на Ли Цине.

— Ты можешь здесь любоваться окрестными горами и водами. Только хорошенько запомни — не открывай вон то окно, что выходит на север!

Владыка и его свита взошли в экипажи, запряженные птицами, и взлетели в поднебесье. Их сразу же окутали облака, озаренные чудесным светом, откуда-то слышались звуки флейт и свирелей. Но об этом мы подробно рассказывать не будем.

Ли Цин, облокотясь на подоконник, любовался дивным видом, раскинувшимся перед ним. Среди диковинных трав и прекрасных цветов, которые, казалось, сверкали красками вечной весны, он видел странных птиц и чудных животных. Отовсюду до него доносился нескончаемый поток таинственных звуков. Ли Цин долго смотрел в одну сторону, потом он выглянул в другое и третье окно, и, наконец, его взор упал на северное окно. «Если такое великолепие с трех сторон, то уж в северной стороне творятся не такие чудеса! — подумал он. — Интересно, почему мне не дозволено открывать этого окна? Рискну! Владыка сейчас где-то далеко на пиру, а когда вернется — неизвестно. Осторожно приоткрою и загляну одним глазком. Авось бессмертные не догадаются!» Он приблизился к северному окошку и легонько толкнул его рукой. Окно оказалось незапертым и тотчас отворилось. Ли Цин выглянул и остолбенел от изумления. Чудеса! Перед ним лежал его родной город Цинчжоу. На улицах сновали люди, он их видел вполне отчетливо. Вдруг он заметил свой большой дом, почему-то, однако, пришедший в полную ветхость. Ближние строения, в которых жили его родственники, тоже пришли в негодность. Из груди старика вырвался стон.

— В чем дело? Почему все так переменялось? Ведь я отсутствовал всего несколько дней... Как в поговорке: «хозяина нет, дом вот-вот рухнет»... Если бы знать, что все так получится, ни за что бы не пошел сюда! Подумать надо, до какого состояния довели наш род нерадивые потомки!

Его неудержимо потянуло домой, и он тяжело вздохнул.

— Ли Цин! Ли Цин! — вдруг раздался голос владыки небожителей.

Старик торопливо захлопнул окно и поспешил на зов.

— Я приказал тебе не открывать окна и не заглядывать в него, будто тать! — небожитель был вне себя от гнева. — Как ты посмел нарушить мой запрет? Да еще стенаешь и оглашаешь воздух вздохами! Не иначе подумываешь вернуться! Я с самого начала не хотел тебя оставлять, потому что знал, что твое сердце еще не оторвалось от мирской пыли. А посему уходи! Не оскверняй обитель бессмертных!

Что мог ответить Ли Цин? Он лишь склонился в низком поклоне и попросил прощения, а потом с мольбой промолвил:

— Мне пришлось перенести множество невзгод, чтобы попасть сюда. Я даже рисковал жизнью. Сейчас у меня уже нет сил выбраться прежним путем — ведь надо проползти больше тридцати ли по узкому лазу. К тому же корзины, в которой я спустился, тоже нет, ее давно подняли наверх.

— Не тревожься! — улыбнулся бессмертный. — Есть другой путь. — Тебя проводят!

Успокоившись, Ли Цин низко поклонился старейшине и, поблагодарив его, направился к двери. В этот момент один из приближенных, сидевших в восточной стороне, что-то шепнул владыке на ухо.

— Вернись! — послышался приказ.

«Может быть, снова за меня кто-то заступился и посоветовал владыке оставить здесь?» — обрадовался Ли. Он поспешно вернулся на место и опустился на колени.

Интересно, зачем владыка позвал Ли Цина? Что сказал он ему?..

— Я отсылаю тебя обратно, — проговорил старейшина небожителей, — но ведь ты не сможешь там жить. У тебя нет никаких средств к существованию! Взгляни! Вон там, на полках, лежит множество книг. Выбери одну, где говорится о том, как искать средства к жизни. Почитай ее, и тебе сразу все станет ясно.

«Забавно! Оказывается, небожителям известно только то, что у них под носом, а вот о том, что делается в Цинчжоу, они и не догадываются, — подумал Ли Цин. — Владыке невдомек, что у меня дома десятки тысяч монет, да моя родня надарила мне всяких ценностей на тысячи лянов серебра. Он же толкует, что мне не на что будет жить! Можно подумать, что-то изменилось за эти два дня!»

Отказываться было неудобно, и Ли Цин, подойдя к полке, взял самую тощую книжку.

— Отыскал? — спросил старейшина.

— Отыскал! — ответил Ли с поклоном.

— Коли так, иди!

Ли Цин снова пошел к двери. В этот момент второй небожитель, сидевший у западной стороны, склонился к владыке и что-то шепнул. Старец кивнул.

— Ли Цин! Вернись!

«Вот уж сейчас непременно оставят!» — решил он. И снова ошибся.

— Дорога длинная, и тебе придется идти довольно долго! — сказал владыка. — Закуси здесь, потому что дома ты ничего не найдешь из съестного!

К старику подошел отрок и протянул ему два камешка величиной с гусиное яйцо, которые старик принял за клубни. Ароматные и сладкие, эти камни к тому же были мягкими и нежными, они оказались гораздо вкуснее темной глины, которую Ли Цин жевал в пропасти Заоблачных Врат. Старик поблагодарил низким поклоном.

— Ли Цин! — сказал владыка. — Ты сейчас уйдешь, а вернешься обратно через семьдесят лет. Помни, что жизнь многих отроков в Цинчжоу находится в твоих руках. Поэтому веди себя достойно и не замарай себя низким поступком. А теперь хорошенько запомни одно заклятие: «Взирая на камни, иди. Вешей дщице внемли. Подле злата живи. Пэй придет — уходи!»

Ли Цин, склонившись в поклоне, внимал заклятию, но ничего из него не понял. Владыка приказал отроку, который когда-то привел старика во дворец бессмертия, проводить его обратно в мир людей. Ли Цин гадал, какой дорогой они пойдут. «Хотя, может быть, веревки в тысячу чжанов не понадобятся, но все равно обратный путь будет

очень трудным». Все оказалось не так, отрок повел Ли Цина совсем другим путем. Они обошли стороной широкий двор, сделали поворот и направились к высокому холму позади чертогов. На холме Ли Цин увидел много людей, которые добывали белый камень.

— К чему бессмертным камень? — спросил он у провожатого.

— Это — белый нефрит, из которого делают кресла для патриархов-наставников. Сейчас работники добывают камень для сидения десятого патриарха.

— А как зовут его? — поинтересовался Ли Цин.

— Мы слышали лишь, что есть такой, а кто он — нам неизвестно. Но даже если бы знал, я б ничего не сказал, ибо мне не дозволено разглашать тайны небес. Иначе мне не поздоровится!

Так, беседуя, они прошли около пятнадцати ли. По обеим сторонам широкой дороги, похожей на панцирь черепахи, росли могучие деревья, вершины которых уходили в самое небо. Пестрели диковинные цветы, зеленели травы. Трудно было оторвать взор от всей этой красоты. Пройдя около двух ли, они достигли подножия высокой горы. Дорога, сузившись, превратилась в тропу. Вдруг провожатый Ли Цина остановился и, протянув руку, сказал:

— Пройдешь около десяти ли и окажешься у северных ворот Цинчжоу.

— Как у северных? — удивился Ли Цин. — В прошлый раз я выходил из южных! Я прожил в Цинчжоу семьдесят лет, и никогда не слышал, что Гора Заоблачных Врат окружает город кольцом. Я подивился еще в тот раз, когда, распахнув северное окно, увидел стены нашего города. Скажи, какая все-таки главная дорога, а какая окольная? По какой лучше идти сюда, если мне снова захочется повидать вашего владыку? Скорее всего я пойду по сегодняшней, по крайней мере не придется тратиться на веревку!

Не успел он сомкнуть уста, как вдруг налетел страшный вихрь, и, откуда ни возьмись, появился тигр, который бросился на старика.

— Беда! — в ужасе закричал несчастный старец и упал недвижимый. Как говорится:

Только в чертоги бессмертных сумел
наконец проникнуть старик,
Как вдруг перед ним неизвестно откуда
тигр свирепый возник.

Рассказчик! Хочу узнать у тебя! Из древних сказаний известно, что темная глина и белый камень — пища бессмертных. Простому смертному найти ее очень трудно, но если уж кому суждено их отведать, то ни одна хворь к нему не пристанет, ни один зверь не нападет, а нечистая сила обойдет стороной. А ведь Ли Цину дважды удалось наесться этой чудесной пищи, к тому ж ему довелось пожить в чертогах бессмертных. Правда, как оказалось, душа его не была готова для постижения Дао-Пути, отчего его и отослали обратно. Но все же ему разрешили семьдесят лет спустя снова вернуться в обитель бессмертных. Значит, Ли Цин бессмертный, не так ли? Почему же он попал в пасть свирепого тигра?

Почтенные! Не торопитесь! Подождите немного, я все сейчас объясню! Лютый зверь, что появился перед стариком, был не простым тигром, который пожирает людей, но зверем священным. Он сторожил горы, окружавшие мир бессмертных, и врата на дороге. Отрок, провожавший Ли Цина, нарочно выпустил зверя, чтобы тот напугал старика. Ли Цин остался цел и невредим, но только он сразу же напрочь забыл дорогу, по которой шел. Трудно сказать, сколько пролежал Ли Цин без сознания, но, наконец, пришел в себя.

— Спасите! Спасите! — крикнул он слабым голосом и, с трудом приподнявшись, огляделся. Тигр исчез. Не было и отрока в темной одежде.

— Беда! Не иначе зверь его сожрал! Какая жалость! — пробормотал старик, пытаясь подняться на ноги. Но тут же он усомнился в своем предположении: «Отрок прислуживает бессмертным, значит, в нем тоже есть частица бессмертия. Вздор, тигр не мог его съесть! Просто он не хотел провожать меня до дома и вернулся назад с полпути!» Ли Цин поднялся на ноги и поправил одежду. Охваченный сомнениями, он оглянулся назад и замер от неожиданности — перед ним стеною возвышалась огромная гора. Дорога назад пропала.

— Чудеса, да и только! — прошептал старик. Кричать громко он не решался, опасаясь, что снова появится тигр. Ли Цин припустился прочь от страшного места. Через четыре или пять ли он увидел развилку — две дороги шли в разные стороны. Куда идти — неизвестно. Людей не видно, и спросить не у кого. Тем временем спустились сумерки. Что делать? Собьешься с пути — беда! Пока он судил да рядил, он вдруг заметил еще одну дорогу, выложенную крупным камнем. И вдруг в голове мелькнуло: «Владыка бессмертных в своем заклятти, кажется, сказал: «Взирая на камни, иди». Значит, надо идти именно этим путем». И действительно, через четыре или пять ли старик оказался возле северных ворот Цинчжоу. Он вошел в город и пошел по улице. Как будто она была знакома, и в то же время дома не походили на прежние. Непонятно! Он хотел было спросить у прохожих, но не увидел ни одного знакомого лица. Мало-помалу совсем стемнело, и старик заспешил к своему дому. Подошел и удивился: лом неузнаваемо изменился — над воротами появилась высокая башня, от которой в обе стороны шла стена. Новая пристройка придавала дому солидность.

— Уж не пришел ли я в чужой город? — пробормотал Ли Цин и внимательно осмотрелся. — Нет, вон наш ямынь, значит, и дом тоже мой. Наверное, его перестроили. Чудеса! Ведь я ушел несколько дней назад — можно по пальцам сосчитать. Сначала просидел в пропасти — правда, не знаю, сколько времени. Потом полз по каменному лазу, потом вышел наружу... и вот еще сегодняшний день... Времени прошло совсем немного, а сколько чудес!.. А может быть, власти, узнав, что я пропал, взяли мой дом под управу? Выходит, решили самолично, не спросив хозяина! Жаль, что сейчас уже поздно. Ну да подам жалобу завтра. Если они действительно отобрали мой дом, пусть хотя бы заплатят!

Ли Цин подошел к ближайшему постоялому двору. Стал было договариваться о ночлеге, но в карманах оказалось ни одного медяка. Пришлось заложить кое-что из одежды. Ему удалось получить связку монет. Есть не хотелось, он заказал вина, выпил и отправился спать. Но разве уснешь, когда на сердце так беспокойно! Старик ворочался с боку на бок и тяжело вздыхал. В голову лезли разные мысли. «Зря я обиделся на владыку, когда он

спросил, как я буду жить, вернувшись домой. Значит, правильно он дал мне книгу и посоветовал найти подходящее дело. Потом, помнится, еще сказал, что мне нечего будет есть, и дал два камня. Выходит, он знал, что случится сегодня!» Ли Цин ошупал рукав халата и с радостью убедился, что книга цела. Однако читать он ее не стал.

Едва дождавшись рассвета, он расплатился за ночлег и пошел бродить по улицам города. Как ни странно, он не встретил никого из родственников, не увидел ни одной из своих красилен. Старик осторожно спросил у прохожих, знают ли они Ли Цина, но те только качали головами и отвечали в один голос:

— Никакого Ли Цина не знаем! Никогда не слышали, чтобы кто-нибудь спускался в пропасть Заоблачных Врат!

Наступил вечер, и пришлось возвращаться на постоянный двор. На следующий день он пошел бродить по узким переулкам, но и там не встретил знакомых. На все вопросы он получал прежний ответ. Старик растерялся. «В тот день, когда я заглянул в окошко, мне показалось что-то необычное — город будто весь перестроен, не похож на старый Цинчжоу. А сейчас здесь ни одного знакомого лица. Странно!.. Впрочем, в Поднебесной есть одна лишь Гора Заоблачных Врат, а не две. Пойду-ка я за южные ворота и взгляну хорошенько на нашу гору. Если она все та же, значит и город — Цинчжоу. Тогда я снова спрошу, вновь разузнаю, может, выясню что-нибудь!» Приняв такое решение, он быстро вышел за южные ворота и направился в гору. Ближе к вершине он заметил беседку. «Дорога несомненно та же и ведет к Заоблачным Вратам, — подумал Ли Цин. — Но откуда беседка? Подойду-ка поближе, взгляну на нее!» Он прочитал вывеску: «Беседка Сгнивших Веревок. Построена в четвертый год эры Изначального Правления».

— Получается, как в старом сказании! — воскликнул старик. — Когда-то один дровосек встретил двух небожителей, которые играли в шахматы. Он посмотрел всего лишь одну партию, а за это время прошло много-много лет. Сгнила даже рукоятка от его топора. С тех пор и рассказывают преданис о сгнившем топорище. Не иначе беседку воздвигли мои родственники. Проводив меня к бессмертным, они, наверное, бросили веревки возле пропасти, и те, конечно же, сгнили. Оттуда и получилось на-

звание «Беседка Сгнивших Веревки». Наверное, об этом событии сейчас рассказывают целые истории. А как же с годами? Там написано: «...построена в четвертый год эры Изначального Правления». Но сейчас совсем другой год. Что это они все перепутали? Поднимусь-ка я выше!

Возле края пропасти он заметил каменную стелу с надписью: «Место, где вызывали душу Ли Цина». Старика даже передернуло: «Как это так? Я жив-здоров, умирать пока не собираюсь, а они — на тебе — душу мою вызывают!» И вдруг он догадался: «Точно! Точно! Когда я остался в пропасти, они вытащили пустую корзину и решили, что я погиб. Вот и стали вызывать мою душу!»

Он пошел обратно, обдумывая случившееся: «Может, я и впрямь умер, и сейчас здесь бродит моя душа?» Мысли старика вконец перепутались. «Но если родичи вызывали мою душу, стало быть, на родовом кладбище существует место моего захоронения! Они напутали в надписи на беседке, но на могиле они не могли ошибиться — надписи там никогда не меняются. Пойду на родовое кладбище. Возможно, там я найду ответ!»

Он спустился вниз и повернул к восточным воротам. Еще издали он увидел кладбище, над которым нависала гора, словно дракон, спустившийся с небес. Ли Цин подумал: «В "Книге Захоронений" говорится: "Если гора похожа на парящего феникса или свернувшегося дракона, значит, через тысячу лет здесь появится небожитель". Странно, что при таком расположении гор только я один встретил бессмертных. Да и меня прогнали прочь! Так и не удалось мне вознестись на небо! Правда, возможно, расположение гор относится совсем не ко мне, а к кому-то другому?» Старик подошел к могилам предков и отвесил два низких поклона.

Возле могильных холмов валялись срубленные сосны и белоствольные тополя в несколько обхватов толщиной. Многие плиты на могилах были повалены и отброшены в сторону или просто разбиты. Вид запустения поверг Ли Цина в уныние.

— Неужели все мои родственники умерли? И сейчас больше некому ухаживать за могилами? — вздохнул он.

Тут он заметил, что одна из плит стоит как будто прямо, и на ней видны какие-то знаки. «Могила праведного мужа Ли Цина», — прочитал старик.

— Наверняка захоронили мою одежду, а могила пустая! — пробормотал старик. — Ну, а плита? Она вся заросла мхом и изъедена временем, пришла в полную ветхость... Нет, ее поставили не в четвертый год Изначального Правления... Значит, я умер уже очень давно. А сегодня здесь блуждаю вовсе не я, а бродит моя душа. Пока я был в ином мире, все мои родственники, видно, умерли, иначе я встретил хотя бы одного.

И снова думы и сомнения охватили старого Ли Цина: «Будто мне снится сон среди бела дня. В самом деле, жив я или мертв? Кто мне ответит? У кого спросить?»

Вдруг в отдалении он услышал постукивание рыбьего барабанчика и треск колотушек. Он пошел на звуки и скоро увидел слепца, сидящего возле Храма Восточного Хребта.

Слепец что-то рассказывал, а потом стал просить подаяния. «Вот, кажется, и вторая фраза заклития, что сказал мне владыка бессмертных: «Вещей дщице внемли», — подумал Ли Цин. — Спрошу-ка я у слепца, что он мне скажет. Надо только подождать, пока все разойдутся!»

В плошке у слепца лежал всего десяток медяков — на большее слушатели не расщедрились. Кто-то из толпы сказал:

— Учитель! Пора начинать, а мы пока соберем еще немного денег!

— Так не пойдет, — возразил слепец. — Я ведь незрячий. Кончу петь, а вы все разбежитесь! Где потом вас разыскивать?

— Ерунду городишь! — крикнули из толпы. — Кто тебя станет обманывать, ты же увечный!

Слепец, поверив, ударил по барабанчику и застучал деревянными дощечками. Его история начиналась стихами:

Проходит жара, настают холода —
весен и осеней череда.
Солнце закатное скрылось за мост,
на восток струится вода.

Где же теперь полководцы-герои,
где гордые их скакуны?
Цветущими травами все поросло.
грустью поля полны.

Прочитав эти строки, слепец приступил к истории, которую часто исполняли даосы-сказители. Ли Цин знал и любил этот рассказ о Чжуанцзы, который скорбел над черепом. Протиснувшись вперед, он, склонив голову, внимательно слушал. Слепец продолжал рассказ, перемежая слова пением. Он прочитал ровно половину истории и дошел до того места, когда череп оброс мясом и кожей, вдруг ожил и покатился по земле. Толпа внимательно слушала. Кто-то хихикнул, кто-то охнул. Вдруг стук барабанчика и колотушек прекратился. Слепец оборвал свой рассказ, чтобы собрать деньги, как это обычно бывало у сказителей.

Все слушали слепца, затаив дыхание, но когда дошло дело до денег, зрители, смущенно переглядываясь, спрятали руки за спину. Ссылаясь на то, что не захватили с собой денег, они, бросив несколько малозначащих слов, стали расходиться. В плошке оказалось лишь пять медяков. Слепой сказитель, возмущенный несправедливостью, разразился бранью. Какой-то парень, любитель скандалов, ему ответил. Слово за слово, и началась перепалка. Никто не хотел уступать, и дело кончилось потасовкой, во время которой медяки, что успел собрать слепец, раскатились по земле. Пошумев и посудачив, народ разошелся, но несколько человек подзуживали спорщиков продолжать драку. Скоро ушли и они.

Слепец остался один.

Ли Цин, пожалев слепца, собрал рассыпавшиеся монеты и протянул их сказителю.

— Да, чувства людей оскудели, в мире ценят лишь деньги! — вздохнул Ли Цин.

— Кто вы? — спросил слепец, забирая выручку.

— Да вот хочу спросить кое о чем. Может быть, ты знаешь. Дам несколько десятков монет на выпивку, если ответишь, как надо.

— Что желаете узнать, почтенный?

— В свое время в Цинчжоу жили некие Ли — владельцы красилен. Ты знал их?

— Я и сам из этого рода. А кто вы? Как вас зовут?

— Меня кличут Ли Цином. В нынешнем году мне исполнилось семьдесят лет.

Слепец рассмеялся.

— Надуть хотите слепого! Может, думаете чем поживиться? Только я не дитя. К тому же я постарше вас — мне уже семьдесят шесть... Какой же вы Ли Цин? Так звали моего прадеда по дядюшкиной линии.

Слепец несомненно что-то знал, и Ли Цин решил пойти с другого конца.

— Нет, уважаемый, я вовсе не собираюсь тебя обманывать. Ведь в Поднебесной много ходит людей с одинаковой фамилией и именем... Я вот только хочу спросить: этот твой прадед, куда он делся?

— Долгая история... — задумался слепец. — Помнится, в четвертый год эры Изначального Правления Суйского государя Вэньди моему прадеду исполнилось семьдесят лет. В тот день решил он подняться на Гору Заоблачных Врат, а потом спуститься в провал, где будто бы живут какие-то бессмертные. Ему принесли много-много веревок, и он полез в пропасть. Вы, может, думаете, все это враки? Как бы не так! В общем, погиб он... Весь наш род опирался на этого Ли Цина и его богатства, а как он умер, дела пошли все хуже и хуже. А тут еще началась война, в которой погибли все родичи. Только я, горемыка, один в живых и остался. Нет у меня ни сынов, ни дочерей... Читаю свои сказы, этим и перебиваюсь.

«Значит, они решили, что я погиб!» — подумал Ли Цин и спросил:

— Отчего же так быстро род пришел в упадок, и к тому же все погибли, ведь с тех пор, как этот Ли Цин спустился в пропасть, прошло не больше года.

— Ай-я! Да вы, почтенный, никак грезите наяву! — вскричал слепец. — Нынче не четвертый год Изначального Правления. Ведь сейчас правит династия Тан. Нынче у нас пятый год эры Вечного Благоденствия государя нашего Гаоцзуна. Суйский Вэньди восседал на престоле двадцать четыре года, после чего передал его Янди, который находился на троне четырнадцать лет. Когда трон захватил Юйвэнь Хуацзи, в Поднебесной началась великая смута. Танскому Тайцзу удалось завоевать всю Поднебесную, но он уступил место монарха Гаоцзу, а тот сидел на троне девять лет, пока его не сменил Тайцзун, занимавший престол двадцать три года. Сейчас вот уже пять лет правит сын Тайцзуна. Таким образом, получается, что с четвертого года Изначального Правления по нынешний

день прошло уже семьдесят два года. Когда мой прадед, Ли Цин, покинул наш мир, мне было всего пять лет, а сейчас — семьдесят шесть! А вы говорите: быстро!

— Я слышал, что в роду Ли было пять или шесть тысяч человек. Как же случилось, что за семьдесят лет никого не осталось, кроме тебя?

— Разве вы ничего не знаете?.. А получилось все из-за того, что в нашем роду люди были толковые и умели добывать деньги, как говорится, голыми руками. Так вот. После смерти Суйского Янди начался мятеж Ван Шичуна. Однажды он появился у нас в Цинчжоу. Мужчины из нашего рода были все как на подбор — ладные да крепкие, он и забрал их в солдаты. Ван Шичуну, как известно, сильно не повезло — в нескольких сражениях он потерпел поражение и погубил всю свою армию. Вот так. Я бы тоже не выжил, если бы не был увечным.

Только сейчас понял Ли Цин, что произошло. Все разом прояснилось — словно он протрезвел от хмельного дурмана.

Сунув слепцу все свои деньги — монет тридцать или сорок — и не сказав больше ни слова, он повернулся и зашагал в город. Ему на ум пришел один древний стих: «В горах побывал всего лишь семь дней, а в мире тысяча лет пронеслась».

«Именно так и случилось, — подумал старый Ли, — я спустился в пропасть в четвертый год эры Изначального Правления и через несколько дней вернулся обратно, а оказалось, что за это время прошло ровно семьдесят два года, и сейчас уже пятый год эры Вечного Благоденствия танского государя Гаоцзуна. Почти мгновенно пролетела целая жизнь. Если бы я провел у небожителей еще немного времени, возможно, и вовсе бы не увидел моего Цинчжоу... Все родственники умерли, а в моем большом доме живут чужие люди. Ничего не сделаешь! Вот только плохо — остался я без единого медяка, а занять не у кого — никого не знаю. Как же дальше жить? Не иначе ноги придется протянуть... Впрочем, владыка бессмертных сказал, что я вернусь в их обитель!» Ли Цин тяжело вздохнул.

Немного поразмыслив, он решил не мечтать более о возвращении к небожителям. «Старый чурбан! Хотел сделаться бессмертным! Думай лучше, как прокормиться... Вспомнил! Перед расставанием владыка дал мне

книгу... — Ли Цин пощупал рукав. — Загляну-ка в нее, может быть, отыщу в ней подходящую профессию».

Вы спросите, что за книгу дал почтенному Ли Цину владыка бессмертных? Это был лечебный трактат с рецептами, в котором говорилось о том, как исцелять людей от недугов. Старику припомнились слова владыки: «Он мне сказал, что через семьдесят с небольшим лет я снова вернусь к ним. Наверное, все эти годы мне придется провести среди людей. Конечно, я хлебну горя, но вряд ли это будет хуже, чем на дне пропасти у Заоблачных Врат. И все же, что мне делать? Я уже стар, да и ничего не смыслю во врачевании. Как я буду лечить людей? Это же бессовестно! Да и денег нет, чтобы начать новое дело, ведь для этого надо закупить кучу всяких лекарств... А что, если пойти посоветоваться со сведущим лекарем? Может, что и получится!»

Он прошел несколько сот шагов и вдруг заметил белую вывеску: «Наша лавка, основанная благодаря нашим предкам, продает настои и свежие лекарственные травы из провинций Сычуань и Гуандун». Ли Цин обрадовался: «Ну вот, кажется, нашлась разгадка третьей фразы заклятия: «Подле злата живи». Наверняка здесь есть человек с фамилией Цзинь... Да, недаром говорят, что бессмертным все известно, им и гадать не приходится. Действительно, что бы они ни сказали, всему надо верить».

Возле аптечной лавки он увидел молодого человека лет двадцати. Юношу авали Цзинь Далан, или Цзинь Старший. Ли Цин поспешил поклониться.

— Простите за беспокойство, лекарства в вашей лавке продаются за наличные деньги или можно купить в кредит?

— Обычным покупателям, что к нам приходят за снабжениями, мы продаем за наличные. А для тех, кто держит свое заведение, открываем счет. В конце месяца или сезона с ними производится расчет. У нас это называется «полу-в-долг-полуналичными».

— Я детский врач, — схитрил Ли Цин. — Все время ходил по деревням с сумой за плечами, а сейчас вот составил и решил открыть свое заведение, чтобы лечить на одном месте. Я мог бы стать вашим клиентом. Вот только не знаю, есть ли здесь дом, который сдается в аренду?

— Разве вы не заметили соседского дома — на воротах висит объявление о сдаче? Правда, домишко до крайности тесный. Боюсь, вам там будет не слишком удобно.

— Одному мне вполне хватит, ведь у меня нет малых детей! Понятно, придется сделать вывеску да привести в порядок помещение: поставить лари для лекарств, приобрести нужный инструмент — ножи и прочее. Тогда можно будет начать дело. Скажите, а где все это можно достать? Вы не продадите в кредит?

— В моей лавке есть все, что вам нужно, и даже гораздо больше. Могу дать и в долг, а когда ваши дела пойдут на лад, рассчитаемся. Расплатитесь заодно и за лекарства. Оба не останемся внакладе.

Так, благодаря помощи Старшего Цзиня Ли Цин поселился в доме подле аптекарской лавки. Невольно ему пришли на ум стихи, которые он прочитал своим родственникам перед тем, как идти на Гору Заоблачных Врат: «Над монахом, что с чайником ищет Дао, сам я смеялся всегда. Но чайник таинств на шумном торжище увидеть — горше стократ!»

Ли Цин подумал: «Никогда не предполагал, что придется заняться врачеванием. Правда, не все еще получается, как говорится в этих строках».

И тогда над воротами лавки он водрузил небольшую поперечную вывеску с тремя иероглифами: «Заведение подвешенного чайника», а рядом — большую продольную таблицу с десятью словами: «Лекарь Ли лечит всевозможные детские болезни, сомнительные и тяжелые». В лавке появились разные врачебные инструменты и другие необходимые вещи, и лавка сразу же стала походить на заведение настоящего медика. Как говорят в подобных случаях: придали Будде облик Будды.

Как раз в этот год в Цинчжоу появился страшный недуг под названием «детская хворь». Заразная болезнь не щадила ни богатых, ни бедных. Умирили все, кого она только касалась. Детских врачей в городе было мало, к больным детям приглашали и врачей Большого Колена. Но недуг был столь тяжел, что едва какой-нибудь лекарь, пусть даже самый знаменитый, давал больному свое зелье, как у того выкатывались глаза из орбит, и он тотчас испускал дух. А вот Ли Цин творил прямо чудеса. Он даже не ходил к больным, не щупал пульс. Достаточно

было рассказать ему, как протекает недуг и как выглядит больной. Он брал щепотку лекарства и давал одну порцию для больного. Было лекарство дорогое или дешевое, сильное или слабое, каждая порция стоила ровно сто монет. Некоторые требовали себе две порции, но Ли Цин им отвечал:

— Для исцеления вполне достаточно одной порции моего лекарства!

Люди не знали, верить старику или нет, но поскольку хворь у детей развивалась почти мгновенно, они спешили купить щепотку зелья. Вам, конечно, интересно узнать, как действовало чудесное зелье. А вот как. Стоило поднести его ко рту ребенка, и болезнь исчезала наполовину, а если дитя проглатывало всю порцию, оно выздоравливало. Случалось и так: купят лекарство, принесут домой, а ребенок уже не дышит. Тогда порошок нужно было прожарить, а дым вдунуть в ноздри больного, и тот сразу же оживал.

Слава о Ли Цине по прозвищу Ли Одна Щепоть пошла по всему городу. Трудно сказать, сколько детей излечил он и сколько денег заработал! Как и прежде, он жил один и расходовал на себя самую малость. Однако по возвращении его от бессмертных некоторые привычки его изменились. Рассчитавшись за дом и лекарства, Ли Цин перестал копить деньги и не собирал больше подарков, как раньше, когда его одаривали родственники ко дню рождения. Он тратил деньги широко и с размахом, отдавая тем, кто в них нуждался. Он действовал щедро и великодушно, проявляя высокую человечность.

Молва о старом лекаре распространялась. Его знали уже не только в Цинчжоу, но также в Ци и Лу. Многие лекари, прослышав о чудесах, которые творит Ли, стали обивать порог его дома в надежде поучиться у него. Они готовы были даже пойти к нему в ученики. Многие из них дивились, узнав, что Ли не читает медицинских книг, не ходит к больным, не проверяет их пульс. Вся его наука, казалось, состояла в том, что он давал больному щепоть какого-то зелья, на вкус довольно обычного. Некоторые говорили, что при одной болезни он дает разные лекарства, а другие утверждали, что ничего, мол, подобного, — он дает одно и то же снадобье при разных болезнях. Все сходились, однако, на том, что стоит больному принять

лекарство, и любую хворь как рукой снимет. В чем тут дело, никто не понимал. Улучив момент, лекари осторожно расспрашивали старика, стараясь выведать секрет, на что Ли отвечал:

— Вас удивляет, что я даю лекарство, не щупая пульса. Ничего странного нет. В лечебном деле существует четыре главные заповеди: присмотришься к облику больного; прислушайся к его речи; узнай о ходе его болезни; прощупай пульс. Это называется у нас определить «дух», «звук», «деяние» и «жизнеспособность». Обратите внимание, что прощупывание пульса стоит на четвертом, и последнем месте. К тому же надобно знать, что лечение детей отличается от врачевания взрослых. У детей дух и кровь еще не созрели, поэтому их недуг не всегда можно определить прощупыванием пульса. Да, врачебное искусство таит в себе глубокий смысл? Но самое важное, чтобы у врача было чистое сердце и чуткие пальцы. Надобно глубоко вдуматься в существо недуга, а вовсе не полагаться на мертвые рецепты. И еще: читайте книгу «Большое обозрение кореньев и трав», которая, как известно, появилась у нас в Шаньдуне. Хорошо изучив ее, вы постигнете свойства разных лекарств, а следовательно, будете правильно их употреблять в своей практике. И еще не забудьте: прежде всего важно интересоваться погодой в течение года и представлять себе, как могут влиять на больного тепло или холод. Затем следует выяснить, из каких мест больной, какие горы и воды находятся вблизи его родины, так как сухость или изобилие влаги также связаны с его недугом. В-третьих, надобно знать, что из себя представляет больной: богатый он или бедный. Если богатый, значит, он изнеженный и хрупкий. Если бедняк, значит, твердый и стойкий. В этом случае добавляйте одно зелье и сокращайте другое. Внимательно изучив болезнь, подумайте о лекарствах и хорошенько прикиньте, кому вы их даете: вельможе или вассалу, или какому мелкому чину. Ибо точно следует взвесить, кому должно прибавить, а кому убавить. Недуг и лекарства связаны тесно, и болезнь уходит бесследно, если лекарство выбрано точно. Еще в древности лекарства сравнивали с солдатами. Важно не то, что их много, а то, что они к месту. Помните Чжао Ко, который потерпел поражение потому, что читал много

разных, но малополезных книг. Хороший пример для всех нас!

Лекари, поблагодарив Ли Цина за наставления, уходили. И никто из них не знал, что у старика есть небольшая книжка, которую ему подарили бессмертные. А старик не собирался раскрывать свою тайну. Вот уж действительно:

Тяжким недугом страдает дитя —
поможет старик ему.
Но в волшебную книгу свою заглянуть
не позволит он никому.

С тех пор как Ли Цин начал свое врачевание в пятый год Вечного Благоденствия правления танского государя Гаоцзуна, незаметно пролетел год. После этого пробежали еще пять лет эры Правления Радости, три года эры Драконова Начинания, два года Добродетели Единорога, два года эры Знака Триграмм, два года эры Главных Установлений, четыре года эры Ровного Благополучия, два года эры Высшего Начала, три года эры Образцового Феникса, один год Спокойного Выявления, один год эры Вечного Торжества, один год Начала Сияния — всего двадцать семь лет. Наступил первый год эры Вечной Доброты. В этот год императорский двор направил во все провинции бумагу о том, что в связи с предстоящим путешествием государя на гору Тайшань властям предлагается возродить церемонию подношения духам, которую когда-то совершил ханьский государь Уди.

Вы, конечно, захотите узнать, что это за церемония? Сейчас объясню. Как известно, в Поднебесной есть пять знаменитых гор, или Пять Хребтов, но среди них гора Тайшань обладает наибольшей чудодейственной силой. Говорят, что она соединяется с Небом, и потому здесь берут начало тучи и дождь. Издревле повелось, что высоко нравственные люди, почитающие Дао-Путь, желая установить в Поднебесной великий мир или, как говорится, сделать ветры спокойными, а дожди послушными, отправлялись на самую вершину для жертвоприношений в честь духа гор. Они вопрошали Небо и Землю и слагали хвалебный стих о достойных деяниях, слова которого вырезались на особой стеле. Поскольку иероглифы потом заполнялись золотой краской, стих назывался Золотым

Посланием. Каменную стелу окружал павильон из белого нефрита, он назывался Нефритовым Футляром. Императорский двор проводил эту церемонию весьма торжественно и пышно. Все знали, что слова торжественного стиха Владыке небес должны быть исполнены искренности и правды, иначе может ненароком подуть страшный ветер и разразиться буря. Ясно, что в этом случае церемонии уже не закончишь. Сей обычай возник вовсе не в годы правления ханьского Уди, он был известен еще до Великого Юя и существовал, таким образом, уже семьдесят девять поколений. Впоследствии Цинь Шихуан и ханьский Уди, которых, к слову сказать, трудно назвать высоконравственными правителями, очень любили разглагольствовать о «Великом мире» и устраивать пышные церемонии, часто заканчивавшиеся, однако, неудачно. Например, при Цинь Шихуане разразилась ливень, и государь был вынужден прятаться под сосною. Ханьский Уди даже спустился с горы, причем многие его слуги при спуске получили увечья. Вот почему после Уди никто больше не отваживался проводить церемонию поклонения духам. И только танский Гаоцзун рискнул справиться ее в третий раз.

Дорога на Тайшань проходила через Цинчжоу, поэтому местные власти, получив высокую грамоту, немедленно повелели выделить от каждого двора работников для ремонта улиц и дорог, чтобы достойно встретить императора. Поскольку лавка Ли Цина выходила на улицу, дом старика также включили в список семей, которым полагалось нести службу. Надо сказать, что, с тех пор как старый Ли начал врачевать, все детские лекари города, повергнутые в большое смущение, закрыли свои заведения. Если бы старика Ли Цина взяли на строительство дороги, то, случись кому заболеть, лекаря не найти. Тогда жители города, выбрав из своей среды самых бойких на язык ходоков, отправили их в ямынь просить освободить Ли Цина от повинности.

— Ли Цину сейчас девяносто семь лет, почти сто. У него нет сил работать, — сказали ходоки. — Позвольте нам собрать деньги и нанять какого-нибудь крепкого парня, который за него отработает. А лекарь пускай останется в своей аптеке и продолжает лечить детей.

Так доложили ходоки. Ведь некоторые из них помнили, что много лет назад, когда Ли Цин открыл свое дело, он сказал, будто ему семьдесят лет. Никто из жителей не подозревал, что сейчас Ли Цину вовсе не девяносто семь лет, а все сто шестьдесят восемь. По существовавшим в те времена законам тех, кому исполнилось семьдесят лет, следовало считать стариками, а поэтому освобождать от всяких работ и повинностей. Помня эту статью, жители хотели оставить Ли Цина в аптеке, а вместо него послать кого-то другого. Однако не знали они, что их окружной начальник родом из Линнани, где, как известно, не верят во врачебное искусство, но весьма почитают ворожбу. Начальник округа ответил так:

— Хотя Ли Цину девяносто лет, он крепок и здоров и еще может потрудиться. Если он способен держать в руках лекарства, почему бы ему не поработать на дороге? Вспомните Цзян Тайгуна. Ему исполнилось семьдесят два года, когда он вызвался помочь Чжоускому государю Увану и даже повел войска в бой. Потом он, как простолюдин, трудился до самой своей кончины. Разве он отлынивал от работы? Вы толкуете, что Ли Цин очень хороший лекарь. Но неужели в таком большом городе, как Цинчжоу, всего один детский врач? Я как-то уже выяснял, что он действительно открыл свое заведение двадцать семь лет назад. Однако до него тоже лечили детей, и вовсе не все дети умирали. Так почему же в городе остался лишь он один? Почему только он, Ли Цин, лечит всех?

Ходоки вновь и вновь упрашивали окружного начальника, но тот оставался непреклонным. Что делать? Куда идти жаловаться? Ходоки возвратились в лавку Ли Цина и принялись совещаться. Кто-то предложил собрать деньги и сходить в ямынь еще раз — вновь просить начальство заменить лекаря. Однако Ли их остановил.

— Спасибо, почтенные, за ваше доброе ко мне расположение, — сказал он. — Только я, никчемный старик, думаю, что лучше вам туда не ходить. Окружной начальник не станет заниматься пустяками — он обеспокоен приездом государя. Дело это весьма необычное, и он должен проявить твердость. Подумайте сами. Случись у него какая промашка — с него голову снимут. В общем, я пойду на работы сам. К тому же с постороннего человека ведь ничего не спросишь. Если что произойдет, его и не

сыщешь. Наверное, наш начальник думает примерно так же, а потому и слушать вас больше не станет... К тому же мне известно, что государев приказ все равно не исполнится. Вспомните! Церемонию на горе хотели свершить еще во второй год эры Добродетель Единорога, а в следующий раз — в первый год эры Спокойного Выявления. Если не сумели провести дважды, значит, церемонии не будет и в третий раз. Вот увидите, дней через пять все прояснится. Поэтому успокойтесь и делайте, что вам приказано.

— Как же так? — удивились соседи, а между собой заметили: — Мы собственными глазами видели, что в ямы не готовят особое предписание, делят дороги на отрезки, составляют список рабочих. Все торопятся, как на пожаре... Один наш старик как замороженный. Интересно, что он будет делать, если приказ не отменяют? Уж мы, кажется, нашли хороший выход: собрать деньги и еще попробовать уломать начальство. Так нет, теперь старик отказывается, сам хочет работать. Видно, мало ему того, что получает в своей лавке, нужен еще и казенный харч!

Кто-то хихикнул. Все разошлись.

Между тем император Гаоцзун, приняв решение свершить на горе Тайшань ритуал поклонения духам, повелел сановникам из Ведомства Церемоний определить порядок предстоящего торжества. Двор ждал благоприятного дня, чтобы можно было отправиться в путь. И надо же так случиться, что императора неожиданно разбил паралич, да так, что он не мог даже ногой двинуть. Разве здесь до церемонии? Не прошло трех дней, как цинчжоуский ямынь разослал на места уведомление о том, что государев приказ откладывается. Жители Цинчжоу сразу же вспомнили слова почтенного Ли и, подивившись его умению предвидеть грядущее, прониклись к нему еще большим уважением.

Надо вам знать, что в провинции Шаньдун всегда жило очень много даосов-ворожеев. Еще во времена государя Цинь Шихуана, как известно весьма почитавшего искусство магов, на священную гору Пэнлай как-то отправили Сюй Фу, человека из Ци, а с ним пятьсот отроков и юных дев, коим ведено было искать эликсир бессмертия. Впоследствии ханьский правитель Уди, который также поклонялся даосскому учению, назвал даоса Ли

Шаоцзюня Полководцем Литературных Достижений, а Луань Дао присвоил титул Полководца Пяти Благоденствий. Оба они были жителями Ци. Каждый день вместе с ними на площадке Общения с Небесами, в Бамбуковом Дворце и Павильоне Коричного Древа император обращался к духам и небожителям, моля их снизойти на землю. Так сложился обычай, который передавался в этих местах из поколения в поколение. Многие считали, что Ли Цину тоже знакомы тайны даосской магии. И действительно, в семьдесят лет он открыл аптечную лавку и вот уже двадцать семь лет занимался своим ремеслом. Сейчас ему уже около ста лет, а он совсем еще не старик: духом крепок, а видом моложав. После того как Ли Цин предсказал грядущие события, ни у кого не осталось сомнений, что он постиг учение даосов и, подобно Дун Фэну или Хань Кану, дарует людям чудесные снадобья, скрывшись под другим именем. Не удивительно, что к нему зачастили маги и ворожеи, они называли его учителем, старались выведать тайны даосского ремесла или хотя бы узнать какой-нибудь мелкий секрет. Не раз и не два спрашивали они старика о Пути, но тот всякий раз отнекивался или, ссылаясь на свой возраст, отвечал, что ничего не помнит. Впрочем, иногда он им объяснял, что, если после тридцати лет человек отринет все страсти и отбросит мирские заботы, если, погрузившись в созерцательное спокойствие, займется своим совершенствованием, он избавится от болей и у него пропадут все недуги. Говорил он еще что-то в этом роде, но даосские маги были убеждены, что Ли Цин неохотно делится своими тайнами, потому что он — отшельник, скрывший настоящее имя, — и они продолжали донимать его расспросами.

— Оно, конечно, — твердили они, — самосовершенствование помогает долголетию, а вот как с предсказанием грядущего? Наверное, понять сие весьма затруднительно? Учитель, как, скажем, вы узнали, что в течение пяти дней отменят государев приказ?

— Я не святой и не умею предсказывать будущее, — говорил им Ли Цин. — Разве вы не слышали историю о том, как Конфуций, увидев ком ряски и одноногую птицу пангьян, предсказал грядущие события? Просто, слушая детские песенки, он задумывался над их смыслом, а

потом неожиданно получалось так, как он и говорил. Детские песни, исторгнутые из души бесхитростной и прямой, являются чудесным знаменем того, что происходит в природе. И если ты задашься целью что-то познать, то обязательно получишь ответ. Как вам известно, свое завешение я открыл в пятый год эры Вечного Благоденствия. Как-то в годы Драконова Начинания я услышал детскую песенку, которую, возможно, слышали и вы. В ней были такие слова:

Тайшань-гора высока.
От земли
До вершины
сколько ли?
Как ни старались,
взобраться туда не смогли.
Как ни пытались,
на самый верх не дошли.

Трижды солдаты
собирались в дальний поход.
Трижды солдаты
седлали коней у ворот,
Трижды в путь отправлялся отряд.
Трижды отряд возвращался назад.
На гору взобраться не мог никак.
Вот так!

Я понял, что если не смогли подняться на гору два раза, значит, не суждено взобраться и в третий раз. У меня, старика, много опыта, я многое видел. Ну, а каких-то тайн у меня нет и не было.

И старик продолжал делать свое дело: то получал деньги от посетителей, то отмеривал лекарства, а тем, кто обращался за советом, что-то объяснял. Словом, суетился так, что, казалось, у него нет ни минуты покоя. Решив, что старик не хочет делиться своими секретами, маги расходились по домам.

В следующем году нежданно-негаданно скончался государь Гаоцзун, и на престол взошла императрица У Цзэтянь, которая держала в своих руках правление двадцать один год, пока ее не сменил на престоле царевич Чжунцзун. Он был на троне шесть лет, и его устранила в результате мятежа императрица Вэй, а ее, в свою очередь,

сверг Жуйцзун, правивший страной также шесть лет. Он передал трон Сюаньцзуну, который начало своего правления назвал эрой Открытого Начинания.

Наступил девятый год его царствования, а значит, со времени кончины Гаоцзуна прошло сорок три года. Все в Цинчжоу знали, что Ли Цину сейчас уже сто сорок лет. Но он по-прежнему несколько не постарел, а его лекарства, как и прежде, обладали чудесными свойствами. «Может, он и не бессмертный, — думали люди, — но несомненно, он одарен счастливым свойством долголетия». Вот почему к нему шли не только те, кто занимался врачеванием, но и все, кто хотел постичь тайны учения даосов. В его доме постоянно толпился народ, и люди, которые верили в него, всегда медлили расходиться. Вспоминаются такие стихи:

Обитель бессмертных в далеком море,
на острове Яньфуги,
Но могут бессмертные в мире земном
плоть свою обрести.

В этом месте наша история прерывается, и сейчас мы расскажем о государе Сюаньцзуне. Как известно. Сын Неба с большим почтением относился к даосскому учению, и все его мысли были устремлены к небожителям. С особенным уважением монарх относился к даосским наставникам Е Фашаню и Син Хэпу, которые приводили к Сюаньцзуну диковинных людей, рассказывали ему о постижении черно-белого и ало-желтого начал, о поисках эликсира бессмертия, о тайне общения с духами, а также раскрывали секреты омоложения и восстановления сил.

Был девятый год эры Открытого Начинания. Однажды наставники Син и Е доложили государю:

— Сейчас на земле лишь трое бессмертных. Одного зовут Чжан Го, и живет он в горах Цяошань под Хэнчжоу. Другой — Ло Гунъюань из Синчжоу. А третий — Ли Цин из Бэйхая. Все трое — обитатели заоблачных высот, и им постыла суeta бренного мира. Если вы, государь, преисполнившись чистыми помыслами, пошлете за ними своих гонцов, возможно, они согласятся прийти ко двору.

Сюаньцзун выслушал даосских наставников и послал к Чжан Го помощника начальника дворцового ведомства

Сюй Цзяо. К отшельнику Ло был отправлен ученый муж Цуй Чжунфан, имевший звание тайчан боши — доктора Вечного Постоянства. К Ли Цину император направил Пэй Пиня, сановника из приказа общих дел. Все три высоких посланника, поклонившись императору, взяли особую бумагу, скрепленную государевой печатью, и отправились каждый в свою сторону на поиски небожителей. Но об этом мы пока умолчим, а вернемся к Ли Цину.

Годы жизни Ли Цина в этом бренном мире подходили к концу. Он свершил много достойных деяний, предначертанных ему, и, конечно, достиг высшего прозрения, которым обладают бессмертные. Он заранее знал, что к нему в какой-то момент пожалует чиновник по фамилии Пэй, и ему вспомнилась четвертая строка заклęcia, которое прочитал когда-то владыка бессмертных: «Пэй придет — уходи». Ли Цин подумал: «Иероглиф «дунь» в заклүтии означает «уйти» или «исчезнуть». Куда же мне исчезать? Наверное, это слово обозначает исчезновение плоти!»

Вам, несомненно, интересно узнать, что значит «исчезновение плоти»? Испокон веков происходило так. В тот день, когда человек до конца постигал Дао, он покидал мир людей. Некоторые среди бела дня возносились на небо, что называлось «оперившись, взлететь». Другие умирали, как обычные люди, но их останки куда-то вдруг пропадали из гроба. Это и называлось «исчезновение плоти». Однако у разных людей происходило оно по-своему и в полном согласии с пятью качествами человека, а поэтому люди часто не догадывались, что ушедший из мира стал небожителем.

Рассказывают, что в тот день, о котором сейчас пойдет речь, Ли Цин поднялся при свете ни заря.

— Сегодня я не буду продавать лекарства, — сказал он ученикам и приказал снять таблицу. — В полдень я с вами навсегда расстанусь.

— Что вы говорите, учитель? Вы же совсем здоровы! — удивились ученики. — К тому же вы не можете нас покинуть, ведь мы не успели постигнуть и частицы вашего мастерства. Оставайтесь с нами хотя бы ненадолго, передайте нам ваши тайны. Тогда все узнают, учитель, что вы

настоящий небожитель, и потомки поверят в то, что вы постигли Дао-Путь.

— У меня, как известно, нет особых тайн, которые я мог бы передать. И вовсе не обязательно, чтобы обо мне знали потомки, — улыбнулся Ли Цин. — Сегодня наступает великий предел моей жизни, и вам не по силам меня удержать. Жаль только, что нынче нет здесь моего старого соседа Цзиня, поэтому придется побеспокоить вас. Купите гроб, а когда остановится мое дыхание, положите в него мое тело и забейте крышку. Только, прошу вас, не откладывайте этого до завтра. Все хозяйство, а также инструменты я дарю Цзиню, с которым мы знакомы вот уже семьдесят лет. Ведь я как-никак не только его сосед, но и клиент.

Ученики поспешили выполнить его распоряжение и купили все, о чем их просил Ли.

Надо сказать, что Цзиню в это время исполнилось семьдесят девять лет. Это был крепкий и здоровый старик, ходил он быстро и стремительно, будто летел по воздуху. У Цзиня, основателя большого дела, сейчас была куча внуков, а поэтому его величали Дедушкой Цзинем. Только Ли Цин, знавший торговца еще юношей, по-прежнему звал его Цзинь Даланом, то есть Цзинем Старшим. В тот день Цзиня действительно не было дома. Он поднялся в пятую стражу и отправился за город.

Наступил полдень. Ли Цин совершил омовение и, переодевшись во все новое, направился во внутренние комнаты. Ученики хотели было последовать за ним, но старик их остановил.

— Подождите у ворот. Мне нужно спокойно посидеть одному и очистить свое сердце, дабы освободить его от забот и волнений... Когда придет Старший Цзинь, мой давний приятель, пошлите его ко мне проститься.

Ученики столпились возле ворот. Кто-то сходил к Цзиню, но оказалось, что тот еще не вернулся. Через некоторое время ученики вошли в дом посмотреть, что с учителем, а он уже испустил дух. Кто-то из старых учеников, живших у Ли Цина давно, заплакал. Другие — из тех, кто пришел недавно, — шныряли по углам в поисках ценностей. После некоторого замешательства, вызванного неожиданной смертью старика, ученики, выполняя волю

умершего, решили положить тело в гроб. Стали класть — ничего не получается. Руки и ноги странно скрючились возле груди, и тело напоминало свернувшегося дракона. Ученики попытались было распрямить конечности, но куда там — они будто окаменели или затвердели, как железо. Положив старика в гроб, как есть, заколотили крышку и оставили гроб в доме.

За долгую и славную жизнь, которую прожил Ли Цин, его узнало много людей, и проститься с ним пришло полгорода. Ученики едва успевали встречать и провожать бывших больных старого Ли Цина, у них чуть язык не отсох от приветствий, а спины не разгибались от бесчисленных поклонов. Верно говорится в стихах:

Больше ста лет следы его ног
оставались в мирской пыли.
Но однажды, простившись, на облаке белом
он скрылся в небесной дали.

Баллахин из перьев и радужный стяг
больше не встретятся вам.
Лишь ступка и снадобья в мире остались,
завещанные ученикам.

А теперь мы расскажем о сановнике Пэй Пине, который, добравшись до города Цинчжоу, был встречен старейшинами города во главе с начальником округа. В зале, куда проводили столичного гостя, горели свечи и дымились благовония. Пэй Пинь зачитал государев указ, повелевающий пригласить ко двору бессмертного Ли Цина. Начальник округа первый раз слышал эту фамилию и спросил у местных старейшин. Кто-то из них доложил:

— Есть в Цинчжоу некий Ли Цин, но он детский лекарь. В этом году ему исполнилось сто сорок лет. Говорят, что вчера в полдень он вдруг скончался — без всякой болезни. Только этот Ли Цин и жил здесь, а вот о бессмертных мы ничего не слышали.

Новость очень огорчила сановника. «Сколько мне пришлось претерпеть в пути, чтобы добраться сюда с государевым приказом! — подумал он, вздохнув. — Я должен был найти этого лекаря и пригласить его ко двору. Увы! Я не выполнил государева распоряжения. Какое невезение! Приехал ни раньше, ни позже, а именно тогда,

когда этот старик протянул ноги. Даже лица его не видел. Какая жалость!.. Помнится, еще в стародавние времена ханьский Уди, узнав, что где-то живет человек, добывавший снадобье бессмертия, послал к нему большого вельможу с приказом узнать рецепт эликсира. Но сановник не успел добраться — тот человек уже умер. Уди страшно разгневался на вельможу за то, что тот вернулся с пустыми руками, и приказал его казнить. Хорошо еще, что за него вступился Дунфан Шо. Он сказал, что если покойник обладал эликсиром бессмертия, значит, он должен был сам его испробовать и остаться живым. А коли он умер, значит, его снадобье не приносит бессмертия, поэтому нет в нем никакого проку. Уди понял, что совершил оплошность. По счастью, наш Сын Неба, не в пример ханьскому владыке, отличается светлым умом, и, хотя при дворе сейчас нет второго Дунфан Шо, который бы за меня вступился, дело, быть может, не дойдет до того, что произошло с тем вельможей... Но вот что непонятно. Оба даосских наставника сказали, что этот Ли Цин — бессмертный. Если это так, он не должен был стареть, тем более — не мог умереть. Однако он все-таки умер. Значит, он никакой не бессмертный. Впрочем, сказать по правде, дожить до ста сорока лет и скончаться тихо-тихо без всякого видимого недуга — такое тоже встречается редко».

Государев посланник Пэй Пинь повелел окружным властям собрать от соседей Ли Цина сведения о нем, чем он занимался, какие добрые дела совершил, в каком году, в какую луну и в какой день он преставился. Это было необходимо вельможе для отчета. Областные чиновники сей же час приказали соседям старого лекаря написать бумагу и немедленно принести ее для вручения императорскому посланцу. Соседи почесали в затылке и задумались.

— Что писать? Как писать? Все мы гораздо моложе Ли Цина. Откуда нам знать о нем?!

Кто-то из соседей вспомнил:

— Кажется, один только дедушка Цзинь знает лекаря сызначала и наверняка ему известна вся его жизнь. Жаль только, Цзиня нынче здесь нет. Может быть, он все же сегодня вернется или, на худой конец, — завтра утром. Пусть он и сочинит эту бумагу, а потом передадим начальству.

Все согласились с предложением и пошли по домам. И вдруг им навстречу идет сам Цзинь, а за ним парень с вязанкой травы за спиной.

— Какая удача! Дедушка Цзинь, как хорошо, что ты вернулся! Если бы ты вчера не ушел в деревню, ты успел бы проститься со своим старым другом — лекарем Ли Цином.

— А чего с ним прощаться?.. Он что, куда ушел?

— Вчера в полдень преставился...

— Я же его вчера встретил у южных ворот. Что вы чепуху несете! Грех какой! Грех!

Соседи опешили от неожиданности.

— Он взаправду умер. Не мог ты его видеть!.. А может, ты повстречался с духом?

— Чудно! Ни за что не поверю! — воскликнул изумленный старик и, не поворачивая к себе, поспешил к дому Ли Цина. Вошел и видит: стоит гроб, подле которого толпятся ученики лекаря, одетые в белую одежду, и кто-то из знакомых, пришедших проститься с покойным.

— Чудеса! Чудеса! — замотал головой старый Цзинь.

Ученики обступили его.

— Душа учителя отлетела на небо вчера в полдень. Поскольку вас вчера не было, мы гроб пока оставили здесь, — сказал кто-то.

Другой ученик протянул Цзиню бумагу со списком вещей, которые Ли Цин оставлял ему в дар.

— Неужели он действительно умер? — Цзинь взял бумагу, но даже не взглянул на нее. — Не верю я, не верю!

— Дедушка Цзинь! Ты сказал, что вчера будто ты его видел? — спросил кто-то.

— Вчера я вышел из дома очень рано, но не успел я дойти до южных ворот, как встретил родственника, который затащил меня к себе домой выпить и закусить. Я, понятно, у него задержался. Наконец простился — а это было примерно в полдень — и пошел к Горе Заоблачных Врат. Давно я заметил там разные травы и коренья, нужные для моей аптеки. И тут вдруг я заметил мальчика в темной одежде, наверное, слугу, который нес курильницу с благовониями. Я не обратил на него особого внимания. Прошел вперед шагов шестьдесят или семьдесят и впереди увидел вашего наставника. Только странное дело: левая нога у него была обута, а правая босая, непонятно

почему. Спрашиваю его, куда, мол, направляетесь, а он мне в ответ: «Иду на Гору Заоблачных Врат. Там, в Беседке Сгнивших Веревоч, меня ожидают девять наставников — моих братьев. Хотят со мной потолковать о том о сем! Несколько дней я буду в отлучке». Достал из рукава письмо и сует его мне. Потом протягивает расшитую сумку, а в ней лежит что-то похожее на жезл жуи. Иди, говорит, поскорее в город и передай сановнику Пэю — гонцу государя. Письмо и сума его у меня. А вы говорите, он умер!

Старый Цзинь пощупал рукав халата. Ученики сначала решили, что старик шутит, но, когда увидели письмо и сумку, все их сомнения пропали.

— В полдень или не в полдень — это неважно, — проговорил один ученик. — Удивительно другое: как он смог передать тебе эти вещи, если он не выходил из дому! Очень странно!

— Вот именно! — поддакнул другой. — Он же скончался, никак он не мог тебе передать.

— А ведь он заранее знал, что приедет государев посланец Пэй и что его будут просить ко двору... Может быть, это его дух являлся тебе! — предположил третий. — Наверное, он все-таки бессмертный!

— Какой такой Пэй? Куда его хотели пригласить? — спросил Цзинь с любопытством.

Соседи и ученики объяснили ему, что произошло за это время. Приехал, мол, государев гонец Пэй просить Ли Цина ко двору, но начальник округа сообщил ему, что Ли Цин уже скончался. Тогда власти приказали соседям писать бумагу с объяснением.

— Вон, оказывается, в чем дело! — проговорил Цзинь. — Никакие доказательства не понадобятся, если есть письмо и сумка. Мы вместе пойдем в ямынь, и я передам вещи гонцу государя.

Соседи вместе со стариком отправились в окружную управу. Старый Цзинь рассказал начальнику о том, как он встретил Ли Цина, как тот передал ему письмо и сумку. Удивленный чиновник поспешил к Пэй Пиню. В это время Пэй, обескураженный своей неудачей, с нетерпением ожидал отчета местных властей. Он собирался в обратную дорогу, когда появился начальник округа с большой толпой жителей. Чиновник доложил вельможе о

письме и сумке лекаря, которые тот отдал своему соседу — старому Цзиню, велел передать их посланцу двора. Пэй Пинь раскрыл письмо, содержание которого, как оказалось, напоминало благодарственную реляцию. Ли Цин писал:

«Ваше величество! Золотые письма Вашего нефритового послания достигли Девяти Чистых Сфер. Ответствую Вам: Совершенные мужи спускаются в бренный мир, дабы обеспечить спокойствие людей и благополучие их жизни. При этом они следуют принципам недеяния Тана и Юя и соблюдают бережливость, свойственную Вэню и Цзину. С почтительностью они ожидают наступления предела движения, чтобы вознестись в чертоги Пэнлая. Их не заботит еда, как не волнует одежда, они не желают терзать свою душу и истощать разум. Им нужны лишь горы да немного журчащей воды, чтобы спокойно совершенствоваться в искусстве волшбы. Ваш слуга когда-то давно и лишь мимолетно увидел Дао-Путь, но не успел тогда вступить в ряды бессмертных. И вот патриарх Чжан Го и мой друг по учению Ло Гунъюань сказали, чтобы я шел к ним. Посему я не могу находиться при Вашем чистейшем дворе. Вместе с ними я ухожу служить великой Истине. Давным-давно государь Цинь Шихуан пригласил к себе Ань Цишэна с Восточного моря, но Ань отказался от приглашения и передал государеву посланцу пару туфель пурпурного цвета. Ваш слуга не имеет талантов, но и он не может оставить Ваше послание без ответа. Примите от меня этот яшмовый жезл — жуи как знак моей искренней признательности. Надеюсь, что Ваше величество возьмет сей дар».

Прочитав это удивительное послание, Пэй Пинь вздохнул:

— Говорят, что бессмертные не умирают, но плоть их исчезает. Надо вскрыть гроб. Если он окажется пустым, значит, Ли Цин — небожитель. Это несомненно! Вернувшись ко двору, я доложу об этом нашему государю, и тогда у нас не будет лишних хлопот.

Начальник округа и соседи поспешили в лавку лекаря. Если бы они не открыли гроб, может быть, все осталось бы по-прежнему... Но, приподняв крышку, они застыли в изумлении. Тело исчезло, а на дне колоды лежал бамбуковый посох да пара туфель, и поднимался синей ленточкой

дымок. И вдруг — о чудо! — гроб взмыл вверх и исчез в вышине. По городу разлился странный аромат, который, как потом говорили, ощущали даже за триста ли от Цинчжоу. Сановник Пэй, чиновники из округа, все жители города принялись истово кланяться, обратя взоры к небесам. Благодарственное послание Ли Цина вместе с сумкой аккуратно положили в пакет, и посланник Пэй передал его государю.

В следующем году во всей Поднебесной вспыхнула эпидемия язвы, но Цинчжоу она обошла стороной — наверное, подействовал странный аромат. Ли Цин хоть и умер, но, как видно, сила его врачевания сохранялась в этих краях. Вот почему до сегодняшнего дня жители города осенью и весной поднимаются к кумирне на Горе Заоблачных Врат и совершают там жертвоприношение и поклонение духам. А теперь послушайте стихи:

О гнилом топориче, о шахматном бое
легенду слышали не раз.
А сегодня повесть Заоблачных Врат
поведали вам без прикрас.

Как день, летят-мелькают века
в мире земной тщеты,
Но корысть по-прежнему гонит глупцов
в сети мирской суеты.

ЗАКЛЯТИЕ ДАОСА

Тревожна-тревожна жизнь и несладка —
Жаждешь богатства,
но нет и достатка.
Как черепаха, голову спрятать умей,
будь скромн, живи с оглядкой.
Достигнув и малой меры довольства,
остановись поскорей
Помни, что жизнь перемен полна —
никогда не действуй вслепую,
Как те, кто годы молодые свои
трятят напропалую,
Жизнь проживают впустую.

Эти строфы взяты из вступления к стихотворению, сложенному на мотив «Вся река красна», а принадлежат они перу сунского поэта-монаха, имевшего прозвание Хуэйань, что значит Темная Обитель. В них говорится о том, что богатство и знатность, почет и известность весьма ненадежное дело, все это зависит от разных превратностей и коловращений, коих следует остерегаться. Да, жизнь полна тревог и беспокойства. Вот, скажем, вы помышляете о грядущем или, вспоминая прошлую жизнь свою, сокрушаетесь о том, что вам всегда будто чего-то недоставало. Но на деле вы только напрасно забили голову пустяками, не наполнили ее, а именно опустошили, только и всего. Посему не лучше ли вести свою жизнь в согласии с предначертанным уделом?

Именно так надо поступать, если к тому ж мы припомним историю некоего сюаньилана, то бишь советника Вань Яньчжи из Наньсиня округа Цяньтан, который жил в годы Счастливой Помощи эпохи Сун. В свое время он

сдал очередные экзамены и, вступив на чиновную стезю, занимал посты в двух или трех уездах и даже округах. Однако ж, поскольку Вань был человеком прямодушным и простого нрава — ну, словом, как чистая холстина, — не любил извиваться и угождать, ему скоро пришлось, как говорится, сбросить парадное платье и удалиться от дел, хотя был он еще не стар. Он переехал в Юйхан, где заранее присмотрел землю в низине, и собрался заняться земледелием. Поля лежали в заболоченных местах, которые во время наводнений постоянно заливались, правда, и цена их была на редкость низкая. Словом, Вань Яньчи скупил здесь много участков земли, а заплатил сущие пустяки. Как видно, Вань родился под счастливой звездой, потому как через эту самую землю он сильно разбогател. Несколько лет подряд в этих краях стояла засуха, а вот низкие болотные земли дали хорошие урожаи. Ваню удалось получить с арендаторов свыше десяти тысяч даней риса. Понятно, он был доволен и часто говаривал:

— Я собрал в нынешнем году целый вань зерна. А все почему? Потому, что моя фамилия Вань — Десять Тысяч. Хлеба у меня теперь в достатке.

Он приобрел роскошный дом, купил сад и задумал женить сыновей. Кто-то из услужливых советчиков предложил сваху, и скоро третий сын богача стал мужем внучки государева зятя Ван Цзиньцина, имеющего чин дувэя — командующего столичными войсками. Правда, на свадьбу Ваню пришлось изрядно поистратиться и выложить ни много ни мало 20 тысяч монет, но зато его отпрыск, благодаря знатному родству, сразу же получил назначение на высокую должность. Одним словом, Вань стал знатным, богатым вельможей и, как все, принялся чинить беззакония над простым людом.

Надо вам знать, что в доме у Ваня была одна редкостная и дорогая вещь. В пору чиновной службы в столице, когда был еще запрет на медь, он купил всего за десять цянней глиняный таз для умывания, который, как оказалось, обладал дивным свойством. Известно, что после умывания остатки воды обычно выплескивают прочь, но все же немножко остается на дне. Так произошло и в тот зимний день, о котором пойдет сейчас речь. После умывания в тазу, как обычно, осталось немного воды. Про-

шла ночь. Вода на холоде замерзла, и вдруг в ледяном узоре возникла веточка персика. Кто-то заметил это и, подивившись, рассказал советнику Ваню, но тот объяснил:

— Ничего странного нет! Вода всегда застывает льдом, а лед непременно дает узоры. Что же до ветки персика из льда, то это — чистая случайность.

Вань не обратил на таз никакого внимания. Но вот на следующий день снова осталось в тазу немного воды, и, застыв на морозе, она на сей раз изобразила куст пиона с густыми ветвями, усыпанный цветами. Вряд ли мог простой смертный создать столь дивную красоту. Доложили хозяину.

— Нынче появился новый узор, неужели он тоже возник случайно? — спросили его.

— И верно, странно! — согласился советник Вань. — Надо мне испытать самому!

Он вытер и вычистил таз, налил в него воды. На следующий день взглянул, и (вот так чудеса!) перед ним раскрылась картина зимнего леса. Увидел он деревеньку близ речки, бамбуковые хижинки, диких лебедей и цапель, дальние и ближние горы, подернутые дымкой. «Как все это странно», — подумал Вань с робостью и благоговением. Он позвал серебряных дел мастера и велел ему сделать к посудине оправу — выложить ее пластинами из белого серебра, чтоб ее сохранить на долгие годы. С тех пор в холодные зимние дни он часто приглашал к себе гостей на пирушку, как водится, с вином и во время застолья показывал им ледяные картинки. Одна прекраснее другой, они были столь разнообразны и непохожи друг на друга, что даже знаменитый живописец, взглянув на них, удалился бы в стыдливом смущении.

Однажды произошло удивительное событие. По случаю восшествия на престол государя императорский двор издал милостивейший указ о поощрениях чиновного люда и повышениях в звании. К чину сюаньилана добавились слова: Муж, Возвещающий Добродетель. Бумага двора пришла к отставному советнику Ваню как раз в день его рождения. К нему пожаловали с поздравлениями многочисленные родственники, друзья и знакомые. Их усадили в гостевой зале, а в центре комнаты на плетеной циновке поставили таз с водой. В это время как раз стояли холода,

и, понятно, вода в сосуде быстро замерзла, явив всем присутствующим чудесную картину.

Гости увидели горную скалу, а на ней сидящего старца, слева и справа от него — черепаху и аиста. Ни дать ни взять — изображение бога долголетия Шоусина. Над столом пронесся вздох восхищения. И тут один из гостей, сведущий в делах не только нынешних, но и минувших, сказал:

— Это обычный таз, обожженный в простой печи, а не диковинное порождение Неба и Земли и не детище Пяти Первостихий, однако ж, спору нет, вещь эта редкостная, а в чем тут дело — постичь невозможно!

Еще кто-то — человечешко, к слову сказать, жалкий и подлый, — угодливо хохотнул и подобострастно заметил:

— Такая редкая драгоценность есть знак бесконечного долголетия. Она может принадлежать только самому счастливому мужу в Поднебесной!

Пиршество окончилось, и все, довольные, разошлись.

Породнившись с самим государем, Вань обрел еще больший почет и еще более разбогател. Как говорят в подобных случаях: слава его расцвела несравненно, а величие засверкало необычайно! И еще говорят: золота и серебра у него не счесть, а радостей в жизни — не исчерпать. Но увы! Все проходит, как убегают облака иль рассеивается дым. Смежил очи — и все исчезло. Пришла пора, и Муж, Возвещающий Добродетель, по имени Вань Яньчжи скончался. Вслед за ним умер и его третий сын — высокий сановник. Родственники государсва зятя стали требовать поместье Ваня себе, говоря, что богатства семьи пришли из дома дувэя. Как-то, собрав человек двадцать-тридцать челяди, они ворвались в поместье и растащили все ценности подчистую. Младшие сыновья Ваня взирали на гнусные бесчинства, вытаращив глаза, но не решались оказать сопротивление. После этого грабежа пришла новая беда. Тысяча цинов заболоченных земель несколько раз кряду заливались водою. Хозяевам пришлось дать арендаторам дополнительное зерно, отчего закрома Ваней быстро опустели, а потом вся земля перешла в чужие руки. Хозяйство семьи вконец захирело. Обоим сыновьям пришлось просить приюта у родственников. Наступило время, и они умерли в убогой старости.

Ну, а драгоценный таз утащили в семью государева зятя, а потом диковина попала в руки тайши — Великого Наставника Цай Цзина. Кто-то из людей, проницательных и дальновидных, впоследствии заметил:

— Сей сосуд таит в себе несчастье, так как в нем рождаются ледяные узоры, похожие на цветы. Он находился в семье Ваня, счастливая судьба коего оказалась краткотечной, ибо богатства его растаяли, подобно цветам из льда!

Правда, эти слова — лишь догадка потомков. В пору могущества Ваня вряд ли кто мог предполагать подобное всерьез или, тем более, осмелился бы высказать такой вздор вслух. Однако ж впоследствии подтвердилось, что жизнь Ваня и вправду была не более чем сон.

В древности сложили притчи вроде «Ханьданского сна» или «Вишневого сна» и. Они говорят о том, что богатство и знатность, а также громкая слава подобны мимолетному сну, в котором человек видит как бы всю свою жизнь. Эта греза ничуть не лучше истории Чжуанцзы о молодом пастухе. В ней, как известно, рассказывается о юноше, который днем был простым волопасом, а ночью становился знатным вельможей. И так долгое время. Впрочем, ваш ничтожный слуга поведаст вам эту историю во всех подробностях, а пока послушайте стихотворение:

Жизнь человека —
вроде долгого сна.
Где явь, где сон —
порой не поймешь никак.
Кому во сне
богатая жизнь суждена,
Считай, наяву —
последний будет бедняк.

Рассказывают, что в эпоху Вёсен и Осеней в Горах Южных Цветов — Наньхуашань, что лежат в округе Цаочжоу царства Лу, в какое-то время жил отшельником Чжуанцзы, уроженец Шанцю царства Сун. Найдя здесь пристанище, он постиг Дао-Путь и способы достижения бессмертия, о чем поведал в книге. Не удивительно, что потомки нарекли мудреца Бессмертным с Гор Южных Цветов, а его книгу назвали «Наньхуацзин», что значит «Канон Южных Цветов». В ту пору у подножия горы про-

живал некий Мо Гуан — почтенного возраста селянин, занимавшийся хлебопашеством. У него было много десятков му тучной земли, которую обрабатывали батраки, имел он и скотину — несколько волов. Ему хватало и одежды и пищи, а поэтому слыл он в своей округе за человека не то что богатого, но не бедного. Беда одна — не было у него детей, отчего все помыслы супругов (а надо вам знать, что жена его тоже была в летах) обратились к хозяйству. О нем пеклись они денно и нощно: как землю вспахать и как ее промотыжить, как вырастить волов и откормить свиней. Есть стихи, которые, как нельзя кстати, подходят к нашей истории:

Старик-хлебопашец спокойно жил
с давних-предавних пор
В уединенном домишке
на склоне пологих гор.

Хозяйство было не слишком большое —
какая-то сотня му,
Но землю пахать и мотыжить
приходилось ему одному.

Доносились громкие крики кукушки
весною, по вечерам.
Весенние тучи над крышею дома
проплывали к близким горам.

Иногда случалось ему призывать
в помощь себе батраков.
Они приносили с собою мотыги,
приводили бурых волов.

Первая вспашка —
пусто поле пока,
Во время второй —
работа очень трудна.

После третьей появятся
всходы наверняка,
Зелень обильная —
радует глаз она.

Труд, что летом в поле вложил,
осень сторицей вернет:
Колосья густою стеною стоят,
словно туча над полем плывет.

Несут урожай богатый с полей,
много громадных корзин,
Все амбары наполнены доверху —
не пустует теперь ни один.

Вина для домашних богов приготовить
прикажет старик жене.
Велит резать свиною и барана —
пир устроить ролне.

Ночь напролет гремят барабаны —
колотушек доносится стук,
Но вот потускнел Яшмовый заяц —
восток озарился вдруг.

Стадо волов у почтенного Мо, человека, как мы уже знаем, прилежного и трудолюбивого, постепенно увеличилось настолько, что следить за ним старику стало трудно, и тогда он решил нанять пастуха. Надо вам сказать, что в деревеньке проживал парень по фамилии Янь, которого все звали Цзиэром, что значит Приеммыш, так как он после смерти родителей нашел пристанище у чужих людей. Парень рос круглым невеждой: он не знал ни единого письменного знака и не умел делать ни одного путевого дела, кроме как трудиться на тяжелой и грязной работе. Как-то раз, когда он косил траву на склоне горы, Цзиэр увидел даоса с двумя пучочками на голове. Взглянув со вниманием на юношу, даос промолвил:

— Отрок! Твой лик благороден, но он затемнен дремучим невежеством. Я вижу на твоём пути много тяжких испытаний. Если хочешь их избежать, следуй за мной.

— Что ж, значит, мне будет спокойней, если я пойду за тобой? — спросил пастух.

— А ты хочешь избавиться от хлопот и волнений без меня? — проговорил даос. — Ну, да ладно! Мне ведом секрет, как можно обрести радость во сне. Но только надобно кое-чему научиться. Ты согласен?

— Почему бы и нет? Ночные удовольствия — вещь неплохая. Учитель, раскрой тайну, как получить их.

— А с грамотой ты знаком?

— Не знаю ни единого знака!

— Что с тобой делать? У меня есть одно заклятие, состоящее всего из пяти слов. Их легко запомнить, даже если ты полный невежда, ибо они западают в самую

душу. — Он приложил уста к уху юноши: — Внемли и запомни: «По шань по янь ди!» Перед сном непременно повторяй заклятие сто раз, и на тебя снизойдет благодать!

Приемыш постарался запомнить странные слова, а даос продолжал:

— Делай все, как я тебе сказал, и тогда заклятие явит свою силу.

Даос ударил в рыбий барабанчик, щелкнул дщицами, произнес молитвенные слова и пошел прочь.

Вечером Цзиэр сто раз повторил таинственные слова, которые сказал ему даос, и погрузился в сон. По этому поводу написаны такие стихи:

Жизнь человека тревожна, трудна,
в ней много горя и бед.
В горы далекие ты ушел
и там на камне уснул.
И во сне оказался в счастливом краю,
где несчастий и горя нет.
Можно в этом прекрасном сне
прожить и тысячу лет.

Уважаемый читатель! Слушая наш рассказ, помни, что в нем говорится не только о сне, но и о были, а их путать никак не должно.

Однако ж продолжим наш разговор. Цзиэр Подкидыш увидел во сне, будто он оказался ученым чиновником. Гордый своими познаниями, идет он по улице, небрежно раскачиваясь из стороны в сторону, и вдруг навстречу ему человек.

— Государь страны Хуасюй повелел вывесить желтый щит, в коем он призывает всех мудрецов страны пожаловать ко двору. Почему бы и вам не попытать счастья, отчего не поискать пути, ведущие к славе и почету?

Услышав новость, Цзиэр тотчас решил поменять свое старое имя и взял другое Цзихуа — Цветущий. Затем он накропал какое-то бестолковое сочинение под названием «Дальний план из десяти тысяч слов» и послал его ко двору. Государь, как положено, повелел Ведающему Мерой Словесности проверить бумаги. Приемыш, то бишь Цветущий, как теперь все его называли, преподнес этому сановнику несколько золотых слитков в виде подковок. Обрадованный вельможа заявил во всеуслышание,

что Цзихуа — человек редкого, просто поразительного таланта, способного, как говорится, потрясти не только Землю, но и Небо. Вынеся такое суждение, он передал сочинение государю, который тотчас пожаловал Цзихуа титул чжуцзолана — Творца-сочинителя, поручив ему руководить всеми сочинительскими делами Поднебесной. Новый вельможа верхом на гордом коне, в окружении свиты, несущей знамена и стяги, под грохот барабанов и гонгов направился в свой ямынь. Какое величие, какое изящество! Цзихуа не ехал, а будто парил в облаках. Есть в связи с этим стихотворение:

Молнии блещут, пламя бушует,
а он будто сном объят;
Белая лошадь, алые ленты,
прекрасный новый наряд.
Славой оваян всеильный вельможа —
никто не сравнится с ним.
Зачем же ему книжная мудрость,
если он знатен, богат?!

Цзихуа — Цветущий соскочил с коня и вдруг оступился. Ах, какое невезение!.. И тут он проснулся. Испуганный, протер глаза — оказалось, все это время он спал в ворохе скошенной травы.

— Ай-я! Ну и чудеса, мамаша родная! — вскричал он. — Надо же! Я не знаю ни единого письменного знака, а во сне неожиданно настрочил длинный доклад, за что получил чиновную должность и стал даже ведать всеми сочинениями Поднебесной! Интересно, сон это был или нет и что мне доведется увидеть наяву?

Крепко задумался парень над своим сном и даже не сразу заметил соседа Шасаня, с которым водил знакомство.

— Брат Цзи! — крикнул Шасань, подходя к нему. — Старому Мо, что живет в передних дворах, нужен пастух. Почему бы тебе не наняться? Попробуй, чего тебе маяться в батраках?

— И то верно! — обрадовался Приемыш. — Только кто за меня поручится, кто слово замолвит?

— Вчера я уже говорил о тебе, — успокоил его Шасань. — Нынче можем зайти к нему вместе. Надо только составить бумагу, и вся недолга!

— Премного благодарен! Спасибо тебе за совет!

Поговорив еще о том, о сем, они вместе отправились к Мо. Шасань сказал старику, что Приемыш согласен служить пастухом, и добавил, что Цзиэр — работник старательный. Старику понравился этот простой и грубоватый, но крепкий парень. Он решил взять его в работники и велел ему составить договорную бумагу.

— Писать не умею, — сказал Приемыш. — Я грамоте не учен.

— Я за тебя составлю, — предложил Шасань, — который проучился у деревенского учителя целых два года и мог написать несколько знаков. — А ты только распишешься.

Он сочинил договорную бумагу, в которой написал, что Цзиэр по собственной воле идет в работники к старому Мо и согласен пасти его скот. Правда, некоторые иероглифы были написаны не так, как надо, но все же понять что к чему было можно. Внизу Шасань указал год и месяц. Дело оставалось за подписью. Приемыш взял кисть. Ему показалось, что она весит не меньше тысячи цзиней. «Где провести черточку, налево или направо? — стал гадать он и вдруг улыбнулся. — Надо же, а вчера я составил длиннющий доклад — в десять тысяч слов!»

С помощью Шасаня парню удалось кое-как вывести крест. Старый Мо сразу же назначил ему плату и время работы, определил и жилье — хижину на склоне горы, где Приемыш должен был жить и возле которой пасти скот. Получив ключи, Приемыш вместе с Шасанем направился к своему новому жилищу и отблагодарил за хлопоты приятеля, дав ему немного денег. В тот же вечер перед сном парень сто раз повторил пять слов заклęcia. Долго ворочался он, но наконец заснул.

Читатель! Ты, конечно, скажешь: раньше всегда было так, что нить прерванной истории продолжает рассказчик. Неужели во сне тоже может быть продолжение прошлого сна? Однако же в этот раз (вот чудеса!) произошло именно так. Приемыш заснул и вновь стал Цзихуа — Цветущим, как и прошлую ночь.

В нарядной шляпе, полпоясанный парадным поясом, он направляется в ямынь и садится в широкое кресло вершить суд. К нему, спотыкаясь, торопливо бегут какие-то — книжники с ворохами своих сочинений — просят и

ждут его наставлений. Цзихуа просмотрел одну бумагу, проверил вторую, третью он похвалил, охаял четвертую, еще на одном сочинении поставил кружочки, а какое-то просто перечеркнул и отдал обратно. Книжники бросились к нему, чтоб узнать о результатах. Одним оценки понравились, другим, понятно, пришлись не по вкусу. В зале поднялись шум и крики. Цветущий тотчас огласил новые правила и повелел книжникам следовать им неукоснительно, а тот, кто проявит несогласие, получит плети и палки. Книжники, почтительно внемля приказу, умолкли и, потоптавшись на месте, бочком удалились. В тот же день по случаю назначения на должность в ямыне устроили пиршество, на котором присутствовали все служащие управы.

На столах стояли прекрасные вина, тонкие яства, разнообразные кушанья, редкие и изысканные. Под звуки музыки и песнопений гости веселились допоздна, а когда повернулся Ковш и склонилась к западу звезда Шэнь, пиршество кончилось, и все разошлись.

Цветущий уснул — там, в его грёзе, а здесь, наяву, он проснулся. Свой сон юноша помнил доподлинно, будто стоял он у него перед глазами.

— Чудеса! — воскликнул он, невесело улыбнувшись. — Странное дело, чтобы сон снился с продолжением! Надо же! Я стал большим начальником, в моем приказе служат чиновники, я читаю какие-то сочинения, а сам даже иероглифов не знаю! И потом этот пир... Красота, веселье!.. — Приемш потянулся за платьем, чтобы одеться. — Куда же девался мой парадный халат и пояс чиновника? — и вздохнул при виде лохмотьев. Накинув рваный халат, парень слез с постели. И тут к его хижине подошел старый слуга почтенного Мо, который привел с собой семь-восемь волов. Цзиэр взялся за веревку, привязанную к кольцу, продернутому в нос животных. Волы не признавали незнакомого человека. Несколько животных взбрыкнули, другие стояли на месте как вкопанные. Старик-слуга дал парню кнут, Цзиэр хлестнул раз-другой, и упрямые животные смирились. Парень собрал, их вместе, спутал веревкой и пустил пастись.

— По случаю твоей новой работы у нашего хозяина неплохо бы пропустить по чарочке, — предложил слуга. —

Ты ведь, кажется, вчера договорился с Шасансм. Он сейчас придет...

Не успел он это сказать, как появился Шасань с кувшином вина и лукошком, в котором оказались тарелка с мясом, миска с юйтоу и бобами.

— Брат Шасань! Мы тут рядили с Цзиэром, как бы нам выпить по чарке-другой, а ты тут как тут и все уже заранее устроил, — сказал слуга и обратился к Цзиэру: — Я могу внести за тебя долю!

— Так не пойдет! — возразил Приемыш. — С какой стати вы будете тратиться, что я, сам не могу заплатить?! Я тоже вношу свой пай!

— Подумаешь, какое дело! — воскликнул старик. — Стоит ли спорить? Было бы хотение!

Они уселись и приступили к трапезе.

— Нынешней ночью видел я сон, — проговорил Приемыш. — Вот было пиршество! Складно! Красиво! Не то, что сейчас, — небо и земля!.. — Но боясь, что приятели его засмеют, парень осекся.

Сон свой друзьям поведать хотел,
Но глупцом перед ними предстать не посмел,
Ведь рыба речная знает всегда,
Где холодней, где теплей вода.

Надо вам знать, что Цзиэр в выпивке был не слишком силен, поэтому, приняв лишнюю чарку, сразу же захмелел. Друзья простились и ушли, а он, как повалился на траву, так тут же и уснул. И вот он вновь очутился в стране Хуасюй...

Государь страны издал высочайший приказ, по которому Цзихуа, имевшему титул Творца-сочинителя, разрешалось возглавить братию книжников, дабы навести среди них самый строгий порядок. Ему даровалось парчовое платье и пояс чиновника, а также желтый балдахин и оркестр музыкантов с барабанами и трубами. В поездках вельможа теперь сопровождала шумная свита, и его выезды собирали множество людей, которые кричали и толпились вокруг. Величественное и яркое зрелище! Вдруг однажды занялся пожар — со всех четырех сторон запылал страшный огонь. Цзихуа испугался и... проснулся. Видит: восток уже сияет лучами алого солнца, а он, как

оказалось, заснул на солнцепеке. Приемыш закусил, а потом, взобравшись на вола, погнал стадо на лужайку. День стоял жаркий, солнце палило так, что не было мочи. Парень пожаловался старому Мо, но тот его успокоил:

— Есть у меня соломенная накидка и шляпа — постоянная снасть волопаса. Есть и дудка — ее обычно берут с собой пастушата. Я тебе их отдам, а ты хорошенько смотри за скотом. Помни, если какой вол похудаает, взыщу с тебя строго!

— Дал бы еще и зонт, чтобы прикрыться от солнца, — попросил Цзиэр. — Что она — шляпа! Только макушку прикроет — и все!

— Откуда у меня зонт? Сорви в пруду лотоса лист покрупнее, вот и прикроешься.

Приемыш взял у старика соломенную одежду и дудку. Сорвав в пруду широченный лист лотоса, он взобрался на вола и поднял лист над головой, как зонт. Едет на воле и думает думу: «В стране Хуасюй я — знатный вельможа, а здесь у меня нет даже зонтика. Приходится прикрываться лотосовым листом!» Внезапно пришла догадка: «А ведь мой лист — не иначе тот желтый балдахин, что я видел во сне. Верно!.. А накидка и шляпа — парадное платье!» Цзиэр приложил дудку к губам и дунул раз-другой. «А вот и оркестр!» Он усмехнулся. «Как ни ряди, а во сне жизнь веселее!»

По этому случаю есть стихотворение, которое здесь уместно напомнить:

Копны свежескошенных трав
видны на многие ли.
Легкий ветер подул, слышна
пастушья дудка вдали.

В сумерках поздно вернулся домой,
наскоро перекусил,
Уснул под луною, накидку с шляпой,
усталый, снять позабыл.

С этого времени всякий раз, когда Цзиэр погружался в сон, он оказывался в стране Хуасюй, где его окружали почет и богатство, но как только он просыпался, парень снова был прежним пастухом, который пасет свое стадо на склоне горы. И так день за днем. И каждую ночь видел

он продолжение того же самого сна. Но для нашего рассказа вовсе не обязательно в тонких подробностях говорить о том, что случилось с Приемышем в эти дни и ночи. Мы выберем лишь несколько картинок из его удивительной истории.

Однажды государь той страны, куда во сне попадал Циэр, решил найти мужа для своей дочери-принцессы. Кто-то из чиновников представил доклад, в котором предложил:

— Янь Цихуа, наш Творец-сочинитель, имеет ни с кем не сравнимый литературный дар, талантом своим превосходит других. Посему надобно выбрать его.

Государь согласился и дал повеление:

— Нынче мы отдаем нашу дочь, принцессу Фаньян, в жены Янь Цихуа, имеющему титул Творца-сочинителя и дувэя — командующего столичными войсками.

В хоромах Цветущего, который стал государевым зятем, появилась жена. В этот час ослепительно ярко горели светильники, повсюду блистали драгоценности-подарки. Поразительное великолепие, несравненная красота! О судьбе Цветущего лучше всего сказать стихами, сложенными на мотив «Похвалы жениху». — вот они, эти стихи:

Чистый рассвет
пары благодати струит,
Взвился жемчужный занавес,
Музыка где-то звучит.
Толпы святых небожителей
покидают остров Пэнлай.
Упряжка фениксов и луаней
до земли их быстро домчит.
Грациозные, нежные
идут небесные феи.
Легкий ветер повеял —
Слышно, как мелодично звенит
Драгоценных подвесок нефрит.
Выступают одна за другой
гибкие, словно ивы.
Подобных красавиц нет на земле,
прекрасны они на диво.

У благородной принцессы Фаньян было удлиненное лицо и крупные уши, а говорила она протяжно, нежным и высоким голосом. Ходила чинно, но странно — будто

кругами. С тех пор как Цветущий стал государевым зятем, он находился подле принцессы денно и нощно, а за столом они всегда сидели друг против друга. Если ж говорить о роскоши, что его окружала сейчас, то она не шла ни в какое сравнение с прошлым.

Но вот проснулся Цзиэр. И слышит, что кличет его хозяин, почтенный Мо. Он привел с собой колченогую ослицу и велел Приемышу пасти ее в стаде. Парень потянул за веревку. «Ночью мне досталась в жены принцесса, — усмехнулся он. — В день нашей свадьбы разливалось яркое сияние. А нынче? Что досталось мне нынче? Эта колченогая тварь!» Взобравшись на круп животного, он хорошенько уселся, как на воле, и попытался погнать ослицу в гору, но животное, по всей видимости, непривычное к седлоку, заупрямилось и вместо того, чтобы идти вперед, стало кружиться на месте. Ослица каждый день тянула мельничный жернов, и ей поваднее было ходить по кругу. Делать нечего! Цзиэр слез с упрямой скотины, хлестнул ее плетью и потащил за собой. Так добавилась в его стаде еще одна животины. Боясь растерять животных, Приемыш не оставлял их ни на минуту, ему некогда было даже поесть спокойно, и порой он довольствовался сухой коркой. Да и старый Мо не давал ему поблажки: то и дело приходил посмотреть, все ли в порядке.

Да, днем Приемышу жилось нелегко, но зато ночью приходило блаженство. Так и в эту ночь увидел он во сне, будто веселится с принцессой-женой. Вдруг приходит известие, что на страну идут походом два соседа: Страна Черных Трав и Страна Радостных Волн. Государь Хуасюй повелел зятю Цветущему, имевшему воинский чин дувэя, представить план боевых действий. В ямыне Творца-сочинителя тотчас собрались литераторы-книжники. Не спрашивая их совета о том, как надобно строить оборону или вести наступление, Цветущий завел высокие разговоры об истинных и честных помыслах, с помощью коих-де можно склонить соседей-врагов к миру. Многие чиновные люди рвались в бой, но Цветущий их советов не принял, и они удалились в смущении. Среди книгочеев оказались двое, представившие бумагу, в которой давали согласие ехать к соседям говорить о мире. Обрадованный Цзихуа щедро одарил их и направил к супостатам с посольством. Получив приказ, книжники отправились в путь

и сумели уговорить недругов отказаться от похода. Цветущий доложил об этом государю, не преминув приукрасить заслуги своих подчиненных. Обрадованный монарх, посчитав успех посольства за великий военный подвиг, присвоил Цветущему титул хоу — владельца Темной и Сладкой Волости, а также даровал Девять почетных регалий, возвысив тем самым над всеми вельможами двора. Богатство и знатность Цветущего достигли предела возможно-го. На этот счет есть такие стихи:

По совету Вэй Сяна мир заключили
с кочевниками-сюнну.
Ни один полководец не смог бы так
обогащать страну.

И стало легче распространяться
ученье о Дао-Пути,
Потому что при Сунах мечтали о мире
так же, как в старину.

Итак, Цветущий удостоился титула хоу и Девяти почетных регалий. Его выезды сейчас поражали ослепляющим великолепием. Одстый в роскошное парадное платье, в шляпе высокого вельможи, с державным скипетром в руке, он разъезжал в изящном экипаже, который везли кони, легкие, как птицы луань. Вокруг него свита с красными луками и черными стрелами; слева гарцуют всадники, в руках держащие червленые секиры, справа скачут воины с позлащенными топорами.

Как-то Цветущий возвращался от государя к себе в поместье. Вдруг, откуда ни возмись, пред ним неизвестный ученый-книжник. Остановил лошадей и сказал:

— Ваша светлость! Почет и слава, которых вы достигли, дошли до предела. — Их более нельзя умножать! Помните: солнце, что стоит на закате, рано или поздно склонится к западу, а полная луна станет ущербной. Счастье уйдет, и появится горе. Сейчас пока еще не поздно остановиться. В стремительном вашем взлете имейте смелость отступить немного назад, чтобы потом не раскаиваться.

— У меня счастливая судьба! — рассмеялся Цветущий. довольный, что все его планы и желания сбылись. — Я действительно богат и знатен, как никто. А своими благами я хочу пользоваться сейчас, не думая ни о чем и не

рассуждая. Что ты понимаешь, жалкий книжник! — Он громко расхохотался.

И вдруг его экипаж накренился, и Цветущий свалился на землю. Упал и... проснулся. Бросился к стаду и принялся считать волов.

— Беда! — завопил он, когда увидел, что недостает двух животных. Он стал бегать туда и сюда по горе, надеясь, что обнаружит какой-нибудь след. Вскоре на склоне он заметил вола, задранного тигром. Со вторым животным тоже случилась беда. Вол подошел к воде напиться, и стремительный поток унес его в пучину. Приемыш растерялся. Невольно вспомнился сон. «Там напали два недруга-соседа, а здесь потерял двух волов!» — сказал он про себя и со всех ног бросился к хозяину.

— Так-то ты сторожишь! — закричал разъяренный старик. — В свое время меня предупреждали, что для тебя главное — это поспать! Теперь я сам убедился. Подумать надо, погубить такую скотину!

Он схватил коромысло и бросился на парня.

— Так ведь то был тигр, — стал оправдываться Циэр. — С ним не то что я, и сами быки не совладают. Посуди сам, хозяин, как я мог спасти вола? Ну а с тем, что утонул, я тоже не мог ничего поделать. Скотина заходит в воду постоянно, сам знаешь. Кто ж мог подумать, что речка унесет вола?

Старый Мо чувствовал, что парень прав, но, раздосадованный потерей двух животных, он продолжал кипятиться и размахивать коромыслом. Как ни молил его Циэр о пощаде, как ни упрашивал, коромысло раз десять прошло по его хребту и пониже. Утирая слезы, парень пошел к своему шалашу, держась рукой за поясницу.

— Вот тебе и девять регалий!.. Колотушки по гузну!

Вспомнился ему ученый муж, преградивший дорогу. «Он советовал вовремя остановиться. Может, его слова означали, что мне больше не надо пасти волов?.. Правильно говорят, что во сне и наяву все бывает наоборот. Приснилась радость, жди горя; во сне — смех, наяву — слезы! Видно, все несчастья идут от заклятия, что я повторяю вперед сном. Вот и получается, что ночью вижу радости, а днем — одни огорчения. Хватит! Больше не буду повторять заклинание! Посмотрю, что будет тогда!» Па-

рень перестал читать заклинание, а горести его лишь умножились. Чудеса, да и только!

В эту ночь он снова попал в мир грез. Его супруга, принцесса Фаньян, вдруг занедужила. На спине у нее появилась красная опухоль, и жена слегла в постель. Цветущий испробовал все способы лечения, но ничего не помогало. Как раз в это время несколько сановников, не слишком видных по чину, но все же выдвинувшихся в последнее время, стали поговаривать, что, если с принцессой случится беда, звезда Цветущего закатится. Потом они раскопали какие-то ранние его прегрешения, настроили донос, в котором писали, что Цветущий-де оказался неспособным построить заслон против врагов, что он, мол, сильно приукрасил свои заслуги, тем самым обманув государя и народ. В бумаге сообщалось также и о других его злодеяниях. Доклад царедворцев привел властителя в ярость. Он лишил Цветущего титулов и почетных регалий, запретил возглавлять заседания в Зале Творческого Созидания, а потом повелел заточить его в подземную темницу, где он должен был ждать допроса. Принцессе незамедлительно нашли нового мужа.

Два здоровенных стражника по монаршему повелению надели на Цветущего оковы и бросили в темницу возле выгребной ямы. Цзихуа чуть не задохнулся от смрада. «В какое страшное место попал! — тяжело вздохнул он. — А я-то думал весь свой век наслаждаться богатством и славой! Видно, прав был тот книжник, сегодня сбылись его слова!» Из глаз его хлынули слезы. И тут он проснулся. «Нечистая сила! Какой страшный сон мне привиделся!» — вымолвил он, прокашлявшись от стоявших в горле слез. Бросив взгляд на животных, он заметил, что ослица лежит на земле. Парень стегнул ее раз-другой, а та не встает, да и только. Посмотрел Цзиэр на ослицу внимательнее и видит, что на спине у животного огромная рана — видно, веревка натерла. Парень всполошился:

— В прошлый раз мне крепко досталось за то, что я потерял двух волов. А сейчас еще эта тварь заболела! Если подохнет, снова отвечать придется!

Он бросился к речке, зачерпнул воды, промыл животному гноящуюся рану, дал пучок свежей травы. Потом с серпом отправился в гору, чтобы побольше нарезать травы. Увидел хороший куст, взмахнул серпом, но куст

оказался крепким. Парень, разозлившись, схватил его обеими руками и выдернул с корнем. И вдруг в углублении он увидел каменную плиту, припорошенную рыхлой землей. Корни растения охватили камень со всех сторон и проникли в каждую щель и пору. Цзиэр подsunул под плиту серп, и плита приподнялась. Под ней оказалась глубокая яма, выложенная камнем, а в яме много золота и серебра.

— Сон среди бела дня! — взволновался парень и протер на всякий случай глаза. Посмотрел по сторонам. Нет, не сон: вон травы, деревья, которые можно даже сосчитать, а в небе плывут облака. Цзиэр отбросил прочь серп и лукошко для травы.

— Сколько же мне взять денег на жизнь? — Он выбрал слиток серебра весом пятьдесят лянов, а может, и больше. Поставив каменную плиту на место, он забросал ее землей, закрыл травой и отправился к старому Мо.

— Хозяин! — сказал он старику, не дав тому даже рта раскрыть. — Я плохо пас твоих волов, двух волов загубил. А нынче опять же случилось несчастье — захворала колченогая ослица. Видно, я плохо за ней смотрел. Хозяин, за все мои прегрешения возьми слиток серебра. Вычти, что нужно, а остальные верни мне на прожитие. И вот еще что: отпусти меня, а себе найди другого пастуха!

— Никогда не доводилось мне держать в руках такой большой слиток! Целый век я трудился да потел на земле, а видел одни лишь серебряные обрезки! — Старый Мо изумился и встревожился. — Откуда он у тебя? Может, ты с кем посторонним сделал недоброе дело? Отвечай по-хорошему! Если тут что неладно, тотчас сволоку тебя в управу. Там допытаются до правды!

— Все скажу, хозяин! — испугался Цзиэр. — Их много, этих слитков, там, где я их нашел. Я взял только один...

— А где взял-то?

— На горе... в одном месте! Я резал траву и ненароком ковырнул землю. А там каменная плита вроде крышки.

Старик понял, что ценности кем-то были схоронены, и велел парню молчать, а сам стал допытываться, где то тайное место. Цзиэр показал старику. Отодвинули вместе плиту — действительно, полна яма золога и серебра, сче- том его не счесть.

Старик от радости чуть не грохнулся наземь.

— Сынок! — он погладил Цзиэра по спине. — Здесь столько добра, что его не истратить за целую жизнь. Волон моих пасти тебе больше не надо. Ты будешь жить в моем доме и вести счетные книги. Пить и есть станешь в свое удовольствие. Что до скотины, то я найду другого пастуха.

Посоветовавшись, они взяли часть денег, а оставшиеся закрыли рогожей, сверху набросали травы и отправились домой. Старик шел впереди, Цзиэр с тюком серебра на спине следовал сзади. Схоронив деньги, они снова вернулись и сходили туда еще и еще, пока яма не опустела. Радость старого Мо не знала границ. Он быстро нашел какого-то парня пасти скотину, а Цзиэра оставил у себя в доме. Он определил юноше для спанья место и сам старательно прибрал его постель. Цзиэр подумал: «Намедни во сне я испытывал великие муки. Кто мог подумать, что смрадная яма предвещала такие богатства! Однако ж сегодня именно так и случилось! Видно, правду говорят: во сне происходит все наоборот. А если так, зачем мне богатства во сне? И это пятисловное заклятие мне совсем ни к чему — незачем его повторять!» С этой мыслью он и уснул.

И привиделось ему, что государь страны Хуасюй отобрал у него все богатства, а его самого заключил в дом призрения, где Цветущий должен был коротать оставшиеся дни своей жизни. И вот тогда долетела до его слуха песня:

Дерево сохнет,
корень гниет.
Смысл в нашей жизни
кто же найдет?

Сражались шесть враждующих царств,
и мир был страданием полн,
Величаво стоят три священных горы
вдалеке от бушующих волн.

Некто кичится богатством,
потерял жемчужинам счет,
А его впереди разорение ждет.
Прав только тот,
кто чашу вина всему предпочтет
И возвышенно-чистую песнь
с друзьями сплет.

Цветущий сразу узнал голос певца — это был тот самый ученый муж, который в свое время делал ему предостережения. Цветущий подозвал к себе книжника и спросил:

— Тогда я не последовал твоим наставлениям, учитель, и вот до чего докатился. Скажи, можешь ли ты помочь мне сейчас, в силах ли спасти меня?

И книжник сказал ему четыре фразы, выговорив их неторопливо и четко:

Рушится все и кружится все —
Неужели так будет всегда?
Встретишь Мужа из Черного Сада,
Обо всем узнаешь тогда.

Проговорив странные слова, книжник заторопился уйти, но Цветущий схватил его за рукав и не отпускал. Книжник вырвался, и Цзиэр, оступившись, чуть было не упал. И тут он проснулся.

— Какая радость, что ничего не случилось! — воскликнул он, тараща глаза от испуга. — Чуть было не попал в дом призрения!

В этот момент на пороге появился старый Мо. Накануне у него был разговор с женой. Старик рассказал ей о деньгах, которые нашел парень, и о его редкой щедрости.

— У нас с тобой нет ни сына, ни дочери, кому мы могли бы передать хозяйство, — сказал Мо жене. — А сейчас еще эти большие деньги, которые свалились на нас неожиданно-негаданно... В общем, думаю я, надо нам усыновить Цзиэра и передать ему хозяйство, чтобы жили мы втроем одной семьей. Он, глядишь, позаботится о нас. За его щедрость мы оплатим ему своей добротой.

— Верно говоришь! И правда, наше хозяйство передать некому, — поддержала его жена. — Можно, конечно, найти кого-то чужого и отдать ему все дело, только с незнакомым человеком одно беспокойство. А Цзиэра мы знаем. Он ничего особенного не требует и от нас ничем не отличается. К тому же теперь он богат — вон сколько денег! Возьмем его в сыновья и отдадим все хозяйство ему.

На том они и порешили. Старый Мо тотчас пошел к юноше со своим предложением.

— Я не смею! — вскричал Цзиэр. — Хоть убейте, недостоин я!

— Если ты против, то и мне не к лицу принимать от тебя все эти богатства. Словом, отказываться тебе никак нельзя. Мы уже решили с женой — целую ночь совещались!

Цзиэр, не смея противиться, четырежды поклонился старому Мо, а потом пошел поклониться его жене. Став приемным сыном, он теперь получил еще одно имя: Моцзи, что значит Мо Приемник. А сейчас послушайте стихотворение:

Некогда он
волов и ослицу пас.
Теперь неожиданно
стал он приемным сыном.
Как же с хозяином
он породнился сейчас?
Видно, всему
богатство было причиной.

Рассказывают, что с этого времени юноше стали сниться беспокойные и страшные сны: то вспыхнул в доме пожар, то случилось наводнение, то его ограбили воры, то потащили в суд. Вначале он думал так: «Пусть их! Ведь все эти беды приходят во сне, зато днем у меня радость. Все ж это лучше, чем ночью блаженствовать, а днем мыкать горе!» Но страшные сны повторялись каждую ночь, и, проснувшись, он долго не мог прийти в себя от дьявольских видений. Встревоженный, он снова принялся повторять старое заклятие, только сейчас оно не приносило ему облегчения, как раньше. Вы спросите почему? А все потому, что его сердцем крепко завладели думы о богатстве и выгоде, о самом себе и своем хозяйстве. Теперь он боялся, что случится пожар или его обворуют. Понятно, что беспокойная душа его находилась в полной растерянности. Не то, что раньше, когда он был простым пастухом, — ни тревог, ни волнений. Тогда каждая ночь проходила в беззаботном блаженстве, и он вкушал радости жизни знатного мужа.

Мо Приемнику очень хотелось вернуться к прежним грезам, но у него ничего не получалось. Сейчас он будто находился в пьяном дурмане, а его душу обволокла тупая

одурь. Юноша заболел. Старик Мо решил вызвать к больному лекаря, и тут как раз к дому подошел незнакомый даос с двумя пучочками, завязанными на голове. Даос сказал, что он излечивает от помутнения рассудка. Мо повел его в гостевую комнату и позвал Моцзи. Тот узнал в пришельце странника, который когда-то дал ему заклинание.

— Разве ты не пробудился еще от сна? — спросил даос.

— Учитель! Я не забыл твоего заклѣтия и повторял его каждую ночь. И вот получилось, что во сне я имел все радости жизни, а днем случались беды. Тогда я бросил читать заклинание, и счастливые сны пропали. Сейчас снова стал его повторять, но — увы — напрасно. Скажи, отчего?

— Пять слов, что назвал тебе, — это заклѣтие духа ночи. В книге «Хуаяньцзин» по этому поводу так говорится: «Некий пастух, кто богатства любил, однажды захотел узнать смысл жизни. Для этого он отправился в град Капилаваста страны Магадха, что находится на священной земле Джамбудвипа, где встретил Властителя Ночи по имени Пошаньпояньди. Дух сказал: чтобы стать бодисатвой, надобно развеять темь и невежество и тогда засияет свет твоего освобождения». Слова заклѣтия следует повторять сотню раз, и ты увидишь сны радости. Я дал тебе это заклинание, потому что видел, что жизнь твоя полна тяжких забот. Сейчас все переменялось — днем ты имеешь почет и богатство, а ночью тебя терзают кошмары. Такова жизнь, в которой за радостью следует горе, а за цветущим взлетом — жалкое прозябание. Разве ты не убедился сам?

Только тут к Моцзи пришло настоящее прозрение.

— Учитель! — сказал он, склонившись в низком поклоне перед даосом. — Я и сам осознал, что в нашей жизни нет полного совершенства. Зачем мне теперь богатства и слава — весь тот почет, который меня окружал, когда я был знатным вельможей? Лучше я последую за тобой, учитель, уйду из семьи!

— Я — ученик почтенного небожителя Циюаня с Южных Гор. Наставник как-то поведал мне о тебе и сказал, что твой облик отмечен знаком Пути. Он послал меня сюда с тем, чтобы я спас тебя. Поскольку сейчас ты увидел пределы жизни, ты можешь последовать за мной.

Моцзи рассказал старикам о своем решении, и те, видя, что за юношей и впрямь явился святой человек — небожитель, не стали перечить. К тому же юноша оставлял им много золота и серебра, которых хватило бы на долгое время. Моцзи, соорудив на голове два пучочка, ушел за даосом. И они исчезли, как уплывают вдаль облака. Неизвестно, что произошло с юношей дальше. Скорее всего, постигнув Дао, он стал небожителем. Если читатель не верит, пусть откроет книгу под названием «Истинный трактат Южных Гор», где он найдет эту историю. Здесь наш рассказ подошел к концу, и, как говорится, представление окончено. А сейчас послушайте стихи:

От мыслей пустых рождаются
сны в головах глупцов.
Эти мечтания можно
разрушить в конце концов
Окриком или действием —
не советами мудрецов.

ПОДМЕТНОЕ ПИСЬМО

Как тонки, легки одежды весной,
как прохладны они;
Слышу, по листьям шуршит шелкопряд
за галерей, в тени.

Под воротами Юймынь — волна лепестков,
это персик цветет.
Аромат от цветущей кассии
по Лунному залу плывет.

Птица пэн обитает
в далеком море Бэйхай,
Приют волшебного феникса —
горный восточный край.

Меч или книга в руке твоей
сулят дорогу одну:
День настанет, и ты вознесешься
в заоблачную вышину,
Но достойны насмешек те, что спешат
в небесную эту страну.

В сорока пяти ли к северу от столицы страны Чанъани стоял уездный город Сяньян. В свое время здесь проживал человек по фамилии Юйвэнь, а по имени Шоу. Как-то он покинул родные места и отправился в стольный град на экзамены. Надо вам знать, что Юйвэнь уже трижды экзаменовался, но судьба не была к нему благосклонна. Жена Юйвэня по фамилии Ван, чтобы как-то пронять супруга, сочинила стихотворение под названием «Вдаль смотрю и вижу Южноречье», в котором шутливо намекала на фамилию мужа — Юйвэнь. Вот оно, это стихотворение:

Мой господин удручен —
До великого древа
не смог дотянуться он.
Помнишь, как у Западных Врат
мы расставались с тобой?
А сейчас узнала: лишь осенью поздней
ты возвратишься домой.
От этой вести недоброй
хлынули слезы рекой.
Ныне, ученье презрев,
объятый глубокой тоской,
В утлом челне
возвращаешься ты ко мне.
До шита Дракона и Тигра
не сумел дотянуться рукой.
От жизни устал,
не рад ничему —
Век скоротать собрался
в убогом дому.

Госпоже Ван показалось, что ей не удалось полностью выразить свою мысль, и тогда она сочинила еще одно стихотворение:

Мой муж, ты должен быть счастлив —
талантом ты выше всех.
Но почему ежегодно
минует тебя успех?
Отныне при неудаче
постыдишься взглянуть мне в лицо —
Лучше уж ночью темной
всходи на родное крыльцо!

Это стихотворение действительно задело Юйвэня за живое.

— Если снова провалюсь на экзаменах, домой не вернусь, — в сердцах сказал он.

Но неожиданно получилось, что в следующем году он добился успеха и прославился на ученой стезе. И все же домой он поехал не сразу, а остался на некоторое время в Чанъани. Жена, конечно, поняла, в чем причина. «Я обидела его своими стихами, вот он и решил задержаться», подумала она и решила написать мужу письмо. Позвав слугу Ван Цзи, она ему повелела:

— Это письмо снеси господину. Ехать придется тебе сорок пять ли.

Послание начиналось обычными церемонными словами, после которых следовало стихотворение, сложенное на мотив «Нанькэ»:

Повсюду разносится
веселый гомон сорок,
В полночь расцвел
в лампе фитиль-цветок.

Наконец-то домчалась громкая весть
до самого края земли:
Со славою едете вы домой —
успеха добиться смогли.

Брови хмурить в печали
теперь не придется мне.
Лик молодой осветила
радостная заря.

Сомнения душу терзали,
но печалилась, верно, зря —
Думала, муж в беспутстве погряз,
остался в чужой стороне.

После этих стихов следовали такие строки:

Неподалеку от наших мест
Чаньвань — столичный град,
Красота и пышность построек
приезжего удивят.

Мой господин так молод,
повеселиться не прочь;
Где же он, захмелевший,
коротает сегодня ночь?

Юйвэнь Шоу, прочитав стихи, воскликнул:

— Ах, негодная! В прошлый раз ты дала мне ясно понять, чтобы я приходил к тебе только темной ночью. А сейчас, когда я сдал экзамены, ты вдруг торопишь меня с возвращением!

Он велел слуге гостиницы принести ему письменные принадлежности и сочинил стихи на мотив «Ступаю по болотной траве».

Всхожу по ступеням,
что ведут в облака.

К кассии — древу бессмертных —
протянулась моя рука.

Первым выдержал я экзамен —
нету меня славней!
Скачут гонцы — имя Первейшего
спешат сообщить поскорей.
Нынче со мною пышная свита,
сверкает сбруя коней.

Кончается праздник,
скоро в путь,
В квартал певичек
спешу заглянуть.

Ныне я счастлив, как никогда —
стали явью мои мечты.
В башню феникса весть посылаю,
туда, где томишься ты.
Муж твой теперь — праздный гуляка,
не вернется до темноты.

Юйвэнь Шоу взял лист цветной бумаги и сложил его, чтобы переписать заново стихи. Растирая тушь, он сделал неосторожное движение — камень для растирания дрогнул, и несколько капелек брызнули на бумагу. Лист пришлось заменить. Наконец, с письмом было покончено, и он передал его Ван Цзи.

— Скажи госпоже, что столичные экзамены я выдержал с блеском, но домой вернусь лишь ночью. Быстрей отправляйся и не забудь доложить ей все так, как я сказал: раньше ночи, мол, он не вернется.

Ван Цзи сразу же тронулся в путь и, проехав ровно сорок пять ли, добрался до дома.

Между тем Юйвэнь, отослав слугу, отправился почитать, поскольку особых дел у него не было, а время было уже позднее. Едва он смежил веки, как сразу же и уснул. И вдруг ему почудилось, что он уже дома, в родном Сяньянском уезде. Смотрит — и видит слугу Ван Цзи, который, сбросив соломенные туфли, моет ноги возле ворот.

— Эй, Ван Цзи, ты давно вернулся? — спросил он. Ему пришлось повторить свой вопрос несколько раз, но слуга не отвечал. Юйвэнь закипел от возмущения. И тут он заметил свою супругу, госпожу Ван, которая со свечою в руке шла в дом.

— Жена, я приехал! — бросился к ней Юйвэнь, но женщина не обратила на него ни малейшего внимания.

«Может быть, мне все это снится?» — подумал Юйвэнь и пошел вслед за женой. Вошел в дом и видит: госпожа Ван поставила свечу на стол, достала его письмо и золотой шпилькой, которую она вынула из волос, вскрыла конверт. Странно, но в нем лежало совсем не письмо, а чистый лист бумаги. Усмехнувшись, госпожа Ван взяла кисть и написала на листе такие строки:

Золотую шпилькой вскрыла письмо,
уняв дрожанье руки.
Преде мной чистый лист бумаги —
и на нем ни одной строки.
Поняла: ты хочешь вернуться,
чувства твои глубоки,
Без меня так сильно тоскуешь,
что не смог описать тоски.

Написала, вложила послание в новый конверт и шпилькой стала снимать нагар со свечи. Тут шпилька случайно уколола Юйвэня в щеку, он в испуге отпрянул... и проснулся. Оказалось, что все это время он спал, а свеча успела уже догореть до конца. Взгляд его остановился на столе, на котором он увидел свое письмо. Значит, он отправил домой не его, а чистый лист бумаги. Юйвэнь взял листок и записал сочиненные накануне стихи.

На следующее утро слуга Ван Цзи принес письмо от жены. Вскрыв послание, Юйвэнь обнаружил те самые четыре строки, которые видел во сне. Юйвэнь тут же сложил вещи и отправился домой.

Случай, который мы здесь рассказали, можно назвать историей о письме, с которым произошла ошибка. А сейчас мы поведаем другую — о письме, посланном со злым умыслом. Речь пойдет о некоем господине, который однажды сидел с женой дома, и тут один человек передал супруге записку. Именно из-за нее произошла та удивительная история, о чем мы и хотим поведать в нашем рассказе. А покуда послушайте стихи:

Как будет всегда клубиться пыль
под копытами скакуна —
Так с сердцем связан любой поступок
на вечные времена.

А вот еще одно стихотворение, написанное на мотив «Куропатка». В нем воспевается некая красавица:

Гребень в неубранных волосах,
подкрашены брови слегка;
Ныне не радуется сердце ее
даже вышивки тонкий узор.
В укромной беседке сидит одиноко,
за окном плывут облака...
Пишет письмо и, на миг замечтавшись,
вдаль устремляет взор.
Как нежна ее красота!
Как она непорочна, чиста!
Ликом, словно бессмертная дева —
в мире такая одна.
Кажется, с нежным цветком мэйхуа
можно ее сравнить,
Но только взглянешь — сразу поймешь:
ни с чем не сравнима она!

В Восточной столице Кайфыне, в Финиковом переулке, проживал господин по фамилии Хуанфу, а по имени Сун, служивший вестовым в левом приказе дворца. Было ему от роду двадцать шесть лет, а жене, по фамилии Ян, — двадцать четыре года. В доме жили только они вдвоем, если не считать, конечно, тринадцатилетней служанки по имени Иньэр. В то время, о котором идет речь, Хуанфу только что вернулся с границы, куда он отвозил одежду для солдат. Приехал он к Новому году.

У входа в Финиковый переулок стояла крохотная чайная, хозяйина которой звали Второй Ван. Был полдень, и торговля уже кончилась.

Вдруг в чайной появился человек. Его облик можно описать так:

Брови — взлет,
Большие глаза,
Нос, как обрубок,
Огромный рот.
Высокой шапкой, словно кувшином,
покрыта его голова,
Ватный халат странно широк,
необычной длины рукава.
Под халатом надето белье,
как носит приличный люд,
Чулки на ногах, и в чистые туфли
незнакомец обут.

Когда незнакомец уселся за стол, хозяин чайной Второй Ван, поприветствовав гостя, поднес ему чашку чая.

— Я посижу здесь немного, подожду знакомого! — проговорил мужчина, отхлебнув из чашки.

— Милости просим! — ответствовал хозяин.

Через какое-то время у чайной появился парень-торговец с блюдом.

— Пирожки-перепелочки! Продаю пирожки-перепелочки! — заголосил он.

— Эй! — посетитель в чайной сделал ему знак рукой. — Иди сюда, я покупаю!

Торговец Сэньэр, что значит Монашек, вошел в чайную и, поставив на стол блюдо, стал нанизывать пирожки на бамбуковую палочку.

— Отведайте, господин! — Монашек высыпал на стол щепотку соли.

— Сейчас попробую... У меня будет к тебе одна просьба...

— Да, господин?

Мужчина показал на четвертый дом в переулке.

— Знаешь, кто там живет?

— Как не знать? Там живет Хуанфу, вестовой из двorca. Он отвозил амуницию на границу и только вернулся.

— А кто у него еще в доме? Сколько у них человек в семье?

— Кроме вестового его жена, да еще девочка-служанка.

— Жену его знаешь?

— А как же! Я ведь бываю у них. Сама-то она почти не выходит, но иногда зовет меня в дом, когда хочет купить товар. А зачем она вам?

Мужчина вынул из-за пояса украшенную золотом коробку и вытряхнул на блюдо около пятидесяти монет. При виде денег Сэньэр чуть не задохнулся от радости.

— Приказывайте, ваша светлость, что надобно сделать! — воскликнул он, почтительно сложив руки у груди.

— Дело вот в чем. — Незнакомец вынул из рукава халата чистый лист бумаги и стал завертывать в него пару серег, две коротких золотых шпильки и записку. — Все эти вещи вместе с запиской отдашь женщине, о которой мы с тобой говорили, но только не передавай хозяину. Встретишь ее, скажи, что некий, мол, господин дарит ей

эти вещи и надеется, что она их примет. Ну, иди, а я подожду тебя здесь.

Сэнъэр поставил блюдо на прилавок и со свертком в руках направился по проулку к нужному дому. Подойдя к жилищу Хуанфу, он раздвинул занавес из темных бамбуковых трубок и заглянул внутрь. В это время вестовой сидел на стуле, как раз напротив двери. Заметив, что парень, едва заглянув в комнату, испуганно отпрянул прочь, Хуанфу сердито крикнул:

— Чего тебе, парень?

Его окрик был столь грозен, что его можно выразить лишь такими словами:

Чжан Фэй на мосту Данъянцяо
сражается, как герой:
Грозным криком поверг врага —
проиграл Цао Цао бой.

Торговец что-то ответил и быстро пошел прочь. Хуанфу в два прыжка догнал его и, схватив за полу халата, спросил:

— Эй, парень! Почему ты, едва увидев меня, вдруг убежал? Отвечай!

— Один господин просил передать вещи вашей супруге... а вам отдавать не велел.

— Что за вещи?

— Не спрашивайте, все равно больше ничего не скажу!

Хуанфу изо всей мочи треснул парня кулаком по макушке.

— А ну, давай по-хорошему! — заревел он.

Получив затрещину, Монашек тотчас вытащил из-за пазухи сверток.

— За что меня стукнули? — недовольно проворчал он. — Мне приказано отдать жене, а не вам!

Хуанфу вырвал у парня сверток, развернул и увидел пару сережек, две золотые шпильки и письмо. Вестовой развернул письмо и прочитал: «Преисполненный трепета, я вновь с поклоном обращаюсь к молодой госпоже. Сегодня, когда весна только вступает в свои права, я с почтением желаю вам всякого благополучия. Несколько дней назад я был осчастливлен приглашением на чарку вина, и воспоминания об этой сладчайшей минуте с тех

пор ни на миг не покидают меня. Однако сейчас одно мелкое и неожиданное дело не позволяет навестить вас. Вот почему я пишу небольшое стихотворение под названием "Излияние чувств", которое преподношу вам, уповая на то, что вы милостиво его прочтете.

Я узнал неожиданно, что ваш муж
с границы вернулся домой.
Отчаянье рвет мое сердце,
исполненное тоской.
Прошу, вместе с этим письмом
примите подарок мой —
Не отвергайте серьги и шпильки —
я шлю их с чистой душой!
С тех пор, как расстались,
Я потерял покой.
Один за холодным пологом
Век коротаю свой».

Вестовой Хуанфу, прочитав письмо, выпучил глаза.

— Кто тебе велел его передать? — крикнул он и даже заскрежетал зубами.

Сэнъэр показал рукою на чайную Вана Второго.

— Один господин приказал отдать эти вещи молодой госпоже, только не велел передавать вам... У него густые брови, большие глаза, приплюснутый нос и рот — вот такой широченный.

Хуанфу, схватив парня за волосы, потащил его к чайной Вана.

— Сидел вон там, внутри, на топчане... — проговорил Монашк, указывая рукой. — Он и велел передать письмо... только не вам, а госпоже... За что бьете?

В чайной никого не было.

— Проклятье! — выругался вестовой. Не спросив ни о чем хозяина, он потащил парня обратно.

Войдя в свой дом, Хуанфу закрыл за собой дверь, чем поверг парня в трепет. Затем он вызвал из внутренних комнат молодую жену, прекрасную, как цветок.

— А ну-ка, взгляни на эти вещи, — проговорил муж.

Молодая женщина, ни о чем не догадываясь, спокойно подошла к стулу и села. Муж показал ей письмо, украшения, однако женщина, прочитав письмо, ничего не поняла.

— С кем ты распивала вино эти три месяца, пока меня не было дома?

— Я обручена с вами с малых лет! С кем же еще я могла пировать?

— Тогда объясни, кто их тебе прислал?

— Не знаю...

Муж изо всей силы ударил жену по лицу. Молодая женщина вскрикнула и, зарывав, убежала в свою комнату, закрыв лицо руками. Хуанфу позвал служанку Инъэр. Подойдя к стене, он снял связку бамбуковых прутьев, что илут на изготовление стрел, и, положив их на пол, позвал девчонку поближе. А надо вам знать, что Инъэр была такова:

Очень короткие руки,
Словно лютня, изогнуты ноги,
Может дров нарубить без труда,
В дом воды натаскает всегда,
Сытную любит еду,
С чувством справляет нужду.

Вестовой снял с вешалки пояс, связал служанке руки и подвесил Инъэр к балке.

— Отвечай, с кем моя жена распивала вино, пока я был в отлучке? — он взял в руки прут.

— Не было здесь никого! — ответила служанка.

Хозяин поднял прут и принялся стегать ее по ногам. Инъэр завизжала, как поросенок. В конце концов девчонка, не выдержав побоев, проговорила:

— Когда вы, хозяин, уехали, она каждую ночь спала с одним человеком.

— Так! — проговорил Хуанфу и развязал ей руки. — С кем спала? Говори без утайки!

— Не стану вас обманывать, хозяин, — служанка вытерла слезы. — С тех пор как вы уехали, хозяйка действительно спала с одним человеком... только это была я...

— Ах ты, соплюшка! — Хуанфу выругался. — Но знай, меня не проведешь!

Он вышел из дома и запер снаружи дверь. В конце переулка за углом он нашел четырех постовых стражников, из тех, кто «вяжет руки»: Чжан Цяня, Ли Ваня, Дун Чао и Сюэ Ба. Вестовой повел их к своему дому и, открыв ключом замок, распахнул дверь.

— Хочу потревожить вас, почтенные. Возьмите этого негодяя. — Хуанфу вытащил из дома продавца пирожков.

— Начальство дает приказ, наше дело его исполнять! — ответили служивые.

— Стойте! Здесь для вас есть еще кое-кто! — Вестовой вытолкнул служанку Иньэр и жену. — Отведите их тоже!

— Нет, начальник, твою госпожу мы не смеем! — воскликнул один из стражников.

— Трусите! — взорвался вестовой. — А вы знаете, что дело связано с убийством?

Напустив на постовых страху, он приказал отвести всех троих в управу начальника Кайфынской области.

Поклонившись правителю области Цяню, он передал челобитную. Как только Цянь прочитал бумагу, он тотчас приказал вызвать чиновника ямыня Шань Дина, который и приступил к допросу. Начал он с торговца Сэньэра.

— В чайной сидел какой-то мужчина, такой глазастый, с густыми бровями, широченным ртом и приплюснутым носом, — сказал парень. — Он велел мне передать письмо молодой госпоже. Хоть убейте, я говорю сущую правду.

Допросили Иньэр.

— Никто из посторонних не приходил к моей госпоже и не распивал с ней никакого вина. Что до письма, то не знаю, кто его мог послать. Верьте не верьте, только все это чистая правда!

Очередь дошла до молодой женщины.

— С тех пор как я еще в юные годы стала женой моего господина, никто из посторонних мужчин, даже родственники, не переступали порог моего дома. Вот так вдвоем мы и жили все это время. Что до письма, то я просто ума не приложу, кто мог его послать.

Шань Дин, взглянув на молодую женщину, подумал:

«Какая она хрупкая и слабая! Как ее пытаться? Она не выдержит пытки!»

В этот момент двое тюремщиков вывели из внутренних помещений преступника, внешность которого можно описать такими словами:

Кости, как сучья,
на лице задубела кожа,
Высокие скулы
выпирают резко и грубо.

Впрямду, наружность его
с дьявольской схожа,
Где ни появится он,
людям приходится туго.

Это был известный главарь разбойников по кличке Владыка Цзиншаньских гор. Молодая женщина, едва взглянув на преступника, в страхе закрыла руками глаза, представив мучения, которые его ожидали.

— Ну, что вы там тянете? — крикнул Шань Дин тюремщикам.

Они повернули кангу, так что голова преступника сразу опустилась книзу, и, схватив батоги, принялись что есть мочи его колотить, пока разбойник не запросил пошалы.

— Людей убивал?

— Убивал!

— Поджоги устраивал?

— Устраивал! — признался злодей.

Шань Дин приказал стражам отвести преступника в тюрьму.

— Видела? — спросил он, повернувшись к жене Хуанфу. — Разбойник не выдержал и нескольких ударов, сразу сознался в своих злодеяниях. Советую тебе во всем признаться. Ведь все равно не выдержишь пытки.

— Господин начальник, я не смею ничего скрывать! — из глаз женщины брызнули слезы. — Берите бумагу и кисть, я все расскажу. С тех пор как мы поженились, я не виделась ни с кем из посторонних мужчин, не встречала даже никого из родни. Кто послал мне это письмо, я не знаю. А если все ж я в чем провинилась, пусть нас рассудит сам правитель области.

Сколько чиновник ни допрашивал молодую женщину, она отвечала все то же. Прошло уже три дня, а Шань Дин так и не разобрался в запутанном деле. Он стоял у ворот окружного ямыня, погруженный в свои мысли, когда его окликнул вестовой Хуанфу. Поклонившись, вестовой поинтересовался, как ведется расследование. Он уже стал подозревать, что оно идет не так, как надо. Может быть, тот, что послал письмо, дал в ямыне взятку, и дело хотят замять?..

— Господин вестовой, как вы собираетесь поступить с женой? — спросил Шань Дин.

— Прогоню ее, и все!

Вечером Шань Дин доложил о ходе следствия правителю Цяню, и тот вызвал к себе Хуанфу.

— Разве можно обвинять жену, не имея никаких доказательств? — сказал правитель. — Ты что, не знаешь поговорки: чтобы осудить грабителя, надо найти краденое, чтобы наказать любовников, надо схватить обоих.

— Все равно я домой ее не возьму! — стоял на своем вестовой. — Хоть увольняйте!

Правитель Цянь постановил: «Кончить дело сообразно решению супруга». После того как Хуанфу ушел, стражники вызвали заключенных. Торговец Сэньэр и служанка пошли по домам. Жена Хуанфу, узнав, что муж от нее отказался и бросил на произвол судьбы, горько заплакала.

— Что мне делать, куда податься? Никого из родни у меня нет, а муж бросил, — рыдала она. — Лучше мне умереть!

Выйдя за ворота ямыня, она поднялась на Мост Млечного Пути и с тоскою посмотрела на золотистые воды Бяньхэ, которые в этом месте преградила полоса дамбы. Молодая женщина хотела было броситься вниз, как вдруг чья-то рука схватила ее за одежду. Она увидела перед собой незнакомую старуху.

Брови будто присыпал
свежевыпавший снег,
Словно из нитей
свита ее коса,
Глаза мутнее,
чем воды осенних рек.
Бслей облаков в Чушаньских горах
седые ее волосы.

— Дитя! Зачем искать смерти! — сказала старуха. — Ты знаешь меня?

— Нет, не знаю, бабушка...

— А ведь я твоя тетя. Когда ты вышла замуж, мне, старой нищенке, уже несподручно было приходиться к тебе в дом, поэтому я и не появлялась. На днях до меня дошли слухи, что у вас с мужем будто бы суд. А нынче я узнала, что вы разошлись... Грустно, конечно, но зачем же то-

питься?.. А ведь я тебя уже несколько дней здесь поджидаю!

— Что же мне остается делать? Нет у меня ни крыши над головой, ни клочка земли под ногами. Муж меня бросил, родственников, которые бы меня приютили, у меня нет. Чего мне еще ждать от жизни?

— Пойдем ко мне, пока поживешь у меня, а там видно будет.

Молодая женщина подумала: «Не знаю, кто в действительности эта старуха: тетка моя или чужая, но деваться мне все равно некуда. Пойду я за ней, а там само собою решится...» И она отправилась вслед за старухой. Жилье старой женщины оказалось небогатым, но сносным. Постель прикрывал светло-синий полог, в комнате стояли стол и скамьи да несколько стульев.

Прошло два-три дня. Молодая женщина сидела за столом и ела, когда снаружи раздался громкий мужской голос:

— Эй, старая, вещи мои продала, а деньги почему не вернула?

Услышав сердитый голос, старуха заволновалась. Она выбежала навстречу гостю, провела его в комнату и посадила на скамью. Жена Хуанфу взглянула на незнакомца.

Брови — взлет,
Большие глаза,
Нос как обрубок,
Огромный рот.
Высокой шапкой, словно кувшином,
покрыта его голова,
Ватный халат странно широк,
необычной длины рукава.
Под халатом надето белье,
как носит приличный люд,
Чулки на ногах, и в чистые туфли
незнакомец обут.

«По описанию Сэнъэра, это как раз тот человек, что послал мне письмо», — пронеслось в голове молодой женщины.

Тем временем незнакомец, усевшись на скамью, с удовольствием проговорил:

— Бабка! Сегодня истек месяц, как ты взяла у меня вещи для продажи — на целых триста связок монет. Но денег я покамест не видел.

— Вещи у людей, а деньги они еще не отдали, — засуетилась старуха. — Как отдадут, сразу верну, достопочтенный!

— Если взял вещь или деньги, полагается вернуть без промедления... Учти, как только получишь, чтобы мигом мне возвратила! — сказал гость и, поднявшись, удалился.

Проводив его, старуха вошла в комнату.

— Что мне теперь делать? — запричитала она.

— А что случилось? — спросила молодая женщина.

— Это был господин Хун, бывший тунпань из Цай-чжоуского округа. Сейчас он, правда, не служит, а промышляет торговлей редкими камнями да всякими украшениями. Как-то он попросил меня продать кое-что из ценностей, а меня обманули. До сих пор не могу вернуть ему денег. Понятно, что он беспокоится. Этот Хун в свое время просил меня устроить для него одно дельце, только я отказалась...

— Какое дельце? — поинтересовалась женщина.

— Просил подыскать ему наложницу по красивей. Если найду ему такую ладную, как ты, он сразу сменит гнев на милость... Послушай, красавица, а почему бы тебе не пойти за него? Муж все равно от тебя отказался. Давай, я тебя просватаю. Коли выйдешь за этого господина замуж, не промахнешься. Да и я, старая, найду в жизни опору. Что скажешь?

Повздыхала-поохала молодая женщина, но другого выхода не нашла и в конце концов согласилась. Старуха тут же сообщила господину Хуну, а через день-другой он взял молодую женщину в жены.

Быстро ли медленно, пролетел год, и подошел первый день первой луны. Надо вам сказать, что, с тех пор как вестовой Хуанфу отказался от своей молодой жены, для него настала безрадостная жизнь. Верно говорят: время — что пламя на ветру, — оно растопит даже ледяное сердце.

«Каждый год в первый день первой луны мы с женой отправлялись воскурять благовония в Храм Первого Вельможи в нашей округе, — думал вестовой. — А в нынешнем году сию дома один как перст и не знаю, где сейчас моя жена...» Из глаз его невольно полились слезы, а сердце объяла тоска. Накинув лиловый халат, он взял серебряную коробочку с благовонным порошком и отправился в храм на богомолье. Покончив с воскурениями, он собрал-

ся было уже уходить, как вдруг взгляд его упал на каких-то мужчину и женщину. У мужчины были густые брови, глаза навывкате, приплюснутый нос, широкий рот. Женщина, стоявшая рядом, оказалась его бывшей женой. Взгляды бывших супругов встретились, но с губ не сорвалось ни единого звука. Мужчина и женщина вошли в храм, а Хуанфу остался у ворот, объятый печалью. И тут ему на глаза попался паломник, собиравший деньги на свечи и благовонное масло. При виде мужчины, шедшего с молодой женщиной, паломник в сердцах воскликнул:

— Вот где ты попался, проклятый! Много горя ты мне причинил! — Паломник большими шагами устремился вслед за парой.

— Соблюдающий Пять Запретов! — окликнул его восточной. — Почему ты за ними погнался?

— Вы не представляете, сколько горя причинил мне этот злодей! До сегодняшнего дня не могу опомниться! И все из-за него!

— А женщину знаешь?

— Нет, а что?

— Она моя жена.

— Почему же тогда она с ним?

Хуанфу рассказал историю с письмом и разводом.

— Ну и дела!.. А вы знаете, кто этот человек?

— Понятия не имею.

— В свое время он был монахом в храме Фаньтайсы, что у Восточной стены столицы, а я в этом храме был вроде прислужника. Наш учитель — настоятель храма принял его постриг и нарек младшим учителем. Надо вам сказать, что у нашего настоятеля водились немалые деньги. Так вот... С год назад этот негодяй стащил в храме серебряную утварь на целых двести лянов и дал деру, а вся вина пала на меня. Меня избили, выгнали из храма, даже подаяние негде было просить. К счастью, один знакомый монах из Храма Первого Вельможи разрешил мне собирать подношения на благовонные масла. И вот сегодня я, наконец, встретил злодея. Теперь он от меня не уйдет!

Едва он произнес эти слова, как в воротах храма показалась пара, о которой шла речь. Паломник, подобрав полы халата, собрался было броситься на врага, но восточной его удержал. Оба они спрятались возле ворот.

— Сейчас его бить не стоит! — сказал Хуанфу. — Лучше проследим за ним, узнаем, где живет, и подадим в суд.

Они незаметно пошли следом.

А теперь мы поведем наш рассказ о Хуне и женщине. Когда бывшая жена Хуанфу увидела супруга, на глаза ее навернулись слезы. Едва сдерживая рыдания, она вошла в храм, поставила свечу...

— Жена! Стоит ли плакать о нем! Знала бы ты, сколько трудностей я преодолел, чтобы тебя заполучить!.. — сказал Хун, когда они вышли за ворота. — Помню, однажды я проходил мимо вашего дома и увидел тебя. Ты тогда стояла возле двери, прикрытой занавеской. Твоя красота поразила меня, и душа моя затрепетала и устремилась к тебе. Очень трудно мне было добиться тебя, но в конце концов ты стала моею...

Незаметно они подошли к дому и вошли в ворота.

— Кто же тогда послал мне письмо? — спросила женщина.

— Теперь, пожалуй, можно тебе рассказать!.. Это я велел торговцу Сэньэру передать письмо. Твой муженек попался на удочку и мигом от тебя отказался.

Услышав эту новость, женщина зарыдала. Стенания и крики испугали Хуна. Он схватил ее за горло и стал душировать. В это время Хуанфу и его спутник, которые шли следом за Хуном, оказались возле дома. Они видели, как бывший монах и женщина вошли в дверь, а вскоре из дома послышались крики. Хуанфу и паломник бросились внутрь и увидели Хуна, душившего женщину. Они схватили злодея и потащили его к правителю Кайфынской области Цяню. Вы спросите, как выглядел этот сановник? Его внешность можно описать такими словами:

Едва за ворота выйдет —
рядом стража с плетью,
Только в усадьбу придет —
услужить ему каждый готов.
Род его издавна славился
знатнейшими людьми,
И он — их гордый потомок —
достиг высоких постов.

Цянь, правитель обоих Чжэ,
его почтенный отец.

Князю У и Юэ доводится внуком
этот вельможа-гордец.

Правитель Цянь занял свое место в присутственной зале, и ему доложили о деле вестового Хуанфу. Когда вестовой рассказал о том, что случилось, правитель пришел в ярость. Он приказал стражникам надеть на преступника самую тяжелую кангу, отмерить ему сто ударов батогами по ногам, а после этого отправить в следственный приказ. После расследования Хуанфу взял госпожу Ян обратно, и они снова стали мужем и женой, а нищий паломник получил небольшое вознаграждение. Наконец, все подробности злодеяний бывшего монаха всплыли наружу. Его преступления не подходили под статью о блуде, обмане или убийстве, поэтому его подвели под другой закон, по которому полагалась смертная казнь через битье батогами. Старуху за соучастие в мошенничествах Хуна и за ее лицедейство приговорили к ссылке в соседний округ. В тот день, когда объявили приговор, некий сочинитель тут же в зале суда написал стихи на мелодию «Южная деревня». Послушайте их:

Гласит молва,
что некий монах
пред судом сознался во всех злодеяньях
и наказан — другим на страх.
Был забит батогами
злой блудодей,
Казнен при огромном стеченье людей,
Умер у всех на глазах.

И слышал собравшийся
у дороги народ,
Как молитва в честь Гуаньинь-бодисатвы
небу вознесена.
Защищает богиня закон и счастье —
в благости руки сложила она.

И веруют все,
что отныне злодей
Не будет больше, подобно Цвиньгану,
жизни лишать людей.

УТАЕННЫЙ ДОГОВОР

Удачи, несчастья, слава, бесславье —
все в небесных руках.
Долго лелеешь планы, и вдруг
тебя постигает крах.

Алчность безмерна: глотает змея
слона, раздирая пасть.
Коль выхода нет, то и богомол
на цикаду может напасть.

Нету на свете таких пилюль,
чтоб жизни продлили года.
Мудрыми сделать потомков твоих
бессильна любая мзда.

Поэтому радостно бедность прими
и жизнь, что тебе суждена.
Тогда, как бессмертный мудрец, познаешь
довольство и счастье сполна!

Рассказывают, что во времена Великой династии Лян жил один богатый человек по фамилии Чжан. Его жена, родив ему единственную дочь, давно умерла, а дочь со временем вышла замуж и осталась жить с отцом. Когда Чжану перевалило за семьдесят, он передал зятю землю и хозяйство по дому, надеясь, что все они будут жить одной дружной семьей, а зять с дочерью станут ухаживать за ним до самой его кончины. Дочь и ее муж с покорным видом приняли это решение и в душе были очень довольны. Разумеется, Чжан, который, как мы сказали, был в летах, уже не помышлял о том, что ему когда-нибудь доведется иметь детей. Старик стал вести спокойную жизнь, ни о чем не заботясь.

Однажды он стоял у ворот, как вдруг из дома выбежал внук и стал звать:

— Дедушка, иди обедать!

— Меня, что ли, кличешь? — спросил старый Чжан.

— Не вас, а своего собственного деда, — ответил мальчишка.

Чжану очень не понравился такой ответ. «Правильно говорят: замужняя дочь — отрезанный ломоть, все равно чужой человек, — подумал старик, и вдруг у него мелькнула мысль: — А почему бы мне не жениться? Хоть я и в годах, однако же силы мои не иссякли! Быть может, у меня еще родится сын и станет продолжателем моего рода!» Придя к такому решению, он на припрятанные деньги нанял сваху, и та быстро подыскала ему жену из семьи Лу. Вскоре жена понесла, не прошло года, и у старика родился сын. Все родственники пришли с поздравлениями к счастливому Чжану, и только дочь с зятем не радовались.

Старик нарек сына Ифэем, что означало Один Взлет, однако чаще мальчика звали Чжан Иланом, то есть Молодым Чжаном. Прошло два года. Однажды старый Чжан заболел, да так тяжело, что не мог подняться с постели. Чувствуя, что дни его сочтены, он написал два завещания. Передавая один лист жене, он сказал:

— Я женился на тебе потому, что в свое время внук сильно обидел меня непочтительностью. Небо сжалилось надо мной и подарило сына, которому я сейчас отдаю все мое состояние. Жаль, конечно, что он еще мал годами. Поэтому хозяйством пока будет заниматься зять, одной тебе с ним не управиться — ведь как-никак ты женщина... Но свою последнюю волю я сейчас открыто высказать не могу — боюсь, что они замыслили супротив тебя зло. Поэтому я написал особое завещание, в котором скрыта загадка. Спрячь его, а когда сын подрастет, какой-нибудь умный и честный судья разрешит ее. Глядишь, все кончится благополучно!

Госпожа Лу, выполняя волю супруга, спрятала бумагу. Чжан позвал дочь и зятя. Отдав необходимые распоряжения, он достал второй лист завещания и протянул его зятю. Тот прочитал: «Чжан И — не мой сын. Все состояние отдаю моему зятю. Посторонние не имеют никаких прав». Обрадованный зять передал бумагу жене. У старого Чжана были припрятаны кое-какие деньги, которые он

отдал госпоже Лу на расходы и распорядился снять дом, где она могла бы отдельно жить с сыном.

Через несколько дней старик умер.

— Теперь все наше! — сказал зять после похорон тестя.

Надо ли говорить о том, сколь рады были супруги такому повороту дела?

А теперь мы расскажем о госпоже Лу и ее мальчике. Время летело быстро, и ребенок незаметно вырос. И тогда мать вспомнила о завещании мужа, нашла бумагу и отправилась с сыном в управу. Однако там ей ответили, что все состояние принадлежит дочери Чжана и ее мужу, именно так-де распорядился покойный. Зять, узнав о действиях вдовы, подкупил чиновников ямыня, и те отказались пересматривать дело. В родне быстро сообразили, что молодому Чжану не по плечу тягаться с зятем.

Не завещание, а смех! — говорили они. — Старый Чжан во время болезни наговорил всякого вздору, из которого ровным счетом ничего не поймешь!

Через некоторое время в уезде появился новый начальник. Прослышав о том, что этот правитель человек деловой и справедливый, вдова с сыном решили попытаться счастья еще раз.

— Ваша светлость! — обратилась она к начальнику уезда. — Мой муж перед смертью сказал, что в завещании таится загадка.

Начальник уезда несколько раз внимательно прочитал бумагу и вдруг все понял. Он немедленно распорядился привести в управу дочь Чжана и ее мужа, а также всех родственников и старейшин.

— Ваш отец был, несомненно, очень умным человеком, — сказал чиновник дочери и ее мужу. — Если бы не эта бумага, вы, наверное, так бы и владели всем состоянием. Ну, а теперь слушайте, что на самом деле написано в завещании: «Чжан Ифэй — мой сын. Все состояние отдаю ему. Мой зять — посторонний, а посему не имеет никаких прав». Вы, конечно, спросите, почему знак фэй следует понимать по-другому. Я думаю, старик опасался, что вы станете строить козни и в конце концов обведете малолетнего Чжан Ифэя вокруг пальца. Поскольку загадка разрешена, состояние должно перейти к законному владельцу. Ясно?

Начальник уезда поднял кисть и начертал знак, обозначающий окончание дела. Состояние старика возвра-

шалось молодому Чжану. Супруги остались недовольны таким решением, но вынуждены были смириться. Присутствие закрылось. Вот так все узнали, что старый Чжан еще тогда, когда нарек своего сына Ифэем, имел весьма далекий план. А теперь послушайте стихи:

Не вправе никто из чужого рода
законным наследником стать.
Отец, без сомнения, сыну хотел
богатство свое завещать.

Но смысл завешания долго никто
не мог до конца разгадать.
Лишь мудрый правитель узды понял,
что наследник — сын, а не зять.

Из рассказанной истории видно, что родственные связи, как близкие, так и далекие, имеют свою определенность. Правда, порой разобраться в них весьма нелегко, однако прозорливый и честный судья рано или поздно все поймет и решит. От него ничего утаить невозможно. Ну, а сейчас я, ничтожный, расскажу еще одну историю, которая называется так: «Бао Драконова Печать ловко заполучил договор о наследстве». Вы спросите, когда и где приключилась эта история. А вот слушайте.

В годы династии Сун возле Западной Заставы Бяньляна в местечке под названием Идинфан, что значит Слобода Справедливого Установления, жил с женою по фамилии Ян некий Лю Тяньсян или, как его чаще величали, Лю Старший. Его брат, Лю Тяньжуй, он же Лю Второй, имел жену из рода Чжан. Чтобы не делить хозяйство на части, обе семьи проживали вместе. Лю Тяньсян был бездетным, но его супруга Ян, вышедшая за старшего Лю вторично, привела с собой в дом девочку — дочь от первого брака. Как говорится в таких случаях, притащила с собой бутылку с маслом. Что до Лю Тяньжуя, то он имел сына по имени Лю Аньчжу. Надо сказать, что в этом же местечке жил некий Ли — старейшина общины, у которого была дочь Динну, родившаяся в один год с Лю Аньчжу. Обе семьи дружили между собой и еще до того, как у них появились дети, договорились в будущем их поженить. Когда Лю Аньчжу исполнилось два года, его отец и старейшина Ли решили помолвить детей всерьез. Не всем это решение пришлось по вкусу. Очень недовольна была

жена старшего брата. Женщина весьма недалекая и завистливая, она ждала, когда ее дочь вырастет и выйдет замуж — ведь тогда ей досталась бы вся доля. Не случайно, что в семье то и дело поднимался разговор о наследстве. К счастью, до скандала не доходило, так как братья жили в мире и дружбе, а жена Лю Тяньжуй отличалась добрым и покладистым нравом.

Как-то случился голодный год — не уродилось ни риса, ни другого зерна. Чтобы уменьшить число едоков в этих местах, власти разослали бумагу, в которой говорилось, что жителям разрешается идти в чужие края на прокорм. Об этом стали подумывать и братья Лю. Как-то Лю Тяньжуй сказал старшему брату:

— Ты уже в возрасте, тебе уезжать тяжелее. Попытайся я счастья в чужих краях, поеду куда-нибудь с женой и сыном.

Лю Тяньсян одобрил решение брата, и они поделились своими планами со старейшиной Ли.

— Нынешний год — неурожайный, голодный, прокормиться здесь будет трудно, — объяснил Лю Тяньсян. — К тому же начальство прислало бумагу, в которой советует отправляться в другие места, чтобы сократить число едоков в семьях. Мы с братом решили: лучше всего, если поедет он с семьей. Ты ведь знаешь, что мы и раньше не хотели делить хозяйства, пусть и сейчас останется все как есть. Но для порядка мы все же думаем составить две договорные бумаги, каждому по одной, в которых будет записано о доме с пристройками, о земле и имуществе. Если Лю Тяньжуй через год-другой вернется, все останется, как и было. Если же лет через десять он не придет, бумага будет доказательством моих прав на имущество. Всякое в жизни может случиться. Мы пригласили тебя ссегодня, чтобы ты приложил свою подпись как свидетель.

— Я согласен, — сказал Ли.

Лю Тяньсян достал два листа бумаги и кистью написал: «Хозяин Лю Тяньсян из Слободы Справедливого Установления, что у Западной Заставы в Восточной столице, а также его брат Лю Тяньжуй и племянник Аньчжу сообщаем. Поскольку наша семья не собрала урожая, младший брат Тяньжуй, исполняя указ властей об уходе в другие края на прокорм, дабы сократить число едоков,

добровольно принял решение вместе с женой и сыном идти в чужие места. Имущество и дом мы согласились не разделять. Сей день мы составили две договорные бумаги, дабы каждый мог иметь их при себе как доказательство соглашения. Год, месяц, день.

Бумагу составили Лю Тяньсян и младший брат Лю Тяньжуй. Свидетель: старейшина Ли».

Все трое поставили подписи, и, после того как каждый из братьев взял по одной бумаге, старейшина Ли отправился домой.

Семья Тяньжуйя собрала пожитки и ожидала лишь благоприятного дня для отъезда. И вот такой день наступил. Братья при расставании всплакнули, что до жены Лю Тяньсяна, то она была очень довольна и с нетерпением ждала отъезда родственников. В связи с этим уместно вспомнить стихи, сложенные на мотив песни «Люй, небожитель, любит цветы». Послушайте их:

Две договорных бумаги составили,
каждому брату — своя.
День расставания наступил,
в безмерной печали семья.
Пусто возле жнивья.
Покидают люди дома,
Уходят в чужие края.
Погиб урожай —
здесь не будет житья.
Родину оставляют,
грусть в душе затая.

Рассказывают, что Лю Тяньжуйю и его семье пришлось перенести много невзгод. Как говорится в таких случаях: спали они у волы, ели они на ветру; у моста с лошади слезут, у переправы садятся в лодку. Прошло немало дней, прежде чем беженцы добрались до уезда Гаопин округа Лучжоу провинции Шаньси и остановились в деревне Сямацунь — Долой с Коня. В этих местах год выдался урожайным, потому и торговые дела шли хорошо. Лю Тяньжуй решил здесь остаться и снял домик у одного местного жителя по имени Чжан Биньи. Он и жена его Го были люди справедливые, добрые, всегда помогали другим и, хотя были богаты, совсем не гнались за наживой. Чжан имел, кажется, все: дом и землю, только вот детей не было, что, понятно, сильно удручало супругов. Семья Лю

с их обходительностью и вежливостью сразу пришлось по душе хозяевам, но особенно им полюбился смысленный и симпатичный малыш Аньчжу, которому в то время уже исполнилось три года. Однажды Чжан, посоветовавшись с женой, решил сделать маленького Аньчжу своим наследником и послал слугу к Лю Тяньжюю. Слуга сказал:

— Господину Чжану очень полюбился ваш малыш, и он решил его усыновить. Значит, вы можете породниться. Хозяин ждет только вашего согласия.

Какие могли быть возражения у супругов Лю, если такой богатый человек, как Чжан, решил сделать их сына своим наследником! Понятно, они сразу же согласились. Лю Тяньжуй при этом заметил:

— Мы, бедняки, не могли об этом и мечтать! Теперь нам следует особенно стараться, не ударить лицом в грязь, быть достойными нашего хозяина.

Такой ответ очень обрадовал Чжана и его жену. В один из благоприятных дней, специально выбранных для церемонии наследования, маленький Аньчжу получил фамилию Чжан. Поскольку его мать имела ту же фамилию, она стала величать хозяина дома старшим братом. Лю Тяньжуй и господин Чжан постоянно ходили друг к другу в гости и так подружились, что стали вроде как родные братья. Причем почтенный Чжан не позволял новой родне даже тратиться на одежду и пищу или нести какие-то расходы по дому.

Прошло полгода, и неожиданно-негаданно обрушилось горе. Супруги Лю вдруг заболели заразной болезнью, слегли и уже больше не встали.

Суровый иней внезапно лег
на молодую траву.
Нагрнуло горе, и счастье ушло,
словно по волшебству.

Почтенный Чжан не раз вызывал лекаря — ведь супруги Лю стали для него ближе самых близких родственников. Но, увы, лечение не помогло, больным становилось все хуже и хуже. Через несколько дней супруга Лю Тяньжюя скончалась. Хозяин дома купил гроб и устроил похороны. Убитый горем Лю Тяньжуй чувствовал себя все

хуже. Когда он окончательно понял, что ему уж не выкарабкаться из болезни, он позвал к себе Чжана и сказал:

— Благодетель! Я давно хотел раскрыть одну тайну, да все не решался!

— Брат, мы с тобой близкие люди, все равно что мясо с костями, не таись от меня, говори откровенно! Быть может, по своему неразумию я не смогу помочь, но все же скажи, что тебя беспокоит?

— Перед отъездом из родных мест мы с братом написали две договорные бумаги об имуществе, и каждый взял себе по одной. Всякое может случиться в жизни, а здесь как-никак есть доказательство. Потом, как ты знаешь, я пришел в ваши края и благодаря твоей доброте остался в твоём доме. Но, увы, мой удел оказался коротким, злая судьба хочет, чтобы стал я бесприютным духом... Раньше меня очень тревожило будущее сына, который еще мал годами и неразумен. К счастью, мой благодетель, ты усыновил его, и я уверен, что сын с твоей помощью встанет на ноги. Ведь ты человек редких достоинств и качеств». Я прошу тебя, когда мальчик подрастет, дай ему бумагу с договором и вели отвезти прах его родителей на наше родовое кладбище. Мой сын не должен забывать своего рода! Сейчас я уже ничем не смогу возблагодарить тебя, но в будущей жизни я отплачу за всю твою доброту: буду служить тебе, как осел или лошадь.

Из глаз Лю Тяньжуня полились слезы. Почтенный Чжан, вытирая глаза, принялся успокаивать умирающего и обещал сделать все, как он сказал.

Лю Тяньжунь передал бумагу, а к вечеру его не стало. Чжан купил гроб, заказал похоронные одежды, и супруги были погребены подле родовой могилы семьи Чжан. С этих пор Чжан и его жена стали воспитывать Аньчжу как родного сына, но до поры до времени не раскрывали тайны его происхождения. Постепенно Аньчжу вырос, и его отдали учиться. Смысленный и развитой не по годам, Аньчжу в десять лет прочитал все сочинения историков и философов, не говоря о Пятикнижии. Ему достаточно было одним глазом взглянуть в книгу, и он мог пересказать ее наизусть. Чжан и его жена души не чаяли в мальчике, который им платил такой же любовью и заботливостью. Ежегодно весной и осенью они брали Аньчжу на кладбище и там заставляли свершать поклоны перед мо-

гилой покойных родителей, но при этом ничего ему не объясняли.

Время, словно стрела, летит, солнце с луною мелькают, будто челнок; щелкнешь пальцами — пролетели многие годы. Прошло пятнадцать лет, и Аньчжу исполнилось восемнадцать. Почтенный Чжан, посоветовавшись с женой, решил, что наступила пора рассказать юноше о его родителях и посоветовать ему отвезти их прах в родные места для погребения на родовом кладбище. Как-то во время Праздника Чистых и Светлых Дней, когда совершается поминовение усопших, все трое отправились на кладбище. Аньчжу, остановившись возле могилы родителей, вдруг спросил:

— Батюшка! Почему вы всегда заставляете меня совершать перед этой могилой поклон? Раньше я не спрашивал, а теперь решил узнать: какие родственники здесь похоронены?

— Сынок! Я давно собирался тебе рассказать, да все боялся, что ты, узнав о своих настоящих родителях, охладеешь к нам, забудешь, что мы тебя растили... Так вот слушай! На самом деле твоя фамилия не Чжан и ты не из наших мест. Твоя настоящая фамилия Лю. Ты — сын Лю Тяньжун из Восточной столицы. Он проживал там возле Западной Заставы в Слободе Справедливого Установления. У тебя есть дядя Лю Тяньсян, который и сейчас живет в тех местах. Случилось как-то, что год выпал голодный, и власти решили сократить в тех местах число едоков. И тогда твои родители приехали с тобой в наши места на прокорм. К несчастью, они неожиданно умерли, и я похоронил их здесь. Твой отец перед кончиной передал мне одну бумагу — договор о вашей земле и доме. Он велел мне, когда ты вырастешь, рассказать тебе обо всем, а ты чтобы показал бумагу родственникам. Еще он наказал захоронить прах его и матушки твоей на родовом кладбище. Сейчас ты все знаешь!.. Я надеюсь, ты не бросишь нас, стариков, не забудешь, что мы растили тебя целых пятнадцать лет.

Аньчжу, горько заплакав, упал подле могилы. Почтенный Чжан с женой бросились его поднимать.

— Сейчас, когда я узнал о своих настоящих родителях, мне нельзя дольше здесь оставаться!.. — воскликнул юно-

ша и сделал низкий поклон. — Батюшка! Матушка! Мне надо без промедления ехать на родину. Дайте мне эту бумагу! Я поеду в Восточную столицу и захороню прах родителей, а потом снова вернусь сюда и буду ухаживать за вами. Будет ли на то ваша родительская воля? Ответствуйте, прошу!

— Разве можно мешать исполнению сыновнего долга? — воскликнул Чжан. — Одного лишь хочу: поскорей возвращайся, не заставляй нас, стариков, расстраиваться и волноваться!

Вернувшись с кладбища, Аньчжу сложил свои вещи, а на следующий день пришел к приемным родителям проститься. Почтенный Чжан передал ему бумагу и велел слуге принести прах.

— Постарайся не задерживаться! Не забывай нас! — напутствовал он юношу.

— Могу ли я забыть вашу доброту! Как только исполню похоронный обряд, сразу же вернусь обратно, чтобы ухаживать за вами.

Смахнув набежавшие слезы, они простились, и Аньчжу уехал. В пути он старался нигде не задерживаться, поэтому добрался до Восточной столицы довольно быстро. Найдя слободу Идинфан, что у Западной Заставы, он спросил, где живет семья Лю. Ему показали. У ворот дома он заметил женщину и, поздоровавшись с ней, сказал:

— Позвольте вас беспокоить, сударыня! Где живет Лю Тяньсян? Я Лю Аньчжу, сын Лю Тяньжюя, приехал выразить свое почтение родственникам.

Женщина переменялась в лице.

— А где сейчас второй брат с женой? — спросила она. — Если ты Аньчжу, у тебя должна быть бумага. Без нее никто не поверит постороннему человеку.

— Мои родители пятнадцать лет назад умерли в Лучжоу. Но, к счастью, у меня есть приемные родители, которые все это время воспитывали меня. А бумага при мне.

— А я — жена старшего Лю, — сказала женщина. — Если у тебя есть бумага, значит, все в порядке. Только ты сначала все же ее покажи! Сам ты пока постой здесь, я же слычу со своей, а потом пушу тебя в дом.

— Так вы моя тетушка! Простите меня за невежливость! — вскрикнул юноша. Поспешно открыв корзину с

вещами, он достал бумагу и, держа ее обеими руками, почтительно протянул женщине. Тетка ушла с бумагой в дом, а юноша остался ждать у ворот. Женщина больше не появилась.

Надо вам сказать, что дочь госпожи Ян к этому времени уже вышла замуж и мать, надеясь передать ей состояние семьи, очень боялась возвращения Лю Тяньжуня. Нынче неожиданно оказалось, что Второй Лю и его жена давно в могиле. Правда, остался племянник, но ведь здесь его никто не знает — даже сам дядя не помнит, так много лет прошло с тех пор. На этом ловко можно было сыграть. Надежно спрятав бумагу под кофтой, тетка решила, что, если племянник поднимет шум, она его мигом утихомирит, так как бумага находится в ее руках. Да, не повезло бедному Аньчжу! Если бы он встретил не тетку, а Лю Тяньсяна, все, быть может, оказалось бы иначе!

Но вернемся к Аньчжу, который устал от ожидания и изнывал от жажды. Юноша находился в полной растерянности. Что делать? Войти в дом — неудобно. Ждать у ворот? Но из дома никто не выходит. И вдруг он увидел пожилого мужчину, направлявшегося к воротам.

— Эй, парень! Ты откуда? Чего торчишь у ворот моего дома? — спросил мужчина.

— Вы, наверное, мой дядя! — обрадовался юноша. — Я — Лю Аньчжу, ваш племянник. Мои родители пятнадцать лет назад уехали со мной в Лучжоу, спасаясь от голода.

— Значит, племянник?.. А где договорная бумага?

— Ее забрала в дом тетушка!

Лю Тяньсян, широко улыбнувшись, взял новоявленного племянника за руку и повел в переднюю комнату, служившую гостиной. Аньчжу почтительно опустился перед дядей на колени.

— Сынок! К чему эти церемонии? Ты ведь устал с дороги... — сказал Лю Тяньсян, помогая племяннику встать. — А мы с женой совсем постарели, словно свечи на ветру — вот-вот погаснем... Да, пятнадцать лет пролетело, как вы уехали из родных мест. И за все это время никаких вестей... А мы с братом когда-то возлагали на тебя большие надежды. Как-никак состояние большое, а наследовать некому. Я вот от разных забот даже зрение потерял, да и на ухо стал туг. Да, большая радость, что ты вернулся,

мой мальчик! Ну, а как отец, мать? Где они? Почему приехал без них?

Вытирая глаза, юноша рассказал о кончине родителей и о том, как его усыновили в семье Чжан. Лю Тяньсян, всплакнув, позвал жену:

— Жена! Гляди-ка, наш племянник вернулся!

— Какой еще племянник? — удивилась Ян.

— Ну, тот, что уехал пятнадцать лет назад, — наш Аньчжу!

— Так уж и он? Много здесь ходит всяких проходимцев! Видно, пронюхал, что у нас есть деньги, вот и назвался племянником! Ну да проверить нетрудно. Ведь в свое время была договорная бумага, составленная перед их отъездом. Если она у него, значит, это он и есть, а коли нет, мошенник он...

— Мальчик сказал, что он отдал бумагу тебе!

— Никакой бумаги я и в глаза не видала!

— Что вы такое говорите, тетушка? Ведь я ее вам отдал собственными руками! — вскричал юноша.

— Жена! Будет меня разыгрывать! Мальчик говорит, что бумага у тебя!

Женщина замотала головой и стала твердить, что никакой бумаги не было.

— Так где же она в самом деле? — спросил Лю племянника. — Говори правду!

— Дядюшка, разве могу я вас обманывать? Я действительно отдал ее тетушке! Небо мне свидетель! Почему только она отпирается?

— Ах ты, брехун! — вскричала тетка. — Бессовестный щенок! Я не видала никакой бумаги!

— Ну, хватит шуметь! — остановил ее Лю. — Дай мне на нее хотя бы взглянуть!

— Старый дурень! Ты что, рехнулся? — обрушилась на него Ян. — Сколько мы прожили вместе, а ты мне не веришь! Поверил какому-то постороннему, проходимцу! Зачем мне нужна его бумага? Я бы и окна ею не стала заклеивать! Неужели ты думаешь, что я не обрадовалась бы приезду племянника? К чему мне все это? Этот мошенник все выдумал, обмануть нас хочет, деньги выманить!

— Дядюшка! — вскричал Аньчжу. — Мне не нужно никаких денег! Дайте только захоронить прах родителей

на родовом кладбище, и я уеду в Лучжоу. Там мой дом, там — очаг!

— Кто поверит этим лживым да хвастливым речам! — закричала женщина. Схватив тяжелую скалку, она принялась колотить юношу, и все норовила попасть по затылку, пока у него не выступила кровь. Лю Тяньсян пытался остановить жену и получше расспросить юношу, но унять ее было невозможно. Что же делать? Сам старик успел забыть племянника, а жена от всего отказывалась. Кто из них прав? Загадка! И старик пошел на попятную. Женщина, вытолкав юношу за порог, заперла дверь. Есть поговорка, которую уместно привести:

У черных змей
по жалу стекает яд.
У желтых пчел
ядовитые иглы торчат.
Иглы и жало
хоть кого устрашат.
Но женская злоба
еще ядовитей стократ.

Аньчжу, которого тетка выгнала из дома, упал возле ворот и потерял сознание. Прошло довольно много времени, прежде чем он пришел в себя. «Как жестоко обошлись со мной родственники!» — проговорил он, прижимая к груди ящичек с прахом. Из глаз юноши полились слезы. В этот момент к нему подошел какой-то человек.

— Вы что плачете, юноша? Откуда вы? — спросил он.

— Меня зовут Лю Аньчжу. Лет пятнадцать назад я уехал отсюда с родителями в чужие края, спасаясь от голода.

Незнакомец, удивленный ответом юноши, внимательно взглянул на него.

— Кто вас так отделал? Вся голова разбита!

— Моя тетка! Она отняла у меня бумагу с договором и отказалась признать меня... Дядюшка здесь ни при чем!

— Меня зовут Ли. Я — старейшина нашей общины. Судя по тому, что вы здесь сказали, вы, кажется, мой будущий зять. Расскажите, что произошло за эти долгие годы. Может быть, я сумею чем-то помочь!

Юноша почтительно поклонился мужчине, который назвался его будущим тестем.

— Моя история такова... — начал он и вытер выступившие на глаза слезы. — Много лет назад я с отцом и матушкой уехал в Лучжоуский округ провинции Шаньси. Там мы остановились в доме господина Чжан Бинъи, что живет в деревне Сямацунь Гаопинского уезда. Мои родители умерли от злой болезни, а я остался сиротой, но, к счастью, господин Чжан усыновил меня и вырастил. Сейчас мне исполнилось восемнадцать лет. Недавно приемный отец рассказал мне о моем происхождении. Он велел отвезти на родину прах родителей и познакомиться с дядей, что я и сделал. Но моя тетка выманила у меня бумагу с договором и вдобавок избила. Не знаю, куда мне теперь и жаловаться... — Из глаз молодого человека ручьем полились слезы.

Рассказ привел почтенного Ли в большое волнение. Его лицо покраснело от гнева.

— Вы помните, что было в бумаге? — спросил он.

— Как не помнить!

— Расскажите!

Аньчжу слово в слово повторил содержание бумаги, не сделав при этом ни единой ошибки.

— Все ясно, вы — действительно мой зять! — проговорил Ли. — Ах, эта Ян! Ну и пройдоха, ну и шельма! Я сейчас же пойду к ним и потребую бумагу. Если они не отдадут, обращусь в кайфынскую управу к самому судье Бао. Он человек мудрый и сразу во всем разберется. Подадим жалобу от нас обоих. Увидим, удастся ли им присвоить вашу долю наследства!

— Уважаемый тесть, я весь в вашем распоряжении!

Ли направился в дом Лю Тяньсяна.

— Где же справедливость, родственники? — закричал он. — Приехал родной племянник, а вы отказываетесь его признавать! Даже голову ему пробили!

— Почтенный Ли! Неужели тебе не ясно, что он обманщик, который явился, чтобы нас одурачить? — возразила Ян. — Если он племянник, у него должна быть бумага с вашей же подписью. Коли она у него есть, значит, он действительно Лю Аньчжу.

— Он сказал, что вы завладели бумагой и спрятали, перестаньте хитрить!

— Смешно! Я в глаза не видала никакой бумага. Все, что он говорит, сущее вранье и чертовщина!.. И вообще, с какой стати вы-то вмешиваетесь в чужие дела?

Женщина подняла скалку, собираясь вновь обрушить ее на юношу, который стоял тут же, но почтенный Ли ей помешал.

— Злобная, коварная баба! — проговорил он, уводя юношу из дома дяди. — Пусть бы не признала, но она еще издевается! Ну, ничего, мой мальчик, не огорчайся! Бери свои пожитки, ящик с прахом и пошли ко мне. Заночуешь, а завтра подадим жалобу в кайфынскую управу.

Вместе с почтенным Ли юноше отправился к нему домой. Он познакомился с будущей тещей, которая, перевязав ему голову, накрыла для гостя стол с угощениями. Утром они сочинили жалобу и пошли в управу Кайфына. В положенное время открылось присутствие. Судья Бао по прозванию Драконова Печать занял свое место. По этому поводу можно сказать:

В — кайфынской управе
барбаны грозно гудят.
Чиновники важные
вдоль стен рядами стоят.

Похоже, что это —
Яньвана страшный чертог,
Владыка Восточного Пика
с душами смертных жесток.

Старейшина Ли и Лю Аньчжу рассказали судье Бао о нанесенных им обидах и передали письменную жалобу. Ознакомившись с бумагой, Бао Драконова Печать сначала расспросил старейшину Ли. Тот обстоятельно все ему рассказал.

— А может быть, ты нарочно полбил парня на судебную тяжбу? — проговорил судья.

— Он — мой будущий зять, — возразил Ли. — К тому же молод годами и неопытен. Понятно, что я решил ему помочь с прошением. А вот обмана здесь никакого нет, ведь на бумаге стояла и моя подпись. Я чист перед Небом!

— Скажи, а сам-то ты узнаешь этого племянника?

— По правде говоря, не очень! Мальчика увезли, когда ему было всего три года.

— Племянника не признаешь, бумага потеряна... Откуда такая уверенность, тот ли он человек, за кого себя выдает?

— Бумагу с договором, кроме меня с братьями, никто не видел. А парень читает ее наизусть, без единой ошибки. Какие еще доказательства?

Судья Бао вызвал на допрос юношу. Аньчжу подробно все рассказал и даже показал свои раны.

— Скажи откровенно, может быть, ты не сын Лю Тяньжужу, а просто мошенник? — сказал Бао.

— Господин судья! — вскричал юноша. — Конечно, в Поднебесной много всякого обмана и мало правды. Но только мне-то с какой стати лукавить? У моего приемного отца Чжан Бинъи есть дом и много земли. Его богатств мне хватит на всю жизнь. Поэтому я с самого начала сказал, что отказываюсь от доли моего батюшки. Я хочу одного — захоронить прах родителей и вернуться в Лучжоу к приемному отцу. Господин судья, прошу вас, расследуйте мое дело по справедливости!

Убедившись в искренности Ли и юноши, судья Бао принял жалобу и вызвал на допрос Лю Тяньсяна с женой.

— Ты хозяин дома, а своего мнения у тебя нет. Говоришь только то, что подсказывает жена, — сказал судья Лю Тяньсяну. — Ведь сначала ты сказал, что этот парень твой племянник, а потом ни с того, ни с сего отказался от своих же слов.

— Ваша милость! Ничтожный совсем не помнит своего племянника. Я полагаюсь только на бумагу. Парень говорит, что бумага была, а жена клянется, что никогда ее не видала. Кому верить? Ведь глаза-то у меня одни, на спине других нет!

Судья допросил женщину, но та твердила одно — не видела никакой бумаги, и все тут. Тогда судья вызвал Аньчжу.

— Твои родственники бессовестные люди, поэтому я решил их строго наказать. Если хочешь — сам можешь отомстить за все обиды, которые они тебе нанесли!

— Нет, я не могу! — испуганно вскричал юноша, и на глазах его навернулись слезы. — Мой отец и дядя родные братья! У меня рука не поднимется ударить родного дядю! К тому же я приехал не за наследством, а по долгу сыновней совести, чтобы захоронить прах и познакомиться

с родственниками. Такого страшного поступка я совершить не могу!

Судью тронула искренность молодого человека.
А сейчас послушайте такое стихотворение:

Бао-судья, как святой мудрец,
всеведущ и прозорлив.
С первого взгляда узнает он,
кто правду сказал, кто лжив.

Не пытать преступника-дядю молил
племянник в зале суда.
Понял судья, что родной человек
родным остается всегда.

Бао Чжэн вызвал на допрос жену Лю Тяньсяна.

— Этот парень — несомненно мошенник, поэтому отпустить его без наказания никак нельзя. Я посажу его в тюрьму, а через день-другой допрошу под пыткой. А вы с мужем возвращайтесь домой.

Супруги Лю и старейшина Ли, поклонившись судье, пошли домой. Юношу отправили в тюрьму, чему тетка несказанно обрадовалась.

Надо ли говорить, что старейшина Ли и молодой человек остались очень недовольны подобным решением и усомнились в пронизательности и честности судьи Бао. Ведь сегодня он умудрился заключить в тюрьму ни в чем не повинного человека.

Вернемся, однако, к судье. Арестовав Лю Аньчжу, он тотчас вызвал к себе тюремщика и повелел ему особенно не притеснять заключенного. В то же время нескольким служащим ямыня судья приказал распусть слух о том, что юноша-де от ран заболел и вот-вот ноги протянет. Один гонец отправился в Лучжоу за Чжан Бинъи, который без промедления прибыл в столицу. Подробный разговор с этим почтенным человеком развеял все сомнения. Судья вновь дал наказ тюремщикам ухаживать за юношей и обходиться с ним наилучшим образом и подписал бумагу об открытии дела. Отдав тайные распоряжения судебным исполнителям, он велел привести в суд всех, кто был причастен к делу... Суд начался с допроса почтенного Чжана и жены Лю Тяньсяна. Женщина держалась прежних своих показаний и твердила одно и то же. Тогда судья

приказал привести Лю Аньчжу. Через некоторое время тюремщики доложили:

— Лю Аньчжу тяжело заболел и находится при смерти. Он не может подняться на ноги!

Присутствующие в зале зашептались. Между старейшиной Ли и женщиной Ян началась перепалка. В этот момент прибежал другой тюремщик.

— Лю Аньчжу умер! — закричал он.

— Хвала тебе, о великое Небо! — воскликнула женщина. — Все-таки протянул ноги! Наконец-то мы избавились от всех неприятностей.

— Немедленно осмотреть тело и установить причину смерти! — приказал судья следственному чину.

Через некоторое время чиновник возвратился.

— Докладываю о результатах осмотра. Умершему около восемнадцати лет. Возле виска обнаружена рана от удара каким-то предметом, она и является причиной смерти. Все тело в кровоподтеках и ссадинах.

— Ах вот как! Значит, это убийство! Дело становится серьезным! — проговорил судья и обратился к жене Лю. — Кем же все-таки приходится тебе парень? Родственник он или нет?

— Никакие мы не родственники, господин судья! — воскликнула женщина.

— Жаль! Если бы вы были родственники, все было бы проще. Ты старшая, он младший. Даже если бы ты прибила его насмерть, можно сказать, что это случилось нечаянно. Смерть младшего от старшего из родни не считается убийством, и мы бы ограничились простым штрафом. А вот ежели вы не родня, дело усложняется. На этот счет есть такое правило: «Взял в долг — верни, убил человека — заплати жизнью!» Этот юноша из чужих мест, и ты, женщина, могла его просто прогнать, не признав. Между тем ты скалкой пробила ему голову, то есть нанесла страшную рану, которая вскоре и свела его в могилу. В судебнике же на этот счет сказано следующее; «Если избивание человека привело к его смерти, виновный лишается жизни». Эй, стражники! Надеть на эту женщину кангу и бросить в камеру смертников! Она будет казнена за убийство молодого человека.

— Слушаем! — рывкнули стражи, обликом свирепые, точно волки или тигры. При виде колодок женщина позеленела.

— Ваша светлость, господин судья! — закричала она. — Он мой племянник!

— А где доказательства?

— У меня есть его договорная бумага. — И она вытаскила из-за пазухи документ.

По этому поводу можно сказать:

Сначала она в зале суда
отпиралась, ловчила, лгала.
Но, узнав о том, что грозит ей смерть,
правду скрыть не могла.

В ловушку, расставленную судьей,
невольно попала она.
И вот в руках у судьи бумага,
которая так важна.

Судья Бао пробежал документ глазами.

— Ну что ж! Если он твой племянник, я велю сейчас же принести его тело, и вы обязаны похоронить его как положено и без всякого промедления.

— Будет исполнено, господин судья! — воскликнула Ян.

Судья отдал распоряжение привести Лю Аньчжу. В присутственном зале появился юноша, живой и невредимый. Казалось, у него даже зажили раны на голове. Госпожа Ян обомлела.

— Лю Аньчжу! — обратился к нему судья Бао. — Мне удалось добыть твою бумагу.

— Ах, господин судья, если бы не вы, я бы погиб! — воскликнул молодой человек.

Тетка стояла, низко опустив голову, с красным от стыда лицом. Судья Бао поднял кисть и начертал приговор, который гласил:

«Лю Аньчжу проявил редкую почтительность к старшим, а Чжан Бинъи — великую человечность. Сии качества, являющиеся украшением рода, должны быть особо отмечены. Старейшине Ли следует в подходящий день сыграть свадьбу. Останки Лю Тяньжуня и его супруги захоронить на родовом кладбище семьи Лю. Лю Тяньсяна,

проявившего неразумие и тупость, от наказания освободить ввиду преклонного возраста. Его жена Ян, свершившая тяжкое преступление, облагается денежным штрафом. Ее зятю, родственных уз с родом Лю не имеющему, пользоваться состоянием семьи не разрешается!»

Написав такой приговор, судья Бао повелел всем разойтись по домам, что они и сделали, совершив положенные поклоны. Почтенный Чжан, оставив Лю Тяньсяну свою визитную карточку, сразу же уехал в Лучжоу. Лю Тяньсян, хорошенько отругав жену, занялся вместе с племянником захоронением праха. Старейшина Ли в один из подходящих дней устроил свадьбу молодых, которые спустя месяц отправились в Лучжоу навестить Чжана и его супругу. Впоследствии Лю Аньчжу вступил на чиновную стезю и скоро добился славы и богатства. Поскольку Лю Тяньсян, как и почтенный Чжан, не имел наследников, состояние обеих семей перешло к Лю Аньчжу. Отсюда следует, что процветание человека, как, впрочем, и его безвестность предрешены заранее, а посему не должно гнаться за выгодой и домогаться ее любыми способами. Что до родственных отношений, то в них не должно быть лжи или обмана, иначе будет нанесен вред первородному духу. Мы рассказали эту историю, дабы предупредить людей не рваться даже за малым богатством, ибо такая погоня может разрушить природные качества человека и его внутренние достоинства. Наш рассказ венчают стихи:

Названный отец и приемный сын
добродетельны и чисты.
А родные люди встали на путь
злости и клеветы.

В жизни все предначертано свыше,
от своей судьбы не уйдешь.
К чему же тогда коварные планы,
хитрость, лукавство, ложь?!

СОЮЗ ДРАКОНА И ТИГРА

Устав обнимать черепахи главу,
ты новый пост испросил;
Краснохвостую рыбой рвешься к Сиху,
уже выбиваясь из сил.

В былые годы в здешних краях
служил не один мудрец —
С тобою ветер Шести Единиц
обретает покой наконец.

Известно среди Четырех Морей —
на висках твоих седина...
Почему хризантема на праздник Чунъян
в волосах теперь не видна?

Не ведал ты, кто первый взойдет
в инчжоуский Звездный Зал,
Но в чаши златые вино разливать
давно в этом зале мечтал.

Эти стихи сочинил в свое время сунский вельможа Лю Цзисунь, посвятив их поэту Су Дунпо, который, как известно, покинув сад академиков — ханьлиней, отправился служить начальником округа в Ханчжоу. Надо вам знать, что Су Дунпо, или, как его еще звали, Ученый Су, прежде уже дважды бывал в этих местах. Первый раз он приезжал сюда во второй год Сияющего Спокойствия эры правления императора Шэньцзуна, когда Су Дунпо назначили тунпанем — помощником начальника округа. Во второй раз он побывал здесь в годы Изначального Покровительства, когда получил должность окружного военного инспектора. Стоит ли поэтому удивляться, что много стихов,

посвященных разным местам Линьяньской области, связаны с именем поэта? Впоследствии, когда сунский двор переправился через Янцзы и обосновался на юге, в Линьяни проживало немало даровитых литераторов, но среди них особо выделялся своим редким талантом один ханьлин по фамилии Хун, который продолжил замечательные деяния поэта Су Дунпо. Этот Хун, или Хун Май, как его еще звали, составил тридцать два «Описания И Цзяня», чем сразу прославился как выдающийся историк своей эпохи, снискав высокое уважение при дворе императора Сяоцзуна. Однако скоро ему наскучила жизнь в Запретном лесу, и он стал просить государя отправить его в провинцию. В конце концов владыка удовлетворил его просьбу, назначив на пост правителя области Шаосин древней округи Юэчжоу. Это были годы Ясного Сияния. Весна уже вступила в свои права. Об этом чудесном периоде хорошо говорят стихи Сюн Юаньсу. Вот они:

Светит жаркое солнце
В чистом и ясном небе.
Опадают цветы под ветром,
Лепестками земля алеет.
Сбруя коней сверкает,
Сияют нити уздечек.
Пролился ливень на листья,
Зелень подернулась дымкой.
Так мягки травы лесные,
Объята река весною.
Белоснежных цветов лепестками
Укрыты дворца ступени.
Жалко, в счастливую пору
Мало веселых свиданий!
Верткие ласточки в небе
Вьются в радостном танце.

Эти стихи удивительны тем, что их можно читать наоборот — снизу вверх строка за строкой и справа налево слово за словом — и они остаются такими же, не теряя своего очарования.

В танце радостном вьются
В небе ласточки верткие.
Свиданий веселых мало
В счастливую пору — жалко!
Ступени дворца открыты

Лепестками цветов белоснежных.
Весною река объята,
Лесные трапы так мягки.
Дымкой подернулась зелень,
На листья ливень пролился.
Уздечек нити сияют.
Сверкает конская сбруя.
Алеет земля лепестками,
Под ветром цветы опадают.
В небе ясном и чистом
Солнце жаркое светит.

По приезде в Шаосин Хун Май устроил пиршество в Зале Умиротворения Юэ, на которые пригласил новых своих подчиненных. В нижней части залы, соблюдая строгий порядок, сидели служащие из четырех отделов и шести служб. Надо сказать, что в этот день кушанья и напитки отличались изумительным вкусом, а фрукты поражали свежестью. Когда гости уже трижды приложились к вину, в зале появились певички, среди которых особенно выделялась некая Ван Ин. В своих изящных ручках, похожих на стебли весеннего бамбука или нежнейший тростник, она держала увитую золотыми нитями свирель с изображением дракона. Девушка приложила ее к губам, и по зале заструилась чистая мелодия. От ее красоты и торжественности гости пришли в восхищение. Хун Май тут же приказал слугам принести четыре драгоценности кабинета. Певичка продолжала играть, а поэт, охваченный вдохновением, принялся сочинять стихи. Через несколько мгновений стихотворение под названием «Красавица Юй» было уже готово. Послушайте его:

Из башни нефритовой звуки свирели
до слуха вдруг донеслись.
Песнь, бирюзовое небо пронзая,
летит стремительно ввысь.
Мелодии гун, шан, цзяо и юй
на закат плывут, на восход.
В изумлении вижу: встревожен дракон
в бирюзовой пучине вод.
Устремляются звонкие чистые звуки
в голубой небосвод.
Знаю, вовеки мне не забыть
Лянчжоуской песни полет.
Песня насквозь пронзит облака,
камни она разорвет,

Песня мгновенно исчезнет вдали,
бесследно ввысь уплывет.
Цветы мэйхуа облетают —
Чудится:
В воздухе тихо звенит
Драгоценный нефрит.

Хун Май сложил столь прекрасное стихотворение легко и быстро. Стоит ли этому удивляться? Как говорят в этих случаях: из уст поэта сыпались перлы слов и струилась парча изящных фраз. Хозяин прочитал стихи гостям.

— Великолепно сложено! — воскликнули они в восхищении. — И совершенно ново по содержанию!

Хор подобострастного восхваления был нарушен громким смехом одного гостя.

— Ваша светлость, стихотворение о драконовой свирели действительно прекрасно, — проговорил гость, оказавшийся помошником правителя округа Кун Дэмином, — однако каждая его строка взята из стихов старых поэтов.

— Может быть, господин Кун соблаговолит объяснить? — проговорил обескураженный Хун.

— Извольте! — Кун подошел к столу, за которым сидел хозяин, и стал разъяснять фразу за фразой.

— Вот ваша первая фраза: «Из башни нефритовой звуки свирели до слуха вдруг донеслись». Она взята из стихотворения «Отшельник» сунского поэта Чжан Цзывэя. Помните, что в нем говорится?

Как же узнать, почему так свежи
краски дворцовых террас?
В небе взойдя, Пэнлай в Инчжоу
луна озарила тотчас.

В Хладном Дворце мелодия циня
плывет-возносится ввысь,
*Из башни нефритовой звуки, свирели
до слуха вдруг донеслись.*

Чёрпает ворон студеную воду
в колоде своем золотом.
В убогой хижине ложе из камня,
облачко в небе ночном.

Будто стою над Яшмовым Прудом
сон мне привиделся вдруг.
Один бреду вдоль садовой ограды —
тишина ночная вокруг.

А вот ваша вторая фраза: «Песнь, бирюзовое небо пронзая, летит стремительно ввысь». Ведь она позаимствована из стихотворения ученого Ло «Песнь о Ван грациозной».

Когда-то Се Ань услышал на пиру
звук волшебной песни.
Кто-то за тонким пологом пел —
мотива не сыщешь чудесней.

*Песнь, бирюзовое небо пронзая,
летит стремительно ввысь,
И облака улетать не хотели —
застыли вдруг в поднебесье.*

А ваша третья фраза? Она взята у Бессмертной Цао из ее стихотворения «Звуки ветра».

Словно тончайшие нити нефрита
оплетают небесный свод,
*Мелодии гун, шан, цзяо и юй
на закат плывут, на восход.*

И этой дивной чарующей песни
долго звучал мотив,
Покуда не слил его с новой мелодией
легкого ветра порыв.

Четвертая ваша строка напоминает о стихотворении «Весло» поэта Су Дунпо:

С ужасным ревом стремнина бурлит,
стрелою несется вода.
Небесных пределов не видно мне,
скроюсь там без следа.

Дальний свет заливаает меня,
начинает светлеть небосвод.
*В изумлении вижу: встревожен дракон
в бирюзовой пучине вод.*

Ваша следующая строка заимствована из стихотворения «Дикий гусь» сунской поэтессы Чжу Шэчжэнь:

Острая боль пронзила меня
и в душе постоянно живет.
Дикий гусь на юг залетел —
не найдет пристанища здесь.

Он кружится, печально крича,
словно кого-то зовет.
*Устремляются звонкие чистые звуки
в голубой небосвод.*

И шестая строка вовсе не ваша. Вы ее взяли из стихотворения «Песни и танцы» поэта Цинь Шаюю:

Гнется-кружится в стремительном танце
тонкий девичий стан.
Словно печальная песня иволги,
нежный напев плывет.
Словно парча окутала залу,
как золотой туман.
*Знаю, вовеки мне не забыть
Лянчжоуской песни полет.*

Если говорить о следующей фразе, то она заимствована из стихотворения сунского полководца Лю Ци «Фейерверк на воде»:

Над водой загремели шутихи,
словно небесный гром.
Вздыбились тысячи волн, разбудив
рыб и драконов кругом.

*Песня насквозь пронзит облака,
камни она разорвет.
Песня мгновенно исчезнет вдали,
бесследно ввысь улывет.*

Мощью своєю разгонит она
всякую нечисть и муть,
Людям поможет вернуться опять
на чистый праведный путь.

И наконец, последние строки. Вы их взяли у сунского поэта Лю Гайчжи, который однажды сложил стихи по поводу посещения учжоуского советника Чэня. Стихотворение называлось «В праздник Юаньсяо смотрю на Южно-речье». Помните его?

Юаньсяо веселый праздник,
Повсюду радость царит.
Тонкие ветви ивы
свет фонарей золотит.
*Цветы мэйхуа облетают —
Чудится:
В воздухе тихо звенит*

Драгоценный нефрит.
Веселится мудрый правитель,
для всех его дом открыт.

Барабаны грозно гудят,
Флейты нежно свистят,
Фонарики разноцветные
озаряют праздничный град.
Шумом разбужен Лунный Дворец,
где царствует вечный клад.
Слышится грохот повозок,
цокот конских копыт.
В праздник, отринув заботы,
веселиться всяк норовит.

Подробные разъяснения Кун Дэмина привели Хуна и всех присутствующих в восторг.

— Непостижимо! — раздались восхищенные голоса. — Удивительно!

Хун Май приказал слугам наполнить чару вина и поднести Кун Дэмину.

— Ваши объяснения стихов превосходны! — сказал он. — Просто великолепны!.. Но мне бы хотелось, чтобы вы сложили свое стихотворение, скажем, на размер «Драконовой свирели». Этим вы сделаете поистине драгоценный подарок!

Кун поблагодарил хозяина и тут же сложил стихотворение, которое он назвал «Песнь поющей воды». Послушайте его.

Девушка прекрасная, как яшма,
одежда ее бела.
К ярко-алым губам
руки она поднесла,

И тотчас свирель с головою дракона
печальный звук издала,
Радуя слух гостей,
мелодия поплыла.

Если хочешь песню Нинвана
на свирели сыграть красиво,
Не подражай Хуань И,
твердившему три мотива.

Знай, музыканты великие
когда-то, в былые года,
Кэтинский бамбук для свирелей своих
старались выбрать всегда.

Глубокая ночь светла,
В небе луна взошла,
К звездному небу возносится песнь
стремительно, словно стрела,
Летит над землей, над зеленой водой,
перед ней расступается мгла.

Прекрасны окрестные виды,
здесь царствует праздничный дух,
И мощные звуки циской свирели
красотою радуют слух.

Они разрушают камни,
способны тучи пронзять.
Заслышав их, злобные духи
тотчас обращаются вспять.

Кун кончил читать стихотворение, о котором можно сказать такими словами:

Только муж талантливый способен
оценить чужое дарованье,
И об этих удивительных мгновениях
сохраняются всегда воспоминанья.

— Рассказчик! Объясни, зачем ты привел строку о драконовой свирели?

— Что ж, почтенные, я смогу ответить на этот вопрос. Я сделал это потому, что нынче хочу рассказать вам историю о двух братьях, которые когда-то принесли в дар божеству Восточного Пика на Горе Дундай два коленца цичжоуского бамбука с головой дракона. Интересно, что в связи с этим прославилась одна певичка из волости Фэннин Чжэнжоуского округа. Ей удалось выйти замуж за некоего молодца, ставшего впоследствии правителем Четырех округов, и даже получить титул Госпожи Двух Стран. Что же до ее мужа, то его имя внесено в летописи до наших дней во многих рассказах, ярких, как разукрашенная парча. Вам, конечно, интересно узнать его имя и то, каким образом он достиг своей славы? Послушайте сначала такие слова:

В Четырех округах Поднебесной,
в великой обширной стране,
Знаменитых и славных героев
встретишь в любой стороне.

А сейчас я хочу напомнить это стихотворение, в коем говорится о расцвете и гибели Пяти Династий.

Когда внезапно обрушились
основы династии Тан,
В Поднебесной на долгие годы
наступила смуты пора.
Гремел-бушевал над страной
усобиц и войн ураган.
От воли соседей зависели
сила иль слабость двора.
Известно: могучее древо
листву не роняет зимой.
Словно предвестницу утра,
в небе увидишь звезду.
Пять династий, сменяясь,
пытались править страной,
Но только могучий правитель
злосчастий прервал череду.

Рассказывают, что в эпоху Пяти Династий жили два брата — Ван Итай и Ван Эртай. Однажды им посчастливилось приобрести два колена цичжоуского бамбука, из которого обычно делают свирели. Им очень понравился странный вид деревца, комель которого походил на голову дракона. И правда, вряд ли сыщешь другую подобную диковину. Но братья не стали делать из бамбука свирель. Они отправились в уезд Фанфу округа Яньчжоу и там в храме Владыки Восточного Пика предали бамбук сожжению — принесли его в жертву духам. После этого дух Восточного Пика — Мудрейший владыка Шэньди даровал диковинку своему сыну Бин Лингуну, а тот приказал двум мудрым полководцам Тану и Чжану ехать в уезд Фэннин Чжэнчжоуского округа и отыскать там некоего Янь Чжаоляна — мастера свирелей. Два мудреца, приняв облик простых смертных, отправились к мастеру. Как раз в это время Янь занимался обычной работой у ворот своего дома. Мудрецы поклонились ему и сказали:

— Один знатный вельможа приобрел два колена цичжоуского бамбука. Он просит тебя прийти к нему и сделать для него свирель. Вельможа нетерпелив, поэтому следует выполнить работу как можно быстрее. Зато тебя ждет щедрая награда. Ты ж пойдешь с нами.

Мастер сложил инструмент и отправился за незнакомцами. Довольно скоро они подошли к зданию, ворота которого украшала таблица с надписью: «Восточный Пик горы Дундай». Мастер огляделся.

Здесь всюду — вершины видны,
Пять главных хребтов рождены,
Тридцать восемь изгибов гор,
острые пики торчат,
Здесь семьдесят две управы
людские судьбы вершат.
Отражается солнце в струях воды,
Ввысь к небесам вздымаются
могучих колонн ряды.
Черепица лазоревой крыши
скрыта дымкой густой,
Острые мрачные скалы
соперничают высотой,
Вверх и вниз лиловый туман
изрыгает дракон золотой.
Святая обитель — храм Чжулиньсы —
отражается в облаках.
В горах Каньжишань обрели приют
бессмертный мудрец и монах.

Мастер Янь сразу даже не сообразил, куда он попал. Тем временем два провожатых повели его дальше. После встречи с Бин Лингуном они проводили Яня в небольшую беседку, где на столе он увидел два колена цичжоусского бамбука.

— Из него ты и должен сделать свирель, — сказали мудрецы. — Но помни, ты сейчас находишься в потустороннем мире, а посему тебе не следует никуда отлучаться, иначе заблудишься и назад не вернешься!

Мудрецы ушли, а Янь приступил к работе. Скоро драконова свирель была готова. Ее чистые, проникновенные звуки радовали слух. Мудрецы не возвращались. Янь подождал до полудня, а потом, подумав, решил: «Коли мне довелось сюда попасть, надо хорошенько все осмотреть, а то потом пожалею».

Он вышел из беседки и, пройдя небольшое расстояние, увидел величественное здание. Когда подошел к галерее, окружавшей строение, он вдруг услышал странные звуки — будто свистели плети. Янь припик к окну и заглянул внутрь. И вот что он увидел:

За бамбуковым пологом некто —
Усами с креветкою схож —
Раскрыл изумительный всер,
Что на хвост фазаний похож.
Другой, с жемчугами на шляпе,
входит в дворцовый зал,

Важно садится в центре,
отражаясь в сотнях зеркал.
Некто с дщицей для записей
отдает владыке поклон,
Слева и справа вельможи
обступили почтительно трон.
Цин нефритовый грянул,
Загудели колокола,
Торжественная мелодия
к пяти облакам поплыла,
Духов толпа огромная
поклониться владыке шла

Мудрейший владыка Шэньди, выйдя из своего экипажа, последовал в залу дворца. При его появлении духи поднялись, и судилище началось. По приказу владыки в залу ввели подсудимого, на шее которого висела огромная канга, а руки были связаны цепями. Лицо человека показалось Яню знакомым, но он сразу не мог припомнить. Последовал приказ владыки: вложить человеку медную печень и железное сердце, после чего отправить в мир людей для исполнения обязанностей правителя Четырех округов. Ему наказывалось блюсти справедливость и не губить всеу людей.

Картина судилища привела мастера в трепет. Вдруг раздался возглас какого-то стража-дьявола:

— Смотрите! За нашим судом подглядывает смертный!

Янь бросился в беседку, в которой недавно мастерил свирель, и уселся как ни в чем не бывало. Прошло какое-то время, и вот на пороге появились два мудреца Тан и Чжан. Осмотрев выполненную работу, они повели мастера к Бин Лингуну. Чистые и мелодичные звуки свирели привели бога в восторг.

— Я дарю тебе долголетие и, приумножу богатства твои! — сказал он.

— Мне не нужно ни богатств, ни лишних лет жизни... — отвечивал Янь. — У меня есть младшая сестра Янь Юэин — певичка из веселого заведения. Помогите вызволить ее из мира пыли и ветра и подыскать ей хорошего мужа. Вот и вся моя просьба!

— Похвально! Она говорит о твоей пронциательности, — сказал владыка. — Пожалуй, мы подыщем твоей сестре достойного мужа. И будет им тот, кто станет правителем Четырех округов.

Янь поклонился, и те же два небожителя повели его обратно. Они шли по горной тропе и, наверное, прошли половину пути, а когда достигли опасного обрыва, провожатые показали мастеру, куда идти дальше. Янь взглянул в ту сторону, куда ему показали, и вдруг почувствовал сильный толчок. Он полетел вниз, в пропасть. Ужас сковал его сердце... Янь открыл глаза и видит, что лежит на постели о своем собственном доме, а рядом, заливаясь слезами, стоят жена и дети.

— Отчего вы плачете? — удивился он.

— Как же нам не плакать? Третьего дня во время работы ты вдруг упал, — стала рассказывать жена, — мы подбежали, а ты уже испустил дух. Мы послушали сердце — как будто бьется, а тело вроде теплое. Перенесли тебя на постель, и вот ты лежишь здесь уже два дня. Неужто ты вернулся из загробного мира?

Янь подробно рассказал о своем путешествии к духам и о других событиях, которые с ним произошли, и его рассказ сильно напугал домочадцев.

После этого случая прошло какое-то время, но с мастером Янем ничего не случилось такого, о чем можно было бы рассказать. Наступила зима, и в воздухе закружились хлопья снега. У поэта Ши Синьдао есть стихотворение под названием «Снег», в котором так говорится:

Лепестки, белея, кружатся,
плавно по ветру летят.
Красота столичного града
на рассвете радует взгляд.

На тысячи ли протянулись
словно из яшмы дома,
Видны высокие башни,
нефритовые терема.

Когда же цветущей сливы
заструится в Юлинс дух?
Когда перестанет кружиться
ивы чжантайской пух?

В обитель серебряной жабы
по морю плыть я хочу.
Когда же, верхом на фениксе,
к багряным горам улечу?

Снегопад усиливался. Мастер Янь стоял без дела у ворот дома — от холода руки зябли, работа в этот день не

спорила. Вдруг на улице показался прохожий. Янь пригляделся и оторопел.

«Да ведь это тот самый человек, которому духи с Восточного Пика вставили железное сердце и медную печень! — подумал он. — Они еще будто сказали, что он станет правителем Четырех округов... Но, как видно, слава к нему еще не пришла. Надо бы с ним познакомиться. Кто знает, может быть, другого подходящего случая не подвернется?»

Янь бросился за прохожим, полы его халата разметались по ветру. В несколько прыжков он настиг незнакомца...

— Прошу прощения, почтенный! — Янь поклонился.

— А, мастер! У тебя ко мне какое-то дело? — незнакомец спросил так, будто он давно знал Яня.

— Бежал за вами, даже задохся... Прошу вас выпить со мной чарочку-другую! Холод на улице — вон как снежит!

Мастер повел мужчину в питейное заведение, и там он узнал, что его зовут Ши Хунчжао, но у него есть и другое имя, Хуаюань, а также детское прозвание — Глупыш. Оказалось, он служит простым солдатом в гарнизоне Кайдао. Надо вам знать, что об этом человеке потом писалось в избранных биографиях «Истории Пяти Династий»: «Сей муж — уроженец уезда Жунцзе Чжэнчжоуского округа. Он отважен и ловок, способен настигнуть бегущего коня».

Познакомившись, они изрядно выпили, а потом разошлись каждый своей дорогой.

На следующий день Янь отправился к младшей сестре, певичке Янь Юэин.

— Вчера я познакомился с одним человеком. Вот о нем я и пришел с тобою поговорить. Помнишь тот случай, когда я будто бы умер и два дня лежал бездыханный? На самом деле все это время я мастерил драконову свирель на Восточном Пике. Там я ненароком увидел человека, которому духи вставили в чрево медную печень и железное сердце и нарекли его правителем Четырех округов. Они мне сказали тогда, что ты выйдешь за него замуж. Я все старался вспомнить его обличье, но так и не смог. И вот вчера я случайно встретил его на улице, мы с ним даже выпили по чарке-другой.

— Кто же он? — поинтересовалась сестра.

— Солдат из гарнизона Кайдао по фамилии Ши. Парень, как видно, шустрый и на вид ладный.

При упоминании об этом человеке женщину даже передернуло.

— Чтобы я за него вышла замуж? Никогда! Ни за что! — воскликнула женщина, и в ее голосе слышалась неприязнь.

С того времени мастер Янь много раз встречал Ши Хунчжао и всякий раз потчевал его вином. В конце концов солдату стало неудобно, и он тоже пригласил мастера в харчевню. Они изрядно выпили и сытно поели. Мастер собрался было расплатиться, но его новый друг воспротивился.

— Сегодня угощаю я! Ты уже много раз тратился!

После застолья Янь откланялся и удалился, а Ши Хунчжао подозвал к себе трактирного слугу.

— Понимаешь, любезный! Я не захватил с собой денег, — сказал Хунчжао. — Пошли со мной в гарнизон, там я и расплачусь!

Слуга последовал за ним. У ворот Ши Хунчжао неожиданно остановился.

— Вспомнил! — вскричал он. — Ведь сейчас я сижу на мели, у меня нет ни гроша! Возвращайся в свое заведение, а завтра я расплачусь с хозяином!

— Он станет ругаться, что я не взял с тебя денег! — Слуга находился в замешательстве.

— Ничего с тобой не случится!.. И вот что. Если у тебя есть голова на плечах, отправляйся прочь, да поживей, не то получишь взбучку!

Слуге ничего не оставалось, как уйти подобра-поздорову, а Хунчжао направился в лавку Вана, что торговал возле ворот гарнизона сладкими рисовыми лепешками.

— Эй, дядя! — крикнул он. — Нынче ночью раскрывай все двери — я утащу у тебя кухонный котел! Мне нечем расплатиться, я задолжал в харчевне.

Ван принял эти слова за шутку и рассказал жене.

— Ну и насмешил меня нынче Глупыш. Решил ночью выкрасть у нас котел... и даже заранее предупредил, чтобы я, мол, отпер двери!

Жена лавочника весело засмеялась.

Но вот наступила вторая стража, и прошло еще какое-то время. У дома лавочника появился Ши Хунчжао. Парень крепкий, он со всей недюжинной силой надавил дверь. Засов не выдержал и разлетелся на части. Солдат переступил порог.

— Пойди посмотри, что там творится! — сказала жена лавочнику, услышав шум у дверей.

В это время Ши Хунчжао уже возился у печки возле котла.

«Вот незадача! — ворчал он.— Если я расколю этот проклятый котел, я не смогу расплатиться с долгом!»

Он стукнул по котлу палкой, с трудом наклонил его, а потом поднял над головой. Оставшаяся в котле вода потекла по лицу, по одежде, однако котла Ши Хунчжао все же не бросил.

— Держи вора! — вдруг раздался крик Вана, который заметил человека с котлом на голове. Набросив на себя одежду, он бросился за грабителем. Шум услышали соседи и тоже побежали следом. Беглецу надо было подумать о спасении, но ему сильно мешал котел, и он его бросил. Ши Хунчжао юркнул в первый попавшийся проулок, но там оказался тупик. Преследователи уже вбежали в проулок. Он устремился к стене, которая, на его счастье, оказалась не слишком высокой, и попытался вскарабкаться наверх. Это ему удалось, и он соскользнул вниз по ту сторону. Преследователи завопили:

— Девица Янь! К тебе забрался жулик, он сейчас у задней калитки!

Услышав истошные крики, певичка Янь (а это была она) велела служанке зажечь свечу, и они вышли посмотреть, что происходит. Никакого вора нигде не оказалось, но зато возле дома на земле женщины увидели диковинного зверя с белоснежной шерстью.

Будто белейшего шелка
перед нею возникла гора,
Или рассыпана гряда
сверкающего серебра.

Шерсть густая мерцает,
как отблеск ночного костра
Или осеннее поле
под инеем белым с утра.

Облик зверя ужасен,
необычайно свиреп,
Хвост длины небывалой
молотит по снегу, как цеп.

Взгляд его — точно молния,
зловеще сияние глаз.
Огромная пасть — словно море
иль окровавленный таз.

Певичка застыла от ужаса. Но страх постепенно прошел, когда она с изумлением обнаружила, что зверь вдруг превратился в человека, сидевшего на корточках подле уборной. Увидев певичку, Ши Хунчжао сначала растерялся, но, поборов смущение, привстал и поздоровался. Певичка, конечно, сразу вспомнила слова брата о необычайной судьбе этого человека и о том, что ей суждено с ним обручиться. Поэтому она не стала никого звать на помощь, а, наоборот, пригласила мужчину в дом.

Соседи ждали в проулке, но в доме певички царил тишина. Решив, что жулику удалось скрыться, они разошлись по домам. Певичка открыла парадную дверь и выпустила гостя на улицу.

Прошла ночь. На следующий день после завтрака певичка послала слугу за братом.

— Братец! — сказала она, когда он пришел. — Ты намедни мне говорил, что у этого солдата счастливая судьба: будто станет правителем Четырех округов, а я выйду за него замуж. В тот раз я тебе не поверила, но тут случилось одно событие. Нынешней ночью я услышала крики соседей: у задней двери будто ко мне через стену забрался вор. Зажгли мы со служанкой свечи, пошли во двор. Посветили вокруг и видим: какой-то белый зверь прижался к самой земле. Пригляделась я повнимательней, а это вовсе не зверь, а солдат Ши Хунчжао сидит на корточках. Вот тогда я тоже подумала, что у человека с таким диковиным видом обязательно будет необычная судьба... В общем, я решила выйти за него замуж. А тебя позвала, чтобы ты мне устроил свадьбу, как положено, замолвил бы ему за меня словечко.

— Проще простого! Я поговорю с ним сегодня же!

Мастер Янь очень обрадовался, что сестра хочет выйти замуж за человека, отмеченного необычной судьбой. Не долго думая, он отправился в гарнизон на поиски приятеля.

Вчерашняя неудача с кражей котла лишила Ши Хунчжао выпивки, и он, удрученный и злой, сидел дома. Мастеру Яню без труда удалось вызвать его для разговора.

— О свадьбе пришел с тобой потолковать! — сказал Янь.

— О какой еще свадьбе, с кем? — удивился Ши.

— С моей сестрой-певичкой. У нее есть кое-какие сбережения, имущество... Согласен?

— Я не против, но только у меня есть три условия. Без них жениться не стану.

— Что за условия, выкладывай!

— Ее имуществом буду управлять я — это первое. Как только я приду к ней в дом, она сразу же перестанет принимать гостей. Это — второе. И наконец, есть у меня побратим, парень, прямо сказать, что надо, исколесил всю страну!.. Так вот, когда он приедет ко мне, я устрою по случаю его приезда пирушку и оставлю на ночь. И жена не должна будет мне возражать. Если она согласна на эти условия, я согласен жениться.

— Само собой, когда вы поженитесь, все дела будешь решать ты! — сказал мастер.

Янь пошел сообщить сестре о переговорах. Как известно, если с обеих сторон есть согласие, можно пренебречь свадебными подарками. Так было и сейчас.

В один прекрасный день жених, облаченный в нарядную одежду, пришел в дом девицы.

Прошло около двух месяцев. Однажды начальник Хунчжао приказал ехать ему с приказом в Сяоидянь. Хунчжао прожил в новом месте около месяца, и среди стражников при тамошнем начальнике караула скоро начался ропот. Многим пришлись не по душе грубость и бесцеремонность гостя. Ши Хунчжао решил потратиться и устроить пирушку, чтобы немного успокоить ворчунов, но недовольство все же осталось.

— Да, непутевый наш гость! — то и дело говорил в сердцах караульный начальник. — Свалился на нашу голову. Одна морока от него.

Сказал он эти слова и в тот день, о котором пойдет сейчас речь. Вдруг видит человека, который подходит к нему с запада.

— Любезный, живет ли здесь некий Ши Хунчжао?

— Дрыхнет! — караульный начальник показал рукой: — Вон там!

Надо вам сказать, что в связи с появлением гостя по гарнизону вскоре разнесся слух, что у солдата Ши Хун-

чжао очень счастливая судьба. Вы, конечно, захотите узнать, как звали незнакомца? Извольте, но сначала послушайте стихотворение:

Кажется, ноги сами собой
его по земле несут.
Вот и встречаются люди с ним
постоянно — то там, то тут.

Незнакомца авали Го Взем или Го Чжунванем. А родом он был из Яошаньского уезда округа Синчжоу. Наружность его лучше всего описать стихами:

Левую ногу поднимет —
в мелководье вьется дракон.
Правую ногу поднимет —
словно феникс кружащийся он.
Ярким пурпурным светом
незнакомец всегда озарен.

Тело его окутал
густой лиловый туман,
Брови — точно у Яо,
Словно у Юя — стан,
Глазами похож на Шуня,
Плечами — вылитый Тан.

А когда Сын Неба воздаст по заслугам
отваге его и уму,
Безропотно все вельможи чжухоу
дорогу уступят ему.

Надо сказать, что у Го Вэя только что случились неприятности в Восточной столице. Дело было так.

Как-то у некоей Пань Восьмой он вырвал из волос шпильку, однако девица, пораженная его необычайной наружностью, не стала на него жаловаться. Она приютила его у себя и даже объявила своим братом. Все так бы и обошлось, но только Го Вэй в увеселительном заведении как-то насмерть прибил одного актера. Понятно, что в ту же ночь ему из города пришлось бежать. И тогда он отправился в Чжэнчжоу, надеясь найти прибежище у названного брата Ши Хунчжао. Однако в казармах Кайдао ему сообщили, что побратима следует искать в Сяоидяне. Так он очутился здесь.

А Ши Хунчжао все продолжал спать.

— Эй, солдат, тебя спрашивают! — стал тормошить его караульный начальник. — Тебя ждет какой-то человек!

— Кто еще меня ищет? — недовольно проговорил Хунчжао и поднялся с топчана.

— Хунчжао! — крикнул Го, появившийся следом за караульным. — Давно не виделись! Рад, что ты в полном здравии!

Хунчжао поклонился. После взаимных приветствий они стали расспрашивать друг друга о житье-бытье в последнее время.

Хунчжао предложил, когда наступило позднее время:

— Брат, ты никуда сегодня не уйдешь, переночуешь у меня. А если тебе нужны деньги на расходы, я одолжу!

Караульный начальник, не решаясь расспрашивать о госте, позволил ему остаться в казарме. Так Го поселился в Сяоидяне и прожил несколько дней. Вместе со своим названным братом они целыми днями играли в кости или занимались разными непотребными делами, вроде кражи кур и собак, а также постоянно затевали драки да ссоры. Словом, за это короткое время они так всем досадили, что окрестному люду жить стало от них невмоготу. Все их клыли и ругали последними словами.

Здесь наш рассказ разделяется на две части, и мы поведаем вам о других событиях. Как раз в это время скончался государь Минцзун. Когда душа его отлетела на небо, престол занял Миньди. Новый монарх издал указ, по которому бывшим наложницам двора было разрешено выходить замуж. Среди этих красавиц оказалась и некая госпожа Чай — женщина, стоит заметить, весьма сообразительная и понимающая, куда дует ветер. Не долго думая, она собрала свои ценности и быстренько отправилась в Чжэнчжоу, где, как ей казалось, ее ожидала удача. Добравшись до Сяоидяня, она остановилась у одной старухи по фамилии Ван с намерением подыскать подходящего человека, который составил бы ей выгодную партию. Несколько дней кряду она приглядывалась к прохожим мужчинам, но никто не пришелся ей по вкусу.

— Скучно у вас на улице и пустынно! — сказала она старухе с неудовольствием.

— Если вы ищете развлечений, госпожа, то найти их проще простого! — ответила хозяйка. — Объявите, что вы

открываете торговое дело, и сюда валом повалит разный люд. Вот вам и будет оживление на улице!

— И то верно! — согласилась молодая женщина и попросила старуху повсюду объявить, что она собралась открыть торговое дело.

Скоро о новости услышали Го и его побратим Ши Хунчжао.

— Быть может, у нее удастся немного подзаработать на выпивку, — сказал Го приятелю. — Вот только что мы ей станем продавать?

— Как что? Собачину! — ответил Ши. — Надо у кого-нибудь выпросить блюдо с подставкой и, конечно, косарь. Стащим где-нибудь собачку, заколем и сварим. Вот с этим кушаньем к ней и пойдем. На рынке с ним не появишься — мигом схватят!

— Кажется, у соседей уже не осталось собак — мы их всех переловили!

— Есть один пес — у старосты Вана, что живет на восточном конце селения. Надо его изловить!

Побратимы направились к дому старосты. Один стал приманивать пса, а второй стоял в это время с дубинкой, ожидая момента, чтобы пристукнуть несчастную собачонку. Староста Ван вовремя заметил неожиданных гостей и вышел из дома.

— Пожалейте песика, милейшие, возьмите лучше деньги на выпивку. — И он протянул триста монет.

— Не годится, любезный! — ответил Хунчжао — Такой крупный зверь, а ты даешь всего триста монет. Так и разориться недолго!

— Ну да ладно, принимаем деньги и делаем это только из уважения к твоему почтенному возрасту, — сказал Го.

В тот же вечер им удалось стащить другого пса, которого они быстро разделали и сварили.

На следующий день перед домом, где жила красотка Чай, появились два торговца: Хунчжао с блюдом на голове и Го Вэй с подставкой на спине.

— Мясо продаем! Мясо! — заорали они, водрузив блюдо на подставку.

Красотка Чай выглянула из-за бамбукового занавеса. Ее внимание привлек Го Вэй.

«Искала-разыскивала своего суженого, а он, оказывается, здесь!» — проговорила она и послала слугу купить

немного мяса на пробу. Старший Го в один миг нарезал мясо и наполнил миску.

— Госпожа, это же собачина! — проговорила старуха Ван, стоявшая поодаль. — Неужели станете есть?

— Понятно, не стану, — сказала красотка. — Это я так, для вида! — И она приказала отвесить Го Вэю лян се-ребра.

Побратимы с благодарностью взяли деньги и пошли прочь.

Через какое-то время красавица Чай обратилась к старухе с просьбой.

— Мамаша! Помоги мне в одном деле!

— В каком же?

— Узнай, как зовут тех молодцов, что торговали собачиной. Где они живут, чем промышляют?

— Беспутные парни! Колоброды! — воскликнула старуха Ван. — Того, кто резал мясо, зовут Го Вэй, а с блюдом стоял Ши Хунчжао. А живут они сейчас в Сяоидяне, в казармах... Зачем они вам?

— Приглянулся мне этот Го, я не прочь выйти за него замуж! Милейшая, будь свахой, устрой нашу свадьбу!

— Вы же знатная дама. Вам никак нельзя за него! Не чета он вам!

— Не твоего ума дело, мамаша! Делай, что тебе приказали... Он отмечен знаком великой судьбы.

Старуха Ван не стала перечить и отправилась в Сяоидянь, однако Го Вэй там не застала.

— Бражничают в харчевне напротив, — сказал карательный начальник.

Старуха подошла к дверям питейного заведения и откинула синюю полотняную занавеску. Оба названных брата сидели за столом.

— Эй, Го Вэй! — крикнула старуха. — Ты здесь гуляешь, вино попиваешь, а тем временем тебе с неба счастье свалилось!

— Ах ты старая попрошайка! Видно, проведала, что у меня завелись деньжата! Но только денег от меня не дождешься. А вот чаркой вина я, пожалуй, тебя угощу!

— Нужно мне твое вино!

— Коли не хочешь вина — не надо, а денег все равно не жди, ни одного вэня не дам. Уразумела? На, выпей и убирайся с глаз долой!

— Что-то ты нос задрала, старая! — вскричал Хун-чжао. — У нас нрав крутой, ты что, не знаешь? Тебе по-хорошему предлагают: бери чарку, не отказывайся... Видно, ты тогда пронюхала, что мы промышляем собачиной и решила отбить у нас заработок, но только твоя постоялка все равно купила наш товар! Ну получила, мошенница? Бесстыжие твои глаза, посмела еще прийти вымогать деньги!.. Или не знаешь нашего брата? Смотри у меня! Вместо чарки вина, попомни мои слова, достанется тебе хорошая взбучка!

— Я уже сказала вам, что деньги мне не нужны, а пришла я сватать. Моей госпоже пришелся по душе Го Вэй, и она не прочь за него замуж. Вот за этим я и пришла.

Слова старухи рассердили Го Вэя, и он, размахнувшись, отвесил ей оплеуху.

— Беда! Убивают! — завопила старуха, упав на землю. — За что вы меня? Я с добрым словом пришла, а вы меня бить.

— Видно, тебя кто-то нарочно к нам подослал, чтобы поиздеваться! — сказал Го. — Ну да ладно, на сей раз я тебя прощаю. Убирайся!.. Почтенная дама — и чтобы согласилась выйти за меня замуж! Надо же такое придумать!

Поднявшись на ноги, старуха Ван поспешила покинуть харчевню и заковыляла домой.

— Ну как, мамаша, удалось с ним договориться? — спросила красавица Чай.

— Ну и дела, скажу я тебе, любезная!.. Пришла говорить о свадьбе, а он меня избил. Сказал, что будто пришла над ним насмешничать!

— Я во всем виновата! Но делать нечего, придется тебе постараться еще раз. Вот тебе за труды золотая шпилька, а когда все устроится, получишь еще щедрый подарок!

— Боюсь я, голубушка! Ведь им ничего не стоит и прикончить человека. Разве остановишь таких злодеев?

— Все оттого, что ты пошла с пустыми руками. От этого все получилось! — воскликнула Чай. — Они решили, что ты его разыгрываешь. Сейчас я дам тебе одну вещичку в подтверждение верности моих слов. На этот раз он отказываться не станет.

— Какую такую вещичку? — спросила старуха с интересом.

Госпожа Чай что-то показала старухе, и та чуть было не умерла со страху. Вот что увидела старая Ван:

Вы, верно, слышали о том, как Чжан Фу
за Чэнь Пина внучку отдал?
В глухом переулке был дом жениха —
на редкость невзрачен и мал.

Не дверь, а простая циновка
закрывала убогий вход,
Но колея от повозок вельмож
виднелась всегда у ворот.
Вельможи были странные с виду,
но весьма ученый народ.

Еще помянем Люй-гуна из Данифу —
он умело зятем выбирал:
Старшую дочь за Паньхоу просватал,
меньшую — Лю Цзи отдал.
В небе плыли чредой облака,
краткий срок миновал —
Сделался Пань важным вельможей,
Лю Цзи императором стал.

Долгие годы с тех пор по свету
о Люй-гунс слава идет.
Озарен немеркнущим светом
его величавый род.

А посмотрите сейчас за кого
отдают своих дочерей?
За женихов из богатых домов
спешат просватать скорей.

Оказывается, красавица Чай показала старухе драгоценный пояс, украшенный золотом, который стоил не меньше двадцати пяти лянов. Его-то она и велела отнести Го Вэю в знак верности своему слову. Старухе, как мы знаем, сильно досталось от Го, но она все-таки согласилась выполнить поручение. И едва сдерживала свое нетерпение. Недаром говорят: корысть на все толкает. Словом, взяв драгоценный подарок, она снова отправилась в питейное заведение. «В первый раз я шла с пустыми руками, поэтому мне и досталось, — думала она. — Сейчас я несу драгоценный пояс, неужели они снова меня поколотят?». Охваченная тревожными мыслями, старая Ван подошла

к двери харчевни и откинула занавеску. Побратимы все еще бражничали. Старуха приблизилась к Го:

— Почтенный Го Вэй, моя госпожа велела передать тебе этот подарок, — сказала она и показала пояс. — Вот эту драгоценность, цена которой двадцать пять лянов... Чтобы ты ни в чем не сомневался. Но только она требует ответного знака.

«Вот тебе на! А у меня на беду нет ни единого вэня! — подумал Го.— Пояс пока я возьму, а потом что-нибудь придумаю!»

Он предложил старухе присесть и велел слуге принести вина. Они выпили по чарке, а за ней еще и еще.

— Что же мне ей подарить? — проговорил Го и покопился на старуху.

— Пошарь у себя, может, что и найдешь! — посоветовала Ван. — Отнесу, и дело с концом!

Го Вэй стянул с головы залоснившийся и пропахший потом платок. Оторвав от него полоску, он протянул старухе.

— Экий прижимистый! — рассмеялась старая женщина.

Подарок Го Вэя вызвал у бывшей наложницы взрыв веселого смеха, но она его приняла, и, таким образом, помолвка состоялась. Осталось лишь выбрать счастливый день свадьбы. Старая Ван обещала устроить все как надо. Само собой, на торжество пригласили Ши Хунчжао и Янь, за которой специально послали человека в Чжэнчжоу. После свадьбы госпожа Чай, как говорят в таких случаях, «свернула полог» — перебралась к своему мужу. Прошло какое-то время. Однажды молодая сказала:

— Мой супруг! Вряд ли ты прославишься, если останешься простым караульным солдатом! Я напишу письмо, с которым ты поедешь в Западную столицу к дяде моей матери — господину Фу, начальнику области. Я попрошу его помочь устроить тебе карьеру. Что ты на это скажешь?

— Горячо благодарю тебя! — обрадовался Го Вэй.

Госпожа Чай, как она и сказала, написала письмо, и вот в один прекрасный день Го Вэй, сложив пожитки, отправился в путь.

Когда он идет, его озаряет
немеркнувший красный свет,
Замедлит шаг, и лиловый туман
струится ему вослед.

С единственным спутником — посохом —
выходит в путь на заре,
Одинокий фонарь его ночью встречает
на постоялом дворе.

Его судьбу от рождения
отметил счастливый знак:
Он станет подобен барсу —
отважный воин, смельчак.
А покуда по пыльной дороге
стремит одинокий шаг.

Как говорят в подобных случаях: с рассветом он отправлялся в путь, а в сумерки останавливался на ночлег; когда был голоден, закусывал, когда хотел пить — утолял жажду. Через несколько дней он добрался до Западной столицы и нашел пристанище на постоялом дворе. Го Вэй думал, как только он приедет, вельможа Фу сразу устроит ему блестящую карьеру, и никак не предполагал, что на него обрушится беда, а жизнь его будет висеть на волоске. Здесь уместно сказать:

Крылья расправив, взмыть в поднебесье,
увы, не пришлось ему —
Много дней томился в темнице,
был погружен во тьму.

Но расскажем все по порядку. В Западной столице Го Вэй увидел много любопытного.

Область Хэнань, округ Юйцзюнь —
нету прекраснее мест,
Много десятков тысяч людей
мирно живут окрест.

Мост, перекинутый через ров,
к городским воротам ведет,
На многочисленных улицах
знатный толпится народ,
Понял Го Вэй — город цветет,

Повозки скрипят по дорогам,
песни повсюду звучат.

Откуда летит чудесный мотив,
сразу поймешь навряд.
Знати дома прекрасны —
облик их пышен, богат,
Днем и ночью над городом
тончайший глывет аромат.

На востоке — Гунсянь лежит,
На западе — пруд Миньчи
дымкой вечернею скрыт,
На юге — уезд Локоу
тучной землей знаменит,
Дальше на север — река Хуанхэ
потоком бешеным мчит.

Как серп молодого месяца,
городской изогнулся ров,
Могучие стены вздымаются,
доставая до облаков.
Знаки Дракона и Тигра
украшают дворцы князей,
Пышны палаты красные —
жилища богатых семей:
Полководцы, министры, чиновники —
один другого знатней.

Некогда в давние времена
это был государев град,
Но и сейчас, куда ни взгляни,
красоты радуют взгляд.

Таковы стихи. Да, поистине:

Весной — словно красная земля
простерлась перед тобою.
Летом — словно шелковый полог
голубест над головою.

Прошла ночь. Утром Го Вэй решил снести письмо вельможе, но вдруг подумал: «Настоящий человек должен добывать свою славу сам! Как-то не слишком удобно, когда тебе помогает устраивать карьеру женщина!» И он, спрятав рекомендательное письмо, пришел в ямынь с пустыми руками. Возле листа для записи посетителей он стал ждать, когда его примет начальник караула Ли Баюй. Но вот его, наконец, вызвали.

— С чем пожаловал? — спросил Ли.
— Кое-что есть... — ответил Го.

— Что принес?

— Восемнадцать способов боевого искусства!

Начальник имел в виду взятку за то, чтобы допустить посетителя к вельможе.

— Когда его сиятельство выйдет из зала, я представлю тебя. — В голосе чиновника слышалось недовольство.

Однако Ли Баюй не сдержал обещания, и Го Вэй не был представлен сановнику.

Прошло больше двух месяцев, в течение которых Го Вэй каждый день приходил к ямыню, надеясь встретиться с вельможей, но так и не дождался приема. Слуги на постоялом дворе ему посоветовали:

— Любезный, ты зря теряешь время. Этому Ли надо просто дать взятку. Без нее начальник тебе не поможет!

— Ах вот чего он ждет, разбойник! — вскричал Го Вэй.

Как говорится в этих случаях: в сердце его поднялся гнев, печень наполнилась злостью. В этот день он не пошел в ямынь. Кипя от возмущения, он строил разные планы, что ему предпринять. Вдруг у ворот постоялого двора остановился торговец рыбой, который разыгрывал товар в кости. Го подозвал торговца к себе и с первого же броска костей выиграл всю рыбу.

— Вот так повезло! — проговорил незадачливый торговец. — Вчера еле-еле наскреб несколько вэней, чтобы купить эту рыбу, думал выиграть пару медяков для матери, и вот на тебе — все начисто проиграл! С какими глазами я вернусь к ней без гроша в кармане? Чем буду ее кормить? Почтенный, — взмолился он. — Возврати мне рыбу. Я отыграюсь и верну весь свой долг!

Забота парня о матери тронула сердце Го, и он вернул рыбу.

— Если узнаешь, что где-то играют еще, скажи мне!

Обрадованный торговец ушел. Возле ворот какой-то харчевни его остановил окрик:

— Эй, торговец!

Видно, уж так было predetermined судьбой, что из-за этого человека Го Вэй вступит в кулачную схватку, а двор харчевни превратится в арену жестокой битвы. Кто же был тот человек, кто окликнул торговца? О нем можно сказать такими словами:

Злодейства страшные совершал,
обманывал Небо не раз,
Но, наконец, неизбежно настал
великой расплаты час.

Оказалось, что это был тот самый Ли Баюй, что служил в хэнаньской управе. В это время он выпивал в харчевне и, заметив торговца, решил с ним сразиться в кости. Быстро проиграв несколько вэней, Ли не только отказался расплачиваться, но даже отобрал у бедняги всю рыбу. Несчастный, боясь ссориться со служивым, ушел прочь и, найдя Го Вэя, рассказал ему, что с ним стряслось.

— Я выиграл у него несколько вэней и хотел с тобой расплатиться, а он отнял у меня всю рыбу.

— Кто он, говори, не трусь!.. Как он смел отнимать товар, да еще мой!.. Если проиграл, так расплачивайся! — разъярился Го. — Он мне за это ответит!

Если бы Го Вэй остался на месте, возможно, все бы на этом и кончилось, но наш герой направился в харчевню поговорить по душам с обидчиком. И что же он увидел? Как говорится:

Смертельного врага узрел
И в тот же миг рассвирепел.

Словом, при виде Ли Баюя ярость его удесятирилась.

— Как ты смел взять мою рыбу? — крикнул Го с порога.

— Откуда я знал, что рыба — твоя? Я спросил, он ответил, что рыба разыгрывается!

— А ну, отвечай! — Го хватил кулаком по столу. — Почему не пускаешь меня к начальству? Почему заставил торчать два с лишним месяца? Взятки ждешь? Говори!

— Приходи завтра в ямынь, я все улажу! — пошел на попятную Ли Баюй.

— Ах ты, прохвост! Голову тебе мало отрубить за то, что ты попираешь справедливость! — кричал Го. — Но я с тобой рассчитаюсь, я не посмотрю, кто ты есть!

Го скинул куртку. В харчевне раздались возгласы изумления. Оказывается, в юные годы Го повстречал даосского праведника — человека, надо вам знать, поистине необыкновенного, и даос сделал Го Вэю татуировку. На

одной стороне шеи он выколол воробьев, а на другой изобразил несколько стебельков риса.

— Когда воробьи начнут клевать рис, к тебе придет слава и богатство, — промолвил даос.

С тех пор Го Вэй получил прозвище Воробей. И вот что удивительно: тот день в самом деле наступил — воробьи действительно принялись клевать зернышки риса. Впрочем, об этом можно рассказать и позднее, а пока, как мы знаем, у всех присутствующих вырвался вздох восхищения. Что сказать об этом узоре?

Вблизи — десять видов парчи Сычуани
с восторгом увидишь ты.
Издали взглянешь — изгибы Лошуй
сплошь покрывают цветы.

— Драться со мною решил? — удивился Ли. — Ну, пеняй на себя!

— Будет болтать! Выходи биться!

Ли Баюй скинул одежду, и взорам окружающих предстало его обнаженное тело, будто веревками обвитое мускулами. Среди присутствующих раздался крик изумления. Правильно говорят:

Словно плавя железо,
в тигле беснуется пламень,
Словно в плиту могилы
вкраплен диковинный камень.

Бойцы заняли исходное положение, и бой начался. Противников со всех сторон обступили любопытные зрители. Удар кулаком сменялся ударом локтя, бойцы сближались и кружились на месте. И вдруг последовал решающий удар. Все ахнули — один из бойцов оказался на земле в луже крови. Кто же тот неудачник, кто проиграл схватку?

Хуля великое Небо,
явился жестокий злодей.
Гневом сердца пылали
стоявших рядом людей.

Но если искусство защиты
до тонкостей ты постиг,
Тебя злодей испугается
иль будет повержен вмиг.

Как оказалось, Го Вэй, изловчившись, нанес противнику столь сильный удар, что Ли, обливаясь кровью, рухнул на землю. И тут на улице послышались крики, возвещавшие о появлении правителя области Фу. Вельможа верхом на коне подъехал к месту боя и стал свидетелем последней части поединка. Вид Го поразил его. Над головой бойца будто поднималось алое сияние, а все тело вокруг словно окутал сизый туман. Всем было ясно, что в этой схватке караульному Ли ни за что не одолеть противника.

Вельможа приказал слуге:

— Приведи их обоих ко мне, только спокойно — не вспугни! — И направился в свое помещение.

Слуга подбежал к бойцам.

— Прекратите драку! Его сиятельство, господин правитель, повелел вам явиться в его поместье!

Противники, подчинившись приказу, последовали в дом вельможи. Сановник взглянул на Го Вэй:

Брови — точно у Яо,
Словно у Юя — стан,
Глазами похож на Шуня,
Плечами — вылитый Тан.

— Кто ты такой? — спросил Фу. — И почему ты избил моего служащего?

— Ваша светлость! Меня зовут Го Вэй, родом я из уезда Яошань Синчжоуского округа. Я приехал к вам по делу, однако этот Ли помешал мне увидеть ваш сиятельный лик, поскольку ждал от меня взятку. Из-за него мне пришлось зря просидеть здесь больше двух месяцев. Сегодня мы неожиданно встретились, и наша встреча кончилась потасовкой. Простите ничтожного, ваша светлость, за недостойное поведение в вашем присутствии. Я жду наказания!

— Какое же дело привело тебя ко мне и заставило ехать издалека?

— Просто я хотел показать вам восемнадцать приемов боя, коими я владею в совершенстве.

Услышав ответ, вельможа приказал противникам сразиться. Ли Баюй, которому сильно досталось от Го Вэй, взмолился:

— Ваша светлость! Не хочу с ним сражаться, он бьется не по правилам!.. Взгляните, на мне живого места нет!

Однако вельможа был тверд в своем решении.

— Не по правилам, говоришь? — вскричал Го. — Давай еще раз померимся силой!

Поклонившись сановнику, враги стали в позицию. Битва началась.

Шаньдунский удар мечом,
Хэбэйский выпад копьем,
Снова шаньдунский удар
нанесен со всего размаха,
Гул такой, будто фыркает
огромная черепаха.
Снова выпад копьем,
Кажется, это гора Куньлунь
нутро изрыгает от страха.
Быстрый тройной поворот,
Шаг за шагом вперед,
Вихрь закрутил-засвистал,
С криком ворон упал,
Мощных ударов шквал.
Бойцы за дубинки взялись —
Кажется, ленты белого шелка
стремительно взмыли ввысь.
Раздался немыслимый гром —
Будто ужасная буря
все сокрушает кругом.

Сражение продолжалось. Выпад сменяли удары сверху и снизу, прыжки вперед и отступления назад. И так не-счетное число раз. Вельможа, наблюдавший за схваткой с возвышения, подбадривал бойцов возгласами. Сейчас уместно вспомнить такие слова:

Когда заболел полководец Ян Гу,
он Ду Юю дела передал.
Когда в темнице томился Гуань,
Бао Шуя ему помогал

Живут ли ныне такие герои
среди Четырех Морей?
Великого мужа разве найдешь
в толпе обычных людей?

Сражение продолжалось, но было уже ясно, что Ли Баюй не только не справится с противником, но будет им

бит. Между тем поединок привел вельможу Фу в веселое расположение духа. Он подозвал Го Вэя и сказал, что назначает его начальником караула, а Ли Баюй у него в подчинении. Го Вэй поблагодарил вельможу низким поклоном. Так он остался на службе в управе Хэнаньской области.

Время летело вперед. Однажды, когда в управе не было никаких дел, Го вышел из ямы и решил сходить на рынок. Возле одной харчевни его внимание привлекли странные действия незнакомого человека. Человек этот сидел перед дверьми харчевни, отдавая какие-то распоряжения. Его челядинцы ломали харчевню.

— Почему он шумит? — спросил Го у слуги заведения.

— Это же барич Шан — известная в наших местах личность! С полмесяца назад он заметил хозяйскую дочь, которой только что исполнилось восемнадцать лет. Барич прислал к нашему хозяину своего человека.

— Почтенная госпожа Шан, — сказал он, — просит девушку прийти к ней по одному делу... И еще она сказала, что, если в вашем доме тяжело с деньгами, она готова помочь.

Мой хозяин, понятно, вспылал.

— Продавать свою дочь? Никогда! Лучше умру!

Получив отказ, барич явился сюда сам и вот учинил погром. Го Вэй закипел от возмущения.

Гнев небывалый
в сердце Го Вэя возник,
Лютая злоба
в печени вспыхнула вмиг.
От ярости округлились
фениксовы глаза,
Драконовы брови встали торчком,
на челе собралась гроза.
Никто не в силах умирить
его воинственный пыл,
От пяток до самой макушки
его праведный гнев пронзил.
С нечеловеческой яростью
факел в душе запылал —
На тысячу чжанов взметнулся ввысь
страшный огненный шквал.

Го Вэй приблизился к баричу Шану.

— Каждый должен проявлять человеколюбие и справедливость. Как известно, если в темном углу скапливаются черные замыслы, божественное око рано или поздно сверкнет подобно молнии. Почтенный! Не подобает терять свое достоинство из-за женской юбки! Уходите отсюда подобру-поздорову!.. Я советую по-хорошему!

— Ты сшс откуда взялся? — вскричал Шан.

— Меня зовут Го Вэй, а служу я начальником караула у господина Фу, — ответил Го.

— Служи себе на здоровье, но не встревай в чужие дела! Эй, слуги, проучите этого наглеца!

— Я предупредил по-хорошему, а вы хотите меня избить. Сейчас вы меня узнаете! — рассвирепел Го.

Схватив барича за халат, он выхватил из-за пояса короткий нож. Последовал быстрый удар, и жизнь молодого Шаня, увы, прервалась. Да, поистине:

Великий муж родился на свет,
честен, могуч и прям,
И в Поднебесной конец наступил
всяким дурным делам.

Итак, Го Вэй покарал барича Шана за его нечестивые поступки. Люди барича разбежались в разные стороны, а Го Вэй направился в ямынь правителя области.

— Ваша светлость, господин правитель! — сказал Го, когда Фу появился в зале. — Почтительно вам докладываю: я наказал одного злодея, который измывался над простым людом. Прошу меня не карать за проступок!

Правитель учинил Го Вэю допрос, дабы выяснить обстоятельства дела, и, узнав их, немедленно приказал стражам надеть на Го Вэя большую кангу и отправить в уголовный приказ. Об этом страшном месте можно сказать так:

Некогда здесь
тинвэй делами вершил.
Судью он строгим был.

Сокрыто здесь множество страшных тайн,
их не узнаешь вовек.
Рассудок здесь от страха терял
уже не один человек.

У тюремного стража брови густы,
глаза холодны и строгі,
Держит в руках буйволиной главой
украшенные батоги.

У другого стража с чертом лоча
злобою сходен взгляд,
Крепко сжимает могучей рукой
длинный железный канат.

Канги трех видов собраны здесь —
одна другой страшней.
Чем преступник важнее, тем кара ему
приготовлена злей.

Каждый приказ здешней управы
своими делами вершит.
Жизнь или смерть суждены тебе,
мигом судья решит.

Грозно свистя,
вихрь стремительный мчит,
Черных воронов стая
над камерой пыток кричит.

Тени неровные
опустились, землю укрыв.
Уже не виден храм Сяосяна
за густою зеленью ив.

Обернешься — пять полководцев-злосев
возникнут, как страшный дурман,
Откроешь глаза — пред тобою стоит
владыка ада Яньван.

Дело Го Вэя попало в руки следователя Ван Сю. Приказав тюремщикам доставить из темницы связанного преступника, он сразу приступил к допросу. Через какое-то время от правителя Фу явился нарочный, который принес распоряжение, повелевающее следователю немедленно прибыть в боковые комнаты. Ван Сю тотчас последовал к начальнику. Правитель сказал ему пару незначительных фраз, а потом взял кисть и вдруг написал несколько слов.

— Освободить Го Вэя? — удивился Ван. — Но ведь недавно вы дали другое указание... Наконец, есть статья закона...

Правитель смешался и, внезапно поднявшись, направился к двери и вышел из комнаты. Растерянный Ван пробормотал слова прощания. Он ничего не понимал. В задумчивости он вернулся в свой приказ, сел у стола... и уснул. И вдруг он увидел на столе небольшую красную змейку.

— Что за чертовщина? — проговорил Ван и решил было смахнуть ее со стола, но змейка ускользнула от него и быстро-быстро поползла в сторону. Ван замер и заметил, что змейка поползла медленнее... И вдруг Ван видит, что он стоит в восточной части тюрьмы. Змейка шмыгнула в дыру одной из камер. Ван за ней. В камере сидел Го Вэй. Змейка оказалась на канге заключенного и неожиданно юркнула ему в ноздрю. И тут Ван Сю заметил, что над головой узника вроде как разливается алый свет, а все тело окутано лиловым туманом. Ван стал соображать, что с ним происходит... и вдруг проснулся.

Надо сказать, что подобные сны видятся человеку обычно тогда, когда случаются разные неприятности: тревожит его неразрешимое дело, или засела в голове какая-то мысль, или угнетают его разные печальные думы, или, наконец, страдает он от безденежья. И правда, многие тревоги суть порождение бедности, а печали рождаются в заботах и тревогах. Ведь всем известно, от радости и приятностей тревог не бывает.

«Как видно, неспроста правитель велел мне выпустить преступника, — думал Ван Сю. — Недаром говорят: хороший человек всегда разглядит себе подобного». И тут на него вновь нашло сомнение: «Как же можно освободить заключенного?» Но как ни ломал он голову, ничего путного придумать не смог. Потому как не знал он Го Вэя и того, что тому пришлось претерпеть в своей жизни. В раннем детстве Го Вэй потерял отца, а мать вышла замуж за некоего Чана из Лучжоу. и мальчик поехал туда. Потом что-то такое стряслось, из-за чего он вынужден был покинуть Хэбэй. Ему пришлось хлебнуть немало горя, пока он не стал старшим конвойным у правителя Фу. И надо же так случиться, что, ввязавшись в пустое дело, он навлек на себя великие беды...

В эту ночь в городе вспыхнул пожар, который, как ни странно, весьма обрадовал следователя. Он решил использовать удобный случай. В голове его возник план

освобождения Го Вэя. Что же придумал следователь Ван Сю?

Могучий, способный тучу обнять,
протянул всесильную руку
И вызволил вмиг из тюрьмы того,
кто был обречен на муку.

Следователь поспешил к правителю Фу. Сообщив ему о пожаре, он намекнул; что как раз сейчас очень удобно выпустить узника, так как огонь подошел к самой тюрьме, а в городе из-за пожара царит сумятица. Правитель одобрил этот план. Оказывается, он уже заранее написал письмо начальству, в котором на всякий случай обосновал освобождение Го Вэя. Ван Сю поспешил в тюрьму. Освободив заключенного от канги, он дал ему головной платок и велел немедленно повязаться.

— Его сиятельство приказал тебе сейчас же ехать в Бяньцзин к тайвэю Лю. — Ван протянул письмо правителя. — Отправляйся немедля!

Огонь в городе продолжал бушевать. Воспользовавшись паникой, Го Вей поспешил в свое жилище, где остались вещи и деньги. В ту же ночь он незаметно покинул город и направился в Бяньцзин, он же Кайфын.

Через несколько дней он добрался до места и нашел себе пристанище, а на следующее утро пошел с письмом в управление дворцовой стражи. Ждать пришлось довольно долго. Наконец, появился начальник придворной стражи тайвэй Лю, который только что приехал с аудиенции. Его появление можно описать такими словами:

Ярко-синие балдахны
плывут, словно тучи.
Украшает сверкающий жемчуг
морды коней могучих.

Так ехал Лю Чжиюань — государев полководец, командующий Золотой гвардией. Го Вэй приблизился к вельможе и, отвесив низкий поклон, сказал:

— Ваша светлость, вам письмо от правителя Фу из Западной столицы.

Лю Чжиюань приказал подчиненным взять письмо и последовал в ямынь. Познакомившись с содержанием

послания, Лю велел делопроизводителю вызвать Го Вэя. Величественная осанка Го свидетельствовала о его необычной судьбе, и военачальник решил оставить его при себе, назначив младшим командиром.

Прошло несколько дней. Как-то полководец Лю возвращался в ямынь после военных учений. Его путь лежал мимо поместья министра двора Сан Вэйханя. В это время министр с женой следили из окна за проходившими по улице войсками. Полководец Лю находился впереди, а за ним шло более трех сотен солдат. Зрелище было величественное и грозное.

— Посмотрите-ка на него! — сказала жена министра.

— На Лю Чжюаня?

— Вот именно! А вы заметили, какой он стал важный? Можно подумать, что его пост не менее высок, чем ваш!

— Он всего лишь простой вояка! — рассмеялся министр. — Стоит мне сейчас приказать ему явиться, и он сделает это без промедления и будет выслушивать мои указания, стоя возле порога и отбивая поклоны. Нечего о нем говорить!

— Я лишь предостерегаю вас и умоляю не исполнять никаких его просьб... За это я охотно выпью с вами чашу вина, которую вы мне поднесете.

Сан Вэйхань приказал порученцу вызвать полководца к себе, а сам удалился во внутренние покои, наказав слугам поставить перед ширмой его туфли.

— Господин тайвэй! Вас вызывает его сиятельство, министр Сан! — передал приказ чиновник для поручений.

Лю Чжюань повернул к дому вельможи и спешил к воротам. Перед входом в гостевую залу он остановился и занял почтительную позу. По этому поводу уместно заметить:

Такой полководец из тысяч — один,
ни на кого не похожий!

А его заставили ждать у дверей,
кланяться туфлям вельможи.

Полководец продолжал ждать сановника, но тот не появлялся. В это время министр распивал с супругой вино, совершенно забыв о госте, а слуги побоялись ему напомнить. Наступил вечер, и тайвэй, так и не дождав-

шись хозяина, возвратился в свой ямынь. Он весь кипел от возмущения. «Я завоевал себе славу в седле и с луком в руках, а этот прокисший книжник смеет так меня оскорблять!»

На следующее утро в пятую стражу была назначена аудиенция у императора. Во дворце полководец Лю заметил Сан Вэйханя, который, сойдя с коня, пошел в государев павильон. В сердце Лю Чжюаня снова вспыхнула обида на вельможу. «Вчера он жестоко оскорбил меня, заставив кланяться своим туфлям. Интересно, что скажет он сегодня?» Не сдержав своих чувств, Лю в тронном зале нанес оскорбление вельможе, за что государь Цзиньди прогнал его со двора и повелел немедленно ехать в Тайюаньскую область. Ссылка полководца послужила причиной чудесного взлета Ши Хунчжао. Верно говорится в стихах:

Растишь цветы, а они не цветут,
хоть вложено столько труда!
А в случайном застолье без всяких усилий
веселье царит всегда.

Итак, полководца Лю изгнали в тайюаньский гарнизон, где он получил должность командующего. В один из благоприятных дней, распроставшись со двором, отправился он в долгий путь. Впереди ехал сам тайвэй с командирами, служившими под его началом, и с наиболее близкими приближенными. Сзади под присмотром Го Вэя следовали родственники полководца и его багаж.

Об этом путешествии есть стихотворение:

Пурпурные стяги
подняты поутру,
Расшитые флаги
колышутся на ветру.

Проходят воины
за рядом ряд —
У каждого нож и тяжелый меч,
к бою готов отряд.

Военачальники важные
свитой окружены,
У слуг за поясом дщицы,
плетя в руках длинны.

Едва петухи
зарю возвестят,
Тотчас, село покидая,
в путь уходит отряд.

Солнце садится,
вечер настал.
Но войско в горы упорно идет,
еще далеко пересвал.
Заброшенной крепости вал,
Мост давно обветшал,
Каждый воин устал,
На дворе постоялом — привал.

По утрам плывет, играя с рассветом,
туч нефритовый рой,
На закате последний солнечный луч
сливается с поздней зарей.

Им на пути встречались тысячи гор и потоков, но они преодолевали их и шли дальше. Однажды взорам путников предстал нескончаемый лес, о котором лучше всего сказать стихами.

Деревья могучие
тянутся ввысь,
Их корни
тесно переплелись.

Солнцу путь преграждает
зеленой завесой листва,
Словно драконы чудесные,
извиваются деревья.

Волшебные линчжи
меж корней могучих растут.
В кронах древесных
фениксы гнезда выют.

Тонкие ветви
колеблет слегка
Легкое дуновение
прохладного ветерка.

Молодая листва
свежа и хрупка.
Высоко в поднебесье
чередую плывут облака.

Лес распростерся
на многие тысячи ли.
До Девятого Неба
дотянутся деревья смогли.

Лю Чжюань хотел было двинуться дальше, но вдруг из леса выехал отряд всадников, которые преградили путникам дорогу. Встревоженный полководец, решив, что они наткнулись на разбойников, отдал приказ изготовиться к бою. Однако незнакомцы, выстроившись в одну линию, вдруг прокричали приветствие, и от них отделился всадник, очевидно, начальник. Он подъехал к тайвэю и доложил:

— Командир охраны послал для встречи господина тайвэя отряд под моим началом. Мне велено доставить вас в Тайюань. Докладывает командир отряда Ши Хунчжао.

Бравый вояка пришелся по душе полководцу, и он оставил его при себе, назначив младшим командиром.

Через несколько дней Лю Чжюань прибыл в Тайюань, а вскоре туда приехала и его семья. Вот тут побратимы встретились снова, и оказалось, что они оба удостоились высокого чина — левого и правого командира. Когда кидани произвели уничтожающий набег на Цзиньский двор, Лю Чжюань бросил свое войско к Бяньцину. В это время двумя передовыми отрядами командовали побратимы. Им удалось изгнать врагов, и престол государя занял Лю Чжюань. С этого времени началась новая эра правления, которую называли Поздняя Хань.

Слава Ши Хунчжао росла и ширилась. Стал он богат и знатен. Ему пожаловали должность правителя Четырех округов: Дань, Хуа, Сун и Бянь. Трудно перечислить все почести, каких он удостоился. Недаром говорится:

Реют черные стяги,
Голубест навес экипажа,
Весрами красавицы машут,
С плетью его грозная стража.

Зимой засыпает
он под пологом алым,
Кисей бирюзовою
укрывается знойным летом.
Преданных слуг

у него, наверно, не мало,
Вниманьем красавици
душа вельможи согрета.

Повесть, которую мы сейчас вам рассказали, очень известна среди ученых сказителей стольного града. Ее можно встретить и в «Подлинном повествовании об истории Пяти Династий», составленном самим Оуяном, который имел титул гуна Просвещенности и Верности. В ней, к примеру, говорится, что в конце эпохи Лян власти повелели от каждых семи семей выставить по одному солдату. Один из них и был Ши Хунчжао, который сначала служил в гарнизоне Кайдао, а потом в дворцовой гвардии, пока государь Гаоцзу, он же Лю Чжиюань, не пожаловал ему чин командира. Когда Гаоцзу взял Тайюань, Ши Хунчжао получил повышение и стал военным инспектором округа Лэйчжоу. За большие заслуги ему присвоили титул военного советника при армии Боевой Верности, а через какое-то время назначили командующим столичной пехотой императорских охранных войск. Вскоре он дослужился до чина командующего пехотными и кавалерийскими частями столицы, а затем получил чин военного советника армии Возвращенной Добродетели. Он готовил военные доклады и составлял планы под началом главы Военного ведомства, а потом и сам стал его начальником. Когда чжоуский Тайцзу, то бишь Го Вэй, занял престол, его друга и побратима Хунчжао, увы, не было уже в живых. И тогда ему был присвоен титул посмертно — Князь Величественный. Послушайте, что говорится в стихах:

Дружба с героем поможет вам
избегнуть множества бед.
Не заводите бездарных друзей! —
правителям наш совет.
Только герой и талантливый муж
будут полезны в делах.
Глупый и робкий друг причинит
непоправимый вред!

ВОЗВРАЩЕННАЯ ДРАГОЦЕННОСТЬ

Могучий страж был у Яньских врат,
герой врата У охранял.
В древней цитре сокрыт свинец,
по чреве рыбы — кинжал.

Безмерно добр благородный муж,
и смерть за него легка.
Сможешь Тайшань, как пушинку, смести,
хоть страшно она высока.

В годы правления танского государя Дэцзуна жил один суючай по фамилии Линь, а по имени Цзи или Шаньфу, уроженец Наньцзяньского округа. Человек одаренный и широко начитанный, равно в поэзии и прозе, он, как говорится, проник в тайны всех Девяти Канонов и Трех Историй. В годы, о которых сейчас пойдет речь, этот примерный и настойчивый юноша постигал науки в Великом Училище, но из-за болезни своей матушки получил разрешение на время вернуться домой, чтобы ухаживать за больной. Недуг ее, однако, все не проходил, а ему уже пора было возвращаться. Он простился со своей родительницей, а также с родными и соседями и в сопровождении слуги Ван Цзи (тот нес его пожитки) отправился в дальний путь. Окрестные виды, которые он встречал по дороге, достойны того, чтобы их воспеть в стихах:

Бредешь по горам,
по густым лесам —
Песнь дровосска разносится там,
летит с небесных высот.

Переправой речной
проходишь порой —

Слышен рыб разговор немой
в глубинах туманных вод.

Если деревню встретишь в пути,
Спешишь на сельский рынок зайти.

Смутно виднеются вдалеке
ивы и старый вяз.
Густые кроны надежно укрыли
стройные башни от глаз.

В полях среди облетевших цветов
громко птицы поют.
Как не понять, что в этих местах
люди нашли приют.

Куда ни взглянешь — прекрасный вид,
природа радует взор.
Дороге моей не видно конца —
безграничен земной простор.

Как говорится в подобных случаях, путники закусывали, когда их мучил голод, и пили, когда одолевала жажда; ночью они останавливались на постой, а утром снова отправлялись в путь; ну, а коли прерывалась дорога — в лодку садились и плыли. Не знаю, сколько прошло времени, только однажды под вечер они оказались в округе Цайчжоу. Смотрят и видят:

Землю туман укрыл
на многие ли окрест.
Но ярко сияют звезды
со всех Девяти Небес.

В округе не счесть постоялых дворов —
путников ждут они.
В святых семиярусных ступах
светят ночные огни.

Крыльев взмах —
птица впотьмах
Укрыться на ночь спешит
в густых древесных ветвях.

Быстр и легок
пятицветный челнок.
Последние всплески весла —
берег уже недалек.

С ближних пастбищ гонит пастух
крестьянский скот на ночлег,
Окончив лов, спешат по домам
рыбаки трех окрестных рек.

Много купцов
из разных краев.
Крестьяне в дома их зовут ночевать,
пищу сулят и кров.

Чуть только восход —
рожок запоеет,
Новый день возвещая,
в дорогу всех позовет.

Путники заметили постоялый двор, в котором можно было найти приют на ночь. Гостиничный слуга проводил их в просторную комнату, где Ван Цзи сложил скарб — коромысло с узлами. Уставший сюцай потребовал горячей воды для омовения ног, после чего вместе с своим челядинцем совершил вечернюю трапезу и сел отдохнуть, а потом велел Ван Цзи зажечь огонь и готовить постель — ведь поутру надо было снова трогаться в путь. Ван Цзи, застелив хозяину ложе, улегся подле него на полу и сразу же уснул. Сюцай стал раздеваться, собираясь последовать его примеру. Улегся и тотчас почувствовал какое-то неудобство — будто что-то ему мешает. Где же тут заснешь? Лампа, прикрепленная на стене, продолжала мерцать. Юноша, поднявшись с ложа, откинул циновку и под ней обнаружил матерчатую сумку. Развязал и видит внутри парчовый мешочек, а в нем кучка жемчужин, пересчитал их — целая сотня. Сюцай положил их в дорожный сундучок и снова улегся.

Забрезжил рассвет.

Ранний туман опустился
на заброшенные пустыри.
Степь едва розовеет
в первых лучах зари.

Крестьяне с мотыгами
выходят в поля.
Меркнет луны сиянье,
окутана тьмой земля.

Ткачиха уже проснулась —
челнок па станке стучит.
Трепещет небесный полог —
солнце-ворон вот-вот взлетит.

Спит пастушонок,
позабыв, что вставать пора.
Торопятся женщины —
шелкопрядов кормят с утра.

Пес дровосека играет у хижины —
слышен лай за версту.
Сладко дремлет отшельник-монах
в своем отдаленном скиту.

Рассвело. Сюцай встал с постели и умылся. Ван Цзи принялся складывать пожитки, а Линь вышел из комнаты, чтобы найти хозяина.

— Кто передо мной спал в этой комнате? — спросил он.

— Какой-то богатый купец, — ответил хозяин постоянного двора и назвал имя.

— Как? — воскликнул юноша в удивлении. — Да это же мой старый друг! Какая жалость, что мы разминулись! — И, взглянув как-то по-особенному на хозяина, добавил: — Если он снова появится здесь, вели ему ехать в столицу. Скажи, что сюцай Линь Цзи, он же Линь Шаньфу, проживает сейчас при Училище в помещении Гуаньдаочжай — Кабинете Проникновения в Истину. непременно скажи ему, не забудь!

Он заплатил деньги за постой и, простившись, пошел вслед за слугой, который с узлами на коромысле был уже где-то впереди. Всю дорогу сюцай с беспокойством думал о том, что хозяин может забыть о его наставлении, а потому приказал челядинцу на стенах домов, мимо которых они проходили, наклеить такие записки: «Я, Линь Цзи из Цзяньнаня, науку проходящий в столичном Училище, сообща своему другу Юань Чжу (Кругложемчужному), что он может найти меня в Кабинете Проникновения в Истину. Такой-то день и месяц такого-то года».

Через несколько дней сюцай был уже в Училище, где, отметив, как это было положено, свое прибытие после отпуска, сразу же приступил к занятиям.

Надо вам знать, что мешочек с драгоценностями, как оказалось, оставил один богатый купец по фамилии Чжан. Пропажу он обнаружил на торге, куда приехал продавать жемчуг, — и пришел в ужас.

— Горе! Горе! — закричал он дурным голосом. — Сколько труда я положил, чтобы за долгие годы собрать этот жемчуг, и вот на тебе — все потерял! Что скажу я жене, своим детям? Они ни за что не поверят! — Купец стал вспоминать, где его угораздило потерять драгоценности, но так и не припомнил. Тогда он решил пройти старым путем и расспросить на постоянных дворах да в гостиницах. Нашел он и то заведение, где останавливался Линь. Спросил о пропаже гостиничного слугу.

— Ничего об этом я не знаю, — ответил слуга.

Купец обратился с таким же вопросом к хозяину.

— Скажи, кто после меня ночевал в той комнате?

— Ах! Запомню совсем! — воскликнул хозяин. — Как вы ушли, поселился здесь один молодой господин. Проспал ночь, а поутру снова двинулся в путь. Перед уходом он сказал мне, что если кто-то будет о нем спрашивать, то пусть ищут его в столичном Училище — в помещении, которое зовется Гуаньдаочжай. А кличут его будто бы Линь Цзи.

Такой ответ показался купцу странным, но он промолчал, а про себя подумал: «А может, этот человек и подобрал мой жемчуг?»

Он тотчас покинул постоянный двор и поспешил в столицу. По пути заметил несколько объявлений, в которых упоминался Кругложемчужный, и это вселило в сердце торговца надежду. Быстро ли, долго ли, но он добрался наконец до стольного града и, не отдохнув с пути, тут же пошел искать Училище. Напротив ворот стояла чайная.

Письмена на вывеске у двери,
Занавешен бумажным пологом вход.
Знаменитые свитки на стенах внутри —
Те, что У Даоцзы рисовал,
каждый их узнает.
Здесь свежий чай путника ждет.
Только в горах Ванчуаньцзы
этот чай знаменитый растет.

Торговец присел на скамью, собираясь испить ароматного напитка. К нему подошел слуга — разливатель чая.

— Любезный, не знаешь ли ты Линя, ученого мужа? — спросил купец.

— А как его имя?.. С такой фамилией много людей!

— Он живет в помещении Гуаньдаочжай, а зовут его будто бы Линь Цзи.

— Ах, этот?.. Муж отменно хороший!

Эти слова вселяли надежду.

— Мы приятели с ним, но давно не встречались, потому как много лет назад разъехались в разные стороны. Боюсь, сейчас не узнаю его в лицо! Покажи мне, когда появится!

Не успел он это сказать, как слуга шепнул:

— А вот и он — из своего жилища выходит! Сейчас он зайдет к нам в чайную и снимет свое ученое платье. Так бывает всегда!

И действительно, молодой сюцай, едва войдя в чайное заведение, снял шляпу и куртку. Купец, до этого времени не решавшийся к нему приближаться, сейчас подошел и отвесил церемонный поклон. Сюцай удивился такой почтительности незнакомого человека, в глазах которого он заметил слезы. Сюцай предложил ему сесть, и купец, присев рядом, принялся рассказывать о своей пропаже. Его речь прерывалась рыданиями.

— Не тревожьтесь! — успокоил его Линь. — Сума находится у меня, только вы объясните, что в ней спрятано.

— Парчовый мешочек, а в нем сотня крупных жемчужин!

— Все верно!

Сюцай повел хозяина драгоценностей к себе и положил перед ним сумку.

— Нет, все жемчужины я никак не могу взять! Не смею! — проговорил купец. — Вам полагается половина, а оставшейся половины мне хватит, чтобы прокормить семью... Ах, как я признателен вам за вашу доброту! Какая порядочность!

— Что вы такое говорите! — воскликнул юноша. — Если бы я рассчитывал на этот жемчуг, то я не стал бы расклеивать по дороге объявления.

Они спорили и упирались, однако сюцай решительно стоял на своем. После тщетных попыток отдать половину жемчужин купец понял, что это ему не удастся. Глубоко растроганный подобным бескорытием, он простился

с молодым человеком. Он отправился на рынок, продал одну жемчужину, вырученные деньги отнес в храм и велел монахам поставить таблицу в честь ученого Линя и наказал им читать перед ней святые молитвы. Так он отблагодарил сюаца за доброту. Тот же вскоре получил ученую степень. В связи с этим вспоминается стихотворение:

Линь драгоценность вернул, и в этом
всем нам хороший урок.
Алчность в душу его не проникла,
оказался бессилён порок.

Копил добродетель, и воля Небес
с ним была злобно.
Навеки прославиться среди людей
было ему суждено.

В свое время Линь Цзи достиг должности одного из трех гунов, а оба его сына стали известными чиновниками. Уместно вспомнить речение, которое придумали еще в древности: «Копи добро — оно воздается добром. А будешь таить зло — оно обернется злом. Человек, добро приносящий, обретет счастье, тот же, кто творит зло, пожнет непременно беду». А еще есть такие стихи:

Тому, кто белое с черным не спутал,
в жизни, считай, повезло.
Но часто трудно в мелком проступке
увидеть скрытое зло.

Того, кто добро от зла отличает,
путь бессмертия ждет.
Но много еще человеческих душ
в слепом заблужденье живет.

Наша история, которую можно было бы назвать рассказом о «накоплении скрытых достоинств», дошла до сегодняшних дней в пересказе столичных сказителей. Вы спросите, почему я, ничтожный, решил рассказать се сызнова. А потому что в нашем мире живет еще немало людей алчных и корыстолюбивых, у которых при виде чужого добра в груди тотчас же разгорается темное пламя. Что этим злым до тех несчастных, кто потерял свои деньги? Коли попали богатства в лапы такого негодяя, он ни за что не вернет их законному владельцу — хоть трес-

ни! И несколько такие люди не думают о том, что где-то в ином мире скапливаются все содеянные грехи или записываются свершенные заслуги. Вспомним, к примеру, историю некоего Пэя, имевшего титул гуна. За то, что он вернул законному владельцу нефритовые пояса, он не только не умер голодной смертью, но даже стал первым министром. А у советника Доу, которого судьба поначалу обделила наследником, за возврат чужого золота родилось сразу пять сынов, которые получили в свое время ученую степень. Если же говорить о мелких воздаяниях, то им несть числа!

Нынче я как раз собираюсь поведать вам историю об одном человеке, который за добрый поступок смог вырваться из нищенской своей оболочки, превратившись в досточтимого мужа. Словом, почтенные, я расскажу вам эту историю, дабы вы поняли, что мой совет делать добро имеет прочную под собой основу. Вы спросите меня, где и когда случилась сия история. На это я вам отвечу так.

Когда государь Юнлэ нашей династии Мин еще не успел занять престола, а назывался князем Янем, в местах, о которых пойдет сейчас речь, жил один ворожей по имени Юань Гун, или Юань Лючжуан. Однажды в какой-то харчевне Чанъани он увидел военных, распивавших вино. Его внимание привлек один воин из этой группы. Ворожей взглянул на него раз и другой и вдруг, словно объятый смертельным страхом, хлопнулся перед ним на колени.

— Ваша светлость! Судьба предназначала вам стать Сыном Неба!

— Что за чушь! — Мужчина сделал отрицательный жест рукой, однако ж будто невзначай спросил у ворожея, как его зовут.

На следующий день в Яньской управе вывесили приказ, повелевающий гадателю Юаню немедля явиться в местный ямынь. Вошел он в залу, поднял голову и что же увидел? Того самого военного, который наемни в харчевне распивал вино. Оказалось, князь Янь, переодевшись простым воином, решил поразвлечься со своими приближенными и телохранителями. А сегодня он пригласил ворожея к себе, чтобы тот ему погадал. Юань, со вниманием посмотрев на его лик, предсказал ему удачу

в грядущей жизни. Как известно, князю действительно сопутствовало счастье. Усмирив непокорных вассалов, он сумел занять драгоценный престол. И тогда он даровал ворожею столичный титул третьей степени, а его сыну Чжунчэ — должность хранителя Высшей Драгоценности — Государевой печати.

Сейчас обычно вспоминают одного лишь отца, не ведая, что и сын его, Чжунчэ, также занимался предсказаниями, являя при этом истинные чудеса гадательного искусства. Не случайно многие знатные сановники и вельможи старались водить с ним знакомство, надеясь при этом, что ворожей нагадает им счастливую судьбу с помощью своего вещего зеркала. Был среди них вельможа, имевший чин булана — некий Ван. Надо вам знать, что в его семье непременно кто-нибудь болел. Как-то Юань Чжунчэ нанес ему визит. Заметив, что хозяин сильно расстроен, гость сказал:

— Ваше сиятельство, судя по вашему безрадостному лику, у вас какое-то горе. Однако ж позволю себе заметить, корни несчастья таятся не в самом вашем доме, но где-то вовне, а посему беды можно вполне избежать!

— Неужели? — изумился вельможа. — Прошу вас, почтенный, помогите!

Во время разговора мальчик-слуга принес на подносе чашечку с чаем.

— Теперь все понятно! — воскликнул предсказатель, едва взглянув на юного челядинца.

После чаепития слуга взял чайный прибор и удалился.

— Как зовут юношу, который приносил чай? — спросил гадатель, наклонившись к хозяину.

— Почему вы им заинтересовались?

— Именно он — причина всех ваших тревог.

— Что вы? Какие от него могут быть беспокойства? Мальчишка (его зовут Чжэн Счастливец) взят в дом меньше года назад. Это прилежный и честный парень и к работе проявляет радение!

— Судя по его облику, он и есть основная ваша помеха. Если вы его оставите в доме, этот юноша принесет большие несчастья вам и всей вашей родне! Подумайте, как предотвратить дальнейшие беды.

— Невероятно! — В голосе вельможи слышалось сомнение.

— Ваше сиятельство! Вы же знаете, что и среди добрых коней встречается иноходец Дилу, который может причинить хозяину вред... А простой слуга, держащий дощечку для письма, может в один прекрасный день стать господином!

Вельможа понял намек.

— Коли так, придется с ним расстаться!

Проводив гадателя до ворот, он вернулся в дом и рассказал домочадцам о странном разговоре. Женщины, понятно, сразу же поверили в предсказание. Да и как не поверить, коли изрек его знаменитый ворожей? Что до самого вельможи, то его, как человека начитанного и, к слову сказать, довольно упрямого, убедить было гораздо труднее. Его душу по-прежнему точил червь сомнения. И все же он решил отказаться от слуги. Он вызвал Счастливого и объявил ему о своем намерении.

— Ваше сиятельство! В чем ничтожный провинился? — воскликнул расстроенный юноша. — За что вы меня прогоняете?

— Ты ни в чем не виновен — это верно! — сказал хозяин. — Все дело в том, что в моей семье часто случаются разные неприятности, причина которых, как сказал мне гадатель, кроется в тебе... Делать нечего, придется расстаться! А там видно будет!

Слуга, наслышанный о гадательном искусстве ворожея, понял, что вопрос решен. Заплакав, он упал на колени перед хозяином, к которому успел привязаться. Вельможа скрепя сердце простился с юным слугою, и тот покинул дом. И что же? С его уходом в семье сановника действительно воцарилось спокойствие и полное благополучие. Понятно, что вельможа, а также и вся его родня еще больше уверовали в высокое искусство ворожея.

А сейчас мы поведаем вам о Счастливице, который в печали покинул дом Вана и нашел себе временное пристанище в заброшенном храме, так как не знал, куда бы податься. Как-то раз он зашел по надобности в отхожее место и неожиданно заметил висящий на стене узел, перевязанный шнуром. Заинтересованный юноша снял его. Узел оказался ему довольно тяжелым. Счастливчик развязал веревку и, к своему удивлению, обнаружил

свыше двадцати серебряных брусочков, аккуратно завернутых в бумагу.

— Надо же, какое счастье мне подвалило! — воскликнул юноша и даже язык высунул от изумления. — С такими деньгами никакая бедность не страшна!.. Пускай меня выгнал хозяин! Я теперь не пропаду!

Но тут же его охватили раздумья: «Судьбой начертано мне, бедолаге, всю свою жизнь мыкать горе. Вот недавно поступил в услужение к барину, и вдруг ни за что ни про что выгнали меня взащей по одному слову гадателя... А сейчас, на тебе — такое счастье подвалило! К чему бы это?.. Эх, жаль того человека! Видно, находился он в большой спешке, торопился по важному делу. Повесил сумку на крюк и забыл. Да, жаль его, жаль! Само собой, я могу забрать эти деньги себе — все равно никто не узнает!.. Нет, такой поступок когда-нибудь обернется дурным воздаянием! Верну-ка эти деньги бедняге, если, конечно, он сюда вернется!»

Так рассуждал юноша и сидел, вздыхая, возле нечистого места до самого вечера, однако никто так и не появился. Огорченный, он постелил на пол нужника соломенную циновку и, положив под голову узел, лег спать.

Рано утром он увидел взлохмаченного человека, который бежал с выпученными от ужаса глазами в его сторону. Незнакомец сунулся было в нужник, но, увидев молодого человека, в испуге отшатнулся.

— Так и есть, пропал! — воскликнул он. — Как я теперь вернусь домой? — И он ударился головой об стену.

— Что вы делаете? Остановитесь! — поспешил к нему Счастличик. — Объясните, в чем дело?

— Хозяин послал меня в столицу по важному делу и дал серебро. Вчера зашел я в это самое место, повесил свой узел на бамбуковый крюк, а взять-то забыл... Что мне теперь делать? Деньги пропали, и мне не выполнить поручения хозяина. Лучше умереть! Не могу же я вернуться к нему с пустыми руками!

— Не тревожьтесь, любезный! — сказал юноша. — Ваше серебро у меня, я верну его вам в полной сохранности!

Лицо мужчины расплылось в счастливой улыбке.

— О, мой брат! Если то, что вы сказали, правда, возьмите себе половину! Я непременно должен вас отблагодарить!

— Ну что вы, не обижайте меня! Я торчал всю ночь в этом вонючем нужнике вовсе не из-за вашего вознаграждения! Я мог взять все эти деньги себе — и поминай как звали!

Сказав это, юноша отдал узел владельцу.

«Совсем еще мальчишка, а как умно рассуждает!» — подивился мужчина и спросил:

— Назовите по крайней мере свое имя, почтенный брат!

— Моя фамилия Чжэн!

— Так же зовут и моего хозяина! Он потомственный военный из Хэцзяньской области. Сейчас ожидает получить в столице должность, для чего и дал мне эти деньги. А я возьми да и потеряй их. К счастью, все обошлось благополучно, и только благодаря вам... Завтра, как управлюсь с делами, отведу вас к хозяину. Скажу ему, чтобы он вас отблагодарил за добрый поступок!

Оба знакомца в самом веселом расположении духа отправились в харчевню, где новый приятель Чжэна начал потчевать молодого человека вином, проявляя всяческое к нему расположение и почтение. Во время беседы юноша рассказал ему, как он служил в доме Вана, откуда его потом прогнали, и посетовал, что сейчас ему некуда деваться.

— Да, братец, редкое дело, чтобы человек, находясь в такой крайней нужде, не позарился бы на чужие богатства!.. — промолвил новый знакомый. — Скажу вам прямо, сейчас вам уже не придется искать пристанище — будете жить у нас! Вот только покончу с делами и сразу увезу вас в Хэцзянь!

Счастливчик, как принято, поинтересовался именем нового знакомого.

— Меня кличут Чжаном, а служу я управляющим в имении Чжэна — моего господина, потому меня обычно зовут Чжаном Управляющим. Теперь вы понимаете, что не только хозяин, но и сам я могу помочь вам деньгами, дать на месяц или на два!

Молодой человек, понятно, очень обрадовался. Да и как не радоваться, если деваться ему все равно было некуда.

Он остался на постоялом дворе сторожить вещи Чжана, а тот отправился в Военное Ведомство и, сунув кому надо деньги, быстро устроил дела хозяина, то бишь получил для него должность знаменного начальника при наместнике провинции. Довольный, он вернулся на постоянный двор.

— В получении этой должности есть и твоя заслуга! — сказал он Счастливику. — Все так славно сложилось благодаря твоей порядочности и честности. Ну, а теперь мы едем домой, чтобы поживей поздравить хозяина. Оставаться здесь больше не к чему!

Они сложили пожитки, водрузили их на двух коней, которых тут же наняли, и тронулись в путь. Когда они подъехали к воротам имения, Чжан велел Счастливику подождать снаружи, а сам пошел в дом, чтобы сообщить радостную весть. Чжэн был вне себя от счастья. Еще бы! Получить целый ямынь!

— Это твоя заслуга! — сказал он управляющему.

— Нет, вовсе не моя! — возразил Чжан. — Такова ваша судьба, хозяин, а еще помог вам случай — можно сказать, благодатная звезда над вами засверкала. Вот из-за нее-то и наступил нынешний день! Если бы не эта счастливая случайность, не было бы ни вашей должности, ни меня самого! Одним словом, не свиделись бы больше никогда!

— Какой случай? Какая еще звезда? — удивился хозяин.

Управляющий от начала до конца и во всех подробностях рассказал ему о том, как оставил он серебро в уборной, как его нашел юный Чжэн Счастливчик, который даже проспал ночь в смрадном месте, чтобы вернуть деньги владельцу.

— Неужели в Поднебесной есть такие благородные люди? — изумился военный. — Где же он?

— Я, ничтожный, позволил себе привести его сюда. Разве мог я забыть его доброту? Он остался возле ворот и ждет, когда сможет вам поклониться!

— Веди его сюда, да поживей!

Управляющий поспешил к выходу и, кликнув дождавшегося юношу, вернулся вместе с ним к хозяину, Счастливец, не забывший того, что недавно он был в услужении, хлопнулся на пол при виде знатного вельможи. Военный Чжэн наклонился к нему и помог подняться.

— Ты мой спаситель, а посему тебе не должно исполнять подобные церемонии! — проговорил он и, внимательнее взглянув на юношу, добавил:

— У тебя благородный лик, а твои поступки говорят о возвышенном характере! Тебя ждет счастливое будущее!

Военный предложил юноше присесть. Тот стал отказываться, но после долгих уговоров уступил.

— Из какой ты фамилии, юноша? — спросил военный, когда тот наконец уселся.

— Ничтожного кличут Чжэном!

— Вот как? Значит, мы однофамильцы! Превосходно! — воскликнул военный. — За добрый поступок, что ты совершил, я должен тебя наградить!.. Единственно, что я могу сделать, это усыновить тебя. Должен сказать, что мне уже за пятьдесят, а детей у меня нет. Вот я и сделаю тебя приемным сыном — добром отплачу за добро! Что скажешь на это?

— Я не достоин такой чести, ведь я же простой слуга! Мне положено нести плеть своего господина или поддерживать стремя его коня.

— Не то, не то ты говоришь! Ты обладаешь высокими достоинствами, которые не встретишь и у древних! Я мог бы, конечно, подарить тебе золото, но ведь ты презираешь богатства. Как я знаю, ты ценишь одну справедливость. Какой смысл делать жалкий подарок, коли ты отверг по своей же охоте большие деньги? Ну, а если я проявлю к тебе безразличие, ты будешь корить меня за неблагодарность... Так получилось, что мы с тобою оказались однофамильцами, что, конечно, не случайность, но воля Небес! Правда, меня беспокоит, не обидел ли я тебя. Скажи, почему ты отвергаешь мое предложение?

Военный продолжал уговаривать юного Чжэна, и к нему присоединился управляющий. Счастливец наконец уступил. Они четырежды поклонились друг другу, чем утвердили свое новое родство. С этих пор родственники и посторонние люди стали звать юношу Чжэн Синбаном

и даже почтенным господином Чжэном, а управляющий Чжан называл его своим младшим хозяином.

Юноша, выросший в северных краях, с малолетства привык управлять конем и владеть луком. Когда его новый отец поехал на должность к Цзичжоу, он взял с собой и сына, который день и ночь занимался учением и весьма преуспел в разных науках, чем очень радовал отца. Характер он имел ровный, покладистый, ко всем относился со вниманием, поэтому расположил к себе всю родню. Отец доложил о юноше высшему начальству, и имя Синбана внесли в списки наследственных военных.

Надо вам знать, что старый Чжэн, служивший под началом самого наместника, пользовался большой милостью начальства, а поэтому несколько раз получал повышение, и в конце концов дослужился до должности полковника Внезапных Нападений при столичном гарнизоне. Вся его семья и, конечно, юный сын переехали в столицу. Разъезжая теперь на гордом коне по улицам города, молодой Чжэн невольно вспоминал былые дни, и от этих воспоминаний его порой охватывала печаль. В связи с этим уместно прочитать такое стихотворение:

Когда-то давно случилось ему
найти драгоценный клад.
А мыкался нищим, на теле лохмотья,
бывал подаянию рад.

Нынче — на гордом коне верхом,
в роскошном платье всегда.
Но слезы тотчас текут из глаз,
как вспомянет былые года.

Старый Чжэн, пустив в ход связи и деньги, добился для сына наследственного чина военачальника с правом носить почетную одежду и пояс, и Чжэн Синбан уехал из столицы на новую должность, где пробыл почти три года. В это время молодой человек при случае устраивал пышные приемы и наносил визиты, чем вызвал к себе еще большее уважение. Однажды он узнал, что вельможа Ван по-прежнему живет в городе. «Хоть он меня и прогнал, но все же до этого относился ко мне совсем неплохо, а человеку не должно забывать доброе! — подумал юноша.— Все

получилось из-за суесловия гадалея, которому поверил мой хозяин, а вовсе не потому, что он действительно хотел меня выгнать. Хозяин не отвечает за лживые речи ворожея... А что, если мне его навестить — засвидетельствовать, так сказать, свое почтение? Вряд ли кого унизит теперь мой визит! У меня сейчас высокая должность, а о родителе и говорить не приходится!.. Вот только согласится на это мой отец? Скажет, нечего, мол, ворошить прошлое, люди узнают — получится неудобно!»

Своими сомнениями он поделился с отцом, рассказал ему, как говорится, все от начала до конца. Но старый полководец вопреки его сомнениям одобрил план.

— Что же тебе мешает? — сказал он и привел поговорку: «В новой жизни не забывай о старом; в знатности не забывай о сирости!» Если будешь всегда поступать подобным образом, непременно обретешь счастье! Вспомним, сколько в древности проживало знатных вельмож и сановников, министров и даже государей, которые, как говорится, вышли из пыли, — поднялись из самых низов: от прилавка мясника или простого виноторговца... Благородному мужу не должно быть мелким, будто горчичный росток!

Получив такое наставление, юноша надел белоснежный халат, стянутый поясом, отделанным рогом и золотыми пластинами, и отправился в поместье вельможи.

На визитной карточке, которую он передал у ворот, было написано: «Потомственный военный Чжэн Синбан, а в прошлом ваш дворовый слуга, бьет челом».

Ван, повертев карточку в руках, задумался.

«Что за человек? Почему он ко мне пришел?.. Почему написал эту странную фразу «дворовый слуга»?.. Может быть, действительно, мы где-то с ним встречались?»

Словом, напали на вельможу сомнения. Однако столичный чиновник, привыкший к подобным визитам, обычно не придает им большого значения, потому как знает, что визитеры ищут себе выгоды или, как говорится, «масляной водицы». Впрочем, от такого визита нет большой беды, а значит, можно просителя принять.

Молодой человек при виде вельможи почтительно встал на колени. Сановник поспешил к нему.

— К чему такие церемонии? — воскликнул он, помогая гостю встать. — Вы же не служите под моим началом!

Ван не узнал в госте, который был одет в парадную одежду с чиновным поясом, своего бывшего челядинца.

— Хозяин, неужели вы забыли своего старого слугу — Счастливику?

Вельможа, внимательно взглянув на юношу, наконец узнал его. Молодой человек был будто таким же, как прежде, и все же он сильно изменился. Неожиданное открытие привело вельможу в великое изумление.

— Ваша светлость... — растерянно проговорил он. — Как произошло такое преобразование?

Молодой человек рассказал о том, как его усыновил Чжэн, который служит сейчас в столице, и как он сам получил наследственную должность военного командира.

— Сегодня я пришел к вам, чтобы засвидетельствовать свое почтение... Я не забыл вашей доброты, господин.

Хозяин предложил гостю сесть.

— Не смею! — стал отказываться юноша. — Мне положено стоять!

— Ах, сударь! Забудьте о прошлом! Вы же теперь чиновник государева двора.

Молодой человек присел на стул.

— Какова судьба!.. — проговорил Ван. — Я рассчитал тогда вас вовсе не по своей воле, но из-за лживого гадания этого Юаня. Мне стыдно за свой недостойный поступок!

— Что делать, такова судьба!.. Если бы я тогда остался у вас, я не нашел бы названного отца, а значит, не случилось бы сегодняшней встречи.

— Это, конечно, так, но все же ворожей с его предсказаниями отвратителен и смешон. Как видно, его слава дугая!

Ван приказал накрыть в честь гостя пиршественный стол. В этот момент слуга принес хозяину визитную карточку.

«Юань — хранитель Высшей Драгоценности, бьет челом», — прочитал вельможа.

— А вот и сам незадачливый гадатель! — воскликнул вельможа. — Сейчас мы над ним посмеемся! — И он от удовольствия даже хлопнул в ладоши. — Прошу вас, сударь, пройдите в другую комнату, — предложил он

гостю. — Переоденьтесь слугой, как было в тот раз, и ждите моего знака. Во время беседы вы по моему сигналу принесете сюда чаю. Любопытно, узнает он вас или нет?

Молодой человек удалился в другую комнату, снял пояс и надел поверх парадной своей одежды простой синий халат, который носил, когда был в услужении. Тем временем гость вошел в залу и уселся на свое место.

Через некоторое время послышался условный сигнал, и молодой человек с большим подносом в руках появился в зале. Он почтительно поставил чай перед гостем и отошел в сторону.

— Кто это? — воскликнул ворожей, пристально взглянув на юношу. От удивления он даже привстал со своего места.

— Это Счастличик — мой бывший слуга, которого я в свое время выгнал из дома, — промолвил хозяин. — Ему некуда было деваться, и я его снова взял к себе на службу.

— Зачем вы обманываете меня? — вскричал гадатель. — Ведь он сейчас носит золотой пояс военачальника!.. К тому же у него блестящее будущее! Он никак не может быть вашим слугою!

Вельможа засмеялся.

— А вы, почтенный, как видно, забыли о прошлом гадании. В свое время вы предсказали, что он принесет беду своему господину. Экое дурное предсказание!

Гадатель вспомнил тот случай и улыбнулся.

— Просто поразительно! — Он внимательно посмотрел на молодого человека. — Действительно, я как будто что-то подобное говорил, но только сказанное тогда и сегодня одинаково верно!

— То есть как? — удивился вельможа.

— А так... Лик юноши изменился. Сейчас на нем видны следы его скрытых достоинств. Как видно, он или спас кого-то из беды, или возвратил потерянную вещь владельцу, то есть он совершил добрый поступок и поэтому был вознагражден. Словом, его нынешнее положение далеко не случайно! А посему в моем предсказании не было никакой лжи!

— Господин Юань, да вы просто мудрец! — рассмеялся молодой человек и стал во всех подробностях рассказывать гадателю историю о том, как нашел и вернул сереб-

ро, как, приехав в Хэцзянь, сделался приемным сыном военачальника, а вскоре получил даже наследственные регалии.

— А пришел я сюда потому, что вспомнил прежнего хозяина, — закончил он рассказ.

История о возвращенных деньгах явилась для вельможи Вана полной неожиданностью, так как он знал лишь об усыновлении.

— Достойное деяние господина Чжэна не уступит дивному искусству почтенного Юаня, — проговорил он. — Они поистине замечательны! — в его голосе слышалось большое уважение.

Он велел слугам принести шляпу и пояс молодого Чжэна, который, облачившись в полную парадную форму, совершил перед Юанем поклон, а потом они вместе сели за пиршественный стол.

На следующий день вельможа Ван нанес визит старому военачальнику и его сыну, после чего между двумя семьями установилось тесное знакомство и крепкая дружба. В свое время Чжэн Счастливец получил звание военачальника, а когда пришла старость, умер в почете. Его дети и внуки, впитавшие в себя частицу прекрасных деяний своего родителя и деда, впоследствии также удостоились высоких титулов и должностей. Вот почему я обращаюсь к ныне живущим с таким поучением: делайте достойные дела и Небо вас не забудет! А в доказательство я приведу стихотворение, сочиненное на манер древних. Послушайте его:

По лицу гадает Юань-ворожей,
удивляет искусством своим.
Знаменитый Тан Цзюй и старуха Сюй Фу
вряд ли сравнятся с ним.

Слово молвит — духи и черти
не оспорят его правоту.
Глазом моргнет и предскажет вам
славу иль нищету.

Слугу хозяин прогнал со двора,
был скор в неправом суде.
Бедный юноша долго скитался,
прозябал в жестокой нужде.

Однажды он деньги нашел и вернул
тому, кто их обронил.
Тогда воздалось ему за добро,
что в сердце своем взрастил.

Юноша Чжэн в жизни ни разу
никому не содеял зла.
Всем помогал и добрых поступков
он сотворил без числа.

И вот награда — важный вельможа
юношу усыновил.
Он чиновничью шляпу и пояс надел
по воле небесных сил.

А когда в столице явился Чжэн
к тому, кто его прогнал,
Бывший хозяин в знатном чиновнике
слугу своего не признал.

Знайте, коль скрыта в душе добродетель,
счастье сулит она.
Потому и историю Чжэна Счастливого
вспоминают во все времена.

ОПРОМЕТЧИВАЯ ШУТКА

Вся жизнь человека предрешена,
случайностям не бывать.

Пошутить однажды, а шутка твоя
обернется правдой, как знать!

Толкуют, что все деяния человека будто бы предрешены заранее. Скажем, кто-то однажды пошутил ненароком или что-то смехом сказал, глядишь, а через некоторое время так оно и вышло. Или, например, гадания, которые устраиваются в канун Нового года. Все они часто сбываются. А что это значит? То, что во время разговора и шутиливой беседы где-то рядом затаились духи или бесы, невидимые глазом. Они-то и творили тот разговор. А значит, происходил он не случайно.

Вот, к примеру, в годы Высокого Успокоения династии Сун проживал один состоятельный молодой человек по фамилии Ван, уроженец Чжэси — западного Чжэцзяна. Сдав очередные экзамены, он отправился как-то на весенние испытания в столицу и однажды под вечер оказался в квартале Яньлифан, где у него была назначена пирушка с друзьями. Проходя случайно мимо какой-то жалкой хижины, он заметил юную и весьма привлекательную девицу, которая жалась к воротам, бросая по сторонам беспокойные взгляды. По всей видимости, она кого-то ждала. Ван воззрился на красотку, но тут на улице послышались громкие крики и показалась группа всадников. Девушка тотчас спряталась за ворота. Ван потоптался на месте в нерешительности. Ему очень хотелось узнать, кто эта девица, как зовут ее: Ли или Чжан, но, как на грех, поблизости никого не оказалось, и он последовал дальше.

Было уже начало первой стражи, когда Ван, изрядно захмелевший, возвращался домой. По случайности ему вновь пришлось идти мимо того же самого дома, ворота которого на сей раз были закрыты, а внутри царила тишина. Не то что голоса человеческого не было слышно, не доносилось даже ни единого звука. «Интересно, есть здесь другой ход или нет?» — подумал Ван и рассмеялся. Приблизившись к левой стене, он пошел вдоль нее. Прошел всего несколько шагов и вдруг заметил дверцу, а перед ней площадку в чжан с небольшим. Дверь оказалась на запоре. «Красотка, которую я нынче увидел, непременно живет в этом домс... Эх, взглянуть бы на нее еще разок!» Он с тоской посмотрел на калитку. Уходить ему не хотелось. Вдруг возле него что-то шлепнулось, едва его не задев, — видно, со стены что-то упало. Он наклонился и поднял: кусок черепицы. Как раз в это время появилась луна и стало светло, как днем. На поверхности черепка молодой человек разобрал несколько слов: «Увидимся в этом месте поздней ночью». Хмельному Вану показалось это весьма забавным.

— Интересно, кто же с кем договаривается?.. Подшучу-ка я над ними!

Он отломил от стены кусок известки и, нацарапав на обратной стороне слова «Выходи после третьей стражи», закинул за стену. Затем отошел на несколько шагов в сторону и стал наблюдать, что будет дальше. Через какое-то время он заметил молодого человека, который приблизился к стене и принялся шарить по земле. Его поиски, по всей видимости, оказались напрасными. Ничего не найдя, он посмотрел на стену и, тяжело вздохнув, медленно удалился. Ван, стоявший в тени, хорошо это видел.

«С ним, наверное, и была у нее договоренность! Любопытно, кто там за стеной? Подожду немного, может, она и появится!» — решил он.

Высоко в небе сияла луна. Однако в третью стражу со всех сторон надвинулся густой туман. Вану, который уже успел протрезветь, очень хотелось спать. Он потянулся и зевнул: «Вместо того, чтобы идти отдыхать, я глупостями здесь занимаюсь. Вздумал неизвестно кого караулить!» — подумал он и улыбнулся. Он собрался было уходить, как вдруг послышался скрип. Калитка отворилась, и показалась женская фигура. Луч луны осветил прелестное лицо.

Позади девушки стояла старая женщина, наверное, мамка, с бамбуковой корзиной на спине. Женщины куда-то торопились. Ван вышел из своего убежища. Приглядевшись внимательнее, он узнал ту самую красавицу, которую днем видел возле ворот. Девушка, казалось, не проявила никакого испуга. Однако, когда Ван подошел к ней вплотную, она закричала:

— Это не он, не он! — И в полной растерянности посмотрела на служанку. Мамка, приблизившись к юноше, протерла старые подслеповатые глаза.

— Никак чужой?.. Обратно в дом! Живей!

Но Ван, загородив калитку, отрезал им путь к отступлению.

— Попробуйте теперь убежать!.. Подобаает ли девице из порядочной семьи ночью устраивать свидание? Стоит мне сейчас подать голос, и нас тотчас потащат в суд. Вас ославят, и позор падет на всю вашу семью!.. Словом, бежать вам нет никакого смысла!.. Должен сказать, хотя оказался я здесь случайно, однако эта встреча, как видно, была предрешена заранее. Так что следуйте за мной и не робейте. Знакомство со мной вас никак не унижит, ибо сам я цзюйжэнь, а приехал сюда на экзамены.

Девушка дрожала всем телом, из глаз ее ручьем лились слезы. Она не знала, что делать.

— И верно! — проговорила мамка. — Если поднимется шум, греха не оберешься! Следуй за господином цзюйжэнем, голубушка! Делать нечего! К тому же рассвет не за горами. Не ровен час увидит кто тебя, и тогда быть беде!

Девушка продолжала плакать, но, когда Ван взял ее за руку, она послушно пошла за ним. Они пришли в гостиницу, где молодой ученый остановился на постой, и он проводил девушку в комнату на верхнем этаже. Мамка осталась при ней. Когда девушка немного пришла в себя, Ван обратился к ней с вопросами.

— Я из семьи Цао, — рассказала красавица. — Отец мой давно скончался, и жила я с матушкой, у которой была единственной дочерью. Понятно, она очень любила меня и хотела выдать выгодно замуж... К нам в дом захаживал сын тетки, с этим приятным и умным молодым человеком я не прочь была обручиться. Как-то попросила я свою кормилицу (ту старушку, что вы знаете) рассказать о моем желании матушке, но мать воспротивилась, потому-де что семья юноши слишком простая — ведь нет

у них ни одного чиновника. Тогда я велела мамке снести с молодым человеком и нынешней ночью при помощи черепка дала ему знать, что открою калитку и с ним убегу. На куске известки, что он мне кинул, он писал, чтобы я вышла к нему в третью стражу. Ну, я и вышла, а там вовсе не он, а вы. Как это все приключилось — ума не приложу!

Ван, улыбувшись, поведал ей о том, что произошло. Кусок известки шутки ради бросил он сам. Потом появился тот юноша, поискал черепицу, но, не найдя, вздыхал и удалился.

— Это был он! — проговорила девица.

— А мне повезло! — рассмеялся молодой цзюйжэнь. — Наша встреча была предрешена лет пятьсот назад, и вот нынче она произошла!

Что оставалось делать бедной девице? Она уступила молодому ученому, которого к тому же нашла весьма не похожим на других. И так случилось, что молодые люди, нежданно встретившись, крепко полюбили друг друга. Но вот подошла пора экзаменов, на которых цзюйжэнь Ван, увы, провалился. Однако он нисколько не огорчился, потому что его целиком захватила любовь к девушке. Радуюсь, что они с утра и до вечера вместе, он позабыл о возвращении домой.

Само собой, он иногда испытывал затруднения в деньгах, но его всякий раз выручала девушка, которая доставала их из бамбуковой шкатулки, где у нее хранилось золото, серебро и прочие драгоценности. Прошло несколько месяцев.

Отец Вана с нетерпением ждал возвращения сына. Но время летело, а сын все не приезжал. Отец расспросил тех, кто вернулся из столицы, и ему рассказали:

— Ваш сын живет сейчас с одной девицей и души в ней не чает. До возвращения ли ему?

Разгневанный родитель послал в столицу двух слуг со строгим письмом, где требовал от сына возвращения. Вместе с этим он отправил своим столичным знакомым записку, в которой просил их поторопить Вана с отъездом, а чтобы он не задерживался, дать ему денег на дорогу.

Что было делать юноше? Пришлось ему проститься с возлюбленной.

— Я должен ехать! — сказал он ей. — Но при удобном случае я непременно вернусь! Быть может, мне удастся уломать отца, чтобы он разрешил взять тебя в дом. Тогда я приеду за тобой быстрее. А ты пока живи здесь с мамкой и терпеливо жди моего возвращения.

Они простились в слезах. Приехав домой, Ван узнал, что отец получил повышение и должен вот-вот уехать в Фуцзянь. Сыну он наказал следовать с ним. Молодой цзюйжэнь побоялся говорить о девушке и отправился за отцом, терзаясь душой и поминутно вспоминая свою возлюбленную. Но об этом мы пока помолчим, а расскажем о красавице Цао.

Девушка по-прежнему жила с мамкой на постоялом дворе, ожидая возвращения молодого Вана. Деньги быстро таяли. Почти половину того серебра, что она взяла с собой, истратил Ван, а то, что осталось, шло сейчас на пропитание, и денег становилось все меньше. От Вана по-прежнему не было вестей. Встревоженная красавица велела кормилице узнать, что происходит в ее родном доме. Не возвратится ли ей обратно? И вдруг печальная новость — матушка, оказывается, скончалась. После исчезновения дочери она целыми днями плакала, а потом ее свалил недуг, и она умерла. Что до ее бывшего возлюбленного, сына тетки, то он, испугавшись, куда-то скрылся, и о нем не было ни слуху, ни духу. Узнав печальные новости, молодая женщина разрыдалась, а потом, посоветовавшись с мамкой, решила:

— Здесь у нас нет ни родных, ни знакомых. Значит, надо ехать к Вану на родину. К тому же от Бяньцзина до Чжэси путь не слишком велик... У нас осталось немного денег, как раз хватит на дорожные расходы. Другого выхода нет!

И она велела мамке нанять лодку.

Выехав из столицы, они добрались до Гуанлина. и здесь неожиданно оказалось, что деньги у них на исходе. А тут на беду заболела старая мамка, видно, схватила она в пути простуду. Проболела самую малость и умерла. Молодая женщина растерялась. Что делать, куда податься?

Надо вам знать, что Гуанлин, или нынешний Янчжоу, — город богатый и достопамятный. Еще в древних стихах встречались такие строки: «Приехав в Янчжоу во вторую луну, увидишь множество дымных цветов». А есть еще и такие слова: «Двадцать четыре моста, над ними

луна в вышине. Красавицы будто из яшмы. И слышатся звуки флейт».

Издавна так повелось, что, если высокие чиновники или служивые люди, не говоря уже об отпрысках знатных фамилий, хотели найти себе прелестную наложницу, они непременно ехали в Янчжоу. Не случайно поэтому здешние улицы прямо кишели своднями, они так и шастали взад и вперед. Одна из них сразу заметила красивую девицу, которая сидела в лодке и проливала горючие слезы. Сводня ловко сумела к ней подъехать, и красавица ей рассказала:

— Я еду из Бяньцзина в Чжэси, мужа своего ищу. Со мной вместе ехала кормилица, но она вдруг умерла. Деньги у меня кончились, и теперь я не знаю, что делать. Вот я и плачу.

В этот момент подошла еще одна сводня.

— В таком деле надо непременно посоветоваться с Су Да, — проговорила она.

— А кто он, этот Су Да? — поинтересовалась девица.

— Весьма знаменитый в наших местах человек! Всякому может помочь в разных щекотливых делах.

Красавица пребывала в полной растерянности.

— Прошу вас, почтенные, сведите меня к этому человеку, не считите за труд! — попросила она.

Одна из женщин ушла, а через некоторое время возвратилась с мужчиной. Подробно расспросив девушку, он позвал нескольких человек, которые подняли тело умершей старухи и зарыли тут же на берегу.

— А теперь собирайте ваши вещи и следуйте за мной! — сказал мужчина и, расплатившись с лодочником, добавил: — Поживете несколько дней у меня, а там решим, что делать дальше!

Он подозвал носильщиков паланкина и помог молодой женщине взобраться. Своей серьезностью и степенным видом он произвел на нее благоприятное впечатление, и она решила, что человек он, видно, хороший, а потому отправилась за ним без страха. Да и что ей оставалось делать, когда не было рядом советчика? Разве могла она догадаться, что идет за известным янчжоуским мошенником и хитрецом, главарем местных угуев и начальником над «дымными цветами»? Одним словом, Су Да содержал певичек, которые завлекали в его заведение молодых богачей.

Когда паланкин приблизился к одному из домов, на встречу вышли несколько «напомаженных головок». Молодая женщина сразу поняла, что попала в ловушку. Но что делать? Куда деваться, кому жаловаться? Так она стала певичкой и получила имя Су Юань.

Тем временем цзюйжэнь Ван жил с отцом в Фуцзяни, домой он вернулся только через два года. Снова подошел срок столичных экзаменов, и он, сложив свои вещи, отправился на север. Случилось так, что путь его лежал через Янчжоу, где в одной судебной управе служил его родственник. Хозяин устроил в честь гостя угощение. Когда Ван сел за пиршественный стол, появились казенные певички, которые с низким поклоном поднесли гулявшим чару с вином. Ван заметил, что одна из певичек бросает на него украдкой взгляды, будто приглядывается к нему.

«Как она похожа на мою Цао из столицы!» — подумал он, внимательно посмотрев на женщину. Охваченный тревожными думами, он спросил у хозяина, как зовут певичку. Имя Су Юань ему ничего не говорило, и все же он не мог отвести от женщины взор. И чем больше он на нее смотрел, тем больше убеждался, что это — его возлюбленная. Захмелевший, он приподнялся со своего сиденья, словно собираясь уйти. Су Юань тут же подошла к нему с чаркой вина. Она взглянула на него как-то по-особенному, но ничего не сказала, и только несколько слезинок, покотившись по щекам, упали в чару с вином. Ее лицо исказило страдание.

— Значит, это ты... — промолвил Ван, все сразу поняв. В его глазах стояли слезы. — Как ты здесь очутилась?

Молодая женщина во всех подробностях рассказала ему, что с ней произошло после того, как они расстались в Бяньцзине. Как покинула она столицу и отправилась на его поиски, как кончились у нее деньги и тогда ей пришлось стать певичкой. Смущенный и опечаленный юноша едва сдерживал слезы. Он отказался от вина и, сославшись на внезапный недуг, простился с хозяином. Молодая женщина пошла за ним. Они пришли в гостиницу, где он остановился, и возлегли на ложе. И каждый рассказал о своих обидах и поведал о своих чувствах.

На следующий день Ван попросил своего родственника — янчжоуского судью припутнуть угуя судом за то, что

он взял в певички женщину из порядочной семьи. Так Су Юань вырвалась из низкого заведения. Потом они вместе отправились в столицу, а вскоре она родила ему сына, который со временем стал начальником крупного ведомства. Впоследствии они часто вспоминали свою историю. Да, подумать только, пьяная шутка с куском известки окончилась браком! Правда, красавица Цао чуть было не поплатилась жизнью, но, по счастью, все обошлось благополучно.

Ну, а сегодня я поведаю вам другую историю, где опрометчивое слово обернулось большой путаницей, которая, однако, закончилась для героя счастливо, и он в результате даже приобрел себе жену. Если рассказывать ее от начала до конца, она может показаться вам еще забавнее, чем первая. Но прежде послушайте стихи:

Пошутил и думать о шутке забыл,
а чем обернулась она!
Никто б не поверил, что будет красавица
вправду его жена.

Назвался зятем просто, для вида,
глядь — он и вправду зять!
Так может случайная оговорка
удачей неожиданною стать.

В нашем рассказе пойдет речь о некоем Цзян Тине, или Цзян Чжэньцине, уроженце Юйхана Хаичжоуской области провинции Чжэцзян, который жил в эпоху Завершенного Преобразования нашей династии. Принадлежа к сословию ученых-конфуцианцев, этот человек обладал, однако, нравом свободным и даже немного легкомысленным, был лишен какой бы то ни было мелочности и весьма горазд до всякого рода затейливых шуток. Дома он сидеть не любил, а больше путешествовал по водам и горам, проводя на лоне природы не только многие дни, но даже и месяцы. Однажды ему в голову пришла мысль побывать в Шаньине, о котором он был понаслышан. «Толкуют, что это превосходное место, — думал юноша. — Там, говорят, необыкновенной красоты высокие кручи, а в рассединах скал журчат горные ручьи. Почему бы мне туда не съездить? Да и от Шаосина это совсем недалеко!»

В это время два купца, его земляки, как раз собирались по торговым делам в Южноречье, и он присоединил-

ся к ним. Переправившись через Цяньтанцзян, они взяли в Сисине ночную лодку, которая быстро доставила их до Шаосина. Купцы занялись своими делами, а молодой человек отправился по окрестностям. Юноша посетил беседку Ланьтин, Пещеру Юя, горы Цзишань, Зеркальное озеро и много других дивных мест, которые доставили ему безмерное удовольствие. Но вот его знакомцы закончили торговые дела, и они вместе двинулись в обратный путь.

Случилось так, что однажды под вечер им пришлось проходить мимо места под названием Чжуцзи. Вокруг путников расстилались зеленые поля, но людей нигде не было видно. Внезапно с неба упало несколько капель, а через мгновение разразился ливень. Путники как на грех но захватили с собой ничего от дождя. Они бросились со всех ног к лесу и, когда добежали, запыхавшись, до его опушки, заметили дом.

— Какая удача! Укроемся здесь!

Они подбежали к воротам, крытым двускатной крышей с желобами для стока воды. Одна створка ворот была заперта, вторая — полуоткрыта. Цзян, шагнув вперед, толкнул ее рукой.

— Экий ты бесцеремонный, брат Цзян, — сказал ему один из торговцев. — Лезешь в чужой дом, не узнав даже, кто в нем живет! Давай лучше постоим под воротами!

— Еще чего! — рассмеялся молодой человек. — Здесь живет мой тесть!

— Что ты городишь? Беду накличешь! — вмешался второй купец. А дождь все усиливался.

Вдруг обе половинки ворот широко распахнулись, и к путникам вышел нетвердой походкой старец. Вы спросите, каков был его вид. А вот послушайте:

Пальцы — имбирные корни —
посох сжимают резной,
Рукоять его странно схожа
с боролятою головой

На шапку из восток бамбука
косо наброшен плат,
Седые длинные пряди
из-под шапки торчат.

С широченными рукавами
длинный на нем халат.

Туфли с высокими каблуками
довершают его наряд.

Ноги то вскидывает, как журавль,
выступая гордо вперед,
То, волоча их, как черепаха,
сле-сле бредет.

Полож на старца, что отдал Чжан Ляню
книгу некогда встарь,
Или на старцев, которых звал
ко двору Гаоцзу — государь.

Как потом оказалось, старца звали Тао и слыл он в здешних местах богачом. Человек прямой и честный, он был к тому же гостеприимным, доброжелательным хозяином. Вот и сегодня, услышав голоса на дороге, он решил посмотреть кто схоронился под воротами и пытается их открыть. Тут-то он и услышал шутку, которую опрометчиво бросил молодой человек. Рассерженный старик, так и не дойдя до ворот, вернулся в дом и рассказал об этом жене.

— Каков наглец, невежа!.. Нет, не стану приглашать в дом таких грубиянов!

Заметив, однако, что дождь усиливается, он пожалел путников и скрепя сердце решил впустить их, но только не того острослова, на которого сильно осерчал. Увидев, что путников трое, старик, потоптавшись, спросил:

— Кто из вас сказал, что я его тесть?

Цзян, поняв, что сел в лужу, вспыхнул, даже мочки ушей заалели.

— Простите! Извините! — вскричали купцы, видя, что старик сильно рассержен.

Хозяин по их поведению сразу понял, кто допустил глупую шутку.

— На вас, почтенные, я не обижаюсь, потому прошу в свою скромную хижину. Отдохните! Что касается этого господина, который годится мне в сыновья, то, судя по его поведению, он вам не чета, а посему в дом ему идти не обязательно. Пускай обождет снаружи!

Он потянул за рукав растерявшихся и смущенных торговцев и, едва они переступили порог, с шумом захлопнул ворота. Оба купца вошли в гостевую комнату и сели, а потом, как водится, завязали с хозяином разговор и на-

звали себя. Гости рассказали о том, как все трое попали под дождь и решили укрыться под навесом.

— Ваш попутчик, — заметил старик с возмущением, — вел себя до крайности невежливо. Сразу видно, что от него можно ожидать любой пакости. Я так считаю, что вам не стоит с ним знаться.

Купцы извинились за юношу.

— Его зовут Цзяном, — сказал один. — Он еще молод годами и несколько опрометчив в поступках. Но поверьте, он не хотел вас обидеть и пошутил без всякого злого умысла. Не стоит принимать его слова близко к сердцу.

Но хозяин стоял на своем. Он поставил перед гостями вино и закуски, однако ж того, кто стоял у ворот, так и не позвал. Гости не стали перечить хозяину, который, как видно, был сильно рассержен, и сидели не раскрывая рта. К чему заступаться за этого невежу и упрашивать старика? Пускай пеняет на себя! Как будет так и будет!

А Цзян один-одинешенек стоял под навесом запертых ворот, раскаиваясь в глупой шутке, которая так обидела старика. Тем временем стемнело. Юноша решил покинуть пустынное место, но побоялся идти один в такой поздний час, да еще под дождем, и, смирившись с судьбой, стал ждать попутчиков. Между тем дождь перестал, и в просветах меж тучами появилась луна. Через некоторое время голоса в доме стихли.

«По всей видимости, пошли спать! — подумал Цзян. — Чего же я здесь торчу? Надо ухолить, покамест светит луна. Вон какая дорога светлая!» Однако в голову пришла и другая мысль: «То, что на меня осерчал старик, — это понятно. Но как могли мои спутники бросить меня одного? О себе только думают!.. А, может быть, они все-таки и обо мне позаботились, может, стоит их подождать?» Молодой человек находился в нерешительности. Вдруг по другую сторону стены послышался голос.

— Не уходи!

«Так и есть, не забыли меня!» — сказал себе Цзян, а вслух промолвил:

— Понял!.. Не ухожу!

— Прими-ка вещи! Ну-ка держи! — сказал тот же голос.

«Вот мошенники! Сначала поели за счет старика, а потом решили его ограбить!» — подумал молодой ученый.

— Понятно! — сказал он.

Цзян ждал, что последует дальше.

Со стены что-то шлепнулось наземь. Юноша подошел и увидел два узла из одеял. Он поднял один и прикинул в руке — узел оказался довольно тяжелым, в нем что-то было завернуто, очевидно, золотые или серебряные украшения. Цзян вскинул узлы на спину и пошел прочь, боясь, как бы не появился хозяин. Пройдя больше сотни шагов, он остановился и обернулся. Ворота были уже далеко. И тут он заметил на стене две человеческие фигуры. Люди спрыгнули со стены вниз.

«Вот и они! Пойду-ка я вперед, не буду дожидаться! Не ровен час за ними еще погонятся!» — решил он и вновь зашагал по дороге. Через некоторое время он вновь оглянулся. Оба человека не спеша шли следом. Цзян прошел еще какое-то время. «Если меня нагонят, содержимое этих узлов придется делить поровну! — с огорчением подумал он. — А что, если пока они плетутся позади, взять самое ценное? Все равно ведь ворованное!»

Остановившись, он развязал узел, достал какие-то золотые украшения и сунул в свою поклажу, а леньги и разные ткани положил обратно. Подхватив узел, он снова двинулся в путь. Оба человека шли по-прежнему сзади. Он заметил, что, когда он возился с узлом, они остановились, но стоило ему пойти, они тут же двинулись следом. Их темные фигуры все время находились в некотором отдалении и хорошо различались на прямой, будто стрела, дороге. Так они прошагали почти полночи. Занялся рассвет. Цзян увидел, что оба человека ускорили шаг, будто собирались его нагнать.

«Теперь можно их обождать. Вместе пойдем!» — решил Цзян. Когда они подошли ближе, он, к своему изумлению, увидел, что перед ним не купцы, а две незнакомые женщины. Одна из них, одетая в темную шелковую кофту и повязанная льняным платком, была настоящей красавицей. Вторая, с двумя торчащими пучочками на голове, в синем бумажном халате, похоже была служанка. Обе женщины разглядывали юношу с удивлением и страхом, а потом, повернувшись, бросились прочь.

— Куда? — Цзян преградил путь красавице. — Следуйте немедленно за мной, надо поговорить! Если станете сопротивляться, отправлю в суд!

Красавица низко опустила голову и, не проронив ни звука, пошла за ним следом. Скоро на их пути показалась

харчевня, в которой Цзяну удалось снять для женщин тихую светлую комнату на верхнем этаже.

— Это моя жена, а идем мы на богомолье, — объяснил он хозяину, скрыв от него правду. — Приготовь-ка нам, любезный, завтрак!

У хозяина, понятно, не возникло никаких подозрений. Да и какие могли быть сомнения? Мужчина и женщина вполне приличные, да еще со служанкой!

Цзян тихо спросил молодую женщину, кто она.

— Я из семьи Тао, а зовут меня Юфан — Юный Аромат, — промолвила девушка. — Я — дочь того человека, которого вы видели возле ворот, а матушка моя из фамилии Ван... Еще в детстве меня обручили с неким Чу из нашей волости, а он вдруг возьми да ослепни. Я не захотела выходить замуж за слепца и сговорилась убежать со своим дальним родственником Ваном. Есть один такой красавец-юноша, которого я избрала своим суженым. Мы назначили срок — бежать нынешней ночью. Но так получилось, что за вчерашний день от него не было вестей, а, когда наступил вечер, отец вдруг сказал, что возле ворот стоит какой-то человек.

— Кличет меня своим тестем! — сказал он. — Всякий вздор городит, даже противно!

— Ну, я и смекнула, что это, конечно, мой Ван, с которым мы назначили свидание. Собрала поживее вещи, и мы со служанкой Шицуй перелезли через стену. Вижу, вдали по дороге идет человек с узлами. Думаю, значит, это он, однако приближаться не стала, потому как боялась, что кто-нибудь увидит. И только когда подошла ближе, поняла, что совершила ошибку... Вот и получилось, что и дом и любимого своего потеряла. Потому и пошла за вами. Что мне оставалось делать?

— Видно, само Небо предназначило нам эту встречу! — воскликнул обрадованный Цзян. — Слова мои оказались пророческими! Беспокоиться вам, однако, не следует, так как я живу один. Спокойно идите за мной!

Цзян расплатился с хозяином за завтрак и нанял лодку. Купцов-попутчиков он дожидаться, понятно, не стал. Они тронулись в путь и с пересадками добрались до Юйхана. Его домашние, конечно, расспросили о молодой женщине, и Цзян объяснил, что ее просватали за него друзья с соблюдением всех положенных церемоний.

Надо вам знать, что Тао Юфан, войдя в новую семью, во всех делах проявляла большой ум и радение, а с Цзя-

ном они жили душа в душу. Через год она родила ему сына. Но всякий раз, когда она вспоминала свой дом и престарелых родителей, ее охватывала печаль и она не могла сдерживать слез. Как-то она сказала мужу:

— В свое время я думала, что совершила недостойный поступок, отвергнув слепца, но сейчас не раскаиваюсь в содеянном, потому что нашла вас. Единственно, что меня огорчает, — это мои старые родители, которые остались одни, без всякой опоры. После моего бегства они, наверное, очень тоскуют... Прошло больше года, а я о них ничего не знаю. То и дело я их вспоминаю и не нахожу покоя, если так будет продолжаться дальше, я, наверное, заболела... Я думаю, что они не станут меня корить, если узнают, что я стала чьей-то женой, они очень любили и лелеяли меня, будто жемчужину. Прошу вас, придумайте что-нибудь, чтобы получить от них весточку!

— Есть у меня приятель Юань Тайши, который занимается учительством. Он часто бывает в Чжуцзи. Я с ним посоветуюсь! — ответил, подумав, муж.

Он тут же отправился к другу и во всех подробностях рассказал ему историю своей жены.

— Я знаю этого Тао. Мы несколько раз с ним встречались. Очень достойный старик! — проговорил Юань. — При случае я непременно замолвлю за тебя слово и постараюсь уладить дело. Думаю, что все обойдется!

Цзян, поблагодарив хозяина, отправился домой, чтобы поскорей успокоить жену. Но об этом мы пока умолчим.

А сейчас вернемся к тому злополучному дню, когда старый Тао принимал заезжих купцов. Итак, все отправилось на покой. На следующий день старик принес гостям завтрак, который они с благодарностью съели. Потом поднялись из-за стола и откланялись. Старик вышел их проводить за ворота.

— Интересно, где ночевал тот вчерашний шалопай? Поделом ему, может, впредь не станет безобразничать!

— Нас не дождался и, видно, ушел, — заметил один торговец. Когда его разыщем, дадим ему нагоняй! А вы, почтенный, не принимайте его слова близко к сердцу!

— Я немного остыл!.. А вот вчера действительно взорвался. Очень крепко на него озлился!

Они распрощались, и гости ушли, а старик отправился в дом. Только он вошел во двор, как видит, бежит навстречу перепуганная служанка.

— Хозяин! Хозяин! — кричит, а сама едва не задыхается. — Беда! Дочка твоя пропала!

— Чего ты мелешь? — Обеспокоенный старик поспешил в дом, где его встретила плачущая жена.

— О Небо!.. Дочка моя! Где ты, моя ненаглядная! — закричала она в голос и грохнулась оземь.

Из дальнейших расспросов старик Тао узнал:

— Ночь она как будто проспала в своей комнате. А вот когда встала, сказать не могу, так как готовила завтрак для гостей. Когда они ушли, я велела служанке позвать дочку завтракать, а ее там нет, и все сундуки настезь. И служанка Шицуй исчезла вместе с ней. Куда они делись, ума не приложу!

— Как же так случилось? — встревожился старик.

Одна из служанок сказала:

— А может ее утащили нынешние постояльцы? Что, если они какие злодеи?

— Не городи! — обрезал хозяин. — Они впервые в наших краях и расстались мы по-хорошему. Не могли они этого сделать! Да и тот, третий, которого я обидел, — тоже вряд ли причастен. Он ведь остался за воротами! Скорее всего, она с кем-то сговорилась, а нынче, пока сидели гости, под шумок и убежала... За это время ничего за ней не замечали?

— Хозяин! Догадка ваша верная! — проговорила одна из служанок. — Дочка твоя страдала из-за того, что ее выдают за незрячего, и плакала часто. А мил ей был парень из семьи Ван. Она часто через Шицуй передавала ему всякие весточки. Может быть, с ним она и ушла?

Старик нашел, что в словах служанки что-то есть, и послал к Ванам человека тайно все разузнать. Оказалось, молодой Ван как ни в чем не бывало сидел в это время дома, и посланец ничего подозрительного не заметил. Старик растерялся.

«Видно, лучше помалкивать и сор из избы не выносить! — сказал он себе. — А что до слепого Сюя, то договор с ним надо расторгнуть, а если он не согласится, придется отдать ему в жены служанку. Одно только плохо — дочку мы потеряли и будет теперь в доме пусто!»

Он рассказал о своем решении жене, и они, расстроенные, всплакнули.

Через какое-то время слепец Сюй умер, и эта смерть добавила старикам печальных дум и волнений.

— Видно, оттого рано умер, что потерял нашу дочку, — сокрушались старики.

Прошло более года. Однажды у дома Тао появился гость. «Юань Тайши из Юйхана», — прочитал старик в визитной карточке и вышел гостю навстречу.

— Каким ветром вас занесло в наши края, почтенный Юань?

— Давно не видел здешних друзей. Дай, думаю, их проведаю. А тут как раз подвернулась оказия... Вот и переправился через реку.

Старик проводил гостя в дом и угостил вином. Они поделились последними новостями, и взаправдашними и сомнительными.

— С год назад случилась у нас одна странная история... причем толкуют, что всамделишная.

Старик заинтересовался.

— Один юноша, решив развеяться, надумал странствовать в чужих краях. На обратном пути в одном доме он допустил опрометчивую шутку, которая, как ни странно, принесла ему жену, и живет он с ней душа в душу. Говорят, что женщина будто бы из ваших краев. Вы об этом не слышали, почтенный?

— А как фамилия девицы? — спросил старик.

— Вроде Тао... как и ваша.

— Неужели моя дочь? — воскликнул хозяин.

— А имя у нее как будто было Юфан. Лет ей около осьмнадцати. При ней еще была служанка, молоденькая Шицуй!

— Точно, моя дочка! — промолвил старик Тао и даже вытаращил глаза. — Как же она там оказалась?

— А разве вы забыли тот вечер, когда в непогоду к вам постучали в ворота? Один из путников сказал тогда, что здесь, мол, дом его тестя, и вы оставили его за воротами.

— Верно, было такое!.. Только я раньше с ним никогда не встречался, да и после того ничего о нем не слышал... Как могло случиться, что дочка ушла с этим человеком? Ума не приложу!

Юань рассказал старику все, что велел ему Цзян.

— Удивительная история! — добавил он. — Один пошутил, другой осерчал, третий обознался... а в результате — свадьба. Сейчас у них уже растет младенец. Не хотите ли их проведать?

— Понятно, хочу!

Весь этот разговор слышала старая Ван, которая в это время стояла за ширмой. Не выдержав, она выбежала из своего убежища и, рыдая, упала перед гостем на колени.

— Она у нас одна-единственная дочка! Как ее потеряли, все время по ней плачем, не переставая... Жизнь нам, старикам, совсем опостылела! Ваша милость, сделайте так, чтобы мы свиделись с дочкой! Век вас не забудем и щедро отблагодарим!

— Понимаю, что вам не терпится с ней увидеться! — проговорил Юань. — Но мне кажется, вы сердитесь на Цзяна. Из-за этого он не решается с вами встречаться!

— Какие могут быть обиды? — воскликнул Тао. — Поскорее бы увидеть дочку... Счастье-то какое!..

— Между прочим, ваш зять происходит из славной и досточтимой семьи и брак с этим человеком совсем не позор... Словом, если вы не таите против него зла, я возьму вас с собой!

Обрадованный старик быстро сложил пожитки, и они отправились в Юйхан. У ворот дома Цзяна они остановились, и Юань вошел один. Он рассказал приятелю обо всем, а затем они вместе вышли к гостю. Хозяин проводил старика в гостевую залу, куда пришла и Юфан. Когда Юань удалился, отец с дочерью, плача, бросились друг к другу в объятия. Старик пригласил дочь с мужем к себе, и дочь, сильно соскучившаяся по матери, с радостью согласилась. Все вместе они отправились в Чжуцзи. Наконец мать и дочь встретились после долгой разлуки.

— Я уж решила, что больше тебя не увижу! — проговорила старуха, заливаясь слезами. — Думала, не доживу!

Несколько служанок, стоявших рядом, вытирали слезы. Но вот прошла первая радость встречи, и Цзян Чжэньцин, склонившись перед тестем и тещей в низком поклоне, попросил у них прощения.

— В тот раз, во время своего путешествия с купцами, я допустил глупую шутку, чем вызвал ваш гнев. Простите меня!.. Ваша дочь приняла меня за другого, наша неожиданная встреча привела к счастливому браку, и так оказалось, что вы и на самом деле мой тесть. Трудно было предположить, что шутка повлечет за собой такие события...

— Как видно, те слова вложило в твои уста само Небо! — рассмеялся старик. — Потому все так складно и получилось! Ваш союз, по всей видимости, был предначертан заранее! А коли так, за что мне тебя винить!

В это время у ворот появился Юань с подарками по случаю радостного события. Старый Тао достал парчовую ткань и несколько лянов серебра и попросил его быть сватом. Тут же устроили пир, на который пригласили всю родню. Цзян Чжэньцин и его жена, как положено, совершили поклоны Небу и Земле и были наречены супругами, после чего получили богатые дары. Они уехали к себе домой, где дожили до глубокой старости.

Таким образом, если бы в тот раз молодой Цзян не обронил своей шутки и не остался бы из-за нее за воротами, а, наоборот, вместе с обоими приятелями вошел в дом и стал распивать вино, вряд ли бы ему удалось приобрести себе жену. И неизвестно, с кем бы ему пришлось жить теперь. Отсюда следует, что все предопределяется заранее, как хочет Небо, так все и получится.

Наш рассказ восходит к истории, помещенной в книге Чжу Чжишаня «Вольные истории с Западной горы Дровосека», содержание которой весьма презабавно. Беда только в том, что какой-то неуч придумал еще одно повествование под названием «Записи о супружеском покрывале», в котором соединил три-четыре сюжета из юаньских драм, например, о том, как в ските Нефритовой Чистоты происходит ошибка с супружеским одеялом, или о цирюльнике Сюй Да из Цзядина, который пытался украсть невесту. Словом, надергал оттуда и отсюда, из-за чего все у него перепуталось, так что трудно связать концы с концами. Вот почему я сегодня вновь поведал миру эту историю, взяв за основу старое и истинное повествование. А доказательством этому служит стихотворение:

Думал, что шутит, но вдруг — женат!
Судьба решает за нас.
Жизнь человека расчислена впрок —
об этом и наш рассказ.
Некий писака, не ведая истины,
лживую повесть наплел,
Поэтому нам и пришлось ее вновь
правдиво поведать сейчас.

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства	5
---------------------------	---

ДАО ДЭ ЦЗИН *Перевод Ян Хин-шуна*

<i>Книга первая</i>	9
<i>Книга вторая</i>	21

ЛЕЦЗЫ *Перевод Л. Позднеевой*

<i>Глава 1. Власть природы</i>	37
<i>Глава 2. Желтый Предок</i>	48
<i>Глава 3. Чжоуский царь Му</i>	67
<i>Глава 4. Конфуций</i>	76
<i>Глава 5. Вопросы Испытующего</i>	88
<i>Глава 6. Сила и Судьба</i>	105
<i>Глава 7. Ян Чжу</i>	116
<i>Глава 8. О предвидении</i>	131

ЧЖУАНЦЫ *Перевод Л. Позднеевой*

<i>Глава 1. Странствия в беспредельном</i>	151
<i>Глава 2. О равенстве вещей</i>	156
<i>Глава 3. Главное для долголетия</i>	166
<i>Глава 4. Среди людей</i>	168
<i>Глава 5. Знак полноты свойств</i>	178
<i>Глава 6. Основной учитель</i>	184
<i>Глава 7. Достойный быть предком и царем</i>	195
<i>Глава 8. Перепонки между пальцами ног</i>	199
<i>Глава 9. У коня копыта</i>	202
<i>Глава 10. Взламывают сундуки</i>	205
<i>Глава 11. Предоставить [каждого] самому себе</i>	209
<i>Глава 12. Небо и земля</i>	217
<i>Глава 13. Путь природы</i>	229
<i>Глава 14. Вращается [ли] небо?</i>	237
<i>Глава 15. Полные суровых дум</i>	246
<i>Глава 16. Исправляющие характер</i>	249
<i>Глава 17. С осенними разливами</i>	251
<i>Глава 18. Высшее счастье</i>	261
<i>Глава 19. Понимающий [сущность] жизни</i>	266
<i>Глава 20. Дерево на горе</i>	274

<i>Глава 21. Тянь Постоянный</i>	282
<i>Глава 22. Знание странствовало на Севере</i>	291
<i>Глава 23. Гэнсан Чу</i>	300
<i>Глава 24. Сюй Отрицающий Душу</i>	309
<i>Глава 25. Подражающий Свету</i>	321
<i>Глава 26. Вещи вне [нас]</i>	330
<i>Глава 27. Притчи</i>	336
<i>Глава 28. Передача Поднебесной</i>	340
<i>Глава 29. Разбойник Чжи</i>	350
<i>Глава 30. Отучил фехтовать</i>	361
<i>Глава 31. Рыболов</i>	365
<i>Глава 32. Ле Защита Разбойников</i>	370
<i>Глава 33. Как управлять Поднебесной</i>	377

ПРИЛОЖЕНИЕ

<i>Д. Конисси. Философия Лаоси</i>	389
<i>Тао-те-кинг. Перевод Д. Конисси</i>	421
<i>Ле-цзы. Перевод С. Кучеры</i>	451
<i>Чжуан-цзы. Перевод С. Кучеры</i>	465
<i>Лю Гуань Юй. Даосская йога. Алхимия и бессмертие</i>	515

ДОПОЛНЕНИЕ

КИТАЙСКИЕ ПОВЕСТИ XVII ВЕКА

Перевод Д. Воскресенского

<i>Путь к заоблачным вратам</i>	675
<i>Заклятие даоса</i>	719
<i>Подметное письмо</i>	743
<i>Утаенный договор</i>	761
<i>Союз дракона и тигра</i>	781
<i>Возвращенная драгоценность</i>	822
<i>Опрометчивая шутка</i>	842